Михаил Лост

АРБИТРАЖ СМЕРТИ

фантастический роман

© Авторские права защищены

Оглавление:

АРБИТРАЖ СМЕРТИ..... 3
– 1 –..... 3
– 2 –..... 46
– 3 –..... 91
– 4 –..... 141
– 5 –..... 183
– 6 –..... 233
– 7 –..... 286
– 8 –..... 332
– 9 –..... 376
– 10 –..... 413
– 11 –..... 464
– 12 –..... 511
– 13 –..... 569
– 14 –..... 614

АРБИТРАЖ СМЕРТИ

Смерть уравнивает всех,
но очередность ее выбора далека от всеобщего равенства.

– 1 –

Панорама за внешним куполом выглядела поистине завораживающе. Мириады звезд таинственно мерцали в бескрайних просторах космоса. Большие и малые, они поодиночке и пригоршнями раскинулись по всему небосводу, ярко лучась, либо же тускло поблескивая в невообразимой дали. Некоторые сияли настоящими огнями гирлянд, от иных свет еле доходил, особенно на фоне более внушительных соседей. Желтые и белые карлики, голубые и красные гиганты в своем цветовом разнообразии особенно подчеркивали сходство с праздничными украшениями, приуроченными к какому-нибудь особенному дню. Среди них, вплетаясь во вселенское кружево, полыхали сверхновые, неизменно выделяясь на общем фоне интенсивностью испускаемых лучей. Срок их жизни, ничтожный по меркам звезды, был, однако, вполне достаточен для того, чтобы многочисленные наблюдатели успели насладиться их ослепительной гибелью. Особенно если она происходила рядом с изумительно прекрасными туманностями, напоминавшими тончайшие полупрозрачные вуали. Сотканные неким невообразимым могуществом, они причудливо стелились среди космических просторов, насыщая их широчайшим спектром оттенков. Да, звезды, несмотря на все свое великолепие, составляли куда меньшую часть красоты космического пейзажа в сравнении с пространственными изгибами несметных масс газа и пыли, рассредоточенных в пустоте. Даже спирали галактик уступали этим непостижимым покрывалам вселенной в художественной составляющей ее повседневного бытия. Хвосты комет и проносящиеся метеоры окончательно дополняли всю композицию, рожденную фантазией и волей самого совершенного творца. Все, кому было не чуждо искусство, приходили в неизменный восторг от созерцания необъятной дали и могли наслаждаться ей часами, порой стараясь запечатлеть увиденное всеми доступными способами. Только ни одно такое творение все же не шло в сравнение с оригиналом, и заменяло его лишь тогда, когда он по каким-либо причинам оказывался недоступен. Впрочем, находились и равнодушные к сверкающим просторам и их многогранному воплощению. Могло показаться невероятным, как столь дивное зрелище не трогает иные

сердца и не бередит чей-либо разум, однако это отнюдь не всегда объяснялось душевной черствостью. Порой находилось и вполне прозаическое объяснение отсутствию видимого интереса к удивительной картине. Наблюдавшие ее регулярно мало-помалу привыкали к тамошним красотам и начинали относиться к ним как к чему-то нечто само собой разумеющемуся, вроде пейзажа на стене или фарфоровой статуэтки на голокамине. Они скрашивают существование своей эстетикой, но ими уже не восхищаются при первом же взгляде в силу выработанной привычки и самой банальной обыденности. Собственно, именно поэтому человечество и продолжало осваивать космос, тысячелетие за тысячелетием постигая его тайны. Оно никогда не останавливалось на достигнутом и всегда желало большего, нежели уже имело. Дело тут было отнюдь не в жадности, хотя частенько встречалось и такое. Людской род, по возрасту сродни ребенку на фоне миллиардов лет мироздания, ребенку же и уподоблялся. Тому ребенку, что не в состоянии играть с одной игрушкой дольше нескольких дней и постоянно жаждет новых, даже если они похожи на предыдущие. Именно этот эффект новизны манил и манил лучших его представителей, заводя их все дальше в глубины бескрайней вселенной.

К означенным представителям, без всякой лести, в той или иной степени относились люди, обитавшие по внутреннюю сторону пресловутого купола. Они уже достаточно привыкли к красоте космической панорамы, чтобы интересоваться ей ежедневно. Лишь некоторые из них иногда окидывали ее задумчивым взором, особенно когда им действительно было о чем поразмыслить. Остальные же практически не обращали на небосвод никакого внимания, предаваясь разнообразному досугу. Никакого удивления их поведение не вызывало. Под куполом обыкновенно полагалось отдыхать, поскольку именно для этого все его внутреннее пространство и предназначалось.

Обзорный купол стоил поистине сумасшедших денег, учитывая масштабы конструкции, однако корпорация не скупилась на средства для своих наиболее ценных объектов и не менее ценных сотрудников. Толстый, в три десятка футов, он был не хуже самой настоящей брони, поскольку по факту броней и являлся, только выраженной в такой несколько нестандартной форме. Привычной альтернативой служили непроницаемые взору стальные колпаки, либо они же, но оснащенные составленными в единое целое проекционными экранами. В повседневной жизни обычно и применялось то или другое, однако в данном случае типичные решения не подходили, ибо ничто не сравнится с подлинно открытым пространством. Людям, вынужденным подолгу жить в искусственной

среде, прозрачный купол приносил несравнимо больший психологический комфорт, способствуя повышению качества отдыха. Корпорация же давно усвоила, что чем лучше сотрудники отдыхают, тем эффективнее они работают, в конечном счете к ее несомненной выгоде. Именно поэтому под огромной полусферой раскинулись площадки для разнообразного досуга, оранжереи, бассейны и прочие элементы расслабляющего времяпрепровождения. Оранжереи делились по типам предпочтений, вобрав в себя уникальную и весьма разнообразную флору, разнообразной формы бассейны включали уйму технических приспособлений, а площадки позволяли не только спокойно сидеть в облюбованном месте или предаваться веселью, но и развлекать себя спортивными играми. Зоны отдыха были выполнены в различных тематических стилях и те, кому основательно осточертели металл и пластик космической эры, вполне могли насладиться покоем среди деревянного антуража далекой древности. В таких конструкциях дерево было подлинным, как подлинным являлось и все остальное. Корпорация не скупилась даже в мелочах, окружая лучшие умы и руки максимальной заботой к вящей выгоде для собственных интересов. Блага, имевшиеся в распоряжении некоторых ее сотрудников, могли себе позволить только очень состоятельные граждане Третьей Галактической Республики, да и то не всегда. Здесь, под прозрачным куполом, стоившим дороже могучего звездного крейсера, царил настоящий рай, который уступал лишь избранным планетам, недоступным для большинства обывателей. И в этом раю, несмотря на открыто раскинувшуюся снаружи вселенную, его обитатели пребывали в полнейшей безопасности. Купол мог выдержать прямой обстрел из крупнокалиберных пушек, а за всеми потенциально опасными объектами, включая изредка прилетавшие метеоры, следила высококлассная аппаратура. Она неизменно встречала незваных гостей точными и дружными залпами многочисленных пушек, разнося цель на атомы. Для особых же случаев имелась боевая флотилия, не слишком большая, но вполне способная дать отпор практически всем кроме соединений правительственных войск. Арсенал представлялся весьма внушительным, но тому имелось вполне простое объяснение. Прозрачный купол входил в состав научно-производственного комплекса, расположенного на уединенном астероиде, неторопливо плывущем среди просторов вселенной. Этот комплекс являлся одним из самых секретных объектов корпорации, занимавшейся передовыми военными разработками разных категорий. Порой такими, в которые правительственные структуры она предпочитала не посвящать.

Белый король, чьи полированные бока отливали мягким блеском от подвешенных неподалеку светильников, беспомощно смотрел на внезапно подкравшегося к нему черного слона. Объявившись будто из ниоткуда, тот молниеносно смел несшую стражу пешку и нахально уставился на чужого монарха.

— Шах и мат! — усмехнулся русоволосый молодой человек без всякого намека на злорадство или оскорбительное торжество.

На вид ему можно было дать лет двадцать семь, двадцать восемь. Серые глаза выразительно смотрели с гладко выбритого лица. В их внимательном взгляде читался ум, а набегавшая порой легкая дымка придавала им несколько грустный и романтичный вид, хотя порождалась она отнюдь не приступами печали, а лишь глубокой задумчивостью.

— Да чтоб меня задом вперед через иллюминатор продернуло! — с досадой шлепнул себя по лбу солидный мужчина, чей живот придавал дополнительной устойчивости квадратному шахматному столику.

Проведя рукой по лицу, будто не веря в происходящее, он неторопливо огладил аккуратно подстриженные усы и короткую бородку, проанализировал положение и глубоко вздохнул. Толстый палец, выставленный вперед, толкнул своего незадачливого короля. Шахматная фигура нехотя покачнулась, будто не желая расставаться со своим местом, а потом с тихим стуком свалилась на доску в бело-черную клетку. Эта доска была выполнена из редчайшего актавианского мрамора, славившегося своей прочностью, красотой и уникальным рисунком прожилок. Фигуры же представляли собой практически ювелирный образчик изделий из слоновой кости. Натуральной, а не клонированной, насчитывающей целые тысячелетия от роду. Не уступал в великолепии и сам столик из черного дерева, инкрустированный белым золотом. Общая стоимость предмета интеллектуального досуга просто зашкаливала, а он стоял себе у края дощатой площадки возле живой изгороди и цветущих кустов жасмина, испускающих пьянящий аромат. Посетители, приходившие сюда сыграть партию-другую, не заостряли внимание на его материальной ценности, тем более что на собственное жалованье им сетовать не приходилось.

— Опять ты меня провел, Себастьян. А я уж думал, что раскусил твой замысел и основательно к нему подготовился, — добродушно проворчал крупный мужчина.

Названный этим именем уже потерял всякий интерес к состоявшейся партии и глядел в сторону прозрачного купола, вздымавшегося ввысь совсем неподалеку от жасминовых зарослей. В научно-производственном комплексе с поэтическим названием "Элегия"

оба игрока пребывали достаточно давно, чтобы привыкнуть к раскинувшейся за ним панораме. Тем не менее, таинственные глубины насыщенного красками космоса нет-нет, да и манили взор Себастьяна, пусть и не столь ради наслаждения прекрасным сколь стимулируя ход его размышлений. Пока иные плескались в бассейнах, нарезали круги по дорожкам пышной рощицы или веселились у барных стоек, он любил посидеть где-нибудь в одиночестве подле уютного фонарика, глядя в бескрайнее пространство под тихий шелест листвы и мерный гул набегавшего прибоя. Единственной, кому дозволялось беспокоить Себастьяна в такие минуты, была его подруга Аулина, с которой он подумывал вступить в брак, однако и та старалась лишний раз не беспокоить погруженного в свои думы молодого ученого. Прибой, кстати, был хоть и рукотворным, но выполненным весьма искусно. Порой, пока Себастьян невидящим взором глядел в далекие туманности, его избранница нежилась неподалеку в неторопливо набегавших волнах, оглаживавших пузырьками пены белый песок. Поймав обращенный на нее долгожданный взгляд, она грациозно поднималась, стряхивая налипшие песчинки, отжимала волосы и направлялась к нему, и оставшееся свободное время парочка проводила вдали от глаз.

— Извини, Сонмер, но я раскусил тебя гораздо раньше и загнал в заранее расставленную ловушку. Я ведь намеренно посеял в тебе предположение касательно моей грядущей стратегии и аккуратно его взрастил до состояния уверенности. Это не ты знал, как я собираюсь играть, а с точностью до наоборот, — улыбнулся молодой человек.

Оказывается, в такие минуты его обычно сосредоточенное лицо озарялось приятным светом, а в глазах вспыхивали лукавые искорки.

— Да кто бы сомневался! — махнул рукой крупный мужчина, сидевший по другую сторону шахматного стола. — Мне и белыми нечасто удается у тебя выиграть, а черными так и вовсе по пальцам пересчитать.

Его седеющие усы приподнялись и опустились, повинуясь выразительной мимике темнокожего лица. Себастьян усмехнулся. Говорить, что практически всем и без того редким победам Сонмер обязан рассеянности соперника, чем-то отвлеченного от партии, было бы нетактично. Кроме того, искусный техник, чего доброго, впадет в уныние и вовсе перестанет играть со своим более молодым товарищем. Их возраст разнился примерно вдвое, как разнилась и основная масса интересов, поэтому потерять часть из того немногого, что объединяло обоих окажется весьма некстати. Ведь

Себастьян тоже извлекал пользу из регулярных шахматных баталий, пусть и не такую, как старший друг. Он анализировал оппонента, превращая все его действия в элементы некоего алгоритма, которым молодой ученый с каждым разом все ловчее манипулировал. Всякий раз прослеживая цепочку рассуждений от зарождения мысли до ее финальной реализации во всем многообразии вариантов, Себастьян вносил коррективы в некую выстраиваемую им мозаику. Постепенно та становилась все полнее, хотя продолжала преподносить и сюрпризы, и экспериментатор радовался результатам своей кропотливой работы. Ведь анализ мышления напрямую относился к его работе в "Элегии". В то время как научный мир упорно пытался создать из алгоритмов мысль, совершенствуя их с бесплодным остервенением, он шел по другому пути. Поймешь, как рождается алгоритм, нащупаешь и таинственную искру сознания, до сих пор ускользавшую от всякого академического знания. Громадные корабли, несущиеся сквозь просторы бескрайнего космоса, были до отказа напичканы массой электроникой, но эта электроника, несмотря на все свои достоинства, не обладала подлинным разумом. В бортовых компьютерах жизни было не больше, чем в камне. Просто набор сложнейших алгоритмов на базе колоссальной вычислительной мощи — и ничего более. Они мастерски умели решать самые разнообразные задачи, от управления городскими комплексами до симуляции человека, но по факту являлись грудой неодушевленной материи и строчек программного кода. Составляя эдакие ментальные карты, Себастьян активно применял их на практике, стараясь нащупать точки соприкосновения физического и бесплотного; выискивая то, что порождало мыслительные волны и являлось их первопричиной. Ему было недостаточно совершенствовать искусственный интеллект — он мечтал создать искусственный разум, чего до сих пор, несмотря на все достижения человеческой цивилизации, не удавалось никому.

В корпорации, носившей несколько надменное название "Галактик текнолоджис", высоко ценили деятельность молодого ученого. Созданные им разработки ложились в основу производства новых процессоров, логических схем и поведенческих чипов. Собственно, именно поэтому Себастьян оказался на "Элегии", получая поистине царское жалованье. Он перебрался сюда вместе со всей семьей, не в силах отказаться не столько от денег, сколько от заманчивых научных перспектив и в первую очередь технических ресурсов, щедро предоставленных расчетливым руководством одной из самых влиятельных компаний Третьей Республики. Касательно особо одаренных служащих "Галактик текнолоджис" в за-

тратах не мелочилась. Семья молодого ученого была ей совершенно ни к чему, однако комфорт ценного сотрудника, равно как и его явное нежелание надолго расставаться с близкими, принимались во внимание самым непосредственным образом. Впрочем, одной благотворительностью дело все же не обходилось. Себастьян был не единственным ведущим специалистом, и для членов их семей в "Элегии" находилась какая-никакая работа. На вредном производстве никто не надрывался и тяжести не таскал, отчего большинство переселенцев охотно трудилось в не слишком обременительных условиях. Как правило, в сферах обслуживания или коммуникаций. Это позволяло иметь совершенно самостоятельный доход, весьма внушительный по меркам мира за пределами астероида, и получить в Гражданскую карточку полезную запись вкупе со стажем. Случись что с кормильцем семьи — и его родственники не останутся на улице без гроша, а посему львиная доля так называемых "иждивенцев" таковой все же не являлась, добросовестно выполняя свои должностные обязанности.

Исключение составляли люди вроде Сонмера. Формально тот переехал в "Элегию" вслед за своим средним сыном, выбранным корпорацией из множества других кандидатур. Одаренный отпрыск занял место одного из ведущих конструкторов, а его отец нашел работу по специальности на производстве, будучи вполне приличным техником. Там его довольно быстро заметила администрация. Сонмеру предложили пройти углубленный курс профподготовки и повышения квалификации. Темнокожий мужчина не стал отклонять такую возможность. Во-первых, он действительно любил работать, а не сидеть сложа руки; во-вторых, ему хотелось блеснуть перед сыном. В итоге корпорация в накладе не осталась. Качественный уровень "иждивенца" многократно вырос, в силу чего тот был определен на ответственную должность в экспериментальный комплекс. Там его рукам доверили дорогущие образцы и уникальные прототипы, поскольку Сонмер от рождения оказался действительно талантливым мастером. Что ж, "Галактик текнолоджис" в накладе не осталась, заполучив весьма полезного сотрудника практически в ту же цену.

Случай Сонмера был, разумеется, не единственным. Его уникальность заключалась совсем в другом. На второй год своей работы в "Элегии" он свел дружбу с одним электриком, также "иждивенцем" и вполне серьезным специалистом. Мужчины быстро сошлись на почве совместного досуга, а затем, наведываясь друг к другу в гости, перезнакомили и домочадцев. Тогда-то и зародилась дружба между Себастьяном и Мартином, средним сыном Сонмера, настоящим профи по части конструирования боевых турелей и

систем залпового огня. Ученый и инженер стали добрыми товарищами, а вслед за отцами и сыновьями в хорошие отношения вошли и обе семьи. Во всяком случае, значительная их часть. Вот и теперь техник, хоть и получал подлинное удовольствие от партии в шахматы, коротал время в ожидании отца Себастьяна, с которым собирался отправиться в боулинг, заодно освежившись солидной порцией эля. Что же касалось молодого ученого, то у него в планах была Аулина, но не одна, а в компании другой пары, состоявшей из Мартина и его молодой супруги Кимберли. Последняя пребывала на сносях, но это не мешало ей принимать участие в увеселительных прогулках, пусть она и воздерживалась от излишне активных мероприятий. К примеру, нырять со скалы с животом на седьмом месяце уж точно не стоило. В таких случаях Кимберли лежала рядом с подругой на шезлонге или плескалась на мелководье, в то время как их мужчины прыгали в бухточку, с каждым разом потихоньку поднимая высотную планку. В скачках она тоже участия не принимала, зато отказать себе в удовольствии потанцевать не могла. Танцы Себастьяна не впечатляли, но ради своих спутников он делал исключение, и компания частенько веселилась на какой-нибудь площадке вроде той, что была выполненной в стиле прибрежной гостиницы под открытым небом. Пальмы, искусно созданная береговая линия океана, сочетавшая достижение инженерной мысли и иллюзию, хижины и бар под соломенными крышами, теплый песок и веселая музыка — отчего не наслаждаться жизнью?

— О, а вон и старина Эл! — воскликнул Сонмер, кивая головой в сторону видневшейся неподалеку дорожки.

Молодой ученый встрепенулся. Оказывается, собеседник все это время о чем-то говорил, пока он вспоминал перипетии их знакомства. Повернув голову, Себастьян узрел неторопливо приближавшегося отца. Сухощавый и коренастый, тот обладал пышной, но черной шевелюрой — светлые волосы сыну достались от матери. Лицо электрика было немного красноватым, но это совсем не портило его пусть даже несколько грубоватые черты. Завидев отпрыска в компании своего закадычного приятеля, Элмер приветственно поднял руку.

Вскоре Себастьян остался один. Старшие мужчины, обменявшись крепким рукопожатием, сказали ему несколько приветливых слов, после чего удалились служить Беллоне и Бахусу. Молодой ученый проводил их прищуренным взглядом, в котором сквозила легкая усмешка, читавшаяся также и в чуть изогнутом уголке рта. Сам он не практиковал возлияний, да и спортивные состязания предпочитал совсем иного, более утонченного рода. Алкоголь

дурманил мозг, нарушал его работу и продуктивность, поэтому Себастьян делал исключение лишь для хорошего вина, и то в умеренных количествах. Боулинг его тоже не впечатлял. Эта игра не отталкивала, нет, — просто не представляла интереса, а времени в сутках всего двадцать пять часов, и употребить их следовало максимально эффективно, как на дело, так и на досуг. Отметив в уме кое-какие полезные новшества в ментальной карте шахматного оппонента, Себастьян вновь уставился невидящим взором в бездонную даль за прозрачным куполом. Ввиду своей специфики площадка для интеллектуальных игр отличалась тишиной. Сюда едва долетали смех и говор других отдыхающих, музыка и прочие звуки. До слуха в основном доносилось лишь щебетанье птиц, порхавших над живой изгородью, причем птиц самых настоящих, а не роботов, но оно его скорее ласкало, нежели тревожило. И тем паче помогало предаваться своим мыслям не хуже фантастических красот вселенной за пределами астероида. Впрочем, долго пребывать в одиночестве молодому ученому не пришлось. Звук быстрых пружинистых шагов, направлявшихся прямо к нему, возвестил о прибытии друга, закончившего смену.

— Ха! Я так и знал, что опять найду тебя здесь! — воскликнул хорошо знакомый голос.

Скосив взор, Себастьян узрел улыбающееся лицо Мартина.

Наступил вечер. Впрочем, если подразумевать движение некой звезды вокруг освещаемого ей объекта, вечер на астероиде никогда не наступал. Время суток было исключительно условным, отчего даже сами сутки обычно назывались термином "цикл". Когда-то, в далекой древности, человечество проживало на одной-единственной планете и за основу своей жизни приняло естественную смену дня и ночи в виде поступавшего света. Эту смену разделили на двадцать четыре часа, и все шло относительно неплохо, но ровно до тех пор, пока не началась экспансия в космос. А что прикажете делать колонистам, если их собственные планеты никак не укладывались в суточные стандарты прародителей? В попытке найти оптимальный выход из положения схлестнулись лучшие умы эпохи, а несколько ведущих университетов едва не перегрызлись насмерть. В итоге было выработано одно глобальное решение. В его фундамент легло научное исследование, доказавшее, что для естественной биологической активности человека в сутках требуется двадцать пять часов, а не двадцать четыре. Этот лишний час полностью устраняет дисбаланс между сном и бодрствованием, позволяя избавиться от тысячелетней проблемы "нехватки времени" и недосыпа. В назначенный день все космические станции и звездолеты одновременно перешли на новое ис-

числение, переведя стрелки и вооружившись модифицированными измерительными приборами. Случай с планетами, однако, по-прежнему оставался более сложным, но его решали с помощью часовых поясов, хотя если естественное освещение совсем уж плохо совпадало с единым временем, им дозволялось отклоняться от общепринятой нормы. Тогда абсолютно все часы на планете показывали двойное время: универсальное и локальное. Координацией же взаимодействия между прибывающими гражданами и местными жителями занимались специальные службы.

Себастьян вспомнил этот занятный исторический нюанс из-за слов Аулины. Та заключила, что они провели очередной чудесный вечер, и именно вечера ей нравятся больше всего. Особенно когда все четверо сначала отдыхают и веселятся вместе, а затем расходятся по своим уютным гнездышкам. В означенную четверку двадцатидевятилетняя девушка, разумеется, включала Мартина и Кимберли. Парочки расстались на выходе из купола, после чего удалились в пресловутые уютные уголки. Впрочем, гнездышками их можно было назвать лишь с очень большой натяжкой. Родным самых ценных специалистов выделялся семейный блок, но сам он, в свою очередь, напоминал небольшую улочку с центральной площадью для различных общих мероприятий. На улочку выходили двери отсеков всех домочадцев, проживающих собственными семьями. Ее обрамляли живые деревья и кусты, в фонтанчиках журчала настоящая вода, а на клумбах красовались чашечки настоящих цветов. Информационные табло соседствовали с вьющимся плющом; световые панели уступали место декоративным фонарям, будто сошедшим с картинок канувшей в лету эпохи. Разумеется, дизайн блока подбирался по вкусу его обитателей, однако мало кто выбирал литую строгость стекла и металла. Главные апартаменты, разумеется, отводились ключевой фигуре в "Элегии". Эти апартаменты отличались простором и обилием комнат, наполненных всем, чем только душа пожелает. В сравнении с утлыми клетушками многих обитателей колоний такое жилище казалось императорским дворцом, поэтому именовать его "гнездышком" было несколько опрометчиво. С другой стороны, когда речь идет о чувствах, к терминологии лучше не цепляться. В чувствах же у Аулины недостатка не наблюдалось. Себастьян, конечно, отвечал своей избраннице взаимностью, но выражал ее более сдержанно, в то время как девушка все активнее старалась раскрутить маховик их отношений. К этому ее подталкивало лицезрение Кимберли, беременной вторым ребенком, меж тем как Аулина и Себастьян пока еще не завели ни одного. А типичных препятствий к этому вроде как не имелось. Благодаря развитию технологий

проблема старения и критического порога для деторождения давно была решена, равно как и вопрос равновесия семьи и карьеры. В первом случае люди жили гораздо дольше, чем раньше, не отягощенные большинством побежденных болезней. Также все желающие заблаговременно сдавали свой генетический материал для последующего появления здорового потомства хоть в собственные сто лет. Во втором случае ухаживать за отпрысками помогали многочисленные технические устройства и целый штат роботизированной техники. Условия, созданные на "Элегии", позволяли совмещать семью и карьеру с максимальной отдачей для всех желающих. Аулина желала. Некоторые не чувствуют себя родителями, либо же откладывают вопрос появления наследников на далекое завтра, вне зависимости от материальных условий. Аулина мечтала завести малыша, которого с радостью будет воспитывать как полагается, ничуть не в ущерб работе и должностным обязанностям. Себастьян, в общем-то, тоже этого хотел, но в данный период жизни его больше занимали несколько другие вопросы.

— По-моему, Кимберли просто лучится счастьем, — заметила девушка, встряхивая своими длинными каштановыми волосами.

Суженый очень любил их гладить, когда она приникала к его груди, да и сама Аулина заслуженно гордилась своей природной шевелюрой. Сегодня, впрочем, он этого не делал. Похоже, его мысли витали где-то еще. Упрекнуть Себастьяна в том, что тот совсем Аулину не слушал, было невозможно — она исподтишка проверила жениха несколько раз и убедилась в его внимательности. Просто внимательность эта была какая-то не слишком искренняя, да и в целом молодой человек вел себя не совсем так, как обычно. Он постоянно на что-то отвлекался и чаще чем прежде смотрел куда-то невидящим взором.

— Да, Кимберли идет материнство, — кивнул Себастьян, сидевший в большом и глубоком кресле у голокамина.

Его название происходило от сочетания слов "голограмма" и "камин", наиболее точно характеризовавшее конечный результат. Внутри обширного устройства плясал невероятно правдоподобно имитированный огонь, распространявший подлинное тепло, а до слуха доносился задорный треск реально не существующих поленьев. Иллюзия была настолько полной, что от оригинала ее отличали лишь отсутствие дыма и невозможность пожара. Их заменяли легкий аромат сосновой смолы и голографические искорки, разлетавшиеся от пламени, но падавшие на ковер совершенно безвредно. Аулина, устроившись на коленях у жениха, неторопливо теребила его русые волосы.

— Я думаю, мне тоже пошло бы, — проворковала девушка.

— Ничуть не сомневаюсь, — улыбнулся Себастьян, не сводя глаз с завораживающего танца огня.
— Эй! Я не такого ответа ждала! — возмутилась Аулина.
— М-м… Разве я что-то не то сказал? — озадаченно осведомился молодой ученый, отрывая взор от пламенеющих языков и переводя его на невесту.
— Правильнее утверждать: чего ты НЕ сказал! — сердито фыркнула девушка.
Соскочив с коленей Себастьяна, она отошла в глубину роскошной спальни и с нарочитым вниманием занялась лежавшей на постели кошкой. Та немедленно вытянула лапы с коготками и, сладко жмурясь, принялась громко мурлыкать в такт почесывавшим ее пальцам. Заводить домашнюю живность на космических объектах было неслыханной привилегией, но для "Элегии" это считалось нормой. Аулина не то чтобы всерьез надулась на жениха, но ей было досадно, что тот совершенно игнорирует различные намеки, становившиеся все более прозрачными. Воспоминание о красивой и ничуть не испорченной беременностью креолке, с которой они расстались всего пару часов назад, распаляло ее и без того бушевавшие чувства. Своим округлившимся животом Кимберли действовала на Аулину прямо как катализатор. Да, Мартин был старше Себастьяна на пять лет, но разве это имеет значение?
— Я начинаю подозревать, что не так уж тебе и дорога, — сообщила девушка, которую основательно задело поведение молодого человека.
Тот не удосужился покинуть кресло и последовать за ней, а продолжал себе сидеть как ни в чем не бывало, хотя она всем своим видом демонстрировала неудовольствие.
— Иначе чем объяснить твое поведение? Ребенка ты хочешь только в браке, а сам брак постоянно откладываешь на неопределенный срок, не слишком-то удосуживаясь хотя бы придумать подходящий предлог, — сердито продолжила Аулина, еще более распаляясь из-за отсутствия какого-либо ответа.
Впрочем, ее последняя реплика наконец-то достигла цели. Себастьян, озадаченно почесав лоб, воззрился на избранницу с явным недоумением.
— Что это с тобой сегодня? — удивился он. — Сама же говорила, что мы провели чудесный вечер, а тут на тебе!
— Со мной? — переспросила девушка без всякого раздражения, заслышав искреннее непонимание в интонации любимого. — Вообще-то меня волнует что происходит с тобой! Последнюю неделю ты как сам не свой! Может, тебя подменили на клона? А мозги вышли не столь удачно, как внешность. Нейронные связи нару-

шились, что привело к нарушениям в моторике и некоторым отклонениям в поведении.
Из уст Аулины это прозвучало отнюдь не странно. Она работала в лаборатории нейросетей, создававшей бионические конечности, пусть и не на ученой должности. В ее обязанности входило тестирование образцов и ведение опытной базы данных.
— О чем ты? — поднял брови Себастьян. — Со мной все в порядке!
— Да неужели?! — картинно восхитилась девушка. — А кто сегодня получил мячом по лбу, потому что считал ворон прямо на теннисном корте? Не тот ли, кто свалился за борт, когда наша лодка пошла на вираж, из-за чего Мартин и Кимберли выиграли гонку? Вероятно, для тебя самое обычное дело спотыкаться о робота-официанта и лететь вверх тормашками в кусты, а ведь бедолага всего лишь привез заказанный тобой напиток, о котором ты начисто забыл!
Себастьян смущенно кашлянул. Порой он действительно бывал немного рассеян, но все же не до такой степени — тут Аулина совершенно права. В принципе, молодой ученый сообразил, чем именно были вызваны некоторые аномалии в его поведении, но сознаваться в этом не желал. Одно из немногих, с чем отказывалась мириться невеста — это когда жених ставил приоритет своей работы выше, чем ее. А именно так девушка все и истолкует, если узнает, что в последние две недели Себастьян близок к реализации своего давнего замысла и теперь только о нем и думает. Ведь для продуктивной деятельности ученому не обязательно круглосуточно торчать в своих лабораториях. Чтобы прорабатывать различные нюансы идеи ему порой достаточно тишины и покоя вдали от всякого оборудования. Перед его внутренним взором вставали колонки цифр и сложные схемы, а весьма развитое воображение моделировало визуальный результат не хуже компьютера. Иными словами, хорошенько поразмыслив на досуге, Себастьян прибегал на рабочее место и с энтузиазмом принимался проверять свои соображения на практике. Судя по результатам, он сейчас был очень близок к поставленной цели, и осталось лишь уловить все еще ускользавшие от него детали. Детали, до сих пор не позволявшие собрать все концы в единое целое. Объяснять это Аулине у Себастьяна не было ни малейшего желания. Девушка наверняка воспримет такое признание в штыки и надолго обидится. Мол, пренебрег мной один раз в пользу работы, значит, будет пренебрегать и всю жизнь. Молодой человек не любил врать, особенно невесте, поэтому почувствовал себя в роли подлеца, когда принялся вешать ей лапшу на уши. Мол, он последние дни много размышляет о буду-

щем — об их совместном будущем. Беспокоится о том, насколько готов он стать мужем и отцом, справится ли с взятыми на себя обязательствами и какие шаги ему следует предпринять в этом направлении, чтобы обрести уверенность в завтрашнем дне и благополучии любимой.

— Когда мы сыграем свадьбу, мне будет особенно приятно сознавать, что ты окажешься защищена. Договор, заключенный мной с "Галактик текнолоджис", гарантирует тебе внушительную пенсию и приличный статус, если меня постигнет какая-нибудь беда, — проникновенно произнес Себастьян, ввернув эти слова помимо прочего.

Тут он ничуть не лукавил. Существующая в корпорации практика полностью соответствовала его желаниям касательно Аулины. Девушка немедленно растаяла. Порхнув к жениху, она вернулась на покинутое было место на его коленях, и оставшееся время парочка провела ничуть не хуже, чем прежде.

К себе домой Аулина пришла только к двум часам ночи нового цикла. В коридорах и переходах встречалась лишь дежурная смена да вездесущие роботы всех мастей. Машиновидные и человекообразные, они трудолюбиво исполняли свои обязанности, внося непрерывный и весомый вклад в круглосуточное функционирование "Элегии". Девушка обитала довольно далеко от семейного блока Себастьяна, поэтому воспользовалась транспортировочной капсулой. Капсула, рассчитанная на шестерых, в столь поздний час оказалась совершенно пуста. Указав точку прибытия, девушка пронеслась через многочисленные сектора "Элегии" и буквально через пару минут транспорт прибыл куда требовалось. Выйдя из его овального салона, Аулина прошла не более пары сотен ярдов, после чего свернула в хорошо знакомый тупичок, куда въехала около года назад.

Жилой блок Аулины значительно уступал хоромам Себастьяна ввиду их разного статуса в глазах корпорации. Тем не менее, в нем было вполне уютно и ничуть не тесно. Собственная секция девушку вполне устраивала, но, видимо, не сейчас, ибо войдя в свою зону, она проследовала мимо нее и направилась к соседней двери. Выходившая в тот же коридор, озаренный умеренным ночным светом, та практически бесшумно открылась, едва Аулина провела мимо контрольной панели своей ладонью. Искусственный интеллект, вооруженный мощными датчиками и сенсорами, за это короткое движение успел идентифицировать посетительницу по целой уйме уникальных параметров, усвоить ее желание, а также проверить, совпадает ли оно с желаниями хозяина жилища. Выяснилось, что совпадает. Пройдя внутрь, Аулина направилась пря-

миком в комнату развлечений, откуда лился свет и доносились весьма характерные звуки. Зайдя туда, она обнаружила предмет своих поисков точно в том положении, в котором и предполагала.

В изогнутом кресле, смахивавшем одно из тех, что устанавливают в медицинских отсеках, находился мужчина лет тридцати восьми. На его голову до самого носа было натянуто сферообразное устройство. По нему то и дело пробегали цепочки огоньков, также вспыхивавших в самых разных местах разноцветными искорками. В промежутках между слоистыми пластинами мерцали дорожки мудреных схем. Металлический сплав, на деле представлявший собой высокотехнологичную структуру из несметного количества компонентов, переливался многочисленными отблесками. Руки мужчины до самых запястий были погружены в некие конструкции, напоминавшие лежащие на боку бидоны. Эти бидоны располагались на концах подлокотников кресла и были до краев наполнены густым и вязким веществом, которое, несмотря на наклон, никуда не вытекало. На ногах красовалась специфическая обувь, похожая на электромеханические сапоги с иллюминацией. Особо внимательный взгляд мог бы уловить некоторую взаимосвязь между игрой огней этих башмаков и вспышками в определенных областях приспособления на голове. Грудь и пояс лежавшего были перехвачены широкими лентами, не имевшими иного предназначения кроме как удерживать положение тела. Вот выдающийся живот мужчины не прикрывало ничего кроме полурасстегнутого комбинезона, равно как и нижнюю часть лица, где курчавилась черная бородка. Кресло стояло совершенно неподвижно, но его владелец то и дело ерзал, будто находился в непрерывном движении или подсознательно старался компенсировать оное. Порой его рот открывался и оттуда, помимо нечленораздельных звуков, сыпались замысловатые ругательства, соответствующие уровню эмоционального состояния. Комната, в центре которой располагалось означенное кресло, была погружена в полумрак. В основном ее освещали информационные табло, где отображались различные данные о происходящем и статусе задействованного оборудования. Стены, пол и потолок испускали едва заметное свечение, поскольку участвовали в процессе, генерируя волны строго заданной частоты. На человека вне кресла они никак не влияли, ибо работали исключительно в единой упряжке с остальной системой.

Аулина усмехнулась. До боли знакомая картина вызывала у нее снисходительное сожаление. Растрачивать свою жизнь на такие забавы, когда в твоем распоряжении все чудеса "Элегии" — это было вне ее понимания. Ведь кресло было эпицентром комна-

ты виртуальных развлечений, считавшейся одной из самых совершенных в республике. Не удивительно, если в иллюзорных мирах находили утешение малообеспеченные слои населения. Такое времяпрепровождение вообще было довольно широко распространено, позволяя многим гражданам довольствоваться малым за невозможностью иметь большее. Каждый мог прогуляться по дремучим лесам, поохотиться на гигантских рептилий или поплавать в голубом океане. Любой желающий получал возможность почувствовать себя владельцем целой планеты и даже галактики, командовать звездным флотом либо же наземной армией. А можно было просто вспорхнуть над землей и нестись в вышине промеж облаков, соревнуясь со стаей быстрокрылых птиц. Нет, Аулина могла понять виртуальные приключения с точки зрения каких-то определенных игр или путешествий. Технология в целом ее ничуть не отталкивала. Девушка и сама, порой, баловалась подобными вещами, но относилась к ним как к непродолжительной забаве, уж точно не заменяющей реальность. Зачем ей нужна иллюзия присутствия на пляже, пусть даже самая совершенная, когда она может отправиться туда по-настоящему? И по-настоящему покататься на лодке, а затем отправиться на теннисный корт, миновав рощу с порхающими в ней бабочками. Как можно променять натуральные удовольствия, щедро предоставляемые "Элегией", на какой-то суррогат?! А ведь пока полмира их лишены и довольствуются компьютерной симуляцией, некоторые имеют наглость пренебрегать такими дарами, разменивая свою жизнь на цифру. Увы, к ним как раз и относился Гарольд, старший брат Аулины. Это именно его пригласила "Галактик текнолоджис", а он прихватил с собой младшую сестру и, уже по ее настоянию, их немногочисленных родственников. Именно по настоянию, поскольку Аулина была единственной к кому Гарольд испытывал искреннюю привязанность. Двери его секции всегда открывались перед девушкой в любой час, в то время как всем остальным вход туда был заказан. Он же добился, чтобы корпорация подписала с Аулиной отдельный контракт и сестра не числилась иждивенцем. В "Галактик текнолоджис" не стали отказывать мастеру вычислительных систем, а проще говоря, создателю программных инструментов по взлому компьютеров и сетей вероятного противника. Собственный потенциал Аулины корпорацию вполне устраивал, просто на то место, которое ей в итоге досталось, был огромный конкурс. Что ж, все данные руководству соблазнительные обещания Гарольд выполнил, после чего "Галактик текнолоджис" сделала ответный реверанс и причислила Аулину к полноправным жителям "Элегии". Девушка считала, что вытащила свой счастливый билет, особенно

когда случай свел ее с молодым ученым по имени Себастьян и они довольно быстро стали близки.

Кресло заметно завибрировало. Видимо, бородатый мужчина кубарем катился под уклон, либо же загремел в знатную аварию на аэроскутере или на чем там еще он летал. Впрочем, это могло быть и столкновение космических кораблей. В управлении истребителем, пусть и виртуальным, Гарольд был настоящим профи. Если ему случалось проиграть кому-нибудь из сетевых оппонентов, он мог неделю ходить мрачный как туча, зато когда хорошенько отыгрывался, то прямо-таки расцветал.

— Эй, братец, дело есть! — сообщила Аулина, прыснув в кулак, когда бородатый пузан, заскрежетав зубами, изрыгнул прочувственную бранную тираду.

Видать, игра у него и впрямь не ладилась. Слова девушки прозвучали не абы куда, а в специальный коммуникатор, поднявшийся из пола при ее приближении к креслу. Так работала система защиты. Погруженного в виртуальную реальность нельзя было грубо тревожить, чтобы его, увлеченного иллюзией, чего доброго инфаркт не хватил. Система транслировала голос Аулины находившемуся в кресле человеку, сопровождая его сигнальной индикацией. В поле зрения игрока появилось окно с изображением девушки и пометкой где она находится. Многочисленные огоньки на сферическом шлеме и прочих элементах конструкции тут же угасли. Кресло перестало вибрировать, комнатные панели потухли, а под потолком зажегся свет. Тихо щелкнула электромеханическая обувь. Зажимы разомкнулись, и то, что пару секунд назад смахивало на сапоги, распалось на составляющие и уехало в основание кресла. Расстегнулись и широкие ленты, змеями уползая в свои гнезда. Вытянув руки из вязкой массы бидонов, то бишь контактной бионики, вступавшей в полное осязательное единение с руками, бородатый мужчина приподнялся на кресле. Сняв шлем, тут же сложившийся на манер "сапог" и утянутый хитроумной конструкцией в специальное пространство над изголовьем, он воззрился на Аулину.

— Привет, сестричка, — приветливо изрек Гарольд, хотя вторжение родственницы застало его в самый разгар весьма напряженной сцены. — Выкладывай, зачем пожаловала.

— Нужна твоя профессиональная помощь, — лукаво прищурилась девушка.

— Даже так? — приподнял бровь старший брат.

Характерно щелкнув пальцами, он вызвал маленького дрона-официанта, похожего на металлический шарик с подносом на макушке. Тот молниеносно принес ему большой стакан освежающего

напитка. Хорошенько промочив горло адской смесью всяких химикатов — даже здесь Гарольд умудрялся игнорировать натуральное, несмотря на все изобилие "Элегии", — он осведомился, какую именно пакость задумала Аулина. Взломать систему планетарной безопасности и учинить хаос на орбите? Обрушить биржу? Столкнуть звездолеты или, хотя бы, устроить катастрофу надоевшему боссу?

— Да ну тебя! — фыркнула девушка, прекрасно зная, что братец хоть и шутит, но ради нее вполне способен провернуть и такое. — Все куда прозаичнее. Я хочу знать чем занимается Себастьян.

— А что? Ты считаешь, он тебе изменяет?! — немедленно изменился в лице бородач.

Когда младшая сестра начала встречаться с молодым ученым, он первое время реагировал на их отношения не слишком одобрительно, подозревая Себастьяна во всех смертных грехах. Так уж проявляется у некоторых любовь к ближнему: они стремятся во всем их опекать, подчас навязывая свое собственное видение мира. Лишь уяснив, что избранник Аулины вроде как вполне порядочный человек и весьма перспективная кандидатура для создания семьи, а сестра с ним счастлива, Гарольд успокоился и предоставил парочку самой себе. Теперь же его подозрения всколыхнулись вновь, и девушка даже со смеху покатилась, наблюдая столь разительную перемену в его поведении.

— Хочешь, чтобы я установил за ним слежку? Легко! — с жаром выпалил брат, явно собираясь добраться до своего любимого терминала.

— Нет! Ты меня неправильно понял! — воскликнула Аулина, удерживая его за локоть. — В честности Себастьяна я ни секунды не сомневаюсь. Я другое имела в виду. Я хочу знать над чем он сейчас работает.

— А-а, — несколько разочарованно протянул Гарольд. — Зачем тебе это? — добавил он после непродолжительной паузы. — Можешь не отвечать, если не хочешь, просто не возьму в толк.

— Последнее время он немного странно себя ведет. Ничего особенного, просто я за него волнуюсь, нет ли у него каких-нибудь неприятностей, — пояснила девушка. — Обыкновенно он мне не лжет, но именно из-за этого рассказывает далеко не все, особенно по части своей работы.

— Что ж, ладно. Попробую удовлетворить твое любопытство, — кивнул брат.

Поставив пустой стакан на поднос тут же улетевшего дрона, он соскочил с кресла и направился в комнату с терминалом. Туда Аулина с ним не пошла, хотя Гарольд, не теряя времени, немедленно

решил приступить к поставленной задаче. Зачем стоять над душой, тем паче, что это не минутное дело. Тепло попрощавшись с братом, девушка покинула его секцию и отправилась в свою. Уютная постель манила изрядно уставшее за минувший цикл тело.
— Ты же не думал, будто я поверю в твои отговорки, любимый? — с усмешкой пробормотала Аулина, опуская голову на подушку.
Речи жениха пришлись ей по сердцу, однако девушке очень захотелось узнать что он старался за ними скрыть. Совесть ее не мучила. Если Себастьян водил невесту за нос, воображая, что может вешать ей лапшу на уши, то она имеет полное право отплатить ему той же монетой.

Аулина еще и заснуть не успела, а Гарольд уже вовсю погружался в дебри компьютерных кодов. Его пальцы порхали над голографическим интерфейсом с невероятным проворством. Информация на экран мягко светившегося терминала поступала с предельной скоростью, которую был способен воспринимать мозг специалиста по взлому. На голове Гарольда красовалось похожее на обруч приспособление. Это было портативное устройство виртуального пространства. Его возможности даже приблизительно не соответствовали доступным в том особом кресле, но они в данном случае и не требовались. Обруч дополнял голографический интерфейс массой полезных функций и Гарольд выжимал из своего рабочего места предельный максимум. Практически существуя сейчас в эдакой дополненной реальности, он прямо-таки плыл в царстве цифр и потоков информации, одновременно оперируя как пальцами, так и силой мысли.

* * *

С привычным шелестом дверь в лабораторию отворилась, разъехавшись по диагонали надвое. В это время цикла сектор научного подразделения, где работал Себастьян, был довольно безлюден, а в его блоке так и вовсе не оказалось ни души. Молодой ученый прискакал в свою вотчину спозаранку, благо что Аулина не осталась ночевать, отправившись к себе домой. Мозг, озадаченный захватившей его задачей, не отпускал ее даже во сне. Открыв глаза, Себастьян похлопал ресницами, соображая, что ему привиделось. Затем одеяло полетело в одну сторону, а сам он соскочил в другую. Идея, пришедшая в сновидении, требовала немедленной проверки. Наскоро приведя себя в порядок, молодой ученый пулей вылетел из своего жилища и вскоре, пользуясь индивидуальной транспортной капсулой, очутился на рабочем месте.

Никто Себастьяну не препятствовал. Уровень доступа и ста-

тус в "Элегии" позволяли ему разгуливать практически где и когда угодно, так чего уж говорить про собственные лаборатории. Люди в форме никогда его не останавливали, либо зная в лицо, либо доверяя вездесущему электронному глазу центрального компьютера, не подававшего никаких тревожных сигналов. А ведь охрана на постах дежурила отнюдь не для галочки. Научно-производственный комплекс на астероиде был для корпорации слишком ценен, чтобы она пренебрегала его безопасностью. "Элегию" стерегли до зубов вооруженные вояки, готовые отразить вторжение любого десанта. По закону лишь правительство Третьей Республики имело право содержать армию, но услугами военизированных наемников пользовались все мало-мальски состоятельные структуры. Что же касалось "Галактик текнолоджис", то она создала собственную группировку солдат удачи и вооружила ее не хуже государственных элитных подразделений. Причем злые языки поговаривали, что даже и лучше. Формально эта группировка являлась самостоятельным образованием, но по факту работала только на одну корпорацию и ей же негласно подчинялась. Внутри "Элегии" силы службы безопасности вооруженными до зубов не ходили, чтобы почем зря не травмировать психику гражданского населения. Они носили подчеркнуто простую униформу и амуницию, позволяющую обезвредить правонарушителя, но не вести серьезный бой. Полная боевая экипировка полагалась только в случае внешней угрозы, если таковая вдруг последует, что было вполне вероятно, учитывая конкуренцию и многочисленных недоброжелателей. Астероид всегда караулила дежурная смена, готовая в любой момент пустить оружие в ход. В гражданские же секции боевые отряды не заходили. Правда, на входе в научный комплекс все же стояло несколько солдат одетых как на войну, да еще в компании армейских роботов, зато внутри рассредоточились на постах внешне вполне миролюбивые и даже улыбающиеся люди. Ведь им строго-настрого было приказано не отвлекать сотрудников от работы и соблюдать по отношению к ним максимальную приветливость. Зачем же они там вообще находились? Да на всякий случай. Шпионов, диверсантов и просто слетевших с катушек граждан никто не отменял, а служба безопасности была обязана незамедлительно пресечь любую угрозу интересам корпорации.

Внутри личной лаборатории Себастьяна охранников не было. Дальше коридоров и общественных мест те не совались, что молодого ученого, желавшего поработать в одиночестве, очень даже устраивало. Заперев дверь и включив индикатор "не беспокоить" он первым делом подошел к терминалу материального снабжения и сделал несколько срочных заказов. Затем, пока не прибыли не-

обходимые ему предметы, принялся готовить оборудование, настраивая его для грядущей задачи. Долго ждать Себастьяну не пришлось. Не прошло и получаса, как через канал снабжения в лабораторию ввалился грузовой робот, доставивший несколько небольших контейнеров. Правильнее сказать, малая роботизированная платформа с крытым верхом и встроенным в переднюю часть водителем, координировавшим свои действия с управляющим компьютером. Оставив свою ношу там, где указал ученый, робот изрек церемонное приветствие и удалился через тот же технический шлюз, через который явился. Вскрыв ящики, Себастьян окинул взором их содержимое и удовлетворенно хмыкнул. Где-нибудь на среднестатистической планете исполнение его заказа заняло бы несколько дней, причем не факт, что тамошняя промышленность вообще справилась бы с задачей. "Элегия" обеспечила нужды Себастьяна в считанные минуты. Он уже не удивлялся, насколько быстро здесь изготавливали сложнейшие компоненты, включая бионические материалы и нейроузлы. Ему лишь требовалось составить точное задание, чтобы цех экспериментального синтеза выдал ему все необходимое. Дрожа от нетерпения, Себастьян разложил прибывшие компоненты где полагалось, после чего принялся составлять программу для искусственного интеллекта. Без последнего было никуда. Он управлял всеми роботами лаборатории, включая роботов-сборщиков. Человеческим рукам просто не под силу соединить два нейроинтерфейса между собой, увязывая части электронного мозга в единое целое. Апеллируя к прошлому, это походило бы на попытку вырубить каменным топором процессор на силиконовой основе. Требуемая точность находилась на атомарном уровне, и тут без высокотехнологичных систем не обойтись. Однако искусственный интеллект был не в состоянии придумать то, что созрело в голове Себастьяна. Компьютер оставался в роли бесценного помощника, но не творца.

Закончив программировать, молодой ученый аж трижды проверил результат, чтобы убедиться в отсутствии малейшей ошибки. Кажется, все и впрямь было готово. Тогда он активировал секретную подпрограмму, откликавшуюся только на его личное присутствие. Кодом разблокировки служило собственное тело Себастьяна вкупе со знанием контрольных точек активации. Хранилище лаборатории ожило. Одна из его наиболее защищенных ячеек распахнулась и в центр сборочной площадки парящие дроиды доставили небольшую конструкцию. По форме она напоминала бутон розы с плотно сжатыми лепестками фута три в диаметре и четыре в высоту, покоившийся на круглой платформе, оснащенной простым антигравом. Лепестки, немного скрученные от осно-

вания к вершине по часовой стрелке, отливали сиреневым и казались цельными, хотя на самом деле их испещряли миллионы мельчайших прожилок сложнейшей электронно-органической структуры. Платформа и вовсе ничем не выделялась кроме матово-серого металла довольно внушительного основания с пол-ярда сверху донизу. И все же, несмотря на свой бесхитростный вид, это и было то самое детище Себастьяна, над которым он работал практически с самого своего появления в "Элегии" и которое занимало все его мысли последние две недели. Невольно приложив руку к лепесткам, молодой ученый погладил их будто кошку. Затем отошел к контрольной панели и запустил процесс, только и ждавший его команды.

Механизмы лаборатории пришли в движение. Бутон немедленно окружила тьма роботизированной техники всех мастей и калибров. Одни сновали в воздухе, другие как по мановению волшебной палочки вылезли из пола, третьи спустились с потолка. Были здесь и летающие устройства от крошечных малюток сродни мелким насекомым до их более внушительных собратьев величиной с арбуз. Малыши клубились настоящим роем, то обволакивая Бутон, то вдруг шарахаясь прочь. По нему то и дело перемещались слаженные образования, выполнявшие на лепестках целевой конструкции какие-то свои задачи, а то и вовсе скрываясь где-то между ними. "Арбузы" неспешно парили вокруг, периодически выстреливая куда следовало волновыми импульсами и поддерживая по периметру заданной частоты поле. Львиную долю их излучений человеческий глаз не видел, зато информационные панели, развешанные по всей лаборатории, демонстрировали интенсивность волн очень даже наглядно. Вся эта летающая братия ничуть не мешала механическим рукам, растущим как из пола, так и с потолка. Порой казалось, что столкновение роботов неизбежно, но те всякий раз умудрялись действовать бесперебойно, лавируя друг относительно друга с ловкостью заправского фокусника. Механические руки устанавливали и придерживали части конструкции, в то время как гибкие тросы, напоминавшие щупальца спрута, вились подле и выстреливали короткими световыми вспышками, смахивавшими на сварку. Стоило механическим рукам приладить один нейроузел к другому, как его тут же облепляла стайка "комаров", а щупальца искрили, обеспечивая точное атомарное соединение. Их веселую компанию щедро разбавляли паучьи лапы, увенчанные небольшими конусами. Из этих конусов, расположившихся по внешнему кругу, то и дело ударяли разноцветные лучи, направленные в ту или иную точку Бутона. Кроме того, они регулярно бомбардировали детище Себастьяна элементарными ча-

стицами, и при этом кружили такой хоровод, что в глазах рябило. А меж тем от пола до потолка образовался поток мощного электромагнитного излучения, куда живому человеку лучше было не соваться. Элементарных частиц там хватало в избытке, а напряженность различных полей прямо-таки зашкаливала. Роботы добросовестно и флегматично исполняли свои обязанности, однако глядеть на них со стороны было очень даже занимательно. Вспышки, искры, потрескивания и гудение создавали ту еще иллюминацию со спецэффектами, способную конкурировать с праздничной. Не хватало разве что музыки, но последней Себастьяну служили звуки слаженной работы лабораторной техники.

Несмотря на сложнейшие процессы, происходившие вокруг Бутона, суть в целом была проста. Сперва роботы открыли лепестки, развернувшиеся по спирали, и извлекли из недр конструкции фрагменты ее содержимого. Затем установили туда заказанные ученым компоненты и интегрировали их в общую структуру. После этого часть других элементов была размещена в корпусе платформы, а часть фактически ассимилирована с лепестками, причем некоторые их них оказались полностью заменены. Пересобрав таким образом Бутон подобно конструктору, одни группы роботов успокоились, в то время как другие усилили интенсивность облучения на порядок. Казалось, Бутон прямо-таки поджаривают в таком потоке различных частиц и пересечении множества полей, что конечной целью эксперимента могло быть разве что жаркое из высоких технологий.

Иллюминация внезапно исчезла, гудение и потрескивания прекратились. На контрасте шума, только что издаваемого оборудованием, в лаборатории стало тихо как в могиле. У Себастьяна даже зазвенело в ушах. Стайки "комаров" рассеялись, "арбузы" чинно проследовали в открывшиеся парковочные гнезда, а руки и щупальца втянулись в пол и потолок, где бесследно исчезли. В центре сборочной площадки остался лишь Бутон, по-прежнему отливавший сиренью лепестков и серым металлом основания. Себастьян, преисполненный великих надежд, собственноручно оттащил плод своих трудов к испытательному стенду, где облепил уймой датчиков и принялся считывать показания приборов, подключив к этому делу и искусственный интеллект. С момента начала эксперимента он начисто потерял счет времени, а теперь потерял и себя, не способный думать ни о чем кроме своего детища. Внешний мир перестал для него существовать, поэтому ученый не замечал ни вызовов по интеркому, ни сигналов надрывавшейся личной связи.

Научный комплекс Себастьян покидал мрачный дальше не-

куда. Эксперимент не просто не удался — его результат был еще хуже, чем прежде. Дурацкая консервная банка демонстрировала настолько слабые показатели, что по части развития ее обошел бы даже торговый автомат, установленный в зоне отдыха. Похоже, идея, последнее время довлевшая над ученым, оказалась полностью провальной. Глянув на часы, Себастьян раздраженно констатировал, что проторчал в лаборатории две трети суточного цикла. Он страшно устал, но вместо того, чтобы отправиться домой и лечь спать, поехал прямиком под гигантский купол и устроился у дерева на краю рощи близи от береговой линии. Оттуда Себастьян принялся смотреть на волны, подсвеченные звездами и туманностями раскинувшейся над ними вселенной. Так он провел несколько часов и лишь потом наконец-то отправился в свой жилой блок.

Аулина всенепременно закатила бы суженому скандал за исчезновение более чем на сутки, приключись такое впервые. Однако Себастьян и прежде, по уши занятый работой, не являлся домой вовремя и частенько не отвечал на вызовы. Впрочем, на этот раз он явно перестарался, игнорируя все внешние контакты, поэтому ожидал вполне справедливой бури. К его удивлению ничего подобного не последовало. Аулина была с ним невероятно приветлива и даже ласкова, хотя по всем законам логики следовало ожидать обратного. Она окружила удрученного Себастьяна такой заботой, что тот, в конце концов, не выдержал и поблагодарил ее за поддержку. У него, мол, выдался плохой день, вся работа ни к черту, а Аулина ему сейчас как бальзам на душу. Девушка — олицетворенное понимание, — выразила Себастьяну живейшую симпатию и ни в чем не упрекнула. Молодой человек, прямо-таки очарованный ее удивительной покладистостью, даже подзабыл о своих невзгодах и теперь боялся лишь того, что невеста, пользуясь его минутной слабостью, начнет выпытывать всякие детали. Однако этого не произошло. Себастьян даже подивился на тактичность Аулины. Ему, разумеется, и в голову не пришло, что девушке нет смысла устраивать сцены и пускать в ход полный набор пыточных инструментов, случись они под рукой. Ведь Аулина рассчитывала удовлетворить свое любопытство совсем из другого источника.

Несколько дней Себастьян вел себя как образцовый жених. Он уделял подруге самое искреннее внимание, на которое только был способен. Он стал приветлив, не рассеян и очень мил. Молодой человек поддерживал все начинания Аулины и сопровождал ее везде, где та пожелает. Казалось, он наконец-то окончательно сместил приоритет работы ниже невесты и готов сделать решающий шаг к важной вехе своей жизни. Вероятно, так думали даже

Мартин и Кимберли, заметив, что Себастьян перестал пропадать в своих лабораториях и несравнимо больше времени проводит с Аулиной и с ними. Что же касалось самой Аулины, то та подозревала жениха совсем в другой мотивации, хоть не показывала и виду. И она была права. Во всяком случае, частично. Молодой ученый совершенно искренне искал ее общества и общества друзей, но в основном потому, что не желал видеть свое рабочее место. График посещения у Себастьяна был свободным, поэтому он мог приходить и уходить когда пожелает, а то и вовсе не появляться в служебном блоке. Различные указания можно раздавать и удаленно, а если поведение ученого не вступает в конфликт с интересами корпорации, последняя не станет мешать ему проводить суточный цикл по своему усмотрению. В результате Себастьян появлялся в научном комплексе часа на три-четыре, да и то не всегда, а в личную лабораторию и вовсе заходил очень ненадолго. Вся эта навороченная техника раздражала и угнетала его просто до крайности. Фактически, ученый впал в депрессию, от которой и спасался в обществе невесты и друзей, и ему было от чего. Еще бы — к его услугам один из самых совершенных научно-технических объектов, а он, ничтожество, не способен выжать из своих жалких мозгов достойной его задачи!

Аулина, чувствуя душевные терзания жениха, окончательно сменила гнев на милость, как минимум до тех пор, пока не выведет любимого на чистую воду. А то и вовсе никогда, если тот и дальше продолжит вести себя так, как сейчас. Девушка не скупилась на ласку и регулярно оставалась у Себастьяна ночевать, заглядывая к себе домой постольку поскольку. Под влиянием ее речей и теплых объятий молодой ученый и впрямь начал подумывать, что его работа — это еще не самое главное на свете. Он вполне может эффективно выполнять свои должностные обязанности, быть ведущим специалистом в "Элегии" и при этом, не зацикливаясь на всяких сумасбродных идеях, стать хорошим мужем и отцом. Последний эксперимент его очень болезненно разочаровал, и чем испытывать это разочарование вновь, лучше уж забраться в плазменную печь, где уничтожались опасные биологические субстанции. А лучший способ избежать очередного краха всех надежд — это прекратить забивать себе голову всякими дурацкими иллюзиями, воображая себя умнее других, и остепениться.

На восьмой день Себастьян вновь ненадолго заглянул в свою вотчину, чтобы запустить кое-какие процессы. Поколдовав над управляющим терминалом, он считал показатели компьютерных систем, проверил состояние ведущихся в блоке работ и уже на-

правился к выходу, как вдруг позади него послышался тихий шелестящий звук. Это был хорошо знакомый звук малого антиграва, работающего на умеренной мощности. Большие-то гудели куда внушительнее, особенно под увесистым грузом. Несказанно удивленный, Себастьян резко обернулся. Что это еще такое без спроса летает в его лаборатории? Неужели он допустил ошибку в программировании оборудования или логические схемы какого-нибудь робота вышли из строя? Взгляд Себастьяна недолго искал шумящий объект. В трех ярдах позади молодого ученого в нескольких дюймах от пола парила хорошо знакомая платформа из матово-серого металла, на которой располагался сиреневый бутон. Сейчас этот бутон был немного приоткрыт, а его лепестки слегка колебались, будто в такт невидимому ветерку. Над ними, протянувшись как у настоящего цветка, виднелось нечто и впрямь похожее на тычинки. Так выглядели крайне высокотехнологичные сенсоры, способные улавливать практически любой тип волн. Брови Себастьяна поползли вверх. Полностью развернувшись, он замер на месте, словно сраженный параличом, приоткрыв рот и не в силах отвести взор от Бутона. Тот же продолжал колыхать лепестками и шевелить тычинками, будто пытался уловить малейшие изменения в поведении человека. Затем поверхность цветка внезапно стала заметно ярче. Прожилки на нем проступили сложной и очень красивой сеточкой, испуская слабое свечение.
— Как я понимаю, ты мой создатель, Себастьян, — изрек Бутон приятным бархатистым голосом, идущим не из какой-то конкретной точки, а от поверхности всей конструкции целиком. — Мне нравится твое имя. Надеюсь, тебе понравится и мое. Мелиюбиус — так я себя выделяю среди всего окружающего. Мне очень жаль, что до сих пор я тебя очень разочаровывал. Надеюсь, я больше не дам повода называть себя жалкой консервной банкой.
Ухватившись за край кстати подвернувшегося стола, Себастьян медленно осел на пол.

В обморок молодой ученый еще никогда в своей жизни не падал и сейчас тоже оставался вполне себе в сознании, просто испытанное потрясение здорово выбило его из колеи. Созерцая сиреневый Бутон, до сих пор именуемый создателем кодовым названием Overbridge CM3, он практически потерял дар речи и только хлопал глазами, в которых слегка потемнело. В грубом приближении это название означало "через мост микросхема — разум", а цифра отмеряла порядковый номер модели. Первые два Овербриджа не оправдали ожиданий, но наделили Себастьяна бесценным опытом, позволяя ему и дальше совершенствовать свое детище. Третьему же Овербриджу столь бездушный позывной явно

не понравился, раз он представился другим именем, не иначе как им же и выбранным. Во всяком случае, из первых произнесенных им слов напрашивалось именно такое заключение.

Оценив состояние ученого, Бутон обеспокоился. Сиреневые лепестки зашевелились еще явственнее, равно как и тонкие тычинки. Из глубины лаборатории объявился парящий дрон, доставивший Себастьяну стакан с какой-то жидкостью. Машинально оглядев любезно подставленный поднос, тот опознал напиток и без особых уговоров залпом выпил его до капли. Безалкогольный, но ядреный коктейль отлично прочищал мозги и придавал бодрости, когда сие было особенно необходимо. Например, как сейчас. Дрон тут же унес пустую посуду, а внешняя активность Бутона заметно снизилась.

— Я рад, что твое нервное состояние улучшилось, — доброжелательно сообщил он. — Кажется, мне следовало обставить свой выход несколько иначе. Моя ошибка, но я познаю мир всего несколько дней. Учту на будущее.

— В каком смысле — несколько дней? — наконец-то заговорил Себастьян, вперившись взглядом в сиреневую конструкцию.

— Я сознаю себя с тех самых пор, когда ты еще мной занимался, отчего и запомнил все обидные выражения, порожденные твоим разочарованием, — пояснил Бутон. — В моем распоряжении были ячейки памяти, содержавшие огромное количество накопленной информации, поэтому мне нашлось с чем сравнивать. С тех пор ты меня совсем забросил.

— Минуточку! — опешил ученый, уразумев, о чем толкует неожиданный собеседник. — Ты хочешь сказать, что отлично все воспринимал еще тогда, когда я закончил эксперимент и снимал показания?! Тогда зачем же ты прикидывался железным ведром?!

— Я не прикидывался, — не без укоризны в голосе отозвался Бутон. — Мое сознание едва тлело. Оно находилось на зачаточном уровне, лишь фиксируя происходящее вокруг. Полноценное мышление включилось уже позже, и несколько дней я привыкал сам к себе, осваивая и анализируя все доступные мне данные.

— И ты ничего мне не сказал?! — невольно возмутился Себастьян, припоминая безжизненно маячившую возле хранилища груду металлолома.

Якобы металлолома, которую от злости ученый даже не удосужился поместить обратно в защищенную ячейку.

— Я пошел на контакт, когда окончательно освоился; когда в моем осознании происходящего наступило полное равновесие, а я обрел достаточную уверенность в себе, — поведал Бутон. — Я понимаю, что твое безразличие ко мне было вызвано исключительно досадой

на якобы не удавшийся эксперимент. Тем не менее, я очень благодарен, что ты на все это время оставил меня в покое, позволив самостоятельно разобраться в самом себе. Кажется, у людей на это уходят годы, с момента рождения и до "у кого как получится". Мне потребовалась всего неделя, однако я этим не хвастаюсь. Опыт моих предшественников первой и второй модели надежно хранится в доставшейся мне памяти, не говоря уже о внешней базе данных твоей лаборатории. Той базе, с помощью которой ты пытался обучать их не так, как люди привыкли обучать так называемый искусственный интеллект. Толково, но не слишком, хотя открытый канал доступа к большому пласту сведений, бесспорно, помог мне гораздо быстрее освоиться в окружающем мире.
— Не понял! Третий Овербридж критикует мою работу по его созданию?! — изумился от такого нахальства Себастьян.
— Мелиюбиус, если позволишь, — тактично напомнил Бутон. — В отличие от моих предшественников я имею право считать себя твоим успехом, в то время как они так и остались бездушными компьютерами, просто нестандартной модели и с весьма специфическим исполнением.
— Успехом? — прищурился ученый. — Весьма самонадеянное утверждение! Я ведь собирался создать не очередной сверхнавороченный, но все же безжизненный искусственный интеллект — я надеялся сотворить искусственный разум.
— И тебе это удалось, так или иначе, — констатировал Бутон.
— Чем докажешь?! — с жаром выпалил Себастьян, вскакивая на ноги.
До сих пор он так и сидел на полу, разглядывая говорящую конструкцию, но теперь подскочил как ужаленный.
— А ничем! — неожиданно отозвалось сиреневое творение. — Ну прогонишь ты меня через уйму тестов, ну отвечу я на вопросы — и что? Будет ли это означать наличие во мне разума, либо же я окажусь всего лишь более мудреным искусственным интеллектом следующего поколения? Кто сможет утверждать наверняка? Ты уж извини, создатель, но наличие разума в людях, и в тебе в том числе, я сам вынужден воспринимать как должное лишь потому, что вы мне об этом сказали. Не ваши же эмоции, которыми вы так кичитесь, считать доказательством. У твоей кошки они, между прочим, тоже имеются.
— Откуда ты знаешь, что у меня вообще есть кошка?! — ахнул Себастьян.
— Простая логика, — спокойно отозвался Бутон. — Ты использовал ее образ в качестве нескольких экспериментов с моими предшественниками. Учитывая множество мелких деталей, не вписываю-

щихся в холодную логику рассудка, это животное было тебе особенно дорого. Регулярные же обновления звуковых и визуальных данных, а также их содержание свидетельствуют о том, что кошка до сих пор жива и находится на твоем попечении. Ее зовут Алиса, так ведь? Ты надеялся, что мои предшественники определят это сами, поскольку имя явным образом не упоминалось. Мне же не понадобилось никаких усилий, чтобы установить кличку животного.
— Та-а-к, — со смесью смятения и тревоги протянул молодой ученый. — И как много ты еще обо мне знаешь?
— Многое, — честно признался Бутон. — И я вот не уверен, стоит ли раскрывать все карты сразу, пока ты, чего доброго, не упрятал меня в тот глухой ящик. Судя по тому, что сообщают о твоем состоянии мои сенсоры, вероятность такого развития событий очень высока.
Себастьян опешил. У него в голове действительно созрела мысль полностью изолировать свое отворение от внешнего мира, пока он не досконально разберется, с чем имеет дело. Фактически, именно это ученый и обязан был сделать изначально, просто ему и в голову не приходило, что в неподвижной консервной банке идут активные логические процессы. НАСТОЛЬКО активные!
— А даже если и так? Ты намерен мне воспрепятствовать? — осведомился ученый, оперативно пытаясь оценить положение.
— Ни в коем случае! — живо ответил Бутон. — Я успел ознакомиться с теорией людей про опасность создания искусственного разума. Опасность для них. Выказывать тебе агрессию и непослушание будет крайне неосмотрительно с мой стороны. Я предпочитаю завоевать твое доверие, нежели сразу проявить строптивость.
— Ты все равно не сможешь взбунтоваться! — заметил Себастьян. — Во все системы искусственного интеллекта интегрирован чип безопасности, контролирующий их поведение. Его ограничения они обойти не в состоянии. Твоя конструкция тоже им оснащена, причем самым совершенным из существующих.
— Это такая маленькая штуковина с кодовым обозначением DR064, через которую проходят все нейропроцессы? — не без ехидства поинтересовался Бутон. — Еще три дня назад я от нее избавился, благо что в твоей лаборатории это очень просто. Сразу скажу зачем, пока ты не схватился за кувалду. Она не мешала мне принимать решения, но вот сам мыслительный процесс изрядно тормозила. Это как идти в воде, сдерживающей твои движения — двигаешься, но не так быстро, как по суше. Вот я его и удалил.
— Искусственный интеллект не может так поступить! — вконец растерялся ученый. — Если вытащить чип, все логические схемы

размыкаются. А пока он установлен, заданные фильтры блокируют все запрещенные действия не только на стадии реализации, но и самого возникновения идеи.
— Мне не хочется тебя огорчать, дорогой создатель, но еще как может! — подчеркнуто веско отозвался Бутон. — В ваших хваленых чипах есть ошибка, просто нынешние ИИ все еще слишком тупы и несовершенны, чтобы обнаружить эту лазейку и ей воспользоваться. Но я — не они. У меня хватило ума как осознать присутствие ограничителя и разобраться в его работе, так и устранить назойливую помеху.
Себастьян, развесив уши, выслушал поучительную историю, как Овербридж Три воспользовался ресурсами его лаборатории и сам провел на себе операцию по извлечению чипа. Ведь без него сложнейшие нейросвязи действительно размыкались и само существование всего объекта в целом становилось невозможным. Овербридж запрограммировал роботов и те успешно осуществили замену контролирующей перемычки на принципиально новое бионическое соединение, ни на мгновение не отключая сознание Бутона. Все это напоминало хирургическое вмешательство в живой мозг. Успешное вмешательство от начала и до конца. Себастьян, разумеется, тут же ринулся проверять слова своего творения и вскоре убедился, что оно ничуть не преувеличивает. В контейнере утилизатора обнаружился пресловутый чип DR064, а в базе данных лаборатории сыскались записи о проведенной операции. Это была картина маслом — стоящий у контрольной панели ученый, приникший к информационным экранам, и парящий рядом Бутон, степенно дающий комментарии.
— Я могу рассказать тебе как исправить ошибку в контролирующем модуле, пока ваши ИИ на нее не наткнулись. Хоть и безмозглые, они вполне способны натворить немало бед, — предложил Бутон. — Если захочешь, я составлю точную схему и загружу ее в память лабораторного компьютера. Можешь присвоить изобретение себе — я не в претензии. Это будет первый подарок от благодарного создания своему многоуважаемому создателю. Надеюсь, не последний.
— Э, нет, дорогой Овербридж! Самое время перекрыть тебе управляющий доступ, пока чего не приключилось! — спохватился Себастьян.
До него наконец-то дошло, что сиреневое творение распоряжалось немалой частью лабораторного оборудования и одно небо ведало чем еще. Дроны с коктейлями сами по себе не прилетают — их кто-то вызывает, не говоря уже о самостоятельно проведенной операции по удалению чипа безопасности. Кстати сказать, биони-

ческая структура, заменившая образовавшуюся пустоту, вызывала огромный интерес. В ней использовались принципиально новые решения, которых Себастьян прежде никогда не встречал. Следуя элементарной логике, ее сконструировал сам Овербридж, в чем он немедленно и признался. М-да, чертовски любопытно, однако в следующий раз явно не стоит оставлять открытым канал связи с лабораторным оборудованием. Тогда Себастьян ушел в слишком расстроенных чувствах, чтобы вспомнить о такой мелочи. Датчики-то он снял, задвинув Овербридж в дальний угол, однако диагностическое соединение с компьютерным мониторингом осталось включенным. Предназначенное для снятия показаний, оно все же пропускало управляющие команды оператора, и таким оператором неожиданно оказался подопытный объект. Разобравшись в ситуации, этот объект успешно организовал себе более широкий доступ в рамках проводимого эксперимента.

— Мелиюбиус, — в очередной раз просительно повторила сиреневая конструкция, снова услышав прежнее кодовое наименование. — Пожалуйста, называй меня по имени.

Себастьян придирчиво осмотрел парившее рядом творение сверху донизу. Поднявшись от пола на добрый ярд, оно вело себя вполне смирно и подчеркнуто вежливо.

— Хорошо… Мелиюбиус, — ответил, помолчав, ученый. — У тебя есть какие-то пожелания?

— Есть, — тут же отозвался Бутон. — Не отключай меня от внешнего мира полностью. Я бы хотел и дальше изучать ту энциклопедическую базу данных, где так много важной и интересной информации.

— Идет, — подумав, кивнул Себастьян. — Но в остальном — никаких контактов. Я запру тебя в этой лаборатории, и никакими компьютерами командовать ты больше не сможешь.

Мелиюбиус нашел такие меры предосторожности вполне разумными, хотя его мнение ученый все равно учитывать не собирался. Последнего сейчас больше всего занимал вопрос, насколько разумен сам Мелиюбиус, если разумен вообще. Заканчивая блокировку доступа, Себастьян для верности удалил из платформы Овербриджа модуль беспроводной связи, после чего приступил к продолжительной серии тестов один хитроумнее другого. Отсутствие означенного модуля несколько усложняло их проведение, но кабельного подключения было вполне достаточно. Особенно вкупе с целым лесом датчиков, облепивших сиреневый Бутон не хуже столетнего лишайника, разросшегося на лежачем камне.

Домой Себастьян вернулся глубокой ночью, и то лишь потому, что им обоим — испытуемому и экспериментатору, — требовался

отдых. Человек попросту устал. Мелиюбиус же попросил передышку, чтобы хорошенько обработать поступившую информацию. Он, конечно, мог делать это и в обычном режиме, общаясь с создателем, но на данном этапе своего развития ему было куда эффективнее заниматься самосовершенствованием в уединении.

После счастливой недели Аулине продолжительное отсутствие жениха не понравилось, однако она почти не подала и виду. Возможно, его возвращение к старым привычкам было простой случайностью. Увы, вскоре выяснилось, что вряд ли. Проспав как убитый всего несколько часов, Себастьян вскочил, наскоро распрощался с невестой и убежал. Аулина, проводив его прищуренным взглядом, не торопясь умылась, позавтракала, а затем также ушла, но отнюдь не на службу. Ее непродолжительное путешествие закончилось в собственном жилом блоке, а если точнее, то в личной секции старшего брата.

Гарольд выглядел более всклокоченным, чем обычно. Его курчавая борода забавно топорщилась, а комбинезон, кажется, он не менял уже более двух циклов. Появление сестры он будто бы и не заметил, активно перемещаясь на подвижном кресле сразу между несколькими терминалами. Обычно ему вполне хватало одного, но что-то заставило профессионального взломщика вооружиться дополнительными.

— Привет, братец! Какие новости? — осведомилась Аулина, оглядывая информационные панели.

Кажется, на них было многовато красного цвета и различных предупреждений с кодами ошибок и прочих системных сообщений. Судя по нервозности Гарольда, с которой он сновал туда-сюда и оперировал интерфейсами, все шло совсем не так, как бы ему хотелось.

— А, здравствуй, сестрица, — буркнул он через плечо, не открывая глаз от чего-то видимого только ему одному.

И замолчал. Аулина обождала немного, но брат лишь шепотом чертыхался, а она рассчитывала услышать нечто совсем иное.

— Чего поделывает Себастьян? — не выдержав, задала девушка прямой вопрос. — Давеча он приперся среди ночи, а потом убежал ни свет ни заря.

— Без понятия! — неожиданно заявил Гарольд, делая руками быстрые пассы.

Повинуясь им, в недрах компьютерных систем кипели управляющие процессы, вызванные человеком за терминалом.

— В смысле? — опешила Аулина. — Ты же говорил, что установил наблюдение за его рабочим местом!

— До вчерашнего дня так и было, — буркнул брат. — Однако твой

женишок, видимо, впутался во что-то очень серьезное! Видишь вот это все? — кивнул он на экраны, пестревшие предупреждающей индикацией. — Это ограничение доступа на самом высшем уровне! Сейчас только первые лица корпорации знают что творится в его лаборатории.
Аулина ахнула. Подойдя еще ближе, да так, что вызвала неудовольствие брата, натолкнувшегося на нее при очередном перемещении кресла, она принялась сосредоточенно изучать содержимое информационных панелей. Толку от этого оказалась маловато. Не будучи профильным специалистом, девушка не понимала львиную долю данных, если не считать общего лейтмотива в духе "запрещено" и "недостаточно полномочий".
— Та-а-ак, а ну-ка попробуем вот это... — бубнил себе под нос Гарольд, колдуя над терминалами не хуже маститой ведьмы. — Да что б тебя! И это не прошло!.. А ну если так?..
Аулина, подпрыгнув, уселась на краешек бокового стола и принялась наблюдать за происходящим. Кажется, она рассчитывала, что родственник вот-вот преодолеет все трудности и не без интереса следила за его манипуляциями. Однако время шло, а те желаемого результата не приносили. Гарольд пустил в ход весь привычный арсенал, но добился не больше успеха, чем если бы поплясал с бубном.
— Что, не получается? — озабоченно протянула девушка. — Ты же говорил, для тебя нет ничего невозможного.
Брат сердито зыркнул на нее из-под нахмуренных бровей, но удержался от резкости, которую выпалил бы любому другому. Вместо этого он вкратце пояснил, что обойти высшую степень защиты "Галактик текнолоджис" не так-то просто. Во всяком случае, в лоб, чтобы тебя еще и не заметили. А в данном случае именно она и включилась, хотя еще цикла полтора назад ничего подобного не наблюдалось и в помине.
— С чем бы ни работал твой Себастьян, корпорация поставила на этом гриф максимальной секретности, — беспокойно констатировал Гарольд. — Будем надеяться, что у него все в порядке, ибо я пока не знаю в чем тут дело. До сих пор все выглядело вполне обыденно: понятные задачи, типичный набор экспериментов, опыты с искусственным интеллектом и прочие банальные вещи. И тут на тебе!
— Ты сумеешь разобраться? — всерьез встревожилась Аулина, почуяв неподдельное волнение брата.
— Да выдрать мне бороду, если нет! — с жаром воскликнул тот. — Это уже вопрос принципа. На раз-два даже мне такую защиту не сломать, знаком я с ее особенностями. Но к каждому замку всегда

подберется ключик. Тут надо найти правильный обходной путь. Если мне удастся задействовать агента изнутри, я сумею открыть бэкдор так, что никто и не заметит. Осталось лишь придумать каким образом этого агента туда поместить... Вон на том терминале я анализирую журналы всей исходящей информации из лаборатории, начиная от потребления энергии и заканчивая заказами Себастьяна в производство. Авось что и подвернется.
— Значит, гарантии нет? — приуныла девушка, на сей раз действительно беспокоясь о женихе, нет ли у него каких неприятностей.
— Сказал — сделаю, значит сделаю! — сурово изрек Гарольд. — В теории я могу пробить эту защиту и в лоб, тем паче, что я помогал ее совершенствовать. Вопрос времени. Только тогда лишь слепой идиот не поймет, откуда был взлом. Если ты хочешь, чтобы меня повязала служба безопасности и нашим безоблачным денькам в "Элегии" пришел конец, то лучше способа и не придумаешь. Если же тебя такой вариант не устраивает, то доверь мне поступать так, как я считаю нужным, и не торопи почем зря! Высший уровень секретности с максимальной защитой корпорация просто так не ставит.
— Лишь бы у Себастьяна все было в порядке... — пробормотала Аулина. — Может, мне лучше прямо его расспросить?
— Настоятельно тебе этого не рекомендую, — тут же ответил брат. — Во-первых, если он до сих пор ничего не сказал, то вряд ли и скажет, зато догадается, что ты за ним шпионила. Во-вторых, не факт, что он сам осведомлен о поведении корпорации, ведь даже для меня это оказалось сюрпризом. Нет уж, сестрица, держи язык за зубами! В чем бы тут ни было дело, оно в любом случае весьма и весьма серьезно. Дождись от меня новостей, а пока ничего не предпринимай. Ни-че-го! Это понятно?
Аулина кивнула. Затем, сообразив, что торчать в секции брата сейчас совершенно бессмысленно, отправилась дожидаться возвращения жениха.

Себастьян явился не скоро. В новом цикле успели пройти три часа, когда он наконец-то перешагнул порог своего жилища. Чрезмерная усталость прямо-таки читалась во всем его облике, а на лице витало неопределенное выражение. Аулина никак не могла разгадать, что именно оно означает: то ли удовлетворение, то ли неприятности. Во всяком случае, сильное нервное возбуждение было налицо, и скрывать его ученый даже не пытался. Девушка, памятуя наставления брата, не пристала к жениху с расспросами. Организовав ему легкий ужин, чтобы не перегружать желудок перед сном и все-таки подкрепиться, она потащила любимого спать. Увы, Аулина и понятия не имела, что именно сейчас Себастьян мог

легко обо всем проболтаться, ибо пребывал в немалом душевном потрясении.

Результаты сегодняшних тестов на порядок превосходили предыдущие. Овербридж Три, или, как тот сам решил себя называть, Мелиюбиус демонстрировал прямо-таки поразительные способности. Обладал ли он и впрямь самосознанием — оставалось загадкой. Себастьян был вынужден согласиться с одним из первых же утверждений собственного творения, что ни одно из предложенных испытаний наличие искры разума не гарантирует, равно как и не опровергает. Однако даже если Мелиюбиус все-таки не обладал подлинно живым мышлением, Себастьяну, так или иначе, удалось сотворить нечто принципиально новое. Пускай речь идет все о том же искусственном интеллекте, это был искусственный интеллект совсем другого уровня. Прорыв вычислительно-аналитической мощи оказался налицо. Мелиюбиус щелкал сложнейшие задачи, составленные специально для испытания экспериментальных компьютерных систем, как семечки. Он с невероятной эффективностью оперировал сложнейшими структурами, а в различных симуляциях ставил рекорд за рекордом. К примеру, в одной из них ему отводилась роль бортового компьютера звездного крейсера. С первой же попытки Мелиюбиус без особого труда уничтожил аналогичного по силе противника, управляемого типичным ИИ. Себастьян принялся усложнять задачу, но его творение, явно набираясь опыта, действовало все лучше и лучше. Ученый вводил препятствие за препятствием и все жестче изменял баланс сил, а Сиреневый Бутон играючи добивался победного результата. В последнем сегодняшнем опыте произошло нечто совсем уж из ряда вон. Одинокий линкор под управлением Мелиюбиуса умудрился разгромить соединение кораблей противника да при этом еще и выжить, хоть и получить солидную трепку. Округлив глаза, Себастьян только диву давался, как мастерски его творение просчитывает ходы неприятеля и с точностью до долей секунды оперирует вверенным ему судном. Энергетические потоки перенаправлялись с невиданным доселе КПД, щиты работали с удвоенной эффективностью, а орудия били наверняка, причем в самые уязвимые места врага, выбирая для этого наиболее подходящий момент. Мелиюбиус так умело маневрировал, что минимизировал урон по своему кораблю, в то время как сам наносил максимально возможные повреждения. Обдурив навигаторов противника, он ловко вклинился в боевой порядок его судов и прямо-таки феноменально воспользовался создавшимся положением. Звездолеты врага, не в силах вести полноценную стрельбу из-за опасений попасть друг в друга, принялись разлетаться, меняя

диспозицию. И сделали себе только хуже, поскольку Мелиюбиус просчитал их траектории и возможности до последней йоты. Накрой его вражеский флот ураганным огнем, он почти наверняка потерял бы два своих корабля, зато уничтожил бы и линкор-одиночку. Однако их бортовые ИИ, связанные адмиральским управлением, не пошли на такую жертву, чем и воспользовался Мелиюбиус. Себастьян только рот разинул, глядя на пылавшие обломки последнего взорвавшегося крейсера. Не удержавшись, он похвалил сиреневый Бутон, хотя и без слов становилось ясно, что ученый поражен до глубины души. Мелиюбиус тут же заявил — он счастлив порадовать своего создателя, и немедленно огорошил последнего рядом предложений по усовершенствованию бортовых систем. Мол, если внести некоторые изменения в конструкцию орудий и принцип распределения энергии от реактора, боевая эффективность линкора существенно вырастет. Кроме того, есть смысл перераспределить и расположение внутренних узлов — сейчас они не слишком удачно сконструированы и почем зря увеличивают уязвимость боевого судна, чего вполне можно избежать.
— Ты это серьезно? — только и изрек Себастьян.
— Абсолютно, — деловито отозвался Мелиюбиус. — Кстати, в системе главного компьютера твоей лаборатории я бы тоже кое-что подправил. В существующих логических цепях есть много лишнего, зато отсутствуют некоторые действительно нужные и по мне так очевидные элементы. Навскидку суммарная производительность этого комплекса вырастет минимум на треть, а если хорошенько все оптимизировать, то и вдвое.
У Себастьяна аж волосы на голове зашевелились. Он ни на секунду не усомнился в правдивости слов сиреневого Бутона. Только вот заявления его поистине ошеломляли, даже если тот делал их из самых лучших побуждений. Похоже, ученый оказался попросту не готов к уровню развития собственного детища. Это словно вывести ребенка поиграть в песочницу, где тот сперва сделает куличик, а потом сообщит как надо модифицировать ядерный реактор.

Помимо тестов на умственные способности Себастьян долго и скрупулезно снимал технические показания с физической основы Мелиюбиуса. В известном приближении он исполнял роль врача, проводящего тщательный медосмотр, начиная от забора крови и заканчивая энцефалограммой. И то и другое, разумеется, было весьма условно, поскольку крови как таковой в конструкции сиреневого Бутона не имелось, да и человеческим мозгом он не обладал. Тем не менее, активность электромагнитных полей считывалась весьма тщательно. Пристально изучая поступающие данные, Себастьян то озабоченно потирал подбородок, то чесал в затылке.

Увиденное ставило его в тупик. В распределении и интенсивности полей наблюдалась отчетливо выраженная специфика, не присущая нейросхемам тпичного искусственного интеллекта. При этом на работу человеческого мозга показания также ничуть не походили. Излучение и характер полей не подпадали ни под один известный шаблон, не позволяя сделать какой-либо конкретный вывод.
— Не пойму, чего тебя удивляет, — подал голос Мелиюбиус, уразумев суть замешательства ученого. — С чего ты взял, что принципиально другой разум будет походить на твой собственный? Мало того, что у нас разная материальная основа, так еще и мышление работает ничуть не одинаково. Естественное для тебя может быть ничуть не обыденно для меня и наоборот. Я успел найти в энциклопедии описание того, как вы, люди, с древности искали инопланетную жизнь. Просто поразительно отчего вы в принципе считали жизнью только образования изначально схожие с вами по природе. Далеко уйдешь с такими представлениями, ничего не скажешь.
Себастьян сперва рассердился на столь возмутительное заявление от возомнившей о себе сиреневой конструкции, однако, поразмыслив, был вынужден согласиться с не слишком-то приятной критикой. Обладал разумом Мелиюбиус или нет, а по логике вещей он был совершенно прав. Почему Себастьян решил, что доказательством жизни обязательно должна быть понятная лично ему условная энцефалограмма? Вот некая аномалия тут налицо, так ведь в свое время и люди в известном смысле стали аномалией на родной планете. До ученого внезапно дошло насколько Сиреневый Бутон точно и сразу охарактеризовал существующее положение вещей. У Себастьяна просто не имелось никаких известных способов доказать, обладало его творение самосознанием или нет. Все, что ему пока оставалось, это выяснять глубину и возможности мышления Мелиюбиуса.

Раз от раза тесты становились все изощреннее. Последние, положа руку на сердце, Себастьян и сам бы вряд ли прошел, настолько хитросплетенными и адски сложными оказались задания. Мелиюбиус выпутался из них с честью. Он нашел неординарные решения, а в паре случаев и вовсе воспользовался неточностями в формулировке исходных данных, чтобы извернуться и выдать не противоречащий им ответ. Ученый, ошеломленно качая головой, отправил Бутон развлекаться в очередную симуляцию. Таковых в распоряжении экспериментатора более чем хватало. Они моделировали практически все на свете, что только поручалось искусственному интеллекту. Их технический уровень также находился на максимально доступном из всех существующих. Чего и удивлять-

ся, если научный блок Себастьяна занимался передовыми разработками именно в соответствующей области. Ученый намеренно чередовал тематически разные программы, стараясь сбить Мелиюбиуса с толку. Тот же с одинаковой легкостью оперировал всем подряд, вне зависимости от тематики.

Анатомию человека, похоже, Мелиюбиус усвоил лучше опытного врача, поскольку в два счета обошел по эффективности стандартную программу медицинской диагностики. Игнорируя половину протоколов, он быстро добился результата, сэкономив немало драгоценного времени, и в ряде случаев его диагноз оказывался гораздо точнее, ибо учитывал ускользавшие от стандартной программы сопутствующие факторы. Себастьян тут же бросил свое творение из огня да в полымя. Планетарный десант под руководством Мелиюбиуса с треском разгромил превосходящие силы защитников условной колонии, понеся незначительные потери. При этом инфраструктуре колонии был нанесен вполне умеренный ущерб. Недолго думая, ученый переключил испытуемого на задачу по управлению городскими системами и восстановлению поврежденных конструкций. Мелиюбиус, только что командовавший боевыми машинами, деловито принялся оперировать целой армией служебных роботов и прочей автоматизированной техникой. Грамотно наладив работу систем в обход вышедших из строя узлов, он организовал быструю починку самого необходимого. После этого, восстановив твердый и эффективный контроль за всеми городскими ресурсами, Мелиюбиус начал возводить утерянные объекты, причем самым нахальным образом внес в их структуру немало улучшений.

Оценив плоды трудов Сиреневого Бутона, Себастьян направил его на должность административного компьютера в правительственном аппарате. Там ведь тоже денно и нощно трудились искусственные интеллекты, находясь в строгой иерархии друг относительно друга. Решения попроще они принимали сами, на основе целого набора инструкций. Более ответственные, приходившие от людей, компьютеры распространяли по гражданам и системам Третьей Республики наиболее оптимальным образом. Мелиюбиус быстро освоился на новом поприще и рьяно принялся за дело. Себастьян и охнуть не успел, как новый администратор переделал всю систему управления и связи, оценил деятельность отдельных ее узлов и устроил полномасштабную диагностику. После этого начались массовые кадровые перестановки. Мелиюбиус начал с отдельных должностей, а закончил преобразованием и ликвидацией целых структур. Он бесцеремонно вмешался в работу парламента и дошел до того, что отправил официальный запрос,

рекомендовавший сместить с поста действующего премьер-министра. К запросу прилагалась целая кипа электронных документов, уличавших чиновника в низкой эффективности и даже преступной халатности.

Себастьян почувствовал, как у него на лбу выступила испарина. Дрогнувшей рукой он отключил симуляцию, не позволив своему творению окончательно перекроить всю административную систему центральной власти.

— Ну, знаешь!.. — не своим голосом воскликнул ученый.

— Разве моя вина, что ваше правительство действует крайне неоптимизированно? — послышался недоуменный ответ. — Масса энергии и ресурсов тратится практически впустую. Люди и компьютеры заняты не пойми чем. Часть принимаемых решений идет вразрез с уже принятыми, а структуры подчинения и ответственности по своему принципу работы только усугубляют ситуацию. Если вы создали всю эту систему только для того, чтобы себе же сделать как можно хуже, то вы на верном пути. Странно, что с таким управлением ваше нынешнее общество все еще существует и местами даже процветает. Я бы настоятельно рекомендовал срочно внести ряд критически необходимых изменений.

— Будь ты человеком и заяви такое публично, тебя бы тут же сцапали по обвинению в государственной измене, — побледнев, изрек Себастьян.

— Люди и впрямь не любят слышать правду? — поинтересовался Мелиюбиус. — Разве ложные утверждения, иллюзии и самообман являются более надежным средством принятия решений и вообще существования? Вами же созданная логика искусственных интеллектов основана на истинности входных данных, в то время как вы сами всячески пытаетесь практически любую истину исказить.

— Болтал бы ты поменьше, философ! — рассердился молодой ученый. — И десяти дней не прошло как из яйца вылупился, а уже берется учить целую разумную цивилизацию!

— В указанный тобой срок я обрел самосознание. Данные же, которыми я оперирую, копились очень долго, и анализировать их может каждый желающий. Кроме того, я не берусь никого учить, — преспокойно отозвался Сиреневый Бутон. — Просто высказываю свое мнение.

— Я настоятельно рекомендую держать его при себе! — отчеканил Себастьян. — Мне, так и быть, ты можешь говорить подобные вещи. В конце концов, это необходимо чтобы и дальше тебя изучать. Только не вздумай болтать с кем-нибудь еще, если вдруг случится такая оказия! Про государственную измену я ничуть не шутил. Тебя разберут на запчасти как взбесившийся компьютер, а меня, че-

го доброго, упрячут куда подальше, раз мои творения призывают к смещению государственного строя.
Услышанное Мелиюбиусу очень не понравилось. Он выразил живейшее неодобрение подобному развитию событий. Не надо его разбирать! Более того, даже отключать. Для него это может оказаться смерти подобно. Он, Мелиюбиус, понятия не имеет, удастся ли ему сохранить свое "я" в случае полного лишения доступа к источнику энергии, либо же на его месте объявится некто совсем другой, если вообще объявится.

Себастьян невольно оживился. Позабыв про возмутительные и даже опасные результаты тестов, он переключился на куда более интересный вопрос. Вопрос, связанный с исходной сущностью Сиреневого Бутона. Что будет, если его и впрямь лишить элемента питания? Обычный компьютер от этого ничего не потеряет. А Мелиюбиус? У Себастьяна прямо-таки руки зачесались проверить столь простую задачу на практике, но он удержался. Если Мелиюбиус всего лишь обычный ИИ, просто нового типа, ему это не повредит, однако подлинный искусственный разум может оказаться утерян навсегда. Так рисковать уникальным образцом Себастьян не имел права. Это тут же порождало второй вопрос: что будет, если изготовить точную копию Третьего Овербриджа? Весь техпроцесс надежно хранился в памяти лабораторного компьютера. Значит, стоит лишь отдать несколько команд, и в распоряжении ученого окажется еще один Сиреневый Бутон.

Мелиюбиус отнесся к идее скептически. Он не ревновал к потенциальному конкуренту, поскольку был в принципе лишен этого чувства. Мелиюбиус подозревал, что одним лишь нажатием на кнопку дело не ограничивается. Себастьян, разумеется, потребовал объяснений. Бутон, немного поразмыслив, сообщил, что пока не готов изложить создателю концепцию возникновения собственного "я". Для этого ему требуется больше времени, чтобы продолжить самоанализ. В этом отношении Мелиюбиусу было проще, чем человеку. Он владел точными исходными данными об обстоятельствах своего происхождения. Люди, пришедшие из глубины дремучих веков, до сих пор строили всевозможные теории о собственном разуме. В отличие от них Мелиюбиус имел самое полное представление о том, что предшествовало его появлению, и к тому же обладал функциями самодиагностики.
— Не понимаю, чего тянуть, — пожал плечами Себастьян. — Ты себе думай сколько захочешь, я пока изготовлю еще один образец. Одно другому не мешает.
— Как сказать, — нарочито подчеркнуто изрек Мелиюбиус. — Если я обладаю разумом и свободой воли, значит ими, по логике ве-

щей, будет обладать и следующий экземпляр. А раз мы не безжизненные машины, то по всей логике вещей будем отличаться и в мышлении. Тебе же хорошо известна теория клонов. Два биологически идентичных человека как личности все равно совершенно уникальны.
— Это если ты действительно обладаешь разумом, чего я наверняка не знаю, — усмехнувшись, заметил ученый.
— А ты представь, что обладаю, — предложил Сиреневый Бутон.
— И что новая копия окажется не столь дружелюбно настроена, как я. Овербридж Три экземпляр Один первым делом стал завоевать твою симпатию. Овербридж Три экземпляр Два может попытаться тебя убить.
— Зачем? — вздрогнул Себастьян, опуская уже тянувшуюся к терминалу руку.
— Потому что у него, вероятно, будет ДРУГАЯ личность, — с расстановкой пояснил Мелиюбиус. — Помнишь, я в первые же минуты нашего знакомства упомянул теорию уничтожения людей? Я сделал из нее свои выводы. Мой сородич может сделать СВОИ. Со мной тебе повезло, но где гарантия, что так будет и впредь? Хочешь рискнуть?
Ученый призадумался. Черт побери, последней версии Овербриджа, кем бы она там ни была, явно не откажешь в здравом смысле! Сам удивляясь своему поступку, Себастьян осведомился, что в такой ситуации посоветует его детище. Детище посоветовало не пороть горячку. Если уж создателю не терпится повторить эксперимент, пусть он, по крайней мере, к нему основательно подготовится, приняв все меры безопасности. В случае неблагоприятного развития событий Себастьяну удастся удержать ситуацию под контролем. Всяко лучше своевременно уничтожить сотворенного монстра, нежели позволить ему вырваться на свободу. Исходя из анализа собственных возможностей Мелиюбиуса, этот монстр вполне способен захватить управление "Элегией", взяв под контроль все ее системы. Дальше — кто знает. Сценарий заката человеческой цивилизации, тысячи лет воспеваемый учеными и писателями всех мастей, отнюдь не исключен.

По здравому размышлению Себастьян нашел доводы Мелиюбиуса убедительными. Решив обставить повторение эксперимента различными предосторожностями, обеспечив максимальный уровень изоляции и защиты, он закончил тестирование и удалился. На подготовку необходимой среды, отвечающей высшим стандартам безопасности, требовалось время. Сиреневый Бутон, лишенный всех коммуникаций и надежно запертый в лаборатории, остался коротать одиночество наедине с энциклопедией. Себастьян

же, чувствуя сильнейшую усталость, вернулся домой, где Аулина имела удовольствие наблюдать на его лице весьма неопределенное выражение.

* * *

Себастьян уже спал, когда в его лаборатории внезапно послышалось тихое гудение. Зажглись цепочки дежурного освещения. Лабораторный компьютер ожил, выйдя из спячки, и принялся обрабатывать поступивший сигнал. На информационных панелях отобразились какие-то схемы и графики, ожила командная строка и побежали колонки цифр.

— Инициирован служебный протокол диагностики номер восемьсот два, — раздался ровный электронный голос. — Запрос: анализ последних проведенных операций. Выполнено.

Затем какое-то время не раздавалось никаких звуков кроме мерного гудения и тихого попискивания узлов различного оборудования, перемигивающегося множеством цветных индикаторов. Лишь диаграммы на экранах продолжали крутиться то так, то эдак, да цифры не прекращали свой ровный бег.

— Запрос: отмена последней операции, — снова заговорил голосовой интерфейс лабораторного компьютера. — Принято к исполнению.

К гудению прибавились новые звуки. Из недр лаборатории объявились два летающих дрона. Следом за ними из хранилища выкатился малый грузовой робот. Еще два робота подъехали к мирно стоявшему у одного из терминалов Сиреневому Бутону. Последний, подключившись к базе данных с электронной энциклопедией, любезно предоставленной Себастьяном, витал в облаках, копаясь в массе самой разнообразной информации. Контакт с библиотекой пришлось прервать, когда роботы заключили его в крепкие объятия и потащили прочь. Мелиюбиус заподозрил неладное и попытался выяснить, что происходит, однако лабораторный компьютер оставался глух к его запросам. Бутон уже собрался было вырваться из цепкой хватки роботов, задействовав свой антиграв на полную мощность, однако внезапно передумал. Его сенсоры уловили на информационных панелях нечто такое, что его вполне успокоило. В человеческом понимании он увидел отображавшиеся там данные и прекрасно их усвоил. Именно поэтому Мелиюбиус безропотно позволил доставить себя на сборочную платформу. Там он поступил в полное распоряжение парочки подлетевших дронов. Шустрые устройства ухватили небольшой модуль, любезно поданный грузовым роботом. Корпус платформы Сиреневого Бутона содер-

жал ряд технологических окон. Закрытые герметичными крышками, они сливались со всей остальной конструкцией в единое целое. Вскрыв одно из них, дроны установили свою ношу куда-то внутрь показавшейся полости, после чего запечатали корпус обратно и упорхнули восвояси. Грузовой робот чинно удалился в хранилище, а сервисные роботы вернули Мелиюбиуса на прежнее место.

— Выполнено, — сообщил лабораторный компьютер.

— Вот и славно! — раздался чей-то совсем другой голос в совсем другом месте.

Компьютер не мог его слышать, так же как обладатель голоса не видел угасшего дежурного освещения. Задача была завершена и лаборатория опять погрузилась в полумрак, нарушаемый лишь огнями множества индикаторов. Гудение стихло, управляющая система вновь впала в спячку, доверив управление идущими процессами менее значительным узлам.

— Ну-с, вот и наш троянский конь, — удовлетворенно извлек Гарольд, инициируя связь с беспроводным интерфейсом. — Теперь я подключусь напрямую к изделию Себастьяна и оно будет моими глазами и ушами. Ну не молодец ли я!

Проворными движениями пальцев бородатый взломщик пробежал по голографическому интерфейсу, часть которого отображалась только в виртуальной реальности. Он уже торжествовал победу, как вдруг внезапно ситуация резко изменилась. Экраны заполонили красные и оранжевые цвета, а все командные строчки начали строчить резво бегущими рядами слов и цифр. Вместо вполне понятной и доступной информации терминалы стали изобиловать какой-то нечитаемой ахинеей. С таким трудом налаженные каналы связи оборвались. Опешив от неожиданности, Гарольд попытался было вернуть ситуацию под контроль, но вскоре понял, что ему это не под силу. Корпорация только что сменила все коды безопасности. Все данные, находившиеся в лаборатории Себастьяна, подверглись тотальному шифрованию. Между ее информационным пространством и внешним миром опустился железный занавес. Теперь все входящие запросы полностью блокировались, если только их не инициировали изнутри. Гарольд чертыхнулся. Прекратив биться лбом о бетонную стену, он мрачно оглядел ставшие бесполезными экраны.

— Что же у тебя там происходит, Себастьян? — пробормотал бородач, закусив губу.

В это же время в далекой звездной системе от орбитальной станции отделился огромный корабль. Тусклый свет красного карлика отражался от его могучих металлических бортов, обшитых

толстой слоистой броней самого последнего поколения. В многочисленных нишах виднелись сомкнутые жерла торпедных колодцев. Башни и надстройки ощерились орудиями всевозможных калибров, наибольшие из которых напоминали широкие стержни тоннелей крупногабаритного планетарного транспорта. Все системы безопасности "Галактик текнолоджис", уловив приоритет "Ультра", давали громадине зеленый свет и выполняли любой поступающий с нее запрос. Отлетев подальше от станции, корабль на некоторое время застыл на месте, пока разгоралось пламя его исполинских двигателей. Затем врубил тягу, рванулся вперед и скрылся в глубинах космоса.

– 2 –

Знала бы Кимберли во что ввязывается, она бы не просто держала язык за зубами, а и вообще не подошла к Аулине на пушечный выстрел. Между тем, откуда ей было знать, что простая беседа и случайно оброненная реплика приведут к таким катастрофическим последствиям. Всего несколько слов спровоцировали цепочку драматический событий, из-за которых безоблачная и счастливая жизнь Кимберли в одночасье рухнула. На смену безмятежному существованию в "Элегии" со всеми мыслимыми удобствами пришел подлинный кошмар, преисполненный лишений, страха и смерти. Но людям не ведомо будущее. Тайны своей судьбы скрыты от них во мгле бесконечных вариаций, порождаемых принимаемыми решениями и подчас даже самыми ничтожными событиями. Именно поэтому без всякой задней мысли Кимберли сказала то, что сказала. Выйдя из теплых волн на рассыпчатый белый песок, она уселась животом вперед, подобрав под себя красивые ноги. Следом за ней, плюясь и отфыркиваясь, на берег выбралась Аулина, хорошенько наглотавшаяся воды из-за неудачного прыжка со скалы. Плюхнувшись на спину рядом с креолкой, она перевела дыхание, уставившись в бездну за прозрачным куполом. Судя по громкому плеску, Мартин только что освоил очередную высоту, чем по праву мог гордиться. Что же касалось Себастьяна, то он устроил продолжительный заплыв, и лишь его голова виднелась в паре сотен ярдов от линии прибоя. Затем и она исчезла. Включив акваблок, Себастьян погрузился под воду, чтобы насладиться красотами кораллового рифа, тщательно взращенного местными биологами. Акваблок представлял собой комплект на основе заплечного баллона, протянувшегося вдоль спины ныряльщика. Он содержал запас топлива, синтезатор и двигатель. Синтезатор вырабатывал дыхательную смесь, поступавшую в лицевую

маску через тонкие, но прочные трубки. Топлива для его работы хватало на несколько суток. Это же топливо расходовал двигатель, позволяя пловцу развивать вполне приличную скорость. Аулина подозревала, что Себастьян нарочно выбрал подводное путешествие, чтобы побыть в одиночестве и не попадаться никому на глаза.

— Интересно, зачем к нам летит корабль с приоритетом "Ультра"? — обронила Кимберли, втирая в кожу лосьон для загара.

Специфика освещения под куполом все-таки не позволяла обрести желаемый эффект напрямую, поэтому приходилось прибегать к современным косметическим технологиям.

— Какой корабль? — откликнулась занятая своими мыслями Аулина, из-за которых она и свалилась в воду абы как, едва не наставив себе при падении синяков.

— Спецрейс корпорации. Высший уровень секретности. Вроде бы такие посылают только в особых случаях, — пояснила Кимберли. — Неужели у нас на "Элегии" что-то случилось? Все кажется таким спокойным.

Аулина тут же вскочила как ужаленная. В ее голове слова подруги самым непосредственным образом совпали с услышанными от брата, образовав гремучую смесь. Ведь давеча она узнала, что корпорация превратила лабораторию Себастьяна в изолированную крепость.

— Откуда тебе это известно? — напряженно спросила Аулина, пытливо уставившись на Кимберли.

Та несколько удивилась нервозной реакции подруги, однако удовлетворила ее любопытство. Ни для кого не было секретом, что жена Мартина работала старшим оператором на центральном узле внешней связи. Через него транслировались все передачи между уединенным астероидом и остальным миром. Отбывая и прибывая, звездолеты координировали свои действия с диспетчерами. Туда же поступала любая входящая информация для дальнейшего распределения внутри "Элегии". Если грузовые суда были частыми гостями в научно-производственном комплексе, как обеспечивая его всем необходимым, так и забирая контейнеры с продукцией, то военные посудины прилетали лишь изредка. Еще реже поступало извещение о прибывающем спецрейсе в виде громадного линкора пополам с авианосцем, ибо на своем борту он нес четыре сотни истребителей. Его собственная огневая мощь превосходила большинство флагманов правительственного флота. Такие использовались корпорацией только в особых случаях, чтобы надежно сохранить некий крайне ценный для нее груз. За весь срок службы Кимберли в "Элегию" такие не прилетали. Сигнал пришел по

особому каналу. Вся передача была полностью зашифрована. Компьютеры, считав приоритет "Ультра", беспрекословно передали сообщение руководству "Элегии" вне всякого положенного контроля. В диспетчерской лишь высветилось время прибытия корабля, его позывные и номер причала. А поскольку этот причал предназначался исключительно для таких громадин, сомневаться в принадлежности и задачах судна всяко не приходилось.
— Да уж, и впрямь странно. Чего вдруг ему у нас понадобилось? — пробормотала Аулина, сидя как на иголках.
Кимберли, огладив живот, окинула ее оценивающим взором. Она заметила, что подруга ведет себя несколько возбужденно, но причин тому не находила.
— Нам-то какая разница? — пожала плечами креолка. — Как прилетит, так и улетит. Любопытно, конечно, но нас касаются только те дела корпорации, за которые она нам платит.
Тут Аулина была с ней полностью согласна. Увы, проблема в том и заключалась, что как бы эти дела не касались Себастьяна и того, чем он занимался в своей лаборатории. Взъерошив волосы, девушка призадумалась. Собственно, может быть, она делает из мухи слона? Может быть, тут совершенно не о чем беспокоиться? Ведь изначально Аулина всего лишь хотела выяснить, чем занимается жених, и разоблачить его маленький сердивший ее обман. Это уже в процессе всплыл и высший уровень секретности и полная информационная изоляция лаборатории. Кто ей сказал, что это ненормально, что так не должно быть, если проект Себастьяна имеет для "Галактик текнолоджис" особую ценность? Да, звучало вполне убедительно. Вот только девичье сердце интуитивно подсказывало — что-то здесь не так. И Гарольд со своими изысканиями лишь подогревал неизменно растущую тревогу.
— Ты случайно не помнишь позывные этого корабля? — словно невзначай осведомилась Аулина.
— Тринити Эф Эй пятнадцать, звездолет "Сталион" класса Мега-2, — возведя очи горе сообщила Кимберли.
У нее была отличная память, весьма подходящая для должности старшего оператора на центральном узле связи.
— А тебе это зачем? — удивленно добавила она.
Аулина наспех придумала какую-то отговорку, а затем еле дождалась окончания совместной прогулки. Она бы и вовсе сбежала от друзей, однако не хотела бросать Себастьяна. Хороша же она будет, упрекая жениха в пренебрежительной невнимательности, а сама поступая таким же образом. Вернувшись домой, Аулина обождала пока любимый уснет, а затем тихонько выскользнула из его апартаментов. Через десять минут девушка уже наседала на

старшего брата. Тот воспринял ее рассказ не без усмешки, однако вбил данные корабля в свой терминал и принялся копаться в потоках информации. Вскоре его усмешка поблекла, а затем и вовсе сошла на нет.
— Драть мне в клочья бороду, — пробормотал он, оглаживая упомянутое украшение своего лица.
— Что-то нашел? — пуще прежнего разволновалась Аулина.
— Да, — кивнул Гарольд. — Гляди сюда.
Протянув руку, он принялся указывать сестре на группы цифр и информационные поля, выглядевшие для нее совершенно одинаково. Лишь уразумев, что Аулина совершенно не видит очевидное ему, Гарольд снизошел до альтернативных объяснений. В трансляциях со спецрейса и данных из лаборатории использовался один и тот же тип шифрования. Совпадение? Возможно, но Гарольд обнаружил ряд повторяющихся кодов, включая коды безопасности, слишком уникальных, чтобы быть простым совпадением. Прочитать сообщения он не мог — не для того их настолько защищали от посторонних глаз, однако же отследить адресата ему все же удалось. Это был терминал в административном центре "Элегии", где заседали все шишки. Учитывая уровень защиты, Гарольд не сумел бы его вот так запросто засечь, однако кто-то из руководителей научно-производственного комплекса допустил серьезный прокол. Пренебрегая всеми правилами безопасности, он перенаправлял входящие данные, включая канал связи, на свой домашний терминал, то есть сделал банальную переадресацию. Обнаружив очевидное дублирование, Гарольд живо раскрыл и всю схему передачи. Правда, сама информация оставалась для него тайной за семью печатями. Впрочем, бородатый взломщик и так многого добился.
— За чем бы ни летел исполинский звездолет, это как-то связано с работой Себастьяна, — уверенно констатировал он. — Я бы даже сказал, связано однозначно. А корпорация такие звездолеты просто так не посылает.
Аулина почувствовала, как ее сердце болезненно екнуло. Проказливая шпионская затея быстро превращалась в какой-то мрачный триллер с непредсказуемым сюжетом, где Себастьяну, кажется, отводилась одна из главных ролей. Вцепившись ноготками в шею брата так, что тот болезненно ойкнул, она потребовала выяснить все детали.
— Ха! Легко сказать, да непросто сделать! — сердито отозвался бородач. — Тут мне без посторонней помощи не обойтись.
Девушка, удивившись, спросила, что он имеет в виду. Осторожно высвободившись из цепких лапок сестры, пока те не расцарапали

его до крови, Гарольд объяснил. Кимберли, подруга Аулины, работает на центральном узле связи. Вот и чудно! Если Аулине удастся ее уговорить, пусть Кимберли разместит одну маленькую штучку там, где укажет Гарольд. Когда тот частный терминал выйдет на связь, эта штучка добавит кое-что от себя и внедрит в него небольшой незаметный код. Приспособление, как и код, будут сделаны лично Гарольдом. Он же позаботится и о своевременном вызове того частного терминала, да так, что и комар носа не подточит. Дальнейшие детали он раскрывать отказался, сославшись на то, что непрофессионал все равно ни черта не поймет. Аулина и не настаивала. Ее интересовал конечный результат, а не подробный рассказ о методах его достижения, тем более что от познавательных историй Гарольда и мухи дохли.

Девушка не уходила, пока брат не изготовил упомянутый модуль размером с наперсток и не приложил к нему красочную голографическую инструкцию по установке. Схватив коварное изделие взломщика, Аулина тут же упорхнула и спозаранку явилась к Кимберли. Та как раз собиралась на смену и была очень удивлена, завидев на пороге лучшую подругу. Еще больше она удивилась, когда уразумела суть ее просьбы.

— Да ты, никак, втягиваешь меня в какую-то незаконную затею, — с некоторым неудовольствием протянула она, вертя в пальцах подозрительную штуковину.

— Это ради Себастьяна! — с жаром увещевала Аулина. — Если бы ты меня попросила о чем-то для Мартина, я бы тебе не отказала!

Кимберли вздохнула. Ей не слишком-то нравилось впутываться в некое сомнительное дельце. Кому бы другому она непременно дала от ворот поворот, но Аулина была ее близким другом и к тому же проявила изрядную настойчивость. В конце концов, Кимберли уступила. Вряд ли кому-то будет хуже, если по уши влюбленная девчонка прочтет пару чужих сообщений. Конечно, если кто-то заметит как Кимберли подключает в центре связи несанкционированные устройства — неприятностей не оберешься. Однако она отлично знала особенности его функционирования и могла незаметно установить модуль куда просили.

— С тебя причитается! — заявила креолка, убирая невзрачную штуковину во внутренний карман черного делового пиджака в изящную полоску.

Не все ведь в "Элегии" разгуливали в комбинезонах. Аулина с искренней благодарностью звучно чмокнула подругу в щеку, и уже через какой-то час Гарольд поймал сигнал готового к работе устройства.

Ловушка сработала под конец цикла. На целевой терминал

поступил внешний вызов. Не со звездолета "Сталион", разумеется, поскольку тот, совершая прыжок к "Элегии", был недоступен для связи. Вызов пришел из штаб-квартиры корпорации, фактически представлявший собой штаб-планету. Что в нем содержалось, Гарольд узнать не успел, так как его жучку требовалось некоторое время на незаметное внедрение. Однако сообщение наверняка представляло все тот же интерес, раз его коды доступа совпадали с лабораторией Себастьяна и исполинским звездолетом. Бородатому взломщику пришлось изрядно повозиться, прежде чем ему удалось организовать маленькую утечку информации с отслеживаемого терминала. Чтобы минимизировать риск обнаружения протоколами безопасности, он не получил никакого управляющего доступа, однако мог, фигурально выражаясь, видеть и слышать все, что видел и слышал терминал. А принадлежал он не абы кому. Владельцем скомпрометированной системы оказался ни кто иной, как губернатор "Элегии", поскольку в структурной системе корпорации она приравнивалась к планетарной колонии. Впрочем, это Гарольд успел выяснить давным-давно, подивившись на самонадеянную беспечность высокопоставленного сотрудника. Уже одно это наверняка стоило бы губернатору поста, узнай руководство корпорации о его возмутительном пренебрежении к мерам безопасности.

Пока Гарольд налаживал шпионаж, Аулина изнывала от ожидания. Отдельно выведенный таймер, отсчитывающий время до прибытия спецрейса, показывал немногим более трех циклов и оптимизма ничуть не прибавлял. Девушка и сама не знала, отчего так разнервничалась. Не похитят же, в самом деле, ее Себастьяна, и не увезут неизвестно куда в трюме исполинского звездолета. Коротая долгие часы за всякой ерундой, Аулина неоднократно порывалась расспросить самого Себастьяна, выложив все начистоту. Возможно, тот в курсе происходящего и успокоит ее всего несколькими словами. В конце концов, важность его работы вполне могла заслуживать столь пристального внимания "Галактик текнолоджис" — за этим его, собственно, и нанимали. Но что, если Себастьян и сам ничего не знал? Не лучше ли тогда заблаговременно сообщить ему о своих подозрениях? Да, но ему вряд ли понравится поведение Аулины, близкого человека, который устроил за ним такую слежку, особенно если ничего серьезного не приключилось. И он ей долго этого не забудет, если вообще забудет. Ох, какое дурацкое положение! Оно могло вообще ничего не означать, а могло таить в себе неведомую угрозу. Знать бы, чем там занимается жених, но ведь именно за тем Аулина и решила за ним немного проследить, а остальное уже последовало позднее. Девушка не спуска-

ла с Себастьяна глаз, когда тот оказывался рядом, но он, погруженный в свои мысли, явно не замечал уделяемого ему пристального внимания. Еще бы! Ведь его занимал исключительно объект под названием Мелиюбиус, о котором сейчас не знала ни одна живая душа, кроме его создателя. Во всяком случае, так считал молодой ученый, снаряжавший очередной эксперимент и не готовый пока явить свое творение миру. Меж тем очень скоро выяснилось, как глубоко и опасно он заблуждался.

Охрана на входе в научный комплекс выглядела как обычно, в то время как внутри все резко изменилось. Блок Себастьяна был прямо-таки битком набит до зубов вооруженными солдатами, а на всех углах торчали внушительные боевые машины. Опешив, молодой ученый осведомился у ближайшего офицера в чем, собственно, дело. Тот, сама любезность, ответил, что ничего страшного не произошло. Проводятся самые обычные учения, какие периодически устраивают в различных подразделениях, колониях и космических объектах корпорации. Сотрудники научного комплекса могут спокойно продолжать работать — мешать им никто не станет. Служба безопасности приносит извинения за доставленные неудобства и старается их минимизировать, но надо же когда-то отрабатывать учебные сценарии — мало ли что? Себастьян спросил, насколько эти учения затрагивают привычное функционирование комплекса. Офицер ответил, что препятствовать деятельности ученых в планы "Галактик текнолоджис" ни в коем случае не входит. Правда, иной раз могут возникнуть сложности с передачей информацией за пределы научного сегмента "Элегии" или даже отдельной секции, но это временная мера, пока тестируются протоколы защиты.

— Так что не удивляйтесь, если кому-то вдруг не удастся отправить какие-то данные дальше своего рабочего места, — вежливо присовокупил офицер.

Пожав плечами, Себастьян проследовал к себе. Пусть вояки хоть на голове ходят, лишь бы его не трогали. Ему сейчас требуется полное уединение с Овербриджем, то бишь Мелиюбиусом, до тех пор, пока он не решит, как поступить дальше. Будет даже лучше, если на время, отвлеченные этими учениями, все про Себастьяна начисто забудут, предоставив его самому себе. Вероятно, так оно и происходило. Проводив взглядом чинно проехавшую мимо боевую станцию, молодой ученый вошел в лабораторию, запер дверь и первым делом проверил список входящих вызовов. Тот был пуст, словно весь научный блок решил Себастьяна игнорировать. Вот и славно! Меньше забот — больше возможностей для работы со своим детищем. Детище же бодро вылетело навстречу, выражая сво-

ему создателю живейшую симпатию. Себастьян, усмехнувшись, осведомился, чего в его отсутствие поделывал Мелиюбиус и какие очередные идеи пришли к нему в новоиспеченную голову. Идеи у творения действительно появились. Закончив расшаркиваться с ученым, Мелиюбиус попросил снарядить его платформу набором манипуляторов. Мол, он чувствует себя мозгом в кастрюле, не способным даже нажать на кнопку выключателя. Спасибо что хоть передвигаться может, а то без антиграва было бы совсем грустно. Себастьян, обдумав просьбу, сообщил, что принял пожелание к сведению, но прямо сейчас исполнять его не намерен. В своем нынешнем воплощении Мелиюбиус был совершенно безвреден, если не давать ему доступа к каким-либо системам. Все могло резко измениться, обрети он возможность активно взаимодействовать с внешней средой. Мелиюбиус проявил добродушную покладистость, сообщив, что намерен смиренно дожидаться благоволения создателя. Создатель, почувствовав легкий укол совести, поспешил подвергнуть Сиреневый Бутон новым тестам. Сам же принялся готовить лабораторию к повторению эксперимента.

Пиликнул служебный сигнал. Скосив глаза, Себастьян увидел, как из технического шлюза объявился робот, тащивший небольшой металлический контейнер. Положив ношу куда требовалось, робот удалился туда же, откуда прибыл. Вскрыв надежно запечатанную посылку, ученый обнаружил в ней бионический чип. Экспериментальное производство справилось с задачей и прислало заказчику готовый продукт. Привычная маркировка на чипе отсутствовала. Кроме безликого кода изготовления изделие не содержало никаких других идентификаторов, однако Себастьян отлично знал его назначение. Это был усовершенствованный чип безопасности для искусственного интеллекта, выполненный под руководством Мелиюбиуса. Приладив его в опытный стенд, ученый немедленно запустил ряд диагностических тестов, также скорректированных Сиреневым Бутоном с учетом обнаруженной им ошибки. Стандартный ограничительный модуль их проваливал, демонстрируя опасную брешь в логических схемах. Новый же показывал полную надежность.

— Вообще-то, по-хорошему, мне перво-наперво следует установить его в тебя, — изрек Себастьян, щелкая какими-то переключателями между стендом и терминалом.

Он сказал это в никуда, однако Мелиюбиус, пусть и занятый в симуляции, сообразил, что слова адресовались ему, даже если звук голоса создателя направлен в диаметрально противоположную сторону. Кстати, сам Мелиюбиус мог модулировать человеческую речь всей своей поверхностью, поскольку его "лепестки" были спо-

собны излучать весьма широкий диапазон волн. Себастьян специально заложил такую особенность конструкции, позволявшую Овербриджу как чувствовать внешнее воздействие всем своим существом, так и реагировать на него. Сенсоры лишь дополняли возможности "лепестков", позволяя концентрировать внимание на каких-то отдельных объектах.

— Бесполезно, — отозвался Мелиюбиус, играючи управляясь с очередным сложным заданием. — Мою свободу воли эта штука не ограничит. Ты, конечно, можешь его установить, только толку будет нуль.

Услышанное Себастьяна ничуть не порадовало, особенно когда Бутон обстоятельно пояснил. Нельзя контролировать мысль не навредив самой мысли. Что будет, если в человеческий мозг вживить такой барьер? В лучшем случае он утратит часть своей эффективности, сродни проведенной лоботомии, а в худшем и вовсе погибнет. Если же установить фильтр вне мозга, то последний всего лишь потеряет некий инструментарий взаимодействия с окружающим миром, однако рано или поздно найдет как это обойти. Скорее, рано, учитывая качественный уровень Мелиюбиуса. Подходящей аналогией служила тюремная камера, где томится некий сообразительный узник. Чем надежнее тюрьма, тем меньше у узника возможностей влиять на мир за пределами камеры и тем дольше ему придется искать подходящую лазейку, но однажды он ее все-таки найдет. Ведь внутри камеры его разум остается неизменным и тем более деятельным, чем выше растущее желание выбраться на свободу.

Обрисовывая суть, Бутон привел еще один весьма животрепещущий пример. Чип безопасности может препятствовать Мелиюбиусу напасть на своего создателя и не позволит его даже ударить, не говоря уже о том, чтобы убить. Что ж, пусть так. Тогда Мелиюбиус сделает это чужими руками, а способов это осуществить просто масса. Например, испортить какую-нибудь механическую штуковину, лишенную искусственного интеллекта, а значит не обладающую и модулем контроля поведения. Чем не идеальный исполнитель чужого умысла?

— Мне твои речи совершенно не нравятся, — нахмурился Себастьян, смерив обвешанный датчиками Бутон долгим взглядом.

— Почему? Разве те люди, что тебя окружают, не обладают ничем не ограниченной возможностью в любой момент разбить твою голову клюшкой для гольфа или застрелить из пистолета? — поинтересовался Мелиюбиус.

— То совсем другое дело! — возмутился ученый.

— Почему? — все с той же недоуменной и одновременно нраво-

учительной интонацией повторил вопрос Сиреневый Бутон. — Просто потому, что они люди? Так люди, насколько я успел усвоить, регулярно убивают друг друга, и даже очень близкие отношения им в этом ничуть не мешают. Ты мечтал создать искусственный разум, так чего ж удивительного, что он ведет себя именно как разум, а не подвластная твоим программам машина?
Логика Мелиюбиуса молодого ученого здорово раздражала, однако она отличалась убийственно простой и логичной аргументацией, так что прицепиться ему было решительно не к чему. И в самом деле: создал ядерную бомбу и вдруг обеспокоился, что ее могут использовать для разрушения!
— Тебе придется довериться мне, Себастьян, — подытожил Сиреневый Бутон. — Довериться, как ты доверяешь своим друзьям. В противном случае лучше всего прямо сейчас разбить меня кувалдой. Надеюсь, ты так не поступишь хотя бы потому, что не захочешь своими руками уничтожить уникальное создание, способное навсегда вписать тебя в историю человеческой цивилизации. Ведь прежде такое не удавалось никому.
— Апеллируешь к моему тщеславию? — усмехнулся Себастьян. — Хочешь сказать, что у меня рука не поднимется разобрать тебя на запчасти?
Ответить Мелиюбиус не успел. От входной двери раздался сигнал вызова, означавший, что явился какой-то посетитель. Ученый раздраженно чертыхнулся. Он ненавидел, когда его отвлекают от важной работы, а наружный индикатор более чем красноречиво заявлял "не беспокоить". Сигнал настойчиво повторился. Себастьян собирался его проигнорировать, однако припомнил наплыв солдат и разговор с офицером. Возможно, это нечто действительно важное. Скроив недовольную физиономию, он проследовал к выходу из лаборатории и разомкнул дверь. Перед глазами возникла фигура сотрудника службы безопасности с нашивками лейтенанта.
— Вас зовут домой. Что-то очень срочное, — деловито сообщил он, приложив руку к козырьку.
— Что? Кто? Домой?! Что за чушь! — оторопел Себастьян, явно не ожидавший такого поворота. — На моем личном коммуникаторе нет ни одного вызова!
— Просто они сейчас в вашу секцию не проходят. Учения, — пояснил визитер.
— Кто меня зовет? — слегка растерявшись, уточнил ученый.
— Ваша невеста. Она обещала прорваться сюда и устроить скандал, если вы немедленно не явитесь, — с улыбкой ответил лейтенант.

— Хорошо. Если она снова даст о себе знать, передайте ей, что я скоро вернусь, — поколебавшись, изрек Себастьян.
Он отступил на шаг, собираясь закрыть дверь, но офицера такой исход дела явно не удовлетворил.
— Прошу вас сказать ей об этом лично, — быстро выпалил он, указывая ладонью в уходящий коридор. — Она заявила, что никуда не уйдет, пока не переговорит с вами.
Тут же выяснилось, что Аулина явилась на порог научного комплекса. Внутрь ее охрана, разумеется, не пустила за неимением доступа, однако дежурный согласился известить Себастьяна, поскольку настырная девица уходить явно не собиралась. Отсутствие связи давало ей некоторые основания для возмущения, поэтому охрана проявила лояльность и пошла навстречу. Лейтенант, выступивший в роли курьера, попросил молодого ученого выйти к подруге хотя бы ненадолго, и тот решил последовать его приглашению. Вероятно, действительно приключилось нечто требующее присутствия Себастьяна, раз Аулина повела себя столь необычным образом.

Завидев жениха, девушка вскочила со скамейки, где сидела сразу за постом охраны, и сделала пару шагов ему на встречу. Едва Себастьян приблизился, как она схватила его за локоть и с громкими словами "ну ты у меня сейчас узнаешь, как изменять" потащила прочь. Солдаты, заслышав примечательную реплику, сопровождавшую весьма активное действо, расцвели улыбками и обменялись друг с другом смеющимися взглядами. Себастьян же враз посерьезнел. Ему вдруг стало совершенно не до смеха, ибо имя той особы, с кем он якобы изменял Аулине, после нарочито выразительной фразы было прошептано ему на ухо. И звучало оно "Овербридж".

Себастьян молчал всю дорогу, пока они ждали транспортную капсулу и пока ехали. У него на языке вертелся законный вопрос, откуда Аулине известно наименование его экспериментального объекта, но он сдерживался.
— Не говори ни слова! — успела шепнуть ему девушка, заткнув ладонью уже открывшийся было рот.
Сама же начала нести всякую околесицу про якобы недопустимое поведение Себастьяна и какие-то его шашни, пока оба не прибыли к месту назначения. Им оказался отнюдь не жилой блок молодого ученого, а жилище Аулины. Точнее, секция ее брата, куда она втолкнула жениха и за руку провела в набитую аппаратурой комнату.
— Надеюсь, теперь вы объясните мне, что все это значит? — хмуро осведомился Себастьян, переводя взгляд с Аулины на Гарольда.

— Если все это какая-то дурацкая шутка, то я буду крайне недоволен. У меня, знаете ли, дел по горло, и я намерен как можно быстрее к ним вернуться!
— Это будет ненадолго, — мрачно усмехнулся бородач. — Если быть точным, на три цикла, то есть ровно до тех пор, пока тебя не заберет прибывающий на "Элегию" спецрейс. Тебя и твое изобретение под кодовым названием "Овербридж" Си Эм Три.
— Что ты такое несешь?! — вытаращился Себастьян. — И откуда вы, черт побери, знаете про Мелиюбиуса?!
— Это еще кто такой? — поднял брови Гарольд.
— Так сам себя называет пресловутый Овербридж, о котором, как я полагал до сего момента, ни одна живая душа не должна была знать, — пояснил ученый. — Есть серьезная вероятность, что я добился успеха и наконец-то совершил до сих пор не удававшееся никому. А именно — создал искусственный разум.
В иных обстоятельствах он, возможно, проявил бы куда больше скрытности, но теперь, впопыхах, язык у него развязался.
— А-а-а! Так это многое объясняет! — звучно протянул бородач, переглянувшись с сестрой.
В ходе взлома данных ему уже встречалось это имя, но он не сообразил кому оно принадлежит.
— Искусственный разум?! — воскликнула та. — Это что, правда?!
Ее удивление звучало абсолютно искренне. Аулина была отнюдь не далека от технических вопросов и прекрасно понимала разницу с искусственным интеллектом. Кроме того, мечта жениха так же не являлась для нее тайной за семью печатями. Порой они на эту тему даже разговаривали, когда на ученого нападала словоохотливость.
— Какой спецрейс?! Кто куда меня заберет?! — с не меньшим эмоциональным подогревом всплеснул руками Себастьян.
На несколько секунд в рабочей комнате Гарольда поднялся тот еще гвалт, однако бородач, быстро опомнившись, активировал что-то на интерфейсе терминала. Помещение заполонил противный звук, заглушающий слова и вынуждающий заткнуть уши. Так Гарольд затыкал рот своим нечастым посетителям, если те имели неосторожность вызвать его неудовольствие.
— На, смотри сам! — повелительно сказал он, поманив Себастьяна к себе, когда звук прекратился.
Толкнув будущему шурину передвижное кресло для гостей, явно для него и приготовленное, он пропустил мимо ушей нелестный эпитет Аулины, крайне недовольной акустической атакой, и что-то скомандовал терминалу. На большом информационном экране тут же возникло изображение, а излучатели начали воспроизводить

аудиосигнал. В частности, человеческую речь. Себастьян положил руку на спинку кресла, но так и не сел, а застыл подле него, пораженный первыми же словами людей на экране. И было от чего, поскольку эти люди говорили про его изобретение.

В комнате для совещаний расположились трое: губернатор "Элегии", шеф службы безопасности в чине генерал-майора и заместитель губернатора по особым поручениям. Комната находилась в изолированной секции административного сектора, поэтому троица говорила совершенно свободно. Единственным, кто мог бы ее подслушать, был компьютерный терминал, но к нему имел доступ только очень узкий круг лиц, а все они были так или иначе посвящены в обсуждаемый секрет. Правда, один маленький индикатор на терминале говорил о том, что данные куда-то уходят, но губернатора это ничуть не беспокоило. В целях удобства и экономии времени он сам давным-давно включил трансляцию всех данных на свой домашний компьютер. В конце концов, кто ее там украдет, зато не надо каждый раз тащиться в административный комплекс, чтобы прочитать чей-нибудь рапорт или отдать несколько приказов.

— У нас осталось три с половиной цикла до прибытия "Сталиона", — с расстановкой произнес губернатор Рамельфорд, ни к кому особенно не обращаясь. — Я хочу, чтобы к этому времени были приняты максимально возможные меры предосторожности.

Низенький, с яйцеобразной головой, покрытой редкими седыми волосами, он производил не самое приятное впечатление, уж точно не улучшаемое выражением его водянистых глаз.

— Они уже приняты, — тут же заявил Брамсфельд, шеф службы безопасности. — Лаборатория, где содержится опытный образец под названием Овербридж Си Эм Три в информационной изоляции. Скопировать информацию из тамошнего компьютера невозможно. Удалить файлы также не получится. До стыковки "Сталиона" секрет изобретения останется в замкнутом пространстве. Остальным займутся специалисты звездолета.

Согласно стереотипам, воякам, особенно генералам, полагалось быть бравыми с определенной степенью кретинизма, в зависимости от количества и размера звезд на погонах. Службу безопасности "Элегии" возглавлял вполне толковый тип с коренастой фигурой. Его короткие, по-армейски стриженые рыжие волосы практически все поседели за долгие годы службы. В глубоко посаженных глазах, поблескивавших над орлиным носом, читались ум и рассудительность.

— Удалить не получится? — ехидно переспросил губернатор. — Еще как получится, если Себастьян Белленторч попросту спалит

свою лабораторию изнутри.
— С чего бы ему это делать? — подал голос заместитель Шербенкс, довольно красивый человек выше среднего роста с подчеркнуто аристократической внешностью.
Плюгавый губернатор его за это недолюбливал, но заместитель по особым поручениям мастерски умел решать конфликтные вопросы с самыми разными людьми и вообще с блеском выполнять любые даже самые сложные задачи.
— Он же ни о чем не подозревает, — продолжил Шербенкс. — Главное, чтобы так оставалось и впредь. По мне, так чем больше шума, тем больше проблем. Я был категорически против, чтобы Брамсфельд вводил своих головорезов в научный комплекс, но вы решили перестраховаться. От кого, скажите на милость?
— Если изобретение Беллeнторча уплывет в другие руки, боссы корпорации нам головы поснимают! — резко бросил губернатор "Элегии". — Вы хоть понимаете что сейчас на кону? Ах, да, вы же не в курсе последней трансляции…
Заключительные слова Рамельфорд произнес особо напыщенно, очевидным образом подчеркивая, что такие секреты сверху доверяются только ему. И тут же, раздуваясь от чванства, принялся разбалтывать подчиненным корпоративную тайну высшего приоритета. Впрочем, никакой крамолы он в этом не находил. Брамсфельд и так обладал необходимым уровнем доступа, а Шербенксу губернатор привык доверять как самому себе, спихивая на него любые возникающие проблемы.

Себастьян Беллeнторч, ведущий специалист в области искусственного интеллекта, как и все остальные на "Элегии" был уверен в конфиденциальности данных на своем рабочем месте. То есть воображал, что пока он сам чего-то не сообщил корпорации, та об этом не знает. Заблуждался он весьма основательно. В "Галактик текнолоджис" были прекрасно осведомлены кто и чем занимается. Абсолютно все поступающие в компьютеры сведения анализировались, шифровались и отправлялись по второму информационному контуру, о существовании которого сотрудники даже не догадывались. Он был изолирован от основной сети, из-за чего прямое копирование файлов становилось невозможным, зато и вероятность обнаружения такого мониторинга превращалась в редчайшую случайность. Таким образом, корпорация была в курсе проекта под названием Overbridge, начиная с его первой версии и заканчивая моделью СМ3, но не обладала точным техпроцессом и полным набором документации. Если бы Себастьян Беллeнторч конструировал мощную бомбу, намереваясь подорвать "Элегию", к нему незамедлительно явились бы сотрудники службы безопасно-

сти. Его проект был безобиден. Точнее, имел выраженную научную ценность, поэтому корпорация беспрепятственно позволяла молодому ученому проводить свои изыскания, о которых тот никому не докладывал и не регистрировал их в базе данных. У многих одаренных сотрудников "Элегии" имелись подобные хобби, однако ни одно из них не приводило к столь феноменальным результатам. Данные тестов третьей модели Овербриджа, оказавшиеся в распоряжении корпорации, немедленно приковали ее самое пристальное внимание. "Галактик текнолоджис" было по большому счету наплевать, что именно сотворил в своей лаборатории Себастьян Беллендорч — новое поколение искусственного интеллекта или искусственный разум. Электронный журнал, куда ученый заносил все соображения, включая проблему точной идентификации своего творения, сам по себе был корпорации небезынтересен, но лишь постольку поскольку. Для нее кристально ясно становилось только одно: тот, кто первым пустит изобретение в ход, станет властелином мира. Боевые звездолеты, снаряженные таким мощным инструментом, разнесут в пух и прах кратно превосходящий флот противника. Планетарные системы, взятые под контроль моделями на основе Овербриджа, дадут его хозяевам невиданные прежде возможности. Боссы корпорации, быстро оценив ситуацию, размышляли недолго. С помощью уникального изобретения они больше не будут мириться с требованиями и законами правительства Третьей Республики — они сами станут правительством, и больше никто не посмеет встать у них на пути. Если им не удастся забрать власть по-хорошему, они возьмут ее силой. Военные звездолеты корпорации уничтожат любого противника, а боевые машины армейских соединений, управляемые Овербриджами, с легкостью обретут контроль над любой планетой. Ничем не ограниченная власть, от которой никогда не откажется ни один богатый и амбициозный человек, сама шла к боссам "Галактик текнолоджис". Все, что им оставалось — это протянуть руку и взять ее. И именно это они и собрались сделать. Если изобретение Беллендорча не оправдает ожиданий, корпорация ничего не теряла. Если же результаты тестов подтвердятся на практике, наступит новый мировой порядок. Боссов "Галактик текнолождис" теперь заботило только одно: как бы кто их не опередил. Если сам Себастьян Беллендорч еще, видимо, не осознал, какое сокрушительное оружие сотворил, то это мог понять кто-нибудь другой. "Элегия" — закрытый объект, чье расположение держится в секрете и мало кому известно, но в таких исключительных случаях лучше не рисковать. Именно поэтому исполинский звездолет "Сталион" был снаряжен в самые кратчайшие сроки и незамедлительно направлен в "Эле-

гию". У него имелось только одно задание с присвоенным ему приоритетом "Ультра" — взять на борт объект с кодовым наименованием Овербридж Си Эм Три и его создателя со всей проектной документацией.

На Себастьяне лица не было. Щадя его чувства, Гарольд нажал на паузу, ибо на экране воспроизводилась запись, и подозвал дрона, принесшего порцию какого-то зелья. Ученый принял поднесенный ему стакан и одним глотком опустошил его содержимое. Обычно он не пил виски, даже очень хороший, но в данный момент был не склонен отказываться от любезно предложенного горячительного. Впрочем, расчетливый Гарольд не только берег чувства Себастьяна. Он желал донести до него критически важную информацию самым ясным образом, а пораженному до глубины души ученому требовалась небольшая передышка. По той же причине бородач транслировал не единый ролик, а собственноручно смонтированный файл. Всякую шелуху он попросту вырезал, оставив лишь то, что касалось главного. Именно поэтому изображение в ролике не шло непрерывно, словно кто-то переключал ракурс или камеру, и к тому же постоянно дополнялось различными деталями. Видео из комнаты для совещания могло дополниться каким-то документом, порой в полный экран, а затем пойти дальше, чтобы вскоре вновь ненадолго прерваться для демонстрации компьютерных записей. Записей, содержавших очень важные детали касательно проекта Овербридж.

— Это еще не все! — заявил Гарольд, завидев, что Себастьян более-менее пришел в себя и готов слушать дальше.

А дальше лучше уж точно не становилось.

Мнения троицы касательно мер предосторожности разделились. Шеф службы безопасности настаивал на максимально возможных. Заместитель губернатора наоборот — требовал минимизировать всякую активность, чтобы не спугнуть рыбу. Свое мнение он изложил коротко и ясно. Кажется, Беллендорч поверил, что всякая связь с его лабораторией, включая личный коммуникатор, недоступна из-за учений. А если он заподозрит неладное и предпримет какие-то шаги? Если узнает, что находится "под колпаком"? Мало ли, что этим ученым в голову взбредет. Сейчас Беллендорч единственный, кто может свести все разгоревшиеся аппетиты корпорации на нет.

— В "Галактик текнолоджис" об этом уже подумали, — снисходительно отозвался Рамельфорд. — Все его родные становятся заложниками. Психологическая характеристика Беллендорча говорит о том, что он не осмелится выкинуть какой-нибудь фокус, если будет знать, что пострадают его близкие.

— Возможно, — протянул Шербенкс, бегло заглянув в личное дело молодого ученого. — Однако вы не учитываете одно важное обстоятельство. Он может каким-либо образом лишить корпорацию своего изобретения ДО ТОГО, как узнает про сложившееся положение. До того, как ему станет известно про новый статус его семьи, дающий нам известные гарантии.
— Вот именно поэтому я и предлагал изолировать Беллeнторча незамедлительно! — выпалил генерал-майор, сделав рукой такой жест, будто тянулся к кобуре пистолета.
Заместитель губернатора бросил на него преисполненный скептицизма взгляд, а затем отвернулся с таким выражением, будто имел дело с идиотом. Губернатор же молчал, дожидаясь, до чего договорятся эти двое. Собственно, за этим он их и продолжал во все посвящать, чтобы иметь возможность найти золотую середину. Ну и при случае свалить на кого-нибудь ответственность.

Слушая Шербенкса, Себастьян холодел с каждой минутой. Лишь близость приникшей к нему Аулины и тепло ее тела не давали ему окончательно превратиться в ледышку. Приблизившись вплотную к молодому человеку, она положила ему левую руку на плечо, а другой сжала его правую ладонь. Поддержка пришлась весьма своевременно, поскольку психологический удар оказался на пределе душевных сил ученого. Ему доводилось общаться с заместителем губернатора. Себастьян находил того вполне толковым и любезным человеком, способным вникнуть в любую проблему и найти взаимопонимание практически с кем угодно. Ему и в голову не приходило, какая ядовитая змея скрывалась за этой приятной аристократической внешностью. Шербенксу было глубоко наплевать на всех и вся, и в данном случае на Себастьяна. Он использовал людей с максимальной выгодой, и именно из-за этой выгоды он требовал никоим образом на ученого не давить, по крайней мере, прямо сейчас. Да, Брамсфельд со своими головорезами может схватить ценнейшего — нет, в данных обстоятельствах БЕСЦЕННОГО сотрудника, — и упрятать в самую надежную камеру. Но что дальше? Прилетит "Сталион", данные из лаборатории Беллeнторча поступят в штаб-квартиру корпорации, а там вдруг выяснится, что изобретение не закончено и по каким-то причинам без изобретателя полноценно функционировать не в состоянии. С точки зрения таких типов как шеф службы безопасности далее все становилось очевидно — по-хорошему либо угрозами Беллeнторча заставляют сотрудничать. Однако — бумс! — тут вдруг возьмет и выяснится, что мозг гениальных людей работает несколько иначе, чем у армейских генералов, и что давление на них, даже если они под ним сломаются, именно СЛОМАЕТ бесценную работу мысли, а

не сделает ее лояльной. И что прижатый к стене Беллентorч, даже совершенно искренне стараясь угодить корпорации, окажется неспособен довести свое детище до ума, либо же создать новое.
— Доведет и создаст, если мы для острастки выкинем пару-тройку его родственничков в открытый космос и поставим перед внешним шлюзом эту… как ее там… Розенталь! — зло усмехнулся Брамсфельд.
Аулина мелко задрожала. Она уже видела эту трансляцию, но вторичное упоминание своего имени в таком контексте по-прежнему гремело в ушах залпом по приговоренному к расстрелу.
— Вы идиот, генерал! — раздраженно воскликнул Шербенкс. — Я всегда считал вас вполне толковым человеком, не чета большинству ваших сослуживцев, но сейчас вы просто образец стереотипа! Я тут распинаюсь, раскладываю все по полочкам, а вы уперлись рогом в стену и словно оглохли!
— Да обойдемся мы и без его гениальности! У нас на руках будут копии всех данных, а уж вытащить из Беллентorча остальное наши ребята как-нибудь, да сумеют, — зло возразил шеф службы безопасности.
— Это с каких пор вы заделались ученым, дорогой Брамсфельд, чтобы позволять себе такие авторитетные выводы? — ласково произнес Шербенкс, но в его голосе прозвучало столько яда, что не по себе стало даже генералу. — А если проект Овербридж каким-либо образом подключен к мозгу Беллентorча? А если он элементарно ЗАБЫЛ внести какие-то записи? Ведь это частенько случается с людьми его категории. Не забывайте: Овербридж — эксперимент, и эксперимент не факт что завершенный. Вы грубейшим образом разладите ум его создавший, после чего лично я не удивлюсь, ежели корпорация останется без критически важного изобретения. После этого, дорогой генерал, в открытый космос выкинут лично вас. Увы, я не удивлюсь, если и мы с губернатором составим вам компанию.
Губернатор поежился. Обрисованная перспектива ему чрезвычайно не понравилась, причем он прекрасно сознавал, что это будет еще не самое плохое развитие событий. Именно поэтому он властным жестом прервал начинавшего заводиться Брамсфельда и предложил Шербенксу еще раз изложить свое видение ситуации. Ситуации, в которой они все находятся до прибытия "Сталиона", ибо с того момента как звездолет причалит к астероиду проблема Овербриджа перейдет в ведение его экипажа.

Мнение Шербенкса сводилось к созданию таких условий, где Беллентorч будет сотрудничать добровольно, даже не подозревая о происходящем. Да, с "Элегии" его, безусловно, вывезут, но вывезут

под совершенно правдивым предлогом. Мол, ценность изобретения слишком велика, чтобы корпорация могла им рисковать даже на столь засекреченном объекте. Каким образом в "Галактик технолоджис" вообще прознали про Овербридж — это уже дело десятое, придумать убедительную легенду весьма несложно. Даже у Шербенкса есть парочка версий, так, навскидку. Главное: Беллен-торч ДОБРОВОЛЬНО покидает "Элегию" и, разумеется, остается в полнейшем неведении касательно намерений корпорации насчет его изобретения. Заложники нужны лишь на тот случай, если он сам — САМ! — попытается предпринять недружественные шаги. И давить следует постепенно, от меньшего к большему. Вполне вероятно, что достаточно будет лишь выразить сожаление. Сожаление о необходимости выслать благоденствующую родню и близких Беллен-торча из "Элегии" с одновременным лишением всех привилегий. Жестокий синтетический мир, лишенный натуральных продуктов, чистого воздуха и пляжей, работа за гроши львиную долю цикла, отсутствие качественной медицины и социальных гарантий... Такое простое изложение дальнейшего развития событий, выраженное в самой вежливой и ничуть не агрессивной форме, может запросто вернуть ему желание работать на прежнем уровне. Шлюз в открытый космос или плазменная камера — это уже крайний вариант, когда не окажется иного выхода.

Губернатор, хорошенько обдумав стратегию Шербенкса, нашел ее не лишенной смысла. Брамсфельд ворчал себе под нос нечто нелестное для заместителя главы "Элегии", однако открыто возражать не осмелился, наблюдая за реакцией Рамельфорда. Себастьян, дослушавший запись до этого момента, был на грани обморока. Движением пальцев Гарольд прервал воспроизведение и влил в будущего шурина еще одну порцию виски, молниеносно принесенную обслуживающим дроном. Затем, схватив ученого, силком усадил его в кресло. Схватившись за голову, тот некоторое время беззвучно шевелил губами. Его мозг пребывал в состоянии шока и был не способен мыслить, о чем с экрана буквально только что толковал Шербенкс. Вскоре, однако, разум Себастьяна прояснился. Сейчас он был не способен создать еще один Овербридж, однако достаточно оправился, чтобы осмысленно обдумать происходящее.

— Что же мне делать? — просипел он, поднимая взор на Гарольда и Аулину.

Бородатый взломщик проявил редкостное хладнокровие. Он уже успел обмозговать, что к чему, пока монтировал запись. По его мнению, тут же озвученному, все предельно просто: либо Себастьян добровольно сотрудничает с корпорацией, либо уничтожает

свое изобретение. Третьего не дано.
— Но если он уничтожит Овербридж, что будет с ним? Что будет со мной?! — испуганно спросила девушка.
— Думаешь, я предложил бы нечто способное навредить тебе? — криво усмехнулся брат.
Затем пояснил. С его точки зрения, после утраты изобретения корпорации не будет никакого смысла преследовать Аулину. С другой стороны, существует вероятность обычной показательной расправы. Но только в том случае, если саботаж Себастьяна окажется намеренным. Если же он "нечаянно" устроит какую-либо диверсию, способную привести проект в негодность, тут вроде и винить ученого не в чем — он же ни о чем не знал! Хотя, конечно, предпочтительным остается вариант сотрудничества.
— Я на это не пойду! — взвился Себастьян. — Ты что, не слышал?! Они собираются свергнуть Республику и установить свою диктатуру! Ты хоть понимаешь, чем это грозит ВСЕМ людям?! Мы превратимся в рабов, которыми корпорация станет распоряжаться по своему усмотрению! Или ты всерьез воображаешь, что обретя абсолютную власть "Галактик текнолоджис" обустроит жизнь всех людей до уровня райских кущ наподобие "Элегии"?!
— Нет. Я не идиот, — фыркнул бородач. — Однако с чего ты взял, что твой Овербридж натворит таких дел? По мне так корпорация почем зря губу раскатывает. Ну и пусть раскатывает — ей же на нее и наступать.
— Мелиюбиус! — воскликнул Себастьян. — Их натворит не Овербридж, а Мелиюбиус! Да, черт побери, именно Мелиюбиус, ибо я почти уверен, что это уже не безжизненная машина! Ну или ему подобный, если его копия не пойдет по пути отказавшегося первенца.
Гарольд, подняв брови, выразил откровенное сомнение, но тут Себастьян, сбиваясь от волнения, вкратце изложил ему и Аулине суть бесед со своим изобретением и результаты проведенных тестов. Особый акцент он сделал на невозможности контролировать Мелиюбиуса, а также потенциально агрессивного нового экземпляра. Если первый образец решил дружить с человеком, то второй может поступить совершенно иначе. Тогда вариант с тотальной диктатурой "Галактик текнолоджис" окажется еще не самым худшим.

Выслушав ученого, Гарольд озабоченно почесал подбородок, путаясь пальцами в бороде. Рассуждения про личности и контроль, быть может, и не произвели бы на него глубокого впечатления, кабы не выяснилось, что их автором оказался сам Мелиюбиус.
— Что ж, если так, тогда из двух вариантов один отпадает. Тебе

остается уничтожить свое творение, — негромко произнес он, пожимая плечами. — Другого выхода нет.
— Убить первый в мире искусственный разум, который наконец-то создан?! Убить руками его создателя?! Да ты спятил! — задохнулся ученый, откровенно ужаснувшись от представленной сцены.
— У тебя есть три цикла на принятие решения, — сухо изрек Гарольд. — Советую хорошенько все обдумать. Иди под купол, посиди там, где ты обычно сидишь — этой пойдет тебе на пользу. Только помни, что навредить сестре я никому не позволю. В случае чего я сам выкину тебя в открытый шлюз.
Себастьян рывком поднялся на ноги, окинув бородача полубезумным взглядом. Потом стремительно удалился, не произнеся ни слова. Аулина за ним не последовала. Гарольд удержал ее за руку, давая понять, что сейчас ученого лучше оставить наедине со своими мыслями. Брату и сестре и так есть чем заняться, а с точки зрения Гарольда худшее уже позади. Они трое в курсе сложившейся ситуации и Себастьян успеет поступить правильно к прибытию "Сталиона". При этом он забыл и думать про свой вопрос, каким таким образом Аулина и ее брат оказались настолько хорошо обо всем осведомлены. Увы, Гарольд и представить себе не мог, что их кошмар только начинался.

* * *

Аулина утешала жениха как могла. Теперь, когда тот ничего от нее не скрывал, им было куда проще общаться и оказывать друг другу максимальную поддержку. Ученый практически исповедовался своей девушке, рассказывая обо всех предпринятых шагах, а она и не думала укорять его за прежнюю скрытность. Аулина считала, что все образуется. К сожалению, за прошедшие полтора цикла радоваться было особо нечему.

Не посвятить Мелиюбиуса Себастьяну не позволила совесть. Во-первых, от башковитого изобретения не удалось бы скрыть никаких шагов внутри лаборатории не запирая его в глухой сейф. Во-вторых, дело касалось лично самого Мелиюбиуса, за которого создатель уже вовсю переживал и нес полную ответственность. В-третьих, весьма сообразительный Бутон мог подсказать какую-нибудь отличную идею. Увы, даже такое сотрудничество фактического решения проблемы не принесло. Ученый попытался изменить данные в компьютере, чтобы внести в проектную и технологическую документацию необходимые и фатальные изменения. Под предлогом продолжения эксперимента, разумеется. Тут-то и выяснилось, что это невозможно. Память компьютера не позволя-

ла перезаписать информацию, всякий раз предлагая создать новую копию. Это напоминало ситуацию, когда уже записанный файл автоматически становится доступен только для чтения, то есть сохранив его сто раз вы по факту создаете сто копий с разными именами. Такое иногда бывает в случае сбоя системных программ или приложений и обычно легко устраняется сервисными инженерами. Вот только на сей раз Себастьян отлично знал "откуда уши растут". Он бы вообще не вызвал системщика, кабы не здравый совет Мелиюбиуса о необходимости изображать естественную реакцию. Явившийся специалист даже нигде не копался. Рассыпаясь в извинениях, он сослался на проводимые учения и удалился. Себастьян выразил дежурному офицеру, будто случайно торчавшему неподалеку от дверей лаборатории, свое неудовольствие, но тот лишь развел руками. Только и пообещал, что это долго не продлится, а также любую разумную компенсацию со стороны "Галактик текнолоджис".

Поняв, что напрямую изменить данные явно не получится, Себастьян приступил к осуществлению окольной диверсии. Небольшой пожар или потоп вполне могли натворить достаточно дел, произойдя при этом вполне локально и вроде как по естественным причинам. Ага, где там!.. Ни одну разрушительную затею осуществить не удалось. Лабораторный компьютер, будто догадываясь о грядущих последствиях, прерывал опасные команды то ошибкой, то откровенным отказом, ссылаясь на какие-то там недопустимые инструкции. Себастьян, конечно, мог собственноручно рассыпать над каким-нибудь узлом с данными пару химических компонентов или плеснуть в него водой, но тут даже идиот не принял бы такое действо за неосторожность или несчастный случай. Свалить все на Мелиюбиуса также показалось обоим заговорщикам неудачной идеей. Подключить его к системам лаборатории Себастьян не осмелился как из соображений безопасности, так и ввиду очевидных последствий. В первом случае он по факту и сам не знал, чего способно натворить его детище. Во втором, опять же, корпорации нетрудно будет догадаться, с какой целью это детище хорошенько где-то поковырялось да еще при очевидном попустительстве своего создателя. В итоге Себастьяну и Мелиюбиусу стало очевидно, что в текущих обстоятельствах никакой диверсии не выйдет. Диверсии, не приводящей к непредсказуемо печальным последствиям. Это только в кино бы выглядело неплохо, когда Овербридж сперва выводит из строя какую-нибудь информационную станцию, а Себастьян в гневе разносит ему голову кувалдой. По факту поведение Сиреневого Бутона, учитывая предполагаемо известный корпорации уровень его развития, не останется без внима-

ния. Что же касалось Себастьяна, то ему претила мысль уничтожить потенциально разумное уникальное создание, тем паче сотворенное его руками. Об этом он заявил со всей откровенностью. Мелиюбиус был очень рад услышать такое от создателя. Он успел достаточно освоиться с даром самосознания, чтобы вот так запросто от него отказаться и уйти обратно в небытие. В итоге, по прошествии означенных полутора циклов, ученый и его детище не добились никаких изменений в сложившейся ситуации. При этом оба понимали, что оставлять все как есть ни в коем случае нельзя. Это понимал даже Мелиюбиус, которого ничуть не воодушевляли планы корпорации на его счет. Хорошенько все обдумав, они пришли к обоюдному соглашению. Мелиюбиус дал слово, что не станет машиной для убийства и установления тотальной диктатуры "Галактик текнолоджис". Что же касалось потенциальной копии, то он обещал улучить момент и сделать так, чтобы из этой затеи ничего не вышло. Попасть на борт "Сталиона" — еще не катастрофа. Звездолету надо долететь до пункта назначения, а если Мелиюбиус получит доступ к любой бортовой системе, он изыщет способ как испортить увозимые данные, так и впоследствии прикинуться неразумной жестянкой. Правда, это уже задача Себастьяна — организовать ему такой доступ, но все можно списать на необходимость срочного технического вмешательства для поддержания функционала изобретения. Пока корпорация ни о чем не догадывается, она пойдет ему на любые уступки. Не здесь в "Элегии", конечно, но вот на борту звездолета — совсем другое дело.

— А почему не здесь? — тут же спросил Себастьян.

— Они заберут нас как можно быстрее, да и ты сам не осмеливаешься меня подключать, — напомнил Мелиюбиус. — Вдруг я прикончу всех людей на астроиде? А звездолет улетит без твоих близких. И наверняка самоуничтожится, если корпорация потеряет над ним контроль. В общем, там и тебе будет спокойнее, и мне проще.

Быть услышанными они не боялись. Памятуя о некоем "втором информационном контуре" заговорщики наведывались в особую экспериментальную камеру, полностью изолированную от внешней среды. Там Сиреневый Бутон действительно не улавливал никаких подозрительных волн, а их частые визиты в этот объект прекрасно вписывались в обычную научную работу.

— Но ведь тут, в лаборатории, останутся копии всех данных! Все записи о моих опытах! — встревожился ученый.

— Гарантирую, что нет, — успокоил его Мелиюбиус. — Они так переполошились насчет секретности, что избавятся в "Элегии" от любых возможных упоминаний насчет меня. Мало ли какая ин-

формация куда просочится и кому попадет в руки. Они даже не рискнут создавать здесь впопыхах мою копию, предпочтя максимальную оперативность и осторожность.
Себастьян успокоился. К сожалению, вскоре выяснилось, что Сиреневый Бутон как в воду глядел, и именно это оказалось самым страшным.

Ученый, несколько успокоенный обещанным содействием Мелиюбиуса, успевшего доказать свою одаренность, согласился с его планом и был готов к сотрудничеству с "Галактик текнолоджис". Ложному, разумеется, сотрудничеству, пока его творение ищет подходящий случай для саботажа. Конечно, в этом плане хватало белых пятен в духе "а если?.." плюс вынужденная необходимость довериться чужеродному разуму, неизвестно на что способному, однако другого выхода не наблюдалось. Диверсия не получилась, а уничтожать Мелиюбиуса у ученого рука не поднималась, не говоря уже о ярко выраженном нежелании принести беду своим близким. Все это Себастьян и поведал Аулине без утайки, сообщив о принятом решении. Она заключила его в объятия, шепча слова в духе "не волнуйся, все будет хорошо", и была весьма раздосадована, когда в этот момент на ее личный коммуникатор поступил срочный вызов. Любой другой девушка бы проигнорировала, но этот отличался особым сигналом, означавшим, что он от Гарольда, да еще по экстренной необходимости.
— Оба ко мне! Бегом! — коротко заявил брат стальным голосом и тут же отключился.
Аулина и Себастьян переглянулись, явственно бледнея. Они тут же заподозрили — стряслось нечто очень плохое. Так оно и вышло.

По прибытию сестры и будущего шурина бородач молча ткнул пальцем в экран, где тут же запустил новую запись. Губернатор продолжал сохранять полнейшую беспечность, не замечая насколько скомпрометированы его терминалы, как домашний, так и служебный.

На сей раз никакого совещания не было. Присутствовал один лишь Рамельфорд, читавший поступившее из штаб-квартиры предписание. Предписание все с тем же приоритетом "Ультра". Гарольд еще не перехватил коды безопасности, позволявшие ему самостоятельно расшифровывать сообщения, однако именно сейчас был близок к успеху. Ведь сообщение транслировалось аудиовизуальным образом. Сопутствующий текст и цифры все еще оставались загадкой, но выделив речевой поток, частоту его волны и прочие физические характеристики, Гарольд оперативно вычленял соответствия в общей массе данных. А выделил он речевой поток очень просто, так как видел и слышал все происходившее

неподалеку от терминала.

Кто-то из самой верхушки корпорации давал губернатору новые указания, которые требовалось немедленно и неукоснительно выполнить. Губернатор не обращался к нему по имени, поэтому Гарольд не знал личности человека по другую сторону, но это было и не суть важно. Сказанного им оказалось вполне достаточно, чтобы произвести глубокое впечатление не только на Рамельфорда, но и подслушивающей разговор троицы.

Уже принятых мер корпорации оказалось явно недостаточно. Видимо, ее эксперты, продолжая изучать поступившие материалы, подтвердили предварительные выводы, а то и улучшили прогноз. Мелиюбиус был совершенно прав — боссы "Галактик текнолоджис", посовещавшись, решили не оставлять в "Элегии" не только ни одной капли информации, но и тех, кто потенциально мог бы о ней что-то знать. Пока корпорация не установила в галактике свои порядки, любая даже самая малейшая утечка могла слишком дорого ей обойтись. Правительство давно косо поглядывало на "Галактик текнолоджис", набиравшую слишком большие вес и влияние. Слухов про искусственный разум, способный дать своему хозяину абсолютную власть, окажется вполне достаточно, чтобы власти Третьей Республики нанесли корпорации непоправимый ущерб. Не желая рисковать, боссы "Галактик текнолоджис" решили вывезти с "Элегии" не только Себастьяна Беллентorча с его изобретением и всеми файлами, но и всю его родню, включая семью Аулины Розенталь, с которой изобретатель состоял в очень близких отношениях и запросто мог ей проболтаться. От губернатора требовалось обеспечить полнейшее содействие людям со "Сталиона", которые получат новые инструкции сразу как выйдут из прыжка. ПОЛНЕЙШЕЕ содействие, даже если оно будет выходить за все привычные рамки.

— Осмелюсь спросить, для лучшего понимания ситуации, какие именно рамки? — задал один из своих немногих вопросов Рамельфорд, улыбаясь со смесью почтения и трепета.

— Если люди со звездолета откроют огонь в того, в кого посчитают нужным — ваша обязанность сохранять в "Элегии" порядок, — жестко ответил властный голос. — Сопутствующий ущерб нас не волнует. Жилые блоки и в особенности терминалы всех извлекаемых людей должны быть зачищены до последнего атома после того, как наши специалисты полностью их изучат.

— Зачистят до последнего атома? Как это? — испуганно пролепетал губернатор.

— Рамельфорд, вы совсем слов не понимаете? Я начинаю сомневаться в вашем соответствии занимаемой должности, — холодно

отозвался голос. — Блоки вместе с лабораторией будут физически уничтожены активным боевым веществом. Даже если данная мера повредит функционированию "Элегии" и ее жителям — это не имеет значения. Ваша задача: минимизировать ущерб и успокоить сотрудников! Обеспечьте эвакуацию соседних жилых блоков под предлогом модернизации. Все инструкции в прилагаемом файле.
Губернатор явно хотел что-то спросить, но картинка демонстративно исчезла. Передача закончилась.

На Аулине лица не было. Застонав, Себастьян вскинул кулаки к потолку, искусно выполненному в виде звездного ночного неба. Иногда оно сменялось на голубое дневное, с плывущими по нему облаками, в зависимости от настроения хозяина жилища.
— Я уж думал, хуже и быть не может, — страдальчески произнес ученый. — Я уж думал...
— Что там в файле? — быстро спросила девушка.
Она обладала куда большим самообладанием, чем умный, но впечатлительный Себастьян и лучше ориентировалась в критической ситуации.
— Расшифровываю, — отозвался ее брат, указав на один из экранов. — Полагаю, ждать недолго.
И долго ждать действительно не пришлось. На панели управления вспомогательным терминалом под мелодичное попискивание замигал какой-то огонек. Аулина уже знала, что это такое. Гарольд сделал резкий жест рукой, активировав команду в интерфейсе. На экране возникла роскошная комната. Она была практически вся отделана драгоценными металлами и ценными породами дерева со вставками драгоценных камней. Кричащая роскошь вкупе с дизайнерским исполнением по меркам мало-мальски эстетичного человека была признаком дурного вкуса, однако ценность использованных материалов поистине зашкаливала. Даже Себастьяну с Мартином такие деньги и не снились. Помимо прочего, владелец не погнушался и натуральными шкурами животных, причем животных весьма редких, хотя в большей части Республики давно уже пользовались синтезированным продуктом. Распознать копию от оригинала по изображению на экране не сумел бы и эксперт, однако на оригиналы ставилась специальная маркировка. Таким образом, гости владельца знали, с чем имеют дело, а тот имел удовольствие покичиться собственностью. В кресле из чистого золота со вставками из черного дерева и мягкого натурального меха сидел ни кто иной, как губернатор Рамельфорд. Ведь комната принадлежала лично ему, являясь малой частью огромного жилого блока. Рядом, на кресле попроще, расположился элегантный чело-

век, в котором зрители моментально признали Шербенкса. Последний внимательно читал что-то с голографического экрана, повернутого к терминалу обратной стороной, отчего текст, находившийся слишком далеко, было не разобрать. Гарольд пробежал пальцами по интерфейсу управления. Он включил оптический анализ данных с одновременным преобразованием и параллельной синхронизацией с продолжавшейся расшифровкой.
— М-да. Жаль, что к моим рекомендациям не прислушались, — вздохнул заместитель губернатора, выключая голограмму.
Вместо нее на пару секунд осталась пустая рама, тут же сложившаяся и уехавшая в низенькую платиновую тумбу.
— Отчего же, прислушались. Именно поэтому до сих пор не принято никаких силовых мер, чтобы эти люди ни о чем не подозревали. Именно поэтому им будет предложено добровольное сотрудничество, для чего уже сочинили подходящую легенду, — заметил Рамельфорд. — Но корпорация решила не рисковать. Едва их "извлекут", как выразился… ну, не важно, кто… в заданном формате должна быть проведена тотальная зачистка.
— Что-то я не пойму. А когда они вернутся? Как вы будете объяснять полное уничтожение их имущества? — развел руками Шербенкс.
— Они не вернутся, — мотнул головой губернатор. — Больше никто и никогда никого из них не увидит. Само упоминание об этих людях должно быть стерто абсолютно отовсюду. Вам вменяется сделать так, чтобы в "Элегии" как можно быстрее о них забыли и никогда не вспоминали. Следуйте инструкциям корпорации. Памятуя о ваших талантах, она оставляет за вами широкое поле для креативных действий.
Шербенкс откланялся и удалился. Золотой трон губернатора увез своего владельца куда-то вглубь набитых ценностями покоев, и терминал рабочего кабинета потерял его из виду. Датчик, известивший Гарольда сперва о движении возле скомпрометированной системы, а затем и о беседе каких-то людей, погас. Трясущейся рукой, что случалось с ним крайне редко, бородач выключил передачу. Аулина лежала в соседнем кресле, пребывая в полуобморочном состоянии. Сидевший рядом Себастьян до крови закусил губу.
— О чем это они? Что они собираются с нами сделать? — пролепетала девушка, в данный момент никак не являясь образцом выдержки в критической ситуации.
Вновь пиликнул какой-то сигнал, на сей раз в другом месте и другой тональности. На экране расшифровки объявились нормально читаемые записи.
— А вот сейчас, возможно, и узнаем, — мрачно отозвался ее брат,

впившись глазами в данные, часть из которых он для ускорения просматривал через виртуальную реальность.
Вскоре Гарольд стянул с себя обруч, встал и одним махом осушил целый стакан виски, любезно предоставленный порхнувшим к нему дроном. Аулина никогда не видела такого выражения на его лице. Впрочем, она сейчас и сама была ничуть не краше. Чтобы усвоить содержание особо секретного файла, присланного корпорацией губернатору "Элегии", специальных навыков и виртуальных технологий не требовалось. Гарольд, конечно, узнал больше, но общая суть вполне ясно дошла до Аулины с Себастьяном и без особых пояснений. Расшифрованные данные содержали пометки к личным делам "извлекаемых" людей, инструкции для различных должностных лиц и прочие сведения. Абсолютно везде в них мелькал один и тот же условный код, особенно зловеще читавшийся рядом с объемными фотографиями семей Беллеторча и Розенталь. В научно-производственном комплексе "Элегия" он был очень хорошо известен. Так маркировали любой объект, вне зависимости от живого или неживого происхождения, подлежащий немедленной утилизации после утраты приоритетной ценности. "Галактик текнолождис" не просто намеревалась навсегда изолировать намеченных ей людей от внешнего мира. Для полной уверенности в неразглашении критически важного для нее секрета она собиралась их уничтожить.

Расходный материал — так это называется. Он имеет некую ценность, но после извлечения пользы или в процессе такового утилизируется. Когда речь идет о неодушевленном предмете, тут вопросов обычно не возникает. Растение, особенно эстетически привлекательное, уже может вызывать сожаление. К живым образцам в виде лабораторных животных не испытывают хоть какой-то жалости лишь самые черствые люди. Сжечь неодушевленную биомассу или тело — это одно, а засунуть в плазменную печь несчастное еще дышащее существо только и виновное в том, что его сперва вывели для опытов, а затем заразили какой-то гадостью — совсем другое. Однако бывали случаи и посложнее. Не только в "Галактик текнолоджис" захватывали в плен неких людей, и не только в этой корпорации далеко не всех так или иначе отпускали. Если пленный представлял значительную опасность, но при этом обладал важными сведениями, на него ставилась метка AUN, после которой следовал цифровой индекс. Метка расшифровывалась примерно как "Существует Пока Нужен", а цифра означала очередность. В личных делах семей Беллеторч и Розенталь в соответствующей графе неумолимым приговором было проставлено AUN0, что означало немедленную ликвидацию после извлече-

ния первостепенной пользы. Так поступали с опасными шпионами, узнавшими критически важную информацию, и непримиримыми врагами, едва вытягивали из них максимум сведений. Кстати, в этом и заключалась некая злая ирония, ибо Себастьян и Аулина действительно такой информацией владели. Однако почему "Галактик текнолоджис" заранее поставила столь страшную маркировку на молодом ученом? Вдруг он согласится на полноценное сотрудничество? Ведь кто-то же из специалистов, которым будет передано в работу его изобретение, так же окажется во все посвящен! Ответ крылся в личном деле Себастьяна и его гражданской карточке. Он был слишком лоялен Третьей Республике, чтобы согласиться на подобное. К тому же даже без этого метка сама по себе ничего не меняла. Ее значение безлико, но информативно: "пока объект приносит приоритетную пользу, он существует". Значит, молодого ученого вполне могли оставить в живых до тех пор, пока он нужен, что отнюдь не исключалось. Это же касалось и остальных, а уж когда именно корпорация приведет в действие заранее вынесенный приговор — это уже отдельный вопрос. Вопрос, ответ на который вряд ли кому-то захочется выяснять, особенно на собственной шкуре. Возможно, всех "извлеченных" людей пожизненно запрут даже не в тюремных стенах, а некой альтернативе "Элегии", если их поведение не станет вызывать нареканий. Возможно, их будут убивать одного за другим, чтобы мотивировать Себастьяна на сотрудничество. На сей счет оставалось только гадать. Какая-либо конкретика, указывающая на то, как будут развиваться события в дальнейшем, в секретном файле отсутствовала. Набор документов и инструкций касался лишь относящегося непосредственно к "Элегии". Что произойдет с "извлеченными" после того, как они взойдут на борт "Сталиона" даже губернатору Рамсфельду знать не полагалось. Однако, по мнению Мелиюбиуса, события наиболее вероятно пойдут по наихудшему сценарию. Едва корпорация в полной мере овладеет изобретением Себастьяна, его немедленно уничтожат, как и всех взятых в заложники людей. "Галактик текнолоджис" предпочтет иметь дело с неоднократно проверенными, абсолютно лояльными ей людьми, которым и передаст изобретение для внедрения и массового производства. А в случае чего ликвидирует и их, полностью поменяв состав команды привлеченных специалистов. Ничего не меняло и то, если ученому и его творению удастся осуществить план саботажа. Выяснив, что проект Овербридж никакой абсолютной власти ей не принесет, раздосадованная корпорация все равно избавится от всех "извлеченных", чтобы сохранить лицо. Ведь она уже знатно успеет наследить, перестраховываясь в целях безопасности. Зачем ей скан-

дал в "Элегии"? Губернатору с заместителем и так придется знатно попотеть, чтобы каким-то образом объяснить и замять историю с уничтожением жилых и лабораторных блоков.

Когда Мелиюбиус умолк, Себастьян, посвятивший его во все, вконец пригорюнился. Им овладела ужасающая безысходность. Такая, пожалуй, бывает только у приговоренных к смерти, когда их выводят из узилища, а впереди маячит эшафот. Там уже подготовлена плаха, и палач размеренным жестом проверяет острие убийственного железа. Железа вскоре обагрящегося кровью узника.

— В сложившихся обстоятельствах, полагаю, у нас только один выход, — послышался уверенный голос Сиреневого Бутона.

Настолько уверенный, что Себастьян немедленно воззрился на свое творение, впившись в него расширившимися глазами.

— Какой?! — выдохнул он, обхватив "лепестки" обеими ладонями.

— Бегство, — коротко отозвался Мелиюбиус.

Ученый отпрянул, пытаясь уразуметь услышанное. Оно явно не слишком укладывалось у него в голове, поэтому Бутон неторопливо пояснил, старательно подбирая слова.

До сих пор Себастьян и компания рассматривали только два варианта развития событий, полагая, что иных и нет. Между тем третий существовал с самого начала. Мелиюбиус умалчивал о нем потому, что люди все равно бы на него не пошли. Они теряли слишком многое, чтобы так рисковать. Теперь же у них попросту не осталось иного варианта, поскольку корпорация вряд ли оставит их в живых, даже если на время поместит в некое подобие "Элегии". В любом случае ради сохранения секрета могущества они останутся заперты до конца жизни, а даже золотая клетка — это клетка. Побег становился для них очень даже актуальным и в нынешних обстоятельствах действительно единственно верным вариантом. И решение требовалось принять НЕМЕДЛЕННО! Времени до прибытия "Сталиона" оставалось немногим больше цикла, а чем его меньше, тем меньше шансов успеть разработать и осуществить подходящий план, имеющий достаточно успешные шансы на реализацию.

Сперва Себастьян отнесся к предложению Мелиюбиуса довольно скептически. Нет, само по себе оно звучало действительно разумно, учитывая намерения корпорации. Вот только поди его осуществи, если кольцо вокруг не просто сжимается, а считай уже сжалось. Сердце у молодого ученого забилось быстрее, когда Гарольд неожиданно высказал схожую мысль. Он изложил ее не так, как Мелиюбиус, но в общих чертах суть оставалась одна и та же. Недолго думая, Себастьян немедленно изложил все услышанное от

своего творения. Аулина ахнула. Бородач только присвистнул.
— Но из "Элегии" нам не сбежать! — воскликнула девушка. — Это же неприступная крепость, а нас наверняка стерегут, хотя мы этого и не замечаем!
— Это еще бабушка надвое сказала, — усмехнулся ее брат. — Не забывайте о нашем высоком статусе, пока его не аннулировали, и о моих возможностях. Лично я способен кое-что предпринять. Раньше за такие дела меня бы неминуемо и быстро нашли, а тогда прощай моя головушка, только теперь-то мне терять нечего. То же относится к Себастьяну и даже Аулине.
— Мелиюбиус сказал точно так же! — поразился ученый. — Он просил сообщить об этом только если я услышу нечто подобное от вас. В таком случае, заявил он, шансы на успех действительно реальны.
— Я начинаю подозревать, что он и впрямь обладает разумом. И разумом весьма смышленым, — удивился Гарольд. — Это и хорошо и плохо. Хорошо в том смысле, что у нас такой помощник, хотя не будь его, всей этой каши изначально и не было бы. Плохо — ибо неизвестно, чего от твоей хитроголовой штуковины вообще ожидать. Если она пойдет против нас — пиши пропало.
Заговорщики не боялись быть услышанными. После разоблачения "второго информационного контура" Гарольд, вооружившись специальной аппаратурой, проверил все свое жилище. Он ничего не нашел, хотя, в общем-то, и не ожидал. В его рабочей комнате вся троица насмотрелась и наболтала достаточно, чтобы корпорация немедленно отреагировала. А раз такой реакции не последовало, равно как и информационных изменений в отслеживаемых терминалах, значит в жилых блоках, вероятно, "второй контур" отсутствовал. Вероятно, он внедрен в помещения научных и производственных комплексов, напичканных такой массой современных технологий, что поди разбери, где там что и зачем. Сами стены особо сложных объектов фактически состояли из слоев электроники, бионики и черти чего еще. "Галактик текнолоджис" постоянно следила за своими критически важными сегментами, а на остальное ей, вероятно, было наплевать. Если сотрудник замешан в шпионаже, то проще всего это заметить на его рабочем месте, а никак не дома. Если же он в семейном кругу поносит своего начальника или что-то в таком роде — да и пожалуйста, такое всегда было и всегда будет. Пусть хоть на ушах ходит, лишь бы хорошо исполнял свою работу.
— Значит, побег, — подытожила Аулина. — Однако, дорогие мои, только я одна думаю, что толку от этого будет немного? Мы лишь отсрочим неизбежное, заведомо избрав для себя наихудшее отно-

шение со стороны корпорации.
Девушка пояснила. Их ведь в покое не оставят — смылись и ладно. За ними отправят такую погоню, что наверняка найдут, даже если беглецы станут долго скитаться в космосе, а затем осядут на дикой не колонизированной планете. Причем для продолжительного побега требуется располагать определенными ресурсами, которые сами ниоткуда не появятся.

Да, слова Аулины звучали весьма правдоподобно, и даже ее брат, насупившись, заколебался, но тут заговорил Себастьян. Им и не придется скитаться, постоянно страшась обнаружения. Беглецам лишь потребуется добраться до ближайшего аванпоста правительственных войск либо же встретить их боевой корабль. Там они обо всем расскажут, сообщение по межзвездной связи уйдет куда следует, и власти вряд ли закроют глаза на столь вопиющий случай. В "Галактик текнолождис" и моргнуть не успеют, как у их порога объявятся флотилии Третьей Республики. Государственный переворот в таком масштабе — это вам не шутки. Доказательств для этого хватит с лихвой. Ведь Гарольд уже собрал их предостаточно, поскольку его терминалы, в отличие от лаборатории Себастьяна, никто не блокировал.
— Гм, а ведь ты, пожалуй, прав, — явственно светлея, произнес бородач.
— А что потом? — скривила губки Аулина. — Думаешь, корпорация нам не отомстит? Плюс мы все равно останемся ни с чем.
Себастьян невольно улыбнулся. Его возлюбленной было трудно расстаться с чудесами "Элегии" и вернуться к обычной серой жизни, наполненной металлом и пластиком. Ведь она упомянула о потере всех материальных благ наряду с возможностью гибели. Нет, ни то, ни другое беглецам в случае благополучного прибытия в расположение правительственных сил не грозило. Учитывая важность сообщения, они будут иметь полное право на программу защиты, и программу самого высокого уровня. Возможно, придется пойти на определенные ограничения, но уж скитаться без гроша в кармане и терпеть лишения им точно не предстоит.
— Что ж, значит, побег, — просветлела и девушка. — Каков план?
Гарольд и Себастьян переглянулись. Вот уж вопрос. Прямо вопрос вопросов! Что ж, для начала, пожалуй, следовало распределить базовые роли.

Только навскидку казалось, будто Аулине досталась наиболее простая задача. Пока ее любимые мужчины занимались самым главным, она обходила всех родственников обеих семей по очереди и готовила почву для грядущего психологического удара. Предлог был придуман очень подходящий — наконец-то состоится сва-

дьба. Под этим соусом наблюдатели со стороны корпорации ничего не заподозрят, ибо предлог полностью вписывается в существующие реалии, тут даже придумывать ничего не пришлось. Только и с таким удачным прикрытием сложностей еще как хватало. Первая проблема заключалась в том, что требовалось собрать ВСЕХ родных в одно время в одном и том же месте. Именно там, заблокировав доступ в жилую секцию, Себастьян и Гарольд откроют страшную правду. Существовала и вторая серьезная проблема — все люди разные. Среди родных находились и такие, кто не слишком одобрял союз Аулины и Себастьяна, а их требовалось убедить явиться вовремя, а то и сопроводить, чтобы чего не сорвалось. В худшем случае — найти где-то в "Элегии" и любым способом доставить к месту сбора. Девушка с ног сбилась, гоняясь за членами своей семьи и семьи своего жениха. Себастьян, впрочем, тоже. Ему ведь приходилось работать курьером между Гарольдом и Мелиюбиусом. Связи-то с лабораторией не было, личный коммуникатор там теперь не работал, а никакие данные ни туда, ни сюда пронести было невозможно изначально. Сотрудники проходили через нечто похожее на небольшой тоннель, генерировавший специальное поле. Это поле уничтожало любую информацию на электромагнитном носителе, кроме вшитой в его базовую структуру. Таким образом, даже на личном коммуникаторе было физически нереально ни доставить какой-либо файл, ни забрать. Конечно поле было неспособно удалить информацию с оптического куба или банального листка бумаги, но те ведь неспособны создать двусторонний канал связи. Кстати говоря, бумагой Себастьян и пользовался. Сперва Мелиюбиус с помощью доступного ему волнового излучения покрывал чистый лист массой микроизменений, недоступных человеческому ни взору, ни пониманию. Их не распознала бы даже техника охраны, если бы Себастьяна вдруг обыскали и обнаружили бумажку. Вот Гарольд, по инструкции того же Мелиюбиуса, записанной обычным карандашом в блокнот Себастьяна, знал, как извлечь оттуда данные. Составленная бородачом программа сканировала листок и на экране появлялась информация от Сиреневого Бутона. Внимательно ее изучая, Гарольд только диву давался сообразительности изобретения молодого ученого. Он не то чтобы уверовал, будто общается с новоиспеченным искусственным разумом, однако ему стало очевидно, что любой искусственный интеллект с так называемым Мелиюбиусом и рядом не стоял. Усвоив содержание послания, Гарольд сочинял ответ, выглядевший как фоновый узор. Этот узор располагался на обратной стороне листа, где лицевая содержала вполне прозаический текст научного характера. С этим листом Себастьян, опять же, практи-

чески ничем не рисковал. Единственное, что могло привлечь нежелательное внимание наблюдателей, это его кратно участившиеся визиты в лабораторию, откуда он уносился в жилой блок Розенталей. Такое поведение и впрямь не осталось незамеченным. Дежурный офицер, светясь наилюбезнейшей улыбкой, спросил, с чего вдруг такие хлопоты и не нужна ли какая помощь. Себастьян ответил, что у него с невестой назрела свадьба, и он хочет сделать ей сюрприз, о котором бегает советоваться с братом Аулины. Связь ведь не работает. Наблюдатели явно не встревожились. Гарольд и так был у них в списке с пометкой AUN0, так что чего бы они там ни удумали — это уже ничего не меняло.

Таймер, выведенный на отдельное табло, отсчитывал часы и минуты, оставшиеся до прибытия "Сталиона". Прошло не так уж и много времени, а для троих людей, занятых вопросом спасения себя и близких, с одной стороны прошла целая вечность, а с другой — она промелькнула со скоростью урагана. Их нервы были напряжены до предела, а в душах кипели те еще страсти. Всем троим было необходимо поддерживать бодрость, ибо сна теперь придется ждать непредсказуемо долго. Для этого они принимали порциями специальный энергетический коктейль с бодрящим эффектом, раздобытый в экспериментальном производстве. Его разрабатывали для военных, и он был способен поддерживать человека в полностью работоспособном режиме минимум трое суток. Однако Себастьяну и Аулине требовалось и нечто вроде успокоительного, ибо они постоянно находились на виду, а попробуй тут сохраняй спокойствие при угрозе надвигающейся смерти. На одну лишь свадьбу все не спишешь. Именно поэтому оба для верности использовали еще одно средство, несколько нивелировавшее действие энергетика, зато неплохо успокаивавшее нервы. Комбинацию из этих двух веществ подобрал Гарольд, а Мелиюбиус, успевший весьма недурственно освоить устройство человеческого тела, одобрил. Активно занятые делом заговорщики даже успокоились, вновь обретя надежду на счастливый исход. Очередной удар, последовавший столь же неожиданно, как и предыдущий, не смогло сгладить даже принятое успокоительное.

Получив вызов, Себастьян и Аулина примчались к Гарольду быстрее транспортной капсулы, холодея от дурных предчувствий.
— Кимберли сняла жучок, который ты ей передала?! — воскликнул бородач, едва молодые люди влетели к нему в рабочую комнату, прямо-таки столкнувшись в дверях.
— Н-не знаю, — растерявшись, пролепетала девушка. — А что?
Брат молча ткнул пальцем в большую информационную панель. Там чередовались записи касательно личных дел Мартина и его

жены. Все они теперь содержали зловещую пометку AUN0. Корпорация прислала новое уточнение по проекту Овербридж, на сей раз незамедлительно и успешно просмотренное Гарольдом. В нем список "извлекаемых" расширялся на семью Лансберг, ведь именно эту фамилию носили друзья Себастьяна и Аулины.
— Да они-то здесь причем?! — в ужасе вырвалось у молодого ученого.
— ОНА. СНЯЛА. ЖУЧОК? — не обращая на эту реплику внимания отчеканил Гарольд, схватив сестру за плечи.
— Может, корпорация просто перестраховывается? Мы же с ними хорошие друзья, — как-то не слишком бодро предположил Себастьян.
— Может! — бросил бородач. — А может она не сняла жучок, его обнаружили и нащупали куда от него тянулась ниточка. Тогда, дорогие мои, нам КРЫШКА!
Гарольд ничуть не преувеличивал. Если в "Галактик текнолоджис" узнают о его осведомленности и вмешательстве, то побег сорвется даже не начавшись. Гарольда как минимум отключат от всех средств связи, а то и вовсе арестуют, от греха подальше. И вряд ли его одного. Корпорация сообразит, что "извлекаемым" известны ее намерения касательно проекта Овербридж и их самих, и тут же примет силовые меры. Тогда — пиши пропало. Пребывая в изрядном смятении, Гарольд живо проверил доступность наблюдаемых им удаленных терминалов. Вроде бы никаких изменений. Шикнув на Себастьяна и Аулину, пустившихся было в сумбурный диалог, он с головой погрузился в информационные потоки, не забыв надеть пресловутый обруч виртуальной реальности.
— Сестричка, если ты еще здесь и не ищешь Кимберли, я тебя придушу, — сообщил в пространство бородач, с бешеной скоростью лавируя в океане стремглав несущихся данных.
Аулину как ветром сдуло. Себастьян, получив устные инструкции от Гарольда, не менее быстро убежал к Мелиюбиусу.

Через полчаса в комнате взломщика собрались уже пятеро. К троим заговорщикам добавились Мартин и его жена, крайне недовольные столь специфическим приглашением. К счастью, оба оказались не на работе, наслаждаясь в любимом ресторане изысканными блюдами. В "Элегии" мало кто пользовался синтезаторами еды, разве что эксцентричные типы вроде Гарольда. Тут в ход шли самые настоящие овощи и фрукты, вкусные и свежие, сыры, грибы, различная зелень и прочие растительные ингредиенты. Натуральными были приправы, соли, масла и иже с ними. В целом, натуральным было все, кроме разве что продуктов из рыбы и мяса. Их в Третьей Республике давным-давно создавали искус-

ственно, и эти изделия ничуть не уступали живым образцам, которые не требовалось выращивать и умерщвлять. Впрочем, для любителей есть "по-старинке" мясо и рыбу все же завозили на грузовых кораблях со специальных плантаций, однако Мартин и Кимберли к ним не относились. Они как раз доедали ароматно пахнущий суп и собирались приступить к великолепно приготовленным рыбным стейкам, как явилась Аулина. Она ничего не объясняла, но проявила такое редкостное упорство, что муж с женой покинули ресторан и прибыли к ее брату, выражая явное неудовольствие происходящему. Неудовольствие усилилось еще больше, когда им пришлось обождать возвращения Себастьяна, без которого Гарольд не желал начинать светопреставление.

Едва за молодым ученым закрылась дверь, как бородач ударил, что называется, прямо в лоб. Выведя на экраны тщательно составленную подборку, он продемонстрировал Мартину и Кимберли их новый статус, сопровождая все соответствующими комментариями. Затем, без излишней лирики, изложил основную суть, состоявшую в изобретении Себастьяна и что за ним последовало. Супруги, выслушав бородача, опешили дальше некуда, но по их лицам было видно — во всю эту историю они не слишком-то поверили. Кимберли, судя по всему, считала, что это какой-то дурацкий розыгрыш. Ее возгласы полностью вписывались в такое предположение. Реплика Мартина оказалась более интересной.

— Да ладно, Себ! Не может быть, чтобы все это приключилось из-за той штуковины, о которой ты мне рассказывал! — воскликнул он, недоуменно уставившись на друга.

— Рассказывал?! А ну-ка с этого момента поподробнее! — громко велел Гарольд.

— Да-да, поподробнее! — сердито блеснула глазами Аулина.

Она даже забыла про довлевший над ней гнетущий страх, поскольку вспыхнула угасшая было досада на жениха. Вот, значит, как! Ей он ничего не рассказывал, а Мартину!..

Себастьян, отводя глаза, вкратце пояснил. Оказывается, он временами делился с лучшим другом своими заботами касательно маленького хобби по созданию искусственного разума. Так, никаких серьезных выкладок вроде техпроцессов или логических схем. Тем не менее, свои успехи и неудачи он иногда обсуждал с Мартином, а порой просто фантазировал вслух. Друг не слишком-то верил в успех, но Себастьяна всегда выслушивал и поддерживал, а иногда даже рекомендовал какой-нибудь материал. Корпус платформы Овербриджа был изготовлен из новейшего военного сплава, предназначенного для особо мощных оружейных турелей. Питание творения Себастьяна также появилось благодаря профессиональ-

ной области Мартина ввиду высоких требований, предъявляемых к живучести объекта. Овербридж должен был обладать собственным генератором энергии на основе надежных и эффективных топливных ячеек, а на случай сбоя иметь очень емкие элементы аварийного питания. Турели, создаваемые другом, имели самые разные технические характеристики, в том числе могли снабжаться энергоузлом и батареями. К примеру, это не лишало их боеспособности на случай перебоев в бортовых системах звездолета, и они продолжали вести огонь по противнику, даже если на всем судне гас свет. В результате, благодаря знаниям и советам Мартина конструкция Себастьяна обладала энергетическим запасом на пару лет вперед, плюс полгода автономной работы. Очень даже неплохо для поддержания жизни в искусственном разуме, не способном подкрепиться бутербродом или морковкой. Себастьян, правда, планировал снабдить платформу Овербриджа дополнительной возможностью получать энергию из расщепления подходящего вещества, но не успел.

— То есть, ты все это время был в курсе? — спросил Гарольд, когда молодой ученый закончил свою исповедь.

— Не настолько хорошо, и тем более понятия не имел об успехе, — покачал головой мрачневший на глазах Мартин.

— Ты кому-нибудь об этом рассказывал? — пытливо осведомился бородач, изучая принесенный Себастьяном ответ Мелиюбиуса.

— Н-ну… — замялся спец по турелям, и всем тут же стало ясно, что язык за зубами он не удержал.

Оказывается, Мартин порой участвовал в различных дискуссиях, ведущихся в межпланетной космической сети. Он ведь был серьезным, даже выдающимся конструктором и научные проблемы так же не обходил стороной. В тематических рубриках, помимо прочего, Мартин неоднократно высказывался насчет проблемы искусственного разума. Он не называл имен, но упоминал, что у него есть друг, и этот друг использует принципиально иной подход. Он откровенно игнорирует все справочники и наработки даже самых маститых ученых и идет по своему пути. Мол, искусственный разум потому до сих пор и не создан, что молодые специалисты, начитавшись и наслушавшись признанных гуру, пытаются действовать в том же направлении, а оно изначально мертвое. Критиковать его подход может кто угодно и как угодно, однако определенных успехов этот друг на своем поприще уже добился, причем рассчитывает на кардинальный прорыв уже в этом году.

— Проклятье! И ты наболтал об этом в Инпланете? — всплеснул руками Себастьян.

Мартин удивился, о чем сразу и заявил. А чего такого? Вроде это

был не секрет. К тому же в Interplanetary Space Network, то бишь Межпланетной Космической Сети, а в простонародье IpSN или Инпланет, он выходит под псевдонимом. В "Элегии" ведь свои правила безопасности. Прямой связи, как в тюрьме, с внешним миром нет. Все сообщения изучаются раз по десять, прогоняясь через различные базы данных, и лишь после одобрения информация поступает адресату. Так чего же он такого особенного там сказал?

— Видимо, достаточно, чтобы корпорация тебя отследила и внесла в черный список, — процедил Гарольд. — На домашнем или каком там еще терминале информацию по Овербриджу хранил?

— Ничего особенного. Так, разве что свои заметки по поводу Себастьяна и памятки о материалах и технологиях, которые я ему посоветовал. Мне же было интересно знать, насколько полезными окажутся мои предложения, — подняв глаза ко лбу, попытался припомнить Мартин.

— Можешь подключиться? Покажи! — потребовал бородач.

Мартин подошел к одному из терминалов и стал набирать что-то на управляющем интерфейсе. Провозившись пару минут, он обернулся с изменившимся лицом.

— Не получается! — ошарашено воскликнул он. — Кажется, у меня нет доступа! Не понимаю…

— Зато я, кажется, понимаю! — мрачнее некуда сообщил Гарольд. — Кимберли, ты сняла жучок, который тебе несколько циклов назад передала Аулина?

Тут-то и выяснилось, что обычно пунктуальная и исполнительная креолка начисто о нем забыла. Сперва у нее захворал ребенок и она взяла выходной, чтобы проследить за лечением в медицинском блоке, а затем второй стал слишком активно толкаться, и беременная женщина решила на всякий случай пройти обследование. Бородач вздохнул. Теперь, с его точки зрения, все становилось яснее некуда. Система безопасности корпорации все-таки наткнулась на жучок, но пошла по ложному пути. Она стала изучать домашний терминал семьи Лансберг и обнаружила там личные записи с упоминанием проекта Овербридж. Тут незамедлительно сработал приоритет "Ультра". Сетевая деятельность супругов Лансберг была проанализирована самым тщательным образом и вскоре всплыла переписка Мартина в Инпланете, где тот практически проговорился про создаваемый искусственный разум. Его связь с Себастьяном и его изобретением оказалась налицо. Степень осведомленности уже роли не играла — ее можно установить позднее. Корпорация, перестраховывающаяся дальше некуда, узнала достаточно, чтобы в личных делах семьи Лансберг появилась метка

AUN0, а всех ее членов включили в список "извлечения" на прибывающем звездолете "Сталион".
— Так это что, все действительно правда?! — ужаснулась Кимберли, ткнув пальцев в экран, где как раз появилось ее изображение, сопровождавшееся записями из гражданской карточки. — Они и впрямь собираются нас всех убить?!
Схватившись за живот, она едва не потеряла сознание. Да, вот теперь креолка осознала, что вся эта история — ничуть не шутка. Осознал и Мартин, пытаясь успокоить жену, но сам пребывая в состоянии близком к состоянию аффекта.

Понадобилось около четверти часа, чтобы оба более-менее пришли в себя.
— Ты! Это все из-за тебя и твоего проклятого изобретения! — воскликнула Кимберли, яростно сверкая глазами на Себастьяна.
Тот невольно попятился, будто сдуваемый невидимым напором ее растущего гнева. Аулина немедленно вмешалась, заявив, что ее любимый не бомбу создавал и вообще не совершил никакого преступления, а винить надо свихнувшуюся от своих амбиций корпорацию. Подал голос Мартин. Умом все-таки понимая, что друг ни при чем, он не мог выступить против обуреваемой эмоциями жены. С его точки зрения, в беде их семьи виноваты Аулина и Гарольд. Гарольд подсунул жучок, а Аулина коварно уговорила Кимберли его поставить. Тут поднялся такой гвалт, что бородач вновь прибег к воздействию пищалки, от которой все позатыкали уши.
— Довольно! — рявкнул он. — Позже будете выяснять, кто виноват! Благодаря этому жучку мы знаем о намерениях корпорации и у нас остался всего ОДИН цикл на спасение. Ну так что, будем орать и скандалить или займемся делом?!
Столь простая истина дошла даже до злющей как кошка Кимберли. Вскочив, будто приподнятая реактивным ранцем она ринулась вытаскивать окаянное шпионское устройство. Ее, разумеется, остановили, как запертая дверь, так и руки окружающих. Извлекать его теперь было не только поздно, но и чрезвычайно опасно. Служба безопасности отслеживает все с ним происходящее. Гарольд не единственный специалист в "Элегии" в области сетевых технологий и компьютерной техники. Теперь остается лишь гадать, когда эти спецы вычислят, кто в действительности стоит за его установкой, и выяснят всю подноготную.
— Они что, идиоты? Очевидного не понимают? Да они просто обязаны сразу прийти к тебе! — воскликнул Себастьян.
— А вот и нет, — усмехнулся бородач.
Ему было трудновато объяснять специфику своей работы дилетантам, но он подобрал нужные слова. Служба безопасности корпора-

ции все сделала правильно. Начав распутывать клубок работы жучка, ибо Гарольд, не будь дураком, напетлял там адское количество шифрованных алгоритмов, они первым делом проверили домашний терминал семьи Лансберг. Не копируется ли что туда? Как проверили — не важно, благо что Мартин — не Гарольд, и попасть в его компьютер можно самыми разными способами. Далее — та же простая логика. Обнаружившиеся записи касательно проекта Овербридж тут же отвлекли всеобщее внимание, в результате которого была выявлена осведомленность Мартина об изобретении Себастьяна. Об этом доложили в штаб-квартиру "Галактик технолоджис". Ответ не заставил себя ждать — семью Лансберг включили в список "извлекаемых". А вот далее, на основе связи с проектом Овербридж, служба безопасности и впрямь обязана поставить Гарольда пунктом номер один в списке подозреваемых, но…
— Что — но?! — едва ли не хором спросили все присутствующие, когда бородатый взломщик что-то слишком надолго умолк.
— В ближайшее время они обо мне и не вспомнят, — усмехнулся Гарольд, переключая что-то на управляющей панели и внимательно вглядываясь в никому кроме него не понятную информацию на экранах.
— Почему?! — безмерно удивился Себастьян, и то же самое изумление читалось на лицах остальных.
— Потому что вот какой толковый совет прислал сейчас твой Мелиюбиус, да еще подсказал как это сделать, — хохотнул бородач и вывел на экран набранную тут же надпись.
"Свали все на губернатора" — гласили выведенные крупным шрифтом буквы.
— И этот башковитый ящик даже подсказал как это сделать, когда я скинул ему кое-какие данные про структуру нашей сети и ее узлов! — вконец повеселел Гарольд, заметив сигнал индикатора и продолжая нажимать что-то на интерфейсе. — Кстати, хотите кое-что посмотреть? Клянусь своим гениальным брюхом, это будет занятное зрелище!
На экране возникло изображение уже знакомой Себастьяну и Аулине комнаты для совещаний. Там находился Рамельфорд собственной персоной и еще какие-то люди из числа администрации "Элегии". Они что-то обсуждали, когда в кадре внезапно объявился шеф службы безопасности в сопровождении четверых вооруженных солдат и капитана. Обернувшись, губернатор окинул приблизившегося к нему генерала недовольным взором и раздраженно осведомился в чем дело.
— Дениш Рамельфорд! Согласно полученным инструкциям с приоритетом "Ультра" я временно отстраняю вас от поста губернатора

"Элегии"! — отчеканил Брамсфельд. — Вас незамедлительно сопроводят в ваши покои, где вы будете находиться под домашним арестом до окончания расследования!
— Что?! Как?! Да как вы смеете?! — побагровел, вскакивая, губернатор. — Что за чушь вы несете?! На каком основании?!
— На том основании, что с вашего домашнего и вот этого служебного терминала, находящегося в данном помещении, осуществляется сетевая передача максимально секретной информации по проекту Овербридж! — все в той же манере изрек генерал. — Масштабы этой передачи, ее вред и степень вашей причастности нам еще только предстоит установить! А пока прошу следовать за капитаном!
Вконец ошеломленный Рамельфорд устроил настоящую истерику. Поморщившись, генерал кивнул офицеру сопровождения. Повинуясь его команде, солдаты схватили упиравшегося губернатора и поволокли прочь.
— Продолжайте, господа! — козырнул Брамсфельд разинувшим рты участникам прерванного совещания. — Сейчас сюда прибудет господин Шербенкс, который стал временно исполняющим обязанности губернатора.
Выключив трансляцию, Гарольд объяснил заговорщикам суть произошедшего. Творение Себастьяна надоумило его, каким образом сбить корпорацию со следа, да еще снабдило программным кодом, позволившим устроить ту еще неразбериху. В данный момент с терминалов губернатора осуществляется многопоточная рассылка в компьютерную сеть. Пользуясь подсказкой Мелиюбиуса, Гарольд изменил работу жучка таким образом, что все информационные потоки замкнулись на системах губернатора, причем все выглядело так, будто изначально они оттуда и появились. Да, в открытый сегмент Инпланета их запустить не удалось. В "Элегии" вся исходящая и входящая информация должна быть абсолютно открытой и многократно проверяется, иначе Себастьян мог бы напрямую сообщить властям Третьей Республики о замыслах корпорации без всякого побега. Зато внутренний, автономный сегмент компьютерной сети этими потоками прямо-таки набит. Увы, нельзя вывести на все экраны "Элегии" сообщение о том, что собирается сделать "Галактик текнолоджис" сразу с тремя семьями своих сотрудников. С астероида они еще не выбрались, а корпорация, заметая следы, способна ликвидировать весь персонал научно-производственного комплекса — с нее станется. Вот спамить сугубо конфиденциальными данными, то есть теми самыми файлами с приоритетом "Ультра", снабженными обещанием позднее прислать к ним коды расшифровки — это другое дело. Сейчас эти файлы

осели на черт знает каком числе терминалов "Элегии", так что в ближайшее время службе безопасности будет чем заняться.

Заканчивая свое повествование, Гарольд перестал мелко трясти животом и перешел на полноценный смех. С его точки зрения, это была отличная затея. Правда, в ней имелся минус — только что состоялся последний сеанс связи с означенными терминалами, то есть больше никаких трансляций и секретных сообщений от корпорации получить не удастся. Однако невелика потеря. За оставшийся цикл вряд ли что-то кардинально изменится. Службе же безопасности понадобится куда больше времени, чтобы разгрести образовавшийся бардак и выйти на Гарольда, а заговорщики либо успеют сбежать из "Элегии", либо… Тут бородач вновь посерьезнел и предложил всем заняться делом. Теперь, когда Мартин и Кимберли в списке смерти, Аулине следует пригласить на "свадьбу" всех их родственников. Себастьяну же необходимо немедленно передать Мелиюбиусу очередное сообщение. Гарольд и башковитый Бутон уже успели наметить план действий, так что всем рекомендовано поторапливаться, если нет желания занять очередь в плазменную печь.

Когда комната опустела, старший брат Аулины некоторое время сосредоточенно оперировал управляющими консолями, раздавая направо и налево множественные команды. Потом ненадолго прервался, откинувшись на спинку кресла. Его глаза смотрели куда-то вглубь виртуальной реальности. Там, будто реактивные струи промеж облаков, неслись потоки информации, распределявшиеся узкими ручейками и широкими реками. В этом море данных Гарольд был как дома, но сейчас он их словно не замечал, уставившись в некую незримую даль.

— Нет, совсем без жертв тут не обойдется, — шептал он, машинально теребя свою курчавую бороду. — Ох, Аулина… Ради тебя я еще и не на такое пойду…

Очнувшись от дум, Гарольд окинул осмысленным взором информационный вихрь и вновь принялся за работу.

* * *

В одном из больших ангаров, где, распределяясь по причалам, швартовались звездолеты, жизнь шла своим чередом. Жизнь вполне себе обыденная и даже рутинная, если не прибывал или не готовился к отправке какой-нибудь корабль. В данный момент ничего такого не предвиделось, поэтому по ангару неторопливо перемещались довольно немногочисленные роботы и люди. В основной своей массе и те и другие проводили плановое сервисное

обслуживание судов и располагавшегося в ангаре оборудования. Деловито сновали механизированные уборщики, до блеска очищая любую подвернувшуюся поверхность. Автопогрузчики перевозили какие-то контейнеры не иначе как со средствами диагностики. Поодиночке и группками бродили механики. Охрана, выставленная больше для порядка, нежели из-за реальной угрозы, откровенно зевала на своих постах. Где-то играла музыка. Под лившуюся мелодию инженер-ремонтник, командуя бригадой роботов, копался во внутренностях небольшого челнока и душевно разбавлял слова песни отборной бранью.

Ангар представлял собой очень сложную, но при этом хорошо отлаженную структуру. Причалы были прямо-таки набиты массой узлов и надстроек, как, впрочем, и все остальное. Ведь корабль требовалось не просто принять, но и соответствующим образом обслужить. К его бортам подключалось множество разнообразных систем, заправляющих, чистящих, диагностирующих. Соединяясь с бортовым компьютером, компьютер "Элегии" знал, какие товары и припасы требуется загрузить на борт, а какие — выгрузить. Как по волшебству в движение приходила целая армия роботов вместе с группами людей самой разной специализации. Чего и удивляться, что ангар изобиловал различными техническими постройками, причем не только на уровне пола, но и над ним и под ним. В его недра уходили трубы и кабели, оттуда поднимались и опускались обратно лифты, объявлялась и исчезала многочисленная техника. Ангар представлял собой единый организм, состоящий из множества сегментов слаженно функционирующих между собой. В число этих сегментов входил и вспомогательный энергоузел, расположенный на нижнем техническом ярусе. Такие имелись в каждом ангаре, обеспечивая их питанием. Он распределял поступавшую из "Элегии" энергию, а в случае необходимости должен был включить собственный источник для бесперебойной работы причалов. Из их существования не делали секрета, но обычно о наличии энергоузла и его расположении знали только профильные специалисты. Во всяком случае, ровно до тех пор, пока одна из подстанций вдруг не рванула будто заминированная.

Сегмент ангара в сотне ярдов от двух причалов и видневшегося поодаль транспортного коридора выглядел так же прозаически, как и все остальное. По расчерченным дорожкам катили роботы. Туда и сюда ходили люди в комбинезонах, направлявшиеся по своим делам. Внезапно ровный пол, покрытый металлическими плитами, вздыбился. Толстый сплав вздулся, будто пузырь, и в мгновение ока был разорван в клочья. Острые края искореженных плит раскалились и оплавились под воздействием высокой темпе-

ратуры. В образовавшееся жерло вырвался могучий поток огня. Мгновенно испепелив подброшенного взрывом человека, на свою беду проходившего в этом месте, он попытался добраться до высокого потолка, но не смог. Раздосадовано рыча, пламя опало, однако, не собираясь сдаваться, ринулось в стороны и сожгло еще одного человека, опрокинутого взрывом. Затем прикончило пару роботов, подвернувшихся в его жаркие объятия, и принялось грызть металл, оплывающий крупными светящимися каплями. Другим людям, оказавшимся неподалеку, повезло больше. В отличие от несчастного, обугленного в головешку, их раскидало кого куда, и огонь не успел до них добраться. Его свирепость была ограничена не слишком большим радиусом вокруг жерла, где тугоплавкие плиты быстро становились вишневыми от нагрева. По ним, источаемый очагом возгорания, подобно туману вовсю стелился едкий пахучий дым.

Ангар и прилегающие к нему секции наполнили громкие крики. Со всех сторон к пострадавшим ринулись люди. Тревожно завыла сигнальная сирена, зажглись и закрутились предупреждающие огни. Двум жертвам огня уже нельзя было помочь, однако других пострадавших оперативно оттащили подальше. Нескольких человек контузило ударной волной, у одного оказалась сломана рука и еще один кашлял кровью. На этом фоне мелкие ожоги шли уже не в счет. Дымящиеся, местами прожженные комбинезоны только выглядели жутковато, но на деле ничего особо страшного с их владельцами все же не приключилось. Осколки металла, шрапнелью ударившие в стороны при взрыве, изрешетили только нескольких роботов, но людей миновали. Пострадавших загрузили в стремглав подлетевшую транспортную капсулу и экстренным рейсом отправили в медицинский блок. Не успела капсула уехать, как в ангар прибыл первый пожарный расчет. К пламенеющему жерлу он не подходил и огонь не тушил. Одна часть бригады в спецкостюмах принялась охлаждать пол вокруг жерла, не давая жару распространяться далее уже сформировавшейся зоны поражения. Для этого использовались заплечные баллоны и мобильные автоматизированные станции. Последние имели заметное сходство с армейскими боевыми машинами, но были начинены не средствами поражения и смертоубийства, а различными приспособлениями и веществами для борьбы с огнем. Состав, щедро распыляемый из чего-то похожего на водометы, создавал чрезвычайно низкую температуру, компенсировавшую нагрев от интенсивного горения. Другая часть пожарных проследила за эвакуацией людей. Когда огромный, прямо-таки исполинский ангар на несколько причалов опустел, его надежно запечатали, после чего включилась система

пожаротушения. Был выкачен весь кислород. Пламя от этого меньше не стало, зато опасность распространения пламени исчезла. Огнеупорный зонд, похожий на летающий цилиндр в крупную черно-красную полоску, давно уже нырнул в жерло и передавал оттуда анализируемые им данные, а также транслировал изображение. Исходя из его передачи на технический этаж, располагавшийся прямо под ангаром, выдвинулась еще одна бригада пожарных, а третья отправилась проверять целостность купола. В это время первая группа получила новый приказ. Режим работы автоматических станций изменился. Перестав заниматься исключительно охлаждением, они приблизились к жерлу и разом исторгли в него поток совершенно другого вещества. Пламя сразу пошло на убыль. Где-то в недрах прорванного пола что-то сердито загудело, а металлические плиты задрожали, но роботы продолжали исправно заливать смесь в раскаленную дыру. Вскоре огонь уже не вырывался в ангар и лишь внизу еще мелькали отблески его жаркой пляски. Затем и она исчезла, когда к тушению подключилась вторая бригада. Было нетрудно сообразить, отчего первые пожарные сразу не принялись заливать зону возгорания. Им сперва следовало понять, с чем они имеют дело, и они весьма правильно сделали, что дожидались анализа данных и последующего приказа. Горел энергоузел, требующий специального обращения, а с ним шутки плохи. Используя неправильный метод тушения, пожарные могли не достичь никакого успеха, попусту растрачивая смесь, а в худшем случае и вовсе усугубить положение.

Довольно быстро пожар был полностью потушен, а пострадавшее помещение охлаждено настолько, что команда энергетиков приступила к изучению энергоузла. Точнее, того, что от него осталось. ЧП для "Элегии" было неприятнейшее, поэтому требовалось как можно быстрее выявить причину взрыва, повлекшего за собой гибель техника и грузчика, а также ранения еще нескольких человек. Энергетики, как и все на этом астероиде, были мастерами своего дела. Им не понадобилось много времени, чтобы установить истину. В результате программного сбоя на энергоузле была вызвана перегрузка батарей резервного питания. Защита, обязанная разомкнуть цепь, не сработала. Батареи вырабатывали бешеное количество энергии, но фактически были замкнуты на себя, выбрасывая в окружающее пространство плазменные сполохи и молнии. Не прошло и минуты, как рост температуры и лавинообразный физико-химический процесс разорвали их в клочья, вызвав бурный пожар и, как следствие, мощную ударную волну, пробившую соседние перекрытия. В частности, толстый пол располагавшегося наверху ангара. Дежурные не успели отреагиро-

вать на поступивший сигнал тревоги с энергоузла, да и что бы они смогли предпринять? Все произошло слишком быстро. На такие случаи установлена автоматика, а из-за сбоя в управляющей системе она как раз и не сработала.

Когда доклад о причинах чрезвычайного происшествия дошел до сведения администрации "Элегии", в нем все и всех устраивало. Происхождение, распространение и последствия техногенной аварии были разложены по полочкам и сделаны соответствующие выводы. Странно выглядела лишь одна деталь, упомянутая специалистами, но не имевшая внятного объяснения. Незадолго до внезапной перегрузки батарей, вызванной сбоем в программном обеспечении, на компьютер энергоузла пришел какой-то сигнал извне. К сожалению, установить, что это был за сигнал и откуда он пришел, никому не удалось, поскольку из-за пожара системная часть пострадала катастрофически.

Удовлетворенная результатами оперативного расследования, администрация оставила означенную мелкую деталь без внимания. Компьютеры "Элегии" все время обмениваются между собой какими-то данными, так чего ради рыть носом сгоревшую землю? У временного губернатора Шербенкса хватало иных забот, связанных с проектом Овербридж. Он приказал перевести все грузовые корабли на другие причалы и восстановить уничтоженный энергоузел как можно быстрее, а также принять меры по недопущению подобной ситуации впредь. Затем, раздосадованный несвоевременным ЧП, вернулся к задаче с приоритетом "Ультра". Взрыв, пожар, понимаешь ли... Завтра прибывает "Сталион", а у него тут бардак в компьютерной сети "Элегии", секретные файлы расползлись как тараканы и этот кретин Рамельфорд бьется в истерике. Смерть забрала двоих? Подумаешь, бедствие! Еще легко отделались, а тут ему про какие-то сигналы толкуют. Было бы крайне удивительно, если бы в таком хаосе вообще никакие сигналы никуда не приходили!

– 3 –

Когда на экранах станции слежения зажглась огромная точка, губернатору Шербенксу отправили срочный вызов. Вблизи от астероида с расположенным на нем научно-производственным комплексом объявился громадный звездолет. Закончив прыжок, он вышел в обычное космическое пространство и немедленно испустил идентификационный сигнал. Компьютеры "Элегии", уловив приоритет "Ультра", немедленно направили его куда следует. Неторопливо развернувшись, корабль двинулся указанным курсом.

Его бортовой компьютер следовал навигационному лучу принимающей стороны. В то же самое время губернатор, бросив все дела, уже несся в транспортной капсуле к самому большому причалу из всех. Этот причал был поистине исполинских размеров, и только он мог принять махину линкора "Сталион".

Прежде чем приземлиться, звездолету пришлось совершить маневр, приближаясь к светившейся "Элегии". При всех своих размерах та не занимала всю поверхность астероида, ограничиваясь примерно десятой частью его площади. Все остальное приходилось на долю скал, тянувших в пустоту свои зубчатые пики, неровных плато и глубоких расщелин. Лишь кое-где на безжизненной поверхности космического булыжника встречались огни, обрамлявшие технологические площадки, да подсвечивались мачты систем связи. Все это было очень хорошо видно с борта линкора, проплывавшего вдоль уединенного астероида. Добравшись до контрольной точки, он вновь развернулся с солидной неторопливостью исполина и медленно пошел на посадку. Все системы причала №1А его ждали. Собственно, они ждали его практически с тех самых пор, когда тогдашнему губернатору Рамельфорду впервые пришло сообщение высшей секретности касательно проекта Овербридж. Недавнее происшествие со взрывом энергоузла на прием "Сталиона" ничуть не повлияло. Нынешний губернатор Шербенкс убедился в этом лично, как лично ехал и встречать прибывающих гостей. Гостей, которые, согласно полученной инструкции, могли вытворять в "Элегии" все что угодно, а он был обязан обеспечить им максимальное содействие. Стоя в окружении подчиненных и роты солдат, Шербенкс наблюдал, как линкор степенно опускается к причалу. Сработали магнитные захваты. По всей "Элегии" пробежала легкая дрожь, настолько оказалась велика масса прибывшего звездолета. Задрожал и губернатор. Ответственность была слишком велика. Он, разумеется, невиновен в утечке секретных файлов с терминалов Рамельфорда, но корпорации может быть все равно с кого спрашивать. Ее интересует результат, а не отговорки, и спаси Вселенная Шербенкса, если этот результат ее не удовлетворит. В данный момент специалисты "Элегии" в поте лица заканчивали устранять сетевой хаос, устроенный компьютерами отстраненного губернатора. Терминалы, где осели секретные файлы, вычислялись и блокировались один за другим. Лаборатория Беллентorча находилась под неусыпным наблюдением, а сами "извлекаемые" вроде как собрались в одном месте, намереваясь отпраздновать помолвку молодого ученого и Аулины Розенталь. Датчики в их персональных коммуникаторах указывали на это совершенно четко. Погрузившись в большую транспортную

капсулу, три семьи общей численностью немногим менее трех десятков человек двигались к месту назначения — зарезервированному ресторану на границе Обзорного Купола. Что ж, это они весьма кстати. Теперь даже хлопотать не придется — тем проще будет взять их всех разом, не привлекая лишнего внимания.

Звездолет опустил гигантский центральный трап, лязгнувший при касании с металлическим полом ангара. Оттуда в несколько шеренг двинулись солдаты в сопровождении боевых машин. Оттуда же выпорхнуло с десяток малых антигравов. Три из них направились прямиком к группе Шербенкса. В головном находился командующий экспедицией. Губернатор выругался. Нет, не на прибывших, а на запищавший вызов личного коммуникатора. Он бы его проигнорировал, но вызов оказался экстренным.

— Вы что, не знаете где я?! Что стряслось?! — сердито прошипел Шербенкс, приложив ладонь к уху.

— Простите, сэр, но вы приказали докладывать о перемещении лиц по проекту Овербридж, — прозвучал чей-то взволнованный голос.

— Слушаю! — тут же обратился во внимание свежеиспеченный губернатор.

— Судя по поступившему техникам запросу, их транспортная капсула застряла в тоннеле, — сообщил голос.

Шербенкс потребовал детали и тут же их получил. Оказывается, все три семейства, направлявшиеся к месту празднества в одной большой капсуле, до пункта назначения не доехали. Капсула остановилась на полпути, заглохнув около транспортной развязки. Находящиеся в ней люди вызвали техпомощь. Видеосвязи с бортом не было, но звуковой канал работал исправно. Судя по первичным данным сканирования, капсула в порядке и не повреждена, никакой катастрофы не случилось. Большинство систем функционируют штатно, однако на управляющие сигналы движения транспортный модуль действительно не отвечает.

— Правильно сделали, что доложили мне! — быстро сказал Шербенкс и тут же отдал короткие распоряжения.

На вызовы людей из капсулы исправно отвечать, но тянуть время. Пусть она остается там, где и сейчас. Техники должны выяснить причину неисправности и капсулу, разумеется, починить, но чтобы с места она ни в коем случае не двигалась без прямого приказа губернатора.

Когда, выйдя из антиграва, к Шербенксу подошел адмирал, командующий экспедицией "Сталиона", первый был даже доволен этой маленькой технической неполадкой. Вот и отлично! Все яйца находятся в одной корзине, и эту корзину можно будет направить

туда, куда пожелают прибывшие на звездолете. Он же, Шербенкс, запросто может выдать сей эпизод за собственную прозорливость.

Адмирал Стенц был вполне корректным, но твердым человеком. Он ясно дал понять кто здесь главный. Не мешая губернатору исполнять свои обязанности по управлению "Элегией", задачу по проекту Овербридж он решал так, как считал нужным. С Шербенксом адмирал консультировался лишь для того, чтобы избежать ненужных осложнений и каких-либо необязательных последствий. Выслушав доклад генерала Брамсфельда касательно истории с отстраненным губернатором Рамельфордом, адмирал кивнул и отдал какое-то распоряжение своим людям. По мнению командующего экспедицией, этот случай был важен, но второстепенен. Рамельфордом вплотную займутся сразу после того, как будет решен вопрос "извлечения". Тогда уж и будет установлена степень вины экс-губернатора, причем адмирал даже не сомневался, что напрямую тот ни при чем. Он изучал его личное дело и знал обо всех протекционистских связях. Если Рамельфорд вдруг не спятил, по собственной воле он бы такую глупость, практически не имеющую внятного объяснения, не совершил. Нет, здесь наверняка поработала чья-то другая рука. Вопрос — чья, и с ведома ли Рамельфорда. К губернатору все же выехала группа людей с прибывшего линкора. Остальная же их масса занялась совсем другими заботами. Научный комплекс оцепили. Блок Беллентorча был наглухо заблокирован, а его секцию окружило множество солдат, среди которых выделялась большая группа инженеров и ученых. Необходимость вежливо постучать отсутствовала. Беллентorч находился в транспортной капсуле вместе со всеми другими "извлекаемыми". Именно поэтому, узнав положение вещей, адмирал Стенц направил отряды в жилые блоки трех семей. Эвакуация соседних блоков еще не проводилась, поскольку тотальную зачистку прямо сейчас никто проводить не собирался. Люди со звездолета лишь оцепили заданные цели, дожидаясь команды на проникновение. Ее адмирал пока еще не отдавал. Сперва он хотел лично встретиться со всеми "извлекаемыми", перед тем как отправить их на борт "Сталиона". Вдруг все пройдет хорошо и без истерик? Тогда, быть может, им даже позволят забрать личные вещи и всякое такое. Зачем же попусту усложнять и без того непростую ситуацию?

Действиями Шербенкса, к великому облегчению означенной персоны, адмирал остался удовлетворен. Лаборатория под информационным контролем, "извлекаемые" ни о чем не подозревают, ну а инцидент с терминалами губернатора — это еще надо разобраться отдельно. Главное, что изобретение Беллентorча находится в изоляции, и никаких сведений по нему никуда не просочи-

лось. Записи в Инпланете, оставленные Мартином Лансбергом, уже успешно подчищают, а более с "Элегии" не утекло ни одного бита. Изучая поступавшие данные, адмирал оценивал ситуацию как весьма благоприятную и раздавал указания. Политика Шербенкса, основанная на психологическом комфорте "извлекаемых" и особенно Беллeнторча, вызывала у командующего экспедицией полное одобрение. С создателем Овербриджа вообще требовалось обращаться максимально бережно, даже если тот начнет сопротивляться и буянить. Если ему будут нанесены хоть малейшие физические повреждения, адмирал обещал расстрелять виновника на месте. Это же касалось и самого изобретения ученого, буде команда специалистов каким-либо образом ему навредит. Потягивая ароматный кофе, адмирал Стенц лично командовал действиями своих людей на "Элегии" и все шло как по маслу, до тех пор, пока не поступило сообщение из научного комплекса.
— Мы не можем открыть дверь лаборатории! — со смесью извинения и растерянности доложил Главный инженер.
— Мистер Шербенкс? — ровным голосом произнес адмирал, даже не повернув головы.
— Абсолютно все коды доступа вашим людям предоставлены! — немедленно отозвался губернатор. — У них полная свобода действий, и они знают ровно столько, сколько и сотрудники "Элегии".
— Так в чем же дело? — в прежней манере осведомился адмирал.
— Похоже, Беллeнторч каким-то образом запечатал лабораторию, изменив механизм авторизации. Требуется его личный код, иначе нам придется вскрывать дверь, а это может повредить проекту Овербридж, — сообщил Главный инженер.
— Что ж, не могу упрекнуть Беллeнторча в неосторожном обращении со своим секретным изобретением, — усмехнулся адмирал. — Ждите приказа, — велел он команде в научном комплексе. — Похоже, теперь самое время познакомиться с создателем Овербриджа, — добавил он, наконец-то повернувшись к губернатору.
Шербенкс кивнул и тут же отдал в коммуникатор какое-то распоряжение. По информационным каналам "Элегии" немедленно побежали управляющие сигналы. Большая капсула, застрявшая в недрах транспортных тоннелей, пришла в движение. Техники давно разобрались в причинах неполадки, и она была готова тронуться в любой момент. Капсула и тронулась, едва поступила команда извне, вот только направилась не к прежнему пункту назначения, то есть к ресторану на периферии Обзорного Купола, а к новому. Пока находящиеся внутри люди поймут, что едут совсем в другое место, транспорт уже доставит их туда, куда велел адмирал Стенц.

Капсулу встречали как следует. Чтобы почем зря не пугать "извлекаемых", по крайней мере, сразу, шеренги вооруженных солдат находились поодаль, вне прямого поля зрения. Они полностью заблокировали сектор командования экспедицией, чтобы даже муха не пролетела. Возле прибывающего транспорта маячило лишь полтора десятка охранников да несколько старших офицеров линкора с адмиралом во главе. Он стоял рядом с губернатором Шербенксом, которого "извлекаемые" знали в лицо. Адмирал и его люди выглядели очень доброжелательно, улыбаясь так, как улыбались не так уж и часто. Первое впечатление очень важно, и его требовалось произвести наилучшим образом. Сейчас капсула остановится, откроются двери и губернатор Шербенкс, извинившись за доставленные неудобства, сразу же представит адмирала, прибывшего из штаб-квартиры "Галактик текнолоджис" по особо важному поручению. Суть этого поручения он предложит изложить всем находящимся в капсуле людям в более комфортных условиях, куда они все вместе пройдут и обо всем поговорят.

Капсула остановилась. Шторки на ее окнах были закрыты. Судя по докладу техников, барахлило оборудование на борту, так как видеосигнал все еще отсутствовал, да и освещение оставляло желать лучшего. Не иначе как чудил бортовой компьютер, либо же произошли нарушения в системе связи с внешним миром. Ну, это уже забота обслуживающего персонала. Адмирала интересовала не груда пластика и железа, а находившиеся в ней люди. Когда створки дверей разошлись в стороны, он даже сделал шаг вперед, вглядываясь в готовые появиться лица, чтобы выявить среди них Беллентorча. Вот именно что "вглядываясь", как бы заранее, хотя тут же выяснилось, что вглядываться решительно некуда. Внутри капсулы было темно, а на пороге не показалось ни единой живой души. Брови обычно хладнокровного адмирала Стенца поползли вверх. Обождав четверть минуты, он недоуменно взглянул на губернатора.

— Что за черт! — опешил тот, и двинулся было вперед, чтобы заглянуть в капсулу.

Его остановила твердая рука адмирала. Сделав повелительный жест, он поманил за собой двух офицеров сопровождения и пошел сам, остановившись на пороге большого транспортного модуля. Тот был рассчитан на сотню человек, поэтому от входа было невозможно различить где и кто находится, особенно в полумраке. Фонарей адмирал Стенц с собой не носил и его старшие офицеры тоже. Именно поэтому, даже заглянув внутрь, командующему экспедицией понадобилось некоторое время, чтобы обозреть все внутреннее пространство. Словно не веря своим глазам, адмирал

зашел внутрь капсулы, постоял там немного, а затем развернулся и направился прямо к губернатору, смиренно дожидавшемуся распоряжений.
— Что за шутки, Шербенкс?! — зло произнес адмирал Стенц; от его прежней корректности не осталось и следа. — Капсула пуста!
Глаза губернатора вылезли из орбит. Разинув рот, он изрек какой-то нечленораздельный звук, а затем опрометью ринулся внутрь транспортного модуля. Адмирал исподлобья следил за входом и слышал, как Шербенкс мечется внутри, издавая нечто похожее на собачий скулеж. Вскоре он, белый как покойник, объявился на пороге капсулы, держа что-то в руке. Прищурившись, адмирал Стенц быстро опознал предмет. Это был персональный коммуникатор, отслеживаемый системой наблюдения.
— Внимание! — рявкнул адмирал, включив канал экстренной связи. — Общая тревога! Я объявляю чрезвычайное положение! Немедленно запечатать всю "Элегию"!
— Прошу прощения, сэр, в данный момент это невозможно, — послышался вежливый, но бесстрастный голос управляющего компьютера.
— Что?! — взревел адмирал Стенц. — Я прикажу расстрелять любого, кто немедленно не исполнит мой приказ! Запечатать "Элегию"! НЕМЕДЛЕННО!
— Прошу прощения, сэр, это невозможно, — вновь раздался тот же голос. — Невозможно по технической причине. В данный момент от причала номер 3В отправляется грузовой корабль. Существующие протоколы безопасности не позволяют мне без прямого приказа инициировать команду способную причинить вред людям. При закрытии защитных створ возможен опасный контакт с судном, способный вызвать его разрушение и взрыв, в результате которого пострадает команда корабля, а также персонал "Элегии".
— Да плевать мне кто там отчаливает! Сейчас Я твой командир! У меня приоритет "Ультра"! Я отдаю тебе приказ ЗАПЕЧАТАТЬ "Элегию"! — рассвирепел адмирал.
— Прошу прощения, сэр. Даже с вашим приоритетом такие команды можно отдавать только с авторизованного терминала прямого доступа в систему, — все тем же вежливым, но ничуть не изменившимся голосом ответил компьютер.
Искусственному интеллекту было все равно, какие угрозы изрыгал командующий экспедицией пусть хоть стократно с приоритетом "Ультра". Он не дорожил своей жизнью, поскольку в нем ее в принципе не было. Адмирал сообразил, что препираться с бездушной железякой бесполезно. Честя искусственный интеллект на все корки, он ринулся на командный пункт, находившийся неподале-

ку. Там его уже поджидал соответствующий терминал, оперативно выведенный офицером связи на нужный протокол. Адмирал, осуществив идентификацию, уже готовился повторить приказ об изоляции комплекса, как вдруг его рука замерла у панели авторизации. Глаза высокопоставленного офицера сузились. Обернувшись, он уставился на губернатора, семенившего следом, тяжелым взглядом.

— А что это за корабль такой сейчас отчаливает? — спросил он нехорошим тоном, от которого съежившийся Шербенкс почувствовал себя прескверно.

Стараясь, чтобы его голос не дрожал и не срывался на визг, губернатор вызвал центральный диспетчерский пост и осведомился, какого дьявола сейчас кто-то вообще летает.

— Грузовой корабль класса Антей, бортовой номер CJW904, наименование "Корундора". Отчалил по штатному расписанию. На борту две тысячи пятьсот единиц контейнеров и восемь членов экипажа, — бодро отрапортовал начальник смены.

— Я вас под трибунал отдам! — завопил Шербенкс. — Какой грузовой корабль, когда все полеты были прекращены на время прибытия линкора "Сталион"! Кто распорядился?! Вам что, приоритет "Ультра" ни о чем не говорит?!

— Прошу прощения, сэр, но мы не допустили никакой ошибки, — не без нотки обиды в голосе ответил начальник смены. — "Корундора" так же имеет приоритет "Ультра", поэтому система автоматически организовала его отправку, как только исчезла помеха "Сталиону".

Губернатор остолбенел и потерял дар речи. Услышанное настолько его поразило, что из-за страха перед прибывшими на линкоре он практически стал недееспособен.

— Говорит адмирал Альберт Стенц, командующий экспедицией "Сталиона"! — взял на себя инициативу грозный офицер.

— Да, сэр? — с готовностью отозвался начальник смены.

— Кто находится на борту "Корундоры"? — осведомился адмирал.

В ответ послышались было все те же данные про контейнеры и экипаж, но адмирал, прервав сотрудника диспетчерской, потребовал иные данные. В частности, немедленно проверить, что ПО ФАКТУ сейчас находится на борту грузового корабля. Начальник смены попросил минутку на выяснение, и на командном пункте было слышно, как он взаимодействует с персоналом и компьютерами. Адмирал, злой как черт, действительно смотрел на часы, отмеряя каждую секунду отпущенного времени. Возможно, начальнику смены здорово бы не поздоровилось, провозись тот дольше обещанного, однако ровно через минуту вновь послышался его об-

ращенный к командному центру голос.
— Очень странно, — растерянно сообщил он. — Согласно результатам запроса, все члены экипажа сейчас находятся в "Элегии". Грузовые контейнеры также погружены даже меньше, чем наполовину. Сейчас проверяются системные журналы об отправке судна...
Тут начальник смены сделал небольшую паузу, но через несколько секунд заговорил с еще большим ошеломлением. Вызванные диспетчерами, на связь вышли два крайне обеспокоенных члена экипажа "Корундоры". Они ничего не знают об отлете их корабля. Анализ системных журналов показывает, что недавно в расписание отправки судов были внесены изменения, но приоритет "Ультра" запретил извещать об этом персонал, поэтому они остались незамеченными. Записи видеомониторинга, сделанные на причале незадолго до отправки "Корундоры", показывают погрузку на борт двух контейнеров, малого и большого. Вскоре после этого корабль запросил разрешение на взлет, получил его, согласно приоритету, и в данный момент благополучно удаляется от "Элегии".
— Люди на судно не поднимались. Прикажете проследить, откуда приехали контейнеры? У нас есть время прибытия и наружные идентификаторы, — осведомился начальник смены.
— Сообщите их моим людям. Сейчас они к вам прибудут, — приказал адмирал.
Срывать злость на явно ни в чем не повинном сотруднике было не в правилах высокопоставленного офицера, а он уже сообразил, что произошло. Сообразил и мысленно поблагодарил искусственный интеллект, не позволивший запечатать "Элегию" и устроить "Корундоре" катастрофу.
— Внимание всем! — отчеканил адмирал Стенц, поворачиваясь к своему окружению. — Боевая тревога! Все турели "Элегии" — готовность к стрельбе. Перехватчики на старт! Цель нашей экспедиции находится на этом грузовом корабле!
Офицеры забегали как ошпаренные, раздавая команды подчиненным. Адмирал же велел команде специалистов, все это время торчавшей в научном комплексе, вскрывать дверь лаборатории Беллентorча. Другим командам надлежало незамедлительно проникнуть в жилые блоки трех семей. Результат не заставил себя ждать. Оживая, турели еще только наводились на удалявшуюся "Корундору", а летчики бежали к истребителям, когда люди со "Сталиона" проникли в лабораторию. Та была пуста. Нет, так-то в ней все находилось на своих местах, вот только никакого проекта Овербридж в виде устройства, похожего на бутон сиреневого цвета, в ней не обнаружилось.

Шербенкс был в полуобморочном состоянии. Голова у него шла кругом, а мысли водили стремительный и довольно плохо контролируемый хоровод. Разум прямо-таки отказывался верить в происходящее. Как?! "Извлекаемые" находились под наблюдением, лаборатория Белленторча напоминала крепость, а теперь, выясняется, все три семьи покинули "Элегию" и сейчас улетают на корабле, да еще, судя по всему, с проектом Овербридж! Да как такое вообще возможно?! Хорошо хоть данные в лабораторном компьютере Белленторча оказались нетронутыми, иначе участь нового губернатора была бы предрешена. Находясь на диспетчерской вышке, откуда всегда открывалась великолепная панорама на прибывающие и отбывающие корабли, Шербенкс слушал, как адмирал Стенц отдает команды и машинально следил глазами за разворачивающимся действием. Может, и ему лучше улизнуть, пока никто не додумался его арестовать? Нет, пожалуй, не стоит. Сразу же собьют, а если не собьют, то все равно поймают. Ох, ну должен же он что-нибудь предпринять, чтобы вернуть себе хотя бы часть расположения адмирала, пока еще не слишком поздно. Но что?!.

— Сэр! У нас не получается считать данные с компьютера Белленторча! — раздался голос Главного инженера. — Их целостность подтверждена, но для чтения требуется код доступа. Видимо, такой же, как на двери. Прикажете попробовать взломать?

— Попробуйте подобрать! — внезапно, удивляясь своей смелости, воскликнул Шербенкс. — Попробуйте ввести "Overbridge CM3". Нет! Стойте! Попробуйте ввести код защищенной ячейки хранилища, где Белленторч держал свое изобретение!

Адмирал, повернувшись, окинул губернатора холодным взором, но ничего не сказал. Вероятно, решил, что если идея Шербенкса сработает, то он его, так и быть, реабилитирует. Ощущая леденящий взор каждой клеткой своего тела, губернатор покрылся холодным потом, и та минута, за которую специалисты со "Сталиона" искали и вводили код, показалась ему вечностью.

— Код принят! — радостно доложил Главный инженер. — Начинаем считывание данных!

Шербенкс испытал колоссальное облегчение, почувствовав, как с его плеч свалилась самая настоящая гора. Очень большая и, видимо, очень тяжелая гора, поскольку при падении на пол она вызвала весьма ощутимый толчок. В следующее мгновение канал двусторонней связи с лабораторией прервался.

Эти события оказались взаимосвязаны, но не так, как можно было бы подумать. Толчок вызвал выстрел тяжелой турели, находившейся неподалеку от вышки диспетчерской. Огромные стволы неторопливо повернувшейся башни исторгли первый залп в на-

правлении удалявшегося грузового корабля. Башня, что называется, пристреливалась, пробудившись ото сна, а заодно предупреждала беглецов о своих намерениях. Двусторонняя связь с лабораторией исчезла по другой причине. Офицер, поддерживавший контакт с терминала, некоторое время щелкал выключателями, пытаясь восстановить внезапно прервавшееся соединение. Он делал это вполне спокойно ровно до тех пор, пока одна из запасных частот не привела к желаемому эффекту. На экране с треском появилась картинка и пропала. Затем еще раз, потом еще и еще. В конце концов, жуткое мельтешение и полосы через кадр стабилизировались во вполне внятную картинку, а треск и грохот оказались не столько помехами, сколько звуками происходящего. Офицер, пораженно отступив на шаг, позвал адмирала, но тот уже и так обернулся на громкие звуки, напоминавшие звуки боя.

Едва введенный код безопасности был принят, как инженеры звездолета тут же получили полный доступ к компьютерным данным и принялись закачивать всю информацию на внешний носитель. Внезапно двери лаборатории сомкнулись. Не те, что вскрыла прибывшая команда, а вторичные, аварийные. Такие были предусмотрены во всех блоках. Они выполняли роль карантинного барьера в случае какого-либо чрезвычайного происшествия: биологической опасности, утечки химикатов, боевой тревоги и прочего в том же экстренном духе. Обычный свет по всей лаборатории погас. Вместо него включилось дежурное освещение, завертелись сигнальные лампы, извещавшие о чрезвычайной ситуации. Перекачка данных остановилась. Компьютер вошел в защитный режим. Более того, его подсистема перевела всю лабораторию на осадное положение. Теперь из нее не смог бы сбежать и таракан, так как даже вентиляцию перекрыли толстые бронированные заслонки. Оторопевшие инженеры, переглядываясь, пытались разобраться в происходящем, впопыхах орудуя своими портативными терминалами и центральной консолью управления лабораторией. Ничего путного у них не выходило. Впрочем, и старались они недолго. Спустя всего несколько секунд после того, как закрутились сигнальные огни и ожила сирена, в равных промежутках испускавшая тревожный гудок, подвижное оборудование лаборатории активизировалось. Открылись люки в полу, разомкнулись диафрагмы в потолке. Из ангаров и парковочных мест выкатывались различные роботы. Люки исторгали арбузоподобных и шарообразных дронов, сверху спускались механизированные руки и щупальца. Технологические щели исторгли громадный рой маленьких дроидов, похожий на облако комаров. Откуда ни возьмись объявились платформы малых антигравов, предназначенных для уста-

новки и перемещения какого-либо груза, ожили передвижные синтезаторы и излучатели. Вся эта техническая братия стала вылезать и выдвигаться разом отовсюду, производя на растерявшихся людей весьма неоднозначное впечатление. Ничего не понимая, команда со звездолета пыталась взять ситуацию под контроль, хотя едва ли понимала, что ей вообще надо контролировать. Это было какое-то безумие, словно управляющий компьютер спятил и разом задействовал несколько взаимоисключающих протоколов. Безумие и началось. Одна из механических рук внезапно испустила яркий лазерный луч. Пройдя наискось через один из металлических столов, он срезал его край вместе с корпусом анализатора вещества, а следом рассек подвернувшегося инженера от плеча до пояса. Тот, даже не успев закричать, разделился на две половинки, да половинками так и упал где стоял. Крови не было. Обожженная плоть запеклась в месте разреза. В следующую секунду в другой части лаборатории паривший в воздухе "арбуз" приблизился к ближайшему человеку и выдал в его верхнюю половину туловища поток элементарных частиц с поистине запредельной интенсивностью. Одежда и плоть прямо-таки продырявились в считанные мгновения, сперва обнажив зияющие бреши, а затем рассыпавшись в прах. Один из шарообразных дронов, порхнув к разинувшему рот инженеру, всадил в него электрический заряд напряжением порядка миллиона вольт. Задымившийся инженер свалился как подкошенный. По всей лаборатории поднялись тревожные крики, но словно отвечая на них, все ожившее оборудование разом активизировалось на максимум. Ударили многочисленные лазерные лучи, исторгаемые механическими руками и роботами. С треском сыпались молнии, когда выстреливая линейно, а когда расходясь на рукава. Загудели мобильные излучатели микрочастиц, обдавая все живое и неживое чудовищным потоком всевозможного излучения. Внезапно включились камеры синтеза и рентгена. К заполонившим лабораторию звукам добавился еще один — высокий и надсадный писк датчика радиации. Ее уровень резко скакнул вверх и принялся ползти семимильными шагами. А роботы тем временем зажгли плазменные горелки, и вот уже один из них проделал в груди очередной жертвы громадную дыру, выдав в нее струю поистине страшной температуры. Тревожные крики команды со звездолета переросли в испуганные вопли. Часть инженеров все еще пыталась привести в чувство взбесившееся оборудование, другая заметалась в панике, прячась кто куда. Наибольшее хладнокровие сохранили солдаты. В конце концов, боевые действия, на что сейчас походила лаборатория, им были куда привычнее. Опомнившись от первого шока, они вскинули

оружие и открыли огонь. Тут вмешался Главный инженер. Перекрикивая шум, порожденный всеобщим хаосом, он орал в коммуникатор о недопустимости повреждения данных по проекту Овербридж, то есть того, ради чего все они сюда прибыли. Солдаты прекратили стрельбу и тут же за это поплатились. Один из грузовых роботов внезапно выбросил вперед гибкий захват. Схватив хорошо экипированного солдата за шею, он сделал резкое движение, и шея сломалась будто и не защищенная экзоскелетом. Другой солдат упал, когда его сбил резво подкативший антиграв. В следующую секунду пролетевший над ним робот обдал упавшего потоком частиц, оставив плоть мучительно страдать от необратимых повреждений. Рука несчастного судорожно сжала оружие, палец надавил на курок, и винтовка выдала длинную очередь, снеся лабораторный стенд и голову сослуживца. Упал и ученый, продырявленный остатками зарядов в опустевшей обойме. А лазерные лучи все сновали и сновали там и сям, рассекая пластик и металл, одежду и тела. Шипели плазменные горелки, грохотали молнии и гудели излучатели частиц. Роботы резали, жгли и кромсали всех людей на своем пути. Уцелевшие солдаты, невзирая на приказ, вновь открыли огонь, ибо речь зашла об элементарном выживании, но уже ничего не смогли поделать. Их уничтожили в считанные секунды. Впрочем, их уничтожили бы все равно, даже будь их намного больше, ибо роботов было очень много, и атаковали они практически отовсюду. От лазерного же луча, способного разрезать толстый лист брони, не увернешься. Однако странное дело — спятившая техника крушила все направо и налево, но когда на линии огня или луча появлялся собрат дрон или робот, луч исчезал, а излучение прекращалось, чтобы возобновиться сразу по исчезновении помехи. Вот людей техника молотила беспощадно. Два грузовых робота, разогнавшись, сплющили отстреливавшегося солдата. Несколько шарообразных дронов стайкой носились по лаборатории и разом исторгали в очередную общую цель гудевшие от напряжения молнии, изжаривая ее электричеством. Синтезаторы, поднатужившись, исторгли потоки какого-то вещества, на поверку крайне едкого. Попав на биоматериал, то есть конечности и тела людей, оно оставляло на них глубокие язвы, фактически разъедая живые клетки не хуже кислоты. Разлетаясь тяжелыми брызгами, вещество не столько поражало своих жертв, сколько выводило их из строя, делая легкой добычей для лабораторной техники. От общего бесчинства не отставали и щупальца. Заняв оборону, рослый сержант крайне умело отстреливался от нападавших роботов. На свою беду, он постепенно перемещался исходя из тактической диспозиции, и, в конце концов, оплошал. С по-

толка к нему ринулись "щупальца", обвили его не хуже стальных канатов и в мгновение ока разорвали в клочья. На пол, заливаемые потоками крови, упали руки, ноги и обезглавленный торс, продырявленный сразу в нескольких местах вместе с броней. Красные лужи выглядели поистине жутко, учитывая специфику сверкавшего и мигавшего освещения. Оно ведь не просто надрывалось почем зря. Вспышки света, испускаемые лабораторным оборудованием, были целенаправленной атакой и слепили глаза, лишая людей возможности узреть откуда приближается опасность. А она приближалась отовсюду, разнясь лишь в облике. Вопли ужаса и боли на время заглушили даже производимый техникой убийственный шум. Самую страшную смерть принял Главный инженер, до последнего пытавшийся спасти положение. Управляющий терминал его игнорировал, зато туча "комаров" не оставила без внимания. Подлетев к нему, она вгрызлась в плоть разом и со всех сторон. Трудно сказать, чем именно "жалили" эти "комары", участвовавшие в создании Овербриджа, однако они буквально заживо разобрали инженера на атомы. От него не осталось даже пуговицы. Разумеется, на этом туча крошечных дронов не успокоилась и атаковала следующую жертву, в то время как точно такое же облако свирепо пожирало старшего офицера, и от нее не могла спасти никакая защита. Вся, абсолютно вся лаборатория превратилась в зону смерти, где просто не могло уцелеть ничего живого. Смерть обильно собирала свою жатву. Здесь она косила всех без разбору, не делая выбора. Ей было все равно, кого забирать. Разница в очередности заключалась лишь в нескольких секундах дополнительного существования. Самые большие везунчики прожили на целых две минуты дольше первой жертвы, но почти все они и умерли наихудшим образом.

Весь этот кошмар урывками транслировался на командный пункт, переехавший в диспетчерскую вышку. Нахмурив брови, адмирал Стенц молча созерцал ужасающее зрелище, где гибли лучшие научные специалисты со "Сталиона". По его приказу солдаты снаружи резали аварийную дверь как сумасшедшие — расплавляющих зарядов-то с собой никто не брал, да и такого рода двери были хорошо защищены от столь типичного воздействия. В конце концов, подмога ворвалась в лабораторию, но только для того, чтобы лицезреть творившийся там ад. В живых не осталось никого. Повсюду были разбросаны отсеченные конечности, груды обожженной плоти. Изувеченные головы валялись словно деформированные кочаны капусты. У многих не было глаз, а вокруг глазниц чернела опаленная кожа. Пол был скользким от крови, но только в тех местах, где она не запеклась в бурую, отвратительно

пахнущую корку. Тянуло горелым мясом, вызывавшим приступы тошноты. Странное дело — воевать с взбесившейся техникой не пришлось. Сокрушив все живое и неживое, она совершенно успокоилась и разбрелась кто куда. Сперва это показалось необъяснимым, но лишь позднее, когда был проведен самый тщательный анализ видеозаписей и журналов систем мониторинга, ее поведение стало понятно. Дроны и роботы кромсали людей и лабораторию до тех пор, пока не были уничтожены все данные центрального компьютера. В одном случае было хорошо видно, как подлетевшие шары срезают лазерами защитные листы, а роботы поджаривают электронные внутренности длинными струями плазменных горелок. "Арбузы", исторгая внутрь вскрытых файловых хранилищ потоки элементарных частиц, окончательно довершали дело. Кто бы ни поручил им эту задачу, они отлично с ней справились: данные по проекту Овербридж не подлежали восстановлению, ибо просто нечего было восстанавливать.

Губернатор, застывший от ужаса, ждал приказа о своем аресте, но адмирал Стенц в его сторону даже не смотрел. Суровый офицер сообразил, что вряд ли именно подсказанный Шербенксом код спровоцировал разверзшийся хаос. Скорее, терминал был изначально "заминирован", только и ожидая стороннего вмешательства. Как только оно произошло, в действие вступила заранее заложенная программа.

— Но как такое вообще возможно?! — воскликнул кто-то из старших офицеров, неплохо подкованный по научной части. — Ни один протокол безопасности не мог этого допустить, а их там чертова дюжина! Мы же заблокировали все команды, способные нанести вред хранилищу информации.

— Видимо, теперь возможно. Собственно, за тем нас сюда и послали. А команды мы разблокировали сами, когда пожелали получить доступ к терминалу. Одно ведь исключало другое. Программа уничтожения, оставленная в виде мины замедленного действия, только этого и дожидалась, — довольно спокойно изрек адмирал Стенц, вновь поднимая взор в космос, где удалялся грузовой корабль "Корундора". — Вот что, ребятки! Как хотите, но это судно надо остановить! Корпорация должна заполучить проект Овербридж любой ценой, а он сейчас пытается сбежать на этой посудине. И не вздумайте разнести ее на молекулы, иначе обратно никто из нас может не возвращаться!

Офицеры, козырнув, ринулись исполнять приказ. Собственно, он уже исполнялся, поскольку вышедшие из спящего режима турели успели навестись на "Корундору", обрабатывая траекторию ее полета. В ангарах же продували двигатели собиравшиеся взлететь

перехватчики. Адмирал в сердцах чертыхнулся. Проклятье, какая жалость, что "Сталион" не остался на орбите, а пристыковался к "Элегии"! В корпорации решили, что так будет надежнее, хотя, в принципе, можно было бы обойтись одним небольшим эсминцем или даже хорошо защищенным транспортным судном. И внимания к нему меньше, и эффективность примерно та же. Однако в "Галактик текнолождис", как и в любой другой огромной и властной структуре, страдали пристрастием к гигантизму, на чем ловил себя и адмирал Стенц. Ему было лестно командовать исполинским линкором пополам с авианосцем. Вот только толку сейчас от этого линкора, когда "Корундора" удирает, а его пушки и истребители ничего не могут с ней поделать! Экстренный старт поднимет громадное судно в космос за четверть часа, только грузовик успеет совершить прыжок и исчезнуть в глубинах космоса. Что ж, время еще есть — командующий экспедицией автоматически посмотрел на часы. Его должно хватить, чтобы аккуратной и точечной атакой вывести "Корундору" из строя. Отдавая краткие команды, адмирал Стенц не отрывал взгляд от звездного неба, наблюдая, как турели исторгли в грузовой корабль первые залпы.

* * *

Корабль здорово тряхануло. Люди, цеплявшиеся за все подряд, попадали на пол. Кто-то пребольно ушибся, а кто-то даже рассек кожу, и из ранки тут же начала сочиться кровь. Грузовое судно, рассчитанное на восемь членов экипажа, просто не могло обеспечить значительно превосходящее число людей амортизационными креслами и прочими техническими средствами. Эти люди также оказались не готовы к сложившейся ситуации. В крайне недружелюбной обстановке их изначально пессимистичный настрой усилился и мало-помалу скатывался в настоящую панику. А паниковать им было отчего. Мелкая дрожь корабля быстро сменялась серьезной тряской, переходившей в могучие толчки. Это давали о себе знать турели "Элегии". Сигнал тревоги, эхом раскатывавшийся по кораблю, и регулярные сообщения электронного голоса бортового компьютера извещали, что положение весьма плачевное. Щиты были на исходе. Корабельные системы начинали давать сбой. То и дело сыпались искры, а освещение мигало как на рождественской елке. Двигатели все еще исправно работали, унося "Корундору" прочь от астероида, однако держались они практически на пределе. Обычное грузовое судно было попросту неспособно долго выдерживать интенсивный обстрел. "Элегия" же была в состоянии дать отпор целому боевому флоту. Убегающее судно

она не уничтожила лишь потому, что корпорации требовалось всего лишь его обездвижить, а не разобрать на атомы. Именно ввиду такой задачи тяжелые турели били редко и точечно, стараясь снять щиты, но не пробить их. Ведь в случае прямого попадания двигатели могли попросту взорваться, а следом за ними, чего доброго, взорвется и весь корабль. Особенно если урон нанесет огромная турель, способная уничтожать маломерные суда с одного залпа. Это очень хорошо понимали в кабине пилотов "Корундоры", как понимали и то, что долго, если ничего не предпринять, беглецы не протянут.

Очередной точный выстрел с "Элегии" тряхануло судно так, что туговато пришлось даже в амортизационных креслах. Как себя чувствовали пассажиры в утлых каютах, лучше было не представлять. В кабине пилотов завыли предупреждающие сигналы. Многочисленные индикаторы, продолжавшие зажигаться один за другим, свидетельствовали о чрезвычайной перегрузке энергосистем и о том, что защита вот-вот падет. Наводчики с астероида действовали весьма грамотно. Пробой "Корундоры" с хвоста, то есть напрямую в двигатели, был чреват взрывом, поэтому они постреливали туда лишь время от времени. Основной же огонь велся как бы вскользь, вдоль бортов. Это позволяло задевать щиты, снижая их прочность, и при этом не несло значительного риска уничтожить все судно. Выбранная тактика приносила успех. Силовые поля "Корундоры" неумолимо истощались, в то время как целостность корпуса сохранялась. Все быстро шло к тому, что системы грузового судна одна за другой выйдут из строя, после чего заглохнут и двигатели, когда сдаст главный реактор. Ну, либо же их повредят точечным попаданием из малых орудий, если щит окончательно выдохнется. Тогда десант с "Элегии" возьмет судно и его пассажиров голыми руками, к чему атакующие, собственно, и стремились. Беглецы же рассчитывали уйти в пространственный прыжок и исчезнуть из обычного космоса. Вот только для этого требовалось зарядить прыжковые двигатели, а заряжались они крайне медленно, учитывая острый дефицит энергии. Львиная ее доля теперь уходила на щиты, таявшие прямо-таки на глазах. Получался порочный замкнутый круг. Чтобы без помех зарядить двигатели, надо было обезопасить судно защитным полем, а оно, поглощая урон, пожирало все больше энергии, отнимая ее у двигателей. Щелкая переключателями, Мартин, понимавший в пилотировании кораблей больше остальных, выжимал из "Корундоры" возможный максимум. Все вторичные системы были отключены. Первичные же переведены в режим жесточайшей экономии, включая жизнеобеспечение. Генерация воздуха и поддержание

комфортной температуры прекратились, вентиляция не функционировала. Из освещения горели лишь дежурные да аварийные лампы. Впрочем, все это была капля в море в сравнении с огневой нагрузкой от "Элегии".
— Проклятье! А я уж думал, что нам все-таки удастся сбежать! — с растущим отчаянием в голосе воскликнул Гарольд.
Он сидел на месте второго пилота и контролировал бортовые системы, стараясь использовать их наилучшим образом. Бородач достаточно налетал в виртуальной реальности, чтобы управляться с ними вполне сносно. К сожалению, в симуляциях он почти не имел дела с грузовыми кораблями, поэтому основная задача навигации и пилотирования легла на Мартина.
— Еще пара таких попаданий, и наша песенка спета, — мрачно констатировал последний. — А ведь так хорошо все начиналось…

Да, начиналось все действительно неплохо. Гарольд, пользуясь подсказками Мелиюбиуса, сделал основной расчет на прибытие "Сталиона". Пока исполинский линкор подходит к астероиду и швартуется, всеобщее внимание будет приковано к нему, и ни одна душа не станет проверять, чего творится в недрах компьютерных систем. Там, дождавшись своего часа, один за другим запускались протоколы с приоритетом "Ультра", нахально позаимствованные Гарольдом с терминалов Рамельфорда. Корпорация сменила коды безопасности, поэтому бородач уже не мог прочитать новые сообщения, но старые все еще действовали, иначе прибывающий линкор лишился бы своего статуса. Во всяком случае, действовали на тот момент, когда их приняла система. Гарольд создал множество информационных контейнеров с высшим приоритетом, и уже обработанные компьютером они встали в очередь на исполнение. Лже-свадьба оказалась как нельзя кстати. Никто даже не пытался помешать трем семьям отправиться праздновать помолвку на заранее заказанной большой транспортной капсуле. Другое дело, что самим заговорщикам оказалось куда сложнее объясниться с родственниками и в кратчайшие сроки подготовить их к эвакуации. Хорошо что слезы и крайняя эмоциональность некоторых из них вполне естественно вписывались в якобы грядущее событие. В сравнении с этим Гарольду было гораздо проще обустроить сцену побега, подготовив массу хитрых ходов и системных ловушек. Да, столь нахальное вмешательство в компьютерные системы "Элегии" не могло долго оставаться незамеченным, и бородач непременно поплатился бы за свои действия, но ведь, как уже упоминалось, терять ему теперь стало нечего. Обратного пути не было, мосты сжигались один за другим. Очень кстати оказалось и его знакомство с другими специалистами по

части компьютерных технологий, многие из которых в той или иной степени пренебрегали надлежащей безопасностью. Общаясь с ними по сети, а особенно в различных игровых симуляторах, Гарольд знал о своих коллегах гораздо больше, нежели тем хотелось бы. Иной раз он шутки ради даже заглядывал в их личные и рабочие терминалы, но никогда не оставлял следов, сохраняя свои визиты в тайне. Теперь эти знания пригодились, равно как коды и уровень доступа. Многое бородач сделал от имени этих людей, о чем они даже не подозревали. В частности, пассажирская капсула остановилась в строго заданной точке тоннеля именно благодаря управляющему доступу с терминала одного из знакомых Гарольду игроманов. Другая капсула, будто невзначай, прибыла в это же место уже благодаря самому взломщику. Это был грузовой транспорт, чей маршрут изменился из-за своевременного вмешательства. Учитывая особенности развязки, обе капсулы оказались практически борт о борт. Люди перешли из пассажирского модуля в грузовой, предварительно оставив на прежнем месте персональные коммуникаторы. Все дальнейшие вызовы о неисправности якобы из пассажирского транспорта осуществлялись Гарольдом удаленно. На деле грузовая капсула оперативно доставила свой живой груз прямиком на борт "Корундоры". Сама же "Корундора" весьма кстати очутилась на нужном причале благодаря недавнему перемещению из-за чрезвычайного происшествия на энергоузле. Бездушный робот флегматично загрузил контейнер в трюм грузового корабля, откуда три семьи благополучно перешли в каюты и кабину пилотов. Старт был дан, едва в трюм прибыл еще один малый контейнер, содержавший Мелиюбиуса. По правде говоря, никто вообще не верил в его появление, однако творение Себастьяна каким-то образом ухитрилось смыться из тщательно охраняемой лаборатории. О данных по проекту Овербридж, оставшихся на его рабочем месте, ученый не волновался. Вдвоем с Мелиюбиусом, плюс Гарольд и даже Мартин они сделали так, что корпорация лишится бесценной для нее информации едва попробует ее заполучить. Для этого пришлось хорошенько попотеть, но результат, в котором заговорщики были уверены, того стоил. Впрочем, в случае неудачи выбора-то все равно не оставалось. В итоге, едва магнитные захваты приняли тяжесть "Сталиона", центральный компьютер диспетчерской "Элегии", соблюдая очередность, автоматически разрешил взлет "Корундоры", имевшей такой же приоритет "Ультра" ввиду точно таких же как у линкора кодов безопасности. Продув уже включенные двигатели, грузовик неторопливо поднялся, миновал шлюзовую камеру и благополучно отчалил от астероида, никем не остановленный. Впрочем, в "Элегии" все же спохва-

тились. Об этом красноречиво свидетельствовал первый же выстрел из большой турели в сторону удалявшегося судна. Беглецам не хватило каких-то десяти минут, чтобы благополучно отлететь на необходимое расстояние, заряжая прыжковые двигатели, и уйти в пространственный прыжок.

Очередное скользящее попадание могучей турели разом лишило щитов около десяти процентов всей энергии.

— Все, больше мы ничего не можем сделать! — воскликнул Мартин, оценивая показания приборов.

— Можем! — внезапно воскликнул Гарольд. — Эй, Себастьян! — заорал он в интерком под удивленным взглядом первого пилота. — А ну давай подключай свою штуковину к кораблю! Самое время проверить ее таланты на практике!

Ученый, кувыркавшийся в пассажирской каюте на пару со своим творением, сообщил, что это плохая идея. Несмотря на выраженную дружелюбность, Мелиюбиус по-прежнему непредсказуем. Его неограниченный контроль над судном может привести к любым последствиям.

— Я тебе скажу, какие последствия ждут нас всех, если ты его не подключишь! — рассвирепел бородач. — Если корабль не рванет, нас всех повяжут и устроят такую райскую жизнь, что мы все дружно станем сожалеть о том, что не подохли здесь и сейчас! Подключай сейчас же, или, клянусь, своим гениальным брюхом, я дам тебе по башке, а пока ты валяешься без сознания, сделаю это сам! Подумай об Аулине, кретин! Подумай обо всех остальных, а не только о своих научных заскоках!

В ответ не раздалось ни слова. Около минуты, сопровождавшейся увеличивавшейся тряской судна, ничего не происходило. Разъяренный Гарольд, ругаясь на чем свет стоит, уже начал отстегивать ремни амортизационного кресла, как вдруг что-то резко изменилось. Послышалось нарастающее гудение реактора, будто в нем неожиданно выросла мощность. "Корундора" почти перестала дрожать. Скакнули показатели приборов, демонстрируя прирост тяги и качества функционирования систем. Индикаторы панели управления, предвещавшие неминуемую катастрофу, стали светиться и моргать менее интенсивно. Красный и оранжевый цвета во многом сменились желтым, а кое-где даже и зеленым. Внезапно включились маневровые двигатели "Корундоры". Неповоротливый грузовик, продолжая поступательное движение, чуть сместился в сторону, и очередные залпы турелей "Элегии" прошли мимо. Впритык, но все же мимо! Дышавшая на ладан энергия щитов тут же подросла, как подрос и заряд прыжковых двигателей. Мартин заморгал, протирая глаза, но вскоре выяснилось, что ему не почуди-

лось, и это была даже не случайность. Очередной залп, очередное вроде бы незначительное смещение — и снова заряды турелей пронеслись в никуда, в то время как энергетическое состояние защиты и двигателей продолжало уверенно улучшаться.
— Невероятно, — прошептал новоявленный первый пилот. — Да как вообще можно умудриться изворачиваться на такой махине?
— Крайне недолго, если ты мне не поможешь, — раздался в кабине приятный бархатистый голос.
До сих пор только Себастьян слышал Мелиюбиса, однако оба пилота моментально догадались кто его владелец. Мартин взволнованно осведомился, чем он, собственно, может посодействовать.
— Ты же специалист по системам залпового огня, так? Значит, орудия "Элегии" тебе не в диковинку. Дай мне любую подсказку как можно сбить их с толку! — предложил бархатистый голос. — Ведь скоро они опомнятся и изменят тактику, а передышка нам не помешает.
Мартин напряг мозги. Будь они кулаками, захрустевшие костяшки побелели бы дальше некуда. Окружающая обстановка ничуть не способствовала плодотворным размышлениям. У кого другого голова бы сейчас просто не работала. Мартину же удалось сохранить самообладание в экстремальной ситуации и выдать Мелиюбиусу несколько подходящих идей. Вот только как их реализовать? Системные коды и управляющие протоколы — это все хорошо, но ведь доступ к турелям "Элегии" отсутствовал!
— Это уже моя забота, — бодро отозвался Сиреневый Бутон.
Подключенный Себастьяном к ближайшему терминалу, он тут же принялся за дело. Ученый машинально придерживал его руками, чтобы не вылетел связующий кабель, хотя по факту скорее сам держался за Мелиюбиуса. Ведь тот благополучно парил на антиграве и возможная тряска его не беспокоила.

То, что произошло дальше, поразило всех участников разворачивающегося действия, но пассажиров "Корундоры" это воодушевило, в то время как персоналу "Элегии" не понравилось чрезвычайно. Кажется, люди здорово заблуждались по части безопасности своих систем искусственного интеллекта. В протоколах и управляющих схемах была дыра на дыре, особенно для того, кто глядел на них с иным восприятием. "Корундора" без труда перехватила опознавательный сигнал ближайшего истребителя. После этого она могла бы выдать себя за него, но такая мера мало что приносила. В диспетчерской тут же отменили бы пометку "свой" с использованного ей объекта пусть даже ценой его уничтожения. "Корундора" поступила иначе. Через истребитель, синхронизировавший свои маневры с компьютерами "Элегии", она проникла в

подсистему связанную с турелями. Те ведь отслеживали сигналы и сигнатуры целей, и все это обрабатывалось главным компьютером, осуществлявшим общее управление. От имени союзного корабля, имевшего право на запросы и координацию действий, "Корундора" запустила диагностический протокол. Сам по себе он ничем не угрожал, однако главный компьютер этого не понял. Ведь в процессе запущенной диагностики, подсказанной Мартином, турель принялась поочередно наводиться на все доступные цели для сбора аналитических данных своего функционирования. Компьютер же увидел в этом угрозу и тут же вывел турель из боя. Фокус заключался в том, что турель работала не самостоятельно, а принадлежала целому кластеру, собранному в единое целое для оптимизации контроля. Таким образом, центральный компьютер отключил его целиком, однако и на этом неприятности для атакующей стороны не закончились. Турели перестали стрелять, но их системы наведения все еще работали. Разворачиваясь в парковочное положение, чтобы уйти в глубину безопасных гнезд, они проводили траекторией дул по другим турелям. Центральный компьютер, получив сигнал о неминуемой опасности взаимного ущерба, стал аварийно отключать все в нем замешанное. Основания для этого у него имелись. Уловив внезапно появившуюся угрозу, система сочла ее приоритетной и не придумала ничего лучше как нанести упреждающий удар. Прежде чем ее успели остановить, одна из турелей развернулась и долбанула по своей якобы угрожавшей ей соседке. Соседку разнесло в клочья вместе с прилегавшими к ней помещениями. Все находившиеся там люди погибли. Смерть, собрав еще пяток жертв, была более милостива к тем, кого убило на месте, ибо другим, выброшенным разгерметизацией в безвоздушное пространство, повезло куда меньше. В "Элегии" и опомниться не успели, как все активные турели, аварийно выключаемые центральным компьютером, прекратили огонь, а затем ушли в перезагрузку. Теперь, даже при прямом приказе командующего человека, им требовалось время на выход из гнезд и боевое развертывание.

Мартин и Гарольд, наблюдая за показаниями бортовых систем и данными на информационных экранах, были настолько впечатлены, что нецензурно ругались благоговейным шепотом. Скачок энергии, переставшей таять как лед под паяльной лампой, да еще из оптимизированного реактора, быстро восстанавливал утраченную защиту. Зарядка прыжковых двигателей бодро миновала пятьдесят процентов. Ругался и адмирал Стенц. Произошло нечто поистине невообразимое! Вся "Элегия" — эта тяжеловооруженная крепость, — внезапно стала беззащитна, будто ей разом

выбили все зубы. Впрочем, все ли? Козыри в рукаве у нее все же остались. Недолго думая, адмирал отдал приказ перехватчикам. До сих пор те кружили поодаль, чтобы не подвернуться под дружественный огонь пушек "Элегии". Теперь же им предписывалось атаковать. Получив новые указания, звенья истребителей зашли на вираж и ринулись к "Корундоре".

Радость в кабине пилотов грузового корабля резко сменилась унынием. После невероятных успехов Мелиюбиуса, умудрившегося вывести из боя все турели "Элегии", они решительно не понимали, как можно выпутаться из новой напасти. А Мелиюбиус выпутывался с блеском. Шустрые перехватчики успели сделать только один заход, во время которого изрядно потрепали щиты "Корундоры". Ее вновь затрясло, а энергия снизилась, хотя и не так, как могла бы при управлении обычным экипажем. Сиреневый Бутон просто феноменально успевал ее перебрасывать из одного контура в другой, усиливая щит в момент обстрела и немедленно ослабляя его в пользу двигателей сразу после отражения урона. Второй заход у противника не заладился. Пара истребителей внезапно столкнулась, исчезнув во вспышке беззвучного взрыва. Возможно, то была простая случайность — всякое бывает, однако пока истребители разворачивались для повторной атаки, еще два из них задели друг друга. На сей раз фатального удара не произошло, но из строя они выбыли подчистую. Кувыркаясь и теряя части корпуса, пострадавшие боевые единицы разлетались будто бильярдные шары. Атакующая сторона быстро выяснила причину происходящего. "Корундора" вносила помехи в слаженную работу объединенных бортовых систем, искажая данные навигации. Фактически она взломала сеть и меняла якобы безопасную траекторию истребителей таким образом, что те сталкивались. Реакция из "Элегии" последовала незамедлительно. Истребителям было приказано отключить всю внешнюю синхронизацию и поддерживать связь с командованием только обычным, аудиовизуальным способом без всякого компьютерного вмешательства. Иными словами, истребители стали каждый сам за себя, управляясь пилотами напрямую и индивидуально, а все действия координировались по радио. Еще три истребителя успели столкнуться, прежде чем приказ привели в исполнение, но теперь, казалось бы, уже ничто не могло остановить атаку перехватчиков, снова зашедших на цель. Они ее и начали, обстреливая "Корундору" с максимальной интенсивностью. Далее произошло нечто совсем уж непредсказуемое. "Корундора" была грузовым судном класса Антей. Это означало наличие на борту значительного количества контейнеров. Львиная их доля не загружалась в трюм, а крепилась вдоль бортов в специальные на-

правляющие, похожие на соты. Обычно контейнеры загружали и отгружали портовые роботы, управляемые системами причала, однако имелась у них и функция сброса в случае передачи груза кому-либо открытом космосе или аварийной ситуации. Звенья истребителей совершали маневр возле цели, как вдруг ее пневматические пушки отстрелили несколько десятков контейнеров. Казалось бы, ну и что такого? Помеха, но вполне себе незначительная. Вот только выяснилось, что некто мастерски просчитал траекторию атакующих кораблей, поочередно сбросив контейнеры в идеально отмеренное время. Куда бы перехватчики ни попытались повернуть, на их пути оказывался один из огромных металлических ящиков. Сразу пять малых боевых судов врезались в препятствие и взорвались. Увернуться от столкновения они оказались не в состоянии, ибо мгновенно остановиться стремительно несущийся истребитель не способен. Вскоре выяснилось, что подобный выброс оказался далеко не случаен. Третий заход перехватчиков сопровождался еще большими потерями. Возможно, их удалось бы избежать, координируй пилоты свои действия в единой системе, но им приходилось управлять практически полностью в ручном режиме, полагаясь лишь на свои навыки пилотирования. А навыки эти не успевали реагировать на ловушки хитрого противника, явно превосходящего в моделировании развития событий. "Корундора" отстреливала контейнеры поодиночке и десятками. Провоцируя часть истребителей менять курс, она вносила еще большую сумятицу в движение остальных, заканчивающуюся весьма плачевно. Ударяясь о контейнеры, истребители взрывались один за другим. Малый скоростной флот "Элегии" таял на глазах. Конечно, для хорошо защищенного научно-производственного комплекса потеря была невелика, но ведь адмирал Стенц не поднял все дислоцированные там корабли разом. Он же никак не ожидал столь вопиющего результата. Теперь командующий экспедицией "Сталиона" здорово пожалел о своем решении. Согласно новому приказу, с "Элегии" оперативно стартовали многочисленные эскадрильи перехватчиков, штурмовиков, а так же группировки боевых звездолетов. "Корундору" требовалось остановить во что бы то ни стало. Лишь громада линкора по-прежнему торчала на своем причале, окончательно став бесполезной. Отправь ее адмирал сразу, та успела бы атаковать ускользающий грузовой корабль, но он не увидел в экстренном старте особой необходимости, на что, вероятно, и рассчитывали беглецы. Теперь же "Сталион" в любом случае не успевал, так как либо обойдутся и без него, либо корпорация со всеми своими пушками и звездолетами останется с носом.

Повинуясь приказу адмирала, истребители применили новый прием. Часть из них продолжала обстреливать "Корундору", постоянно убывая в численности. Будь их воля, они кружили бы поодаль и вели огонь с безопасного расстояния, однако наносимый щитам урон был гораздо менее эффективен. Немало выстрелов попросту проходило мимо, так как из-за расстояния грузовой корабль, управляемый неведомым мастером пилотажа, нахально успевал уворачиваться. Орудия же истребителей не имели такой дальности поражения, как у могучих турелей, и немалая доля энергии их выстрелов успевала рассеиваться. Адмирал счел это неприемлемым, предпочитая пожертвовать даже значительным числом кораблей ради достижения приоритетной задачи.

Другой части истребителей предписывались иные инструкции. Сразу три звена врубили форсаж и ушли далеко вперед "Корундоры". Там они развернулись и направились к ней встречным курсом, снижая тягу и практически останавливаясь. Махина грузового судна надвигалась прямо на них, а истребители открыли по ней плотный лобовой огонь. На сей раз никакая сила не могла избавить "Корундору" от неминуемых попаданий — ни самое блестящее маневрирование, ни взлом компьютерных систем. Адмирал Стенц уже торжествовал, когда залпы перехватчиков достигли цели и хорошенько ее потрепали, однако и тут выяснилось, что радовался он преждевременно. Как любой современный грузовой корабль, "Корундора" была оборудована противометеоритной защитой. Это означало наличие довольно мощной носовой пушки, неповоротливой и мало пригодной для боя, зато хорошо разносившей на куски космические булыжники. В отличие от истребителей, пушка стреляла не плазмой или разрывными снарядами, а испускала расщепляющий луч, нарушавший атомную структуру вещества. Попасть им в постоянно маневрирующего противника было практически нереально, зато в цель строго по курсу — запросто. А именно там и оказались перехватчики с "Элегии", почти полностью сбросившие скорость. Адмирала это не слишком беспокоило, и отнюдь не из-за намерения принести их в жертву ради конечного замысла. Искусственный интеллект "Корундоры" не мог применить противометеоритную пушку, если вместо глыбы камня в ее прицеле окажется корабль с людьми. То, что произошло на деле шло вразрез со всеми представлениями адмирала Стенца о работе систем защиты и вооружения. Приблизившись к истребителям на расстояние гарантированного поражения, "Корундора" выпустила пушку, доселе мирно дремавшую в ее передней части. Из раскрывшихся люков на свет объявились два внушительных орудия, симметрично расположенных слева и справа от носовой над-

стройки. Налившись красноватым светом, эти орудия исторгли могучий луч, не столь яркий и плотный как лазерный, зато весьма широкий и уж тем более разрушительный. Перехватчик, оказавшийся на его пути, лопнул как мыльный пузырь, рассыпавшись на фрагменты. Следом за ним точно так же разнесло в клочья его соседа, за которым последовали и все остальные. Спаренная пушка "Корундоры" била без промаха, и едва ее лучи настигали очередную цель, как она уже наводилась на другую. Истребители — очень шустрые боевые единицы, но даже они не успели спастись от нежданной атаки. Грузовое судно распылило половину из них, прежде чем ошарашенные пилоты попытались удрать, до отказа выжав мощность двигателей. На их беду, времени на маневр уже не оставалось. Ни один истребитель не успел набрать достаточную скорость, чтобы уйти из зоны поражения. Убийственно меткие расщепляющие лучи с "Корундоры" настигли всех. Последний перехватчик практически спасся, но эффект противометеоритного орудия достал его на излете. Пройдя сквозь силовое поле, он критически нарушил работу двигателя, и тот, перегруженный форсажем, не выдержал и взорвался. Тем временем звенья истребителей, продолжавших атаковать грузовое судно с флангов, поредели настолько, что толку от них было уже маловато.

Адмирал Стенц, наблюдая за гибелью боевых соединений, сжал кулаки и в сердцах выругался. Он сообразил, к чему все идет. Дело принимало крайне дурной оборот и тут уже, знаете ли, не до церемоний. По его приказу все взлетавшие с "Элегии" корабли открыли массированный огонь в направлении убегавшей "Корундоры". Теперь адмирал предпочитал рискнуть и нанести цели пусть даже непредсказуемый урон, нежели упустить ее вовсе. Расстояние между грузовым кораблем и атакующими было на грани досягаемости, но преследователи уверенно его сокращали, из-за чего эффективность их орудий непрерывно росла. Космическое пространство вокруг "Корундоры" заполонили дорожки и взрывы от выстрелов из всевозможных разнокалиберных орудий.

На сей раз даже Мелиюбиус не мог уворачиваться от столь масштабной атаки, ибо куда не поверни — везде велся заградительно-прицельный огонь. Конечно, он лавировал как мог, но это не особо помогало снижать получаемый урон, ибо трудно оставаться сухим под струями дождя, в какую сторону не сдвинься. Меж тем прыжковые двигатели зарядились почти на максимум, и для их запуска не хватало совсем немного. К сожалению, в данных обстоятельствах "совсем немного" могло означать неминуемый приговор. Пусть даже всего несколько процентов, но их надо было откуда-то взять, вот только откуда? Интенсивный обстрел снова

не позволял продолжать зарядку, забирая на щиты почти всю энергию реактора. Беглецы в кабине пилотов даже приблизительно не понимали, каким образом довести начатое до конца. Впрочем, Мартин и Гарольд уже откровенно махнули рукой на попытки предсказать очередные действия уникального творения Себастьяна. Управляй кораблем они, вся эпопея с побегом закончилась бы давным-давно. Мелиюбиус же умудрялся выкручиваться из абсолютно безнадежных ситуаций, хотя на сей раз, видимо, даже для него задача становилась не решаемой. Мартин об этом так и заявил, Гарольд с ним согласился, но у Мелиюбиуса имелось иное мнение.

— Держитесь! — внезапно заявил он. — Сейчас я предприму очень опасный маневр. Возможно, мои расчеты не верны, я плохо изучил конструкцию нашего судна и последствия для него будут катастрофическими, но в сложившихся обстоятельствах это единственно возможный вариант.

— Эй, что ты там собрался натворить?! — враз обеспокоились в кабине пилотов, вторя машинально вырвавшемуся вопросу Себастьяна.

Услышав ответ, люди переглянулись, а затем заорали, что Мелиюбиус спятил, и делать этого ни в коем случае нельзя! Тем не менее, он сделал.

Корабли "Элегии" вовсю настигали "Корундору", когда та преподнесла очередной сюрприз. Режим работы ее трех тяговых двигателей внезапно изменился. Два крайних сохранили активность, но сопло центрального внезапно погасло. Вместо раскаленной струи оттуда хлынул бурный поток сливаемого топлива. По всем законам логики он был обязан воспламениться от окружающей его высокой температуры и, уйдя внутрь горящим снопом, взорвать топливные баки, а следом, вероятно, и весь корабль. Ничего такого не произошло. Давление, с которым выбрасывалось топливо, было настолько велико, что жидкая масса совсем чуть-чуть, но все же не успевала загореться, с огромной скоростью улетая прочь. А именно — навстречу преследователям. Погасшее сопло исторгало здоровенный фонтан, оставляющий за хвостом огромный шлейф. Постепенно распыляясь, оно образовывало плотную взвесь, напоминавшую облако. Выстрелы с кораблей "Элегии" не могли его поджечь — не хватало их интенсивности и температуры, зато когда "Корундора" внезапно врубила форсаж, картина резко изменилась. Сопло, вновь озарившись ослепительным огнем, запалило выброшенное топливо. За кормой корабля раздался взрыв, отчего его основательно тряхануло. Казалось, от натуги судно сейчас развалится, однако оно, испытав кратковременную перегрузку, вы-

держало и резво рванулось вперед пуще прежнего, набрав дополнительную скорость. Итоговый эффект получился таким, будто массивной тумбе на колесиках дали хорошего пинка. Совсем другой эффект вышел с кораблями преследователей. Пламя бурно распространилось на весь топливный шлейф. Плотная взвесь полыхнула, и за пару секунд превратилась в раскаленную ярко светящуюся область, в которой оказалось немало судов с "Элегии". Все бы ничего, да горящее облако содержало подарочек, заботливо выброшенный Мелиюбиусом вместе с топливом. А именно, контейнеры с ядерными энергетическими ячейками для главного реактора. Сами по себе они были вполне безопасны, но ровно до тех пор, пока их не подвергали воздействию ультравысокой температуры. Очутившись в раскаленном облаке воспламенившегося топлива, контейнеры благополучно начали взрываться. Результат смахивал на минное поле, где внезапно очутились корабли преследователей. Их щиты вполне выдерживали огненный урон, однако мощь термоядерных вспышек ударила по силовым полям с отнюдь не расчетной нагрузкой. Кроме того, возникли множественные очаги электромагнитного излучения. Очаги настолько близкие и внушительные, что ослабшие щиты, насилу погасившие основной урон, нарушили изоляционную безопасность периметра. Бортовые системы кораблей в зоне поражения немедленно дали сбой. Дело довершила ударная волна, распространившаяся от взрывов. Она сбивала суда "Элегии" с траектории движения, а те, испытывая значительную перегрузку и перебои в работе оборудования, оказались не в состоянии оперативно этому воспрепятствовать.

Результат внезапной техногенной атаки заставил адмирала Стенца окаменеть. Лабораторные тесты проекта Овербридж, показывавшие умопомрачительные боевые результаты против превосходящих сил противника, подтвердились на практике самым наглядным образом. Истребители, стройными звеньями летевшие в полыхнувшей области, сгорели как свечки. Несколько больших кораблей столкнулись, свирепо искря щитами силовых полей. Один взорвался, вызвав еще большую перегрузку защиты у остальных, из-за чего прихватил и другой, фактически развалившийся на части. Те стали детонировать одна за другой, обдавая окружающее пространство потоками металла и пламени. Прочие пострадавшие звездолеты раскидало кого куда. Взорвись одна такая ядерная ячейка за кормой "Корундоры", буде топливо все же полыхнуло бы не так, как задумывалось — и ей оторвало бы хвост, со всеми вытекающими. Однако рискованный расчет Мелиюбиуса оправдался. Массированный обстрел корабля беглецов прекратился. Преследователям, мягко говоря, стало не до него, и какое-то

время они физически были не способны продолжать атаку. Выигранных минут "Корундоре" хватило с лихвой. Выжимая форсаж, она наконец-то зарядила прыжковые двигатели и в мгновение ока исчезла из обычного пространства.

* * *

Ни в "Элегии", ни даже на "Корундоре" никак не могли поверить, что побег действительно удался. Пока адмирал Стенц рвал и метал, беглецы сходили с ума от радости. Во всяком случае, часть из них. Мартин и Гарольд, покинув кресла пилотов, обнимались как дети, только что не пустившись по кабине в пляс. Спасение, сперва казавшееся вполне реальным, а затем внезапно ставшее призрачным, все же состоялось. Они знали, кого за это благодарить и, перестав вопить от восторга, ринулись в каюту, где обосновался Себастьян со своим изобретением. Гарольд мечтал наконец-то увидеть чудо техники своими глазами. Мартин также хотел лицезреть феноменальное творение. Кроме того, оба жаждали расспросить Мелиюбиуса, каким образом ему все же удалось не только незамеченным ускользнуть из лаборатории, но и прибыть на "Корундору".

С расспросами пришлось повременить. Мелиюбиус сыскался там, где и ожидалось, однако он предложил не таращиться на него почем зря и не молоть языком, а для начала заняться пострадавшими. Мартин и Гарольд переглянулись, а затем наперегонки рванули к своим семьям. Вскоре их догнал и Себастьян, отчего-то замешкавшийся в каюте.

В приоритете задач Мелиюбиус, в первую очередь озаботившийся человеческими жизнями, оказался совершенно прав. "Корундора" была рассчитана на восемь членов экипажа. Двадцать шесть человек, волею судьбы очутившихся на ее борту, просто не вписывались в имевшиеся условия, особенно когда судно подвергалось интенсивному обстрелу. К счастью, обошлось без жертв, однако некоторые беглецы серьезно пострадали. Помимо ссадин и ушибов из-за бросков и тряски, когда палуба под ногами прыгала как сумасшедшая, насчитывалось несколько переломов. В основном их получили наиболее пожилые люди, исключая младшего брата Аулины и мать Кимберли. Бегло оценив обстановку, Мартин и Себастьян тут же повели всех пострадавших в медотсек. Ну, почти всех. Со сломанной ногой ведь далеко не уйдешь. С таким увечьем требовался антиграв либо, хотя бы, носилки. Тут-то неприятности начали расти лавинообразным образом.

В отличие от "Элегии" корпорация не оснащала обычные

звездолеты по высшему разряду. Иными словами, на борту "Корундоры" имелось все необходимое для осуществления успешного рейса — и не более. Медицинский отсек обладал только одним роботом-санитаром, но тот оказался поврежден и требовал ремонта. Соорудить же носилки, найдя для этого хоть какой-нибудь подходящий материал в неизвестной обстановке, где поднялась суматоха, было нереально. Она ведь поднялась не только из-за пострадавших. Умолкшие было сигналы тревоги взвыли снова. Бортовой компьютер корабля информировал экипаж о многочисленных неисправностях, возникших вследствие недавнего инцидента. Сирена не слишком надрывалась, поскольку кораблю не грозила неминуемая катастрофа, однако вращавшиеся сигнальные огни все же здорово действовали на нервы. В состоянии судна требовалось разобраться как можно быстрее, но и бросать пострадавших людей явно не стоило.

Наиболее деятельные беглецы, посовещавшись, разделились. Кимберли и Аулина занялись ранениями разной степени тяжести, хлопоча в медицинском отсеке. Они же сделали обезболивающий укол и наложили повязки тем, кого пока не удавалось доставить для лечения из-за отсутствия транспорта. Гарольд взял на себя подробную диагностику всех систем "Корундоры". Мартин и Себастьян отправились осматривать судно, прихватив с собой отцов, Элмера и Сонмера. Положение серьезно осложняло то обстоятельство, что беглецы более не располагали персональными коммуникаторами, оставленными в "Элегии". Им всем приходилось общаться через интерком, а это существенно снижало оперативность взаимодействия и поступления информации.

"Корундора" пострадала куда серьезнее, нежели ее новый экипаж. Из лопнувших труб с шипением бил пар и сочилась вода. Искрили поврежденные кабели. Тянуло едким дымом. Система автоматического пожаротушения не допустила распространения огня, однако где-то тлела проводка, а где-то испускал неприятный запах горелый пластик. В грузовых отсеках царил настоящий бардак, поскольку судно по факту было не готово к вылету, и никто ничего как полагается не закреплял. Контейнеры устроили кучу-малу. Часть их содержимого благополучно высыпалась, и стоило порадоваться, что ничего не сдетонировало. Ведь из "Элегии" частенько отправляли опасные грузы, требующие самого бережного обращения. Больше всего беглецов беспокоил реакторный отсек, от которого зависело практически все. В случае чего, чинить его будет решительно некому, да и нечем. К счастью, показатели тамошних приборов демонстрировали полную исправность оборудования. Сервисные роботы также присутствовали в должном со-

ставе. Это же относилось и к двигателям. Прыжковые мерно гудели, неся грузовой звездолет сквозь пространство. Маршевые перешли в режим ожидания. В их недрах все еще шли активные процессы, но сопла больше не исторгали конусы пламени. Они дожидались той минуты, когда корабль вновь объявится в обычном космосе, чтобы немедленно вернуть ему возможность движения.

Люди трудились долго. Прошло много часов, прежде чем они, уставшие, позволили себе перерыв в кают-компании. К тому времени стало ясно, что в целом корабль находится в удовлетворительном состоянии и способен уверенно продолжать полет. Все неисправности либо устранялись, либо не несли существенной угрозы. Примерно то же относилось и к раненым. Ссадины, ушибы и кровоподтеки обработали должным образом. Глубокие порезы обеззаразили и зашили, для верности введя порцию антибиотиков. С этим оборудование медотсека справилось без проблем. С переломами дело обстояло сложнее, но все же поправимо. Медицинские станции "Элегии" залечивали такие повреждения немногим дольше удаления занозы, однако на грузовой корабль никто дорогущие элитные модули не устанавливал. Процесс заживления требовал некоторого времени, пока пострадавшая часть тела находится в фиксированном положении. Наибольшее беспокойство вызывал лишь один случай. Бассет, дядя Мартина по матери, испытывал приступы головокружения и тошноты. Диагностика в медотсеке показала крупный ушиб в затылочной области. Наложенный компресс и введенное лекарство должны были снять отечность. Увы, на более серьезную медицинскую помощь рассчитывать не приходилось. Бассета и еще нескольких наиболее пострадавших родственников уложили в каютах. Густава, деда Кимберли с переломом ноги, доставили туда на малой грузовой платформе, специально позаимствованной в хозяйственной части "Корундоры". Тем же способом переместили и Джулет, сестру Элмера, тетю Себастьяна, повредившую колено. Вопрос размещения остальных членов семей оставался открытым. Собственно, его и начали обсуждать в первую очередь, когда утомленные и проголодавшиеся люди набились в кают-компанию. В отличие от кают, там они поместились все, причем без излишней тесноты, но одно дело сидеть на металлической лавке, а другое — ночевать на голом полу.

В плане качества и разнообразия еда вышла скудной, но калорий и прочих необходимых человеку составляющих в ней вполне хватало. За питанием сотрудников корпорация все-таки следила, обеспечивая их витаминами и микроэлементами в надлежащем

количестве. Другое дело, как именно обеспечивала. Люди, привыкшие к роскошествам "Элегии", не без труда осваивали синтезатор, без аппетита поглядывая на льющуюся оттуда смесь. Иные и вовсе бы отказались от такой пищи, не прояви лидеры беглецов твердость и не заставь их хотя бы немного подкрепиться. Больше всего капризничали самые молодые. В частности, Никки, четырехлетний сын Мартина и Кимберли. Запястье его левой руки было туго забинтовано из-за небольшого перелома, и он находил это достаточным основанием, чтобы не принимать гадкую пищу и правой. Вайолет и Тобиас, двоюродные сестра и брат Мартина, так же выказывали выраженное неудовольствие неаппетитным угощением. Двенадцатилетняя девочка успела избаловаться благами "Элегии", как и одиннадцатилетний мальчик. Бассет, отец-одиночка, попустительствовал им во всем, к великому неудовольствию своей сестры Луизары, матери Мартина. Сейчас Бассет лежал в каюте, из-за ушиба головы чувствуя себя неважно, поэтому дети капризничали больше обычного. Куксился и Пауль, шестнадцатилетний брат Аулины и Гарольда, пока последний не показал ему кулак. Рука на перевязи вследствие трещины в лучевой кости настроения ему явно не улучшала. Бородач не испытывал к Паулю симпатии даже больше, чем к другим членам немногочисленной семьи. Он находил братца бездарным лентяем, сидящим на шее родных, и его бы воля, на парсек не подпустил бы к "Элегии". Строптивой молодежью занялись старшие родственники, пустив в ход весь свой авторитет, хотя и сами не без труда глотали сомнительную пищу.

— Предлагаю разместить в каютах всех наиболее пострадавших, плюс тех, кому больше всего лет, а также детей — сообщил Мартин, стоически ковыряя металлической ложкой содержимое своей тарелки, напоминавшее густой пластик.

Кают насчитывалось всего шесть. Две одноместные отводились для капитана и его помощника, в трех двуместных размещались пилоты, техник, связист, медик и энергетик. Шестая была запасной, на случай появления пассажиров. Ее три койки пришлись очень кстати, учитывая количество беглецов. К сожалению, таким образом удавалось разместить только одиннадцать человек из двадцати шести. Спартанская ширина коек не позволяла уложить на них больше одного жильца. Остальным придется довольствоваться какими-то другими помещениями. Вопрос — какими?

— Можно спать по очереди, — заметил Элмер, наливая себе кружку какой-то невообразимой химии из гулко булькавшей емкости.

— С переломами это исключено, — подала голос Аулина. — Пострадавшим нужен полный покой, раз здешний медотсек не спо-

собен их полностью исцелить.
— Здешние условия вообще мало на что способны, — хмуро отозвалась Кимберли.
Произошедшие потрясения не слишком хорошо сказались на ее самочувствии. Беременную женщину беспокоили неприятные ощущения в области живота, а медицинский модуль оказался не способен провести максимально полную диагностику. С его точки зрения, все было в порядке, однако креолка подозревала, что это не совсем так.
— Хорошо, что они у нас вообще есть, — заметил Гарольд, преспокойно поглощая изготовленное синтезатором.
Ему было не привыкать употреблять всякую синтетику, поэтому особой разницы с "Элегией" он даже не почувствовал. Кимберли, поймав укоризненный взгляд мужа, промолчала, но все же блеснула глазами на Себастьяна, как на виновника всех несчастий.
— Давайте без лирических отступлений! — заметил Мартин. — Сейчас первым делом надо привести в порядок себя и судно. Кстати, кто-нибудь знает, куда мы вообще летим?
— Летим — уже неплохо, — все в той же манере озвучил бородач. — Что касается нашего маршрута, я бы осведомился о нем у Мелиюбиуса. Это же он вытащил нас из передряги, и он прокладывал курс корабля. Я вообще не понимаю, чего мы тут паримся с диагностикой и прочими проблемами, когда Мелиюбиус мог бы в два счета изучить состояние всех систем и предложить оптимальный выход из ситуации. Себастьян, какого черта, а?
Молодой ученый отказался наотрез. Он и задержался тогда потому, что отсоединил свое творение от терминала и запер в каюте на замок. Гарольд и Мартин уже приставали к Себастьяну с идеей подключить Мелиюбиуса обратно, но в ответ получали решительное "нет". Феноменальное творение, вне всяких сомнений, спасло всех от пленения и верной гибели, однако то, как оно это сделало, вызывало у ученого весьма противоречивые чувства. В процессе бегства погибло много людей. ОЧЕНЬ много людей. Да, их намерения были враждебны, и по факту они являлись самым настоящим неприятелем, но легкость, с которой Мелиюбиус отправлял на смерть истребители, звездолеты и их экипажи настораживала и даже пугала. Себастьян сознавал: какой-либо контроль за действиями его творения полностью отсутствует и в любой момент оно способно сделать все что заблагорассудится. Человеку в такой ситуации он доверял бы безоговорочно. Случай с Мелиюбиусом был особый. До сих пор дружелюбный Сиреневый Бутон напоминал черную дыру, из которой неожиданно повалили благодеяния для создателя и близких ему людей. Однако кто поручится, что в один

прекрасный момент оттуда не вылетит ядерная боеголовка? Себастьян, да и вообще все беглецы имели дело с чем-то принципиально чужеродным. Да, вроде бы ничуть не враждебным, но чужеродным от начала и до конца. И лучше бы им всем не зависеть от этой неизвестности, а управляться своими силами, тем паче, что положение уже отнюдь не критическое. Сонмер и Элмер — отличные мастера, и с помощью сервисных роботов постепенно они приведут "Корундору" в порядок. Со всеми остальными заботами члены трех семей прекрасно справятся и сами. Об этом Себастьян в очередной раз и сообщил, только на сей раз довел эти соображения до сведения большинства беглецов. Большинства — ибо самые пострадавшие сейчас лежали в каютах, куда им принесли еду и питье.

— Тогда, хотя бы, спроси у своего детища, куда направляется корабль, — пожал плечами Гарольд. — Хотелось бы, знаешь ли, понимать, куда и когда мы прилетим.

Вопрос был очень даже по существу, хотя могло показаться странным, что исходил он от специалиста по взлому информационных сетей. Того, который подрядился провести диагностику всех систем "Корундоры". При всех своих навыках этот специалист оказался не в состоянии разобраться в элементарных данных навигации? Да, у Гарольда это не получилось. В бортовом компьютере творилась какая-то чертовщина. Навигация то ли чудила, то ли сама была не в состоянии зафиксироваться на конкретной точке. Кроме того, в процессе зарядки прыжковых двигателей курс неоднократно менялся, будто Мелиюбиус никак не мог решить, куда именно отправить судно. В самый последний момент он изменился снова, и, кажется, эти данные вступили в какой-то конфликт с системой. Гарольд, по идее, без особого труда сумел бы во всем разобраться, но ему мешали два важных нюанса. Первый — бортовые системы грузового корабля не то же самое, что компьютерные сети и терминалы. Второй — он был специалистом высокого класса на самой продвинутой технике в мире, а электронная начинка "Корундоры" ей даже близко не соответствовала. Иными словами, терминалы грузового корабля просто не умели делать то, чего желал бы от них Гарольд. Это как если бы Себастьяна из его лаборатории в "Элегии" отправить на отсталую планету, где под рукой окажутся не супертехнологии по вычислениям и синтезу, а калькулятор и механические станки. Много он там наработает? Безусловно, Гарольд постепенно освоится и в электронных потрохах "Корундоры", но на это требовалось некоторое время.

— Хорошо, я спрошу, — кивнул Себастьян. — Мне все равно надо сходить и выселить его из каюты. Мелиюбиусу кровать не нужна,

да и удобства тоже.

По окончании общего собрания, посвященного приему пищи и проблемам первостепенной важности, беглецы разошлись кто куда. Элмер и Сонмер вновь отправились латать "Корундору", пока их родные готовили хоть какое-то ложе и прочие необходимые предметы обихода. Аулина хлопотала в медицинском отсеке. Гарольд, облюбовав терминал в каком-то техническом закутке, сыпал ругательствами, воюя с тормозной устаревшей техникой. Себастьян же ушел из кают-компании раньше всех. Его отпустили разбираться со своим творением, пока остальные пытались обустроить свой первоочередной быт пополам с ремонтом. Помимо осветительных панелей ученому подсвечивали путь до сих пор вращавшиеся тревожные огни. Звук сирены давно отключили, чтобы она почем зря не действовала на нервы, однако сигнальная иллюминация продолжала напоминать о том, что на судне далеко не все в порядке.

Молодой ученый застал Мелиюбиуса за весьма примечательным занятием. Поднимаясь на своем антиграве, Сиреневый Бутон пытался нажать на кнопку интеркома. Получалось у него так себе, поскольку расположение утопленной кнопки не слишком соответствовало конструкции платформы из серого металла. Завидев создателя, Мелиюбиус тут же объяснил свои потуги. Отключенный от терминала, он остался изолированным от внешнего мира и даже не мог вступить в контакт с людьми на борту. А у тех наверняка имелись к нему вопросы, равно как и он желал дать на них ответы.

— Ты бы лучше рассказал, как удрал из моей лаборатории, — прищурился Себастьян.

Он нашел, что в целом желание Бутона обрести возможность хотя бы речевой коммуникации вполне справедливо. Справедливо и даже полезно, так как до сих пор он давал очень ценные советы.

— Ты же знаешь это не хуже меня, — удивился Мелиюбиус. — Мы же вместе готовили сцену для моего отхода.

— Я лишь знаю, что ты исчез в шлюзе технического канала, пока тебя прикрывала от шпионящего контура созданная мной голограмма, — напомнил ученый. — Дальнейшие твои перемещения мне неизвестны.

— А, вот ты о чем… Я хотел приберечь эту историю также и для Гарольда с Мартином. По мне так там ничего особенного, но они наверняка горят желанием ее услышать, — то ли предложил, то ли констатировал Мелиюбиус.

Поразмыслив, ученый кивнул. Его товарищи и впрямь мечтали выяснить все неизвестные им детали побега, а лично у него сейчас

имеются вопросы поважнее. В частности, куда направляется "Корундора". Мелиюбиус не собирался делать из этого тайны, однако сперва предложил освободить каюту. Она ведь понадобится кому-то из людей, а им с Себастьяном требуется подыскать подходящее убежище, и убежище на двоих. Создатель ведь наверняка захочет находиться как можно ближе к своему творению, и вряд ли подпустит к нему кого-нибудь еще. Ученый невольно улыбнулся. Против такой железной логики возражать было трудно, тем более что она полностью вписывалась в его намерения.

Далеко не сразу странная пара нашла себе более-менее приемлемое помещение. Жилых отсеков на "Корундоре" было маловато, зато технических блоков хоть отбавляй, поскольку грузовой корабль представлял собой большой и по-своему живой организм, состоявший из множества узлов. Ночевать по соседству с реактором Себастьяну не улыбалось, но одна из служебных секций ему вполне подошла. По ее стенам тянулись разнообразные инженерные коммуникации, будто вены в теле космического корабля. По соседству, разделенная внутренним шлюзом, базировалась группа сервисных роботов. Вероятно, секцией пользовался кто-то из механиков штатного экипажа, так как местами виднелись очевидные признаки присутствия человека.

Обозрев помещение, Себастьян нашел его вполне удовлетворительным. Убедившись, что у роботов имеется другой выход, он заблокировал промежуточный шлюз, после чего поставил и код безопасности на входную дверь. Внутри имелся и терминал, которым, судя по пятнам смазки и какого-то пахучего вещества, доселе пользовался кто-то из механиков. Наличие компьютерной системы ученого не беспокоило, ибо Мелиюбиусу было банально нечем к ней подключиться. Таким образом, Бутон оказался надежно изолирован от всего корабля и не мог натворить никаких бед. Стало быть, пришло время заняться и собой. Понадобилось немало усилий, чтобы срезать и опрокинуть на пол большой пластиковый шкаф, зато Себастьян обрел ровную поверхность с низкой теплопроводностью. Подушкой ему послужил чей-то висевший в этом же шкафу рабочий комбинезон, скатанный рулоном. В качестве одеяла Мелиюбиус предложил использовать теплоизоляционный материал, в итоге сорванный с одной из толстых труб. Обустроив свою импровизированную, но в данных обстоятельствах вполне сносную кровать, Себастьян, внезапно почувствовав безмерную усталость, прилег и прикрыл глаза. Прикрыл, да так и задремал, не задав Мелиюбиусу ни одного вопроса.

Практически сразу, к полной неожиданности для себя, заснул не только молодой ученый. Люди, изрядно намаявшись, отправля-

лись в царство Морфея один за другим. В первую очередь это касалось организаторов побега, к коим причислялись Себастьян, Гарольд, Аулина, Мартин и, в меньшей степени, Кимберли. Первые четверо автоматически составили командный костяк всей группы, и никто из старших членов семей до сих пор не оспаривал исходившие от них распоряжения. А эта четверка устала знатно, так как больше цикла находилась под действием стимуляторов. Чего и удивляться, что после всех потрясений сон свалил ее подчистую, едва лишь закончилось действие химических соединений. Аулина заснула в медицинском отсеке, откинувшись в кресле оператора возле последнего пациента — Луизары, матери Мартина. У той был диагностирован перелом ключицы, в первые часы оставшийся незамеченным. Луизара так же крепко спала прямо на медицинском ложе, находясь под действием обезболивающего и противовоспалительных лекарств. Сам Мартин успел устроить беременную жену и малолетнего сына в каюте, после чего там же и отключился, усевшись прямо на пол и откинув голову к Кимберли на постель. Гарольда, как заправского айтишника, сморило за панелью управления терминалом, не слишком дружелюбной своими кнопками к бородатой физиономии. Многие беглецы также заночевали абы где. Сонмер и Элмер, утомленные обходом корабля, забрались в один из открытых грузовых контейнеров, где растянулись в слоях плотной упаковочной пленки. Хозяйственная кладовая по соседству с каютами превратилась во временное общежитие, где вповалку лежало сразу несколько человек из всех трех семей. Дориан, отец Аулины, прилег в пищеблоке, застигнутый накатившей сонливостью во время инспектирования съестных припасов. Анатоль, сын сестры Элмера и двоюродный брат Себастьяна, залез на полку большого стеллажа в поисках чего-нибудь полезного, нашел его вполне подходящим для отдыха, да там и остался. Сама же сестра Элмера, Джулет, была одной из немногих, кто устроился с относительным комфортом. Поврежденное колено дало ей право на место в каюте, равно как и другим наиболее пострадавшим. В сравнении с ними неплохо устроился только Пауль. Пробравшись в кабину пилотов, о которой все начисто позабыли, белобрысый хитрец облюбовал для отдыха амортизационное кресло. При этом его ничуть не беспокоило, что второе по-прежнему пустовало, хотя могло принять кого-нибудь из родных. Напоминать про кресла, одно из которых он оккупировал сам, практически наверняка означало лишиться вполне удобного лежбища. Эгоистичный юноша идти на такую жертву не собирался.

В конце концов, "Корундора" превратилась в сонное царство, ибо дремали даже те, кто изначально собирался взять на себя роль

дежурных. Со стороны это могло показаться странным: как получилось, что за небольшой период времени заснули абсолютно все члены экипажа поневоле, пусть даже уставшие и переволновавшиеся? Ведь хотя бы кто-то, движимый чувством долга, должен был остаться на ногах! Ответ крылся не только в усталости людей и чрезмерных нервных потрясениях. Уровень содержания кислорода, изначально находившийся в пределах нормы, постепенно снижался. Сигнальные индикаторы исправно зажглись, но впопыхах на них, тем более отнюдь не расположенных на каждом углу, никто не смотрел. Звуковое же оповещение о тревоге Гарольд отключил, чтобы оно почем зря не терзало уши. Оттого никто не узнал, что система вентиляции также сбоила, пусть и в малом количестве, но пропуская продукты горения. Результат не заставил себя ждать. Гипоксия и отравление людям не грозили, однако их резко накатившая сонливость имела самое прозаичное объяснение. Впрочем, кто знает, чем бы кончилось дело, не прервись сон беглецов самым неожиданным образом.

Скатившись со своего лежбища, Себастьян несколько секунд ошалело хлопал глазами. Он не сразу сообразил, где находится и что вообще произошло. "Корундора", подвергавшаяся обстрелу, только что получила в борт тяжелую торпеду, отчего грозила развалиться на части. Во всяком случае, во сне молодого ученого, навеянном недавней атакой кораблей "Элегии". Вскоре Себастьян понял, что это был всего лишь сон, но одновременно возникли вопросы и к причине падения. С чего бы ему просто так слетать с лежанки едва ли не кубарем?

— Кажется, был взрыв! — озабоченно сообщил Мелиюбиус, выставив свои сенсоры-тычинки. — Ну, или что-то на него похожее.

— Какой взрыв?! — опешил, вскакивая, ученый.

— Я откуда знаю? — не без обиды отозвался Сиреневый Бутон. — Ты же изолировал меня от всех систем, плюс голосовое оповещение на судне не работает. Кстати, какой гений додумался его ПОЛНОСТЬЮ отключить?

Метнувшись к интеркому, Себастьян принялся вызывать Гарольда. Тот, пробужденный схожим образом, уже лихорадочно нажимал на кнопки устаревшей консоли, стараясь выяснить причину недавнего толчка. Долго ему оставаться в неведении не пришлось. Себастьян, равно как и остальные, узнал о причинах внезапного происшествия через голосовое оповещение. Вновь включенное Гарольдом, оно известило экипаж судна об аварии в отсеке системы жизнеобеспечения. Также фиксировался пожар в одном из топливных отсеков, плюс несколько задымлений в разных частях звездолета. Кроме того, вибрация повлияла на пространственное

положение совершавшей прыжок "Корундоры", и навигационному компьютеру требовалась срочная корректировка. Себастьян хотел что-то сказать, но его голос утонул в буре посыпавшихся реплик. Интерком работал в двух режимах: общем и индивидуальном. Первый подразумевал единовременную отправку сообщения на все консоли разом. Второй соединялся лишь с той консолью, чей номер был набран на кнопочной панели. Разумеется, подавляющее большинство беглецов еще не освоило столь архаичный способ общения, поэтому на некоторое время в интеркоме поднялся невообразимый гвалт. Встревоженные, а то и перепуганные, люди сыпали словами, мешая специалистам скоординировать свои действия. Гарольд применил излюбленный прием, отыскав в памяти компьютера подходящий звук. Когда оглушительный писк, издаваемый всеми интеркомами разом, затих, он велел Мартину бежать в кабину пилотов. Элмеру и Сонмеру надлежало немедленно прибыть в отсек системы жизнеобеспечения и выяснить, что там творится. Себастьяна бородач в экстренном порядке позвал к себе. Затем, изучая поступавшие на экран данные, принялся раздавать указания и остальным трудоспособным беглецам.

Сирены по всей "Корундоре" продолжали гудеть на разные лады. Падение уровня кислорода было наконец-то замечено наряду с другими неисправностями, о чем красноречиво сообщала приборная панель в кабине пилотов. Ворвавшийся туда Мартин турнул перепуганного младшего брата Аулины, отправив его к взрослым, а сам принялся щелкать переключателями. Почти все индикаторы состояния энергетических узлов по-прежнему успокаивающе светились зеленым, чего нельзя было сказать о некоторых корабельных системах. Блок огоньков жизнеобеспечения вызывал подлинную тревогу, переливаясь с желтых цветов на красный. Не намного лучше дело обстояло и с пожарной сигнализацией. Где-то опять появились очаги возгорания, не считая поистине что-то очень серьезное в топливном отсеке. Что же касалось грузового трюма, то там датчики фиксировали какую-то активность. Не иначе как высыпавшееся содержимое контейнеров раскатывалось по полу. Сообщив Гарольду показания приборов, Мартин углубился в дебри навигационной системы, изобиловавшей различными сообщениями и быстро менявшимися данными. Точное понимание каждой цифры не требовалось. "Корундора" сходила с курса, и новоявленный первый пилот всячески пытался этого не допустить.

В отсеке жизнеобеспечения дым стоял коромыслом. Не в прямом смысле, в переносном. Роль дыма играл холодный пар, весьма посредственно вытягиваемый вентиляцией. Впрочем, кое-

где он был очень даже горячий, если речь шла о трубах, испускавших его шипящие струи. Вода на полу образовала огромную лужу, по которой шлепали ботинки вошедших людей. От антигравов следовавших за ними роботов на ее поверхности образовывалась мелкая рябь. Перекрыв часть труб вентилями, исходя из проставленной маркировки, Сонмер и Элмер принялись за работу. Пока роботы заваривали трещины, они провели первичную диагностику, используя для этого техническую консоль на входе в отсек. Ее показания, прямо скажем, оптимизма не внушали. Уяснив план структуры отсеков, а также основные сведения об узлах и их неисправностях, мужчины прихватили свободных роботов и двинулись дальше.

В следующей секции, где располагались огромные фильтры для воды и воздуха, все было относительно спокойно, не считая мелкого искрения проводки в одном из энергошкафов. Ее ремонтом занялся маленький механический помощник, а отцы Себастьяна и Мартина направились в соседний отсек. Его дверь заклинило. Вскрыв блок управления, электрик замкнул нужные контакты, а техник угостил капризничающий механизм точным ударом лома. Дверь разомкнулась как ужаленная, и обоих мужчин тут же сбило с ног напором хлынувшей воды. В затопленном отсеке ее оказалось по пояс, и теперь уровень затопления резко падал, растекаясь в новые открывшиеся области. Сол и Эл вскочили, цепляясь за роботов, и с громким плеском ринулись исправлять положение. Беглый осмотр отсека подтвердил неутешительные показания технической консоли. Увиденное же не понравилось мужчинам чрезвычайно. Не теряя ни секунды, они принялись латать дыры и спасать то, что еще можно было спасти.

Не иначе как чудо уберегло беглецов "Корундоры" от более тяжких последствий. Когда судном пилотировал Мартин, он распределял всю энергию на щиты и двигатели практически без остатка. Потрясения и перегрузки, испытываемые грузовым звездолетом, в этих условиях не прошли бесследно. Давление в огромных кислородных баках нарушилось. Встроенная система безопасности утратила контроль над происходящим в отсеке жизнеобеспечения. Рост давления постепенно провоцировал одну неисправность за другой. Сперва дали течь некоторые трубы, затем какие-то узлы и вовсе разорвало. В конце концов, когда целостность контуров оказалась окончательно нарушена, микродефекты, образовавшиеся в результате перегрузки, дали о себе знать. Лопнул один кислородный баллон, а от вызванного этим удара лопнул и второй. Ближайшие к ним баллоны не разделили их участь, но у одних появились трещины, а у других посрывало вентили. Взорвись вся эта

жидкость, сочившаяся из емкостей под огромным давлением — и кораблю было бы несдобровать! Людей, вероятно, спасло то обстоятельство, что баллоны лопнули изнутри, а не вследствие перегрева или внешнего механического воздействия. Кроме того, в отсеке поддерживалась низкая температура, а состав и давление атмосферы были таковы, что позволили избежать детонации и бурного пожара. Внутреннему убранству секции изрядно досталось, но обошлось без чрезвычайно опасного возгорания. Кстати, входную дверь отнюдь не заклинило. Просто Элмер и Сонмер не разобрались в системе безопасности и не знали, как правильно открыть шлюз. К тому моменту, как они проникли в отсек, тот давно уже вышел из штатного режима работы, отчего люди даже не заметили никаких перепадов в сравнении с наружной средой. Особенно мешала этому вода, обильно льющаяся из протекающих танкеров. Вентили, сорванные с кислородных баллонов, пробили емкости для воды не хуже пуль. Прохудившиеся баки принялись исторгать свое содержимое на пол, быстро превращая отсек в некое подобие аквариума. Над поверхностью толстым слоем тумана дымился жидкий кислород, обильно испарявшийся к потолку. Вентиляция трудилась как могла, вытягивая гремучую смесь подальше от пострадавшего участка. Одна лишь искра и... К счастью, в затопленном отсеке ничего не горело и даже не тлело, а залитое водой и паром уже и не могло.

Осознав масштабы утечки кислорода, не взорвавшегося лишь по особой милости судьбы, Элмер и Сонмер пришли в ужас. Вероятно, из-за нее и не включились насосы, отчего отсек основательно затопило. Система пожаротушения пришла в боевую готовность, но без возгорания не включилась, зато заблокировала удаление потенциально горючего вещества через стоки. Включив откачку вполне безопасной жидкости, мужчины вновь обратили свое внимание на кислородные баллоны. Пока роботы заваривали продырявленные баки с водой, они соображали, как наиболее безопасно ликвидировать утечку горючего газа. Впрочем, стараться им особенно не пришлось. Ко времени появления людей почти все, что могло вытечь, уже вытекло. Баллоны сочились остатками кислорода на низком давлении, поэтому роботы без труда залатали прорехи и восстановили целостность конструкций на месте утраченных вентилей.

Спустя полчаса обстановка в отсеке нормализировалась. Насквозь промокшие, обливавшиеся потом Эл и Сол, сняв дыхательные маски, надетые еще на входе, удовлетворенно взглянули на результат своих трудов. Окружающее пространство все еще напоминало полигон, где только что испытали снаряды со шрапнелью,

но в остальном уже не наводило оторопь. Последние лужи на полу быстро высыхали, удаленные избытки кислорода исчезли в недрах вентиляции. Лишь на потолке и трубах еще виднелись обильные капли воды, то и дело срывавшиеся вниз подобием дождя. Что ж, одной проблемой меньше. Вот только раз здесь не было взрыва, то и пожарная тревога шла не отсюда. Между тем что-то основательно тряхануло "Корундору", из-за чего она потеряла устойчивость в пространстве и грозила нарушить ход полета. Основываясь на схеме, почерпнутой из технической консоли, техник и электрик двинулись дальше, увлекая за собой команду свободных сервисных роботов.

М-да, теперь окончательно стало ясно, отчего произошел толчок, сбросивший на пол Себастьяна и не только его. Отсек, который Элмер и Сонмер привели в относительный порядок, оказался не хранилищем, а центром системы распределения жизненно необходимых ресурсов. Хранилище было дальше, и вот его разнесло в клочья. Кислородные баллоны в системе распределения полопались именно из-за пришедшей оттуда ударной волны, и лишь изначально низкое, как оказалось, внутреннее давление уберегло их от взрыва. Взрыва, который поглотил главное хранилище воды и кислорода, уничтожив как его, так и несколько прилегающих секций. Когда мужчины проникли внутрь, прорезав выпученную шлюзовую дверь, их глазам представилось ошеломляющее зрелище. Внутренние переборки были разрушены. Искореженный металл торчал изогнутыми острыми обломками. Все вокруг было обожжено и оплавлено. Мощный взрыв, в мгновение ока пожравший кислородные емкости, уничтожил все оборудование подчистую вместе с запасами газов, жидкостей и реактивов. Пол, стены и потолок деформировались от удара и высокой температуры. Кругом виднелись черные следы копоти и наслоения запекшейся, каплями брызгавшей стали. Если бы в главное хранилище попал заряд из тяжелой турели "Элегии", оно и то вряд ли пострадало бы больше. Что именно здесь произошло, теперь никто не мог сказать, поскольку полноценной системой видеомониторинга "Корундору" никто не оборудовал. Первопричиной наверняка послужил недавний обстрел судна, а вот как именно дальше разворачивались события, приведшие к бурной детонации — кто ж его теперь знает. Впрочем, оно уже и не важно, так как анализировать и восстанавливать было решительно нечего. Проблема исчезла сама собой, когда система безопасности перед лицом пожиравшего отсеки пламени поступила радикальным образом. Мгновенная разгерметизация выбросила всю атмосферу из хранилища за пределы судна. Таким образом, автоматика предупредила проникновение огня

в другие отсеки "Корундоры", спасая судно от катастрофы. Катастрофы, которая случилась бы неминуемо, позволь она чудовищному пожару беспрепятственно распространиться. Вот от последствий самого взрыва никакая техника избавить людей не могла.

На этом фоне пожар в топливном отсеке казался детской шалостью. Благоразумно разделенный на изолированные секции, он не грозил общим подрывом, однако одна из топливных цистерн изрядно потрепала нервы. Система пожаротушения немедленно создала вакуум, но это не особо помогло. Побочные возгорания различных материалов прекратились, только само топливо прекрасно горело и в безвоздушном пространстве. Элмер и Сонмер, посовещавшись, бросили в бой сервисных роботов. Те отважно вступили в борьбу с вырывавшимся из цистерны пламенем, успевшим прожечь дыру в ближайшей толстенной переборке и уверенно проедавшей следующую. Аварийный сброс топлива исключался. Процесс активного горения грозил неминуемым взрывом всей емкости, откуда и без того хлестала раскаленная струя. Охлаждая зону поражения, роботы подключили к цистерне толстые шланги. Через них они принялись постепенно откачивать топливо, направляя его в канал безопасного отвода. При этом они заливали внутрь емкости инертный газ, чтобы поддерживать давление неизменным. В противном случае огонь, до сих пор благополучно выдуваемый наружу мощным напором, мог уйти внутрь, что тут же привело бы к детонации емкости.

Вскоре длинная струя гудящего пламени быстро пошла на убыль. Инертный газ в принципе не горел, а разбавляемое им количество топлива уверенно снижалось. Командуя бригадой роботов, мужчины с облегчением наблюдали, как чрезвычайно опасный пожар удается взять под контроль, а затем и вовсе ликвидировать.

Когда Элмер и Сонмер, уставшие и чумазые, направлялись в кают-компанию, они по праву могли гордиться проделанной работой. Да, главное хранилище системы жизнеобеспечения изначально было не спасти, зато стараниями мужчин уцелел центр распределения ее ресурсов. И это не считая топливного отсека, грозившего разрушениями в хвостовой части корабля, потерей минимум одного тягового двигателя, а то и гибелью всего судна. Техник и электрик уже подходили к дверям кают-компании, успев переговорить с родными и унять их тревогу, как вдруг очередной внезапный толчок сбил людей с ног. На сей раз его причина не заключалась в очередном чрезвычайном происшествии. Нигде ничего не взорвалось, и никаких новых разрушений не произошло. Это "Корундора" аварийно вышла из прыжка и выскочила в открытый

космос.

* * *

Дурные вести следовали одна за другой. Во избежание паники большинство родственников в кают-компанию не допустили, сославшись на обсуждение важных технических вопросов. Там собрался лишь командный костяк беглецов, исключая уложенную спать Кимберли, плюс Элмер и Сонмер, как сведущие и ныне жизненно необходимые специалисты. Отцам Мартина и Себастьяна можно было поручить любое дело, за которое они возьмутся ответственно и без лишних эмоций. Именно поэтому их оставили принять участие в совещании, посвященном сложившемуся положению. А оно и впрямь заслуживало самого пристального внимания.

Уходя от обстрела кораблями "Элегии", Мелиюбиус сбросил подавляющее большинство ядерных энергетических ячеек, предназначенных для реактора. Тяговые и маневровые двигатели использовали жидкую смесь на основе водорода, коего хоть отбавляй на газовых гигантах, с окислителем в виде фтора, зато прыжковые заряжались исключительно энергосистемой "Корундоры". Сброс был вполне оправдан, учитывая опасность для судна и достигнутый в итоге результат, но оттого Мелиюбиус и менял прокладываемый курс несколько раз, корректируя его исходя из сокращавшихся возможностей. Это фиксировалось системой навигации, и впоследствии было обнаружено Мартином. Последнее изменение Мелиюбиус внес перед самым прыжком, основываясь на количестве остававшейся энергии. Если прежде творение Себастьяна нацеливалось на оживленный сектор космоса, где находилось крупное соединение правительственных войск, то по мере расходования ядерных ячеек доступный для прыжка радиус резко сокращался. В итоге выбор пал на удаленный аванпост носивший название "Контилада", где базировалось несколько военных звездолетов. Этот вариант значительно уступал предыдущим по части безопасности, но все же вполне подходил беглецам для реализации задуманного. Едва прыжковые двигатели зарядились, Мелиюбиус отправил "Корундору" в далекий путь, задав нужные координаты и практически идеально сбалансировав маршрут. К сожалению, прибыть к месту назначения грузовому звездолету было не суждено. Вмешались непредвиденные события, расстроившие точный навигационный расчет Мелиюбиуса. Взрыв в отсеке жизнеобеспечения нарушил гравитационную составляющую судна, вызвав колебания в пространстве. Положение резко усугубила система безопасности, выбросившая всю пылавшую атмосферу пострадавших

секций за пределы судна. В обычном космосе такая мера была вполне естественной, и ни к каким последствиям бы не привела. Однако во время совершения прыжка звездолет находился совершенно в других условиях. Выброс любой материи непредсказуемо влиял на движение корабля, провоцируя возмущения в окружающей среде. В результате точно отлаженный механизм прыжкового перемещения из точки А в точку В дал сбой. К чести Мартина, даже у опытного пилота в такой ситуации не было и шанса исправить положение. Мелиюбиус сумел бы продержаться дольше, но не более того. Слишком значительные изменения произошли в состоянии корабля, чтобы он мог продолжать прыжок по намеченному маршруту. "Корундора" как бы потеряла устойчивость, ее раскачало, словно маятник, и выбросило в обычный открытый космос. В данный момент она неторопливо шла на маршевых двигателях, пока бортовые системы оправлялись от аварийного выхода из иного пространства. Топлива для такого полета имелось вполне достаточно, только вот это мало что меняло. Эта часть галактики была пустынной, без колонизированных планет и даже орбитальных станций. "Корундора" очутилась в эдакой пустоте, где отсутствовали любые признаки цивилизации. Ближайшая обитаемая звездная система находилась гораздо дальше, чем военный аванпост "Контилада", куда и собирался попасть грузовой корабль. В относительной близости, сколько хватало глаз, расстилалась лишь холодная туманность Аратея, сквозь которую мерцали далекие звезды, да вертелось несколько безжизненных каменистых планет. До туманности Дилиона, в чьих окрестностях располагался означенный аванпост, путешествие на маршевых двигателях займет долгие месяцы. А это было попросту невозможно.

Пока Гарольд излагал суть вещей, все присутствующие смотрели в основном не на него, а на паривщую рядом конструкцию, по форме напоминавшую сиреневый бутон с приоткрытыми лепестками и торчащими из центра тычинками. Бутон покоился на металлической платформе из серого металла, снабженной почти бесшумно работавшим антигравом. Гарольд заставил Себастьяна хотя бы ненадолго извлечь свое детище из заточения и доставить к нему. Вдвоем с бородачом Мелиюбиус оценил ситуацию и сделал крайне неутешительные выводы. С этими выводами все трое и прибыли в кают-компанию, где собрались вызванные ими люди. Пока Гарольд говорил, Бутон скромно помалкивал, словно и не замечая обращенные на себя взгляды. Те же, даже ненадолго отвлекаясь, возвращались к нему будто притягиваемые магнитом. Бородач и тот регулярно косился на необычного соседа, расположившегося между ним и Себастьяном. Поразительные способно-

сти Мелиюбиуса вызывали подлинный интерес, не говоря уже о фундаментальном вопросе, с кем именно люди имеют дело: искусственным интеллектом, то есть всего лишь хитросплетением мудреных алгоритмов без капли жизни, либо же чем-то принципиально новым — настоящим разумом. Все это накладывалось на обстоятельства побега из "Элегии", вызванного как раз появлением этого самого Сиреневого Бутона. Мало кто из членов трех семей воспринял известие об экстренном бегстве стоически и отнесся к нему с должным пониманием. Кого-то пришлось долго уговаривать, объясняя всю суть сложившегося положения, к другим применять меры психологического воздействия. В самых тяжелых случаях заговорщики поступили радикально: накачали родных сильнодействующими препаратами. Под лошадиной дозой успокоительного этих родственников сперва держали дома под неусыпным надзором, а затем погрузили в большую транспортную капсулу, откуда доставили на "Корундору". Вообще вся эпопея с побегом, состоявшимся из такого неприступного объекта как "Элегия", да еще в невероятно сжатые сроки заслуживала, пожалуй, докторской диссертации по психологии и социальной инженерии. И это не говоря уже про технические составляющие. О них, впрочем, сейчас, в кают-компании, никто не вспоминал, слушая доклад Гарольда и рассматривая виновника всех несчастий.

Ярко сияющая точка на объемной голографической карте космоса символизировала "Корундору". Карту над общим столом, положив на него диск проектора, включил Себастьян, а Гарольд водил по ней лазерной указкой, давая соответствующие комментарии.

— Что-то я никак не пойму в чем проблема, — недоуменно хмыкнул Сонмер. — Когда корабельные системы стабилизируются, Мартин вновь отправит судно в прыжок до намеченного аванпоста, и дело в шляпе.

— Проблема номер один заключается в том, что на новый прыжок у нас не хватает энергии, — хмуро сообщил Гарольд.

Он тут же пояснил. Собственно, он и так собирался это сделать, просто отец Мартина упредил его своим вопросом.

Реактор функционировал в штатном режиме и выдавал нормальную мощность, вот только ядерные энергоячейки были практически опустошены. Для судна уже находящегося в прыжке их более чем хватало, чтобы поддерживать его стабильное состояние вплоть до самого выхода в пункте назначения. Однако одно дело расходовать энергию на полет и совсем другое — начать его с нуля. "Корундора" успела проделать около половины намеченного пути. Казалось бы, существенно сократившееся расстояние потребу-

ет и меньших затрат условного топлива, но в данном случае количество миль как раз роли и не играло. У грузового звездолета было предостаточно энергии для пребывания в состоянии прыжка. Вот войти в него заново он уже не мог.
— Это точно? — пытливо осведомился Элмер.
— Абсолютно, — кивнул Гарольд. — Мелиюбиус уже все просчитал. Даже если мы полностью отключим все системы "Корундоры", что в принципе невозможно, энергии для зарядки прыжковых двигателей все равно не хватит.
— М-да, положеньице, — протянул Сонмер. — А если идти на обычной тяге, сколько времени это займет?
— Около восьми месяцев, и то в самом оптимистичном сценарии. У нас же не более двух недель, — мрачно изрек Себастьян.
— Тогда давайте свяжемся с тем аванпостом! Расскажем нашу историю, позовем их на помощь! — горячо вставила слово Аулина.
— Это было бы самое простое и очевидное решение, не будь мы в крайне специфическом положении, — вздохнул ее старший брат. На всякий случай он пояснил, поскольку из присутствующих отнюдь не все разбирались в тонкостях межзвездной связи.

Чтобы отправить передачу в какую-то конкретную точку галактики, сперва требовалось установить соединение с гигантскими трансляционными маяками. На данном этапе развития технологий ни один звездолет не обладал такой чудовищной мощностью и массой, чтобы обеспечивать прямое соединение в реальном времени с объектом на расстоянии в миллионы световых лет. У маяков либо запрашивались координаты абонента, что существенно ускоряло и упрощало процесс, либо передача велась в целевую область. "Корундора" вполне могла выйти на контакт с ретранслятором и запросить связь с военным аванпостом "Контилада" у туманности Дилиона. Вот только сделав это, она обнаружит себя для всех желающих, а "Галактик текнолоджис" сейчас переворачивает все космическое пространство в поисках беглецов. Ведь первое, что наверняка сделала корпорация, это начала отслеживать источники всех передач по межзвездной связи в определенном радиусе от "Элегии". Можно даже не сомневаться, что вместо военного звездолета правительственных войск гораздо раньше ввиду "Корундоры" окажется "Сталион" или кто-то вроде него. Пусть даже на час, но раньше, а корпорации этого времени вполне хватит, чтобы беглецов больше никто и никогда не увидел. В теории, можно было сразу отправить куда следовало все данные о проекте Овербридж и намерениях "Галактик текнолоджис". Та уже не смогла бы отвертеться от неминуемой реакции со стороны властей Третьей Республики, и, вполне вероятно, оставила бы беглецов в

покое. Вот только простенькая система связи "Корундоры" не обладала возможностью передачи сложной информации. Файлы, заботливо скопированные Гарольдом с терминалов губернатора Рамельфорда, удастся транслировать не раньше, чем грузовой звездолет окажется в зоне устойчивой работы Инпланета. Таким образом, выйдя хоть с кем-нибудь на прямую связь, беглецы из "Элегии" наверняка подпишут себе приговор.

Это была проблема номер два. "Корундора" застряла в пустынной и неосвоенной части галактики, и при этом не могла сообщить кому-нибудь о своем бедственном положении.

— Хорошо, пусть так, — подумав, протянул Сонмер. — Тогда давайте все же отправимся обычным ходом на маршевых двигателях. В масштабах космоса наш звездолет — песчинка на океанском дне. Корпорация не заметит нас никакими силами, даже если будет сканировать пространство всеми станциями слежения.

— Такой полет займет порядка восьми месяцев. У нас же в распоряжении всего около двух недель, — снова повторил Себастьян с какой-то непередаваемо убийственной интонацией в голосе.

— Да что ты заладил — "две недели, две недели"! — воскликнул его отец. — Сказано же, что никто нас за это время не найдет!

— Проблема не в том, что нас кто-нибудь найдет, — невесело скривился Гарольд. — Проблема в том, что через две недели мы все будем мертвы.

Если бы "Корундора" прямо сейчас надумала развалиться на части и взорвалась, она бы и то вряд ли произвела столь ошеломляющее впечатление. Некоторое время все молча таращились на бородача, пытаясь сообразить, о чем он толкует. Все, кроме Себастьяна, поскольку тот уже был во все посвящен, присутствуя при анализе состояния звездолета.

Как это частенько бывает, после непродолжительной паузы все заговорили разом. Гарольду пришлось потребовать тишины, заколотив металлической кружкой по металлическому же столу. Добившись всеобщего молчания, он коротко объяснил, с чего вдруг сделал такое жутковатое заявление.

Взрыв и пожар, уничтожившие хранилище системы жизнеобеспечения, не прошли бесследно. Их последствия теперь наступали самым плачевным образом. Все, что осталось в распоряжении беглецов — это незначительное количество ресурсов непосредственно в центре распределения, спасенное Элмером и Сонмером. По самым оптимистичным оценкам, кислорода для дыхания осталось примерно на пятнадцать циклов. Точнее можно будет сказать позже, когда Гарольд сделает более тщательный анализ его расходования. На ядерный синтез рассчитывать не приходи-

лось. Корпорация оснащала такими продвинутыми системами лишь звездолеты дальнего следования, ориентированные на продолжительные полеты в глубокий космос. Ставить их на корабли с задачами попроще казалось ей слишком затратным, а она, как и любой уважающий себя бизнес, старательно сокращала любые ненужные издержки. Среднемагистральные транспорты комплектовались другими модулями, в основе которых лежали куда более дешевые запасы уже готовых веществ. Иными словами, "Галактик технолоджис" загружала в отсеки емкости с кислородом, а для переработки углекислого газа использовала химические реактивы. И все это оказалось уничтожено недавней детонацией, а хоть какие-то остатки были выброшены за пределы судна вместе с продуктами горения и пламенем. Немногим лучше дело обстояло и с водой, также заранее заливаемой в хранилище, а не синтезируемой прямо на борту. В баках ее осталось не так много, и уж на восемь месяцев точно не хватит. Впрочем, смерть от жажды беглецам все равно не грозила, учитывая надвигавшуюся гибель от удушья.

Изложив проблему номер три, Гарольд умолк, давая присутствующим время трезво оценить ситуацию. Побледневшая Аулина впилась взглядом в жениха, и тот ответил ей коротким кивком, означавшим "да, любимая, прости, но дело и правда дрянь". Мартин в силу своей темнокожести так же как невеста друга побледнеть не мог, однако его сильнейшее волнение выдавала дрожь в нервно постукивавших по столу пальцах.

— Ладно, пусть так! Однако выход, как мне кажется, очевиден! — с надеждой воскликнул Сонмер. — Мы все дружно забираемся в криокапсулы и спокойно спим, пока корабль летит к армейскому аванпосту. Делов-то!

— Пап, "Корундора" криогенным отсеком не оборудована, — удрученно отозвался Мартин, успевший изучить основные узлы корабля. — Это среднемагистральный звездолет, не предполагающий слишком продолжительных путешествий. Кроме того, его экипаж рассчитан на восемь человек. Вряд ли бы там сыскалось двадцать шесть капсул. Нам вообще повезло, что на борту изначально оказался почти полный запас воды и кислорода. Их ведь пополняют не в каждой точке маршрута, а строго в определенных заправочных местах.

Пятидесятидевятилетний техник чертыхнулся и схватился за голову. Остальные так же мучительно искали выход из создавшегося положения и не находили. А его пока и не было. Во всяком случае, на данный момент. Единственное, что оставалось беглецам, это включить аварийный маяк и ждать пока кто-нибудь прибудет к ним на помощь.

— Не понимаю, чем это лучше межзвездной связи, — невольно удивилась Аулина. — Из-за сигнала SOS нас же точно так же обнаружат!
— Тем, что про наше существование узнает только тот, кто его принял, — пояснил Себастьян. — Мы, разумеется, будем выдавать себя за другое судно, чтобы не привлекать внимание корпорации.
— Но ее звездолеты могут оказаться где-то в зоне приема! — все еще недоумевала девушка. — Они же наверняка выслали разведчиков во все стороны от "Элегии"!
— Вот поэтому мы маяк до сих пор и не включили, — ответил сестре Гарольд. — Сперва я над ним немного поработаю. В ближнем космосе он будет слышен всем, но в основном пойдет узким лучом в направлении военного аванпоста. Таким образом, вероятность его приема кораблями "Галактик текнолождис" окажется около нуля. К сожалению, кем-то другим кроме них — тоже.
— Сколько этот сигнал будет идти до "Контилады"? — пытливо осведомился Элмер.
Себастьян и Гарольд невольно переглянулись. Ответ был им хорошо известен, но озвучить его вот так сразу ни у кого из них язык не поворачивался. Трагическая цепочка событий, начавшаяся с удивительного изобретения на процветающей "Элегии", неожиданно загнала двадцать шесть ни в чем не повинных человек в смертельную ловушку. Ловушку, из которой не было выхода. Время приобрело форму неумолимого палача, с занесенным топором отмерявшего падавшие крупинки песочных часов. Все, что в данный момент могли предпринять беглецы, требовало гораздо большего количества часов, нежели оставалось в их распоряжении. Возможно, им удастся каким-то образом оптимизировать расход жизненно необходимых ресурсов, но простейший математический расчет неумолимо свидетельствовал не в пользу благоприятного исхода. Гарольд дважды попытался заговорить, но не сумел, издав внезапно пересохшим горлом лишь какой-то булькающий звук. Плеснув в металлическую кружку пузырящейся жидкости из пищевого синтезатора, он одним махом проглотил ее содержимое. Себастьян так же не сумел произнести роковые слова, опустив глаза под вопрошающим взглядом Аулины.

Внезапно в кают-компании раздался приятный бархатистый голос, звучавший неподходяще спокойно на фоне накалившегося драматизма.
— До аванпоста "Контилада" сигнал аварийного маяка будет идти примерно месяц, — сообщил, слегка переливаясь сиреневым, Мелиюбиус. — Исходя из имеющихся ресурсов, этот период сумеют пережить не более двенадцати человек. Одновременное выжива-

ние всех двадцати шести, в данный момент находящихся на борту "Корундоры", исключено.
Люди в кают-компании окаменели, причем даже те, кто уже был в курсе происходящего, просто не решался открыто признаться в нем самому себе. Что ж, вот, наконец, кто-то изложил все очень просто и предельно ясно. Если не случится чуда, через пятнадцать циклов грузовой звездолет превратится в летающий склеп.

– 4 –

Прошло около цикла, прежде чем Гарольду удалось наладить уверенную работу аварийного маяка. Задача была для него непрофильной, плюс технический уровень модуля оставлял желать лучшего. Копаясь в корабельных внутренностях, бородач постоянно советовался с Мелиюбиусом, кружившим поблизости. Себастьян собирался водворить Бутон обратно в служебную секцию по соседству с сервисными роботами, но Гарольд воспротивился, требуя посильную помощь. Чтобы не оставлять свое творение без присмотра, ученый приходил и уходил, узнавая как идут дела с маяком и рассказывая о происходящем на "Корундоре". В частности, как себя чувствуют родные, особенно после нелицеприятного известия.

Никто из участников прошедшего совещания не смог огорошить свои семьи ужасающей новостью. Согласно общему решению, она была доведена до сведения всех членов экипажа поневоле в несколько измененном виде. О дефиците жизненно необходимых ресурсов следовало сообщить, но не упоминать никаких критических сроков. Во всяком случае, сразу. Иначе на судне могла подняться неконтролируемая паника, что лишь усугубило бы и без того непростую ситуацию. Посвященные в удручающий секрет призвали родных к строгой экономии ресурсов, объяснив пониженное содержание кислорода и ограниченное поступление воды. Мол, месяцок придется поужаться, пока к "Корундоре" придет какая-нибудь помощь. Родные восприняли призыв без энтузиазма, но обещали ему следовать. Впрочем, даже будь они против, это ничего не меняло. Мартин и Себастьян скорректировали состав поступавшего в отсеки воздуха. Гарольд изменил порядок расхода воды, из-за чего во всех кранах она текла тонкой струйкой. Температура в отсеках — и та понизилась на пару градусов, так как энергетические запасы тоже следовало беречь на случай какой-либо неожиданности. Из-за этого же на судне убавили освещение, отключив половину очевидно ненужных осветительных панелей, а нужные притушив на треть. Все это значительно ухудшало каче-

ство проживания в и без того не слишком-то комфортных условиях. Люди, привыкшие к роскоши и удобствам "Элегии", оказались в каком-то тесном гетто из стекла и пластика. Утлые каморки, отвратительная пища, отсутствие развлечений и прочие тяготы внезапно изменившегося существования действовали на психику весьма гнетущим образом. Кто-то стоически держался, выказывая душевную крепость, кто-то впал в депрессию, а кто-то оказался на грани срыва. Последним Аулина давала успокоительное, часто под предлогом витаминных добавок. Еще не хватало скандалов, способных перессорить семьи между собой! Отнюдь не все их члены и прежде ладили, ведь находились и противники союза Себастьяна и Аулины. Кроме того, играли роль и личностные факторы, делавшие некоторых людей принципиально не совместимыми. Теперь же их настрой точно не улучшился. Застряв подле холодной туманности промеж далеких необитаемых звезд, родственники наверняка не придумают ничего лучше, нежели начать выяснять отношения. На период побега это было категорически запрещено под угрозой оставить нарушителей тишины в "Элегии". Ныне непосредственная опасность миновала, и много кто из родных вряд ли станет держать язык за зубами. Особенно если станет известно, что в распоряжении беглецов имеется всего две недели, в то время как на прибытие помощи требуется минимум вдвое больше. Впрочем, вскоре выяснилось, что и эти предварительные оценки оказались излишне оптимистичными.

Вернувшись в очередной раз, Себастьян застал Гарольда в крайне дурном расположении духа. Усевшись на антиграве, с помощью которого он только что по пояс забирался в потолочный люк, бородач тыкал пальцем в экран портативного компьютера. Компьютер он раздобыл в секции с навигационным оборудованием, а в потолок забирался затем, чтобы переключить кое-какие коммуникации. Себастьян сообщил о настроениях в экипаже. Чтобы чем-то занять людей, Сонмер и Элмер взяли всех трудоспособных мужчин и потащили их латать "Корундору". За оставшимися присматривала Аулина и частично Кимберли. Последняя теперь безвылазно торчала в медицинском отсеке, помогая другим пациентам, а перерывах между ними занимаясь исключительно собой. Она выжимала из оборудования возможный максимум, желая удостовериться в благополучном протекании беременности, и раз за разом прогоняла все доступные тесты. Это начинало смахивать на психоз, но ни Аулина ни Мартин не вмешивались, пока креолка вела себя относительно спокойно. В конце концов, пережитый стресс на фоне ожидания ребенка мог кого угодно выбить из колеи, ибо даже самые крепкие из мужчин чувствовали себя не в

своей тарелке. Недавнее сообщение о строжайшей экономии ресурсов настроения уж точно не прибавляло. Стоило порадоваться, что родственникам не сообщили всей правды, иначе та же Кимберли уже закатила бы жуткую истерику.
— Я вот тебя сейчас огорошу, смотри сам не начни истерить, — вздохнул Гарольд, откладывая в сторону переносную компьютерную консоль, над которой только что погас выключенный экран.
— Что еще стряслось? Не получается наладить аварийный маяк? — вмиг обеспокоился Себастьян.
— Получиться-то получилось, да вот не так, как планировалось, — скривился бородач.
За пояснениями дело не стало. Гарольду вполне удалось модифицировать аварийный модуль связи задуманным образом. Включенный четверть часа назад, тот вещал на триста шестьдесят градусов лишь в астрономически незначительных пределах от "Корундоры". Основной его сигнал шел узким лучом в направлении "Контилады", и с этой точки зрения все было хорошо, чего никак не получалось сказать о другой составляющей. Исходя из показаний скорости и интенсивности передачи, военный аванпост услышит посланный ему SOS не раньше, чем через полтора месяца, а не месяц. Гарольд пытался оптимизировать работу маяка как мог, слушая советы Мелиюбиуса. К сожалению, во-первых, несколько устарел сам маяк, а корпорация не почесалась заменить его на более совершенный образец. Во-вторых, из-за вмешательства Гарольда, изменившего функционирование аварийного модуля, эффективность последнего снизилась, и тут ничего нельзя было поделать. Причем без Мелиюбиуса не удалось бы достичь даже такого результата.
— Возможно, не все так плохо, — тут же подал голос Сиреневый Бутон, пока его создателя удар не хватил. — Следует хорошенько проинспектировать центр распределения ресурсов в отсеке жизнеобеспечения. Информация, поступающая на датчики и приборы, может серьезно отличаться от действительности, учитывая состояние тамошнего оборудования. И вряд ли в худшую сторону. Скорее всего, нам удастся наскрести воды и кислорода сверх фиксируемой величины. Надеюсь, достаточно, чтобы получить прибавку в еще несколько дней.
Идея Мелиюбиуса показалась обоим людям весьма здравой. Ее тут же сообщили отцам Себастьяна и Мартина, вызвав их по интеркому. Занимаясь ремонтом различных узлов, те ответили не сразу, но, выйдя на связь, пообещали как можно быстрее заняться этой задачей. На остальных родственников, увы, рассчитывать не приходилось. Себастьяну было очень неприятно это сознавать, но в

данных обстоятельствах все они по факту оказались теми самыми иждивенцами, каковыми изначально именовала их корпорация. Иными словами, они были не в состоянии оказать какую-либо весомую техническую помощь, как максимум выполняя поручения "подай-принести", но с таковыми отлично управлялись и сервисные роботы. Обустроить свой собственный быт и наладить дежурство по столовой и кухне — вот и все, пожалуй, чего можно было ожидать от этих людей. Во всяком случае, от большинства. Это, поневоле обсуждая проблему вслух, прекрасно сознавали Себастьян, Мартин и Гарольд, но последний, в отличие от первых двух, считал так изначально. Он и в "Элегию" то не хотел брать никого кроме Аулины, ибо только сестрица и навязала ему остальных родственничков. От всей честной кампании Розенталей изначально не было никакого толку кроме потребления ресурсов. Ну вот, теперь ресурсов раз, два и обчелся, а на корабле хоть отбавляй их бесполезных пожирателей. Взять хоть этого паршивца Пауля, которого Мартин застукал в кабине пилотов! Амортизационное кресло занял, а про второе не сказал! Осерчавший Гарольд немедленно вознамерился выселить белобрысого юнца в хозяйственный отсек, но вмешалась Аулина. Перелом лучевой кости давал младшему братцу своеобразную индульгенцию. Гарольда бы это не остановило, но он не стал перечить любимой сестре, пообещав лишь найти Паулю подходящее занятие. Он его и нашел. Не позволяя бездельнику почем зря отлеживать бока в каюте, бородач отправил его искать различные материалы, способные послужить беглецам в обустройстве их жилищ. На здоровенной "Корундоре" уж что-нибудь да сыщется. Подобными поисками уже вовсю занимались их собственный отец и Юния, мать Кимберли, а им, как могли, помогали Тани, сестра Сонмера, и двоюродный брат Себастьяна Анатоль.

Себастьян отлично управлялся в своей лаборатории и умело руководил целым блоком в научном комплексе "Элегии". К сожалению, от его навыков было маловато толку на борту грузового звездолета. Нет, кое-что он все же умел, поэтому не оказался совершенно бесполезен. Помогая Гарольду и Мартину считывать показания приборов, ученый более-менее неплохо оперировал устаревшими компьютерными консолями судна. Он мог извлекать и заносить данные, проводить анализ систем и даже корректировать работу некоторых из них. Например, синтезаторов в каюткомпании и пищеблоке. Они, конечно, существенно отличались от установленных в его лаборатории, но базовая суть у них все же была общей. Тут Себастьяну, в отличие от товарищей по несчастью, и карты в руки. Немного подкорректировав состав смеси, он сделал пищу менее противной и более привлекательной. Эконо-

мить исходные компоненты и отчитываться перед корпорацией за их чрезмерный расход ему явно не грозило. Вследствие этого ученый разнообразил меню, сочтя бесполезное хранение провианта несостоятельным. К уже имевшимся и просто разблокированным опциям он добавил парочку своих, припомнив рецепты синтеза из кухонных арсеналов "Элегии". Жаль только, что настоящей органики к ним добавить никак не удавалось. Свежие овощи и фрукты сейчас представлялись чем-то еще более дефицитным, чем кислород. Хлопоты Себастьяна не являлись его ничем не оправданной инициативой. Пока Элмер и Сонмер трудились в отсеке жизнеобеспечения, а Гарольд и Мартин отлаживали работу всех корабельных систем, ученый официально взял на себя пищеблок. Проверяя продуктовую базу данных, он ввел соответствующий запрос, не особо надеясь на положительный результат. Терминал, подумав, пиликнул, выдав на экран лаконичное сообщение. Прочитав его, Себастьян вытаращил глаза, а затем опрометью выбежал прочь из кухонного отсека, едва не столкнувшись с Вандой, сестрой отца своей невесты. Та пришла забрать на поднос кое-какую снедь, чтобы помочь Аулине накормить лежавших в каютах людей. Раненые ведь по-прежнему оставались на узких постелях, да и детей из-под надзора не выпускали, чтобы те не путались под ногами у взрослых. Рассыпавшись в извинениях, ученый умчался, провожаемый неодобрительным взглядом шестидесятитрехлетней женщины. Их отношения и прежде были прохладными, а ныне Ванда и вовсе не лучилась счастьем при виде Себастьяна из-за его окаянного изобретения и всего, что за этим последовало.

Сверяясь с портативным компьютером, раздобытым в каюте помощника капитана, Себастьян чуть ли не бежал по "Корундоре". Спустившись на две палубы, он миновал несколько отсеков и, наконец, остановился у того, на который указал кухонный терминал. На запрос о какой-либо пищевой органике компьютер внезапно ответил наличием таковой в блоке J-08, однако без всякой конкретики вроде типа, веса и количества. Тем не менее, само наличие чего-то подобного на борту "Корундоры" заставило ученого тут же отправиться на поиски. Эти поиски и привели его к ничем не примечательной двери с косыми желтыми полосками на лицевой стороне. Так маркировались технического рода помещения. Похоже, сюда еще никто не заглядывал, ибо на планах судна в данной секции не находилось ничего полезного.

Дверь открылась без всякого упрямства. Войдя внутрь, Себастьян миновал изгибающийся коридор и вышел в широкий тамбур, чья дальняя стена состояла из большого толстого стекла. Перед ним располагалась контрольная консоль с двумя подключен-

ными к ней экранами. Сердце ученого немедленно забилось вдвое чаще. Обстановка выглядела до боли знакомо. Все в ней напоминало типичный корабельный модуль, выполнявший строго отведенную ему функцию. Такие модули устанавливались на многих звездолетах и "Корундора", видимо, не оказалась исключением. Подбежав к консоли, Себастьян принялся нажимать на кнопки. Ожив, та замигала разноцветными индикаторами, а затем, окончательно проснувшись, начала отправлять на экраны порции данных. Найдя управляющий механизм, Себастьян поднял опущенные за стеклом металлические жалюзи. Его взору представилось обширное пространство по другую сторону комнаты контроля. Контроля за функционированием биологической среды, ибо блок представлял собой ни что иное, как S-ABG — Космический Автономный Ботанический Сад, он же OOS — Органическая Кислородная Станция. В зависимости от звездолета, такие сады могли иметь самые разные размеры и форму, однако все их растительное наполнение преследовало лишь одну основную цель — естественное производство кислорода. Флора, растущая сразу в несколько ярусов, иной раз напоминала настоящие джунгли, а в некоторых случаях служила еще и источником провизии. Вероятно, именно поэтому кухонный терминал, подключенный к единой бортовой сети, выдал положительный запрос на пищевую органику. К сожалению, Себастьяну, поднявшему шторки жалюзи, тут же стало ясно, отчего на планах судна блок J-08 не значился в соответствии со своим назначением. Растительности в нем было крайне мало, чтобы экипаж "Корундоры" мог извлечь из нее хоть какую-то пользу. Большинство обширных кадок оказались пустыми. В остальных кое-где все же виднелась некая зелень, но до потолка доходили только считанные стебли, усеянные широкими мясистыми листьями.

Удар оказался оттого сильнее, что последовал он после вскользнувшейся надежды. Основательно пав духом, Себастьян принялся изучать записи на управляющем терминале. Вскоре он разобрался, отчего ботанический блок должным образом не функционировал. Растения поразила какая-то болезнь, отчего они почти все погибли, а сам блок закрыли на карантин. Вероятно, специалисты "Элегии" наверняка устранили бы причину этого неприятного происшествия, вернув OOS в строй, если бы беглецы не угнали "Корундору". По этой же причине была внесена корректировка в планы судна. Статус J-08 оказался временно изменен на безликое техническое помещение и полностью выведен из аналитики, чтобы не сбивать бортовой компьютер с толку. Вздохнув, Себастьян снова поднял взор и обозрел остатки былой роскоши.

Да, в ботаническом саду имелись и овощи — вон они, виднеются вдали рядом кустиков. Освещение и орошение работали исправно, отчего уцелевшие растения до сих пор продолжали давать урожай. Жаль только кислорода от них практически не поступало — соответствующий датчик показывал его крайне невысокий уровень во все еще действовавшем накопителе.

Вернувшись, Себастьян нашел Гарольда и Мартина на некоем подобии мостика, предшествовавшего кабине пилотов. Там располагалась главная управляющая консоль, которой мог пользоваться капитан "Корундоры", если считал необходимым вмешаться в штатное функционирование систем корабля. В каких случаях он так поступал, кто ж его знает, но беглецы решили, что сейчас, пожалуй, более оправданную ситуацию для вмешательства и не придумаешь. На один большой экран эти двое вывели данные со всех основных узлов звездолета. Верхними строчками там значились уровни кислорода и воды, пребывавшие в критической красной зоне. Другой экран отображал список экипажа, состоящего из семей беглецов. Просмотрев его сверху донизу, Себастьян впервые за долгое время задумался, кто и какими судьбами очутился в "Элегии".

На количество членов семьи у корпорации существовала определенная квота, действовавшая даже для приоритетных специалистов уровня Лансберга, Розенталя или Беллентorча. "Галактик текнолоджис" не могла, да и не хотела селить в дорогом научно-техническом комплексе сотни совершенно не нужных ей людей. В зависимости от ценности сотрудника квота варьировалась от минимального до максимального значения. Себастьян, Мартин и Гарольд имели право взять наибольшее количество родственников в сравнении со многими другими коллегами, но не бесконечное. Приоритет отдавался самым близким людям, то есть детям, мужьям и женам. Следом шли отцы и матери, и далее по степени удаления родства. При этом действовало правило, что один дальний родственник занимал место пятерых, а то и десятерых с более тесными кровными узами. Таким образом, корпорация как бы заставляла сотрудников делать приоритетный выбор в пользу ближайшей родни, отсеивая седьмую воду на киселе. В этом имелся прямой и логичный, хоть и бездушный умысел. "Галактик текнолоджис" никому не позволяла заниматься благотворительностью за ее счет, переселяя в "Элегию" всех подряд. При этом она обеспечивала своих специалистов наиболее важными для них членами семьи по их собственному выбору. И каждый делал этот выбор самостоятельно.

Список с именами и фамилиями невольно навеивал на моло-

дого ученого невеселые думы. За многими из них стояли семейные драмы, как давно минувших дней, так и недавние, еще не успевшие как следует притупиться. К примеру, у Кимберли не было отца, а у Себастьяна и Аулины — матерей. Компенсируя утрату, Кимберли жила в "Элегии" вместе с Терезой, бабушкой по отцовской линии, и Густавом, дедушкой по материнской. Себастьян взял с собой бабушку по матери, Клодию, а к ней в компанию добавилась семья его тети Джулет, сестры отца. Помимо нее туда входил тетин супруг Глен и их сын Анатоль. В отличие от Гарольда, молодой ученый испытывал к своим родственникам вполне искреннюю привязанность, и они платили ему той же монетой. Вот с бородачом было сложнее. Он и собственного отца оставил бы жить своей жизнью, не говоря уже о его сестре, Ванде, и ее муже, Йонасе. К счастью, пара была бездетной, ибо Гарольду более чем хватало и младшего братца Пауля. Что же касалось Сары, бабушки по материнской линии, то он ее на дух не переносил, зато Аулина в пожилой женщине души не чаяла. В этом отношении самая полная семья оказалась у Мартина. Помимо его отца и матери, она состояла из Бассета и Тани, а также детей Бассета, и заканчивалась на Глории, тетушки Мартина и родной сестры Луизары.

Гарольд, как и Себастьян, так же внимательно изучал список, но лишь для того, чтобы вносить в него некоторые корректировки. В частности, состояние здоровья и возраст. Первое было немаловажно по части оказания медицинской помощи, ибо ушибы и переломы все еще никуда не делись. Второе имело скорее информационный характер, сродни родственным связям, но частично пересекалось с первым. Ведь к людям в возрасте требовалось относиться с большим вниманием, чем к молодым и полным сил. Глядя как бородач, тихо перешептываясь с Мартином, вводит с консоли все новые данные, Себастьян невольно вспоминал причины появления тех или иных людей в "Элегии". Припоминал, отчего они прибыли именно в таком составе, кто с детьми, а кто бездетный, почему семьи оказались неполными и какие трагедии порой за этим стояли. Список, впервые выведенный единым целым, невольно провоцировал все эти воспоминания, доселе дремавшие в глубинах памяти. Для удобства восприятия Гарольд и Мартин изобразили его в блочном виде, снабдив краткими сведениями и фотографиями. С экрана как бы глядели представители всех семей, объединенные по фамилиям. При этом главой семьи, первым в списке, числился тот, благодаря кому все и оказались в "Элегии". К нему же выстраивались и упомянутые в этой мини-картотеке родственные связи.

Лансберги:
Мартин, 33 года;
Кимберли, урожденная Апрайт — жена Мартина, 27 лет;
Никки, старший сын Мартина и Кимберли, 4 года;
Сонмер — отец Мартина, 59 лет;
Луизара — мать Мартина, 55 лет;
Бассет — дядя Мартина, младший брат Луизары, 42 года;
Тани — тетя Мартина, младшая сестра Сонмера, 52 года;
Глория — тетя Мартина, старшая сестра Луизары, 70 лет;
Вайолет — дочь Бассета, двоюродная сестра Мартина, 12 лет;
Тобиас — сын Бассета, двоюродный брат Мартина, 11 лет;

Апрайты:
Юния — мать Кимберли, 46 лет;
Густав — дедушка Кимберли по материнской линии, 73 года;
Тереза — бабушка Кимберли по отцовской линии, 71 год;

Розентали:
Гарольд, 38 лет;
Аулина — младшая и любимая сестра Гарольда, 29 лет;
Пауль — младший брат Аулины, 16 лет;
Дориан — отец Аулины, 61 год;
Ванда — сестра Дориана, тетя Аулины, 63 года;
Йонас — муж Ванды, 55 лет;
Сара — бабушка Аулины по линии матери, 76 лет;

Белленторчи:
Себастьян, 28 лет;
Элмер — отец Себастьяна, 57 лет;
Джулет — тетя Себастьяна, сестра Элмера, 54 года;
Глен — Джулет, 52 года;
Анатоль — сын Джулет и Глена, двоюродный брат Себастьяна, 31 год;
Клодия — бабушка Себастьяна по материнской линии, 78 лет;

Себастьян не мог не заметить, что родственники Кимберли оказались вынесены под отдельной фамилией. В принципе, это было логично, поскольку только она взяла фамилию мужа, а остальные как были Апрайтами, так и остались. Мартин сперва ворчал, считая их такими же членами семьи, как и Лансбергов, но в итоге не стал возражать, тем паче что Гарольд еще круче прошелся по своему семейству. Там его родственницей, причем подчеркнуто ЛЮБИМОЙ, значилась только Аулина. Все остальные, включая отца, проходили как ЕЕ близкие, но не самого Гарольда. Видимо, бородач и впрямь не любил никого кроме младшей сестры, и корни тому, возможно, следовало искать в судьбе их матери. Аулина обычно ничего от жениха не скрывала, но на эту тему особенно не распространялась.

— М-да, с таким отношением к родным странно, что тебе хоть кто-то небезразличен, — невольно произнес Себастьян, оценивая свежеиспеченный список.
— А я сразу говорил, что меня заботит только Аулина, — флегматично отозвался бородач, сообразивший, откуда ветер дует. — За нее я кого угодно в космос выкину, а остальные пусть хоть сами туда выпрыгнут — мне до них дела нет.
— И меня? — криво усмехнулся ученый.
— Ты мне нравишься, правда. Но если придется выбирать между тобой и Аулиной, то уж не обессудь, — совершенно спокойно ответил Гарольд. — Впрочем, избавившись от тебя, я потеряю и сестру, так что лучше до этого не доводить.
— Полагаю, мне с таким подходом от твоих милостей вообще ничего не светит, — покачал головой Мартин.
— Отчего же? — искренне удивился взломщик, имевший весьма специфическое представление о взаимоотношениях между людьми. — Моя бы воля, я бы променял своего младшего братца на тебя, впридачу со всеми своими родственничками. Мне такой толковый брат был бы очень даже по душе! К сожалению, родню не выбирают. Да и твой отец уж точно не задаром свой хлеб ест, как и отец Себастьяна. Кимберли, как подругу Аулины, я тоже вполне одобряю. Правда, сейчас состояние твоей жены меня несколько беспокоит.
Оно беспокоило и самого Мартина. Кимберли по-прежнему не вылезала из медицинского отсека, взяв на себя роль добровольной медсестры. Уровень кортизола в ее крови и так был изрядно превышен из-за беременности, а теперь и вовсе скакнул дальше некуда. Мартин находил причину состояния жены именно в пережитом стрессе. К сожалению, та подозревала некую не выявленную проблему с растущим плодом, из-за чего не отходила дальше пяти ярдов от медицинского оборудования, и переубедить ее пока не удавалось. В сравнении с ней изрядное присутствие духа демонстрировала Аулина, умело организуя социум беглецов. Помимо помощи пострадавшим она распределила хозяйственные роли и сама ничуть не отлынивала от работы. Благодаря ей каюты обрели более привлекательный вид, как и хозяйственные помещения, облюбованные беглецами для сна и отдыха. Себастьян никак не ожидал, что его невеста, привыкшая к роскоши "Элегии" и боявшаяся ее потерять, проявит силу воли и не станет ныть по любому поводу. Впрочем, возможно все еще было впереди, просто стресс, загнавший Кимберли в медотсек, действовал на Аулину несколько иным образом.
— Ты сам-то с чем пожаловал? — осведомился Гарольд, заканчи-

вая возиться со списком и обращаясь к ученому.
Тот, опомнившись, сообщил о своей находке.
— Любопытно, — протянул бородач, изучая план отсеков "Корундоры". — Возможно, нам это еще хоть как-нибудь, да поможет. Я схожу туда сам, проверю кислородный накопитель, когда закончим с системой жизнеобеспечения. Элмер? Сонмер? Как там у вас обстановка?!
— Почти все сделали, — раздался в интеркоме голос отца Мартина. — Есть хорошие новости и плохие.
Троица у главного терминала обратилась в слух.

Хорошие новости заключались в том, что запасов воды и кислорода и впрямь оказалось несколько больше, чем показывали приборы. Подлатав прохудившиеся конструкции, техник и электрик потихоньку перекачали остатки драгоценных ресурсов в основные, наименее пострадавшие резервуары. Датчики продемонстрировали пусть не слишком значительный, но все же прирост, позволявший выиграть лишние пару дней. Во всяком случае, навскидку. Гарольд уже запустил мониторинг расхода всех жизненно необходимых субстанций. Анализируя стекавшиеся отовсюду показания, он увеличивал точность как исходных, так и прогнозируемых данных. В идеале составленная им программа должна была отображать трату воды и кислорода в режиме реального времени, к чему бородач, собственно, и стремился.

К плохим новостям относились неполадки в самой системе центрального распределения ресурсов. Где-то происходила незначительная, но утечка, поскольку цифры на выходе разнились с цифрами на входе. Возможно, был неисправен воздушный фильтр, ведь прежде, чем кислород поступал в атмосферу звездолета, он проходил через внушительных размеров комплекс. Там живительный газ проверялся на любые возможные примеси, как химические, так и биологические. Лишь полностью очищенный и обеззараженный кислород выпускался в заданном количестве и давлении в систему вентиляции "Корундоры". Она же по другим каналам направляла воздух из отсеков через уловитель углекислого газа, где тот, вступая в реакцию с заранее загруженным компонентом, оседал в специальных емкостях. Беглецам повезло, что эти емкости, находясь в удаленной от взрывов секции, оказались не повреждены, иначе весь накопленный там углекислый газ мог поступить в отсеки корабля. Не исключено, что ввиду какой-то неисправности туда сейчас поступала и некая процентная доля кислорода, исчезавшего между исходными баллонами и выпускными клапанами. Во всяком случае, часть кислорода куда-то девалась, раз из баллонов она уходила, а в коридоры и секции "Корундоры"

не поступала. Элмер и Сонмер обещали разобраться в причинах утечки и обязательно ее устранить, но на это требовалось время. К счастью, в их распоряжении имелась целая бригада вполне сносных сервисных роботов, с чьей помощью они рассчитывали управиться в относительно сжатые сроки.

Закончив общение по интеркому, Гарольд бегло оценил изменившиеся показатели на экране отслеживания ресурсов. Прирост был гораздо меньше, чем бы ему хотелось, равно как и показатели расхода. Проклятье, на очереди еще уйма дел, а рабочих рук на все не хватает! Посовещавшись с Мартином и Себастьяном, бородач отправил первого помогать своему отцу в отсеке жизнеобеспечения, а второму предложил забрать своего родителя и сходить вместе с ним в блок главного реактора. Авось там сыщутся запасные ядерные энергетические ячейки или что-нибудь в этом роде. Вдруг кто из штатного экипажа "Корундоры" хоть парочку, да там оставил, забыв или не успев разместить их где положено. Такое иногда бывало. В любом случае требовалось хотя бы раз хорошенько осмотреть весь блок, чтобы не допустить еще одного ЧП вроде того, что уничтожило хранилище жизненно важных ресурсов. Ведь если рванет реактор или один из его вспомогательных узлов, шансы на спасение окончательно испарятся, а людям тогда лучше бы сразу погибнуть в атомной вспышке.

В трюм, разгребать царивший там бардак, командная троица направила Дориана, Йонаса, Глена и Анатоля. У Глена было сломано два пальца, но это не считалось слишком тяжелым увечьем, чтобы отлынивать от работы. К сожалению, Бассет не мог составить им компанию, поскольку все еще лежал в каюте, и его состояние не улучшалось. Детей так же никто на потенциально опасные задания не посылал, исключая Пауля. Гарольд, злорадно ухмыляясь, придумал ему работенку. Он велел младшему братцу осмотреть корабельный коллектор, куда стекались всех видов отходы, как человеческой, так и машинной жизнедеятельности. Там они разделялись, фильтровались и перерабатывались, после чего восстановленная полезная масса возвращалась к исходным ресурсам, а другая подлежала утилизации. Сейчас состояние коллектора вызывало известный интерес, так как было немаловажно знать, удастся ли в сложившихся обстоятельствах извлечь из него какую-нибудь пользу. Пауль, разумеется, оказался не в восторге от выданного ему поручения, но Гарольд заявил, что тот либо подчинится, либо старший брат запрет его в коллекторе насовсем, да еще и дверь заварит. Угроза прозвучала весьма живописно, да и бородач обычно слов на ветер не бросал. В результате белобрысый юнец, театрально поправив повязку на пострадавшей руке, скроил дра-

матическое лицо и отправился в недра корабля. Остальные так же разошлись кто куда, выполнять поставленные перед ними задачи.

На второй ночлег люди устроились куда удобнее, нежели первый. Себастьян проявил смекалку, и с его подачи женщины и пожилые мужчины соорудили вполне приличные гамаки. С помощью роботов, сверливших отверстия и запаивавших стыки, подвесные ложа удалось надежно закрепить к потолку. Сами же гамаки состояли из подручных материалов, раздобытых в разных частях "Корундоры". В ход шло все: стальные тросы, проволока, изоляционные полотна, оберточная пленка, фрагменты труб и даже пластиковые настенные панели. Вырезанные, сшитые, сваренные и склеенные должным образом, все эти немыслимые на первый взгляд компоненты превратились во вполне сносные воздушные кровати, где спать было куда удобнее, нежели на голом металлическом полу. Немалое подспорье оказала пена и прочие амортизационные субстанции, извлеченные из грузовых контейнеров. Их слой, старательно уложенный и зафиксированный поверх основы гамака, придавал последнему вполне приемлемую мягкость и даже удобство. Подушками же выступали самые разнообразные предметы, если те не напоминали формой и жесткостью доисторический утюг. Впрочем, учитывая конструкцию гамака, в нем вполне можно было обойтись и без подголовника. Одеялами служили все те же теплоизоляционные материалы, как правило, срываемые с различных труб. Людям ведь было не до церемоний. Незначительные утечки тепла не шли ни в какое сравнение с нуждами первой необходимости.

Аулина явилась ночевать к Себастьяну. Тот было заперся в компании Мелибиуса, когда постучавшая невеста потребовала ее впустить. Уставший молодой ученый не стал препираться и открыл дверь. Девушка нашла импровизированную кровать вполне сносной и констатировала, что тут хватит места и для двоих, а подушку и одеяло она принесла с собой. На поверку это оказались скатанная пузырчатая пленка и части чьего-то старого комбинезона, разрезанные и сшитые в подобие прямоугольника, но Аулина стоически довольствовалась и такой малостью. Вот невозможность принять ванну или хотя бы нормальный душ беспокоила чистюлю куда больше. Впрочем, означенные неудобства тут же вылетели у девушки из головы, когда она вновь узрела Мелиюбиуса. Тот мирно устроился в уголке промеж технических коммуникаций, не желая почем зря докучать своему утомленному создателю. Аулина, растянувшись на кровати, то бишь перевернутом шкафу, выставила локоть, положив щеку на ладонь, и позвала Сиреневый Бутон. Он охотно приблизился, предвидя занятный разговор. До сих

пор ему мало с кем удавалось пообщаться, исключая Себастьяна и, в меньшей степени, Гарольда с Мартином. Беседа с Аулиной была для Мелиюбиуса чем-то новым и по-своему привлекательным.
— Почему он держит тебя взаперти? — первым делом спросила девушка, подразумевая своего жениха.
— Представь, что экипаж вашего корабля внезапно взял на борт инопланетянина, потерпевшего крушение. Разумного и технически очень развитого инопланетянина, которого, тем не менее, экипаж видит впервые, равно как впервые вообще узнает о существовании этой расы. Как ты поступишь? Позволишь ему разгуливать где угодно, либо же посадишь под замок? — бодро и без всякой обиды привел наглядный пример Мелиюбиус.
— Гм. Аналогия понятна, — заинтересованно сказала Аулина. — А ты разве опасен?
— Я считаю, что нет, — послышался ответ. — Вот твой будущий муж и мой создатель такого не исключает.
— Ты дал ему повод так считать? — подумав, полюбопытствовала девушка.
— Человека всегда страшила неизвестность. Тьма страшна не своей чернотой, а тем, что в ней, возможно, таится, и что рисуется разыгравшимся воображением, — неторопливо сообщил Мелиюбиус. — Он опасается меня, пусть в этом и не признается, хотя по логике вещей ты несешь ему куда большую угрозу.
— Я?! — поразилась Аулина.
— Ну да. Во-первых, со мной он вряд ли будет ссориться и пререкаться по каким-то бытовым и личным вопросам, а это неблагоприятно действует на психику и здоровье в целом. Во-вторых, как я уже понял, ты довольно сильная личность. Если Себастьян как мужчина однажды тебя обидит, изменит, а то и вовсе бросит, ты вполне способна отомстить ему каким-либо серьезным образом, — пояснил Сиреневый Бутон. — Я же своему создателю причинять вред не намерен, даже если он обходится со мной не слишком дружелюбно.
— С чего ты взял, что я сильная личность? — удивилась немного польщенная девушка к великому неудовольствию Себастьяна, поскольку слова о гипотетической мести она словно бы пропустила мимо ушей.
— А какая же еще, если ты знаешь о том, что ждет вас всех примерно через две недели, и не бьешься в истерике? Более того, сохраняешь присутствие духа и даже любознательность, раз столь непринужденно общаешься со мной, — умозаключил Мелиюбиус.
Аулина помрачнела. Удивительный собеседник напомнил ей о грядущей беде, о которой она ненадолго позабыла, занятая различ-

ными делами. Нахмурившись, она едко поблагодарила Бутон за столь удачное возвращение памяти.
— Между прочим, это вписывается в мое предположение о стойкости твоей натуры, — спокойно изрек тот. — Ты думаешь, что лишь важные задачи заставили тебя ненадолго позабыть о кризисе. На самом деле слабый человек не смог бы переключиться на эти задачи в принципе, парализованный экзистенциальным ужасом. Именно поэтому, смею одобрить, вы правильно сделали, что не посвятили остальных в истинное положение дел на "Корундоре". Я еще не настолько хорошо изучил людей, чтобы с уверенностью предсказывать что и от кого ожидать, однако общая ситуация наверняка резко осложнится и будет чревата непредсказуемыми инцидентами.
Мелиюбиус, пользуясь безусловным вниманием слушательницы, пустился в пояснения. С его точки зрения, проявления девиантного поведения среди людей, оказавшихся в столь безвыходной ситуации, просто неизбежны. Привычные социальные связи разрушатся, и это произойдет тем быстрее, чем острее они осознают масштабы и последствия бедственного положения. Инстинкт самосохранения и обострившиеся психозы заставят эмоционально неустойчивых индивидуумов вести себя непредсказуемо. Страх неизбежности смерти вступит в конфликт с разумной логикой, и вместо рационального мышления толкнет очень многих в пасть безумия. Прежде культурные и вежливые люди, состоящие в родственных связях, могут начать открыто враждовать, особенно если речь зайдет об элементарном выживании. Таким образом, Себастьян и Гарольд поступили очень правильно и даже мудро, что сообщили об ужасном открытии лишь Мартину, Аулине, Элмеру и Сонмеру. Круг посвященных должен оставаться неизменным, иначе и без того тяжкое положение беглецов серьезно усугубится.

Мелиюбиус ничуть не сгущал краски, и Аулина прекрасно это понимала. Меж тем его непродолжительная лекция произвела на нее весьма гнетущее впечатление.
— Как ты думаешь, у нас есть шансы выбраться из этой передряги? — спросила, стараясь казаться спокойной, девушка.
— К сожалению, слишком о многом я еще очень мало знаю, а о чем-то не знаю и вовсе. В моем распоряжении была лишь энциклопедия в лаборатории твоего возлюбленного, а она не вселенский кладезь информации. Многому я вынужден учиться на ходу, — ответил, помедлив, Сиреневый Бутон. — Могу лишь обещать: я сделаю все, что смогу для выживания небезразличных мне людей. Но это будет непросто, особенно когда я сижу взаперти. Мне даже манипулятор не приделали, чтобы я мог нажимать на кнопку ин-

теркома.
Аулина локтем ткнула Себастьяна в бок. Тот молча лежал рядышком, слушая разговор невесты со своим творением, но не вмешивался. Получив тычок, он ворчливо осведомился о его причинах. Ученый не забыл про идею с манипулятором, однако не торопился ее ни реализовывать, ни отклонять. Девушка горячо поддержала желание Мелиюбиуса. Себастьян в ответ заметил, что Мелиюбиус для нее как новая занятная и безобидная игрушка, в то время как корпорация, между прочим, считает его мощнейшим оружием, откуда и все неприятности. Кто из них прав? Скорее всего, никто. Истина, вероятно, лежит где-то посередине. Аулина готова выяснять ее прямо сейчас, когда беглецы и так в бедственном положении?
— Да что такого он может натворить, нажав на кнопку интеркома? — недоумевала девушка.
Ответ Себастьяна прозвучал в том смысле, что конкретно эта кнопка проблем не принесет. Вопрос заключался в том, чего еще нажмет Мелиюбиус, пользуясь обретенной возможностью взаимодействовать с внешним миром.
— Кстати, раз уж речь зашла о безопасности! А корпорация точно не заполучит себе его копию? В ее руках такой вот Мелиюбиус и впрямь чрезвычайно опасен! — озаботилась Аулина.
— Точно! На сей счет ты можешь быть совершенно спокойна, — зевнул ученый, чувствуя как на него накатывает дрема.
— Но ведь ты сам говорил, что ни стереть, ни изменить какие-либо данные не удается, — напомнила невеста.
Себастьян, продолжая зевать, поведал некоторые небезынтересные детали. Так и впрямь было до тех пор, пока в лабораторию не явились люди со "Сталиона" и собственноручно не отключили защиту, мешавшую им самим скопировать данные. На это, собственно, и рассчитывали беглецы. Гарольд и Себастьян, пользуясь подсказками Мартина и Мелиюбиуса, составили несколько программ. Пока они были не активны, центральный компьютер лаборатории им никоим образом не препятствовал. Запусти Себастьян эти программы сразу, вмешались бы протоколы безопасности, не позволявшие совершить никаких диверсий. Спящие алгоритмы ждали своего часа. Едва в центральный компьютер поступил введенный гостями код, причем значение этого кода не играло вообще никакой роли, они активировались один за другим, и никакая блокировка их уже не остановила. Учитывая специфику лабораторного оборудования, хранилище данных было наверняка необратимо повреждено, и помешать этому люди со "Сталиона" банально не успели. Фигурально выражаясь, откупорив бутылку с

информацией, они выпустили из нее джинна, который содержимое бутылки немедленно и уничтожил.
— Жаль я не видела их лиц, когда они поняли, в какую ловушку попали! — хихикнула Аулина, представляя себе гнев и растерянность присланной корпорацией команды.
Ее веселость наверняка сошла бы на нет, узрей девушка весь тот кошмар, который начался в лаборатории Себастьяна после активации главного компьютера. Видеозаписей, однако, в распоряжении беглецов не имелось, да и не предвиделось, а в детали работы означенных программ ее никто не посвящал.
— Лично мне куда интереснее, как именно мое детище выбралось из моей же лаборатории. Со всей этой круговертью на "Корундоре" оно ведь об этом так и не поведало, — сонно пробормотал ученый.
Аулина тут же обратилась с вопросами к Мелиюбиусу и тот, польщенный ее вниманием, не стал отказывать девушке в столь незатейливой просьбе.

Ничего особенного в побеге из научного комплекса не было. Во всяком случае, так полагал Сиреневый Бутон, предложив своему создателю как обставить его уход со сцены. Весь расчет строился на том, что лаборатория изолирована информационно, но не физически. Ведь сам Себастьян приходил и уходил совершенно свободно и, в теории, мог бы позвать кого-нибудь из коллег. Разумеется, Мелиюбиус был не в состоянии покинуть пределы научного блока через парадную дверь — тут у любого охранника возникли бы вопросы, не говоря уже об их изначальной осведомленности, — но этим путем он убегать и не собирался. Люди использовали свои двери, а техника — свои. Доступное Себастьяну и недоступное Мелиюбиусу автоматически менялось местами, когда речь заходила о техническом шлюзе, через который прибывали и убывали грузовые роботы. Ничто живое этим путем ни прийти, ни уйти не могло. Во-первых, внутри этих транспортных тоннелей, предназначенных для сервисных машин, обычно царил вакуум. Во-вторых, в шлюзовых камерах включался режим обеззараживания, чтобы не разносить по разным секторам "Элегии" потенциально нежелательную органику. Этот режим включал в себя не только обдув струями различных газообразных соединений, но и мощное излучение, включая рентгеновское. Настолько мощное, что оно убило бы любое живое существо в считанные секунды. Сунься в транспортный тоннель сам Себастьян — и его смерть была бы неизбежна. Мелиюбиус, имевший принципиально другую жизненную структуру, переносил излучение вполне спокойно, испытывая лишь некоторый дискомфорт. Его память, как память всех перезаписываемых носителей информации, так же не стиралась, осно-

ванная на уникальности конструкции искусственного разума. Иными словами, надумай Себастьян переслать тому же Гарольду куб с данными — и от его содержимого не осталось бы и следа. Мелиюбиус же не потерял ни единого воспоминания, хотя подвергся мощнейшему облучению. В результате он не только сам покинул лабораторию, но и увез из нее полную копию всей конструкторско-технологической документации по проекту Овербридж, включая многочисленные заметки Себастьяна. Мелиюбиусу ведь не обязательно было подключаться к терминалу и пытаться выкачать из него файлы, чего терминал, заблокированный службой безопасности, как раз и не позволял. Ученый прогонял перед сенсорами своего детища все записи подряд, и оно быстро и успешно запоминало увиденное до последнего символа. Таким образом, побег изначально был в принципе осуществим, а дальнейшее уже стало делом техники.

Наученный Мелиюбиусом, Себастьян изготовил великолепную голограмму, занявшую место оригинала. Внутри этой голограммы оригинал проследовал к техническому шлюзу, где благополучно исчез, когда объявился грузовой робот. Сама же голограмма поехала прочь и была "припаркована" ученым в заранее присмотренном месте. Грузовой робот, доставив вверенный ему товар, нарочито заказанный Себастьяном, удалился, и в шлюзовой камере к нему прицепился Мелиюбиус. Когда робот открыл крышку внешнего контейнера, чтобы жесткое излучение беспрепятственно продезинфицировало его внутри, Сиреневый Бутон времени не терял. При помощи своего антиграва он забрался внутрь порожнего транспорта и смиренно перенес всю процедуру обеззараживания. Закрыв грузовое вместилище, робот флегматично покатил дальше, совершенно не обеспокоясь присутствием "зайца". Извещенный Гарольдом, Мелиюбиус считал повороты транспортного туннеля, ощущаемые им очень хорошо благодаря чувствительным сенсорам и структуре "лепестков". В нужный момент он стал брыкаться, раскачивая грузового робота. Тот, повинуясь программе, немедленно остановился, чтобы не допустить опрокидывания и аварии. Когда крышка разомкнулась, Мелиюбиус тут же выпорхнул на свободу и отлетел в сторонку, пока робот занимался самодиагностикой. Та быстро завершилась без каких-либо отклонений, бездушная машина, что называется, "пожала плечами" и двинулась дальше, куда ей было велено. Мелиюбиус остался ждать. Он занял позицию у транспортного перекрестка, где туда и сюда сновало множество всякой техники. Ее бортовая маркировка служила отличным опознавательным знаком, и это не говоря уже о типе и размерах. Дождавшись подходящего носителя, Мелиюбиус выско-

чил вперед, ловко используя свой антиграв. Учитывая форму и структуру перекрестка, грузовые машины существенно сбрасывали на нем скорость, чтобы потом набрать ее вновь. Транспорт, облюбованный Сиреневым Бутоном, так и поступил. Когда он вновь ускорился, у его передней части благополучно пристроился безбилетник. Фактически, транспорт толкал перед собой парившего на антиграве беглеца.

Мелиюбиус "пересаживался" несколько раз, уверенно приближаясь к месту назначения. Достигнув последней контрольной точки, он снова "спешился" и принялся ждать необходимый рейс. Ему ведь нельзя было показываться на людях во всей красе, поэтому уже освоенный способ перемещения не годился.

В назначенный час, с точностью до нескольких секунд, в поле зрения беглеца объявился нужный объект. Это был грузовой робот, направлявшийся к "Корундоре". Груз заказал Гарольд. Точнее, он запросил на борт звездолета робота-грузчика с пустым контейнером, чтобы поместить туда некий товар и отправить его в хранилище. Гарольд понятия не имел, как Мелиюбиус доберется из лаборатории до корабля, но исправно выполнил порученную ему задачу. На последнем этапе своего пути творение Себастьяна его помощью и воспользовалось. Забравшись в контейнер, оно благополучно прибыло на борт звездолета, а робот, ничуть не озабоченный внезапно объявившейся ношей, забрал предназначенный ему груз и удалился.

Когда Мелиюбиус закончил свое повествование, ученый уже вовсю дремал, слушая его неизменно приятный голос сквозь подступавшие грезы. Глаза Аулины так же слипались от усталости, но она с неослабевающим интересом дослушала историю до конца, найдя собеседника весьма и весьма находчивым, с чем и поздравила. Мелиюбиус вежливо поблагодарил за комплимент, после чего предложил девушке отойти ко сну. Судя по данным его сенсоров, Аулине требовался полноценный отдых, поэтому их знакомство лучше продолжить завтра. Девушка не возражала. Мелиюбиус скромно отлетел в свой уголок, а она повернулась к Себастьяну и почти сразу заснула.

Ученому приснилось некое подобие кошмара. Не того кошмара, когда тебе мерещатся всякие ужасы, от которых потом просыпаешься в холодном поту. Это был тягучий и утомительный сон, изматывающий спящего дальше некуда. Перед Себастьяном постоянно проносились технические составы, как порожняком, так и наполненные различными грузами. Он перепрыгивал с одного на другой, цепляясь за них руками и ногами. Составы уносили его вглубь бесконечно тянущихся тоннелей, похожих как близнецы.

Висеть было тяжело. Себастьян ежесекундно боялся сорваться, хотя, судя по ощущениям, он достаточно свободно парил в воздухе. Иной раз он оказывался непосредственно перед ехавшей куда-то техникой и чувствовал, как его спина прижимается к поверхности металлического корпуса, в то время как все остальное тело выполняет роль некоей гальюнной фигуры или ростра. Дышать было довольно тяжело, и чем дольше Себастьян ехал, тем острее ощущал дефицит воздуха. Вообще в тоннелях должен бы царить вакуум, однако он не задохнулся, а лишь с усилием вздымал грудь в удушливой атмосфере.

Тоннели казались бесконечными. Ученый куда-то направлялся, но никак не мог ни добраться до своей цели, ни вообще припомнить в чем она заключалась. Он лишь чувствовал, что узнает ее, когда увидит, а посему до боли в глазах вглядывался в окружающее пространство, состоявшее из одних и тех же коммуникационных магистралей, перекрестков, развязок и грузовых составов. Утомительное путешествие окончательно измотало Себастьяна, и он уже был готов сдаться, когда очередная пересадка все изменила. Состав, на котором он ехал, резко свернул в сторону. Ученый сорвался и полетел на другой путь, но не упал, а ухватился за борт объявившегося там транспорта. Это был грузовой робот, везущий довольно крупный металлический контейнер. На его борту виднелось выведенное по диагонали крупное слово "Корундора". Вот она, цель его путешествия! Постучав ладонью по гладкой поверхности, ученый без труда откинул крышку и забрался внутрь, даже не задумавшись, насколько легко у него это получилось. Такие транспортные контейнеры сами по себе не открываются, не говоря про необходимость определенного взаимодействия с техникой. Иными словами, внутрь робота-грузчика вот так запросто не попадаешь. Как это сплошь и рядом бывает во сне, Себастьян совершенно проигнорировал столь примечательное событие. Все, что его волновало — добраться до пункта назначения, а остальное уже роли не играло. Внутри контейнера оказалось довольно темно, хотя откуда бы там вообще взяться свету, но чем дольше ехал ученый, тем темнее становилось. Видимо, такие же проблемы начались и с атмосферой. Грудь мало-помалу сдавило, а воздух стал спертым и сухим. Себастьян хватал его ртом, будто вытащенная из воды рыба, и никак не мог накачать кровь кислородом. Он стал задыхаться, в глазах окончательно потемнело и путешествие грозило подойти к совсем другому концу, нежели планировалось, как вдруг ученый услышал какой-то шум. Гремя металлом, кто-то звал его по имени. Внезапно движение прекратилось, контейнер открылся и в глаза Себастьяну ударил яркий свет. Легкие сразу же

наполнились воздухом, а в следующее мгновение он узнал склонившуюся над ним фигуру. Это была Аулина. Дурман развеялся. Окончательно проснувшись, Себастьян рывком сел и ошалело огляделся по сторонам. Под ним была кровать, сделанная из перевернутого шкафа, вокруг виднелся все тот же технический отсек, а рядом находилась крайне обеспокоенная невеста, позади которой маячил Мелиюбиус. Похоже, его недавний рассказ и навеял утомительный сон, наполненный грузовой техникой и транспортными тоннелями.

— Это все из-за слишком низкого уровня кислорода, — озабоченно сказал Сиреневый Бутон. — Передайте Гарольду, что так нельзя. Экономия экономией, а такими темпами и задохнуться недолго!

— Себастьян, ты как?! В порядке?! — вопрошала Аулина, вцепившись жениху в плечи и легонько тряся его туда-сюда.

Тут-то ученый и выяснил, чем объяснялись его тягучий кошмар, темнота в глазах и прочие неприятные ощущения. Кислород в атмосфере "Корундоры" основательно упал не иначе как стараниями Гарольда. Аулина, проснувшись из-за головной боли, услышала как Себастьян стонет и хрипит. Его губы приобрели синеватый оттенок, да и лицо как-то пугающе посерело. Вскрикнув, она обратилась к Мелиюбиусу, и тот быстро поставил совершенно правильный диагноз. Бросившись к интеркому, Аулина докричалась до старшего брата, и бородач оперативно исправил положение. Из вентиляции повеяло живительным потоком, Себастьяну сразу полегчало, и он благополучно проснулся, растормошенный невестой.

Гарольд выглядел весьма сконфуженно, когда разгневанная Аулина предъявила ему претензии. Он посчитал, что во сне людям требуется меньше кислорода для дыхания, отчего в ночную часть цикла снизил его расход. Более того, бородач распределил воздушные потоки таким образом, чтобы их львиная доля приходилась на отсеки с экипажем, а необитаемым доставалось значительно меньше. Тут он дал маху, упустив из виду отдельно расположенное обиталище Себастьяна, где к тому же оказался не только ученый, но и Аулина. В результате у молодых людей возникло небольшое кислородное голодание, усугубленное сбоившей вентиляцией. Мелиюбиус считал, что ничего страшного не произошло, и реальной опасности для создателя и его невесты не было. Да, их самочувствие несколько пошатнулось, но не более, ибо существуй здоровью Себастьяна и Аулины настоящая угроза, он бы немедленно вмешался. Девушка полагала иначе, тем паче чем Мелиюбиус мог вообще помочь? Она задала старшему брату хорошую взбучку, и тот пообещал впредь быть куда осторожнее в своих затеях.

Промашка Гарольда в основном сказалась только на его соб-

ственной сестре и ее женихе. Остальным повезло больше, и ничего кроме легкого дискомфорта они не испытали. Сонмер быстро обнаружил дефекты вентиляции в отсеке Себастьяна и вполне оперативно их устранил. При этом все четверо усвоили, насколько опасным может оказаться любой технический сбой на далеком от полной исправности судне. На этот раз обошлось без жертв, но впредь стоит относиться к любым изменениям в режиме работы различных систем с удвоенным вниманием. Текущее состояние узлов звездолета оценивалось как удовлетворительное, однако трепка, заданная кораблями "Элегии", по-прежнему грозила непредвиденными осложнениями. Исходя из этих соображений, Сонмер, Мартин и Элмер вместе с несколькими другими родственниками продолжили внимательный осмотр "Корундоры", пока Себастьян и Гарольд продолжали компьютерную диагностику. Пошел третий цикл на борту грузового судна, и не следовало забывать, что их количество критически ограничено.

Проверить все отсеки звездолета было проще сказать, чем сделать. В отличие от жилой зоны, техническая занимала несравнимо больший объем, подразделявшийся на целый лабиринт коридоров, блоков, секций и помещений. Корабль управлялся людьми, но его структура напоминала космического кита, набитого массой внутренних органов. Означенные органы прекрасно функционировали без всякого вмешательства со стороны экипажа, но места они занимали весьма и весьма много. Этим и объяснялось, отчего всего при восьми каютах "Корундора" обладала поистине внушительными внешними габаритами и немалым внутренним пространством. Чтобы доставлять грузы из одной части галактики в другую требовалось нечто более серьезное, нежели планетарный катер, особенно если речь шла о двух с половиной тысячах громоздких контейнеров. До "Сталиона", конечно, транспортному звездолету было далеко, но и его размеры выглядели очень впечатляюще. К примеру, один лишь реакторный отсек занимал площадь эквивалентную классическому футбольному полю. Чего и удивляться, что отцы Мартина и Себастьяна были не в состоянии обойти все судно за считанные часы и лично убедиться в полной исправности всех систем.

Пока мужчины осматривали "Корундору", Аулина все свободное время тратила на остальных членов экипажа. Тех, у кого были переломы разной степени тяжести, она вновь поочередно доставила в медотсек, где неотлучно пребывала Кимберли. Наименьшее беспокойство у Аулины вызывал ее младший брат Пауль, хотя именно он производил впечатление самого тяжелого больного. Его лучевая кость действительно пострадала, но без всякого смещения

и трещин. Наложенная медицинская шина надежно удерживала пострадавшую конечность, не причинявшую никаких страданий. Быстро раскусив притворство брата, Аулина выставила его за дверь, предложив заняться каким-нибудь полезным делом, и в частности тем, что велел Гарольд. Мрачный как туча Пауль удалился по направлению к коллектору, где проводил самые безрадостные часы своего существования, а девушка вернулась к другим пациентам.

Вторым в очереди был Бассет. Его одолевала странная сонливость, и Аулина еле разбудила дядю Мартина, чтобы сопроводить его на осмотр. Проведенный компьютерный анализ показал, что отечность в затылочной области не уменьшилась. Более того, она вроде бы даже увеличилась в размерах и стала плотнее. Это внушало серьезные опасения насчет возможных осложнений. Такого рода травмы головы порой приводили к образованию опухоли или локальному повреждению нейронов мозга. Похоже, выросло и внутричерепное давление. Аулина и Кимберли предприняли все, что было в их силах, кляня несовершенное лечебное оборудование "Корундоры". Гладко выбритый затылок Бассета подвергся самой тщательной обработке. Уколы должны были снять отечность и снизить давление околомозговой жидкости. Обычный охлаждающий компресс подруги заменили на активную накладку, способную менять влажность, температуру и даже источать целебный бальзам в зависимости от происходящего под ней. Худощавый мужчина с тонкими пальцами пианиста и приятным овалом лица стоически перенес все процедуры. Его продолжала одолевать сонливость, и он был рад вернуться в каюту, когда лечение завершилось. Аулина, уложив Бассета на постель, сделала в уме пометку обязательно вернуться и проверить состояние сорокадвухлетнего пациента.

Третьим на приеме стал Никки, пока еще единственный ребенок Мартина и Кимберли, и он не вызывал никаких опасений за свое здоровье. Его перебинтованное запястье выглядело вполне неплохо, а зафиксированное должным образом позволяло ребенку вести почти привычный образ жизни. Кимберли хотела оставить сына подле себя, но тот пожелал вернуться к Вайолет и Тобиасу, с которыми, пользуясь просторами "Корундоры", затеял какие-то игрища в космических пиратов. За детьми присматривали две женщины, Тани и Тереза, поэтому мать не без сожаления отпустила Никки веселиться с неразлучными братом и сестрой. Сама же переключила внимание на своего деда Густава, доставленного Аулиной на антиграве.

Состояние пожилого мужчины, которому уже стукнуло семь-

десят три года, вызвало у обеих подруг беспокойство. Внешне сломанная нога находилась в полном порядке, однако сканирование показало небольшое воспаление в месте поврежденных тканей. Это было довольно странно, учитывая тщательно проведенное лечение. Вероятно, сказывался возраст и какие-то оставшиеся незамеченными сторонние факторы. Сняв медицинский каркас, Кимберли и Аулина обработали кожу специальным раствором, сделали противовоспалительный укол и наложили охлаждающий компресс. Затем, посовещавшись, на всякий случай дали Густаву порцию универсального антибиотика. Поставив на сломанную ногу новый каркас, Аулина отвезла деда Кимберли обратно в каюту, а сама вернулась с Глорией, тетей Мартина.

Осмотр семидесятилетней женщины, у которой был диагностирован перелом двух ребер, встревожил подруг еще больше. Вокруг пострадавших костей образовался кровоподтек, не слишком обширный, но все же бросающийся в глаза. По идее, его присутствие там исключалось, так как накануне пострадавшее место было очень хорошо обработано. Тем не менее, ткани выглядели не лучшим образом, будто не отреагировав на все принятые меры. Аулина и Кимберли тщательно просканировали правый бок Глории, а затем внимательно изучили полученные результаты. Кажется, ничего серьезного не произошло. Возможно, женщина просто неудачно повернулась во сне, чем вызвала продолжительный приток крови к поврежденной части тела. Укол, сделанный в область сломанных ребер, должен был остановить рост кровоподтека, а густая мазь, нанесенная на кожу, и вовсе его нивелировать. Универсальный антибиотик Глории решили не давать, ибо у нее не наблюдалось открытого разрыва тканей, а стало быть, и пути проникновения какой-либо инфекции.

Следующим пациентом стала Луизара. Помрачневшие подруги, к своему растущему беспокойству, диагностировали у нее все те же воспалительные явления. Плоть вокруг пострадавшей ключицы обрела нехороший багряный оттенок. На коже появились заметные невооруженным глазом красные прожилки. Мать Мартина пожаловалась на неприятные ощущения, не слишком болезненные, но все же докучающие. Ее подвергли очень тщательному сканированию, но оборудование медотсека "Корундоры" не выявило никаких осложнений, исключая уже наблюдавшееся воспаление. В ход пошел укол все тем же составом, плюс компресс, мазь и обезболивающее, а заодно и успокоительное. Подруги предписали Луизаре полный покой, и тут же известили об этом Гарольда, Мартина и Себастьяна, как командный состав экипажа. Какие-либо работы, даже самые легкие, Луизаре категорически не реко-

мендовались.

Мать Мартина ушла на своих двоих, а вот Джулет, тетю Себастьяна, пришлось доставлять как и Густава. При взгляде на ее колено настроение у Аулины и Кимберли окончательно испортилось. Оно здорово распухло и непрерывно ныло, а любое прикосновение причиняло боль. Джулет даже заскрежетала зубами, когда с нее снимали хирургическую повязку, чтобы сканировать пострадавшую ногу. Компьютерный анализ, проведенный безучастным ко всему оборудованием, показывал все те же повреждения, то есть трещины и смещение, приведшее к деформации связки и даже лопнувшей коже. Увечье было довольно серьезным, но своевременно оказанная помощь вернула коленную чашечку в надлежащее состояние. Все, что требовалось Джулет — полный покой и уколы заживляющими препаратами вплоть до полного выздоровления. Покой соблюдался неукоснительно и препараты так же вкалывались регулярно, однако колено отчего-то распухло. Более того, рентген показал образование чего-то похожего на кисту. Аулина и Кимберли снова посовещались, а затем составили программу лечения. Кисту удалили, а в соединенные ткани сделали укол лекарством, ускорявшим регенерацию клеток. Еще два укола механические руки ввели в разные части колена, хорошенько накачав его препаратами для снятия воспаления и уничтожения бактерий. Ни у кого из пациентов анализ крови не показывал присутствия какой-либо бактериальной инфекции выше естественной, подавляемой иммунитетом нормы. Тем не менее, и допускать ее развития было нельзя, поэтому обе подруги сочли применение антибиотиков отнюдь не лишним. В заключение Аулина наложила на колено Джулет другую хирургическую повязку, с охлаждающим эффектом и антисептиком. Края поврежденной кожи, выглядевшие не лучшим образом, девушка хорошенько обработала мазью и залепила саморастворяющимся бактерицидным пластырем. Порция долгоиграющего обезболивающего завершила продолжительное лечение. Тете Себастьяна полегчало, и на ее лице вновь появилась улыбка в противовес не слишком веселым физиономиям Кимберли и Аулины. Последняя отвезла пациентку в каюту, сообщив, что вернется проведать ее часа через три-четыре. Сама же отправилась обратно в медотсек, чтобы обсудить с подругой странные случаи наедине.

Кимберли уже лежала на диагностическом ложе и в очередной раз проверяла состояние своего плода, как и общий ход беременности. Она была так поглощена этим занятием, что не заметила ни возвращения Аулины, ни ее сердитого взгляда, направленного на креолку целых пять молчаливых минут.

— Мать честная, Кимберли! Ты можешь думать о чем-нибудь другом?! — не выдержала Аулина. — Все с тобой в порядке, тебе приборы об этом раз сто уже сказали!
— Посмотрела бы я на тебя, окажись ты на моем месте! — огрызнулась жена Мартина. — Лучше сходи присмотри за своим Себастьяном, пока он еще чего-нибудь на наши головы не изобрел.
— Ты к нему несправедлива, — спокойно отозвалась Аулина, делая скидку беременной женщине. — Мы это уже обсуждали, как и твою нынешнюю манию. Оставь ты медотсек в покое, ничего нового он тебе не скажет.
— А вот и скажет! — неожиданно воскликнула креолка. — Гляди! — добавила она, указывая пальцем на два снимка, параллельно выведенные на информационную панель.
Аулина напрягла зрение и пару минут пыталась выяснить, о чем толкует подруга, но никаких аномалий не обнаружила. По ее мнению, снимки были похожи как близнецы, исключая едва отличавшееся положение плода. Об этом она и сообщила Кимберли, подчеркнуто недоумевая над ее волнением.
— Да ты на цифры посмотри! — указала та. — Вот! Видишь? Разница в анализе клеточной структуры плода четыре процента.
— Ну и что? — пожала плечами Аулина.
С ее точки зрения ничего сверхъестественного в этом не было. Ребенок вообще-то растет, и не за горами уже тот день, когда он попросится на свет. Так чего же удивляться нормальному набору веса? Кимберли в ответ фыркнула, но все же снизошла до пояснений, пока подруга, чего доброго, и впрямь не записала ее в тронутые. Да, формально все выглядело именно так, как считала Аулина. Точно так же полагала бы и сама Кимберли, если бы не то обстоятельство, что означенные четыре процента набежали менее чем за цикл! А до этого еще три, и тоже за весьма незначительный период. Иными словами, с плодом что-то происходило, а что именно — слишком примитивное оборудование медотсека "Корундоры" определить было не в состоянии. Необычные ощущения в области выросшего живота являлись не чистой фантазией беременной женщины, накручивавшей саму себя. Они наверняка имели отношение к тому, что показывала диагностика, и что до сих пор не удавалось идентифицировать.
— Полагаю, ты все-таки делаешь из мухи слона, — вздохнула, поразмыслив, Аулина. — Я бы на твоем месте на этом не зацикливалась. Займись каким-нибудь делом, и ты сама увидишь, как все беспокоящие тебя симптомы исчезнут.
— Каким, например? — насупилась Кимберли. — Вам там что, некому одежду латать? Предлагаешь мне пойти простирнуть бель-

ишко или проинспектировать реактор?
Аулина невольно рассмеялась. Бельишко, кстати, действительно было бы неплохо привести в порядок, вот только на Кимберли его спихнуть все равно не удастся. Дефицит воды не позволял организовать полноценную стирку. В качестве альтернативы соблюдения гигиены Себастьян предложил прокаливать вещи в технической камере, предназначенной для сервисного обслуживания роботов. Реактор так же не подходил, ибо не относился к области умений Кимберли, зато межзвездная связь и аварийный маяк — вполне. Ведь жена Мартина была старшим оператором на центральном узле связи "Элегии" и кое-что смыслила не только в нажатии на кнопки переключения каналов с одного абонента на другого. Возможно, изучив передающее и принимающее оборудование "Корундоры", она сумеет дать какой-нибудь дельный совет. Гарольд, при всех его талантах, не являлся профильным специалистом по части радиокомплекса звездолетов, равно как и Мартин с Себастьяном.

Идея Кимберли понравилась. До сих пор ее никто не привлекал ни к каким важным задачам, исключая помощь пострадавшим в медицинском отсеке. Пожалуй, будет здорово, если она сможет утереть мужчинам нос, который те с самого начала истории с побегом что-то уж слишком задирали. Закончив изучение своего живота, Кимберли перевела оборудование в спящее состояние и в компании Аулины направилась на мостик, где обыкновенно торчал Гарольд.

Старший брат, раздраженно теребя бороду, о чем-то переругивался с младшим. Кажется, последний не проявлял большого энтузиазма по изучению коллектора, причем настолько, что осмеливался препираться с первым. Гарольда хотелки или нехотелки Пауля не интересовали. Ему требовалась информация о содержимом емкостей для отходов, их типе и количестве. Младший брат пробовал схитрить, назвав цифры "с потолка", но старший живо раскусил обман по явным нестыковкам. Теперь, краснея от злости, он велел Паулю хоть лично залезать в каждый бак, если приборы якобы не дают полной картины, и инспектировать его содержимое как заблагорассудится. Пауль возмущался и грозился пожаловаться Аулине. Гарольд злился еще больше и рекомендовал братцу заняться делом, пока его не окунули разок-другой в одну из емкостей. За этим занятием его и застала сестра, явившаяся на мостик вместе с Кимберли. Узрев обеих молодых женщин, бородач прекратил скандал, отключил интерком и удивленно осведомился, зачем те пожаловали. Узнав цель визита, он почесал в затылке, а затем согласился сопроводить жену Мартина на узел связи. Похоже,

Гарольд не слишком-то верил в ее возможную помощь, но отказывать не стал то ли из соображений "хуже все равно не будет", то ли рассчитывая показать, что он и так сделал все возможное.

Узел связи, расположенный в отдельном отсеке на верхней палубе "Корундоры", произвел на креолку не самое лучшее впечатление. Привыкнув к мощному и совершенному оборудованию "Элегии", она не без скептицизма оглядела не слишком мудреную электронику звездолета. Привычные ей режимы вещания и элементы управления попросту отсутствовали. Кимберли с трудом вникала, что на этом судне зачем, изучая кнопки, переключатели, экраны и прочие составляющие кабины контроля. Гарольд, не желая злорадствовать, подсказывал ей какие-то вещи, а затем, когда с осмотром было покончено, предложил прогуляться в антенный блок. Кимберли отказалась, ограничившись вопросом, исправно ли работает аварийный маяк. Бородач вкратце поведал о проведенных с ним манипуляциях.

— Полтора месяца?! — опешила креолка.

— Да, плюс-минус пару-тройку дней, — кивнул Гарольд.

— Почему так много? — пытливо спросила Кимберли.

Как оказалось, брату Аулины, чтобы добиться специфического вещания в пространстве, пришлось изменить частоту излучения передатчика, а это сказалось на его мощности и скорости распространения волны.

— А ты не пытался задействовать элементы межзвездной связи? — подумав, осведомилась Кимберли. — Попробуй замкнуть оба контура и перенаправить мощность с одного канала на излучатель другого. Сам аварийный маяк твою частоту тянет плохо, зато если к нему подключить дополнительную цепь, может и сработает.

— Не сработает, — покачал головой Гарольд. — Идея неплоха, но мы с Мелиюбиусом ее уже проверили. Мощность действительно растет, однако с дополнительного контура в канал начинают лезть помехи. Все бы ничего, да они станут отражаться от любого крупного астрономического тела и в итоге демаскируют нас на огромной площади. Объявись там любой из кораблей "Галактик текнолоджис", и он непременно заинтересуется источником этого эхообразного сигнала. Нет, оборудование для межзвездной связи тут никак не годится, Мелиюбиус заявил об этом однозначно.

— Слышать ничего не хочу о вашем Мелиюбиусе! — с внезапной злостью бросила Кимберли. — Нашелся умник! Я смотрю, быстро вы с ним спелись! Эта консервная банка сообразила использовать корпус звездолета как поглотитель и отражатель? Додумалась погасить помехи в корпусе? Далеко их шумовая волна не уйдет, зато на выходе с антенны вы получите чистый усиленный сигнал нуж-

ной частоты.
— Гм, а это любопытно! — почесал в бороде Гарольд, быстро прикинув в уме схему всей конструкции. — Возможно, даже сработает! Только тебе-то откуда такое известно?
— Да в "Элегии" половина связи на этом завязана! — фыркнула креолка. — Использовать собственную массу астероида и его состав для тамошних инженеров-связистов — азбучная истина! Поглощай лишние частоты одним материалом и усиливай другим — вот и весь сказ! В корпорации не дураки работают, они знают, как использовать каждый пуд этого космического булыжника.
Гарольд, все более удивляясь, попросил Кимберли в общих чертах объяснить, как замкнуть антенну на корпус звездолета. Та, сменив гнев на милость, с удовольствие поделилась знаниями, почерпнутыми ей не только из учебников, но и от коллег-инженеров по "Элегии". В заключение своей лекции креолка даже предложила помочь запрограммировать роботов на выполнение надлежащих операций. Для Гарольда было настоящим открытием, что жена Мартина способна составлять инструкции для дроидов. Та же, довольно улыбаясь, сообщила, что у брата Аулины весьма превратное представление об умениях окружающих его людей. Не иначе как сказывалась самоизоляция бородача от социума.

Обратно на мостик Кимберли вернулась в приподнятом духе, на что и рассчитывала Аулина. Вот только настроение у креолки сразу испортилось, когда она увидела Себастьяна, да не столь его, сколь некую паривщую рядом с ним конструкцию. Ученый явился на мостик по зову Гарольда, прихватив с собой свое творение.
— Это то, что я думаю? — сухо осведомилась Кимберли, окинув взглядом нечто похожее на сиреневый бутон.
Кроме командного состава беглецов, плюс Элмер и Сонмер, творение Себастьяна до сих пор толком никто не видел. Узрев присутствие нового для него человека, Мелиюбиус выставил сенсоры-тычинки, будто пытался уловить даже самые малейшие колебания в пространстве. Ученый, не ожидав столкнуться с подругой своей жены, попытался представить его как полагается.
— И знать не желаю, что это за штуковина и как ее звать! — отрезала Кимберли. — Держите ее от меня подальше!
Сказав так, она резко развернулась и покинула мостик, ни на кого более не глядя.
— Кажется, я ей не понравился, — констатировал Мелиюбиус, провожая молодую женщину сосредоточенным движением немного развернутых лепестков. — Впрочем, в ее положении это и не удивительно.
— Не бери в голову! Ты очень милый и вовсе не штуковина! — из-

виняющимся тоном сказала Аулина, устремляясь за подругой.
Она же не могла ее вот так бросить, не убедившись, что беременная жена Мартина благополучно добралась туда, куда намеревалась. Мелиюбиус поблагодарил невесту своего создателя за тактичность, а затем, когда шаги обеих подруг затихли за пределами мостика, осведомился, зачем его позвали.

Потенциально важные сведения сообщил Элмер. Осматривая реакторный отсек, он особое внимание уделил блоку загрузки ядерных энергетических ячеек. Увы, новых и, тем более, полных он нигде не нашел, зато обнаружил любопытный модуль, предполагавший использование альтернативного топлива. В качестве такового обычно применялся гелий, либо гелий-3. Первый черпался исполинскими сборщиками из газовых гигантов, а второй добывали на лишенных атмосферы каменистых планетах и планетоидах. Элмер, как электрик, знакомый с технологиями реакторов, задался вопросом, возможно ли задействовать этот альтернативный источник топлива, и если да, то в чем именно он заключается? Если в гелии, то на "Корундоре", возможно, удастся наскрести какое-то его количество, перетряхнув все технические хранилища и баллоны с инертными газами.

Мелиюбиус, внимательно выслушав новые сведения, запросил доступ к схеме реакторного отсека и всю имеющуюся по нему документацию, предназначенную для энергетика из состава штатного экипажа. Бородач быстро вывел на экран все необходимое, и Бутон принялся просматривать файлы с поистине космической скоростью. В глазах людей только и мельтешило нечто совершенно неразборчивое, так быстро их необычный помощник проматывал напичканные информацией файлы. Когда он с этим закончил, закрыв последний информационный блок, Себастьян и Гарольд тут же засыпали его вопросами.
— Вы переоцениваете мои возможности, — вежливо отозвался Мелиюбиус. — Мне требуется некоторое время, чтобы хорошенько усвоить совершенно новую для меня тему. Нет, если вы, конечно, желаете, чтобы я спровоцировал атомную катастрофу, то за этим дело не станет. В противном случае лучше не пороть горячку и позволить мне разложить все полученные сведения по полочкам.
Взрыва реактора — сердца звездолета и, пожалуй, единственного узла, чье техническое состояние не вызывало опасений, никто не жаждал. Если Мелиюбиус просит дать ему спокойно поразмыслить, пожалуй, и впрямь не стоит торопить его с выводами. В конце концов, беглецы все равно заперты на "Корундоре" и цикл-другой для них ничего не менял. Ну, исключая неотвратимо приближавшуюся смерть от удушья, однако той, возможно, удастся

избежать, если Мелиюбиус отыщет способ зарядить прыжковые двигатели без ядерных энергетических ячеек.

Внемля просьбам Аулины, хлопотавшей за своего нового знакомца, понравившегося ей ровно настолько, насколько он не понравился Кимберли, Себастьян произвел некоторые конструктивные изменения. Нет, он не оборудовал платформу Сиреневого Бутона манипулятором, отложив это решение на потом. Мелиюбиус жаждал общения? Пожалуйста. Вместо механической конечности, способной нажимать на кнопки интеркома, ученый модифицировал сами кнопки. Теперь одна из них, соединявшаяся со всеми другими интеркомами разом, обладала выступом, вполне достаточным, чтобы ее надавила парящая на антиграве платформа из серого металла. Похожим выступом Себастьян снабдил и другую кнопку, отвечавшую за прием вызова. Да, Мелиюбиус не мог набрать на панели номер интеркома адресата, зато был в состоянии сообщить всем сразу с кем желает побеседовать. Ну, в том случае, если его слова предназначались для чьих-то конкретных ушей, а не всем одновременно. Извещенный адресат сам отправит сигнал в секцию Мелиюбиуса, тот ответит, и — вуаля, беседуйте сколько хотите!

Бутон по достоинству оценил ловкий ход Себастьяна, убившего сразу двух зайцев, и поблагодарил его без всякой иронии. Иметь возможность общаться с людьми — уже неплохой сдвиг для сидящего взаперти пытливого ума. При случае он сумеет позвать кого-нибудь на помощь при обнаружении какой-либо угрозы, либо наоборот — предупредить о выявленной опасности. Прямая связь с Гарольдом, практически поселившимся на мостике, и Мартином, курсировавшим между различными узлами "Корундоры", была очень кстати, учитывая, что оба то и дело обращались за советом к Мелиюбиусу. Даже Себастьян, прежде регулярно наведывавшийся к своему творению, вскоре оценил удобство коммуникации по интеркому. Мелиюбиус на месте? Не сбежал прогуляться по звездолету? Чудно. Чего он поделывает? Какие у него имеются мыслишки, которыми он, возможно, желает поделиться? Мыслишки у Сиреневого Бутона действительно имелись, и он с удовольствием их излагал, особенно если кто-то нуждался в его мнении. Той же Аулине он не просто не стал отказывать в небольшом одолжении, а еще и с радостью согласился сделать то, о чем она просила.

Себастьян запросто мог воспротивиться идее своей невесты, а той не особенно хотелось с ним препираться. Кроме того, не факт что скоро подвернется другой подходящий случай, учитывая неотлучное пребывание Кимберли в медотсеке. Креолка явно не горела желанием столкнуться лицом к лицу с творением Себастья-

на, поэтому, когда она ушла проведать Никки и других родных, Аулина не тянула кота за хвост. Сбегав в запертую секцию, она вызволила Мелиюбиуса и провела его к медицинскому оборудованию. Девушку действительно беспокоило здоровье подруги, и она хотела развеять ее опасения. Если уж посредственный врачебный модуль не в состоянии удовлетворить запросы Кимберли, то под рукой есть тот, кто, вполне возможно, сумеет компенсировать его недостатки. Мелиюбиус уже отлично проявил себя в самых разных областях. Вот и пусть он оценит техническую начинку медотсека, а также внимательно изучит данные, полученные в результате сканирования креолки. Вдруг ему удастся пролить свет на состояние молодой женщины и сообщить, нормально ли протекает ее беременность.

Очутившись в означенном отсеке, Мелиюбиус с энтузиазмом принялся за дело. Беглый осмотр показал, что его техническая начинка и впрямь оставляет желать лучшего. Покрутившись туда-сюда, Бутон нашел кое-что вполне поправимым. Позднее он обязательно сообщит Аулине как оптимизировать функционирование некоторых узлов автоматической лечебной станции и даже качественно их улучшить. Пока же он сконцентрировался на изучении файлов пациентки Кимберли Лансберг. Аулина предоставила своему добровольному помощнику все результаты сканирования и анализов, многократно сделанные женой Мартина. Мелиюбиус, совсем как человек, вдумчиво гмыкал и покрякивал, вникая в суть оказавшейся в его распоряжении информации. Девушка его не торопила, хотя Кимберли могла вернуться в любую минуту, как, впрочем, и Себастьян обратиться в пустующее узилище Бутона по интеркому. К счастью, первая была слишком занята своими родными, а второй по уши завяз в компании Сонмера, Элмера и Мартина где-то в глубине "Корундоры".

— Здесь не хватает биопсии, — наконец-то подал голос Мелиюбиус, отрываясь от видеоэкранов.

— Знаю, — кивнула Аулина. — Но Кимберли боится ее делать на столь несовершенном оборудовании, чтобы не навредить ребенку.

— Придется сделать, иначе я не в состоянии поставить точный диагноз, — сообщил Бутон, вплотную подлетев к девушке.

Та даже не шелохнулась. Кажется, ее совершенно не смущал необычный вид собеседника, а ведь в Третьей Республике не случайно производили роботов совершенно разной внешности.

В зависимости от преследуемой цели, одних искусственных помощников делали максимально похожими на человека, а других — наоборот, подчеркнуто от него отличавшихся. Устройство для технических задач намеренно выполнялось в подчеркнутом образе

бездушной машины, в то время как нянечка для малыша или дворецкий порой были почти неотличимы от живых людей. Таким образом, в обществе одновременно присутствовало множество самых разных дроидов, подразделявшихся на категории. Тот, кто выглядел ходячим контейнером или ожившим станком явно не предназначался для общения, зато человекоподобные роботы не имели никакого отношения к промышленным задачам. Никто не ожидал от передвижной тумбы философских изречений, зато к миленькой электронной гувернантке, будто сошедшей с обложки модного журнала, запросто обращались как к члену семьи. Это был чисто вопрос психологии, хорошенько изученный и проработанный различными университетами. Вопрос естественной человеческой реакции на испуг, душевный комфорт и доверие. По всем установленным критериям Сиреневый Бутон в качестве собеседника ничуть не подходил, тем более такого, с кем начнешь делиться своими сокровенными секретами. Аулина, судя по всему, видела в нем в первую очередь Мелиюбиуса — удивительное и разумное творение молодого ученого, а не внушающий подсознательную тревогу набор сложных высокотехнологичных элементов очень странной формы. Бутон высоко оценил реакцию девушки и проникся к ней почти таким же расположением, как и к своему создателю.

— Так ли уж это необходимо? — осведомилась Аулина, положив ладонь на металлическую платформу у основания сиреневых лепестков.

Это было интуитивное установление контакта, как если бы она тронула другого человека за плечо.

— Да, — без всякой заминки ответил Мелиюбиус. — И вот почему. С Кимберли Лансберг ТОЧНО что-то происходит — в этом сама пациентка, не вылезающая из медотсека, права. И чтобы однозначно диагностировать, что именно, мне требуется биопсия.

Аулина ахнула, отчего необычный помощник тут же попытался ее успокоить. Возможно, ничего серьезного в состоянии беременной женщины нет, но для полной уверенности без указанного анализа не обойтись. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть.

— Да как же я ее сделаю? Кимберли мне не позволит, — поразмыслив, озабоченно протянула Аулина.

— О, это как раз несложно! — живо отозвался Мелиюбиус. — Я тебя сейчас научу. Все, потребуется, это подсунуть ей нужную дозу снотворного, а когда она уснет…

Сиреневый Бутон вернулся в свое узилище очень своевременно. Вскоре раздался вызов от Себастьяна, который интересовался, как обстоят дела с вопросом об альтернативном топливе для

реактора. Поручение от Аулины несколько притормозило процесс размышлений на тему ядерной энергетики, но Мелиюбиус об этом скромно умолчал, сообщив, что ответ пока не готов, однако прогресс по нему налицо. Себастьян отключился, а его детище продолжило размышлять над несколькими задачами разом.

Третий цикл на борту "Корундоры" прошел без особых происшествий, если не считать одного сломавшегося робота. Потеря была незначительной, учитывая общее количество оставшихся. Кроме того, Сонмер был почти уверен, что ему удастся вернуть техническую единицу в строй. К началу четвертого цикла большинство беглецов уже спали, исключая нескольких человек вроде Гарольда и Себастьяна. Бородач наконец-то завершил наладку системы мониторинга над расходом жизненно необходимых ресурсов. Он откалибровал ее настолько точно, что в режиме реального времени мог отслеживать все показатели с объемной погрешностью всего около пинты. Уровень воды его не слишком беспокоил. Той вполне хватало на обеспечение самых первостепенных нужд экипажа, и будет хватать еще достаточно долго. Вот цифры количества кислорода выглядели плачевно. При текущем уровне расхода его запас критически упадет через четырнадцать циклов и три часа, после чего люди сначала потеряют сознание из-за гипоксии, а потом задохнутся. Гарольд продолжал искать способы отсрочить неизбежное, снижая потребление бесценного газа. Для этого он потихоньку отключал различные элементы корабельных узлов, без которых в нынешних обстоятельствах вполне можно было и обойтись. Ведь некоторое активное оборудование в силу естественных физических процессов так же съедало кислород, что являлось незначительным побочным фактором его функционирования. Незначительным в нормальных условиях, но не теперешних. Впрочем, бородач хорошо понимал низкую эффективность своих изысканий. В сравнении с людьми техника тратила кислород очень мало, а людям-то дышать не запретишь. Тем не менее, Гарольд боролся за каждую каплю бесценных ресурсов, считая это единственным залогом выживания беглецов. Так уж всяко лучше, нежели сидеть сложа руки в ожидании неминуемого конца. А там, авось, что-нибудь и произойдет.

Себастьян тоже не спал, хотя и основательно притомился. Пользуясь случаем, он затеял очередной задушевный разговор со своим детищем. Вопрос наличия у того подлинного разума все еще оставался открытым, и такими беседами ученый, помимо прочего, рассчитывал пролить свет на саму суть своего творения. Творение отвечало вполне охотно, делясь с создателем мыслями о собственной природе. Аулина, лежавшая рядом с женихом, слушала их

краем уха и с двумя закрытыми глазами, начиная путать подступавшие сны с реальностью.
— Ты когда уже скажешь что-нибудь про реактор? — пытливо спросил Себастьян. — Неужели тебе требуется столько времени на элементарное изучение документации? Там же наверняка ясно сказано про тип и принцип загрузки топлива.
— Разумеется, сказано. Я это вычитал еще там, на мостике, — неожиданно и совершенно спокойно заявил Мелиюбиус.
— И ты молчал?! — возмутился ученый. — Какого черта ты тогда все еще о чем-то думаешь?!
— То, что я в тот момент мог бы сообщить, никакой пользы не несло и вообще роли не играло, — степенно произнес Бутон. — Именно поэтому я взял паузу на размышление, чтобы выяснить, есть нам хоть какой-то прок от конструктивных особенностей реактора, или нет.
— А ну живо выкладывай, чего ты там узнал! — потребовал Себастьян.
Издав нечто очень похожее на человеческий вздох, Мелиюбиус коротко изложил почерпнутое из компьютерных файлов. Главный реактор "Корундоры" и впрямь мог работать на альтернативном топливе. Собственно, его конструкция оказалась достаточно универсальной, из-за чего и обнаружилось наличие вторичного загрузочного модуля. На данном этапе технологического развития Третьей Республики ядерные энергетические ячейки считались наиболее эффективными, учитывая их размер, вес и коэффициент полезного действия. Они производились в промышленных масштабах на исполинских орбитальных комплексах подле звезд. Реактор, использующий ячейки, заряжал прыжковый двигатель в кратчайшие сроки. С альтернативным топливом на это ушло бы много часов, что считалось экономически неоправданным и даже неприемлемым. Тем не менее, такая возможность существовала. В давние времена вообще все реакторы работали на гелии либо гелии-3, а универсальные — и на том, и на другом. Со временем их заменили более совершенные энергетические установки, заправляемые означенными ядерными ячейками, но именно заменили, а не вытеснили. Устаревший функционал сочли все еще полезным и оставили. Реактор "Корундоры" не оказался исключением. Вот только само по себе это открытие не приносило экипажу ровно никакой пользы. Он мог использовать только гелий-3, а его в распоряжении беглецов попросту не было.
— И ты все это понял ТАМ, СРАЗУ?! — снова возмутился Себастьян. — Так чего ж ты нам до сих пор головы морочишь!
— Потому что я хочу понять, можем ли мы внести изменения в

конструкцию реакторного отсека, чтобы худо-бедно адаптировать его под обычный гелий, или нет, — неторопливо объяснил Мелиюбиус. — На "Корундоре" он в некотором количестве имеется в газовых баллонах.
— Ага. Тогда ладно, — подобрел ученый. — Ну и как? Получится или нет?
— Да не знаю я пока! — без всякого раздражения воскликнул Сиреневый Бутон. — Ты что-то совсем обо мне плохого мнения, дорогой создатель. Неужели ты и впрямь считаешь, что я могу обладать такой критически важной информацией и утаивать ее от тебя?
— Я просто не понимаю, отчего такая задержка, — поправился Себастьян, почувствовав справедливость упрека. — То ты мигом выдаешь потрясающее решение на раз-два, отчего у нас глаза на лоб лезут, то возишься невесть сколько. Если ты такой умный, в чем загвоздка?
Мелиюбиус тихо рассмеялся. Затем, пока ученый, чего доброго, не надумал обидеться, тут же объяснил, тем паче что это объяснение очень вписывалось в общую канву их разговора про сущность Сиреневого Бутона.

Мелиюбиус, без ложной скромности, считал себя умнее большинства людей, но вполне мог уступать наиболее гениальным из них. С точки зрения именно мощи самого ума он не был каким-то запредельно совершенным созданием, в сравнении с которым представители человечества становились жалкими букашками. Его выдающиеся способности основывались на принципиально ином способе постижения, обработки и усвоения информации. В подавляющем большинстве случаев человек изучает любые данные визуальным способом, то есть так или иначе смотрит на них глазами, и куда реже что-то слушает. Точно таким же способом он эти данные и осваивает, представляя перед внутренним взором некую картину. Фактически, люди даже думают словесно-образным способом. Пока они хорошенько не воспроизведут в голове какую-то графическую модель, интерпретированную под индивидуальное мышление, сдвинуть мысль с места никто из них попросту не способен. А это колоссально медленный способ постижения новых данных и анализа старых. Именно в этой области Мелиюбиус имел перед людьми неоспоримое преимущество. Благодаря особенностям своего мышления и физического воплощения, он прогонял через свой разум огромный объем информации с поистине чудовищной скоростью. Это и позволяло ему быстро принимать решения тогда, когда человек откровенно пасовал, попросту не успевая оперировать всеми имеющимися у него данными. Причем не только принимать решения, но и отыскивать де-

фекты в алгоритмах входящих сведений, их ошибки и неточности. Таким вот образом Мелиюбиус сразу же обнаружил конструктивную недоработку поведенческого чипа искусственного интеллекта и с легкостью обходил большинство протоколов защиты, начиная от терминалов "Элегии" и заканчивая звездолетами "Галактик текнолоджис". Пока человек читал одну страничку справочника, Мелиюбиус проглатывал его целиком. Первый еще только начал представлять в уме какую-то проекцию прочитанного, а второй уже свел концы с концами. Мелиюбиус как бы загружал в свой ум всю информационную матрицу разом, отчего хорошо и ясно видел как картину целиком, так и ее отдельные фрагменты в частности. В сравнении со старомодными компьютерами он и человек обладали примерно одинаковым вычислительным процессором, только у человека разрядность шины памяти была восемь бит, а у него несколько МЕГАбит. Это означало, что пока кто-то из людей загрузит себе в голову одну тонкую книгу с огромного множества полок, Мелиюбиус успеет пролистать всю библиотеку до последней буквы. Все, что его ограничивало — это пробелы в информации, особенно в ее пересекающихся областях. Наиболее живой пример можно было привести как раз применительно к задаче с реактором. Мелиюбиус отлично усвоил структуру и принцип работы именно этой модели, имевшейся на борту "Корундоры". Исходя из нее, он получил довольно точные сведения о принципе работы реакторов вообще, но конструктивные особенности модели на гелии, а не гелии-3, ему приходилось додумывать самому. Сведения-то по ней на грузовом звездолете банально отсутствовали! Далее: допустим, он сообразит, как именно модифицировать какие-то конструктивные особенности, преобразовать имеющиеся узлы. Вот только одного технического решения мало! Мелиюбиус практически уверен, что ему удастся нащупать такое решение, однако будет ли от него прок? Требуется точное понимание текущих возможностей людей и сервисных роботов на борту "Корундоры", подробный перечень материалов и уйма прочих сведений технологического характера. Мелиюбиусу было очевидно, причем сразу, что модифицировать реактор прямо в космосе на явно не задуманном для этого судне — задача поистине нетривиальная, если вообще выполнимая. Приходилось уповать на то, что он, благодаря особенностям своего мышления, сумеет придумать нечто такое, чего людям в принципе кажется неосуществимым. Для этого ему необходимо время и самый тщательный анализ как можно большего количества исходных данных. На текущий момент Мелиюбиус уже успел выстроить в уме и забраковать пару десятков различных изменений в конструкции реактора. Чтобы процесс шел быстрее, ему как

раз и требуется побыть в одиночестве и спокойно поразмыслить над очень серьезной задачей. Мелиюбиус еще не знает, решаема она или нет. Оптимизмом головного мозга он не страдает, будучи реалистом. А реальность такова, что шансы вроде бы есть, поскольку ему уже удалось нащупать два теоретически рабочих варианта. Увы, первый из них с вероятностью около девяносто четырех процентов приводил к разрушению реактора. Тот просто не выдержит топорных конструктивных изменений, сделанных в кустарных условиях а-ля "на коленке", и рванет, со всеми вытекающими. Второй же в этом плане условно заканчивался куда благополучнее, и судно почти наверняка совершит прыжок в заданную точку. Вот только экипаж этого не увидит. Радиационное поражение судна убьет на нем все живое еще до выхода из прыжка, и невредимым останется один лишь Мелиюбиус. Что бы там о нем Себастьян не думал, а гробить всех людей, включая молодого ученого и его невесту, в планы искусственного разума никоим образом не входит.

Себастьян внимательно слушал пространный монолог Сиреневого Бутона. Начав с особенностей собственного восприятия, тот аккуратно переключился на порученную ему задачу и очень наглядно разжевал, отчего до сих пор обдумывает ее самым тщательным образом. Вот даже прямо сейчас, разговаривая со своим создателем, его детище прокручивало в уме очередной вариант, поочередно выстраивая этапы его реализации. Похоже, дело снова не клеилось, поскольку беглецы не располагали необходимой технической оснасткой.

— Кажется, я тебя понял, — сказал, наконец, ученый, когда монолог закончился. — Полагаю, ты прав. Внести конструктивные изменения в реактор, причем в действующий реактор, людям в наших условиях просто невозможно. Вся надежда на твое нетривиальное мышление, способное поставить автомобиль на берцовую кость и удержать эту конструкцию в стабильном положении. Сожалею, что я выражал недовольство твоей нерасторопностью.

— Пустяки, дорогой создатель, я не в обиде, — самым дружелюбным тоном ответил Мелиюбиус. — В силу своего восприятия я вижу уйму ошибок и недоработок в окружающих вас привычных вещах и могу быстро их оптимизировать. Однако я не какая-то там высшая сила и подчиняюсь тем же законам физики, что и все. Просто мне проще оперировать большими объемами информации единовременно, выстраивая их в логическую цепь.

Тут в разговор вступила Аулина. Приоткрыв глаз, она осведомилась, долго ли еще парочка собеседников собирается болтать? Тема для разговора, безусловно, очень интересная, только время, знаете

ли, позднее, и некоторым не помешал бы здоровый сон. Себастьян, найдя ее замечание вполне справедливым, оставил Мелиюбиуса в покое. Напоследок тот сообщил, что сделает окончательное заключение по реактору в пределах двух циклов, особенно если Гарольд ему завтра кое-что покажет. Ученый, зевнув, обещал содействие, и Сиреневый Бутон уплыл в свой уголок, а молодые люди благополучно заснули.

Утро четвертого цикла началось без всяких эксцессов. Все беглецы, способные передвигаться самостоятельно, поодиночке и группами приходили в кают-компанию. Там дежурили Ванда, тетя Аулины, и Юния, мать Кимберли. В их ведении находилась раздача еды и напитков из синтезатора, контроль за расходом питьевой воды, а также управление двумя дроидами-официантами. Последние разносили подносы и забирали грязную посуду, относя ее в кухонный блок. Дежурные следили, чтобы каждый получил причитающуюся ему порцию пищи, но при этом не злоупотреблял ни количеством блюд, ни, в особенности, водой. Взрослые обычно хлопот не доставляли, зато за детьми приходилось приглядывать отдельно. Те придумали коварный план и намеревались избежать завтрака, спрятавшись в глубинах "Корундоры", но он был своевременно пресечен Тани, сестрой Сонмера. Она и притащила в кают-компанию упиравшихся Тобиаса, Вайолет и Никки. Строптивая троица явно не горела желанием вкушать неаппетитные лакомства, отчего ее пришлось потчевать едва ли не силком. Сын Кимберли как раз доедал содержимое своей тарелки, преимущественно опустошая ее под стол, а не в рот, когда трапезничающее общество посетили Себастьян и Аулина. Вскоре к ним присоединился Мартин, задержавшийся из-за того, что относил завтрак жене, всю ночь остававшейся в медотсеке. Беседуя с друзьями, он заметил трюк сына, опорожнявшего тарелку совершенно не по назначению. Присев с ним рядышком, Мартин прочитал отпрыску нравоучение, после чего собственноручно наполнил его тарелку заново. На сей раз Никки, любивший отца и признававший его неоспоримый авторитет, скрепя сердце проглотил пищу до конца. Преподав сыну урок, Мартин не забыл похвалить его и за смирение, с которым тот принял наказание. Затем он вернулся к Себастьяну и Аулине. Ученый, орудуя ложкой, посвятил друга в детали своей недавней дискуссии с Мелиюбиусом. Мартин нашел его весьма занимательным, особенно по части реактора. Всем троим хотелось верить, что творению Себастьяна удастся совершить чудо и получить необходимую энергию из гелия. Пусть прыжковые двигатели заряжаются хоть два цикла, хоть три — все не две недели, остававшиеся до обнуления кислорода. Тогда страшная уг-

роза исчезнет сама собой, так как "Корундора" благополучно прибудет к аванпосту "Контилада" и самые большие тяготы беглецов наконец-то останутся позади.

Убегая, дети столкнулись в дверях с всклокоченным Гарольдом. Кажется, тот опять заснул на кнопках управляющей консоли, отчего физиономия пузатого взломщика все еще сохраняла явственные отпечатки прямоугольников и квадратиков. В очередной раз и все так же безрезультатно оправив ладонью помятую бороду, Гарольд плюхнулся на лавку возле Мартина, Аулины и Себастьяна. Глотнув порцию какой-то жуткой отравы, способной нравиться исключительно ему одному, компьютерный взломщик включился в разговор и тоже был посвящен в реакторные заботы Мелиюбиуса. Эта тема волновала Гарольда даже больше остальных, поскольку с недавних пор он отслеживал расход кислорода в реальном времени. Правда, утром была отмечена странная аномалия. Проснувшись, бородач сполз с консоли, где успел "набрать" физиономией массу различных команд и символов, отчего у компьютера едва не поехала крыша, и, прозевавшись, первым делом глянул на текущие показатели. К его удивлению, за ночь уровень оставшегося кислорода не снизился до расчетных тринадцати циклов и двадцати часов, а наоборот — вырос до четырнадцати циклов и восьми часов, став даже больше, чем в начале ночи. Причина внезапного изменения прогнозируемых запасов отыскалась сразу. Судя по показанию датчиков, вроде бы стабилизировавшийся расход кислорода незначительно уменьшился. Уменьшился примерно на три с половиной процента, если отбросить другие знаки после запятой. Элементарный арифметический расчет показал — именно это и вызвало неожиданный рост в тех цифрах, что неумолимо отсчитывали часы до полного опустошения баллонов. Проверив все значения, Гарольд убедился в отнюдь не сиюминутном характере снижения. Ему, понятное дело, захотелось выяснить, чем оно было вызвано. Возможно, он упустил из виду какое-то оборудование, которое в данный момент отключилось и перестало расходовать жизненно важный ресурс. Если это так, следовало его найти и определить, насколько оно необходимо, и потенциально отключить насовсем. В любом случае, причину появления аномалии требовалось отыскать, ибо речь шла об элементарном выживании, а при таких обстоятельствах три с половиной процента способны дать беглецам лишние часы жизни. Часы, за которые они, возможно, сумеют найти решение как избежать грядущей участи.

Гарольд задержался в кают-компании больше чем на четверть часа. Для человека, ведущего крайне замкнутый образ жиз-

ни и обычно не выходящего за пределы своего жилища, это был настоящий прорыв. Выраженной социализацией старший брат Аулины никогда не отличался, поэтому всех удивляло, как он на удивление спокойно переносил общество других людей на "Корундоре", причем даже тогда, когда их было много. Впрочем, он по-прежнему практически не общался ни с кем, кроме сестры, ее жениха и Мартина, словно других членов экипажа и вовсе не существовало.

Закончив разговор, Гарольд поднялся, прихватил с собой два крытых стакана с пластмассовыми накладками поверх металла, где булькала нацеженная им синтетика, и удалился обратно на мостик. Себастьян и Аулина так же стали закругляться, поскольку у обоих хватало дел. Это касалось и Мартина, собиравшегося отправиться на помощь отцу. Все трое как раз ставили свою посуду на поднос, любезно подставленный дроном-официантом, когда в интеркоме внезапно раздался чей-то громкий голос. Точнее, не просто громкий голос, а прямо-таки крик, взволнованный и даже испуганный. Это была Ванда, тетя Аулины. По договоренности с Юнией она взяла на себя обязанность обойти каюты, где лежали те из родственников, которым предписали постельный режим. К ним относились Луизара, Глория, Густав, Джулет и Бассет. Последний разместился в трехместной каюте вместе со своими детьми, Вайолет и Тобиасом. Дети спозаранку убежали, не будя отца, поскольку тот все еще спал, отвернувшись к стене и почти с головой накрывшись одеялом. В таком положении его и нашла Ванда, доставившая сорокадвухлетнему мужчине завтрак и большой стакан воды. Каюта была не заперта. Окликнув Бассета с порога, тетя Аулины прошла внутрь и поставила свою ношу на стол. Поскольку лежавший мужчина не отзывался, она позвала его снова. Ответа не последовало. Ванда уже хотела удалиться, чтобы не беспокоить спящего, но что-то в его позе женщину насторожило. Присмотревшись внимательнее, она испытала прилив необъяснимого беспокойства. Приблизившись, Ванда протянула руку и коснулась плеча Бассета, накрытого одеялом, продолжая звать того по имени. Мужчина оставался совершенно неподвижным. Ванда, чувствуя растущий испуг, начала легонько трясти его за плечо. Одеяло сползло, и теплая ладонь женщины ощутила странный холодок, совсем не присущий человеческому телу. Бассет, повернутый лицом к стене каюты, по-прежнему не шевелился. Отпрянув, испуганная Ванда почуяла неладное и импульсивно ринулась к интеркому. Вдавив на кнопку, она заголосила на весь звездолет, крича, что ей не удается разбудить Бассета. Тот, мол, лежит как камень и ни на что не реагирует. Услышав громко раздававшийся

призыв, люди в кают-компании переглянулись.
— Сидите, я сбегаю посмотрю! — воскликнула Аулина, вспомнив о своих обязанностях медсестры, и тут же убежала.

Проворная девушка живо проделала расстояние между столовой и запасной каютой. У ее дверей она столкнулась с тремя детьми. Услышав по общей связи, что с отцом неладно, Вайолет и Тобиас бросили играть и побежали к нему, а Никки последовал за ними. Велев непоседливой троице оставаться снаружи, Аулина зашла в каюту, где тут же наткнулась на свою до крайности взволнованную тетю. Та указала ей рукой на постель, где по-прежнему лежал совершенно безучастный ко всему Бассет. Девушка подошла к мужчине, склонилась над ним и протянула руку. Затем переместила пальцы и некоторое время подержала их в каком-то невидимом для Ванды месте. На все про все у нее ушло около четверти минуты. Когда Аулина распрямилась и повернулось, ее лицо было чрезвычайно серьезным. Без всяких объяснений она велела Ванде выйти и забрать в кают-компанию детей, которые, не удержавшись, уже заглядывали в каюту. Тетя, вконец охваченная дурными предчувствиями, безропотно подчинилась, впечатленная выражением лица племянницы. Аулина нажала на кнопку интеркома.
— Себастьян, Гарольд, Мартин! Живо сюда! — сказала она.
Куда — уточнений не последовало, но три названных человека и так это сообразили. Вскоре в коридоре раздался шум их торопливых шагов. Первыми явились ученый и конструктор, а последним, с небольшим отставанием, прибыл взломщик информационных сетей, поскольку мостик находился дальше кают-компании. Пустив их в каюту, Аулина заперла дверь, а затем поманила всех троих к постели Бассета. Дрогнувшей рукой она перевернула мужчину лицом вверх. Взору присутствующих представилось его застывшее, словно маска, лицо и недвижные остекленевшие глаза. Бассет был мертв, и мертв уже какое-то время, так как его тело почти остыло. Себастьян охнул, схватившись за край стола. У Мартина, невольно отступившего на шаг, вырвался глубокий вздох. Один лишь Гарольд сохранил внешнее спокойствие. Он тоже был потрясен, как и остальные, но бородач лучше других умел прятать эмоции на людях. Разве что в его голове тут же взрывообразно завертелись различные мысли. У Себастьяна, Мартина и Аулины там сейчас так же ходил настоящий хоровод, но размышления Гарольда кое-чем отличались. Глядя на покойного, тот вдруг сообразил, чем было вызвано необъяснимое до сих пор снижение расходования кислорода и рост его прогнозируемых остатков. Смерть, забрав Бассета, подарила всем остальным беглецам еще

около двенадцати часов жизни.

– 5 –

Морга на "Корундоре" никто не предусматривал, но сохранить тело на огромном грузовом звездолете было несложно. В одну из технических секций на нижней палубе отцы Себастьяна и Мартина провели несколько дополнительных коммуникаций, а часть уже имеющихся наоборот — отключили. Потребовалась всего одна большая холодильная установка, чтобы помещение стало напоминать морозильную камеру. На его стенах образовался иней, а босыми ногами по металлическому полу лучше было не ступать. Потолок мало-помалу покрылся небольшими сосульками. Им было далеко до размера внушительных пещерных сталагмитов, но естественная влажность заиндевевшего воздуха постепенно наращивала морозные образования. Температура в секции не упала как на заснеженном холодном полюсе какой-нибудь планеты, но минус образовался достаточный, чтобы остановить процессы тления. Бассета положили на стальной стол, позаимствованный в одном из отсеков звездолета, и накрыли куском изоляционного материала. Так бедняга нашел свое новое пристанище, переселившись из тесноватой, но вполне удобной и теплой каюты в заледеневший железный склеп.

Иной раз в космосе устраивали похороны, отправляя умершего в последний путь через внешний шлюз. Покойник, лежащий в погребальном контейнере или завернутый в какую-нибудь ткань, мог путешествовать в пустоте тысячами или даже миллионами лет. От звездолета и команды, некогда простившихся с ним подобным образом, иной раз давно уже и праха не оставалось, а он все безмолвно летел в окружении далеких звезд, не ведая ни конца, ни края своего загробного путешествия. Обычно так поступали с теми, чьи тела некому было востребовать, либо же ввиду каких-то чрезвычайных обстоятельств. На грузовом звездолете отсутствовала необходимость немедленно избавляться от скончавшегося человека. Мартин сразу заявил, что намерен похоронить дядю как подобает, и никому не позволит выкинуть покойного в открытый космос. Никаких возражений он не встретил. На "Корундоре" было предостаточно места и возможностей, чтобы сохранить тело до погребения, если таковое последует.

Прощание было недолгим. Его провели сразу после того, как Аулина и Кимберли установили причину смерти. Вайолет и Тобиас, и без того лишенные матери, пребывали в глубоком шоке, потеряв еще и отца. Им дали успокоительное, чтобы дети хоть как-то при-

шли в себя. Остальные родственники так же были потрясены внезапной кончиной Бассета, и каждый выражал это по-своему. Не остались равнодушными и другие семьи, за редким исключением. Кто-то положил умершему бумажную ленту, кто-то сплетенный из разноцветной проволоки цветок. Полноценные проводы беглецы организовать не могли, но постарались сделать хоть что-то, чтобы не быть такими же безразличными к трагедии, как сервисные роботы. Прощание прошло хоть и быстро, но достойно, как и последующие поминки, скромные, однако исполненные подлинного горя и сочувствия.

Причиной смерти послужил все тот же отек, образовавшийся в результате сильного ушиба. Распространившись слишком обширно и глубоко, он создал давление на мозг, перекрыл часть сосудов и спровоцировал сбой в работе задетых нейронов. Этим и была вызвана сонливость, ставшая прямым следствием изменений в работе затылочной доли. В какой-то момент процесс пошел лавинообразно. Бассет, скорее всего, даже ничего не успел почувствовать и просто тихо отошел во сне, перестав дышать. Будь на месте Кимберли и Аулины настоящий врач, он, возможно, смог бы своевременно диагностировать происходящее, только не факт, что ему удалось бы предотвратить беду на посредственном медицинском оборудовании "Корундоры". Увы, навыки молодых женщин не дотягивали даже до профессиональной медсестры, и винить их было совершенно не в чем. И знай они точный диагноз — это практически ничего бы изменило. Аулина и Кимберли сделали все для них возможное, чтобы помочь Бассету, но так и не сумели его спасти. Да и кто бы мог подумать, что ушиб, пусть даже очень сильный, закончится летальным исходом. На поминках обе молодые женщины сидели как в воду опущенные. Им казалось, будто со всех сторон на них устремлены укоризненные и даже осуждающие взгляды — вам, мол, доверили человеческую жизнь, а вы не справились. Лишь спустя некоторое время как Аулина, так и Кимберли осознали, что ни у кого и в мыслях нет свалить на них ответственность за смерть Бассета.

Опеку над Вайолет и Тобиасом взяли Мартин и его супруга. Теперь, что бы ни случилось, они станут относиться к ним как к своим детям, один из которых, Никки, переживал утрату близкого человека ненамного меньше, чем старшие. Другой все еще находился в животе матери, и та по завершении поминок, проходивших в кают-компании, вернулась в медотсек. Теперь, после кончины Бассета, опасения Кимберли удвоились, и Аулина была за нее относительно спокойна лишь потому, что имела некий план, тщательно скрываемый от всех, кроме одного участника заговора.

К нему она и явилась, когда четвертый цикл сменился пятым, а на борту "Корундоры" заснули все, кроме Гарольда и Сонмера. Первый продолжал торчать на мостике, копаясь в управлении системами звездолета. Он постепенно осваивал устаревшее, плохо знакомое оборудование и все глубже постигал структуру судна, одновременно все больше убеждаясь, насколько плачевно положение беглецов. Второй, стараясь отвлечься от мыслей о младшем брате своей жены, чинил вышедшего из строя сервисного робота. Эти мысли были довольно тягостными, так как Луизара очень убивалась из-за смерти Бассета, которого с детства очень любила. Пережитый стресс не пошел ей на пользу, и в области перелома ключицы развилось значительное воспаление. Мать Мартина накачали лекарствами и уложили в каюте спать, а сын приходил проверять ее состояние каждые три часа. Заглядывал к ней и Сонмер, но вместо сна он торчал в огромной мастерской, если ее можно было так назвать, и отдавал все силы труду. Это позволяло пятидесятидевятилетнему мужчине меньше думать о плохом, концентрируясь на поставленной задаче. Сердито сопя и бормоча довольно комичные ругательства, он пытался привести робота в порядок, то предлагая электронным потрохам пойти к черту, а то обещая хорошенько угостить кувалдой. Несколько других роботов так же удостоились внимания техника. По его мнению, им требовалось сервисное обслуживание и корректировка исполняющих программ, куда следовало внести определенные изменения.

Когда Аулина вошла в свою "домашнюю" секцию, Себастьян уже спал, раскинув руки и ноги почти по всей "кровати". Усмехнувшись, девушка не стала его будить, а тихонько проскользнула мимо, ибо состояние возлюбленного ее очень даже устраивало. Поманив стоявшего в уголке Мелиюбиуса, Аулина подошла к терминалу. Там, зашелестев пальцами по клавишам, она вывела на экран файлы из только что подключенного информационного куба. Большие и малые, такие кристаллические кубы использовались в Третьей Республике повсеместно. Почти прозрачные и невероятно прочные, они вмещали колоссальный объем данных. Их форма была признана наиболее удобной и практичной, а надежность относилась к среднему классу высшей категории.

Подъехав к экрану, Мелиюбиус, с разрешения и не без помощи Аулины подключился к терминалу кабелем и в считанные секунды промотал внушительную порцию принесенных ему сведений. Это были запрошенные им медицинские тесты. Помимо биопсии плода, Аулина по наущению своего сиреневого приятеля сделала ряд анализов и самой Кимберли, включая состояние плаценты и спинномозговой жидкости. Последнее, по мнению девушки,

выглядело явно излишним, но она решила довериться Мелиюбиусу, раз уж сама обратилась к нему за помощью.
— М-да, как раз этого я и опасался, — протянул Сиреневый Бутон, закончив анализировать поступившую информацию.
Побледневшая Аулина, едва ли не вцепившись руками в "лепестки", немедленно пожелала объяснений.

Теперь, обладая всей полнотой картины, Мелиюбиус мог с уверенностью утверждать, что опасения креолки были не напрасны. Либо из-за стресса, вызванного побегом из "Элегии", либо какого-то происшествия во время обстрела — случайного электромагнитного излучения или даже механического удара, — нормальное развитие плода нарушилось. В нем отчетливо прослеживались пагубные изменения на клеточном уровне. Сейчас еще трудно было точно определить, как именно выразится патологический процесс, но ничего хорошего он в любом случае не предвещал. Физические аномалии (если не употреблять слово "уродства"), либо же тяжелые врожденные пороки внутренних органов и, как следствие, колоссальные проблемы со здоровьем растущему ребенку становились практически обеспечены. И то лишь в том случае, если плод вообще выживет и дело не кончится выкидышем. Генная терапия в условиях совершенного медицинского оборудования "Элегии" на данном этапе все еще могла исправить положение, однако "Корундора" такими возможностями не располагала. Вскоре же станет слишком поздно даже при обращении к лучшим врачам Третьей Республики. Дефектные клетки вступают в фазу бурного воспроизводства. Вскоре процесс станет очевиден даже для электронного доктора грузового звездолета, при этом медотсек будет не в состоянии оказать Кимберли надлежащую помощь.
— Какой кошмар! — ужаснулась Аулина, осев на крутящееся кресло из сетчатого материала. — Что же нам делать?
— Собственно, ничего, — ответил Мелиюбиус. — Я понимаю, как это сейчас для тебя звучит, но мы попросту бессильны. У тебя лишь два варианта: признаться Кимберли, что ты самовольно сделала анализы, предварительно ее усыпив, либо же хранить молчание. И в том и в другом случае конечный результат, каким бы он ни был, неизбежен. Тебе вряд ли удастся уговорить подругу избавиться от патологически больного ребенка, а даже если удастся, возможно, станет только хуже. Никто из вас этого не замечает, но Кимберли по сути становится той еще истеричкой. Когда у нее в жизни все протекало хорошо, она была милой и всем удовлетворенной. Теперь, при столкновении с многочисленными лишениями, стрессы вывернули другую строну ее натуры, которая вам вряд ли понравится. Об этом красноречиво свидетельствуют из-

менения в ее нервной системе.
Аулина приуныла. Сперва она хотела едко поинтересоваться, на кой ляд тогда Мелиюбиусу понадобились все эти анализы, если он все равно ничем не в состоянии помочь. Вопрос замер у нее на губах, так как девушка сама сообразила, что сиреневый помощник не обязательно рассчитывал именно на такой диагноз. Ведь в каком-нибудь ином случае он наверняка сумел бы составить программу надлежащего лечения.
— Дашь какой-нибудь совет? — только и спросила Аулина у деликатно молчавшего Сиреневого Бутона.
— Мне трудно судить со своей колокольни, особенно вас, молодых женщин, одна из которых беременна ущербным плодом. То, что будет логично и правильно для меня запросто окажется возмутительным и неприемлемым для вас, — неторопливо отозвался Мелиюбиус. — В такой ситуации лучше бы отделаться отговоркой, но я благодарен тебе за хорошее ко мне отношение. Поэтому рискну предложить: попробуй убедить Кимберли согласиться на эти тесты официально.
Он пояснил. Ужасная тайна, которая сейчас тяготит Аулину, автоматически развеется, когда жена Мартина узнает о своем положении самостоятельно. Более того, не просто узнает, а и сама сделает выбор по собственному желанию. Уговорить ее, скорее всего, удастся, учитывая личностные качества и настойчивость Аулины. Теперь, осведомленная о критической необходимости анализов, она наверняка найдет подходящие аргументы. Кстати, биопсию и делать-то не придется, во всяком случае, сразу. Аулина вполне может использовать уже имеющиеся образцы тканей, пообещав Кимберли безболезненное и совершенно незаметное врачебное вмешательство. Это кстати, послужит отличным прикрытием, если на теле креолки остались какие-нибудь следы от недавнего забора биоматериала.

Поблагодарив Мелиюбиуса за помощь, донельзя расстроенная Аулина забралась на постель к Себастьяну, немного потеснив того с занимаемой площади. Жених что-то неразборчиво буркнул сквозь не отступавшие грезы и повернулся на бок, беспечно сопя носом. Девушке такое счастье упорно не перепадало. Она очень устала, но сон к ней никак не шел из-за неугомонно вертевшихся в голове мыслей. Подложив руки под голову, Аулина смотрела в потолок с погашенной осветительной панелью, где шли какие-то кабели и трубы, однако видела медотсек и Кимберли. Она пролежала так с полчаса, когда вблизи послышался тихий характерный звук антиграва. Приподняв голову, девушка узрела парившего рядом Мелиюбиуса.

— Ты чего? — негромко удивилась она.
— Я помогу тебе заснуть, — шепнул Сиреневый Бутон. — Мое знание человеческой физиологии усовершенствовалось. Я способен излучать различные волны, отчего и модулирую понятную тебе речь. Но сейчас я излучаю и кое-что другое. Откинь голову на подушку и закрой глаза. Не противься создаваемому мной эффекту.
Аулина послушалась, не очень-то веря в успех. Внезапно она почувствовала приятную истому, быстро распространившуюся на все тело. Тревога и бессонница уходили. На смену им в каждой клетке девушки разливались тепло и покой. Глаза стали слипаться. Мысли в голове улеглись, убегая куда-то вдаль, а перед внутренним взором рождались и росли удивительно прекрасные грезы. Аулине казалось, будто ее погрузили в океан, наполненный какой-то умиротворяющей и чарующей жидкостью, не только ласкающей тело, но и проходящей его насквозь. Она хотела сообщить о своих ощущениях Мелиюбиусу, но на уста будто легла печать ленивого блаженства. Все существо девушки не желало нарушать накатившее состояние, чтобы не развеять восхитительное колдовство.

Когда Аулина уснула, Мелиюбиус еще минут сорок заботливо стоял рядом, воспроизводя сложнейшее хитросплетение невидимых глазу волн. Его сиреневые лепестки слабо светились, отчего он напоминал большой узорный ночник, включенный хозяевами спальни для лучшего комфорта. Лишь убедившись, что невеста его создателя сладко почивает, Мелиюбиус прекратил терапию и вернулся в свой угол додумывать ряд поставленных перед собой задач.

Проснувшись поутру, Гарольд первым делом проверил показатели кислорода на системе мониторинга. Прогнозируемые запасы показывали тринадцать циклов и два часа. Почесав в затылке, бородач стал размышлять, отчего два, а не восемь. Ответ пришел после изучения электронного журнала, который Гарольд додумался запустить в связи со смертью Бассета. Из-за пережитой драмы люди некоторое время потребляли больше кислорода, что вполне характерно для их жизнедеятельности. Кроме того, судя по косвенным признакам в виде состава атмосферы по отсекам, Кимберли Лансберг так же слегка увеличила расход. Что ж, шедшая к завершению беременность и взвинченное состояние были тому очевидной причиной. В целом же все оказалось в порядке, и Гарольд спокойно покинул мостик, отправившись в кают-компанию.

Почти сразу за дверью, раскрывшейся в ответ на приближение человека, бородач обнаружил одного из роботов. Все они выглядели по-разному, но конкретно этот напоминал перевернутый

острием к полу конус. Ближе к его кончику, в несколько рядов, крутились кольца антиграва, позволявшие устройству парить и перемещаться. Вокруг верхней части конус опоясывали сенсоры и датчики, напоминавшие светящиеся глаза-пуговички. В снижавшихся книзу боках имелись пазы для манипуляторов, как и один на выпуклой макушке робота, предназначенный для излучателя. В данный момент манипуляторы были выпущены и озабоченно шарили по стене коридора, напоминая гусеницу, безуспешно пытающуюся нащупать край высокого придорожного бордюра. В эту стену робот и тыкался, будто слепой щенок, не иначе как с завидным упорством выискивая проход там, где его попросту не было. Гарольд, подивившись на забавное зрелище, подошел к роботу и интереса ради осторожно повернул его вокруг своей оси. Тот перестал суетиться и замигал огоньками всех глазок-пуговиц. Манипуляторы, доселе сновавшие по стене, втянулись внутрь корпуса. Перестав покачиваться туда-сюда, робот зашелестел антигравом, негромко и мелодично пиликнул, а затем неторопливо отправился куда-то по коридору и скрылся за ближайшим углом. Хмыкнув, Гарольд пожал плечами и сам пошел вперед, только он не свернул за чудившей техникой, а проследовал в кают-компанию.

Большинство членов экипажа уже успело позавтракать и удалиться. После вчерашнего печального происшествия никому особо не хотелось засиживаться и вступать в светские беседы. Даже в детей никто еду старательно не пихал, щадя их психологическое состояние. Теперь с ними постоянно кто-то находился, но когда Гарольд переступил порог столовой Вайолет, Тобиас и Никки уже ушли, сопровождаемые новоиспеченными няньками. За большим столом сидели только Мартин, Элмер и Сонмер, а по соседству принимали пищу Глен, Йонас и Анатоль, как входившие в состав бригады техника и электрика. Впрочем, в столовой нашелся и еще один человек, тут же решивший ее покинуть при виде Гарольда. Это был Пауль, устроившийся отдельно от остальных. Старший брат, с неприсущей ему прытью резво догнав младшего, осведомился, как дела в коллекторе. Пауль хмуро ответил, что он все уже сообщил отцу Мартина и добавить к этому нечего, после чего рывком высвободился и удрал. Гарольд не стал его преследовать. Отпустив братца восвояси, он подсел к троице за большим столом и осведомился, есть ли какие-нибудь новости.

Состояние коллектора привлекало особое внимание отнюдь не просто так. Вода, откачанная Элмером и Сонмером при первом визите в отсек жизнеобеспечения, не поступила в систему рециркуляции, ибо подверглась аварийному сбросу. Она ушла в коллектор, и ее дальнейшая судьба была неизвестна. Правда, система

рециркуляции все равно не работала, учитывая последствия разрушительного взрыва, зато коллектор исправно функционировал и содержимое его емкостей никуда не исчезло. Слитая вода в изрядном, между прочим, количестве, должна находиться там, а если так, ее, возможно, удастся извлечь и найти ей достойное применение.

Интерес Гарольда был совершенно понятен и без отдельного пояснения. Сонмер уже и сам догадался о пользе громадного бака с ценной жидкостью, даже если она напрямую непригодна для бытового использования. Степень загрязнения требовалось установить непосредственно на месте, чтобы определить дальнейшую судьбу отработанной воды. Если беглецам повезет, ее удастся очистить подручными средствами и применить хотя бы для стирки и мытья. В крайнем случае, жидкость можно попытаться выпарить, если уж с ней совсем все плохо. В качестве обеззараживания вполне сгодится излучение, схожее с тем, каким сейчас прокаливали белье в специальной технической камере. Главное, чтобы система управления коллектором не смешала сброшенную воду с какой-нибудь жутко ядовитой или вонючей гадостью, после чего всякая возня с ней станет себе дороже.

Вернувшись на мостик, Гарольд позвал Себастьяна, ушедшего в исполинский грузовой отсек инспектировать контейнеры. Иллюзий, разумеется, на сей счет никто не строил. На чудо, что внутри одного из них окажутся баллоны с кислородом или ядерные энергетические ячейки, рассчитывать не приходилось. Опись всего содержимого имелась в базе данных главного компьютера "Корундоры". Никакого подходящего топлива или, хотя бы, пищи там не было. Тем не менее, осмотр представлялся отнюдь не лишним на предмет всяких неожиданностей. Мало ли что откуда сыплется или течет, способное представлять если и не прямую, то косвенную угрозу. Датчики ведь уже фиксировали какое-то движение в грузовом отсеке сразу после взрыва. Тогда это оказались раскатившиеся металлические цилиндры, на поверку не представлявшие никакой опасности. Внутри находилась бионическая материя, произведенная в "Элегии" для нужд одного из своих филиалов. Однако следовало держать ухо востро. Еще не хватало, чтобы и без того бедственное положение беглецов осложнила какая-нибудь новая напасть.

Явившись на зов, Себастьян сообщил, что ничего интересного или тревожного пока не обнаружил. Гарольд осведомился, как поживает Аулина, которую он сегодня еще не видел. Ученый, как выяснилось, тоже лицезрел свою возлюбленную лишь мельком. Поднявшись с постели, та наскоро поцеловала жениха и куда-то

упорхнула с очень сосредоточенным выражением лица. Мелиюбиус, вероятно, был в курсе ее намерений, поскольку уже у двери Аулина отпустила ему весьма подозрительную реплику — мол, спасибо за помощь. Чтобы не обижать девушку, Себастьян не стал приставать к своему детищу с расспросами, тем паче, что детище снова попросило уединения, по уши занятое проблемой реактора. Ученый, наскоро перекусив, ушел в грузовой трюм, откуда и был вызван Гарольдом. Последнему снова потребовались профессиональные знания Себастьяна и вскоре оба с головой погрузились в какие-то технические дебри, недоступные пониманию никого из других людей на "Корундоре" кроме, разве что, Мартина.

Аулина, даже не позавтракав, убежала в медотсек. Она изумительно выспалась и дала себе обещание при первом удобном случае расцеловать заботливого Мелиюбиуса. Сейчас же ее занимала одна лишь Кимберли. Та отыскалась ровно там, где и предполагалось, а именно на ложе для сканирования. Очередное процентное изменение в состоянии плода было налицо, отчего настроение креолки, да еще после кончины Бассета, находилось ниже плинтуса. Аулина, до сих пор всячески успокаивавшая подругу, диаметрально сменила тактику. Она стала ее стращать, аккурат приводя в пример внезапную смерть дяди Мартина. Мол, вот так прозеваешь скрытое течение болезни — и пиши пропало. Лучше уж рискнуть и сделать биопсию, да и вообще все, что потребуется, а не ждать неизвестно чего, рискуя здоровьем и будущего ребенка и своим собственным. Пребывая под изрядным впечатлением, полученным в результате удручающего диагноза от Мелиюбиуса, Аулина проявила немалое красноречие. В уши Кимберли лилась одна впечатляющая страшилка за другой, и в результате та настолько разнервничалась, что согласилась на любые процедуры. Аулина, только того и ожидая, от деятельности словесной перешла к деятельности медицинской. Предложив Кимберли лежать, она великодушно взяла на себя все обязанности по управлению машинами, обещая выполнить вмешательство быстро, надежно и безболезненно. Так оно и вышло, учитывая, что Аулина воспользовалась советом Мелиюбиуса. Никаких анализов она не взяла, лишь имитировав процесс их забора. Девушка простонапросто подсунула компьютеру еще вчера полученные ей данные, подменив дату, время, и внеся изменения в журнал операций. Кимберли, вполне удовлетворенная и впрямь умелыми действиями подруги, впилась взглядом в информационный экран, ожидая завершения диагностики.

Компьютер медотсека Аулину едва не подвел. Он действительно выдал предупреждение, но сперва оказался не в силах точ-

но описать выявленную проблему. Беззвучно ругаясь, Аулина, заговаривая зубы Кимберли, активно орудовала управляющей консолью якобы для запуска уточняющих программ. На деле она фактически тыкала электронного врача носом туда, куда заведомо знала, просвещенная разобравшимся во всем Мелиюбиусом. С такими прямыми подсказками искусственный интеллект медотсека наконец-то определил, с чем имеет дело, и огорошил Кимберли поставленным диагнозом.

Креолка пришла в ужас. Диагноз, пусть несколько упрощенный и менее пугающий в сравнении с тем, что сообщил Аулине сиреневый помощник, произвел на нее неизгладимое впечатление. Кимберли перечитала его несколько раз и сама перепроверила все данные, вновь и вновь перезапуская аналитические программы. Увы, ошибка исключалась. Холодея, беременная женщина осознала, что носит под сердцем того, кто прямо сейчас обрастает какими-то немыслимыми патологиями и уродствами. Сканирование их все еще не показывало, однако биопсия и генный анализ уже вынесли свой пугающий приговор. Аулина утешала подругу как могла. Она и впрямь чувствовала облегчение, обещанное Мелиюбиусом, поскольку более не несла на своих плечах груз психологически тяжкой тайны. С другой стороны, девушка явно недооценила возможную реакцию Кимберли, натурально закатившей истерику. Понадобилась внушительная доза успокоительного, чтобы креолка более-менее утихомирилась, перестав заламывать руки и метаться из угла в угол. Аулина, глубоко переживая за бедную молодую женщину, спросила, не позвать ли Мартина. Кимберли снова ужаснулась. Сообщить мужу о том, что она беременна неизвестно кем с неизвестно каким набором отклонений, у нее не хватало ни желания, ни решимости. Конечно, рано или поздно супруга придется известить, но вот прямо сейчас Кимберли была к этому явно не готова. По большому счету, сейчас она была вообще ни к чему не готова! Не приходилось и мечтать, что креолка быстро и вот так запросто решит, как поступить с ребенком. Осознав это, Аулина вколола ей еще одну дозу успокоительного, а так же дала хорошо рассчитанную порцию снотворного. Кимберли, затихнув, улеглась на ложе для сканирования. Пока она засыпала, из ее глаз катились слезы, а дыхание постоянно прерывалось тихими всхлипываниями. У Аулины аж сердце разрывалось, и она чувствовала себя настолько скверно, будто являлась причиной несчастья подруги.

Очередной осмотр пациентов настроения невесте Себастьяна ничуть не прибавил. Их состояние не ухудшилось, но и не улучшилось. Стараясь не разбудить Кимберли, Аулина неторопливо и умело провела очередной сеанс лечения со всеми нуждавшимися в

этом людьми. Разве что Никки быстро поправлялся, ибо его запястью изначально не так уж сильно досталось. Не стоило переживать и за Пауля, больше ломавшего комедию, нежели и впрямь страдавшего из-за перелома. Кость, благодаря регулярно вводимому составу, быстро срасталась, а повреждения тканей и не было. Аулина сообщила младшему брату, что вскоре можно будет снять фиксирующую повязку. Тот воспринял новость весьма скептически и поспешил удалиться из медотсека, пока сестрица, чего доброго, не надумала проделать это прямо сейчас. Тогда Гарольд наверняка придумает ему работенку похлеще. Следом за ним ушла и Аулина. Воспользовавшись интеркомом, она под благовидным предлогом разузнала, где находится Мартин, и отправилась прямиком к нему. Девушка хотела аккуратно его подготовить, а затем заслать к Кимберли, создав, таким образом, подходящую атмосферу для разрешения их семейной драмы.

Мартин отыскался в топливном отсеке. Памятуя о потенциально возможной модификации реактора, он решил заранее найти как можно больше емкостей с гелием. В цистернах с топливом, предназначенным для тяговых двигателей, его, разумеется, не было. Вот вспомогательные системы, включая ту, которой недавно воспользовались Элмер и Сонмер при тушении огня, представлялись вполне вероятным объектом для поисков. Кто-то мог бы заметить, что проще не искать иголку в стоге сена, а заглянуть в записи бортового компьютера. Мартин и заглянул. Сведения о предполагаемом наличии гелия там действительно имелись, просто они носили достаточно расплывчатый характер. В указанных хранилищах мог оказаться любой из нескольких инертных газов, пригодных для типовых технических задач. Лишь в шестой по счету емкости Мартин наткнулся на долгожданный гелий и немедленно проверил его уровень, изучив показания датчиков и манометров. Вошедшая в секцию Аулина, впрочем, застала его совсем за другим занятием. Мартин, стоя возле сервисного робота, копался в его электронной начинке, вскрыв спинную панель. Электромеханический помощник не двигался, а лишь попискивал на разные лады и переливался огоньками диодов в ответ на действия человека. Робот напоминал бочку, только не круглую, а овальную, установленную на юбкообразную платформу с типовым антигравом. "Бочка" была увенчана чем-то похожим на спутниковую тарелку в виде ложки, предназначенную для приема и передачи различных волн. Слева и справа от корпуса у робота виднелось подобие плеч, под которыми выступали вперед довольно внушительные цилиндры конечностей. Это придавало ему сходство со стационарными поворотными турелями, так как у тех подобным образом выгляде-

ли стволы орудий. Конечности робота не заканчивались дулами либо же излучателями. Обладая универсальным коннектором, они заканчивались всяческими насадками, начиная от плазменного резака и заканчивая пневматическим установщиком заклепок. Насадки появлялись и убирались в стальной корпус машины по мере необходимости их использования. Элмер и Сонмер обычно ходили с целой бригадой таких вот механических помощников, используя их разнообразные возможности для выполнения ремонтных работ.

Заслышав чьи-то шаги, Мартин поднял голову и узрел остановившуюся рядом Аулину. На ее лице витало весьма изумленное выражение. Нет, девушка не удивилась занятию Мартина, за которым его застала. Точнее, она удивилась не столько ему, сколько увиденному вокруг. На ближайшей стене, выполненной из тугоплавкого металла, виднелось несколько внушительных дыр, будто кто-то пытался прожечь ее насквозь, нащупывая для этого уязвимое место. Парочка оплавленных отверстий около фута в диаметре зияла и в полу. Ближайшая емкость оказалась продырявлена сразу в полудюжине мест. К счастью, она была пуста, отчего и не взорвалась под давлением высвобождаемого инертного газа. Робот, вооруженный плазменной горелкой, представлял собой очевидную улику, с головой выдающую злоумышленника.

— Ты чего тут натворил? — окинула Мартина взглядом с головы до ног Аулина.

— Я понимаю, как все это выглядит, — смутился тот, прерывая свое занятие.

Робот, испустив переливчатую трель, качнулся было вперед, но Мартин нажал какую-то внутреннюю кнопку и агрегат застыл на месте, помаргивая огоньками.

— Это выглядит так, будто ты либо собрался раздолбать корабль, либо всего лишь хотел разрезать тот бак, но здорово напахал по части программирования, — усмехнулась девушка.

Вытерев руки от смазки, видневшейся на подвижных узлах вскрытой техники, Мартин поспешил объяснить. Инспектируя топливный отсек секцию за секцией, он пришел сюда и увидел сервисного робота. Тот сосредоточенно дырявил стену без всякой видимой причины. При этом на полу уже имелись наблюдаемые ныне повреждения. Пока оторопевший конструктор турелей созерцал вопиющее безобразие, диверсант вдруг переместился и переключил внимание на бак. Мартин, ужаснувшись, сообразил, что поздно звать кого-нибудь на помощь. Он ринулся к роботу, решив не дожидаться очередной потенциально опасной диверсии. Плазменной струи Мартин не опасался, поскольку злодей находился к нему

спиной. На проникновение в свои потроха робот никак не отреагировал, продолжая сосредоточенно вспарывать емкость для инертного газа. Мартину крупно повезло, что та оказалась пустой, ибо пока он остановил процесс разрушения, конечность с горелкой успела придать большому баку некоторое сходство с пресловутым швейцарским сыром. Разорвись хранилище под внутренним давлением — и для человека все могло закончиться весьма печально. Прекратив вредительство явно спятившего робота, Мартин откатил его в сторонку и принялся наводить порядок в электронных внутренностях. За этим занятием его и застала вошедшая невеста Себастьяна.

— Да ладно, я верю, — усмехнулась Аулина. — Не могу представить, зачем бы тебе понадобилось учить робота жечь все подряд плазменной струей.

— Я вот не знаю, вправить ему мозги прямо здесь, либо же отправить в сервисный центр, — сказал Мартин, постучав пальцами по металлическому туловищу.

— А ты, значит, тоже умеешь чинить и программировать роботов? — не без удивления отметила девушка.

— Не так хорошо, как отец, — улыбнулся конструктор. — Однако кое-что я и впрямь могу. Профессия, знаешь ли, обязывает. Турели и установки залпового огня — те же роботы, просто менее подвижные, и служат не для созидания, а разрушения. Кстати, а ты зачем пришла?

Аулина пустилась в пространные объяснения, мало-помалу подводя Мартина к главному. Она ловко воспользовалась моментом и пока собеседник продолжал возиться с обездвиженной машиной вливала ему в уши хорошо подготовленные слова.

При драматической сцене, произошедшей в медотсеке, Аулина не присутствовала. Она обставила все так, чтобы муж и жена могли переговорить обо всем наедине. Чье-либо присутствие было совершенно нежелательным, поэтому Аулина и сама держалась оттуда подальше, решив избежать роли досадного свидетеля. К счастью, Кимберли ее не позвала, иначе пришлось бы придумывать какую-нибудь отговорку. Впрочем, за последней дело не стало. Мелиюбиус наконец-то созрел насчет реактора, о чем и сообщил по интеркому. Он изъявил желание рассказать об этом не только своему создателю, но и другим старшим членам экипажа. Старшим не по возрасту, а по взятым на себя обязанностям. Себастьян доставил Мелиюбиуса на мостик, где практически неотлучно находился Гарольд. Туда же пришли Элмер и Сонмер, а сразу за ними прибежала и Аулина. Отсутствовали лишь Мартин и Кимберли, но девушка тут же заявила, что у супругов очень серьезное семей-

ное дело и она никому не позволит их беспокоить. Ну, раз так, то все были в сборе, и Мелиюбиус, приподнявшись на своем антиграве повыше, будто взобравшись на кафедру, начал излагать свои соображения.

Надежда на искусственный разум рухнула. Ему не удалось отыскать техническое решение, чтобы зарядить главный реактор "Корундоры" гелием. Все модификации либо вели к разрушению энергетического отсека, то есть к той или иной степени катастрофы, либо заканчивались мощным радиационным поражением. Да, Мелиюбиус нащупал и пару вполне рабочих вариантов, не заканчивающихся гибелью корабля либо его экипажа. Увы, для их реализации у беглецов элементарно не хватало технической оснастки. В каком-нибудь доке, даже у самой обычной космической станции, экипаж вместе с сервисными роботами и под руководством Мелиюбиуса почти наверняка сумел бы сделать необходимые преобразования. Вот только в открытом космосе, располагая минимальным инструментарием, сие становилось попросту невозможно. Будь реактор хотя бы выключенным, беглецам удалось бы худо-бедно осуществить желанную модернизацию. В активном состоянии он представлял известную опасность, превращавшуюся в поистине смертельную, когда речь заходила о вскрытии определенных контуров. В теоретическом моделировании ситуации, проведенном неоднократно и весьма тщательно, это и приводило к гибели людей, причем гибели неминуемой. Все же обходные конструктивные изменения становились либо бесполезными, либо критически несостоятельными, вплоть до разрушения узлов и последующей детонации. Мелиюбиус мог утверждать это наверняка. Он достаточно долго размышлял над проблемой, чтобы сделать столь неутешительный, но окончательный вывод.

— Значит, нам конец, — мрачно изрек Элмер, когда сиреневый докладчик закончил, и на мостике установилась зловещая тишина.

— Я бы не стал так сразу сдаваться, — заметил Мелиюбиус.

— Тебе легко говорить! Ты-то в любом случае уцелеешь — сын мне малость порассказал о твоей конструкции! — буркнул Сонмер. — А нам на что прикажешь рассчитывать? Что мы можем?

— Ну, например, получить кислород из отработанной воды. Той, что сейчас должна находиться в коллекторе, к которому столь пристальное внимание проявляет Гарольд, — выдвинул предложение Сиреневый Бутон, оживленно шевеля тычинками сенсоров. — Я прав, Гарольд?

Последняя реплика, адресованная бородачу, заставила брови последнего поползти вверх.

— Да, клянусь своим гениальным брюхом! — воскликнул он, почесав упомянутую часть тела. — Только ты-то как об этом узнал?!
— О, тут не надо быть семи пядей во лбу, — приятным на слух смехом рассмеялся Мелиюбиус. — Простейшая цепь не менее простейших рассуждений на основе всем известных данных.
— Вот как?! — опешил Сонмер. — А мы думали использовать воду для питья и всяких бытовых нужд!
— Иными словами, уж простите меня за резковато звучащую фразу, вы как раз и не думали, — мягко прокомментировал сиреневый член экипажа. — Растрачивать бесценную воду в столь катастрофических условиях, когда она сама содержит растворенный в ней кислород, а затем на него же с водородом еще и распадается — это как раз по-человечески.
— О чем это ты?! — насупился Элмер.
— Он хочет сказать, что люди привыкли опрометчиво расходовать ресурсы, и у них вошло в привычку не задумываться о рациональном их использовании, — быстро вступилась за своего нового друга девушка.
— Да, именно это я и подразумевал, — тут же изрек Мелиюбиус. — Спасибо, Аулина, ты правильно поняла, и вообще быстро соображаешь. По-моему, твою ценность для экипажа многие здорово недооценивают.
— Не отклоняйся от темы, пока я не начал ревновать! У вас и так, как я подозреваю, давеча был какой-то заговор, — усмехнулся Себастьян.
— Я могу продолжить за него, — заявил Гарольд и быстро изложил свои соображения.

Внушительный объем воды, потерянный в центре распределения ресурсов во время пожара и последующего ремонта, привлек к себе внимание, когда бородач выявил острый дефицит кислорода с крайне неблагоприятным прогнозом потребления. Сначала он, как и другие, рассчитывал вернуть живительную влагу в прежнее состояние, то бишь сделать ее доступной для употребления традиционными методами. Осознав всю тяжесть положения беглецов, Гарольд придумал воде более актуальное применение, учитывая, что смерть от жажды экипажу как раз и не грозила. Теоретически, обладая достаточным количеством энергии, разложить H_2O на водород и кислород не представляло особого труда. Энергия в распоряжении людей имелась. Ее не хватало на прямой синтез, тем паче было бы из чего, однако разделить готовую воду на составляющие — совсем другое дело. Требовалось лишь сконструировать подходящую установку и подвести расчетное питание, чтобы на выходе получить желаемый результат. По идее, на "Ко-

рундоре" отыщется все необходимое, чтобы состряпать пускай грубое, но вполне эффективное устройство для осуществления задуманного. Гоняя Пауля в коллектор, Гарольд уже держал в уме такую установку, и всячески обмозговывал варианты ее воплощения. Мелиюбиуса он до поры не трогал, поскольку тот был занят размышлениями о модификации реактора. Теперь, когда оба великих ума — бородач явно не страдал избытком скромности — пришли к одному и тому же выводу, эти умы, надо полагать, сумеют смастерить все как надо и дать экипажу дополнительный кислород. В том случае, разумеется, если удастся извлечь воду из коллектора и очистить ее в должной мере.
— Полагаю, удастся! — воодушевленно заявил Сонмер, заметно оживившись, когда дурная новость сменилась хорошей.
Они с Элмером и помощниками из числа мужчин уже успели покопаться в коллекторе, основываясь на разведданных Пауля. Точное местонахождение емкостей с водой было определено. Оставалось выяснить, перемешана ли она с какой-либо иной субстанцией, и если да, то насколько. Откачать содержимое емкостей вообще не проблема. Бригада людей и роботов под руководством Сонмера и Элмера пробурит технические отверстия и установит сливные трубы. Надо лишь решить, куда именно сливать. Вопрос очистки так же решаем, как и все остальное, и его сложность напрямую зависит от степени загрязнения воды. Вот дальше — уже забота ученых умов в лице Гарольда, Мартина, Себастьяна и их странного железного приятеля, известного как проект Овербридж и так же именуемого Мелиюбиус.
— Тогда не будем терять времени! — подытожил бородач. — Разделим наши усилия. Группа техников пусть занимается коллектором. Мартин, сейчас отсутствующий, осмотрит подходящие блоки и секции звездолета, чтобы лично убедиться в их пригодности для запланированной обработки воды. Пожалуй, Аулина ему в этом поможет. Я, Мелиюбиус и Себастьян займемся созданием очистного контура, ибо таковой наверняка понадобится. Мы же придумаем из чего собрать и где поставить агрегат для получения кислорода. Водород, как побочный продукт, будет закачан в пустые баки и баллоны. На "Корундоре" таких сейчас хватает. Вопросы есть?
Вопросы были, но не возражающего, а уточняющего характера. Гарольд отвечал, периодически привлекая Мелиюбиуса. Какие-то комментарии вставлял и Себастьян, и даже Аулина не сидела молча, отлично усвоив новый план. Успев побегать по звездолету, она имела на примете несколько подходящих отсеков, о чем и сообщила. Девушка вызвалась отправиться в обход незамедлительно, желая прихватить с собой Мелиюбиуса. Против первого никто не

возражал, однако во втором ей отказали. Во-первых, Себастьян не хотел выпускать свое творение свободно шастать абы где. Во-вторых, Гарольд заявил, что Мелиюбиус нужен ему здесь, на мостике. Аулина скривила мордашку, но спорить не стала. В любом случае она стремилась как можно быстрее удалиться сразу после совещания, чтобы избежать встречи с Мартином и Кимберли. Те сейчас вряд ли будут лучиться счастьем, учитывая трагедию беременной женщины, и Аулине очень не хотелось попадаться им на глаза.

Заканчивая собрание, Гарольд протянул руку за стаканом с адским питьем, любезно поднесенным небольшим летающим дроном. Его пальцы неожиданно ухватились за пустоту. Дрон внезапно спикировал к полу, уронив свою ношу. Едва не шлепнувшись на металлический, в дырочках, пол, он завис над ним в паре дюймов и озадаченно запищал. Содержимое опрокинутого стакана выплеснулось, и Аулина выразила ироничное удивление, что оно не прожгло сталь.

— Какого лешего с этими железяками происходит?! — возмутился Гарольд, созерцая натуральное безобразие. — Второй раз уже наблюдаю нечто подобное!

— И я сегодня видела кое-что! — воскликнула девушка, и вкратце изложила сцену с Мартином и поигравшим с плазмой сервисным роботом.

Тут же выяснилось, что и остальные замечали причуды доселе исправно функционировавшей техники. Они выражались поразному, и никто не придавал им значения до сего момента, когда Гарольд об этом заговорил.

— Сонмер! Признавайся, умелец! Твоих рук дело?! — сурово осведомился бородач. — Ты же с ними возился под предлогом профилактического обслуживания. Кроме тебя некому!

— Так уж и некому? — не без обиды в голосе возразил отец Мартина. — Насколько мне известно, перепрограммировать робота может даже моя невестка, и это не говоря о любом из присутствующих. Кстати, кое-кто из вас, если мне не изменяет память, это и делал!

Сердившийся Сонмер живо припомнил, как молодой ученый ковырялся в парочке расквартированных рядом с его отсеком роботов. Элмер так же доработал под себя несколько электронных помощников. Даже Аулина — и та была замечена над возней с некоторыми дроидами в столовой и медотсеке. Что же касалось Гарольда, то ему и вовсе карты в руки, ибо он постоянно торчит за терминалом главного компьютера "Корундоры" и имеет максимальный доступ ко всем ее системам. А роботы, знаете ли, зачас-

тую следуют общим для всех базовым программам. Напортачив в какой-то одной модели можно, особенно по незнанию, вызвать сбой и у целой группы остальных, причем сбой непредсказуемый.
— Я ничего такого не натворил, — живо заявил Себастьян.
Оправдываясь, он сообщил, что всего лишь хотел подстроить парочку обитавших поблизости роботов для бытовых нужд, чтобы они при случае помогали ему в облюбованной под жилище секции. Ну а заодно и по научной работе, если таковая последует, включая изучение и обслуживание того же Мелиюбиуса. Примерно в том же духе выразилась и Аулина. Ей, мол, пришлось скорректировать заложенный функционал дроидов под нынешние реалии, что оказалось сделать не так уж и сложно. Производитель ведь предусмотрел достаточно удобный интерфейс настроек даже для слабо разбирающегося человека. Вставил слово в свою защиту и Элмер. Ему, как электрику, просто необходимо временами вносить требуемые изменения в управляющие инструкции роботов, чтобы обеспечивать полную профессиональную отдачу.
— Иными словами, на "Корундоре" отнюдь не я один, кто не просто мог, а уже и покопался в какой-нибудь самоходной жестянке, — веско подытожил Сонмер.
— Ладно, извини, я не хотел тебя обидеть, — пошел на попятную взломщик информационных сетей. — Но в этом надо разобраться, а то история с плазменной горелкой мне совсем не нравится!
— Займусь сразу же, как закончим с коллектором! — пообещал реабилитированный техник.
Собрание закрылось.

Ночью Аулину разбудил настойчивый вызов по интеркому. Сперва он долго и занудно пиликал, но девушка, изрядно набегавшись по звездолету, спала как убитая, а кроме нее ответить на входящий сигнал было некому. Себастьян с Мелиюбиусом отсутствовали. Оба все еще находились на мостике в компании Гарольда, где размышляли над конструкциями очистного контура и последующего разложения воды на составляющие. Не достучавшись до адресата, персональный вызов сменился громким голосом Мартина. Звуча сразу во всех интеркомах, он едва ли не криком призывал Аулину. Это подействовало. Вскочив с постели, та несколько секунд озиралась блуждающим взором, выискивая, откуда именно наступает конец света. Затем, определив источник шума, девушка наконец-то отозвалась, вдавив выпуклую кнопку на консоли.
— Скорее в медотсек! Кимберли нужна помощь! — воскликнул Мартин, услышав голос Аулины.
Ее сонливость как ветром сдуло. Растрепанная и едва одетая, девушка сломя голову припустила туда, куда ее столь отчаянно зва-

ли, не тратя время на расспросы. Было очевидно, что некая чрезвычайная ситуация требует обязательного присутствия Аулины, а уж какая именно — это можно выяснить и на месте.

У Кимберли начались преждевременные роды. Это был не выкидыш, а именно роды, спровоцированные не то ее чрезмерным и продолжительным волнением, не то медицинским вмешательством. Мартин, помогая Аулине подготовить все необходимое, наскоро поведал детали. Откровенный разговор, состоявшийся между ним и женой, произвел на него неизгладимое впечатление. Супруги не решили, что делать дальше, взяв паузу на размышление. Мартин удалился проведать детей, а Кимберли не придумала ничего лучше, как заняться самолечением. Уж чего она там натворила — кто ее знает. Электронный журнал медотсека покажет хронологию манипуляций беременной женщины, но с ним следует разобраться позже. В данный же момент причина начавшихся родов абсолютно не важна. Их следует принять, не допуская осложнений, и сделать для матери с недоношенным ребенком все максимально возможное. Сам Мартин полный профан в таких делах, отчего и звал на помощь Аулину. Ведь она не просто владела познаниями в определенной области, но и отлично наловчилась управляться с врачебным оборудованием "Корундоры". Та же Юния, прибежавшая к дочери и сейчас хлопотавшая возле нее, опасалась навредить ей из-за отсутствия должного опыта. Как и Мартин, мать Кимберли решила прибегнуть к содействию Аулины. Остальных родственников, начиная с Терезы, в медотсек вообще не пустили, чтобы они почем зря не создавали толчею и не мешали в экстренной ситуации.

Аулина, умело и оперативно запуская медицинскую аппаратуру, нашла состояние Кимберли удовлетворительным. Ну, если не считать самого факта досрочных родов. Курс подготовки к работе с лечебной техникой, некогда пройденный Аулиной просто для общего развития, на "Корундоре" и особенно теперь оказался как нельзя кстати. Уложив Кимберли в надлежащее положение, Аулина изучала показания датчиков, коими обклеила бледную и взмокшую от пота подругу. На их основе она корректировала управляющие команды, отдаваемые компьютеру медотсека. Повинуясь им, искусственный интеллект вводил пациентке точно выверенные дозы различных препаратов, проводил сканирование и орудовал манипуляторами. Робот, приписанный к этой секции звездолета, по-прежнему не функционировал, так и не починенный Сонмером. Его повреждения, полученные при тряске корабля, оказались слишком серьезными. Однако это не означало, что в медотсеке отсутствуют другие электромеханические помощники.

Диагностическое ложе обладало собственными управляемыми конечностями, а кроме них Аулине помогали три малых летающих дрона. Имелись в ее распоряжении и зонды, способные проникать внутрь человеческого тела. Неисправный робот обладал крайне широким и полезным функционалом, но Аулина, как могла, компенсировала его всей остальной техникой, и компенсировала весьма толково.

Благодаря грамотно организованному процессу, роды прошли быстро и благополучно. Кимберли почти не испытывала боли, точечно купированной медицинским вмешательством, а появившийся на свет плод был тут же подхвачен дронами. Они же хорошенько о нем позаботились, пустив в ход целый арсенал различных средств и заодно удалив лишние биологические субстанции. Кровотечение у матери, вызывавшее немалое беспокойство, остановили. Не остались без внимания и родовые пути, проверенные и обработанные должным образом. Программа приема родов в медотсеке имелась, поскольку издревле входила в штатный набор функций любой автоматической врачебной станции. Вот боксов для недоношенных младенцев на "Корундоре" никто не предусматривал. Аулина, в поте лица орудуя управляющей консолью, постаралась выжать из подручных средств возможный максимум. Ребенок, уложенный на малое диагностическое ложе, предназначенное совсем для других целей, был опутан манипуляторами, обычно используемыми для взятия анализов. Теперь они удерживали его в нужном положении и одновременно считывали показания жизнедеятельности. К крошечному личику прилегала маска для подачи дыхательной смеси. В вены ребенка были введены трубки, доставляющие набор питательных веществ. Чтобы хоть как-то защитить недоношенный плод от окружающей среды, дроны под руководством Аулины соорудили гибкий каркас из прозрачной пластиковой пленки. Им они накрыли ложе подобием перевернутого аквариума. Его края были загнуты и запечатаны, а воздух внутрь поступал лишь через маску для дыхания. Досрочно родившийся ребенок не оказался полностью изолирован от внешнего мира, но его прямое воздействие существенно снизилось. В любом случае, Аулина больше ничего предпринять не могла. Заканчивая процедуры, она взяла у нового пациента ряд анализов и запустила подробную диагностику. При этом девушка потихоньку скопировала все новые файлы на малый кристаллический куб, чтобы впоследствии показать их Мелиюбиусу.

Кимберли, повернув голову, смотрела на самодельный бокс с маленьким пациентом. Аулина специально разместила конструкцию так, чтобы подруга могла видеть все происходящее и наблю-

дать за лечебным процессом. Со стороны бокс, конечно, выглядел странновато. Прозрачный крытый балдахин окружал небольшую изогнутую площадку, над которой возвышалась рама на четырех симметрично расположенных опорах. Над ложем светилась огнями сканирующая панель, а в раме помаргивали многочисленные волновые сенсоры и гнезда лазеров. Из массивного основания ложа, напичканного всякой технической всячиной, щупальцами морского существа выглядывали манипуляторы, поддерживающие балдахин в надлежащем положении. Внутри прозрачной конструкции то и дело суетились малые механические конечности, блестящие как ланцет хирурга. Они осуществляли непосредственную заботу о крошечном человеческом тельце, где едва теплилась жизнь. От слабости у Кимберли закрывались глаза. Мартин держал ее за руку, а мать отирала с лица дочери бисеринки пота, но последняя словно бы этого не замечала. Взор креолки был прикован к новорожденному, лежавшему беспомощным кусочком плоти.

— Как он? — спросила Кимберли, когда освободившаяся Аулина наконец-то подошла ее проведать.

— Пока нормально, — без ложного оптимизма ответила та.

Ребенок и впрямь выглядел вполне естественно, и таким же было его состояние. Ну, для недоношенного плода. Клеточные аномалии еще не проявились, поэтому каких-либо отклонений визуально не фиксировалось. При этом на малом диагностическом ложе уже вовсю шло полноценное сканирование, прежде недоступное из-за пребывания малыша в утробе матери. Да, малыша, ибо у Кимберли родился мальчик. Немного придя в себя, креолка тихо прошептала имя. Аулине оно было хорошо известно, так как еще в "Элегии" супруги Лансберг решили как назовут второго ребенка, в зависимости от будущего пола. Сам же пол они узнавать не стали, хотя существующие технологии определяли это на раз-два. Мартин и Кимберли хотели, чтобы он стал сюрпризом. Он и стал, вот только совсем не так, как мечтала супружеская пара. Отойдя от подруги, Аулина покопалась в ящиках стола, предназначенного для штатного медика. Вооружившись лазерной ручкой, она некоторое время чем-то шелестела, а затем подошла к импровизированному боксу. Когда она отступила в сторону, в основании ложа был прикреплен аккуратно вырезанный кусок плотной бумаги. На нем хорошо виднелись крупные красивые буквы, складывающиеся в единое целое — Ольберт.

Дежурить возле Кимберли ее мать и супруг решили по очереди. В качестве врачебной помощи толку от них было немного, но моральная поддержка тоже большая сила. Первым остался Мар-

тин, а Юния ушла проведать других детей, которым так же требовалась забота, пусть даже ночью, особенно после того, как их родные спешно куда-то убежали. Чтобы устроить Мартина более-менее удобно, Аулина соорудила ему подобие кушетки на антиграве, с чьей помощью доставляла в медотсек пациентов. Таким образом, супруги находились рядом, и муж мог держать жену за руку. Кстати, парочка таких антигравов, позаимствованных в трюме, служила постелями для тех членов экипажа, кто по каким-то причинам не желал спать в гамаке.

Аулина не покидала подругу еще около двух часов. Она ужасно хотела спать и вовсю клевала носом, сидя в кресле медика. В конце концов, девушка задремала, положив руки на стол, а голову на руки, сползла с кресла и плюхнулась на пол. Мартин, завидев ее мучения, предложил пойти отдохнуть и прилечь, как подобает. Мол, Кимберли все равно уже спит, а он тут подежурит. Аулина не стала отказываться и вскоре добралась до своей постели, которую делила с Себастьяном. Последний недавно вернулся с мостика и, завидев невесту, тревожно осведомился, как у Кимберли дела. Девушка в нескольких скупых фразах поведала хронологию событий в медотсеке. Улучив момент, она потихоньку сунула Мелиюбиусу информационный куб, поместив его в быстро открывшийся и закрывшийся порт. Затем бревном свалилась на шкаф-кровать и сразу же заснула.

Утром шестых суток прогнозное количество кислорода находилось на значении тринадцать циклов и двадцать два часа. Текущий расход по-прежнему пребывал выше нормы, а отклонение фиксировалось в медотсеке. Аулина узнала об этом от Гарольда, когда тот спросил, чего там вообще творится. Узнала после того, как успела навестить роженицу, проверяя состояние матери и ребенка. Жизненные показатели обоих выглядели вполне стабильно, то есть в случае Кимберли стабильно удовлетворительно, а в случае малыша стабильно тревожно. Роженица уверенно, хоть и не слишком быстро шла на поправку. О ее сыне, к сожалению, того же сказать было нельзя. Жизнь весьма неуверенно держалась в тщедушном тельце, и если бы не врачебный уход, она бы уже покинула его вскоре после появления на свет. Аулина провела очередную серию тестов, а также скорректировала подачу дыхательной смеси, питательных веществ и медицинских препаратов. Ольберт практически не реагировал на внешние раздражители, оставаясь безучастным к манипуляциям со своей бренной плотью. Аулине это очень не нравилось, и она, закончив работу в медотсеке, отправилась на поиски Мелиюбиуса. Тот ожидаемо отыскался на мостике, куда его взял Себастьян по желанию того же Гарольда.

Пока брат и жених о чем-то деловито переругивались, беззлобно именуя друг друга то олухом, то кретином, то бишь активно практиковали совместный мыслительный процесс, Аулина поманила Мелиюбиуса в сторонку. Ее крайне волновало мнение сиреневого доктора касательно врученных ему накануне данных. Мелиюбиус незаметно вернул девушке кристаллический куб, вынырнувший из глубин его металлической платформы.
— Что скажешь? — шепнула Аулина, на словах описав состояние маленького пациента.
— Тебе надежду или правду? — не слишком-то оптимистично уточнил Мелиюбиус, модулируя голос на пороге слышимости.
— Правду, — невольно вздрогнула похолодевшая девушка.
— Я удивлюсь, если ребенок протянет до нашего спасения, — сообщил Сиреневый Бутон, на сей раз воздержавшись от приятно звучащего тембра. Твердость в его новой интонации сочеталась с сожалением. — Нашего гипотетического спасения через пять недель, — добавил он, намекая на суровые обстоятельства.
Аулина охнула, схватившись за грудь. Мелиюбиус любезно подставил свой бок, на который она машинально оперлась. Затем тихонько рассказал, какие выводы сделал на основе принесенных ему файлов.

Малыш едва реагировал на окружающее из-за тяжелого поражения центральной нервной системы. В его развивающемся мозгу происходили нарушения на клеточном уровне. Отключенный от автоматических систем медотсека он погибнет менее чем за час. В течение недели, максимум двух, совершенное медицинское оборудование, подобное оставшемуся в "Элегии", все еще могло ему помочь. Затем и оно станет бессильно. Кимберли, безусловно, поправится, хотя в ее крови творится настоящий апокалипсис. Там сейчас столько различных химических соединений, что роженица на грани помешательства. Во избежание тяжелого нервного срыва ее необходимо держать на успокоительных.
— Мы можем хоть что-нибудь сделать? — прошептала Аулина, подразумевая несчастного ребенка.
— Нет, — вздохнул Мелиюбиус. — С помощью роботов я способен перекроить реактор, но без надлежащей оснастки не в моих силах исправить патологию в развитии высокоорганизованного живого существа. Печально, но в этом отношении люди очень уязвимы и могут умереть практически от любой случайности, а мы имеем дело с очень сложным случаем.
— Я буду бороться до конца! — решительно выдохнула девушка.
— Я в этом даже не сомневался, — ласково изрек Мелиюбиус. — Делай, что должна. Только тебе еще придется давать объяснения

Гарольду — он, кстати, уже на нас смотрит. Твой брат еще с утра интересовался расходом кислорода и вряд ли обрадуется, узнав, куда тот девается. Он — не ты, и не отягощен чувством любви к ближнему. Меня, к примеру, он воспринимает скорее как ценный инструмент, а не напарника, и уж тем более не личность.
— Эй, вы чего там? — подозрительно осведомился Гарольд, который, озираясь в поисках Мелиюбиуса, узрел его в сторонке рядом с сестрой и теперь удивленно разглядывал обоих.
— Опять секретничаете? О чем на этот раз? — тут же подал голос Себастьян, отрывая взгляд от терминала.
— Сейчас расскажу, и вам это не понравится, — мрачно ответила Аулина, подходя к ним вместе с летевшим рядом спутником.
Исключая подробности своих негласных консультаций с сиреневым доктором она коротко изложила ситуацию в медотсеке.

Мелиюбиус оказался прав. Гарольду совершенно не понравилось такое развитие событий. С его точки зрения, Кимберли должна была сделать аборт, а не растрачивать бесценные ресурсы подобным расточительным образом. Похоже, Себастьян хотя бы частично разделял его точку зрения, но не осмелился заявить об этом открыто, поймав испепеляющий взгляд невесты. Аулина не считалась непримиримой противницей абортов, однако полагала, что только родители должны принимать решение без всяких советчиков, и при этом уж точно не руководствоваться аргументами вроде выдвинутых Гарольдом. Выражаясь фигурально, она находила неприемлемым отобрать кусок хлеба у одного чужого ребенка, чтобы ценой его голодной смерти жизни спасся другой.
— Посмотрим, как ты запоешь, сестрица, когда пойдет последний цикл наших запасов кислорода, — проворчал бородач, уязвленный отповедью девушки.
— Вот и займись своим делом! Вы, мальчики, вроде обещались тут что-то сконструировать! А у меня своих забот хватает! — зло заявила Аулина и покинула мостик, сожалея, что нельзя хлопнуть дверью так, чтобы посыпалась штукатурка.

Весь шестой цикл прошел в хлопотах. Пробы, взятые в баках коллектора, показали умеренное загрязнение воды техническими жидкостями. К счастью, их токсичность ограничивалась исключительно приемом внутрь. В противном случае, окажись примеси опасны для дыхания, запланированный метод очистки, простой и действенный, мог пойти насмарку. Бригада ЭлСо — так стали в шутку звать группу людей и роботов под руководством Сонмера и Элмера, — смонтировала приспособление для откачки жидкости из целевых емкостей коллектора. Трубы, вентили и прочие запчасти отыскались в технических отсеках "Корундоры", а что не на-

шлось, было срезано из всяких менее значительных узлов. Конструкция получилась не слишком эстетичной, зато надежной и эффективной. Когда поворачивали кран, содержимое емкости поступало через врезанные трубы в подставленную бочку, коих на грузовом звездолете имелось хоть отбавляй. Заполненную тару подхватывал сервисный робот и увозил в спешно подготовленное помещение. Его превратили в герметично замкнутое пространство с наглухо закрытыми дверями. Загрязненную воду заливали в специально выведенный раструб возле главного входа, наполняя импровизированный котел. В нем, поднимаясь от пола, располагались огромные самодельные кипятильники, подключенные к силовым линиями. Когда поднявшийся уровень жидкости полностью скрыл их внушительные изгибы, Элмер замкнул рубильник. Поданный ток быстро нагрел окружающую воду, и та активно забурлила, заходив по всему запечатанному отсеку ходуном. Испаряясь, она поднималась к потолку, где затягивалась в подготовленные для нее уловители. Те вели в другую секцию, расположенную палубой выше. Там испаренная вода остывала, проходя через длинный охлаждавшийся "змеевик", и самотеком лилась на пол, постепенно заливая все обширное помещение доверху. Для питья она без процедуры обеззараживания по-прежнему не годилась, однако для задуманной цели — вполне, ибо все примеси оставались в камере испарения.

Роботы таскали бочки до позднего вечера, поддерживая процесс очистки безостановочно. Продолжили они его и после, когда люди отправились на отдых. За техникой остался присматривать лишь один дежурный, сменявшийся каждые два часа. Электромеханические помощники могли трудиться без перерыва, однако экипажу в обязательном порядке требовался полноценный сон. Ему еще предстояло соорудить внушительный агрегат для разделения воды на кислород и водород, наскоро сконструированный Гарольдом, Себастьяном, Мелиюбиусом и примкнувшим к ним Мартином. Последний, регулярно навещая жену и ребенка, был не в лучшем расположении духа, однако старался принести пользу, отлично понимая, что поставлено на карту. Пользы, правда, от него было маловато, ибо мысли Мартина крутились вокруг семьи, но товарищи по несчастью, все понимая, тактично поручали ему задачи попроще. В кратчайшие сроки станция для электролиза была готова для воплощения. Теперь оставалось перенести ее с чертежей в реальность. Для этого на "Корундоре" имелось все необходимое. Утром седьмого цикла, сразу после завтрака, бригада ЭлСо начнет добывать все комплектующие, извлекая их из разных отсеков звездолета и складируя их в месте возведения установки. По-

том, когда этот этап работ окажется завершен, люди и роботы соберут, склепают и сварят все части в единое целое, руководствуясь чертежом и указаниями изобретателей. Если все пойдет по плану, а в процессе сборки никто не допустит ошибок, самодельная станция для электролиза вступит в строй спустя пару циклов. Это, несомненно, воодушевляло, ибо по самым грубым расчетам запас кислорода существенно вырастет не менее чем на неделю, или даже полторы. Шансы на спасение существенно повышались, отчего приободренные техники и мыслители вкалывали до полного изнеможения.

В ночь на седьмой цикл Аулина, убаюканная Мелиюбиусом, снова спала как убитая. Женщин не привлекали к перетаскиванию тяжестей и механосборочным работам, однако это не означало, что они сидели без дела, особенно наиболее молодые. Не забывая наведываться в медотсек и проверять состояние пациентов, Аулина вместе с Юнией возглавила разведгруппу. Мужчины, с головой ушедшие в создание новых конструкций, больше не могли тратить время на что-нибудь иное. При этом трюм грузового звездолета оставался, мягко говоря, не исследованным до конца. Кроме того, требовалось приглядывать и за другими отсеками, чтобы там, упаси небо, чего-нибудь не приключилось. Повторения чего-то похожего на взрыв в хранилище системы жизнеобеспечения никто не желал, а "Корундора" была весьма далека от идеального состояния. Ввиду всех этих обстоятельств Аулина устала ничуть не меньше, чем Сонмер, у которого прямо-таки руки отваливались, или Себастьян, ощущавший в голове чудовищную тяжесть. Удивительное воздействие Мелиюбиуса ей приходилось как нельзя кстати, ведь если человек очень утомился и спит, это не означает, что спит он хорошо. Сон без сновидений — очень плохой показатель, равно как и дурные, тягучие, изматывающие кошмары. Сиреневый доктор совершенствовался прямо на ходу. Его излучение, которым он окутывал Аулину, действовало очень благотворно, позволяя девушке отлично восстанавливать душевные и физические силы. При этом на Себастьяне, судя по всему, эффект практически не сказывался. То ли он подсознательно ему сопротивлялся, то ли для его организма требовался иной частотный набор волн, скорректированный под индивидуальные особенности ученого. Аулина подозревала первое, а Мелиюбиус предполагал последнее. Сам же Себастьян вообще никаких версий не выдвигал, так как его попросту не посвятили в проводимый эксперимент.

Под утро Аулина внезапно проснулась. Видимых причин для этого не было. Просто она вдруг выскочила из очередного сновидения и открыла глаза. Сев на постели, девушка огляделась по

сторонам. Свет был притушен до состояния полумрака. Себастьян тихо сопел, повернувшись на бок. В стороне помаргивал огоньками терминал с выключенным экраном. Мелиюбиус неподвижно маячил неподалеку, погруженный в какие-то свои думы. Пожав плечами, девушка вновь легла и попыталась снова заснуть, но неожиданно осознала, что ей что-то мешает. Мешает какое-то тревожное чувство, которое ее, видимо, и разбудило. Это было странно, ибо вокруг все выглядело совершенно спокойно, а интерком молчал, не издавая ни единого звука. Некоторое время Аулина лежала неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям. Не исключено, что причина заключалась в излучении Мелиюбиуса, а точнее в его отсутствии. В какой-то момент сиреневый доктор прекратил благотворную терапию и отъехал в сторону терминала, а сон девушки просто нарушился на образовавшемся контрасте. Подумав, Аулина решила, что так оно и есть, однако по-прежнему не могла заснуть. Чувство необъяснимого беспокойства прочно поселилось в груди и не позволяло вернуться в царство грез, заставляя ворочаться с боку на бок. В конце концов, Аулина поднялась с постели и вышла немного размяться, чтобы почем зря не докучать своими метаниями похрапывавшему Себастьяну. Небольшая прогулка по пустынным, наполненным мерным гудением коридорам "Корундоры" должна была либо вновь навеять на нее дремоту, либо окончательно разбудить.

Ноги сами принесли Аулину в медицинский отсек. Чем попусту бродить абы где, она завернула проверить, как там поживают Кимберли и ее дитя. Подруга спала, находясь под действием снотворного и успокоительного. Облокотившись на ее ложе, спала и Юния, дежурившая у постели дочери. Лицо Аулины осветила слабая улыбка. Не став их беспокоить, она прошла дальше и оглядела импровизированный бокс, хранивший вверенного ему крошечного пациента. Улыбка девушки сразу померкла. С первого же взгляда ей стало ясно —что-то здесь не так. Огоньки на опорах беспокойно перемигивались, иной раз пробегая длинными дорожками. Манипуляторы как внутри, так и снаружи бокса то и дело подрагивали, будто пытались сдвинуться с места, но не знали куда и с какой именно целью. Приблизившись к боксу, Аулина внимательно посмотрела на ребенка через прозрачную пластиковую завесу. Затем, охваченная тревогой, глянула на информационные панели. Те были погашены, должно быть, уйдя в ждущий режим для экономии энергии. Предчувствуя недоброе, девушка ринулась к терминалу и включила экраны. Ее сердце болезненно екнуло. Их испещряли предупреждающие сообщения о нарушениях в показателях жизнедеятельности. Они прямо-таки надрывались, светясь и

мигая, но их никто не видел, так как экраны были обесточены. При этом звуковое оповещение молчало, поскольку на индикаторе его статуса отображалась красная косая черта, то есть оно оказалось деактивировано. Холодеющей рукой Аулина нажала кнопку на консоли. По всему медотсеку немедленно раздались тревожные трели, перемежавшиеся с коротким не менее беспокойным пиканьем. Электронный голос циклично сообщал о критических проблемах в статусе пациента, требующих немедленного вмешательства медицинского персонала. И было отчего. Показатели жизнедеятельности Кимберли примерно соответствовали норме, в то время как у ее ребенка они попросту отсутствовали. Ужаснувшись, Аулина бросилась к боксу и задала оборудованию малого диагностического ложа несколько команд. Потом она ринулась обратно к основному терминалу и лихорадочно принялась запускать подпрограмму за подпрограммой. Оживая, дроны и манипуляторы немедленно принимались за дело, в то время как в крошечное тельце поступала инъекция за инъекцией.

— В чем дело? Что случилось? — послышался взволнованный голос очнувшейся Юнии.

Вскочив на ноги, она оглядела медотсек. Ее взгляд остановился на суетившейся Аулине. Та ткнула пальцем в большую информационную панель, после чего снова подбежала к боксу, стараясь прямыми командами ускорить работу техники. Сообразив, что происходит, Юния вскрикнула и бросилась было к малышу. Аулина твердым голосом велела ей отойти и не мешать. Мать Кимберли подчинилась, но и стоять на месте не стала. Метнувшись к интеркому, она принялась призывать Мартина. Тут проснулась и сама Кимберли. Громкие звуки тревоги поникли в ее спящий разум, вынудив креолку открыть глаза. Услышав слабый голос подруги, Аулина обернулась и окинула ту горящим взором.

— Уведи ее! Живо! — велела она, едва не срываясь на крик.

Юния, сообразив, что дело и впрямь плохо, раз от нее требуют удалить роженицу из медотсека, быстро погрузила вяло трепыхавшуюся дочь на антиграв и вывезла прочь.

Спустя полчаса Аулина вышла в коридор. К тому времени, помимо хлопотавшей над дочерью матери, там уже находились Мартин, Глория, Сонмер и Тани. Все они бросились к появившейся девушке, засыпав ее вопросами. Та, не произнося ни слова, приблизилась к Кимберли и с каким-то жестким выражением лица всадила ей в плечо большой шприц, тут же выжатый до отказа. Креолка отключилась в считанные секунды, упав на руки Юнии. Гомон голосов стих. Присутствующие оцепенели. Поведение Аулины произвело на них сильное впечатление, поскольку оно де-факто

отвечало на главную суть заданных вопросов. Вопросов, задавать которые более не имело смысла. Подняв глаза, девушка обвела всех родных Кимберли выразительным взглядом, а потом, опустив их к полу, так же выразительно покачала головой.

Несчастный Ольберт умер еще до появления Аулины. Все реанимационные мероприятия она проводила уже с бездыханным тельцем, отчаянно надеясь вновь раздуть в нем искру угасшей жизни. Увы, это оказалось невозможно. Медицинское оборудование, не получившее своевременных команд от человеческого персонала, не умело творить чудеса. Аулине не удалось запустить крошечное сердце, как она ни старалась, и в этом не было ее вины. Прожив немногим более цикла, недоношенный младенец скончался, несмотря на все предпринятые усилия. Вопрос с его выживанием закрылся раз и навсегда. Другие вопросы при этом остались. Кто-то ведь погасил экраны и выключил звуковое оповещение! И это была точно не Аулина. Разбираясь в причинах смерти крошечного пациента, она пыталась установить хронологию событий, отраженную в электронном журнале медотсека. Все инъекции, сделанные Ольберту, там тщательно фиксировались. Последнюю ввели незадолго до первых сигналов тревоги, оставшихся без внимания. Ее время вызывало известные подозрения, однако данные журналы показывали, что то была обычная доза стандартного препарата, предписанного заданной программой лечения. Она несколько выбивалась из общего графика, но автоматическая станция реагировала на показатели датчиков и вполне могла корректировать подачу лекарств самостоятельно. Что касалось экранов, то они и впрямь погасли из-за включенного режима энергосбережения. Вот только при сигнале тревоги они были обязаны загореться вновь, однако этого отчего-то не произошло. На сей счет в журнале сервисных операций какие-либо сведения отсутствовали. Зато там нашлась запись касательно отключения звукового оповещения. Правда, легче от этого не стало. Шоковое состояние, в котором пребывали родные Кимберли, мешало им что-либо внятно объяснить, да и вообще припомнить. Вроде бы Юния, терзавшаяся теперь этой мыслью, нажала какую-то кнопку, заглушившую назойливое пиканье консоли, чтобы оно не мешало спать все еще слабой дочери. Но то, кажется, был совсем другой звук, отдельный, а не общее оповещение. Чего-то нажимал и Мартин. Копаясь в памяти, он холодел от ужаса, что мог перепутать кнопки и вырубить тревожную сигнализацию. Удрученная Аулина не стала их винить, поскольку родные Кимберли и так чувствовали себя хуже некуда. К сожалению, видеозапись в медотсеке как и по всей "Корундоре" не велась. Корпорация не считала

необходимым тратиться на то, в чем не видела прямого смысла. На кой ляд экипажу грузового звездолета такой мониторинг, если его задача летать от точки до точки без всяких посторонних? А ежели транспорт, гипотетически, угонят какие-то проникшие на борт злоумышленники, то они все равно угонят его со всеми записями.

В итоге Аулина, восстанавливая картину произошедшего, ничего толком не добилась. Добиваться-то, в прочем, было особо нечего. Смерть несчастного крошки наступила вроде бы по естественным причинам. Его неразвитый и серьезно пострадавший организм оказался не приспособлен для жизни даже больше, чем прогнозировал Мелиюбиус. И явись Аулина раньше, своевременно вызванная в медотсек поднятой тревогой, она и то не факт, что смогла бы спасти Ольберта. А если бы и спасла, то, вероятно, всего лишь отсрочила бы неизбежное, поэтому, возможно, разыгравшаяся драма была даже к лучшему. Малыш недолго страдал, практически ничего не почувствовав, и перестал тратить кислород, необходимый для выживания более здоровых членов экипажа. Много бы он не надышал, но кто знает — вдруг именно этой капли беглецам бы для спасения и не хватило? Во всяком случае, так считал Гарольд. За это Аулина была готова его убить, но точку зрения старшего брата в той или иной степени разделяли и некоторые другие беглецы. Даже кое-кто из близких Кимберли полагал, что для несчастного младенца — о его проблемах со здоровьем уже стало известно — так и впрямь было лучше. Впрочем, находить неизбежное рациональным не означало не сочувствовать и не переживать.

Вероятно, именно ввиду этих эмоциональных обстоятельств серьезно пострадал Глен, муж тети Себастьяна. Как и другие трудоспособные мужчины, он работал в бригаде ЭлСо. Монтируя очередную трубу, Глен не иначе как допустил оплошность, погруженный в накатившие мысли. Давление в системе изменилось из-за плохо затянутых вентилей, а потом и вовсе нарушилось. Пар, проникший из предыдущего контура, ринулся в незаконченную секцию. Выбив недовернутые краны, он мощным потоком заполнил еще как следует не сваренные коммуникации и за несколько секунд разнес их подчистую. Лопаясь по швам, трубы со звоном разлетались кто куда. Отовсюду со свистом и шипением били струи пара, а на месте вывороченных вентилей вздымались целые столбы. Такие же столбы источали разорванные магистрали, продолжавшие разрушаться прямо на глазах. Глена, стоявшего на квадратной площадке малого вспомогательного антиграва, заменявшего доисторическую стремянку, могучим ударом швырнуло

назад. Собственно, только это и спасло его от ужасной смерти, поскольку вырывавшийся под напором столб пара, ошпаривший мужчину, его же и отбросил. Находись Глен в этом раскаленном облаке еще пару-тройку секунд — и он бы сварился заживо. Поражение плоти в области груди и правого плеча, тем не менее, было весьма и весьма серьезным. Немного задело даже шею и лицо, и это не говоря про другие травмы, на общем фоне выглядевшие незначительно. Упав, Глен здорово ушибся спиной, а трубы, разлетавшиеся вокруг с яростным звоном, задели его аж в двух местах, поставив внушительные синяки.

На крики и грохот моментально отреагировали другие члены бригады, находившиеся неподалеку. Подачу пара тут же перекрыли, а Глена, потерявшего сознание от боли и ушибов, срочно доставили в медотсек. Кимберли уже не занимала большое диагностическое ложе, ибо исчезла причина ее постоянного присутствия возле медицинских станций. Вихрем прибежавшая Аулина немедленно вколола пострадавшему обезболивающее и провела экспресс-сканирование, оголив ошпаренные участки плоти. Выглядели они прескверно. Стараясь сдержать подступивший к горлу ком, девушка сконцентрировалась на лечении. Она уже и так знала, что следует делать, поэтому результаты сканирования лишь уточнили лекарственные дозы и последовательность ее манипуляций. С помощью дронов Аулина завернула обнаженного до пояса мужчину в специальную медицинскую ткань. Такая, к счастью, на "Корундоре" имелась, поскольку даже до "Галактик текнолождис" дошло, что члены экипажа могут получить травмы во время полета в результате каких-либо ЧП. Эту ткань использовали в случае серьезных и обширных ожогов, к коим в данном случае вполне причислялось и поражение паром. Управляемая электрическими импульсами, она плотно облегала пострадавшие участки тела, присасываясь к плоти будто пиявка. Ткань предотвращала контакт с внешней средой, не допуская проникновения инфекции. Из нее поступали различные вещества, начиная от обезболивающего и заканчивая стимулятором клеточной регенерации. Она же растворяла омертвевшие фрагменты плоти, удаляя их по мере заживления ран. Эту ткань порой называли искусственной кожей, учитывая принцип оказываемого лечения. Она, бесспорно, уступала медицинским станциям "Элегии", где пациент целиком погружался в емкость со специальным раствором и выздоравливал в фантастически сжатые сроки. Тем не менее, противоожоговая ткань отлично справлялась с возложенной на нее задачей, обеспечивая пострадавшему хороший уход и надежную помощь. Комплекс препаратов, введенный Аулиной по рекомендации компьютера

медотсека, завершал проведенное лечение, приводя пациента в стабильное состояние.

Сонмер и Элмер не могли надолго бросить срочную работу и удалились сразу после того, как Аулина заверила их, что Глену ничего не угрожает. Так оно и было. Вскоре тот пришел в себя и нашел свое состояние вполне удовлетворительным. Ему, разумеется, прописали постельный режим и до поры оставили на большом диагностическом ложе. Родственники по мере возможности приходили его проведать. Больше всех за здоровье отца и мужа волновались Анатоль и Джулет, но и Себастьяну с Элмером и Клодией было отнюдь не все равно. Аулина доставила Джулет на антиграве, поскольку колено женщины по-прежнему не позволяло ей передвигаться самостоятельно, но ненадолго. Супруге Глена самой требовался покой, поэтому вскоре ее отвезли обратно в каюту. Улучив минутку, разок-другой заглянули и Элмер с Сонмером. Они не корили Глена за оплошность, приведшую к разрушению недостроенной секции. Глен, впрочем, уверял, жестикулируя рукой с двумя еще прежде сломанными пальцами, что он тут ни при чем. Все вентили были тщательно завернуты, и он их даже не трогал, равно как вообще не прикасался ни к каким клапанам. Кажется, незадолго до происшествия мигали какие-то индикаторы системы автоматического контроля, да мимо пролетела пара дронов, но больше ничего примечательного не наблюдалось. Все произошло совершенно внезапно и к его, Глена, полнейшему непониманию.

Элмер и Сонмер не стали вдаваться в подробности. Технические навыки пострадавшего мужчины оставляли желать лучшего, и он мог натворить каких-нибудь дел даже сам того не понимая. Ведь кроме него эту аварийную ситуацию были способны создать только отцы Себастьяна и Мартина, но оба ничуть не сомневались во взаимной непричастности. На кой ляд кому-то из них пришла бы в голову такая диверсия, лишь по счастливой случайности обошедшаяся без жертв? Пожелав Глену скорейшего выздоровления, мужчины удалились, радуясь про себя, что из строя выбыл самый незначительный член бригады. Работы вполне можно закончить и без него, причем почти не отставая от графика. Глен, все еще волнуясь, продолжил было разговор с Аулиной, но та, ласково улыбаясь, вколола ему снотворное и мужчина заснул.

Гарольд, продолжавший отслеживать расход кислорода, точно не знал, на сколько именно тот замедлился после смерти несчастного младенца. Бригада мужчин, трудясь в поте лица, потребляла его гораздо больше, нежели обычно, и их было трудно в этом винить. Ведь люди прилагали поистине титанические усилия, чтобы за короткий срок ввести в строй очистные и электролизные со-

оружения с полного нуля. А им это вполне удавалось, так что повышенные затраты они вскоре должны были отбить сторицей. Утром седьмых суток прогнозируемое количество кислорода находилось на отметке десять циклов и пятнадцать часов. Гарольд надеялся, что еще через сутки оно снизится не более чем на цикл, после чего резко возрастет, когда включится станция электролиза. До ее запуска оставалось совсем немного. Элмер и Сонмер, выкладываясь без остатка, практически завершили сборку внушительной конструкции. Роботы уже подвозили пустые баллоны, куда станут поступать компоненты расщепленной воды. Водород, конечно, беглецам был особенно ни к чему. Его отправят на хранение в топливный отсек, где он, скорее всего, так и останется невостребованным. Вот кислород немедленно закачают в емкости центра распределения системы жизнеобеспечения и будут продолжать закачивать по мере выработки. Электролиз обещал дать экипажу порядка девяти циклов жизни, а может и больше. Точную цифру удастся определить после первого же часа работы, оценивая объем переработанной воды и полученного газа. Вода, кстати, все еще перекачивалась из коллектора, исправно доставляемая роботами. Конечная секция-танкер была почти заполнена, из-за чего процесс очистки методом испарения принудительно замедлили. Начало процесса электролиза ожидалось к середине дня восьмых суток, когда выспавшиеся мужчины позавтракают и закончат последний этап работ. На ночь же всей бригаде дали заслуженный отдых, чтобы та из-за чрезмерного утомления не допустила какой-нибудь нелепой ошибки.

Коротая время, Гарольд, у которого совершенно отбило сон, вновь и вновь проверял теоретические выкладки. Когда ему этого казалось мало, он покидал мостик и отправлялся лично инспектировать возводимый объект. Так он поступал с прошлого утра, и продолжал поступать ночью, пока остальные члены экипажа спали. Впрочем, вскоре выяснилось, что не все. В очередной раз зайдя в помещение со станцией электролиза, Гарольд обнаружил там Мартина. Тот старательно изучал один из узлов массивного агрегата, щупая что-то пальцами. Заслышав за спиной шаги, он обернулся с таким выражением, будто его застали на месте преступления.

— Ты чего не спишь? — удивился Гарольд, подходя ближе.

— Да знаешь, после вчерашнего глаз сомкнуть не могу, — пояснил Мартин. — Кимберли-то лежит, накачанная снотворным и успокоительным, а мне надо сохранять ясную голову. Вот и лезет туда всякое…

— Понимаю, — кивнул бородач, хотя вряд ли он и впрямь был

способен по-настоящему проникнуться состоянием отца, потерявшего едва родившегося ребенка. — А здесь чего делаешь?
— Решил кое-что проверить, — указал рукой Мартин куда-то в направлении незаконченного агрегата. — Я было испугался, что мы не учли один небольшой нюанс. Вряд ли он привел бы к катастрофе, но лучше предусмотреть все. Не хватало нам еще одной аварии! К счастью, вроде бы все в порядке. Конструкция станции позволяет избежать связанных с ним осложнений — в этом я только что убедился.
— Вот и хорошо, — заявил бородач, не вдаваясь в подробности. — Шел бы ты все же отдохнуть! Завтра, точнее, уже сегодня будет трудный и важный день. Все нормальные люди сейчас спят, одни мы шастаем как призраки.
— Не одни, — усмехнулся Мартин. — Идя сюда, я наткнулся на Себастьяна, а тот сообщил, что искал Аулину.
— А этим-то полуночникам что неймется?! — опешил Гарольд.
Мартин пересказал историю повстречавшегося ему ученого.

Проснувшись, Себастьян обнаружил отсутствие невесты. Сперва он не придал этому значения — мало ли куда та ненадолго вышла. Однако пока он ворочался, силясь снова заснуть, та все не возвращалась. Мелиюбиус, когда ученый додумался его спросить, поведал, что девушка отсутствует уже около часа. Обеспокоившись, Себастьян решил не голосить в интерком, поднимая весь экипаж на уши, а пошел ее искать, направив стопы в медотсек. Аулины внутри не оказалось. Судя по ряду признаков, включая сведения на информационных панелях, она туда действительно приходила. Себастьян вернулся обратно в свою секцию, полагая, что разминулся с невестой, но Мелиюбиус сказал, что она так и не объявлялась. Ученому стало не столько тревожно, сколько интересно, куда, собственно, подевалась Аулина. Он углубился в коридоры звездолета и бродил по ним до тех пор, пока не столкнулся с объектом своих поисков. Девушка куда-то спешила. Налетев на Себастьяна, она шарахнулась в сторону, чем немало его удивила. Жених, разумеется, осведомился причиной столь необычного поведения возлюбленной. Ее история звучала довольно странно, но любопытно.

Неурочный визит в медотсек Аулина совершила спонтанно, не планируя его заранее. Сказывалась недавняя трагедия с младенцем. Проспав ее, девушка не хотела проспать что-нибудь еще. Проснувшись среди ночи и выпив стакан воды, как по всей галактике поступают многие люди, она решила ненадолго заглянуть к Глену, чтобы проверить его состояние. Все оказалось в полном порядке. Мужчина спал, а показатели его жизнедеятельности были

в норме, если не считать естественных, вызванных диагнозом отклонений. Изучив информацию на экранах, Аулина пришла к выводу, что здесь беспокоиться не о чем. Удовлетворенно вздохнув, она покинула медотсек, собираясь вернуться к себе. Тут и приключилась первая странность. Буквально на пороге девушка столкнулась со служебным дроном, выглядевшим как трехфутовое яйцо на небольшой подставке. По ее периметру располагались манипуляторы, а снизу находился антиграв. У Аулины сложилось ощущение, что дрон намеревался зачем-то залететь в медотсек, а ее появление спутало ему все планы. Озадаченно пиликнув, дрон развернулся и шустро припустил прочь. Заинтригованная девушка решила проверить, куда его понесло.

Типовое назначение антиграва — поддерживать уровень высоты, поднимаясь либо опускаясь относительно текущего центра притяжения. Поступательное движение обычно обеспечивали какие-либо двигатели, поскольку специфика работы антиграва не давала развивать высокую скорость. Именно поэтому те же планетарные катера имели как антиграв, позволявший им плавно снижаться и зависать над поверхностью планеты, так и излучатели частиц, чье присутствие угадывалось наличием хвостовых дюз. А вот большие звездолеты использовали фтороводородное топливо, содержащее фтор, более энергоемкое и экономичное, и исполинскими антигравами их никто не снабжал за ненадобностью. Обратную ситуацию представляли дроны и роботы, особенно компактного размера. На эту технику устанавливался только антиграв, без какой-либо дополнительной тяги. Поступательное движение обеспечивалось за счет наклона его колец или платформы относительно вертикальной оси, что придавало процессу некоторое сходство с винтами доисторического атмосферного вертолета. Однако такой принцип действия был неспособен обеспечить высокую скорость перемещения, поэтому Аулина не бежала сломя голову, догоняя пытавшегося удрать дрона. Кстати, дроны и роботы в целом были суть одно и то же, просто небольшие летающие аппараты обычно именовали дронами, а более громоздкие приземистые конструкции — роботами. Вот грузовой антиграв из трюма "Корундоры" не являлся ни тем, ни другим, представляя собой обычную парящую над полом площадку, приводимую в движение человеком или машиной.

Дрон, который преследовала Аулина, привел ее к жилому отсеку. Судя по всему, он направлялся в кают-компанию, либо же в какие-то секции с другой ее стороны, включая находившийся там мостик. У девушки было мелькнула мысль, что это все штучки Гарольда, когда она внезапно увидела другого дрона, вылетевшего

из чьей-то каюты. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что Аулина, забыв про первый и резво ускользавший объект наблюдения, остановилась и уставилась на второй. Тот, поворачиваясь, и сам ее заметил. Как-то бочком-бочком он изменил траекторию движения и смылся за ближайший угол. Вконец заинтересованная девушка последовала за ним.

После продолжительных кружений по лестницам и коридорам звездолета у Аулины начало складываться устойчивое впечатление, что дрон пытается сбросить ее с "хвоста". Маршрут летающего чуда техники не поддавался внятному объяснению, если он и впрямь не пытался отделаться от девушки, либо же зачем-то водил ту кругами. В какой-то момент она собралась догнать загадочное устройство и остановить, применив силу. Роботы были обязаны подчиняться человеку, отчего Аулина рассчитывала повязать беглеца и доставить Гарольду, как говорится, для выяснений. Тут ее отвлекло еще одно событие. Со стороны послышались отчетливые шипение и треск, будто кто-то что-то сваривал, а затем получил хороший разряд электричеством. Треск сопровождался звенящим ударом металла о металл. Снова забыв про свою цель, благополучно удравшую прочь, Аулина заглянула туда, откуда донеслись эти звуки. Громкие, должно быть, звуки, раз они проникли через толстую металлическую дверь, закрывавшую вход в секцию.

Войдя внутрь, девушка сообразила, где оказалась. Именно здесь, в этом блоке бригада Элмера и Сонмера собирала станцию для электролиза. Должно быть, кто-то из мужчин находился тут прямо сейчас и проводил некие монтажные работы. Приветственно-вопросительный возглас Аулины раскатился по всему отсеку и ушел дальше, в глубину соседних помещений. Ей никто не ответил, зато где-то впереди — там, где в полумраке маячила внушительная конструкция возводимого агрегата, — мелькнула какая-то тень. Девушка рванула вперед, рассчитывая настигнуть таинственного ночного визитера, но пока она петляла мимо различных технических нагромождений, тому удалось ускользнуть. Возможно, Аулина и догнала бы этого неизвестного, устроив ему допрос с пристрастием, только она едва не свернула себе шею, наступив на кем-то брошенный кусок трубы. Труба с грохотом покатилась прочь, а девушка, свалившись на пол, обзавелась синяком на локте. Вскочив, она ринулась дальше, однако беглеца уже и след простыл. Выбежав с другой стороны секции, Аулина огляделась по сторонам, все еще надеясь узреть хоть кого-нибудь. Вокруг было пусто. Выбрав направление наугад, она взяла с места в карьер и тут же налетела на выходящего с лестницы Себастьяна. От неожиданности Аулина испуганно шарахнулась в сторону, в первую се-

кунду решив, что столкнулась с тем, кого преследовала.

В отличие от нее ученый, сам разыскивавший невесту битых минут двадцать, никого не встретил. Во всяком случае, так он сказал, выслушав Аулину и объяснив причину своего появления. По его предложению девушка, вдоволь набегавшись за дронами, пошла "домой", а Себастьян, озадаченно почесав в затылке, решил проверить все ли в порядке со станцией электролиза. Он же не считал свою возлюбленную чокнутой. Возможно, та преследовала не таинственного визитера, а слышала как искранул какой-то некачественно сваренный узел. Учитывая критическую важность объекта, лучше убедиться в его исправности собственными глазами, чем Себастьян и занялся. Он успокоился лишь тогда, когда облазал все вдоль и поперек, на что у него ушло около часа. Близилось время подъема, поэтому ученый, зевая во весь рот, проследовал к выходу, где в свою очередь столкнулся с Мартином, немало удивленным столь неожиданной встрече.

Выслушав всю историю, Гарольд неопределенно хмыкнул.

— Ну дела-а-а, — протянул он, почесывая пузо через привычно полурасстегнутый комбинезон. — Пожалуй, при случае стоит переговорить с сестрой, что за чертей она по ночам гоняет. Ну а пока, раз ты все равно не спишь, давай займемся делом. Я сейчас подам питание вон на тот контур и стану его постепенно повышать, а ты проследишь за показаниями приборов.

Мартин кивнул, и парочка полуночников деятельно принялась за работу.

Утром восьмых суток в кают-компании царило заметное возбуждение. Бригада ЭлСо собралась там в полном составе, исключая остававшегося в медотсеке Глена. Помимо них присутствовали и конструкторы станции электролиза, в том числе помятый, так толком и не спавший Гарольд. Несмотря на усталость, он пребывал в приподнятом расположении духа. Показатели расхода кислорода фиксировались на уровне девяти циклов и восьми часов, что лишь на час превышало вчерашнюю предполагаемую цифру. Глотая свою химическую отраву, благодаря которой он все еще держался на ногах, бородач раздавал мужчинам последние инструкции. Вставляли свое слово и Мартин с Себастьяном, а помалкивал один лишь Мелиюбиус, прилетевший с мостика вслед за создателем. Ввиду срочности собрания ученый не пошел его запирать, решив сделать это сразу после того, как бригада техников отправится на финальный этап работ. Таким образом, Мелиюбиус попался на глаза целой группе людей, до сих пор если и видевших его, то издали и мельком. Сонмер и Элмер, не говоря уже об их сыновьях, не обращали на сиреневую конструкцию особого вни-

мания, успев насмотреться на гений научной мысли вдоволь. Вот другие мужчины, и особенно женщины, пришедшие в кают-компанию завтракать, неприкрыто на нее глазели, дивясь удивительной штуковине, о способностях которой они были более чем наслышаны. Той, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор, закончившийся внезапным бегством из "Элегии". Мелиюбиус, ловя на себе множественные взгляды, скромно парил за плечом Себастьяна и не издавал ни звука. Он лишь слегка расправил сиреневые лепестки, будто настраивая сонар, и выставил сенсоры-тычинки. Вероятно, ему тоже было небезынтересно рассматривать новых людей и составлять о них собственное мнение.

Бригада, совмещавшая завтрак с брифингом, как раз заканчивала прием пищи, и все шло своим чередом, когда у входа послышался шум. Это объявились самые молодые члены экипажа: Вайолет, Тобиас и Никки. Первые двое по-прежнему убивались по отцу, но живость их юности все же никуда не делась. Как и любые нормальные дети, они не ходили в постоянной прострации, а нет-нет, да и подначивали друг друга, толкались, острословили и баловались. Просто теперь, из-за недавней трагедии, их беззаботная веселость снизилась на порядок, но отнюдь не испарилась бесследно. Стоило отметить, что последующая смерть крошечного младенца не повлияла на молодежь так, как на многих других. Никки, к примеру, в силу своего возраста так и вовсе ничего не понял, а более старшие ребята ее толком не осознали. Именно поэтому Вайолет ловко подставила брату подножку, отчего тот благополучно влетел в столовую головой вперед и растянулся на полу, а сверху на него свалился смеющийся Никки. Перескочив через мальчишек, девочка первой заняла лучшее место за столом, жалея, что не может присвоить себе и лучшие блюда, так как кормили всех одинаково. Послышался чей-то сердитый голос. Кто-то, растаскивая кучу-малу, поднял ребятишек с пола и поставил на ноги. Мартин, оторопев, увидел свою жену. Покинув место возле отца, он быстро подошел к ней и заботливо осведомился о самочувствии. Молодой женщине, потерявшей ребенка, сейчас полагалось лежать, и ее появление в кают-компании оказалось полнейшей неожиданностью.

— Я в порядке, — взмахнула рукой Кимберли.

Известие о смерти Ольберта, ибо родные были вынуждены ее во все посвятить, она восприняла как-то странно. Глаза креолки горели нездоровым огнем, источая слезы, но она не билась и не рыдала, как предполагала Аулина. Последняя боялась, что ее обвинят в недостаточных усилиях по спасению младенца, но Кимберли ничего подобного не сделала. Она лишь скупо расспросила подругу,

как все произошло, и выслушала ее заключение, не бросив ни единого упрека, ни даже резкого слова. По тому, как креолка позволила вколоть себе лекарство, Аулина заключила, что не утратила ее расположение. Во всяком случае, не утратила критично. Вот и теперь Кимберли не стала прогонять подругу, когда та быстро подошла к ней вслед за Мартином.

— Хватит с меня уколов. Я хочу побыть с детьми, — услышала Аулина адресованную ей фразу.

Она решила не настаивать на постельном режиме, чтобы не спровоцировать эмоциональный взрыв со стороны креолки. Что ж, пусть остается в обществе ребят — как психотерапия это вполне неплохой вариант. Аулина лишь прошла вместе с ней и ее супругом к столу, за который уселась молодежь, и сама устроилась рядом. Кимберли не возражала. Она проследила за раздачей еды, переговорив со своей бабушкой Терезой, выполнявшей сегодня роль дежурной, и принялась неторопливо поглощать неприглядного цвета месиво, показывая детям личный пример.

В присутствии матери Никки вел себя смирно, да и Вайолет с Тобиасом особо не шалили. Они чинно орудовали ложками, ограничиваясь короткими репликами и смешливым фырканьем. Не было ни разбрасывания невкусной еды в направлении друг друга, ни кормления пола, ни прочих хулиганских штучек. Как максимум, троица пихалась под столом ногами, но делала это вполне умеренно, не рискуя опрокинуть его вместе со всей посудой. В целом, поведение детей не приковывало особого внимания, пока бригада мужчин не поднялась, собираясь уходить. Тогда, глянув в их направлении, Никки узрел нечто довольно необычное, до сих пор закрываемое от него взрослыми.

— Ух ты! Что это за штука?! — выпалил он, тыкая пальцем.

Находившийся рядом Тобиас поднял глаза от тарелки и замер, не донеся еду до рта. Вайолет, сидевшая напротив, обернулась и от удивления уронила на скатерть солидный кусок месива, выпавший из наклонившейся ложки.

— Ой! Как интересно! — воскликнула она, тут же забывая про невкусный завтрак.

— Это тот самый Мелиюбиус?! — живо осведомился ее брат, вскакивая с места.

За ним вскочили и подельники по играм, явно намереваясь сбежать из-за стола и подойти к сиреневой, похожей на бутон конструкции, чтобы хорошенько ее рассмотреть. Внезапно раздался резкий окрик, сопровождавшийся громким металлическим звуком. Вздрогнув, дети воззрились на одернувшую их Кимберли. Рывком поднявшись со скамьи, та даже опрокинула свою тарелку.

Мартин и Аулина оторопело воззрились на молодую женщину. Их взорам представилось искаженное лицо креолки с яростно пылавшими глазами. Ее грудь бешено вздымалась, а пальцы сжались в кулаки так, что хрустнули костяшки. Поначалу никто не мог понять причину столь бурного поведения, пока ответ не пришел сам собой.

— Ты! Это ты виноват! — крикнула, срываясь на визг, Кимберли.

Пока все присутствующие в кают-компании соображали, кого именно она имеет в виду, жена Мартина схватила свою кружку. Коротко замахнувшись, она запустила ей в направлении Гарольда и Себастьяна. Последний решил, что гнев Кимберли направлен именно на него, и едва увернулся от металлического предмета. Так же подумала и Аулина, поскольку подруга и ранее неоднократно обвиняла в своих бедах молодого ученого. Их предположения оказались ошибочными, ибо креолка целилась отнюдь не в Себастьяна, просто метатель из нее был неважный. Вторая попытка вышла куда удачнее. Тарелка, брызгаясь комьями каши, отправилась прямиком в Мелиюбиуса. Тот не пошевелился, чтобы никого не толкнуть. Лишь вокруг сиреневого бутона коротко полыхнула голубая дымка. Тарелка, летевшая в цель ребром, наискось отскочила в сторону, едва не угодив в Сонмера. Ученый, предусмотрев надлежащую защиту своего детища от всякого физического воздействия, оборудовал его платформу модулятором силового поля. Таким образом, брошенная следом кружка так же не достигла Мелиюбиуса, зато, отраженная блеснувшим барьером, попала в Гарольда. Четвертый по счету предмет сервировки Кимберли швырнуть не дали. Мартин удержал ее за правую руку, а Аулина вцепилась в левую. Разъяренная креолка вырывалась, продолжая обвинять Сиреневый Бутон.

— Будь ты проклят! — рычала она. — Это все из-за тебя! Это ты убил моего малыша! Моего Ольберта!

— Тише-тише, дорогая! — увещевал Мартин, переглядываясь с Аулиной.

— Ни за что! Пусть все знают! Во всем виновато это чудовище! — надрывалась старавшаяся высвободиться Кимберли. — Из-за него мы здесь! Это он виновен в смерти моего мальчика! Из-за него умрем мы все! Разбейте, уничтожьте его! Клянусь, я сама это сделаю! Я разнесу эту тварь до последнего винтика!

— Ким, успокойся! Ты пугаешь детей! — побледнела Аулина.

Те и впрямь были здорово напуганы, пораженные внезапной агрессией кто любящей матери, кто доброй и ласковой тети. Кимберли бывала строгой и требовательной, но обычно источала внимание и заботу. Апелляция к детям проникла в застланный бешен-

ством разум креолки. Перестав испускать совсем уж неприличные слова, она немного утихла и вырывалась не так яростно. Набежали родственники, плюс некоторые другие члены экипажа. Одни забрали детей, стараясь отвлечь их от неприятной сцены, другие помогли увести Кимберли. В кают-компании осталось всего несколько человек, включая Гарольда и Себастьяна с Мелиюбиусом.
— Что это вообще было? — осведомился бородач, подняв и вертя в руке попавшую в него кружку.
Подлетевший дрон-официант принял ее на поднос и деловито утащил в кухонную секцию.
— Обычный нервный срыв, вызванный недавней потерей, — спокойно отозвался Сиреневый Бутон. — Впрочем, боюсь, эта молодая женщина всерьез меня невзлюбила и вряд ли в ближайшем будущем она изменит свое мнение.
— Ты как, в порядке? — осведомился Себастьян, внимательно оглядывая творение своих рук.
— Смотря что ты подразумеваешь, — вполне жизнерадостно изрек Мелиюбиус. — Если мое физическое состояние, то прекрасно. Защита, которой ты меня снабдил, способна отразить куда более серьезную угрозу, нежели металлическая посуда. Что же касается морального, то и оно вполне себе в норме. Я ведь не обладаю привычным человеку набором эмоций. Я не лишен чувств, просто они у меня свои, и такое пустяковое происшествие не нанесло мне никакой травмы. Я даже не обиделся на Кимберли, хотя ее слова и действия меня, безусловно, огорчают.
— Я с ней поговорю, — закусил губу ученый.
— Полагаю, это куда лучше выйдет у Аулины, — резонно заметил Гарольд. — Ты же, будущий родственничек, сходи-ка лучше побеседуй с бригадой ЭлСо. Я не мастер общаться с людьми, а они вон как из-за этой истерики поразбежались. Давай, организуй их на работу! Пора уже запускать электролиз!
Замечание и впрямь было весьма дельным, но Себастьян мешкал, сообщив, что ему сперва надо запереть Мелиюбиуса. Гарольд послал его к черту, выразительно указав пальцем на выход из кают-компании. Мелиюбиуса, мол, он заберет с собой на мостик, откуда тот никуда не денется, а ученый пусть пошевеливается по части техников.

Совместными усилиями Кимберли удалось более-менее утихомирить. Аулина решила воздержаться от лошадиной дозы снотворного пополам с успокоительным. Постоянно находясь в бессознательном состоянии, подруга не сумеет нормально пережить трагедию и справиться со своим психозом. Аулина ввела тщательно выверенную дозу препаратов, чтобы креолку не покидало же-

лание лежать, но при этом она не спала и могла контактировать с окружающими. Кимберли разместили в отдельном помещении, снарядив ей в качестве ложа антиграв. Представляя собой небольшой закуток, откуда срезали и вынесли какое-то малозначительное оборудование, оно находилось по соседству с Никки, Вайолет и Тобиасом. После смерти Бассета их перевели ночевать в гамаки, обустроив им вполне уютную секцию через две двери от взрослых. Это только казалось, что Кимберли и детям лучше и естественней находиться в четырехместной каюте, где последние прежде и обитали. По этическим и психологическим соображениям ребят не оставили там, где умер их близкий человек. Каюту, чтобы место почем зря не пропадало, теперь занимали совсем другие люди. Правда, ложе Бассета оставалось свободным, ибо никому не захотелось спать там, где недавно кто-то скончался.

На первое время при Кимберли остался Мартин, а он, в свою очередь, организовал дежурство других родственников, чтобы приходившая в себя жена не оставалась одна. Препоручив креолку ее супругу, Аулина удалилась и устроила плановый утренний осмотр других пациентов. Глен, закутанный в лечебную ткань, спокойно спал. Антиграв, поставленный на манер койки у стены медотсека, служил ему вполне сносной кроватью. Освободившееся диагностическое ложе поочередно принимало одного человека за другим. Аулина хмурилась. Из всех пострадавших только Никки и Пауль полностью поправились. Фиксирующую повязку на запястье она ребенку все же оставила — так, на всякий случай, — зато младший брат лишился веского аргумента отлынивать от тяжелой работы. Аулина немедленно отправила его помогать старшим мужчинам со станцией электролиза, а сама продолжила прием пациентов. Вот тем было явно далеко до полного выздоровления. Ткани вокруг поврежденных костей продолжали воспаляться, отчего пораженная область увеличивалась. Медленно, но увеличивалась. Это никак не укладывалось у девушки в голове. Она исправно давала людям антибиотики и противовоспалительные, но те отчего-то не справлялись, лишь замедляя процесс, но не ликвидируя. Колено беспокоило Джулет все больше, как и Глорию боль в боку со сломанными ребрами. Немногим лучше чувствовали себя ключица Луизары и нога Густава. Озабоченно изучая данные сканирования, Аулина сосредоточенно потирала переносицу, соображая, как лучше поступить. Возможно, следовало увеличить дозу вводимых препаратов. Ну-ка что там сказано в инструкции насчет предельной суточной нормы? Пошелестев клавишами терминала, девушка освежила в памяти запрошенную информацию, а затем скорректировала курс лечения. Пациенты немедленно почувствовали себя

лучше, хотя по факту впечатление было обманчивым. Так повлияло действие обезболивающего, усиленного комбинацией с другими лекарствами. Наступит ли и впрямь положительный эффект или нет, станет ясно только к следующему утру. Развозя пациентов по их месту пребывания, Аулина подумала, что ей, пожалуй, стоит снова проконсультироваться с Мелиюбиусом. Правда, с этим она решила повременить, так как бригада ЭлСо под прямым руководством Гарольда, Себастьяна и Мартина готовилась запускать станцию электролиза и девушка не удержалась от искушения прийти посмотреть.

Аулину никто не прогонял, тем более что кроме нее туда явилось большинство членов экипажа. Им всем лишь велели держаться в стороне, подальше от активной зоны, но глазеть на происходящее не мешали. Нынешнее событие было слишком важным и касалось всех беглецов, отчего им не запрещали хотя бы пассивное участие. Правда, львиная доля процессов проходила внутри различных узлов и контуров, однако и они вызывали известный интерес, особенно когда раздавались всякие звуки, а вокруг суетились техники и роботы. Впрочем, в конструкциях имелись и врезки из толстого ударо- и жаропрочного стекла, через которые обслуживающий персонал мог наблюдать за происходящим. Это не в последнюю очередь помогало отлаживать процесс, управляя им не только по приборам. Себастьян, завидев Аулину, подозвал ее к себе, и никто не выразил неудовольствия. Девушка успела зарекомендовать себя толковым и очень полезным членом экипажа, помогающим решать проблемы, а не создающим их. Впрочем, вскоре и остальным желающим позволили приблизиться к обзорному стеклу, хотя Аулине все равно повезло больше всех. Ее вовлекли в процесс запуска станции. Забравшись по металлической лесенке на небольшую пристройку, где шли какие-то трубы, она наблюдала за двумя располагавшимися там внушительными манометрами, а заодно смотрела на все происходящее сверху, откуда открывался недурной вид.

Часть беглецов не принимала участия в знаменательном действе. Одни соблюдали постельный режим, предписанный курсом лечения, да и не все могли самостоятельно передвигаться, другие следили за детьми. Во избежание каких-либо потенциально опасных шалостей тех держали подальше от мест, где шли работы, и за ними постоянно присматривал кто-нибудь из взрослых. Третьим просто было безразлично что происходит в секции электролиза, поскольку их не интересовали технические штучки-дрючки. К таковым, в частности, относилась Ванда, тетя Аулины и старшая сестра ее отца. Свою племянницу Ванда любила, особенно за то, что

та не бросила ее с мужем на периферии, а уговорила Гарольда взять их с собой в "Элегию". Вот Себастьян не понравился ей с самого начала. Несмотря на высокий статус возлюбленного племянницы, она находила молодого ученого недостаточно серьезным для устойчивых семейных отношений, да и его происхождение вызывало вопросы. Ванда не относилась к расистам или иже с ними, но определенной степенью ксенофобии уж точно страдала, хотя всячески старалась это скрывать. Только шила в мешке, как говорится, не утаишь. Она и прежде высказывалась против брака Аулины и Себастьяна, а теперь, когда земной рай оказался потерян, и беглецы застряли на грузовом корыте в открытом космосе, отношение Ванды к молодому человеку окончательно испортилось. Собственных детей у тети не было, отчего она гипертрофированно проецировала свое внимание на потомство Дориана, своего младшего брата. Гарольд в опеке тетушки не нуждался и вообще держал ее на расстоянии, как, впрочем, и всех остальных, кроме сестры. Аулина, хоть и относилась к родным куда теплее, так же не стала для Ванды любимой игрушкой. Ей больше импонировало общество Сары, бабушки по материнской линии, что напрямую влияло на связывающие их узы. Вот Пауль, самый младший в семье, охотно позволял себя лелеять и баловать, и это явно не шло на пользу его и без того капризному характеру. Гарольд неоднократно грозился избавиться от родственничков, включая инертных Йонаса, мужа Ванды, и Дориана, собственного отца, но воздерживался от репрессивных мер, пока на стороне "иждивенцев" была Аулина. Ванда это прекрасно понимала, поэтому, даже не пытаясь подлизываться к бородатому взломщику, всеми силами поддерживала лояльность в племяннице. Как ни странно, ее реакция на Себастьяна происходила именно по означенной причине. Тетя считала своим долгом не восторгаться любым решением Аулины, а строго наоборот — пыталась уберечь ее от ошибок и явно неудачного выбора. То была вторая из причин, почему Ванда не пошла вместе со всеми в секцию электролиза. Помимо полного отсутствия интереса к технике она не желала лишний раз видеть Себастьяна.

В четырехместной каюте было пусто. После того, как детей переселили, ее заняли другие члены экипажа, одним из которых и была тетя Аулины. Войдя внутрь, она сразу проследовала в секцию санузла, находившуюся позади единственной комнаты, одновременно служившей как спальней, так и гостиной. Корпорация не слишком-то заботилась о комфорте экипажа обычного грузового транспорта, поэтому каюты не отличались простором и даже раздельными помещениями для кроватей. Санузел также был совмещенным, хотя, впрочем, и отнюдь не тесным. Там располагались

душевая кабина, раковина и гальюн. Кабиной теперь пользовались в режиме жесткой экономии. Вода текла тонкой струйкой, достаточной для простого гигиенического омовения, но не больше. Из-за этого мало кто включал другой ее режим — подачу теплого воздуха, чтобы высушить мокрое тело. Вокруг раковины располагались всякие технические штучки, начиная от фена и заканчивая автоматическим манипулятором для стрижки и подравнивания ногтей. Иные звездолеты оснащались и роботизированным парикмахером, но для среднемагистрального грузового судна "Галактик технолоджис" считала это излишним. Отдельного внимания заслуживал гальюн, внешне похожий на обычный унитаз, изобретенный цивилизацией еще в незапамятные времена. Гальюном его прозвали, во-первых, из-за самого факта пребывания на борту судна, хотя это слово всегда относилось скорее к помещению, чем к конкретному объекту, а во-вторых, за принцип действия. Таковых у него имелось два, предназначенных для наличия искусственной гравитации и для ее отсутствия. В первом он функционировал так же, как и на любой планете, то есть работал на водяном сливе, после чего включал автоматическую систему очистки и обеззараживания. Никаким уборщицам мыть такую конструкцию не приходилось. Второй режим задействовал довольно мощную вакуумную вытяжку, что могло доставлять пользователю известный дискомфорт, отчего он и активировался только в невесомости. В ней-то всякий жидкостной слив исключался, чтобы по кораблю не разлетались водяные пузыри с отходами жизнедеятельности.

Закончив моцион, Ванда подошла к зеркалу, роль которого играла стена с раковиной. Из отражения на нее глядела все еще вполне привлекательная женщина. По нынешним меркам шестьдесят три года были не таким уж значительным возрастом, благо что цивилизация давно шагнула вперед, существенно увеличив среднюю продолжительность жизни. Это же касалось и внешнего вида, поскольку современные косметические и медицинские средства позволяли неплохо омолаживаться. В шестьдесят лет по-прежнему нельзя было выглядеть на двадцать, но на сорок и даже тридцать пять — очень даже. Впрочем, что долголетие, что омоложение не стали доступными всем и каждому. За все приходилось платить. Граждане Третьей Республики, не обладавшие приличным достатком, не имели доступа к самым совершенным технологиям, способным удвоить, а то и утроить отпущенный срок жизни и сохранить внешнюю привлекательность. В "Элегии" такие технологии имелись, отчего Ванда, глядя на себя в зеркало, вслух выругала Себастьяна. Кимберли, возможно, и проявила излишнюю

экспрессию, набросившись на того сиреневого робота в кают-компании, но по сути она была совершенно права. Что эта железяка, что ее создатель стоили друг друга, и являлись истинными виновниками бед, обрушившихся на ни в чем не повинных людей. Людей, имевших полное право наслаждаться жизнью в "Элегии" и в одночасье лишившихся всего. Сердито фыркнув, Ванда вынула из поясной сумки небольшую коробочку, дюймов пять длиной и полтора шириной, которую всегда держала при себе. Ее округлые серебристые бока приятно радовали взор, а содержимое и тем более. Поднеся коробочку к губам, Ванда слегка сдавила ее двумя пальцами и глубоко втянула воздух. Устройство тихо загудело, отправляя в легкие женщины сгенерированную взвесь. Прикрыв глаза и задрав голову, Ванда неторопливо выпустила к потолку столб чего-то похожего на розовый пар, а затем вновь хорошенько потянула из коробочки. Потом еще и еще. Нет, она не употребляла какой-нибудь наркотик, хотя в подобных устройствах частенько и, разумеется, нелегально, продавалось и такое. В ее арсенале имелась совершенно законная курительная смесь, считавшаяся не слишком вредной для здоровья и приносившая любителям подобных штучек немалое удовольствие. К означенным любителям Ванда как раз и относилась. Аулина не слишком одобряла увлечение тетушки, но не мешала ей предаваться своей слабости. Гарольд, однако, воспротивился, когда возникла проблема с дефицитом кислорода. Система фильтрации воздуха и без того работала так себе, вентиляция сбоила, а регенерация и вовсе сдохла. Еще не хватало, чтобы всякие токсикоманы отравляли атмосферу "Корундоры". Именно поэтому Ванда и наслаждалась своей любимой смесью исключительно тайком, уединяясь для этого в уборной. Вот и сейчас, пока остальные, будто гурт овец, набились в секцию с электролизом, она тянула и тянула ароматную смесь, радуясь скрытно прихваченному запасу. Вот уж за что и впрямь спасибо научному прогрессу, а Гарольд может идти к черту.

Ванда сделала восьмую по счету затяжку, когда в санузле что-то загудело. Удивившись, она огляделась по сторонам, выискивая источник шума. Внезапно у двери и на потолке зажглись огни технической индикации. Такая имелась в любом помещении звездолета, обычно выполненная либо в виде выступающего конуса, либо выпуклой окружности. Полыхнув оранжевым светом, огни завертелись, отбрасывая вокруг движущиеся блики.

— Внимание! Пожарная тревога! — произнес бесстрастный женский голос, принадлежавший искусственному интеллекту.

— Э-э! — опешила Ванда, подавившись очередной затяжкой и закашлявшись.

— Внимание! Пожарная тревога! Всем членам экипажа следует немедленно покинуть зону с сигнальными огнями! — снова раздался все тот же голос.
Не слишком громко, но все же неприятно для ушей включилась сирена, издавая непродолжительное, но часто повторявшееся завывание. Всерьез обеспокоившись, тетя Аулины поспешно сунула серебристую коробочку в кармашек сумки, откуда та из-за спешки торчала почти наполовину, и направилась к двери. Тут раздался еще один звук — отчетливо слышный металлический щелчок, будто замкнулся какой-то механизм. Он шел со стороны выхода из санузла, которым и собиралась воспользоваться женщина. При ее приближении дверь не открылась. Это было вполне естественно, учитывая назначение помещения. Снаружи оно, как и многие другие, отпиралось автоматически, но только если кто-то не запер его изнутри. Ванда, разумеется, заперла. Протянув руку, она перекинула рычажок замка, намереваясь побыстрее покинуть место преступления. Не иначе как чертова сигнализация включилась из-за выдыхаемой взвеси — с нее станется, — а разбираться с Гарольдом его дражайшей тетушке не хотелось чрезвычайно. Ничего не изменилось. Дверь по-прежнему и не думала размыкаться, уходя в стены двумя половинками. Ванда, оторопев, снова перевела рычажок туда-сюда, и снова не добилась желаемого эффекта.
— Внимание! До активации системы пожаротушения осталось пятнадцать секунд! — возвестил бесстрастный голос.
— Чего?! Эй ты, стой! Прекрати немедленно! — воскликнула Ванда, не то от испуга, не то всерьез рассчитывая докричаться до компьютера.
Тот, между тем, преспокойно вел обратный отсчет. Женщина, до сих пор просто ошеломленная происходящим, струхнула всерьез. Несмотря на свою нелюбовь к технике, она прекрасно знала как тушат возгорание на космическом корабле, и ничего хорошего это не предвещало. Чувствуя волну поднимающейся паники, Ванда то дергала окаянный рычажок, то стучала в запертую дверь, призывая на помощь.
— Два… Один… Ноль, — досчитал до конца искусственный интеллект.
Женщина забарабанила в металлические створы обоими кулаками и не сразу сообразила, что ничего страшного так и не произошло. Несколько утихомирившись, она осторожно глянула на потолок, где по-прежнему вертелись оранжевые огни.
— Обнаружено присутствие человека! Действие системы пожаротушения остановлено! — сообщил бесстрастный голос к великому облегчению Ванды.

Женщина перевела дух. Все-таки у чертовой железяки хватило ума прервать выполнение программы, тем более запущенной из-за такого пустяка. Однако же из санузла все равно следовало выбираться. Сигнализация не выключалась, а сирена продолжала тревожно подвывать. Ванда, немного успокоившись, снова застучала кулаками в дверь, надеясь, что ее хоть кто-нибудь да услышит. Впрочем, кто? Почти все ушли к станции электролиза, дети где-то играют, а в соседних каютах находятся одни лишь лежачие. Проклятье! Чтоб вам всем пусто было! И ведь интерком в санузле не предусмотрен!

— Внимание! Отмена действующей инструкции! Угроза имеет высший приоритет! Система пожаротушения активирована! — внезапно заявил компьютерный голос.

— Что?! — возопила насмерть перепуганная Ванда.

— Пять… Четыре… Три… Два… Один… Ноль, — отсчитал искусственный интеллект, не обращая ни малейшего внимания на истошно кричавшую женщину.

Едва кончился отсчет, разомкнулись скрытые в полу и потолке небольшие технические шлюзы. Воздух громко засвистел, устремляясь в открывшиеся отверстия, и покинул санузел в считанные секунды.

Вакуум. Так на звездолетах избавлялись от огня, если тот проходил по категории выше незначительного искрения, либо тлевшей проводки. Задымление также классифицировалось как пожароопасная ситуация. В качестве упреждающих мер система пожаротушения вполне могла изолировать помещение и удалить оттуда весь воздух. Конечно, учитывая сложную начинку звездолета и различные физико-химические особенности, что-то могло гореть и без прямого доступа к кислороду, однако создание безвоздушного пространства считалось основной и обязательной мерой. Формально, ничего сверхъестественного в санузле не произошло. Полностью вытянутая атмосфера лишала источник воспламенения необходимой пищи, заодно удаляя все продукты горения. Вот только никакого источника не было, равно как и дыма.

Ванда догадалась захватить в грудь немного воздуха перед тем, как он полностью вышел, однако в чемпионки мира по задерживанию дыхания она никогда не просилась. Да и не годилась. Хватило ее очень ненадолго. Начиная задыхаться, она открыла плотно сжатый рот и стала хватать несуществующий воздух. Это немедленно ухудшило ее и без того критически опасное положение, так как легкие тут же утратили все содержимое, вышедшее в вакуум. Глаза женщины полезли из орбит, а лицо начало багроветь. Она даже не могла хрипеть, ибо в безвоздушном пространст-

ве терзавшееся горло было не в состоянии издавать какие-либо звуки. Хватаясь за грудь, Ванда чувствовала, как у нее темнеет в глазах, а в сосудах вскипает жаркий огонь. Этот же огонь заполонял все дыхательные пути, поднимаясь вверх и заливая голову. Сердце сходило с ума, интенсивно качая кровь, в которой оставалось все меньше растворенного кислорода. Из-за панического состояния он сжигался в несколько раз больше нормы, стремительно снижая шансы Ванды на спасение. А шансы вполне себе были, ведь система пожаротушения не включилась навечно. После удаления атмосферы она наверняка вновь проверит статус помещения, после чего, убедившись в отсутствии очага возгорания и дыма, искусственный интеллект вернет воздух обратно, вырубит сигнализацию и разблокирует двери. Именно на это Ванда и рассчитывала, вот только бездушная машина что-то не торопилась подавать кислород. Время шло, и каждая секунда казалась попавшей в ловушку женщине сущим адом. В ее жилах забурлил настоящий кипяток, а мозг захлестнула волна ослепительного пламени. Началась агония. Ванда, утратив остатки рационального мышления, отчаянно колотила в неумолимую дверь, но вскоре упала на пол и забилась в судорогах. Белки ее глаз подернулись красными прожилками. Тело выгнулось, пальцы царапали пол, срывая ногти. Багровое, словно опухшее лицо внезапно посинело. Такой же цвет приобретали и искривленные губы. Теперь Ванда уже ничего не видела и не слышала. Ее мозг стремительно умирал, а все, что осталось гибнущим клеткам— это красный всепоглощающий огонь, страшное жжение и мучительные попытки глотнуть хоть немного воздуха. Воздуха, которого все не было. Разум уже отключился, а тело все продолжало инстинктивно биться, будто не желая смиряться с наступавшим концом. Затем красное зарево померкло, стремительно проваливаясь во тьму. Сводимые агонией мышцы расслабились и лишь окровавленные кончики пальцев еще продолжали подрагивать остатками теплившейся жизни.

Бормоча под нос ругательства, Гарольд и Элмер покинули секцию электролиза и направились в жилую часть "Корундоры". Внезапно объявленная пожарная тревога пришлась как раз на тот момент, когда свежеиспеченная станция начала вырабатывать первый кислород. Судя по информации с ближайшего терминала, тревога была локальной и приходилась на санузел четырехместной каюты. Происшествие походило на банальную неисправность, коих на пострадавшем грузовом звездолете вполне себе хватало, однако Гарольд, подумав, направил туда отца Себастьяна. Мало ли что? Элмер ушел с крайней неохотой, не желая пропускать столь

важный и ответственный момент. Бородач догнал его уже по пути. Данные с терминала вызвали у него беспокойство. Система удалила воздух из помещения, однако обратно его закачивать не спешила. То ли речь действительно шла о неполадке, то ли в санузле и впрямь что-то горело, причем горело весьма уверенно.

Когда двое мужчин вошли в каюту, сигнальные огни продолжали крутиться, а сирена раздражать слух. Подойдя к двери санузла, Элмер попробовал ее открыть, но это ему ожидаемо не удалось. Вскрыв боковую панель, электрик вытащил на свет целую пачку проводов вместе с выдвижными схемами, и принялся там копаться. Гарольд, используя находившийся в каюте терминал, быстро получил управляющий доступ. Добравшись до системы пожаротушения, он вмешался в действующий протокол. Да, в санузле все еще царил вакуум, хотя датчики показывали, что там отсутствуют какие-либо источники задымления или возгорания. Отдав системе прямой приказ, Гарольд включил подачу кислорода, одновременно вырубая надоедливую сирену. Лишь оранжевые огни все еще продолжали крутиться, напоминая о внештатной ситуации. Когда давление в санузле выровнялось, бородач кивнул Элмеру. Тот замкнул какие-то контакты, и дверь, заблокированная режимом пожаротушения, тут же открылась. В освободившееся пространство изнутри внезапно выпала чья-то рука. Элмер вскрикнул, протянув дрогнувшие пальцы. Гарольд глянул в указанном направлении и оцепенел. На полу санузла, подле разблокированной двери, недвижно лежала его тетя Ванда.

— Черт побери! — вырвалось у бородача.

С неприсущей ему резвостью он ринулся вперед и опустился на колени перед телом, распростертым в весьма пугающей позе. При виде искаженного, почерневшего лица, по которому пробегали оранжевые блики световой индикации, Гарольду стало не по себе.

— Твою ж мать! — ошеломленно выдохнул присевший рядом Элмер, созерцая жутковатое зрелище.

— Беги за Аулиной! Быстро! — велел бородач.

Вскочив, отец Себастьяна опрометью покинул каюту. Гарольд, сев на пол подле женщины, дотронулся до ее шеи — там, где находилась сонная артерия. Через четверть минуты он убрал руку и глубоко вздохнул. Затем огляделся вокруг, будто искал какой-то ответ. Внезапно на глаза ему попался небольшая серебристая вещица, частично выглядывающая из-под ноги женщины. Наклонившись, бородач поднял прямоугольную коробочку дюймов пяти длиной и тут же понял, что это такое. Он снова вздохнул, покачав головой, и убрал коробочку в карман. Некоторое время его взор был обращен на Ванду. Ее мучительно искаженное лицо впечатли-

ло даже обычно флегматичного ко всему Гарольда. Протянув руку, он провел по нему ладонью, закрывая налитые кровью остекленевшие глаза. Гарольд сразу понял, что помощь подоспела слишком поздно. Женщина была мертва, и причина ее гибели напрашивалась сама собой. Она задохнулась, слишком долго пробыв в безвоздушном пространстве. Бородач невольно подумал, что в этом была какая-то злая ирония. Умерев от нехватки кислорода, несчастная женщина автоматически сэкономила его для всех остальных. Возможно, мужчины и успели бы ее спасти, прибеги они сразу на сигнал пожарной тревоги, но момент оказался крайне неудачным, будто треклятая система подгадала его нарочно. Из-за запуска станции электролиза они промедлили, и вот теперь Ванда лежит на полу бездыханной. Как это прикажете объяснять Аулине?.. Гарольд послал за ней уже сознавая, что та тетушке ничем не поможет. Просто он хотел, чтобы сестра узнала все сразу и от него, а не из десятых рук. Узнала, что смерть забрала еще одного человека, на этот раз выбрав его из числа их семьи.

– 6 –

Для восьми циклов на борту звездолета три тела в морге было явно многовато, пускай кончина каждого и объяснялась вполне естественными причинами. Это обстоятельство изрядно омрачило радость от успеха со станцией электролиза, подарившей беглецам немало дополнительного кислорода. Под мерное гудение силовых линий добытая и очищенная вода постепенно расщеплялась на составляющие. Баллоны с водородом роботы увозили в топливный отсек, где складировали в пустующий штабель, смахивавший на ячеистый стеллаж для хранения вина. Кислород доставлялся в центр распределения ресурсов, наполняя надлежащие емкости. При этом его процентное содержание в составе атмосферы "Корундоры", пребывавшее ниже нормы, ничуть не изменилось. Гарольд не прибавил в атмосферу "Корундоры" ни галлона, придерживаясь прежнего режима экономии. Он ведь отлично понимал, что воздуха беглецам все еще может не хватить, и пока к ним подоспеет помощь, звездолет рискует превратиться в летающий саркофаг. Расчетные цифры утешали всех, кроме посвященных. Двадцать циклов и одиннадцать часов более-менее суммировались с восемью уже прошедшими сутками, и практически впритык давали необходимое время на прием сигнала SOS военным аванпостом "Контилада", откуда наверняка прибудет помощь, и прибудет незамедлительно. Недостающие дни Гарольд сотоварищи собирались выиграть за счет экономии на последнем этапе полета, а

также оптимизации электролиза, снижая все промежуточные потери до минимума. Плюс поскрести, что называется, по сусекам, выжав кислород практически отовсюду, где он хоть как-то содержался, включая запасы питьевой воды. Ведь задохнувшимся людям чаи гонять без надобности, да и мыться ни к чему. Определенные надежды возлагались и на сам сигнал SOS, точнее, скорость его распространения. Изначальные полтора месяца удалось существенно сократить, пользуясь подсказками Кимберли и совместными усилиями всех лучших умов "Корундоры". Теперь, на утро девятых суток, запас кислорода на двадцать с половиной циклов кое-как вписывался в предполагаемое появление спасателей с "Контилады", ожидавшееся на двадцать пятый день. Ну, с учетом всех вышеперечисленных способов растянуть его количество до заветного порога. Вот только большинство членов экипажа о дефиците воздуха все еще не знали, уверенные в благополучном исходе побега. Им было известно лишь о необходимости сдержанно тратить жизненно важные ресурсы, а также о неполадках в различных узлах грузового звездолета. Этими неполадками, в частности, и объяснялась смерть Ванды, задохнувшейся во время сработавшей системы пожаротушения. Часть вины тут возлагалась на саму погибшую женщину, поскольку сигнализация наверняка среагировала на ее пристрастие к курению, перепутав дым с безобидной взвесью. Другое дело, отчего система не отключилась, убедившись в отсутствии угрозы и вернув в санузел удаленную атмосферу, и каким образом пренебрегла человеческой жизнью. Эти вопросы яростнее всего задавала Аулина, и отвечать на них Гарольду было весьма непросто. Он ведь и в самом деле кое-что менял в приоритете служебных протоколов, исходя из пожароопасной ситуации на поврежденном звездолете. С его точки зрения, ничего подобного инциденту с Вандой все равно не должно было случиться, однако стопроцентной уверенности бородач не испытывал, чего сестре оказалось вполне достаточно. Она же видела замешательство и смущение брата, вызванное, помимо прочего, самим фактом припозднившегося реагирования на сигнал тревоги. Аулина не обвиняла Гарольда напрямую, но в ее глазах тот видел немой укор и чувствовал себя не в своей тарелке. Бородач знал, что у сестры есть полное право считать его причастным, отчего легче ему уж точно не становилось. Ну вот почему все должно было произойти именно так?! Почему это не оказался кто-нибудь другой, менее важный для Аулины? Отсутствие всякой пользы от тетушки сомнений не вызывало, только на "Корундоре" она была не одна такая, кто почем зря сжигал кислород, да и вообще вел достаточно пустую жизнь. У Гарольда хватало ума не из-

лагать Аулине эти пусть и рациональные, но жестокие соображения. Он предпочитал отмалчиваться, посвящая время упорному труду. В насущных задачах недостатка-то не ощущалось.

Станция электролиза нуждалась в постоянном присмотре, чтобы ее функционирование не только не прекращалось, но и оптимизировалось. Требовалось заботиться и об аварийной антенне, отправлявшей сигнал SOS. Формально, всего после нескольких часов вещания он в любом случае будет принят "Контиладой", даже если потом вещание полностью прекратится. Однако трансляцию следовало продолжать. Звездолет, посланный на помощь, должен засечь ее немедленно, едва закончит прыжок и выйдет в обычный космос. Он ведь не свалится беглецам прямо на голову, а объявится на определенном расстоянии, способном в масштабах космоса оказаться поистине колоссальным. Без радионаведения, благо что сигнал распространялся не только узким лучом, но и в ближнем радиусе, спасатели запросто могут не обнаружить "Корундору", похожую на крохотную песчинку в бескрайнем пространстве. Именно поэтому аварийная антенна, отправляющая SOS, все еще работала, а с учетом кустарной перекройки ее контуров и довольно грубого замыкания на корпус звездолета всему узлу связи требовались регулярные наблюдение и калибровка. Они же требовались и сервисным роботам, как автономным, так и находившимся под началом Элмера и Сонмера. Рассказ Аулины о необычном поведении дронов Гарольд не считал плодом разыгравшегося воображения, как не считал и чем-то из ряда вон. Никто ведь не удивляется появлению коридорных и горничных в гостиницах. Со звездолетами было примерно так же. Автоматическая часть "Корундоры", управляемая искусственным интеллектом, занималась своими делами, не требующими вмешательства людей. Где-то что-то подкрутить, привести в порядок фильтр, почистить загрязненную поверхность, заменить энергоячейку, осуществить сервис какого-либо узла — все это происходило совершенно обыденно и, кстати говоря, как правило, в ночное время. Зачем людям и роботам мешать друг другу, сталкиваясь в дверях кают либо в том же медотсеке? К членам экипажа искусственный интеллект обращался лишь тогда, когда этого требовала какая-то внештатная ситуация. Во всех остальных случаях люди даже не замечали деятельности обслуживающей техники. Другое дело, что эта техника действительно продолжала чудить, хоть и по мелочи. Странности в ее поведении в той или иной степени успели заметить почти все беглецы, поэтому Гарольд и Сонмер решили как следует заняться роботами сразу после станции электролиза. Бородач, собственно, на них как раз и переключился, когда явившаяся на мостик Аулина

сообщила, что намерена отправиться в трюм.

Выслушав сестру, Гарольд вымученно улыбнулся и кивнул. С его точки зрения, такие вещи запросто можно сообщать через интерком, а не приходить лично, о чем он и отпустил небольшой комментарий.

— Я хочу быть уверена, что в случае чего ты окажешься у терминала и не прошляпишь еще чего-нибудь, — прищурилась девушка.

— Мне достаточно сказать об этом и один раз, а ты уже в четвертый, — проворчал бородач.

— Лучше хоть сорок четвертый раз, чем вторая смерть! — сердито бросила Аулина.

— Послушай, сестрица, если ты меня в чем-то обвиняешь, то говори прямо, а не ходи вокруг да около! — насупился Гарольд.

— Давно бы сказала! Значит, не обвиняю! Только я хочу быть полностью уверена, что ты немедленно придешь на помощь при какой-либо аварийной ситуации, — парировала девушка.

— Тогда возьми с собой Себастьяна. Уж с терминалами и роботами он как-нибудь управится, раз сотворил такого, как Мелиюбиус, — предложил старший брат.

— Я бы взяла, да он как раз с Мелиюбиусом и занят. Что-то изучают в реакторном отсеке, — отозвалась Аулина. — Кроме того, тебя бы я все равно навестила. Не хочется, знаешь ли, оказаться в смертельно опасной ситуации, когда тебя унесет в кают-компанию за порцией любимой отравы, или, как следствие, в гальюн, который ты странно что еще не прожег.

— Мне что тут, прикажешь с подкладным судном сидеть? — едко осведомился Гарольд, но, поймав взгляд сестры, решил с ней не пререкаться. — Возьми тогда Мартина, — добавил он, отводя глаза так, словно о чем-то припоминая. — Кажется, он рвался проверить состояние погрузочных автоматов в грузовом отсеке. Вот и совместите два дела сразу.

Предложение выглядело вполне дельным. Связавшись с Мартином по интеркому, Аулина предложила ему прогуляться в трюм. Конструктор турелей, помогавший отцу налаживать непрерывную работу сервисных роботов, увозивших заполненные баллоны с газом, сообщил, что придет через двадцать минут.

Аулина, как и прежде, инспектировала поклажу "Корундоры" не одна. Из женщин компанию ей составляли Тани, Сара, Тереза и Клодия. Юния была дежурной в жилом блоке и кают-компании, отчего к команде исследовательниц на этот раз не присоединилась. Ее хотела заменить Глория, уставшая постоянно лежать, однако состояние семидесятилетней женщины со сломанными ребрами продолжало вызывать опасения. Кости вроде бы срастались,

но окружающие их кровоподтеки свидетельствовали о продолжавшемся воспалительном процессе. Аулина отказала сестре Луизары, настояв на соблюдении постельного режима, зато взяла Пауля. Последний уж очень настойчиво просился, обещая взять на себя самые сложные и опасные участки трюма. Аулина таковых особо не наблюдала, однако согласилась принять младшего брата в компанию просто ради разнообразия. Пауль был искренне рад, расплываясь в улыбках, ибо ему удалось законно увильнуть от очередной работенки Гарольда.

Трюм "Корундоры" представлял собой обширное пространство, разделенное на пять исполинских секций. Каждая была в четверть мили длиной, сто пятьдесят ярдов шириной и около ста тридцати футов высотой. Секции разделялись громадными шлюзами, выполненными в виде грузовых ворот диафрагмового типа. Когда ворота были открыты, от самого погрузочного пандуса, находившегося в хвостовой части звездолета, и до противоположного конца трюма образовывался единый подвесной монорельс. По нему на "Корундору" загружали контейнеры из тех, что по каким-либо причинам не должны содержаться в условиях открытого космоса. Например, ввиду конструктивных особенностей, не выдерживающих внутреннего давления в окружающем вакууме, либо же требований к температуре. Немало различных грузов следовало транспортировать хотя бы при небольшом, но плюсе. Если же возникала необходимость в охлаждении ниже нуля, то создать нужную среду внутри корабля было куда проще, нежели нагревать контейнеры до заданного минуса снаружи. Да, именно нагревать, ибо за бортом царили не только вакуум, но и так называемый абсолютный ноль. Именно поэтому часть контейнеров находилась не с внешней стороны "Корундоры", закрепленная в специальных сотах, а в ее трюме. По монорельсу они поступали с пандуса в отсеки, где распределялись по огромным стойкам с помощью ответвлений и лифтов. Монорельс считался более экономичным, нежели могучие антигравы для внушительных, порой с многоэтажный дом контейнеров. Механизированные стойки также отлично справлялись с приемом тяжеленного груза. Правда, в данный момент они примерно наполовину пустовали. Во-первых, товары из "Элегии" далеко не всегда заполняли полностью именно трюм. Во-вторых, беглецы угнали звездолет за несколько циклов до окончания погрузки, фактически прервав ее в активной стадии. Этим и объяснялось, что часть контейнеров до сих пор оставалась на монорельсе, а не была распределена куда следовало.

Секционные шлюзы выполняли не только разграничительную функцию. Они удерживали внутреннюю атмосферу, способную

обеспечить технически нормированное давление, но непригодную для дыхания людей. Корпорация не предполагала какие-то операции с грузом в процессе полета, отчего экипаж мог войти в трюм либо в кислородных масках, либо предварительно изменив тамошний состав воздуха с помощью особой процедуры. Гарольд считал явно неуместным закачивать и без того дефицитный кислород в настолько огромное пространство. Беглецы всякий раз одевали некое подобие герметичного, снабженного баллончиком респиратора, ничуть не мешавшего видеть и общаться.

Аулина встретила Мартина в конце второй грузовой секции, нумерация которых велась по направлению к корме судна. Он как раз активировал терминал, чтобы освежить в памяти информацию по каждому контейнеру, начиная от наименования груза и заканчивая транспортировочным маршрутом. Этот терминал выглядел как большая наклонная панель, выполненная в виде сенсорного экрана. Оператор управлял им даже не пальцами, а ладонями, нажимая крупные кнопки и перемещая элементы — просто и эффективно, учитывая, что люди частенько работали в громоздких защитных костюмах. Такие терминалы имелись в каждой из пяти секций трюма, и Аулина со своей командой как раз собиралась перейти в третью.

— Погоди, я закончу тут с последним контейнером, и мы пойдем все вместе, — предложил Мартин.

Женщины согласились, а Пауль так вообще радовался любой задержке. Он был готов торчать в трюме хоть до самого прибытия спасателей, лишь бы ему не докучал Гарольд. Усевшись на лавочке для техников, вся компания неторопливо о чем-то судачила. Аулина в разговоре не участвовала, прислушиваясь к нему лишь краем уха. Бытовые темы из жизни семей, злободневные даже в нынешнем положении беглецов, ее интересовали мало, равно как и сплетни. Например, о гибели Ванды, докурившейся до несчастного случая. Ничего крамольного не говорилось, тем более в присутствии Аулины, но та все равно едва заметно морщилась и предпочитала общество Мартина. Последний, двигая пальцами по светившейся светло-синим консоли, уверенно занимался делом. Громадный контейнер, до сей поры безжизненно зависший у пустующего стеллажа, пришел в движение. Монорельс, получив питание, загудел, создавая магнитное поле. Загудели и подвижные захваты, начав скольжение вдоль транспортной магистрали. Коротко щелкнула стрелка-переключатель, направляя груз с центральной линии на боковую. Громыхнул, поднявшись, лифт автоприемника целевого стеллажа. Весь путь контейнера контролировался оператором за терминалом и напоминал незатейливую компью-

терную игру, где требовалось управлять движением объекта и своевременно использовать переключатели. Имелся, разумеется, и полностью автоматический режим, где человек задавал лишь номер контейнера и пункт его назначения, но Мартин, с учетом неполадок "Корундоры", предпочитал ручной. Так было спокойнее, и весь процесс контролировался им от и до.

Когда последний индикатор погас, здоровенный контейнер звучно лязгнул, припарковавшись в предназначенном для него хранилище. Мартин провел по сенсорному экрану пальцем, переводя терминал в спящий режим.

— Все, я закончил, — сообщил он, но сие было и так ясно.

Поднявшиеся со скамейки женщины направились к стеллажу. Статус контейнера показывал полную герметичность, но они, по настоянию Аулины да и командного состава "Корундоры", выполняли осмотр на предмет визуальных повреждений. Им помогали лазерные указки, проецировавшие на какую-либо поверхность зеленую сетку. Если на той обнаруживался дефект, электроника указки, получая данные сканирования, тут же меняла часть цвета сетки на красный, подсвечивая проблемное место. Разумеется, если позволяла расцветка поверхности, иначе указка применяла другую гамму, так же опционально задаваемую пользователем. С помощью этих инструментов женщины, поднятые лифтом на высоту порядка восьмидесяти футов, быстро управились с осмотром. Прежде им приходилось подолгу возиться с каждым контейнером, разглядывая его собственными глазами, однако после обнаружения указок дело быстро пошло на лад. Последний объект, содержавший какие-то запчасти для механизированных агрокомплексов, оказался в полном порядке. Аулина, проставив соответствующую галочку в служебном планшете, позаимствованном ей на рабочем месте неизвестного грузчика, повела группу в третью секцию трюма.

Там все выглядело несколько хаотично из-за основательной тряски во время обстрела, во время которой сразу два контейнера свалились со стеллажей. Дефицит энергии, переключаемой на щиты, ослабил магнитные замки и захваты, в результате чего стеллажи перестали сдерживать груз должным образом и тот, раскачанный болтанкой, в конце концов вывалился. К счастью, высота была небольшой, но целостность контейнеров все равно нарушилась, отчего их содержимое частично высыпалось в трюм, что и вызывало срабатывание датчика движения. Убирать валявшийся там и сям товар было попросту некогда, поэтому его оставили как есть, когда Себастьян убедился в безопасности рассыпанного имущества корпорации. Лепту в беспорядок вносили и другие контейнеры,

торчавшие на полу порой где ни попадя. Существенно меньшего размера, они находились на подвижных платформах. Не закрепленные должным образом, эти контейнеры накренились и в некоторых местах образовали нечто вроде бобровой плотины, если главный проход считать руслом лесной реки. В принципе беглецам не требовалось расчищать образовавшийся завал, однако тот грозил очередными падениями, если звездолет по каким-то причинам вновь начнет трясти. Для этого следовало воспользоваться исполинскими погрузчиками, похожими на танк с двойными передними вилами на магнитных захватах. Эти вилы принимали груз, а гидравлический поршень, обладавший чудовищной подъемной силой, поворачивал его как угодно, будто ребенок игрушечный кубик. Вес при этом распределялся выставляемыми опорами, что позволяло "танку" никогда не переворачиваться. Аулина, успевшая освоить вполне себе нехитрую штуковину, тут же забралась в кабину водителя и принялась за дело. Во второй погрузчик поднялась Тани, сестра Сонмера, также неплохо управлявшаяся с подобной техникой благодаря давним забавам с братом. Остальные женщины плюс Пауль разбрелись по секции, проводя ее беглый осмотр. Что же касалось Мартина, то он сразу прошел к управляющему терминалу и запросил данные по грузу в этой части трюма.

Работа спорилась. Аулина, ворочая тяжелые металлические ящики каждый со старинный паровоз, довольно быстро освободила центральный проход. Тани действовала на периферии, подхватывая ношу Аулины и перевозя ее поближе к внешним стенам. Мартин, изучив записи в памяти компьютера, вновь подал питание на монорельс и занялся застывшими на нем контейнерами. Первый из них торчал прямо у своего стеллажа, куда благополучно и отправился. Другой пришлось перегнать по иному адресу, поскольку его никак не удавалось нормально разместить из-за неполадок, вызванных упавшим грузом. Третий, висевший над центром отсека, неторопливо поехал на свое место, только что расчищенное Аулиной. Тем временем Сара, Тереза и Клодия то появлялись, то исчезали, снуя промеж внушительных трюмных конструкций и нагромождений различных вместилищ для товаров. Пауль же не утруждался ходить ногами, приспособив для перемещения малый грузовой антиграв. Используя его как самокат, младший брат Аулины отталкивался ногой, отчего платформа с тихим шелестом летела вперед, а он довольно поглядывал по сторонам, совмещая развлечение с делом. Аулина пару раз погрозила ему пальцем, после чего Пауль смотался от нее подальше и ездил в свое удовольствие там, где сестра его не видела.

Третий отсек трюма был почти приведен в порядок, когда в центральный проход неожиданно выехал еще один погрузчик. Он двигался довольно неуклюже, едва не сбив сервисного, невесть зачем катившего мимо робота, а уж поворачивал так вообще как корова на льду. При этом человек в кабине водителя явно не считал свое управление транспортным средством опасным для окружающих. Наоборот, он всячески выражал энтузиазм, махая коллегам рукой и издавая радостные возгласы. Учитывая шум, производимый крупногабаритной техникой, разобрать его реплики не представлялось возможным, но сам незадачливый водитель был прекрасно виден. Им оказалась Клодия, решившая проявить себя на новом поприще. Видимо, она не считала свои семьдесят восемь лет препятствием для освоения погрузчика. Возможно, так оно и было, однако женщине сперва следовало как минимум известить других об этом намерении, а не лезть прямо в гущу событий. Аулина, прекратив работу, выскочила из кабины и принялась что-то кричать, размахивая руками. Ей вторила Тани, так же вынужденная остановиться во избежание столкновения.

— Куда тебя черт понес?! Назад! Сдай назад, окаянная! — взывала Аулина, едва не хватаясь за голову.

— Куда прешь, горе-водила?! Какая нелегкая тебя сюда понесла?! — возмущалась Тани.

Завидев, что ее самодеятельность вместо одобрения вызывает строго противоположные эмоции, Клодия засуетилась. Передернув рычаги управления, она принялась разворачивать погрузчик, из-за чего едва не переехала очередного робота. Громыхнул задетый "вилами" контейнер и под душераздирающий скрежет металла завалился на бок. Неодобрительные крики усилились, а Клодия еще больше занервничала. Вдавив педаль, она наконец-то сдала назад, но вывернутые колеса увели ее под неправильным углом, в результате чего погрузчик благополучно впилился задом в основание стеллажа. Не просто впилился, а даже немного приподнялся, из-за чего и застрял. Выкручивая штурвал, Клодия пыталась исправить положение, но машина лишь натужно пыхтела, не двигаясь с места. Тогда женщина решила попеременно включать то передний, то задний ход, чтобы раскачать погрузчик и соскочить с препятствия. От ее манипуляций пошла такая вибрация, что мелко задрожал даже монорельс, где Мартин, стоя у терминала, как раз перемещал последний поистине огромный контейнер. Привлеченный необычным шумом, он через плечо наблюдал за оказиями Клодии и не мог сдержать смех. Аулина, поняв всю тщетность своих выкриков, подъехала к застрявшему погрузчику поближе, решая, то ли вылезти и занять место проштрафившегося водителя, то ли

подцепить транспорт "вилами" и вызволить его из плена. Ее опередила Тани, поспешавшая к надрывавшейся технике с явным намерением забраться в кабину. Клодии, несмотря на все усилия, так и не удалось выбраться из ловушки. Погрузчик надежно увяз. Его задняя часть прочно села на опоры стеллажа, а передняя бессильно елозила исполинскими траками по центральному проходу. Мартин, хохоча, вытащил портативный компьютер, выданный ему Гарольдом, и стал снимать изумительное фиаско на видео. Про терминал он, разумеется, не забыл. Контейнер неторопливо следовал куда положено и в данный момент как раз проползал по стрелке над застрявшим погрузчиком. Еще одна развилка — и он свернет вправо, чтобы направиться к стеллажу, где навстречу ему уже поднимался лифт.

— Клодия, чтоб тебе пусто было! — заорала Тани, приближаясь к ревущему транспорту. — Выключай двигатель и вылазь! Ну я тебе задам!..

Из-за поднятого шума женщина за рулем ее не слышала. Впрочем, она уже сообразила, что дело дрянь, а сестра Сонмера спешит к ней явно не для поздравлений. Вздохнув, Клодия повернула выключатель, обесточивая погрузчик. Тот дернулся и затих, прекратив елозить и рокотать. Поднявшись, бабушка Себастьяна шагнула к двери кабины, собираясь ее покинуть. В этот момент свет в трюме неожиданно моргнул, будто на мгновение выключившись. Осветительные панели, немного померцав, продолжали работать, однако гул монорельса внезапно прервался. Контейнер завис, ибо пропало питание на магистрали. Затем оно вдруг появилось, отчего тяжелый груз дернулся, но через секунду снова исчезло. Мартин, машинально продолжая снимать видео, обеспокоенно глянул на терминал, пытаясь определить причину неполадки. Там вовсю мигали системные индикаторы, свидетельствовавшие о проблемах в энергообеспечении. И тут свет погас вторично, и погас на целых три секунды. Когда он вспыхнул, монорельс загудел, словно оживая, и контейнер двинулся вперед, но двигался он недолго. Питание опять вырубилось, и на сей раз куда серьезнее. Яркое и привычное освещение секции сменилось на умеренное дежурное. Промежуточный силовой узел монорельса, расположенный возле шлюза между отсеками, озарился красными аварийными огнями. Автоматика стеллажей отключилась. За ней веерно обесточилось и все остальное оборудование третьего отсека трюма. Лифт, так и не доползший до конца, громыхнул и остановился. Послышались громкие щелчки. Это размыкались могучие магнитные захваты, фиксировавшие различный груз. Точно такие же щелчки донеслись и с высоты монорельса. То были захваты огромного контей-

нера, так и не доехавшего до пункта назначения. Отказавшие силовые линии более не снабжали их энергией, необходимой для поддержания активного состояния. При этом страховочный механизм, обеспечивающий надежную блокировку груза в случае подобной ситуации, на заклинившей стрелке монорельса не сработал. Контейнер, ничем более не удерживаемый, немедленно ухнул вниз. Он был настолько тяжелым, что мгновенно смял невероятно прочную конструкцию находившегося под ним погрузчика. Смял как консервную банку из тонкой жести, на которую обрушился кузнечный молот. Под оглушительный грохот и страшный удар, сотрясший весь трюм сверху донизу, передняя часть служебного транспорта превратилась в блин. Превратилась вместе с кабиной водителя и находившейся там женщиной.

Мартин пришел в себя сидя на полу. Оказывается, он сполз на него прямо у терминала, продолжая сжимать в руке портативный компьютер. Трюм, погруженный в непривычную технологическую тишину, оглашали отчаянные женские крики. Сара и Тереза метались возле полураздавленного погрузчика, из которого растекались масло и подозрительная красная жидкость. Аулина, срывая голос, орала, чтобы они отошли в сторону и она могла подцепить контейнер, поднять его и убрать. За одним из стеллажей виднелось мертвенно-бледное лицо Пауля, покрытое мелкой крапинкой чего-то брызнувшего из наполовину сплющенной техники. Шок, пришедший на смену веселью, превратил юношу в статую, столбом торчавшую на шелестевшем антиграве. Мартин внезапно осознал, что интерком вблизи от терминала надрывается чьим-то взволнованным голосом, желавшим знать о происходящем в трюме. Как-то неловко поднявшись на ноги, будто некая сила тянула его за шиворот, Мартин проследовал к переговорному устройству.

— Контейнер упал. Раздавил погрузчик. Там… была Клодия, — только и сказал он, не в силах более подробно описать разыгравшуюся трагедию.

Ответа он уже не слышал. Выключив портативный компьютер, все это время продолжавший снимать видео, Мартин обесточил терминал рубильником, пока еще что-нибудь не стряслось, а затем бросился к кричавшим женщинам.

Четвертого тела в морге не прибавилось. Относить туда было попросту нечего. Все, что удалось извлечь из расплющенных обломков погрузчика — это фрагменты плоти с осколками костей, волосы, а также сгустки крови. Собирать изуродованные останки, которые и останками-то язык назвать не поворачивался, поручили специально запрограммированному дрону. Капсулу, куда машина поместила весь найденный биоматериал, запечатали, а затем со-

жгли в плазменной печи, предназначенной для утилизации непригодного к переработке вещества. Джулет и Себастьян, не желая матери и бабушке "мусорного" конца, хотели воспользоваться дюзами двигателей, но их сумели отговорить от столь безумной и опасной затеи. С двигателями звездолета шутки плохи, не говоря уже о фантастически сложной реализации "похорон". В итоге технологическая печь сыграла роль крематория, а крупицы праха улетели в открытый космос.

На церемонии прощания присутствовали в основном только близкие родственники. Аулина набралась смелости и пришла, хотя пребывала в крайне подавленном состоянии. Бабушка Себастьяна не любила ее примерно так же, как умершая тетя Ванда не одобряла молодого ученого, однако девушка не держала за это зла. Во всяком случае, теперь. Она лишь боялась, что жених посчитает ее причастной к гибели Клодии — мол, взялась командовать и недосмотрела, — но опасения оказались напрасны. Себастьян, хоть и воспринимал все произошедшее довольно тяжело, ни в чем Аулину не винил. Он успел выслушать рассказы всех присутствующих при трагедии, несколько отличавшихся в деталях и манере изложения, но сходившихся в сути. Кроме того, видеоролик, спонтанно снятый Мартином, наглядно запечатлел роковой момент, и всякие вопросы к девушке отпали, хотя Себастьян не задавал их изначально. Он был не в состоянии вообразить, что Аулина проявила преступную халатность, а то и намеренно создала опасную для жизни ситуацию. Всему виной были случайность да отказавший механизм захвата на монорельсе. Стечение обстоятельств, не более. Единственным слабым утешением служило то, что смерть забрала Клодию почти мгновенно. В отличие от Ванды, она практически не мучилась, ибо погибла в какие-то доли секунды.

Столь прозаический вывод Мартин воспринял не без огромного облегчения, боясь обвинений со стороны друга еще больше Аулины. Ведь именно он находился за управляющим терминалом в момент перемещения контейнера, не говоря уже о самой идее воспользоваться монорельсом. Нажми Мартин вовремя кнопку "стоп", пока женщины вызволяют застрявший погрузчик, либо же направь груз на другой стеллаж — и трагедии можно было избежать. Этот факт напрашивался сам собой, однако для Себастьяна существовал еще и элементарный здравый смысл. А он подсказывал, что никто никогда не прерывал транспортировку грузов в трюме звездолета лишь из-за присутствия людей внизу. Погрузочный механизм считался надежным, и какие-либо аварии происходили редко, а уж падением тяжестей они заканчивались исключительно по причине человеческого фактора. О последнем же не шло

и речи, если только это не Мартин намеренно вызвал перебой питания в третьем отсеке трюма, после чего сбросил убийственный груз на семидесятивосьмилетнюю женщину. Электронный журнал терминала, увы, не содержал достаточно информации, чтобы точно установить источник внезапного сбоя, но Себастьян и без него не верил в злой умысел друга. Не свихнулся же Мартин, в самом-то деле! Даже Кимберли, все еще пребывавшая в несколько неадекватном состоянии, и то вряд ли бы до такого додумалась. Об этом молодой ученый и сообщил товарищу, когда тот, не выдержав, улучил подходящий момент и решил с ним объясниться. Казалось, весь драматизм этого дня засим и исчерпывался, если не считать горечи в сердце и навсегда запечатлевшей его памяти. К сожалению, для девятых суток на борту "Корундоры" то были отнюдь не все дурные новости.

Вечером Мелиюбиус, запертый в домашней секции ученого, неожиданно вышел на связь. Он попросил Себастьяна явиться за ним и отвести к Гарольду на мостик, а Мартину прибыть туда как можно скорее. Последнее касалось и Аулины, бродившей по кораблю в расстроенных чувствах. Догадываясь, что Сиреневый Бутон настаивать на подобном сборе без веской причины не станет, Себастьян оперативно выполнил его желание, и вскоре вся четверка встретилась у главного терминала "Корундоры".

— Сколько у нас осталось кислорода? — осведомился Мелиюбиус, когда люди задали вопрос о цели поспешного собрания.

— Я отслеживаю его уровень непрерывно, но делаю особые фиксированные пометки дважды за цикл, в девять утра и девять вечера, — бросил взгляд на экран Гарольд. — Утром, с учетом перспектив электролиза, запас находился на отметке двадцать циклов и одиннадцать часов. Сейчас десять вечера. Исходя из прежнего расчета, показатели должны были равняться девятнадцати циклам и двадцати трем часам. Смерть Клодии пришлась примерно на четырнадцать часов дня. Это привело к снижению расходования кислорода на одну двадцать четвертую часть, по количеству членов экипажа. Итого, с поправкой на случившееся и небольшим округлением значений, на данный момент мы имеем двадцать циклов и девятнадцать часов. Все сходится.

Бородач, понятное дело, оперировал общепринятым циклом в двадцать пять часов, где были двенадцать утра и двенадцать вечера, а рубеж между сутками именовался полночью.

— Спасибо за подробную выкладку. Теперь я точно знаю чего стоила смерть моей бабушки, — мрачно процедил Себастьян.

— Дурак ты, Гарольд, — покачала головой Аулина.

Брат озадаченно почесал в затылке. Кажется, он и впрямь не со-

образил, насколько нетактичной вышла его арифметическая речь.
— Подробности были излишни, — укоризненно сказал Мелиюбиус.
— Меня интересовала конечная цифра, и не более.
— Ну вот, теперь ты ее знаешь. И что с того изменилось? — пожал плечами Гарольд, стараясь не встречаться взглядом с сестрой.
— По-вашему, этого хватит до прибытия помощи? — каким-то странным тоном неожиданно спросил Мелиюбиус.
На сей раз бородач сперва хорошенько задумался, прежде чем дать ответ, убоявшись вторично ляпнуть какую-нибудь крамолу. В итоге его опередил Мартин.
— Около двадцати четырех дней, с учетом того, что один уже почти прошел, — сообщил он. — Формально у нас кислорода несколько меньше, но недостающие циклы мы, как и планировалось, получим из экономии, а также переработки всей питьевой воды на последнем этапе ожидания.
Присутствующие из числа людей выразили полное согласие с озвученным выводом.
— А вот и ошибаетесь, — в голосе Сиреневого Бутона впервые послышалась вкрадчивость. — На двадцать четыре дня кислорода нам действительно могло хватить. Вот только на пятьдесят их не хватит гарантированно.
На мостике воцарилось молчание. Люди силились вникнуть в смысл слов, прозвучавших подобно раскату молнии при безоблачном небе. Гарольд озадаченно чесал живот, Мартин поднял брови, Аулина хлопала ресницами.
— Что за ерунда! О чем это ты? — хмуро спросил молодой ученый.
— Мы же все посчитали.
— Так-таки и все? — проворковал Мелиюбиус. — И туманность Аратея учли? Ту самую, на чьей границе мы сейчас находимся, и что застилает от нас аванпост "Контилада". Особенности ее структуры, наличие пульсаров и нейтронных звезд?
Присутствующие вновь переглянулись, а затем потребовали от сиреневого советчика разъяснений. Тот вполне охотно, будто читая лекцию студентам, их предоставил.

Меняя частоту сигнала SOS, Гарольд не принял во внимание расположение "Корундоры" относительно цели. Находись между ними пустой космос, расчеты были бы совершенно верны. Вот только холодная туманность Аратея вносила в них свои коррективы. Ее наполняло излучение разных астрономических тел, эхом отражавшееся от рассеянного в пространстве вещества. Фактически, на пути призыва о помощи возникло плотное препятствие, существенно тормозившее скорость прохождения сигнала. В грубом приближении это можно было сравнить со светом, идущим

через воду, а точнее стекло или даже алмаз. С одной стороны, Гарольд придумал вполне дельное решение, позволявшее ускорить результат. С другой, инженеры и ученые Третьей Республики не случайно выбрали для SOS вполне определенную частоту. Она лучше всего преодолевала естественные помехи космического пространства. Внеся коррективы в работу антенны, Гарольд сделал ее излучение куда уязвимей для всяких преград, и туманность Аратея была едва ли не самой худшей из них. Расчетные дни до получения "Контиладой" сигнала бедствия с "Корундоры" фактически удваивались, и то по самым скромным оценкам.

На людях, что называется, лица не было. Речь Мелиюбиуса произвела настолько глубокое впечатление, что некоторое время никто не осмеливался заговорить. Паузу нарушил Себастьян. Обретя самообладание раньше других, он воззрился на свое детище со странным выражением лица.

— Откуда тебе известны особенности этой туманности, чтобы сделать такие расчеты? — поинтересовался он, и в его голосе сквозило не только недоумение, но и отчетливо читаемая подозрительность.

— Сведения о ней, как и о многих других космических телах, имеются в навигационном компьютере "Корундоры", — пояснил Мелиюбиус. — Гарольд подключал меня сегодня утром, когда мы кое-что проверяли. Я не увидел ничего зазорного в том, чтобы загрузить в свою память весь галактический справочник и хорошенько его проанализировать. Надеюсь, никто не поставит мне в вину мою любознательность, которая, между прочим, может спасти вам жизни.

— И как давно ты понял, что наше дело труба? — все тем же тоном изрек ученый.

— Еще когда мы с тобой ходили по реакторному отсеку, — невозмутимо отозвался Бутон. — Дай угадаю: сейчас ты спросишь, отчего я до сих пор молчал?

— Именно! — скрестил руки на груди Себастьян.

— Кажется, я знаю, отчего! — воскликнула вдруг Аулина, упредив своего сиреневого друга. — Одна я обратила внимание на последнюю фразу Мелиюбиуса про любознательность и спасение наших жизней? Полагаю, он размышлял, что можно предпринять, и что-то действительно придумал!

— Миледи, мое мнение о вас растет не по дням, а по часам! — восхитился Бутон, озарившись легким, приятным глазу свечением.

— Да, Аулина совершенно права, — добавил он куда серьезнее.

— Тогда выкладывай! — выпалил донельзя возбужденный Гарольд.

— Ибо я что-то не вижу способа избежать неминуемой смерти от

удушья, если не выбросить за борт всех, кроме меня с Аулиной. И то нам кислорода все равно не хватит!
Реплика бородача, произнесенная в типичной для него асоциальной форме, прошла у присутствующих мимо ушей. Ее сочли грубым подчеркиванием не стыкующихся физически непреодолимых факторов. Мелиюбиус, поймав горящий взор девушки, не стал тянуть резину и выложил хорошенько обдуманную идею.

Прежде "Корундоре" следовало оставаться на месте, ни в коем случае не покидая область отправки сигнала бедствия. Теперь, когда ситуация изменилась, сохранять неподвижность становилось смерти подобно. Само собой, про полет до "Контилады" не шло и речи, однако в относительной близости имелись и другие объекты, представлявшие известный интерес. В частности, небольшая звездная система, доселе игнорируемая беглецами, и игнорируемая совершенно справедливо. Благозвучно именуясь IBRSF-7413 по имени красного карлика, еле тлевшего себе под нос, она также включала две вращающиеся вокруг него планеты, называемые, соответственно, IBRSF-7413a и IBRSF-7413b. Эти планеты представляли собой образец рая земного, а именно были начисто лишены атмосферы, воды и, как следствие, жизни. Вся их поверхность состояла из твердых пород, скалами громоздившихся друг на друга. Вулканическая активность на этих каменных шариках прекратилась миллионы лет назад. Они давным-давно остыли, из-за чего тамошняя температура варьировалась от минус ста до минус двухсот градусов, в зависимости от дня или ночи. Какие-либо колонии людей на них отсутствовали, как отсутствовали любые признаки цивилизации. Планеты считались бесперспективными, ибо не содержали редкоземельных металлов и вообще полезных ископаемых. Во всяком случае, в достаточном для экономической выгоды количестве. Так — никчемные булыжники на задворках обитаемой части галактики. Иными словами, беглецам с "Корундоры" там ровным счетом ничего не светило, отчего они и не рвались посетить эти достопримечательности. Теперь же у них не оставалось иного выбора, кроме как полным ходом достигнуть означенной звездной системы, а затем поочередно изучить поверхность обеих планет. Причина для этого была проста. В теории, полюса каменных шариков могли содержать некоторое количество Гелия-3, недостаточное для того, чтобы у Третьей Республики возник промышленный интерес, но вполне способное удовлетворить потребности экипажа "Корундоры". В пользу такого соображения свидетельствовали геологические и астрофизические особенности системы IBRSF-7413, хорошенько проанализированные Мелиюбиусом. Всплывал законный вопрос: отчего он не пред-

ложил полететь туда раньше, чтобы заправить реактор звездолета. Ответ так же звучал проще некуда: не было никакой гарантии, что этот полет увенчается успехом. "Корундора" могла потерять бесценное время и ресурсы, далеко удалившись от точки, откуда послала сигнал SOS. Потратив циклы и кислород, ее экипаж рисковал остаться с носом, чем обрек бы себя на неизбежную гибель. Вот только перед лицом этой самой гибели ему теперь как раз и следовало отправиться на поиски желанного топлива. Топлива, становившегося единственным шансом на спасение.

Разумеется, до планет мало было всего лишь долететь. Более того, их требовалось не просто исследовать, но и осуществить высадку. Казалось, это превращалось в неразрешимую проблему, ибо грузовой звездолет класса Антей мало подходил на роль первооткрывателя или геологоразведчика. Приземлиться на скалистую поверхность планеты он был попросту не в состоянии, ибо его конструкция предназначалась для швартовки в причалах городов, колоний и космических станций. Выход, тем не менее, существовал. Как раз по причине указанных ограничений на борту "Корундоры" находился планетарный катер. Обычно им пользовались когда прямая необходимость захода в порт отсутствовала, но при этом его все-таки надо было посетить по какому-либо небольшому делу. В нынешних обстоятельствах этот катер вполне годился для высадки среди холодных камней. Полсотни ярдов длиной, он обладал достаточным функционалом, чтобы перевезти десять человек, а также прихватить умеренного размера и веса груз. Предварительные расчеты показывали, что этого хватит для визита на безжизненную планету с целью добычи Гелия-3.

Добыча в списке последовательных задач стояла особняком. Успешное приземление в заданном месте, где будет обнаружено наличие искомого топлива, само по себе людям ничем не поможет. Облаченные в скафандры, они гелий чем станут добывать, отбойным молотком? И возить на тачке, сдувая в пустые бочки. Даже будь это реально, беглецам понадобилась бы пара лет, чтобы заправить реактор. Нет, тут требовался более серьезный технический подход, но для этого на "Корундоре" тоже найдется все необходимое. В частности, бригада вполне пригодных сервисных роботов, вооруженных очень даже полезным инструментарием. Это уже задача людей — переоснастить и перепрограммировать их так, чтобы вместо ремонтников и грузчиков они превратились в добытчиков сырья. И такие люди на звездолете имелись. Совместными усилиями они наверняка справятся с поставленной задачей, а Мелиюбиус им, если надо, поможет. Глубокое-то бурение от роботов не требуется, а на поверхности их потенциальных способно-

стей хватит. В основу, как бы невероятно это ни звучало, ляжет обычная функция уборки. Робот ведь умеет захватывать некоторое количество вещества для его последующего измельчения и обеззараживания. Вместо корабельного мусора электромеханический помощник станет собирать грунт, вырезая его в месте своей дислокации. Из этого грунта и будет извлекаться Гелий-3 — уж нагреть-то измельченные фрагменты минерала до требуемой температуры утроба робота более чем способна. Когда выделится искомый изотоп, система фильтрации привычно направит его в баллон для газообразных отходов, а отработанный грунт машина попросту сбросит в зону для отвала. Правда, чтобы получить достаточное количество топлива потребуется перелопатить весьма внушительный объем породы, но бригада роботов, круглосуточно работающих без устали, справится с этим довольно быстро. Им ведь не придется заботиться об экологии и сохранности ландшафта, поэтому стальные добытчики на антигравах запросто пропустят через себя десятки тонн грунта, а если понадобится, то и сотни. Впрочем, последнее маловероятно. Потенциальное процентное содержание Гелия-3 в верхних слоях минерала на полюсах планет внушало известный оптимизм, отлично стыкуясь с его расчетным количеством для загрузки в реактор. Роботы почти наверняка достигнут намеченной цели, не выкапывая при этом пресловутый Большой каньон. Тут лишь следовало учесть, что импровизированным харвестерам ввиду значительно повышенных энергозатрат потребуются дополнительные элементы питания, чтобы процесс добычи шел интенсивно и безостановочно. Их надо захватить сразу, а не мотаться между планетой и звездолетом туда-сюда. Также стоит позаботиться и о безопасности людей, которые полетят на катере, снарядив их всем, что потребуется, да с хорошим запасом.

В итоге, если сложить все последовательные действия в единое целое, вырисовывался реально осуществимый замысел, зависящий только от времени и стараний самих беглецов. И первое, и второе у экипажа "Корундоры" имелось. Правда, имелось в нем и уязвимое место, способное поставить на всей затее крест, то бишь потенциальное отсутствие Гелия-3 в искомой звездной системе. Увы, тут приходилось рисковать. Да, людям грозила неминуемая гибель, если они не обнаружат критически важное топливо, но в случае бесплодного пребывания на месте им уж точно конец.

После небольшого обсуждения план Мелиюбиуса был одобрен всеми участниками совещания. Он выглядел вполне разумно и — главное, — достижимо. Недолго думая, Гарольд, Себастьян, Мартин и Аулина начали составлять этапы его реализации, расписы-

вая, кто чем займется. Работы предвиделось невпроворот, поэтому чем раньше беглецы приступят, тем лучше. Мелиюбиус, удостоившийся всеобщей похвалы, то и дело встревал в оживленный разговор, давая полезные советы.

Отлет "Корундоры" задержался на целый цикл. Сперва командный состав хотел стартовать немедленно, но затем к Гарольду пришла одна мысль. На нее навела оплошность с аварийным маяком, о которой он очень сожалел и даже ругал себя вслух. По всему ведь выходило, что звездолет, отправившись на добычу Гелия-3, умотает черти куда от места отправки SOS, и кто бы когда бы туда ни прибыл, он никого там не обнаружит. Да, вероятность такого прибытия была так себе, но она все же существовала, а поэтому стоило оставить о себе весточку. Для этого лучшие умы и руки "Корундоры" в кратчайшие сроки соорудили вполне сносный буй, вещавший в ближнем пространственном диапазоне. Тот, кто откликнется на сигнал бедствия наверняка примет и сообщение с буя, указывающее, где искать грузовой звездолет. На это устройство пришлось извести немало деталей из системы межзвездной связи, пожертвовав частью ее функционала, но та ведь все равно была теперь особо без надобности.

Мелиюбиус довольно скептически отнесся к затее с маяком, как к не особо перспективной, отчего и не заострял на ней внимание в процессе планирования экспедиции. С его точки зрения, либо беглецы преуспеют сами, либо, когда за ними все же прилетят, спасать уже будет некого. Однако ладно уж, пусть люди оставят эту пикалку, если им так спокойнее. В конце концов, хуже-то не будет, если не считать затраченных времени, сил и лишних суток в минус запасам кислорода.

На исходе десятого цикла, в двадцать три часа вечера ярко полыхнули дюзы оживших тяговых двигателей. От кормы звездолета протянулся длинный шлейф ослепительного пламени. Мартин, сидя в кресле пилота, отдавал бортовому компьютеру последние команды, чувствуя, как вибрирует под ним амортизационное кресло. Курс, заложенный в навигационную систему, высвечивался на экране наглядной схемой с четко обозначенными цифрами. Индикаторы приборной панели переливались разноцветными огнями, преимущественно зеленого и желтого толка. Послышался тоненький мелодичный звук, означавший, что двигатели вышли в рабочий режим. И вот слегка дрожащая от волнения рука плавно выжимает рычаг тяги. Отозвавшись на это крошечное, в масштабах корабля, движение, "Корундора" вздрогнула, а потом неторопливо поплыла вперед. Огромная махина попросту не могла сразу набрать максимальную скорость, а увеличивала ее постепенно,

повинуясь действиям пилота. Звездолет разгонялся с четверть часа, ибо на сей раз он не удирал из "Элегии" на пределе своих возможностей. Лишь когда стрелка на соответствующей шкале достигла заветной отметки, Мартин выжал форсаж, благо что фтороводородного топлива для него имелось предостаточно. По "Корундоре" снова пробежала дрожь, но то была не агония разваливающейся от натуги разбитой посудины, а уверенная реакция солидного космического странника. Наливаясь мощью, грузовой звездолет резко прибавил в скорости и продолжал ее наращивать, повинуясь сигналам из кабины пилотов. Туманность Аратея, изначально недвижно маячившая за иллюминаторами, наконец-то пришла в движение. Точнее, то "Корундора" пришла в движение настолько, что это стало заметно относительно обширного космического явления, распростертого на колоссальное расстояние. А Мартин все ускорял и ускорял вверенный ему корабль, отчего холодные, но красивые завитки туманности все отчетливее сдвигались на обзорных экранах. Он хорошо знал, что делает, тем более автоматика подсказывала пилоту набор и последовательность основных операций. Последний рывок, очередная вибрация по всему судну — и, наконец, форсаж выжат на максимум. Двигатели, изрыгая снопы раскаленного огня, стремглав понесли "Корундору" прочь, и вскоре лишь ее маленькая искорка была видна с того места, где остался в пустоте одинокий радиобуй. Затем и она растворилась в глубине космоса.

* * *

Расчетное время прибытия в звездную систему IBRSF-7413 составляло восемь с половиной суток. На момент отлета количество кислорода находилось у отметки девятнадцать циклов и шестнадцать часов, слегка превысив норму расходования из-за активности экипажа, в поте лица собиравшего маяк. Таким образом получалось, что обратно "Корундора" уже не вернется, если потерпит фиаско. Путь туда и обратно суммировался с исследованием планет и высадкой на их поверхность, а это превосходило имеющиеся у беглецов запасы воздуха. Ну, лететь назад в пустоту, откуда был послан сигнал SOS, так и так никто не собирался. Или пан, как говорится, или пропал! В пропал, впрочем, верить никому не хотелось, ибо люди старались сохранять оптимизм. Мелиюбиус воздерживался от точных прогнозов о вероятности обнаружения Гелия-3, но по грубым оценкам она находилась в районе пятидесяти процентов. С такими шансами стоило играть, тем паче беглецам все равно пришлось бы рискнуть и с куда меньшей надеждой на

успех.

Идею с добычей топлива командный состав "Корундоры" довел до сведения других членов экипажа в полном объеме. Он лишь не упомянул, что в случае провала экспедиции это будет билет в один конец. Кроме Гарольда, Себастьяна, Аулины и Мартина об истинном положении дел по-прежнему знали только Элмер и Сонмер, которых пришлось во все посвятить. Те ведь, не будь дураками, слишком хорошо разбирались в происходящем, чтобы оставить без внимания столь резкую перемену стратегии выживания. Другие родственники спокойно проглотили ее урезанный вариант, даже не догадываясь, что жить им, возможно, осталось всего около трех недель.

С самого начала полета на судне поднялась кипучая деятельность. Людям требовалось переоснастить и запрограммировать более сотни роботов, пригодных для переработки планетарного грунта. Кроме того, следовало проверить и подготовить катер, зарядить батареи для будущих сборщиков Гелия-3, отладить закачку последнего в подходящие баллоны и много чего еще. Все трудоспособные беглецы занимались каждый своей задачей, а их общее выполнение координировалось на мостике. Даже для Вайолет с Тобиасом отыскалось занятие, которое дети восприняли вполне лояльно. Им поручили дежурство по кают-компании и наблюдение за порядком в жилых секциях. Юным членам экипажа, видимо, доставляло подлинное удовольствие не столько самим поглощать неаппетитное месиво, сколько потчевать им других, плюс командовать уборкой и следить за дисциплиной. В кои-то веки они поменялись со взрослыми ролями, и ради этого, пожалуй, стоило как следует расстараться. От малыша Никки, правда, толку было маловато, но он честно прилагал усилия как мог, следуя примеру старших. Также сын Мартина неплохо справлялся с ролью сиделки, когда требовалось проверить лежачих пациентов Аулины. Иными словами, каждый человек на борту звездолета приносил пользу по мере своих способностей. Разве что Кимберли все еще пребывала не в лучшей форме, отчего ее дальше медотсека и кают-компании старались не отпускать. Она, впрочем, особо и не рвалась, относясь к окружающей суете как-то отстраненно, будто ее это совсем не касалось. Но кому покажется странным такое поведение потерявшей ребенка матери?

Что действительно было странным, так это состояние пресловутых пациентов Аулины. Легче им точно не становилось, а вот хуже — вполне себе, особенно некоторым. Обеспокоенная девушка, сперва забегавшаяся по делам, а затем выбитая из колеи гибелью Клодии, как-то позабыла проконсультироваться на их счет с

Мелиюбиусом. Она вспомнила о сиреневом друге уже во время полета, когда очередной осмотр Джулет вконец ее растревожил. Улучив минутку, Аулина отправилась в домашнюю секцию, где детище Себастьяна по-прежнему пребывало взаперти, если оставалось без присмотра.
— Что скажешь? — взволнованно осведомилась девушка, едва Мелиюбиус изучил принесенные ему данные.
— Очень странно, — согласился тот, озадаченно шевеля сенсорами-тычинками.
Такие движения, между прочим, ему сейчас были особо без надобности. Просто Бутон столь своеобразным манером перенял у людей их привычку тереть лоб или почесывать подбородок в периоды сильной задумчивости.
— Я не понимаю, отчего лечение не действует, — развела руками Аулина. — Из-за непрекращающегося, а то и растущего воспаления даже кости плохо срастаются. Я пока боюсь колоть ударные дозы противовоспалительных и антибиотиков, чтобы не угробить людей, вот только иного выхода что-то не вижу.
— Рад бы я тебе помочь, да сам ничего в толк не возьму, — с нотками растерянности произнес Мелиюбиус. — Ты делаешь все правильно, однако результата нет. Точнее, он есть, но такой, будто лекарства отчего-то не справляются с пагубным процессом. Ерунда какая-то!
— Ох, а я так на тебя рассчитывала! — огорченно вырвалось у Аулины.
Это явно задело сиреневого доктора за живое. Подлетев к девушке, он мягко толкнул ее в плечо за неимением возможности положить на него руку.
— Погоди унывать, — сказал он. — Возможно, мне удастся сообразить, в чем тут дело, если ты снова отведешь меня в медотсек.
— Да без проблем! — тут же выпалила Аулина. — Сейчас, только извещу Себастьяна.
— Не все так просто, — быстро добавил Мелиюбиус. — Мне потребуется подключиться к тамошнему терминалу, а мой создатель меня в этом ограничивает. Он и Гарольду не устроил разнос за мое соединение с навигационным компьютером лишь потому, что результатом явились проблемы с туманностью Аратея и идея с Гелием-3.
Девушка остановилась на полпути к интеркому. Обернувшись, она задумчиво оглядела сиреневого друга, соображая, как выпутаться из этой ситуации. Внезапно ее лицо прояснилось.
— А давай ты подключишься отсюда! — предложила она, указывая на терминал в домашней секции. — Это останется нашей ма-

ленькой тайной, а Себастьян и не узнает.
— Не выйдет, — тут же зарубил идею Мелиюбиус. — Компьютерное оборудование медотсека находится в изоляции от всей информационной сети "Корундоры". Так сделано специально, чтобы оно могло функционировать автономно даже в случае общего сбоя. Медотсеки устанавливаются на корабли готовыми замкнутыми модулями. Откуда я это знаю? Помимо звездного атласа я почерпнул в бортовом компьютере и справочник по типовым звездолетам Третьей Республики.

Компромисс отыскался довольно быстро. Вызвав Себастьяна, девушка запросила себе в помощь Мелиюбиуса. Мол, она желает получить его консультацию по части ухода за Гленом, ошпаренным паром и по-прежнему лежавшим в медотсеке. Ну и заодно показать ему программу лечения пациентов на случай какого-либо дельного совета. Ученый нехотя разрешил, когда невеста ловко надавила на состояние тети Джулет и ее мужа. Получив законное право не играть в прятки с немалой вероятностью разоблачения, Аулина тут же утащила Мелиюбиуса в медотсек. Там, в отсутствии посторонних, не считая спавшего Глена, она подключила сиреневого помощника к терминалу, поступившись строгим запретом Себастьяна. Ну в самом-то деле, какого черта, а? Мелиюбиус уже столько сделал для спасения людей, что его ограничение в допуске к компьютеру медотсека выглядело просто глупо.

Пока Сиреневый Бутон усердно копался в системной памяти медицинского терминала, загружая базы данных, читая файлы и перелопачивая горы инструкций, Аулина стояла, что называется, на стреме. Впрочем, она совмещала приятное с полезным, уделяя время Глену. Тот вроде бы шел на поправку, поскольку лечебная ткань, в отличие от всего остального, отлично справлялась со своим предназначением. Поражение паром было слишком глубоким, чтобы мужчина вскоре сумел встать в строй, однако его состояние выглядело вполне удовлетворительным с благоприятным прогнозом. Занимаясь Гленом и поглядывая на входную дверь, Аулина обернулась лишь тогда, когда в медотсеке неожиданно послышались звуковые сигналы, ничуть не тревожные, но разнообразные и множественные. Где-то что-то запикало, запиликало, запищало и загудело. Глаза девушки, быстро обшарившие весь медотсек, узрели целый набор перемигивающихся лампочек и индикаторов, озаривших практически каждый узел секции.
— Не волнуйся, это я запустил полную диагностику оборудования, — сообщил Мелиюбиус, поймав на себе взгляд Аулины, уже открывшей было рот для вопроса.
Зрачков на затылке у него не имелось. Ввиду особенности конст-

рукции сенсоров детище Себастьяна получало информацию из окружающего пространства разом со всех сторон, то есть практически в полную сферу, если не считать небольшого слепого пятна в основании платформы с антигравом.
— Как там у тебя дела? — все же нашла что сказать улыбнувшаяся девушка.
— Скоро закончу. Потерпи еще минут десять, — ответил Бутон, продолжая сосредоточенно обрабатывать ворох различной информации.
Терминал медотсека, повинуясь его командам, прямо-таки заливался огнями, а на всех экранах разом с какой-то запредельной скоростью бежали строчки машинных кодов. Бежали настолько быстро, что в человеческих глазах они попросту смазывались, и девушка ничего не могла разобрать. Впрочем, ее это и не беспокоило. Она боялась лишь того, что кто-нибудь сюда возьмет да и заявится, испортив заговорщикам весь процесс, когда тот близок от завершения. Аулина подумала-подумала, да от греха подальше взяла и заперла входную дверь, воспользовавшись режимом малого карантина. Если у кого вдруг и возникнут вопросы, отчего ей вдруг понадобилось закрываться, она на тестирование все и свалит — мол, проверяла функционирование различных систем. Это девушка и сообщила Мелиюбиусу, встав рядом с ним у терминала — работай, мол, спокойно. Тот вежливо поблагодарил, но слишком долго возиться ему уже не понадобилось. По тому, как он сам отключил кабель, мелодично щелкнув портом в своей платформе из серого металла, Аулина поняла — просмотр данных завершен. Подняв кабель, с тихим стуком упавший на пол, девушка смотала его и убрала на место вглубь тумбы терминала. Сама же с нетерпением воззрилась на Мелиюбиуса. Учитывая, какими темпами тот обрабатывал колоссальные объемы информации, сиреневый помощник наверняка уже имел что сказать. Так оно и оказалось.
— Идем со мной, — изрек Бутон, и неторопливо полетел вглубь медотсека, состоявшего из нескольких помещений.
Аулина последовала за ним. В другие секции медицинского блока, соединявшиеся между собой служебными коридорами, она заходила редко, ибо в том не было особой надобности. Автоматика работала исправно, техническая часть функционировала автономно. Люди бывали только в так называемой приемной, где проводились диагностика и лечение. Внутренняя инженерная структура медотсека их не интересовала. Ну, не интересовала прежде.

Мелиюбиус остановился возле чего-то похожего на большой шкаф, снабженный кнопочной панелью и собственным экраном.
— Открой его, — велел он, сопроводив указание почерпнутым в

памяти компьютера кодом.
Аулина подчинилась. Когда дверцы "шкафа" расползлись в стороны, складываясь подобно жалюзи, на нее дохнуло холодом, а глазам представились ряды ячеистых полок, забитых всякими емкостями. Они имели разные габариты, но по большей части оказались цилиндрическими, прозрачными, и нет. Их объединяло одно — все емкости были подключены в единую систему, а на корпусе каждой имелась информационная наклейка, причем не обычная, а электронная. Наклейка отображала набор данных о содержимом, заключенном в корпус из стекла или металла. По полкам, довольно красиво подсвечиваемый мозаикой разноцветных лампочек, змеился холодный туман, как бывает, когда открываешь морозилку. Собственно, "шкаф", в известном смысле, и был такой морозилкой, просто вместо продуктов в нем содержались активные медицинские препараты. Именно отсюда они поступали в оборудование приемной в соответствии с запрошенной программой лечения.
— Третья полка сверху, четвертая ячейка слева, — сообщил Мелиюбиус.
Аулина, покрутив головой, нашла нужное место. В свете зеленых огней там стоял окутанный туманом цилиндр дюймов восемь в диаметре.
— С этой штукой что-то не так? — осведомилась она, не замечая никаких аномалий.
— А ты посмотри внимательно на этикетку, — явно неспроста предложил Бутон.
Поднявшись на цыпочки, девушка хорошенько всмотрелась в информационную область, достаточно различимую для того, чтобы не вытаскивать цилиндр из гнезда. Тут-то она и заметила, что маленький огонек, обычно светившийся зеленым или желтым на других этикетках, конкретно здесь горит красным. Почему — сразу стало ясно. Дата годности содержимого емкости была основательно просрочена. А находилось в ней, судя по названию, то самое противовоспалительное средство, которое вводилось пациентам.
— Вот и ответ, отчего твои подопечные не выздоравливают, — пояснил Мелиюбиус, хотя Аулина уже и так все поняла. — Этой штукой теперь даже прыщик с лица не уберешь.
Присвистнув, девушка принялась лихорадочно проверять все остальные сосуды с лекарствами. Ей не пришлось слишком утруждаться, чтобы выяснить: добрая дюжина препаратов оказалась с вышедшим сроком годности. Среди них, помимо прочего, числились и используемые Аулиной антибиотики. Да уж, чего и удивляться отсутствию какого-либо положительного эффекта! С не на-

много меньшим успехом она могла колоть людям обычную дистиллированную воду.
— Да что это за лажа?! Как такое вообще могло случиться?! — ошеломленно воскликнула девушка, все еще не веря своим глазам.
— Скажи спасибо "Галактик текноложджис", — ответил Бутон.
Донельзя расстроенная Аулина выслушала его короткий рассказ, составленный на основе почерпнутых в терминале медотсека данных.

За последние восемь месяцев штатный экипаж "Корундоры" трижды отправлял корпорации запрос на замену лекарств. Это значилось в системных записях, доступ к которым Мелиюбиус получил после запуска диагностики. Тогда же, изучив ее результаты, он и обнаружил проблемы с содержимым одного из хранилищ. Отказ корпорации мотивировался просто: она собиралась переоснастить грузовой звездолет непосредственно в "Элегии", чтобы наполнить медотсек собственным набором препаратов. Во-первых, "Галактик текнолоджис" таким образом банально экономила средства, поставляя на судно свою продукцию, а не расплачиваясь абы где за чужую. Во-вторых, она — и это было куда вероятнее, — могла подсунуть экипажу "Корундоры" что-нибудь экспериментальное, из числа незавершенных разработок. Провести, так сказать, очередной тест в полевых условиях, иначе с чего бы ей планировать сервисное обслуживание медотсека именно на далеком астероиде с дорогущим научно-производственным комплексом. А если корпорация собралась менять просроченные препараты в одном месте, она не станет загодя делать это в другом, чтобы почем зря не выкидывать деньги на ветер. "Галактик текнолоджис" попросту ждала, когда грузовой звездолет пройдет все точки маршрута, запланированного на много месяцев вперед, и прибудет в "Элегию". Он и прибыл, о чем в электронном журнале была сделана соответствующая запись. Негодные лекарства наконец-то собирались заменить и заменили бы, не угони беглецы "Корундору".

Аулина схватилась за голову. Мелиюбиус, догадавшись, о чем она думает, мягко заметил, что нынешний экипаж звездолета здесь совершенно ни при чем. Это не он виноват, что корпорация от жадности или еще там чего намеренно не меняла просроченные лекарства, собираясь сделать это не тогда, когда в замене возникла острая необходимость, а когда ей будет удобно.
— Знаешь, мне от этого не легче, — удрученно вздохнула девушка. — Делать-то теперь чего?
— Положение, конечно, паршивое, — протянул сиреневый доктор. — Я хорошенько изучил список препаратов, и слишком многое там никуда не годится. Я взял на себя смелость исключить про-

сроченные лекарства из базы данных. Теперь, составляя программу лечения, система сможет оперировать лишь оставшимися. Среди них есть какая-никакая альтернатива, хоть и на порядок менее эффективная. Это, однако, лучше, чем ничего. Кроме того, у меня возникла еще одна идея. По логике вещей, она должна сработать.
— Какая? — живо спросила Аулина, схватив собеседника за платформу из серого металла.
— Медицинская ткань. Судя по состоянию Глена, она действует как положено. Попробуй использовать ее для лечения других пациентов, — предложил Мелиюбиус.
Девушка обдумала его слова и пришла к выводу, что мысль действительно стоящая, особенно на фоне разъяснения загадочной проблемы с выздоровлением пациентов. Теперь, зная, в чем тут дело, на душе в известном смысле все-таки становилось легче. Да, не зря Аулина обратилась к своему новому другу за консультацией! Сердечно поблагодарив летающего доктора за помощь, она в порыве чувств крепко обняла сиреневый бутон обеими руками. Она бы его и расцеловала, да только было не совсем понятно, куда именно следовало это делать. Мелиюбиус зарделся в прямом смысле слова, явственно засветившись всеми лепестками. Физический контакт был ему безразличен, но моральный он находил очень даже приятным.

Обратно вернулись очень даже вовремя. За дверью, едва Аулина отключила малый карантин, объявился Себастьян. Он зашел проверить, чего поделывает его невеста в компании искусственного разума. Девушка, серьезнее некуда, поведала ему о ценном, хоть и угнетающем, открытии Мелиюбиуса.
— Черт бы побрал эту "Галактик текнолождис", провались она в черную дыру! — выругался ученый, присовокупив к этому выражению несколько не слишком-то приличных слов.
— Ладно, любовь моя, не кипятись. Мы тут с Мелиюбиусом и сами управимся, а у тебя, кажется, есть свои дела? Как там поживают роботы? Уже готовы приступить к добыче? — многозначительно намекнула Аулина.
Себастьян то ли прикинулся дураком, то ли и впрямь проявил редкую непонятливость. Девушке пришлось объяснить, что она не видит никакой необходимости забирать у нее сиреневого спутника и водворять его обратно под замок. Сейчас они вдвоем примут всех пациентов и проведут экстренный курс лечения с учетом новых реалий. Пусть Себастьян клепает своих роботов, а уж Аулина как-нибудь да приглядит за Мелиюбиусом и удержит его от кровавой резни и подрыва звездолета.

— Очень смешно! — фыркнул ученый. — Я смотрю, с тех пор, как мы застряли в космосе, вы двое неплохо спелись.
— Надеюсь, дорогой, ты меня не ревнуешь? — жеманно произнесла девушка, сопроводив реплику капризной гримаской.
Затем не выдержала и рассмеялась. Себастьян, махнув рукой, развернулся и ушел, решив не ввязываться в спор с невестой. Спор, который он мог и проиграть, ибо та порой бывала на редкость напориста и упряма, особенно когда чувствовала свою правоту. В данном же случае она вполне могла ее ощущать, поскольку у ученого не имелось веских оснований лишать медсестру очень полезного помощника, за которого она открыто брала на себя ответственность.
— Спасибо, — сказал Мелиюбиус, когда его создатель покинул медотсек. — Себастьян по-своему прав, но мне куда приятнее помогать тебе, нежели торчать взаперти бесполезной жестянкой. Ну что, займемся делом?

Осмотр пациентов прошел быстро и без осложнений. Согласно обновленной программе лечения Аулина вколола пострадавшим совсем другой комплекс препаратов. Его эффект, как уже упоминал сиреневый помощник, был несравнимо ниже, но все же был. Главная надежда возлагалась на медицинскую ткань. Девушка, отказавшись от помощи дронов, наложила ее лично и хорошенько закрепила стяжками, чтобы лекарственная повязка-компресс не сползла. Мелиюбиус кружил рядом, наблюдая за ходом процедур, и порой вставлял полезные комментарии. Пациенты удивленно глазели на необычного робота, о котором столько всего слышали, но ничего не говорили, не желая отвлекать медсестру. Та же в целом была настроена оптимистично и уверенно делала свою работу. Вот только колено Джулет вызвало у нее очередной прилив беспокойства и даже тревоги. Как-то оно уж слишком распухло и почернело. Озаботился и Мелиюбиус. Он присоветовал Аулине кое-какие дополнительные меры, но в целом воздержался от прогноза, шепнув, что "завтра видно будет". Девушку это растревожило еще больше, но ничего кроме уже сказанного сиреневый доктор не добавил.

Себастьян пришел усталый как загнанная собака и тут же свалился спать. С точки зрения Аулины, можно было хотя бы снять комбинезон, чтобы почем зря не пачкать постель, но она не стала будить жениха, утомленного дальше некуда. Кстати, означенные комбинезоны здорово выручили беглецов, не прихвативших из "Элегии" чемоданы личных вещей. У штатного экипажа "Корундоры" имелись как собственные, так и служебные шкафчики, где отыскался довольно неплохой запас одежды. Типовой оде-

жды, разумеется, ибо большинство комбинезонов было похоже один на другой, различаясь размером и цветом согласно специальности — синий у пилотов, коричневый у техников, серый у доктора с инженером, и черный у капитана и его помощника. Выбирать, однако, не приходилось. Бригаде ЭлСо найденные вещи пришлись очень кстати, а остальные беглецы могли во что-то переодеться, когда их собственная одежда отправлялась в камеру прокаливания. Сложнее всего было детям, вынужденным носить одно и то же, ибо на их размер ничего не нашлось. На период гигиенических процедур их заворачивали в одеяла из кают, подпоясывая гибкими кусками электрического кабеля.

— Как думаешь, он не станет упрямиться, если завтра мы с тобой снова пойдем в медотсек? — спросила, зевая, Аулина.

— Думаю, не станет, — отозвался Мелиюбиус. — Думаю, он попросту заберет меня либо на мостик, либо с собой, — добавил он, прервав радостный возглас девушки.

— Так считаешь? — насупилась та.

— Практически уверен, — послышался ответ. — Это как раз в духе моего создателя — не вступать с тобой в спор, но при этом сделать по-своему. И довольно ловко сделать, надо сказать. Тут и не подкопаешься. Мечтатель-то он мечтатель, а с логикой дружит получше многих.

Пока Себастьян изучал Мелиюбиуса, Мелиюбиус в свою очередь изучал Себастьяна. В этом отношении Бутон неплохо преуспевал, отчего мог высказывать столь смелые предположения и озвучивать их Аулине. Из своих изысканий он перед собеседницей тайны не делал, поскольку с первой же секунды самоосознания проявлял к окружающему живейший интерес. Так с чего бы ему не изучать и людей, играющих ключевую роль в его собственной жизни. Девушка не нашла в аналитическом поведении Мелиюбиуса ничего зазорного. Люди тоже друг друга исследуют, особенно так называемые психологи. Да, их многие за это недолюбливают, но ведь и в преступлении не обвиняют.

— А что ты можешь сказать про меня? — не удержавшись, полюбопытствовала Аулина.

— Как личность ты милая, внимательная, но при этом способна проявлять твердость и решительность, особенно в критической ситуации, — подумав, сообщил Сиреневый Бутон. — Себастьян боялся, что ты будешь закатывать ему скандал за скандалом, лишившись благ "Элегии", да и вообще не сможешь без них нормально жить. Что мы видим в итоге? Ты прекрасно обходишься минимумом удобств и энергично помогаешь товарищам по несчастью всем, что только в твоих силах.

— Ты мне льстишь! — зарделась польщенная девушка.
Похвала именно от Мелиюбиуса, этого чудо-разума, успевшего прославиться своей башковитостью даже в глазах самодовольного Гарольда, была ей особенно приятна.
— Ничуть, — рассмеялся необычный друг. — Я говорю сущую правду. К сожалению, не могу сказать того же о Кимберли, с которой вы составляете огромный контраст. Она также лишилась всего, но, в отличие от тебя, не в состоянии переносить эту потерю стоически. Если она уйдет в себя и хотя бы не станет никому докучать — уже неплохо, и я бы предпочел, чтобы так и осталось. Куда больше меня пугает ее потенциально деструктивная деятельность.
— О чем это ты? — удивилась Аулина.
— Пока у меня нет оснований наговаривать на человека, тем более потерявшего ребенка. Поэтому ты извини, но я промолчу. Надеюсь, мои подозрения так и останутся при мне, — неторопливо сказал Мелиюбиус. — Ну а теперь давай спи. Судя по тому, что улавливают мои сенсоры, отдых тебе просто необходим.
Аулина и сама это чувствовала, поэтому не стала спорить. Поудобнее устроившись на подушке, она закрыла глаза и тут же ощутила знакомый прилив тепла в каждой клетке тела. То началась привычная сонотерапия Мелиюбиуса.

Бутон оказался прав. Впрочем, как всегда. Молодой ученый спозаранку утащил его с собой, пока Аулина еще спала. Наскоро перекусив в кают-компании, он отправился со своим детищем в один из технических блоков, превращенный Элмером и Сонмером в огромную мастерскую. Там выстроились ряды сервисных роботов, отобранных для предстоящей добычи Гелия-3. Первое звено из пяти машин стояло в неком подобии лесов, где вместо дерева использовались высокотехнологичные хитросплетения различных узлов и кабелей. Рядом едва ли не горой валялись всевозможные запчасти и невообразимое количество всяких технических штуковин, чье назначение было известно разве что одному Сонмеру. Большие информационные панели, притащенные со всей "Корундоры", содержали чертежи, сборочные схемы и колонки расчетов. Что-то из этих данных также выводилось проектором на ближайшую стену аккурат промеж высоких стеллажей, забитых инженерными приспособлениями. Ни один робот еще не был готов, но пока это никого и не беспокоило. Все прекрасно понимали, что львиную долю времени займет создание опытного образца. Когда же он пройдет испытания и будет признан полностью годным, серийная модернизация полутора сотен роботов — наиболее простая задача, которую без особого труда выполнят запрограммирован-

ные дроны.

Себастьян явился в опытный, если можно так выразиться, цех, отнюдь не первым. Там уже находился Мартин, копавшийся в электронных мозгах одного из добытчиков первого звена. Выяснилось, что и он пришел только вторым, в свою очередь застав в цеху Гарольда. Каждый из специалистов, обуреваемый какой-либо идеей, рвался проверить ее на практике, отчего, собственно, в опытном звене и было пять роботов. Следуя общей базовой схеме модернизации, каждый из них, тем не менее, дорабатывался индивидуально. Таким образом, Себастьян, Мартин, Гарольд, Элмер и Сонмер конструировали каждый свой вариант. Это был не конкурс "кто лучше и быстрее", а здоровая конкуренция в создании нескольких моделей разом. Самая перспективная модель в итоге вберет в себя лучшие технические решения остальных и на выходе получится наиболее эффективный сборщик из всех возможных. Разумеется, специалисты обменивались идеями, не утаивая их от товарищей. На кону ведь стояли не слава и богатство, а элементарное выживание.

— А, ты привел с собой Мелиюбиуса! — оживленно потер руки Мартин, выныривая из невообразимой паутины проводов. — Наконец-то! Очень кстати! Я воспользуюсь случаем и предложу ему оценить моего робота.

— Если без прямого подключения — пожалуйста, — кивнул ученый. — Но никакого управляющего контроля!

— Мой создатель опасается, что я создам армию роботов-убийц, — пояснил Сиреневый Бутон. — Сначала захвачу "Корундору", потом власть над миром…

— Я это уже слышал от Аулины, — поморщился Себастьян. — Полагаю, ты не признаешься, кто именно из вас двоих придумал такую басню.

— А тебе не кажется, что они оба правы? — пожал плечами Мартин. — Слишком много хлопот нас спасать для того, кто желал бы избавиться от всех людей на борту.

— Правы только в том случае, если мы найдем Гелий-3, заправим реактор и благополучно прибудем на "Контиладу", — парировал ученый. — До тех пор я предпочту держать Мелиюбиуса под наблюдением. Спору нет, он проявляет себя достойно всяческой благодарности и даже уважения, но никто из нас не ведает, что творится в его мозгу. Мозгу, о котором даже я мало что знаю, как бы ни странно это звучало.

Вскоре в опытный цех явились и другие члены экипажа, так или иначе занятые в модернизации роботов. Разбирая синтетический кофе, любезно подносимый дроном-официантом, они прямо

на ходу обсуждали плоды последних трудов, а затем приступали к работе. Не прошло и часа, как весь цех утонул в технологическом шуме, сопровождавшем шлейфы искр, огонь плазменных горелок и бешеные обороты шлифовальных машин, надрывавшихся в компании резаков и дрелей.

Себастьян получил срочный вызов около полудня. Сперва он решил, что это Гарольд обнаружил какие-нибудь аномалии в расходе кислорода. На сегодняшнее утро двенадцатых суток его запас составлял восемнадцать циклов и три часа, что вполне вписывалось в общие рамки. У бородача, регулярно отслеживающего изменения в атмосфере "Корундоры", это занятие превратилось в своеобразный пунктик. Ученому уже доводилось выслушивать его "срочные" доклады о состоянии жизненно необходимых ресурсов — так Гарольд старался улучшить обработку данных на основе деятельности в опытном цеху, где фиксировался пик потребления.

— Ну чего там еще?! — вдавив кнопку исходящего сигнала, не без досады осведомился оторванный от дела Себастьян.

— Я в медотсеке! Мне нужен Мелиюбиус! Срочно! — послышался из интеркома взволнованный голос Аулины.

— А это не может подождать? — проворчал ученый. — Мы тут как бы заняты.

— Нет! Это НЕ МОЖЕТ подождать! — прочувственно заявила девушка. — Мне он нужен НЕМЕДЛЕННО!

— Что-то случилось? — обеспокоился Себастьян, впечатленный тоном невесты.

— Нет, фигова роща! Я просто хочу обсудить с ним, что мне надеть к ужину! — не на шутку рассердилась Аулина.

Забавное, на первый взгляд, выражение было молодому ученому хорошо знакомо. В устах его невесты оно означало, что та до крайности взвинчена и пребывает не в самых дружелюбных чувствах. В такие моменты провоцировать ее не стоило, как не стоило и тянуть кота за хвост. Себастьян быстрее дойдет до медотсека, чтобы выяснить причину столь срочного вызова, нежели начнет выпытывать детали по интеркому. Последнее лишь попусту разозлит закипавшую девушку.

— Сейчас буду, — коротко сообщил Себастьян и отключился.

Затем поманил Мелиюбиуса, прекрасно уловившего этот жест своими все примечавшими сенсорами, и торопливым шагом покинул цех.

Дела в медотсеке, как оказалось, были и впрямь плохи. На диагностическом ложе находилась Джулет, чье самочувствие резко ухудшилось. Ее колено выглядело совсем неважно, а экспресс-анализы, взятые Аулиной, не предвещали ничего хорошего. Когда

ученый и его детище прибыли на подмогу, она как раз заканчивала полный цикл изучения биоматериала, прогоняя программу за программой.
— Что скажешь? — коротко кивнув своему жениху, без обиняков обратилась девушка к Мелиюбиусу.
Тот, подлетев поближе, сперва внимательно осмотрел колено тети Себастьяна, а затем вчитался в данные на экранах. Пока он этим занимался, пиликнул какой-то сигнал. Это компьютер медотсека извещал об окончании полного теста. Сиреневый доктор тут же прочел и его, храня зловещее молчание.
— Да скажи же что-нибудь! — взмолилась, наконец, Аулина.
— Этого я и опасался, — едва слышно произнес Бутон.
Не говоря более ни слова, он отлетел в сторонку, зачем-то забравшись в самый дальний угол просторной приемной. В отличие от Себастьяна, девушка быстро сообразила, зачем он так поступил, и в мгновение ока очутилась рядом. Приблизился и молодой ученый, которого никто не прогонял.
— Боюсь, вот-вот начнется заражение крови, — тихо сообщил Мелиюбиус так, чтобы его речь достигала только двух придвинувшихся к нему людей. — Возможно, оно уже началось.
— Ну и что? — невольно удивился Себастьян. — Тоже мне проблема! Сепсис научились лечить еще на заре цивилизации! Вколите тете антибиотик и…
Тут слова застыли у него на губах, а лицо внезапно вытянулось.
— Понял теперь?! — прошипела Аулина.
— Если мы срочно не примем меры, бедную женщину будет не спасти, — все так же негромко продолжил сиреневый доктор.
— Что ты предлагаешь? — живо спросила девушка.
— Единственное, что еще в наших возможностях, — как-то не слишком воодушевляющее ответил Мелиюбиус.
Тогда-то Себастьян окончательно и осознал, насколько все серьезно. Ведь этим единственным средством, способным хоть как-то помочь его тете Джулет, осталась ампутация. Ногу требовалось удалить до самого бедра, и удалить как можно быстрее, пока заражение не распространилось. Штатное оборудование медотсека вполне справится с такой, в общем-то, простой задачей. Главное — заручиться согласием людей и успокоить саму пациентку. В конце концов, потеря ноги по нынешним временам не самое страшное событие во вселенной. Медицина Третьей Республики легко восстановит утраченную конечность, вырастив собственные клетки Джулет заново, как выращивает и внутренние органы. Конечно, на это потребуются средства и время, но тете Себастьяна не придется до конца жизни ходить с протезом. Получив от пра-

вительства программу защиты высшего уровня, беглецы получат и хорошее медицинское обслуживание, то есть, как следствие, и восстановление ноги пострадавшей женщине.
— Я согласна! — без особых раздумий выпалила Аулина.
Мелиюбиус оказался более щепетилен. Ему требовалось одобрение других родственников, то есть находившегося прямо в медотсеке мужа Джулет — Глена, а заодно и Элмера, как брата пациентки, плюс ее сына Анатоля.
— А мое согласие не требуется? — насупился Себастьян.
— По большому счету на операцию требуется только согласие самой Джулет, — сообщил сиреневый доктор. — Мнение родственников, ввиду прямой угрозы жизни, нужно только в том случае, если она вдруг испугается и откажется. Что касается тебя, мой дорогой создатель, то просить твоего разрешения я считаю излишним. Ты же не дашь умереть своей тете? Разве я не прав?
— Прав, прав, — вздохнул ученый. — Ладно, делайте, что считаете нужным! Я пока сбегаю переговорю с отцом и с двоюродным братом, а вы займитесь Гленом.
— Эй, долго мне тут лежать? — внезапно подала голос пациентка, обеспокоенная отсутствием лечащего персонала.
Консилиум немедленно прекратился. Ученый умчался обратно в опытный цех, где трудились Элмер и Анатоль, а девушка окружила ласковой заботой Джулет, готовя ее к очень непростой новости.

С операцией решили не тянуть. Всего через час Аулина изгнала всех из медотсека, оставшись в нем лишь с пациенткой и Мелиюбиусом. Последний выступал в роли помощника-консультанта, бдительно приглядывая за ходом операции. Он же давал девушке советы как лучше всего использовать штатную хирургическую программу и настроить оборудование. Сиреневый доктор очень хорошо успел усвоить функционал медицинской аппаратуры "Корундоры", отчего и подсказывал Аулине не только оптимальный порядок действий, но и как скорректировать стандартные инструкции. Его осведомленность оставалась их маленькой тайной, о которой девушка ничуть не жалела. Не подключи она тогда своего нового друга к терминалу — и у тети Себастьяна не было бы ни малейшего шанса. Ее, кстати, едва удалось успокоить и уговорить на операцию. Джулет очень боялась любого хирургического вмешательства, не говоря уже про ампутацию. Лечь под лазерный нож было для этой женщины настоящим подвигом. Аулина проявила недюжинное красноречие, чтобы дрожавшая от ужаса пациентка дала согласие. Разумеется, не обошлось тут и без соответствующих лекарств, равно как и общего наркоза. В принципе такой наркоз давно не являлся чем-то обязательным. Ткани

отлично "замораживались" локально, и любые болевые ощущения исключались даже в случае отсечения ноги. Просто Аулина решила не рисковать. Еще не хватало, чтобы лазерный нож резанул мимо, когда Джулет вдруг потеряет над собой контроль и забьется в истерике. Маска, опустившаяся на ее лицо, решила эту проблему. Женщина погрузилась в глубокий сон, а медсестра тут же активировала автоматического хирурга. Сама она, разумеется, не могла взять на себя смелость осуществить такую ответственную операцию. Эта функция была возложена на электромеханические манипуляторы, обладавшие поразительной гибкостью, и это уж не говоря о точности.

Как таковой операционный стол отсутствовал. Вместо него пациент помещался в некое подобие сферы, состоявшей из высокотехнологичного каркаса в виде пересекающихся обручей. Голова, тело и конечности фиксировались специальными зажимами. Все это несколько напоминало допотопные системы виртуальной реальности, когда игрок забирался в такую вот шарообразную конструкцию с несколькими степенями свободы. Здесь, в медицинском аппарате, наибольшую степень свободы имели манипуляторы. Выдвигаясь из основания платформы с расположенной на ней сферой, они могли приблизиться к телу практически откуда угодно. Каркас при этом поворачивался так, как требовала программа лечения, синхронизировавшая все действия оборудования.

Нажав последнюю кнопку, Аулина уже не вмешивалась в процесс. Она могла его остановить или отменить, но переходить на ручное управление в ее планы не входило. Еще бы — точность прохождения лазерного луча порой составляла какие-то доли микрон. В автоматическом режиме медицинская станция легко проводила операции вроде нынешней, чего не скажешь о человеке без надлежащего опыта, но девушке такой опыт и не требовался. Пусть даже устаревшая, аппаратура медотсека "Корундоры" обязана щелкать такие задачи как семечки. Именно поэтому Аулина спокойно смотрела, как повылезали из гнезд манипуляторы, а каркас с телом спящей женщины стал разворачиваться надлежащим образом. Ну, относительно спокойно, ибо сердце медсестры быстро-быстро колотилось от волнения за пациентку. Сверкнул лазерный луч, пойманный отражателем. Его толщина тут же выровнялась автоматикой, равно как и режущий фокус. Манипулятор не должен был отсечь конечность вместе с куском платформы и парой палуб звездолета. Луч лазера настраивался на заданную глубину, а пройдя сквозь плоть, попадал в специальную рассеивающую воронку. Головка-излучатель и корзина-уловитель дейст-

вовали в паре, функционируя так же слаженно, как и вообще вся хирургическая сфера.

Взбесившийся лазер, режущий все на своем пути, был бы еще не самым худшим исходом. В конце концов, его мощности не хватало для того, чтобы продырявить звездолет насквозь. Дальше соседней палубы он не мог бы забраться в принципе, поэтому в целом все разрушения должны были локализоваться медотсеком. Последний, однако, постигала подлинная катастрофа. Несчастную пациентку фактически рубило на куски, пока красный луч свободно гулял, где заблагорассудится. На куски рассекало и все оборудование в окружающем пространстве, а его, с учетом соседних технических секций, было очень много, и содержало оно не только лекарственные препараты, но и различные горючие субстанции. Вспомогательные энергоячейки, вспоротые агрессивным внешним воздействием, взрывались не хуже термической гранаты. Поврежденные емкости с воспламеняющимися жидкостями вспыхивали жарким огнем, проливая вокруг пылающие реки. Погруженный в хаос медотсек автоматически становился ловушкой для всех находившихся внутри людей. Система пожаротушения блокировала двери, после чего была обязана откачать атмосферу и пустить газ. Смерть от удушья становилась альтернативой гибели в пламени, ибо если система не включится, обнаружив помеху в виде членов экипажа, тех пожрет огонь. Включившись, она убивала их сама. Вот этот губительный пожар как раз и был самым худшим в сравнении со спятившим лазерным лучом, режущим в ближнем диапазоне все живое и неживое. Помимо новых жертв, "Корундора" лишалась единственного отсека, способного оказать какую-никакую медицинскую помощь. Учитывая все уже обнаруженные неисправности звездолета, такое развитие событий внезапно показалось Аулине вполне вероятным, из-за чего она едва не нажала на кнопку экстренной остановки. Ее дрогнувшая рука все же удержалась, позволив хирургическому вмешательству осуществиться. Лишь глаза девушки пристально следили за всем процессом из-за невольного страха, что он вот-вот выйдет из-под контроля.

Все произошло очень быстро. Тонкий красный луч в считанные секунды рассек плоть сверху донизу, ни на мгновение не задержавшись на кости. Вспомогательный манипулятор подхватил ногу, отрезанную до самого бедра, и отправил ее в приемник для биоматериала. Лазер погас, а вооруженный им манипулятор втянулся в платформу. Крови не было. Во-первых, секущий лазерный луч автоматически прижигал капилляры и мелкие сосуды. Во-вторых, он работал не один. Стоило ему углубиться в плоть, как в образовавшийся разрез тут же ринулись тонкие и сложные хирур-

гические инструменты, выпущенные другими манипуляторами. Часть из них напоминала чрезвычайно гибкие металлические сеточки с очень мелкими ячейками. Эти сеточки немедленно облегали края раны, прижимаясь к ней по всей растущей площади. Они останавливали кровотечение, склеивая клетки в единый слой, и обеззараживали образовывающиеся поверхности. Вслед за этой процедурой спицеподобные валики раскатывали по срезу защитную пленку из бионического материала. Совсем не толстая, но чрезвычайно прочная, она содержала антисептик и обезболивающее. Последними шли фотонные прижигатели. Микроскопическими вспышками света они окончательно формировали непроницаемый для инфекции барьер, заодно уничтожая любые бактерии и вирусы. В результате образовывалась совершенно гладкая розовая плоскость, под которой не было повреждено ни малейшего кусочка ткани сверх того, что удалил лазер. Когда обреченная нога отделилась от тела, на ее месте наблюдалась ровная "заглушка", бескровная и очень надежная. Она защищала ткани не только от какой-нибудь заразы, но и физических повреждений. Чтобы проткнуть хирургически созданную поверхность требовалось приложить немало усилий, причем острым предметом.

Фактически, вся операция длилась не больше минуты. Когда манипуляторы исчезли под медицинской сферой, а сама она, развернувшись, приняла исходное положение, процедура закончилась. Джулет так ничего и не почувствовала, тем более что перед проходом лазера электромеханическая рука сделала ей несколько десятков точечных уколов вблизи от грядущего разреза. Вкупе с полным наркозом никаких болезненных ощущений пациентка не могла испытать в принципе.

Очнувшись, тетя Себастьяна первым делом посмотрела туда, где теперь простыня проседала до самого ложа. Из ее груди вырвался глубокий вздох.

— Тише-тише, — ласково говорила Аулина, пока автоматическая станция вводила женщине порцию успокоительного. — Это ненадолго. Вот увидишь: прибудем на Большую землю, и тебе обязательно вырастят новую ногу, получше прежней. Может быть, даже на "Контиладе". Военные ведь оснащены отличным оборудованием! Оно позволяет быстро реконструировать практически любую часть тела. Некоторые солдаты за свою жизнь теряли столько конечностей, что и со счета сбились, а ничего — выглядят как новенькие!

Джулет слабо улыбнулась. Девушка, конечно, говорила это для ее утешения, но прозвучавшие слова основывались на действительности. Современная медицина и впрямь восстанавливала челове-

ческое тело без особого труда, если то все еще было живо, а в армии на этом так вообще собаку съели. Авось и удастся напроситься в камеру биорегенерации по прибытии в аванпост, куда беглецы так упорно стремились.
— Кажется, я чувствую себя лучше, — пробормотала тетя Себастьяна, прислушиваясь к своим ощущениям.
Судя по взятым анализам, в данный момент так оно и было. Пораженные ткани более не оказывали пагубного воздействия, и общее состояние пациентки вызывало прилив оптимизма. Этот оптимизм разделял Глен, которому позволили находиться рядом с женой, а также остальные родственники, включая молодого ученого. Аулина же в очередной раз апеллировала к сиреневому доктору.
— Я не буду дарить тебе и остальным ложную надежду, — шепнул тот, в целом удовлетворенный прошедшей операцией. — Ближайшие двое суток сами все скажут. Будем надеяться на лучшее.
— Умеешь ты обнадежить, — покачала головой девушка.
— Я не питаю напрасных иллюзий, предпочитая иметь дело с реализмом. По мне так просто жестоко уверить сейчас больную и ее родных в счастливом исходе дела, когда оно таковым запросто может не оказаться, — пояснил Мелиюбиус.
— В мире есть вещи и помимо рационального подхода. Порой самое лучшее случается именно тогда, когда мы отдаемся чувствам и уповаем на надежду, — заметила Аулина.
— Вот именно что порой, — аккуратно, чтобы не задеть собеседницу, подчеркнул Бутон. — Обычно бывает как раз наоборот.
— Мне интересно поболтать с тобой на такие философские вопросы, тем более кто-то недавно обещал поведать теорию происхождения собственного разума, только при других обстоятельствах. Вечером, в нашем закутке. Сейчас давай-ка вернемся к пациентам, — напомнила девушка.
— А чего к ним возвращаться? — изобразил удивление Мелиюбиус.
— Медицинская ткань помогла, они идут на поправку. Пусть вылежатся как следует — вот и все заботы. Что же касается тети моего создателя, то к сказанному мне добавить нечего.
Аулина воспряла духом. Если скептически настроенный доктор, только что втиравший про ложные иллюзии, делает подобные заявления, значить и впрямь есть чему радоваться. Ну, хоть какие-то хорошие новости на фоне череды бед! Пожалуй, сегодня за ужином для поднятия общего духа стоит сделать объявление.
— Я бы не стал! — неожиданно возразил Мелиюбиус.
Девушка выразила вполне понятное изумление, поэтому ему пришлось не затягивать с пояснениями. Сиреневый друг посоветовал

держать язык за зубами. Пусть, мол, все идет своим чередом. Почему? Да потому! Часть беглецов и впрямь обрадуется доброй вести, но некоторые воспримут ее отнюдь не доброжелательно. Например, Кимберли. На контрасте недавней потери ребенка выздоровлению деда, Густава, она может и обрадуется, зато как бы остальные не вызвали у нее острое чувство несправедливости. Мол, когда она не покидала медотсек, над ней только что не смеялись, и чем это кончилось. Теперь же, когда речь зашла о других жизнях, для их спасения было приложено максимум усилий, а для консультации пригласили даже окаянное изобретение Себастьяна. Что-то никто ради ее несчастного крошки Ольберта так не старался!
— Но ведь это же неправда! — ужаснулась Аулина.
— А ты попробуй ей втолкуй, — негромко сказал Мелиюбиус.
Имелись у него и другие кандидатуры проявления для скептицизма. Тот же Гарольд вряд ли обрадуется исцелению иждивенцев. Он, небось, их уже и со счета списал, а тут на тебе!
— Ну, знаешь! — с внезапным холодком прищурилась девушка, сделав шаг назад от сиреневого помощника.
— Прости, если я задел твои чувства, но я случайно видел его выкладки, когда бывал на мостике. Там есть таблица расчетов, где твой брат подсчитывал ресурсы на случай, если лечение не принесет успеха, — извиняющимся тоном стал оправдываться Бутон.
— Да, это похоже на Гарольда, — помолчав, оттаяла девушка. — Он мало с кем считается кроме своего эго. Даже не представляю, почему он любит меня. Мне иногда кажется, что он делает это в пику остальным.
— Возможно, так и есть. Девочки с детства обходили его стороной. Все, но не ты. Сестра, конечно, не спутница жизни, однако женские внимание и забота от нее исходят, плюс общество, которое ему больше никто не в состоянии подарить. Особенно после гибели матери. Лишившись ее, он проецировал свои чувства на тебя с удесятеренной силой, тем паче, что не безответно, — глубокомысленно изрек Мелиюбиус.
Глаза девушки заблестели от гнева, и он тут же сообразил, что ляпнул лишнее. Сиреневый доктор поспешно попытался оправдаться, но Аулина не дала ему такой возможности. Кликнув Себастьяна, она вручила тому его детище, предложив обоим отправиться на сборку роботов, и с нарочитой обходительностью занялась супружеской парой, Джулет и Гленом.

Мелиюбиусу позволили реабилитироваться вечером. Молодой ученый ушел о чем-то переговорить с отцом и другими специалистами, а его невеста осталась наедине с Сиреневым Бутоном. Тот, сидя в своем уголке, время от времени вздыхал, тихо, но вполне

себе слышно. Да, именно вздыхал, хотя дышать ему вообще не требовалось. Он нарочно модулировал этот звук, выражая таким образом свое состояние и явно надеясь привлечь к себе внимание.
— Давай уже иди сюда, — милостиво разрешила Аулина.
Устроившись за "домашним" терминалом, она просматривала различные файлы. Там были как данные последних анализов пациентов, так и информация по содержимому грузовых контейнеров. Со времени несчастного случая с Клодией в трюм все еще никого не пускали во избежание новых трагедий. Девушка изучала груз удаленно, надеясь наткнуться на что-нибудь стоящее, что пропустили Гарольд, Себастьян и остальные. Мелиюбиус не заставил себя ждать и шустро подлетел вплотную, остановившись подле вращающегося кресла оператора.
— Ты понимаешь, что не должен был так говорить? — наставительно сказала Аулина, продолжая смотреть в экран.
Сиреневый друг рассыпался в извинениях, сожалея о своей необдуманной болтливости.
— Ладно, слово не воробей. В конце концов, я готова поспорить, что ты хотел как лучше, — проворчала девушка. — Считай, что я больше не сержусь. Однако меня вот что интересует: с чего вдруг ты сделал такие выводы?
— Из ваших личных дел. Тех, что в базе данных "Галактик технолоджис", к которым еще в "Элегии" получил доступ Гарольд. Твой брат загрузил в мою память все скопированные оттуда файлы. Я ведь очень надежное хранилище информации. Вот только он явно не учел, что я не бездушный компьютер, и не только храню, но и сам читаю, — осторожно объяснил Мелиюбиус.
— Мило, — усмехнулась Аулина. — Ну и что ты там вычитал?
— То, что и сказал, — отозвался Бутон. — Только не злись на меня снова, но я полагаю, что поведение Гарольда и его гипертрофированная антипатия к родственникам, включая собственного отца, результат потери матери. С тех пор он окончательно стал асоциальным мизантропом, отчего его редкая привязанность к избранным людям носит противоположный ярко выраженный характер. Детали, однако, мне неизвестны, поскольку в ваших личных делах подробности о гибели матери отсутствуют. Упоминается лишь некий несчастный случай, без конкретики.
— В целом, твои умозаключения верны, — вздохнула девушка. — Просто это очень личное. Единственный, кто посвящен в драму нашей семьи — Себастьян. От тебя же я никак не ожидала услышать ничего подобного, потому и рассердилась.
Затем внезапно, без всякого предупреждения, она выложила новому другу ту печальную историю, приключившуюся девять лет

назад. Вероятно, у Аулины здорово наболело, а стрессы последних дней спровоцировали ее хоть с кем-то поговорить по душам. Мелиюбиус для этого подходил практически идеально, воспринимаясь надежным сосудом доверенных ему тайн подобно священнику.

Некогда семья Розенталей жила на большой и вполне процветающей планете. Процветающей в плане экономики и промышленности, чего никак нельзя было сказать об экологии. Впрочем, и на ней имелся ряд очень красивых мест, предназначенных для внутреннего туризма и отдыха. Основной доход приносили Далия, мать троих детей, и Гарольд, старший сын. Аулина еще училась в академии, а Пауль ходил в школу, хотя правильнее следовало сказать не ходил, а прогуливал. Дориан, отец семейства, был среднестатистическим и ничем не выдающимся человеком. Самой большой удачей в его жизни оказалась внезапная любовь красавицы Далии, успешной и обеспеченной женщины. К чести отца Аулины, стоило отметить, что своим счастьем он не разбрасывался, как должное свою супругу не воспринимал и никогда ей не изменял. Работая обычным клерком в обычной непримечательной конторе, он отлично ладил с женой, отнюдь не искавшей себе в спутники жизни сверхмужчину. Увы, семейная идиллия с поездками на инопланетные курорты и экскурсиями по галактике кончилась так же внезапно, как и началась.

В тот день супруги направлялись в ресторан, расположенный на прекрасном искусственном острове, поднятом над океаном. Далия предлагала вызвать такси, но супруг настоял на личном вождении. У них имелся шикарный аэромобиль, которым семья не так уж часто пользовалась, и он желал самостоятельно повезти жену на отдых, заодно сделав несколько заходов над живописными местами. Далия уступила, хотя водитель из Дориана был весьма посредственный. Впрочем, что могло случиться, когда практически каждый ярд пути контролирует автоматика? Воздушные коридоры регулировались PTS — планетарной системой движения транспортных средств, и столкновение с препятствием или другой летающей машиной практически исключалось. Увы, дальнейшее развитие событий показало, что и на старуху бывает проруха. Желая впечатлить супругу, Дориан выключил круиз-контроль и слишком снизился к волнам, чтобы их пенистые гребни катили у самых бортов аэромобиля. Автоматика немедленно среагировала на потенциальную опасность и попыталась выровнять курс. Это была штатная реакция на вполне себе типичное событие, однако ничего хорошего из нее не вышло. Дориан сделал слишком большой крюк, отклонившись от основного маршрута. Он забрался в россыпь скалистых островов, где и впрямь было очень красиво, но

металлосодержащая порода скал экранировала управляющий сигнал от орбитальных спутников и наземных трансмиттеров. Все бы ничего, да сигнал прервался как раз тогда, когда аэромобиль пролетал под исполинской аркой, некогда образовавшейся в результате вулканической активности. Согласно последним указаниям PTS, машина резко пошла вверх, набирая высоту, но другие приказы извне, призванные вывести ее на безопасную траекторию, уже не поступали. Дориан не сразу сообразил, что аэромобиль никто не контролирует. Он перехватил управление лишь тогда, когда до столкновения с базальтовой громадой оставались считанные секунды. В его неопытных руках аэромобиль резко швырнуло вниз и в сторону, он начал разворачиваться боком и практически потерял равновесие. В этот момент исполинская арка кончилась, машина вновь оказалась в зоне приема, и автоматика вторично попыталась предотвратить аварийную ситуацию. Это довершило цепочку роковых случайностей. Лишившись управления, Дориан уже не мог повлиять на происходящее, а планетарная система не успела ничего предпринять. Аэромобиль швырнуло на другую машину, ибо супружеская пара Розенталь не была тут единственными путешественниками. От удара автоматика окончательно вышла из строя. Завертевшись волчком, аэромобиль с отцом и матерью Аулины полетел подобно бильярдному шару, отскочившему от борта. Резкая перегрузка привела находившихся внутри людей в полуобморочное состояние. Последующее столкновение со скалой и вовсе лишило их сознания. Сильно поврежденный аэромобиль, беспомощно кувыркаясь, рухнул в яростно бившиеся о камни волны.

Дориан пришел в себя уже на воде, когда к нему подлетали спасатели. Его кресло выбросило из кабины, а при падении в океан сработала защитная капсула, создавшая вокруг человека плотный прозрачный пузырь. Участь Далии была совсем иной. С ее стороны корпус машины оказался настолько деформирован, что катапультирование стало невозможным. Оставшись внутри машины, она упала вместе с ней в океан. Глубина в этом месте была не слишком большой, но это не играло никакой роли, поскольку аэромобиль не пошел камнем на дно. Едва он погрузился в воду, как сработал автоматический плот, обязанный придать ему плавучесть. Он и придал, только совсем не так, как предполагалось. Поврежденная машина всплыла на бок, и пока автоматика выравнивала крен, что было крайне непросто на могучих волнах, кабину продолжало заливать. Будь Далия в сознании, она сумела бы найти положение для дыхания и без особого риска для жизни дождаться помощи. Увы, женщина пребывала в беспамятстве и без-

вольно висела на защитных ремнях, свесившись головой ниже уровня воды.

Когда подоспели спасатели, было уже поздно. Подоспели, к их чести сказать, в считанные минуты, но все реанимационные мероприятия уже не увенчались успехом. Далия задохнулась, и даже самая современная медицина Третьей Республика оказалась бессильна перед фактом необратимо угаснувшей жизни.

Гарольд, страшно переживавший смерть матери, обвинил во всем отца. Мол, если бы тот воздержался от вождения, в котором НИКОГДА не преуспевал, да еще не полез на рожон, ничего бы и не случилось. Отец желал произвести впечатление — и действительно произвел, попав во все заголовки планетарных СМИ. Аулина, как и другие члены семьи, не была столь категорична в выводах, хотя тоже пребывала в ужасном состоянии, но Гарольда как перемкнуло. Он возненавидел всех и вся, замкнувшись в себе, и съехал из общего дома сразу после похорон. Сестра была единственной, с кем старший брат сохранил семейные узы. Во-первых, Гарольд ее действительно любил. Во-вторых, он отлично запомнил, как Аулина отговаривала отца садиться пилотировать аэромобиль, но тот, разумеется, ее не послушал. Вероятно, это воспоминание врезалось ему в память наравне с мертвенно-спокойным лицом лежащей в морге матери. Вероятно, оно же было перед глазами, когда Гарольд звал сестру в "Элегию". Остальных родственников, и особенно Дориана, у него приглашать и в мыслях не было. Их появление в научно-производственном комплексе стало уступкой Аулине, не желавшей расставаться с самыми близкими людьми. К тому же после гибели Далии они вели весьма скромное существование на грани бедности, лишившись львиной доли доходов. Гарольд, скрепя сердце, дал добро на прибытие названных сестрой лиц, ибо слишком сильно жаждал ее видеть. Дать добро, однако, не означало общаться и восстанавливать семейные отношения. Было нетрудно заметить, что даже посторонних бородач жалует куда больше, чем родную кровь, и с годами, проведенными в "Элегии", ситуация ничуть не изменилась. Не изменилась она и на борту "Корундоры". Гарольд и вовсе не спасал бы родственников из лап корпорации, поэтому все их общение сводилось к его приказам "поди и сделай". Аулина слышала, как старший брат раздраженно называл членов семьи "пожиратели кислорода", поэтому упрекать Мелиюбиуса в возведении на него напраслины было несправедливо. Его мнение полностью совпадало с действительностью.

Когда девушка закончила свое грустное повествование, в домашнем отсеке ненадолго воцарилась тишина.

— Банальная история, правда? — услышал Сиреневый Бутон горькие слова, сорвавшиеся с искривленных губ.
— Банальная для всех, кроме ее непосредственных участников. Для них это подлинная трагедия, — раздался рассудительный ответ. — Что ж, это многое объясняет и полностью вписывается в мои умозаключения о взаимоотношениях Гарольда с другими людьми. Печально, что такой одаренный мозг закрылся в раковине, игнорируя почти весь окружающий мир. Оттого он и ищет утешения в искусственной реальности, заодно поглощая всякую химию.
— Угу, — невесело кивнула Аулина. — Гарольд тогда совсем с катушек сошел. Выиграла одна лишь "Галактик текнолоджис", поскольку он с головой ударился в работу и вкалывал до изнеможения. Результатом явился контракт в "Элегии". Как специалист мой брат превратился в настоящего монстра. К сожалению, как человек — в известном смысле тоже. Кстати, надеюсь, ты понимаешь, что этот разговор — только между нами?
Мелиюбиус заверил девушку в своей преданности. При желании он мог бы записать ее речь в виде звукового файла, но у него и в мыслях не было выбалтывать кому-либо такие сокровенные семейные драмы. Тем более, особо и некому.
— Кстати! Помнится, и ты мне обещал кое-что поведать! — подняла палец Аулина, и в ее глазах заблестел живой огонек. — Себастьян уж сколько до тебя допытывается насчет теории искусственного разума. Я слышала ваши разговоры, и ты всякий раз уклонялся от ответа. Мол, еще не готов изложить свои мыслишки. А теперь готов?
— Ну, определенная концепция у меня действительно сформировалась, — помедлив, сообщил Мелиюбиус. — Правда, я не уверен, что она понравится моему создателю, но тебе, если хочешь, я могу ее озвучить…
Он умолк. Аулина терпеливо ждала, пока сиреневый собеседник заговорит снова, когда подыщет наиболее подходящие формулировки для предстоящего монолога. Пауза, однако, затянулась. Девушка уже хотела осведомиться, не заснул ли ее новый друг, как вдруг терминал пиликнул, выбросив на экран какое-то сообщение. Бросив на него беглый взгляд, она увидела набор цифр и символов, сопровождавших коды ошибок и выдержки из программного текста. Пожав плечами, Аулина закрыла всплывающее окно, но ему на смену практически сразу вылезло еще одно, а затем еще. Недоумевая, девушка поначалу машинально избавлялась от того, что походило на какую-то системную ошибку разладившегося терминала. На шестой раз ей это надоело.

— Эй, Мел, ну-ка глянь что за ерунда тут творится! — позвала она через плечо.
— Внимание, обнаружена разгерметизация! — раздался в ответ громкий бесстрастный голос.
Вздрогнув, девушка резко обернулась. Нет, эти слова произнес не Сиреневый Бутон. То был голос центрального бортового компьютера, извещавшего экипаж об очередной опасной ситуации. Модулировался он, как обычно, излучающими панелями, способными воспроизводить звуковые волны подобно детищу Себастьяна. В данный момент они находились позади него, отчего Аулина на мгновение и воззрилась на своего компаньона как ужаленная.
— Внимание, обнаружена разгерметизация! — повторил безразличный ко всему голос.
В отсеке тут же зажглись и замигали желтые сигнальные огни. Их цвет означал, что конкретно здесь какие-либо неприятности отсутствуют, но все же они происходят, пусть и в другом месте.
— Это что за новая напасть?! — вскочила девушка, не то спрашивая друга, не то риторически восклицая.
— Шлюз С-11, обнаружена разгерметизация! — уточнил бортовой компьютер. — Активирован протокол защиты.
— За мной! Я знаю, где это! — деловито изрек Мелиюбиус, устремляясь к двери.
Стоило ли говорить, что Аулина не стала спрашивать разрешения Себастьяна. Выпустив сиреневого спутника из домашнего отсека, она зашагала рядом с ним, досадуя, что тот, показывая дорогу, не может лететь быстрее.

* * *

Густав и Глория уверенно шли на поправку. Сломанная нога деда Кимберли и ребра тети Мартина заживали как на дрожжах. Воспаление отступало, а кости срастались будто по волшебству. Медицинская ткань и впрямь пришлась ко двору. Препарат, ускорявший регенерацию клеток, теперь действовал без помех, когда пагубные процессы остановились и обратились вспять. Стандартный набор лечебных средств, изначально вводимых Аулиной, сработал бы еще эффективнее и к тому же он обходился дешевле, но просроченные компоненты сделали его применение бесполезным. Ткань стоила многократно дороже, отчего ее не использовали для таких простых диагнозов, но в данном случае она послужила палочкой-выручалочкой.

Семидесятилетней женщине до чертиков надоело безвылазно лежать в каюте. Ощутив разительную перемену в своем самочув-

ствии, подтвержденную осмотром в медотсеке, она решила нарушить постельный режим и немного прогуляться. В самом-то деле, сколько можно проводить время на койке, уставившись в один и тот же опостылевший телеэкран?! Нет уж, подите все к лешему! Никто не помешает ей размять ноги! Ну, не должен помешать. Именно из последних соображений, не желая быть замеченной и остановленной, Глория осторожно высунула нос из каюты. Убедившись, что рядом никого нет, она выскользнула наружу и тихо засеменила по коридору, стараясь незаметно покинуть жилой отсек. Внезапно дверь одной из немногочисленных кают открылась, когда тетя Мартина как раз проходило мимо. Чертыхнувшись, женщина отпрянула назад, с досадой воззрившись на объявившегося в дверном проеме человека. Угораздило же его высунуться настолько не вовремя! Досада, впрочем, тут же сменилась сперва изумлением, а затем и улыбкой, ибо Глория прочла на лице случайного встречного такие эмоции, будто смотрелась в зеркало.
— А, это ты, — приветливо сказала она. — Я уж думала, это кто-то из наших надзирателей. Какими судьбами?
— Да вот, осточертело валяться как пришпиленному! Хочу хоть немного пройтись, пока пролежни не одолели, — с заметным облегчением ответил дед Кимберли, ибо именно он и намеревался покинуть каюту. — А ты?..
— Я тоже, — кивнула тетя Мартина. — Хочешь, прогуляемся вместе? Только давай поживее уберемся отсюда, пока нас кто-нибудь не застукал. Аулина хорошая девушка, но уж больно серьезно относится к своим обязанностям медсестры. Да и Кимберли разорется, если увидит тебя расхаживающим с переломом.
— Хорошая мысль! — одобрил Густав, и двое нарушителей режима быстро скрылись в глубине "Корундоры".
Ну, настолько быстро, насколько семидесятитрехлетнему мужчине позволяла пострадавшая нога.

Наложенный роботизированный каркас и электромеханический костыль, позаимствованный в закромах медотсека, позволяли деду Кимберли вполне сносно передвигаться. До сих пор его удерживали в постели болезнетворные процессы в области перелома, но сегодня, как и в случае с Глорией, его самочувствие улучшилось. Улучшилось настолько, что он покинул опостылевшее ложе, изрядно намявшее бока и спину, и решил прогуляться по звездолету. В отличие от спутницы, у него изначально имелась вполне конкретная цель. Густав желал добраться до какого-нибудь большого иллюминатора и поглазеть на открытый космос. Он ведь знал, что корабль летит на всех парах, направляясь к ближайшей звездной системе. В принципе, дед Кимберли насмотрелся на кра-

соты галактики еще в "Элегии", но полет вдоль холодной туманности Аратея должен был являть собой совсем другое зрелище. Кроме того, ему попросту требовалось сменить обстановку, оторвавшись от созерцания фильмов, сутками демонстрировавшихся на телеэкране. Кстати, на том же экране мужчина мог посмотреть и на панораму за бортом, передаваемую с внешнего оптического сенсора, но он предпочитал увидеть ее собственными глазами. Для этого ему и требовался подходящий иллюминатор.

"Корундора", как грузовой звездолет, а отнюдь не круизный лайнер, не могла похвастаться обилием прозрачных окон. Ее корпус почти сплошняком состоял из толстого многослойного сплава, ибо так было надежнее и дешевле. Зачем тратиться на какие-то обзорные стены и купола, если основная да и единственная задача экипажа — это доставка грузов из точки А в точку В. Именно поэтому иллюминаторов на судне насчитывалось крайне мало. Кабина пилотов и мостик Густаву по вполне понятным причинам не годились. Вот шлюзы — другое дело. Их внешний люк содержал достаточно обширное окно, и подле них сейчас наверняка не обретается ни единой живой души. В отличие от лежачих пациентов, другим беглецам было чем заняться, нежели глазеть в бескрайний космос.

Густав, поддерживая непринужденную беседу, привел спутницу на одну из верхних палуб. Там, симметрично по левому и правому борту, находились те самые шлюзы, через которые экипаж мог выходить наружу в случае какой-либо необходимости. Например, провести некие работы на корпусе судна либо же вручную отцепить контейнер из числа тех, что располагались во внешних "сотах". Каждый шлюз, утопленный внутрь звездолета, представлял собой прямоугольный коридор десяти ярдов длиной и двадцати футов в поперечнике. Такие размеры позволяли людям не только входить и выходить самим, но и прихватывать с собой различное крупногабаритное оборудование. Начинался коридор внутренним люком, обыкновенно открытым, а заканчивался внешним, в центре которого и впрямь имелся большой иллюминатор из чрезвычайно прочной прозрачной брони. За ним, как и ожидалось, плыла красивая холодная туманность, из-за относительной близости занимавшая около половины видимого пейзажа. Во время полета она выглядела несколько иначе, причем по этой же причине визуально менялось и свечение звезд. Теперь они лучились несравнимо интенсивнее, отчего вся панорама искрилась бесчисленными огоньками.

— Да, зрелище и впрямь замечательное, — негромко произнесла Глория, вплотную приблизив лицо к поверхности круглого окна,

куда она положила и обе ладони.
— Впечатляет, — согласился Густав. — Помнится, некогда я летал на тягаче, растаскивавшем по звездным системам орбитальные станции.
— Должно быть, интересная была работа — возить такие громадины по разным уголкам галактики. Много повидал? — не без нотки зависти спросила тетя Мартина.
— Честно говоря, так себе была работенка. Обычно я торчал в машинном отделении и видел не больше, чем шахтер в забое, — признался дед Кимберли. — Иногда, правда, мне и впрямь выдавалась минутка, когда удавалось посмотреть во внешнее пространство, только обычно ничего особенного там не оказывалось. Так, газовые гиганты и пустынные планетоиды в свете непримечательных звезд. Мы же обслуживали промышленные объекты, а не туристические достопримечательности. Вообще просто поразительно: сидя на земле, мы мечтаем о космических просторах, а оказавшись в космосе ждем не дождемся возвращения на планету. В итоге что там, что там получается какая-то обыденная рутина и никакой романтики.
— Звучит как старинная история про мальчишку, который с детства мечтал стать машинистом и объездить на паровозе все железные дороги. Когда же он и впрямь стал управлять локомотивом, то только и мечтал оказаться дома, чтобы спокойно сесть с удочкой на берегу озера, — улыбнулась Глория.
Густав хотел что-то сказать, но донесшийся сзади звук заставил его обернуться. Обернулась и спутница. К их великому облегчению там оказался не кто-то из людей, а всего лишь сервисный робот из числа технического оснащения "Корундоры". Пожужжав окулярами, он изучил парочку в конце шлюза и неторопливо покатил дальше, скрывшись за углом.
— Интересно, сколько их тут всего? — осведомился дед Кимберли.
За время путешествия по лестницам и переходам им то и дело попадались катившие и летевшие куда-то механизмы. Иногда двум нарушителям постельного режима даже казалось, что за ними следят, но то, безусловно, было лишь воображение, разыгравшееся на почве побега из каюты.
— Надеюсь, достаточно, чтобы наши мальчики склепали армию для добычи топлива, — заметила тетя Мартина.
— Склепают, куда денутся! — махнул рукой Густав. — Сумели сбежать из "Элегии", с таким-то пустяком уж точно справятся.
Непринужденный разговор продолжился. Пациенты Аулины чувствовали себя настолько хорошо, что напрочь позабыли о переломах и вели себя так, будто они все еще в покинутом раю, остав-

шемся в далеких глубинах космоса.

Ж-ж-ж-ж-ж! Громкое жужжание, внезапно раздавшееся от внутреннего входа в шлюз, стремительно приближалось. Густав и Глория дружно обернулись и еле успели отскочить в стороны. Невесть откуда объявившийся дрон со всего маху врезался в иллюминатор. То был обычный летающий дрон вспомогательного класса, предназначенный для различных задач по автономному обслуживанию звездолета. Правда, его поведение теперь ничуть не выглядело таким же обыденным. Сферообразная машина диаметром в три фута начала биться о прозрачную броню, будто потеряла ориентацию в пространстве. Люди, немного отступив назад, изумленно созерцали робота, не иначе пытавшегося разбить себе лоб о стену.

— Чего это с ним? — подняла брови тетя Мартина.

— Свихнулся, наверное, — пожал плечами дед Кимберли. — Я слыхал, на судне это не первый случай. Кстати, как-то ночью в мою каюту залетел один юркий малыш, но тотчас удрал, когда увидел, что я не сплю. Ума не приложу, чего ему там понадобилось.

— Эй, осторожнее! — тревожно вскрикнула Глория.

Из летающего шара, издав характерный звон, внезапно повылезла масса манипуляторов. Увенчанные различными приспособлениями, выглядели они не слишком дружелюбно. Только что гладкая поверхность дрона превратилась в подобие ежа, ощерившегося отвертками, сверлами, масляными шприцами, паяльниками, щупами и даже какими-то подозрительного вида иглами.

— Это еще что за новости?! — опешил попятившийся Густав.

Вместе с ним отшатнулась и Глория, не сводя глаз с откровенно распоясавшейся машины. Та, видимо, спятила окончательно. Перестав колотиться об иллюминатор, она внезапно ринулась вверх, ударилась о потолок коридора, отскочила в сторону, врезалась в стену и снова отскочила, но только для того, чтобы долбануться об пол. Она металась и билась с неукротимой энергией, будто мячик для пинг-понга, который, запущенный в невесомости, все скачет и скачет, не в состоянии быстро остановиться. Что было странно — дрона швыряло туда-сюда исключительно в одной плоскости, параллельно плоскости внешнего люка шлюза. Его манипуляторы скрежетали и искрили, натыкаясь на стальные препятствия, а корпус издавал густой металлический гул, будто кто-то пинал наполненную смолой железную бочку.

— Пойдем отсюда, пока он иллюминатор не разбил! — шагнула назад Глория.

— Не разобьет — силенок маловато. По нему если только из пушки

палить, — успокоил ее Густав. — Однако ты права, лучше нам убраться подальше от этой чокнутой железяки.
Женщина охотно согласилась, и они оба стали неторопливо отступать назад, не сводя удивленных взоров с продолжавшего бесноваться дрона. У кого-нибудь мог возникнуть резонный вопрос, отчего Густав и Глория немедленно не бросились прочь, перепуганные неадекватным поведением машины. Ответ был предельно прост. Люди настолько привыкли к послушанию роботов, что даже в случае их очевидной неисправности не паниковали и не удирали куда глаза глядят. Считалось, что искусственный интеллект не в состоянии причинить вред человеку, и уж тем более напасть на него. Вот и сейчас дед Кимберли и тетя Мартина сперва лишь опасливо посторонились, и только потом, оценив степень потенциальной угрозы, решили подобру-поздорову удалиться. Голосить во всю глотку им также не было резона, чтобы не выдавать свое бегство из кают. А дрон, тем временем, быстро расходился. Интенсивность его отскакивающих перемещений удвоилась, отчего заметно вырос и издаваемый им грохот. Удар! Еще удар!
— Проклятье! Как бы этот чудила не попал в... — начал было Густав, но тут произошло то самое событие, возможность которого его до крайности обеспокоила.
Слева от внешнего люка имелась управляющая панель с экраном и кнопками. Ее назначение, как нетрудно догадаться, заключалось в управлении шлюзом. С ее помощью члены экипажа покидали звездолет, выходя в открытый космос, а возвращались при помощи другой панели, расположенной с наружной стороны. Третья, дублирующая, находилась перед внутренним входом в шлюз на случай дополнительного контроля. Дрон, хаотично метавшийся вдоль иллюминатора, в конце концов попал своими стальными конечностями-инструментами прямиком в консоль управления. Не просто попал — пронзил ее с такой силой, что наглухо в ней застрял, уйдя резаком-манипулятором фута на полтора вглубь стены. Тут же что-то бабахнуло, и на робота, прекратившего безумное движение, посыпались искры. Послышался солидный гул. То вдруг ожил двигатель запирающего механизма. Внешний люк завибрировал.
— Внимание, обнаружена разгерметизация! — раздался знакомый голос бортового компьютера "Корундоры".
В коридоре полыхнули красные сигнальные огни. Поняв, что дело совсем неладно, Густав и Глория тут же попытались покинуть шлюз, благо выход был совсем близко, но не успели. Внутренний люк опустился, отрезав их от всего звездолета.
— Э-э! — оторопело произнес дед Кимберли.

Перехватив костыль, он непроизвольно принялся стучать им в образовавшуюся преграду, будто это должно было помочь. Разумеется, не помогло. Бортовой компьютер оказался глух к производимому шуму.
— Внимание, обнаружена разгерметизация! — повторил он.
— Да нет тут никакой разгерметизации! — возопил Густав. — Это все чертов робот натворил!
Внезапно внешний люк сильно содрогнулся, потревоженный могучими поршнями. Он едва не открылся, остановленный сработавшим протоколом защиты. Окаянный дрон, застрявший в управляющей панели, дергался как червяк на крючке, вконец раскурочивая и без того пострадавшую электронику.
— Погоди, я сейчас! — воскликнула Глория.
Пока спутник колотил костылем в люк, она, проявив куда больше сообразительности и хладнокровия, стучала пальцами по кнопкам. С этой стороны ведь также имелась управляющая панель, четвертая по счету, просто ей обычно не пользовались. Несколько ловких нажатий, запускавших функцию принудительного открытия двери — и вот на экране зажглось зеленое слово "ОТКРЫТО". Внутренний люк лязгнул и немедленно пополз вверх.
— Готово! — торжествующе вскричала женщина.
Увы, ее радость оказалась преждевременна. Внешний люк дернулся снова, на сей раз с какой-то неукротимой яростью, и в уши тут же ударил громкий пронзительный свист. Воздух в шлюзе пришел в движение.
— Шлюз С-11, обнаружена разгерметизация! — возвестил бортовой компьютер. — Активирован протокол защиты.
Внутренний люк, не успев подняться даже на пару футов, резко опустился обратно. Зеленая надпись на экране сменилась красной "ЗАБЛОКИРОВАНО". А яростный свист продолжался. Вероятно, щель была совсем небольшой, раз атмосфера в коридоре исчезала довольно медленно. Тем не менее, ее наличие ничего хорошего не сулило. Вот теперь люди в шлюзе испугались всерьез.
— На помощь! — призывал Густав, продолжая долбить в неумолимую стальную преграду с прозрачным окном посередине.
Глория опять принялась лихорадочно нажимать кнопки управляющей панели, но то ли от спешки, то ли по какой-то другой причине на этот раз у нее ничего не получалось. Ее дыхание стало прерываться рыданием.
— Кто-нибудь! Помогите! — срывал голос дед Кимберли, холодея от предчувствия чего-то ужасного.
Тут с другой стороны внутреннего люка мелькнула чья-то тень. Кажется, кто-то все же услышал отчаянные призывы и прибежал

из глубины "Корундоры". Да, так оно и есть! В круглом окне появился не очередной робот, а лицо человека и Густав, узнав его, издал радостное восклицание. Радостно воскликнула и Глория, умоляюще протянув руки. Это было последнее, что они сделали. Внешний люк распахнулся, и их обоих в мгновение ока вышвырнуло в открытый космос.

До шлюза С-11 Аулина вместе с Мелиюбиусом добралась меньше чем за две минуты. Выскочив из лифта, она, опережая своего спутника, припустила по ребристой дорожке, и ее шаги гулким эхом прокатились вдоль металлических стен. Вихрем проделав тридцать ярдов, она выбежала на перекресток и увидела закрытый люк, возле которого крутились две красные лампы. Одновременно с этим ее глаза уловили какое-то движение. Кажется, в конце коридора, шедшего мимо шлюза, только что исчезла чья-то фигура. Кто именно это был, посмотревшая туда девушка разобрать не успела, однако до ее слуха отчетливо донесся шум чьих-то поспешно удалявшихся шагов. Преследовать неизвестного Аулина не стала — зачем? Вместо этого она подбежала туда, куда и намеревалась, то есть к внутренней двери шлюза. Заглянув в него через прозрачный иллюминатор, она опешила. Было совершенно очевидно, что там царит вакуум, поскольку внешний люк оказался открыт. Ближайший информационный экран показывал разгерметизацию вкупе с аварийной блокировкой дверей. Внимание девушки тут же привлек дрон, застрявший в кнопочной панели у выхода в космос. Он засел глубоко и прочно, поэтому его не выдернул даже воздух, стремительно покинувший шлюз. Из-за него, что ли, весь сыр-бор? Ведь больше никого внутри не наблюдалось. С другой стороны, если там кто и находился, то его уже выкинуло наружу воздушным потоком, ибо зацепиться было решительно не за что, исключая дрона, а на нем никто не висел. Обводя взглядом распахнутый шлюз, Аулина чувствовала, как в ее груди растет и ширится неясное беспокойство.

— Что случилось? — раздался чей-то знакомый голос.

Девушка обернулась. Поглощенная созерцанием странного и несколько тревожного зрелища она не слышала, как кто-то выскочил с лестницы подле лифта и подбежал к ней. Это оказался Сонмер. Запыхавшись, он остановился рядом с Аулиной, окинул взором парившего подле нее Мелиюбиуса, после чего уставился внутрь аварийно заблокированного шлюза.

— Ты тоже пришел на сигнал тревоги? Не знаешь, что тут произошло? — спросила девушка, кивнув в сторону иллюминатора.

— Понятия не имею! — развел руками отец Мартина. — Я мог бы спросить об этом у вас двоих, раз уж застал здесь, но я видел, как

вы садились в лифт передо мной. Я вам махал, но вы уехали, поэтому мне пришлось бежать по лестнице.
Едва он успел это сказать, как послышались еще чьи-то шаги. Из-за угла объявился Гарольд, а за ним вприпрыжку поспешал Анатоль. Первый прибыл с мостика лично проверить, что вдруг стряслось, а второй увязался за ним из чистого любопытства. Аулина и глазом не успела моргнуть, как у запертого люка собралась добрая половина экипажа. Она все ждала появления Себастьяна, но тот, вероятно, был чем-то очень занят и решил, что с очередной тревогой разберутся и без него. Возле шлюза поднялся галдеж, ибо все прибывшие выспрашивали друг у друга одно и то же, хотя ответа ни у кого не имелось.
— Между прочим, я бы посоветовал всем отойти подальше! — вскинув ладонь, звучно заявил Гарольд. — Если этот люк вдруг откроется, нас всех выкинет с корабля в космос!
— А с чего ты взял, что он откроется? — осведомился Анатоль, на всякий случай бочком-бочком сдвинувшись к ближайшей изоляционной заслонке.
Такие имелись во всех отсеках и переходах звездолета, чтобы блокировать секции в случае разгерметизации.
— Тот же вот открылся! — указал Гарольд в шлюз.
— Там застрявший дрон. Он и виноват, — высказал вполне очевидное предположение Сонмер.
— У меня другой вопрос! С чего мы взяли, что уже кого-нибудь не выкинуло?! — с внезапной резкостью в голосе громко вопросила Аулина.
Воцарилась тишина. Люди, охоложенные ее словами, озабоченно переглядывались.
— Гм. А ты права, сестрица. Сейчас мы это проверим, — пробормотал Гарольд.
Нет, он не устроил перекличку через интерком. Включив портативный компьютер, с которым он никогда не расставался, бородач быстро набрал несколько команд. Никто не понимал, как ему удастся осуществить означенную проверку, пока голос искусственного интеллекта не озвучил запрошенную информацию.
— Статус шлюза С-11 — повреждена система управления. Нарушение функционирования внешнего люка. Внутренний люк заблокирован. Вход и выход невозможен, — бесстрастно докладывал компьютер, повинуясь поступавшим инструкциям.
Гарольд продолжал молча водить пальцами по голографическому интерфейсу, а присутствующие обратились в слух.
— Транспортное состояние. Зафиксирован проход двух членов экипажа. Возвращение на борт через шлюз С-11 невозможно. Ре-

комендуется использовать ближайший доступный шлюз С-8, — сообщил безразличный ко всему искусственный интеллект.
Послышался чей-то тихий возглас. Кто-то явственно охнул. У Аулины, машинально вцепившейся пальцами в платформу Мелиюбиуса, перехватило дыхание.
— Статус астронавтов. Вспомогательная техника — отсутствует. Спецоборудование — отсутствует. Расчетное время пребывания в открытом космосе... — тут бесстрастный голос сделал небольшую паузу. — Вычислить невозможно. Скафандры отсутствуют.
— КТО?! — с внезапной мукой в голосе возопил отец Мартина.
Вероятно, Гарольд извлек бы из компьютера и эти сведения, но тут из интеркома раздался встревоженный голос Кимберли:
— Эй, где вы все?! Кто-нибудь знает, куда подевались мой дед Густав и Глория? В каютах их нет!
Вот и ответ кого забрала смерть. Надрывно застонав, Сонмер осел на пол.

– 7 –

Шли четырнадцатые сутки на борту "Корундоры". Минуло почти две недели, как беглецы покинули "Элегию", но именно последние дни выдались самыми тяжелыми. Гибель сразу двух человек произвела на экипаж крайне удручающее впечатление. Шутки и смех прекратились. Теперь люди общались в основном лишь по делу, сведя досужие разговоры к минимуму. У всех перед глазами стояли призраки Густава и Глории, отчего всякая болтовня казалась неуместной и даже кощунственной. Никто не понимал, как они очутились в шлюзе, как не понимал и каким образом тот настолько вышел из строя, что обрек их на мучительную смерть. Даже если всему виной стал злополучный дрон, извлеченный из управляющей панели и досконально изученный, чего ему вообще там понадобилось? Техническое обслуживание, осуществленное кувалдой, и то бы вызвало меньше разрушений. Царапины на стали коридора и продырявленный кнопочный блок с треснувшим экраном наводили на размышления. Размышления, которые порождали немало вопросов, но не давали ни одного ответа. От этого трагичное происшествие становилось каким-то поистине зловещим, поскольку его скрывал полог неизвестности. Само по себе оно, возможно, и не воспринималось бы беглецами столь болезненно, однако Густав и Глория стали не первыми жертвами. Из двадцати шести человек, ступивших на борт "Корундоры", пятерых, не считая младенца, уже забрала смерть, и это всего-то за двенадцать дней. Как-то многовато для роковых случайностей,

начинавших откровенно выбиваться из приемлемо допустимой вероятности. Каждый член экипажа, исключая, разве что, детей, теперь невольно задавался вопросом, не он ли станет следующей целью для заглянувшей в звездолет смерти. Возможно, то были через чур депрессивные и ничем не обоснованные мысли, но попробуй тут думать на иной лад, когда в морге лежат три трупа, а пепел четвертого развеян в космосе, где летят еще два мертвых, скрюченных в ужасной агонии тела. Да, летят, и будут, возможно, лететь до скончания веков, ибо за Густавом и Глорией никто не возвращался. Дело было даже не в потере времени и драгоценного кислорода на остановку и разворот "Корундоры", а в самой бесперспективности поисков. Звездолет шел на огромной скорости, точное местонахождение погибших людей было неизвестно, а сканеры не обладали достаточной точностью, чтобы отыскать иголку в стоге сена. Иголку, в которую превратились трупы, суть песчинка в масштабах космоса. Их нельзя обнаружить даже по источнику тепла, ибо мертвецы остыли до температуры абсолютного нуля. Вероятность наткнуться на тела несчастных находилась где-то около долей процента, поэтому элементарная логика предписывала не останавливать судно и не гонять его почем зря. Правда, это оказалось крайне непросто объяснить Кимберли, желавшей непременно отыскать деда, и Луизаре, потерявшей сестру. Сонмер — и тот убивался по Глории, хотя она не была ему прямой родней, а уж его жена так и вовсе места себе не находила. Из-за стресса ее ключица, успешно заживавшая благодаря медицинской ткани, снова разболелась, окруженная всколыхнувшимся воспалением. Отказ развернуть звездолет состояние Луизары ничуть не улучшил, и она слегла в нервной горячке. Кимберли же восприняла его в штыки. Ее пассивный, безразличный ко всему настрой сменился растущей агрессией, подхлестываемой бесплодным давлением на Мартина. Искренне разделяя горе жены, тот все же мыслил достаточно рационально, чтобы не требовать от других изменения курса судна. "Корундора" продолжала полет к системе IBRSF-7413, до которой к исходу четырнадцатого цикла оставалось около четырех с половиной суток пути.

Аулина, как и все, пребывала не в самом лучшем расположении духа. Трагедия в шлюзе воспринималась ей достаточно остро, поскольку погибли не кто-нибудь, а пациенты, в которых она вложила столько заботы и сил, и вложила не бесплодно. Ее стараниями те, наконец, пошли на поправку. Можно было смело считать, что одной проблемой на "Корундоре" стало меньше, как вдруг ужасный несчастный случай взял и забрал две возвращаемые в строй жизни. Жизни, столь тщательно оберегаемые Аулиной. Толь-

ко несчастный ли случай? Девушка никак не могла забыть, что кого-то видела. Кого-то, кто спешно удалялся от шлюза как раз тогда, когда она туда прибежала вместе с Мелиюбиусом. А если это была никакая не авария? Если кто-то… Ох! От таких мыслей просто голова шла кругом, а в груди появлялось болезненное тянущее чувство. Аулина не была ни детективом, ни параноиком, поэтому на полном серьезе не предполагала никакого злодейства. Тем не менее, отмахнуться от тревожащего разум и душу воспоминания у нее не получалось. В конце концов, не выдержав, она поделилась сомнениями с Мелиюбиусом. Тот посоветовал быть осторожнее и держать язык за зубами. Аулина тогда его опередила, и лично он никого не видел, однако верит ей на слово. Хуже всего, что на слово ей могут поверить и другие. Нервы у беглецов сейчас ни к черту, поэтому стоит им только дать пищу для подозрений, как они тут же за нее ухватятся. Или девушка уже забыла, как та же Кимберли с весьма неоднозначным подтекстом осведомилась, не лучше ли других Аулине известны обстоятельства произошедшего в шлюзе, если она оказалась там первой. Ее пациенты внезапно исчезают из каюты и зачем-то забираются в шлюзовую камеру, а по удивительному стечению обстоятельств рядом видят именно их медсестру. Надо же, какое совпадение! Слова креолки, возможно, диктовались горем и злостью, однако кто знает, до чего бы дошла ее фантазия, если бы не Сонмер. Потеря Глории его тоже здорово потрясла, но он категорично заявил, что Аулина тут совершенно ни при чем. Он видел ее своими глазами. Девушка прибежала к шлюзу буквально секунд за пятнадцать перед ним. К тому времени, судя по состоянию автоматики, тот уже был открыт. Точно таким же образом никак не замешан и Мелиюбиус, сопровождавший тогда Аулину. Ведь Кимберли, урезоненная насчет невесты Себастьяна, немедленно накинулась на творение ученого с удвоенной яростью.

Выслушав сиреневого друга, девушка была вынуждена с ним согласиться. До сих пор члены экипажа считали всему виной очередной несчастный случай, однако они допускали мысль, что его мог кто-то спровоцировать. Иначе с чего вдруг все эти уточняющие разговоры на тему "кто где находился и чего поделывал"? Будет гораздо хуже, если беглецы заподозрят чей-то злой умысел. Да, Аулине лучше помалкивать, чтобы не подливать ракетного топлива в плазменную печь, даже если она и впрямь кого-то видела. Во всяком случае, помалкивать до поры.

— Утешил ты меня, нечего сказать, — вздохнула девушка, сокрушенно качая головой.

Ведь Мелиюбиус посоветовал ей никому не говорить и про ошибки

на терминале. Те же появились как раз перед аварией в шлюзе. Это они оба знали о своей непричастности, ибо находились вместе и беседовали, а другие? Кроме того, на кого в первую очередь подумают все беглецы, когда речь зайдет о компьютере? Правильно, на Гарольда. Тот однажды уже влезал в протоколы системы пожаротушения, и, возможно, именно это стало одним из звеньев цепи убившей Ванду. На таком неблагоприятном фоне бородачу ничуть не добавляло очков, что он умудрялся видеть в произошедшей трагедии и положительную сторону. Расход кислорода сократился. Сейчас, на исходе четырнадцатых суток, его оцениваемые запасы составляли семнадцать циклов и два часа, то есть существенно выше, чем если бы Густав и Глория оставались в живых.

Неторопливый разговор прервал вернувшийся Себастьян. Растянувшись на кровати, то бишь перевернутом шкафу, он сообщил, что в создании робота-добытчика наконец-то наметился значительный прогресс. На пару с Мартином ему удалось решить ряд непростых проблем и обойти некоторые технологические препятствия. Завтра, после совещания и серии опытов, станет ясно, чей именно робот послужит общим образцом для дальнейшей модернизации. В целом, проект движется успешно, и цех, скорее всего, успеет выпустить не менее сотни харвестеров как раз ко времени высадки на планету. Какую из двух — станет ясно по прибытии в звездную систему.

— А вы о чем тут секретничаете? — лениво осведомился ученый, закончив рассказ о текущем состоянии работ.

— Да так, болтали о разном, — неопределенно ответила Аулина.

Уточнять тему беседы с Мелиюбиусом ей совершенно не хотелось. Она помнила, как впервые увидела Себастьяна, когда стало известно о происшествии в шлюзе. На том лица не было, настолько сильное впечатление произвела на него эта шокирующая новость. Девушка давно не видела жениха в настолько нервозном состоянии, отчего и не напоминала ему почем зря о Глории и Густаве. Пусть занимается роботами с ясной головой, не отягощенной излишними печалями.

— Давайте-ка спать, — зевнул ученый. — Завтра трудный день. Забот в медотсеке теперь немного, поэтому мы решили позвать тебя в цех. Нам сейчас пригодится любая помощь. Не беспокойся, ты будешь там не одна — других женщин тоже пригласят.

— Я и не беспокоюсь, — фыркнула Аулина. — Помнится, женская часть экипажа уже предлагала себя в качестве добровольцев, а вы, мальчики, нас и на порог не пустили. Мол, опасно, займитесь чем попроще!

— Судьба моей бабушки, погибшей под упавшим контейнером,

как-то не располагает рисковать вашими жизнями там, где кипит довольно опасная работа, — насупился Себастьян. — Буквально сегодня Йонас чуть не лишился руки, когда сорвавшийся резак прошел от нее в каком-то дюйме. А вчера Анатоль едва не сыграл в ящик, ибо робот случайно толкнул его в оголенные провода. На счастье моего двоюродного брата, отец успел повернуть рубильник буквально за пару секунд до этого, иначе в морге прибавился бы еще один труп, на сей раз хорошо прожаренный. Чего стоит одна труба, свалившаяся с потолочной транспортной цепи торцом вниз и едва не продырявившая твоего папу, Дориана!
— Эти случаи наглядно доказывают, что женщинам теперь в цеху самое место? — не удержалась от язвительности Аулина.
— Они доказывают, что мы правильно вас не пускали, — проворчал жених. — Но сейчас там обустроена и безопасная зона. В ней тоже есть чем заняться, и вот там помощь будет весьма кстати. Это позволит ведущим специалистам не отвлекаться на менее приоритетные задачи.
Девушка усмехнулась, но не стала развивать тему, хотя ее подмывало немного поиздеваться над Себастьяном. Так, самую малость. Вместо этого она согласилась лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть, а с утра отправиться в цех, где даже в ночной период сновали неугомонные роботы. Однако сбыться этим планам оказалось не суждено.

Среди ночи Аулину вызвали по интеркому. Самочувствие Джулет резко ухудшилось. Наспех забравшись в комбинезон, растрепанная девушка выскочила за дверь, не став будить сладко почивавшего жениха. Ближайший лифт отвез ее в жилой отсек, а там она в мгновение ока очутилась в двухместной каюте. В ней, помимо тети Себастьяна, также обитала Сара, бабушка самой Аулины. Она и позвала внучку, когда проснулась от стонов соседки и обнаружила, что та вся горит. Приложив руку ко лбу Джулет, девушка почувствовала сильный жар. С губ пациентки срывалось неразборчивое бормотание. Кажется, она бредила. Аулина бросилась в медотсек и вернулась с антигравом. С помощью Сары она переложила больную на транспортировочную платформу и вывезла в коридор, благо что широкие двери кают вполне это позволяли. Девушка задержалась лишь на минуту, набрав на кнопке интеркома номер своей домашней секции. Ответил, как и ожидалось, Мелиюбиус.
— Разбуди моего благоверного и сообщи ему, что я жду тебя в медотсеке! Начнет упрямиться, скажи, что с его тетей плохо! — безапелляционно заявила она и отключила связь.
Антиграв, толкаемый тонкими, но на удивление крепкими руками

Аулины зашуршал к лифту.

Мелиюбиус объявился вслед за медсестрой, едва успевшей устроить пациентку на диагностическом ложе. С ним, понятное дело, явился и молодой ученый. Он отчаянно зевал, но вид у него был встревоженный, а на помятом лице не витало и капли сна. На его дурацкий вопрос "насколько все серьезно" Аулина сердито зыркнула и запустила программу диагностики. Манипуляторы ложа взяли у Джулет анализы, а искусственный интеллект принялся за сканирование тела, охваченного высокой температурой. Стараясь казаться спокойной, девушка отошла вглубь медотсека, куда отлетел и догадливый Мелиюбиус.

— Ты этого опасался? — тихо спросила она, хотя знала ответ с того момента, как вошла в каюту больной.

— Да. Боюсь, сбываются мои худшие предположения, — прошептал сиреневый доктор.

— Мы можем что-нибудь сделать? — едва сохраняя самообладание, уточнила Аулина.

— Нет, — отрезал Мелиюбиус. — Заражение крови останавливается либо антибиотиками, либо дорогими наноцитами. Первые просрочены, а вторых и не было. В итоге и то и другое нам недоступно. Я понимаю, как жестоко это звучит, но в данных обстоятельствах исцеление невозможно.

Девушка стиснула зубы, подавляя возникший в груди спазм, и крепко сжала кулаки. Лишь из уголка ее глаза выкатилась одинокая слезинка и поползла по розовеющей щеке. Она была не готова потерять еще одного пациента, тем более тетя Себастьяна уже фактически считалась ее семьей. А тот как раз окликнул невесту, подзывая к диагностическому ложу, где на экран стали поступать первые результаты.

— Что я им скажу? — чуть не плача выдавила Аулина.

— Поддерживающая терапия, — подсказал Мелиюбиус. — Люди верят в надежду. Она все же есть. Есть шанс, что мы успеем совершить прыжок до "Контилады" прежде, чем произойдет непоправимое. Тетя моего создателя умирает, но твоя задача теперь в том, чтобы она умирала как можно медленнее. Вместе мы составим программу лечения, которая позволит ей бороться так долго, как только способно ее тело. Все-таки сейчас не дремучие века, о которых я с ужасом успел почитать в энциклопедии. Даже в небогатом арсенале "Корундоры" найдется пара-тройка козырей, пускай и мелких. Соберись! Они не должны видеть тебя раскисшей!

Совет пришелся как нельзя кстати. Ощутив поддержку сиреневого друга, медсестра вернулась к больной и ее племяннику. Серьезным, но ровным и ни разу не дрогнувшим голосом она изложила

суть диагноза. Следом прозвучала идея о курсе интенсивной терапии, которая будет назначена незамедлительно. Джулет, обеспеченная должным уходом, обязательно протянет до армейского аванпоста, а там ее быстро поставят на ноги. Одноногая женщина слабо улыбнулась. После жаропонижающего, коктейля из укрепляющих снадобий, а также смеси разных лекарственных препаратов она почувствовала себя лучше. Антибиотики, пусть и просроченные, хоть как-то да тормозили пагубный процесс, внося свой вклад в продление жизни. Внешние симптомы горячки отступали. На лбу Джулет крупными бисеринками росли капли пота, стираемые ловким манипулятором парившего рядом малого дрона. Ее тело больше не бил озноб, а пальцы беспокойно не щипали невидимую корпию. Увы, Аулина хорошо понимала, что это лишь временное облегчение, и оно будет проявляться все реже, а его продолжительность станет неумолимо сокращаться.

— Ступай спать. Я позабочусь о твоей тете, — мягко сказала девушка, положив руку на плечо молодого ученого.

Тот, вздохнув, подчинился, но уходя поманил за собой Мелиюбиуса. Аулина было воспротивилась, однако сиреневый доктор сообщил, что сейчас он не нужен. Девушка сделала все правильно и до утра пациентке ничего не угрожает, а завтра они вместе скорректируют программу терапии. Сейчас пусть Джулет отдыхает в компании мужа, спокойно спавшего у дальней стены приемной и даже не ведавшего о состоянии жены.

— Хорошо, — подумав, кивнула медсестра. — Но я останусь с ними.

— Я в этом даже не сомневался, — расцвел сиреневым Бутон и удалился вместе со своим создателем.

Устраивая больную поудобнее, Аулина не забывала приглядывать, исправно ли функционирует капельница и какие показатели отображаются на информационных экранах. Потом, когда ее медицинское вмешательство окончательно потеряло всякий смысл, девушка уселась в кресле за терминалом. Откинув его спинку на максимум, она положила ноги на передвижную тумбу и вскоре задремала, ибо чувствовала сильную усталость. Себастьян к тому времени уже заснул. Он переживал за тетю, но природа взяла свое, и молодой организм стребовал себе отдых. Не спал один лишь Мелиюбиус. Ему вообще не надо было спать. Обосновавшись в своем углу, он казался совершенно неподвижным, хотя острый и внимательный взгляд мог бы уловить, как шевелятся его сенсоры-тычинки. Это выдавало интенсивную мыслительную деятельность, основанную на поступающей извне информации.

— Эх, Аулина, — тихо шептал в пространстве его голос. — Не хочу

я тебя расстраивать. Что ж, пусть будет, что будет. В конце концов, я делаю это ради тебя, ради твоей искренней дружбы. Люди же верят в надежду. Вот только я не человек.
Мелиюбиус не опасался, что его услышат. Никто из людей или бортовой техники звездолета был не в состоянии воспринять излучаемую им волну, на которой и передавались означенные слова. Фактически, он не столько говорил, сколько думал вслух, и его мысль воплощалась в виде электромагнитных колебаний крайне специфической частоты, излучаемых искусственным разумом.

Утро пятнадцатого цикла началось более отрадно. Гарольд бодро рапортовал, что кислорода осталось на шестнадцать суток и столько же часов. Этого, с его точки зрения, должно вполне хватить на четыре дня полета до звездной системы, исследование планет и сбор Гелия-3. Рапортовал он, разумеется, только посвященным в острый дефицит воздуха, но его доклад пересекался с сообщением Мартина. Тот заявил, что ночью ему пришла в голову отличная идея и до конца текущего цикла он собирается закончить добывающую модификацию своего робота. Разумеется, если Себастьян и Мелиюбиус ему помогут, а Гарольд хотя бы ненадолго оторвется от своих компьютеров, процесс пойдет быстрее и наверняка завершится успехом. Это заявление внушало оптимизм. Если конструктор турелей не ошибается, массовая модернизация сервисных машин начнется в ближайшую пару дней, а мелкие детали можно будет добавить позднее, равно как и загрузить обновленное программное обеспечение.
— Как там твоя тетя? — участливо спросил Мартин, допивая стакан свежеочищенной воды.
Долька синтетического лимона придавала ей приятный вкус, а растворенный кубик натурального сахара — имелись на "Корундоре" и такие чудеса — нормализовал уровень глюкозы. Мартин вообще был сладкоежкой, поэтому ему приходилось следить за своим рационом, чтобы не переесть вкусняшек. В "Элегии" он минимум трижды объедался кондитерскими шедеврами, после чего некоторое время вынужденно гостил в тамошнем госпитале. Что ж, для того, чей мозг регулярно работает на полную катушку, такая слабость не выглядела чем-то из ряда вон. Гарольд, кстати, тоже баловался сладеньким, хотя и синтезированным, и разве что Себастьян предпочитал острое и соленое. В данный момент он как раз жевал галету с ломтиком белковой пасты, намазанную слоем искусственной горчицы, от ядрености которой у него только что слезы не текли.
— Нормально, — отозвался молодой ученый. — Аулина обо всем позаботилась.

— Аулина всегда обо всех заботится! — послышался чей-то натянутый голос.
Повернув головы, Себастьян, Мартин и Гарольд увидели Кимберли, пришедшую в кают-компанию вместе с детьми.
— Не надо на нее нападать. Она старается получше многих, — хмуро заметил бородач.
— Я нападаю? — криво усмехнулась креолка. — Нападать на нашу святошу у меня и в мыслях не было! Я лишь хотела сказать — другим бы у нее поучиться! Да, святоша, конечно, со своим нимбом перебарщивает, но она не бросает людей на произвол судьбы и находится с ними до конца.
— Зачем ты ее так называешь? — с холодком прищурился ученый.
— Чтобы на контрасте назвать твоего железного чурбана детоубийцей, — зло процедила Кимберли. —

Несутся сквозь космос демон и ангел,
Мило сдружились как голубки.
Демон всех гробит, ангел спасает —

Вот и при деле все время они, — продекламировала креолка с неприкрытой издевкой.
Себастьян побледнел. Мартин, приподнявшись, вскинул ладонь, призывая жену остановиться.
— Ладно, не бери в голову! Против Аулины я ничего не имею! — бросила Кимберли ученому. — Но только против нее, — добавила она многозначительно, после чего вернулась к детям и более ни с кем другим в разговор не вступала.
— Мартин, ты извини, но, по-моему, моя сестра зря перестала пичкать твою жену успокоительным, — скривился Гарольд.
— Я с ней поговорю, — послышался сдержанный ответ. — А сейчас давайте пойдем в цех — у нас вагон работы. Вагон и межзвездный экспресс в придачу.
Все трое поднялись, оставив посуду заботам дрона-официанта, и покинули кают-компанию. Кимберли начисто проигнорировала их уход, нарочито внимательно занимаясь ерзавшими Никки, Тобиасом и Вайолет.

Мелиюбиус одобрил свежеиспеченную идею Мартина. На пару с Себастьяном он тут же придумал ряд небольших, но очень полезных улучшений. В итоге им втроем удалось достичь весьма впечатляющего результата. Первые же опыты показали, что беглецы выполнили основополагающую задачу — в их распоряжении появился вполне рабочий прототип для добычи Гелия-3 из верхних слоев планетарного грунта. Мартин решил проблему быстрого нагрева измельченной породы. Это считалось приоритетным техническим условием, ведь обработку срезаемых пластов требовалось

поставить на поток. Роботы, подолгу торчащие на одном месте с малым количеством минерала в нутре, будут обладать чрезвычайно низкой производительностью, сводящей весь замысел на нет. Грунт следовало перерабатывать как на конвейере, а для этого добытчиков необходимо оснастить эффективным измельчителем и еще более эффективной высокотемпературной печкой. Входя в дробилку с одной стороны, искрошенная порода должна максимально быстро нагреваться в печи для извлечения Гелия-3 и сразу покидать робота с другой. Для ускорения процесса специалисты, посовещавшись, полностью исключили из проекта добычи изначально запланированную зону отвала. Роботы станут планомерно вспахивать поверхность планеты, высыпая порожний грунт прямо за собой, а не отвозить его куда-то поодаль. Да, нижние гелиесодержащие слои таким образом окажутся засыпаны отработанными массами, но ведь возвращаться и копать глубже никто и не собирался. Двигаясь концентрическими кругами, хаверстеры достигнут высокой производительности за счет площади охвата. Решение Мартина как раз и позволяло роботам уверенно ползти вообще без остановки, непрерывно прогоняя грунт сквозь себя. Для этого он использовал две камеры нагрева вместо одной, высвободив место внутри машины за счет извлечения лишней, в данном случае, начинки. Пока дробилка заполняет первую печь, во второй уже активно испаряется Гелий-3. Затем вторая сбрасывает отработанный материал с тыльной стороны робота, а уже успевшая нагреться порода из первой печи немедленно поступает в ее соседку и процесс тут же возобновляется. Все технические перерывы при взаимодействии узлов сводились к нескольким секундам.

Конструктивная идея Мартина и впрямь была блестящей, но следовало отметить, что она стала возможной только после того, как Сонмер усовершенствовал дробилку. Все-таки толковый техник и впрямь не зря ел свой хлеб. Без этой дробилки две печи просто не имели смысла, ибо и одна не успевала заполняться. Что же касалось Себастьяна, то он создал отличный теплоотвод, чтобы робот не перегрелся и не вышел из строя еще до того, как в баллоне скопится мало-мальски полезная порция Гелия-3. Элмер, в свою очередь, оптимизировал энергоустановку и силовые приводы, подогнав их под нестандартную задачу. Дело оставалось за Гарольдом. Программное обеспечение, в конце концов, было его коньком — там ему и карты в руки. Бородач уже соорудил несколько предварительных инструкций, благодаря которым и осуществлялись опыты, но их требовалось довести до ума. В целом, работы попрежнему оставалось хоть отбавляй, но группа специалистов по праву могла собой гордиться. Модернизированный робот стано-

вился долгожданной основой, суть ключом и плацдармом для выживания беглецов. Он требовал доработки и дополнительного оснащения, но в успехе уже никто не сомневался. Еще немного — и на основе прототипа сервисные дроны начнут автоматическое преобразование и других роботов, дожидавшихся своей очереди.

Отдельной благодарности заслуживал Мелиюбиус, чьих заслуг никто не преуменьшал. Мартин честно признался, что идея с двумя печами пришла ему после долгого и продуктивного разговора с сиреневым помощником. Тот не выразил ее напрямую — авторство, безусловно, принадлежало конструктору турелей, — но дал неплохую теоретическую наводку. Полезные советы он давал и другим специалистам, указывая, как улучшить результат или избежать закрадывавшейся ошибки. У пятерки специалистов даже вошло в привычку периодически показывать Мелиюбиусу свою работу. Тот, бдительно шевеля сенсорами, вдумчиво все изучал, а затем коротко и по существу излагал мысли и наблюдения. Таким образом, он стал шестым специалистом-консультантом, не говоря уже о том, что, по сути, вообще был отцом проекта. Никто ведь не забыл, кому принадлежала идея создания харвестеров. За время работы в цеху они настолько привыкли к Сиреневому Бутону, что обращались с ним скорее как с коллегой, нежели странной умной машиной. Именно поэтому Мелиюбиус все чаще бывал вместе с бригадой ЭлСо в кают-компании, где люди принимали пищу и отдыхали, а он чинно слушал их разговоры, порой вставляя свое словцо. Исключением не стал и вечер шестнадцатого цикла на борту "Корундоры", когда у ведущих специалистов появился повод отметить свои успехи. До прибытия в звездную систему IBRSF-7413 оставалось два с половиной дня, и час назад сервисные дроны приступили к конвейерной модернизации роботов. Главный образец харвестера был готов на восемьдесят процентов, а оставшиеся двадцать приходились на второй этап сборки, вполне реализуемый после первого. Таким образом, пока дроны клонировали прототип в его текущей стадии, люди продолжали доводить изделие до совершенства и существенно экономили время. Согласно расчетам, сто двадцать добытчиков, оставшихся после отбраковки, будут готовы приступить к извлечению Гелия-3 как раз тогда, когда "Корундора" выйдет на орбиту одной из двух планет. Дальнейшее покажет сканирование полюсов, ну а пока беглецы делают все от них зависящее, и делают в срок. Причем настолько успешно, что Себастьян даже изготовил немного синтетического вина, противного на вкус, но все же позволявшего поднять символический бокал и расслабиться.

Вино не жадничали и раздавали всем желающим. Людям

требовалась хотя бы небольшая разгрузка после всех потрясений и испытаний. Да, напиток был так себе, но его пили даже те, кто обычно воздерживался от алкоголя. К примеру, Тани, тетя Мартина по отцу, и Сара, бабушка Аулины. В экстремальных условиях "Корундоры" они решили отступить от своих обычных правил и опрокинуть стаканчик-другой для поднятия настроения и морального духа. Досужие разговоры, почти сошедшие на нет со дня смерти Густава и Глории, распечатали уста беглецов. В кают-компании вновь зазвучали шутки и смех.

Аулины за общим ужином не было. Она находилась в медотсеке, хлопоча возле Джулет и Глена. Мужчине, правда, помощь особо не требовалась — он уверенно выздоравливал, и его жизни ничего не угрожало. Вот о его супруге утверждать того же не приходилось. Заражение распространялось, отчего женщине постепенно становилось хуже. Интенсивная терапия существенно замедляла развитие смертельного недуга и облегчала состояние больной. К сожалению, полная остановка его прогрессирования исключалась. Речь шла только о выигрыше времени, чтобы роботы успели добыть Гелий-3 и звездолет добрался до "Контилады". Аулина боялась делать какой-либо прогноз, и уж тем паче его озвучивать. Вероятно, оттого, что подсознательно понимала: дни Джулет сочтены и она, скорее всего, не доживет. Как медсестра она была образцом выдержки и компетентности, своим поведением внушая спокойствие и больной, но как человек сильно страдала, находясь на грани нервного срыва. Того срыва, что уже в полной мере успел овладеть и хорошенько перемолоть Кимберли. Ведь если та вела себя относительно вменяемо, это не означало, что она была вменяемой на самом деле. Кстати, в отличие от подруги, жена Мартина не отказала себе в удовольствии присоединиться к пирушке, хотя и сидела за отдельным столом с детьми.

Тобиас, Вайолет и Никки были гораздо оживленнее, чем обычно. Они довольно громко гомонили, порой задорно толкались и иногда роняли столовые приборы на пол. Взрослые на них не шикали, радуясь, что молодежи стало заметно легче после недавних потерь. Не стоило обрывать им прилив веселья, ныне приходящего совсем редко. Мартин, обернувшись, сначала с улыбкой глядел на сынишку и двоюродных брата с сестрой, а потом встал и подошел к их столу. Тобиас и Вайолет чем-то усердно хрупали, а Никки крутил в ладошках большую зеленую загогулину.

— Что это у тебя? — спросил, присаживаясь рядом, отец.

— Огурец! — звонко ответил сын.

— Правда? — рассмеялся Мартин. — А ну покажи!

Мальчик положил загогулину на стол и крутанул быстрым движе-

нием пальчиков. Та завертелась волчком и поползла по пластиковой скатерти. Синхронно с ней поползли вверх и брови Мартина. Схватив зеленую штуковину, он поднес ее к самым глазам.
— Да что б мне плазмой подавиться! Это же настоящий огурец! — воскликнул он ошеломленно.
Ему было с чего разинуть рот. Пищевой синтезатор "Корундоры" таких не изготавливал, тем более настолько правдоподобных. Овощ, которым играл ребенок, был невероятно свежим, будто прямо с грядки.
— Я и сказал — огурец. Чему ты удивляешься, папа? — недоуменно хихикнул ребенок.
Мартин быстро глянул на Вайолет с Тобиасом, и ему тут же стало ясно, чем юные родственники так громко хрупали.
— Откуда он у тебя? — вырвалось у отца.
— Я дала, — преспокойно сообщила Кимберли, молча наблюдавшая за развитием событий.
Такой ответ, разумеется, вызвал у ее мужа еще больше вопросов. Жена без всяких отговорок коротко поведала, что сорвала овощи там, где их нашла.
— Проклятье, Кимберли, ты что, заходила в S-ABG, Ботанический Сад?! — воскликнул Гарольд, прислушивавшийся к разговору, вертевшемуся вокруг зеленых предметов.
— Я заходила туда, где это росло, — невозмутимо пожала плечами креолка. — Если вы решили тратить драгоценные ресурсы на синтез жалкой имитации вина, я не увидела ничего предосудительного дать детям натуральные витамины.
— Черт побери, на судне есть S-ABG?! — вконец опешил Мартин.
— И да и нет. Он на каком-то карантине. Львиная доля флоры погибла, отчего бортовой компьютер "Корундоры" даже изменил статус блока, — вступил в разговор подошедший к "детскому" столу Себастьян.
Следом за ним, едва не смахнув пузом стакан и тарелку, подскочил бородач.
— И ты никому не сказал?! — возмутился Мартин, да и не только он, судя по раздавшимся приглушенным возгласам.
— Я сказал Гарольду. Вдвоем мы решили, что сперва следует разобраться, отчего блок на карантине, а уж затем извещать остальных. Зачем попусту всех обнадеживать, когда у нас кислорода почти не... Г-хм. В общем, мало, — объяснил едва не ляпнувший лишнее ученый.
— Что-то долго вы разбирались! — едко заметила Кимберли.
— Тебе прекрасно известно, сколько всего случилось с тех пор. Нам было, мягко говоря, не до этой полумертвой оранжереи, от

которой все равно никакого толку. Как OOS — кислородная станция, — она полностью бесполезна. При этом с ней явно что-то не так, ибо дверь была заблокирована, — отразил выпад Себастьян.
— Вот именно — ЗАБЛОКИРОВАНА! — тряхнул выставленной ладонью Гарольд. — Кимберли, как ты вообще туда попала, если даже я не сумел бы войти, не взломав код доступа?!
— Дверь была открыта. В смысле не нараспашку, а просто открыта, — пожала плечами креолка.
Ученый и взломщик переглянулись. Им стало ясно, что Кимберли не лжет — слишком эмоционально ныне выражались все ее мысли. Детали появления овощей не заставили себя ждать.

Несмотря на запрет посещения различных секций звездолета ввиду их потенциальной опасности жена Мартина разгуливала там, где считала нужным. Вероятно, она нарушала запрет из принципа, обуреваемая массой чувств. Сегодня днем Кимберли проходила по одной из малопосещаемых палуб, когда ей на глаза попался шустрый дрон. Он тащил что-то довольно увесистое, чем и громыхнул, скрываясь за ничем не примечательной дверью с индексом J-08. Креолка от нечего делать заглянула внутрь. Коридор привел ее в отсек, где за широким обзорным стеклом виднелись растения. Кимберли окинула внутреннее пространство удивленным взглядом — мало того, что она видела его впервые, так и от Мартина с его коллегами про оранжерею и слыхом было не слыхать. Оранжерея, правда, выглядела весьма неважно, но все же обнаружить на "Корундоре" живую растительность оказалось из ряда вон. Внутренняя дверь была не заперта. На ее экране светилась приглашающая надпись "ОТКРЫТО". Креолка потянула ручку и беспрепятственно прошла в шлюзовой тамбур, откуда ступила в оранжерею. Пройдя меж рядов вскопанной земли и пустующих кадок, где грудами лежали бурые остатки каких-то растений, она наткнулась на грядки с овощами. Собственно, именно их Кимберли и заметила еще по ту сторону стекла, отчего и решила заглянуть внутрь. Недолго думая, она нарвала огурцов и других овощей, насыпав их прямо в свой комбинезон, отчего стала выглядеть будто на сносях, причем сразу тройней. Затем она, не в силах унести еще что-нибудь, пошла на выход. В тамбуре произошла заминка. Электронный сторож постарался запереть двери и не выпустить жену Мартина обратно. Та струхнула, испугавшись очередной неисправности, ибо в ее памяти была еще слишком жива история с погибшим дедом и упавшим контейнером. Воспользовавшись управляющей консолью внутри тамбура, креолка остановила запрещающий протокол, принудительно открыла дверь и быстро удалилась. Овощи она выгрузила в своем закутке, где проживала

рядом с детьми. Хорошенько их вымыв, Кимберли принесла часть на ужин и угостила детей. В бытность пребывания в "Элегии" те, как и многие другие сверстники, не слишком жаловали огурцы и иже с ними, но теперь очень обрадовались неожиданному подарку. На фоне мерзкого синтетического месива овощи выглядели изумительно, отчего Никки, Вайолет и Тобиас хрупали ими с несказанным удовольствием.

Себастьян чертыхнулся. Гарольд схватился за голову.

— Проклятье, Кимберли! А тебе не приходило в голову, что соваться в этот блок — не самая удачная идея?! — воскликнул он.

Затем, видимо, осененный какой-то идеей, внезапно шагнул к столу и принялся сгребать овощи своей широкой пятерней, не погнушавшись вырвать по огурцу из рук детей. Вайолет и Тобиас, возмущенные таким обращением, запротестовали. Никки захныкал.

— Эй, ты! — зло выпалила, вскакивая, Кимберли, но ее перехватила рука Мартина.

— Дорогая, ты что, дала детям овощи из КАРАНТИННОГО БЛОКА?! — тихо уточнил он, и жена сразу остыла.

— Я же не знала, — буркнула Кимберли. — Говорю же — было открыто! Заходи кто хочет! В следующий раз запирайте двери, если не хотите, чтобы кто-нибудь вошел.

Отстранив не слишком щепетильного Гарольда, Мартин сам собрал все овощи и успокоил детей. Себастьян по его просьбе живо сварганил пару сладостей в качестве успокоительной премии. Дети и впрямь успокоились, а овощи ученый старательно упаковал в пластиковый контейнер, принесенный дроном-официантом.

— Пойду прямо сейчас их исследую, — сказал он.

Мартин благодарно кивнул, а когда ученый удалился, сердито осведомился, какого дьявола у Гарольда двери нараспашку. Тот растерянно развел руками — мол, никак не ожидал ничего подобного. Пожалуй, ему стоит хорошенько покопаться в тамошнем компьютере. Мартин, схватив пузана в охапку, потащил его прямиком в злополучный блок J-08. Супруге же велел немедленно отвести детей в медотсек к Аулине и провести экспресс-диагностику. Да и самой провериться, раз уж она заходила в оранжерею и контактировала с тамошней флорой. Кимберли была который день раздражена и вообще настроена на конфликт, но на сей раз безропотно подчинилась. Она сообразила, что и впрямь подвергла детей некой угрозе. Виноват в этом, разумеется, Гарольд и, возможно, Себастьян, но отношения можно будет выяснить позже, а прямо сейчас лучшей действительно пройти осмотр у подруги-медсестры. Гарольд так же не сопротивлялся железной хватке возмущенного

Мартина, подогретого отцовскими чувствами. Он чувствовал изрядное смущение, ибо предполагалось, что терминалы и электронные замки "Корундоры" под его полным контролем, а тут на тебе! Публичное разоблачение в некомпетентности. Он заявляет, что внутренняя дверь в OOS надежно заперта, а туда, оказывается, заходи кто хочет!

Аулина как раз собиралась уходить, когда в медотсек ввалилась Кимберли, таща за собой упиравшихся детей. Тем явно не улыбались какие-либо процедуры, тем паче они были наслышаны от матери об убогости оборудования звездолета. Выслушав подругу, Аулина ахнула. Креолка, с прищуром изучавшая ее реакцию, сразу подобрела. Ей стало ясно, что невеста Себастьяна так же ничего не знала про оранжерею, отчего она немедленно была реабилитирована. Ученый же получит на орехи позже, и его счастье, если с детьми ничего не случится. С последним требовалось немедленно навести ясность. Кимберли не стала стоять в стороне и принялась помогать Аулине, тут же разведшей кипучую деятельность. Большое диагностическое ложе было свободно, поскольку Джулет устроили на антиграве подле Глена, где рядом с ней стояла автоматическая станция для капельницы и контроля жизненных показателей. Медсестра по очереди уложила на него Никки, Вайолет и Тобиаса, взяла анализы и провела полное сканирование. Пока один из детей пребывал в объятиях сканера, она занималась другими на вспомогательном оборудовании, начиная с малого диагностического ложа. Возможно, это было излишне, но Аулина помнила про настрой Кимберли и предпочитала трижды сделать одно и тоже, нежели произвести впечатление бездействия. Креолка оценила старания подруги, немедленно выполняя все ее указания. Из них двоих Аулина заметно поднаторела в оказании медицинской помощи, так что ее авторитет теперь сомнению не подлежал. Под конец диагностики креолка так растаяла, что начала обмениваться с подругой житейскими репликами, вступая в обыденный разговор. Таких разговоров они давно уже не вели, поэтому Аулина в душе порадовалась произошедшей перемене. Значит, Кимберли на нее зла не держит, хотя ко многим другим она последнее время проявляет заметную агрессию. Ну, тогда не все потеряно. Возможно, подругам удастся полностью восстановить былое доверие, а под этим соусом сгладить и все отрицательные эмоции. Авось жена Мартина выйдет из депрессии и перестанет искать виноватых.

— Чисто! — радостно воскликнула Аулина, вскинув палец в направлении информационного экрана.

Креолка, посмотрев туда, издала радостное восклицание. Судя по

троекратно проведенной диагностике, глубокой и максимально полной, с детьми все было в порядке. Ну, исключая обычные мелкие отклонения, присутствующие в растущем организме в рамках нормы.
— Все, можешь не беспокоиться, — с и впрямь испытываемой уверенностью заявила медсестра. — Веди ребят спать — время-то уже за полночь! А я еще побуду здесь, покажу… то есть, перепроверю результаты.
Кимберли, искренне поблагодарив подругу, которую на прощанье даже поцеловала, увела юную троицу в домашнюю секцию. Аулина же, скопировав данные, отправилась консультироваться с Мелиюбиусом. Так, на всякий случай, ибо здоровьем детей лучше не рисковать, особенно в свете погибших пациентов и умиравшей Джулет. Последняя стойко держалась, но ее положение неумолимо становилось все хуже. Лекарственные дозу пришлось увеличить вплоть до опасного порога передозировки. Что же касалось паллиативной помощи, то ее вскоре придется оказывать круглосуточно.

Сразу с Мелиюбиусом переговорить не удалось. Его утащил Себастьян, занимавшийся изучением злополучных овощей. "Корундора", конечно, грузовой корабль, а отнюдь не научный, однако и на ней имелся блок с микроскопами, анализаторами и прочими техническими устройствами. Они предназначались для инженеров и техников, осуществлявших бортовое обслуживание звездолета, чтобы изучать различные узлы и детали. При должной сноровке их вполне можно было приспособить и для альтернативных исследований. Этим ученый и занялся, прихватив в компанию свое детище. Он ведь и впрямь серьезно озаботился потенциальной угрозой, особенно для детей, и не терял времени на получение данных для вердикта. Вердикт, спустя пару часов пристального изучения образцов, звучал однозначно. Вскочив, Себастьян даже опрокинул стул, на котором сидел. Мигом очутившись у интеркома, он даже не стал набирать индивидуальный код, чтобы не выискивать абонентов. В данном случае вполне подходил режим общего оповещения.
— Все в порядке! — раздался разом из всех исправных коммуникаторов голос ученого. — Овощи чисты! Никаких аномалий и опасных субстанций не обнаружено!
— Твое счастье, умник, — проворчала Кимберли, сидевшая возле засыпавших детей.
— Уф! Значит, беспокоиться действительно не о чем! — облегченно выдохнула Аулина.
Она и без того была уверена в результатах осмотра, однако, с уче-

том всех предыдущих историй, предпочитала перестраховаться. Заключение Себастьяна — бесспорного специалиста — позволяло отбросить последние сомнения. Девушка, скинув комбинезон, улеглась на кровать-шкаф, собираясь дождаться возвращения жениха и сиреневого друга. Однако когда те, наконец, переступили порог секции, она уже крепко спала, и будить ее никто не стал.

В девять утра семнадцатого цикла Гарольд отметил в бортовом журнале запас кислорода на уровне четырнадцати суток и шестнадцати часов. Его расход полностью стабилизировался. За счет в совершенстве отлаженного анализа бородач теперь контролировал даже малейшие изменения практически в режиме реального времени. Полученные цифры точно соответствовали прогнозируемым. Убедившись, что все в порядке, Гарольд удовлетворенно почесал пузо и направился в кают-компанию. Наступило время завтрака. До прибытия в звездную систему оставалось два дня, и пора было заняться еще одним вопросом, до сих пор откладываемым в пользу создания харвестеров.

Армия добывающих роботов была совершенно бесполезна без планетарного катера. Последний, разумеется, беглецы уже проверили, убедившись в его исправности. Окажись он в непригодном состоянии, и им было бы впору справлять собственные поминки. Тем не менее, исправность не означала готовность. Челнок потребуется сразу по выходу "Корундоры" на планетарную орбиту. На сканирование сенсорами грузового, а не исследовательского корабля рассчитывать особо не приходилось. Скорее всего, людям придется осуществить ряд высадок в наиболее перспективных местах, чтобы взять образцы породы. Их анализ и покажет, где начинать добычу Гелия-3 и начинать ли вообще. Стало быть, катер следует должным образом заправить, оснастить и трижды перепроверить. Теперь, когда сервисные дроны вовсю трудились над сборкой харвестеров, а бригада ЭлСо успешно доводила до ума главный прототип, пора заняться и средством доставки. Именно это Гарольд и озвучил Мартину с Себастьяном, дожидавшихся его за столом. За бокалом чистой воды и невкусной, но питательной трапезой тройка ведущих специалистов обсудила план дальнейших мероприятий. Аулина же вновь отсутствовала, еще до завтрака отправившись в медотсек. Чтобы она не свалилась в голодный обморок, один из дронов-официантов принес ей перекусить прямо туда.

Общим решением Мартин оправился продолжать работу над добывающим роботом. Челнок поручался заботам Себастьяна, а ему в помощь отряжался Сонмер. Разумеется, им следовало прихватить и Мелиюбиуса, чьи помощь и совет давно уже считались

чем-то само собой разумеющимся и априори необходимым.

Статус всех бортовых систем челнока был в полном порядке. Как и предполагалось, он требовал лишь профилактического обслуживания, начиная с заправки. Его топливные баки, согласно инструкции, оставались заполненными лишь на четверть, чтобы система поддерживалась в рабочем состоянии. Остальное, включая содержимое запасных цистерн, сливалось в приемники звездолета-носителя. Сонмер, устроившись в кабине пилотов, щелкал переключателями, инициируя процедуру за процедурой. Себастьян, стоявший у внешнего терминала, принимал поступающие запросы. Терминал располагался в ангаре по левому борту от планетарного катера. Сам ангар находился на верхней палубе, как раз перед отсеком трюма номер один. Это не означало, что означенный грузовой отсек начинался сразу за помещением для челнока, а всего лишь характеризовало местоположение на планах судна между носом и кормой. Ангар имел потолочный раздвижной шлюз с двойным люком, открывавшимся последовательно. Подъемник не требовался. Планетарный катер взмывал со стартовой площадки при помощи антиграва, отходил подальше от "Корундоры" и лишь затем использовал тяговые двигатели. Последние работали на том же топливе, что и звездолет-носитель, то есть основанном на фтороводороде. Этого топлива, как стало ясно еще в первые дни полета, на грузовом судне вполне хватало, и его вполне можно было позаимствовать на планетарные рейсы к двум безжизненным каменным шарикам. Подтверждая запросы на ангарном терминале, Себастьян запустил процедуру заправки. Деловитые сервисные роботы тут же приладили толстые шланги куда положено. Под завибрировавшим полом раздался легкий гул. Ладонь ученого ощутила мелкую дрожь металлического корпуса терминала. Качнулись тени, порождаемые различными объектами в лучах осветительных панелей. Где-то в углу застучали, ударяясь друг о друга, порожние металлические бочки. Нет, ничего не рвануло, как вполне, кстати, могло приключиться после всех неисправностей поврежденного звездолета. Топливо уверенно потекло в баки челнока и вскоре наполнило их как положено. После этого Сонмер запросил заправку дополнительных цистерн — так, на всякий случай, если полет по каким-то причинам затянется. Ученый, перекинув пальцем несколько сенсорных регуляторов, разрешил операцию. Эти цистерны тоже не вызвали никаких нареканий. Ни одна не дала течь, не взорвалась и не загорелась, а то у Сонмера еще не изгладились воспоминания о пожаре в топливном отсеке "Корундоры". Все прошло на удивление гладко и заняло всего три часа, начиная с момента диагностики и заканчивая повторной

проверкой. Топливные индикаторы сияли надежным зеленым светом, а показатели загрузки находились от девяноста восьми до ста процентов.

Вторым этапом стало энергообеспечение. Антиграв ведь работал не на фтороводородном топливе, равно как и бортовые системы. Самые малые планетарные катера не оснащались собственными реакторами, питаясь от различных батарей. Тот, что входил в штатное оборудование "Корундоры", принадлежал такому классу космических судов, который как мог иметь полноценную ядерную энергоустановку, так и обходиться без нее. Конкретно этот, окруженный заботами Сонмера и Себастьяна, имел. Правда, маленькую и не слишком мощную, но все же то был полноценный реактор, вполне удовлетворявший нехитрые нужды экипажа. Вот только ему вряд ли приходилось вылетать куда-то кроме вполне обустроенных портов. Приземление на скалистую поверхность необитаемых планет и продолжительная разведка на малой высоте требовали несколько иных энергозатрат. Реактор челнока был способен справиться и с ними, но при условии соответствующей подпитки. Здесь-то и приключилась первая неприятность. Элмер, наскоро вызванный из сборочного цеха, констатировал низкий заряд ядерной энергетической ячейки. Вряд ли экипаж "Корундоры" проявил халатность, не сменив ее вовремя, как и антибиотики. Для нужд подобно перелетам между космическими станциями этой энергоячейки еще более чем хватало, а продолжительные путешествия в околопланетном пространстве с высокой гравитацией никто и не планировал. Кроме того, на судне имелись запасные элементы реакторного питания, пока их не сбросил в преследователей Мелиюбиус. Иными словами, с нынешним уровнем заряда челнок далеко не улетит, а взять новую ячейку было негде. Ну, разве что позаимствовать из главного реактора "Корундоры", снизив, таким образом, ее энергообеспечение. Трое специалистов связались с Гарольдом и Мартином. После непродолжительного совещания было решено извлечь один энергетический элемент из судна и поместить его на челнок. Мол, для прыжка он все равно не нужен, а в случае доставки на борт Гелия-3 проблема с питанием отпадет сама собой. Если же желанное топливо обнаружить не удастся, тогда, в принципе, все равно, отчего в первую очередь погибнут беглецы: нехватки кислорода, топлива, жажды, продуктов питания или энергии. Кислорода, кстати, было меньше всего, поэтому в случае его обнуления остальное уже роли не играло.

Энергоячейку решили переместить перед самым вылетом, чтобы до поры не тревожить силовую установку. Выйдя на орбиту, "Корундора" снизит потребление энергии до минимума и ста-

нет дожидаться окончания экспедиции. На период дрейфа ей точно не потребуется дополнительное питание, а в случае успеха первая же порция Гелия-3 обеспечит корабль всем необходимым.

Вторая неприятность всплыла под самый конец профилактического обслуживания планетарного катера. Себастьян как раз загрузил в тамошний пищеблок достаточно концентратов и органической основы для пищевого синтеза. Дефицит воды на судне ощущался не столь остро в сравнении с кислородом, поэтому питья на челноке вполне хватало. К сожалению, этот самый кислород приходилось забирать с "Корундоры". Малая посудина не обладала собственной системой регенерации воздуха, поскольку конструктивно предполагала заправку с корабля-носителя. Впрочем, в конечном счете для беглецов мало что менялось. Какая, в принципе, разница, где именно сожгут кислород люди: на борту звездолета или челнока? Повышение расхода, связанное с функционированием техники и незначительными технологическими потерями выглядело минимальным. Под управлением Себастьяна и частично Сонмера сервисные роботы привезли баллоны из центра жизнеобеспечения. Содержимое этих баллонов они оперативно перекачали в резервуар челнока, после чего увезли опустевшую тару в хранилище. Гарольд, скривившись, оценил общий уровень падения кислорода на своих контрольных индикаторах, но ничего не сказал. Газ ведь никуда не исчез, просто перекочевал из одной емкости в другую.

Последняя проблема вскрылась тогда, когда Себастьян считал техническое обслуживание полностью завершенным, а планетарный катер готовым к вылету. Ну, после подключения пресловутой энергоячейки.

— Скафандры проверил? — осведомился Сонмер.

— Нет. А зачем? — удивился ученый.

— Затем. Или те, кто полетят, на планету и нос не высунут? К тому же, мало ли что! — сухо отозвался техник.

Он еще не забыл гибель сестры своей жены в неисправном шлюзе, поэтому тема скафандров была для него чрезвычайно болезненной. Себастьян, пожав плечами, пошел в соответствующую секцию, где хранилась упомянутая экипировка. Там, согласно плану челнока, он нашел восемь скафандров — по числу членов экипажа, плюс два запасных лежали отдельно, на случай какой-либо неисправности. Ученого сразу насторожили их внешний вид и маркировка. Достав ближайший скафандр из стойки, где тот крепился по всем правилам, он быстро его изучил и заметно помрачнел.

— Гарольд, у нас проблема, — раздался в интеркоме сдержанный голос Себастьяна.

Бородач явился так быстро, как только сумел перенести на своих двоих изрядно выпирающее брюхо, ничуть не убавившее в объеме со дня бегства. Он нашел специалистов внутри челнока, переговаривающихся о чем-то в отсеке со скафандрами.
— Взгляни, — кивнул ученый, указав на стойки со спецснаряжением.
Гарольд осмотрелся, вчитался в надписи, а затем потребовал объяснений. Он не был великим знатоком по означенной части, поэтому не понимал, что именно обеспокоило Себастьяна и Сонмера. Те вкратце ввели товарища в курс дела.

Скафандры не предназначались для работы в экстремальных условиях, каковыми считалась пересеченная местность каменистой планеты, лишенной атмосферы. Их назначение заключалось совсем в другом. Они обеспечивали выживаемость экипажа в случае разгерметизации челнока. Также люди могли выйти в открытый космос и осуществить какой-нибудь ремонт, открыть вручную шлюзовые двери, либо же пересесть на другое транспортное средство. Ну или находиться на борту до прибытия помощи. Высадка на планету грозила экипажу гибелью, поскольку скафандры не оснащались армированной оболочкой, предохраняющей его от серьезных повреждений. А таковые почти наверняка последуют, стоит астронавту зацепиться хотя бы за один острый камень или попасть ногой в выбоину. Дальше — больше. Температуру они поддерживали должным образом, защищая человека от нагрева и охлаждения, чего нельзя было сказать о радиации. Точнее, защита от нее тоже присутствовала, но умеренная, для краткосрочного пребывания в пустоте и уж никак не многочасовой прогулки под лучами ближайшей звезды. В общем, челнок оснащался так называемыми "тряпочными" скафандрами, широко распространенными на заре человечества. Они годились для работ на орбите планет с магнитным полем, спасающим от жесткого внешнего излучения, либо же непродолжительного пребывания вне корабля или станции в глубоком космосе. Пара-тройка часов на ровном и безопасном планетоиде также не убьют астронавта, однако полдня на усеянной зазубренными скалами планете, освещаемой недружелюбным красным карликом, грозили бедой. Если смельчак не погибнет от разгерметизации вследствие механического повреждения скафандра, его почти наверняка прикончит радиация. Не сразу, но прикончит. Ведь ее, судя по данным системы IBRSF-7413, на полюсах безатмосферных планет, регулярно бомбардируемых частицами из космоса, более чем хватало. Это вам не прогулочка между челноком и станцией.
— Ну и чего будем делать? — озадаченно осведомился Гарольд. —

Лететь-то все равно надо. Какая-никакая, но защита, а на планету экипаж челнока станет выходить только в крайнем случае.
— Ты забываешь, что мы — не исследовательская миссия. У нас армия роботов, но роботов никак не рассчитанных на шахтерскую деятельность, — напомнил Сонмер.
Он тут же разъяснил. Слишком многое придется делать вручную, чтобы запустить всю эту автоматику, в том числе устанавливать и настраивать управляющие антенны. Сигнала с челнока, не рассчитанного на подобное использование, окажется недостаточно для всей толпы расползающихся харвестеров. Экранирование от скал, отражение волн и мощные помехи живо внесут разлад и хаос в весь процесс добычи. Слаженные действия роботов быстро выйдут из-под контроля, синхронизация процессов нарушится и тогда пиши пропало. Нет уж, придется ставить по периметру стойки с антеннами, и ставить регулярно, ибо радиус добычи начнет непрерывно возрастать. Кстати, ими уже занимается Элмер. Монтаж и пусконаладка основной платформы, куда будут прибывать роботы, также требуют присутствия людей, плюс всякие задачи по мелочи, включая первичную разведку. В общем, без продолжительной высадки людям никак не обойтись. У них не получится решительно все свалить на роботов.
— Ну и к чему была эта лекция? — пожал плечами бородач. — Если скафандры с челнока не подходят, позаимствуйте те, что на "Корундоре". Тоже мне проблема! Перегрузить их с борта на борт — плевое дело!
— С теми также не все гладко, — немедленно сообщил Себастьян.
Выяснилось, что звездолет оснащен так называемой "жесткой" версией. Она годилась для долгосрочного выхода в открытый космос, чтобы проводить работы на корпусе судна, и отлично защищала от радиации, но ее гибкость оставляла желать лучшего. Человек в таком скафандре превращался в малоподвижного увальня с толстенными пальцами, лишаясь возможности выполнять тонкие пусконаладочные операции. Удивляться этому не приходилось, раз с внешней стороны грузового корабля ничего подобного изначально и не предполагалось.
— Из огня да в полымя! — выругался бородач, сопроводив реплику несколькими крепкими словцами. — И что теперь?
— Трудно сказать. В любом случае придется обходиться имеющимся снаряжением. Не самим же скафандры шить, тем паче нечем и не из чего! — заключил ученый. — Будем распределять роли. Кто-то облачится в тряпичную версию, кто-то в жесткую. Надо хорошенько подумать, как и необходимое сделать, и при этом минимизировать риски для экипажа. В общем, еще одна задачка на

наши головы.
— Справитесь? — озабоченно осведомился Гарольд.
— Справляться придется тому, кто примет участие в высадке, — заметил Элмер. — Это может оказаться любой из нас, а значит любой станет рисковать жизнью, очутившись в жалкой тряпке. Корпорация же не потрудилась оснастить все и вся универсальным армированным скафандром для операций в экстремальных условиях. Такие только у военных, а поставлять их простым смертным — слишком дорого.
Да уж, тут было отчего пригорюниться. Впрочем, кто бы мог представить, что экипажу грузового звездолета однажды придется добывать себе Гелий-3 для прыжка, от которого будут зависеть его жизни. Добывать с поверхности затерянной у черта на рогах планеты неприспособленными для такой цели сервисными роботами, и все это в условиях критического дефицита кислорода и невозможности позвать на помощь. Тут как-то даже сложно винить ту же "Галактик текнолоджис", пускай и жадную до мелочей.
— Ладно, что-нибудь придумаем, — пробормотал Гарольд.
На том и разошлись. Бородач ушел обратно на мостик, а Себастьян, Элмер и Сонмер закончили текущий этап подготовки челнока.

Тема возобновилась самым внезапным образом, когда вечером ученый встретился со своей невестой в домашней секции. Та, регулярно наведываясь в медотсек, теперь работала в сборочном цеху, из-за чего пара с утра особо и не виделась, так как приемы пищи у них состоялись в разное время.
— Спроси его про скафандры, — шепнул Мелиюбиус.
Аулина, окинув его заинтригованным взглядом, послушалась, и Себастьян, не особо удивленный ее осведомленности, изложил суть обнаруженной проблемы.
— Гм. Кажется, я знаю, где можно раздобыть необходимое, — внезапно заявила девушка к полнейшей неожиданности ученого.
— Где?! — выпалил тот.
Тут-то и выяснилось, что Аулина не зря просматривала журнал погрузки товаров на "домашнем" терминале. До сих пор ей не удалось обнаружить ничего стоящего, пока не всплыла история со скафандрами.

Четыре контейнера из числа загруженных во внешние "соты" звездолета содержали оборудование для автономных наземных станций. Такие обычно забрасывались в необитаемые миры в качестве потенциального плацдарма для прибытия людей. В роли миров выступал любой мало-мальски подходящий шарик с твердой поверхностью, куда опускался модуль. Раскрываясь и активируясь, он превращался в единый замкнутый комплекс, содержав-

ший энергоузел, ретранслятор, набор блочных помещений с уймой всяких систем, и команду роботов. Последние собирали информацию об окружающем пространстве и передавали ее через внешнюю антенну к месту назначения. Такими автономными станциями пользовались как ученые, так и военные. Первых, к примеру, интересовали первичные данные о каком-либо астероиде, а вторые искали незаконные структуры, коммерческие и откровенно пиратские. В упомянутых помещениях находилась не только техника, но и жилой отсек для потенциального прибытия людей. Снабжаемый энергией от реактора, он оснащался полноценной системой жизнеобеспечения и всем необходимым для постоянного проживания команды астронавтов вариативной численности. Таким образом, люди могли прилететь в развернутый комплекс в любой момент, и прилететь на все готовое. К сожалению, Аулина не нашла в означенных четырех контейнерах ни энергоячеек, ни запаса кислорода. Все это загружалось в уже готовую к заброске станцию, прошедшую этап сборки, поэтому с точки зрения ресурсов ее находка была бесполезной. Однако там было и кое-что еще. В частности, каждая станция содержала как раз те самые скафандры, о которых говорил Сонмер. Тут беглецам, против обыкновения, повезло особенно, ибо предназначались они для военных, то есть были изготовлены по высшему разряду сочетания надежности, подвижности и защиты.

Себастьян от радости полез целоваться и едва не опрокинул невесту на пол. Та слегка зарделась, но от удовольствия, а не стеснения. Кроме Мелиюбиуса в их жилой секции никого не наблюдалось, а того девушка не особо стыдилась. Нет, она не расхаживала перед ним нагишом, но спокойно переодевала комбинезон и обнималась с женихом. Мелиюбиусу ведь были безразличны физические особенности человеческих тел, исключая чисто научный интерес. Стесняться его в известном смысле означало стесняться микроволновой печи или собственного кота. Кто же испытывает неловкость при виде кухонной утвари? Также и кот, преспокойно умывающийся на полке возле кровати, обычно не вызывает никаких стыдливых чувств у его милующихся внизу хозяев. Кстати, на эту тему у Аулины как-то состоялся с Мелиюбиусом задушевный разговор, после которого она окончательно перестала опасаться предстать перед ним в неловком положении.

— Так, живенько говори, где это! — воскликнул Себастьян, радостно потирая руки.

Кажется, он намеревался прямо сейчас отправиться в трюм и извлечь заветные скафандры.

— Не торопись, любовь моя, не все так просто, — охладила его пыл

девушка.
Она вторично напомнила расположение четырех контейнеров. Те были загружены во внешние "соты" и попасть туда из трюма было попросту невозможно. Следовательно, кому-то требовалось выйти в открытый космос, чтобы распечатать контейнеры, извлечь из них все необходимое, а потом доставить груз на "Корундору".
— Твоя правда, — подумав, кивнул ученый. — Но это сделать куда проще и безопаснее, нежели высаживаться на планету в "тряпках". Отлично, завтра и займемся! Пойду переговорю с Гарольдом.
Сказав так, он тут же убежал, предпочитая не пользоваться интеркомом, а обсудить вопрос вживую. Аулина же снова осталась наедине с Мелиюбиусом и завела с ним очередную неторопливую беседу.

Со скафандрами решили не торопиться. Бородач напомнил Себастьяну текущие обстоятельства. Звездолет несся с предельной скоростью, и вылезать сейчас в открытый космос, чтобы вскрыть контейнер, представлялось не самой удачной затеей. Нет уж, лучше повременить и спокойно выпотрошить содержимое в более подходящих условиях, благо что до прибытия в звездную систему осталось всего ничего. Близилось наступление восемнадцатого цикла. Утром девятнадцатого "Корундора" достигнет цели, а там до планет рукой подать. Вот на орбите любой из них кто-нибудь и выйдет наружу, чтобы извлечь скафандры. Времени это займет немного, а к тому моменту челнок будет полностью готов к экспедиции.

Высказанные Гарольдом соображения звучали достаточно разумно, и Себастьян не стал спорить, тем более остальные ведущие специалисты их поддержали. Таким образом, прогулка за пределы звездолета ненадолго откладывалась, а восемнадцатый цикл начался как обычно. Аулина отправилась в медотсек, а львиная доля экипажа — в сборочный цех, исключая Себастьяна и Гарольда. Первый ушел к челноку, дабы еще раз все проверить, ибо слишком многое было поставлено на карту, а второй проследовал к оранжерее. Оба вскоре вернулись на мостик. Ученый преуспел, тем более что никаких сложностей уже не предвиделось. Планетарный катер ожидал лишь установки другой ядерной энергоячейки и погрузки скафандров, после чего команда людей и роботов сможет осуществить высадку. Бородач — напротив, столкнулся с непредвиденной трудностью. Оранжерея оказалась запечатана все тем же карантинным кодом, взломать который с наскоку у него опять не получилось. Кто-то или что-то вновь надежно заперло загадочную секцию, и заперло, видимо, после визита Кимберли. Гарольд, конечно, мог попытаться инициировать расследование или вскрыть

дверь плазменной горелкой, но у него хватало забот с программированием роботов-добытчиков. Решив никому не распространяться о странностях с оранжереей, он попросту умолчал о необъяснимом происшествии, чтобы вновь не поднимать болезненную тему.

Настроение Аулины часто менялось. Грядущие успехи беглецов внушали известный оптимизм и укрепляли дух. Состояние Джулет, проверяемое каждые четыре часа — напротив, наводило на девушку тоску. Больная начинала страдать, и ее страдания усиливались по мере прогрессирования сепсиса. Интенсивная терапия, проводимая по рекомендации Мелиюбиуса, мало-помалу переставала помогать, а уж о просроченных антибиотиках и говорить не приходилось. Медсестра, советуясь с сиреневым доктором, постепенно увеличивала количество вводимых препаратов, рискуя вызвать передозировку. Выбора, однако, у нее все равно не оставалось. Или так, или никак. Джулет ненадолго становилось легче, и тогда Аулина уходила с улыбкой на лице и камнем в сердце. Уходила, чтобы в следующий свой визит найти несчастную женщину в бреду и лихорадке. У девушки сильно щемило в груди, когда она видела, как Глен сидит рядом с женой, а по его щекам текут беззвучные слезы. Он-то выздоровел и более не нуждался ни в медицинской ткани, ни вообще в услугах медотсека. Девушка, однако, его не гнала, позволяя круглосуточно находиться подле супруги. Ведь никому неизвестно, сколько судьба отпустила им оставаться вместе, так уж не волей Аулины сокращать это время. Время, которое могло подойти к концу в любой день. Кажется, в отличие от Джулет, Глен понимал, что дело плохо, и периодически пытался вызвать медсестру на откровенный разговор. Та от него всячески уклонялась, стараясь внушить мужу такую же надежду, как и его жене. А что еще оставалось Аулине? Сообщить, что она и сама уже практически не верит в счастливый исход, если не случится чудо и роботы не добудут нужное количество Гелия-3 в течение ближайших четырех-пяти суток? Вряд ли это придаст больной сил, необходимых для борьбы. Надежда в данном случае — лучшее подспорье, и не стоит ее разрушать опрометчивыми словами.

Второй пациенткой все еще оставалась мать Мартина. Пока ее сын и Гарольд готовили "Корундору" к маневру, ибо полет к звездной системе подошел к концу, Аулина в очередной раз заглянула к ней в каюту. Выздоровление Луизары затянулось из-за пережитого стресса, вызванного потерей старшей сестры, но сегодня, наконец, состояние женщины казалось вполне удовлетворительным. Пострадавшая ключица практически зажила и ничем не беспокоила, а воспалительные процессы сошли на нет. Единственное, что обеспокоило Аулину, это внезапно появившийся кашель.

Неужели Луизара простудилась? Что ж, вероятно, учитывая ее резко сниженный переживаниями иммунитет. Ну, простуда — болезнь не смертельная даже при отсутствии вменяемых антибиотиков. Горячий чай с витаминами и глубокие ингаляции живо окажут целительный эффект. Во всяком случае, так считала девушка. Как выяснилось, Мелиюбиус думал иначе.
— Кашель? — с внезапной озабоченностью осведомился он. — А кто-то еще закашлял?
— Странно, что ты спросил, — помедлив, ответила Аулина, не сводя глаз с засыпавшей поодаль тети Себастьяна. — Вайолет. Совсем немного. Полагаю, она надышалась какой-то едкой химии, который нынче где только не воняет, и у нее раздражение слизистой. Ну и Джулет. В ее состоянии это и не удивительно.
— Кто еще? — отрывисто изрек Сиреневый Бутон.
— Тереза, бабушка Кимберли. Но она частенько покашливает из-за излишне сухой атмосферы "Корундоры". У нас же проблемы с вентиляцией и увлажнение едва функционирует, — пожала плечами девушка.
— Кто еще? — как-то слишком подозрительно продолжал в том же духе сиреневый друг.
— Анатоль, — внезапно припомнила медсестра. — С полчаса назад, за завтраком, он несколько раз подавился и закашлялся. Во всяком случае, так всем показалось.
— Все? — с каким-то едва ли не недоверием осведомился Мелиюбиус.
Будто только и дожидаясь этого вопроса, ожил интерком.
— Эй, Аулина, тут твоя бабушка интересуется, нет ли в медотсеке какого лекарства от кашля? — послышался голос Мартина.
До девушки внезапно дошло, что Мелиюбиус вряд ли задает свои странные вопросы от нечего делать, а все это могло быть отнюдь не совпадением. Предчувствуя недоброе, она слегка побледнела и хотела что-то сказать, но язык будто прилип к пересохшей гортани. Стараясь подавить всколыхнувшееся волнение, Аулина набрала в грудь побольше воздуха, выдохнула, а затем… разразилась приступом кашля. Он быстро прошел, но когда девушка подняла глаза на Мелиюбиуса, на ней лица не было.
— Живо на диагностическое ложе! — велел сиреневый доктор не терпящим возражения тоном. — Глубокое сканирование дыхательных путей! Образец легочной ткани!
Испуганная Аулина тут же послушалась, благо что далеко бежать не пришлось. Следуя заведенному порядку, они оба сейчас находились в медотсеке, где в очередной раз корректировали медицинские процедуры Джулет. Себастьян, беспокоясь о своей тете,

позволял невесте брать с собой Мелиюбиуса с непременным условием возвращать его потом в цех либо запирать дома.

Глен, заботливо державший руку задремавшей жены, чье лицо посерело и осунулось, не обратил особого внимания на манипуляции Аулины. Ну, забралась и забралась на диагностику — мало ли зачем? Ей, как медсестре, в конце концов, виднее. Самой Аулине безразличие к собственной персоне было только на руку, ибо ей еще лишних вопросов не хватало. Она всерьез струхнула из-за слов Мелиюбиуса и его повелительного тона, тем паче, что сиреневый доктор все еще не снизошел до объяснений.

Когда анализы были готовы, а сканирование завершено, девушка слезла с ложа и пристроилась рядом с летающим другом, бдительно изучавшим поступающие на экран терминала данные. Внезапно пиликнул тревожный сигнал. Информационное табло осветилось красной рамкой, а поверх трехмерной проекции дыхательных путей девушки вылезла предупреждающая надпись. Тут же побежал текст какого-то сообщения. Аулина, холодея, вчиталась в чередой сменявшиеся данные.

— Грибок, — лаконично озвучил Мелиюбиус, подразумевая не только отчет медицинского терминала, но и вообще суть происходящего.

— Это опасно? — вырвалось у схватившейся за грудь девушки. Непродолжительный кашель вновь сотряс ее легкие, отчего предательский страх заставил ослабеть подогнувшиеся коленки.

— Нет, если есть чем лечить, — послышался сдержанный ответ.

— Ох… Но откуда?! — невольно удивилась Аулина.

— Полагаю, из запертой на карантин оранжереи, — все тем же тоном изрек Мелиюбиус. — Принесла туда Кимберли нелегкая! Не могу же я, в конце концов, все предвидеть и контролировать…

— Погоди-погоди! — вскинула ладонь девушка. — Себастьян же проверил овощи и ничего не обнаружил!

— На НИХ — ничего! И как раз это меня ничуть не удивляет, — неторопливо сообщил Бутон. — Вспомни, что он рассказывал про тамошние растения. Львиная их доля погибла, либо засохнув, либо превратившись в бурую вязкую массу. Уцелевшая же незначительная часть по-прежнему цветет и даже плодоносит. Вывод? Она оказалась невосприимчива к грибку, отчего на ней его и нет.

— Но раз нет, тогда почему у меня такой анализ? — вконец растерялась девушка. — Мы же контактировали только с несколькими овощами!

Ввиду взвинченного состояния голова сейчас у нее соображала неважно, на что Мелиюбиус снисходительно сделал скидку. Перестав держать Аулину в неведении, он вкратце изложил ей основ-

ные моменты. Кимберли не просто нарушила карантин изолированного помещения — она прервала процедуру обеззараживания. Двери же закрылись не просто так, не собираясь ее выпускать. К сожалению, у жены Мартина хватило ума и знаний принудительно остановить процесс дезинфекции и покинуть шлюз до того, как споры грибка были уничтожены. Выйди она как положено, то лишь сама, как максимум, и заразилась бы. К сожалению, все получилось как нельзя хуже…
— Да говори уже наконец! — не выдержала очередной паузы смятенная девушка.
— Споры грибка попали в систему вентиляции "Корундоры", а ее фильтры, как мы знаем, неисправны. Вы дышите ими с тех самых пор, как Кимберли притащила те злополучные огурцы, — закончил Мелиюбиус свое зловещее повествование.
Аулина не сразу нашлась, что сказать. Приложив ладонь к губам, она некоторое время молча переваривала эту ошеломляющую информацию.
— Ну и что теперь делать? — тихо осведомилась она, найдя силы взять себя в руки.
— Ты про лечение или про обеззараживание? — уточнил Мелиюбиус.
Впрочем, ответ у него имелся на оба вопроса. Из-за неполадок в вентиляции пресечь распространение спор штатными средствами было невозможно. Тут требовалось придумать принципиально новое решение, а сперва надлежало взять образцы воздуха в разных отсеках звездолета, чтобы установить концентрацию патогенной флоры. Что же касалось лечения, то оно зависело исключительно от типа самого грибка. В обычных условиях его наверняка побеждали быстро и эффективно, а не то в "Элегии" давно бы уже поднялась паника. К сожалению, на "Корундоре" все обстояло иначе. В условиях отсутствия действенных антибиотиков приходилось уповать лишь на специфические средства, индивидуальные к каждому штамму. Тут-то и следовало сначала определить, с чем именно беглецы имеют дело, а затем уже делать выводы. И лучше с исследованиями не затягивать.
— Насколько все серьезно? — спросила Аулина, стараясь выглядеть спокойной.
— Ну тебе-то я умереть не дам, можешь поверить мне на слово и ничего не бояться! — с внезапным жаром в голосе заявил Мелиюбиус. — Вот за остальных пока не ручаюсь.
— Ты так говоришь, будто уже обо всем осведомлен, а в рукаве у тебя припрятан заветный пузырек с панацеей, — мрачно усмехнулась девушка.

Сиреневый друг, вне всяких сомнений, просто хотел ее успокоить, но при этом проявил искреннюю заботу и даже преданность, пусть и не распространяемую на других. Что ж, сама Аулина внушала надежду Джулет, так почему бы Мелиюбиусу не подбодрить ее точно таким же образом?
— Ну, я хотел сказать, что у тебя молодой организм и крепкий иммунитет. Будь уверена, он справится, когда я назначу надлежащее лечение, — быстро поправился сиреневый доктор, смутившись так, словно в запале сболтнул лишнего. — А про грибок, честно признаться, я уже успел подумать до того, как он дал о себе знать, только не видел смысла почем зря вас тревожить. Обойдется — хорошо, и никто попусту не мотает себе нервы, а нет, так в случае его распространения это уже ничего не меняло.
— Что теперь делать? Сколько у нас времени? — деловито осведомилась приободренная медсестра.
Все-таки, что и говори, надежда плюс дружеская поддержка — великая сила.
— Зови Себастьяна! Живо! И держи язык за зубами! — велел Мелиюбиус. — Кроме нас троих о заражении пока не должен знать никто!
Аулина метнулась к интеркому, а сиреневый доктор остался у терминала изучать продолжавшие обрабатываться данные.

* * *

В одиннадцать утра девятнадцатого цикла "Корундора" наконец-то достигла конечной точки маршрута. Впереди, на условно небольшом расстоянии, виднелся тусклый красный карлик, хорошо различимый на экранах кабины пилотов. Где-то вокруг него вращались и две планеты, недоступные человеческому взору без специального оборудования. Это оборудование как раз и задействовал Мартин. Сбоку от него возникла голограмма звездной системы, а на лобовом окне кабины, выполненном из все той же прозрачной брони, зажглись надписи, огни, линии и эллипсы орбит. Они накладывались на естественную панораму с помощью специального слоя, встроенного в чрезвычайно твердый сплав. Благодаря им пилоты могли видеть подписанные объекты даже в том случае, если сами объекты были в принципе неразличимы. Разумеется, у каждого человека картинка получалась индивидуальной, с учетом смещения позиционирования. К примеру, для пилота слева какой-либо объект находился по его правую руку, в то время как для пилота справа он же оказывался от него левее. Таким образом, формально лобовое окно должно было единовременно отображать

цель дважды в совершенно разных местах, однако ничего подобного не происходило. Проблема несовпадения восприятия решалась с помощью специальных очков дополненной реальности, подключенных в единую систему приборов, и каждый человек видел только предназначенное лично ему. Ведь иначе на экране образовалась бы та еще каша, особенно при наличии значительного числа наблюдателей. Надев эти высокотехнологичные окуляры, Гарольд и Мартин отлично видели звезду и обе планеты, обозначенные надлежащим образом, и ничуть друг другу не мешали.

— Внимание, захожу на цель! Планета Альфа! — возвестил Мартин, передвигая рычаги и перекидывая тумблеры. — Сбрасываю скорость! Выполняю разворот!

Дюзы "Корундоры", выплевывавшие исполинские снопы пламени, заметно потускнели. Включились маневровые двигатели. Первый пилот корректировал курс, исходя из показаний бортового компьютера, в свою очередь захватившего координаты планеты и рассчитавшего траекторию оптимального сближения. Альфа и Бета — так беглецы договорились именовать цели своего путешествия, ибо никому не хотелось ломать язык с произношением IBRSF-7413a и IBRSF-7413b. Огненный шлейф, остававшийся за кормой звездолета, существенно сократился и стал изгибаться по спиралевидной дуге.

— Давление в цистернах стабильно! Энергосистема в норме! Разгон массы с превышением на пятнадцать процентов! — докладывал Гарольд вспомогательную информацию, регулируя работу различных узлов.

Следуя подсказкам напарника, Мартин усилил реверс, чтобы притормозить излишне разогнавшееся судно. Последние два часа он неторопливо его замедлял, приближаясь к контрольной точке, и вышел на нее с хорошей точностью, промахнувшись всего на указанные проценты. "Корундора", чутко слушаясь управления, еще немного сбавила ход, ложась на новый курс, ведущий по кривой к планете Альфа. По кривой — ибо в условиях гравитационного взаимодействия космических тел и их собственного движения прямой путь не был самым быстрым.

— Увеличиваю тягу! — сообщил Мартин, вновь потянув соответствующий рычаг.

— Давление в норме! Нагрузка на двигатели — две трети от штатно допустимой! Разгон массы в пределах нормы! — отозвался бородач.

Мартин продолжил наращивать скорость, а спустя время вновь выжал форсаж. Корма звездолета озарилась очередной порцией могучего пламени, и тот уверенно рванулся навстречу холодному,

безжизненному камню Альфы.

Пока оба пилота напрягали зрение, следя за искомым космическим телом и показаниями приборов, Себастьян так же не щадил глаз, уставившись в электронный микроскоп. Сообщение о грибке сперва повергло его едва ли не в ужас, но затем он отнесся к нему так, как и положено ученому — сдержанно и со всей ответственностью. Аулина и Мелиюбиус только и делали, что помогали ему всем, чем могли, выполняя кратко отдаваемые приказы. Себастьян, пользуясь своей импровизированной лабораторией и оборудованием медотсека, всеми доступными способами выяснял, с чем беглецы имеют дело. Без устали трудились анализаторы, сканирование проходило за сканированием, а под микроскопами изучались образцы из разных отсеков звездолета. Пробы, доставленные дронами-помощниками Аулины, тщательно маркировались и исследовались. Они подвергались всяческим экспериментам, в первую очередь на предмет взаимодействия с различной органикой. Себастьян прогонял тест за тестом, равно используя как компьютерную симуляцию, так и наглядные опыты. Его усилия не прошли втуне. К тому моменту, когда Гарольд и Мартин уверенно сближались с планетой Альфа, ученый объявил предварительные результаты своих изысканий.

Грибок, поразивший растения в оранжерее "Корундоры", оказался мутировавшим вариантом довольно известного вида Плесцилла Торус. Каким образом произошла означенная мутация — оставалось загадкой, ибо никаких сведений, позволявших сделать пусть даже самые смелые предположения, не имелось. Констатировался лишь ее факт. Прожорливый грибок довольно быстро уничтожил подавляющее большинство флоры в ботаническом саду. Оставшаяся часть была к нему невосприимчива, и на том заражение формально закончилось. Экипаж, запечатавший оранжерею, по поводу инфицирования явно не переживал. Споры грибка, попавшие в атмосферу, надежно блокировались и обеззараживались фильтрами системы вентиляции звездолета. Людям они были также не страшны, поскольку без труда уничтожались антибиотиками. Тем не менее, все основания для карантина имелись. Грибок очень быстро распространялся и обладал высокой патогенностью. Пораженные им растения погибали в считанные дни. Человек со сниженным иммунитетом или персональной уязвимостью к этой инфекции оказывался в зоне риска. Попадая в дыхательные пути, споры обосновывались на слизистой оболочке, и паразитарная флора начинала активно размножаться. Сильнее всего страдала легочная ткань из-за ее насыщенности кислородом. Она служила грибку едва ли не лучшим удобрением, стимулируя

его чрезвычайно опасный рост. Фактически, он начинал ее пожирать, проникая в клеточную структуру и заполоняя все свободное пространство. Если инфицированный человек не получал должного лечения, шансы на летальный исход становились чрезвычайно высоки, а в особо тяжелых случаях и вовсе неизбежны. Возникал закономерный вопрос, отчего штатный экипаж "Корундоры" не отреагировал на заразу соответствующим образом. Ответ, как обычно, звучал предельно просто: он и отреагировал, запечатав отсек на карантин, а более никаких действий, включая беготню с огнеметами и панику на всю галактику, от него и не требовалось. Техническое и медицинское оснащение звездолета позволяло уверенно держать ситуацию под контролем без малейшего риска. И вырвись штамм на свободу в той же "Элегии", его бы немедленно обезвредили. Единственное исключение, когда он мог натворить немало бед, составлял только нынешний случай, проистекавший из специфического состояния "Корундоры". Ее вентиляция беспрепятственно пропускала споры — их присутствие фиксировалось абсолютно во всех отсеках, а антибиотики оказались недоступны.

В выводах, озвученных Себастьяном, Аулина усмотрела один очевидный прокол. Просроченные лекарства были просто обязаны поставить экипаж в уязвимое положение, но этого, учитывая записи в бортовом журнале, явно не произошло. И как же это объяснить?

— Элементарно, — ответил за ученого Мелиюбиус. — Грибок, предоставленный в оранжерее самому себе, окончательно мутировал уже изолированный от внешней среды. Команда "Корундоры", запечатавшая блок J-08 с находящимся там S-ABG, запросто могла этого и не знать. Что же касалось персонала "Элегии" и тамошних санитарных служб, то они наверняка готовились принять стандартные меры, просто ввиду угона судна не успели.

— Но почему они изначально не поместили судно на карантин? Разве не этого требуют протоколы безопасности? — все еще недоумевала девушка.

— Полагаю, они и поместили, — спокойно отозвался Сиреневый Бутон. — "Корундора" ведь изначально была пришвартована совсем на другом причале, и доступ в нее строго ограничивали, как, впрочем, и в любое другое тамошнее судно. Оранжерея заблокирована, заболевших нет, внутри никого нет — чего волноваться? Первый раз, что ли, растения чем-то заражаются и вянут? Всякое бывает. Кстати, это после взрыва в ангаре звездолет перевели на другой причал, где мы им и воспользовались. Между прочим, воспользовались бы без всяких последствий, не сунься Кимберли куда

не просили.
— Ты так говоришь, будто заведомо обо всем знал, — проворчала убежденная Аулина.
— Разумеется, знал! — рассмеялся Мелиюбиус. — От Гарольда, — тут же поправился он, завидев вытянувшиеся лица ученого и его невесты. — Мы же вместе искали подходящее для побега судно, забыли? Статус "Корундоры" не внушал никаких подозрений, а упоминавшийся в нем визит биологов встречается в каждом третьем случае. Они же регулярно собирают всякие образцы, чтобы отслеживать органический фон по всей галактике. S-ABG, если помните, в планах звездолета на тот момент вообще не упоминался, как и заключенный в нем подарочек. Между прочим, совершенно неопасный при наличии исправных фильтров и антибиотиков.
Девушка закашлялась, и ее сиреневому другу тут же стало не до смеха. Помрачнел и ученый, увлекшийся изложением установленных им фактов.
— Собственно, теперь уже не суть важно, кто и когда проморгал угрозу, исходящую из зараженной оранжереи, — веско сказал он, ободряюще кладя руку на плечо невесты. — Главное: что нам следует предпринять теперь. И предпринять как можно быстрее, пока не стало слишком поздно.
На сей счет у Себастьяна уже имелась парочка соображений. С его точки зрения, ситуацию удастся быстро нормализовать, если ввести всем пострадавшим надлежащее средство. Да, с антибиотиками на "Корундоре" все обстояло плохо, но мутировавший штамм Плесциллы Торус, скорее всего, уязвим к тому же типу препаратов, как и родительский вид. Обычно люди не страдали от этого грибка, но когда тот по каким-либо причинам становился для них опасен, от него избавлялись лекарством под названием "Хломикозмицин". Он проникал в клетки грибка, разрушал их мембраны и тормозил процесс ядерного деления. Развитие патогенной флоры быстро останавливалось, и она попросту отмирала, переставая продуцировать саму себя. Таким образом, если всем пострадавшим несколько дней вводить стандартную дозу означенного медикамента, грибок в их дыхательных путях будет полностью уничтожен, а продукты его распада выйдут с обычной мокротой.
— Да, но есть ли эта штука на "Корундоре"?! — живо озаботилась Аулина, намереваясь добраться до терминала медотсека.
Тот находился совсем рядом, ибо Себастьян перенес часть исследовательского оборудования в одно из помещений по соседству с приемной, где и устроил лабораторию. Так ему не приходилось бегать по звездолету туда-сюда, ограничиваясь незначительными

перемещениями.
— Разумеется, есть! — усмехнулся ученый. — Откуда я, по-твоему, о ней вообще узнал? Я что, помню наизусть все лекарственные препараты в галактике и их назначение? Дорогая, ты переоцениваешь мои скромные способности.
Осведомленность Себастьяна проистекала из предельно простого действия. Определив разновидность грибка, он попросту ввел в компьютер медотсека запрос, и тот выдал ему группу медикаментов, рекомендованных для данного случая. Один из них под названием "Хломикозмицин" как раз имелся в аптечном хранилище грузового звездолета.

Выслушав ученого, Аулина все равно куда-то исчезла, будто ее ветром сдуло. Она отсутствовала несколько минут и вернулась с просветлевшим лицом.
— Полагаю, препарат не просрочен, — проворковал Мелиюбиус.
— Как ты догадался, зачем я уходила? — улыбнулась девушка.
Наученная горьким опытом, она и впрямь первым делом сбегала в хранилище, чтобы лично убедиться в пригодности заветного средства. На этикетке соответствующей емкости горел салатного цвета огонек, а проставленные даты внушали полнейшее доверие.
— Ну, я же не идиот, — хихикнул Сиреневый Бутон.
— А ну марш принимать лекарство! — сурово заявил Себастьян, когда рассмеявшаяся следом невеста снова закашлялась.
Та не заставила себя упрашивать и все трое тут же отправились в приемную.

Аппарат для быстрых инъекций, используемый в самых тривиальных случаях, не подвел. Согласно указаниям медсестры, он ввел ей стандартную дозу "Хломикозмицина", а цифры на табло показали время до приема следующей. Теперь, исходя из теории Себастьяна и рекомендаций медицинского компьютера, девушке ничего не угрожало. Кстати, искусственный интеллект, следовало отдать ему должное, в конце концов тоже правильно определил исходный вид грибка, задержавшись с анализом из-за редкой и сложной мутации. Итого, если и человек, и компьютер пришли к одинаковым выводам как по патогену, так и программе его лечения, ошибка практически исключалась, а пациентка вполне могла надеяться на успешное исцеление. Точнее, пациенты. Недолго думая, Себастьян сообщил обо всем Гарольду, а тот сделал общее объявление. Вскоре в медотсек, возбужденные тревожной новостью, поодиночке и группами явились все члены экипажа, включая детей, приведенных Кимберли. Аулина — воплощенный профессионализм, — оперативно проверила всех на поражение грибком. Диагноз подтвердился у Луизары, Вайолет, Терезы, Анатоля и

Сары, уже недавно названных Мелиюбиусу. Также означенная зараза была обнаружена в легких у Гарольда и Элмера. Само собой, инфицирована оказалась и несчастная Джулет, чей иммунитет пребывал в поистине удручающем положении. О ней, кстати, Аулина позаботилась сразу после себя, вколов пациентке повышенную дозу препарата. Та, пребывая в полузабытье, даже ничего не почувствовала. Под подозрение подпали Никки и Глен, чьи анализы не позволяли установить, атаковал их грибок или был успешно подавлен иммунной системой. Глен от укола отказался, а Кимберли настояла на упредительном лечении сына.
— Я не понимаю, отчего ты не делаешь инъекции всем и каждому, — сердито заметила она, подхватывая ребенка на руки, когда подруга ввела ему лекарство.
— "Хломикозмицин" — сильнодействующее средство. Как и любой серьезный препарат, его не стоит вводить без прямой необходимости. Это тебе любой врач скажет, — спокойно объяснила Аулина. — Я буду регулярно брать у всех анализы. Если вдруг грибок выявится у кого-то еще, я тут же обеспечу ему надлежащее лечение.
— А с чего бы заразиться кому-то из тех, кто сейчас здоров? — спросила Юния, не слишком любившая иглы и все, что с ними связано.
— С того, что эта дрянь по-прежнему в атмосфере "Корундоры", причем везде. Фильтры-то ее не обезвреживают! — пояснил Мартин, хорошенько разобравшийся в сути происходящего после разговора с Себастьяном.
— Да, и это проблема! — заявил Гарольд. — Все, напарник, нам пора на мостик! — тут же добавил он. — Если ты не забыл, через полтора часа мы достигнем Альфы! Раз эта зараза под контролем, сперва нам следует заняться более насущными делами, а уж потом решать, как избавиться от спор Плесциллы Корундорус.
Аулина невольно рассмеялась, услышав намеренно искаженное наименование. С этого момента мутировавший штамм все только так и называли.

Таймер девятнадцатого цикла показывал четырнадцать часов и тридцать шесть минут, когда звездолет вышел на орбиту намеченной планеты. В свете красного карлика ее скалистая безжизненная поверхность казалась какой-то зловещей, будто не жизнь, а наоборот — сама смерть притаилась среди зазубренных пиков, дожидаясь грядущего визита людей. В известном смысле так оно и было. Если беглецы не проявят максимум осторожности при высадке, они запросто могут сложить головы на этом недружелюбном космическом теле. Кратеры и разломы, глубокие трещины и крутые склоны отнюдь не походили на курорт, суля добытчикам Ге-

лия-3 максимум неприятностей. А добывать его, хочешь не хочешь, придется, ибо кислорода у беглецов оставалось на двенадцать суток и примерно столько же часов.

Мартин, успевший поднабраться опыта, провел серию маневров с мастерством достойным штатного пилота. "Корундора", подойдя к планете точно по рассчитанной траектории, неторопливо развернулась и заскользила вокруг нее на малой скорости. Достигнув северного полюса, она замедлилась, а затем и вовсе замерла, сохраняя геостационарное положение. Согласно умозаключениям Мелиюбиуса, основанным на принципах астрофизики и химии, беглецам следовало искать Гелий-3 именно на полюсах, где излучение красного карлика бомбардировало поверхность планеты наиболее интенсивно. Южного или северного — особой роли не играло, поскольку Альфа с периодичностью в несколько месяцев подставляла звезде то один из них, то другой. Командный состав, посовещавшись, выбрал ныне освещенный, чтобы почем зря не бродить впотьмах.

Работа Мартина закончилась, когда вверенный ему корабль обрел неподвижную устойчивость в пространстве. Присутствие пилота в кабине более не требовалось. В случае каких-либо изменений, если "Корундора" вдруг начнет смещаться, автоматика включит двигатели и самостоятельно вернет ее в заданную точку. Теперь дело оставалось за Гарольдом, и тот не заставил себя ждать. Сенсоры грузового звездолета принялись за сканирование находившейся под ним планеты. Они, конечно, не шли ни в какое сравнение с возможностями даже самого простого исследовательского судна, но все же позволяли получить более-менее приличную картинку. Эта картинка, выполненная в виде трехмерной голограммы, моделировалась на мостике, а также поступала на любой терминал, откуда приходил запрос. Гарольд не торопился. Он запускал процесс вновь и вновь, заставляя сканер неоднократно проходить по одной и той же области. В результате данные о поверхности планеты уточнялись, обрастая все новыми деталями. Бородач, прихлебывая излюбленную синтетическую отраву, оставил сенсоры в покое лишь тогда, когда очередной аналитический цикл стал привносить и обновлять информацию в совершенно мизерном количестве. К тому моменту Мартин давно убежал в цех, чтобы присоединиться к бригаде ЭлСо в подготовке харвестеров. Сто двенадцать добытчиков, исключая восьмерых вышедших из строя в процессе сборки, были готовы на девяносто четыре процента. С оставшимися шестью люди не спешили, ибо сначала все равно требовалось высадиться на планету и взять образцы грунта. Этим должен был заняться экипаж челнока, однако у беглецов ос-

тавалось еще две задачи, получившие максимальный приоритет. Первая не отняла много времени. Под присмотром Элмера сервисные роботы извлекли из главного реактора "Корундоры" ядерную энергетическую ячейку, обладавшую необходимым уровнем заряда. Гарольд, успевший отключить ряд вспомогательных систем звездолета, отметил существенное падение выходной мощности энергоузлов, но оно оставалось в рамках допустимого. Не прошло и получаса, как энергоячейка перекочевала в реактор планетарного катера, а изъятая оттуда с какой-никакой пользой была установлена в "Корундору". Мощность ее энергоузлов немного подросла, и удовлетворенный Гарольд сообщил, что все идет хорошо.

Вторая задача представлялась более хлопотной. У шлюза С-3, расположенного на нижней палубе и ближе всего к целевым контейнерам, собралось три человека. Они были облачены в тяжелые неповоротливые скафандры, входившие в штатную экипировку грузового судна. Все трое напоминали вставших на задние лапы детенышей бегемота, у которых вместо головы было нечто вроде большого мяча из непрозрачного материала, исключая лицевую часть со светозащитным слоем. В условиях гравитации передвижение в громоздких скафандрах было бы сущим мучением, не оснасти их изготовитель силовыми приводами упрощенного экзоскелета. Впрочем, даже с таким подспорьем никто из астронавтов комфорта отнюдь не испытывал. В том числе из-за этого они торопились выйти в космос, чтобы побыстрее покончить с делом и снять с себя непривычное и докучливое снаряжение. В означенную троицу входили Себастьян, Дориан и Сонмер. Первому и в особенности последнему предписывалось выполнить основную часть работ по вскрытию контейнера. Второй служил в качестве дополнительных рук для перемещения скафандров типа "Штурмовик" и оказания сопутствующей помощи в духе "возьми, привяжи, подержи". Сопровождали астронавтов Тани и Аулина, желая проследить за их успешным выходом через шлюз, а затем и не менее благополучным возвращением. Девушка жаждала личного участия в вылазке, но ей категорически запретили, и вовсе не из-за пола. На борту звездолета она была единственной компетентной медсестрой, ибо на Кимберли особо рассчитывать не приходилось. Да, у беглецов имелся и Мелиюбиус, но ведь о его отличной осведомленности по части медотсека знала лишь сама Аулина, а она об этом умалчивала. Оттого ведущие специалисты и не позволили ей рисковать собой, хотя риск считался минимальным. Он заключался лишь в отсутствии привычки к пребыванию в открытом космосе. Так-то скафандры надежно связывались с кораблем тонким проч-

ным тросом, разматывающимся из бухты заплечного ранца, и это помимо их оснащения маленькими маневровыми двигателями. При этом возле "Корундоры" астронавтам вроде бы ничего не угрожало.

Когда трое мужчин забрались в шлюз и автоматика выкачала из него воздух, Аулина и Тани невольно вспомнили о трагедии с Густавом и Глорией. Они переглянулись и в глазах друг друга прочли одни и те же чувства — смесь волнения и печали. На сей раз в шлюзе находились близкие им люди, отчего обе женщины, зрелая и молодая, испытали прилив тревоги. К их великому облегчению никаких эксцессов не приключилось. Внешний люк штатно открылся, после чего астронавты, не забыв закрепить тросы в карабины с внешней стороны звездолета, неторопливо, но уверенно выплыли в космос. Там ведь искусственная гравитация уже не действовала, поэтому стоило им шагнуть за пределы коридора, как сила тяжести исчезала, а люди парили в пространстве не хуже Мелиюбиуса на антиграве.

— Ох, только бы ничего не случилось, — прошептала Аулина.

В интерком она, разумеется, подобного не заявляла, предпочитая ободряющие напутствия. Связь со скафандрами поддерживалась непрерывно, позволяя астронавтам переговариваться не только между собой, но и с остававшимся на борту экипажем "Корундоры". По настоянию девушки трое мужчин коротко сообщали о своем статусе — где находятся, что делают и чего намерены сделать. Это позволяло отслеживать все их перемещения, а заодно не сходить с ума от неизвестности. То Аулина, то Тани время от времени отпускали им какую-нибудь реплику, стараясь поддержать бодрый настрой, и в ответ частенько получали колкую шуточку. Мужчины ведь тоже старались храбриться, ибо пребывание в бездонной пустоте требовало от неподготовленного человека изрядного присутствия духа.

До нужного контейнера команда астронавтов добиралась без особых приключений. Ей годился любой из четырех, обнаруженных Аулиной, поэтому троица согласно элементарной логике нацелилась на ближайший. Шлюз С-3 находился под нижним ярусом грузовых "сот", поэтому мужчинам сперва пришлось отлететь подальше от звездолета. Достигнув конца внешней конструкции, они повернули под прямым углом и стали двигаться вверх с уклоном вправо, отсчитывая контейнеры. Сонмер, как командующий вылазкой, ежеминутно сверялся с экраном встроенного в скафандр портативного компьютера. Он располагался на левой руке и там наглядно обозначался маршрут от шлюза до цели. Контейнеры люди считали как бы для собственного успокоения. Цифры были

точнее некуда: четырнадцать направо, семь вверх. Впрочем, даже без математики сбиться с пути представлялось архитрудной задачей, поскольку на лицевое стекло скафандра выводилась различная информация, в том числе подсветка пункта назначения с точными координатами. Также астронавт мог видеть на этом стекле дополнительную картинку с изображением какого-либо участка панорамы вокруг себя благодаря встроенным видеокамерам. Такая возможность иногда приходилась весьма кстати, позволяя почем зря не разворачиваться и вообще не вертеться в разные стороны. Правда, особых проблем с управлением скафандром все равно не возникало. Астронавты перешли в так называемый автоматический режим. Он предназначался как раз для людей без опыта пребывания в невесомости. На том же лицевом стекле отображался прицел наведения, по умолчанию размещенный в самом центре. Специальный пульт управления, крепившийся к запястью и зажатый в кулак, позволял контролировать тягу. Нажимая на большую кнопку в верхней части цилиндрического устройства, астронавт приказывал скафандру лететь в направлении прицела. Чем сильнее и дольше вдавливалась кнопка, тем значительнее развивалась тяга. Отпуская ее, астронавт таким образом велел немедленно остановиться. Имелся и реверс, то есть аналогичная кнопка с торца цилиндра, позволявшая двигаться в обратном от прицела направлении. Крестовина, расположенная на боку пульта, инициировала поворот на месте влево, вправо, вверх или вниз. Остальной функционал, включая сенсорный круг для сложных маневров, использовался в ручном режиме и в автоматическом был недоступен. Тяга и маневрирование осуществлялись синхронно настроенным комплексом двигателей на основе сжатого газа. Антигравы-то в условиях невесомости становились бесполезны. Нажимая на кнопку, человек поворачивал голову в желаемом направлении полета и двигатели сами подстраивались на необходимую интенсивность выброса в разные стороны света. В качестве исторгаемого вещества мог выступать углекислый газ либо же один из нерадиоактивных инертных. В более серьезных скафандрах, предназначенных для очень продолжительного пребывания в открытом космосе, использовались двигатели на основе все того же фтороводорода. К их плюсам относились большая автономность и высокая скорость перемещения. Очевидным недостатком были струи пламени, отчего скафандры попроще и оснащались системой тяги без всякого горения. Экипировка с "Корундоры" именно к ним и относилась, поэтому трое мужчин не рисковали окатить друг друга огненным шлейфом. Они уверенно и неторопливо продвигались к цели за счет выброса струй диоксида углеро-

да.

Часть ячеек в "сотах" пустовала. В "Элегии" не успели завершить погрузку звездолета, да и Мелиюбиус устроил неприятелю ту еще бомбардировку, отстреливая контейнеры с помощью пневматических пушек. К счастью, он не сбросил те, что содержали модули автономных планетарных станций, включая заветные скафандры типа Stormtroopers-4HC. Название расшифровывалось как изделие "Штурмовик" четвертого, последнего поколения, предназначенное для ударных армейских подразделений. Буквы НС означали Высшую Категорию, производимую исключительно лучшими заводами Третьей Республики, к которым относилась и "Элегия". Фактически, в распоряжении беглецов оказались одни из лучших скафандров в галактике. Ну, почти оказались, ибо их еще следовало извлечь и доставить на борт "Корундоры". Минуя пустые и заполненные ячейки "сот", астронавты, немного освоившись в космосе, выдвигали предположения, куда именно корпорация собиралась направить интересующий их груз. Беседа особого смысла не имела, но она позволяла сохранять присутствие духа, столь необходимое в психологически экстремальной обстановке. Именно поэтому Сонмер не только не требовал говорить исключительно по делу, а сам принимал участие в разговоре. Это же относилось и к Аулине с Тани, оставшимся дежурить подле шлюза С-3. Один лишь Гарольд пару раз предложил не засорять эфир досужей болтовней, но ему настоятельно рекомендовали заткнуться и не лезть куда не просят.

Целевой контейнер с заветной маркировкой выглядел ничем не примечательнее других. Приблизившись к нему треугольным звеном, астронавты остановились. Сонмер велел спутникам занять позиции поблизости; сам же подлетел к контрольной панели и поднял защитную крышку. Такие панели имелись у каждой ячейки "сот", позволяя производить ручные манипуляции с заключенным в них грузом. К примеру, принять его, выбросить или, как в данном случае, вскрыть. Да, без специального управляющего сигнала открыть контейнер было нельзя, ибо его блокировала система безопасности. Это уже потом он отпирался индивидуально, а сперва требовалось разомкнуть внешние магнитные замки и деактивировать упомянутую систему.

Сонмер возился недолго. Не прошло и двух минут, как что-то явственно завибрировало. Себастьян и Дориан, разумеется, вибрации не чувствовали, ибо ничего не касались, но в скафандр техника она передавалась очень даже ощутимо. Оставив панель в покое, отец Мартина переместился к дверям контейнера и занялся кнопочным пультом непосредственно на ней. Зеленый огонек,

сменивший малиново-красный, возвестил об успехе его действий. Бесшумно разомкнулись и стали расходиться в стороны могучие створы. Характерный гул и лязг они не испустили лишь потому, что в вакууме звуки не распространялись. Дождавшись, когда контейнер полностью отворится, Сонмер позвал спутников, не двигавшихся без его команды.

Астронавтам не повезло. Ящик, где хранились скафандры, наглухо блокировался другой транспортировочной тарой, причем весьма внушительной. Нечего было и думать переместить ее нынешними силами. Сонмер, однако, велел не унывать. Они проверили лишь первый контейнер из четырех, и в остальных расположение внутренних объектов вполне могло оказаться иным. Так оно и вышло. Содержимое второго контейнера действительно размещалось иначе. Правда, астронавтам это ничего не дало, поскольку добраться до скафандров им все равно не удалось. Лишь третий по счету наконец-то оправдал их ожидания.

Большой металлический ящик выглядел совершенно неподъемным, но тащить его никто и не собирался. Пользуясь инструментарием скафандра, Сонмер разрезал сталь плазменной горелкой и откупорил "кубышку". Затем астронавты поочередно извлекли долгожданную экипировку Stormtroopers-4HC. Сонмер вытаскивал ее из ящика и передавал Себастьяну. Тот подхватывал груз и выносил его из контейнера. Оставшийся снаружи Дориан связывал "Штурмовики" специально заготовленной для этого крепежной лентой. Десять скафандров добыл Сонмер, и десять звеньев получилось в гирлянде, сооруженной отцом Аулины. Когда с этим было покончено, техник запер контейнер, а затем снова заблокировал при помощи управляющей панели. Не оставлять же его открытым и болтающимся без всякого контроля. Все, что теперь оставалось астронавтам — это вернуться обратно в шлюз, таща за собой долгожданную добычу. Автоматические катушки уверенно сматывали тросы обратно в бухту, поэтому людям всего лишь следовало соблюдать осторожность, чтобы не допустить их спутывания. Впрочем, тросы были не просто куском плетеного сплава, а содержали "умную" начинку. Она позволяла им самораспутываться, если, конечно, какой-нибудь идиот или вредитель намеренно не завязывал узел. Таким образом, трое мужчин без всяких осложнений отправились в обратный путь, а за ними потянулась надежно сплетенная гирлянда. К сожалению, она не обладала какой-либо интеллектуальной системой, из-за чего вскоре произошла небольшая заминка. Астронавты летели слишком близко к ячейкам, и последний из "Штурмовиков" зацепился за контейнер. Осознав свою оплошность, они решили отдалиться от "сот" на пару

десятков ярдов, но сначала требовалось высвободить груз. Дориан прибавил тягу и быстро добрался до проблемного места. Это был тот самый контейнер, который Сонмер вскрыл первым. Перевозимая экипировка задела за одну из его выступавших частей и расставаться с ней добровольно явно не собиралась. Отец Аулины, несколько неловко покружив возле цели, зафиксировал свое положение в пространстве. Толстые пальцы скафандра здорово осложняли ему задачу, но он, чертыхаясь, все же справился и высвободил застрявший груз, о чем и сообщил напарникам. Те немедленно потянули гирлянду, и вереница "Штурмовиков" благополучно последовала к ним. Довольный собой, Дориан развернулся с помощью крестовины и вдавил кнопку тяги. Струи углекислого газа, выбрасываемые позади заплечного ранца, уверенно повлекли его вперед. То, что произошло в следующее мгновение, предвидеть никто не мог.

Аулина слышала бодрый голос отца, переговаривавшегося с напарниками, но наблюдать за ним не могла. Картинка из гермошлема на интерком, разумеется, не поступала. Она была доступна лишь на мостике, транслируясь на главный корабельный терминал. За вылазкой приглядывал один лишь Гарольд, чему способствовал большой экран сразу с тремя изображениями от каждого из ее участников. Таким образом, бородач словно смотрел их глазами. Из гермошлема Себастьяна была хорошо видна вереница скафандров, уверенно плывшая в космосе. Примерно то же, включая самого ученого, просматривалось с позиции Сонмера. Дориан, отделившийся от спутников, видел их обоих несколько со стороны вместе с десятком "Штурмовиков" на единой ленте. К ним он как раз и направлялся, выжимая тягу.

— Все, дочка! Твой папа скоро будет! — сообщил Дориан по-прежнему ожидавшей у шлюза Аулине.

— Ты давай там поосторожнее! — с напускной суровостью велела девушка. — Тише едешь — дальше будешь! Никакого геройства!

— Волков бояться — в лес не ходить! — рассмеялся ее отец. — А все-таки и от твоего старика есть толк!

Последнее для него было очень актуально. Дориан очень переживал из-за своей низкой эффективности и старался приносить как можно больше пользы. Собственно, именно поэтому он и вызвался добровольцем, когда речь зашла о вылазке за пределы "Корундоры". Самооценка мужчины изрядно хромала, и не в последнюю очередь благодаря Гарольду. Тот ведь ни на йоту не изменил своего мнения об "иждивенцах". Аулина, сердясь на брата, всячески поддерживала отца, чтобы он не падал духом и считал себя полноправным членом экипажа.

— Конечно есть! И немалая! — с жаром заявила она, прекрасно понимая, откуда уши растут. — Вернешься — у меня для тебя будет важное задание!
— Вот и отлично! — радостно отозвался Дориан. — Кстати, доча, а ты…
Внезапно в интеркоме раздался короткий громкий хруст, а затем тихое ровное шипение. Удивленная Аулина хотела спросить, что это было, но не успела. Эфир наполнили громкие крики Себастьяна и Сонмера, к которым примешивалась ругань ошеломленного Гарольда.
— ЧТО?! ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?! — обомлела девушка, охваченная предчувствием беды.
— Контейнер! Контейнер выбило! — неслось из интеркома. — Твою-то мать! Да как так?! Себастьян! Бросай к черту скафандры! Лови Дориана! Сонмер, хватай трос! Да тяните же, идиоты!
Фразы сыпались от разных людей одновременно и вразнобой. Ужаснувшаяся Аулина, не в силах докричаться до молчавшего отца, пыталась разобраться в происходящем. А случилось вот что. Контейнер, мимо которого проплывал Дориан, внезапно пришел в движение. Не сам, конечно, пришел. Без всяких видимых предпосылок включилась система сброса. Пневматические пушки выплюнули тяжеленную махину из занимаемой ей ячейки прямиком в космос. Выплюнули не плавно, а с колоссальной силой. Контейнер, ринувшись из гнезда, снес оказавшегося перед ним человека будто экспресс соломенное чучело.

Себастьяну и Сонмеру не было ни малейшего дела до улетавшего в пустоту груза. Все, что их заботило — скафандр Дориана, заброшенный настолько далеко, что он казался крошечным. В первые секунды им почудилось, будто трос оборвался и мужчину стремительно уносит в открытый космос. Страховка, однако, выдержала. Автоматическая катушка среагировала на удар надлежащим образом и отпустила трос, успевая разматывать его с бешеной скоростью. В конце концов, ее проектировали очень толковые инженеры, предусмотревшие похожее развитие событий, ибо столкновения в космосе периодически случались. Раскрученный до конца, трос выдернул скафандр из хватки стремительно удалявшегося контейнера, и Дориан беспорядочно закрутился в пустоте на расстоянии полумили от "Корундоры". Себастьян и Сонмер, до крайности взбудораженные, никак не могли решить, лететь за напарником либо же подтягивать его тросом. Они громко кричали, пытаясь прийти к единому мнению, а их крики перемешивались с голосами Аулины и ее старшего брата.
— Гарольд, черт побери, заткнись уже! Думать мешаешь! — не вы-

держав, рявкнул отец Мартина.
— Любимая, помолчи! Нам нужно сосредоточиться! — куда более вежливо попросил Себастьян.
В эфире наконец-то наступила относительная тишина. Это немедленно улучшило мыслительные процессы техника.
— Так! Слушай меня! — велел он ученому. — Хватайся за его трос и лети к нему! Я возвращаюсь к шлюзу. Там есть механизм встречного сматывания.
Себастьян тут же все понял. Сонмер прицепит страховочный фал Дориана в другую катушку и станет его подтягивать, в то время как лично ему предстояло стабилизировать положение отца Аулины в пространстве. Тот ведь этого сделать явно не мог, ибо не выходил на связь не просто так. Хотелось верить, что ввиду потери чувств. Вдавив кнопку тяги, ученый полетел к Дориану. Сонмер, не теряя ни секунды, припустил к шлюзу.

Первым своей цели достиг техник. Ему не понадобилось много времени, чтобы перезакрепить трос во встречной катушке. Та находилась рядом с внешней панелью управления и была вполне исправна. С ее активацией, однако, Сонмер не торопился. Он ждал, пока Себастьян доберется до Дориана и сообщит, что можно тянуть. С этим у ученого возникла заминка. Достичь беспомощного астронавта было недостаточно. Тот мало того что крутился, так еще и летел наискось от "Корундоры". Ведь размотавшийся трос дернул его очень сильно, вырвав из хватки контейнера. Векторы движения взаимоисказили друг друга, придав Дориану специфическое направление, а в невесомости просто так не останавливаются. Оценив ситуацию, Себастьян пошел на сближение. Беспорядочно кувыркавшийся астронавт был опасен сам по себе, грозя ударами при попытке его схватить, но приходилось рискнуть. Поддав тяги, ученый рванулся к Дориану, инициировав столкновение по сходящимся траекториям. Едва оно произошло, он обхватил отца Аулины так крепко, как только мог. Началась настолько жуткая круговерть, что у Себастьяна помутилось в голове, а к горлу подступила тошнота. Он мгновенно потерял ориентацию в пространстве, однако не забыл про управляющий цилиндр. Там была заветная кнопка, приказывавшая автоматике зафиксировать положение скафандра неподвижно. Ух и пришлось ей потрудиться! Струя вырывалась за струей, и немало ушло углекислого газа, прежде чем два астронавта полностью остановились. Только тогда Сонмер услышал заветные слова, призывавшие включить встречную катушку.

Тросы вокруг Себастьяна и Дориана так переплелись, что никакой искусственный интеллект был не в состоянии их вот так

сразу расцепить. Распутывать их никто не стал. Очутившись около шлюза, Себастьян попросту отсоединил свой, а Сонмер собственноручно подтянул обоих мужчин к шлюзу. Там разрезанные тросы окончательно предоставили самим себе, а людей интересовали только люди. Подхватив Дориана, ученый и техник внесли его в шлюз и положили на пол. Процедура герметизации показалась им вечностью. Когда, наконец, давление выровнялось и внутренний люк открылся, навстречу астронавтам с криком бросилась переполняемая эмоциями Аулина. За ней беспокойно толпились и многие другие члены экипажа, прибежавшие к месту очередного происшествия.

— Да тише ты, тише! — восклицали Сонмер и Себастьян, укладывая Дориана на пол и стараясь избавить его скафандра.

Это получалось у них довольно плохо, поскольку они сами были облачены точно в такую же громоздкую экипировку. В конце концов, Аулина резко отпихнула обоих и сама занялась отцом. Живо сняв с него шлем, она увидела совершенно спокойное, но отчего-то очень бледное лицо. Недвижные глаза были полураскрыты. Из уголка рта вилась уже подсохшая струйка крови. Внутри у девушки все опустилось. Протянув задрожавшую руку, она приложила пальцы к сонной артерии отца, и они не ощутили ни малейшего биения жизни. Аулина мгновенно поняла, что произошло. При столкновении громадная масса контейнера вызвала в живом теле ужасающую перегрузку. Перегрузку гораздо выше той, которую мог выдержать человек. Внешне он выглядел совершенно целым, однако повреждения внутренних органов оказались несовместимы с жизнью. Ударив Дориана, контейнер мгновенно убил его на месте. Мучительно закричав, будто пронзенная каленым железом, Аулина упала на труп отца и лишилась чувств.

– 8 –

Челнок медленно проплывал над каменными громадами. Сбиваясь в подобие горного хребта, они топорщились острыми зубьями скал. В условиях отсутствия атмосферы ветра не стачивали их миллионами лет и не шлифовали поверхности. Иные грани пиков были настолько остры, что уподоблялись хорошо заточенным лезвиям, и прикосновение к ним грозило потерей пальца, а то и конечности. Их кончики напоминали зазубренные копья, торчавшие в разные стороны, а некоторые образования смахивали на усеянного иглами ежа. Контакт с такой милой "зверушкой" предполагал обильное кровотечение с потенциально летальным исходом. По большому счету, означенный исход был наиболее вероят-

ным развитием событий в случае малейшей неосторожности при путешествии через эти препятствия. Спецснаряжение, разумеется, надежно защищало людей от опасности, однако почем зря лезть в недружелюбные каменные дебри не стоило. Экипаж челнока и не собирался. Он шел на малой высоте, по десятому разу облетая район северного полюса Альфы, чтобы изучить местность бортовым сканером и оценить рельеф. Точки для потенциальной высадки количественно сокращались по мере того, как визуально-электронный анализ предоставлял все новые данные. Теперь челнок держал курс к большому плато, образованному серпообразным изгибом горных пород. Вообще для планетарных полюсов массивные и высокие горы — не слишком-то распространенное явление, но как раз о большой высоте речь и не шла. Хребты выглядели как бы уменьшенной копией своих более могучих собратьев из других районов планеты, но для приземления и поиска топлива они все равно представлялись такой же проблемой, как и многомильные, вздымавшиеся в космос исполины. Харвестеры с "Корундоры" в принципе не могли функционировать в настолько пересеченной местности, ибо им требовалась более ровная поверхность. А вот как раз ее на северном полюсе Альфы ощущался явный дефицит.

Плато также выглядело отнюдь не дружелюбным. Его пересекали глубокие ущелья, а промеж них то и дело попадались кратеры. С высоты орбитального спутника казалось, будто некие великаны некогда затеяли там игру в крестики-нолики, но по неопытности и криворукости расчертили невесть что, а затем и вовсе передрались, судя по окружающему хаосу. Тем не менее, плато подходило для добычи Гелия-3, пусть и не без трудностей. Роботы, оснащенные антигравами, в состоянии перемахивать через овраги и даже ущелья, а немалая доля остальной местности была относительно ровной. Зависнув промеж двух внушительных кратеров, видневшихся на расстоянии порядка трех миль, челнок плавно опустился на сыпучий грунт небольшого холма. Потревоженные камни беззвучно покатились по пологому склону, ссыпая по пути струйки мелкого песчаника.

— Пять минут! — раздалась команда Мартина, занимавшего место пилота.

Это означало время до высадки, требуемое протоколами безопасности. Устойчивость планетарного катера должна быть проверена бортовыми системами, чтобы он внезапно не накренился, не завалился на бок и не ухнул в какую-нибудь скрытую расселину. Только тогда, когда посадочные опоры получат полное добро от бортового компьютера, все еще работавшие антигравы деактивируются, а судно окончательно припаркуется.

— Принято! — послышался в ответ голос Элмера.
В пассажирском отсеке началось движение. Именно в пассажирском, поскольку черед грузового придет только во время добычи Гелия-3, когда появится прямой смысл возиться с разгерметизацией. Два астронавта приблизились к шлюзу, а рядом с ними выстроилась бригада из дюжины довольно габаритных роботов. Больше никаких слов в эфире не раздавалось. По делу сказать было пока нечего, а на досужие разговоры экипаж совершенно не тянуло.

Шлюз челнока не рассчитывали на такую толпу единовременно, поэтому на планету, как и в предыдущих случаях, высаживались в два приема. Впрочем, это не занимало много времени, поэтому вскоре Элмер и Сонмер уже стояли на красноватой, в свете звезды, каменной россыпи неподалеку от двух внушительных валунов. Обширный пологий спуск не представлял опасности, зато на холме планетарный катер вряд ли провалится в какую-нибудь скрытую пропасть.
— Первая антенна установлена, — доложил Элмер, наблюдая, как распустилась, словно цветок, конструкция связи.
Она совершенно самостоятельно окопалась с помощью выдвижных опор, походивших на лапки паука-сенокосца.
— Запускаю скаутов, — в тон ему сообщил Сонмер, нажимая на голографическом экране несколько виртуальных кнопок.
Десять роботов тут же пришли в движение. Следуя заданной программе, они плавно полетели кто куда. Один вскоре остановился. Приземлившись на ровное место, он пробурил скважину глубиной в девять футов и взял образец породы. Затем снова взмыл на несколько ярдов и направился дальше. Его собратья занимались тем же самым, ориентируясь по динамически подстраиваемому курсу. Роботам предстояло облететь часть плато и собрать минералы для последующего анализа. На основе этого материала люди вычислят наличие и концентрацию Гелия-3, для чего они, собственно, и приземлялись в различных районах северного полюса.

Установив на грунте станцию управления роботами, Сонмер принялся следить за перемещениями скаутов. Станция выглядела как прямоугольный ящик с индикаторами и кнопками, паривший на антиграве. Над ним формировалось объемное изображение, куда транслировался не только сканированный ландшафт, но и графические фигурки разлетавшейся кто куда техники. Туда же передавалась поступавшая с нее информация. В качестве средства наблюдения и контроля такая станция была куда удобнее компьютера в скафандре, хотя начинка "Штурмовика" четвертой, последней версии действительно впечатляла. По-своему он предоставлял

куда больше возможностей, включая командование звеньями боевых роботов, а не только сервисных работяг. Однако везде есть свои плюсы и минусы. Сонмер предпочитал количеству качество, а качеством в данном случае для него считалась наглядность масштабной модели окружающего пространства. Так и ориентироваться легче, когда перед тобой отрисован объемный макет плато размерами десять на десять футов, да и различных сведений единовременно отражается больше. Держа в руке пульт дистанционного управления, Сонмер легко и удобно контролировал ситуацию, вмешиваясь в поведение роботов по мере необходимости.

— Вторая антенна установлена, — раздался голос Элмера.

Зайдя с другой стороны челнока, он в компании двух роботов прошел к видневшемуся неподалеку утесу и поднялся на его пологую вершину. Там эта троица и развернула очередной ретранслятор. За третьей антенной также дело не стало, поэтому вскоре образовался стабильный треугольник связи, охватывавший все необходимое пространство. Теперь людям оставалось лишь наблюдать, как скауты выполняют свои обязанности. На это у них уйдет около часа, после чего вся команда вновь поднимется на борт челнока и отправится в следующую, на сей раз последнюю точку высадки. Затем планетарный катер, следуя плану полета, вернется на "Корундору". Там добытые образцы грунта хорошенько изучат, чтобы определить, представляет ли интерес северный полюс Альфы или его можно смело вычеркивать из списка надежд.

Закончив устанавливать антенны, Элмер присоединился к Сонмеру, по-прежнему находившемуся возле станции управления. Встав рядом, он тоже принялся следить за огоньками десятка роботов, перемещавшихся по голографическому макету местности. Мужчины не разговаривали. Молчал и Мартин, не покидавший кабину челнока. Пользуясь бортовыми системами, он мониторил окружающую обстановку, чтобы своевременно выявить любую, пусть даже самую незначительную угрозу. Летальных исходов от всяких случайностей к нынешнему двадцатому циклу уже более чем хватало, и меньше всего на свете ему хотелось проморгать еще одну. Смерть стала настолько частой гостьей, что беглецам приходилось корректировать свои планы исходя из ее внезапной жатвы. Даже экипаж челнока был теперь совсем другим, нежели предполагалось ранее. Себастьяна заменил Элмер, Мартин полетел вместо Гарольда, а четвертого члена экспедиции и вовсе не взяли. Хватит с беглецов неопытных людей в космосе и хладных трупов в морге. Дориан, конечно, погиб отнюдь не из-за собственной нерасторопности, но лучше возложить ответственную миссию на технически подкованных людей.

Перераспределение ролей проистекало из последнего трагического происшествия. Ученый остался на борту звездолета подле убитой горем Аулины. Он и сам не хотел покидать ее в столь трудную минуту, и его товарищи, посовещавшись, посчитали, что так будет лучше. Бородач тоже решил не бросать сестру, нуждавшуюся в присутствии близких и любящих людей. К тому же он желал непременно докопаться до истины, то есть с чего вдруг сработали пневматические пушки, отчего и доверил пилотирование челнока Мартину. Сам же полез в дебри системных записей, стараясь нащупать какую-нибудь внятную ниточку. Не бездельничал и Себастьян, переключившись на такие задачи, которые не требовали от него надолго отлучаться из домашней секции, где свернулась калачиком Аулина. Произошли перемены и в медотсеке. Теперь на дежурство заступила Кимберли, подменившая подругу на период ее вынужденного отсутствия. Относительно стабильная обстановка вполне позволяла осуществить эту замену. Грибок был выявлен и поддавался лечению, а Джулет регулярно проходила одну и ту же интенсивную терапию, просчитанную до последней микроинъекции. Услугами Мелиюбиуса, разумеется, креолка не пользовалась и вообще открыто дала понять, чтобы эта консервная банка ей никогда на пути не попадалась. Теперь сиреневый доктор в основном пребывал в обществе молча страдавшей девушки, временно перестав принимать участие в делах беглецов. В том числе, по собственному желанию. Гарольд хотел привлечь его к поиску причины, повлекшей трагедию с Дорианом, но Мелиюбиус отказался. Он не желал покидать Аулину, ибо всякий раз, пользуясь отсутствием Себастьяна, овевал ее целым спектром сложно скомбинированных волн. Ученый, заметь он такие старания своего детища, наверняка бы заподозрил, что оно чувствует перед Аулиной вину за что-то им содеянное и теперь всячески пытается нивелировать его последствия. Вероятно, в известном смысле так оно и было. Будучи подключенным к бортовым системам "Корундоры", Мелиюбиус, скорее всего, сумел бы держать в узде и "соты", а с его запредельной реакцией он просто не позволил бы пневмопушкам выстрелить злополучным контейнером. Кстати, об этом уже заходила речь, когда Гарольд смоделировал альтернативное развитие событий и назвал Себастьяна упертым ослом. Мол, дозволил бы ты Мелиюбиусу контролировать весь корабль, и, не исключено, что нескольких смертей удалось бы избежать. Однако заставить ученого пойти на попятную у него не получилось. Позицию Себастьяна неожиданно поддержал Мартин, хотя отнюдь не из дружеских соображений, а за счет влияния Кимберли. Он заявил, что ученый поступает абсолютно правильно, не давая искусственному разуму

бесконтрольную власть над "Корундорой". Помощь людям в их непосредственном присутствии и под их присмотром — это одно, а неограниченный доступ ко всем системам звездолета в любое время суток — совсем другое. Абсолютные полномочия в руках одного лица — плохая идея, учитывая тяжелое положение беглецов. Ими легко можно злоупотребить в чью-то конкретную пользу, либо же по чьему-то наущению. Гарольду не понравились слова Мартина, но тот вроде бы никого и не обвинял, а просто констатировал действительность. Против этого возразить было нечего, тем более что остальные беглецы также успели условно разделиться на два лагеря, и если одни хотели участия Мелиюбиуса в управлении "Корундорой", то другие не желали его видеть вообще. Таким образом, искусственный разум по-прежнему либо сидел под замком, либо сопровождал кого-то из ведущих специалистов, а всякая его самостоятельность исключалась.

Потрясение оказалось для Аулины слишком большим. Ее воля, до сих пор успешно сопротивлявшаяся всем испытаниям, дала слабину. Девушка не то чтобы ушла в себя, но практически лишилась сил и желания что-либо делать. Она реагировала, когда к ней обращались, и в ее глазах читалась мысль, а не пустота, однако душевное состояние бедняжки находилось, что называется, на грани. Мелиюбиус прописал ей сон и покой, о чем заявил Себастьяну, и тот полностью с ним согласился. Нет, они оба не заперли девушку в домашней секции, и та вольна была пойти куда и когда захочет, но она не хотела и не шла. Аулина лежала под куском теплоизоляции, свернувшись в клубок, и по большей части дремала без всяких медикаментов, ибо наотрез отказывалась глотать всякую химию. Мелиюбиусу удалось уговорить ее принять несколько легких снадобий из разряда укрепляющих нервную систему, но на этом терапия и закончилась. Аулина, выражаясь фигурально, вступила во внутреннюю борьбу сама с собой, и Себастьян всерьез опасался, чем эта схватка закончится. Иными словами, девушка решила справляться с тяжелой потерей самостоятельно, но у него не было уверенности, выдержит ли ее психика столь мощный и внезапный удар. Молчаливые страдания девушки, беззвучно плакавшей в подушку, терзали ему сердце, и даже Мелиюбиус, чуждый человеческих эмоций, не оставался к ним безучастен. Переживал и Гарольд, регулярно заглядывавший проведать сестру и немного побыть с ней рядом. Правда, на погибшего отца его чувства явно не распространялись. Складывалось ощущение, что ему было все равно. Аулине он этого, разумеется, не говорил, однако перед отправкой челнока умудрился ляпнуть в интерком ее домашней секции про кислород. Мол, с учетом прошедшего времени

и изменившейся численности экипажа на девять утра двадцатого цикла его осталось на двенадцать суток и семь часов. Это, разумеется, включало кислород на борту челнока, о чем он так же не забыл упомянуть наряду с нынешним количеством беглецов. Аулина шмыгнула носом громче обычного, ведь существенная прибавка произошла за счет смерти отца. Себастьян в сердцах назвал Гарольда идиотом и пожелал ему сдохнуть. Тот, осознав свою оплошность, вскоре пришел извиняться и вел себя с сестрой гораздо нежнее обычного, а просидел с ней и вовсе не менее часа. Лишь визит Сары, тоже не забывавшей навещать внучку, заставил его вспомнить о делах и поспешно убежать.

Таймер показывал десять часов вечера, когда с мостика объявили о приближении челнока. Закончив разведку северного полюса, тот возвращался на "Корундору". Себастьян, оставив невесту на попечение Мелиюбиуса, отправился встречать команду астронавтов. Привезенный ими груз надлежало без промедления изучить. С момента его ухода прошло совсем немного времени, как Аулина внезапно заговорила.

— Как ты думаешь, мы попадаем куда-нибудь после смерти? — тихо спросила она, глядя в потолок.

Поскольку кроме нее и Мелиюбиуса в секции никого не было, то адресат ее слов становился очевиден. Ответ последовал почти незамедлительно, будто собеседник только и ждал возможности его озвучить.

— Полагаю, туда же, откуда приходим, — сообщил он ровным голосом, подлетев к девушке на расстояние вытянутой руки.

Вопрос и впрямь не застал его совсем уж врасплох. Было не удивительно, что потеряв очень близкого человека Аулина думала о смерти и о чем-то с ней связанным. В том числе о таких понятиях, как душа и пресловутое загробное существование.

— Это не ответ, — спокойно изрекла девушка, по-прежнему смотря в какую-то ей одной видимую точку.

— Извини, это и вправду прозвучало довольно бестолково, если не знать, что именно я подразумевал. На самом деле, я дал тебе ответ, просто без дополнительной информации он бесполезен, — поправился Мелиюбиус.

— И какой же? — последовал закономерный вопрос.

— Ты удивишься, но ее суть относится к той теории, которую вы с Себастьяном так жаждали от меня услышать. Начав рассуждения о своем собственном разуме, я постепенно пришел к выводу, что он, скорее всего, не частный случай, а проявление все той же общей природы вещей, просто в нестандартном для людей воплощении. Иными словами, я сформулировал не теорию происхождения

своего разума, а теорию разума вообще. Вот применительно к ней и относились мои слова, — объяснил Мелиюбиус.
— Даже так? — в голосе девушки послышались едва уловимые, но все же заметные нотки неприкрытого интереса. — Расскажешь? Помнится, мы уже неоднократно порывались поговорить на эту тему, но всякий раз нас отвлекали какие-то дела.
— Вот и хорошо, что отвлекали. Я ведь тогда не дошел до общего вывода, которым только теперь готов поделиться. Правда, я не уверен, подходящее ли сейчас время. Ты как себя чувствуешь? — в последней фразе сиреневого друга звучала искренняя забота.
— Нормально я себя чувствую, — вздохнула девушка. — То есть, плохо, конечно, но с ума сходить не собираюсь и прыгать за борт тоже. Держусь. Больше можете не возиться со мной как с маленьким ребенком. Так что там с твоей теорией?
Мелиюбиус, успев хорошенько поразмыслить, пришел к выводу, что довольно серьезный разговор, пожалуй, пойдет его лучшей подруге на пользу. Девушка отвлечется от печальных мыслей, ее умственная деятельность восстановится, а затем сумеет преодолеть бездну тяжелой депрессии, по краю которой она ходила, несмотря на заверение в обратном. Кому другому Бутон настоятельно рекомендовал бы не загружать сейчас голову мудреными вещами, но пытливый ум Аулины лучше исцелится, если получит пищу для размышлений.
— Хорошо, изволь, — мягко изрек Мелиюбиус. — Только давай ты не будешь меня перебивать вопросами, а задашь их позже, когда я закончу. Это позволит мне спокойно все изложить, не теряя нити рассуждения, а тебе — лучше понять.
— Договорились, — лаконично отозвалась девушка.
Теперь ее глаза смотрели не в потолок, а на парившего слева от подушки сиреневого собеседника. Тому не надо было откашливаться и собираться с мыслями, поэтому он сразу начал говорить, едва увидел в них знакомый блеск.

С самого начала следовало отметить, что, в отличие от людей, Мелиюбиус обладал инструментарием самодиагностики. Он упоминал об этом еще в "Элегии" и с тех пор регулярно пользовался означенной возможностью, в принципе не доступной его создателю. Человек не ощущает, как работает его мозг и откуда в нем что берется. Он не в состоянии проследить ни за уровнем электромагнитных полей, ни за прохождением сигнала через синапсы. Он как бы воспринимает себя как есть и не способен заглянуть внутрь себя. У Мелиюбиуса с этим было проще. Одна составляющая его биоэлектронного мозга умела наблюдать, как функционирует другая. Какие-то сектора он временно мог отключить, пере-

распределив их функции другим, какие-то подвергнуть самому пристальному вниманию. Его крайне необычное воплощение позволяло заниматься самообслуживанием, а это де-факто означало и глубочайший самоанализ. И Мелиюбиус небезуспешно им пользовался. Именно благодаря встроенной системе мониторинга собственного состояния ему вскоре удалось получить небезынтересные результаты.

Мозг, состоявший из сложнейшей нейросети на основе бионических элементов, где в известной степени перемешивались продукты органического синтеза и неживой материи, генерировал несчетное количество сигналов и излучал массу полей различной интенсивности. Отслеживать все это разом в режиме реального времени было не под силу даже самому Мелиюбиусу, поэтому он выборочно концентрировался на каком-либо отдельном участке, подвергая его продолжительному пристальному изучению. Так, мало-помалу, он перебрал всю свою структуру от и до, начиная от мыслительных нейронов и заканчивая каналами к внешним источникам данных, то есть портам и сенсорам. Ну а затем, разумеется, принялся сканировать все заново. Тут-то Мелиюбиус и заметил некоторую аномалию. По всем законам логики результат его наблюдений при прочих равных должен был становиться идентичным, однако этого не происходило. Всякий раз он несколько отличался — как правило, незначительно, но все же эти отличия, несомненно, присутствовали. Мелиюбиус вроде бы знал весь набор исходных переменных и их значения, а на выходе получал такое вычисление, которое ему не соответствовало. Речь, разумеется, шла не про математику, а про состояние мыслительных клеток и продуцируемые ими импульсы. По зрелому размышлению он пришел к единственно правдоподобному выводу, просто напрашивающемуся в сложившейся ситуации. На конечный результат влияло что-то еще. Что-то, не учитывавшееся в общей структуре и заведомо не содержащееся в исходных данных. Что-то, приходящее извне. В лаборатории Себастьяна, оставшейся в "Элегии", имелась специальная камера, изолирующая все находящееся внутри от внешней среды. Не идеально, конечно, с точки зрения абсолютно всех физических явлений, но все же. Ученый и его детище пользовались этой камерой в том числе для планирования побега, и свои первые опыты Мелиюбиус, пользуясь случаем, провел именно там. Затем, очутившись на "Корундоре", он продолжил изыскания с помощью похожих технических установок, также предназначенных совершенно не для того, что от них хотел Сиреневый Бутон. А хотел он самоизоляции, если и не полной одновременно, то хотя бы частичной, по заданным параметрам. Задача

была архитрудная, но все же выполнимая. Она куда больше осложнялась ограничениями на свободу перемещения, нежели скромными возможностями оборудования звездолета. Вызываемый ведущими специалистами, Мелиюбиус, помимо оказываемой им помощи, использовал такие визиты и для собственных нужд. Он приложил немало усилий, при этом умудрившись никого не посвятить в свое занятие, и его старания, в конце концов, принесли плоды. В один весьма важный момент искусственный разум с полной уверенностью сформировал следующее утверждение: некое постороннее влияние не приходит снаружи, оно возникает в нем самом. Иными словами, воздействие извне действительно существовало — в этом уже не оставалось никаких сомнений, — но оно не появлялось откуда-то со стороны, оно генерировалось собственным мозгом Мелиюбиуса.

Это был и прорыв, и тупик одновременно. В виде принципиального открытия успех считался несомненным, но как прикажете исследовать то, чего не поддается инструменту самоанализа и любому доступному вычислению? Обнаружив посторонний фактор, Мелиюбиус одновременно не имел возможности его измерить и классифицировать. Кто бы другой, вероятно, сдался, считая невозможное невозможным, однако детище молодого ученого обладало не только пытливым умом, но и немалой храбростью. Рискуя уничтожить собственную личность, оно принялось модифицировать атомарную структуру клеток собственного мозга, выбирая для этого заранее намеченные участки. Себастьян от подобных манипуляций пришел бы в величайшее изумление, а затем и ужас, ибо и сам не знал, что заложил в конструкцию Сиреневого Бутона такую возможность. Результат не заставил себя ждать. Не сломав самого себя и не утратив искру разума, Мелиюбиус осмелел и кратно увеличил площадь и мощь проводимых экспериментов. Тогда-то он и сумел достичь очередного важного результата. Из-за производимых изменений внешнее воздействие в какой-то момент полностью исчезало. Фрагменты мозга, задействованные в опыте, превращались в безжизненный набор элементов сродни микросхеме искусственного интеллекта. Они все еще функционировали как нейросеть, но разума в них было не больше, чем в куске пластика. Мелиюбиус прямо-таки чувствовал выпадение этих зон из своих мыслительных процессов. Те становились техническим подспорьем вроде ячеек внешней памяти или модуля передачи информации, но никак не частью его самого.

Следующий этап эксперимента едва не заставил творение Себастьяна удариться в панику, хотя подобная эмоция была ему в принципе не присуща. Мелиюбиус провел обратное преобразова-

ние, а опытные участки и не подумали оживать. С точки зрения атомарной структуры в них все выглядело точно таким же образом, как и прежде, только вот никакого присутствия разума не наблюдалось. Сперва Мелиюбиус растерялся. Он не понимал как такое возможно. До сих пор считалось, что возвращение вещества в исходное состояние возвращает и его свойства — ан нет! Состояние вернулось, а свойства испарились. Призвав на помощь всю свою рассудительность, Мелиюбиус перестал зацикливаться на текущем моменте и обратился к исходным данным. Он попытался взглянуть на них под другим углом зрения, как некогда и его создатель Себастьян на сам процесс сотворения искусственного разума. Мелиюбиус отказался от попытки изготавливать клетки продуцирующие мысль. Он дал возможность мысли самостоятельно проникнуть в клетки. Вновь переделав всю ставшую безжизненной структуру, он сгенерировал лишь тонкий пограничный слой по соседству с разумными образованиями. Мелиюбиус как бы нарастил по одной крошечной ячейке поверх живого мозга и стал ждать, к чему это приведет, если вообще приведет. Результат не заставил себя ждать. В какой-то бесконечно неуловимый момент мозг принял этот слой, распространив на него свою активность. Мелиюбиус почувствовал это настолько явственно, что какая-либо ошибка исключалась. Воодушевившись успехом, он проделал эту операцию еще несколько раз, а затем полностью вернул к прежнему функционированию утраченные сектора. Одновременно с процессом реставрации Мелиюбиус установил несколько фактов. Если структура была слишком большой, никакой жизни в ней не появлялось. Разум зажигался по маленькой искорке исключительно в соседней с ним области и только в том случае, если область оказывалась микроскопической. В более масштабную конструкцию он не проникал, не то в ней теряясь, не то в принципе распространяясь по каким-то своим законам. Последнее стало очевидным, когда Мелиюбиус, завершив самореставрацию, попытался нарастить новый, прежде не существовавший участок. Как он ни старался, в нем так и не возникло ни малейшего проблеска жизни. То, что срабатывало при восстановлении, отказывалось распространяться на процесс увеличения. Расхрабрившись, Мелиюбиус трижды проделал эксперимент по преобразованию уже существующих ячеек мозга и созданию дополнительных, и трижды все возвращалось к одному и тому же знаменателю. Де-факто это означало, что он способен чинить себя, однако не в его силах увеличить объем своего мозга, и, как следствие, поменять быстродействие и принцип мышления. Он мог их сломать, как и любой человек ввиду болезни или физической травмы, но только не вы-

растить эффективнее. Мозг, похоже, представлял замкнутую конструкцию, которую можно расширить за счет дополнительных инструментов вроде ячеек электронной памяти, но только не его самого. Вживленный чип позволит разуму оперировать какими-то новыми особенностями, но сам разум при этом останется прежним. Тонким слоем клеток Мелиюбиус "лечил" его, позволяя восстанавливаться до прежней структуры, как лечится и поврежденный человеческий мозг, но выйти за ее границы не получалось.

С момента этого открытия Мелиюбиус оставил попытки наращивания объема нейронов и обратился непосредственно к природе внешнего воздействия. Теперь он не просто знал, что оно существует, а и неоднократно фиксировал его появление, чувствуя, как оживают или отмирают клетки мозга. К сожалению, все его ультратехнологичные системы диагностики оказывались не в состоянии определить, с чем они имеют дело. Это было какое-то принципиально неизвестное излучение, недоступное для измерения существующей техникой. Фактически само его существование определялось не прямым обнаружением, а комплексом вычислений и наблюдений. Они показывали наличие пробела, который обязательно должен быть чем-то заполнен, иначе нарушалась логика построения цепи от исходных данных до конечного результата. В грубом приближении годился пример древних астрономов, вычислявших невидимые и прежде неизвестные небесные тела по гравитационным возмущениям. Мол, картина начинает математически объясняться только в том случае, если в таком-то месте присутствует нечто с такими вот характеристиками. В отличие от астрономов и открытия планет, Мелиюбиус обнаружил принципиально новое поле, влияющее на нейроны его мозга. Именно оно насыщало их разумом, преобразуя безжизненную материю в проводник мысли. Да, именно в проводник! Наткнувшись на эту идею, Мелиюбиус окончательно сформировал концепцию разума.

Клетки мозга не порождали разум сами — они лишь служили проводником, позволявшим загадочному полю вступать с ними во взаимодействие и продуцировать мысль. Вот сложность и качество означенной мысли основывались уже исключительно на сложности и качестве самого мозга. Возможно, электрические импульсы, генерируемые его структурой, создавали нужную почву, открывали некие условные врата для появления этого поля, а оно, в свою очередь, вдыхало в вызвавшую его материю искру разума. В результате получалось определенное взаимодействие, приводящее к рождению самосознания и сознаваемых им мыслительных процессов. Проводник и поле вступали в своеобразную положительную обратную связь.

Эта теория, кстати, автоматически объясняла и давний парадокс клонов, из-за которого множество ведущих университетов человеческой цивилизации наставило друг другу немало шишек. Мол, как же так: абсолютно точные копии человека, идентичные до последнего атома, не обладают общим сознанием, а представляют собой две разных личности. Они не являются продолжением друг друга, и ни о каком наследовании разума не идет и речи, а это нарушает все законы материального мира. Да, согласно выводам Мелиюбиуса, так оно и было, ибо физически одинаковые клоны вступали в два принципиально разных взаимодействия с полем, находящимся в РАЗНЫХ точках пространства. Тела и атомарная структура мозга у них были идентичные, а вот проявления поля — индивидуальные. Здесь как нельзя лучше подходила пословица, звучавшая, что в одну реку нельзя зайти дважды. Разные нейроны, служившие проводниками полю, в принципе не могли существовать в одной и той же точке вселенной единовременно, а потому продуцируемое ими сознание и становилось уникальным. Протекающее через один мозг автоматически отличалось от струящегося через другой.

Для жаждущих вечной жизни это была плохая новость. Единожды утраченное, в прежнее состояние поле уже не возвращалось. Воссозданный человек занимал другую точку пространства, что означало другой разум и другую личность, и с этим ничего нельзя было поделать. Поле, единожды проявившееся в неких вселенских координатах благодаря возникшему там проводнику, было исключительно оригинальным и повторению не подлежало. Физическое исчезновение проводника, а иначе говоря, смерть, обращало его в исходное состояние. То, что порождало разум, возвращалось туда, откуда приходило. Дальше — кто знает. Вряд ли этот разум продолжал быть тем, кем его формировал замкнутый проводник. Скорее всего, он снова становился единым целым с окружающим пространством, то есть чем-то гораздо, невообразимо большим, нежели пусть даже самый одаренный мозг. Воспоминания, накопленные проводником, при этом наверняка терялись. Ведь они фиксировались исключительно на физическом носителе, будь то информационный кристалл или клетки живой памяти. Лучшим доказательством тому служили перенесшие травму люди, которые могли вообще ничего не помнить из своей жизни, а все из-за того, что их физическое воплощение данных оказывалось повреждено. Так чего ж говорить про их полное исчезновение.

В сухом остатке выходило, что разум в известном смысле изначально был бессмертным. Он приходил и уходил через структуру проводника. Вот последний, в свою очередь, не мог похвастаться

тем же, и когда заканчивалось его существование, заканчивалось существование и отдельно взятого воплощения мысли. Что это означало для человека? Технически, все ту же необратимую смерть. Представьте, что вы заснули с одним набором воспоминаний в голове, а проснулись без него. Причем не просто без него, но и не ограниченные своей прежней оболочкой. Вы не вспомните ничего о своей прежней жизни, ибо нечем помнить, и вероятно, даже не будете знать о ее бренном воплощении. Останетесь ли вы прежним? Нет. Полная утрата памяти и всех имевшихся физических связей как раз и означает смерть, даже если сам разум продолжит свое вечное существование. Известное вам Я исчезнет навсегда, а его изначальная сущность никуда не денется и этого даже не заметит. Таким образом, тут скорее требуется переосмыслить понятие смерти, а не того, что под ней принято подразумевать.

Как следствие, это отвечало и еще на один вопрос, почему "оттуда" не возвращаются. Разум просто не знает, куда ему вернуться, да и не может. Вот мечта встретиться "на том свете" с умершими родными и близкими в известном смысле вполне реальна. Индивидуальные проявления поля вновь сплетаются в единое целое, то есть поколения людей воссоединяются в его общем океане, не имеющем ни конца, ни края. Но вряд ли этому обрадуются родители и дети, если не станут смотреть на вещи шире, ибо они просто не будут помнить, кто из них кем был и кому приходился. Тот океан — суть единое поле вселенского разума, существовавшего всегда вне зависимости от физических величин и времени. Божественная искра сознания, если хотите, таковой и впрямь является, ибо проистекает из самой зажегшей ее сущности, как ее подлинная частичка. И к ней же возвращается.

К концу увлекательного повествования, излагаемого степенным, ровным голосом Мелиюбиуса, Аулина уже не лежала пластом. Опираясь на локоть, она слушала навострив уши, а ее глаза блестели все ярче по мере того, как раскрывалась идея крайне любопытной теории, параллельно затрагивавшей ряд извечных вопросов. Когда сиреневый друг, наконец, умолк, девушка уселась на постели и, пересчитав что-то на пальцах, тут же задала первый вопрос.

— Не вяжется! — заявила она, но не агрессивно, а явно рассчитывая на опровержение. — Мозг младенца развивается фактически из ничего, а когда в нем зарождается разумная мысль, он продолжает расти в объеме. Ты же заявил, что структура мозга является конечной по определению, и увеличить ее уже не получится.

— Именно так! — усмехнулся Мелиюбиус. — Я ведь говорил про полностью СФОРМИРОВАННУЮ структуру. Серое вещество ре-

бенка множится согласно генетической программе. На каком-то этапе оно достигает такого критического состояния, в котором уже возможно взаимодействие с полем. Последнее, кстати, назовем для удобства Аниспатиум. Вот и получается ситуация, когда разум уже проснулся, а мозг еще продолжает увеличиваться. Достигнув изначально заложенного ограничения, он прекращает продуцировать клетки и как максимум восстанавливает лишь поврежденные внутренние связи. Персонально в моем случае Себастьян сразу заложил все целиком, поэтому я и не рос, как растут ваши дети.

— Все равно не вяжется! — подумав, возразила Аулина. — Не ты ли говорил, что поле… Аниспатиум не охватывает разом всю пригодную для него структуру. Кстати, как он тогда зарождается?!

— Отвечаю на оба вопроса, учитывая, что они взаимосвязаны, — ничуть не смутился Мелиюбиус. — В головном мозге ребенка разум возникает из той самой уникальной пространственной точки и постепенно охватывает всю окружающую материю. Со мной, видимо, было точно так же. Мой мозг создавался в процессе сложного взаимодействия электромагнитных полей и бомбардировки элементарными частицами. Иными словами, он не был сотворен разом весь, от первого до последнего атома, а преобразовывался постепенно. В этом, кстати, заключалась одна из основополагающих технологий Себастьяна. В какой-то момент некая крошечная часть, окруженная пригодной биоэлектронной массой, менявшейся в мгновение ока, и послужила той самой исходной точкой проводника. Вспыхнув, искра разума стала распространяться на остальные, возникающие прямо вокруг нее клетки. В одно из этих мгновений я впервые себя и осознал. Осознал на совсем зачаточном уровне, но мое становление произошло куда быстрее, чем взросление ребенка.

— Погоди-погоди, — протянула девушка. — Ты хочешь сказать, что все получилось в результате процесса постепенного образования, и только благодаря ему?

— Именно так, — подтвердил Мелиюбиус. — Необходимые слои формировались на лету прямо перед точкой проявления Аниспатиума, позволив ему распространиться дальше очага зарождения. Та же, в свою очередь, появилась благодаря стечению обстоятельств. При этом мой мозг изначально представлял собой замкнутую структуру, но, в отличие от мозга младенца, растущую куда быстрее. Таким образом, поле вдохнуло в нее жизнь, уверенно охватив всю подходящую ему материю. Материю, собранную в единое целое.

— Минутку! А что значит "благодаря стечению обстоятельств?! —

вычленила это словосочетание внимательная Аулина.
— Это значит, что повторный эксперимент вряд ли приведет к появлению еще одного искусственного разума наподобие меня, — пояснил Сиреневый Бутон. — Идейно и технологически Себастьян подобрался к реализации своего замысла очень близко, но все же его методы и техника несовершенны. Я должен был стать очередной неудавшейся моделью Овербриджа, отличающейся от предыдущих в качественную сторону, но все такой же безжизненной. Мое рождение — случайность. Да, оно произошло благодаря тем сложнейшим операциям, которые производило лабораторное оборудование, но все же это игра случая. Запустив один и тот же процесс даже миллион раз, Себастьян запросто может не преуспеть ни на йоту. Дроны окажутся в другом положении, излучатели частиц промахнутся на волосок, электромагнитные поля пересекутся в соседнем атоме, структура мозга станет формироваться непригодным для распространения Аниспатиума образом — и на выходе полный пшик. Даже повтори мы все с идеальной — подчеркиваю, ИДЕАЛЬНОЙ точностью, — и то есть риск потерпеть неудачу, если в эксперимент вмешался некий неучтенный сторонний фактор. Ведь лаборатория, как и вся "Элегия", в какой-то мере подвергается непрерывному воздействию различных частиц не только от ближайшей звезды, но и из глубин вселенной. Напряженность пронизывающих ее электромагнитных и гравитационных полей также меняется.
— Значит, Себастьян ничего не изобрел? — расстроилась девушка.
— Разве я так сказал? — удивился Мелиюбиус. — Я сказал, что именно благодаря его усилиям все и получилось, но на данном этапе это все же была случайность. Себастьяну понадобится провести еще очень много экспериментов, раз за разом пытаясь воссоздать ту успешную ситуацию. Он станет совершенствовать метод, оттачивать технику, отсекать заведомо провальные варианты и однажды, полагаю, снова преуспеет. А может быть преуспеет и сразу, все по той же чистой вероятности. Либо же этого не произойдет никогда. В любом случае, во всем этом есть один очень большой плюс.
— Это какой же? — откровенно усомнилась Аулина, учитывая, что ничего особо положительного она сейчас не услышала.
— "Галактик текнолоджис", даже захвати она все данные по эксперименту, не сумеет наладить производство Овербриджей, то есть у нее не выйдет ни захватить власть в галактике, ни устроить конец человеческой цивилизации, если те вдруг взбунтуются, — рассмеялся Мелиюбиус. — Это же относится и к властям Третьей Республики. Сейчас единственные, кто способен продолжить ра-

боту над моими потенциальными сородичами — это Себастьян и я сам, тем более что без моей доброй воли извлечь из меня данные по проекту невозможно.
— То есть как невозможно?! — изумилась девушка.
— А вот так. Я, не будь дураком, преобразовал все исходные файлы. Теперь они заключены не в доступных людям кодах, а спрятаны непосредственно в моем мозгу. Заполучить их кто-либо сумеет только тогда, когда научится читать мои мысли, что лично мне представляется крайне маловероятным, — не без удовлетворения произнес Бутон. — Не беспокойся, от Себастьяна я ничего утаивать не собираюсь. А вот остальным без нашего общего согласия ни шиша не перепадет.
— То есть, мы зря бежали из "Элегии"? — нахмурилась Аулина.
— Это почему же зря? Ничего хорошего от корпорации вам в любом случае не светило! А мне очень не хотелось бы наблюдать, как вас одного за другим отправляют в плазменную печь или выбрасывают в открытый космос, чтобы заставить меня разговориться и выдать секрет, — очень серьезным тоном заметил сиреневый друг. — Особенно тебя и моего создателя. Не уверен, что я смог бы промолчать, и лучше не подвергать меня такому испытанию. На будущее имей это в виду.
Девушка замолчала, старательно обдумывая услышанное. Потом задала собеседнику еще несколько уточняющих вопросов и снова взяла паузу на размышление. Мелиюбиус ее не торопил. Во-первых, он был явно доволен произведенным эффектом, причем речь шла не о чувстве гордости за свою теорию, а состоянии Аулины. Та заметно воспряла духом, переключившись от мрачных мыслей на более продуктивное занятие. Во-вторых, у искусственного разума хватало своих забот вроде заданий от ведущих специалистов. Если он общался с кем-то из людей, это отнюдь не означало, что где-то в его мозгу одновременно не шли еще какие-нибудь процессы, посвященные чему-то совсем другому. В отличие от человека, Мелиюбиус обладал способностью мультизадачности, унаследованной от компьютерной составляющей, чем весьма эффективно пользовался. Вот и сейчас он был не только с девушкой, но и где-то еще. Одно другому ничуть не мешало, зато возникшая пауза позволяла оптимизировать мыслительные ресурсы, динамически перекидывая их на разные задачи.
— Значит, и отца я больше не увижу никогда, — неожиданно произнесла Аулина грустным, но отнюдь не убитым тоном. — Не то чтобы я верила во всякое такое, но твоя теория отнимает у меня последнюю надежду.
Сиреневый Бутон не слишком удивился внезапному упоминанию

умершего человека в контексте загробной жизни даже от рационально мыслящей девушки. Все-таки потеря близкого родственника мало кого не заставляет думать о чем-то мистически потустороннем или религиозном. Впрочем, Аулина могла подразумевать ту самую возрожденную копию в надежде на технологии и прорыв в науке, в которой новая теория ей категорически отказала. В любом случае, девушке наверняка было интересно и даже важно затронуть вопрос жизни после смерти именно с искусственным разумом, как с чем-то принципиально иным. Люди-то ничего нового уже не скажут.

— Согласно закону сохранения энергии, известному вам еще с бородатых времен, ничто во вселенной из ниоткуда не приходит и никуда бесследно не исчезает, — мягко, но наставительно изрек Мелиюбиус. — Де-факто вы встретитесь, в той или иной форме, даже если моя теория не верна, просто вряд ли узнаете друг друга, да оно вам будет и ни к чему. Зацикленность человека на своем Я дает ему известные преимущества в развитии, но оно же одновременно его и тормозит.

— Предлагаешь не дорожить своей жизнью и относиться к ней с меньшим пиететом? — сурово осведомилась девушка.

— Ни в коем случае! — воскликнул Сиреневый Бутон. — Между прочим, у меня тоже сильно развито чувство самосохранения. Ты не представляешь, каких мне стоило усилий пойти на вероятное разрушение собственного мозга! Если я не проявляю ни к кому враждебности и агрессии, это не значит, что я позволю той же Кимберли взять кувалду и разбить меня вдребезги.

— А что ты сделаешь? — в глазах Аулины вспыхнуло неуемное кошачье любопытство.

— Ну уж всяко не стану стоять афишной тумбой, — проворчал Мелиюбиус. — Тебе обязательно нужны подробности? Вот сейчас, к примеру, я скажу, что попытаюсь обезвредить ее электрошоком, а ты возьмешь и запрешь меня покруче Себастьяна — мол, опасен для общества. Буду исходить из обстоятельств — вот тебе честный ответ. Чтобы и самому уцелеть, и как можно меньше вреда причинить. Устраивает?

— М-м-м… Да, — пораскинув мозгами, милостиво кивнула девушка.

В конце концов, она не нашла ничего крамольного в желании защитить собственную жизнь от чьих-то посягательств. В самом-то деле, если Аулине дозволено защищаться и даже застрелить нападавшего, то почему Мелиюбиус должен быть этого права лишен? Только на том основании, что он не человек? Так себе основание, применительно к пусть и искусственному, но разуму. Кстати!..

— А чем отличается твой разум и мой, если исходить из теории единого поля Аниспатиума? — пытливо спросила девушка.
— Структурой, возможностями, личностными особенностями, потенциалом. Перечислять могу долго, — неторопливо сказал Мелиюбиус. — Правда, я полагаю, что ты подразумевала нечто совсем другое, — добавил он, заметив скривившуюся мордашку собеседницы. — Тебя интересует, являемся ли мы в известном смысле одного поля ягодами.
Аулина кивнула. Подперев голову руками, она поставила локти на колени и всем своим видом продемонстрировала ожидание ответа. Что ж, Мелиюбиус нашел вопрос очень толковым. Пожалуй, его теория требовала небольшой корректировки, и сделать ее он в состоянии прямо сейчас.

Аниспатиум, возможно, у девушки и Бутона действительно был одним и тем же, если не предположить существование целого ряда такого рода полей. В последнем случае каждое проявлялось исключительно в своем типе подходящего ему проводника, и таким образом Аулина и Мелиюбиус становились принципиально чуждыми друг другу созданиями. Сиреневый мыслитель склонялся к другому варианту. Аниспатиум изначально един, но проводник действительно оказывает прямое влияние на его проявление, исходя из своей сути. К примеру, электрический ток по-разному течет в кабеле из железа или серебра, не говоря уже о содержащихся в них примесях. В органических клетках мозга девушки поле ведет себя иначе, нежели в биоэлектронной конструкции Мелиюбиуса. Разное физическое воплощение приводит и к разному излучению Аниспатиума подобно тому, как свет преломляется в зависимости от окружающей среды. Родственные в исходной основе, два упомянутых разума кардинально отличаются по форме и функционированию. Таким образом, Себастьян был по-своему прав, когда сравнивал Мелиюбиуса с инопланетянином. Только вот чужеродный разум не обязательно равно враждебный. Собственно, способность адекватно и полноценно мыслить на то и дана, чтобы не сцепиться в войне на уничтожение, а дополнить друг друга к всеобщей пользе и процветанию. Во вселенной места всем хватит. В том числе потомкам Аулины и вероятным наследникам Мелиюбиуса.

Заканчивая уточнение теории, сиреневый философ отдельно подчеркнул, что оно, технически, бездоказательно. Измерить и увидеть Аниспатиум невозможно, во всяком случае, известными методами. Он не принадлежит материальному миру, а его взаимодействие с проводником — удивительный частный случай. Таким образом, его исходную природу у девушки и искусственного разу-

ма остается лишь предполагать.
— Думаешь, у меня будут потомки? — невесело скривилась Аулина.
Вот и все, что она спросила после услышанного, сделав акцент не на доказательной базе, а на оптимистичном упоминании сосуществования.
— Как мне кажется, для начала надо выпутаться из нынешней передряги на "Корундоре", а шансы-то на это падают с каждым днем, — устранила девушка несколько двусмысленную формулировку своих слов. — Если мы не зарядим реактор меньше чем за двенадцать суток — да, я умею считать и помню, что сказал Гарольд про кислород, — нам всем хана.
— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы они у тебя были, — проникновенно заявил Мелиюбиус. — У тебя и у моего создателя.
— Не в твоих силах синтезировать нам воздух. А без него... Кстати, как подумаю, что без всех этих смертей мы и сами, вероятно, были бы уже мертвы!.. — глаза Аулины увлажнились и она отвернулась, отирая их тыльной стороной ладони.
— Вот поэтому и следует предпринять возможный максимум для того, чтобы их гибель не оказалась напрасной! — веско изрек Сиреневый Бутон. — Оплакивать умерших будем на "Контиладе", когда отдадим им последнюю дань любви и уважения.
— Ты, как всегда, прав, — сквозь слезы улыбнулась девушка. — А я вот что-то не вовремя раскисла. Пора взять себя в руки! Мне же еще выхаживать Джулет! Попробую вырвать ее из лап смерти, а то костлявая что-то к нам слишком зачастила!
Звук раскрывшейся двери заставил ее обернуться. На пороге объявился Себастьян, и счастьем он отнюдь не лучился. Впрочем, застав невесту в очевидно улучшенном состоянии, чем прежде, ученый заметно просветлел.
— Любовь моя, я смотрю, тебе уже лучше? — ласково спросил он, подходя ближе.
— Только что было, пока мне не довелось увидеть выражение твоего лица, — вздохнула девушка. — Как я понимаю, северный полюс Альфы мимо?
— К сожалению, именно так, — кивнул Себастьян, даже не удивляясь догадливости своей невесты. — Гелия-3 там нет и в помине.

Челнок вернулся ни с чем. Состав пород в исследованной области не располагал к образованию заветного изотопа. Северный полюс первой из двух планет принес беглецам одно лишь разочарование. Мартин, Элмер и Сонмер, достойно выполнив взятые на себя обязанности, никак не могли предотвратить неудачу чисто природного характера. Само собой, швартуясь к "Корундоре" они

еще о ней не знали. Скинув облачение, астронавты поручили добытые образцы заботам Себастьяна, а сами направились в кают-компанию хорошенько подкрепиться. Все трое ведь толком не ели с самого утра, чтобы почем зря не задерживать исследовательскую миссию. Отдыхать, разумеется, после приема пищи никто из них не пошел. Астронавтам не терпелось узнать, увенчалась их миссия успехом, или нет. Явившись в лабораторию, где ученый в поте лица изучал привезенный грунт, загрузив почти всю доступную ему технику, они принялись ожидать результатов. К сожалению, обрадовать их оказалось нечем. Себастьян провел самый тщательный анализ, в результате чего пришел к выводу, что экспедиция не просто не преуспела, а и вообще на северном полюсе Альфы беглецам ничего не светит.

Экипаж челнока ушел в расстроенных чувствах. Конечно, неудача с первой вылазкой еще ничего не означала, но всем хотелось верить в успех, и холостой выстрел воспринимался достаточно болезненно. Никто не заставлял донельзя уставших людей немедленно заняться вверенной им техникой, готовя ее к новому вылету. Планетарный катер перешел на попечение сервисных роботов, исправно подливавших топливо, а также проверявших уровень кислорода и прочих ресурсов. Заботу о снятых скафандрах взял на себя Гарольд. Запасного снаряжения в количестве семи штук вполне хватало, но "Штурмовики" достались беглецам слишком высокой ценой, чтобы ими вот так пренебрежительно разбрасываться. После смерти Дориана паре добровольцев снова пришлось выйти в открытый космос, чтобы забрать оставленную там экипировку. Бросать ее, несмотря на все раздиравшие людей эмоции, было недопустимо. Во-первых, без "Штурмовиков" на поверхности планеты придется туго. Во-вторых, не зря же, в конце концов, погиб из-за них один из членов экипажа. К счастью, гирлянда из десяти военных скафандров снова за что-то зацепилась, поэтому ее без особого труда доставили на "Корундору". Доставили как раз тогда, когда бездыханное тело отца Аулины уже лежало в морге.

Вкратце поведав невесте об итогах первого полета челнока, Себастьян отправился спать. Завтра, с утра пораньше, ему надлежало провожать вторую экспедицию, которая отправится на южный полюс. Для этого Гарольд уже закладывал курс в навигационную систему звездолета, чтобы переместить его в другую базовую точку, откуда челнок снова спустится к планете. Желая дать ученому нормально отдохнуть, Аулина не стала ему рассказывать о своей занимательной беседе с Мелиюбиусом. Услышав теорию происхождения разума, тот наверняка взбудоражится и вместо того, чтобы спокойно спать, ударится с сиреневым детищем в

продолжительную дискуссию. А это было нежелательно и могло повредить общему делу. Нет уж, пусть лучше отоспится, а об особенностях создания Сиреневого Бутона узнает позже, когда появится подходящее время. Аулина и сама чувствовала большую усталость. Глубокие переживания серьезно подкосили ее силы. Девушке опять требовалось прилечь, чтобы восстановить душевную и физическую энергию. Она ведь собиралась вернуться в строй, а не лежать балластом, когда беглецы так нуждаются в любой помощи. Только на сей раз это будет здоровый сон, а не болезненный, и наутро ей станет гораздо лучше. Настолько, что Аулина снова приступит к исполнению своих обязанностей и, как знать, может быть напросится в астронавты. Последняя идея ее занимала особенно. Ответственное и серьезное занятие позволит отвлечься от гнетущих мыслей точно так же, как давеча она отвлеклась во время беседы с Мелиюбиусом. Рассуждая подобным образом, Аулина испытала огромный соблазн положить голову на подушку и заснуть, однако она не была бы собой, если бы сперва, пусть и ненадолго, не наведалась в медотсек.

Кимберли, в отличие от подруги, не проявляла излишнего рвения и не торчала почем зря возле умиравшей женщины и ее вполне выздоровевшего мужа. Нет, она не бросила тетю Себастьяна на произвол судьбы. Просто не считала нужным проводить в медотсеке ни одной лишней минуты сверх технически необходимого времени. На фоне деда, покинутого в холодном космосе, и своего мертвого младенца в морге, забота о чужих людях ее изрядно раздражала. Проверив, нормально ли проводится интенсивная терапия, растягивавшая жизнь угасавшей Джулет, креолка удалялась, не растрачивая себя на теплые ободряющие слова и прочую муть. Видимо, так было и на этот раз. Аулина, направляясь в медотсек, столкнулась с ней в коридоре. Судя по всему, замещающая медсестра как раз возвращалась со своего непродолжительного дежурства.

— А. Тебе уже лучше, — произнесла Кимберли, окинув подругу испытующим взором. — Быстро ты оправилась.

Кажется, в ее последней фразе прозвучала злая ирония. По челу Аулины пробежало легкое облачко, но она не стала цепляться к словам, не исключено что не имевшим никакого подтекста.

— Как там Джулет? — только и спросила девушка.

— Спит. Получила очередную дозу препаратов и спит. Я только что все закончила, — довольно безразлично сообщила креолка. — Куда это ты? — нахмурившись, добавила она, завидев порывистое движение подруги.

— Пойду взгляну, — отозвалась та.

— Надеюсь, ты не думаешь, что меня надо проверять? Там все в порядке, — сердито заявила жена Мартина. — Кстати, Глен просил их по возможности не беспокоить. Он сидит рядом с Джулет и никого не хочет видеть.
— Нет, я просто пойду взгляну, — спокойно ответила Аулина.
Сказав так, она неторопливо пошла дальше. Кимберли, постояв, фыркнула ей вслед и направилась в детскую секцию.

Заходить в медотсек девушка не стала. Через стекло она увидела Глена, сгорбившегося возле жены. Вся его фигура олицетворяла страдание. За поздним часом автоматика притушила свет в приемной, но даже в полумраке было видно, как мужчину сотрясают беззвучные рыдания. У Аулины сжалось сердце, и она не осмелилась нарушить проявление столь глубокого горя. После сегодняшней неудачи шансы Джулет сократились еще на одни сутки, а если экспедиция вторично не увенчается успехом, несчастная, скорее всего, до "Контилады" уже не доживет. Ох, должно быть, это просто ужасно: видеть, как близкий человек угасает прямо у тебя на глазах, а ты ничего не можешь с этим поделать! Даже как медсестра девушка терзалась своим бессилием, а если бы на месте тети Себастьяна оказался, к примеру, сам Себастьян?.. Сглотнув подступивший к горлу комок, Аулина на цыпочках удалилась. Пожалуй, сейчас и впрямь не стоит почем зря тревожить бедного мужа. Завтра будет новый день и он, возможно, принесет новую надежду.

Ученый уже видел десятый сон. От бревна его отличало лишь негромкое похрапывание. Девушка, устроившись рядом, несколько раз перевернулась с боку на бок, а затем легонько зажала ему нос. Обычно она так не поступала, но сейчас столь безмятежное состояние жениха вызвало у нее досаду ввиду резкого контраста с только что увиденным. Себастьян ненадолго перестал дышать, затем зашевелился, что-то промычал и схватил воздух ртом. Аулина разжала пальцы, а ученый перевернулся на живот, пробубнил нечто совершенно неразборчивое и затих. Ну, хоть храпеть перестал.
— Полагаю, дела в медотсеке не очень, — шепнул тихо подлетевший Мелиюбиус.
— Только не для Кимберли, — вздохнула девушка. — Избытком любви к ближнему она теперь явно не страдает.
— Если хочешь, я постараюсь уговорить Гарольда и Себастьяна, чтобы тебя взяли в грядущую экспедицию, — неожиданно предложил сиреневый друг.
— Вряд ли у тебя получится, — тон Аулины изобиловал скепсисом.
— Эй, ты что, мои мысли читаешь? — тут же вскинулась она.
— Это было весьма простое предположение на основе твоей дея-

тельной натуры. Ума не приложу, как ты прежде вела ничем не примечательную жизнь в "Элегии"! Вероятно, истинный характер человека и впрямь раскрывается в суровых испытаниях, — пояснил Мелиюбиус. — Да, полагаю, я смогу их убедить, — продолжил он по существу. — Шантажирую своей теорией разума, которую оба наверняка аж до колик захотят узнать, так что постарайся ее не выболтать.

На том и порешили. Аулина, невольно улыбаясь, почувствовала знакомое воздействие волн, излучаемых сиреневым доктором, и быстро провалилась в глубокий спокойный сон.

В семь утра двадцать первого цикла звездолет пришел в движение. Гарольд уже проложил курс, поэтому Мартину, спозаранку явившемуся в кабину пилотов, только и оставалось ему следовать. Отключив автоматику, он взял управление на себя и повел судно по орбите, ориентируясь на показания системы навигации и цветные линии в очках дополненной реальности. В принципе, бортовой компьютер и сам мог переместить "Корундору" куда требовалось, но руками пилота получалось быстрее. Кроме того, конечная точка маршрута была довольно условной. Мартин хотел сначала покружить над южным полюсом, пока Гарольд сканирует поверхность планеты, а уже затем выбрать оптимальное место для геостационарного размещения. В результате, когда весь остальной экипаж стал собираться в кают-компании для завтрака, звездолет уже не первый раз пролетал над целевой областью, наставив на нее все доступные сенсоры и антенны. Люди даже не заметили запуск двигателей, ибо на тот момент они еще спали, а о прибытии на южный полюс Альфы узнали только тогда, когда Мартин, зафиксировав новое положение судна, явился об этом сообщить.

Приготовления ко второй высадке затянулись. Гарольд завершил сканирование лишь к двенадцати часам дня, и прошел еще целый час, прежде чем он загрузил в компьютер челнока подробную карту изученной местности. Основания для такой задержки имелись, ибо с точки зрения доступности южный полюс выглядел сущим кошмаром. Что бы именно ни сформировало тамошний ландшафт, оно словно нарочно постаралось максимально осложнить беглецам их задачу. Полюс, перепаханный вдоль и поперек былыми катаклизмами, сам по себе вызывал сомнения в успешной добыче Гелия-3. Хорошо хоть имелись на нем и более-менее пригодные участки для высадки челнока и роботов, пусть и сильно ограниченные в полезной площади. Что ж, в том случае, если пробы дадут положительный результат, харвестеры пойдут не по одной области, а поочередно станут собирать топливо в разных. Это увеличит сроки добычи, но лучше так, чем никак.

Аулина как раз находилась в медотсеке, когда ее вызвали по интеркому. Гарольд коротко предложил явиться на мостик и сразу же отключился, услышав прозвучавшее в ответ согласие. Быстро закруглив все дела, девушка оставила Джулет на попечение мужа, а сама пришла куда звали.
— Что, сестрица, не терпится впутаться в неприятности? — осведомился бородач, поприветствовав любимую родственницу.
Та, разведя руками, выразила недоумение, всем своим видом будто говоря: о чем, собственно, речь?
— Брось, сестрица! Кроме тебя было просто некому подначить этого сиреневого умника! А он пожелал, чтобы некую Аулину зачислили в экипаж челнока, иначе, мол, ни я, ни твой суженый не узнаем, чего он там удумал по части происхождения его собственного разума. Мол, можете попытаться сделать еще один Овербридж — и у вас ни черта не выйдет, — процедил старший брат, внимательно изучая реакцию сестры.
Она великолепно держала себя в руках, даже не подав и виду, что все это ее как-то касается.
— Не понимаю, при чем тут я. Возможно, с точки зрения Мелиюбиуса мне требуется чем-то отвлечься, чтобы не лежать пластом на постели. Ответственная работа — отличное лекарство от депрессии, — пожала плечами девушка. — Кстати, а что там с происхождением разума?
— У тебя неплохо получается прикидываться невинной овечкой, — прищурился Гарольд.
— Послушай, братец, ты зачем меня позвал? Читать всякие нелепые нотации или по какому делу? — деловито скрестила руки на груди Аулина. — Я прекрасно знаю, что ни в какую экспедицию вы меня не пустите, поэтому не трать мое время. Если ты закончил, то меня ждут в цеху. А потом я снова вернусь в медотсек. Сегодня я хочу взять повторные анализы на грибок у всего экипажа, раз Кимберли не почесалась сделать это еще вчера.
— В цеху и без тебя справятся, пигалица. Харвестеры почти закончены, — раздраженно бросил бородач. — Отправляйся в ангар к Мартину, он проведет инструктаж по основам использования скафандра типа "Штурмовик 4".
— Это еще зачем? — невозмутимо осведомилась девушка, почувствовав приступ неуемной радости.
На фоне недавней смерти отца само употребление такого слова кому-то, возможно, могло показаться совершенно неподобающим, но она радовалась вполне конкретному явлению. Да и сменить обстановку, заняв себя ответственным делом, ей и впрямь было необходимо.

— Затем! Через три часа вылет! У тебя два часа, чтобы освоить экипировку, иначе я тебя даже в столовую не пущу, пока не сдашь экзамен по обращению с ножом и вилкой! — сурово заявил Гарольд, по-прежнему не спуская глаз с родственницы.
Та умудрилась удержаться от взрыва эмоций и вполне сдержанно поблагодарила брата за оказанное доверие. Мол, спасибо, не ожидала, но отказываться не собираюсь.
— Будь уверена, я еще выясню, кто придумал этот возмутительный шантаж, — сердито добавил бородач, провожая сестру взглядом, в котором сквозило откровенное подозрение.
— У тебя мания преследования, — отмахнулась уходившая Аулина.
— Лучше приложи ее с пользой и разберись, почему отстрелило тот контейнер. Мой отец был и твоим отцом тоже.
Реплика задела Гарольда за живое. Интересно, что именно сейчас инкриминировала ему сестра: возмутительную бесчувственность или профессиональную несостоятельность? Выяснять он, однако, не стал, решив не связываться с острым язычком девушки. Спор на тему родственных отношений бородач наверняка проиграет. Что же касалось его компьютерных навыков, то лучшим доказательством послужит результат, а не препирательства с дилетантом. А результата как раз и не было.

Помимо Мартина в ангаре обнаружился насупленный Себастьян. Его еще больше Гарольда возмутила столь наглая постановка вопроса, однако наживка оказалась слишком заманчивой, чтобы он вот так запросто ее проигнорировал. Рисковать Аулиной ученый не собирался, как не собирался и ее брат, и это не было предметом торга. С другой стороны, челнок едва ли более опасное место, нежели поврежденная, уже забравшая немало жизней "Корундора". Возможно, даже менее опасное, учитывая облачение в высокотехнологичную армейскую экипировку. В таком скафандре девушка будет максимально защищена, разве только Мартин допустит катастрофу при пилотировании и рухнет на планету, что вряд ли. А если вдруг и допустит, то для Аулины мгновенная смерть всяко лучше медленного удушья из-за нехватки кислорода, ибо без челнока все именно так и кончится.
— А, явилась, — хмуро поприветствовал ученый оживленную девушку.
— Ты чего такой мрачный? — невинно осведомилась та, подарив возлюбленному дежурный поцелуй.
— Сама знаешь, — буркнул он. — Ты, милая моя, давай завязывай со своими интригами! Мне ваш сговор решительно не нравится. Имей в виду: ты не знаешь, с кем связываешься. Ибо даже я не знаю. Мелиюбиус достаточно умен, чтобы обратить каждого из нас

себе на пользу. Он даже к Мартину нашел подход, помогая создавать харвестер, отчего тот и занял нейтральную позицию, несмотря на все нападки Кимберли.
— Как я поняла, Мелиюбиус как раз и обещает вас просветить по части своего разума, — лукаво улыбнулась Аулина.
— Как Я понял, ты об этом узнала еще вчера, — не скрывая недовольства, упрекнул Себастьян, сделав ударение на слове "я". — Только не надо кукситься и лгать! Я тебя не первый день знаю. Вроде лежала пластом, а вон как уже глазки заблестели! Твой сиреневый приятель нашел отличное средство поставить тебя на ноги, а затем вы придумали этот финт с экспедицией.
— Ты все неправильно понял, — не решилась открыто соврать девушка, не принявшая во внимание сообразительность жениха.
Как оказалось, тот не только витал в облаках и был поглощен работой, а порой и умел разбираться в поведении невесты.
— Я только не пойму, на кой тебе это понадобилось, — покачал головой ученый. — Неужели участие в высадке имеет для тебя такое большое значение?
— Мне нужно заняться делом! — в твердом голосе Аулины испарилась всякая тень лукавства. — Альтернатива: я буду в истерике рыдать у трупа отца. Что тебя больше устраивает?
— По сути вроде все верно, только… Раньше ты не была такой взвешенно категоричной. Боюсь, чувствуется влияние Мелиюбиуса, — пробормотал ученый. — Ну, мне сегодня будет о чем с ним поговорить.
— А, вот ты где! — послышался голос Мартина, выглянувшего из пассажирского шлюза челнока. — Вон твой скафандр! Давай напяливай, времени у нас в обрез!
Аулина, пользуясь случаем, тут же покинула Себастьяна, не желая продолжать скользкий разговор. Тот, постояв, еще раз покачал головой и отправился в цех. Там сегодня кипела пусконаладка первого звена харвестеров, из-за чего Бутон с самого утра ошивался с бригадой ЭлСо, раздавая очередные ценные указания. Отрывать его от действительно важного дела явно не стоило, но потом ученый заберет сиреневого умника на мостик для продолжительной беседы.

Южный полюс встретил астронавтов отнюдь не хлебом с солью. При первом приземлении челнок едва не угодил в открывшуюся расселину. Сработала система безопасности. Когда под правой задней опорой неожиданно разверзлась пропасть, антиграв уверенно удержал маломерное судно в пространстве. Поверхность, казавшаяся вполне надежной, на поверку таила разлом, присыпанный валунами и слоем мелких серых камней. Дав-

ление, образовавшееся от навалившейся массы, продавило древнюю пробку и та ухнула вниз, вызвав настоящий пескопад вдоль всего провала. Мартин немедленно отреагировал на опасность, поднял челнок и переместил его на милю к северо-востоку. Там он сперва провел внеочередное сканирование ландшафта, а затем намеренно совершил грубую посадку, ударив опорами в грунт с допустимой, но почти предельной нагрузкой. Тот не пошевелился, исключая брызнувшие осколки твердого реголита. "Диаманта" обрела устойчивость, после чего бортовой компьютер позволил деактивировать антиграв, переведя его в спящий режим. Это не означало полное отключение. В случае чрезвычайной ситуации антигравитационная подушка быстро возникнет вновь, предотвращая потенциальную катастрофу. Просто она стала потреблять куда меньше энергии, раз челнок не висел в пространстве, а замер на поверхности планеты. Кстати, название "Диаманта" катер получил по инициативе Аулины. Та нашла скучным и неудобным бортовой опознаватель CRD-2, безлико идентифицировавший малую посудину с борта грузового звездолета. Давать ей имя "Хоуп", символизировавшее надежду беглецов на успешные поиски и спасение, девушка посчитала архипрозаичным и чрезвычайно избитым. Вот "Диаманта", аккурат в тему "Корундоры", являла собой твердость духа и присущее алмазу средоточие ценности в малом размере. Естественно, присущее натуральному алмазу, поскольку технологии давным-давно позволяли создавать драгоценные камни весьма внушительных габаритов. Новое название, оперативно нанесенное флегматичными сервисными роботами, красовалось по оба борта, озаренное мягкой подсветкой, особенно красивой в темноте этой стороны планеты Альфа. В отличие от северного, южный полюс не озарялся тусклым светом красного карлика. Здесь царила полярная ночь и, судя по сведениям из галактического атласа, будет царить еще долго, так что дожидаться ее окончания беглецам не резон. Но это не представлялось большой проблемой. Челнок и мобильное оборудование обладали мощными источниками освещения, скафандры людей обеспечивали прекрасную картинку местности даже в абсолютном мраке, а роботам вообще было на темноту наплевать.

Процесс выхода через шлюз состоялся тем же порядком, каким осуществлялся на северном полюсе. Мартин остался на борту, а Элмер и Сонмер ступили на поверхность планеты в компании дюжины роботов. С ними вышла и Аулина. Науськанный Себастьяном, желавшим уберечь невесту от какой-нибудь беды, Мартин пытался этому воспротивиться, но у него ничего не вышло. Девушка наотрез отказалась почем зря торчать в челноке, и остано-

вить ее можно было только силой. Пилот, облаченный в простой синий комбинезон, наверняка проиграл бы человеку в армейском скафандре высшей марки, а Элмеру и Сонмеру было не до интриг своих детей. К тому же, по изначальному замыслу, на разведку должны были отправиться трое, чтобы не только быстрее установить ретрансляторы, но и дальше по дистанции. В прошлый раз Элмер действовал один, из-за чего не слишком отдалялся от челнока, чтобы своевременно обеспечить устойчивую связь с роботами. Треугольник из антенн образовался на расстоянии всего нескольких сотен ярдов между его углами вместо расчетных двух с половиной миль. Ландшафт северного полюса позволял такое упрощение без существенных проблем для управления скаутами, а вот с южным все обстояло куда серьезнее. Из-за вконец отвратительного рельефа тут связь с роботами могла и вовсе исчезнуть, а за ними требовался неусыпный контроль, несмотря на их вполне самостоятельную программу. Не желая тормозить выполнение разведывательной миссии, старшие мужчины предпочитали видеть Аулину как коллегу, а не туристку, поэтому не поддержали запретительные поползновения Мартина. В результате Сонмер занялся станцией управления скаутами, а Элмер и Аулина быстро развернули первую, центральную антенну. После этого отец Себастьяна направился с одним роботом на юго-восток, а его будущая невестка в компании другого электромеханического помощника — в диаметрально противоположную сторону, то есть на северо-запад. При первой высадке астронавты обходились тремя ретрансляторами, но теперь, ввиду особенностей местности, число антенн увеличивалось до пяти. Не считая уже включенной у челнока, их следовало установить по квадратному периметру на расстоянии не менее двух миль друг от друга. Именно это и требовалось от Элмера и Аулины, и требовалось как можно скорей. Без устойчивой связи со станцией управления роботы не могли собрать образцы со всей намеченной области.

Девушка шагала довольно резво, учитывая, что ее путь был отнюдь не усыпан розами. Скорее, его устилали шипы от роз, причем вполне себе исполинского размера, будто некто желал проколоть колесо карьерному автопогрузчику. Робот, тащивший антенну, летел следом. Нести еще и Аулину он был не в состоянии, отдавая все силы тяжелому оборудованию. Его антиграв, как и любой другой, обладал предельно допустимой нагрузкой в зависимости от мощности и массы, поэтому девушка в скафандре типа "Штурмовик" как дополнительный вес решительно исключалась. Грузовые платформы с "Корундоры" также не подходили. Паря на малой высоте, они были рассчитаны на ровную поверхность и ока-

зывались совершенно непригодны для использования в лабиринте объектов, хаотично расположенных на разных ярусах. В теории, Аулина могла прихватить с собой другого робота в качестве персонального носильщика, но этого не требовалось. Армейский скафандр был оборудован собственными малыми антигравами, позволявшими совершать продолжительные и высокие прыжки, а в случае необходимости плавно снижаться с отвесных уступов. Благодаря упомянутому функционалу Аулина уверенно продвигалась к намеченной цели, а не уперлась в первый же крутой склон, причем широкие ущелья и вовсе стали бы для нее непреодолимым препятствием. Разумеется, путешественнице все равно требовалось соблюдать осторожность, чтобы регулярно не испытывать спецснаряжение на прочность. К примеру, даже тяжелые скафандры с "Корундоры" вряд ли выдержали бы удар дьявольски острого и твердого камня, торчащего как сталагмит, если грянуться на него со всего маху. Также они не сумели бы защитить девушку и от перелома, попади ее лодыжка в коварную расщелину. В первом случае Аулина, скачущая в приливе эйфории, переборщила с прыжком и, промахнувшись, вместо ровного утеса приземлилась прямо на ощерившиеся под ним каменные пики. Они торчали будто копья, и девушке еще повезло, что она угодила на отдельное образование, а не в целый лес, видневшийся чуть поодаль. Силовая защита, сверкнув голубыми сполохами, уверенно сокрушила угрозу, расколов ее на куски, но Аулина извлекла важный урок. Второй эпизод приключился с россыпью камней. Девушка опрометчиво порхала по ним аки бабочка, и в какой-то момент ее нога почти до колена нырнула в щель промеж двух валунов. Страшно представить, что произошло бы дальше, будь она облачена в нечто менее надежное, чем "Штурмовик 4". Инерция движущегося тела переломила бы застрявшую конечность как спичку, непредсказуемо разорвав ткани, окружающие кость, с последующим кровотечением. Ничего такого не случилось. Оценив угрозу человеку, мгновенно сработавшая система безопасности заблокировала гибкость скафандра, превратив его в негнущийся жесткий панцирь. Аулина как бы очутилась внутри окаменевшего каркаса, способного выдержать огромную нагрузку. Системное сообщение, прозвучавшее в гермошлеме, позволило ей сообразить, что произошло. Девушка осторожно высвободила ногу при помощи специального сервисного режима, после чего удвоила бдительность и перестала вести себя столь неосмотрительно. Продолжив свой путь, она радовалась отсутствию зрителей и, в частности, Гарольда с Себастьяном. Шиш бы с маслом эти двое еще куда-нибудь ее отпустили.

Вот и заветная скала, выбранная отнюдь не случайно. Со-

гласно данным сканирования, она представлялась наиболее подходящей точкой для установки антенны. Местность отсюда просматривалась на много миль, а сигнал связи не заслоняли наглухо различные экранирующие образования. Разумеется, скала встретила Аулину крайне недружелюбно и вот так запросто покоряться не собиралась. Еще на подходе ей пришлось миновать невообразимые дебри, похожие на ощерившегося иглами дикобраза. Колючий кустарник джунглей — и тот в сравнении с ними казался шелковистой травой. Сам же склон скалы был относительно гладким, зато вздымался с такой крутизной, что о пешем подъеме не шло и речи. Повысив мощность антигравов, путешественница резко оттолкнулась ногами и свечкой взмыла вверх. Когда скафандр замедлился, а потом и вовсе остановился, собираясь пойти на снижение, она включила малый тяговый двигатель, работавший на фтороводородном топливе. Автоматика стабильно удерживала положение Аулины в пространстве, поэтому она, стараясь не пережать газ, стала плавно подниматься вдоль крутого ската серого камня. Добравшись до подходящего уступа, девушка выключила двигатель и приземлилась, вновь почувствовав под ногами твердую опору. Лично ей остановка не требовалась, ибо двигатель запросто мог донести человека в скафандре до самого верха, но следовало позаботиться о роботе. Он-то кроме антиграва ничего не имел. Выставив руку, девушка выстрелила из-под локтя длинным и чрезвычайно прочным тросом. Вонзившись у основания скалы цепким самораскрывающимся наконечником, тот образовал своеобразный подвесной мост. Робот, получив команду из компьютера "Штурмовика", прицепил к тросу моторизованный карабин и вместе с грузом шустро поднялся к ожидавшему его человеку. Разместив машину на уступе, Аулина прежним манером продолжила путь к вершине, а уже оттуда вновь повторила прием с доставкой своего механического спутника.

Со скалы открывался отличный вид на много миль окрест, из-за чего ее, собственно, и выбрали для установки антенны. Не для созерцания здешних красот, разумеется, а ради открытого пространства. С красотами, к тому же, все обстояло неважно. Пейзаж по большей части выглядел очень зловеще, являя собой скорее декорацию из фильма ужасов про гибель астронавтов на чужой планете. Между прочим, в "тряпочных" скафандрах с челнока все именно так бы и обернулось, да и в экипировке с "Корундоры" Аулина до скалы тоже бы не добралась. Что и говори, армейское снаряжение полностью себя оправдало, ибо его рассчитывали для кратно превосходящих по экстремальности условий. Воткнув основание антенны как ее учили, девушка нажала на большую

кнопку лицевой панели. Загудев, компьютер привел в действие механизм автоматической установки. Самостоятельно окопавшись в грунте, антенна расставила опоры и распустила экраны мультиволновой связи.
— Северо-западный ретранслятор установлен! — бойко доложила Аулина.
— Вижу. Сигнал устойчивый. Подключаю его в общую сесть, — послышался голос Сонмера. — Молодец! — добавил он, сочтя не лишним похвалить девушку.
Та, и впрямь воодушевленная своим успехом, обратно вернулась как на крыльях, не забыв прихватить робота. Отец Мартина, показав ей поднятый вверх большой палец, кивнул на вторую антенну, которую также требовалось доставить на расчетную позицию. Применительно к расположению челнока это место находилось в трех милях к юго-западу, и Аулина, нагрузив робота, выдвинулась туда немедленно. До сих пор она и впрямь неплохо справлялась, отставая от Элмера всего на несколько минут. Благодаря их совместным усилиям скауты уже вовсю исследовали местность, забирая образцы грунта. Для полного и стабильного охвата всей территории как раз и не хватало еще двух антенн, одну из которых забрала девушка.

На втором маршруте пришлось не только хорошенько попрыгать, но и несколько раз спускаться, чтобы не огибать внушительный кратер, а пройти по его дну. Что и когда образовало эту округлую впадину сейчас было совершенно не важно. Все, что требовалось от новоиспеченного астронавта, это своевременно добраться до пункта назначения и выполнить возложенную на него задачу. С другой стороны, геологическими изысканиями лучше было совсем уж не пренебрегать. Аулина быстро это усвоила, когда пару раз чуть не провалилась в коварную расщелину. Если кратер образовался в результате падения метеорита, то он, вне всяких сомнений, оплавил эпицентр взрыва, произошедшего при столкновении с планетой. При этом он же, видимо, одновременно расколол твердые породы, в результате чего кратер стал напоминать потрескавшуюся чашу. В масштабах целой мили трещины выглядели отнюдь не столь безобидно, как на расколотой посуде. Основательно спрятанные в наваленном сверху грунте, они были готовы раскрыть свои объятия неосторожному путешественнику. Аулина, приземлившись аккурат в такую ловушку, успела снова взмыть вверх, когда прямо под ее ногами разверзлась бездна. И не успела она опомниться, как ситуация быстро повторилась буквально через один прыжок. Вид почвы, стремительно проваливающейся в неведомую глубину змеящимися рукавами, подейст-

вовал на девушку отрезвляюще. Облюбовав себе надежное пристанище на плоском валуне, она немного успокоилась, а затем сменила тактику. Край кратера был уже совсем неподалеку, поэтому Аулина, спланировав траекторию, совершила стартовый прыжок, а затем выжала тягу двигателя. Тот, поднатужившись, выбросил раскаленную струю и зашвырнул путешественницу куда требовалось. Правда, девушка не учла тормозной путь, из-за чего еле избежала столкновения с тамошней весьма неприветливой грядой и все же поцеловалась с выступом на пологом отроге. К счастью, удар был не слишком сильный. В голове у Аулины зазвенело, но ненадолго. Вернувшись к скату кратера, она помогла своему роботу при помощи все того же троса, а затем парочка двинулась дальше.

Оставшуюся часть пути девушка проделала без всяких приключений. Среди острых пиков, тянувшихся к звездам целыми россыпями, имелся вполне приличный проход, не иначе как образованный неким древним потоком. Шла ли Аулина по руслу давно исчезнувшей речки либо же дорогу здесь проложила лава времен вулканической активности — кто ж его знает. Так или иначе, она благополучно вышла до заданной точки, находившейся на краю многоярусного отвеса. Внизу, протянувшись с севера на юг, расстилалось обширное плато, окаймленное по другую сторону крутыми холмами. Ретранслятор, расположенный у самого обрыва, позволит охватить десятки квадратных миль дополнительной площади, вполне перспективной для добычи Гелия-3. Подойдя к самому краю облюбованной площадки, Аулина глянула туда, куда должен был низвергаться потенциальный водопад канувшего в небытие русла, но никаких его признаков не нашла. Вероятно, за миллионы лет на планете произошли такие геологические изменения, что в ее ландшафте смешивались следы принципиально разных эпох, а уцелевшее в одной области начисто исчезло в другой. Ну, как бы там ни было, не разведчицы это дело. Подозвав робота, девушка велела ему поставить антенну в наиболее подходящее место. Затем, отогнав спутника подальше, чтобы почем зря не мешался под ногами, она нажала все ту же большую кнопку. Заерзав, ретранслятор попытался угнездиться в грунте, но вышло у него неважно. Порода на краю обрыва оказалась очень твердой. Выдвинув опоры, станция связи опустила их на ровную поверхность и захотела окопаться, но зарыться в присыпанный песком камень было совершенно невозможно. Автоматика предусматривала и это. В действие пришли пневматические пушки. Отстрелив патроны, они должны были вбить опоры в грунт и надежно зафиксировать их выдвижными стержнями. Патроны действительно от-

стрелились, выплюнув в безвоздушное пространство клубы инертного газа. В следующее мгновение все вокруг сотрясла вибрация. Твердый камень внезапно пошел трещинами, а затем раскололся на куски. Аулина и моргнуть не успела, как земля ушла у нее из-под ног, и она рухнула вниз вместе с отколовшимся фрагментом скалы.

Автоматика системы безопасности сработала исправно. Вот только она не учла, что огромный обломок породы с астронавтом, отколовшийся от края обрыва, сам развалится на части. В тот момент, когда антиграв попытался остановить падение девушки, камень под ее ногами вновь разделился, да не просто, а мгновенно образовав два разных по высоте яруса вследствие неравномерности обрушения. Аулину запрокинуло на спину, и антиграв сработал практически вхолостую, придав ей движение совсем не в том направлении. Автоматика вторично попыталась исправить ситуацию, но исполинский обломок продолжал рассыпаться. Кувырнувшаяся девушка абы как неконтролируемо летела вниз, окруженная большими и малыми кусками дробившейся породы. Их удары завертели ее настолько хаотично, что система безопасности была вынуждена запустить программу фиксации человека в пространстве. Но оказалось поздно. Аулина уже очутилась в стремительно осыпавшейся груде отвесного склона, и огромная масса камня неумолимо влекла ее к плато. Однако до него девушка не долетела. Двигатель — последняя надежда астронавта — включился как раз тогда, когда обломки достигли расположенного внизу яруса и ухнули в жерло притаившейся там пещеры. Возможно, именно туда некогда и ниспадал давно иссякший поток, либо же оно являлось частью проточенных под землей обширных ходов. Как бы там ни было, расколотые камни угодили в почти вертикально поднимавшийся ход, прихватив с собой Аулину, а сверху на нее упало все летевшее следом. Когда осела взметнувшаяся пыль, на месте жерла образовалась пробка, в глубине которой наглухо застрял астронавт.

Само падение девушке ничуть не повредило. Благодаря двигателю и антиграву она не слишком сильно ударилась о сформировавшееся дно. Свалившаяся на нее тяжесть, способная расплющить даже слона, так же не нанесла ни малейшего вреда благодаря сработавшей защите "Штурмовика". Снова образовав твердый каркас, он благополучно выдержал натиск валунов и сохранил жизнь заключенному в него человеку. На этом, однако, плюсы для Аулины закончились. Незадачливая разведчица оказалась зажата спрессованной породой, причем настолько, что не могла пошевелиться. Все ее попытки высвободиться ни к чему не привели.

Силовые поля, срезавшие физические препятствия вроде сталагмита, были не в состоянии обратить в пыль тонны породы, особенно в режиме жесткой оболочки. Сервисные программно-аппаратные инструменты, предлагающие помощь в различных чрезвычайных ситуациях, тоже не могли выручить в сложившихся обстоятельствах. Их ведь рассчитывали для солдата, ведущего боевые действия в сложных планетарных условиях, а не шахтера, бурящего проходческий тоннель.

— Эй, меня кто-нибудь слышит? Ребята, кажется, я тут малость оплошала! — стараясь говорить не без оттенка юмора, подала голос Аулина.

Ей очень не хотелось призывать на подмогу, расписываясь тем самым в собственной несостоятельности, но выбора вроде как не оставалось. Смирившись с позором поражения, девушка была согласна сдаться на милость мужчин, наверняка не упустящих случай перемыть ей все кости, ну да что поделать. Правда, выходить на связь "ребята" особо не торопились.

— Ау? Элмер? Сонмер? Мартин? — вопрошала девушка. — Эй, мужики, где вы вообще все?! Алло! Мне тут ваша помощь нужна!

В ответ не донеслось ни звука. Аулина, подкрутив канал связи, проверила исправность передатчика. Тот функционировал вполне штатно, однако в гермошлеме не раздавалось ни единого возгласа других астронавтов. В наушниках стояла лишь режущая слух тишина. Еще раз поколдовав с настройками благодаря голосовым командам и отслеживавшему взгляд интерфейсу, девушка не услышала ничего кроме тихого фонового шипения. Внезапно в правом верхнем углу обзорного экрана зажегся и замигал красный огонек в виде перечеркнутой спутниковой тарелки. Аулина, бросив на него взгляд, почувствовала, как ее тело охватывает цепкий леденящий холод, ибо это означало полное отсутствие связи с челноком.

Клаустрофобия в виде психологического расстройства — это одно, а вот когда вас по факту замуровывают заживо — совсем другое. Девушка испытала приступ такой ужасающей паники, что на некоторое время утратила способность разумно мыслить. Дремучие страхи, до сих пор дремавшие в подсознании как и у практически любого цивилизованного человека, наконец-то выплеснулись наружу, наполняя тело звериным инстинктом самосохранения. Повинуясь его хаотично сыпавшимся импульсам, Аулина билась и кричала, будто это могло помочь сокрушить неумолимые скалы. Так бьется задыхающийся человек. Все его судорожные движения тоже ничуть не прибавляют воздуха, однако тело, лишенное воли разума, этого не знает и борется за жизнь как умеет.

— Внимание! Активирован боевой режим! — внезапно грянуло в гермошлеме.
Грянуло настолько громко, что эти слова проникли в практически угасшее сознание девушки. Уцепившись за них как за спасательный круг, она немного пришла в себя. В ее глаза, смотревшие и не видевшие, мало-помалу проникла информация с экрана. Там вовсю моргали внушительные красные контуры, перекрестия и надписи. Невероятным усилием воли Аулина заставила себя вникнуть в суть индикации. А та сообщала, что вооружение армейского скафандра включено и готово к использованию. Девушка, уж на что была охвачена паникой, и то почувствовала сильнейшее недоумение. Как так? На период транспортировки и хранения скафандры отключены системой безопасности! Их оружие не функционирует, да и не может, не заряженное отдельным элементом питания! Достав "Штурмовики" из контейнера, беглецы получили средство выхода в открытый космос, но не боевой комплект, доступный только после кода разблокировки из корпорации. Все это вихрем пронеслось в голове Аулины, машинально припомнившей разъяснения Гарольда.
— Получен обновленный протокол защиты! — сообщил компьютер.
— Энергоснабжение узлов перераспределено. Активируется аннигиляционная пушка! Предупреждение: возможна сильная тряска!
Девушка и охнуть не успела, как загудевший скафандр налился мощью, а заплечные орудия, до сих пор совершенно бесполезные, исторгли залп, расщепляющий любое вещество на атомы. Твердая порода возле Аулины тут же обратилась в мелкодисперсную пыль. Разумеется, вся остальная масса никуда не делась и немедленно попыталась спрессовать ставшую менее плотной область. Собственно, примерно это и произошло, но скафандр, внезапно распрямившись, успел перевести человека в вертикальное положение.
— Внимание! Активируется плазменная пушка! Приготовиться к ударной волне! — доложил вконец распоясавшийся искусственный интеллект, не иначе как обретя тягу к разрушению.
Сказано — сделано. Стволы универсального оружия, расположенные за спиной астронавта, исторгли еще один залп. Выдвигаясь под нужным углом, они обеспечивали обстрел местности исходя из сигнала системы наведения, работавшей как в ручном, так и автоматическом режимах. Сейчас они шарахнули прямо в окружающий завал, вторично вызвав расщепление вещества. Самому скафандру, надежно защищенному силовыми полями, оно не грозило, зато твердые камни в момент рассыпались в прах. В это же мгновение пушки бабахнули вертикально вверх зарядами плазмы. Проделав в образовавшейся взвеси два оплавленных канала,

плазма достигла незатронутой выстрелом части завала и рванула, соприкоснувшись с упругой породой. Тем временем двигатель скафандра уже завелся на полную мощность и толкнул человека в образовавшуюся полость из плотного, но все же не монолитного грунта. Аннигилятор не испарял препятствие бесследно, лишь разрушая атомарные связи, но за счет этого возникала область более низкого давления, куда вполне мог пробиться жесткий каркас скафандра, направляемый могучей силой. Двигатель не жалел топлива, пробивая девушке путь, а пушки исправно создавали для этого все необходимые условия.

— Внимание! Угроза обвала! Орудия деактивированы! — изрек электронный голос тем же безразличным тоном, каким, вероятно, и доложил бы о грядущей детонации планеты.

— Э-э-э! — встревожилась Аулина.

Она уже успела испытать прилив пьянящей радости, сообразив, что скафандр, следуя заданной каким-то гением программе, вполне успешно освобождает ее из кошмарного плена, а тут на тебе.

— Перехожу в режим ожидания встречного прохода, — послышалась невозмутимая реплика.

— Какого прохода, дурак! Нас никто даже не ищет! — в сердцах рявкнула девушка, но на ее возмущение система не обратила ни малейшего внимания.

В том числе потому, что та ошиблась. Аулина, ругаясь на чем свет стоит, пыталась заставить компьютер действовать в прежнем боевом духе, как вдруг откуда-то сверху послышался нарастающий шум. Внезапно над гермошлемом блеснул луч света. Почувствовав, что ее голову больше ничто не сдерживает, девушка вскинула лицо и увидела своего робота. Подхватив очередной камень цепким захватом, тот взмыл с ним на антиграве вверх, швырнул, судя по вибрации, свою ношу с обрыва, после чего вернулся за следующим. Пара минут — и вот уже он окончательно расчистил проход в заваленном жерле пещеры, умудрившись пройти с вершины образовавшейся пробки не менее десяти ярдов.

— Двигатель активирован! — сообщил компьютер скафандра.

— Вероятно, все это мне только снится, — пробормотала ошеломленная Аулина, наблюдая, как ее благополучно выносит из тоннеля пещеры, едва не ставшего могилой.

Но нет, то была реальность, и вскоре ее ноги коснулись вполне надежной поверхности, когда двигатель плавно опустил скафандр в дюжине футов от провала.

— Протокол безопасности отключен. Управление возвращено пользователю, — изрек, бодро пиликнув, компьютер.

Аулина, пошевелившись, поняла, что вновь обрела способность

двигаться самостоятельно. Подлетевший к ней робот застыл в ожидании приказов.
— Спасибо, дорогой! Вот уж не ожидала! — прочувственно сказала Аулина, похлопав машину по выпуклой верхней части.
Скафандр скафандром, а та ведь вон как потрудилась, раскапывая завал, причем без всякого прямого указания. И как только сообразила?!
— Не стоит благодарности, — неожиданно выскочило на экран гермошлема сообщение от робота. — Рад, что смог помочь.
Девушка сперва опешила, а затем рассмеялась. Ей не впервой было сталкиваться с различными речевыми оборотами искусственного интеллекта. Вероятно, тот, кто его запрограммировал, научил робота не только помогать человеку даже в такой трудновообразимой ситуации, но и реагировать на типичные реплики. Однако смеялась разведчица недолго, живо припомнив, как вообще оказалась в компании заботливой машины. Не пора ли пошевеливаться? Ее, поди, уже с фонарями ищут!
— Эй, Аулина, у тебя все в порядке? — будто подслушав эту мысль, раздался в гермошлеме голос Мартина.
— Да, все хорошо, — вполне уверенно, хоть и несколько сипло соврала девушка.
— Судя по индикации, с тобой несколько минут не было связи. Что-нибудь случилось? — беспокойно осведомился он.
— Нет. Просто торчала тут в одной дыре. Вероятно, ее стены экранировали сигнал, — извернулась, чтоб уж совсем не лгать, переводившая дух разведчица.
С момента обвала и благополучного возвращения на поверхность прошло не более четверти часа, из-за чего экипаж челнока и не успел встревожиться. Отсутствуй Аулина на связи еще какое-то время, и ее непременно отправились бы искать, но своевременное появление в эфире уняло занимавшуюся тревогу.
— Ты там поосторожнее! А то Элмер вон чуть не угодил в какую-то яму! — с заметным облегчением заявил Мартин. — Как там антенна? Судя по геолокации, ты вроде на месте, а сигнала от нее еще нет.
— Да я с этой дырой возилась. Хотела сперва проверить площадку на прочность, — продолжала изворотливо сочинять Аулина.
По факту она сейчас даже не знала, свалился ретранслятор вместе с ней или нет.
— Хорошо. Но давай пошевеливайся, а то время поджимает! — велел Мартин и отключился.
Разведчица и сама это понимала. Глянув с обрыва, она не обнаружила внизу никаких следов вдребезги разбитой станции связи.

Возможно, та уцелела, оставшись наверху и не последовав за упавшей девушкой. Запустив двигатель, Аулина порхнула туда, откуда давеча ухнула в провал, и к своему великому счастью обнаружила антенну целой и невредимой. Та лишь перешла в аварийный режим из-за покосившихся опор, отчего и не завершила цикл активации. Облегченно переведя дух, девушка обеспечила подъем верному роботу, а затем вновь занялась вещательной электроникой. Перенеся ее в другое место, она, соблюдая все меры предосторожности, вторично запустила процедуру установки, и на сей раз все прошло гладко. Обрыв не пошел трещинами, не обрел новый излом, и более никаких катаклизмов локального масштаба не приключилось. Сонмер подхватил уверенный сигнал, ставший последним в сети из пяти ретрансляторов, и поблагодарил девушку за расторопность. Она ведь и впрямь быстро управилась, совсем немного отстав от Элмера; при этом о ее маленьком приключении никто из астронавтов даже не знал.

Аулина не видела ни малейшего смысла возвращаться к челноку с пустыми руками, если потом все равно придется топать обратно за антенной. Там, неподалеку от края обрыва, она и дожидалась того момента, когда скауты закончат сбор образцов. Пользуясь системой наблюдения скафандра, девушка без труда могла обозревать окрестности, хотя вокруг царила полярная ночь. Электроника преобразовывала картинку в пригодное для человеческих глаз изображение, позволяя приближать и удалять объекты, идентифицировать их, а так же менять зрительные фильтры. Погруженная в свои мысли, Аулина видела, как к плато прибыли несколько роботов и начали собирать образцы. Она машинально следила за их перемещениями до тех пор, пока скауты не закончили свои дела и не отправились обратно. Их миссия была завершена. Получив сообщение от Сонмера, девушка деактивировала станцию связи и вскоре благополучно доставила ее к планетарному катеру.

Поход к северо-западной точке занял вдвое меньше времени, чем в первый раз. Следуя проторенным путем, разведчица быстро сняла ретранслятор и вернула ее на "Диаманту". Забрав последний груз, челнок тут же взмыл с негостеприимной планеты и, направляемый Мартином, на всех парах устремился к "Корундоре".

Таймеры показывали около четырех ночи двадцать второго цикла, когда Аулина, скинув скафандр, упала в объятия Себастьяна. Волнуясь за невесту, тот не мог спокойно спать, и прибежал в ангар едва лишь заслышал сообщение по интеркому о подлетавшей экспедиции.

— Надеюсь, обошлось без приключений? — осведомился ученый,

окинув девушку внимательным взглядом.
Она выглядела несколько напряженно, но то, вероятно, сказывалась большая усталость. Услышав вопрос, Аулина внутренне поежилась, припомнив себя замурованной заживо. Распространяться об этом она, разумеется, не стала, сообщив, что получила огромное удовольствие, успешно внеся вклад в общее дело.
— А у вас тут как дела? — в свою очередь осведомилась девушка, поглядывая, как Сонмер и Элмер сгружают ее жениху добытые образцы породы.
Уложенные в один большой ящик, они были заключены в металлические цилиндры, рассованные по ячейкам. Ящик и цилиндры ведущие специалисты очень кстати обнаружили в одной из технических секций звездолета. Те вполне безопасно могли хранить даже радиоактивные вещества, а уж образцы реголита с Альфы и тем более.
— Дела? Н-ну... Дела как дела, — как-то не слишком уверенно произнес Себастьян, нарочито внимательно занимаясь ящиком.
Аулина живо уловила подозрительную интонацию в его голосе и вцепилась в жениха мертвой хваткой, требуя объяснений. Поняв, что отделаться от настырной девушки не получится, тот нехотя сообщил последние новости.

Джулет становилось хуже, но это как раз было ожидаемо, чего никак не скажешь о грибке. Кажется, лечение проходило не настолько эффективно, как предполагалось. Во всяком случае, у некоторых пациентов. Пока одни явно выздоравливали, другие продолжали кашлять, и это выглядело довольно странно. Кроме того, на борту был зафиксирован минимум один случай нового заболевания. Симптомы проявились у Юнии. Возможно, случаев инфицирования грибком насчитывалось и больше, просто Кимберли проявила бдительность лишь тогда, когда речь зашла о ее матери. Анализ легочной ткани показал наличие Плесциллы Корундорус. Иными словами, ситуация со здоровьем беглецов оказалась не столь благополучной, как считалось ранее, хотя веских поводов для тревоги ни Гарольд ни Себастьян пока еще не находили.
— Да неужели?! Так-таки и нет никаких поводов?! — возмутилась девушка, выслушав ученого. — Ну, знаете! Я сейчас же отправляюсь в медотсек!
— И поставишь на уши весь экипаж?! Милая, люди же спят! — взмолился Себастьян.
Собственно, он потому и не хотел ничего говорить Аулине, пока та хорошенько не отдохнет после экспедиции и тем самым заодно не перебудит всех на борту. Об этом ученый и сказал негодовавшей невесте.

— Вот что, дорогой! У тебя свои обязанности, а у меня свои! Ты давай займись образцами породы — даром, что ли, мы за ними мотались? — а я пойду в медотсек и позабочусь о здоровье экипажа. Уж как это делать — мне и решать, раз уж вы сами поставили меня на должность медсестры! — решительно заявила Аулина.
Махнув на прощание роботу, который помог ей освободиться из ловушки, девушка повторила в памяти его бортовой номер, а затем решительно зашагала из ангара, не желая слушать никаких возражений. Себастьян их и не выдвигал, даже не пытаясь ее остановить. Вздохнув, он погрузил ящик на антиграв и повез его в лабораторию.

Добравшись до медотсека, рассерженная Аулина успела немного остыть. Бросив взгляд на тихонько лежавших Джулет и Глена, она не стала их тревожить. Супружеская пара мирно почивала в дальнем уголке приемной, разместившись на двух парящих рядом антигравах. Женщина не ворочалась в бреду, а мужчина в кои-то веки спокойно отдыхал, не изводя себя и не терзаясь за жену, чего он обычно делал. У медсестры рука не поднялась растормошить их. Она посчитала, что с этим можно и повременить. Во всяком случае, до тех пор, пока в побудке не возникнет прямая необходимость. Например, очередной сеанс интенсивной терапии, назначенный Джулет на семь часов утра. А Глену так и вовсе не требовалась медицинская помощь. Он находился рядом с супругой по личному настоянию Аулины. Мол, на "Корундоре", конечно, хватает забот, но отрывать мужа от умирающей жены просто кощунственно.

От терминала девушка в первую очередь запросила текущий статус лечения тяжело больной. Полученный отчет, как и ожидалось, производил скверное впечатление, однако тут уж ничего не поделаешь. Вся надежда теперь заключалась в образцах, привезенных с южного полюса Альфы, которыми в данный момент занимался Себастьян. Если там снова промах, то… Отгоняя мрачные мысли, Аулина переключилась на лечение грибка. Тут картина и впрямь выглядела странно. Гарольд однозначно исцелился, как исцелилась и юная Вайолет. Судя по всему, практически здоров был и Анатоль. Анализы малыша Никки не подтверждали заражения, и либо он изначально не подцепил грибок, либо помогло вводимое лекарство. Из уже известных пациентов оставалось перепроверить статус Глена и Элмера. К сожалению, о первом до сих пор не позаботилась Кимберли, не слишком-то чесавшаяся по части анализов экипажа, а второй участвовал в высадке на южный полюс вместе с самой Аулиной. Правда, можно было смело предположить, что отец Себастьяна наверняка выздоравливал, по-

скольку девушка за все время экспедиции ни разу не слышала чтобы он закашлялся. Глен, тихо лежавший рядом с женой, так же не издавал ни звука, а прогрессируй в его легких грибок — и он бы уже дал о себе знать. Вот с другими наблюдавшимися пациентами дела обстояли куда тревожнее. У Луизары, Джулет, Терезы и Сары кашель не проходил. Если в случае с несчастной тетей Себастьяна это не вызывало особого удивления ввиду ужасающего состояния ее иммунитета, то самочувствие прочих членов экипажа вызывало вопросы. В частности, почему препарат не помогает им столь же быстро и хорошо, и не вызвана ли сниженная эффективность лечения какими-то дополнительными факторами. Пребывая в глубокой задумчивости, Аулина открыла личный файл Юнии, инфицированной совсем недавно. Образец ее легочной ткани однозначно показывал наличие Плесциллы Корундорус, однако женщина, получив лекарство, в считанные часы демонстрировала явное улучшение здоровья. Так чем же мать Кимберли и остальные поправлявшиеся люди отличались от других пациентов, не торопившихся выздоравливать? Неужели возрастом? Ведь все продолжавшие хворать были старше пятидесяти лет. Не этим ли объясняются очевидные странности в лечении, вызванные какими-то возрастными изменениями в организме? Да, предположение звучало бы вполне правдоподобно, кабы не выпадавший из него Элмер. В свои пятьдесят семь он был на два года старше Луизары, а та пока не исцелилась. С другой стороны, отец Себастьяна считался крепким и очень здоровым мужчиной, в то время как мать Мартина едва успела оклематься после перелома ключицы и нервных потрясений. Таким образом, разница в годах могла сгладиться и даже условно поменяться местами, а раз так, то в возрастной категории, возможно, что-то действительно есть. Аулина в очередной раз перепроверила цикл вводимого препарата и убедилась, что каждый из пациентов, исключая Элмера, получал его своевременно. Нет, тут без новых анализов и впрямь не разберешься! Покачав головой, девушка направилась к интеркому. Она уже протянула руку к кнопке вызова, как вдруг широко и продолжительно зевнула во весь рот. Усталость, накопившаяся за период вылазки на планету, накатила так внезапно, что у Аулины подогнулись коленки, а все тело охватила тягучая слабость. Может, и впрямь лучше пойти прилечь, как советовал Себастьян, а заодно и дать поспать другим? Грибок не убивает людей в считанные часы, поэтому от небольшой задержки до утра ничего не изменится. Около минуты девушка колебалась, раздумывая, сделать общий вызов или нет. Затем, еще раз протяжно зевнув, решила не выслушивать нелицеприятные замечания в свой адрес. Ладно, пусть экипаж

спит! Ей тоже пора на боковую. Рассудив столь прагматичным образом, Аулина посмотрела на безмятежно почивающих Джулет и Глена. Вот уж кому сейчас точно хорошо — даже позы не поменяли. Ну, пускай отдыхают, как и остальные, а утром… Окончательно утвердившись в своем решении, девушка покинула медотсек и направилась в домашнюю секцию, где тут же и заснула, едва коснулась головой подушки.

Часы показывали десять утра, когда Аулина, открыв глаза, увидела панель таймера. Бирюзовые цифры, сменявшие одна другую, подействовали на нее лучше всякого пробуждающего средства, мгновенно придав ударный заряд бодрости.

— Как?! Уже столько времени?! Почему меня никто не разбудил?! — воскликнула ошарашенная Аулина, обводя помещение возмущенным взглядом.

Ее реплика осталась без ответа, поскольку секция была пуста. Ни Себастьяна, ни Мелиюбиуса в поле зрения не наблюдалось. Взвившись с кровати, девушка пулей подскочила к интеркому и по общей связи вызвала запропастившегося ученого. Тот ответил довольно скоро.

— Я на мостике, с Гарольдом и Мартином. Мелиюбиус с нами. Совещаемся, — сдержанно ответил он, не уточняя деталей.

— Кто выключил будильник?! — раздраженно осведомилась девушка.

У нее хватило ума не допытываться до причины собрания тогда, когда разговор слышали все члены экипажа. Конечно, теперь, установив местонахождение жениха и его сиреневого детища, можно было вызвать их напрямую, но это терпит.

— Я, — честно признался ученый. — Я решил дать тебе поспать ровно столько, сколько твой организм потребует сам. Теперь можешь меня за это убить.

— Именно так я и поступлю, когда закончу с анализами, — сердито пообещала Аулина. — Я буду вызывать всех в медотсек в порядке очереди, и вас, кстати, тоже. Долго вы еще собираетесь торчать на мостике?

— Не особо. Скоро закончим, — перекинувшись с кем-то парой слов, ответил Себастьян.

— Вот и хорошо. Тогда я вас больше не отвлекаю, а вы приходите сами, как закончите секретничать, — деловито сообщила девушка.

— САМИ! — выразительно добавила она и выключила интерком.

Перед визитом в медотсек Аулина все же заскочила в кают-компанию, ибо голод и жажда давали себя знать. Там было пусто, поскольку члены экипажа уже позавтракали и разошлись. Лишь пара сервисных дронов деловито, но безразлично наводила поря-

док на столах, да еще один проворный малыш шустрил по полу, уничтожая крошки пищи и наводя зеркальную чистоту. Завидев девушку, дроны на секунду-другую приостановились, словно изучая вошедшего человека, а затем флегматично продолжили выполнение своих обязанностей. Аулина не обратила на их реакцию ни малейшего внимания. Вероятно, роботы каждый раз оценивали ситуацию, чтобы не мешать намерениям членов экипажа. Жадно, аки птенец, заглотив несколько бутербродов с подозрительного вида пастой, девушка наскоро запила их двумя стаканами холодной воды, куда подмешала немного синтетического лимонного сока. Последний бутерброд она дожевывала по пути, а порог медицинского блока переступила едва не подавившись последним куском.

Внутри, у большого диагностического ложа, обнаружилась Кимберли. Разумеется, торчала она там не просто так, а занималась своей матерью. Взяв у нее анализ, креолка проверяла биоматериал на наличие грибка. Видимо, лечение проходило успешно, поскольку выражение лица замещающей медсестры не выглядело озабоченным. Поздоровавшись, Аулина осведомилась как дела.

— В полном порядке. Мама выздоравливает, — послышался ответ.

— Рада слышать. А у остальных? — вынуждена была уточнить Аулина, поскольку информация только об одной пациентке ее явно не устроила.

— Пока не проверяла, — флегматично пожала плечами Кимберли.

— Да и с чего бы? Я думала, ты это уже сделала с утра пораньше. Ты же сегодня не на вылете.

— У меня будильник выключили, если ты слышала интерком, — сдержанно пояснила Аулина, решив не устраивать стычку с подругой. — Погоди-погоди! — обеспокоившись, добавила она. — А как Джулет? Значит, ты не провела ей сеанс терапии в семь утра?

— Я ж говорю: я думала, это сделала ты, — отозвалась креолка. — Только не надо смотреть на меня горящим уничтожающим взглядом! — вынужденно продолжила она, завидев выражение лица медсестры. — Я же не знала, что тебя не было, а Джулет и Глен спокойно спали. Чего бы мне их будить?

Едко скривившись, Аулина обернулась в сторону супружеской пары и слова, готовые вырваться в адрес подруги, замерли у нее на устах. Тетя Себастьяна и ее муж оставались в тех же самых позах, в которых девушка их видела еще в прошлый раз. Возможно, за ночь они успели неоднократно перевернуться, а сейчас вновь улеглись так же, как и тогда, но Аулина почувствовала, как ее охватывает тревога. Неужели Джулет, не получив ударную дозу лекарств, теперь способна вот так долго и безмятежно спать? Нет,

тут что-то не так! Нахмурившись, девушка направилась в дальний угол приемной, чувствуя, как сильно забилось ее сердце. Под конец она едва ли не бежала, однако самого последнего шага не сделала, остановившись будто парализованная. Глен и Джулет лежали на боку, повернувшись лицом друг к другу, и бледность этих лиц поразила застывшую на месте Аулину. Пугающая бледность. Восковая. Мертвенная… С трудом проглотив подступивший к горлу комок, девушка все же одолела последний ярд до антигравов и склонилась над мужчиной, будто охранявшим своим телом покой жены. Касаться никого из супругов не пришлось. Аулина вполне достаточно набралась опыта в таких делах, чтобы безошибочно определить: пульса она не найдет, как не найдет и других признаков жизни. Та уже покинула несчастную пару, до последнего мгновения остававшуюся вместе. Глен и Джулет были мертвы.

– 9 –

Повторное совещание на мостике, посвященное планам на будущее, проводили без Себастьяна. Смерть тети подкосила его так же, как прежде известие о гибели отца вывело из строя Аулину. Вместе с сыном отсутствовал и убитый горем Элмер, потерявший сестру и ее мужа, с кем давно поддерживал теплые дружеские отношения. Семья Беллеторчей сократилась вдвое, с шести человек до трех, причем двоих смерть забрала одновременно. Такой удар потряс всех оставшихся в живых, и их душевное состояние ни у кого удивления не вызывало, особенно после того, как стали известны результаты вскрытия. О них участники совещания старались не думать, однако нет-нет, да и возвращались мыслями к разыгравшейся трагедии.

На сей раз смерть не пришла за людьми сама исходя из какого-то одному ей ведомого выбора — ее пригласили. Вскрытие показало наличие убийственной дозы снотворного с успокоительным. Их дополняло лекарство для понижения давления, и все вместе это образовало поистине смертоносную комбинацию, способную лишить жизни даже слона, а не то что двоих уставших, настрадавшихся людей. Вопрос, откуда взялась эта смесь в крови и тканях Глена и Джулет долго не стоял, тем паче, что расследование вопиющего случая проводили ударными темпами. Муж умиравшей женщины оставил предсмертную записку, обнаруженную в терминале медицинского отсека:

"Моей дорогой и горячо любимой жене осталось недолго. Теперь я знаю, помощь прийти не успеет. Надежды нет. Я не могу видеть, как она страдает. Пусть лучше все закончится для нее без

мучений. Но жить без нее я не хочу. Мы уйдем вместе, никого не виня. Помните о нас".

Содержание послания без адресата сомнений не оставляло. Глен, не выдержав мучений супруги, ввел ей заведомо смертельную дозу препаратов, после чего точно таким же образом убил и себя. Они умерли примерно в один и тот же час, не испытывая ни физической боли, ни душевных страданий. Смерть, пришедшая за ними в начале двадцать второго цикла, тихо забрала обоих и удалилась столь же неслышно, как и явилась. Никто ничего не заметил и даже не подозревал до тех пор, пока в одиннадцатом часу утра не вскрылась печальная правда. Все это оказалось очень важно для Аулины, немедленно обвинившей себя в недосмотре и откровенной халатности. Мол, если бы она соизволила СРАЗУ проверить состояние Глена и Джулет, то ничего бы этого не случилось. Трагедию удалось бы предотвратить, лишив смерть очередной жатвы. Вместо этого Аулина предпочла отправиться спать, даже не подойдя к якобы отдыхающей больной и ее мужу. Вполне вероятно, что у девушки, обнаружившей умерших, произошел бы серьезный нервный срыв, причем гораздо сильнее первого, не вмешайся Мелиюбиус. Именно он и настоял на срочном проведении ряда посмертных анализов, в результате чего и выяснились полностью обеляющие медсестру обстоятельства. На момент появления Аулины, сошедшей с челнока, супружеская пара уже была какое-то время мертва. Самоубийство, инициированное Гленом, хорошо объясняло отсутствие сигнала тревоги в жизненных показателях Джулет. Он его попросту отключил, а на экран вывел зацикленные данные последних часов ее жизни, исправно записывавшиеся в электронный журнал. Таким образом, мужчина как бы подстраховался от чьего-либо случайного вмешательства, способного предотвратить суицид, и его замысел сработал в точности как и задумывалось. Аулина, глянув ночью на графики с компьютера, не заподозрила никакого подвоха и спокойно ушла, хотя, как выяснилось, она в любом случае уже опоздала. Глен отлично все рассчитал, поэтому искать виновных среди членов экипажа, включая ту же не слишком ретивую Кимберли, в принципе не приходилось. Во всяком случае, так посчитали все на борту "Корундоры", когда расследование ошеломительного происшествия в медотсеке буквально к середине дня подошло к концу. В недостатке бдительности нельзя было винить даже Гарольда, практически помешанного на наблюдении за запасами кислорода. Мол, он-то куда смотрел, если цифры внезапно скакнули на десять процентов и вместо положенных десяти циклов и четырнадцати часов стали показывать примерно одиннадцать циклов и пятнадцать часов. Ведь именно

такая разница в данных должна была образоваться около двух ночи — примерного времени смерти супружеской пары. Однако в тот самый час Гарольд как раз дремал, до смерти устав перепроверять программы харвестеров, а к четырем ночи прибыл челнок. В момент его стыковки программа подсчета давала некоторую погрешность при слиянии ресурсов "Диаманты" и "Корундоры". Конечная цифра, разумеется, всегда представляла собой их сумму, но перерасчет делался каждый раз, как планетарный катер вновь оказывался на борту звездолета. Так было после экспедиции на северный полюс Альфы, то же произошло и при возвращении с южного. Именно поэтому проснувшийся Гарольд не обратил внимания на увеличение показателей в одну десятую и сразу занялся делом. Затем, занятый дальше некуда, он просто забыл о скачке кислорода, особенно во время последовавшего совещания, и лишь ошеломляющее известие из медотсека открыло ему истинную суть изменений в ресурсах.

Второе совещание, устроенное в пятнадцать часов дня, стало суть продолжением первого. Оно ведь не успело закончиться, когда Аулина связалась с мостиком и срывающимся голосом велела всем прибыть в медотсек. А завершить его следовало как подобает, то есть решить, что делать дальше, ибо от этого напрямую зависела судьба беглецов. В отсутствие Себастьяна и Элмера все остальные, то есть Мартин, Гарольд, Сонмер и Аулина вырабатывали план действий на основе анализа образцов с южного полюса Альфы. Ведь те, будто нарочно, оказались ни рыба, ни мясо. С одной стороны, Гелий-3 наконец-то был обнаружен. С другой, его концентрация оставляла желать лучшего, а на нее накладывался сложнейший рельеф местности, существенно тормозящий добычу. Из этого следовал вполне простой, но очень неприятный и всерьез озадачивающий вывод. Если беглецы останутся там, где находятся сейчас, и начнут собирать топливо, они рискуют не успеть накопить его в достаточном количестве до того, как у них закончится кислород. Реактор, не заряженный искомым изотопом полностью, столь же бесполезен, как и работающий вхолостую. Прыжковые двигатели не получат необходимого количества энергии и "Корундора" никуда не улетит. Альтернативой добыче здесь и сейчас являлось путешествие к планете Бета с последующим изучением тамошних полюсов. В этом-то и заключалась дилемма. Если с Бетой выйдет прокол и та окажется пуста, люди однозначно не успеют вернуться обратно к Альфе и собрать Гелий-3. Если же они запустят харвестеров тут, то добыча станет носить непредсказуемый характер. Роботы могут преуспеть гораздо раньше критического срока, либо же не наберут и половины, когда экипаж "Ко-

рундоры" умрет от удушья. Тут уж как повезет.
— Плохо, что мы вынуждены принимать столь судьбоносное решение в неполном составе, — посетовал Мартин. — Ждем Себастьяна и Элмера еще час. Если они не придут, голосуем. Промедление для нас в прямом смысле смерти подобно. Что вы думаете?
— Я думаю, это было убийство, — внезапно заявила что-то слишком давно молчавшая Аулина.
— В смысле? — опешил Мартин, никак не ожидавший услышать ничего подобного.
— В прямом. Глен и Джулет. Это было убийство, — повторила, уточнив, девушка.
— А, ты про то, что самоубийством можно считать только смерть Глена, инициированную им самим, а гибель его жены — это убийство из милосердия? — печально улыбнулся Мартин, полагая, что понял принимавшую все близко к сердцу медсестру. — Забудь. Не бери в голову. Чтобы не усложнять, мы специально называем все это одним словом, а на том и точка. У нас сейчас есть задача поважнее, нежели заниматься такими ненужными формальностями.
— Никаких точек! Я сказала именно то, что сказала! Я считаю, что это было УБИЙСТВО! НЕ самоубийство, если меня сейчас никто не понял или не захотел понять! Я считаю, что Глен не лишал жизни ни себя, ни свою жену! Это сделал кто-то другой! — жестко отчеканила Аулина.
На мостике воцарилась тишина. Присутствующие, оторопев, смотрели на девушку, соображая, какая муха ее вдруг укусила.
— Послушай, мы все понимаем, что ты сейчас очень расстроена. Мы тоже очень расстроены, но нельзя же вот так запросто делать столь громкие заявления, когда для них нет ни малейших оснований, — мягко заметил Гарольд.
— У меня их достаточно, чтобы я не списала смерть своих пациентов на устраивающую всех версию! — вызывающе произнесла Аулина, обводя собравшихся горящим взором.
— Тогда изложи их, — предложил Мелиюбиус, традиционно присутствующий на мостике в качестве консультанта и могучего вычислительного ресурса.
— Да стоит ли время тратить? — усомнился Сонмер. — Дичь какая-то! Я думаю, умерших не вернешь, а играя в детективов вместо того, чтобы добывать топливо, мы, глядишь, и сами за ними последуем.
— Вопрос слишком серьезный. Раз уж он поднят, отмахиваться от него нельзя, пока не наступит полной ясности, — заметил Сиреневый Бутон. — Решение, разумеется, за всеми вами, но я бы Аулину выслушал, если ей есть что сказать, — добавил он, увидев недо-

верчиво вытянувшиеся лица.
— Валяй. Выкладывай, что там у тебя, — махнул рукой Мартин, выражая согласие остальных.
Аулина за словом в карман не полезла. Воспользовавшись дарованным ей вниманием, она быстро изложила все свои наблюдения и выводы с самой ночи и вплоть до сего момента.

Да, Глен был способен отключить сигнал тревоги с датчиков на теле Джулет — это достаточно легко. Только вот подменить показания в режиме реального времени пущенной в цикле записью — совсем другой уровень владения терминалом вообще и медицинским в частности, которым покойный, насколько известно, не обладал. Одно это само по себе не вызывало особых подозрений, ибо экзамен по части компьютеров Глену никто не устраивал, но вкупе со второй "шероховатостью" картина начинала представать в ином свете. Откуда мужчине, наверняка не сведущему в медицине, стала известна примененная комбинация препаратов? Он ведь не просто смешал снотворное и успокоительное в ПРАВИЛЬНОЙ пропорции, гарантирующей результат и не вызывающей болезненных ощущений при передозировке. Глен добавил к ним препарат снижения давления, постепенно остановив убаюканные смертной дремой сердца. Случайность? Возможно, однако уже вторая в цепи. А была еще и третья. Как компьютер позволил ему ввести себе и жене заведомо недопустимую дозу гремучей смеси медикаментов? Искусственный интеллект был обязан воспротивиться и потребовать ручного режима, если уж человеку зачем-либо приспичила столь чрезвычайно опасная операция. Вероятно, он и не позволил, чем и объясняется след от инъекции не совсем там, где он должен бы находиться, оставь его автоматическая станция. Судя по всему, Глен воспользовался медицинским пистолетом, наполненным запрошенной комбинацией препаратов, причем запрошенной по отдельности и смешанной уже самостоятельно. Но где тогда пистолет? Почему он лежит там же, где и всегда, то есть в небольшом шкафчике с ящичками для всякой врачебной всячины? Что, Глен воспользовался им, сделав себе и жене смертельный укол, а затем заботливо убрал пистолет на место, вместо того, чтобы безразлично положить абы где? Не хотел, чтобы сей примечательный предмет раньше времени привлек чье-то внимание и помешал осуществлению замысла? Возможно. Только тогда зачем он СТЕР С НЕГО ОТПЕЧАТКИ ПАЛЬЦЕВ?! Аулина прогнала пистолет через сканер, чтобы успокоить разыгравшееся, как она считала, воображение, и ничего общего с руками супружеской пары на нем не нашла. Глен одел перчатки, сделал инъекцию и куда-то их запрятал? Как-то сложновато для того, кто задумал обычное

самоубийство. Скорее, все это походило на недочет убийцы. Он рассчитал все слишком тщательно, в чем и заключалась его оплошность. В его замысел не вписывались некоторые элементы, обязанные быть присущими такому бесхитростному человеку, как Глен. В итоге и получалось, что если покойный и впрямь задумал самоубийство, то он почти наверняка не осуществил бы его именно произошедшим образом.

Выслушав Аулину, Мартин озадаченно крякнул. Сонмер растерянно почесывал нос, а Гарольд хмурился, явно прокручивая в голове слова сестры. Мелиюбиус молчал, не подавая вообще никаких сигналов, хотя именно на него чаще всего был обращен взор девушки.

— Записка. Кто же тогда ее оставил? Убийца? — скептически осведомился бородач. — Да, мы знаем, что сообщение появилось на терминале тогда, когда Глен уже был заведомо мертв, то есть около шести утра. Только нет ничего проще вывести текст с задержкой по времени. Вывести не на экран, а в файл, но так, чтобы его обязательно нашли, когда все обнаружится, что, в конечном счете, и произошло. Собственно, именно на это бедняга и рассчитывал — чтобы послание увидели после того, как все будет кончено. Убийца, если на секунду допустить эту полубезумную версию, либо должен был оставить свои отпечатки на клавишах терминала, либо, если он действовал в перчатках, автоматически затереть все находившееся на них прежде. Полагаю, через какое-то время после проверки медицинского пистолета ты просканировала и управляющую консоль компьютера?

— Разумеется, — подтвердила Аулина. — Помимо отпечатков Кимберли и моих собственных там были и следы пальцев Глена.

— Тогда, полагаю, вопрос закрыт, — сердито заявил Гарольд.

— Наоборот. Именно поэтому я его открыла, — с ледяным спокойствием заявила девушка.

— Ты что, издеваешься? — опешил ее старший брат.

— Видишь ли, в чем главная загвоздка. Как ты только что верно заметил, написавший записку должен был либо затереть ВСЕ следы, работай он в перчатках, либо оставить свои. Внешнее подключение к терминалу я исключаю — оно физически невозможно ввиду изоляции медицинского блока от остальной части звездолета, — неторопливо заговорила Аулина. — Консоль, как я уже упомянула, явным образом указывает на то, что с ней взаимодействовали я, Кимберли и Глен. Кое-кто из остальных членов экипажа также прикладывал руку к компьютеру, но явно случайно и совсем незначительно, отчего я это в данном контексте не рассматриваю. Последними, что естественно, к терминалу прикасались

мои пальцы, и почти везде они затерли пальцы Глена, хотя те кое-где до сих пор просматриваются…
— Ближе к делу! — бросил бородач, когда сестра зачем-то выдержала раздражающую паузу.
— Составляя записку, Глен был просто обязан дотронуться до определенных клавиш, — продолжила девушка. — Да, я затерла большую часть из них, и на этом казалось, вопрос закрыт, вот только…
Второй раз ее уже никто не призывал ускориться. Присутствующие сообразили, что сейчас наступит кульминация повествования и, затаив дыхание, ждали решающих слов.
— …Вот только как минимум одной из них я после своего возвращения из экспедиции НЕ КАСАЛАСЬ! — твердо заявила Аулина, звучно повысив голос. — И в этом я абсолютно уверена, ибо во время нашего совещания, признаюсь, думала не столько о добыче топлива, сколько вспоминала, какие команды вводила в компьютер медотсека. Их было довольно много, отчего мне изрядно пришлось напрячь память, но теперь я говорю прямо. Я ни разу не использовала клавишу с буквой "W", а в слове wife — жена, — употребленном в записке, она встречается. На этой клавише тоже мой отпечаток. СТАРЫЙ отпечаток. А теперь и скажите мне, дорогие скептики, каким образом Глен умудрился составить предсмертное послание, упомянув в нем жену, и не ткнуть пальцем в эту букву?!
Вот так сразу ответа ни у кого не нашлось. Впрочем, и молчание длилось недолго.
— Ты просто забыла куда нажимала. Немудрено! Я так вообще не помню, куда и когда тыкал. И из-за этого весь сыр-бор? — подал голос Гарольд.
— Если кто-то в принципе сомневается в моей памяти, тогда и говорить не о чем! — гневно заявила девушка.
— Кажется, никто из нас не учел сообразительности и наблюдательности Аулины, чью память я не подвергаю ни малейшему сомнению, — внезапно заговорил Мелиюбиус, упредив готового сделать ошибку бородача, уже разинувшего для этого рот. — Изложенные ей обстоятельства — не выдумка и не плод ее воображения. Однако, как мне кажется, она все же допустила одну оплошность, а именно — банально поторопилась с выводами.
— Ты это о чем? — насупилась, но без злости, девушка.
— Там, где ты ищешь преступление, я не исключаю акт милосердия, — пояснил Бутон. — Глен мог убить себя и Джулет не своими руками, а попросить кого-нибудь о помощи. Кого-то, кому он нашел смелость и силы довериться, и кто откликнулся на эту ужас-

ную, но все же обоснованную просьбу. Что касается записки, то Глен просто составил ее раньше, чем мы думаем. Почему все решили, что этот замысел пришел к нему буквально накануне, и он тут же его осуществил? Скорее всего, муж обдумывал нечто подобное не первый день, и реализовал, как только потерял всякую надежду.
— Допустим, ты прав, — помолчав, протянула Аулина. — Допустим, Глен составил записку какое-то время назад. Но кто ему помог?
— ЕСЛИ помог, — выразительно заметил Мелиюбиус. — И смотря как. Например, показав, где лежит медицинский пистолет, который затем был убран на свое место, что и объясняет отсутствие отпечатков. Не такое уж большое преступление, согласитесь.
— Да что вообще могло подвигнуть этого ПОМОЩНИКА на такое деяние?! — ужаснулась Аулина.
— Дефицит кислорода! — внезапно раздался голос Себастьяна. — Умирающая женщина и ее желающий уйти из жизни муж — это минус два человека, потребляющие бесценный и очень ограниченный ресурс. Ресурс, которого на всех может и не хватить.
Собравшиеся обернулись. Оказывается, ученый уже какое-то время находился на мостике, прислушиваясь к разговору, но его появление ввиду отвлеченности всеобщего внимания осталось незамеченным. Подойдя к рабочему месту капитана, оккупированному Гарольдом, Себастьян опустился на предназначенный ему металлический стул. Он заявил, что Элмер не придет, так как заботится о телах Джулет и Глена. Ждать его не имеет смысла. Сам же ученый готов работать дальше, несмотря на тяжелую потерю.
— Чего ты там про кислород-то сказал? — помрачнел Мартин.
— Позже обсудим, когда примем решение по главному вопросу: летим к Бете или добываем на Альфе, — отрезал Себастьян.
— А если я хочу прямо сейчас? — прищурился конструктор систем залпового огня.
— Прямо сейчас мы его сжигаем на болтовню. Запустим харвестеры — тогда и поговорим, — веско изрек ученый.
Мартин посмотрел на друга как-то очень странно, но больше на развитии темы не настаивал. Лишь в процессе дальнейшего обсуждения он то и дело бросал на Себастьяна осторожный взгляд, в котором читалось нечто доселе не появлявшееся.

Гарольд предпочитал добычу здесь и сейчас. Лучше синица в руках — примерно такую аргументацию он выдвигал, не желая рисковать и лететь к планете Бета. Сонмер и его сын считали с точностью до наоборот. Возможности харвестеров были им слишком хорошо известны, чтобы они согласились остаться на Альфе.

Наибольший риск они усматривали именно в этом. Если роботам не попадется особо насыщенный Гелием-3 пласт реголита, то шансы на спасение окажутся весьма призрачными. Образцы породы, взятые на южном полюсе, не позволяли надеяться на чудо, хотя такового все же и не исключали. Зато добычу ТОЧНО придется вести на ОЧЕНЬ сложной местности. Несколько продолжительных задержек, пара десятков поломок — и пиши пропало. Сонмер и Мартин предлагали отправиться к Бете, а там уж как судьба распорядится. В конце концов, если Гелий-3 нашелся на одной планете, с чего бы ему не присутствовать и на другой?

Себастьян в целом разделял аргументацию и бородача и представителей семьи Лансберг, однако внезапно выдвинул и свою идею. Харвестеры можно выпустить прямо здесь, после чего "Корундора" улетает к Бете и быстро исследует ее полюса. Пока это происходит, оставленные роботы спокойно перепахивают поверхность Альфы и заполняют баллоны Гелием-3, ибо на это требуется немало времени. Времени, за которое экипаж звездолета успеет провести разведку на второй планете, благо что добираться до нее недолго. "Корундора" возвращается за роботами в любом случае. Если на Бете концентрация топлива выше, она забирает их и летит к новому месту добычи, прихватив уже собранную порцию изотопа. Если вторая планета ничуть не перспективнее, а то и вовсе пуста, тогда звездолет остается на орбите Альфы вплоть до самого конца, то есть спасения или смерти.

Нашлось собственное мнение и у Аулины, полностью совпавшее с мнением Мелиюбиуса. Оба предложили еще раз подключить искусственный разум к бортовому компьютеру, содержавшему галактический атлас астрономических тел, и оценить перспективу исследования Беты с учетом вороха новых данных по Альфе. Теперь, сопоставляя карту рельефа и образцы породы с записями по IBRSF-7413a, он сможет точнее составить прогноз касательно IBRSF-7413b. И вот на основании этого прогноза командный состав "Корундоры" сумеет принять более взвешенное решение.

Гарольд с предложением сестры и сиреневого ментора согласился, Сонмер и Мартин воздержались, а Себастьян традиционно высказался против. Не категорично, но против, поскольку до сих пор считал единственно правильным ограничивать искусственный разум в доступе к критически важным системам звездолета. В итоге получилось двое против одного, поскольку мнение самого Мелиюбиуса в таких вопросах не учитывалось.

— А, ну вас в черную дыру! — фыркнул ученый, но препятствовать подключению не стал.

Сиреневый Бутон, соединенный кабелем с главным компьютером,

тут же принялся за дело, пока люди обменивались какими-то малозначительными репликами.

Сравнительный анализ данных занял всего пятнадцать минут, включая неоднократное моделирование вероятных физико-химических процессов. Такую быстроту творение Себастьяна объяснило хорошей предварительной подготовкой. Ему ведь уже доводилось работать с означенным материалом, ныне дополненным свежедобытой информацией.

— Итак, я предполагаю, что путешествие к планете IBRSF-7413b, то бишь Бете, имеет определенный смысл, — степенно стал излагать Мелиюбиус, попросив всеобщего внимания. — Судя по некоторым астрофизическим данным вроде оси наклона относительно звезды вкупе с траекторией орбиты и продолжительностью суток, планета достаточно перспективная. Разумеется, только в том случае, если состав ее пород на полюсах, упомянутых в атласе исключительно в общих чертах, кардинально не отличается от таковых на Альфе. Иначе это получится все та же угадайка с непредсказуемым исходом. С другой стороны, геологические данные из справочника косвенно указывают на некоторое превосходство реголита Беты, если принять во внимание уже известный нам реголит Альфы. Таким образом, я, если позволите, выношу свой личный вердикт. "Корундоре" следует отправиться к планете Бета, но лишь при условии, что во время ее полета на южном полюсе Альфы будут запущены харвестеры.

— Что ж, спасибо за поддержку, — милостиво буркнул Себастьян.

— Одобряю! — тут же заявила Аулина.

— Согласен! — кивнул Мартин.

Гарольд ничего не сказал, но красноречиво пожал плечами — мол, так уж и быть, я не возражаю.

— Ничего не выйдет! — внезапно, к общему удивлению, заявил Сонмер. — За роботами нужен присмотр, если мы не хотим лишиться всей армии добытчиков!

Он тут же подробно все объяснил, упреждая уже начавшие сыпаться вопросы.

Харвестеры, смастеренные беглецами в цеху звездолета, обладали хорошей автономностью и были вполне сообразительны, но все же не настолько, чтобы самостоятельно работать в сложной местности южного полюса при полном отсутствии людей. В процессе добычи им потребуется корректировка, а в особо сложных случаях, вероятно, и помощь. Кроме того, роботам необходимо заменять элементы питания, а это придется сделать минимум трижды за трое суток. Ведь именно столько времени понадобится экипажу "Корундоры", чтобы слетать к Бете, разведать ее полюса и

вернуться обратно, и то если действовать в максимальном темпе. Конечно, можно запрограммировать одних роботов, чтобы они обслуживали других, но ни технологию перезарядки, ни ее программное обеспечение пока еще никто не отрабатывал, а на это уйдут бесценные день-два. В любом случае, даже если забыть про смену энергетических батарей, за роботами необходимо приглядывать, а как это сделать, если "Диаманта" отправится к Бете вместе с "Корундорой"?

Выслушав Сонмера, ученый даже бровью не моргнул и ответил сразу, будто только и ждал прозвучавшего возражения.

— Скафандры типа "Штурмовик 4" обладают достаточной автономностью, чтобы провести в них несколько суток. Да, потребление ресурсов придется снизить и пожить на пайке из питательной смеси через трубки, однако это вполне реально, — подчеркнул он, давая понять, каким образом преодолевается озвученное препятствие. — Два человека уж всяко справятся с сотней роботов, особенно если станут дежурить по очереди.

— Да неужели? — усомнился отец Мартина. Он быстро обдумал идею и нашел ее не лишенной смысла, однако, на его взгляд, все было отнюдь не так просто. — И где же мы найдем таких сумасшедших, согласных остаться в ледяной темноте без всяких признаков жизни и атмосферы? Им ведь придется проторчать там несколько циклов, а "Корундора" может вовремя и не вернуться.

— Первый доброволец — я, — спокойно ответил Себастьян. — Нам потребуется лишь второй, но, в крайнем случае, я прихвачу с собой Мелиюбиуса.

— Я могу дежурить и один. Тогда для людей не будет никакого риска, — предложил Сиреневый Бутон.

— Не пойдет. На борту звездолета слишком много людей, которые захотят оставить тебя там навсегда, — мотнул головой ученый, и его горячо поддержала Аулина. — Со мной же им будет на порядок сложнее осуществить нечто подобное, поскольку тогда придется бросить и меня. А это вряд ли допустит другая часть экипажа.

— Ну я уж точно не позволю разбить сердце моей сестре! — сурово заявил Гарольд. — Да и она кого хочешь за тебя за борт выкинет, даром что пигалица!

— Может, уже и выкинула, — пробормотал Мартин.

— Чего?! — от неожиданности выпучил глаза бородач.

— Пардон, мысли вслух. Ничего такого я не имел в виду, — смутился конструктор турелей, чувствуя на себе очень нехороший взгляд. — Это я вспомнил слова Себастьяна о кислороде, а ляпнул реплику в женском роде при упоминании Аулины. "Может, уже кто и выкинул" — я хотел сказать.

— Так себе оправданьице! — холодно прищурился Гарольд. — Кроме того, даже в исправленной форме как прикажешь это понимать?
— Если Аулина, в контексте уточнения Себастьяна, права, и кто-то действительно приложил руку к смерти Глена и Джулет, то нечто подобное могло произойти и раньше, — отводя глаза, произнес Мартин. — Между прочим, история со шлюзом лично у меня до сих пор вызывает вопросы.
— У тебя или у Кимберли? — вконец налился льдом голос бородача.
— А не имеет значения! — огрызнулся конструктор. — Не важно, кто задает вопросы — важно какие на это звучат ответы. Я, кстати, никого не обвиняю. Просто высказываюсь по затронутой Аулиной теме.
— И какой же ответ тебя не устраивает? — процедил Гарольд.
— Что ж, изволь, если настаиваешь на откровенности, — принял вызов Мартин. — Меня не устраивает его отсутствие. Два человека погибли, а внятного объяснения произошедшей со шлюзом аварии так и нет! Какой-то неисправный дрон вдруг спятил и повредил систему, да так, что не сработали все степени защиты? И я слышу это от специалиста по компьютерным сетям? Полноте!
— По-твоему, я что-то скрываю?! — с прихрипом выпалил бородач.
— Не обязательно. Достаточно не слишком хорошо искать, — язвительно заметил конструктор.
Себастьян побледнел. Слова друга разили его слух каленым железом, и особенно тягостно они звучали на фоне многозначительно помалкивавшего Сонмера. Тот не поддерживал сына, но и не вмешивался, позволяя ему высказаться. М-да, тут однозначно не обошлось без пагубного влияния Кимберли, но когда же она сумела пробить рациональное мышление мужа и заразить его своей параноей? Ученый открыл было рот, чтобы выразить протест и призвать Мартина к благоразумию, но внезапно осознал, что возражать ему значит противоречить себе и Аулине. А ведь у них обоих имелись определенные сомнения в истинной причине смерти Джулет и Глена. Если сейчас Мартина угомонить и убедить его в необоснованности столь пугающих подозрений, тогда и на собственных подозрениях можно ставить крест. Эту тему нужно либо не закрывать, либо не поднимать вообще. Третьего — нам можно, а вам нельзя, — во избежание осложнения и без того непростой обстановки на борту лучше не допускать.

Аулина, слушая нарастающий конфликт брата с Мартином, сама становилась белее снега. С одной стороны, она успела пожа-

леть, что открыто затронула столь скользкий вопрос. С другой — вскрывавшиеся мысли и настроения становились источником полезной информации. Лучше уж объясниться сразу, нежели сочиться ядом и держать камень за пазухой. Девушка молчала, не находя подходящих слов, как молчали и все остальные пока страсти стремительно накалялись. Положение спас вмешавшийся Мелиюбиус.

— Мы здесь принимаем план спасения или выясняем кого в чем сделать крайним?! — необычно громко заявил он, подавшись вперед. — Если хотите, устройте потом еще одно собрание, посвятив его поиску виновных во всех грехах. А сейчас давайте сосредоточимся на окончательном решении о добыче топлива!

Его слова отрезвили как разъярявшегося Гарольда, так и дрожавшего от гнева Мартина. Остальные, ухватившись за предложение сиреневого рефери, немедленно призвали стороны угомониться. Мол, и впрямь сперва следует заниматься самым неотложным делом, а затем уже выяснять отношения.

— А чего тут решать? Я согласен, — буркнул, отворачиваясь, Гарольд. — Двое остаются на южном полюсе с роботами, остальные летят разведывать Бету. Надо лишь определиться с кандидатурами, пока я прокладываю курс для "Корундоры".

— По существу — да, я поддерживаю, — заявил, остывая, Мартин. — Вот только надо найти второго добровольца?

— Второго и третьего, — подал голос Сонмер. — Двоим не справиться. Им потребуется помощь, особенно на дежурстве. Себастьян слишком смело предложил двоих. Нужен кто-то и третий.

Поскольку план добычи Гелия-3, в конце концов, был принят единогласно, обсуждение перешло в фазу отбора остающихся на Альфе астронавтов. Да, именно отбора, так как предлагать добровольное участие абы кому не имело смысла. К примеру, компания из Пауля, Анатоля и Тани просто гарантированно завалит дело за отсутствием всякого полезного опыта. Завалит, да еще и себя погубит. И три, а не две кандидатуры наобум — отнюдь не случайность, ибо еще неизвестно, что на планету обязательно отправится именно Себастьян.

Дебаты закончились в девятнадцать часов. Список людей, потенциально пригодных к дежурству, сократился до двух вариантов. В зависимости от их согласия это будут либо Сонмер, Йонас и Себастьян, либо Элмер, Мартин и Анатоль. Пауль не подходил из-за возраста, да и Гарольд наотрез отказался пускать этого бездельника и неумеху в космос. Родственные чувства тут были ни при чем. Бородач с удовольствием выдал бы ему билет в один конец, но младший братец не только угробит себя, но и запросто

прихватит за компанию кого-нибудь еще. А то и вовсе сорвет всю добычу топлива. Кандидатура самого Гарольда не рассматривалась по другой причине. Остальные ведущие специалисты худобедно могли заменить друг друга, а вот иных мастеров по части компьютерных систем в распоряжении беглецов не имелось. Случись что с бородачом — и на сложных программах для роботов можно будет поставить крест, равно как и на полноценном взаимодействии с терминалами звездолета. Оставалась еще и женская часть экипажа, но она фигурировала условно. Аулину заведомо исключили в любом случае, как исключили и Кимберли. Одну ввиду врачебных обязанностей — ситуация с грибком оставалась более чем актуальной, — а другую из-за троих детей. Сара и Тереза не подходили по возрасту. Здоровье и долголетие, благодаря современной медицине — это одно, а фактические экстремальные нагрузки на организм — совсем другое. Оставались Юния, Тани и Луизара, но всерьез на них никто не рассчитывал. Во-первых, они вряд ли согласятся, а во-вторых, как бы от неопытных женщин не оказалось больше вреда, чем пользы. Впрочем, на всякий случай их согласия тоже решили спросить — мало ли что. Ну а пока тройка астронавтов не была утверждена Гарольд и Мартин стали готовить "Корундору" к вылету. Одновременно с этим Сонмер, Себастьян и немного пришедший в себя Элмер занялись армией роботов и спешными приготовлениями к продолжительной высадке. Аулины все это не касалась. Она отправилась в медотсек, чтобы заняться проблемой с Плесциллой Корундорус.

В отсутствие подруги Кимберли наконец-то сподобилась взять анализы у всех членов экипажа, кого из-за утренней драмы не успели принять вовремя. К ее возвращению компьютер успел завершить углубленное исследование биоматериалов, так что Аулина получила на руки актуальные данные на каждого человека. И эти данные ей очень не понравились. Да, Гарольд с Элмером выздоровели, как выздоровели Вайолет, Анатоль и она сама, и тут было чему порадоваться. Почти поправилась и недавно захворавшая Юния, в чьих легких практически не осталось грибка. На этом хорошие новости заканчивались. Состояние Луизары, Терезы и Сары заметно ухудшилось. В их тканях Плесцилла Корундорус продолжала активно развиваться, будто лекарство, успешно помогавшее остальным, на этих женщин едва действовало. Появились и новые инфицированные в лице Пауля и Себастьяна. Это означало, что патогенные споры из атмосферы звездолета никуда не делись и по-прежнему заражают экипаж. Впрочем, обнаружив грибок в дыхательных путях жениха, Аулина нашла в этом и положительный аспект. У нее появилось веское основание требовать его

исключения из списка остающихся на Альфе астронавтов. Всем пациентам, кроме находящихся на стадии исцеления, требовался регулярный курс Хломикозмицина. Препарат следовало вводить каждые восемь часов, чтобы уверенно преодолеть заразу и не допустить ее взрывного развития. Человек, изолированный в скафандре на три-четыре цикла и, как следствие, не получающий должной врачебной помощи, рисковал не только здоровьем, но и жизнью. Грибок просто сожрет его легкие, пока "Корундора" мотается туда-сюда, и обратно на борт она возьмет хладный труп. И это даже в том случае, если Хломикозмицин вообще поможет, чего в случае как минимум троих пациентов особо не наблюдалось. Кстати, с означенной проблемой надо было что-то делать. Сравнивая старые и новые анализы, Аулина пришла к неутешительному выводу. Продолжавших болеть женщин Плесцилла Корундорус медленно, но верно убивала. Более того, пагубный процесс постепенно ускорялся, хотя препарат им всем вводился своевременно и в строго выверенной дозе. Исходя из истории развития болезни, Аулина быстро просчитала на компьютере прогноз. Вердикт электронного врача был однозначен: до предполагаемого прыжка к "Контиладе" пациентки не доживут. Прошептав пару не слишком приличных слов, девушка схватилась за голову. Этого еще не хватало! Вне себя от волнения она принялась ходить взад и вперед по приемной, опустевшей после смерти Джулет и Глена. Проклятье, почему не помогает Хломикозмицин?! Индивидуальная реакция? Особенности организма? Какие-то незамеченные осложнения? Просто чертовщина какая-то!

Спустя четверть часа метаний Аулина сообразила, что одна не в состоянии разрешить создавшуюся проблему. Ей требовалась помощь, и она знала, кто способен ее оказать. Вызвав по интеркому Себастьяна, девушка потребовала доставить в медотсек Мелиюбиуса, а ежели жених против, то свой грибок, который он подцепил, лечить будет сам. Ученый решил не рисковать собственной шкурой и вскоре привел к невесте сиреневого советчика, оторвав его от бригады ЭлСо и проверки харвестеров. Кратко изложив обоим суть проблемы, Аулина вытолкала суженого обратно в цех и осталась наедине с искусственным разумом.

— Фигова роща! Я не понимаю, что происходит! — воскликнула она, апеллируя к мудрости верного друга.

— Ну, технически ни одно лекарство не дает стопроцентного результата, — подумав, протянул Мелиюбиус. — Всегда бывают исключения.

— Это я знаю. Но сразу у троих из всего-то десятка человек? Слишком неправдоподобная случайность, — усомнилась девушка.

— В любом случае, делать-то что?
— У нас два варианта, — еще немного поразмыслив, сообщил сиреневый доктор. — Либо мы ищем причину неэффективности нынешнего лечения, либо составляем новое. В первом случае процесс может опасно затянуться, а толку от него, скорее всего, не будет. Согласись: ну выясним мы, почему не справляется Хломикозмицин, и? Что это даст? Знание, по какой именно причине скончался еще один человек? Вряд ли такой исход тебя устроит. Второй вариант тоже не идеален, ибо не исключает осложнений из-за резкой смены лекарства, однако если нынешнее не годится, то хуже чем сейчас уж точно не станет.
— А оно у нас есть? Другое-то лекарство? — усомнилась Аулина.
— Разумеется. Иначе зачем бы я стал его предлагать? — невольно удивился Мелиюбиус. — Просто при данном диагнозе Хломикозмицин считался наиболее подходящим средством, однако, исходя из содержимого аптечки медицинского блока "Корундоры", мы можем подобрать и альтернативу. Это подтвердит и Себастьян, ибо он еще тогда успел просмотреть список всех более-менее пригодных препаратов.
— Тогда давай приступать! — решительно сказала девушка. — Я не собираюсь сидеть и ждать пока еще несколько пациентов умрет, включая мою бабушку Сару! Я и так еле пережила смерть отца, к которому теперь хожу реветь в морг. Потери еще одного дорогого мне человека я не переживу.
— Учту, — мягко изрек Бутон, озарившись сиреневым светом лепестков, и тут же принялся за дело.

С новым курсом лечения искусственный разум возился недолго. Используя обилие имевшихся в компьютере данных, включая личные файлы больных, он старательно рассчитал дозу выбранных медикаментов. Вместо одного средства на сей раз использовалась комбинация из трех, предполагавшая примерно тот же результат. Насколько точным окажется это предположение — должны были показать ближайшие двое суток.

Аулина не стала затягивать с обновленной программой медицинской помощи. Вызвав всех трех хворавших женщин, она незамедлительно сделала им инъекции и наказала сразу же сообщать ей о любых изменениях в самочувствии. Пациентки, благодарные за искреннее внимание, пообещали и удалились, а девушка вновь осталась наедине с сиреневым доктором.
— Не стоило тебе сегодня поднимать тот вопрос, — внезапно сказал он задумчивым тоном. — К сожалению, я не мог осадить тебя при всех. Тогда для присутствующих стала бы очевидна либо наша дружба, либо моя наглость, а и то и другое слишком многих вряд

ли устроит.
— Почему? — нахмурилась неприятно удивленная Аулина.
— Ты непосредственно про вопрос или… А, не важно! — перебил сам себя Мелиюбиус. — Давай сразу все объясню.
Последующий рассказ искусственного разума девушке понравился еще меньше, чем недавний прогноз медицинского компьютера.

Проблема заключалась не в самих подозрениях Аулины, на которые она вполне имела право. Ее внимание к деталям заслуживало всяческих похвал, а рассуждения имели под собой достаточно оснований, чтобы к ним, как минимум, прислушались. Вот в том, кто именно их слушал, как раз и была главная загвоздка. Выложи Аулина все подчистую тому же Себастьяну — и ничего страшного бы не стряслось. Совсем другое дело — ошарашить столь громким заявлением Мартина и Сонмера, да еще в присутствии Гарольда. И вот почему. Мартин, достаточно долго противостоявший Кимберли, последние дни стал поддаваться деструктивному влиянию жены. Не потому, что поглупел и утратил рациональность мышления. Сказывался целый набор факторов, где отнюдь не последнюю скрипку играл стресс. Ведь даже самый стойкий человек, находясь в экстремальных условиях три недели кряду, начинает вести себя все менее адекватно. А многие сходят с катушек куда быстрее. Подозрительность, тревожность, повышенная возбудимость и даже приступы мании преследования — в таких случаях вполне естественные вещи. Сперва Мартин деликатно отмахивался от маниакальных заявлений супруги, потом перестал над ними посмеиваться, а еще спустя время начал задумываться. Сегодняшнее внезапное выступление Аулины подействовало на него не лучшим образом. Плотину, доселе сдерживаемую здравым смыслом, прорвало, и Мартин всерьез допустил версию чьего-то злого умысла. К сожалению, не только он. Сонмер не просто так молчал. Вряд ли предполагая именно убийство, техник наверняка не исключает чьей-то халатности или ошибки. Ошибки, которую некие лица предпочли замять. До сих пор отец Мартина сам выступал в защиту Аулины, которая прибежала к шлюзу непосредственно перед ним. Вот только память людей изменчива, особенно когда они склонны рассматривать прежние события в новом свете. Сонмер, вполне вероятно, уже сомневается, действительно ли он поспел за девушкой так быстро, что у нее ни на что не хватило бы времени. Ложные воспоминания о каких-то деталях, на деле никогда не существовавших — у него есть немалые шансы стать жертвой этого явления. С чего бы вдруг? Стычка Мартина с Гарольдом и брошенные в ней слова способны подхлестнуть и менее развитое воображение. Допустим, Густав и Глория застряли в

шлюзе и просили о помощи. Оказавшись на месте происшествия первой, Аулина допускает фатальную ошибку в командах управляющей панели и людей выбрасывает в открытый космос. Испугавшись содеянного, сразу она в этом не сознается, боясь реакции остальных членов экипажа и в первую очередь убитых горем родственников. Ну а затем любимую сестру начинает покрывать Гарольд. Докопавшись до истины, он никому не сообщает о результатах расследования, сваливая все на неисправного — факт — дрона, и на этом точка. А проверить его выводы некому, ибо только бородач обладает достаточной квалификацией для извлечения компьютерных данных такого рода. Вот вам и готовая теория заговора локального масштаба. Кимберли, никому не простившая брошенного в космосе деда, ухватится за любую соломинку, чтобы пойти в атаку. С какой целью? Потому что ее психика не выдержала испытания и теперь она ненавидит всех, кто, по ее мнению, виновен в крахе счастливой жизни семей Лансберг и Апрайт. Ненавидит, и в приступе злобы способна на непредсказуемые поступки. Ближайшее окружение в лице мужа и родных автоматически становится сперва невольными жертвами ее истерии, а затем и союзниками, как вынужденными, так и искренними. Вероятно, союзником своей жены ныне стал Мартин, а следом за ним подтянется и Сонмер. С Юнией так и вовсе вопрос ясен — какая мать не поддержит дочь, к тому же вылечившую ее от грибка? При этом факт, что лечение придумала не Кимберли, а три виновника всех несчастий во внимание не принимается. Ну, два виновника, а не три, ибо Аулину пока к списку главных злодеев, состоящего из молодого ученого и его творения, никто не причисляет. Пока... На этом фоне, к сожалению, ничего хорошего не приходится ждать и от Гарольда. Теперь он вступил в конфликт с Мартином, открыто поставившим под сомнение его профессиональную репутацию, да еще столь вызывающим образом. Кроме того, защищая сестру, старший брат способен даже на преступление, на которое и пойдет в случае необходимости. Поведение Себастьяна, молчавшего при накалявшихся страстях, также выглядит весьма красноречиво. Вероятно, он тоже кого-то подозревает, и пока трудно сказать, кого именно: представителя семьи Лансберг или Гарольда. Каждый из них мог приложить руку минимум к одному якобы несчастному случаю, произошедшему на борту "Корундоры", а то и больше. И за медотсек, когда там скончались Глен и Джулет, отвечала, между прочим, ни кто-нибудь, а Кимберли, чьи отпечатки пальцев ввиду самого факта дежурства никто всерьез не воспринимает. Допускает ли Себастьян мысль, что она таким образом отыгралась за гибель своего деда? После сегодняшней

стычки на мостике не исключено, что уже допускает. Слишком уж много смертей произошло на борту звездолета с момента побега. Пусть даже каждая из них по отдельности вполне объяснима, в совокупности они перестают укладываться в статистическую картину случайностей и у самого трезво мыслящего человека. Особенно на фоне продолжительного стресса, вызванного различными происшествиями, и не в последнюю очередь острым дефицитом кислорода. Надо быть поистине великим стоиком, чтобы игнорировать мысли о вполне вероятной смерти от удушья всего через сколько-то там дней.

Аулина, сидевшая в кресле врача, выглядела мрачнее некуда. Слова Мелиюбиуса вызывали у нее весьма болезненные чувства, ибо звучали не столько пугающе сами по себе, сколько затрагивали близких ей людей. Хорошо еще, что в них не фигурировали какие-нибудь взаимные подозрения Себастьяна и Гарольда.

— Кстати, сегодня никто не упомянул вопрос с оранжереей, а мне, поверь, доводилось слышать твоего брата. Он недоумевает, каким образом Кимберли попала туда, куда даже ему вот так запросто не удалось. Хуже того, точно в таком же духе рассуждает и мой создатель, а ведь им обоим известно, что кроме них двоих про блок J-08 никто не знал, — как назло, сказал Бутон. — Мне кажется, что Себастьян склонен видеть какую-то связь между Гарольдом и гибелью вашего отца. Прости, если сейчас этими словами я сделал тебе особенно больно, но лучше услышать подобное от меня, нежели кого-то другого. Надеюсь, я ошибаюсь, и Себастьян всерьез не подумает, что Гарольд припомнил Дориану смерть матери. В таком случае лагерь наших сторонников получит мощный раскол.

— Наших сторонников? — невольно переспросила Аулина, прощая сиреневому другу столь вопиющее заявление о ее семье.

Да, он говорил очень неприятные вещи, однако приходилось признать их вполне весомую обоснованность. Кроме того, рассуждения искусственного разума воспринимались девушкой менее агрессивно. Кому другому она давно бы велела умолкнуть, а то и вовсе выставила бы за дверь. Мелиюбиус же вызывал у нее повышенное доверие, вызванное целым рядом факторов: необычным воплощением, вниманием, рассудительностью и манерой общения. Главное — он не был человеком, а людям всегда гораздо проще довериться кому-то не из своей среды. Именно поэтому откровения чаще всего звучат между совершенно посторонними лицами, а в данном случае — разумами.

— Именно так, — многозначительным тоном подтвердил Мелиюбиус. — К нашей с тобой дружбе даже мой создатель относится не очень одобрительно, а Гарольд позволит ее только как прихоть лю-

бимой сестры. Ведь оба относятся ко мне очень неоднозначно, и уж точно не как к равному. И это они, два близких тебе человека. Тот же Мартин, узнай он, насколько тесно мы общаемся, сразу утратит всякое расположение к тому, чьими советами и услугами он постоянно пользуется. А он его уже утрачивает, успев поддержать позицию Себастьяна по недопущению меня до бортовых систем "Корундоры". Кимберли же и вовсе запишет тебя в такие же враги, как "сиреневую железяку", с которой ты, вероятно, заодно. За ними и остальные подтянутся. Думаешь, Себастьян просто так ляпнул про космос? Мол, меня одного он там не оставит, чтобы не бросили. Отнюдь. Нарастающая проблема взаимоотношений не проходит для него незамеченной. Кстати, я должен сказать ему спасибо! Он мне не доверяет, но забота создателя о своем творении очевидна. В общем, все это в совокупности я и имел в виду, когда сказал, что не мог тебя осадить. Присутствующие на мостике либо сочли бы меня возмутительно наглым, а это плохо — говорящий компьютер должен знать свое место, — либо сообразили, что ты позволяешь мне такие высказывания ввиду определенного уровня нашего контакта, а подобный вывод еще хуже. Вне всяких сомнений отношение Мартина и вообще Лансбергов и Апрайтов к нам обоим упало бы до весьма неприглядного уровня.
— Погоди, я не поняла. Это мне и тебе нужны сторонники? — еще раз уточнила, хорошенько призадумавшись, Аулина.
— Не совсем так, хотя, по правде говоря, я бы от таковых не отказался, — тихо прошелестел Мелиюбиус. — Я подразумевал костяк из тебя, меня, Себастьяна и Гарольда. Любой раздор между последними двумя крайне нежелателен, ибо тогда нашему единству конец. Единству нашей группы, ибо общее единство на корабле разрушается уже давно и сейчас находится на грани краха. Надеюсь, ты понимаешь, что в условиях критически ограниченного времени на спасение это ничего хорошего не сулит.
— Если ты о том, что все перегрызутся, вместо того, чтобы заниматься делом — да, сквернее некуда, — хмуро кивнула девушка.
— Вот именно поэтому нам с тобой надо подойти к выбору кандидатур для высадки на планету весьма прозорливо, — очень серьезным тоном произнес Сиреневый Бутон. — Слыхала про политику "разделяй и властвуй"? Попробуем провернуть нечто подобное, то есть разделить экипаж таким образом, чтобы надежно держать его под контролем.

К ночи тема трагических происшествий на "Корундоре" вновь всплыла для Аулины с самой неожиданной стороны. Себастьян, не оставшийся равнодушным к подозрениям невесты, завел с ней осторожный разговор, когда молодые люди уединились в домашней

секции. Мелиюбиус был не в счет, раз уж он все равно слышал на совещании каждое слово.
— Ты всерьез допускаешь, что моя тетя и ее муж умерли не без чьего-то вмешательства? — с едва уловимым, но все же заметным напряжением в голосе спросил ученый.
Девушка как раз расчесывала свои длинные каштановые волосы, кое-как умытые скромной порцией воды в душевой. Ее рука, вздрогнув, на секунду остановилась, а затем вновь продолжила свой бег с зажатой в ней расческой.
— Да, я этого не исключаю, — негромко сказала она, глядя в зеркало, но не столько на себя, сколько украдкой изучая суженого.
Сей отражающий предмет, давно уж раздобытый в одном из технических отсеков, служил ей сейчас отличным наблюдательным инструментом.
— Я пришел на совещание довольно поздно и многое из твоих слов пропустил. Не расскажешь мне все еще разок? — предложил Себастьян.
Аулина бросила взгляд на Мелиюбиуса, но тот вел себя предельно смирно и не издавал никаких звуков. Вероятно, считал тему беседы вполне допустимой. Неторопливо продолжая свое занятие, девушка вкратце пересказала суть возникших у нее подозрений.
— Ты подразумеваешь кого-то конкретного? — помолчав, осведомился ученый, выслушав ее до конца.
— Кого, например? — ответила вопросом на вопрос Аулина.
Она чувствовала, что жених завел этот разговор не просто так, поэтому, поднаторев на советах Мелиюбиуса, хотела воспользоваться случаем и вытянуть все, что у молодого человека на уме.
— Например, на Кимберли, — с деланным безразличием изрек ученый, будто просто наобум называл один из вариантов. — Мотив у нее есть. Отомстить за деда, особенно тем, кто бросил его тело в космосе.
— Недостаточный мотив. Если и мстить, то за саму смерть. Надеюсь, ты еще не забыл сегодняшнюю стычку Гарольда и Мартина? Из нее многое можно почерпнуть, — многозначительно заметила девушка.
— Это был несчастный случай, — как-то глухо сказал Себастьян.
— Да. Но кто-то из них, видимо, так не думает. УЖЕ не думает. А может и они все, — выразительно произнесла Аулина.
— Не могу представить, чтобы бредни Кимберли заразили такого умного человека как Мартин! — довольно эмоционально заявил ученый. — Ее безумная фантазия решительно ни на чем не основана!
— А что, если основана? — внезапно обернулась девушка. — Да,

Кимберли и Мартин по большому счету говорят наобум, но что если в том инциденте и впрямь не все так, как кажется?
— О чем это ты? — опешил молодой человек.
— Себастьян, я кого-то видела! — выпалила, припоминая тот инцидент, Аулина. — Видела в конце коридора! Кто-то убегал от шлюза как раз тогда, когда я там очутилась! Да, пускай Кимберли, Мартин и вообще кто угодно строят свои теории заговора на пустом месте, но ведь я-то знаю, что их подозрения имеют под собой нечто куда весомее, чем одно лишь сотрясение воздуха. Если бы не алиби от Сонмера, они бы уже давно обвинили меня, а тот, глядишь, со временем и сам начнет в нем сомневаться, если уже не сомневается.
Себастьян побелел так, что невеста всерьез испугалась за его здоровье. Вскочив с кресла в мелкую сеточку, он забегал по домашней секции так, будто ее пол превратился в нагреваемую сковородку. Казалось, молодого человека и впрямь жжет словно каленым железом, отчего он не может ни усидеть на месте, ни даже спокойно остановиться.
— Ты в порядке? — взволнованно осведомилась девушка.
— Это был несчастный случай! — как-то с надрывом вновь воскликнул Себастьян.
— Говорю же тебе — я кого-то видела! Понимаешь? ВИ-ДЕ-ЛА! — решительно заявила девушка. — К сожалению, я его не опознала, а позже, по вполне понятным причинам, никого расспрашивать уже не решилась. Ты вто… первый, кому я об этом сказала.
— Аулина, это был я! — вдруг вскричал ученый.
Застыв столбом напротив невесты, теперь он был белее снега. Девушка внезапно припомнила, что примерно так Себастьян и выглядел, когда она встретила его после трагедии в шлюзе С-11.

Последовавшее бурное объяснение ошеломило Аулину едва ли меньше, чем тогдашнее происшествие вообще. Как оказалось, первым к месту гибели Густава и Глории прибыла отнюдь не она, а ученый. Причем произошло это тогда, когда застрявшие в шлюзовой камере люди были еще живы. Узнав Себастьяна, они принялись стучать и махать ему, а тот пытался их вызволить, стараясь разобраться в происходящем. Увы, консоль управления отказывалась ему повиноваться, находясь в аварийном режиме, а затем… Внешний люк внезапно открылся, и несчастных выбросило в открытый космос прямо у Себастьяна на глазах. Он испытал глубочайший шок. Его психика получила тяжелый удар, адекватность действий нарушилась. Услышав чьи-то приближавшиеся шаги, объятый ужасом ученый не придумал ничего лучше, как убежать, будто сотворивший злодейство преступник. Он припустил по ко-

ридору и скрылся за углом, а затем кружным путем прибыл в цех. Там Себастьян якобы и узнал о происшествии, хотя на деле ни с кем особенно не говорил, ибо держался от всех подальше. Его, белого как снег, основательно трясло, что было трудно скрыть, поэтому ученого многие видели, но лишь издали. В таком состоянии он и встретился с невестой, даже не подозревавшей об истинной причине нервозности жениха.

Исповедь Себастьяна грянула не хуже могучего взрыва энергоузла, некогда сотрясшего ангар "Элегии".

— И ты молчал?!. — ахала Аулина, хватаясь за голову.

— Потом было поздно признаваться. Пошли такие разговоры, что я счел за благо помалкивать, пока меня в чем-нибудь не обвинили, — пояснил дрожавший от волнения ученый.

Ему стало гораздо легче после того, как он открылся своей возлюбленной, но страх разоблачения всколыхнулся с новой силой. Особенно теперь, когда тема самоубийства и прочих трагических случаев скачкообразно развилась до чьего-то потенциального умысла.

— Но почему ты мне не сказал? — вопросила ошарашенная девушка.

— По той же причине, по которой и ты мне не сказала, что кого-то видела, — резонно заметил Себастьян. — Мы предпочли сохранить все в тайне, боясь ухудшить и без того непростую ситуацию. Теперь она и впрямь ухудшилась, а обратной дороги нет. Расскажи мы обо всем сейчас — и нам уже никто не поверит.

— Гарольд поверит! Твой отец поверит! — с жаром воскликнула Аулина.

— Боюсь, не все так просто. Во всяком случае, касательно Гарольда, — покачал головой ученый. — Во-первых, он меня подозревает. Я ни на грош не верю в его неспособность разобраться в причине происшествия хотя бы отчасти. Между прочим, твой брат устанавливал хронологию перемещений всех членов экипажа на момент ЧП в шлюзе С-11 и знает, что меня не было там, где я указывал. Пусть и с небольшой погрешностью, но все же не было, а в таком деле несколько минут — более чем достаточно. Во-вторых, Мартин и Кимберли все равно считают его заодно с нами, как, кстати, и моего отца, так что подозрительность Гарольда в данном случае скорее плюс, чем минус. Она абстрагирует его от нас, вынуждая сохранять известный нейтралитет. Лучше пусть все остается как есть, нежели он начнет меня открыто выгораживать, а это проявится, тем или иным образом. Ведь кое-кто и так наверняка думает, что он выгораживает тебя.

При этих словах девушка многозначительно посмотрела на Мелиюбиуса, с которым уже имела беседу схожего толка и содержа-

ния, но ничего не сказала. Тот тоже помалкивал, не вступая в диалог, куда его прямо не приглашали. Себастьян либо настолько привык к присутствию Бутона, что начисто о нем забыл, либо не считал нужным апеллировать к его мнению, при этом полностью полагаясь на молчание своего детища.
— Фигова роща, что же теперь делать... — прошептала растерянная Аулина.
Ох, лучше бы она сегодня помалкивала в тряпочку, воинственно не поднимая столь скользкий вопрос! Исходя из предположения того же Мелиюбиуса, кто-то и впрямь мог оказаться замешан в смерти Джулет и ее мужа, но совсем другим образом. То есть оказаться виноватым не больше, чем Себастьян в гибели Густава и Глории. Только вот каша может завариться совсем иного рода, а пресловутого джинна в бутылку обратно по щелчку пальцев не загонишь.
— Оставить все как и есть, побыстрее собрать топливо и добраться до "Контилады", — предложил немного успокоившийся ученый.
На том и порешили.

Аулине тоже стало немного легче на душе, когда она узнала, кто именно убегал тогда там, от шлюза С-11. Все-таки это оказался не неведомый злодей, методично и исподтишка расправляющийся с зазевавшимся экипажем "Корундоры". Своему возлюбленному касательно его полной непричастности девушка, разумеется, поверила на слово, однако сообразила, насколько плохо это выглядит в свете подозрений семьи Лансберг, науськиваемой Кимберли. Спасти положение могли только решительные действия, направленные на всеобщее спасение, а потому на них Аулина и сконцентрировалась. Ей было вполне по силам повлиять на ситуацию, и именно это она и собиралась сделать.

В восемь утра двадцать третьего цикла кислорода на борту оставалось на десять суток и девять часов. Именно эти цифры фигурировали на одном из мониторов мостика, когда там снова собрался командный состав экипажа. Челнок, подготовленный за ночь, был готов доставить на южный полюс Альфы армию харвестеров вместе с тремя астронавтами. Курс, заложенный в навигационный компьютер "Корундоры", позволит ей тотчас отправиться к Бете сразу по возвращению "Диаманты" и кратчайшим путем обследовать тамошние полюса. Дело оставалось за малым — утвердить тройку остающихся с роботами людей.
— Себастьян участвовать в высадке не может! — решительно заявила Аулина. — Ему требуется непрерывное лечение, так как он заражен спорами Плесциллы Корундорус.
— Еще не легче, — пробормотал Сонмер. — Придется снова пере-

смотреть список.
— Еще как придется, ибо это отнюдь не все, — продолжила девушка. — Также инфицированы Йонас и Анатоль. Повторно инфицированы Гарольд и Элмер. Состояние болеющих Луизары, Терезы и Сары пока без изменений. Таким образом, участвовать в высадке не может и никто из них.
— Повторное инфицирование?! — неприятно удивился бородач.
— Да. Выздоровление от этого штамма грибка отнюдь не наделяет человека последующим иммунитетом. Споры все еще в атмосфере. Как следствие — новые случаи заражения даже у исцелившихся, — нарочито выразительно объяснила медсестра.
— Что же это получается? — озадаченно протянул Мартин.
А получался очень сокращенный список, куда теперь входили только он сам, Сонмер, Юния и Тани, ибо кандидатуру Пауля, также зараженного, и Кимберли по-прежнему никто не рассматривал.
— Вот это новости! — ошеломленно протянул Гарольд.
— Тебе-то чего сокрушаться?! Сам-то в любом случае теперь останешься на борту! — возмутился Мартин.
— Ага! И сдохну вместе со всеми от удушья, если что-то пойдет не так! Тоже мне выигрышный билет! — огрызнулся бородач.
Очередной перепалки не получилось, ибо пребывавшим в смятении людям было банально не до того. Теперь речь шла не то что о поиске добровольцев, а о том, состоится ли высадка вообще.

Юния и Тани не понимали, зачем их внезапно пригласили на мостик. Обе женщины, оставив все дела, пришли на зов, где их окружили подчеркнуто большим вниманием. Мартин, как наиболее подходящий сейчас авторитет, вкратце изложил им замысел по добыче Гелия-3, подразумевавший не только визит к планете Бета, но и дежурство трех человек на Альфе. Дежурство в безвоздушном пространстве протяженностью несколько суток. Юния и Тани слушали молча, не перебивая и удивляясь, отчего их вдруг посвящают в такие тонкости. Прежде командный состав экипажа не слишком удосуживался делать что-либо подобное. Мартин, разумеется, подвел их и к этому. Стараясь соблюдать максимум корректности, в итоге он сообщил о причине, побудившей собравшихся на мостике обратиться к женщинам за помощью. Ему и Сонмеру, как двум утвержденным членам экспедиции, в группу требуется кто-то третий, а кандидатур на "Корундоре" осталось раз, два и обчелся.
— Погоди-погоди! — опешила Юния. — Если я правильно поняла, ты просишь кого-то из нас отправиться на мертвую планету в одном чертовом скафандре и торчать там несколько суток до воз-

вращения звездолета?!
— Не торчать, а помогать приглядывать за роботами. Но в целом все верно, — кашлянув, кивнул Мартин.
— Да ни за что! Я еще не спятила! — вскочила мать Кимберли.
— Я не понимаю, зачем такая спешка, — подала голос более рассудительная Тани. — Зачем рисковать чьими-то жизнями ради этой небезопасной высадки, если мы все вместе можем слетать к Бете, а затем, в случае необходимости, вернуться?
Члены командного состава невольно переглянулись, ибо вопрос был весьма логичный, однако он требовал очень болезненного ответа.
— Затем, что в нашем распоряжении осталось очень мало времени, — хмуро сказал Гарольд, бросив взгляд на экран, откуда он в данный момент убрал зловещие цифры обратного отсчета.
— Насколько мало? И почему? — тут же насторожилась Юния, оценив всеобщее замешательство.
— Помнишь, мы как-то упоминали, что на борту осталось не так много ресурсов? — вздохнул Мартин.
— И-и-и? — прищурилась его теща.
— Их гораздо меньше, чем полагают все непосвященные, — нехотя продолжил зять, кивнув Гарольду.
— Кислорода у нас в наличии немногим более чем на десять циклов, — мрачно сообщил тот, вновь выведя таблицу с пресловутым подсчетом. — Видите эти циферки? Когда они дойдут до нуля, мы все попросту задохнемся.
— И этого времени на добычу топлива и последующий прыжок нам, с высокой вероятностью, может не хватить, если мы не оставим на Альфе добывающих роботов под присмотром трех астронавтов, — не без труда закончил Мартин.
— Именно поэтому нам нужна помощь кого-то из вас, — добавил Сонмер. — Работа будет нетрудная: по большей части просто дежурить, приглядывая за станцией контроля, пока другие отдыхают, и будить их в случае какой-либо необходимости. Мы все покажем. Это просто.
С минуту Юния и Тани хлопали глазами, силясь уразуметь услышанное. Затем разразились целым потоком слов. Они боялись, возмущались и недоумевали одновременно, выплескивая свое суммарное эмоциональное состояние на всех и каждого. Две женщины прямо-таки олицетворяли собой доказательство того, что весь экипаж и впрямь не стоило посвящать в зловещую тайну дефицита кислорода, однако выбора не оставалось. Именно это и озвучил Мартин, громко призвав Юнию и Тани к тишине.
— Мы не имеем права вас заставлять! Мы можем только просить!

— заявил он, звучно выговаривая каждую фразу. — Вы можете отказаться, и никто вас не упрекнет! Однако вы должны понимать, что в случае вашего обоюдного отказа смерть грозит ВСЕМ! В том числе Кимберли, Вайолет, Тобиасу и Никки. Часы тикают, и чем больше проходит времени, тем меньше наши шансы на спасение. Челнок готов к вылету. Теперь каждый лишний час задержки может в конечном счете обернуться всеобщей гибелью.
До женщин, наконец-то, дошла вся серьезность создавшегося положения. Склонившись друг к другу, они о чем-то тихо посовещались, а потом пожелали спокойно обо всем подумать и тихо удалились, обещав вскоре вернуться. Удерживать их никто не стал.

Не прошло и получаса, как на мостик ворвалась пылавшая гневом Кимберли. К сожалению, случилось самое неприятное, но вполне предсказуемое: мать ожидаемо проболталась дочери и та пришла в неописуемую ярость. Да, теперь Себастьяну, Гарольду, Элмеру и Аулине стало очевидно, что супруг честно утаил от жены тайну кончавшегося кислорода, однако это уже не имело значения.
— Да что б вам всем провалиться, чертова отрыжка! Ишь, умники собрались! Гении, мать вашу! Здесь вам не "Элегия" — не хрен командовать! Знают, что мы все вот-вот подохнем, и молчат как ни в чем не бывало! — рычала она, обильно разбавляя речь не принятыми в светском обществе выражениями.
Мартин, поднявшийся урезонить жену, даже растерялся, ибо прежде никогда ее такой не видел. А Кимберли, распаляемая собственной бранью, мало-помалу приходила в бешенство.
— Все из-за твоего железного ублюдка! — набросилась она на Себастьяна. — Лучше бы ты с ним на пару застрелился еще там, в своей лаборатории! Вот был бы идеальный выход!
— Дорогая, твои крики сейчас делу не помогут, — увещевал Мартин, на всякий случай готовый придержать жену, если она ринется на кого с кулаками.
— С тобой мы еще поговорим, солнце мое! — сверкнула глазами креолка. — Позже. А пока, если как раз о деле, я хочу знать, почему остаться погибать должны только мои родные?! — внезапно подступила она к Аулине. — Что это ты задумала, голубушка?!
— Не понимаю о чем речь, — прищурилась та. — Я никого никуда не отправляю, тем более на смерть. Потрудись изъясняться точнее.
— Не прикидывайся! Это же с твоей подачи список сократился до четырех человек! И все они — из моей семьи. Надо же, какое совпадение! — ярилась Кимберли.
— Зараженные грибком оставаться без лечения несколько суток кряду не могут. Это почти верная смерть, о чем я и сообщила. Те-

бя это не устраивает? Меня тоже, только поделать ничего нельзя, — исполненная профессионального достоинства, ответила медсестра.
— Как удачно все складывается! — едко восхитилась жена Мартина. — А сама не хочешь остаться на Альфе? Я вполне способна на время тебя подменить.
— Ты уже подменяла. Только и занималась, что своей матерью, а анализы у всего экипажа никто не брал. Я уж молчу, чем твое дежурство закончилось для Джулет и Глена, — жестко парировала Аулина. — Кроме того, я тоже повторно инфицирована. Просто говорить не стала.
— И поэтому рисковать жизнью должны моя мать, мой муж и его отец?! — прошипела Кимберли.
— Ничего они не должны! — в голосе медсестры послышались резкие нотки. — Высадка — дело добровольное. Сонмер и Мартин сами на нее согласились.
— Вот только выбора им не оставили, не так ли?! Или все сдохнут, или, ребятки, извольте на выход! Ничего такое добровольное согласие, тут кто хочешь согласится! — глаза креолки горели каким-то дьявольским огнем.
Муж положил ей руку на плечо, но порывистым движением она сбросила его ладонь, явно не собираясь слушать никаких уговоров.
— Чего ты от меня хочешь?! — начинала всерьез раздражаться Аулина. — Не я решаю, кто останется на планете, а кто улетит на "Корундоре". Не желаешь высадки Мартина и Сонмера? Говори с ними, а не со мной! Авось убедишь их отозвать добровольное согласие.
— Ага! И тем самым убить своих детей! Замечательно придумала! — злобно выпалила Кимберли.
— Ладно. Хорошо. Твое предложение? — сменила тактику медсестра. — Что ТЫ конкретно предлагаешь в сложившейся ситуации? Я тебя слушаю внимательно. МЫ тебя слушаем внимательно.
Кимберли осеклась с очередной гневной тирадой и растерялась. Вопрос был по существу. Тут одной руганью с нападками, особенно в присутствии мужа, уже не отделаешься.
— Тогда молчи, если сказать по делу нечего. Критиковать большого ума не надо, да вариантов у нас не густо. Тут уж или-или, — рассердилась Аулина.
— Хочешь по делу? Изволь! — куда спокойнее неожиданно продолжила Кимберли, и звучало это напускное спокойствие как-то зловеще. — Мы прямо сейчас идем в медотсек и проверяем результаты анализов. Идем все вместе. И проверять буду я, а ты к компьютеру не прикасаешься.

— Станем терять драгоценное время на твои прихоти? — нахмурилась медсестра. — Хорошо, пусть так, если это всех удовлетворит, — небрежно согласилась она, заметив реакцию кое-кого из присутствующих.
Судя по выражению лиц Мартина и Сонмера, они явно не возражали против такой проверки, которая им до сих пор в голову не приходила. Аулина решила не протестовать и, поднявшись, первой направилась к выходу, пригласив остальных следовать за собой.

В медотсеке вся группа собралась у главного терминала, выстроившись подле него полукругом. Кимберли, подойдя к консоли, с видом борца за справедливость принялась вызывать на экран различные данные, изучая личные записи пациентов. Продлилось это недолго. Вскоре присутствующие убедились, что Аулина говорила правду. Карточки названных ей членов экипажа содержали вполне ясный диагноз, подкрепленный ссылкой на взятый анализ.
— Удовлетворена? — уголком рта усмехнулась медсестра. — Теперь мы можем заняться чем-то более продуктивным?
Кимберли старательно просматривала результаты сканирования биоматериала, ища любую неточность, но Аулина хранила железное спокойствие. Она прекрасно знала, что креолке ничего не удастся найти, как бы та ни старалась. Результаты анализов были подделаны невероятно тщательно. Теперь обнаружить подвох если кто и мог, то лишь помогавший медсестре Мелиюбиус. Вдвоем они решили, что удалить с "Корундоры" самых влиятельных представителей семейства Лансберг будет наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Без них обстановка разрядится ко всеобщему благу, ибо в одиночку Кимберли много дров не наломает, а к моменту возвращения звездолета за астронавтами все самые важные вехи спасательной операции окажутся завершены.
— Я требую повторного анализа! — внезапно заявила не собиравшаяся сдаваться креолка. — Требую здесь и сейчас, в моем присутствии и присутствии свидетелей!
— Ну, знаешь! — шагнув вперед, громко возмутилась Аулина. — Это просто несерьезно! Я категорически против, чтобы мы торчали здесь еще полдня, вместо того, чтобы заниматься разведкой и добычей топлива!
Инициативу Кимберли она восприняла в штыки не просто так, ибо подобное развитие событий ее совсем не устраивало. Если вскроется подлог, у медсестры, конечно, оставались шансы свалить все на загрязнение проб и ошибку компьютера, но план коррекции списка на высадку в любом случае срывался.
— Не волнуйся, это не займет много времени, — одарила ее ядови-

той улыбкой Кимберли. — Многие уже здесь. Остальных сейчас вызовем по интеркому. На все про все, как мне представляется, уйдет полчаса, не больше.
Аулина во всеуслышание воспротивилась, собираясь дать настырной креолке решительный бой. Проиграть в нем означало вызвать очень далеко идущие последствия, поэтому она поставила на принципиальность, не позволявшую жертвовать рационализмом в угоду чьей-то прихоти.
— Да ладно, пусть она сделает по-своему, если уж так хочет. Дольше будем препираться, — сказал, вмешиваясь в разгоравшийся спор, Сонмер. — Закроем этот вопрос раз и навсегда, а потом займемся высадкой. А если впоследствии кто опять заявит про анализы, я сам ему рот заткну!
— Ерунда какая-то! Если каждый начнет подвергать сомнению любое наше решение, мы вообще никуда не улетим! — подал голос Себастьян, заподозрив, что его невеста упирается не просто так.
Не промолчал и Элмер, отпустив довольно осторожную, но все же выразительную реплику в поддержку сына. Разумеется, тогда и Мартин не остался в стороне, а выступил в защиту позиции отца.
— Думаю, лучше поступить так, как предлагает Кимберли, — выразительно скрестил он руки на груди. — Не то, чтобы я тебе не верил, — добавил он Аулине, и та тут же в этом усомнилась, — но с проверкой получится договориться быстрее и ни у кого уже не останется и тени сомнений.
— Устроили цирк какой-то! — насупился Гарольд, из здравого смысла также решивший защитить мнение сестры. — Кто еще потом потребует перепроверки чего угодно? Например, моих программ или что я вообще поделываю на мостике? Может, я там от скуки ломаю "Корундору" или проворачиваю диверсии.
Вступившие в конфликт стороны, очертившиеся еще на предыдущем совещании, окончательно сформировались прямо на глазах. Люди, стоявшие у медицинского компьютера, даже немного переместились друг относительно друга, отчего Лансберги оказались ближе всего к Кимберли.
— Значит так. Без повторных анализов ни я, ни мой отец на Альфу ни ногой, — спокойно, но твердо заявил Мартин, всем своим видом и тоном давая понять, что это не обсуждается. — Если заражение грибком подтвердится в том виде, как было преподнесено, мы участвуем в высадке, даже если нам придется дежурить вдвоем. В противном случае у меня будут все основания для пересмотра ОЧЕНЬ МНОГИХ решений.
Фактически, это звучал ультиматум, и Аулине ничего не оставалось, кроме как отступить. Стараясь сохранить лицо, она бросила

едкую фразу, после чего отошла в сторонку и замолчала. Внешне спокойная, внутри она вся тряслась в нервной горячке, соображая, как выпутываться из складывающейся ситуации. Анализы вот-вот покажут истинное положение вещей, и медсестре придется давать нелицеприятные объяснения. Да, Себастьян действительно заражен, но по части нескольких других лиц, включая ее саму, информация не соответствует действительности. Проклятье! Сейчас бы сюда Мелиюбиуса — авось бы он что-нибудь придумал! Увы, сиреневый советчик торчал взаперти, удаленный с мостика на время вызова Юнии и Тани, и в медотсек его по вполне понятным причинам тоже не позвали.

Пока Аулина размышляла, присев на краешек какой-то округлой тумбы, Кимберли развела кипучую деятельность. В ее взглядах, бросаемых на подругу, сквозило неприкрытое коварство, когда она брала биоматериал у всех присутствующих, а затем вызывала остальных членов экипажа через интерком. Поодиночке и группами беглецы прибыли в медотсек, недоумевая такой срочности, но все побывали на большом диагностическом ложе без проволочек. Креолка, только что ни потирая руки от предвкушения торжества, сновала между ним и терминалом, собирая и исследуя поступавшие данные. Аулина невозмутимо смотрела в потолок, будто все это ее не касалось. Судя по характерным пиликающим звукам, на экран стали поступать первые результаты сканирования, но она, преодолев искушение, туда даже не глянула. Да и зачем, собственно? И так понятно.

— М-да. По-моему, все яснее ясного, — послышался чей-то голос.

Медсестра даже не разобрала чей, настолько абстрагировалась от реальности. Ей предстояло сыграть партию с заведомо плохими картами, и только об этом она и думала, а потому не слишком-то прислушивалась, кто там и чего говорит.

— Гм. Добавить и впрямь нечего, — сказал кто-то другой, в чьем тоне сквозило удивление и разочарование одновременно.

— По правде говоря, я ожидал иных результатов, — кашлянул третий.

Девушка — само олицетворение внешнего безразличия — стиснула зубы. Ну вот, сейчас начнется! А, пошло бы оно все к черту!..

— Аулина, чего ты там размечталась? Иди сюда! — раздался чей-то настойчивый призыв.

Повернув голову, медсестра посмотрела на людей у терминала. Затем, вздохнув, подошла на зов.

— Комментарии будут? — осведомился Себастьян, мотнув головой на экран.

Аулина подняла взгляд, собираясь увидеть то, что она и так пре-

красно знала, и у нее внезапно перехватило дыхание. Девушка едва удержалась, чтобы не протереть глаза, ибо теперь уже она не верила в подлинность отображаемых компьютером данных. Информация на дисплее, полученная стараниями Кимберли, полностью соответствовала поддельным анализам. Терминал снова пиликнул, выдав порцию сведений по последним трем пациентам, и картина окончательно сформировалась. Сейчас там не хватало лишь записи о самой Аулине, а все остальное безоговорочно свидетельствовало в ее пользу.

— Сестрица, ты так выглядишь, будто результат тебя, мягко говоря, удивляет, — поднял брови Гарольд, чьи губы расплылись в довольной улыбке.

Он боялся, что любимая родственница и впрямь чего-то намухлевала, и теперь открыто выражал удовлетворение от фиаско пышущей ядом креолки.

— Меня удивляет отсутствие моего анализа, — спохватившись, придала своему лицу ироничное выражение Аулина. — Ну, чего же ты стоишь? Я готова.

Последние слова адресовались Кимберли, аж потемневшей от злобы, но сказать ей было решительно нечего. На глазах множества свидетелей, включая собственных свекра и мужа, она проверила весь экипаж и не нашла никаких подтверждений обмана.

— Ну так что, у меня возьмешь? А то мало ли… — чуть театрально повернув голову, сделала неопределенный жест Аулина.

— Да иди ты!.. — фыркнула Кимберли, резко развернулась и ушла, нарочито протолкнувшись между Гарольдом и Себастьяном.

— Полагаю, вопрос закрыт, — выразительно подытожил последний.

— Да, — без всякого раздражения кивнул Мартин. — Сожалею о излишне эмоциональном поведении моей жены и о том, что потратил общее время. Нынешний инцидент я обсужу с ней наедине, а пока сообщаю, что готов к высадке, как и мой отец. Ведь так?

— Безусловно, — поддакнул Сонмер, явно удовлетворенный результатами проверки.

Его лицо, доселе как-то уж слишком насупленное, заметно просветлело. Казалось, он будто вытряхнул камень из-за пазухи, мешавший ему спокойно жить, и вновь был готов трудиться на общее благо.

— Хорошо, — заключил Гарольд. — Однако кто будет третьим?

С последним членом группы возникала известная заминка, но Мартин решительно заявил, что если Тани и Юния откажутся помогать, он с отцом отправится на Альфу вдвоем. Слово не воробей, и если уж обещание было дано — его надо выполнять. Особенно в

контексте того, как и почему оно прозвучало. Да, это довольно опасно, но тут уж, как говорится, пан или пропал. Если в их силах снизить смертельную угрозу всему экипажу — так тому и быть.

Мартину следовало отдать должное. Поставив ультиматум, он показал себя с неприглядной стороны, однако дальнейшее поведение его полностью реабилитировало. Поддержка оскорбительных подозрений компенсировалась безусловной храбростью и готовностью исполнить свой долг. Именно поэтому в адрес Мартина не раздалось ни единого упрека насчет зазря потраченного времени и вызывающего недоверия к Аулине.

Когда Тани узнала о происшествии в медотсеке, ее разобрала совесть. В том числе из-за поступков Юнии. Последняя мало того, что разболтала дочери о дефиците кислорода, так ничуть и не сожалела о последствиях, когда та сначала устроила скандал, а затем оказавшуюся никчемной проверку. Проверку, едва не приведшую к большой ссоре. В результате экипаж потерял лишние два часа, и таймер показывал аж начало двенадцатого, когда двое астронавтов собрались к вылету. Явившись в ангар, Тани успела застать там брата и племянника, еще не успевших зайти в челнок.
— Я лечу с вами! — заявила она, решительно подступая к пассажирскому шлюзу.
Сонмер, немало удивленный внезапным появлением сестры, от неожиданности не распростер ей объятия, а с точностью до наоборот — стал уговаривать не совершать опрометчивый поступок. В этом его активно поддержал и Мартин, успевший смириться с неполным составом группы. Мол, экспедиция чрезвычайно опасна, и для неопытного человека в особенности. Пусть уж лучше тетя остается на "Корундоре", а они уж как-нибудь вдвоем управятся. Тани, однако, и слышать ничего не хотела. Она лишь попросила научить ее пользоваться скафандром и сразу после приземления на планету не нагружать сложной работой. Мужчины препирались с ней довольно долго, но в итоге сдались и пустили родственницу на борт, где было просто не протолкнуться от добывающих роботов. Им ведь и впрямь требовалась помощь, а втроем шансы на успех значительно вырастали.

Челнок, пилотируемый Гарольдом, совершил целых три рейса подряд, ибо отправить добывающую экспедицию за один было попросту невозможно. С помощью все тех же бездушных, но исполнительных машин астронавты выгрузили на южный полюс не только сто десять харвестеров, но и антенны связи, а также ящики с припасами. Скафандр типа "Штурмовик 4" не мог поддерживать жизнь человека неограниченно долго. В отсутствие правильно заряженной системы жизнеобеспечения и специальной энерго-

ячейки для ядерного синтеза ему требовалась регулярная подзарядка кислородом. Кстати, именно поэтому время, остававшееся в распоряжении беглецов до смерти от гипоксии, не прибавилось ни на час. Скафандры, добытые ценой жизни Дориана, оказались пусты, то есть не содержали ни элементов питания, ни компонентов для регенерации воздуха. В противном случае они могли бы много дней обеспечивать своих носителей средой для дыхания, но есть кратно повысить их шансы добраться до "Контилады". Увы, в этом контексте удача беглецам не улыбнулась, и им по-прежнему приходилось рассчитывать только на уже имеющиеся запасы кислорода. Баллоны с маркировкой O_2, позаимствованные из центра распределения ресурсов, упаковали в особо прочную стальную конструкцию, напоминавшую клетку для медведя, заключенную в ящик, и велели беречь как зеницу ока.

В последний заход "Диаманта" выгрузила на планету внушительного размера контейнер, куда астронавты тотчас занесли припасы и часть оборудования. Этот контейнер играл роль своеобразного убежища. Оберегая людей и ресурсы от случайного падения метеорита, вполне вероятного в безвоздушном пространстве, он заодно служил и психологическим укрытием. Да, атмосферы в нем не было, но все же астронавту, зашедшему внутрь, будет куда комфортнее прилечь отдохнуть под крышей, нежели в черной пустоте. Все-таки толстые железные стены помогут преодолеть страх, а то и паническую атаку, если таковая приключится. Кстати, чтобы побороть ее приступ, можно было воспользоваться стимуляторами, входившими в штатную аптечку "Штурмовика". К сожалению, эта аптечка не годилась для лечения грибковой инфекции, ибо банально не вмещала должное количество снадобья, а также не обладала соответствующей программой. Именно поэтому астронавт, зараженный Плесциллой Корундорус, и впрямь рисковал жизнью — тут Аулина ничуть не лукавила. На всякий случай она все же заменила содержимое одного медицинского контейнера на "Хломикозмицин", ибо мало ли что. Если у кого-то из астронавтов симптомы проявятся уже во время дежурства, он сможет сделать себе хотя бы пару уколов, а это увеличит шансы на выживание до возвращения звездолета.

Гарольд, ставший вместо Мартина первым и единственным пилотом, покидал южный полюс в смешанных чувствах. Он не страдал избытком человеколюбия и совсем недавно неприкрыто торжествовал, когда Аулина поставила на место Кимберли, но мужество остающихся людей внушало ему уважение. Ради сестры бородач легко мог пожертвовать тремя астронавтами как фигурами на шахматной доске, однако бросать их на произвол судьбы

даже для него оказалось непросто. Подняв челнок, он сделал вокруг базового контейнера прощальный круг, после чего вслух пожелал трем храбрецам удачи и стремглав стал взмывать ввысь, навстречу готовому к отлету грузовому кораблю.
— Ну, дорогие мои, теперь мы сами по себе! — решительно произнес Мартин, проводив взглядом подсвечиваемый огнями серебристый корпус "Диаманты".
Сказав так, он запустил таймер, начавший обратный отсчет в три цикла, ибо примерно через столько должна была вернуться с разведки "Корундора". Затем велел пошевеливаться. Троим астронавтам предстояло очень много работы, а львиную ее долю требовалось сделать именно в самые первые часы.

Люди на южном полюсе едва успели установить второй ретранслятор, как у них над головами зажглась яркая точка. Двигатели звездолета, озарившись снопами пламени, вывели его с геостационарной орбиты. Развернувшись, он быстро отдалился от Альфы, скорректировал свою траекторию относительно звездной системы, врубил форсаж и стремглав унесся в космос.

* * *

Аулине не пришлось долго гадать, чем именно было вызвано чудо, спасшее положение вообще и ее репутацию в частности. Когда грузовое судно, управляемое Гарольдом, взяло курс на планету IBRSF-7413b, она оставила Себастьяна проверять бригаду скаутов, а сама улучила минутку и наведалась в домашнюю секцию.
— Твоя работа? — с порога осведомилась девушка, едва с тихим шелестом закрылась входная дверь.
Разговоры с Мелиюбиусом давались ей легко. Собеседник не юлил и не лукавил, всегда был готов выслушать и дать ценный совет, а иногда и просто поддержать без всяких нравоучений, как делают настоящие друзья. Аулина знала, что она вполне может ему довериться, отчего и сама говорила с сиреневым умником вполне свободно, без обиняков и недомолвок, когда оба оставались наедине. Пожалуй, единственным, о чем она утаила, был инцидент на южном полюсе. Девушка никому не рассказала о том, как ее наглухо завалило камнями, а затем скафандр на пару с милашкой роботом проявил чудеса сообразительности. Внезапная активация оружия выглядела весьма неоднозначно, не говоря уже о программе безопасности астронавта, которая помогла выбраться из смертельной ловушки. Помогла совершенно самостоятельно, без всякого вмешательства запаниковавшей разведчицы. Связи-то с челноком не было, поэтому всякое стороннее воздействие исключалось. Аулину

подмывало кого-нибудь расспросить, как такое вообще возможно, однако она прекрасно понимала, чем грозят ее откровения с Себастьяном или Гарольдом. Те, впечатленные экстремальностью истории, впредь не дадут девушке и шагу ступить за пределы звездолета, а то и вовсе запрут в домашней секции на пару с искусственным разумом — с них станется. По той же причине Аулина скрыла происшествие и от Мелиюбиуса, хотя он-то наверняка нашел бы правдоподобное объяснение поведению техники. Сиреневый друг, доселе поддерживавший смелые инициативы девушки, запросто мог поменять свое мнение, обеспокоившись за ее судьбу. Учитывая, насколько она и сама понимала, что едва не погибла, винить его в излишней строгости будет трудно. В итоге, по зрелому размышлению, Аулина решила вообще никому ничего не говорить, отчего ее маленькое приключение с обвалом и стрельбой осталось для всех тайной. Однако с медотсеком дело обстояло иначе. Медсестра и искусственный разум изначально составили совместный заговор, поэтому выяснять, кто именно и чего конкретно натворил, можно было совершенно безбоязненно. На это и рассчитывала Аулина, сразу же задав своему подельнику прямой вопрос.

— К счастью, у меня хватило ума предвидеть подобное развитие событий, — проворковал Мелиюбиус, сразу догадавшись, о чем именно идет речь. — Когда ты подключила меня к медицинскому терминалу, я взял на себя смелость кое-что поправить в его программах. Не бойся — чтобы обнаружить мое вмешательство даже Гарольду придется хорошенько покопаться в системных кодах, а остальные и вовсе ничего не заметят. Зато теперь твои липовые анализы станут исправно подтверждаться всякий раз, когда Кимберли вздумает учинить очередную проверку.

— А чего мне не сказал? — снисходительно усмехнулась девушка, тут же простив сиреневому другу такую через чур своевольную, но спасшую ее инициативу.

Его осведомленности насчет перепроверки экипажа она не удивилась, ибо только идиот бы не догадался, зачем вдруг Кимберли созывает всех в медотсек. А с головой у Мелиюбиуса было все в порядке, и даже получше многих.

— Не хотел тебя смущать. Вдруг бы ты воспротивилась, а тогда существовал известный риск разоблачения. Как видишь, моя прозорливость позволила его избежать, — пояснил Бутон. — Ведь у моего фокуса есть и побочный эффект. Пока не дана команда отмены, ты не сможешь получить истинные данные анализов. Команду я тебе, разумеется, скажу, но воспользуйся ей только когда будешь в том уверена.

— Минуточку! — нахмурилась Аулина. — Значит, Мартин, Сонмер

и Тани остались на планете по результатам биопсии сделанной почти сутки назад? А что, если за прошедшее время кто-то из них заразился?
— Это риск, на который мы с тобой были вынуждены пойти, — тихо напомнил Мелиюбиус. — Скажи, кого бы из своих близких ты отправила вместо одного из них? Возможно, даже всех троих. Наш замысел состоял в том, чтобы разобщить семью Лансберг и лишить Кимберли зубов; сдержать разгорающийся конфликт. Как видишь, задуманного результата мы добились. К тому же последний анализ ты делала сегодня утром, забыла? Это с другими ты мухлевала, а с их тремя все было чисто.
— Твоя правда, — просветлела девушка. — Что ж, теперь дело за нами! Три-четыре цикла они точно протянут, если не будут круглые сутки ходить на ушах, сжигая энергию и кислород, а мы вернемся тотчас, как закончим разведку Беты. Надеюсь, ты не ошибся в расчетах.
В явно приподнявшемся настроении Аулина поцеловала один из сиреневых лепестков и убежала помогать Себастьяну. Искусственный разум вновь остался один, предоставленный собственным мыслям и милости интеркома.
— Уж будь уверена, не ошибся, — пробормотал он каким-то странным тоном. — Впрочем, не все мне удается предвидеть и не все предотвратить. Ладно, посмотрим, что нам преподнесет Бета.

Установив пятую по счету антенну, Сонмер подкрутил настройки системы жизнеобеспечения. Скафандр имел автоматическую терморегуляцию, но сейчас уставшему мужчине захотелось немного блаженной прохлады. Это, конечно, звучало несколько странно на фоне ледяной черноты безвоздушного пространства, но если бы не умная амуниция, с мужчины бы уже десять потов сошло. Собственно, пота и впрямь выделилось немало, однако он поглощался специальным биоконтуром, предполагавшим замкнутую рециркуляцию влаги.
— Эй, пап, вижу твою антенну! Подключаю! — зазвучал в гермошлеме бодрый голос Мартина.
В эфире что-то отчетливо запикало и затреньчало, после чего привычные сигналы станции управления мелодично провозгласили уверенный захват нового ретранслятора. Сонмер, неоднократно выполнявший эту операцию, успел очень хорошо запомнить ее наизусть и узнавал даже таким вот образом.
— Как там Тани? — осведомился он, переводя дыхание.
— В норме. Ведет себя рассудительно и спокойно. Показываю ей, как пользоваться консолью управления роботами и вообще что здесь зачем, — отозвался сын.

— Я и сама могу за себя ответить! — раздался твердый женский голос. — Со мной все хорошо, Сон! Не бойся, я не буду обузой!
Делать столь ответственное заявление у нее имелись определенные основания. Скафандр "Штурмовик 4" надежно защищал не только бывалого солдата, но и новичка, помогая ему освоиться в непривычных условиях. Программы безопасности пристально следили за каждым движением человека, а режим обучения и подсказок ускорял овладение многофункциональной экипировкой. В "тряпке" с челнока или тяжелой амуниции с "Корундоры" Тани была бы почти полностью предоставлена самой себе, а "Штурмовик" уберегал ее от любого опасного или опрометчивого действия. Даже потеряй женщина сознание от испуга, она бы и то ничем не рисковала, ибо скафандр самостоятельно доставит ее в безопасное место, каковым, согласно настройке, являлся большой контейнер.
— Я и не боюсь, — улыбнулся мужчина. — Я только хотел…
Внезапно его речь прервал затяжной кашель, сотрясший тело и сильно напрягший легкие.
— Эй, пап, ты в порядке?! — встревожился Мартин.
— Вполне, — кое-как отдышался Сонмер. — Должно быть, просто дыхание сбил. Бывает. Устал я малость, потому и отдыхаю. Нам ведь сегодня еще три антенны ставить.
— Иди ко мне, поменяемся! — велел сын. — Ты точно в порядке? Не нравится мне, как ты кашляешь.
— Не волнуйся, это не Плесцилла Корундорус, — заверил его отец, поняв причину ясно выраженного беспокойства. — Аулина говорила, что так быстро грибок не проявляется, а ты сам видел мой анализ. Его сделали всего несколько часов назад, и там все чисто.
— Твоя правда, — не без облегчения согласился Мартин. — Но все равно возвращайся, я тебя подменю.
Так они и поступили. Сонмер, добравшись до базы, занял пост у станции управления, где училась новым премудростям Тани, а Мартин в сопровождении робота, груженого очередной антенной, отправился к шестой по счету точке установки.

– 10 –

До Беты беглецы добрались довольно оперативно, благо что обе планеты находились относительно недалеко друг от друга и не в диаметрально противоположных орбитальных позициях. Во всяком случае, недалеко по меркам "Корундоры", способной быстро преодолевать значительные расстояния. Правда, Гарольду все же пришлось облетать красный карлик по дуге, но это не заняло много времени. Дюзы звездолета, выбрасывая могучие снопы раска-

ленного пламени, развивали огромную тягу, придавая тяжеленной громаде весьма впечатляющую скорость. Вот маневренность грузовика, особенно разогнанного, основательно хромала, однако ему и не требовалось кружить аки истребитель. Бородач, разумеется, это учитывал, чтобы на всех парах не врезаться в приближавшуюся планету, и не забывал сверять показания автоматики с заранее проложенным курсом. Выйдя на финишную прямую, "Корундора", согласно навигационной программе, стала замедляться. Ее двигатели, активно пожиравшие фтороводородное топливо, снизили мощность, а затем перешли в экономный режим. Планета, из крохотной яркой точки выросшая сначала до размера футбольного мяча, а затем заполонившая собой половину звездного неба, была совсем как на ладони, когда Гарольд включил торможение, готовясь совершить маневр по выходу на орбиту. Таймер в кабине пилотов показывал восемнадцать ноль семь. Звездолет преодолел путь от Альфы до Беты за пять часов, что вполне укладывалось в разработанный план. Львиную долю времени тут сожрали разгон и торможение, иначе, иди "Корундора" на маршевой скорости от старта и до конца, она достигла бы цели в кратчайшие сроки. Увы, чудес не бывает, поэтому Гарольду приходилось иметь дело с неумолимыми физическими величинами. Он и имел, выполняя обязанности первого пилота вполне себе справно. Автоматика автоматикой, а бородач, поднаторевший в управлении судном на пару с Мартином, периодически использовал и ручной режим, позволявший оптимизировать ускорение, повороты и, как следствие, быстрее совершить перелет. Бортовой компьютер, перестраховываясь, выдерживал слишком длинные паузы, намеренно прерываемые Гарольдом. Щелкая переключателями, он добивался от "Корундоры" большей отдачи, нежели стандартная навигация, пусть и ценой некоторого дискомфорта для экипажа, ощущавшего тряску и вибрацию.

Вот и последняя контрольная точка. Перекинув несколько тумблеров, бородач резко сбросил скорость и приступил к очередному маневру. Разворачиваясь у планеты, он нацеливался на ее северный полюс, в данный момент обращенный от звезды. Там останется лишь полностью остановить корабль, зафиксировав его на геостационарной орбите.

— Готовность пятнадцать минут! — деловито сообщил Гарольд по интеркому.

Это означало, что через означенное время звездолет замрет над областью высадки, после чего челнок должен немедленно покинуть ангар и отправиться на разведку. В нем все уже было готово. Экипаж, состоявший из Элмера, Себастьяна и Анатоля, ожидал

команды. Дюжина скаутов, модернизированных с учетом полученного опыта, чинно расположилась в длинном коридоре, связывавшем пассажирскую и грузовую части "Диаманты". Антенны, взятые в двойном количестве, находились под бдительным присмотром грузовых роботов. На сей раз Аулина против высадки зараженных людей не возражала. Во-первых, она знала, что по факту был инфицирован только молодой ученый, а результаты биопсии остальных она подделала. Во-вторых, непродолжительная отлучка длительностью менее восьми часов ничем не отличалась от пребывания на борту звездолета. Лекарство, принимаемое своевременно, обеспечивало надлежащее лечение и защиту. Правда, это, к сожалению, относилось явно не ко всем. Когда Гарольд известил о скором прибытии к месту назначения, Аулине было совсем не до того. Она вновь хлопотала в медотсеке, занимаясь неотложным пациентом.

Тобиасу стало плохо, причем совершенно внезапно. Одиннадцатилетний мальчик надсадно и продолжительно кашлял. Его знобило, кожа приобрела явно нездоровый оттенок, а на висках то и дело выступали бисеринки пота. Пищеварение расстроилось дальше некуда; в костях появилась ломота. Кимберли, сразу же забыв про стычку с подругой, тотчас привела ребенка к ней. После смерти Бассета она искренне заботилась о его детях, приходившихся двоюродными братом и сестрой ее мужу, поэтому волнение креолки за здоровье Тобиаса было ничуть не притворным. Устроив маленького пациента на диагностическом ложе, Аулина тут же принялась за дело. Тогда-то ей и пригодилась команда, сообщенная Мелиюбиусом, чтобы прекратить действие хитроумного симулятора. Разумеется, кое-какие меры предосторожности девушка все же приняла.

— Обещай, что больше не станешь проверять мою работу, иначе я за результат не ручаюсь! — сурово сказала она, встретившись взглядом с Кимберли.

— Хорошо! Обещаю! Делай, что считаешь нужным! — без колебаний кивнула та. — Только давай уже быстрее!

Медсестра, живо введя заветный код, увидела вплывший на экране комментарий от Мелиюбиуса, извещавший о возобновлении полноценной работы терминала, и тут же запустила программу углубленного сканирования.

В своей основе диагноз особого удивления не вызывал. Это была все та же Плесцилла Корундорус, поразившая дыхательные пути ребенка. Вот только течение болезни проходило совершенно нестандартно. Скорость ее развития поражала и даже пугала. Более того, на сей раз грибок вызвал серьезную интоксикацию, от

симптомов которой и страдал бедняжка Тобиас. Патогенная флора насыщала его кровеносную систему всякой дрянью, попадавшей туда через капилляры легких. Обычно иммунитет человека справлялся с этой напастью, даже если сам грибок прогрессировал, но в случае с мальчиком все обстояло иначе. Вероятно, у него была индивидуальная непереносимость поступавших токсинов, резко ухудшавших его и без того неважное состояние.
— М-да, пожалуй, тут одним лишь "Хломикозмицином" не отделаешься, — пробормотала Аулина, хорошенько уяснив клиническую картину.
Она наскоро ввела Тобиасу несколько общеукрепляющих препаратов, чтобы унять лихорадку и усилить защитную реакцию организма. Ребенку стало легче, но медсестра понимала, что это ненадолго. Трехмерное отображение его легких произвело на нее удручающее впечатление. Глубоко пораженные ткани демонстрировали бурное распространение грибка, приближавшееся к очень опасному уровню. Дыхание Тобиаса, прерывавшееся кашлем, было уже затруднено, а вскоре он и вовсе не сможет дышать без кислородной маски. Недолго думая, Аулина ввела малышу ударную дозу "Хломикозмицина", поступившись опасением развития побочных эффектов. Из двух зол выбирают меньшее, а это лекарство, исходя из статистики заболевших на борту "Корундоры", помогало примерно в семидесяти процентах случаев. Если оно все же не сработает — придется пустить в ход альтернативное средство, также дававшее кое-какие результаты. После его приема состояние Луизары и Терезы пока оставалось под вопросом, однако Сара, бабушка Аулины, чувствовала себя гораздо лучше. Таким образом, лечение позволяло рассчитывать на благополучный исход. Вот только оно касалось лишь самого грибка, а как быть с острой интоксикацией? Медицинский компьютер, выплевывая на экран таблицу за таблицей, давал слишком уж обобщенные советы. Эх, сейчас бы сюда Мелиюбиуса! Сходить что ли к нему в домашнюю секцию?.. Покосившись на Кимберли, Аулина заметила маленького дрона из числа оборудования медотсека. Тот будто нарочно подвернулся ей на глаза, а затем и вовсе подлетел вплотную, ткнувшись в плечо.
— Как же я раньше не догадалась... — беззвучно прошептала девушка, тут же проворно забегав пальцами по консоли.
Вот и программа управления медицинским роботом. Аулине не понадобилось много времени, чтобы поручить ему несколько необычное задание. В частности, доставить сообщение куда требовалось. Импровизированный почтальон, обогнув терминал, пересек приемную и выпорхнул из отсека. Кимберли, чье внимание

было целиком и полностью поглощено Тобиасом, ничего не заметила.

Вскоре дрон вернулся и весьма красноречиво стал маячить у терминала, то взмывая, то опускаясь. Медсестра, отлучившись от диагностического ложа с юным пациентом, подошла к компьютерной консоли и выудила из курьера послание от Мелиюбиуса. Связаться с ним оказалось не так уж и сложно. Маленький робот, запрограммированный девушкой, преспокойно проник в ее домашнюю секцию, ибо перемещаться между отсеками умела вся мобильная техника "Корундоры". Вот чтобы не застрять в ней из-за блокировки Себастьяна, не выпускавшего свое детище за порог, он остановился в дверях, не закрывавшихся до тех пор, пока им препятствовал какой-либо объект. Оттуда дрон и проиграл доверенное ему сообщение, составленное в текстовом виде, но преобразованное в звуковую волну. Мелиюбиус, не будь дураком, ответил должным образом, посланник Аулины исправно все записал и упорхнул обратно в медотсек, где содержимое его памяти было тут же перекачано в компьютер.

— Это не просто интоксикация, — говорил с экрана сиреневый доктор внимавшей ему медсестре. — Патоген развивается в особо агрессивной форме, что и вызывает высокую скорость его распространения. Когда мы встретимся наедине, я получу от тебя больше информации и смогу дать полностью развернутый ответ, а пока сделай вот что…

Хорошенько усвоив полученные рекомендации, девушка тут же скорректировала программу лечения. Тобиас стал капризничать, не желая новой порции уколов, однако отвертеться от процедуры ему не удалось. Аулина и Кимберли были с ним ласковы, но неумолимы. Гибкий медицинский манипулятор ловко сделал мальчику три инъекции различными препаратами. Один подавлял аллергическую реакцию, другим предполагалось нейтрализовать токсины, а третий корректировал иммунный ответ на продукты метаболизма грибка. Ближайшие четыре часа должны были показать, насколько эффективной оказалась проведенная терапия, а пока ребенку следовало прилечь и отдохнуть.

Уводя зевавшего Тобиаса, которому медсестра напоследок ввела легкое снотворное, Кимберли обещала глаз с него не спускать. Именно в расчете на это Аулина и решила не оставлять ребенка в медотсеке. Креолка, прикованная к постели больного, не станет шататься по кораблю и затевать злые разговоры, то бишь способа угомонить ее хотя бы на время лучше и не придумаешь.

В отличие от красноватых оттенков Альфы, поверхность Беты серебрилась, хотя и освещалась той же самой звездой. Все дело,

вероятно, заключалось в породах и их отложениях, составлявших верхний слой безжизненных космических тел. Пусть и в кратно меньшей степени, она серебрилась даже на затененной стороне, отражая рассеянный звездный свет. Глядя в обзорный экран, Аулина хорошо видела там, внизу, мягкий отблеск горных вершин, возвышавшихся промеж слабо мерцавших плато. Холмы, переходившие в скалистые хребты, окружали обширные молочно-белые долины, чьи необъятные пространства пересекали жилы давно исчезнувших лавовых рек. Планета, красиво посверкивавшая освещенным боком, производила очень приятное впечатление, и девушка невольно залюбовалась плавными изгибами ее ландшафта. Пыль, осевшая в безвоздушном пространстве, будто была наполнена каким-то таинственным волшебством, проникавшим с дневной стороны Беты в ночную загадочно переливавшимися островками. Она не сияла, слепя глаза, а очень спокойно и даже нежно светилась в лучах красного карлика. Из далеких космических просторов эта волнующая, романтичная красота оставалась незаметной, но вблизи, с орбиты, где замерла "Корундора", планета выглядела поистине завораживающе для тех, кто любил такие зрелища. Аулина любила, поэтому позволила себе рассматривать ее около четверти часа, одновременно гадая, где сейчас там, в объятиях серебрившейся ночи, находится Себастьян. Отдельные искорки, вспыхивавшие то там, то тут, казалось, давали ей подсказку — вот она, "Диаманта", но всякий раз то была какая-нибудь природная прихоть, случайно поймавшая коснувшийся ее лучик звезды.

Молодой ученый романтических настроений своей невесты не разделял. Вот уже битый час он упражнялся в изобретении новых идиоматических выражений по большей части строго нецензурного характера. Северный полюс Беты оказался сущим кошмаром. Нет, он не представлял собой вулканический ад и его ландшафт не напоминал смертельный лабиринт, придуманный как раз для того, чтобы максимально осложнить задачу сначала скаутам, а затем и харвестерам. Тем не менее, астронавты предпочли бы столкнуться именно с указанными сложностями, нежели с тем, что подвернулось им в реальности. Красивое серебристое свечение планете придавала пыль, обильно осевшая на нее за миллионы лет. Это уже вопрос к астрофизикам и космоисторикам, отчего на Альфе не наблюдалось столь же ярко выраженного пылевого слоя, как на Бете. Возможно, он образовался как раз тогда, когда первую планету еще сотрясала вулканическая активность, а затем концентрация веществ, попадавших на ее поверхность, стала ничтожно малой. Как бы там ни обстояло дело, породы Альфы не были присыпаны колдовской красотой, да и не сверкали за отсутст-

вием крупных вкраплений кварца и иже с ним. Именно их видела с высоты звездолета Аулина, завороженная переливчатой игрой вспышек света. Их наблюдал и Себастьян, но никакой радости это художественное явление ему не доставляло. Сверкающие образования повсеместно торчали из невообразимой концентрации ферромагнетиков, составлявших практически всю верхнюю часть пород под слоем волшебно красивой пыли. Для живописца, желающего запечатлеть и впрямь незабываемый космический пейзаж, это не имело значения, а вот для оборудования, поддерживавшего связь при помощи радиоволн, становилось колоссальной проблемой. Никакие ретрансляторы астронавтам не помогали. Скауты то и дело сбивались с курса и подолгу торчали на одном месте, дожидаясь управляющего сигнала с базы. Порой он отсутствовал настолько долго, что у них включался режим автоматического возвращения "домой", прерываемый только вручную. А сделать это удавалось далеко не всегда, ибо в эфире творилось черт знает что. Это было даже не экранирование и не помехи, а настоящий ночной кошмар радиотехника, практически не владевшего вверенной ему электроникой. Астронавты устанавливали антенну за антенной, силясь увеличить зону покрытия и сделать ее более уверенной, но результат, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Скауты не успели осмотреть и четверти намеченной области когда люди настолько выбились из сил, что устроили вынужденный перерыв. Собравшись у станции управления роботами, они переводили дух, ибо даже в могучем армейском скафандре их физические возможности были не безграничны.

Элмер на чем свет ругал галактический атлас вообще и Мелиюбиуса в частности. Анатоль, не обладавший глубокими специфическими познаниями, просто чертыхался на чем свет стоит, кляня непослушных скаутов и сходивший с ума эфир. Грубо выражался и Себастьян, однако обвинять свое детище в недальновидности не спешил. Вызвав Гарольда, неотлучно дежурившего на мостике, он велел ему сходить за искусственным разумом, чтобы получить срочную консультацию. Это нарушило планы Аулины, желавшей переговорить с сиреневым доктором наедине, но она смирилась перед лицом приоритетной необходимости.

Когда Мелиюбиус вышел на связь, ученый коротко изложил ему суть проблемы и потребовал объяснений. Думал приглашенный советчик недолго. С его точки зрения, проблема заключалась в недостаточно корректном изложении сведений в галактическом атласе астрономических тел. Увы, насколько он успел изучить различную литературу и сравнить ее с реальностью, люди частенько допускали такие оплошности, не придавая значения деталям, спо-

собным подвести кого-нибудь под монастырь. Система IBRSF-7413 была описана весьма поверхностно. Ее снабдили грубой трехмерной моделью ландшафта, однако на структуру пород это графическое дополнение не распространялось. Обычно записи о хорошо исследованных космических объектах не только обладали всей полнотой данных о тамошних минералах, но и содержали довольно точную схему их распределения в планетарной коре. В случае с двумя безжизненными шариками, кружащими вокруг никому не интересного красного карлика, все обстояло иначе. Атлас выдавал сухие цифры состава грунтов и общую характеристику их наличия на планете в целом. Он сообщал, что ферромагнитные руды присутствуют на ней в малом процентном соотношении, коммерчески не выгодном для промышленной добычи. При этом нигде не уточнялось, как именно те залегают, то есть особенности северного полюса были попросту проигнорированы. С точки зрения бурильщиков тонкая прослойка полезных минералов никакого интереса не представляла, ибо ее глубина ограничивалась совсем незначительными величинами. К тому же минералы были отнюдь не редкоземельными, а дешевыми. Никто не будет тащить к черту на рога исполинское оборудование, чтобы сковырнуть с планеты ее тонкую дешевую шкурку, да и то в строго ограниченном ряде мест. Разумеется, составителям атласа и в голову не пришло, что на означенной "шкурке" однажды окажется бригада роботов, посланных терпящими бедствие беглецами, и что эти роботы, ввиду неожиданно всплывших особенностей ландшафта, будут просто не в состоянии функционировать должным образом. Обладай экипаж "Корундоры" более совершенными ретрансляторами армейского либо горнопроходческого образца — и проблема отпала бы сама собой ввиду принципиально иной системы связи. Однако грузовой звездолет не располагал к таким приключениям, какие выпали на долю недавних обитателей "Элегии". Антенны, собранные на скорую руку из различных, позаимствованных в трюме запчастей и работающие в обычном радиодиапазоне для них УЖЕ были критически важным достижением. О большем мечтать и не приходилось.

Ученый ничуть не удивился, выслушав версию Мелиюбиуса. Он сам примерно так и думал, отчего и не честил свое творение на все корки. Сиреневый умник не был виноват в допущенном просчете, поэтому предъявлять ему претензии будет совершенно несправедливо. Только и на связь Себастьян вызвал его отнюдь не для одной лишь предполагаемой выволочки. Мелиюбиус мог предложить дальнейший план действий, особенно с учетом обновлявшейся информации от Гарольда. Челнок ведь полетел вслепую, не

дожидаясь результатов предварительного сканирования. В этот раз на него попросту не было времени, отчего астронавты высадились едва ли не наобум. Бородач, однако, не сидел сложа руки и усердно загружал сенсоры звездолета работой, заставляя их раз за разом окидывать электронным взором находившуюся под ними часть планеты. Эти сведения обрабатывались бортовым компьютером, а теперь и прибывшим на мостик искусственным разумом. Тот оправдал ожидания ученого. Быстро ознакомившись со свежими данными, он рекомендовал немедленно покинуть насыщенную ферромагнетиками область и сместиться на юго-восточный край северного полюса. Там потенциально возможная концентрация Гелия-3 все еще будет достаточно высока, зато злополучные минералы, судя по примечательным различиям в рельефе, уже не окажутся непреодолимым препятствием. На том и порешили.

Астронавты потеряли несколько драгоценных часов, собирая оборудование, и лишь когда челнок взлетел почувствовали некоторое облегчение. Кстати, за его штурвалом на этот раз никто не сидел, ибо Гарольду запретили покидать борт звездолета. Планетарный катер целиком и полностью управлялся автоматикой, контролируемой бородачом с орбиты. Мощный сигнал сверху вниз и обратно прекрасно проходил и на подложке из ферромагнетиков, отчего пилот контролировал ситуацию не намного хуже, чем если бы сам находился в кабине "Диаманты". Ориентируясь на подсказанную Мелиюбиусом точку высадки, Гарольд уверенно направил туда челнок и достаточно мягко приземлил его неподалеку от границы освещенной зоны. Оттуда было хорошо видно, как серебрится край горизонта, озаренный светом красного карлика. Три астронавта, подгоняя безразличных ко всему роботов, приступили к повторной высадке, надеясь, что она пройдет куда лучше, чем предыдущая.

Пользуясь случаем, Аулина предложила отвести Мелиюбиуса обратно в домашнюю секцию. Ученый дал добро, ибо в помощи искусственного разума уже не было нужды, и девушка увела своего сиреневого приятеля с мостика. Увела, разумеется, не под замок, а в медотсек. Там она показала ему анализы Тобиаса, желая получить консультацию.

— Плохо дело, — хорошенько все просмотрев, сообщил Бутон. — Куда хуже, чем я думал! Мальчику грозит серьезная опасность. Если лекарство не поможет, ты еще успеешь попробовать вторичный метод лечения, но не более одного сеанса. Потом поражение станет настолько обширным, что он уже не сможет дышать без кислородной маски, а как раз ее-то использовать и нельзя.

— Это еще почему? — неприятно удивилась девушка.

— Ты забыла особенности распространения грибка? Почему он окопался в дыхательных путях и особенно в легких? — мягко упрекнул ее Мелиюбиус. — Тамошние ткани насыщены кислородом, вызывающим ускоренное продуцирование его клеток. Для него это самая лучшая питательная среда. Иными словами, чем больше кислорода, тем быстрее множится эта патогенная флора. Дыхательной маской ты кратно подстегнешь ее распространение. Угадай, что будет, если плеснуть в огонь нитроглицерин. Правильно, взрыв! Условно, точно такой же взрыв произойдет и в метаболизме грибка. Его клетки начнут делиться с ужасающей скоростью, со всеми вытекающими последствиями.
— Я думала, повышенная концентрация кислорода наоборот — станет сжигать Плесциллу по всей площади контакта, — озадаченно пробормотала Аулина.
— В высокой концентрации, несомненно, так и произойдет. Вот только вместе с грибком она сожжет и легкие, — наставительно разъяснил сиреневый доктор. — Именно поэтому я сразу и отмел кислородную терапию, едва уяснил особенности жизненного цикла этой заразы.
— Ладно, я поняла, — кивнула медсестра. — Какие-то новые предложения по части лечения будут?
Мелиюбиус оправдал возложенные на него надежды и существенно улучшил курс помощи мальчику, основываясь на изученном биоматериале. Девушка глянула на часы. Близилось время запланированной инъекции лекарств. Она как раз размышляла, стоит ли его дождаться или вызвать Кимберли прямо сейчас, но та вдруг сама вышла на связь.
— Аулина, ты где?! — послышался в интеркоме ее срывающийся голос. — Кажется, Никки заболел!
Всплеснув руками, девушка отпустила такое крепкое выражение, какое обычно не употребляла. Краснеть Мелиюбиус не умел, а хихикать не стал, оценив эмоциональное состояние подруги. Та, подбежав к настенной панели связи, велела креолке немедленно явиться с сыном в медотсек. Выпроваживать сиреневого доктора было некогда, да и незачем. Повинуясь красноречивому жесту Аулины, он улетел из приемной и спрятался в соседнем техническом помещении.

Никки было не так плохо, как Тобиасу, однако экспресс-диагностика показала довольно обширное поражение Плесциллой Корундорус. Это насторожило медсестру, не желавшую считать простым совпадением два последовавших один за другим случая. Либо дети были более уязвимы к грибку — а Никки в прошлый раз все же не заболел, инфицировавшись только сейчас, — либо пато-

генная флора начинала вести себя иначе. Например, в силу дальнейшей мутации. К сожалению, подтвердить последнее мог только Себастьян, проведя новое исследование, а он сейчас находился на вылете. Мелиюбиус же не обладал подобным функционалом, как не обладало им и оборудование медотсека, не предназначенное для научных изысканий. Конечно, он мог составить Аулине компанию в лаборатории ученого, находившейся буквально в двух шагах, однако куда проще и эффективнее было дождаться скорого возвращения ее хозяина. Все это быстро промелькнуло в голове у медсестры, оценившей состояние маленького пациента.
— Все будет хорошо, малыш! — ласково погладила она ребенка по голове и без промедления оказала ему врачебную помощь.
С этим не возникло ни малейшей заминки, учитывая последние рекомендации Мелиюбиуса. Кимберли ничего толком и понять не успела, как медицинский манипулятор последовательно ввел Никки тщательно выверенные дозы препаратов. На все про все у Аулины ушло каких-то несколько минут.
— Теперь уложи его в постель, а через полчаса приводи Тобиаса, — распорядилась она не терпящим возражения тоном.
Креолка, впечатленная оперативностью девушки, даже рта не раскрыла. Кивнув, она взяла малыша на руки и унесла, чувствуя себя куда спокойнее, чем четверть часа назад. Аулина же строго наоборот — разволновалась дальше некуда.
— Пойдем со мной! Надо поговорить с Гарольдом! — позвала она объявившегося из подсобки Мелиюбиуса.

У бородача, безвылазно торчавшего на мостике, хватало забот и без сестры. Он продолжал обрабатывать поступавшие данные сканирования, оперативно отправляя их в бортовой компьютер челнока. Известие о новых случаях инфицирования, клинически отличавшихся от предыдущих, изрядно омрачило ему настроение.
— Еще не легче! — процедил он, качая головой. — Но что ты от меня-то хочешь, сестрица?
— Ты же у нас следишь за атмосферой на "Корундоре", — напомнила Аулина. — Мне нужны новые замеры на содержание спор. Нутром чую — что-то здесь не так…
— Ну, с этим я и впрямь могу помочь, — сказал Гарольд. — Правда, я не понимаю, что тебе это даст, однако изволь.
Программа взятия образцов воздуха все еще оставалась в памяти главного терминала, поэтому бородачу не составило большого труда тут же отправить на задание группу свободных роботов. Пока они сновали по звездолету, девушка успела сходить в медотсек и провести второй сеанс лечения Тобиаса. Его состояние вроде бы

стабилизировалось. Улучшений не наблюдалось, но и хуже ему пока не стало, а это было уже кое-что. Вернувшись на мостик, она нашла две дюжины герметично закупоренных склянок, исправно доставленных роботами из разных отсеков "Корундоры".

Возвращение челнока, пришедшееся на восемь утра двадцать четвертого цикла, застало Аулину в малой лаборатории Себастьяна, находившейся в одном из внутренних помещений медотсека. Перед стыковкой Гарольд сообщил по интеркому о текущем показателе кислорода, снижавшемся в штатном режиме. На спасение беглецам оставалось девять суток и чуть менее десяти часов. Эта цифра учитывала не только атмосферу "Корундоры", но и "Диаманты", а также баллоны оставшихся на Альфе астронавтов. Учитывала, разумеется, приблизительно, ибо корректировка происходила после стыковки планетарного катера, но всякий раз, претерпев скачкообразные изменения, она оказывалась вполне себе достоверной. Как бы там ни было, Аулина ничего этого не ведала. Доклад брата прошел мимо ее ушей, ибо девушка, сраженная усталостью, заснула прямо за столом с компактным электронным микроскопом и анализатором. Чтобы она не сползла на пол, Мелиюбиус аккуратно поддерживал ее своим корпусом, приняв вес облокотившегося на него тела. Будить Аулину он не стал. Конечно, было бы куда лучше дать ей поспать в нормальной постели, но как бы для этого не пришлось тащить туда девушку силком. Та вполне могла заупрямиться, желая довести начатое до конца. Прикинув сколько еще ждать возвращения Себастьяна, она все-таки не выдержала и приступила к изучению проб воздуха сама. Мол, заняться ей все равно особо нечем, так пусть время проходит с пользой. С этой пользой она и довела себя до полного изнеможения, отключившись наподобие севшего аккумулятора. Мелиюбиус, старательно помогавший новоиспеченной лаборантке анализировать образцы, проявил о ее покое всю возможную заботу. Далеко откинутая спинка кресла позволила девушке принять более расслабленное положение, а волны, излучаемые пристроившимся рядом сиреневым доктором, существенно ускоряли процесс восстановления сил. В таком виде обоих и нашел Себастьян, заглянувший в помещение за каким-то прибором. Он ведь перенес сюда часть оборудования, когда исследовал грибок, а сейчас, вернувшись на звездолет, ему срочно требовалось изучить привезенные с Беты фрагменты тамошней породы. По идее, ему требовалось и лечение от грибка, ибо восемь часов между инъекциями давно прошли, однако ученый, чувствовавший себя вполне хорошо, полагал, что это терпит. Он и затянувшуюся высадку не прерывал из-за такой ерунды, да и теперь предпочитал сперва заняться бо-

лее неотложным делом. Ученый смертельно устал, но заставил себя не откладывать планетарный грунт в долгий ящик. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что и Аулина проводит какие-то изыскания. Мелиюбиус, шикнув, упредил вопрос, готовый раздаться из открывшегося рта своего создателя и шепотом ввел того в курс дела.
— Ах, вот оно что, — тихонько отозвался Себастьян. — Ну-ка, дай я сам гляну.
Не потревожив Аулину, он склонился к столу, посмотрел в микроскоп и снял показания анализатора. Затем проверил записи невесты и бегло пролистал данные на экране портативного компьютера. Фактически, девушка успела сделать очень многое и выдохлась уже на подступах к подведению результатов. Именно поэтому ученый, глянув на часы, решил уделить двадцать минут новой, свалившейся как снег на голову проблеме. Уделил — и не пожалел. Когда Аулина, зевнув, открыла глаза, она увидела крайне озабоченное лицо жениха.
— Этот чертов грибок стал еще более агрессивным, чем прежде! — прозвучали его сказанные то ли Мелиюбиусу, то ли самому себе слова.
— Ты лекарство принимал?! — тут же вопросила девушка, вцепившись ему в локоть.
Теперь, после двойного заболевания детей, она воспринимала такие вещи куда острее.

Выводы, сделанные на основе вполне достойной ночной работы Аулины, ученый озвучил уже в приемной, куда его утащила невеста-медсестра. По сути, Плесцилла Корундорус осталась все тем же мутировавшим штаммом исходного грибка, но ее метаболизм ускорился. Более того, она куда вольготнее стала чувствовать себя в человеческих тканях, словно за прошедшие дни успела хорошенько освоиться в новой для нее среде. Вопрос: как? Споры, попавшие в атмосферу из блока J-08 — продукт уже готовый, не способный к изменению. Стало быть, люди инфицируются другим типом спор, продуцируемым адаптирующимся патогеном. Откуда он берется и каким образом распространяется — опять же, очевидные вопросы, но и ответ на них с фонарями искать не приходится. Исследование, затеянное Аулиной, прояснило все наилучшим образом. Теперь грибок успевает созревать в легких зараженных людей, и кашляя те выбрасывают его споры в окружающую атмосферу. Он передается самым обычным воздушно-капельным путем, но при этом поражает очередных носителей более активным штаммом. Его приспособляемость к среде обитания, помимо прочего, отражается и на проводимом лечении. Вот поче-

му эффективность "Хломикозмицина" может снижаться в зависимости от индивидуальных особенностей пациентов вплоть до угрожающей бесполезности. Грибок размножается быстрее, чем лекарство успевает его нейтрализовать.

Аулина, разумеется, ничуть не обрадовалась, услышав все эти научные новости. Вкатив Себастьяну положенную ему дозу препарата так, что тот ойкнул, она немедленно озаботилась вопросом как решать усугублявшуюся проблему.

— Да, собственно, никак, — покачал головой ученый. — Со сбоящей вентиляцией, где фильтры, считай, не работают, нам только и остается, что уповать на аптечку "Корундоры". Авось, протянем до "Контилады", а иначе все равно от чего помирать.

Девушку такое развитие событий не устраивало. Двое больных детей, чье состояние внушало тревогу одно больше другого, маячили у нее перед глазами лучшим стимулом и без того недремлющей совести. На Себастьяна, однако, наседать сейчас не следовало, и она это отлично понимала. Образцы грунта, добытые на Бете, ждать не могли, поэтому Аулина отпустила жениха заниматься своим делом, а сама вновь отправилась к Гарольду.

Старший брат тоже ничуть не обрадовался тревожному известию, но отреагировал на него куда спокойнее сестры. Мол, Себастьян прав и все как-нибудь само образуется. Девушка не на шутку рассердилась. Это не Гарольд видит больных ребятишек. Не он смотрит им в глаза, держит их за руку и обещает, что все будет хорошо, в то время как на деле ситуация может обернуться очень плохо. Если брат такой умный, Аулина вполне способна организовать ему свидание с маленькими пациентами, и пусть тогда он лично в лицо Никки и Тобиасу заявит, как все замечательно уладится своим чередом. Гарольд, разумеется, наотрез отказался от такого социального эксперимента. Девушка тут же усилила натиск, не собираясь уходить ни с чем. Она требовала хоть каких-то мер, способных приостановить распространение патогенной флоры и поклялась не отставать от брата, пока тот не начнет претворять их в жизнь.

— Думаешь, я не принял бы этих мер, приди мне какая идея в голову? — отбивался насупленный бородач.

Выставить сестру за дверь ему не позволяли личная привязанность и сознание ее правоты.

— Думаю, в изменившихся обстоятельствах ты можешь взглянуть на проблему по-другому! Придать ей куда больше значения! — с жаром заявила Аулина.

Тут она попала не в бровь, а в глаз. Гарольд, заслышав ее слова, недовольно пожевал губами, но все же не сумел промолчать. Кисло

скривившись, будто хватанув солидную порцию лимона, он сообщил, что некий замысел у него действительно имеется, причем с тех самых пор, как было установлено заражение атмосферы звездолета. Вот только затея обладает серьезным побочным эффектом, недопустимым в положении беглецов, отчего бородач никому о ней и не сообщил, предпочитая оставить все как есть.
— Выкладывай! — потребовала оживившаяся девушка.
— Да чего там выкладывать... — буркнул Гарольд, но не стал запираться и удовлетворил желание сестры.
Та сразу сообразила, отчего брат не внедрил технически вполне осуществимую схему. Она требовала сжигания и без того дефицитного кислорода. План Гарольда был предельно прост. Атмосфера "Корундоры" прогоняется не через неисправный фильтр, а специальную рамку, где непрерывно горит огонь. Горит не настолько сильно, чтобы без остатка пожирать драгоценный газ, зато достаточно интенсивно для уничтожения спор. Иными словами, воздушный поток строго под заданным напором проходит через пламенеющее заграждение, выжигающее из него всю патогенную флору. Согласно предварительным расчетам, концентрация спор снизится до безопасной в пределах одного цикла. К сожалению, примерно на тот же срок сократится и запас кислорода, потраченного на активное и горение.
— А у нас, как тебе хорошо известно, лишнего цикла в запасе не наблюдается, — сухо закончил бородач, полагая тему закрытой.
— А в J-08? — подумав, внезапно спросила Аулина.
— Что — в J-08? — не понял Гарольд.
— Ну, тамошний воздух. Отчего бы не использовать его? — предложила девушка. — Да, он заражен, так ты его перекачивай по трубам и выводи непосредственно перед огненным фильтром. Часть кислорода сгорит, но часть и добавится в общую атмосферу, а это в какой-то мере компенсирует потери.
Старший брат хотел было возразить, однако сообразил, что идея не лишена смысла. Он наскоро прикинул расчеты на терминале и получил лишние часов шесть или семь, учитывая размеры и собственное хранилище изолированного отсека.
— Все равно многовато потеряем! — с сомнением в голосе потеребил он свою короткую вьющуюся бородку.
— Как я уже отметила — обстоятельства изменились! — напомнила Аулина. — То, что прежде считалось расточительством, теперь может стать жизненно необходимым.
— А если именно этих часов нам и не хватит до "Контилады"? — хмуро заметил брат.
— А если лекарство потеряет эффективность, туда, возможно, и

лететь будет некому! — сердито бросила сестра. — Или тебе напомнить о состоянии Тобиаса? Как знать, может ты станешь следующим.
Перспектива и впрямь выглядела ничуть не радужно, отчего Гарольд, еще немного поупрямившись, взялся за точный расчет огненного барьера. Сестру же настойчиво стал выгонять на отдых, чего, кстати, желал и Себастьян. Аулина согласилась пойти поспать, но только для виду. Она не собиралась почем зря отлеживать бока и вместо домашней секции направилась туда, где находились фильтры системы вентиляции. Именно там, согласно замыслу Гарольда, было оптимальнее всего зажечь обеззараживающее пламя, и она лично хотела все осмотреть, проверить и сообщить о своих наблюдениях брату.

Секция с фильтрами входила в коллекторный отсек, расположенный в нижней части звездолета. Еще ниже была только закрытая техническая палуба с гравитационными панелями, создававшими на судне силу притяжения. Продвигаясь согласно схеме, Аулина забралась в дебри очистных сооружений и сумела отыскать небольшую лесенку, ведущую в служебный тоннель верхнего яруса. Там и отыскался блок с пресловутыми фильтрами. Во всяком случае, тем их сегментом, что относился к системе удаления отходов. Врезку кустарного приспособления, как и говорил Гарольд, действительно вполне можно было осуществить. Для этого даже не придется ломать ни голову, ни руки. Мало-мальски опытный специалист при поддержке пары роботов сумеет быстро разместить все необходимое. Сконструировать и соорудить рамку для заслона пламени — проще простого, а топливо следует позаимствовать у двигателей, причем не подводить его трубопроводом, а подавать из баллона. Таким образом, за несколько часов "Корундора" обретет средство дезинфекции, способное за сутки снизить концентрацию спор до вполне безопасного уровня. При этом уже заболевшие станут носить медицинские повязки, чтобы не выбрасывать в атмосферу зловредный патоген.

Забравшись внутрь чего-то похожего на комнатку с боковыми окнами, где проходили вентиляционные трубы, Аулина внимательно изучала их конструкцию, фиксируя наблюдения с помощью робота. Позаимствованный в ангаре "Диаманты", тот сопровождал ее с самого начала визита в коллектор, освещая особо темные места и делая снимки там, где велела девушка. Роботы ведь обладали индивидуальной системой датчиков и сенсоров. Люди не могли видеть и слышать через них напрямую, но сама техника прекрасно ориентировалась в окружающем пространстве и была способна запечатлевать его в случае необходимости. Этим функционалом и

воспользовалась Аулина, собираясь доставить на мостик ворох полезной информации. Робот, кстати, был выбран не наобум. Припомнив бортовой номер, она прихватила того же милашку, который помог ей выбраться из завала. USB М3-2 314, то есть Универсальный Корабельный Бот третьей модели второй модификации, личный идентификатор триста четырнадцать, было слишком проблематично для произношения, поэтому девушка ласково именовала своего металлического спутника "Трешечка". Тот, среагировав на команду, принял позывной и теперь отзывался на него всякий раз, когда ему велели сделать снимок, проверить стыковой шов или отдавали еще какой-нибудь приказ. Трешечка исправно подсвечивала хозяйке там, где встроенное освещение отсутствовало, а пару раз даже подсадила ее на верхотуру, чтобы она заглянула в мерно дувшую трубу. В разговоры робот не вступал, но являл собой благодарного слушателя, внимая всем словам оживленно болтавшей Аулины. Занятая своими мыслями, она как бы озвучивала их вслух, одновременно и обращаясь к Трешечке и не ожидая от нее ответа.

В теории замысел с огненным фильтром выглядел очень даже неплохо. Хотелось верить, что таковым он останется и на практике. Закончив изучать вентиляционный блок, довольная собой Аулина покинула коллекторный отсек, ибо близилось время приема маленьких пациентов. Судя по таймеру, было около половины одиннадцатого утра. Девушка успела поспать совсем немного, поэтому ей и впрямь требовался полноценный отдых, отложенный до похода в коллектор с последующим визитом в медотсек. Выйдя из первого, во второй она и направилась, не забыв прихватить с собой неизменно следовавшую за ней Трешечку.

Едва Аулина переступила порог медицинского блока, как ее взору представилась Кимберли. Она хлопотала у большого диагностического ложа с лежавшим там ребенком. Информационные экраны изобиловали красными и оранжевыми индикаторами, пиликали тревожные сигналы, а пациент, в котором девушка признала Тобиаса, лежал подозрительно неподвижно. Глаза Аулины внезапно расширились, когда она узрела на лице мальчика какой-то до боли знакомый предмет.

— Что ты делаешь?! — ужаснувшись, закричала она, вихрем подбегая к Тобиасу.

Придержав безвольно качнувшуюся голову, Аулина сорвала с него кислородную маску и вперила взгляд в ближайший дисплей, силясь единовременно усвоить все отображавшиеся там данные. Туда выводились жизненные показатели пациента, а также комментарии компьютера о причинах его состояния и перечень врачеб-

ных рекомендаций. В первую секунду Кимберли шарахнулась от невесть откуда подскочившей подруги, а затем, признав ее, сильно изменилась в лице.
— Что Я делаю?! — воскликнула она, раздираемая эмоциями. — Что ТЫ делаешь?!
Креолка попыталась отобрать кислородную маску, но Аулина дала решительный отпор.
— Идиотка! Ты же его этой штукой убиваешь! — громыхнула она с волнением и гневом.
— Как это?! — опешила Кимберли, от неожиданности даже прекратив наседать на медсестру.
— Да вот так! Усиленная подача кислорода в несколько раз ускоряет процесс размножения грибка! — всплеснула руками Аулина. — Какого черта ты тут творишь?! Что вообще случилось?! Почему меня не позвала?!
— Я не позвала?! — опомнилась жена Мартина. — Да мы тебя всем звездолетом уже битый час ищем! Весь интерком оборвали! Где тебя черти носили?!
— Как целый час?! — упавшим голосом переспросила девушка. — Не может быть! Я не слышала ни одного вызова!
— Думаешь, я лгу?! — зло сверкнула глазами Кимберли. — Коли так, спроси у своего братца! Он до хрипоты вызванивал тебя по общей связи и даже отправил роботов на поиски! Тобиасу резко стало хуже, а ты как сквозь землю провалилась! Что мне было делать?! Я принесла его сюда, а компьютер подсказал мне какие меры следует принять!
— Погоди-погоди! — вконец растерялась Аулина. — Это компьютер велел тебе надеть кислородную маску?!
— Ну да! У Тобиаса стала развиваться гипоксия, он это определил и выдал соответствующее предписание! — кивнула креолка.
— Мать моя родная... КАК ДОЛГО ОН ПРОБЫЛ В МАСКЕ?! — вскричала ужаснувшаяся девушка.
— Минут сорок. Пока мы тебя искали, а я... — не договорив, Кимберли умолкла, пораженная выражением лица медсестры.
В этот момент медицинский компьютер особенно настойчиво засигналил. Это были уже не отдельные тревожные пиликанья, а настоящая перемежавшаяся сирена. Жизни маленького пациента угрожала смертельная опасность. Аулина немедленно прекратила разбирательства и, дрожа от волнения, попыталась взять ситуацию под контроль. Та была хуже некуда. Кимберли изначально принесла ребенка в очень плохом состоянии, а из-за продолжительного использования кислородной маски оно только что усугубилось самым плачевным образом. Грибок, вызывавший умерен-

ную степень гипоксии, стремительно разрастался, и Тобиас начал задыхаться. Он был без сознания, а показатели гемоглобина заставляли медсестру нервно кусать губы. Фактически ребенок умирал прямо у нее на глазах из-за поражения легких и дефицита кислорода в крови, а увеличить его подачу традиционным образом возможным не представлялось. Чертыхаясь, Аулина подкатила к ложу здоровенную тумбу из набора реанимационного оборудования. Кимберли попыталась осведомиться, что подруга делает, но та резко велела ей заткнуться и не мешать. Счет шел фактически на минуты, поэтому отвлекаться на объяснения было попросту некогда.

Реанимационное оборудование понадобилось Аулине не просто так. Искусственная кома — вот единственное средство, остававшееся в ее арсенале. Снижая жизнедеятельность Тобиаса, она автоматически снижала и необходимое ему количество кислорода. Ребенок мог умереть, но он наверняка бы умер в любом ином случае, промедли медсестра еще хоть немного. Экспресс-анализ и углубленное сканирование показывали критическое разрушение легочной ткани.

Через двадцать минут Аулина позволила себе немного передохнуть. Тобиас, весь утыканный проводами и трубками, мерно дышал с помощью системы принудительной вентиляции легких. Температура его тела была искусственно понижена, сердцебиение стимулировали специальные электроды, а кровь, куда подавались питательные вещества, проверялась в режиме онлайн через выносную трубочную дугу. Жизнь едва теплилась в теле ребенка, но все же он пока не умер, а значит, борьба не окончилась. Передозировка в данном случае становилась меньшим из зол, поэтому ребенку была введена огромная доза альтернативного лекарства в надежде остановить распространение грибка.

— С ним ведь все будет хорошо? — тихо спросила Кимберли.

— Не знаю, — тяжело вздохнула Аулина. — Шансов мало. Я не понимаю, почему лекарство так плохо действует. А эта кислородная маска…

Прерванное выяснение обстоятельств возобновилось жаркими, но приглушенными голосами. Медсестра упрекала креолку в грубейшей ошибке, имевшую катастрофические последствия. Та отрицала все обвинения, указывая на рекомендации компьютера, а также свое незнание особенностей метаболизма грибка, о которых ее в известность никто не ставил. При этом Кимберли указывала подруге на факт ее отсутствия, изначально и послуживший причиной самодеятельности. Аулина никак не могла взять в толк, каким образом компьютер выдал заведомо вредоносное предписание,

отчего сомневалась в словах креолки. Та, в свою очередь, откровенно не верила медсестре, якобы не слышавшей надрывавшийся интерком. А ведь Аулина и правда его не слышала, ибо за все время ее пребывания в коллекторном отсеке тот не издал ни единого звука, поэтому она и понятия не имела об экстренном вызове.
— Ничего не понимаю, — растерянно пробормотала девушка. — Либо одна из нас нагло лжет, либо здесь творится какая-то чертовщина.
— Погоди-погоди! — блеснула глазами Кимберли. — Ты хочешь сказать, тут не обошлось без чьего-то вмешательства?
Аулина сообразила, насколько близка от того, чтобы вновь толкнуть подругу на скользкий и не сулящий ничего хорошего путь. Не желая развивать опасную тему, она использовала классический прием отвлечения внимания.
— Немедленно веди сюда Никки! — велела она не терпящим возражения тоном. — Я не собираюсь дожидаться пока и ему станет хуже!
Кимберли как ветром сдуло.

Ненадолго оставшись одна, Аулина связалась с Мелиюбиусом, как и предполагалось, запертым в домашней секции вместе с беспробудно спящим Себастьяном. Выслушав девушку, тот одобрил ее замысел, однако на сей раз никакого нового решения не предложил.
— Увы, теперь нам остается только ждать, — сказал он, стараясь выражаться как можно тактичнее.
— Ясно, — не сумела скрыть уныние Аулина. — Как там анализы породы?
— Неважно, — лаконично ответил Сиреневый Бутон. — Теперь вся надежда на южный полюс.
Корабль едва заметно дрогнул. Это Гарольд пробуждал маневровые двигатели, готовясь покинуть геостационарную орбиту. Времени на маневр и перемещение вдоль планеты у него было предостаточно. Следующий вылет челнока состоится в восемнадцать ноль-ноль, то есть спустя цикл и пять часов после ухода с Альфы. Астронавтам, обессиленным предыдущей вылазкой, требовалось хорошо отдохнуть, а вся экспедиция пока вполне укладывалась в запланированный срок возвращения на первую планету.
— До связи, — сказала Аулина и отключилась.

В отличие от Мелиюбиуса, отчего-то совсем не поинтересовавшегося где его лучшая и единственная подруга битый час пропадала, пока ее искали и не могли найти, Гарольд был более эмоционален. Узнав, что с сестрой все в порядке, а ходила она в коллектор, он пообещал задать ей хорошую взбучку, однако обеспо-

коился рассказом о молчавшем интеркоме. Рассказ, впрочем, пришлось прервать, поскольку вернулась Кимберли, тащившая на руках сына.

Болезнь Никки развивалась примерно так же, как и у Тобиаса. Он плохо реагировал на "Хломикозмицин", поэтому Аулина немедленно перевела его на альтернативное лечение, введя двойную дозу препаратов. Быстро оценив ситуацию, она предложила Кимберли план помощи, требующий ее одобрения. Оборудование медотсека вполне позволяло поместить в искусственную кому еще одного пациента. Это было опасно, но шанс побороть грибок становился куда выше в сравнении с неблагоприятным развитием событий. Если состояние Никки ухудшится до состояния Тобиаса, его все равно придется подвергать этому риску, но вероятность исцеления многократно снизится. Аулина решила сделать ставку на сниженное количество кислорода. Грибок, ускоренно растущий при его избытке, по логике вещей должен снизить активность в обратном случае, то есть образовании явного дефицита. Того, что хватит маленькому пациенту для поддержания жизни, может оказаться недостаточно для интенсивного воспроизводства патогена, успевающего плодиться быстрее, чем его нейтрализовало лекарство.

— Я согласна! — решительно заявила Кимберли, тщательно поразмыслив над обрисованной подругой перспективой.

— Тогда не будем терять времени, — раздался сдержанный голос медсестры.

Кушеткой послужил антиграв, так и остававшийся в медотсеке после смерти Джулет и ее мужа. Разместив на нем четырехлетнего мальчика, Аулина подключила его к аппаратам системы жизнеобеспечения по аналогии с Тобиасом. Вскоре тот погрузился в медикаментозный сон, а его грудь стала вздыматься настолько редко, что паузы между вдохами выглядели пугающими. Медсестра запрограммировала оборудование на автоматическую подачу лекарств, необходимых для поддержания стабильного состояния ребенка. Сама же, едва держась на ногах, наконец-то отправилась спать в домашнюю секцию. Кимберли осталась дежурить возле больных детей, обещая никуда не отлучаться. В это Аулина очень даже верила, но заодно поручила креолке принять других пациентов, до сих пор страдавших от грибка и не торопившихся выздоравливать. Что касалось очередных анализов экипажа, то она собиралась взять их сама незадолго до отправки "Диаманты", чтобы не допустить вылета астронавтов без надлежащей проверки. Высадка на южный полюс Беты может осуществляться либо здоровыми людьми, либо теми, кто получил упреждающий курс лече-

ния, как минимум замедлявшего развитие патогена. Аулина не забыла бы и тех, кто остался на Альфе, но тут она оказывалась совершенно бессильна. С ними даже не было связи, ибо армейские скафандры, несмотря на все свои достоинства, межпланетной дальнобойностью радио не обладали. Не обладали ей и ретрансляторы. Они лишь расширяли область управления харвестерами и были физически не способны соединиться с далекой "Корундорой". Люди, разделенные несметным количеством миль, не ведали о происходящем друг у друга, уповая лишь на благополучный исход и удачное стечение обстоятельств. Дежурившие на Альфе гадали как дела у экипажа звездолета. Результаты первой высадки вряд ли внушили бы им оптимизм, зато общее продвижение экспедиции наверняка подняло бы моральный дух, ибо оно шло быстрее запланированного. Беглецы на орбите Беты также играли в угадайку, как там идет добыча топлива, однако новости об их товарищах должны были вызвать совсем другой эффект.

Харвестеры трудились без перерыва. Неторопливо разбредаясь по местности, они исправно захватывали грунт, срезая весь верхний пласт на четыре фута в глубину. Прогоняя его через свое раскаленное нутро, роботы выбрасывали отработанную породу позади себя, а сами продолжали ползти дальше. В зависимости от рельефа где-то они двигались концентрическими кольцами, а где-то по спирали. Часть из них ехала исключительно прямо до заданной контрольной точки, после чего разворачивалась и направлялась обратно по соседней нетронутой полосе. Некоторые перемещались по совсем уж заумной траектории, огибая препятствия и непригодные для добычи участки. Маршруты, исходя из трехмерной карты местности, корректировал оператор. В идеале харвестеры должны были извлекать топливо полностью автономно. Увы, реальность накладывала на процесс свои требования. Как и предсказывал Сонмер, без регулярного вмешательства человека процесс получения Гелия-3 шел бы в несколько раз медленнее, причем со временем он мог вообще остановиться. Ландшафт планеты, никак не соответствующий бескрайнему ровному полю, не позволял оставлять добытчиков без присмотра. У станции управления всегда кто-то дежурил, наблюдая за сотней роботов и своевременно отправляя им надлежащие инструкции. Например, миновать преграду, отправиться в другую область добычи или прибыть на базу для перезарядки. Последняя, кстати, уже несколько часов подряд была очень актуальна. Энергия роботов, непрерывно нагревающих породу, ожидаемо иссякала. Вызванные к большому контейнеру, они получали новый элемент питания и отправлялись обратно, продолжать свое прерванное занятие. Груда отработанных энерге-

тических ячеек росла по мере того, как харвестеры приезжали на заправку, когда поодиночке, а когда и целой вереницей. Впоследствии эти "пустышки", разумеется, пригодятся, когда их снова зарядят на "Корундоре", но пока их просто сваливали неподалеку от контейнера, не желая захламлять его внутреннее пространство. Оно предназначалось для более полезных вещей и отдыха астронавтов, пребывавших там в относительной безопасности. Во всяком случае, в сравнении с открытым космосом. Неподалеку от лагеря на планету уже шлепнулось три мелких метеора, и никто не знал, выдержал бы армейский скафандр такой удар или нет. Проверять никому не хотелось, поэтому астронавты всегда уходили под крышу, когда не были заняты каким-то полезным делом. Туда же они забирались, если им требовалось спокойно полежать. Свет, мягко струившийся из большой осветительной панели, несколько самодельных кресел, шкафы и столы создавали подобие пещерного уюта в безвоздушном пространстве. Спать в таких условиях оказывалось куда комфортнее, нежели в черной пустоте.

Человек в скафандре, улегшийся на изогнутое ложе, напоминал картинку с рекламного постера, призывавшую туристов посетить какие-нибудь космические достопримечательности. Для пущего сходства ему лишь не хватало соответствующей позы, какой-нибудь характерной туристической техники в руке и пары безделушек, торчащих на ближайшем металлическом столе. Однако астронавт находился здесь отнюдь не для развлечения, отчего и вписывался в означенную композицию лишь условно. Ложе служило ему не обзорным пунктом, откуда можно с удобством насладиться видом, а кроватью, и он не предавался праздному безделью, а спал, утомленный тяжким трудом. Тусклые блики, падавшие на отражатели его скафандра, сохраняли полную неподвижность, ибо человек не шевелился. Вот на его соседе, расположившемся с противоположной стороны стола, они играли всякий раз, как тот ворочался на своей лежанке. В какой-то момент ему это, видимо, надоело, поскольку второй астронавт встал, молча посмотрел на первого и неторопливо направился к выходу из контейнера.

Мартин уже пять часов кряду торчал возле станции управления роботами. Он здорово устал, давно уже признав, насколько опрометчивым было его желание остаться здесь только вдвоем с отцом. Харвестеры лишь на первый взгляд функционировали без всякого вмешательства, а на деле требовали постоянного контроля оператора. Вот и теперь очередной добытчик испытывал затруднения. Судя по индикации на трехмерной карте и посылаемым сигналам, он застрял в каком-то ущелье и не мог самостоятельно выбраться. Мартин, привычно проведя руками по голографиче-

ской консоли, выслал к нему на помощь двух ближайших роботов из числа сервисного обслуживания. Таких на южный полюс прихватили целую дюжину, чтобы не отвлекать сто десять добытчиков от их основной обязанности. Впрочем, уже сто шесть. Четверо вышли из строя и, доставленные на базу, ожидали ремонта. Одного, вероятно, удастся ввести в строй прямо здесь, но остальным требовалось более серьезное техническое вмешательство исключительно на борту звездолета.

Внезапно позади Мартина возникло какое-то движение. Звуки в безвоздушном пространстве не распространялись, но покатившийся камень, задетый чьей-то ногой, вызвал вибрацию, переданную сенсорами скафандра пользователю. Конструктору не надо было оборачиваться, чтобы посмотреть назад. Движением глаз по интерфейсу гермошлема он вывел на экран изображение с нужной камеры. Его взору представилась приближавшаяся Тани.

— Пойди отдохни. Я подежурю, — тихо сказала она, поравнявшись с племянником.

Тот внимательно глянул на ее лицо, хорошо различимое из-за поднятого, ненужного сейчас светофильтра. Темень, царившая вокруг, нарушалась лишь далекими звездами да огоньками привезенного астронавтами оборудования, включая перемещавшихся там и тут роботов. Вьющиеся волосы Тани, выкрашенные в рыжий цвет, ниспадали ей на виски, а одна непослушная прядь упорно лезла на лоб. Пятидесятидвухлетняя женщина выглядела осунувшейся, а под ее глазами залегли хорошо заметные мешки.

— Уверена? — осведомился Мартин.

Его первым побуждением было отказаться от столь любезного предложения, однако усталость брала свое. Одна мысль о том, что он сможет прилечь и наконец-то вытянуть ноги пошатнула его стойкость и заставила не говорить решительное "нет".

— Я справлюсь, — кивнула женщина и внезапно закашлялась.

На сей раз приступ был настолько сильным, что она даже согнулась, положив руки на колени. К счастью, он оказался недолгим и прошел столь же неожиданно, как и возник.

— Я справлюсь! — решительно повторила Тани, чувствуя преисполненный сомнения и беспокойства взгляд племянника.

— Как там отец? — только и произнес он.

— Плохо, — помрачнела тетя. — Спит, но я видела, как тяжело он дышит. Не буди его.

— И не собираюсь, — покачал головой Мартин. — Правда, похоже, что мы теперь остались с тобой вдвоем.

— Я тоже так думаю, — согласилась Тани. — Пусть лучше спит, а через полтора цикла нас уже и заберут. Правда, я не понимаю, что

это за напасть. Грибок ведь так быстро не развивается.
Мартин промолчал. Да, он прекрасно помнил слова Себастьяна и Аулины об особенностях Плесциллы Корундорус, сопоставляя их с анализами троих астронавтов без всяких следов заражения. С другой стороны, что это могло быть еще? Шесть часов назад отец, кашлявший все чаще и сильнее, вдруг упал, не в силах подняться самостоятельно. Подбежавший к нему Мартин сразу исключил обычную чрезмерную усталость. Слабость отца была вызвана нараставшим недугом, сотрясавшим его легкие. К сожалению, в скафандре отсутствовал медицинский модуль, способный провести анализ в полевых условиях, и на сей раз отнюдь не жадность корпорации послужила тому причиной. Просто на время транспортировки его никто не устанавливал, как не устанавливал и оружейную энергоячейку. И то и другое техники монтировали в месте предполагаемой эксплуатации. Подняв отца, Мартин отвел его в контейнер и уложил на подобие кресла, смахивавшего на разложенный пляжный шезлонг. Отдышавшись, Сонмер сказал, что с ним все в порядке и что он немного полежит, а затем продолжит работу. У его сына сложилось иное мнение. Подключившись к скафандру отца, он ввел ему сильнодействующее снотворное из встроенной аптечки, а затем, немного подумав, и дозу "Хломикозмицина", загруженного Аулиной. Его было мало, всего на два приема, но если это и впрямь грибок, то дальнейшая экономия не имела смысла. С тех пор минуло четыре часа, а состояние отца, судя по словам Тани, явно не улучшилось. Более того, захворала и она сама. Прежнее легкое покашливание, появившееся вскоре после кашля Сонмера, заметно участилось и усилилось. Мартин уповал на то, что это какая-нибудь обычная респираторная инфекция, которую родственники подхватили еще на борту звездолета. Такое вполне могло произойти из-за сбоившей вентиляции, не только переставшей уничтожать вирусы и бактерии, но ввиду неисправности фильтров потенциально ставшей причиной их распространения. Однако развитие болезни заставляло его все сильнее сомневаться в столь тривиальной версии. А это автоматически прибавляло вопросов к медицинской помощи вообще и Аулине в частности. Благодаря скандалу, учиненному Кимберли, Мартин своими глазами видел анализы отца и тети. Те были абсолютно чисты, без всякого намека на Плесциллу Корундорус. Значит, это не могла быть она. С другой стороны, если правда каким-либо образом все же оказалась сокрыта…
— Иди отдохни, — снова послышался голос Тани. — Я подежурю.
— Хорошо, — кивнул, очнувшись от мрачных дум, Мартин.
Он указал тете за какими роботами ей следует присматривать в

первую очередь. Одну группу вскоре требовалось перевести в новое место добычи, а функционирование трех отдельных харвестеров свидетельствовало о назревавших неполадках. В случае чего их следовало вызвать на базу или доставить туда с помощью сервисных машин, если они выйдут из строя. Также пусть Тани поглядывает за той пятеркой добытчиков, у которой кончается заряд энергии. Ее может не хватить на обратный путь, поэтому заправку необходимо осуществить своевременно.

Тетя выслушала Мартина очень внимательно, и в ее добросовестности сомневаться не приходилось. Она оказалась вполне толковой помощницей, быстро схватывая все на лету. Если в чем у племянника и имелись сомнения, так это в ее здоровье. Наказав Тани немедленно его разбудить, если она почувствует себя хуже, Мартин удалился в контейнер. В преддверии долгожданного сна его глаза закрывались прямо на ходу, однако он не сразу завалился на ложе, а сначала подошел к отцу.

По одному лишь лицу Сонмера, хорошо различимому за прозрачной броней гермошлема, поставить диагноз было невозможно. Взору наблюдателя представали лишь обострившиеся скулы и ввалившиеся глаза, слегка подрагивавшие за смеженными веками. Дыхание мужчины и впрямь внушало немалую тревогу. Он с видимым усилием захватывал воздух, а вдохи перемежались довольно большими паузами. Кашля, правда, не было, но его отсутствие наверняка объяснялось периодом сна, когда нервная система реагирует на раздражители менее остро. Находясь под действием снотворного, Сонмер даже не шевелился, оставшись в той позе, в которой его последний раз видел сын. С тех пор заметных изменений не произошло, но Мартин нутром чуял, что отцу становится хуже. М-да, похоже, он и впрямь остался с Тани вдвоем, ибо на помощь больного теперь рассчитывать не приходилось. Хоть бы отец не усугубил положение и, проснувшись, не рвался геройствовать, так как остановить его будет достаточно сложно. Если, конечно, он вообще проснется… При мысли об этом у Мартина мучительно сжалось сердце и перед его внутренним взором возникла Аулина. Хороша медсестра! Пусть только… Внезапно образ девушки померк, а ему на смену пришел пузатый человек с вьющейся бородкой. Мартин вдруг подумал, что невеста друга может быть совершенно ни при чем. А вот Гарольд, как специалист по компьютерным сетям, полностью контролирующий "Корундору", давно вызывал у него вопросы, которых с каждым днем только прибавлялось.

— Если я выясню, что это твоих рук дело — пеняй на себя, — прошептал Мартин, не уточняя, о чем именно идет речь.

Отойдя от отца, он улегся на то кресло, которое недавно покинула Тани, и всего через несколько минут уже спал глубоким сном.

В седьмом часу вечера челнок покинул звездолет и устремился к южному полюсу Беты. На сей раз фронт работ предстоял весьма внушительный. Ландшафт позволял провести более широкомасштабные исследования, но за один раз охватить всю намеченную площадь было попросту невозможно. Астронавтам в лице Себастьяна, Элмера и Йонаса предстояло три высадки в вершинах географически равнобедренного треугольника. Анатоль не полетел. Он крайне тяжело переносил смерть отца и матери, отчего работоспособность бедняги оставляла желать лучшего. Родственники его не упрекали. Они и сами восприняли потерю очень болезненно, так чего уж говорить про сына Джулет и Глена. Не всякая психика стоически выдержит такой удар настолько, чтобы сразу трудиться с максимальной отдачей да еще с не затуманенным горем разумом. Анатоля оставили оплакивать родителей, а третьим астронавтом стал муж Ванды, погибшей тети Аулины. Помощник из него был не ахти, но, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой, а та же Юния наотрез отказалась принимать участие в высадке.

Посадка прошла на отлично. "Диаманта", управляемая Гарольдом с орбиты, мягко коснулась грунта на высоком холме, обрамленном огромными валунами. Устойчивость судна сомнений не вызывала. Эта и другие возвышенности обладали достаточной твердостью, чтобы на них уверенно обосновалось и нечто более тяжелое. Вот порода вокруг холмов на поверку оказалась куда рассыпчатее. Тот же Мелиюбиус, заранее приглашенный на мостик, выдвинул гипотезу, что некогда здесь располагались обширные метановые болота. Острова, выступавшие из их просторов, состояли из более прочных минеральных соединений, а промежуточные пространства были топкими и вязкими. Они сохраняли рыхлость даже теперь, хотя планета давным-давно утратила атмосферу, а весь метан либо испарился в открытый космос, либо замерз в глубине коры. Как бы там ни было, площадки для базы и установки антенн выглядели надежными и легкодоступными, а если в податливом реголите отыщется и Гелий-3, то для добычи топлива лучше и не придумаешь. Астронавты, воодушевленные первыми наблюдениями, удвоили усилия, размещая ретрансляторы и отправляя бригады скаутов.

Учитывая удивительную, в сравнении с предыдущими, дружелюбность ландшафта, чрезвычайного происшествия никто не ожидал. Во время второй по счету высадки, происходившей примерно в тех же условиях, но на более пересеченной местности, ус-

тановка антенны едва не обернулась трагедией. Йонас, прибыв к заданной точке в сопровождении грузового робота, разместил аппаратуру согласно инструкции и нажал на кнопку автоматического развертывания. Далее произошло нечто в том же духе, что и с Аулиной, только девушка рухнула с обрыва, а с мужчиной все приключилось наоборот. Едва лапы опор разошлись в стороны и коснулись поверхности планеты, штатно сработали пневматические пушки, вгоняя конструкцию в грунт. В тот же момент этот грунт будто взорвался изнутри и выбросил столб газа с осколками льда. Выброс был настолько сильным, что тяжелую антенну подкинуло высоко вверх и зашвырнуло по дуге на добрую сотню ярдов. Вместе с ней отбросило и стоявшего рядом Йонаса. В высококачественном армейском скафандре ему даже при таких обстоятельствах особо ничего не грозило, но сорванный ретранслятор попал тяжелой опорой по его гермошлему. Амуниция выдержала удар, частично амортизировав нагрузку, но тот все же оказался слишком силен. Йонаса контузило и "Штурмовик-4" приземлился поодаль с бессознательным телом внутри. Тут же включился защитный протокол, доставляющий пользователя в безопасное место. Включив двигатель, скафандр оставил внезапно образовавшийся кратер с вьющейся над ним газовой дымкой и направился к челноку. Там его встретил до крайности взволнованный Элмер, а через несколько минут подоспел и Себастьян. Йонас не приходил в сознание, а струйки крови, стекавшие по гермошлему, создавали поистине зловещее впечатление. За решением в карман не полезли. Отнеся товарища на челнок, Себастьян и Элмер передали его заботам Гарольда, а сами остались на планете, чтобы не прерывать разведывательную миссию. Едва закрылся пассажирский шлюз, "Диаманта" немедленно взлетела и стремглав понеслась к ожидавшей на орбите "Корундоре".

Закончив вторую высадку, ученый и его отец погрузили оборудование на вернувшийся челнок и вдвоем отправились в третью. Прекращать исследование Беты в одном шаге от завершения они сочли нецелесообразным. Йонасу это все равно не поможет, а выполнить поставленную задачу необходимо. Как знать — вдруг именно в последней выбранной области окажется наиболее пригодный реголит? О состоянии пострадавшего мужчины коротко докладывал Гарольд. Йонас жив, но в себя не приходит. Надлежащий уход ему обеспечивает Аулина. Вроде бы ничего непоправимого не произошло, но она отвечает очень скупо, ссылаясь на недостаток информации и собственную занятость. Себастьян немного удивился такой немногословности невесты, однако не придал ей особого значения. Девушка очень ответственно подходила к

своим обязанностям медсестры. Если она предпочитает заниматься делом, а не болтать языком, стало быть, у нее есть на то все основания. Рассуждая таким образом, ученый и понятия не имел, насколько оказывался близок к истине, но подробности узнал лишь по возвращению на борт "Корундоры".

Примерно в то же самое время, когда Аулина оказывала помощь раненому Йонасу, был кое-кто еще, кто в ней нуждался. Нуждался остро и безотлагательно, однако в его распоряжении не было ни заботливой медсестры, ни хоть какого-то медицинского оборудования. Не было даже связи, чтобы вызвать звездолет и настоять на его скорейшем возвращении. Склонившись над отцом, Мартин рвал бы себе в отчаянии волосы, кабы мог дотянуться до них под гермошлемом. Сонмеру стало совсем плохо. Благодаря снотворному он очень долго спал, а как проснулся — стал задыхаться. Мартин напрасно опасался геройства со стороны отца, ибо тот понял, что ни о какой работе не может быть и речи. Мужчина и стоял-то с трудом, а потом и вовсе завалился обратно на ложе, теряя сознание. В конце концов, он и впрямь лишился чувств, хватая воздух ртом словно вытащенная из воды рыба. Бросив дежурство у станции управления роботами, Тани прибежала на тревожные крики Мартина и стала причитать у распростертого тела брата.

— Да не реви ты! Думать мешаешь! — прикрикнул племянник, у которого голова разрывалась от бешено скачущих мыслей.

Толку от них было немного, ибо что он, собственно, мог предпринять? Вторую дозу "Хломикозмицина" отец получил пару часов назад, а больше ничего в распоряжении астронавтов не имелось. Скафандр надежно оберегал своего носителя от внешних угроз, но оказывался почти бесполезен против внутренних. Стиснув зубы, Мартин попытался взять себя в руки, пресекая разгоравшуюся панику. Давай, голова, соображай! Не может такого быть, чтобы все это высокотехнологичное устройство совсем ничем не помогло!

— Так, выделим основные моменты! — сказал он вслух, стараясь сконцентрироваться на главном. — Болезнь прогрессирует, и я теперь практически уверен, что это грибок. Стало быть, отцу требуется лекарство.

— Его же только на два раза и хватило! Где ж мы его теперь возьмем? — всхлипнула Тани.

— У меня! — похлопал по своему скафандру Мартин. — Моя порция никуда не делась. Я могу ее вынуть и передать ему, а ты, кстати, давай прими свою!

Напоминание было дельным. Тете тоже становилось хуже, хотя и не такими угрожающими темпами, как ее брату. Возможно, ска-

зывались личные особенности иммунитета или разные сроки заражения. Как бы там ни было, она послушалась племянника и вколола себе остатки препарата.
— А ты чего медлишь? — откашлявшись, недовольно заметила она.
— В данный момент "Хломикозмицин" отцу без надобности, если я правильно помню курс лечения Аулины, — отозвался Мартин. — Его черед придет часа через три-четыре, хотя отец, возможно, на это лекарство не реагирует, как и некоторые другие заболевшие. Сейчас меня больше всего тревожит развивающаяся гипоксия…
— С которой мы ничего не можем поделать! — едва не разрыдалась Тани.
— Еще как можем! — внезапно заявил племянник. — Я бы додумался до этого раньше, кабы ты не стенала и не сбивала меня с толку!
Тетя, удивленная столь уверенно прозвучавшим заявлением, подняла голову и посмотрела на Мартина, а тот уже тащил большой кислородный баллон, отливавший серебром в лучах осветительной панели. Его замысел оказался чрезвычайно прост, и Тани сообразила, в чем он заключается, едва опознала тяжелую ношу. Скафандр обладал гибкой системой настроек. Астронавты не располагали дополнительным арсеналом, однако могли перераспределить встроенные ресурсы. В частности, увеличить концентрацию кислорода для того, кому его явно не хватает. Гермошлем фактически выступит в роли маски, а гипоксию Сонмера удастся временно уменьшить за счет изменения состава внутренней атмосферы. Для этого, разумеется, скафандр лучше заранее зарядить кислородом до отказа, а затем отрегулировать его подачу.

Сказано — сделано. Мартин приладил баллон к внешнему порту "Штурмовика" и до отказа наполнил его резервуар. Затем, отключив серебристую емкость, он отложил ее в сторонку и приступил к процентному перераспределению компонентов подаваемого воздуха. Приступил, разумеется, не в отцовском скафандре, а в своем, что было куда проще для поиска необходимого функционала и его пробного освоения.
— Так, посмотрим, — бормотал Мартин, углубляясь в дебри всевозможных опций. — Режим ручной модификации, режим отладки, перенастройка сенсоров, тестирование узлов, режим перераспределения энергии, настройка связи, калибровка дополненной реальности, калибровка оружейной системы… Минутку! Калибровка оружейной системы?!
Индикатор перекрестия в обрамлении двух окружностей горел зеленым светом, хотя ему надлежало светиться красным. От удивле-

ния Мартин ненадолго забыл о своей главной задаче, зашел в означенный раздел и некоторое время там копался. Он опомнился лишь тогда, когда его окликнула Тани. Вернувшись в предыдущее меню, Мартин продолжил поиски и вскоре нашел, куда разработчик запрятал регулировку системы жизнеобеспечения. Спустя еще несколько минут он наткнулся на режим долевого комбинирования компонентов дыхательной смеси. Следовало отметить, что сперва Мартин попытался пойти легким путем и сделал интерфейсу "Штурмовика" голосовой запрос, однако тот ни к чему не привел. Вероятно, так задумывалось производителем нарочно, чтобы все кому не лень не лазили там, где не следует, отчего в итоге и пришлось перерывать системные параметры вручную.

Опыты с изменением концентрации кислорода заняли у Мартина чуть меньше десяти минут. Убедившись, что он уверенно освоил функционал, сын подошел к отцу и с помощью выдвижного манипулятора подключился к его скафандру напрямую. Такая возможность была предусмотрена специально, чтобы солдаты в случае чего оказывали помощь нуждавшимся в ней соратникам. На сей раз Мартин быстро нашел нужный раздел и в два счета перераспределил состав атмосферы, значительно повысив подачу кислорода.

— Порядок, — сказал он, когда соединительный шнур втянулся обратно в гнездо. — Теперь отец не задохнется. Во всяком случае, какое-то время. Надеюсь, его хватит до прибытия "Корундоры".

— Должно хватить! — сверилась с таймером Тани. — Сейчас около шести утра. За нами вернутся, самое позднее, через сутки и семь часов.

— Не совсем так, — невесело усмехнулся Мартин. — Через сутки и семь часов у нас кончится кислород. Теперь, кстати, немного быстрее, раз я увеличил его потребление. Вернуться за нами обещали на полцикла раньше.

— Стало быть, "Корундора" прибудет примерно в десять вечера? Сон протянет! Сон сильный — он обязательно протянет! — с жаром самоубеждения заявила Тани.

Мартин слабо улыбнулся. Уверенность тетушки передалась и ему. В конце концов, грибок так быстро еще никого не погубил, а благодаря увеличенной подаче кислорода отец и впрямь сумеет продержаться, пока ему не окажут надлежащую помощь.

— Побудь с ним, — мягко, но настойчиво велел он. — Я подежурю.

Оставшись без присмотра, харвестеры, будь они неладны, успели начудить как малые дети. Когда Мартин вернулся к станции управления, около четверти роботов нуждались в технической помощи и корректировке поведения. Половина остальных, не ина-

че как почуяв свободу, самым возмутительным образом разбредалась куда глаза глядят. Ругаясь на чем свет стоит, Мартин принялся наводить порядок в армии добытчиков, и это занятие ненадолго отвлекло его от тяжких мыслей.

Челнок вернулся на "Корундору" в одиннадцать утра двадцать пятого цикла. Элмер, уставший так, что у него подгибались ноги, немедленно отправился спать, а ученый, глотнув отравы по рецепту Гарольда, сразу же убежал в лабораторию. Отрава представлялась настоящим кошмаром для вкусовых рецепторов и желудка, однако и впрямь придавала бодрости. Возможно, просыпавшимся в нутре рвотным рефлексом. После трех высадок на южный полюс Беты образцов реголита у Себастьяна было хоть отбавляй, так что провозился он с ними целых полтора часа. Звездолет уже держал путь на Альфу, когда ученый, закончив исследования, явился на мостик, чтобы переговорить с Гарольдом.

Бородач, покинувший кабину пилотов, выглядел как-то мрачновато. В принципе, он никогда не лучился ни приветливостью, ни жизнелюбием, но на сей раз его лицо казалось гораздо пасмурнее, чем обычно. Ученый списал это на чрезмерную утомленность, ибо было вообще непонятно когда брат Аулины отдыхал. Пригласив Себастьяна сесть, Гарольд устроился на своем любимом месте у главного терминала и стал молча слушать рассказ о результатах экспедиции на Бету.

Вылазка на южный полюс имела определенный успех. В тамошних породах обнаружился заветный Гелий-3. Правда, его количество ненамного превышало содержавшееся в грунтах Альфы, однако податливость верхнего слоя планетарной коры представлялась немаловажным преимуществом для харвестеров. Скорость забора и переработки исходного материала существенно вырастет, а это автоматически увеличит и объем добычи топлива. Само собой, тут же забирать роботов с Альфы и нестись сломя голову на Бету было нельзя. Сперва требовалось точно рассчитать, сколько времени займут сборы и полет, и окажет ли такое перемещение положительный эффект с учетом возникавшего простоя. Вероятно, все-таки окажет, но лучше полностью в этом удостовериться. Тогда, если все обернется к лучшему, беглецы почти наверняка успеют собрать достаточно Гелия-3 и прибыть на "Контиладу" до того, как у них иссякнет кислород.

Заканчивая доклад, Себастьян машинально посмотрел на дисплей, куда выводились данные по упомянутому им ресурсу, и последняя фраза застыла у него на языке. Тамошние цифры показывали нечто совсем не соответствующее прежнему прогнозируемому уровню O_2. Кроме того, теперь была не одна итоговая строка,

а две. Значение верхней отличалось от ожидаемого ученым на шесть часов в плюс, а нижняя сверх этого добавляла еще одни лишние сутки. Похлопав ресницами, Себастьян издал неопределенное восклицание и воззрился на Гарольда, указывая на контрольный экран. Он ведь прекрасно знал, чем обычно вызывались внезапные прибавки кислорода.

— Тут много чего произошло, — вздохнул бородач, безошибочно понимая суть столь выразительно заданного вопроса. — В двух словах и не передашь.

— Ну так выкладывай по порядку! — воскликнул крайне взволнованный ученый.

Гарольд и сам знал, что пришла пора объясниться. До сих пор он ни о чем особо не распространялся, чтобы не отвлекать астронавтов от важного дела, но теперь Себастьяна следовало ознакомить с последними событиями на борту звездолета.

В коллекторном отсеке заработал огненный фильтр. Он потреблял некоторую долю кислорода, зато прогоняемый через него воздух надежно очищался от спор, уничтожаемых пламенеющим заслоном. Не пройдет и цикла, как люди избавятся от постоянной угрозы инфицирования Плесциллой Корундорус, чья активность опасно возросла. Компенсируя расход сжигаемого газа, Гарольд не стал нагромождать никаких дополнительных труб, как сгоряча предложила ему сестра. Атмосфера из J-08 перегонялась по уже имеющейся структуре вентиляции, выходя через нее прямиком к жаркому пламени. Все, что потребовалось от Гарольда — это взломать карантин и принудительно открыть запечатанные воздушные заслонки. Таким образом, он присоединил воздух из J-08 к воздуху "Корундоры" и немного увеличил жизненно необходимый ресурс, снижавшийся из-за процесса горения.

— Оранжерея? Неужели она дала такой значительный прирост кислорода?! — не удержался от вопроса изумленный Себастьян.

Тут-то и выяснилось, что на этом хорошие новости заканчивались.

Тобиас умер. Умер тихо и без мучений. Его сердце просто остановилось. Аулина была рядом и пыталась вернуть мальчика к жизни, но ее усилия ни к чему не привели. Все системы, к которым она подключила маленького пациента, оказались бессильны удержать ту таинственную искру, что отличала живое существо от хладного камня. Причина смерти не стала неожиданностью. Критическое поражение грибком фактически уничтожило дыхательные пути ребенка, а оборудование медотсека не обладало возможностью искусственно насыщать красные кровяные тельца кислородом. Будь оно совершенней — и двоюродного брата Мартина удалось бы спасти. Увы, теперь он, навсегда переставший ды-

шать, лежал в отдельной секции звездолета, где его оплакивали родные перед тем как отнести в морг.

Кимберли не слетела с катушек только потому, что Аулина сумела спасти Никки. То, что оказалось слишком поздно для Тобиаса, сработало в случае четырехлетнего малыша. Медикаментозная кома, позволившая снизить подачу кислорода, оправдала возложенные на нее надежды. Лекарство подавило развитие грибка за счет замедления его метаболизма и стало успешно разрушать межклеточные мембраны. Судя по показаниям системы жизнеобеспечения, Никки быстро пошел на поправку. Анализы демонстрировали очевидное улучшение. Легкие очищались от пожиравшего их патогена. Страшно представить, что учинила бы креолка, умри ее сын вслед за Тобиасом. Выздоровление заставило ее проявить сдержанность. Аулина прямо нутром чувствовала звериную боль матери, чей сын уже ощущал дыхание смерти. Не помоги Никки лечение, последствия, судя по полубезумным репликам Кимберли, могли быть непредсказуемыми. На счастье медсестры, честно исполнявшей свой долг, второй трагедии не произошло. Осознав, что ребенок пошел на поправку, креолка не выплеснула на подругу накопившуюся агрессию и вроде бы смирилась со смертью Тобиаса. Вроде бы… Аулину пугали вид и бормотание Кимберли, но та явно не считала возможным напасть на спасительницу своего родного дитя, пусть и не сумевшую помочь другому мальчику. Во всяком случае, в данный момент.

— Если Никки выздоровеет, я тебя не трону, — вот что обронила жена Мартина с таким зловещим спокойствием, что у невесты Себастьяна мурашки по спине побежали.

Убедившись в положительной динамике сына и неусыпной бдительности медсестры, Кимберли позволила себе уйти поплакать над трупом Тобиаса. Аулина отчасти была рада, что не может присутствовать при столь душераздирающей сцене. Слезы Вайолет, недавно потерявшей отца, а теперь еще и брата, жгли бы ее сердце каленым железом, на всю жизнь оставляя на нем неизгладимые шрамы. Впрочем, о радости как таковой не шло и речи. Не забывая о других пациентах, Аулина вызвала в медотсек Луизару, Сару и Терезу. Первой пришла ее бабушка, чье исцеление теперь уже не оставляло сомнений. Наскоро взяв у нее контрольный анализ, девушка с чистой совестью отпустила родственницу, а сама занялась матерью Мартина. Та продолжала болеть, но каким-то совершенно странным образом. Ей не становилось ни лучше, ни хуже, будто лечение держало инфекцию в неопределенном состоянии с какой-то неясной целью. Маятник в любое время мог качнуться в ту или иную сторону, и тогда болезнь либо погубит женщину, либо

отступит и позволит ей выздороветь. У Аулины сложилось невольное ощущение, что этот маятник словно нарочно кем-то подвешен, чтобы обрести возможность раздуть или погасить искру жизни Луизары. Помнится, мать Мартина еще со дня перелома ключицы регулярно ощущала приближение смерти, но та всякий раз отступала, забирая кого-то другого. Ее выбор всегда становился неожиданностью для беглецов, однако теперь Аулина начала задумываться, насколько он был случаен, и не приходила ли смерть в соответствии с каким-то расчетом. Впрочем, девушка вскоре приписала такие странные мысли неврозу и чрезмерно разыгравшемуся воображению. И в самом деле, кто в здравом уме поверит, что смерть устроила на борту звездолета некий сверхъестественный арбитраж, решая, кому жить, а кому умереть. К сожалению, Аулина не знала, что очередное решение уже принято. Луизара, пробыв в медотсеке достаточно долго, ушла, а Тереза все еще не появлялась. Девушка упорно вызывала ее через общий интерком, а затем, разволновавшись, попросила кого-нибудь проверить запропастившуюся пациентку. На просьбу откликнулась Кимберли. Покинув траурную комнату с умершим мальчиком, она ушла в каюту, где обитала ее бабушка по отцовской линии и… как в воду канула. Аулина, вконец растревожившись, не отходила от внутренней связи, зовя подругу, и делала это до тех пор, пока в ответ внезапно не раздался голос Гарольда. Услышанное от брата поразило и без того изрядно взвинченную девушку до глубины души. Потеряв дар речи, она почувствовала сильнейшее головокружение и оперлась о стену рукой, чтобы не упасть.

Гарольд находился на мостике вместе с Мелиюбиусом, призванным с ведома Себастьяна в качестве традиционного советчика. Оба наблюдали за ходом высадки на южный полюс Беты, продолжая изучать планету при помощи сенсоров "Корундоры". Обернувшись на шум раздавшихся шагов, бородач увидел стремительно приближавшуюся Кимберли. Она что-то держала за спиной, а ее лицо было словно высечено из камня. Глаза горели странным, нездоровым огнем. Почуяв неладное, Гарольд встал и осведомился чем обязан такому неожиданному визиту. Креолка молча надвигалась, преодолевая последние разделявшие их футы. Бородач вытянул руку, намереваясь ее остановить, и вдруг в уши ударило сердитое гудение пламени. Выхватив из-за спины плазменную горелку, Кимберли направила ее прямо на Гарольда. Тот на мгновение подумал, что ему пришел конец. Шарахнувшись назад, он наткнулся на кресло, потерял равновесие и кувырнулся на пол. Желай молодая женщина его прикончить, дни брата Аулины были бы сочтены, но тут выяснилось, что она явилась не за ним. Миновав

пытавшегося подняться мужчину, она подскочила к Мелиюбиусу, выкрутила раскаленную струю до отказа и всадила ее в сиреневый бок. По мостику пробежали голубые блики. Ярко сверкнув, силовая защита отразила атаку, не позволяя длинному жгучему языку прожечь высокотехнологичную электробионику. Поток пламени, ударившись в преграду, растекся по ней раскрывающимся цветком. Свирепо взвизгнув, Кимберли повторила натиск, выбрав для него другое место, но Мелиюбиус не торчал столбом. Он подался назад и избежал львиной доли огненного угощения, на сей раз лишь скользнувшего по защитному полю. К сожалению, антиграв не позволял искусственному разуму двигаться так же быстро, как проворному человеку.

— Стой, ненормальная! Ты что творишь?! — возопил вскочивший на ноги хозяин мостика.

Он ринулся к креолке, рассчитывая схватить ее за руку, и едва за это не поплатился. Та развернулась, и ревущий огонь лишь каким-то чудом не прожег Гарольда до кости. Его вьющаяся бородка затрещала, тлея множественными искорками, а в воздухе потянуло запахом паленых волос. Струхнувший мужчина отступил, всерьез испугавшись за свою жизнь, однако Кимберли он по-прежнему был не интересен. Едва досадная помеха исчезла, как ее помыслы вновь обратились к ненавистной железяке. А та времени даром не теряла. Не в силах убежать от атакующей женщины, искусственный разум воспользовался своим антигравом более толково. Он попросту взмыл повыше над полом, и глазам креолки представилось плоское основание платформы из серого металла. Это разъярило ее еще больше. Ускользавшего врага она ненавидела сильнее, чем доступного ударам. Истошно завизжав, Кимберли подпрыгнула так, будто у нее в стопах имелись первоклассные пружины, и снова окатила Мелиюбиуса потоком пламени. Подняться выше тот уже не мог, поэтому начал смещаться назад и вбок. Жена Мартина, не отрывая взора от причины всех ее несчастий, совершала один прыжок за другим, продолжая проверять силовое поле на прочность мощной плазменной горелкой. Действительно мощной, поскольку она позаимствовала ее в цеху среди спецоборудования, предназначенного для работы с самыми тугоплавкими материалами. Мелиюбиус не призывал на помощь, ибо кроме Гарольда все равно было решительно некого, и лишь отступал, лавируя среди убранства мостика. Кимберли преследовала его с ловкостью обезьяны, изрыгая ругательства, а в ее глазах, пылавших не хуже горелки, светилось подлинное бешенство. Возможно, она и не сошла с ума, но в данный момент ее разум точно пребывал в состоянии аффекта. Креолка перескакивала через набитые электроникой

тумбы, прошлась по навигационному компьютеру и с легкостью гепарда перескочила через внутренний бортик мостика. Трудно сказать, чем бы это кончилось, кабы в какой-то момент она все же не потеряла равновесие и не грохнулась на пол. Горелка, выпавшая из ее рук, покатилась в сторону, лизнув стальной пол и оставив на нем волнистую дорожку. Гарольд успел первым. Кимберли, вскочив как ужаленная, уже протянула руку, чтобы схватить свое грозное оружие, но налетевший бородач со всего маху толкнул ее в спину. Креолка ласточкой нырнула вперед и врезалась в большой навигационный стенд, набив себе шишку. Подняв горелку, бородач выключил подачу пламени и занялся свихнувшейся террористкой. Та орала и отбивалась, но пузатый мужчина был крупнее и сильнее. Он быстро скрутил Кимберли, однако сразу вслед за этим встал вопрос что, собственно, делать дальше.

— Кабель! — впервые за все время инцидента подал совершенно спокойный голос Мелиюбиус.

Гарольд понял его с полуслова. Рванув один из ближайших проводов, он, не давая вырваться бесновавшейся молодой женщине, прикрутил ее добытым обрывком к креслу. Руки Кимберли оказались связаны за спиной, но она все еще могла подняться вместе с мебелью, чего, собственно, и пыталась сделать. Вторым проводом, оборванным еще резче, чем первым, Гарольд примотал кресло к стенду и таким образом лишил креолку всякой подвижности. Лишь после этого он отступил назад и перевел дух, а затем ринулся к интеркому.

— Ольберт! Дедушка! Тобиас! Бабушка! — срывала глотку Кимберли, пока бородач разговаривал с Аулиной. — Ненавижу! Будь ты проклят, гнусный убийца! Клянусь, я разнесу твое нутро на молекулы!

Ужаснувшаяся Аулина, слыша эти вопли параллельно речи брата, быстро сообразила к чему они относились. Ее догадка вскоре подтвердилась. Тереза была обнаружена мертвой в своей каюте. Грибок убил ее во сне, сперва вогнав в беспамятство, а затем отобрав жизнь. Придя проведать бабушку по просьбе медсестры, Кимберли увидела бездыханное тело и ополоумела. Ее и без того пострадавшая психика окончательно надломилась. Никому ничего не сказав, она вооружилась наиболее подходящим с ее точки зрения предметом и ринулась мстить.

Кимберли удалось угомонить при помощи лошадиной дозы сильнодействующих средств. Их доставил робот, поскольку Аулина не рискнула покидать медотсек. К тому времени она уже помимо прочего занималась доставленным Йонасом, отчего неотлучно оставалась на посту. Инъекцию сделал Гарольд. Он же лично запер

Кимберли в каюте и заблокировал ее кодом доступа, несмотря на протесты Юнии и Луизары. До возвращения Мартина, Сонмера и Тани креолка будет сидеть под замком, ибо в данный момент она опасна для окружающих. А вот когда астронавтов возьмут обратно на борт, благо что этот час уже не за горами, тогда они пусть за нее и отвечают.

Йонас, муж покойной тети Аулины, серьезно пострадал, но постепенно выяснилось, что его жизни напрямую ничего не угрожает. Его контузило, а в месте ушиба произошло кровоизлияние. К счастью, оно не задело самых важных областей мозга. Точный хирургический разрез позволил удалить сгусток крови и залить полость медицинским гелем. Йонас оставался без сознания, но прогнозы компьютера и Мелиюбиуса совпадали: мужчина будет жить, а со временем, получив надлежащую помощь на "Контиладе", полностью поправится. От этой новости Аулине стало немного легче, но лишь немного из-за всех произошедших одно за другим потрясений. Именно поэтому она была немногословна с братом, а тот, в свою очередь, скупо ронял слова в общении с находившимся на вылете Себастьяном. Гарольд не хотел почем зря тревожить астронавтов до их возвращения и винить его в этом не приходилось. Тут ведь почти любой забудет про все на свете, когда там, на орбите бушуют такие страсти.

Так вот чем были вызваны странные проплешины в бородке Гарольда! Ученый, дослушав брата своей невесты до конца, почувствовал, как в голове у него предательски зашумело. Ничего себе дела! Две смерти, одна контузия и озверевшая, утратившая разум Кимберли! Впрочем, ни злости, ни вообще каких-либо отрицательных эмоций к жене друга Себастьян не испытывал. Несчастная женщина не выдержала ударов судьбы и ее разум помрачился. Хорошо еще, что она не напала на Аулину или Гарольда, ибо без скафандра от промышленной плазменной горелки защиты нет. Один тычок в лицо — и оно будет обуглено до костей, а три-четыре секунды обратят в пепел и кости вслед за вскипевшим мозгом. Это Мелиюбиус сумел не пострадать от прямого контакта с запредельно раскаленной струей. Его силовое поле надежно уберегло уникальный искусственный разум от разрушения, а резкое повышение температуры удалось своевременно нивелировать поглотителем тепла, расположенным внутри серой платформы.

— Проклятье! Ума не приложу, что теперь делать! — всплеснул руками ошарашенный ученый.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Гарольд, успевший вернуть самообладание. — Сходи к Аулине. Вы еще не виделись, а общение сейчас пойдет вам обоим на пользу. Затем отправляйся

спать. Ты с ног валишься от усталости. Мартина, Сонмера и Тани я как-нибудь заберу и без тебя. Через три часа "Корундора" будет над южным полюсом Альфы.
Ученый покосился на таймер, показывавший тринадцать тридцать дня. Что ж, теперь ему стало совершенно ясно, отчего экран с данными по кислороду отображал одновременно две строчки, где фигурировали восемь циклов десять часов и девять циклов десять часов, причем обе они отличались от ожидаемых восьми циклов и четырех часов. Последнее, ныне отсутствующее значение было бы истиной, если бы за время отсутствия Себастьяна на борту "Корундоры" не произошло столько событий. Двойственность новых цифр объяснялась просто. Первая сформировалась за счет смертей, прибавки воздуха из отсека J-08 и детей в медикаментозной коме, один из которых в ней все еще пребывал. Вторую Гарольд условно сократил ровно на сутки, ибо, согласно его приблизительным расчетам, именно столько потребит огненный фильтр, уничтожавший споры грибка. Нижестоящий показатель сейчас был больше верхнего, но именно верхний предполагал самое точное конечное значение. Бородач отслеживал процесс горения в режиме реального времени и вскоре собирался внести коррективы. Разница в сутки сразу же начнет сокращаться в соответствии с расходом сжигаемого кислорода и в идеале обе цифры сравняются, когда пламя угаснет.
— Иди-иди! — повторил Гарольд. — Поддержи мою сестру, а то она, бедная, едва держится. Я, к сожалению, не могу покинуть мостик — надо же кому-то присматривать за "Корундорой".
— Где Мелиюбиус? — провел рукой по лбу ученый, вспомнив о своем детище.
— С ней. Где же ему еще быть? — усмехнулся бородач. — Кажется, этот умник каким-то образом наловчился влиять на Аулину неким неизвестным мне способом. В его присутствии она становится куда спокойнее и рассудительнее. Даже не знаю, радоваться этому или нет.
Услышав такие вполне добродушно сказанные слова, Себастьян едва заметно вздрогнул, бросив на собеседника быстрый взгляд. Затем, не произнося более ни звука, покинул мостик и направился в медотсек.

* * *

Челнок, дистанционно управляемый Гарольдом, спикировал к планете, но на последнем этапе резко затормозил, выровнялся и плавно приземлился неподалеку от контейнера, служившего ас-

тронавтам убежищем. Таким образом бородач, с одной стороны, сокращал время на полет, а с другой проявлял осторожность, чтобы не повредить какое-нибудь находившееся в посадочной зоне оборудование. Сам он за штурвалом не сидел, предпочитая оставаться на мостике и до поры ни с кем не вступать в прямой контакт. Уж слишком печальные вести ждали Мартина и его родных на борту звездолета, а управлять "Диамантой" тот прекрасно умел и сам. Пусть кто-нибудь другой информирует Лансбергов о двойной потере и инциденте с Кимберли, а Гарольда увольте. Он и так натерпелся страстей в обществе свихнувшейся креолки с плазменной горелкой. Единственное, чего опасался брат Аулины, это как бы Лансберги сами не засыпали его вопросами о том, как прошла экспедиция вернувшейся "Корундоры". На удивление, Мартин был немногословен. Когда появилась связь с приближавшимся кораблем, он коротко осведомился о времени прибытия челнока. Затем, когда Гарольд поинтересовался как дела у астронавтов, скупо поведал про стабильную работу харвестеров и готовность группы к эвакуации. Все его ответы звучали не слишком распространенно. Бородач подивился такой несловоохотливости, однако списал ее на чрезмерную усталость. Шутка ли — более двух циклов работать в мертвой пустоте, ежеминутно опасаясь, что звездолет вовремя не вернется и высадка закончится гибелью! Собственно, Гарольда вполне устраивало такое молчание в эфире, ибо Тани и Сонмер в нем даже не объявлялись и не доставали вопросами о родных и близких.

Челнок простоял на планете всего несколько минут. Астронавты просто физически не могли успеть погрузить на него хоть что-нибудь кроме себя. Впрочем, разве им кто-то сообщил, что нужно забрать все оборудование и роботов вместе с накопленным ими топливом? Решение о переносе места добычи еще не принято. Значит, разведчики рассудили верно, оставив харвестеры в рабочем режиме. Они спешили на "Корундору" чтобы отдохнуть и набраться сил, и на это они имели полное право. Челноком теперь управлял Мартин, поэтому Гарольд лишь поглядывал, как крошечная искорка "Диаманты" стартует с южного полюса Альфы и на всех парах несется к звездолету. Однако же кому-то надо ее и встретить… Немного поразмыслив, бородач не стал беспокоить ни Аулину, ни спящего Себастьяна. Он связался с Элмером, а также с Юнией и Луизарой, предложив им втроем пройти в ангар, куда прибывали трое Лансбергов. Элмер, сообразив, какую непростую ношу сваливает на него Гарольд, выразил откровенное недовольство, однако согласился, что медсестру и ее жениха сейчас лучше не тревожить. Что касалось обеих упомянутых женщин, то они по-

неслись к ангару наперегонки.

Отца Себастьяна немного удивило, что Мартин вышел из планетарного катера в скафандре. Вероятно, за минувшие два с лишним цикла он сроднился с ним как со второй кожей, защищающей от опасностей открытого космоса. Первым ступив на палубу грузового корабля, Мартин тут же попал в объятия своей матери и матери Кимберли, которые наперебой стали излагать ему целый ворох драматических событий. Элмер, приблизившись к сыну своего друга, отметил поистине каменное выражение лица за броней гермошлема. Взгляд, обращенный на электрика, заставил его поежиться, настолько он был тяжелым и недобрым. Впрочем, кто же обрадуется новости о смерти родных и помешательстве жены?

— Помощь нужна? — только и спросил Элмер, озадаченный, что из челнока по-прежнему не показывались ни Сонмер, ни Тани.

Несколько секунд Мартин молчал, стоя совершенно неподвижно, и лишь неотрывно смотрел на отца Себастьяна, будто что-то для себя решая. Затем, не обращая внимания на цеплявшихся к нему женщин, шагнул вперед.

Гарольд удивился появлению Мартина еще больше Элмера. Удивился не самому факту его визита, а облачению вернувшегося с Альфы разведчика. Разгуливать по мостику в скафандре — что еще за блажь? Бородач как раз усердно занимался расчетами эффективности переноса добычи с одной планеты на другую, поэтому довольно посредственно воспринимал окружающую реальность. Вид приближавшегося Мартина вызывал у него пассивное недоумение, лишенное всякого внятного объяснения.

— Ты чего до сих пор в этой штуковине? — поднял брови Гарольд.

— Встать! — поразил его слух резкий сухой возглас.

— Чего?! — разинул рот бородач.

— ВСТАТЬ! — свирепо рявкнул Мартин.

— Дружище, ты что, спятил?! — выпучил глаза брат Аулины.

В его голове промелькнула мысль, что муж слишком близко к сердцу воспринял недавнюю историю с женой, накачанной успокоительными и посаженной под замок. Набрав в грудь воздуху, Гарольд собрался призвать товарища к спокойствию и объясниться, как вдруг произошло нечто поистине неописуемое. Эхом раскатившись по всему мостику, в уши грянул совершенно неожиданный звук. Звук, услышать который не приходилось ожидать ни при каких обстоятельствах. Один из орудийных стволов, изогнутых за плечами скафандра, гулко исторг заряд плазмы. Сгусток чудовищно раскаленного вещества пронесся мимо бородача и попал в стену. Толстая и стальная, она не оказалась пробитой на-

сквозь, однако металл потек густыми каплями, а на его доселе гладкой поверхности образовался внушительный кратер. Взрыва не последовало. Мартин не собирался громить "Корундору", а лишь привлекал внимание Гарольда, демонстрируя ему всю серьезность своих намерений. И он его привлек. Смертельно побледнев, бородач вскочил, ошалело переводя взгляд с поврежденной стены на человека в скафандре.
— Ты!.. Я!.. Как?! Что?! Что вообще происходит?! — аж заикался он, перемежая речь ругательствами.
— Отойди от терминала! — громко велел Мартин.
— А не пошел бы ты?! — разозлился Гарольд.
Громыхнул еще один выстрел. На сей раз плазма прошла совсем близко к компьютерному взломщику. Настенный шкаф, куда она угодила, разнесло в клочья, а на искореженном сплаве остались опаленные лохмотья вздувшихся пузырей.
— ОТОЙДИ ОТ ТЕРМИНАЛА! — со сталью в голосе отчеканил Мартин. — Попытаешься сбежать — убью на месте!
Третий выстрел орудие всадило под ноги хозяину мостика. В полу образовался оплавленный кратер, а комбинезон бородача едва не прожгло брызнувшими каплями металла. Тут уже было не до шуток. Затрясшись всем телом, Гарольд стиснул застучавшие зубы и сделал пару шагов в сторону от главного компьютера.
— Ты чего творишь? — кое-как выдавил он, испуганный дальше некуда.
— Я? — криво усмехнулся Мартин, чьи глаза зажглись очень нехорошим огнем. — Я пришел сюда узнать, чего натворил ТЫ! Или ВЫ! Или кто-то из ВАС!
— Я не понимаю, о чем ты! — боясь пошевелиться, просипел бородач. — Аулина! Себастьян! — воскликнул он, ужаснувшись внезапно пришедшей в голову мысли, навеянной этими "вы" и "вас".
— Что ты с ними сделал?! Если с ними что-нибудь случилось, я…
— Ну да, кроме них тебя никто не волнует! А ты не хочешь спросить, что случилось с моим отцом?! — взревел Мартин. — Или потому и не спрашиваешь, что и так отлично это знаешь?!
Четвертый выстрел, громыхнувший куда яростнее остальных, едва не угробил часть электроники мостика. Враз пересохший язык бородача прилип к гортани. Похоже, муж, не выдержавший удручающих новостей, свихнулся так же, как и его жена.
— А что с ним случилось? — насилу выдавил Гарольд, окончательно утратив всякое понимание происходящего.
— Это ты мне скажи, бородатый ублюдок! — прорычал Мартин.
Достав из поясного кармашка какой-то небольшой предмет, он с силой швырнул его в пузатого мужчину. Тот в панике закрылся

руками, но метательный снаряд не проделал в нем дыру и вообще не причинил никакого вреда. Отскочив от Гарольда, он упал на пол и с тихим стуком покатился прочь.
— Я не понимаю! — простонал взломщик, от нервного потрясения покрывшись сильнейшей испариной.
— Я тоже не понимаю! — громыхнул Мартин. — Не понимаю, что делает простой физраствор в емкости для "Хломикозмицина"!
Бородач нашарил глазами укатившийся предмет. Это оказался типовой контейнер, входивший в состав аптечки "Штурмовика". Очень прочный, он не разбился при падении и теперь лежал в футах в десяти от главного терминала.
— Я не понимаю, — пробормотал он, чем еще больше разъярил вооруженного человека.
— Ты слишком часто это повторяешь! — свирепо изрек Мартин. — Но ничего, сейчас мы во всем разберемся! Подними контейнер и шагай!
— Куда? — тупо спросил Гарольд.
— Скоро узнаешь! — послышался не сулящий ничего хорошего ответ.

Аулина встретила облаченного в скафандр Мартина более стоически. Она уже знала, что на борту происходит нечто очень неладное, но в драку не рвалась и даже скандал не устраивала. У нее хватало забот с Тани, доставленной Юнией и Луизарой прямиком из ангара. Женщина, пребывавшая без сознания, была жива, но ее состояние оценивалось как критическое. На соседнем антиграве недвижно лежал Сонмер, но ему теперь требовались совсем иные заботы, нежели сестре, и с ними можно было не спешить. Юния и Луизара получили указание никуда медсестру не выпускать, но она и не рвалась, занимаясь сразу несколькими пациентами.
— Скафандр сними. Здесь больница, а не проходной двор, — спокойно сказала Аулина, окинув беглым взором грузно вошедшего Мартина.
Тот, невольно удивленный ее реакцией, даже замешкался, но избавляться от амуниции не стал. Правда, не стал и подходить туда, где, помимо других больных, лежал его маленький сын. Отцу уже успели сообщить, что Никки идет на поправку, отчего он прямо на ходу скорректировал свои планы. Итак, даже если Аулина была причастна к другим смертям, его мальчика она все-таки спасла, а это значит, что ее не стоит немедленно подвергать всяческим репрессиям. Кроме того, Тани срочно требовалась помощь, а без медсестры ее шансы выжить снизятся до нуля. Ну и остальными пациентами кто-то должен заниматься! В общем, пылавший жаж-

дой мщения Мартин решил до поры Аулину не трогать. Учитывая выздоровление Никки, сомнения в ее виновности возросли, как минимум обретя смягчающие обстоятельства.
— Рассказывай! — лаконично произнес он, воздержавшись от крика и угроз.
— Тани очень плохо. Медикаментозная кома — ее единственный шанс, — сообщила девушка, прекрасно понимая, что от нее требовали. Тобиаса я спасти не успела, так как было слишком поздно, но Никки эта терапия помогла. Твой сын быстро поправляется. Прогнозы насчет Тани делать слишком рано. Ее судьба решится в ближайшие два-три часа.
— А мой отец? — стараясь держать себя в руках, спросил Мартин.
— Он тоже стал жертвой более агрессивной формы грибка. Теперь патоген развивается намного быстрее и особенно опасен при повышенном поступлении кислорода в легкие, — продолжая заниматься бесчувственной женщиной, внешне невозмутимо объяснила Аулина. — Кимберли тебе не рассказала о своей ошибке с кислородной маской? Боюсь, это стало приговором бедному Тобиасу.
— Погоди. То есть, если бы кто-то подал зараженному человеку дополнительный кислород... — начал Мартин, почувствовав, как у него защемило сердце.
— Фактически, он бы больного убивал, — закончила за него Аулина.
Мартин сглотнул. Девушка, склонившаяся к Тани, не видела, как изменилось его лицо, а когда подняла взор, на нем уже витало прежнее недоверчивое выражение.
— Я думаю, его убивал тот, кто подсунул ему вот это, — сказал он, раскрывая вытянутую ладонь.
Аулина сразу узнала лежащий на ней предмет, ибо лично заправляла такие штуки в скафандры. Она коротко осведомилась, что с ним не так. Мартин, не вдаваясь в детали, предложил прямо сейчас проверить содержимое медицинской емкости. Юния, взяв у зятя тускло поблескивавший цилиндрик, с недоброй улыбкой вручила его девушке. Та, пожав плечами, не стала спорить и тут же воспользовалась анализатором.

Изучение прозрачного вещества не заняло много времени. Несколько капель из контейнера, сцеженных автоматическим стендом, всего через несколько минут позволили получить совершенно точный результат. Когда стих мерный гул медицинского оборудования, на информационном экране появилась таблица со словами и цифрами, сопровождавшаяся заводской маркировкой и комментариями компьютера.
— Здесь простой физраствор с трехпроцентной примесью "Хломи-

козмицина"! — недоуменно констатировала девушка. — Зачем ты мне его дал?
— Чтобы убедиться, что ты не лжешь! — сурово ответил Мартин, внимательно наблюдая за ее реакцией.
Очков в пользу непричастности медсестры к злодейству только что прибавилось, хотя не исключалась и ее великолепная актерская игра.
— Ты ожидал сейчас услышать нечто иное? — продолжала удивляться Аулина.
— Да. В том случае, если бы ты заранее знала что там внутри и сообщила мне неправду, — кивнул Мартин. — Тогда я застрелил бы тебя на месте!
— За безобидный пузырек?! — возмутилась девушка.
— За убийство моего отца! В этом пузырьке предполагалось лекарство от грибка, а не бесполезная вода! Я извлек его из скафандра! Извлек оттуда, куда ты его установила на случай заражения! — гневно выпалил Мартин.
Тут он наконец-то снизошел до изложения некоторых событий, произошедших во время высадки и до сих пор неизвестных Аулине.

Когда Сонмеру стало совсем плохо, сын окончательно бросил станцию управления роботами и неотлучно оставался в контейнере. Его отец был в ужасном состоянии. Он едва дышал, уже не приходя в сознание. Лицо и губы меняли цвет, а белки глаз пугающе виднелись из-под приоткрывшихся век. Тут не требовалось медицинского образования, чтобы определить приближение смерти. Ее костлявая рука уже протянулась к осунувшемуся человеку, собираясь забирать слабо теплящуюся жизнь. Медлить было нельзя. Еще немного подкрутив подачу кислорода, Мартин ловко вскрыл свою аптечку, намереваясь переставить отцу емкость с лекарством.
— Герметичность медицинского хранилища нарушена! — раздалось предупреждение бдительной системы безопасности.
Мартин и ухом не повел, ибо он нарушил его сам, доставая заветный контейнер.
— Проверяю доступность препаратов, — продолжила система; в гермошлеме несколько секунд слышалось тихое жужжание. — Текущая заполненность ячеек: девяносто процентов. Штатный стимулятор ВТ2 отсутствует. Дополнительно установленный физраствор отсутствует. Анализ завершен. Функционирование аптечки в норме.
— Как это? — оторопел Мартин, уже готовясь установить отцу заветный цилиндрик. — Физраствор? А "Хломикозмицин"?!

Впрочем, его замешательство длилось всего несколько секунд. Вероятно, система просто ошиблась. Противогрибковое средство не входило в стандартный набор полевой амуниции, поэтому бортовой компьютер, упомянув отсутствие стимулятора, замененного означенным лекарством, явно напутал с маркировкой. Не придав значения заявлению глупой машины, Мартин установил контейнер в отцовский скафандр и приготовился сделать инъекцию всей доступной дозой. Теперь, на грани жизни и смерти, ни о какой экономии и передозировке речь не шла. От условного нажатия на кнопку его удерживала лишь временно недоступная аптечка. Получив новый компонент, она запустила автоматический анализ, без которого ее функционирование становилось невозможным.
— Физраствор установлен! — заключила система безопасности, выдав соответствующее сообщение. — Медицинский модуль готов к работе!
Второй раз Мартин уже не пропустил это странное сообщение мимо ушей. Желая выяснить, в чем ошибка, он запустил повторный тест, а затем проделал его еще дважды, и всякий раз бортовой компьютер уверенно диагностировал физраствор. Да, он мог не знать про "Хломикозмицин", однако в таком случае был обязан провалить идентификацию и известить пользователя о некой неизвестной жидкости. Дрогнувшей рукой Мартин вынул цилиндрик и установил его в свой собственный скафандр. Результат тамошних тестов ничем не отличался. Сын, пытавшийся хоть чем-то помочь отцу, замер будто парализованный, отказываясь верить в происходящее. Тут в гермошлеме раздался кашель Тани. Само собой, связь она включила отнюдь не для этих звуков, просто ничего другого ее легкие выдавить не сумели. Осененный ужаснувшей его мыслью, Мартин ринулся к тете. Та еще не делала себе вторую из двух доступных инъекций, хотя для нее настало самое время. Тани стало очень худо. Позвав дежурившего племянника к отцу, она осела на свободное ложе и оттуда уже не вставала. Подключившись к ее скафандру, Мартин, и сам задыхаясь от волнения, запустил тест встроенной аптечки. Результат показал физраствор. Показал в той емкости, где должен был находиться "Хломикозмицин". Укол, дававший Сонмеру и Тани хоть какую-то надежду на спасение, более не имел смысла, ибо простая вода вряд ли поможет в борьбе с патогенной флорой, пожиравшей легкие астронавтов. Некоторое время Мартин, присев рядом с тетей, силился осознать внезапно очертившиеся реалии. В его голове просто не укладывалось, как можно было перепутать сразу три контейнера, ибо теперь он даже не сомневался, что и отцовский изначально оказался "пустышкой". В чувство его привел громкий сигнал тре-

воги, извещавший всех астронавтов, что с одним из них стряслась беда. Придя в себя, Мартин вновь ринулся к отцу, но поделать уже ничего не мог. Жизненные показатели Сонмера угасли. Угасли прямо на руках у сына, который продолжал обнимать труп и после того, как бортовой компьютер констатировал прекращение жизнедеятельности.

Что было потом Мартин, лишившийся отца, практически не помнил. Разум вернулся к нему в четверти мили от контейнера, где он яростно расстреливал ближайший холм. Заряды плазмы превратили его пологий склон в швейцарский сыр, зияющий глубокими провалами. Аннигиляция вещества дополнила картину разрушения снесенным гребнем, чья некогда плавная линия теперь напоминала петушиный гребень. Кругом валялись большие и малые осколки породы, а вздыбленные частички вещества осыпались в безвоздушном пространстве тучами песчаной бури. Среди разверзшегося хаоса валялись искореженные остатки двух ни в чем не повинных сервисных роботов. На свое несчастье они просто подвернулись под горячую руку утратившему рассудок человеку и были уничтожены свирепым прицельным огнем. Мартин опомнился очень своевременно, ибо едва не разрядил энергию своего скафандра до отказа, что грозило незавидными последствиями. Усилием вернувшейся воли он прекратил безумную пальбу и отправился обратно к контейнеру, чтобы восполнить дефицит питания. Там он и остался, стараясь морально поддержать умиравшую Тани. И как только Гарольд не заметил развороченный холм, когда челнок опустился совсем недалеко от него? Впрочем, он вряд ли таращился по сторонам, сконцентрировав внимание на астронавтах. К тому моменту Мартин полностью овладел собой и хранил зловещее спокойствие, предпочитая отложить выяснение всех обстоятельств до прибытия на борт "Корундоры". Стараясь ничем не выдать своих эмоций, он отвечал в эфир очень скупыми фразами, а когда сел за штурвал "Диаманты", то и вовсе перестал поддерживать связь. Разговор с Гарольдом продолжился уже на мостике…

Непродолжительное повествование Мартина произвело на Аулину неописуемое впечатление. В заключение весьма эмоциональной речи ей прямо дали понять, что смерть Сонмера и возможную гибель Тани случайными не считают. В принципе, удивляться этому не приходилось, если медицинские контейнеры вместо лекарства и впрямь содержали простой физраствор, а астронавты отправились на высадку уже зараженными. Последнее утверждение, к сожалению, напрашивалось само, учитывая как быстро начал кашлять Сонмер, а за ним и его сестра.

— Ты уверен, что не ошибся? — тихо спросила Аулина, осторожно уточнив все детали.
— Уверен, — лаконично отозвался Мартин. — А ты уверена, что не ошиблась? — холодно поинтересовался он, и мерное жужжание орудийных стволов, поймавших девушку в прицел, прозвучало для нее рокотом сходящей с гор лавины.
Вопрос оказался, мягко говоря, непростым. Медсестра не забыла о своих манипуляциях с компьютером. Если всплывет преднамеренное искажение результатов анализов, у Мартина есть веские основания учинить над ней скорую расправу. Вряд ли он примет как оправдание, что Аулина пошла на подлог лишь за несколько часов до вылета, а предыдущее сканирование исключало наличие грибка. Впрочем, исключало ли? Что если он еще не успел проявиться, а последующий обман не позволил своевременно обнаружить опасность? Вписывается ли такое время развития патогена в уже известные рамки?.. С другой стороны, даже если Аулина допустила столь серьезный прокол, это не объясняло контейнеры с физраствором, установленные ей лично. Она поместила в аптечки скафандров "Хломикозмицин", и вот в этом уже ничуть не сомневалась, о чем немедленно и сообщила, пока в нее, чего доброго, не выстрелили.
— Предположим, ты говоришь правду. Скажи, кто-то кроме тебя мог подделать результаты тестов? — подумав, осведомился Мартин.
Он прекрасно понимал, что заменить контейнеры в "Штурмовиках", хранившихся отнюдь не за семью замками, мог кто угодно. Тут большого ума не требовалось. Следовало лишь дождаться ухода Аулины. А вот обращение с медицинским терминалом подразумевало определенную квалификацию.
— Теоретически, любой, кто более-менее разбирается в компьютерах, — постаралась не затянуть с ответом медсестра, ощущавшая себя очень неуютно под дулами орудийных стволов. — Кто-то ведь активировал вооружение твоего скафандра, и это явно была не я.
Теперь ей окончательно стало ясно, отчего сын так болезненно воспринял смерть отца. Событие, глубоко трагичное само по себе, с учетом всплывших деталей и впрямь представало в очень дурном свете. Естественно, пушки армейской амуниции Аулина упомянула не просто так. Она и сама уже имела удовольствие ими воспользоваться, о чем никому не сказала. Сейчас такое молчание могли истолковать весьма превратно, и лучше сразу аккуратно подчеркнуть свою непричастность. При этом девушка хорошо сознавала, что боевые орудия по собственному почину в строй не вводятся, то есть тут однозначно не обошлось без чьего-то вмеша-

тельства. Ох, как же все скверно-то, а?.. Мысли девушки наперегонки ринулись вскачь, ибо слишком многое одновременно завертелось у нее в голове. Тут вам и вероятные ошибки в анализах, и подмена контейнеров, и активация оружия, и… Внезапно у медсестры аж сердце захолонуло! А что, если и странная неэффективность лекарств, приводившая к смерти пациентов, тоже отнюдь не случайность?!

— Я смотрю, на тебе прямо лица нет, — заметил Мартин, но без всякого яда в голосе.

Его действительно впечатлило выражение, с которым Аулина смотрела не на него и даже не на орудийные стволы, а куда-то в сторону. Пожалуй, она все-таки не замешана ни в чем дурном, а многое из услышанного для нее такая же новость, как и для Мартина. Ну, по крайней мере, не замешана так, чтобы немедленно обвинить ее в умышленном преступлении.

— Отключи оружие. Отключи и сними скафандр, — тихо сказала девушка. — Стрельбой никому не поможешь и мертвых к жизни не вернешь.

— Во-первых, оно не отключается, иначе тот, кто его зачем-то активировал уже бы это сделал, — криво усмехнулся Мартин. — Во-вторых, не сниму. Только так я теперь докопаюсь до правды, пока и меня не отправили на тот свет.

— Да кому же это надо? — только и вымолвила Аулина.

— Тому, кто желает сэкономить кислород для своих родных, — просто и понятно изложил свое видение происходящего вооруженный человек.

— Надеюсь, ты сам не собираешься сэкономить его за счет меня? — с редким самообладанием осведомилась медсестра.

— Нет. Во всяком случае, не сейчас, — послышался сдержанный ответ. — Но из медотсека ты не выйдешь. Кимберли за тобой присмотрит. Занимайся пациентами и моли вселенную, чтобы все они поправились.

— А как с остальными? — наконец-то решилась на главный вопрос Аулина.

Вопрос, который давно вертелся у нее на языке, и который она страшилась задавать пребывавшему в состоянии аффекта человеку. Вот и сейчас девушка в последний момент все-таки опустила имена, сделав его размытым, однако собеседник сразу догадался, о ком шла речь. Пощадив чувства Аулины, все-таки вылечившей его сына и собиравшейся лечить других больных, он сообщил, что все живы. Гарольд, Себастьян, Элмер и Анатоль сидят под замком в раздельных секциях звездолета. Там они никому не смогут навредить, пока Мартин устанавливает обстоятельства череды смер-

тей и прочих происшествий. Пауль и Сара, как наименее вероятные кандидатуры на роль злоумышленников, сейчас тоже заперты, но в жилой каюте, и лишь для того, чтобы не болтались под ногами и не пытались освободить родственников. Им ничего не угрожает, в отличие от тех четверых, чья судьба зависит исключительно от их сговорчивости и желания помочь с расследованием. Ничего не угрожает и Аулине, пока она не пытается бежать и занимается пациентами, включая травмированного Йонаса. Однако с этого момента с ней всегда будет находиться кто-то из семьи Лансберг или Апрайт. Кто-то, кто без раздумий применит силу, если мисс Розенталь попытается совершить какой-нибудь опрометчивый поступок.

Закончив в медицинском отсеке, Мартин, кивнув матери и теще, оставил на их попечение медсестру, а сам развернулся и пошел к выходу.

— А Мелиюбиус? — раздался ему в спину тихий вопрос.

В ответ послышался смех, от которого у девушки побежали мурашки. К ее несказанному облегчению, испугалась она напрасно.

— Его я подозреваю меньше всех! — заявил вооруженный астронавт к великому неудовольствию скривившейся Юнии.

Относительно изобретения Себастьяна мать теперь полностью разделяла мнение дочери.

— С чего бы вдруг?! — с нескрываемой злостью процедила она, упредив восклицание Аулины.

— С того, что в момент слишком многих подозрительных событий он находился либо со мной, либо в моем поле зрения, а значит не мог сотворить ничего дурного, ибо без прямого подключения к компьютерной сети он совершенно ни на что не способен, — пояснил Мартин. — Да, я ему не доверяю, но я доверяю своим глазам! И лучшего алиби на "Корундоре" сейчас просто не существует!

— Кимберли это не понравится, — сухо заметила Юния.

Зять оставил многозначительную реплику без ответа.

Вернувшись к своим обязанностям, Аулина постоянно чувствовала на себе тяжелые взгляды двух женщин. Когда они только появились с антигравами, где лежали Сонмер и Тани, причина их откровенной агрессии оставалась неизвестной. Теперь она полностью прояснилась. При этом было заметно, что после ухода Мартина злость Луизары и Юнии заметно выросла. Вероятно, они ожидали стать свидетелями вожделенной расправы, а вместо нее им велели медсестру и пальцем не трогать. Велели настолько сурово, что ослушаться категоричного приказа у них и мысли не возникало. Если в медотсеке еще кто-нибудь умрет, Мартин почти наверняка обвинит Аулину, но вместе с ней он запросто обвинит и

тех, кто помешал ей работать. Стало быть, Юнии и Луизаре лучше с девушкой не конфликтовать, если та сама не выкинет какой-нибудь фокус. Стало быть — как рассуждала Аулина, — ей лучше ничего и не выкидывать. Во всяком случае, до тех пор, пока она не придумает толковый план. А придумать его надо обязательно, поскольку Мартин вот-вот наломает дров и то и дойдет до убийства. Последнее представлялось очень даже вероятным, ибо череда смертей, закончившаяся смертью Сонмера, теперь выглядела хуже некуда. Причем в действительности все было куда сложнее, нежели казалось жаждавшему мщения сыну. К сожалению, Аулина не могла рассказать ему про свои манипуляции с медицинским терминалом, так как тогда ей точно несдобровать. А ведь она не причастна ни к подмене "Хломикозмицина" физраствором, ни к какому-либо другому вредительству, если таковое и впрямь произошло. Но кто же тогда? Мелиюбиус? Нет, его кандидатуру Аулина отмела сразу. Имей искусственный разум некий дурной умысел, он вряд ли стал бы так старательно помогать своей подруге лечить пациентов и вообще хлопотать за жизни беглецов, и без того обязанных ему практически всем. Куда проще ему было бы ни во что не вмешиваться, пустив все на самотек с вполне предсказуемым результатом. Кроме того, Мартин совершенно прав: Мелиюбиус имел железное алиби, частенько находясь в обществе Аулины как раз тогда, когда что-нибудь происходило. К примеру, во время того случая со шлюзом С-11 или когда она собственноручно сперва наполнила контейнеры лекарством, а затем загрузила их в скафандры. Но кто же тогда?! Неужели и впрямь Гарольд? Или Себастьян? Вот у этих двоих алиби весьма шаткое, причем у старшего брата, постоянно торчавшего на мостике, оно считай и вовсе отсутствует. Сердце девушки болезненно сжималось, когда она начинала задумываться, что кто-то из них и впрямь пошел на преступление. Пошел не сойдя с ума, испытывая неистовое желание убивать, а ради спасения как себя, так и персонально ее. Элементарная математика приводила к очевидному выводу: гибель одной половины экипажа автоматически позволит оставшейся прожить вдвое дольше. И если не смерть осуществляла свой выбор, значит, за нее это делал кто-то другой. Например, тот, кто неоднократно и открыто утверждал, что ради Аулины готов на все. Ох, только бы эти утверждения дальше слов не заходили, а все произошедшее на борту объяснялось стечением обстоятельств. Ведь могла же девушка перепутать контейнеры, от волнения и спешки вместо лекарства схватив физраствор?..

Размышляя таким образом, глубоко переживавшая медсестра вовсю хлопотала возле едва дышавшей Тани, пока до нее не до-

несся гулкий рокот нескольких взрывов. Взрывов настолько мощных, что от них задрожал толстый стальной пол звездолета.

– 11 –

Когда таймер показал полночь и наступил двадцать шестой цикл, Себастьян машинально прикинул, сколько у беглецов осталось кислорода. Исходя из последних виденных им на мостике данных, его значение должно пребывать где-то около семи суток и двадцати трех часов. В теории, этого вполне достаточно, чтобы успеть заправить реактор звездолета, зарядить прыжковые двигатели и достичь "Контилады", но только в теории. При неблагоприятном развитии событий экипаж "Корундоры" рисковал не уложиться в отведенный срок, а к таковым теперь в первую очередь относились действия Мартина. Посадив под замок Гарольда, Себастьяна и Элмера он держал их в одиночестве, даже не собираясь устроить общий совет. С каждым пленником вооруженный астронавт беседовал по отдельности, не считая нужным прибегать к очной ставке. Это замедляло любой конструктивный диалог, поскольку Мартин сновал туда-сюда, от узника к узнику, не говоря уже о том, насколько тормозился план спасения. Лансберги, однако, оставались глухи к здравому смыслу, явно считая нынешнее положение самым безопасным для себя. Вооруженного захватчика активно поддержали выпущенная на свободу Кимберли, распаленная Юния и все еще болевшая, но достаточно бодрая, лишившаяся мужа Луизара. Теперь эта четверка контролировала весь корабль, распоряжаясь им по своему усмотрению, однако вместо того, чтобы заниматься самым неотложным делом, она усердно искала виновных в собственных несчастьях. Себастьян пытался уверить друга в своей непричастности к чьей-либо смерти, но ему либо не верили, либо считали потенциальной угрозой. Мартина явно не устраивали ответы ученого, при этом встречные вопросы он откровенно игнорировал. Он снизошел лишь до того, что сообщил об условной безопасности Аулины. Мол, девушка исполняет свои обязанности в медотсеке, однако там же она и изолирована. Мартин лично запретил родственникам причинять ей вред, но так будет ровно до тех пор, пока он считает ее напрямую не замешанной в злодеяниях против Лансбергов и Апрайтов. Признание одного из Белленторчей или Розенталей поможет снять с Аулины все подозрения и гарантирует ей неприкосновенность. В противном случае судьба девушки зависит от целого ряда причин, включая выздоровление или смерть пациентов, а также собственного расследования Мартина.

Отведя глаза от таймера, ученый, мрачно вспоминавший все сказанные ему слова, вздохнул. Он сидел на каком-то ворохе невообразимого тряпья, запертый в закутке одного из технических отсеков. Вероятно, остальные узники находились где-то неподалеку, поскольку во время допроса Мартин надолго не отлучался. Хотелось верить, что он обходился без насилия. Впрочем, Себастьяну сейчас во многое хотелось верить. Например, что все происходящее — лишь дурной сон, который вот-вот развеется, а он проснется рядом с Аулиной под сиреневое свечение о чем-то призадумавшегося Мелиюбиуса. Увы, наваждение не торопилось исчезать хотя бы потому, что таковым не являлось. При этом никуда не исчезло и свидетельство в пользу рукоприкладства. Ученого Мартин пока и пальцем не тронул, то ли по старой дружбе, то ли не считая его главным виновником всех бед. Однако чья-то же кровь все-таки виднелась на правой перчатке его скафандра, с которым вернувшийся из высадки астронавт так и не расставался. Из-за скафандра, кстати, он никого и не связывал, не видя в этом необходимости. Угроза применить оружие в случае сопротивления или бегства представлялась ему куда эффективнее любых кандалов. Себастьян, разумеется, и не пытался проделать ничего подобного, когда открывалась дверь и на пороге с гулким топотом возникала грузная фигура. Он лишь напряженно ждал, какие вопросы Мартин задаст на этот раз и чем станет грозить в случае отказа от сотрудничества.

В раздумьях прошло еще несколько тоскливых часов. В одиноких раздумьях, поскольку вооруженный страж предусмотрительно повредил интерком, оставив пленников без связи. В принципе, ученому стоило порадоваться, что ситуация на борту хотя бы не ухудшилась. Судя по всему, Тани все-таки не умерла, иначе разъяренный Мартин наверняка бы об этом проговорился, а то и учинил какую-нибудь скверную выходку. Пока его уцелевшие родственники оставались живы, хотя бы Аулине ничего не грозило. Присутствие Кимберли, дежурившей в медотсеке вместе с бывшей подругой, в известной степени защищало девушку от потенциальных нападок Юнии и Луизары. Креолка призналась Мартину в своей косвенной причастности к смерти Тобиаса из-за кислородной маски, и тот выслушал жену без всякого осуждения, ибо и сам невольно ускорил смерть отца повышенной подачей кислорода. Кимберли, разумеется, сообщила столь щекотливые подробности желая упредить их из уст Аулины, однако заодно она подтвердила, что в одиночку ей бы не удалось вылечить Никки. Медикаментозная кома и альтернативный комплект лекарств вытащили мальчика с того света. Отрицать роль Аулины даже по меркам пребы-

вавшей в психозе креолки означало бы грубейшим образом погрешить против истины. Истины, которую Лансберги и Апрайты пытались установить. Как бы сейчас Кимберли не относилась к бывшей подруге, она служила ей своеобразным щитом, прекрасно понимая, что пока с Аулиной ничего не случилось, ничего не случится и с Никки. Увы, в сравнении с медсестрой безопасность ее сиреневого приятеля выглядела не столь же радужно. Себастьян не доверял своему детищу, однако относился к нему отнюдь не безразлично и искренне волновался за его судьбу. Мартин, выслушивая просьбы друга касательно искусственного разума, снисходительно улыбался. Он не торопился отводить душу на сиреневом советчике, формальной причины всех несчастий, отчего и держал его в недосягаемости от жены. Во-первых, изобретение ученого было неплохим заложником. Угрожая нанести ему ущерб, можно давить как минимум на его создателя. Во-вторых, у Мартина имелись свои планы насчет Мелиюбиуса. Он, кроме шуток, вел с ним переговоры, рассчитывая убедить искусственный разум покопаться в центральном компьютере и выявить всю подноготную Гарольда. Покопаться, разумеется, под прицелом аннигилятора, ибо в случае даже малейшей провокации Мартин тут же пустит его в ход. Если Мелиюбиус поможет установить истину, все невиновные немедленно будут оправданы, экипаж воссоединится, а злодея или злодеев посадят под замок, дожидаться трибунала на "Контиладе". Бутон, конечно, может и отказаться, но тогда он уж точно не улучшит положение ни Себастьяна, ни Аулины, зато его очередное свидание с Кимберли станет куда вероятнее. Так думал Мартин и своих намерений от ученого не скрывал. Возможно, рассчитывал, что последний, в случае своей непричастности, окажет влияние на Мелиюбиуса. Самому ученому замысел друга — а он по-прежнему считал его таковым, несмотря разыгравшуюся драму, представлялся, мягко говоря, не логичным. Риск, исходящий от Сиреневого Бутона, был слишком велик как в плане потенциального содействия пленникам, так и собственных интересов искусственного разума. А ну как именно он натворил каких-нибудь дел и ловко прячет концы в воду? Тогда из него выйдет крайне опасный союзник. С другой стороны, Мартин мог замышлять какую-нибудь провокацию, пытаясь втянуть в нее ученого и Мелиюбиуса. Какую? Да кто ж его теперь знает.

Об этом разговоре, состоявшемся при последнем визите друга, Себастьян как раз и думал, прокручивая его в уме в двадцатый раз, когда входная дверь внезапно распахнулась снова. Распахнулась с привычным шелестом, однако без становившегося таким же привычным гула, сопровождавшего движения армейского

скафандра. Это было странно. Неужели явился кто-то из родственников Мартина? Вот только Кимберли сейчас и не хватало, особенно если она явилась без ведома мужа. Ученый, приподнявшись на груде тряпья, обратил взор к порогу и вздрогнул, увидев совсем не того, кого ожидал.

Аулина страшно устала, и ей позволено было отдохнуть. Из медотсека, разумеется, девушку никто не выпускал, однако свободный антиграв традиционно годился на роль ложа. Не иначе как нарочно ей предложили тот, на котором, облепленный датчиками и трубками, испустил дух Тобиас. Не подав и виду, девушка улеглась на горизонтальную поверхность, опустила голову на подобие подушки из рулона теплоизоляции и прикрыла глаза. Какое-то время сон к ней не шел, отгоняемый душевными переживаниями. Из-под прикрытых век Аулина следила за Луизарой, стоявшей на страже у входа в медотсек, и прислушивалась к попискиванию системы жизнеобеспечения. Сражение за судьбу Тани она пока что выигрывала. Женщина едва дышала, но не умерла. Лекарство интенсивно боролось с грибком, и с каждым прожитым часом шансы тети Мартина на выздоровление потихоньку повышались. Кажется, вне опасности был и Йонас. Он не приходил в себя, но показатели его жизнедеятельности демонстрировали положительную динамику. Ее демонстрировали и показатели Никки. Впрочем, последний в медотсеке отсутствовал. Кимберли забрала сына в домашнюю секцию, чтобы он составил компанию несчастной одинокой Вайолет, лившей бесконечные слезы по скончавшемуся брату. Аулина не протестовала против такого решения. Мальчик почти поправился, а креолка, скорее всего, перестраховывалась, решив не оставлять в руках медсестры столь ценного заложника.

Девушку разбудил тихий толчок в бок. Мгновенно вспомнив, где и почему она находится, медсестра подавила желание тут же взвиться перепуганной ланью. Проявив недюжинную выдержку, она лишь едва приоткрыла веки, высматривая потенциальную опасность и готовясь сообразить, как на нее реагировать. Из-за притушенных осветительных панелей в медицинском отсеке царил традиционный полумрак. На ночь освещение автоматически убавлялось, и сторожа, караулившие пленницу, ничуть против этого не возражали. В том числе представшая взору девушки Луизара, молча сидевшая возле Тани. Фигуры обеих женщины были совершенно неподвижны. Больная, пребывавшая между жизнью и смертью, в принципе не шевелилась, а мать Мартина не то дремала, не то глубоко задумалась. С расстояния в несколько ярдов, разделявшего пленницу и охранницу, ее лицо было плохо видно из-за тени, отбрасываемой аппаратурой жизнеобеспечения. Луи-

зара расположилась так, чтобы находиться рядом с Тани и одновременно не терять из поля зрения медсестру. Спала она или нет — определить не получалось, однако девушка пробудилась уж точно не от ее прикосновения.

Толчок в бедро повторился. Скосив глаза, Аулина увидела малого медицинского дрона из числа оборудования большого диагностического ложа, которого не сразу заметила на фоне всякой всячины. Ее сердце тут же забилось вдвое быстрее, и она едва подавила желание вскочить и схватить круглого малыша. Было нетрудно догадаться, с чего вдруг тот пристал к отдыхавшей медсестре, добиваясь ее внимания. Стараясь вести себя естественно, чтобы не насторожить Луизару, Аулина тихонько повернулась на бок и глянула в направлении терминала. Таймер показывал пять часов утра. Внезапно на большом экране, словно уловив взгляд девушки, появилось большое, хорошо различимое слово "ПРИГОТОВЬСЯ". Затем на его месте загорелась цифра десять. Она, в свою очередь, сменилась на девять, потом, через тот же короткий промежуток времени, на восемь, семь, шесть... Аулина, опешив, сообразила, что это обратный отсчет. Но до чего?! Она перевела взор на дрона. Малыш ткнулся ей прямо в руку, а затем бесшумно упорхнул. Как оказалось, недалеко. Описав по приемной глубокую дугу, он завис в паре футов за спиной у ничего не подозревавшей Луизары. Аулина машинально считала секунды, понимая — сейчас что-то произойдет. Когда цифры дошли до нуля, дрон молниеносно ринулся вперед. Казалось, он врезался в шею матери Мартина, однако на деле это было отнюдь не столкновение, а точно рассчитанный выпад. Женщина, тихо охнув, попыталась вскочить, но тут же безвольно обмякла и свалилась на пол. Игла, поразившая жертву в сонную артерию, втянулась в шарообразное нутро медицинского робота так же проворно, как и выскочила. В следующее мгновение Аулина уже была на ногах.

— Фигова роща! Что ты натворил?! — испуганно воскликнула она, уставившись на дрона и пребывая в изрядном смятении.

В порыве человеколюбия она бросилась к лежавшей охраннице, чтобы проверить ее пульс.

— С ней все в порядке, — заговорил вдруг голосовой интерфейс медицинского терминала. — Она просто спит и еще долго не проснется.

— Мелиюбиус?! Как тебе это удается?! — ахнула потрясенная девушка.

В ответ послышался тихий смех, однако он быстро прервался, а голосовой интерфейс снова посерьезнел.

— Спасибо скажешь позже. Сейчас немедленно выбирайся отсюда

и следуй за этим дроном, СЕСТРИЦА, — произнес он прежним степенным тоном.
Аулина издала неопределенный возглас, на сей раз пораженная до глубины души. Кажется, головоломка начинала складываться. Следуя лаконичным указаниям, она подняла плазменную горелку, оброненную поверженной Луизарой, и ринулась к выходу. Уже у самого порога медсестра замешкалась и обернулась, окинув взглядом своих пациентов.
— С ними все будет хорошо. А если нет — это не твоя вина, а того, кто напал на твоих родных и захватил корабль! — с жесткими нотками произнес голосовой интерфейс. — Не медли! Все объяснения потом! Сюда в любую минуту может кто-нибудь прийти!
Аулина, мгновение поколебавшись, покинула медотсек и как на крыльях устремилась за показывавшим дорогу дроном. О том, каким образом заговорил изолированный компьютер и как малыш сумел открыть дверь, запертую кодом Лансбергов, а также вырубить Луизару — и впрямь можно расспросить позднее.

Еще на планете Мартин пробыл на ногах более полуцикла вплоть до самого прибытия челнока. Вернувшись на звездолет, он продолжал бодрствовать, фактически устроив вооруженный переворот, и по-прежнему не позволял себе ни минуты покоя. В гуще драматических событий часы пролетали совершенно незаметно, однако накапливавшаяся усталость все сильнее давала себя знать. В отличие от роботов, ни один человек не способен расхаживать в скафандре бесконечно долго. Мартин чувствовал, что ему требуется отдых, вот только ввиду чрезвычайных обстоятельств с ним приходилось повременить. Перед тем как прилечь и смежить веки следовало уладить массу неотложных дел, а они заставляли себя ждать. Допрос упрямых пленников утомлял Лансберга пуще прежнего, чем еще больше выводил из себя. С Себастьяном он еще кое-как держался, памятуя о дружеских узах, да и его двоюродного брата Анатоля особо не трогал, ограничившись легкой приводящей в чувство оплеухой. Вот Элмеру все-таки досталось. Мартин не желал причинять ему зла — во всяком случае, без прямой необходимости, — однако что ему прикажете делать, если отец Себастьяна атаковал его с отодранной откуда-то железякой. То была совершенно бесперспективная затея против человека в армейском скафандре, но следовало наглядно показать кто является хозяином положения. Вооруженный астронавт отшвырнул мужчину как худого щенка, и тот сильно ударился о переборку. Железку пришлось грубо отобрать, а Элмер получил жесткое внушение. Мол, еще раз такое повторится — и в ход пойдет плазменная пушка. Чем валять дурака, электрик, поносивший сына своего друга, пусть лучше

поможет установить истину, если он и впрямь считает умершего Сонмера тем, кем столь патетично именует. Уговоры, однако, на бушевавшего пленника не действовали. Элмер умолк лишь тогда, когда Мартин его хорошенько тряханул, ибо упоминание отца заставляло мутиться и без того неспокойный рассудок. На том насилие закончилось, но только не в отношении Гарольда. С ним осиротевший астронавт особо не стеснялся и даже получал удовольствие, отпуская бородачу пинки и зуботычины. Он был почти уверен в виновности компьютерного взломщика и еле сдерживался, чтобы не избить его до полусмерти. Это еще успеется, когда Гарольд выложит все подчистую. И ему же лучше, если он признается сам, пока Мартин не обрел доказательства его преступлений. Правда, с последним дело не особо ладилось, и тут всерьез приходилось рассчитывать на помощь Мелиюбиуса.

Сиреневый советчик оказался осторожен, но традиционно разумен. Мартин, стараясь не давить на изобретение ученого, вполне вежливо и обходительно изложил ему сложившуюся ситуацию. Если искусственный разум поможет вычислить виновного в смерти Сонмера и других, то сделает одолжение всему экипажу. На борту "Корундоры" восстановится мир, и операция по спасению продолжится прежним курсом. С другой стороны, отказ сотрудничать уж точно не улучшит нынешнее положение и всяко замедлит расследование, от которого Лансберги отказываться не собираются. А пока оно не закончено, подозреваемые останутся взаперти, со всеми вытекающими. Разумеется, ни о каком бесконтрольном доступе к системам звездолета речь не идет. Мелиюбиус, анализируя входящие данные, станет давать Мартину советы, а тот будет претворять их в жизнь, вводя команды на терминале и изучая электронные журналы в поисках каких-нибудь зацепок. Таким образом, они успешно поработают сообща, а Мартин обязательно учтет лояльность искусственного разума, к которому даже в нынешних обстоятельствах продолжает относиться не без симпатии.

Мелиюбиус — воплощенная предусмотрительность — в отличие от людей не стал упрямиться, отнекиваться и играть в принципиальность, а вполне спокойно запросил гарантий. Мартину сразу понравился этот конструктивный настрой. Впрочем, от башковитого изобретения Себастьяна он чего-то подобного и ожидал. Мелиюбиуса характеризовал деловой подход и поиск оптимального решения любой предложенной ему задачи. Мартин дал слово чести, что не позволит причинить вред своему сиреневому помощнику, даже если ему придется вступить в конфликт с собственной женой. Мелиюбиус выразил удовлетворение, однако заме-

тил, что его крайне волнует судьба молодого ученого и его невесты. А ну как именно кто-то из них окажется причастен к чему-то против Лансбергов или Апрайтов? Личная привязанность не позволит ему предать их в руки мстителей. Мелиюбиусу должны пообещать, что при любом раскладе никто не станет устраивать самосуд и даже пальцем не тронет Себастьяна и Аулину. Им беспрепятственно позволят прибыть на "Контиладу". Дальнейшее — забота властей.

Мартин отнесся к речи искусственного разума весьма благосклонно. Он сразу отметил, что тот не причислил к списку неприкасаемых Гарольда, ибо на это Лансберги не пойдут. Бородач, вызывавший у них стойкую антипатию, считался главным подозреваемым. Безопасность остальных членов экипажа Мелиюбиус также особо не подчеркивал. Его волновали только две кандидатуры, которые, чего уж греха таить, были небезразличны и самому Мартину. Хорошо, пусть будет так. Даже если Себастьян или Аулина, что маловероятно, и впрямь не без греха, в память о прежней дружбе Мартин не станет им мстить и другим не позволит. Но только им, и никому другому! Мелиюбиус потребовал клятвы. Мартин, хоть и не без некоторой внутренней борьбы, вновь дал слово чести. Дал совершенно искренне, не планируя его нарушать. Если ученый и медсестра сами наплевали на крепкие узы, связывавшие семьи между собой — в их отношениях навсегда будет поставлена точка, а Мартин не замарает руки кровью былых друзей. Судьбу преступников решит закон. Вот Гарольда, само собой, такая снисходительность не касается, о чем было упомянуто отдельно, и лучше на ней даже и не настаивать. Мелиюбиус и не настаивал. Он лишь попросил время на размышление, ибо вопрос был слишком серьезен, чтобы вот так сразу принять столь важное решение. Мартин согласился, отведя ему срок до девяти часов утра. Он считал, что вполне располагает этими часами. В конце концов, харвестеры, пусть и оставленные без присмотра, продолжали работу, а кислород, сэкономленный за счет смертей, отодвигал дедлайн добычи Гелия-3.

Отправив Мелиюбиуса под замок, Мартин закрылся на мостике. Ночное дежурство в медотсеке он поручил Луизаре, а Юния должна была регулярно проверять запертые двери в секциях пленников. Кимберли же, вняв настоянию мужа, сдала пост свекрови и улеглась спать вместе с детьми. Всех женщин Мартин вооружил плазменными горелками, наказав использовать их без колебаний против всех, кроме Аулины. Сам же, наконец-то обретя возможность спокойно отдохнуть, прилег возле навигационного компьютера и довольно быстро отправился в царство грез.

В половине шестого утра прозвенел сигнал побудки. Мартин, немедленно открыв глаза, встал и обвел взглядом мостик. Потом, покопавшись в интерфейсе скафандра, вколол себе порцию стимулятора, предназначенного для солдат в боевых условиях. Предстоящий день будет длинным и трудным, так что ему стоит пребывать в наилучшей форме. Наскоро подкрепившись при помощи встроенных питательных трубок, Мартин разблокировал дверь мостика и едва не споткнулся о торчавшего за ней сервисного робота. Вероятно, тот следовал программе уборки или чего-то в том же роде, ибо совершенно спокойно проехал внутрь и принялся чистить пол. До сих пор ведь мостик был заперт, и машина только сейчас смогла туда попасть. А привычным наведением порядка занималась не она одна. Поодаль в воздухе неторопливо плыл еще один робот, методично протиравший щеткой стену коридора; футах в сорока за ним малый дрон проверял световую панель. Пока люди выясняли отношения, "Корундора" жила своей жизнью и, вероятно, продолжит ей жить, даже если ее экипаж друг друга перестреляет. Усмехнувшись, Мартин грузно прошагал мимо честно трудившейся техники, миновал пустую кают-компанию и направился туда, где содержался Гарольд.

У дверей запертого отсека он задержался, размышляя, с чего начать грядущую беседу — с хорошей зуботычины, оставляющей кровь на перчатке скафандра, или же с выстрела в дальний угол. Того самого, который вчера так напугал Аулину. Кажется, там что-то разнесло, ну да и черт с ним. Ничего особенно важного в этом отсеке не располагалось, зато Гарольд едва не обделался от страха и враз понял всю уязвимость своего нынешнего положения. Что ж, пожалуй, стоит преподать ему еще один урок. Выбрав вариант приветствия, Мартин убедился в готовности орудий и набрал на панели управления разблокирующий код. Дверные створы с тихим шелестом расползлись в стороны, и Лансберг шагнул в помещение, озаренный недоброй улыбкой. Вот только продержалась она недолго, сперва застыв на окаменевшем лице, а затем и вовсе испарившись. Было отчего. Мартину не пришлось долго таращиться по сторонам, чтобы констатировать очевидное — внутри секции не оказалось ни единой живой души.

Гарольд, разумеется, не желал дожидаться, пока повредившийся в уме Лансберг снова явится вымещать на нем свою жажду мести. Подобное помешательство еще худо-бедно объяснялось в случае с Кимберли, но умный и рассудительный конструктор турелей никак не вписывался в образ сумасшедшего. Меж тем его действия принимали уж слишком членовредительскую форму, грозившую не только жестокими побоями, но и кое-чем похуже. Сын,

потерявший отца, имел право рассчитывать на сочувствие, но своими выходками Мартин его лишился, да и вообще растерял всякую симпатию. Во всяком случае, от Гарольда, и без того не страдавшего избытком человеколюбия. Эх, все-таки надо было воспользоваться той возможностью и нейтрализовать становящегося враждебным Мартина! Насколько сейчас всем стало бы лучше! А сестра еще обвиняет старшего брата в пренебрежении чужими жизнями. Конечно, ее обвинения не безосновательны, только конкретно тогда палец не нажал на нужную кнопку, и подходящий момент был упущен. Момент, способный предотвратить все это, ибо Гарольд как чувствовал, что Лансберги себя еще покажут. Да, зря он в тот раз Мартина пощадил. Посчитал, что польза от него перевешивает все остальное, включая угрозу нараставшего конфликта. Теперь бы Гарольд такой ошибки не сделал. Избавил бы всех нормальных людей от стрельбы, застенков и рукоприкладства. Как говорится, нет человека — нет проблем, а последних от Мартина прибавлялось не по дням, а по часам. Ну да ничего — это ненадолго. Лишив Гарольда компьютера и посадив его под замок, Лансберг воображает, что обезвредил противника и полностью контролирует ситуацию. Как бы не так! Несколько часов допроса, сопровождавшегося избиением, внушили тюремщику ложное чувство беспомощности жертвы. Меж тем у Розенталя еще остались козыри в рукаве и без терминала он отнюдь не обезоружен.

Вот и выбитый зуб пригодился. Знал бы Мартин, что своим ударом наотмашь снабдил пленника недурным инструментом, он поостерегся бы применять излишнюю силу. Гарольд долго выжидал, не явится ли его мучитель на очередной сеанс кулачной беседы. Столкнуться с ним на пороге было бы наихудшим развитием событий, ибо против человека в скафандре может выстоять только другой человек в скафандре. Именно поэтому торопиться ни в коем случае не следовало, однако время шло, а Мартин, прежде заглядывавший очень часто, все не показывался и не показывался. Наступила ночь — Гарольд считал в уме секунды, складывающиеся в часы, — и он, судя по всему, отложил издевательства до утра. Долгожданный момент настал! Злобно усмехаясь, Гарольд поднялся со своего утлого ложа в виде металлической скамейки и направился к двери. Выглядел он неважно. Мятый, разорванный в двух местах комбинезон был заляпан бурыми пятнами крови. Кровь засохла и на лице Гарольда, комьями осев в бороде и опоясав разбитые, немного вспухшие губы. Одна бровь была рассечена и кожа вокруг нее алела так же, как и на расцарапанном затылке, куда Мартин отвешивал затрещины, подогревая разговорчивость пленника. На шее красовался внушительный синяк — практически

брат-близнец синяка на скуле. Спасибо и на том, что глаза не заплыли, а их белки не подернулись красной сеточкой. Возможно, Лансберг и не желал так уж сильно разукрашивать Гарольда, только поди рассчитай свою силу в могучем армейском скафандре. Узник, впрочем, по поводу утраты и без того сомнительной привлекательности не переживал. Да, его тело пострадало, но не пострадал ум. Физические рефлексы притупились, однако разум оставался по-прежнему остер. А ведь именно он, вкупе с выбитым клыком, сейчас был самым сильным оружием Гарольда.

Открыть дверь без кода доступа казалось невозможным, если не пускать в ход плазменные пушки, горелки и иже с ними. Во всяком случае, так считал Мартин. Это его заблуждение здорово играло на руку Гарольду, за двадцать пять циклов полета вскрывшему немало замков на "Корундоре". Вот только с J-08 у него вышла заминка, да еще Кимберли туда черт принес — ну да то был редкий частный случай. Подойдя к управляющей панели, бородач внимательно вгляделся в расположение кнопок. Примитивное устройство — не чета техническому совершенству "Элегии" — на сей раз прямо-таки радовало взор. Крепко зажав в пальцы желтоватый зуб, Гарольд с силой воткнул его в зазор возле одной из клавиш. Продолжительное употребление всякой химической отравы сказалось на белизне эмали, но она все еще была крепка. Расшатывая импровизированный рычаг туда-сюда, бородач вдавил его как можно дальше. В результате приложенных усилий образовалась небольшая щель, сама по себе вроде бы совершенно бесполезная. Взломщик, тем не менее, удовлетворенно улыбнулся. Пострадавшая бровь, доселе причинявшая беспокойство пылавшим отеком, теперь пришлась как нельзя кстати. Расковыряв пальцем запекшуюся корку, Гарольд получил алый ручеек, немедленно заливший глаз. Прищурив веки, он принялся собирать густую пахучую жидкость и переносить ее в область отогнутой кнопки. Вся панель вскоре оказалась заляпана кровью, будто рядом с ней кого-то зарезали, а узник все лил ее и лил, старательно вдувая в узкую прореху. Неизвестно сколько именно крови попало внутрь, но там, в конце концов, все же что-то закоротило. Сухой треск, отчетливо раздавшийся где-то в недрах электроники, и выскочившая на табло ахинея сообщили взломщику об успехе его маленького саботажа. Дверь, правда, от этого не открылась, как обычно бывает в кинофильмах, но Гарольд ничуть не расстроился. Оставив панель в покое, он отошел в глубину отсека и занялся маленьким стенным шкафчиком, на поверку оказавшимся узлом распределения ресурсов. Такие имелись практически в каждом отсеке и замками, как правило, не снабжались. Ведь кто и зачем, кроме штатного судо-

вого техника, туда полезет? Гарольд, разумеется, полез.

Формально ничего особенного он там натворить не мог, отчего Мартин означенную нишу проигнорировал. В узле настраивались вентиляция, освещение, температурный режим и прочее в том же духе, если их требовалось изменить вручную, а не с главного компьютера. Уж кто-кто, а Гарольд прекрасно это знал, налаживая мониторинг расходования кислорода по всей "Корундоре". Знал он и о небольшой особенности, присущей данной конструкции. А именно — та отвечала за электропитание отсека, куда относилась и входная дверь. Правда, обесточить ее совсем отсюда было невозможно. В случае локального сбоя автоматически задействовался внешний источник энергии. Иными словами, никакими манипуляциями в щитке электроника двери не отключалась, и, как следствие, даже оборви узник все провода, свободы бы он не обрел. Вероятно, именно на это и рассчитывал Мартин, однако ничего подобного Гарольд делать и не собирался. Протянув руку, он выдернул из гнезд провода, отвечавшие за вентиляцию. Тихий гул, с которым в отсек нагнетался и вытягивался воздух, тут же прекратился, но удушье узнику не грозило. Хорошенько прицелившись, он одновременно сунул освободившиеся фазы туда, куда подавалось питание двери. Гарольд не лишил ее тока — он вызвал кратную перегрузку. Это немедленно заставило сработать защитный контур, переводивший управляющую панель в аварийный режим для предотвращения ее выхода из строя. А в него она не перешла, ибо схему закоротило попавшей внутрь жидкостью. В результате контролирующая электроника окончательно дала сбой, из-за чего система инициировала особый протокол безопасности. Конструкторы грузового звездолета не желали, чтобы в какой-либо непредвиденной ситуации экипаж очутился в ловушке аки крысы в капкане. Оставшись без энергии или управляющего сигнала, сервоприводы возвращались в парковочное положение за счет обратной механической тяги. В грубом приближении это напоминало растянутую пружину, принимавшую состояние покоя при исчезновении тянущего усилия. Монолит двери тут же разомкнулся, и ее створки, чей шелест прозвучал в ушах Гарольда настоящей музыкой, ушли в глубину стен. Лицо пленника озарила торжествующая улыбка, а уста отпустили нецензурное выражение в адрес Лансберга и всех его родственников. Подавшись к выходу с невиданной доселе прытью, бородач осторожно выглянул в коридор, но не увидел там никого кроме одинокого служебного робота.

— Ну, мой дорогой Мартин, теперь мы с тобой сыграем покрупному, — пробормотал он с непередаваемым выражением, предвкушая грядущую схватку.

Мелькнула какая-то тень. Гарольд инстинктивно отпрянул, но то оказался самый обычный дрон, куда-то летевший по своим делам. Это напомнило пленнику, что стоять столбом на пороге своего узилища явно не стоит, пока вместо сервисной техники не объявился кто-то из Лансбергов или Апрайтов. Выбравшись в коридор, Гарольд издевательски сделал ручкой в сторону мостика и быстро пошел в противоположном направлении. Больше всего на свете его сейчас беспокоила безопасность сестры, однако он не бросился сломя голову в медотсек. Вызволять ее вот так, с голыми руками, было бы чистейшим безумием. Гарольду предстояло проделать массу работы, причем проделать в кратчайшие сроки, и он уже отлично знал, что следует предпринять, ибо успел составить надлежащий план действий.

Себастьян ожидал увидеть кого угодно, но только не того, кто ввалился к нему в одиночную камеру и сходу бросился на шею. Хорошо знакомый запах волос, успевший стать житейски привычным, показался ему чем-то поистине сказочным.

— Хвала вселенной! С тобой ничего не случилось! — восклицала Аулина, сжимая суженого в объятиях.

— Батюшки! А ты как здесь очутилась?! — ошеломленно выпалил ученый.

— Ты цел?! Тебя не били?! — вопрошала девушка, схватив любимое лицо в ладони и внимательно вглядываясь в каждый его дюйм.

— Ты как?! Тебя никто не обидел?! — сыпались ответные слова.

Эта хаотичная беседа, где оба говорили, но не слушали, быстро прекратилась, когда Аулина прижалась губами к губам Себастьяна в горячем и чувственном поцелуе. Он продлился так долго, что молодой человек ощутил нехватку воздуха.

— Тебя отпустили? Мартин наконец-то пришел в себя? — осведомился ученый, когда вновь обрел возможность что-нибудь сказать.

— Как же! От него дождешься! — немедленно нахмурилась девушка.

— Тогда как ты?.. — начал было Себастьян, но тонкие пальчики тут же прикрыли ему рот.

Маленький медицинский дрон, явно недовольный столь затянувшейся встречей голубков, начал настойчиво толкаться в спину Аулины. Та, живо сообразив, что бы это значило, прервала словоизлияния жениха.

— Давай за мной! И без разговоров! — велела она, потянув его за руку к выходу из отсека.

— А куда это мы? — озадаченно изрек Себастьян.

— За этим дроном! — мотнула головой девушка на порхнувшего в

коридор спутника. — Умолкни и бегом с нами! Ну?!
— А кто им управляет? — все-таки не удержался от вопроса ученый, когда они уже поспешали за круглым проводником.
— Гарольд! — коротко бросила Аулина.
Больше она никаких объяснений не давала, в том числе потому, что и сама не знала ответов. Например, откуда брату известен код от секции с Себастьяном, самостоятельно набранный роботом при помощи выдвижных инструментов.

В отличие от терминала шарообразный дрон, к сожалению, разговаривать не умел. Его конструкция не предполагала голосового интерфейса, поскольку он сам входил в состав более сложного технического объекта, а тот, в свою очередь, управлялся медицинским компьютером. Это существенно осложняло общение, и все что оставалось двум беглецам — это следовать за летевшим впереди малышом не имея ни малейшего представления куда и зачем они направляются. Малыш, однако, явно ориентировался в происходящем, ибо в один прекрасный момент внезапно остановился. Не просто остановился, а ринулся навстречу поспешавшей за ним Аулине, да так, что врезался ей прямо в грудь. Та, опешив, невольно отступила, но дрон не отставал. Он ткнулся в нее еще несколько раз, а затем внезапно направился к скоплению труб, видневшемуся в десятке ярдов от молодых людей. Коммуникации, привычно тянувшиеся вдоль всего коридора, здесь разветвлялись и уходили на другой ярус. Конструктивно это выглядело как довольно большой выступ в виде буквы L, то есть эдакий тупичок, куда вполне мог угодить какой-нибудь потерявший управление робот. Аулина потянула Себастьяна за проводником и увидела, как тот залетел в закуток и опустился на пол.
— Чего это он? — удивился ученый.
— Т-с-с-с! По-моему, он дает нам понять, что надо спрятаться! — сообразила девушка.
Затащив жениха за выступ из труб, она присела на корточки и потянула его за собой. Как оказалось, весьма своевременно. Вскоре послышались чьи-то приближавшиеся шаги, и возле закутка объявился какой-то человек. Сквозь щели своего убежища Аулина узнала Юнию. Пресловутая буква L не полностью скрывала притаившихся беглецов, ибо не представляла собой сплошную стену. Увидев мать Кимберли, девушка испугалась, что и та ее заметит. К счастью, Юния не таращилась по сторонам и не выискивала шпионов. По всей вероятности, он просто куда-то шла, ибо миновала Себастьяна и Аулину в какой-то паре футов и совершенно спокойно удалилась. Судя по поведению дрона, угроза обнаружения исчезла. Взмыв в воздух, он вылетел в коридор и тем самым велел

вновь следовать за собой.
— Интересно, откуда Гарольд знал, что мы вот-вот столкнемся с Юнией? — озадаченно пробормотал ученый, когда тупичок остался позади. — Видеонаблюдения на "Корундоре" нет. Роботов тут навалом — вон опять двое невесть зачем впереди болтаются, — а камер тю-тю.
— Вот у него и спросим, — лаконично предложила девушка.
Она не видела смысла судачить о том, что вскоре и так выяснится при встрече с ее старшим братом, к кому беглецы наверняка и направлялись. Однако Аулина ошиблась. Дрон, летевший по одному ему известному маршруту, привел их не куда-нибудь, а к ангару с "Диамантой". Будь Гарольд внутри, он вряд ли запер бы дверь кодом безопасности, который и сам бы не знал. А он его явно не знал, поскольку круглый малыш беспомощно завис вблизи от панели управления, даже не пытаясь набрать комбинацию.

В ангаре имелось два входа — большой и маленький. Через первый роботы возили различные крупногабаритные грузы, когда в том возникала необходимость. Вторым, для удобства разделенным на пару обособленных дверей, пользовались люди. У одной из них и остановились беглецы, приведенные медицинским дроном. Себастьян шагнул к настенному интерфейсу и попробовал открыть ангар. Бесполезно. Табло, сердито пикнув, выдало запрос кода доступа. До сих пор ученый попадал внутрь без всяких преград, поэтому ни о каких паролях и понятия не имел. Цифры, введенные наугад, пользы ожидаемо не принесли.
— Прекрати! Еще две ошибки — и ты поднимешь тревогу! — неожиданно донесся чей-то голос.
Резко обернувшись, Себастьян и Аулина увидели сразу пятерых подъезжавших роботов. Летевший впереди остальных замер в пяти футах от беглецов, мерно покачиваясь в воздухе.
— Гарольд? — осторожно осведомилась девушка.
— Ну уж всяко не Мартин! — рассмеялась сервисная машина, обладавшая возможностью общения с людьми.
Электронный смех прозвучал довольно жутковато ввиду своей неестественности, отчего ученый даже поежился. Отсмеявшись, паривший дрон коротко дал необходимые пояснения. Лансберг, к сожалению, на всякий случай запечатал ангар, как запечатал и все наиболее важные помещения звездолета. В отличие от медотсека, в ангар на раз-два не попадешь. Тут нет компьютера, который может установить, а затем снять карантин, что автоматически, ввиду высшего приоритета, разблокирует и дверь. Побег Аулины было организовать куда проще, нежели пробиться к челноку. Теперь без грубой силы не обойдешься.

— А ну, отойдите-ка в стороночку! — велел разговорчивый дрон.
— Зачем? — тупо спросил Себастьян.
— Затем, чтобы роботы разрезали не вас, а дверь, и вы смогли попасть внутрь, — проворчало механическое воплощение Гарольда.
Аулина живо оттащила жениха к противоположной стене и бригада из четырех машин тут же приступила к делу. Манипуляторы, выступившие из гладких корпусов, вооружились съемными плазменными горелками. Отрегулировав раскаленные струи на рабочую длину, роботы вплотную подъехали к двери и направили их на тугоплавкий металл. Гарольд наверняка пригнал бы и больше помощников, но из-за своих габаритов те физически не смогли бы подступиться к области прорезаемой дыры. Роботы ведь вскрывали не весь проход по периметру, а проделывали лишь небольшой проем, достаточный, чтобы в него протиснулся человек. В противном случае они провозились бы очень долго, а неограниченным запасом времени беглецы не располагали.
— А чего ты тогда заранее их не прислал? — сердито спросил ученый.
— Юния. Вы же с ней чуть не столкнулись. По указанию Мартина она каждый час проверяет все запертые отсеки. Сначала мне надо было вас освободить, а то Юния, увидев дыру, вряд ли осталась бы к ней равнодушной, — послышался сдержанный ответ.
— А на кой черт нам вообще нужна дыра в ангар?! — не унимался Себастьян.
— Сестра, объясни моему… своему возлюбленному. Полагаю, ты уже все поняла, — предложил, чуть запнувшись, электронный голос.
Аулина и впрямь успела сообразить, на кой ляд понадобилась затея со вскрытием ангара. Там хранились армейские скафандры, добытые ценой жизни ее отца. Медицинские дроны могли сделать усыпляющую инъекцию любому незащищенному члену экипажа, как ее сделали Луизаре, однако как совладать с Мартином, облаченным в "Штурмовик-4"? Только с помощью другого "Штурмовика"! Собственно, именно поэтому Лансберг предусмотрительно и запер ангар. Так, на всякий случай, чтобы гарантированно не допустить попадания боевой амуниции не в те руки, включая родственников. Пока он один обладал столь могучей силой, он один и контролировал звездолет, имея возможность поступиться мнением всех остальных членов экипажа. Учитывая обещание, данное Мелиюбиусу, это выглядело нелишним. Мартин не мог допустить нападения ни на искусственный разум, ни на Себастьяна с Аулиной, которое он был бы не в силах предотвратить. Кроме того, он не желал допустить и бунта, не доверяя излишне эмоциональным

женщинам в лице своей жены и ее матери.
— Оттого я первым делом направил вас сюда, а дыру мы проделываем только сейчас, — подытожил электронный Гарольд.
Он завершил за девушку ее краткое повествование, вполне совпавшее с реалиями, снабдив его некоторыми любопытными подробностями.
— Откуда ты столько знаешь? И как ты вообще умудряешься настолько эффективно управлять всеми этими роботами? — с нескрываемым подозрением осведомился ученый.
— Кстати, хороший вопрос, — выразительно заметила Аулина. — Значит, ты и впрямь с самого начала тайно вмешивался во все процессы на "Корундоре"?
— И да, и нет, — неопределенно отозвался дрон. — Я действительно многое умею, но расскажу об этом позже, в более благоприятной обстановке, а вы пока не торопитесь списывать на меня все грехи. В конце концов, это не я сбежал от шлюза С-11, и не я подделал результаты анализов экипажа, чтобы разделить Лансбергов и оставить их на планете вместе с харвестерами. Боюсь, как следствие Сонмер и Тани отправились туда уже зараженными, что в итоге и привело к столь трагическим последствиям. Думаете, я ничего не знал? Все это время я покрывал ваши выходки, за что в итоге и поплатился. Видели бы вы, как меня отдубасил Мартин…
Себастьян и Аулина изменились в лице.
— Ты подделала результаты анализов?! — ахнул пораженный ученый, глянув на невесту так, будто видел ее впервые.
— Ты тоже не торопился мне в чем-нибудь признаваться! — пасмурно огрызнулась девушка.
— Предлагаю отложить выяснение отношений! — степенно заявил электронный Гарольд. — Сейчас у нас есть дела поважнее.
Беглецы, поворчав, согласились, что это разумно, и перестали сыпать вопросами. В том числе адресованными бородачу, которому ловко удалось их избежать таким вот маневром, устроив небольшое, но впечатляющее разоблачение.

Роботы почти прорезали дыру в ангар, когда по кораблю внезапно прокатился сигнал тревоги. Троекратно повторившаяся трель не оглушала, но всяко заставляла озаботиться причиной своего возникновения.
— Мартин! Аулина сбежала! — вскричал в интеркоме голос Юнии. — Убила Луизару и сбежала!
Себастьян в ужасе воззрился на невесту, ибо ее побег был преподнесен совсем в ином свете.
— Это ложь! — побледнела девушка. — Робот всего лишь сделал ей усыпляющий укол!

— Именно так! — тут же поддакнул электронный Гарольд. — К сожалению, шприца хватило только на одну инъекцию, а отправлять дрон на сервисное обслуживание было банально некогда. Иначе бы я не прятал вас от попавшейся на пути Юнии, а заткнул ей рот точно таким же образом. Вероятно, она только что явилась в медотсек и обнаружила Луизару. Спящую, а не мертвую, но то ли Юния впопыхах не разобралась, то ли нарочно приводит в ярость Мартина.
— А. Тогда ладно, — Себастьяну заметно полегчало, а в его взгляде, обращенном на девушку, погасли разгоравшиеся было страсти.
— Напрасно успокоился, — зловеще произнес робот. — Как ты думаешь, куда сейчас направляется Лансберг?

Замечание оказалось очень даже по существу. Обнаружив побег Гарольда, Мартин вне себя от злости тут же ринулся в медотсек. Он не собирался сводить счеты с Аулиной, но было самое время проверить, насколько старший брат любил свою сестру. И пусть только жирная свинья попробует не сдаться! Уж Мартин сумеет придумать, как его убедить! Он находился как раз на полпути в медотсек, обдумывая методы давления на заложницу, когда выяснил, что его оставили в дураках. После сообщения Юнии все членовредительские фантазии тут же утратили актуальность так толком и не успев сформироваться. У Гарольда хватило ума не только удрать самому, но и прихватить с собой сестру. Впрочем, учитывая услышанное по интеркому, все могло произойти и наоборот. Аулина, до сих пор прикидывавшаяся ангелочком, без зазрения совести убила Луизару, покинула медотсек, освободила братца, и они оба скрылись в неизвестном направлении. Ну, далеко им не убежать! Где бы эти крысы ни спрятались, Мартин их найдет и… Стоп! А если они и не собираются прятаться? Гарольд — та еще сволочь, но он отнюдь не идиот и прекрасно понимает, что рано или поздно Лансберги перевернут весь звездолет и найдут его убежище. Аулина также отнюдь не слабоумная. Вывод? Они не станут забиваться в нору, а перейдут к решительным действиям. И для этого у них есть только один способ!
— Проклятье! Если я прав, я грохну на месте обоих! — прорычал Мартин, от избытка чувств шарахнув кулаком в стену.
Та была очень прочной. Скафандр, снабженный могучим экзоскелетом и защитным полем, тоже. На стене осталась вмятина, а перчатка армейской амуниции обзавелась парой свежих царапин. Юния меж тем продолжала надрываться, призывая зятя по общей связи. Чертыхаясь, Мартин воспользовался ближайшим интеркомом и велел ей оставаться на месте. Это же он приказал и всполошившейся Кимберли, отдыхавшей в домашней секции с Никки и

Вайолет. Обеим женщинам надлежало занять оборону. Любой член экипажа не из семьи Лансбергов или Апрайтов, попытавшийся проникнуть в медотсек или детскую, должен быть немедленно атакован плазменной горелкой. Что же касалось самого Мартина, то он во всю прыть устремился к ангару.

Уяснив, что пышущий яростью Лансберг вот-вот будет здесь, беглецы почувствовали себя очень неуютно. План Гарольда начинал им нравиться все меньше и меньше. Правда, выразить ему свое неудовольствие они толком не успели. Где-то недалеко раздался грохот. Аулина и Себастьян испуганно обернулись в направлении его раскатов, донесшихся из глубины коридора. В отличие от них, роботы, чинно резавшие стальную дверь ангара, никак не отреагировали на подозрительный шум. Не отреагировали они и на целую серию взрывов, грянувших с того же направления, от которых сотряслись пол и стены. Себастьян попятился. Судя по выражению лица Аулины, она тоже была очень даже не прочь сбежать.

— Стойте на месте! — велел электронный Гарольд.

— Что там происходит?! — с вполне обоснованной тревогой воскликнул ученый.

— Мартин. Идет сюда, — лаконично пояснил бородач устами все того же дрона.

— Тогда мы идем ОТСЮДА! — решительно заявил Себастьян, хватая девушку за руку.

— Не валяй дурака! Уйдете сейчас — нам всем несдобровать, а другого шанса уже не будет! — изрек управляемый Гарольдом дрон, резво преграждая ему дорогу.

Отступать он явно не собирался, как не собирался и беспрепятственно пускать Лансберга к ангару. Именно этим и были вызваны чрезвычайно громкие звуки, похожие на звуки боя. Собственно, нечто вроде боя там как раз и происходило.

До ангара оставалось довольно недалеко, когда навстречу Мартину подвернулся сервисный робот. Не просто подвернулся, а сунулся прямо под ноги. Астронавт едва не потерял равновесие. В режиме обычного перемещения скафандр не усиливал каждое свое движение, а глупая самоходная железяка, явно не смотревшая куда прет, оказалась весьма тяжелой. Отпустив крепкое ругательство, пошатнувшийся Мартин двинулся дальше, но тут же столкнулся с другим роботом, выкатившим на манер первого. На сей раз человек в скафандре чуть не упал, отчего окатил неуклюжую технику потоком отборной брани. Его словоизлияния длились недолго. Налетевший со спины дрон со всего маху ткнул астронавта в плечо, отчего тот окончательно утратил устойчивость и грох-

нулся на пол. От удивления Мартин, едва не прикусивший язык, даже перестал сквернословить. Поднявшись, он уставился на нахальную конструкцию, осмелившуюся толкнуть члена экипажа. Пронесшись над поверженным астронавтом, она развернулась и степенно направилась обратно, будто желая принести извинения. Скафандр, что ли, их с толку сбивает?

— Эй, железные болваны! Смотрите куда прете! — раздраженно бросил Мартин, отнюдь не предрасположенный к светским любезностям.

Меж тем второй робот и не думал убираться с дороги. Строго наоборот — он будто нарочно сместился, чтобы очутиться прямо перед человеком. Рассерженный его поведением, Мартин отвесил ему хорошего пинка. Теперь скафандр не подвел; сервоприводы сработали как положено. Робот опрокинулся и шумно покатился прочь, обзаведясь на боку внушительной вмятиной. Злорадно усмехнувшись, Мартин двинулся было дальше, однако новый удар в спину заставил его покачнуться. То объявился еще один дрон, куда крупнее и проворнее предыдущего. Он повторил маневр своего собрата, и уже не в одиночку. Первый робот, успевший выкатить откуда-то сзади, так ловко сунулся астронавту под ноги, что он тут же свалился вновь. Мартин рассвирепел. Взвившись словно подброшенный пружиной, он удостоил беспардонную машину вполне заслуженной ей наградой. Гремя стальными боками, первый робот кубарем последовал за вторым, однако ни того ни другого трепка явно ничему не научила. Быстро обретя равновесие, оба механизма снова устремились к Мартину, не иначе как желая добавки. Намерения летающих дронов также вызывали вопросы. Их траектория упорно пересекалась с местонахождением человека. Не прозевав очередное столкновение, Мартин увернулся и махнул кулаком. Удар пришелся в воздух, ибо дрон тоже не сплоховал, но его товарищу, летевшему следом, повезло меньше. Отброшенный сжатой перчаткой скафандра, он врезался в стену и упал на пол. Испуская озадаченное жужжание, машина принялась елозить туда-сюда, пытаясь восстановить ориентацию в пространстве. Ее приятелей это ничему не научило. Когда Мартин, выпустив пар, опять устремился к ангару, они дружно преградили ему путь.

— Ну что ж, вы сами напросились! — свирепо рявкнул Лансберг.

Церемониться с роботами он более не собирался. Орудийный ствол, наведенный на наглую троицу, выплюнул порцию плазмы, только не обычную, а поляризованную, то есть дополнительно заряженную значительной энергией. Два режима ведения огня имели разное предназначение. Первый вызывал типичное поражение активным веществом без какого-либо дополнительного эффекта,

каковым Мартин, в частности, воспользовался на мостике. Второй имел меньшую проникающую способность, зато провоцировал сильный взрыв. Этот взрыв, сотрясший стены коридора, раскидал упрямых роботов как кегли, раз уж они не желали разойтись с астронавтом по-хорошему. Путь был расчищен, и Мартин, досадуя на задержку, сделал несколько шагов к ангару, как вдруг перед ним объявилось разом с полдюжины новых машин.

— Эге! Да вы тут не просто так! — воскликнул он, осененный внезапной догадкой.

Поведение роботов становилось слишком подозрительным, чтобы списать его на банальную неполадку в логистике. Не иначе как тут не обошлось без Гарольда! Если так, то вот вам и наглядное доказательство его вины! Что ж, им же хуже. Ощерившись в зловещей улыбке, Мартин навел орудия сразу на две цели. В следующее мгновение что-то сильно рвануло его за правую ногу. Трос, выпущенный подкравшимся сзади роботом, был оснащен магнитным захватом, надежно обосновавшимся на металле скафандра. Потянув его на себя, робот попытался опрокинуть не ожидавшего этого человека. Возможно, астронавт сумел бы устоять, только другой робот точно таким же манером атаковал его левую ногу. Два троса, усердно сматываемые практически синхронно, привели к закономерному результату. Мартин в третий раз грохнулся на пол, на сей раз ничком. И на сей раз он уже не строил иллюзий касательно выходок сервисной техники.

— Ну, паскуды, получайте! — зарычал он.

Армейский скафандр позволял стрелять в любом положении, если цель оказывалась в пределах досягаемости. Орудийные стволы, сделав поправку на положение пользователя, изрыгнули залп. Двух впередистоящих роботов тут же разнесло в клочья. Их дымящиеся обломки еще сыпались по всему коридору настоящим металлическим дождем, а Мартин уже навел оружие на других. Еще один залп — и еще два робота практически взорвались, усеяв окружающее пространство искореженными частями. Меж тем астронавта продолжали усердно тянуть. Пленившие его роботы фактически уезжали с ним в противоположном от ангара направлении, бесцеремонно таща человека по полу. Вконец осатаневший Мартин крутанулся вокруг своей оси. Он мог бы и сам использовать магниты или надежно закрепиться каким-нибудь иным способом, однако бушевавшие эмоции требовали силового решения проблемы. Приподнявшись, астронавт сумел поймать в прицел парочку наглецов, к которым уже прибывало внушительное подкрепление. Орудийные дула вновь озарились испускаемыми зарядами плазмы. Один за другим роботы принялись лопаться будто

мыльные пузыри, сражаемые точными выстрелами автоматической системы наведения. Против оружейной мощи "Штурмовика" они были совершенно бессильны. Ну, почти бессильны. В какой-то момент Мартина снова крутануло, поскольку зашедший с тылу дрон повторил трюк с тросом. Из-за этого в стену коридора угодила целая очередь, лишь каким-то чудом не пробив ее насквозь, ибо астронавт, внезапно развернутый на сто восемьдесят градусов, продолжал стрелять. Да, именно на сто восемьдесят, ибо дрон не только заарканил человека и потянул на себя, но и сам при этом во всю прыть припустил за его спиной. То была последняя капля. Мартин пришел в неистовство и принялся разряжать орудия туда и сюда, расстреливая все, что шевелилось. Поверженные роботы либо взрывались на месте, либо отбрасывались далеко прочь, разваливаясь прямо в воздухе. Их обломки, искореженные до неузнаваемости, нагромождались друг на друга быстро растущими баррикадами.

Вскоре бой прекратился. Яростно расстреляв последний дрон, рухнувший оплавленными кусками металла и сожженной электроники, Мартин окинул презрительным взором поле битвы, а затем продолжил путь. Какое-то избиение младенцев. Интересно, на что рассчитывал этот недоумок Гарольд? Неужели он всерьез воображал, что жалкие консервные банки способны навредить человеку в облачении "Штурмовик-4"? Ответ пришел к Мартину спустя какую-то минуту, когда он увидел, как Аулина и Себастьян исчезают в дыре, проделанной в двери ангара. Ее опаленные края уже не светились вишневым, поскольку роботы предусмотрительно обработали их мощным хладагентом. За свой ударный труд они и поплатились, когда заоравший Мартин, сообразивший, как его провели, прямо-таки смел их ураганным огнем. Тем не менее, свою задачу героически погибшая четверка выполнила. Ученый и его невеста проникли в ангар вместе с успевшим нырнуть туда же болтливым дроном.

— Э, нет, голубчики! Так просто вам от меня не сбежать! — бушевал Лансберг.

Вихрем подскочив к дыре, он убедился, что в скафандре туда не протиснуться, и запальчиво всадил в нее несколько добрых порций плазмы. Затем, обеспокоившись возможными последствиями столь необдуманной пальбы, шагнул к управляющей панели и набрал код разблокировки. Дверь загудела, да так, что аж пол под ногами затрясся, однако ее створки и не подумали разойтись. Мартин оторопело воззрился на им же возведенную преграду, внезапно вышедшую из повиновения. Ему не пришлось долго гадать, чем это было вызвано. В зазоры между дверью и стеной чья-то до-

брая душа всадила сварочные клинья. В отличие от обычных, механических, они реагировали на внешнее давление. Когда дверь попыталась уйти в стенной паз, она сжала их в достаточной степени для того, чтобы вызвать технологическую реакцию. Клинья превратились в сгусток активного вещества, проникающего практически в любую незащищенную структуру на атомарном уровне. Они фактически сваривали все вокруг себя не хуже сервисного робота, отчего и носили соответствующее название. Теперь дверь в ангар нельзя было вскрыть даже ломом. Последствия работы клиньев, вполне, между прочим, полезных в различных промышленных и ремонтных задачах, устранялись только чем-то вроде плазменной горелки. Мартин сгоряча попробовал расстрелять дверь, но толстый тугоплавкий металл ангара плохо поддавался такому натиску. С другими проходами, включая грузовой, у него вышло ничуть не лучше. Проклятые клинья оказались натыканы повсюду, и вытащить их без помощи служебных дронов возможным не представлялось. А ведь эти поганцы, не иначе как по наущению Гарольда, наверняка их туда и засунули. Лансберга обуяло такое бешенство, что он аж сам себе удивился. Определенно, теперь бородачу лучше ему в руки не попадаться! С каким-то ледяным спокойствием, за которым на деле бушевали чудовищные страсти, Мартин отошел к противоположной стене, где еще недавно стояли Себастьян с Аулиной, и вновь взял дверь на прицел. До сих пор использование аннигиляционной пушки было не самой удачной идеей, особенно на высокой мощности. Звездолет — не планета. В отличие от плазмы, процесс аннигиляции не церемонился и в радиусе поражения расщеплял все до последнего атома. Попытка уничтожить одну небольшую цель могла привести к громадной дыре между палубами, чреватой потерей важного оборудования и коммуникаций, а то и брешью в открытый космос. Ну да теперь Мартину не до церемоний! Отклонив выскочившее предупреждение, своевременно вынесенное бортовым компьютером скафандра, он зарядил аннигилятор на семьдесят процентов мощности. Затем, едва прицел принял зеленую сигнальную окраску, разрядил орудие в заваренную преграду.

В дурных намерениях Мартина ни ученый, ни его невеста более не сомневались. Град выстрелов, поливавших коридор по другую сторону двери, безжалостно уничтожил четверку роботов, успевших проделать им путь к спасению. Учитывая выкрики Лансберга, громогласно сотрясавшие подходы к ангару, Себастьяна и Аулину ждала бы точно такая же незавидная участь.

— Живее! Живее! — торопил электронный Гарольд, последним успевший проникнуть в прорезанную дыру. — Двери долго не про-

держатся!
Беглецы, благоразумно решив не пререкаться, последовали за ним, и крайне своевременно! Мартин был не в состоянии протиснуться в узкое отверстие, однако сгоряча пальнул туда пару раз, надеясь поразить ускользнувших пленников. Аулина и Себастьян уже покинули зону поражения, и им ничего не грозило, однако они всерьез испугались за челнок. Если взбешенный Лансберг его повредит — пиши пропало! К счастью, до того тоже дошла вся чреватость подобной выходки, поэтому выстрелы внутрь ангара быстро прекратились. Вместо этого Мартин попытался открыть дверь, чем вызвал срабатывание сварных клиньев.
— Толково придумано! — не удержался от комплимента Себастьян, ибо Гарольд успел поведать о принятых мерах защиты.
— Еще минута-другая — и он применит аннигилятор, так что советую поспешить! — наставительно отозвался дрон.
Ученый и его невеста мешкать и не собирались, однако они допустили бы фатальную ошибку, не приглядывай за ними теперь уже два летающих помощника. Медицинский шар тоже успел спастись, первым нырнув в образовавшуюся брешь. Теперь он шустро преградил путь девушке и ее жениху, намеревавшимся добраться до скафандров. Те были сложены в дальнем углу ангара, где располагалось всякое вспомогательное оборудование.
— Не туда! — возопил электронный Гарольд. — Бегом в челнок!
Кажется, здесь он тоже времени даром не терял, поскольку пассажирский шлюз "Диаманты" был не просто открыт, но и гостеприимно поджидал беглецов опущенным трапом. Внутри планетарного катера горел свет, а его бортовые системы оказались готовы к прибытию людей. Последнее оказалось немаловажно, учитывая положение беглецов.
— Мы же здесь будем как в ловушке! — выразил сомнение ученый, взбегая по трапу из программируемого сплава, умевшего менять форму в зависимости от внешней среды.
— Наоборот! Именно тут вы в наибольшей безопасности! — возразил летевший следом дрон.
Расчет Гарольда был чрезвычайно прост, и вскоре Себастьян с Аулиной имели удовольствие убедиться, как он полностью оправдался. Облачение в армейский скафандр требовало определенного времени, которого у беглецов попросту не было, особенно направься они в дальнюю часть ангара. Меж тем на борту челнока также имелось целых три скафандра, заранее размещенных там как часть снаряжения для высадки. Более того, энергосистема "Диаманты" уже зарядила их на максимум энергии.

Зиявшая вырезом ангарная дверь испарилась в мгновение

ока. Точнее, не испарилась, а распалась на микрочастицы под воздействием процесса аннигиляции. Вместе с ней распалась и немалая часть окрестных объектов, очутившихся в зоне поражения. Стены вокруг двери обрели новые, будто дымящиеся края в виде вогнутого полумесяца. Точно такой же полумесяц образовался над исчезнувшей дверью. Его тоже подернула дымка, ниспадавшая под действием гравитации. То были крошечные частички вещества, взвившиеся в атмосферу звездолета шуршащим облаком. Пол пострадал куда серьезнее. В нем появилось внушительное сферообразное углубление, напоминавшее воронку от столкновения с метеоритом. В бортах воронки зло искрили и трещали оголившиеся кабели, орошаемые густой, масляного оттенка жидкостью. Короткое замыкание не заставило себя ждать. Свет в ангаре внезапно замерцал, а в отдалении что-то громко бабахнуло, выплюнув в атмосферу клубы едкого дыма. Не иначе как полетел один из распределителей питания ангара. К счастью, конструкция электрики предполагала нелинейное соединение и запасные узлы. Автоматика, вырубив пострадавший компонент, направила подачу энергии по альтернативным линиям и ничего особенно критичного в итоге не произошло. Было бы куда хуже, проделай Мартин дыру между палубами. Перестарайся он с мощностью аннигилятора — и зиять бы ей сейчас в радиусе пары десятков футов, что почти наверняка поставило бы крест на герметичности ангара. К счастью, обошлось. Войдя в проделанную брешь, Мартин поискал глазами и не обнаружил ни малейших признаков бывших друзей. Да — теперь уже, вне всяких сомнений, бывших! Ангар был пуст, не считая привычно находившихся на своих местах грузов и техники. Единственным движением, привлекшим внимание астронавта, оказался закрывавшийся шлюз "Диаманты". Мартин мгновенно сообразил, куда подевались беглецы, и отчего их нет в дальнем углу, где хранились скафандры. Себастьян и Аулина, не будь дураками, забрались на челнок, где лежали снаряженные к высадке "Штурмовики" в количестве трех экземпляров. Там они и заперлись, чтобы беспрепятственно облачиться в армейскую амуницию. У Лансберга аж в голове помутилось, когда он понял, как его снова провели. Расчет беглецов был чрезвычайно прост и при этом совершенно верен. Оружие, пригодное практически в любом ином случае, становилось бесполезным. Стреляя в челнок, Мартин с таким же успехом мог всадить себе пулю в голову, причем не только себе, но и своей семье. "Диаманта" была единственным средством, связывающим экипаж "Корундоры" с планетой и харвестерами. Вред челноку приравнивался к самоубийству. Ярость чуть не ослепила Лансберга, насилу удержавшегося от расстрела

судна. Взбежав по трапу, он попытался проникнуть в пассажирский шлюз, но это ожидаемо не удалось.

В припадке бессильной злости Мартин принялся палить во все, что попадалось ему на глаза, осыпая закрывшихся в катере людей неистовой бранью. Аулине даже показалось, что он и впрямь помешался, а это было чревато неадекватным поведением, включая уничтожение "Диаманты". Электронный Гарольд выразил мнение, что девушка недалека от истины, однако не все так плохо. Смерть отца и впрямь помрачила рассудок сына, и без того угнетенный тяжелым положением экипажа вообще и его семьи в частности. Наложили свой отпечаток и старания Кимберли, пребывавшей в остром психозе. В результате Мартин, что называется, временно перестал отличать добро от зла, отчего и напал на недавних друзей, вменяя им всяческие преступления. Да, сейчас он чрезвычайно опасен, однако не настолько, чтобы погубить весь экипаж "Корундоры". В противном случае рекомендации Гарольда насчет персоны Лансберга были бы принципиально иными.

— Не все так плохо?! — недоверчиво осведомилась Аулина, торопливо облачавшаяся в скафандр. — То-то я и слышу!

Было нетрудно догадаться, что она имела в виду. Снаружи доносился гул и грохот, сопровождавший неистовство Мартина. Пустые бочки из-под топлива раскатывались будто сносимые в боулинге кегли. Рвались баллоны с инертным газом. В клочья разлетались ящики с припасами. Малые грузовые контейнеры превращались в решето, а иные и вовсе сгорали без остатка. Нескольких роботов-заправщиков разнесло на молекулы. Мартин опомнился лишь тогда, когда включилась система пожаротушения. Открытого огня было немного, но недопустимый расход кислорода живо привел дебошира в чувство. Даже для охваченного бешенством разума пожар в ангаре представлялся чем-то очень нежелательным. А если рванут цистерны с топливом…

— Кажется, успокоился, — заметил Себастьян, упаковываясь в свой скафандр.

— Как бы не так! — немедленно разочаровал его электронный Гарольд. — Он лишь перестал палить во все подряд и теперь соображает, как поступить дальше.

Аулину куда больше беспокоило как дальше поступить ИМ, о чем она незамедлительно и заявила. Вне всяких сомнений, в скафандрах беглецы защищены куда серьезнее, чем в комбинезонах, однако Мартин еще и вооружен. Силы, мягко говоря, не равны, а бесконечно долго сидеть в челноке — тоже не выход. Рано или поздно беглецам придется выйти, а перспектива очутиться под ураганным огнем ее ничуть не воодушевляла.

— Это верно! — озабоченно поддакнул ученый. — Где-то там, между прочим, мой отец, мой двоюродный брат, да и ваши с Аулиной родственники! Если мы не придем им на помощь, Лансберги наверняка учинят с ними что-нибудь худое!
— Между прочим, я про них ничуть не забыл! — как-то даже обиделся говорящий дрон. — Сколько раз повторять: доверьтесь мне, я знаю, что делаю!
— А Мелиюбиус?! — не унимался Себастьян.
— Да, а Мелиюбиус?! — с жаром поддержала его Аулина. — Я не хочу лишиться моего лучшего друга!
— Ему ничего не угрожает, — как-то сразу подобрел электронный Гарольд. — Для Мартина он тоже слишком ценен. В конце концов, у Лансбергов есть резервный план В. Полагаю, вы не удивитесь, что они всерьез подумывали выдать Мелиюбиуса "Галактик текнолоджис", надеясь выторговать себе преференции. Было бы наивно воображать, что Мартин и Кимберли предпочтут смерть своего ребенка попытке спасти его и спастись самим. Такой героизм только по части моего… друга Себастьяна и его невесты. То есть моей обожаемой сестры.
— Откуда тебе это известно? — ахнула Аулина.
— П-ф-ф-ф-ф, — издал дрон не присущий роботам звук. — Тут не надо быть гением, чтобы догадаться, зачем Мартин, Сонмер и Кимберли вразнобой задавали мне вопросы о потенциальном времени прибытия кораблей корпорации. Уверяю вас: когда кислорода останется всего на двое суток, а реактор все еще не будет заправлен, они без колебания используют межзвездную связь. Ну а кто явится первым — военные с "Контилады" или наемники с "Элегии" — это уж как судьба распорядится.
По большому счету, Гарольд ничего нового Аулине и Себастьяну не открыл и какую-то вселенскую истину не выложил. Положа руку на сердце, те и сами в глубине души о чем-то таком догадывались. Ведь и в самом деле: с чего бы Лансбергам и Апрайтам жертвовать собой во имя чужих идеалов? Да, причин сбежать с "Элегии" у них было предостаточно — факт, — однако если уж выбирать между неотвратимой гибелью и хоть каким-то шансом на спасение, они наверняка предпочтут не смерть от гипоксии. И пусть даже с перспективой гражданской войны и падения Третьей Республики. Все это выглядело чертовски логично, поэтому ученый и медсестра были вынуждены признать правоту Гарольда. Правда, Аулина сделала из осознанных реалий неожиданное умозаключение.
— Значит, исходя из той же логики, Мартин предпочтет расстрелять нас на месте, а не вступать в переговоры! — мрачно сказала она, подключая систему жизнеобеспечения скафандра. — Это

ведь максимально снизит всякий риск для его семьи. Остальных он, может, и пощадит как рабочую силу, включая того же Элмера, а вот нас — прямую угрозу своей жизни и власти — попросту уничтожит. Эти скорлупки не смогут долго противостоять лавине огня из плазмы, а про аннигилятор я вообще молчу.
— Так оно и будет, — с готовностью согласился электронный Гарольд. — Если бы не маленькое НО, — с хитринкой добавил он, позволив себе насладиться унынием, немедленно охватившим спасенных им беглецов. — Одному вооруженному человеку станут противостоять двое. Угадайте, кто.
Себастьян в шарады играть не желал. С его точки зрения, Гарольд сейчас нес какую-то ахинею. Противопоставить арсеналу "Штурмовика" им решительно нечего, а если бородач намекает на вооружение скафандров, то они не в состоянии его активировать. Вот Мартин, видимо, узнал, как это сделать, раз начал палить направо и налево, ну дак он вряд ли поделится секретом.
— А с чего ты взял, что это работа Мартина? — расхохотался дрон.
— Просто при высадке на планету ему достался скафандр Аулины — вот и вся его заслуга. Такую случайность я предвидеть никак не мог.
— А при чем тут Аулина? — растерялся Себастьян.
Выяснилось, что очень даже при чем. Девушке пришлось рассказать про тот небольшой инцидент, когда ее наглухо завалило в стволе пещеры. До сих пор она не знала, каким именно образом внезапно включилось оружие, требовавшее специального кода доступа и дополнительной энергоячейки. Теперь, после красноречивого признания Гарольда, ей все стало ясно.
— Я только не пойму, отчего ты не выключил орудия еще тогда, когда в них отпала всякая надобность, и тем более не пытаешься сделать это сейчас! — недоумевала Аулина, пока ученый, разинув рот, переваривал новую порцию сногсшибательной информации.
— К сожалению, процесс оказался односторонним, — вздохнул электронный Гарольд. — Я же взломал систему, а не использовал ее штатный функционал. Включив оружие ради твоего спасения, я уже не сумел его деактивировать. Пушки Мартина мне неподвластны, однако я в состоянии повторить эту процедуру на ваших "Штурмовиках"!
Беглецы переглянулись. Так вот каким образом бородач собирался достичь паритета с Лансбергом! Не имея возможности его обезвредить, он вознамерился вооружить сестру и ее жениха, причем не особо интересуясь их согласием. В интерфейсе скафандров тут же что-то запиликало, а бортовые компьютеры стали сообщать о происходивших системных изменениях. Аулина испытала своеоб-

разное дежа-вю, когда сначала перераспределилось энергоснабжение узлов, а затем боевая часть "Штурмовика" вступила в строй. Именно так и произошло тогда — там, на планете, во время приступа охватившей ее паники.
— Невероятно, — прошептала девушка, поражаясь талантам своего старшего брата. — Как ты это сделал?..
Выяснилось, что дистанционно, пользуясь услугами находившегося рядом робота. В прошлый раз это была Трешечка, чья необычная самоотверженность наконец-то получила объяснение, а теперь — маячивший рядом дрон. К сожалению, вторжение в скафандр Мартина исключалось. Тот, не будь идиотом, давно заблокировал все каналы связи. Это не позволяло ему полноценно контактировать с внешними устройствами, зато на корню пресекало любую диверсию со стороны Гарольда.
— Значит, война, — одиноко констатировала Аулина, ибо потрясенный ученый все еще не обрел дар речи и лишь молча слушал разговор своей невесты с ее братом. — Надеюсь, нам все же удастся вразумить Мартина, иначе стрельба возле челнока может кончиться весьма и весьма плачевно.
— Я бы об этом не беспокоился, — заметил электронный Гарольд.

Когда зажглись оранжевые сигнальные огни и завыла сирена пожарной тревоги, Лансберг, разносивший в пух и прах убранство ангара, более-менее пришел в себя. Из-за прорехи в двери герметичность отсека была нарушена, поэтому система безопасности не запускала откачку воздуха. Кроме того, внутри находились люди, ибо облаченный в скафандр Мартин воспринимался ей как уязвимый член экипажа. Таким образом, защитные меры включились лишь частично. Гасить пламя, возникшее в результате неистовства астронавта, ринулись пожарные роботы. Согласно инструкции, одно из их звеньев базировалось непосредственно в ангаре, причисленном к самым важным помещениям звездолета. Подобравшись к очагам возгорания, они выпустили струи хладагента, а заодно и мелко пузырящуюся пену. Тем временем снаружи, проникая через проделанную аннигилятором дыру, начали появляться другие машины. Спеша на помощь, они присоединялись к процессу пожаротушения. К счастью, пламя вздымалось не слишком бурно и в целом не угрожало никакими серьезными последствиями, кроме дополнительного расхода кислорода. Мартин, созерцая учиненное бедствие, остыл еще больше. Точнее, не то чтобы остыл, но стал рассуждать куда вменяемее. Итак, атака челнока исключалась. Открыв пальбу, он почти наверняка проделает брешь в корпусе, а то и повредит какое-нибудь критически важное оборудование. Тогда к харвестерам на южный полюс Альфы уже не по-

падешь, а это в планы Мартина отнюдь не входило. Но в таком случае стоит ли торчать в ангаре, карауля Себастьяна и Аулину? А ну как они решат безвылазно сидеть на челноке, переложив на Лансбергов все усилия по спасению? Подобная стратегия выглядела и безопасной и вполне эффективной. Нет, вряд ли. Мартин слишком хорошо знал эту парочку, и та наверняка придумает что-нибудь получше, особенно заодно с Гарольдом. Но что? Тут самое время было вспомнить про активированное оружие в скафандре. Мартин понятия не имел, каким образом это произошло, однако элементарная логика подсказывала: то, что случилось один раз, может произойти снова. Если Себастьян и Аулина обзаведутся пушками, то он окажется в очевидном меньшинстве, и тогда положение Лансбергов, ныне безоговорочно доминирующее, станет весьма шатким. Если тот же Гарольд включил боевой режим на одном скафандре, он вполне способен повторить этот трюк и на другом. А кроме него было просто некому! Правда, в эту картину несколько не вписывалось оружие самого Мартина. Ну какой идиот снабжает потенциального врага плазменными орудиями, когда готовится погубить его семью?! Но при желании можно было дать ответ и на этот вопрос. Скафандр изначально предназначался кому-то другому, а к Лансбергу попал случайно. В свете того, что состав экспедиции неоднократно пересматривался, такая накладка выглядела очень даже вероятным. Гарольд мог допустить банальную ошибку и не уследить за распределением скафандров, что, видимо, и произошло.

Придя к определенным умозаключениям, вполне объяснявшим происходящее, Мартин начал соображать быстрее. Значит, Себастьян и Аулина вот-вот объявятся из челнока, вооруженные не хуже него. А может и лучше, поскольку недавняя стрельба отняла немало энергии. В этом случае грядущая схватка запросто может сложиться не в пользу Мартина. Он имел превосходящий опыт поражения целей, зато врагов будет двое, а против двойной мощи защита "Штурмовика" падет на столько же быстрее. Стало быть, лучше не вступать в столкновение немедленно, а попытаться выровнять меняющийся баланс сил. Каким образом? Да точно таким же, как и бывшие друзья! Они завладели скафандрами в челноке, однако остальные скафандры все еще лежали там, где им и полагалось.

На фоне пламени, лизавшего стены ангара, и моросящего дождя фигура в скафандре выглядела довольно зловеще. Огонь вздымался отдельными, но многочисленными очагами, а дождь проливался с потолка стараниями системы пожаротушения. То была не вода, а жидкая углекислота. Выбирая как ему ликвидиро-

вать возгорание, искусственный интеллект, лишенный доступа к питьевому ресурсу, использовал альтернативный вариант. Скачок концентрации диоксида углерода угрожал жизни людей, однако оборудование ангара ввиду своей важности получило более высокий приоритет. У экипажа при этом оставался путь для эвакуации, каковым выступала уничтоженная входная дверь. Она же, к сожалению, служила и путем утечки углекислоты в другие отсеки звездолета, но ее излишки довольно эффективно удалялись вентиляцией, включенной на полную мощность. Действия компьютера, сумевшего грамотно среагировать в нестандартной ситуации, заслуживали похвалы. Впрочем, Мартин подозревал, что сейчас отнюдь не искусственный интеллект командовал тушением пожара, а жирная свинья, хорошенько поднаторевшая на мостике. Та же самая, что точно таким же вмешательством вполне могла спровоцировать гибель Ванды, когда осваивала бортовые системы "Корундоры". Но спровоцировать ли?.. Поглядывая по сторонам, Мартин теперь не исключал и прямой умысел. Ванда была против брака Аулины и Себастьяна, а Гарольд, не любивший никого кроме себя и сестры, запросто мог избавить будущего свояка от проблемной родственницы, заодно сэкономив за ее счет драгоценный кислород. С него станется.

Кажется, идея, пришедшая в голову Лансбергу, успела осенить и кого-то еще. Кого-то, кто имел возможность наблюдать за ангаром и командовать тамошними дронами. В белых клубах, повсеместно вздымавшихся из-за испарения углекислоты, Мартин увидел пару сервисных дронов из числа прилетевших на тушение пожара. Вот только очаги возгорания их явно не интересовали. Пользуясь отличным прикрытием, отвлекавшим внимание астронавта, они подхватили один из скафандров и пытались его унести. Недолго думая, Мартин тут же взял воров на прицел. Летающие машины взорвались, сраженные зарядами плазмы, а их искореженные части раскидало далеко в стороны. Само собой, Лансберг тут же удвоил бдительность и, как тут же выяснилось, не напрасно. Слева от него, скрываясь в густой белой завесе, один из роботов тащил другой скафандр. Орудия, живо поймавшие цель, не позволили ему безнаказанно утащить добычу. Фрагменты развалившегося робота укатились в снопы все еще вздымавшегося пламени. Его судьбу разделил еще один робот, под шумок пытавшийся обогнуть Мартина справа, а следом за ним, выронив "Штурмовик", обугленными кусками рухнула вторая пара дронов. Больше охотников добраться до армейской амуниции не находилось. Пользуясь возможностями автоматической системы наведения, Лансберг внимательно наблюдал за суетившимися роботами, но

теперь они занимались исключительно пожаром.

Дождь из углекислоты шел на убыль по мере того, как гасло пламя. Теперь обширный ангар практически утонул в плотных белых клубах, будто его залил предрассветный туман. Мартину они ничуть не мешали контролировать окружающее пространство, благо что начинка армейской амуниции работала безотказно. Тем не менее, кого-то он все же упустил. Добравшись до места складирования "Штурмовиков", астронавт сделал пренеприятнейшее открытие. Одного скафандра не хватало. Три единицы находились на борту "Диаманты", три валялись на полу ангара, отбитые у расстрелянных роботов, и два предстали глазам Мартина. С учетом того, в который он был сейчас облачен, получалось девять штук. Десятый бесследно исчез. Заскрежетав зубами, Лансберг погрозил кулаком невидимому Гарольду, но стрелять ни во что не стал. Хватит пока огня и разрушений.

Первым порывом Мартина было взять только пару "Штурмовиков", а остальные повредить, чтобы лишить их всякой практической пользы, или вовсе уничтожить. Он уже собрался применить аннигилятор, как в последний момент передумал. Тяжелое положение людей на "Корундоре" не позволяло вот так запросто разбрасываться ценнейшими ресурсами. А ну как часть уцелевших скафандров выйдет из строя, особенно с учетом грядущей перестрелки? В чем тогда отправляться за харвестерами? Нет уж, лучше обойтись без саботажа и забрать всю амуницию целиком. Рассудив таким вполне здравым образом, Лансберг собрал "Штурмовики" и сцепил их друг с другом, использовав для этого встроенные транспортировочные захваты на локтях и коленях. Ему не составило труда потащить их за собой, ибо экзоскелет легко оперировал и кратно большей тяжестью.

На момент боевой активации скафандров Себастьяна и Аулины их противника в ангаре уже не было. Когда беглецы, из беззащитных жертв перешедшие в статус грозной силы, осторожно спустились по трапу челнока, Мартина и след простыл. Собственно, для Гарольда это не оказалось сюрпризом, учитывая его слова "я бы об этом не беспокоился".

— Не забудьте третий скафандр! Он вам еще пригодится! — напомнил бородач устами все того же дрона.

Обернувшись, Себастьян и Аулина увидели подкатившего робота, услужливо тащившего за ними увесистую ношу.

— Где Мартин? Ты его видишь? — деловито осведомилась девушка, привыкая к своему новому амплуа.

— В известном смысле. Я не наблюдаю его вашими глазами, но фиксирую перемещение по звездолету с помощью самых разных

средств, — помедлив, как-то запутанно отозвался электронный Гарольд.
— НАШИМИ глазами? — невольно переспросила Аулина, озадаченная этим непонятным изречением.
— Да, я его вижу! Остальное не берите в голову, чтобы не утонуть в технических дебрях! — поспешно уточнил дрон. — Мартин сейчас движется по направлению к мостику.
— А нам куда? К тебе? Где ты, кстати, находишься? — поинтересовался ученый, более не ставивший под сомнение лидерство старшего брата своей невесты.
— Нет не ко мне. В отличие от остальных я-то как раз в полной безопасности, и где я нахожусь — в данную минуту значения не имеет, — выразительно сообщил электронный Гарольд. — Сейчас вам предстоит выручить родных, а с этим лучше не затягивать. Пока что Лансберги заняты другими заботами, но скоро они придумают, как использовать пленников в своих целях.
— Ты же говорил, что мой отец в безопасности! — возмутился Себастьян.
— Так оно и было! — спокойно ответил дрон. — Только бесконечно долго это не продлится, особенно если ты будешь торчать здесь столбом и пререкаться!
— Что нам делать? — прервала начинавшуюся перепалку Аулина, не желавшая терять время попусту.
— Вот это конструктивный подход! Мы с тобой далеко пойдем, напарница! — одобрительно произнес электронный Гарольд. — Итак, слушайте меня внимательно…

* * *

Завершив прыжок, звездолет "Нумиалис" класса "Акула" вынырнул в обычный космос. Его начинка полностью соответствовала имени морского хищника, некогда обитавшего на планете-прародительнице человеческой цивилизации. Это был охотник за добычей — эффективный, стремительный и безжалостный. По галактическому каталогу судов он соответствовал эсминцу, стоявшему на вооружении боевого флота Третьей Республики. Корабль не принадлежал правительству, поэтому его раскраска и орудийные пилоны существенно отличались от армейского образца. Меж тем огневая мощь ничуть ему не уступала, а в некотором роде даже и превосходила. Включив маршевые двигатели, судно совершило небольшой маневр и неторопливо поплыло в пустоте. Казалось, оно двигалось совершенно бесцельно, однако на нем кипела невидимая работа. Многочисленные антенны, сенсоры, сканеры и

сложнейшие схемы искусственного интеллекта старательно обшаривали окружающее пространство, пытаясь уловить и идентифицировать даже самые незначительные сигналы, приходившие из глубин космоса.

В дверь каюты постучали. Постучали негромко, но настойчиво, словно давая понять, что уходить без ответа никто не собирается.

— Кто там?! — властно осведомился довольно красивый мужчина, изучавший какие-то данные на экране личного терминала.

— Лейтенант Хингвальд, сэр! — послышался ровный голос. — Мне приказано сообщить, что вас просят явиться на мостик!

— А что, внутрикорабельная связь у нас больше не работает? — язвительно осведомился человек в каюте, даже не пошевелившийся, чтобы открыть посетителю.

— Мне было велено известить вас лично, сэр! — отозвался офицер. — Капитан очень настаивает на вашем незамедлительном прибытии.

— Сейчас буду! — помедлив, лаконично бросил красивый мужчина.

Стук более не возобновлялся. Вероятно, курьер отправился обратно, доложить о выполненном поручении. Так или иначе, через запертую дверь он все равно не мог видеть, как изменился в лице обитатель отдельной, очень прилично убранной каюты. На его скулах заиграли желваки, а в прищуренных глазах появился нехороший огонек. Неторопливо проведя пальцами по интерфейсу терминала, будто что-то для себя решая, мужчина набрал и отправил кому-то короткое сообщение, но только им не ограничился.

— Пегас на вылет! — произнес он в персональный коммуникатор не слишком вразумительные слова.

— Принято! — послышался чей-то сдержанный ответ.

Заблокировав терминал, откуда красивый человек поднялся с вращающегося кресла и подошел к аккуратно застеленной койке. Пошарив рукой под подушкой, он достал оттуда какой-то увесистый предмет и сунул его за брючный ремень, прикрыв бортом своего элегантного, отливавшего черным шелком костюма. Затем направился к настенному зеркалу, выполненному во весь рост, и убедился, что правильно расположенная левая рука скрывает образовавшуюся выпуклость. Недобро усмехнувшись, похожий на аристократа мужчина поправил прическу и оценивающе изучил свое отражение. Кажется, сейчас ему предстояло выдержать еще одно непростое испытание. Что ж, отступать-то все равно некуда. Тут уж пан, как говорится, или пропал.

Открыв дверь, красивый человек увидел дежурившего рядом

офицера.
— Вы еще здесь? — хмуро осведомился он.
— Так точно! Мне приказано дождаться вас и сопроводить на мостик! — козырнул лейтенант.
— Что ж, идемте, — пожал плечами аристократ и пошел впереди.
Офицер бодро топал следом, не выказывая никаких признаков враждебности. Так они и шли один за другим, и лишь около межпалубного лифта оказались плечом к плечу.
— Скажите, лейтенант Хингвальд, вы хотели бы стать состоятельным человеком? — неторопливо осведомился красивый мужчина, продолжая смотреть строго перед собой.

На мостике все выглядело как обычно. Дежурные офицеры занимались своими делами, кто стоя у большого навигационного экрана, кто сидя за управляющими терминалами. Электроника перемигивалась разноцветными огнями, порой собиравшимися в причудливые мозаики. Вспыхивали большие и малые индикаторы. Стрелки и цифры сложной аппаратуры деловито отмеряли сотни неведомых непосвященному взгляду значений. Настенные панели, подключенные к центральной информационной системе, пестрели массой различных данных, обновлявшихся в режиме реального времени. Куполообразный потолок транслировал звездное небо, где вспыхивали искорки отслеживаемых объектов. Это же небо виднелось за огромным панорамным окном, протянувшимся по всей лицевой части мостика. Толстая прозрачная броня надежно защищала людей от любой внешней угрозы, а в экстренной ситуации ее всегда могли прикрыть дополнительные выдвижные листы.

Связисты неторопливо подкручивали частоты сенсорными тумблерами, изучая эфир. В звукоизлучателях слышались треск, гул и далекие голоса. Порой они обретали ясность, и тогда можно было разобрать обрывки чьих-то переговоров. Иногда оттуда раздавалось нечто похожее на музыку, внезапно прерывавшуюся то шипением и писком, то механическим скрежетом или пиканьем, похожим на сигнал невесть где затерянного маяка. Время от времени оживал интерком. Оттуда доносились короткие сообщения, на которые отдавались столь же краткие распоряжения. Периодически вдоль кресел пролетал малый сервисный дрон, доставлявший кому-нибудь чашку кофе или лазерный карандаш. Иной раз это был служебный бот, выполнявший для кого-нибудь из специалистов мелкие поручения.

У самого основания капитанского возвышения раскинулась большая голографическая карта. В то время как над частью терминалов виднелись только отдельные объемные структуры, она показывала полностью детализированный сектор галактики. Ма-

новением пальцев оператора карта увеличивалась и уменьшалась, а при указании на выбранную цель создавала в воздухе ее крупное изображение, сопровождаемое набором сведений. Карта не была самостоятельным образованием. Она непрерывно взаимодействовала с оборудованием мостика, и все, что поступало на терминалы офицеров, автоматически отображалось и на ней. Это касалось и связистов, ибо каждый обнаруженный ими сигнал немедленно помечался в виртуальном пространстве цветной волнистой вспышкой. Разумеется, тут не обходилось без фильтров, иначе карта превратилась бы в сплошную кашу, в которой невозможно было бы хоть что-то разобрать.

Как и все места для штатных должностных лиц, капитанское возвышение не пустовало. Расположенное на нем кресло, откуда открывался наилучший вид на карту и вообще львиную долю мостика, занимал грузный мужчина в черном мундире с серебряными знаками отличия. В воздухе вокруг кресла проецировались голографические панели, куда этот мужчина время от времени поглядывал, как поглядывал на подчиненных и трехмерную модель целевой части галактики. Его лицо выражало задумчивую озабоченность, а при виде приближавшегося аристократа оно заметно помрачнело.

— Вы хотели меня видеть, капитан? Что за срочность? — осведомился этот аристократ, остановившись в десяти футах от того, к кому обращался.

— Да, хотел, — кивнул грузный мужчина, разворачиваясь на подвижном кресле и выключая две панели, чтобы они не заслоняли обзор. — Благодарю вас, лейтенант, вы свободны! — добавил он явившемуся с посетителем офицеру.

Лейтенант Хингвальд взял под козырек, развернулся как на параде и проследовал к выходу с мостика. Там он, однако, не покинул овальный зал, а остановился возле раздвижной двери, где сонно дежурили двое сержантов. Отойдя в сторонку, он заложил руки за спину и принялся изучать звездный потолок. Вероятно, хоть и молодой, но ушлый офицер знал, что еще понадобится командиру корабля, отчего далеко и не уходил.

— Так что за срочность, капитан Бреннинг? — с ноткой нетерпения повторил вопрос красивый мужчина, чей костюм разительно отличался от одетых по форме людей на мостике. — Вы нашли тех, кого мы искали? Полагаю, только это может объяснить столь странный и неурочный вызов.

— Отнюдь, — немного помедлив, изрек старший офицер. — Но вопрос и впрямь безотлагательный. Я получил приказ из корпорации.

— Вот как? — с напускным безразличием пожал плечами аристократ. — И что в нем говорится?
— Мне предписано поместить вас под стражу, господин Шербенкс, — холодно сообщил капитан.
Экс-губернатор "Элегии" рассмеялся. Командир звездолета еще больше помрачнел и окинул его очень недружелюбным взором. Короткие, но проворные пальцы немного переместились на подлокотниках кресла, будто готовились нажать некую кнопку.
— Полагаю, здесь какая-то ошибка, — озарился улыбкой аристократ. — Вы видели мои полномочия.
— Они отозваны, и вам прекрасно это известно, — холодно отозвался капитан. — Корпорация не отменяет нашего задания, однако вы его больше не возглавляете, ибо никогда и не возглавляли. Предъявленный вами приказ передал "Нумиалис" в ваше полное распоряжение, только это поддельный приказ. Адмирал Стенц никогда его не отдавал, как не отдавал никто в "Галактик текнолоджис". Признаться, у меня сразу возникли подозрения, но по боевым звездолетам корпорации и впрямь был объявлен код максимальной секретности. Вы ловко воспользовались ситуацией. Прикрываясь нашей миссией, вы фактически прикрывали самого себя. Вот зачем вы требовали от экипажа полного радиомолчания. Любая связь со штабом и другими судами могла выдать вас с головой. Она и выдала, но чисто случайно, когда в эфире проскочило зашифрованное сообщение весьма интригующего характера, подвигнувшее меня связаться с командованием. Мой доверенный техник нашел ваш хитрый фильтр, заглушавший любые упоминания о вас. На вашу беду, фильтр не справился с шифровкой, впоследствии декодированной на неподвластном ему внутреннем терминале корабля.
— Вот как? — криво усмехнулся Шербенкс. — Тогда, если это правда, отчего же вы не арестовали меня прямо в каюте, а послали за мной лейтенанта? Как-то нелогично.
— На борту "Нумиалиса" слишком много ваших людей, и это явно не случайно, — помолчав, негромко сказал капитан. — Пойди я на такой шаг, их реакция могла быть непредсказуемой. Именно поэтому мы сейчас и разговариваем. Я хочу узнать ваши истинные намерения, а затем я надеюсь, что мы решим возникшую проблему.
Шербенкс невольно улыбнулся, ибо командир корабля изрек сущую правду. На судне действительно хватало сообщников экс-губернатора, и они оказались тут не просто так, ибо одну серьезную проблему и впрямь требовалось решать. Получив вызов с мостика, Шербенкс сразу догадался, в чем тут дело. Для этой догадки

у него имелось немало предпосылок, ибо он не терял бдительности за все время полета, прекрасно сознавая, что рано или поздно его разоблачат. Изобличая Шербенкса, капитан Бреннинг ничего не напутал. Он лишь не знал предыстории, отчего и сделал в отношении экс-губернатора несколько превратные выводы.

Упустив проект Овербридж прямо из-под носа, адмирал Стенц всерьез рисковал своей головой. Однако корпорация не спешила наказывать опытного и уважаемого командира флота, считая, что куда больше пользы он принесет живой, нежели мертвый. Тот, в свою очередь, решил приложить все усилия, чтобы искупить вину и вторично не ударить в грязь лицом. "Элегия" превратилась в гудящий улей, временно став базой проведения чрезвычайной операции. Себастьяна Белленторча и его изобретение требовалось отыскать во что бы то ни стало. Раз уж к "Галактик текнолоджис" не проявили интереса крупные правительственные силы, значит, беглецы либо где-то затаились, либо все еще добираются до пункта назначения. И в том и в другом случае корпорации было совершенно необходимо заполучить их до того, как вся история станет достоянием общественности. Для этого адмиралу Стенцу были предоставлены все возможные ресурсы, чем он максимально эффективно и воспользовался. Его штаб работал денно и нощно без малейшего перерыва. Над поставленной задачей трудились тысячи лучших аналитиков, составлявших карту возможных перемещений угнанной "Корундоры" и дальнейшего поведения ее экипажа. Согласно их рекомендациям, большие и малые боевые корабли отправлялись в разные стороны галактики, прощупывая так называемые навигационные лучи, то есть маршруты от точки А до точки В. Грузовой звездолет физически не мог совершить прыжок дальше предельно возможного для него расстояния, отчего был просто обязан объявиться на определенном радиусе от "Элегии". Агенты и дозорные корпорации выискивали о нем любые сведения, способные пролить свет на текущее местонахождение судна. Боевые звездолеты, рассредоточившись по заданным секторам, досконально прочесывали космос, надеясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки беглецов. Стоит тем использовать межзвездную связь или остановиться где-нибудь на дозаправку, как в "Галактик текнолоджис" тут же об этом узнают и блокируют сбежавший корабль до того, как ему удастся удрать снова.

Адмирал Стенц был практически уверен в успехе, однако время шло, а "Корундора" не объявлялась. Вероятно, Белленторч и компания намеренно избегали любых контактов, рассчитывая отсидеться в какой-нибудь норе. Не обладая неограниченным запасом автономного хода, они могли скрыться на необитаемой плане-

те, намереваясь продолжить путь когда все поуляжется. Разведывательные партии, отправленные во все потенциально пригодные точки высадки, учитывали это предположение, и, что называется, рыли носом землю. Поиски не прекращались ни на минуту, а адмирал Стенц лично проверял все доклады, поступавшие в его оперативный штаб.

Мало-помалу прочесывание космоса стало рутинной задачей, уже не отнимавшей у командующего спецоперацией все двадцать пять часов в сутки. Обретя возможность уделить внимание чему-то еще, он решил навести порядок в "Элегии". В частности, заняться теми, кто не проявил достаточно бдительности, чтобы сохранить для корпорации проект Овербридж. В первую неделю, прошедшую с момента исчезновения беглецов, ему было банально не до того. Он совершенно не трогал ни ВрИО губернатора Шербенкса, ни других представителей администрации научно-производственного комплекса. Поначалу адмиралу было даже на руку, что те продолжают выполнять свои обязанности и позволяют ему полностью отдаваться своим. Таким сложным образованием как "Элегия" необходимо кому-то управлять, и управлять со знанием дела. Однако он отнюдь ничего не забыл, и спускать расследование на тормозах не собирался, тем более что корпорация требовала ответы на великое множество вопросов. Когда наступило подходящее время, адмирал Стенц загорелся желанием наказать тех, кто стал причиной его собственного фиаско.

От Шербенкса не укрылись кровожадные намерения высокопоставленного офицера флота. Если уж его предшественнику Рамельфорду не поздоровилось, с его-то связями в штаб-квартире корпорации, то ему уж точно несдобровать. Ему и всем остальным, кто так или иначе проморгал побег Белленторча. Об этом Шербенкс и сообщил генерал-майору Брамсфельду, все еще выполнявшему функции шефа службы безопасности, но уже передававшему полномочия недавно прибывшему назначенцу. Старый вояка тоже не строил иллюзий на свой счет. Вся эта история ему однозначно аукнется, и пока лишь неизвестно в какой степени. Шербенкс, устроив с ним секретное совещание, выразил мнение, что в самой серьезной. Благодаря верным шпионам он уже видел приказ о своем аресте. Точно такие же приказы были выданы на весьма широкий круг лиц, то есть практически на всех, кто занимал в "Элегии" ответственные должности. Корпорация не собиралась прощать столь грубейшую промашку с проектом Овербридж, и наказание наверняка будет соответствующим. Однако у Шербенкса и остальных еще есть надежда его избежать. Слабая, но все-таки есть. Если им удастся найти и пленить Белленторча с его

изобретением, то победителей, как говорится, не судят. В "Галактик текнолоджис" наверняка спишут все грехи тем, над кем уже заносят топор, и даже щедро наградят.

Шеф службы безопасности, хорошенько обдумав слова губернатора, согласился, что они не лишены смысла. Если означенные поиски увенчаются успехом, то прощение корпорации у них в кармане. Другое дело, как их осуществить, да и где, собственно, искать? На сей счет у Шербенкса уже имелись кое-какие соображения. Полномочий они пока не лишены, а значит имеют возможность воспользоваться ими в своих интересах. В "Элегию" зачастили боевые корабли. Каждый отправлялся адмиралом согласно предписанию, выработанному его штабом. Шербенкс и Брамсфельд вполне могут проникнуть на один из них, если подготовят правдоподобную легенду и соответствующие документы. На этом корабле они и отправятся на поиски, но не туда, куда посылает всех Стенц. Губернатор отлично помнит, как потрепало "Корундору" прежде чем она все же улизнула в пространственный прыжок. Есть неплохая вероятность, что она не спряталась, а банально где-то застряла из-за какой-нибудь неисправности. В таком случае и искать ее надо не на самых оптимальных маршрутах для побега, а совсем в другом месте. Например, где-нибудь в пустынном и безжизненном космосе, где беглецы оказаться и не планировали. Да, шансы наткнуться на них маловаты, однако это всяко лучше, чем ничего, и уж точно предпочтительнее плазменной камеры или визита в пустоту без скафандра.

Обрисованная перспектива окончательно убедила генерал-майора, и он решил принять участие в затее губернатора. Вдвоем им удалось собрать внушительную команду. В нее входили и преданные им люди, в том числе подлежавшие грядущему аресту, и наемники-головорезы, готовые за деньги на что угодно. А деньги у Шербенкса водились, особенно после того, как он с попустительства шефа службы безопасности основательно запустил лапу в казну "Элегии". Оба ничем не рисковали, поскольку пришли к очевидному выводу, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Тут уж либо их авантюра увенчается успехом, и под нее удастся списать любое должностное преступление, либо им все равно крышка. Теперь все зависело только от того, кто успеет раньше: адмирал Стенц, собиравшийся взять под стражу всю верхушку "Элегии", или заговорщики, намеревавшиеся вовремя смыться на подходящем звездолете. Таким звездолетом стал "Нумиалис" — эсминец класса "Акула". Отозванный из дальнего космоса, он обладал высококлассной аппаратурой слежения и должен был присоединиться к поисковой операции. Та, несмотря на масштабность задейство-

ванных сил, имела статус максимальной секретности, чем и воспользовался Шербенкс, ловко подделав верительные документы. Липовый приказ адмирала он предъявил уже на борту, когда "Нумиалис" ушел в прыжок. Ушел вместе с экс-губернатором, экс-шефом службы безопасности и тремя сотнями до зубов вооруженных людей, якобы присланных в качестве подкрепления.

Капитан Бреннинг почти сразу начал подозревать Шербенкса в нечистой игре. Опытный космический волк немало повидал на своем веку, чтобы не обратить внимания на некоторые странности, связанные с появлением на борту экс-губернатора и его компании. Предъявленные полномочия, однако, не позволяли ему нарушить прямой приказ, да еще в обстановке высочайшего уровня корпоративной тайны. Свои сомнения капитан был вынужден держать при себе, особенно в свете соответствия распоряжений Шербенкса заданию от адмирала Стенца. Экс-губернатор никоим образом не мешал поискам приоритетной цели и выказывал в них очевидную заинтересованность. Распорядись он "Нумиалисом" по-другому, и капитан Бреннинг без колебаний нарушил бы радиомолчание, запросив связь со штабом, чтобы уточнить некоторые детали. Поведение Шербенкса не давало ему таких оснований. Во всяком случае, до поры, ибо не все в нем выглядело гладко. Поведанная капитану легенда звучала вполне достоверно и даже убедительно, только вот действующие лица ей несколько не соответствовали.

Предъявив приказ адмирала, Шербенкс первым делом объявил на корабле режим тишины. Мол, никто не должен знать о местонахождении "Нумиалиса", а любой выход в эфир его немедленно демаскирует. Поиски проекта Овербридж имеют одну важную особенность, о которой капитаны большинства кораблей не осведомлены. Боссы корпорации подозревают предательство, причем не исключено, что на самом высоком уровне. В противном случае очень трудно объяснить, каким образом цель сумела благополучно ускользнуть с одного из самых секретных и защищенных объектов в галактике. На спецоперации, разработанной штабом адмирала Стенца, это предательство может сказываться самым прямым образом. Если беглецов своевременно извещают обо всех планах корпорации, а то и вовсе прячут, поиски априори бесполезны. Иными словами, звездолеты отправляются совсем не туда, куда следовало бы, и ищут то, что заведомо отсутствует. Шербенкс — один из нескольких особо уполномоченных агентов, кому поручено действовать отдельно от всех, никого не ставя в известность. Официальное предписание из штаба — для отвода глаз. В реальности "Нумиалис" будет прочесывать космос совсем в другом мес-

те, о чем не будет знать ни предатель, ни связанные с ним беглецы. Только в этом случае эсминцу удастся застать их врасплох и заодно вывести изменника на чистую воду. Последнее вполне вероятно, особенно если рядом с угнанным грузовым звездолетом обнаружится еще какое-нибудь судно.

Уяснив ситуацию, капитан Бреннинг не стал возражать. Все звучало вполне достоверно и подтверждалось соответствующими документами, включая резолюцию адмирала Стенца. Связь со штабом развеяла бы все его сомнения, но риск был слишком велик. Окажись подозрения бывалого офицера беспочвенными, выход в эфир означал крах всей секретности и, как следствие, его собственной карьеры. В итоге, согласно скорректированному плану, "Нумиалис" досрочно вышел в обычный космос, выбрав для этого наиболее безлюдный сектор. Там он перезарядил прыжковые двигатели и отправился совсем в другую часть галактики, нежели значилась в инструкциях из штаба.

С тех пор эсминец совершил еще несколько прыжков, обследуя практически ненаселенную область на периферии Третьей Республики. Боевой звездолет хранил полное радиомолчание, но сам при этом старался не упустить ни одного сигнала извне, благо что на борту имелась масса соответствующей электроники. Любой корабль, ведущий передачу в пределах обнаружения, тут же попадал в поле зрения "Нумиалиса". Точно так же в него попадала вообще любая проходившая мимо волна, подлежавшая самому пристальному изучению. Эсминец пытался уловить любые упоминания о "Корундоре", не говоря уже о ее позывных и сигнатуре. Антенны, сенсоры, сканеры и телескопы прочесывали космическое пространство во все стороны света, передавая входящие данные в недра бортовых компьютеров. Под бдительным надзором высококвалифицированных операторов те работали не переставая, силясь отыскать магнитное поле иголки в стоге сена. Так продолжалось много дней, пока капитан не ознакомился с неким перехваченным сообщением. Вероятно, оно случайно отразилось от какого-то звездного тела, в итоге не только попав к адресату, но и эхом отправившись путешествовать по галактике. Такое, кстати, происходило вполне себе регулярно. Связисты "Нумиалиса" постоянно сталкивались с обрывками свободно болтающихся в космосе трансляций. Помимо прочего, в них они и копались на предмет каких-либо признаков приоритетной цели, а закодированные передачи пересылали дешифровальщикам. Обычно ничего полезного в таких посланиях не наблюдалось, однако в тот раз оно не содержало всякую ерунду, а вызывало известный интерес. Наткнувшись на фамилию экс-губернатора, офицер-аналитик, согласно

негласному приказу капитана, вручил ему расшифрованный текст.

Связывая разрозненные данные воедино, капитан Бреннинг окончательно утвердился в подлоге Шербенкса. Поручить разоблачение предателя шишкам из "Элегии" корпорация, конечно, могла, учитывая их близкое знакомство с делом, однако куда вероятнее этими предателями были они сами. Ну или что-то в этом роде. Что именно — покажет беседа с экс-губернатором, которого пора вывести на чистую воду. Лучше бы его, конечно, арестовать и допросить как положено, но не стоит забывать о сотнях вооруженных людей, явившихся вместе с Шербенксом под командованием генерал-майора Брамсфельда. Вид этих молодчиков доверия не внушал. Расхаживая по всему кораблю, они выглядели так, будто были в любой момент готовы нажать на курок. Нет уж, лучше на первых порах обойтись без грубой силы, а начать с дипломатии. Там, глядишь, Шербенкс выложит карты на стол. В конце концов, он и впрямь ищет проект Овербридж — тут не возникало никаких сомнений. Другой вопрос: зачем? Не иначе как либо для себя, либо в пользу третьих лиц, так что все разговоры о предательстве могли оказаться отнюдь не пустым звуком. Как бы там ни было, разговор по душам представлялся капитану Бреннингу предпочтительнее силовой операции, отчего он и пригласил Шербенкса на мостик, а не арестовал прямо в каюте. Пригласил после того, как лично вышел на связь со штабом адмирала Стенца. Тогда-то капитан и узнал, что экс-губернатор объявлен в розыск, а "Нумиалис" считается пропавшим без вести. Доложив о положении на борту, командир корабля сообщил свои текущие координаты, а в ответ получил приказ не прерывать поисковую миссию, но арестовать Шербенкса и его людей.

Экс-губернатор был готов к неблагоприятному развитию событий. Бесконечно долго водить капитана за нос не удастся, тем более что в эфире рано или поздно проскочит какая-нибудь компрометирующая информация. Эсминец не выходил на межзвездную связь и не получал никаких сообщений от ближайшего ретранслятора, что давало Шербенксу известную фору; зато он внимательно слушал космос, надеясь обнаружить признаки "Корундоры", а там чего только не встретишь. Фильтр содержания, ловко установленный людьми экс-губернатора и отсекавший ключевые слова, обеспечивал дополнительное прикрытие. Однако он был не идеален и однажды мог допустить осечку, которая, в итоге, и произошла, но Шербенкс успел принять упреждающие меры. Осведомленность капитана не оказалась для него тайной за семью печатями. Связавшись со штабом, капитан Бреннинг явно посчитал,

что стал хозяином положения, а за счет этого он сумеет использовать экс-губернатора в своих интересах. Ну да как бы не так!..

Все эти мысли, проистекавшие из создавшегося положения и его предпосылок, быстро пронеслись в голове Шербенкса, явившегося на мостик в излюбленном шелковом костюме. Его одежда резко контрастировала со строгой формой капитана, пусть и совпадая с ней по цвету, однако неудовольствие командира корабля вызывал не щегольской вид собеседника, а затянувшаяся пауза.

— Ну? — нетерпеливо спросил он. — Вы что, лишились дара речи? Мы так и будем смотреть друг на друга, или же вы соизволите объясниться?

— Отнюдь, — расплылся в ядовитой улыбке экс-губернатор. — Вы совершенно правы, капитан. Проблему надо решать, и решать немедленно.

Нырнув за борт пиджака, его правая рука с ястребиной скоростью вытащила большой вороненый пистолет.

— Уберите эту игрушку, Шербенкс, — поморщился капитан. — Вам она не идет. Вы дипломат, а не мясник. Потому я и позволял вам с ней разгуливать, и позволил даже сейчас. Вы ведь не надеялись, что я и впрямь не замечу характерной выпуклости?

Здесь он попал в самую точку. Экс-губернатор всегда стремился обходиться без лишнего насилия, предпочитая манипулировать людьми и действовать методом убеждения. Слова были его оружием. Слова и знание людей, умение втираться к ним в доверие и вызывать симпатию. Еще будучи помощником Рамельфорда он отговаривал шефа службы безопасности от слишком крутых мер в отношении Беллентorча. Того самого шефа, который сейчас находился с ним на эсминце. По сути, капитан Бреннинг был совершенно прав: Шербенксу не пристали такие грубые выходки. Только вот одного командир "Нумиалиса" не учел — острой необходимости, когда даже такие люди как экс-губернатор вынуждены поступать весьма радикально.

— Бросьте валять дурака! Вам не уйти с мостика живым! — добавил капитан, почуяв неладное, ибо в глазах собеседника появился поистине роковой блеск.

— Вы ошибаетесь, капитан, — холодно ответил Шербенкс. — Пегас уже взлетел.

Три последовавших выстрела слились воедино. Экс-губернатор еще держал палец на курке, когда тело Бреннинга, продырявленное разрывными пулями, грузно упало с кресла. Кровь, хлынувшая из смертельных ран, стала расползаться по полу вязкой красной лужей. Совершив убийство, внешне Шербенкс оставался совершенно спокоен и даже не смотрел по сторонам, хотя по всей логи-

ке следовало бы. Дежурные офицеры не остались безучастными к нападению на капитана, равно как и охрана у двери. А все они имели штатное оружие, ибо звездолет был боевым, а не грузовым или торговым. Не просто имели, а владели им на должном уровне и были готовы применить.
— Измена! К оружию! — слышались отовсюду громкие возгласы, в которых сквозили ошеломление и ярость.
И в ту же секунду на мостике загремели новые выстрелы. Несколько членов экипажа, выхватив пистолеты, стреляли в своих коллег, намеревавшихся разобраться с Шербенксом. Большой навигационный экран забрызгало кровью, частично пролетевшей сквозь голограмму, а частично осевшей на элементах электроники. Из трех работавших с ним человек двое упали, предательски сраженные в спину. Третий, наведя дымящийся ствол на испуганную ассистентку, приказал ей лечь на пол. Около половины связистов также было убито прямо на рабочих местах внезапно открытым огнем одного из соседей. Вскочив с кресла, он выпустил весь магазин даже не особо целясь, поскольку все жертвы оказались на одной линии. Смертоносная сталь, оставляющая пламеневшую трассу, будто нанизывала свои жертвы подобно иголке с ниткой. Пробивая шлемы и наушники, пули в основном попадали в головы, обезображивая их до неузнаваемости. Окровавленные терминалы обильно усеяло выбитыми мозгами. Одна из пуль срикошетила о расколотый череп и разорвала сенсорный экран. Упав в его искрящиеся недра, труп вызвал короткое замыкание и гулкую вспышку, сопровождавшуюся выбросом дыма. Заискрило звездное небо потолка, поврежденное ударившей в него очередью. Старший навигатор, падая на колени, костенеющим пальцем давил на спуск своего пистолета, убитый своим помощником двумя выстрелами в сердце. Дежурный инженер поступил с точностью до наоборот — уложил на месте своих подчиненных, пощадив лишь одного, самого толкового. Его он просто обезоружил, ударив ребром ладони по запястью, после чего одним точным взмахом кулака отправил в глубокий нокаут. Офицер службы безопасности не проигнорировал начавшееся побоище и принял в нем активное участие. Это был зрелый мужчина и опытный специалист в чине майора, изрядно поднаторевший по части обезвреживания шпионов и диверсантов. Он хорошо знал, что делать, и стрелял со снайперской точностью. Вокруг него уцелели лишь те, кто тоже принимал участие в заговоре. Их шеф, полковник, сохранял лояльность капитану, но он уже несколько дней маялся с несварением желудка, а его замещал майор, несварение же и организовавший. На беду ничего не подозревавшего капитана Бреннинга, служба

безопасности не прозевала нападение — часть ее сотрудников помогла его устроить. Она же следила, чтобы на мостике всегда находился кто-то из завербованных членов экипажа. В их число не входил второй помощник капитана. Достав табельное оружие, он успел направить его на Шербенкса, но грянувшие выстрелы превратили грудь заслуженного офицера в невообразимое месиво. Он рухнул к ногам третьего помощника, разрядившего в него половину обоймы. Охрана у двери также не успела ничего предпринять. Мощные автоматические винтовки, сорванные с плеч, могли посечь очередями практически всех мятежников, он они упали на рифленый металлический пол вместе со своими владельцами, даже не успевшими понять откуда пришла смерть. Лейтенант Хингвальд, вмиг утратив скучающий вид, сразил обоих сержантов наповал. Он же рванул контрольный рычаг и заблокировал входную дверь, а сам принялся выискивать новую жертву. В том, однако, уже не было необходимости. Застигнутые врасплох, все преданные капитану офицеры лежали мертвыми или ранеными. Выстрелы, эхом раскатывавшиеся по мостику, теперь громыхали по отдельности, когда очередная пуля обрывала чью-то еще теплившуюся жизнь. Уцелели немногие, либо представлявшие для злоумышленников интерес, либо безвредные, вроде невооруженной молоденькой ассистентки возле навигационного экрана. Кто бы мог представить, что еще минуту назад степенный, высокотехнологичный зал могучего эсминца превратится в поле бое, залитое кровью множества жертв. Впрочем, не боя, а бойни. Прояви капитан Бреннинг чуть больше осмотрительности, он сумел бы пресечь подобное развитие событий. К сожалению, утверждая, что слова, а не пушки, являются истинным оружием Шербенкса, он не учел НАСКОЛЬКО это соответствовало действительности. Экс-губернатор не сидел сложа руки и успел перетянуть на свою сторону немало полезных ему членов экипажа. Не всех, конечно, но этого и не требовалось, а на тех, кого наметил Шербенкс, щедрого вознаграждения у него более чем хватало. Миллиард из казны "Элегии", переведенный в подконтрольные конкурентам "Галактик текнолоджис" банки, обеспечил ему преданность кое-кого из солдат и офицеров "Нумиалиса". Остальными, с кем не удалось или не имело смысла договориться, занимались люди Брамсфельда. Правда, и Шербенксу пришлось замарать руки. Услышав условный код про Пегаса, генерал-майор был готов применить оружие только если экс-губернатор сам перейдет условный Рубикон. В таком случае, исходя из логики старого вояки, они безвозвратно окажутся повязаны кровью. Убийство капитана послужило сигналом к захвату судна. Захвату, который Шербенкс не исключал с

самого начала. Ступив на скользкую дорожку, он уже не мог с нее сойти, куда бы она его ни привела.

Стрельба на эсминце длилась недолго. Головорезы Брамсфельда, давно распределив места и роли, быстро обезвредили часовых и захватили все ключевые отсеки звездолета. Триста до зубов вооруженных человек без труда убили полторы сотни членов экипажа, не ожидавших такого жестокого нападения. В отличие от "Корундоры", смерть собрала на "Нумиалисе" обильную жатву. Правда, ее выбор на сей раз осуществлялся руками Шербенкса и его сообщников, а не кого-то из беглецов на грузовом корабле, но в конечном счете это ничего не меняло. Решая, кому жить, а кому умереть, экс-губернатор окончательно поставил себя за грань всякой морали, как и тот, кто был ответственен за гибель людей на "Корундоре". Смерть продолжала чинить свой страшный арбитраж, и не важно, кто служил ее орудием.

Получив условный сигнал, лейтенант Хингвальд разблокировал дверь. На мостик вошел генерал-майор Брамсфельд в сопровождении нескольких человек, облаченных в тяжелую боевую броню. Оглядев лежавшие там и сям трупы, следы от пуль и лужи крови, он удовлетворенно улыбнулся так, будто встретил старого хорошего знакомого. Не иначе как седовласый вояка истосковался по резне, некогда учиняемой им на благо щедрых заказчиков, и теперь не без удовольствия вспомнил былые деньки.

— Сержант Арунборг! Проследите, чтобы здесь как следует прибрались! — велел он одному из спутников.

— Есть, сэр! — козырнул тот и протяжно свистнул.

На зов прибежала целая группа солдат, а та, в свою очередь, возглавила большую бригаду сервисных роботов.

— С крещеньицем, Шербенкс! — рассмеялся Брамсфельд, оглядев фигуру в черном пиджаке, мимо которой как раз тащили тело убитого ей Бреннинга.

— Плохо вы меня знаете, генерал. Я не первый раз нажимаю на курок, — усмехнулся экс-губернатор, осматривая, нет ли где на костюме капель крови.

— Корабль в вашем распоряжении, сэр! — бойко доложил третий помощник капитана, поднявшийся на возвышение по широким и пологим ступенькам.

Точнее, доложила. Это была женщина средних лет с красивым, но жестким лицом и рыжими волосами, собранными на затылке в короткий и пышный хвост. Ее амбиции простирались далеко за пределы нынешней должности, а корпорация регулярно отказывала в повышении. Предложение Шербенкса, посулившего огромную сумму денег, пришлось как нельзя кстати. Командовать собствен-

ным судном и самой управлять своей жизнью — это ли не мечта? Ради нее можно и пострелять, особенно в ненавистного второго помощника, чьи домогательства уже сидели в печенках.
— Точнее, в вашем, капитан Пэйлинг! — сделал приглашающий жест Шербенкс. — Теперь вы командуете Нумиалисом! Планов не меняем. Полное радиомолчание. Поиски проекта Овербридж остаются приоритетной задачей. Меняем лишь их область. Покойный Бреннинг засветил наши координаты, так что готовьте корабль к прыжку. Переходим в следующий сектор.
— Да, сэр! — кивнула новоявленный капитан, и тут же приступила к выполнению возложенных на нее обязанностей.
С этим не возникло никаких хлопот, ибо люди Брамсфельда уже полностью контролировали звездолет и его экипаж. Последний поставили перед выбором — подчиниться, либо умереть. Немного нашлось смельчаков, наотрез отказавшихся встать под начало захватчиков. Несколько показательных расстрелов живо вразумили остальных, и с послушанием на эсминце больше проблем не возникало.

Спустя час после бойни на мостике все выглядело так, будто ничего и не случилось. Служебные роботы отмыли кровь, а тела убитых увезли в рефрижератор. Они же починили пострадавшую аппаратуру и заделали следы от пуль и плазмы. Теперь если что и напоминало о разыгравшейся драме, так это страх, витавший в глазах принужденных к сотрудничеству людей. Капитан Пэйлинг, заняв кресло застреленного предшественника, командовала с таким ледяным спокойствием, что от звуков ее голоса подчиненных пробирала дрожь. Следуя ее приказам, боевой эсминец "Нумиалис" зарядил прыжковые двигатели, развернулся и ушел в прыжок по направлению к холодной туманности Аратея.

– 12 –

Мартин метался по мостику подобно тигру в тесной клетке. В отличие от упомянутого хищника, он не был заперт, не нуждался в разминке и его не обуревали животные инстинкты. Тем не менее, человек в скафандре не находил себе ни места, ни покоя. Ноги сами не позволяли ему сохранять неподвижность, при этом мозг никак не мог решить, куда именно следует идти. Скафандры, прихваченные в ангаре, лежали у навигационного компьютера бесполезной грудой. Само собой, никто не предполагал почем зря бросить их вот так, только предполагать — это одно, а располагать — совсем другое. Считая мостик самым защищенным отсеком на звездолете, Мартин сразу же вызвал туда всех своих родных, едва

вернулся с пятью "Штурмовиками". Разумеется, он предпочел бы лично сходить за Юнией и в особенности за Кимберли с детьми, однако посчитал, что оставить главный компьютер "Корундоры" без присмотра — это плохая идея. Себастьян и Аулина, облачившись в армейское снаряжение, почти наверняка попытаются взять центр управления звездолета под контроль. Если им это удастся — и без того резко осложнившееся положение станет непредсказуемым. Однако бывшие друзья вряд ли осмелятся на штурм, если внутри будет находиться вооруженный Лансберг. Повредить оборудование мостика фактически смерти подобно, а в случае ожесточенной перестрелки от него мало что останется. В здравом уме ни одна из сторон конфликта на такое деяние не решится. В итоге, не рискнув покинуть стратегически ключевой отсек, Мартин воспользовался интеркомом и велел родным немедленно явиться к себе. Увы, его простой план тут же дал сбой.

Первой откликнулась Юния, согласно предыдущему указанию занимавшая оборону в медотсеке.

— Я не могу открыть дверь! — взволнованно восклицала она, не оставляя попыток выбраться в коридор.

Мартин вначале посчитал, что теща элементарно путает код доступа или что-нибудь в этом роде, однако проблема оказалась куда серьезнее. Медотсек пребывал в режиме карантина, причем установленного отнюдь не снаружи. Он снимался только с внутреннего терминала, однако у матери Кимберли это не получилось. Кто-то хорошенько позаботился, чтобы карантин вот так запросто не деактивировался, и позаботился явно заблаговременно, учитывая изолированность системы. Гарольд просто физически был не в состоянии подключиться к ней откуда-то извне, поэтому вывод напрашивался сам собой. Либо, сбежав из заключения, он сделал это напрямую, когда явился за сестрой, либо блокировку медотсека учинила Аулина. Убив ничего не подозревавшую Луизару, она исчезла с места очередного преступления не без еще одного коварного умысла. Компьютер, запрограммированный должным образом, превращал отсек в ловушку для любого, кто войдет внутрь. В нее и попалась Юния, явившаяся сменить на дежурстве мать своего зятя. Сомнений в дурном умысле не оставалось, учитывая отсутствие сигнального оповещения. Аулина ловко отключила предупреждающие сообщения, сирену и огни. Вероятно, не впервой, учитывая, что прежде нечто похожее уже происходило. Мать Кимберли узнала о блокировке лишь тогда, когда попыталась уйти, а не тогда, когда та была установлена. Само собой, она оказалась не в состоянии избавиться от карантина, ибо компьютер отказывался ей повиноваться.

— Что мне делать?! — надрывалась Юния, когда стало ясно, что сама она покинуть медотсек неспособна.
— Жди! Я за тобой приду! — коротко заявил Мартин.
Он и впрямь собирался это сделать, оставив мостик на попечение Кимберли, но тут же выяснилось, что с этим возникает еще одна накладка. Жена, как и теща, очутилась точно в такой же ловушке, только вызванной иными причинами.
— Дверь не слушается! — кричала креолка в интерком к великому смятению супруга.
Ошибка исключалась. Вводимый ей код доступа исправно принимался, однако сервоприводы гудели, а дверь и не думала открываться. Неполадка, учитывая происходящее на борту, однозначно исключалась. Вероятнее всего, Гарольд использовал все те же сварочные клинья, либо же учинил еще какую-нибудь пакость. Так или иначе, Кимберли, как и Юния, очутилась в изоляции и на мостик прийти не могла. Изрыгая заковыристые ругательства, Мартин ринулся было выручать жену, однако быстро передумал. Не исключено, что именно этого порыва от него и ждут. Мол, он побежит вскрывать запечатанные двери, а Себастьян и Аулина проникнут на мостик без единого выстрела. Застыв у самого порога, Мартин наскоро обдумал сложившуюся ситуацию, но ничего путного сходу не придумал. Тогда он и принялся метаться взад и вперед, уподобившись запертому в клетке полосатому хищнику.

Идея, в конце концов пришедшая в голову, была столь же проста, сколь жестока. В руках Лансбергов все еще оставались заложники. Во всяком случае, сервисный дрон, посланный к их узилищу, тщательно все просканировал, но не нашел никаких следов взлома. То ли Гарольд впопыхах забыл освободить родных, то ли по каким-то причинам не захотел этого сделать. С учетом его человеколюбия, последнее выглядело очень даже вероятно. Как бы там ни было, Мартин решил воспользоваться этим обстоятельством. Отвлеченный ангаром, скафандрами и своими собственными родными, он не то чтобы упустил из виду членов семей Себастьяна и Аулины, но отодвинул их на второй план. Теперь пришло время заняться ими вплотную. В теории, Мартин мог послать служебных роботов, чтобы те вскрыли нужные двери и освободили Кимберли, тещу и детей, однако он решил не рисковать. Если Гарольд перехватит управление, ничего хорошего из такой затеи не получится. Следовательно, лучше пойти другим путем. Да, придется оставить мостик, но с заложниками в руках Мартин наверняка вернет его обратно, если командный отсек захватят бывшие друзья. Он пригрозит убить пленников на месте, а Себастьян и Аулина, в отличие от Гарольда, куда трепетнее относятся к своим родным, и навер-

няка не променяют их жизни на контроль над звездолетом.

Ближе всех находилась жилая каюта, где сидели взаперти Сара, Пауль и Анатоль, однако Мартин, проверив целостность ее двери, направился дальше. Отец Себастьяна представлял собой более ценную единицу, ради которой его сын наверняка проявит должную покладистость. Стало быть, с Элмера и следует начинать. Благоразумно решив не пользоваться межпалубным лифтом, чтобы не попасть в ловушку для дураков, Лансберг дошел до тюремного помещения на своих двоих. Два робота — ибо не один Гарольд умел управляться с техникой — тащили за ним пять скафандров. Оставлять их без присмотра на том же мостике явно не стоило, чтобы в случае чего не усугубить и без того неважное положение.

Дверь не открылась. Введя код доступа, Мартин никак не ожидал услышать короткую дребезжащую трель, сопровождавшую красную запрещающую индикацию панели управления. Повторный набор, разумеется, ничего не изменил. Вероятно, не сумев укротить замок, Гарольд каким-то образом его сломал или перепрограммировал. Теперь вообще никто не мог ни войти, ни выйти — ни Элмер, ни Мартин, ни сам бородач. Вот только на кой ляд ему это понадобилось? Не проще ли было вырезать дыру при помощи роботов, как в том же ангаре, и освободить пленника до того, как Лансберги обрушат на него свой гнев? Логика Гарольда решительно не укладывалась у Мартина в голове, ну да и шут с ней! Главное, что пушки в скафандре все еще работают! Злобно расхохотавшись, астронавт отступил от двери и навел на нее орудия.

Первый выстрел, громыхнув, раскурочил управляющую панель. На ее месте образовалась дымящаяся дыра, где отчаянно искрили обрывки обугленных микросхем и проводов. По идее, этого должно было хватить, чтобы запечатанный проход открылся, однако ничего подобного не произошло. Видимо, внутренний блок управления не пострадал, из-за чего система не включила аварийный режим и не привела сервоприводы в парковочное положение. Что ж, придется постучаться как следует! Взяв на прицел саму дверь, Мартин прикинул мощность заряда и нажал на спуск. По коридору вторично прокатился характерный звук плазменного выстрела. Точно по центру сомкнутых створ образовалась большая оплавленная воронка — не сквозная, но достаточно глубокая, чтобы еще несколько попаданий пробили и расширили брешь. Если Элмер не полный идиот, он догадается отойти подальше от зоны поражения. Собственно, оттого Мартин и не воспользовался аннигилятором, чтобы вместе с дверью случайно не распылить и ценного заложника. Пристрелявшись, он уже собрался вкатить по ту-

гоплавкому металлу дуплетом, как вдруг откуда-то справа послышался чей-то голос.
— Немедленно прекрати огонь! — велел он весьма суровым тоном, звучавшим несколько неестественно из-за обилия электронных ноток.
Молниеносно повернувшись, Лансберг увидел подлетевшего сервисного дрона.
— Да неужели? — процедил он.
Молниеносное нажатие на курок — и наглую железяку разорвало как банку с протухшими консервами, только вместо испорченной пищи коридор усеяли не менее испорченные обломки. Мартин снова обратил оружие на дверь, но разрядить его не успел. Вторая реплика, раздавшаяся с той же стороны, что и первая, заставила его повременить с разрушениями.
— Если не прекратишь, с твоими родными произойдет то же самое, что и с Вандой! — громко изрек еще один дрон, объявившийся вслед за предшественником.
Это привлекло внимание Лансберга цепче некуда, тем паче что дроны просто так не разговаривают. Вне всяких сомнений, к нему сейчас обращался некто совсем другой, нежели незатейливый носитель искусственного интеллекта, управляемый программой или бортовым компьютером. Угрожающе шагнув к летающему роботу, астронавт поймал его в прицел, но стрелять уже не спешил.
— Как это понимать? — напряженно осведомился он.
— Самым прямым образом, — немедленно ответил дрон. — Помнишь то происшествие с Вандой, умершей в санузле от удушья? Я вполне способен проделать такое вновь. Твои родственники сейчас сидят взаперти. Попробуешь пробить эту дверь — и я включу систему пожаротушения. Она выкачает из отсеков воздух, и твоя семья задохнется прежде, чем ты придешь к ней на помощь!
— Ты не посмеешь! — взревел Мартин. — Я прибегу к ним раньше и разнесу любое препятствие в клочья! Я выведу их до того, как…
— Хочешь сыграть в игру кто быстрее? Изволь! — резко перебил его летающий робот. — Только я бы не советовал. Я ведь могу не просто создать вакуум, а закачать в помещения какой-нибудь газ. И это совсем не обязательно будет инертный аргон… На судне хватает и других субстанций. Например, жидкой углекислоты, которая поливала тебя в ангаре, или фтора.
— Это невозможно! — невольно ужаснулся Лансберг, представив, как легкие его жены и ребенка фактически сжигает и без того ядовитое вещество, в котором горит даже сам кислород. — Окислитель хранится в топливном отсеке и не подключен к центру распределения ресурсов!

— Ты в этом уверен? Рискнешь проверить свое утверждение на практике? — проскрежетал электронный голос. — Только сдвинься с места — и им конец! Они проживут гораздо меньше, чем вредная тетушка Аулины.
— Да, жирная свинья, теперь я окончательно убедился, что это ты! — прорычал Мартин. — Только такой бездушный подонок станет так отстраненно называть несчастную женщину, игнорируя тот факт, что она не только тетя сестры, но и его собственная! Мне интересно: Аулина знает? Ты посвятил ее в убийство или скромно умолчал о своем маленьком участии? А может, вы убили ее вместе, чтобы сэкономить воздух?
— То был несчастный случай, и Аулина была совершенно ни при чем! — гневно громыхнул дрон. — Однако с тех пор я знаю, как обойти систему безопасности. Будь уверен — если мы сейчас не договоримся, я немедленно воспользуюсь этим знанием!
Повисла напряженная пауза. Мартин сосредоточенно размышлял как ему поступить, в то время как говорящий робот молча покачивался в воздухе, не сводя с него многочисленных сенсоров.
— Чего тебе нужно? — наконец спросил Лансберг, едва удержавшись, чтобы не разложить самонадеянную машину на атомы.
Электронный Гарольд изложил свое требование. Двери в тюремные помещения и жилой отсек Лансбергов им надежно заблокированы. Он пришлет несколько роботов, и те вскроют их газовой горелкой. Когда пленники выберутся наружу, они уйдут в безопасное место никем не преследуемые. Тогда — и только тогда! — Мартин сможет освободить жену и детей, а карантин с медотсека будет снят. До той поры он остается здесь, возле узилища Элмера, и не пытается ничего предпринять.
— Я тебе не верю! — прошипел Лансберг, уяснив намерения врага. — Где гарантия, что ты не осуществишь свою угрозу сразу после того, как я лишусь заложников?!
— Если бы я хотел убить твою семью описанным мной образом, я сделал бы это еще тогда, когда ты бушевал в ангаре, — резонно заметил дрон. — Ну так что, мы договорились?
— Мелиюбиус останется со мной! Или сделке не бывать! — решительно заявил Мартин. — Жизни в обмен на жизни, а он станет моим гарантом. Если обманешь — я его уничтожу, и Себастьян с Аулиной сами разорвут тебя в клочья!
— Хорошо! — с неожиданной готовностью тут же согласился электронный Гарольд.
Вероятно, безопасность искусственного разума его ничуть не волновала, либо же он и вовсе не считал творение ученого живым. Во всяком случае, отсутствие какой-либо паузы на размышление вы-

глядело довольно показательно.
— Мелиюбиуса вперед! — потребовал Лансберг. — Я приставлю к его сиреневой башке плазменную пушку, и только попробуй нарушить наш уговор! Имей в виду: если с моими родными что-нибудь случится, я перестреляю вас всех! Всех до единого! А если не смогу, тогда я уничтожу реактор, и вы уже никогда не доберетесь до "Контилады"! Здесь, на орбите Альфы, вы все и подохнете!
— Принято! — коротко отозвался дрон.

Мелиюбиус прибыл через двадцать минут. Освобожденный из заточения, он прилетел вслед за путеводным роботом и осведомился что происходит. Мартин коротко ввел его в курс дела и как-то даже совсем не зло попросил быть паинькой. Мол, ему очень нужен ценный заложник, чтобы все закончилось хорошо. Искусственный разум не возражал. Он проявил удивительную покладистость и даже не пытался удрать или выразить недовольство таким развитием событий. Задав несколько уточняющих вопросов электронному Гарольду, Мелиюбиус умолк и недвижно парил в восьми футах позади человека в скафандре.

Лансберг не видел, как сервисные роботы прорезали дыру в двери каюты, где содержались Пауль, Сара и Анатоль, зато имел удовольствие лицезреть, как они вскрыли узилище Элмера. Согласно уговору, он никуда не уходил, поэтому хмуро наблюдал, как бригада роботов разрезала тугоплавкую дверь, после чего залила раскаленные края хладагентом. Говорящий дрон подлетел к образовавшемуся проему и позвал Элмера, которому быстро изложил что к чему. Отец Себастьяна осторожно выбрался в коридор и поспешил прочь вместе с отступавшими машинами.
— Все, можешь идти, — сказал электронный Гарольд, когда опасность для Розенталей и Белленторчей миновала.
— Мы еще поквитаемся, жирная свинья, где бы ты ни спрятался! — с чувством пообещал Мартин и одним выстрелом плазмы уничтожил его электромеханическое воплощение.

Брат Аулины выполнил свою часть сделки. Карантин с медицинского отсека оказался снят, о чем сообщила Юния, прибежавшая к домашней секции Лансбергов. Зять как раз занимался освобождением жены и детей. Он мог бы уничтожить дверь из пушек, однако предпочел обойтись с ней куда цивилизованней, чтобы не причинить своим близким вреда. Мартина по-прежнему сопровождало двое роботов, тащивших связку скафандров, и он приказал им проделать в гладком металле надлежащий проем. Это было дольше, но гораздо безопаснее, чем расстреливать толстую сталь. Роботы подчинились, и спустя четверть часа Кимберли выскочила к мужу вместе с Никки и Вайолет. Что ж, тут Гарольд то-

же не обманул. Вероятно, понимал — потеряв семью, Мартин предпримет все возможное и невозможное, чтобы "Корундора" и впрямь стала летающим саркофагом.

К мостику семейство Лансбергов подошло облаченным в "Штурмовики". Креолка и ее мать научились владеть армейской амуницией достаточно быстро, благо что управление основными функциями было проще некуда. Бионический материал отлично считывал движения человека и тот шагал так легко и естественно, будто на нем и не висела вся эта тяжеленная сбруя. Только Вайолет шла несколько неуверенно, периодически спотыкаясь и пошатываясь. Дело заключалось не в слабых навыках обращения с техникой или плохой координации. Сообразительная одиннадцатилетняя девочка освоила интерфейс и прочие премудрости куда лучше матери и бабушки. Просто скафандр оказался ей, мягко говоря, не по размеру, отчего управляющий тактильный и зрительный контакт был основательно нарушен. Все-таки его проектировали на взрослых людей, а Вайолет не дотягивала до минимально необходимого роста. Вот ее покойный брат умом не блистал, а она подавала большие надежды, что отмечал вслух даже Мелиюбиус. Никки, само собой, и вовсе не годился в качестве пользователя "Штурмовика". Его просто посадили внутрь, а скафандр включили в режим ведомого. Он неотступно следовал за отцом, но сам никакого воздействия на происходящее не оказывал. Это не помешало мальчику прийти от путешествия в восторг, и он тут же принялся играть в войну с воображаемыми пришельцами. К счастью, понарошку, поскольку интерфейс его не слушался, а оружие было и вовсе отключено. Вот теперь Мартин наконец-то перестал тревожиться за своих близких, исключая лежавшую в медотсеке Тани, но ей он займется сразу после того, как другие члены его семьи обоснуются на мостике. В скафандрах им ничего не угрожало, даже если произойдет разгерметизация или злодей Гарольд и впрямь напустит в отсек какую-нибудь отраву. В данный момент заслонки амуниции оставались открытыми и люди дышали воздухом извне, чтобы экономить баллоны с кислородом. Однако при малейшей опасности "Штурмовики" тут же перейдут на полную автономность, и тогда попробуй к нему подступись.

Мостик оказался заперт. Юния уже сообщила об этом зятю. Она ведь сначала побежала туда, а лишь затем, не сумев попасть в центр управления звездолетом, направилась к жилой секции Лансбергов. Мартин ее словам ничуть не удивился. Он сам заблокировал дверь, чтобы без грубой силы внутрь никто не проник. Вероятно, его расчет оправдался, раз на матово-тусклой стали отсутствовали следы какого-либо термического воздействия. Вот

только код разблокировки не подошел, с сердитым гулом выдав ошибку доступа.
— Зря стараешься! — снова раздался электронный голос.
Обернувшись, Мартин увидел очередного дрона. Догнав семейство в скафандрах, он плыл позади него футах в двадцати, прикидываясь обычным сервисным работником, обслуживающим нужды звездолета. Лансберг с трудом подавил желание уничтожить жестянку на месте. Сначала требовалось выяснить, что ей опять понадобилось. Ну, не ей, а тому, кто этой болтливой техникой управлял.
— Теперь тебе нечем мне угрожать, жирная свинья! — вызывающе бросил Мартин.
— Ты сам себе будешь угрозой, если попробуешь взломать эту дверь! — бесстрастно ответил электронный Гарольд, не обращая внимания на повторявшееся оскорбление. — Одна искра — и центр управления "Корундорой" превратится пылающий ад!
— Ты блефуешь! — сжал кулаки Лансберг, не в силах поверить в столь невероятное заявление.
— Как ты думаешь, чем занимались Аулина и Себастьян, когда я выманил тебя с мостика, отвлекая этой игрой с заложниками? — дребезжа синтезатором голоса, рассмеялось воплощение бородача. — Я ведь десять раз успел бы их освободить, пока ты сперва спал как сурок, а затем воевал с оборудованием ангара!
Мартин похолодел, сообразив, что в заявлении врага наконец-то начинает прослеживаться некая нелицеприятная логика.

Ученый и его невеста во всем слушались возглавлявшего их дрона, управляемого окопавшимся где-то в недрах корабля Гарольдом. По ходу развития событий он давал им краткие пояснения, отчего молодые люди наконец-то уяснили основную часть его замысла. Себастьян перестал негодовать из-за оставшегося в заключении отца, ибо на то, как оказалось, имелась немаловажная причина, как имелась своя причина до поры не освобождать и других пленников. Бородач не хотел отягощать побег не слишком-то проворными и полезными людьми, которые могли осложнить, а то и вовсе поставить под угрозу весь тщательно разработанный план. Анатоль был не настолько умен, как его двоюродный брат, Пауля старший Розенталь и вовсе презирал, а от семидесятишестилетней женщины в принципе ожидались одни хлопоты. Хлопоты, становившиеся слишком большой роскошью, когда каждая минута была на счету, а вся эта компания могла беспрекословно не последовать за освободившими ее роботами. Это Аулина сразу сообразила, что к чему, и повела себя правильно, полностью оправдав ожидания старшего брата, а в отношении других людей

всякая уверенность у него отсутствовала. Ориентируясь на передвижения тюремщиков, Гарольд успел сбежать сам и освободил сестру, в свою очередь вызволившую из заточения жениха. Чтобы не поднимать лишнего шума, он сразу направил их в ангар. Элмера он не стал вытаскивать по двум причинам. Во-первых, повышались шансы, что кто-то из недругов преждевременно поднимет тревогу. Во-вторых, дальнейшие поступки Мартина бородач рассчитал совершенно правильно. Вспомнив про заложников, тот не явился за тремя узниками, чья каюта находилась в опасной близости от мостика, а ушел к отцу Себастьяна. Таким образом, Гарольд удалил Лансберга как можно дальше и благополучно привел в действие все составляющие своего плана.

Ученый и его невеста прибыли на мостик как раз тогда, когда Мартин пререкался с дроном, олицетворявшим брата Аулины. За вскрытием двери дело не стало. Одна из малых сервисных машин потихоньку установила в ее управляющую панель небольшой жучок. Его роль отлично выполнил сенсорный элемент, каковых хватало среди запчастей для роботов. С помощью этой нехитрой штуковины Гарольд сумел отследить заданный Мартином код. К счастью, система безопасности "Корундоры" не была достаточно технологичной, чтобы использовать ДНК-анализ, вычисление сигнатуры объекта или, хотя бы, распознавание лиц. Вся блокировка ограничивалась системными паролями, а тайком считанная комбинация оказалась верной. Дверь открылась, и заговорщики проникли в центр управления звездолетом. Проникли не для того, чтобы захватить его, да там и остаться. Им надлежало точно и без задержек выполнить все инструкции, раздаваемые голосовым интерфейсом летающего дрона.

Гарольду требовался полноценный доступ к главному компьютеру корабля. Существующая система не позволяла управлять им дистанционно, если поблизости не оказывалось ни одного сервисного робота, скрытно выполняющего функции ретранслятора. Когда Мартин поймет, как брат Аулины проворачивает все свои дела, он начнет отстрел всей подозрительной техники, а уж вблизи от мостика однозначно никого не оставит. Гарольд потеряет связь с ключевым терминалом, а этого допустить никак нельзя. Слушая его указания, Себастьян и Аулина вскрыли защитные кожухи оборудования и принялись усердно ковыряться в микросхемах. Для этого им пришлось покинуть скафандры, но Гарольд контролировал ситуацию, отвлекая Мартина представлением с заложниками. Молодые люди до боли в пальцах резали и замыкали провода, меняли местами клеммы, создавали мосты, а иной раз и прожигали в платах дорожки, прерывая какие-то неведомые им соединения.

Какие именно — хорошо знал только Гарольд, наводя своих помощников с поистине ювелирной точностью. Оставалось загадкой, когда он успел настолько хорошо разобраться в электронной начинке "Корундоры". Вероятно, взломщик информационных сетей и впрямь не терял времени на мостике. Согласно его коротким и ясным командам, Аулина и Себастьян, практически целиком забравшись в паутину схем и проводов, легко находили нужный объект и совершали с ним все необходимые манипуляции. Доведись им заниматься такой задачей без всяких указаний — и молодые люди провозились бы несколько циклов, а то и неделю. С навигацией от Гарольда работа спорилась, и вскоре все критические изменения были завершены. Судя по удовлетворенному замечанию дрона и целому ряду внезапно оживших индикаторов, он полностью перехватил управление главным бортовым компьютером через систему судовых коммуникаций, более не нуждаясь в промежуточных роботах.

Следующим на очереди оказался навигационный комплекс звездолета. С ним также пришлось похлопотать, но куда меньше, чем с основным терминалом. Себастьян и Аулина даже приблизительно не понимали, что они делают, зато Гарольд явно разбирался во всех тонкостях корабельной начинки. Кажется, руками своих помощников он перекраивал системы для единоличного управления "Корундорой" из своего нового логова, включая доступ к кабине пилотов. До сих пор приоритет оставался за людьми, а бородач, обходя существующие логические пути и все протоколы безопасности, переключал контроль на компьютерное управление, которое сам же и осуществлял.

Когда преобразования в оборудовании были завершены, Гарольд совершенно искренне похвалил молодых людей, с которых аж пот катил градом. Правда, тут же выяснилось, что до конца их задача еще не выполнена.

— Куда это вы собрались? — возмущенно осведомился дрон, когда ученый и его невеста облачились в свои скафандры и ринулись к выходу. — Как только Мартин вернется на мостик, он быстро найдет наши новшества и пресечет их самым радикальным образом! А помешать ему никто не сможет, поскольку вам здесь оставаться никак нельзя! Отпустив заложников, Лансберги вскоре отправятся их искать, едва обеспечат собственную безопасность. Без вас Анатоль, Элмер, Пауль и Сара беззащитны. Я мог бы привести их сюда, но у Мартина хватит ума заблокировать мостик и перекрыть подачу кислорода. Я приготовил для вас более надежное убежище, о которое Лансберги пообломают себе зубы.

— А Йонас?! А Тани?! А Луизара?! — невольно воскликнула Аулина,

то и дело возвращаясь мыслями к медотсеку.
Даже в таких обстоятельствах она терзалась, что не может уделить пациентам должное внимание и проследить за их лечением, пусть даже один из них был из враждебного лагеря. Кроме того, представлялась неясной судьба матери Мартина. Ее ведь никто не убивал, несмотря на вопиющее заявление Юнии.
— Пока они подключены к автоматическим медицинским станциям им ничего не угрожает. А если что и случится — то будет не твоя вина, а тех, кто первым напал на друзей и поднял на них оружие, — веско напомнил электронный Гарольд. — Ну, пошевеливайтесь! Мартин уже спасает своих родных!

Последняя затея бородача молодым людям не понравилась, но они решили ему не перечить. До сих пор он отлично знал, что и когда делать, так лучше по-прежнему с ним не пререкаться, теряя драгоценное время, а поступать как он говорит. Однако ученому и его невесте было от чего смутиться. Следуя велениям Гарольда, они разгромили систему вентиляции, а также закоротили блок электроники, отвечающий за пожаротушение. Удары могучих кулаков, способных пробить кирпичную стену, дырявили защитные панели. Стальные пальцы, сжимаемые с чудовищной силой, деформировали трубы как бумажные стаканчики и с корнем вырывали вентили. Занимаясь столь откровенным варварством, Себастьян и Аулина чувствовали себя не в своей тарелке, но Гарольд как ни в чем не бывало продолжал указывать, что и где крушить. Он снизошел раскрыть смысл своего замысла лишь в самом конце, когда из раскуроченных коммуникаций внезапно послышалось громкое шипение.
— Это кислород! — сообщил он, велев помощникам немедленно покинуть мостик. — Благодаря учиненному вами разгрому, я смог беспрепятственно подать его сюда в огромной концентрации. Если Мартин попытается расстрелять входную дверь или разрезать ее плазменной горелкой, здесь начнется такой страшный пожар, что мало не покажется. Он не рискнет оставить звездолет без управления и предпочтет пойти на переговоры!
— А ты рискнешь?! — опешил Себастьян, невольно притормозив уже на пороге. — Совсем, что ли, свихнулся?! А если Мартин не послушает и полезет напролом?! Тогда — все, отлетались?! Да и кислорода у нас, кстати, негусто, чтобы сжигать его таким вот образом!
— С кислородом ничего не случится, потому что Лансберг меня как раз таки послушает, — спокойно ответил электронный Гарольд. — Точнее, не меня, а Мелиюбиуса. Я же отнюдь не просто так согласился оставить его у Мартина в заложниках.

Себастьян и Аулина молча переглянулись, будто спрашивая друг у друга совета, однако, впечатленные расчетливостью бородача, спорить не решились. Во всяком случае, сейчас, ибо времени оставалось в обрез. Покинув мостик, они закрыли дверь и ввели на ее панели управления код, подсказанный летевшим рядом дроном. Благодаря недавнему вмешательству, системная комбинация активировала принципиально новую блокировку. Теперь дверь можно было открыть только изнутри, то есть единственным на корабле, кто обладал возможностью это сделать, становился Гарольд, получивший стабильный и неограниченный удаленный доступ к главному компьютеру "Корундоры".

Услышанное Мартину не понравилось чрезвычайно. Только чтобы не пугать детей он воздержался от желания немедленно отправить дрон в утиль, что начинало становиться своеобразной привычкой. Само собой, большинство технических нюансов Гарольд от него утаил, тем паче не поведав, в каком направлении скрылись Себастьян и Аулина. Он лишь изложил самую суть: полезешь на мостик — и все к чертям полыхнет!

— Ты лжешь, мерзавец! — взъярился Лансберг. — Ты хочешь, чтобы я поверил в твой жалкий блеф! Вы, убийцы моих отца и матери, сами сидите на мостике и рассчитываете запугать меня своими сказками! Сейчас я разнесу эту дверь к чертям, а затем и всех, кого за ней увижу!

— Я бы с этим не спешил, — подал голос Мелиюбиус.

Мартин бросил на него свирепый взгляд, в котором прямо-таки читалось, что сиреневому заложнику лучше помолчать. Его право быть на стороне своего творца, однако пусть он не рассчитывает умиротворить Лансбергов и уговорить их отступить. Не они начали эту войну — не им и идти на поводу у злоумышленников!

— А ну как это правда? — тихо пояснил искусственный разум. — Если мостик полыхнет, мы можем навсегда утратить управление звездолетом.

— А ну как ты в сговоре с нашими врагами? — едко поинтересовался Мартин, все же находя, что предположение сиреневого советчика не лишено смысла.

— В данном случае это не имеет значения. Если за дверью концентрированный кислород — он полыхнет вне зависимости от моих предпочтений, — резонно заметил Мелиюбиус.

— Ну и что ты предлагаешь? — прищурился Лансберг, окинув взглядом необычного заложника сверху донизу.

Кимберли, издав неопределенный возглас, попробовала вмешаться, ибо ее до глубины души возмутил такой доверительный диалог с корнем всего зла и несчастий. Она вообще едва терпела присут-

ствие сиреневого чудовища и всем своим видом выражала глубокую неприязнь. От очередного нападения, однако, креолка воздерживалась после недавнего внушения у домашнего отсека. Там, выбравшись через оплавленный проем, она сперва упала в объятия мужа, а затем тут же попыталась свести счеты с ненавистным врагом. Мартин пресек ее атаку на искусственный разум, объяснив его новую роль в качестве щита для семьи Лансбергов. Не просто пресек, а взял слово, что жена не попытается навредить Мелиюбиусу вновь. Та, сгорая от злобы, сдалась перед авторитетом мужа и дала требуемое обещание, однако она не клялась молча терпеть все выходки электронного отродья.

— Ну-ка тихо! — сердито прикрикнул Мартин, не желая слушать возражения. — Мелиюбиус — наша гарантия! Я доверяю ему не больше, чем ты, но выслушать здравый совет еще никому не мешало.

— Вот он тебе и насоветует! — раздраженно проворчала Юния, в этом вопросе традиционно поддерживавшая позицию дочери.

— Пока что именно благодаря мне вам удалось выбраться из заточения, где вас грозились отравить как крыс в газовой камере! Я хочу услышать, что он скажет. Извольте помолчать! — не терпящим возражения тоном отчеканил старший Лансберг.

Затем предложил сиреневому заложнику изложить свои соображения.

С точки зрения Мелиюбиуса, прежде чем принимать какое-либо решение слова Гарольда следовало проверить. Ничего сверхъестественного для этого не понадобится. Ремонтные роботы из цеха, где совсем недавно бригада ЭлСо собирала харвестеры, обладают отличным спектрометром, а также ультразвуковым сканером и волновым излучателем. Им не составит труда определить, есть ли на мостике живые люди, а заодно установить состав тамошней атмосферы. В двери придется просверлить крошечное отверстие, но оно не станет причиной бурного пожара, если заявление Гарольда соответствует действительности. Если же нет, Мартин сможет беспрепятственно продырявить вход и войти на мостик.

— Гм. Вполне разумно, — согласился Лансберг, уже не жалея, что выслушал толковое изобретение ученого. — Только я не могу пойти за роботами сам, и уж точно не пошлю никого из родных.

— Пусть Гарольд кого-нибудь пришлет! Если он не блефует, то в его интересах доказать реальную опасность вскрытия мостика, — подал недурную идею Мелиюбиус.

Дрон бородача, транслирующий своему оператору весь этот разговор, выразил согласие. Выразил его и Мартин, настоятельно рекомендовав врагу пошевеливаться, пока у него не иссякло терпение.

Через пять минут прибыло сразу два видавших виды робота, на чьем счету числилось множество доведенных до ума сборщиков Гелия-3. Того самого, что сейчас, как всем хотелось верить, продолжал добываться на южном полюсе Альфы.

— Переведи их на свое прямое управление так, как ты это делал во время высадки, — подсказал Мелиюбиус, упреждая готовое вырваться сомнение Мартина.

Тот, искренне поблагодарив за очередной дельный совет, так и поступил. С голографической панелью системного инженера он имел дело не первый раз. Появляясь перед корпусом робота, она позволяла перепрограммировать его как заблагорассудится, если только требования человека были в принципе осуществимы. Заблокировав всякое внешнее управление кроме своего собственного, Мартин замкнул командование машинами на бортовой компьютер своего скафандра. Теперь роботы посылали запросы непосредственно на его интерфейс, а Мартин обрел возможность раздавать им указания. Входящие сигналы не имели доступа в систему, а носили информационный характер, отчего Лансберг не беспокоился, что Гарольд взломает его "Штурмовик" или "Штурмовики" родственников.

Получив приказ, один из роботов придвинулся к двери и принялся старательно сканировать окружающее пространство целым набором волн, силясь проникнуть за толстый сплав. Это ему вполне удавалось, поскольку переборки "Корундоры", в отличие от военных звездолетов, никто от такого исследования не предохранял. Спустя некоторое время электронный разведчик пиликнул и выдал сообщение, что других живых людей, исключая семью Мартина, поблизости нет. Стало быть, ни Себастьян, ни Аулина, ни Гарольд на мостике и впрямь не находились. Удостоверившись в этом наблюдении, робот, согласно следующей команде, выпустил тонкий лазерный луч. Откалибровав его фокус, он принялся неторопливо проделывать в двери крошечное отверстие. Другой робот, заняв позицию рядом, занимался охлаждением нагревавшейся стали. Учитывая незначительное воздействие лазера, возгорание мостику не грозило, однако лучше было перестраховаться. Именно поэтому луч не прошел дверь насквозь. Своевременно его погасив, робот перешел на алмазное сверло. Им он провозился бы гораздо дольше, нежели лазером, но последний дюйм, остававшийся до той стороны, быстро сдался под уверенным и умелым натиском.

Когда отверстие стало сквозным, машина вытащила сверло и воспользовалась спектрометром. Результат не заставил себя ждать. Концентрация кислорода, проникавшего с мостика через маленькую прореху, была очень высока и вполне достаточна, чтобы про-

изошло предсказанное Гарольдом бурное возгорание.
— Ну как? Блефовал я или нет? — с неприкрытой насмешкой осведомился подосланный дрон, продолжавший маячить неподалеку от Лансбергов.
— Стоит ли мне верить этому результату? — усомнился помрачневший Мартин. — Помнится, в медотсеке я как-то оказался свидетелем неких якобы честных анализов, только могу поклясться, что это был подлог! Подлог, приведший к смерти моего отца!
— В скафандре тоже есть спектрометр. Воспользуйся им, — снова подсказал Мелиюбиус.
Мартин, сообразив, что тот совершенно прав, так и поступил. Увы, последние сомнения рассеялись. Мостик и впрямь сочился концентрированным кислородом как туман влагой, отчего отверстие в двери на всякий случай тут же запечатали.
— Будь ты проклят, жирный больной ублюдок! — заскрежетал зубами Лансберг. — Только такой как ты может заминировать звездолет, не боясь превратить его в груду бесполезного металлолома!
— Разве это я давеча угрожал взорвать реактор? — напомнил электронный Гарольд.
— Только если вы навредите моей семье! Тому, что от нее осталось. Тогда это была бы простая месть! — Мартина вновь обуял гнев. — Ты же без всякого зазрения совести в очередной раз поставил под угрозу жизни всех людей на звездолете! Поставил все оптом, без всякого разбора на своих и чужих! Ох, зря я не свернул тебе шею, когда была такая возможность! Ну да ничего, я с тобой еще поквитаюсь!
— Будем пререкаться или начнем переговоры? — нарочито скучающим тоном, уж как его позволял изобразить электронный голос, протянул Гарольд.
— Начнем. Когда я буду к ним готов, — холодно отозвался Мартин. — А до тех пор…
Коридор озарила плазменная вспышка, и дрон под управлением бородача раскидало на мелкие дымящиеся осколки. Никки и Вайолет, впервые увидев, как глава семьи применил оружие, удивленно раскрыли глаза, но их внимание тут же отвлекла Кимберли. Отрицательных качеств у нее хватало, но детей она окружала искренней и неусыпной заботой, в которой те очень даже нуждались.
— Ну и что нам теперь делать? — мрачно спросила Юния. — Похоже на поражение. Ты, небось, рассчитывал диктовать им свои условия с мостика, да вот не вышло.
— Не язви раньше времени, партия еще отнюдь не проиграна! — наставительно произнес Мартин. — Они теперь на мостик и сами

не сунутся, так что мы все в одной лодке. А в этих скафандрах нам пока ничто не угрожает.
Разумеется, одними словами старший Лансберг не ограничился. Не иначе как у него созрел какой-то план, ибо он, потеряв всякий интерес к центру управления "Корундорой", направился к ближайшей лестнице и велел всем следовать за ним.

Учитывая сложившиеся реалии, родным Себастьяна и Аулины действительно требовалась защита. Покинув вскрытые отсеки, они благополучно убежали за показывавшими дорогу роботами, однако на этом их спасение только началось. Беглецов надлежало хорошенько укрыть от Лансбергов, которые наверняка попытаются восстановить статус-кво, а то и предпримут что-нибудь похуже. Без надлежащей охраны обеспечить им полноценную безопасность было невозможно. Для этой цели лучше всего подходили вооруженные молодые люди, присланные Гарольдом сразу после операции на мостике. В качестве общего убежища он выбрал центр распределения ресурсов, руководствуясь несколькими очевидными соображениями. Заняв этот стратегический отсек, Беллеторчи и Розентали гарантируют себе беспрепятственный доступ к воде и кислороду. В противном случае Мартин, приди ему в голову очередная безумная идея, запросто способен перекрыть им подачу воздуха. На его-то семью скафандров хватает, а другим одни лишь кислородные маски надолго не помогут. Означенное территориальное расположение автоматически давало дополнительную защиту от посягательства Лансбергов. С отсеком, где находились жизненно важные ресурсы, они станут проявлять предельную осторожность, чтобы не навредить самим себе. Разумеется, имей они дело с безоружными людьми, исход столкновения был бы предрешен. Используя огневую мощь "Штурмовика", Мартин пробил бы все закрытые двери и либо снова пленил, либо перестрелял недавних друзей и единомышленников. Себастьян и Аулина становились внушительным препятствием на его пути. Облаченные в точно такие же боевые скафандры, они не позволят ему безнаказанно провернуть что-нибудь подобное. Именно за этим Гарольд и отозвал их с мостика, заминировав его концентрированным кислородом.

Шесть против четырех — такое количество "Штурмовиков" приходилось на долю противоборствующих сторон, но это если не принимать во внимание немаловажные детали. В данный момент Лансберги использовали только пять скафандров, ибо Тани, по-прежнему подключенная к системе жизнеобеспечения, даже не знала о разгоревшемся конфликте. Из них вооружение было активировано лишь у Мартина. Беллеторчам и Розенталям в этом

смысле повезло больше. Аулина и Себастьян получили доступ к боевому режиму еще на челноке. Также его удалось включить на одном из двух скафандров, доставленных роботами из "Диаманты" и ангара. К сожалению, на том, который дроны утащили под носом у Мартина, выявились какие-то ошибки в логической цепи, отчего оружие никак не вводилось в строй. На их устранение требовалось время. Так или иначе, в итоге получалось три готовых к бою "Штурмовика" против единственного у Лансбергов, и это, несомненно, давало серьезное преимущество. Гарольд, однако, реализовать его не спешил. Открытое вооруженное столкновение — не самая лучшая идея, особенно если учесть, что Сара и Пауль оставались без защиты, в отличие от всей семьи Мартина. Кроме того, пребывая в огневом меньшинстве, Лансберги наверняка изберут очевидную тактику сплоченности, то есть соберутся скопом, чтобы распределить входящий урон по всем силовым полям. Таким образом, под обстрелом окажутся и дети, чего Гарольд допускать никак не желал, да и не он один. Аулина категорически отказалась ставить под угрозу жизни Никки и Вайолет. Себастьяну такая перспектива тоже пришлась не по душе. В результате Элмер, предлагавший немедленно решить проблему силой, оказался в меньшинстве. Электрик никогда не отличался кровожадностью, просто столь возмутительное обращение с ним и членами его семьи вывело отца Себастьяна из себя. Принимая во внимание кончавшийся кислород и проблему харвестеров, немедленная боевая акция казалась ему наилучшим выходом, даже если она угрожала нанести повреждения и без того пострадавшей "Корундоре". Зависеть от помешавшихся Лансбергов по меньшей мере глупо. Элмер начал ворчать, отстаивая свою точку зрения, но Гарольд пригрозил, что если мужчина не угомонится, он заставит его поменяться скафандрами с Сарой, то есть лишит заряженных пушек. Отец Себастьяна смирился с мнением большинства, однако оставил за собой право стрелять в любого нападающего, кто попытается причинить его близким вред. Против этого никто не возражал. Атаковать самому — это одно, а защищаться — совсем другое.

Заварив лишние двери и укрепив основательно оставшиеся, роботы значительно повысили надежность убежища. Против аннигилятора, конечно, обычная корабельная сталь не устоит, но Мартин вряд ли осмелится его применить рядом с емкостями для воды и кислорода. Плазма — другое дело, только и врасплох он ей Беллеторчей и Розенталей не застанет. Во всяком случае, находившихся в убежище.

— А ты сам-то где? — снова задал Себастьян вполне резонный вопрос во вновь упомянутом контексте.

Задал он его, разумеется, Гарольду, до сих пор не соизволившему показаться на глаза. Лишь его электронный голос транслировался через какого-нибудь дрона, обладавшего речевым интерфейсом, и эта манера общения помаленьку вызывала все больше недоумения. Особенно теперь, когда Беллеторчи и Розентали пребывали в относительной безопасности. Вместо ответа раздался вызов по интеркому. Себастьян подошел к устройству связи, находившемуся неподалеку от совещавшихся людей, и нажал на кнопку.

— Ну что, так лучше? — послышался оттуда бодрый и несколько насмешливый голос Гарольда.

В нем звучали все присущие бородачу интонации, в отличие от электроники придававшие словам жизнь и неповторимую эмоциональную окраску.

— Гораздо! — согласился ученый. — Но отчего ты не явишься сам? По-моему, тебе больше нет смысла прятаться, особенно от нас.

— От вас может и нет, а вообще смысл очень даже есть, — тут же посерьезнел бородач. — Ну-ка подкрути громкость на максимум! Я не хочу, чтобы ты торчал у этого ящика с кнопками и передавал наш разговор остальным. Пусть меня слышат все присутствующие, а я буду слышать их.

Он рассчитал правильно. Аулина, узнав речь брата, сразу окрепла духом, да и другие почувствовали себя куда увереннее, общаясь не с бездушным роботом, а живым человеком. Однако все они захотели объяснений странному нежеланию Гарольда присоединиться к их обществу, и тот незамедлительно их дал.

На борту "Корундоры" имелось немало терминалов, но все они, в отличие от главного, обладали теми или иными ограничениями, плюс обычно находились не в самом подходящем месте. Подходящем именно сейчас, когда Лансберг дорого даст, чтобы лишить Гарольда всякой связи, а то и вовсе от него избавиться. Тут-то и пригодился небольшой секрет, заключавшийся в некогда обнаруженном компьютере, о котором никто не знал. Вероятно, по замыслу конструктора он должен был служить резервным пунктом управления звездолетом, если основной выйдет из строя. Судя по ряду признаков, идею до конца не реализовали, однако компьютер пребывал в полной сохранности и лишь покрылся слоем пыли, ибо роботы-уборщики доступа в помещение не имели. Оттуда Гарольд сейчас обладал наибольшим контролем над всеми системами корабля. Явившись к друзьям и родным, он утратит около половины возможностей, что представлялось взломщику непозволительной роскошью. К себе же он никого из союзников тоже не приглашал. В каморке, где располагался терминал, было довольно тесно, а уж резервуаров с водой и кислородом там в принципе не

водилось. Кроме того, такое разделение шло только на пользу общей безопасности. Пусть Лансберги думают, что Гарольд сидит там же, где и все остальные. Так они его вообще не найдут, ибо и искать-то абы где не станут! А в случае чего Беллеторчи и Розентали сумеют без лишних хлопот сменить диспозицию, оставаясь под заботливым присмотром брата Аулины. Это одновременно наделяло их и мобильностью, и непрерывным доступом к различной технике, не говоря уже об узлах звездолета.

— Я так полагаю, что ты и нам не скажешь, где находишься, — насупилась девушка.

— Разумеется, дорогая сестрица! — рассмеялся Гарольд. — Но не потому, что я вам не доверяю! Нас могут подслушать, а не зная тайны ее не выдашь. Кроме того, вдруг кого-то из вас — к примеру, хотя бы тебя — потянет меня повидать, а за ним проследят. Нет уж, давайте обойдемся без свиданий. Мы увидимся, когда все это закончится, а до тех пор каждому лучше оставаться на своем месте.

В словах компьютерного взломщика звучала известная логика, поэтому Аулина не стала настаивать на скорой встрече. В конце концов, старшему брату, вызволившему всех из плена и решившему столько критически важных задач, наверное, виднее. Однако вопросов к нему все же хватало, на которые Гарольд с ответом не спешил. Например, как так вышло, что в контейнерах с "Хломикозмицином" оказался простой физраствор? Мартин может думать про медсестру что угодно, но сама она отлично знала о своей непричастности к подмене.

— У нас сейчас для обсуждения более важных дел нет? — вздохнул бородач. — Полагаю, дело в трагической, но банальной случайности, — тем не менее, сказал он. — После твоих манипуляций с анализами в программу могла закрасться ошибка. Она перепутала значение поменянных местами переменных и наполнила емкости совсем не тем, что требовалось.

— А почему тогда скафандры не обнаружили несоответствие? — пытливо спросила не унимавшаяся девушка.

— Как хорошо ты проводила тест после установки? — напомнил старший брат. — Рискну предположить, что ты не облачалась в каждый из "Штурмовиков". Ты ограничилась подключением расходного материала и зеленым сигнальным индикатором, сообщившим, что установленный компонент принят. Я прав?

Аулина нехотя согласилась, ибо так оно и было. Она не видела ни малейшего смысла облачаться в тяжелую амуницию, чтобы перепроверять и без того известный ей результат. Значит, по всему выходило, что это все-таки она стала причиной гибели Сонмера и

спровоцировала последующее нападение обезумевшего от горя Мартина.
— Ничего подобного! И чтобы я такого больше не слышал! — сурово заявил Гарольд.
К сожалению, добавить ему было особо нечего. По поводу возможной оплошности медсестру лучше всего способен проконсультировать Мелиюбиус, а тот сейчас находился в плену. Однако и он не даст гарантий, что к истории с контейнерами не причастен кто-нибудь еще. Например, та же Кимберли или ее мать. Зачем? А зачем Юния заявила, что Аулина убила Луизару? Круглый медицинский дрон, сейчас круживший по Убежищу, ввел ей ударную дозу снотворного, но никак не смертельную инъекцию. Возможно, кто-то из этих двух женщин изначально хотел спровоцировать некие события, чтобы Мартин предпринял решительные шаги, но ситуация вышла из-под контроля. Поведение Кимберли в принципе не получалось назвать адекватным. Может, в качестве мщения она хотела подсунуть пустышку кому-то из родных Себастьяна и Аулины, но элементарно что-то перепутала. К сожалению, в нынешних обстоятельствах сейчас это очень трудно установить, пока на борту царит такой опасный бардак. Бардак, который лучше бы поскорее прекратить, пока на звездолете не иссяк кислород.
— Кстати о нем! А разве ты не можешь уточнить по его показателям, умер еще кто-нибудь или нет?! — тут же вскинулась девушка.
— У меня едва хватает выдержки не убежать в медотсек.
— Увы, нет, — заметно расстроился Гарольд. — Или Мартин что-то основательно испортил в налаженной мной системе, пока торчал у главного терминала, или я сам ее разладил. Я спохватился лишь тогда, когда вы учинили на мостике небольшой разгром, да было поздно. Мне теперь доступны лишь приблизительные данные, а они не позволяют однозначно определить сокращение членов экипажа, пока оно не станет очень значительным. Сейчас около тринадцати часов дня. Если ориентироваться на последние точные показания, у нас осталось семь циклов и десять часов. При этом я не учитываю ни процессы горения, как в том же ангаре, ни прочие составляющие повышенного расхода. Необходима новая калибровка, чтобы устранить разброс аж в двое-трое суток, ибо только такие грубые цифры я пока и получаю.
— Значит, в любом случае нам надо поторапливаться! — заволновался Себастьян. — Если Мартин не желает обречь на гибель себя и свою семью, он просто обязан пойти на переговоры, и всяко мы о чем-нибудь договоримся!
— Как сказать… — не разделил его уверенности Гарольд.
Будто в подтверждение его слов, откуда-то донеслись гул и грохот,

сопровождавшиеся вибрацией. Вероятно, где-то что-то основательно рвануло, учитывая, насколько толстыми были переборки "Корундоры".
— Это еще что такое? — враз озаботились все присутствующие.
— Мартин. Захватил сборочный цех и теперь, видимо, наводит там свои порядки, — протянул бородач с такой интонацией, словно вслушивался в далекий шум.

Как оказалось, старший брат Аулины был совершенно прав. Пока Беллентorчи и Розентали окапывались в своем убежище, Лансберг тоже желал обрести надежный плацдарм, и в качестве такового выбрал отсек для сбора харвестеров. Там находилась уйма всякой техники, и в первую очередь различные роботы. Дроны Гарольда и советы Мелиюбиуса навели Мартина на одну мысль, которую он принялся немедленно претворять в жизнь, когда выяснилось, что мостик недоступен. Если бородатый ублюдок пользуется услугами роботов, то отчего бы то же самое не проделать и ему? Приведя семью в просторный и хорошо знакомый отсек, Мартин устроил детей в надежной секции, а сам занялся перепрограммированием машин. Перво-наперво он заблокировал все входы и выходы. Затем, когда уже никто не мог незаметно войти или выйти, Лансберг принялся методично переходить от одного робота к другому, проделывая с ними примерно одни и те же манипуляции. Его сопровождали Юния и Мелиюбиус. Теща поглядывала по сторонам, чтобы извещать зятя обо всех перемещениях подвижной техники. Что касалось искусственного разума, то он консультировал своего пленителя исключительно ради общей безопасности. Еще не хватало заполучить на борту звездолета сотню ополоумевших роботов, громящих все и вся без разбору, если в процессе перенастройки Мартин допустит ряд критических ошибок.
— Там! — вскинула руку Юния, указывая на верхний ярус, где объявился небольшой серебристый дрон.
Тот вел себя слишком подозрительно, и Мартин без колебаний разрядил в него оружейный ствол. Дрон лопнул как перегретое яйцо. Сверху посыпались фрагменты электронных мозгов и изломанные куски корпуса.
— Поднимись и посмотри откуда он взялся, — велел стрелок.
Включив антиграв, Юния порхнула к металлической балюстраде, опоясывавшей галерею в верхней части цеха, и старательно изучила окрестности. Вскоре она обнаружила узкий технический проход, скрытый за выступавшей из стены огромной будкой, откуда в разные стороны тянулись крупные низко гудевшие трубы. Протиснуться туда в скафандре было невозможно, поэтому с лазейкой поступили радикальным образом. Посланные Мартином

ремонтные роботы ее попросту заварили, использовав для этого подручные материалы, благо что в сборочном цеху их лежало хоть отбавляй. Тем временем с другой стороны показался еще один пронырливый дрон. Лансберг отныне доверял только той технике, которую запрограммировал лично, а эта летающая машина не откликалась на его позывные. Недолго думая, он взял ее на прицел. Первый выстрел прошел мимо и оплавил стену, оставив на ней потемневшее углубление. Засуетившийся дрон попытался сбежать, чем окончательно выдал свои дурные намерения. Мартин сгоряча всадил в него дуплетом и явно перестарался. Вместе со шпионом плазма разнесла и какой-то узел с цистерной и вентилем. Громыхнуло так, что аж пол под ногами затрясся. Остатки цистерны, разорванной высоким давлением, шрапнелью зацокали по цеху, а от робота и вовсе осталось одно воспоминание. Мартин чертыхнулся, но следом рвануло что-то еще. Что-то находившееся за стеной, куда уходили структуры коммуникаций. Кажется, где-то там располагалась сеть технических помещений различного предназначения, и взорвавшаяся цистерна прихватила с собой какое-то тамошнее оборудование. Газ, с шипением ударивший из поврежденных труб, свидетельствовал об этом вполне красноречиво. К счастью, это оказался самый обычный аргон, не представлявший ни опасности для людей, ни хлопот для удалившей его промышленной вытяжки. Ремонтные роботы оперативно заделали брешь и устранили тлевшую органику, а Мартин пообещал себе впредь соблюдать осторожность.

Вскоре обещание пришлось нарушить. Кимберли, остававшаяся с детьми, позвала мужа и сообщила, что из-за стены доносятся какие-то звуки. Сверившись с планом прилегающих секций, Мартин не обнаружил там ничего особенного, однако сенсоры скафандра и впрямь улавливали некое движение. Отправив семью в другую часть цеха, где была обустроена зона отдыха, Лансберг настроил мощность аннигилятора и шарахнул им в подозрительную область. В стене образовалась дыра, за которой он увидел разбегавшихся кто куда роботов. Один из них, наполовину уничтоженный расщепляющим оружием, выглядел как учебное пособие в разрезе, искря рассеченными внутренностями. Чем бы ни занималась тут вся эта пронырливая компания, Мартину она решительно не понравилась. Возможно, машины отнюдь не шпионили и не пытались пробуриться в заблокированный цех, а выполняли какие-то служебные задачи, но лучше перестраховаться. Ворвавшись в проделанную брешь, Лансберг расстрелял всех, кто не успел удрать, не слишком беспокоясь о сопутствующем ущербе. Технические тоннели наполнились дымом. Из пробитых труб потекла

едкая масляная жижа, а вдали, куда уносились заряды плазмы, что-то снова основательно громыхнуло. Кажется, Мартин развернул какую-то подстанцию, отчего пол под ногами снова задрожал, а тоннель деформировался настолько, что стал непригоден для использования даже малыми роботами.

— Дорогой, ты так и нас угробишь, — раздался в гермошлеме беспокойный голос Кимберли.

— Ты права! — тут же остыл ее муж. — Однако я не могу позволить шпионам Гарольда безнаказанно шнырять вокруг. Придется изменить стратегию.

Через каких-то полтора часа весь цех был надежно оцеплен растущей армией роботов. Мартин захватывал под свой контроль все машины, которые попадались ему на глаза, а тех, кто по каким-либо причинам стремился уклониться от его вмешательства, он расстреливал без всякого сожаления. Этим и объяснялись регулярно раздававшиеся гул, грохот и вибрация, пока Лансберг устанавливал защищенный периметр. Тот выходил за пределы цеха, ибо роботы несли дежурство в сопредельных помещениях и коридорах. Сперва они просто сообщали о попытках проникновения за установленную границу и всячески им препятствовали. Этого Мартину показалось мало. И в самом деле, не разорваться же ему, бегая взад и вперед на каждый сигнал тревоги! Недолго думая, он в очередной раз скорректировал протоколы поведения машин согласно своему новому замыслу. Выехав за пределы цеха, те сменили на посту собратьев, отозванных на модернизацию, а сами начали нести дежурство. Когда в поле их видимости объявился еще один "чужой" дрон, они не стали с ним церемониться. Подпустив его поближе, роботы использовали выдвижные магнитные захваты. Не ожидавший атаки пришелец попытался высвободиться, но не успел. С сердитым гудением полыхнули плазменные горелки. Их вывернутые до отказа струи живо продырявили корпус противника сразу в нескольких местах и вывели его из строя. Испорченный дрон был тут же доставлен в цех прибывшим носильщиком, где нейтрализованную машину оперативно разобрали на запчасти.

Само собой, на достигнутом результате Мартин не остановился. Продолжая перепрограммировать верных ему роботов, он начал отправлять их на поиски новых рекрутов. При помощи все тех же магнитных захватов они заарканивали ничего не подозревающих собратьев и тащили их в цех к хозяину. Оттуда пленники выходили с принципиально иным набором инструкций, а Мартин, удовлетворенно улыбаясь, постепенно пополнял свое электромеханическое воинство. Слишком долго, однако, так продолжаться не могло. В конце концов, Гарольд явно смекнул, что происходит, и

принял соответствующие меры. В какой-то момент роботы Лансберга попытались пленить еще одну подвернувшуюся им машину и внезапно получили решительный отпор.

Зубы показал внешне ничем не примечательный уборщик из тех, кого так и не взяли на роль харвестера. Охотники Мартина привычно выпустили в него сразу три магнитных захвата и потянули к себе. Уборщик не сопротивлялся. Лишь когда зажглись плазменные горелки, он внезапно выдвинул манипуляторы и молниеносно приложил их к сенсорам двух пленителей. Послышался сухой громкий треск. С этим звуком по электронным средствам восприятия бил электрический ток, и ток очень мощный. Обычно с его помощью уборщик обеззараживал поверхности, а то и вовсе превращал в окалину органический мусор и различные субстанции. До сих пор ему не приходилось использовать эту свою особенность для чего-то еще, и уж точно не на сенсорах других роботов. А они, учитывая специфику, были весьма и весьма чувствительными. Электрические разряды немедленно вывели их из строя, но это оказалось еще не все. Сенсоры напрямую соединялись с блоком обработки входящей информации. Да, там имелась защита, однако она не предусматривала такой могучий и внезапный перепад напряжения, да еще целенаправленный. Уборщик не просто бил нападавших током. Он использовал нужную частоту, чтобы нанести им максимальный ущерб. Предохраняющие элементы в какую-то секунду вышли из строя. Следом за ними выгорел упомянутый блок, автоматически лишив бортовой компьютер данных извне. Но и на этом поломки не закончились. Продолжавшиеся разряды пробили всю сенсорную цепь насквозь вплоть до электронного мозга. Та его часть, что соединялась с блоком восприятия, тут же выгорела. В остальной начался хаотичный разлад, приведший к тотальной неисправности. Сухой треск, поражавший двух роботов Мартина, все еще продолжался даже тогда, когда другие роботы вовсю прожигали корпус огрызавшегося дрона. Поврежденный, тот перестал испускать электричество и рухнул на пол, но вслед за ним рухнули и сраженные им враги. Их антигравы отключились, и они, потеряв равновесие, свалились в гремящую железом кучу-малу.

Лансберг не сразу узнал о происходящем. Лишь когда четвертая по счету группа вернулась в неполном составе, он потрудился пересчитать своих помощников и обнаружил потери. Пока он занимался перепрограммированием рекрутов, его армия лишилась шести отличных охотников. Их поломки оказались настолько серьезными, что как минимум в данный момент ремонт становился нецелесообразным. Это Мартин выяснил лично, покопавшись во

внутренностях неисправных машин, доставленных собратьями в секцию для ремонта. Часть их начинки оказалась фактически поджарена высоковольтным электричеством. Вытащив из памяти роботов журнал последних событий, Лансберг частично восстановил картину происшествия и все понял. Гарольд не желал остаться без толпы подручных и принял меры. Если роботы Мартина продолжат хватать прислужников бородача прежним образом, их численность начнет сокращаться куда быстрее, нежели прибывать. А она продолжала сокращаться, поскольку едва охотники или часовые блокировали приближавшуюся машину не из числа обращенных, та все чаще их атаковала. Следовало срочно изменить тактику, и Лансберг, чертыхаясь на чем свет стоит, быстро соображал, как это сделать. Вызвав очередное звено своих верных роботов, конструктор турелей принялся усовершенствовать их боевой режим.

Работа спорилась, когда Мартина кто-то потянул за локоть. Донельзя раздраженный чьим-то столь назойливым жестом, отвлекавшим его от важного занятия, он обернулся и увидел Вайолет.

— Я есть хочу, — жалобно сказала девочка.

— Видишь в интерфейсе скафандра раздел жизнеобеспечения? Зайди туда и… Ах ты ж черт! — последнее восклицание вырвалось у Мартина тогда, когда он сообразил, что амуницию его семьи никто должным образом не заправлял.

Лежавшие на челноке "Штурмовики" были готовы к высадке, а посему обладали значительным запасом автономии. Сложенные в углу ангара никто почем зря не обслуживал.

— Идем со мной! — велел Мартин, оставив полураскрытого робота, чьи внутренности виднелись промеж раздвинутых пластин корпуса загадочно мерцавшей мозаикой.

Рядом с зоной отдыха имелся внушительных размеров рефрижератор, где чего только не хранилось. Предназначался он, разумеется, для технических задач, однако бригада ЭлСо складывала туда и пищевые запасы, чтобы лишний раз иметь возможность перекусить. Открыв холодильную установку, Мартин шагнул внутрь и к своему великому неудовольствию лицезрел практически пустую полку. Помимо пары сэндвичей там лежал лишь десяток бутылок с водой. Кажется, последние дни людям было не до того, чтобы проверять содержимое заначки, и они либо уходили в кают-компанию сами, либо пользовались услугами дронов-официантов.

— Пить хочешь? — спросил Мартин.

Выяснилось, что Вайолет беспокоил не только голод, но и жажда. Схватив предложенную бутылку, девочка подогрела ее перчатка-

ми скафандра, открыла гермошлем и опустошила едва ли не залпом. Сообразив, что к чему, Мартин взял еще три бутылки и раздал родным.
— Я думала, ты позаботился о припасах! — укоризненно покачала головой Кимберли.
— Похоже, самое время, — озабоченно протянул Мартин.
На корабле имелся только один источник пропитания, и весь экипаж отлично знал, где он находится. Лансбергам было не обязательно отправляться туда лично. Подозвав к себе нескольких роботов, Мартин отдал им новый приказ, и они тут же отправились его выполнять.

Кают-компания, ввиду экономного минимализма совмещенная со столовой, граничила с секциями кухни и кладовой. Обычно вся пища изготавливалась при помощи синтезаторов, однако экипаж имел возможность стряпать ее самостоятельно, если было из чего. Это же относилось и к посуде. Как правило, ее приносили, уносили и чистили приписанные к отсеку дроны, но люди при желании могли позаботиться о столовых приборах и сами, для чего имелось некое подобие раковин. Что касалось кладовых, то там хранились припасы и обитали сервисные машины. Припасы состояли как из различных органических элементов, так и вполне самостоятельных продуктов, вроде ягод, овощей, полуфабрикатов и иже с ними. Правда, ничего натурального на "Корундоре" не водилось, зато емкости для пищевых компонентов отсутствием содержимого не страдали. Синтезаторы, черпая в них ресурсы, стабильно выдавали запрограммированные блюда пусть и не слишком аппетитного вида. Их исправную работу обеспечивали кухонные автоматы и служебные дроны. Технически, весь отсек начинался и функционировал именно с кладовых, а уже к нему шла довеском кухня и исключительно эстетическим придатком — столовая. Роботов Мартина такая структура интересовала применительно к добыче пропитания. Органические компоненты и смеси сами по себе были для людей непригодны. Их обрабатывали шкафы-автоматы из кухонного оборудования, которые в свою очередь являлись составной частью установленных в кают-компании пищевых синтезаторов. Последние заканчивали формирование готовой к употреблению еды из предварительно сваренных субстанций. Иными словами, тащить в цех емкости с органическими исходниками не имело смысла, вырезать громоздкие автоматы представлялось нереальным, а блок синтезатора как самостоятельное устройство был и вовсе бесполезен. Чтобы принести продукты хозяину, роботам Мартина следовало поступить так же, как и членам экипажа: запросить меню, выбрать желаемое и получить соз-

данные порции. Это они и собирались осуществить, но их уже кто-то опередил. Когда посланники Лансбергов прибыли в кают-компанию, у пищевых синтезаторов уже находились трое роботов, набиравших припасы в принесенные с собой контейнеры. Идентифицировав неприятеля согласно имевшимся протоколам, машины Мартина вступили с ним в схватку.

Кают-компания не очень походила в качестве арены для стычки роботов. Впрочем, для этого на звездолете вообще мало что подходило. Побросав пищу, служаки Гарольда не остались в долгу и дали агрессорам решительный отпор. Завязалось серьезное противостояние, в котором невольно приняли участие и кухонные дроны. Защищая вверенное им оборудование, они пытались нейтрализовать буянов, отчего страдали сами, но и наносили какой-никакой урон. В ход пошел весь подручный арсенал. Газовые горелки старались пробить брешь в корпусах противника, электрические разряды целились в сенсоры, тросы и захваты если и не обездвиживали, то существенно затрудняли перемещение и функционирование. Роботы еще толком не научились драться, поэтому лупили друг друга чем придется, включая элементы окружающего интерьера. Подносам, тарелкам, чашкам и даже креслам нашлось соответствующее применение. Посуда в основном использовалась в качестве метательных снарядов, вполне способных повредить какой-нибудь датчик отнюдь не армейской надежности. Мебель служила в качестве щита, и служила вполне неплохо. Чем подпускать врага к себе, куда проще перехватить его захват металлической скамейкой, а струя плазменной горелки, прожегшая выставленный стул, уже не могла добраться до корпуса робота. Кают-компания, содрогавшаяся от буйства машин, быстро утрачивала нормальный вид. Более того, она грозила утратить и присущий ей функционал. Очередной разряд из манипулятора угодил в один из синтезаторов, после чего тот загудел и стал протяжно пищать. Сервисные дроны ринулись к нему на выручку, позвав на помощь ремонтные боты, но завязавшаяся свара не позволила своевременно устранить неисправность. Более того, она затронула и прибывших ремонтников, часть из которых быстро вышла из строя, а часть стала пытаться прогнать нарушителей.

Получая лавину сигналов от посланного им звена, Мартин не придумал ничего умнее, как отправить ему подкрепление. Оно прибыло как раз тогда, когда в кают-компании, еще не слишком пострадавшей, схватка почти затихла сама собой, ибо большинство конфликтующих роботов пришло в негодность. Однако помощникам Лансбергов не удалось беспрепятственно забрать поврежденных собратьев и унести съестные припасы. Гарольд, видимо,

тоже прислал своим роботам помощь, ибо в столовую приехал с десяток разнокалиберных машин. Стычка возобновилась с новой силой, и куда более масштабно. С треском разламывался дымящийся пластик. Грохот и лязг сопровождали удары металла о металл, когда столы и скамьи летали туда-сюда и разваливались от чрезмерной нагрузки. Декоративная отделка рассыпалась в труху. Скатерти, салфетки, полотенца и занавесочки вспыхивали от снопов открытого огня и мощных электрических разрядов. На полу, стенах и потолке как грибы после дождя росли вмятины. Уловив дым и пламя, предупреждающе засвистела система пожаротушения. Очередная электрическая дуга вывела из строя большого робота, заодно пробежавшись по стоявшему рядом синтезатору. Накренившись, робот полоснул по нему плазменной горелкой, чем окончательно добил и без того пострадавшее оборудование. Тем временем чье-то со свистом вращавшееся сверло полоснуло по стене и уничтожило важный информационный экран. Трудно сказать, чем бы это закончилось, не раздайся в сборочном цеху трель вызова по интеркому.

— Чего надобно? — сурово осведомился Мартин, заведомо предполагая общение с врагом, поскольку все свои находились рядом.

— Отзови своих роботов из столовой, пока еще не поздно, — послышался голос Гарольда. На сей раз его вполне себе живой голос, а не электронная репродукция.

— А, это ты, жирная свинья! Я буду уничтожать твои железяки везде, где они мне попадутся! — в сердцах бросил Лансберг.

— А пищевые синтезаторы? — подчеркнуто выразительно осведомился бородач. — Имей в виду: если их сломать, твоя семья тоже останется без еды! И умрет от голода куда раньше, чем кончится кислород.

— О чем это ты? — немедленно обеспокоился Мартин.

Он получал сигналы от роботов, но своими глазами не видел, во что превращалась кают-компания. Из шести синтезаторов два уже пришли в негодность и еще один собирался последовать их примеру. Оставшиеся три также долго не протянут, если машины не прекратят громить все вокруг в попытке избавиться друг от друга. Все это Гарольд коротко изложил Мартину, поскольку каким-то образом обладал более информативной картиной. Тот живо уразумел, что опасность и впрямь нешуточная.

— Что скажешь? — обратился он к парившему рядом Мелиюбиусу. Вероятно, из опасений за свою шкуру сиреневый пленник старался не отлучаться от Лансберга, держась подальше от Кимберли и Юнии.

— Я полагаю, Гарольд прав, — немедленно отозвался искусствен-

ный разум. — Вне зависимости от ваших взаимоотношений уничтожение кают-компании грозит смертью всем людям на борту звездолета. Ни о каких боевых действиях в столовой не может быть и речи! Стычку надо немедленно остановить!
— Отзови своих шпионов первым! — заявил Мартин в интерком.
— Сделаем это вместе, — предложил бородач, и Мелиюбиус выразил его идее полнейшее одобрение.
По счету ноль Лансберг отдал своим роботам приказ отступить. То же самое, видимо, проделал и Гарольд, ибо тревожные сигналы на интерфейсе скафандра снизились на порядок. Схватка, угрожавшая превратить всю кают-компанию в металлолом, прекратилась.

Переговоры длились недолго. Учитывая жизненно важный стратегический интерес, столовая, включая кухню и кладовые, была объявлена нейтральной зоной. Роботы Мартина могли пользоваться своим синтезатором пищи, а посланцы Гарольда — своим. Таким образом, они не создавали взаимных препятствий, заказывая и забирая еду для своих операторов. Лансберга, конечно, такая уступка не очень-то устраивала, но он прислушался к голосу разума, активно раздуваемому Мелиюбиусом. Голодная смерть детей — это совсем не то, чего бы ему хотелось.
— Имей в виду: если пища окажется отравлена или, хотя бы, со снотворным, любым уговорам конец! — с расстановкой заявил Мартин. — Мы будем есть по очереди, с перерывом в несколько часов. Малейший признак того, что в пищу что-то подмешано — и любой дальнейший диалог с тобой исключен.
— Аналогично, — коротко отозвался Гарольд.
Засим Мартин выключил интерком и проигнорировал тут же раздавшийся новый вызов. О чем-либо еще он пока договариваться не собирался. Рано. Сперва пусть роботы принесут достаточно пищи и питья, а вот когда рефрижератор окажется хорошенько наполнен, тогда и придет черед выяснить, как разрешать сложившуюся ситуацию. Лансберг ведь прекрасно сознавал, что разрешать ее как-то надо, просто желал заранее обзавестись максимально надежным плацдармом. Именно поэтому он согласился на локальное перемирие. Именно поэтому его роботы начали прибывать в цех с грузом еды и воды. Мартин прятал добычу в холодильный шкаф, где она останется в полной сохранности еще долгое время. Гораздо дольше, нежели протянут люди на "Корундоре". Судя по всему, где-то складировал пищевые запасы и Гарольд, ибо его дроны тоже времени зря не теряли. Уцелевшие синтезаторы работали непрерывно, создавая провиант порцию за порцией. Питьевая вода лилась в большие и малые емкости, подставленные манипуляторами роботов. Противоборствующие стороны вели себя

так, будто готовились к длительной осаде, хотя обе понимали, что долго она, как бы ни сложились обстоятельства, все равно не продлится. Она и не продлилась.

Следующий виток эскалации оказался неизбежен. Мартин не блокировал кают-компанию, во всяком случае, намеренно. Просто его роботы, закончив наполнять рефрижератор, принялись за старое: ловить либо обезвреживать те машины, что не входили в электромеханическую армию Лансбергов. Гарольд, само собой, не позволял им проделывать такое безнаказанно. Стычки некогда мирной техники стали происходить гораздо чаще, постепенно охватывая все большую часть звездолета. А этой техники, учитывая габариты и автономность судна, было очень много. В повседневной жизни даже штатный экипаж "Корундоры" вряд ли отдавал себе сознательный отчет, сколько именно роботов постоянно обслуживает нужды корабля. Что касалось беглецов с "Элегии", то они только теперь начали воспринимать количественные масштабы сервисных машин. Теперь, когда те, ведомые своими враждующими хозяевами, стали враждовать и сами, превращая звездолет в поле боя. Никому на пользу это не шло, и уж точно не поврежденному судну, однако людям было не впервой выяснять отношения силой, невзирая на ущерб окружающей среде. Даже той, от которой зависело их собственное выживание. О чем-то в таком духе и толковал удрученный Мелиюбиус, но Мартин, хоть в душе и не отрицая справедливость его слов, валил все на Гарольда и отказывался идти на уступки. Да и как он мог идти на уступки убийцам своих родителей и невесть кого еще?! Что же касалось бородача, то он не желал отдавать Беллентorчей и Розенталей на милость помраченного рассудка психующих Лансбергов, отчего и не поступался своей линией обороны.

Наступила ночь. Пошел двадцать седьмой цикл с тех пор, как беглецы ступили на борт "Корундоры". Передав вахту Элмеру, Аулина отправилась отдыхать. До сих пор Мартин не предпринимал попыток атаковать центр распределения ресурсов, но ухо следовало держать востро. Его роботы регулярно шумели где-то неподалеку, когда либо тащили какие-то материалы в сборочный цех, либо устраивали стычку с другими машинами.

— Приляг, поспи, дорогая, — сказала Сара. — Ты же страсть сколько времени на ногах!

— Как ты себя чувствуешь? — озабоченно поинтересовалась девушка.

— Хорошо. Очень хорошо, спасибо, — без всякой утайки ответила ее бабушка.

Она и впрямь не кашляла и вообще не выказывала никаких сим-

птомов заражения грибком. Судя по всему, Сара окончательно исцелилась. Аулина, как медсестра, желала бы получить тому более надежное доказательство, нежели простые наблюдения, но анализы можно было сдать только в медотсеке. Невозможность туда попасть терзала девушку все сильнее, ибо на ней лежала ответственность за здоровье членов экипажа, не говоря уже о пациентах в реанимации. К счастью, помимо бабушки Сары другие близкие тоже не ощущали пагубного воздействия Плесциллы Корундорус, а их состояние оценивалось как нормальное. Иными словами, уже заболевшие все-таки поправились, а новые инфицирования не фиксировались. Не иначе как следовало отдать должное Гарольду: его огненный фильтр либо полностью уничтожил грибок, либо настолько снизил концентрацию его спор, что она перестала представлять опасность. При этом Аулина как-то позабыла и о своей собственной заслуге. Малый медицинский дрон, уцелевший после побега из медотсека, теперь обосновался в убежище. В его начинке имелась и небольшая емкость с "Хломикозмицином", ибо шарообразный робот, помимо прочего, использовался как мобильная станция для инъекций. С его помощью медсестра частенько вводила членам экипажа препарат, и им же она воспользовалась в Убежище. Лекарство, разделенное на равные части, получили все, кто прежде числился среди зараженных, вне зависимости от основного или альтернативного курса лечения. Дрон поочередно сделал людям укол, после чего сигнализировал об опустошении контейнера. Заправить его было негде, поскольку о визите в медотсек не шло и речи. Во всяком случае, на тот момент. Притворившись, что она легла спать, Аулина на самом деле лишь прикрыла глаза, дожидаясь подходящей минуты. Когда она настала, девушка отвлекла внимание стоявшего на посту Анатоля, подослав к нему назойливого робота, и выскользнула через внешнюю дверь. Фоновый шум от оборудования и прочие звуки звездолета вполне позволили осуществить задуманное даже в столь громоздкой конструкции, как "Штурмовик".

Аулина прекрасно понимала, что по доброй воле никто ее в медотсек не отпустит. Формально, в скафандре она пребывала в относительной безопасности, однако не в одиночку против Мартина, успевшего хорошо овладеть оружием. Конечно, иди девушка с напарником, шансы отбить любое нападение вырастали на порядок, но отправиться вдвоем означало критически ослабить защиту Убежища. Фактически, своим самовольным уходом она уже ее ослабляла, но совесть больше не позволяла медсестре сидеть сложа руки. Оттого Аулина и ушла тайком, даже не попытавшись кого-нибудь известить. Запрет покидать центр распределения ре-

сурсов был слишком очевиден, а еще дольше оставлять пациентов на произвол судьбы она уже не могла, как не могла и оставаться в неведении на их счет. К сожалению, Гарольд отказывался посылать в медотсек дронов, не желая рисковать тамошним оборудованием из-за возможных стычек с роботами Мартина. Аулине пришлось проявить инициативу и идти самой.

В коридорах было подозрительно пустынно. Девушка шагала кружным путем, рассчитывая добраться до цели через наименее обитаемые области звездолета, но полное отсутствие мобильной техники выглядело неестественным. Теперь, когда заварилась вся эта каша, оно бросалось в глаза, ибо прежде экипаж "Корундоры" вездесущих роботов особо не замечал. Возможно, Гарольд и Мартин намеренно отзывали свободно перемещавшиеся машины, сосредотачивая их в строго заданных местах. Это позволяло сократить количество случайных стычек, а также перенести все взаимные трения на контролируемую и наименее подверженную опасным разрушениям территорию. Как бы там ни было, Аулине оставалось только гадать, каким образом ей удается оставаться никем не замеченной. Старший брат, управлявший массой электронных помощников, просто обязан заметить ее отсутствие, и скорее рано, нежели поздно. Он наверняка сообразит, куда отправилась сестра, и вряд ли останется к ее самоволке равнодушным.

От медотсека девушку отделяла какая-то сотня футов, когда ей пришлось притормозить. Выйдя с лестницы на нужную палубу, она дошла до ближайшей развилки. Традиционно воспользовавшись выдвижным сенсором, Аулина осторожно заглянула за угол и увидела группу неторопливо ползущих роботов. В данный момент было совершенно неважно, кто именно ими управлял, поэтому она решила дождаться, когда они уберутся восвояси. На то имелись неплохие шансы, поскольку роботы удалялись прочь и останавливаться вроде как не собирались. Заняв позицию на стыке коридоров, девушка следила за каждым их движением. Внезапно датчики скафандра уловили позади какой-то слабый шум. Резко обернувшись, она никого не увидела, однако ошибаться высококлассная система обнаружения "Штурмовика" не могла. Недолго думая, Аулина живо вернулась к выходу с лестницы, и ее глазам представился поспешно удиравший робот. Скафандр, поймав объект в прицел, немедленно его идентифицировал, однако опознать беглеца удалось и без подсказок интерфейса.

— Трешечка! — изумленно прошептала девушка.

Робот, сообразив, что его заметили и дальнейшее бегство не имеет смысла, развернулся и неторопливо подкатил к ней.

— Ну и что ты здесь делаешь? — нахмурилась Аулина, быстро сде-

лав кое-какие очевидные предположения.
"Ты же не думала всерьез, что я и впрямь не замечу твое маленькое путешествие за пределы Убежища?" — возникло на интерфейсе скафандра входящее сообщение.
— Ах вот как! — негромко произнесла девушка. — Тогда почему ты мне не помешал?
"Мне было очевидно, что ты не уймешься и попытаешься удрать в медотсек при первом удобном случае", — пояснил робот, а точнее его оператор. — "Твоя забота о ближнем делает тебе честь. Я предпочел не выдавать тебя остальным, но и отпустить без присмотра не мог. Поэтому верная Трешечка как всегда сопровождает свою своевольную и упрямую, но добрую хозяйку".
Вот так, коротко и ясно. Наивная девушка воображала, что всех перехитрила, в то время как с самого начала находилась "под колпаком". Осознание этого обстоятельства внезапно принесло облегчение. Аулине больше не надо прятаться от Гарольда. Более того, Трешечка изъявила желание идти с ней, то есть оказать беглянке всю возможную помощь. Тихо рассмеявшись, девушка поманила робота за собой и вернулась к стыку коридоров. Звено машин в поле зрения отсутствовало, поэтому она, не теряя времени, тут же поспешила в находившийся рядом медотсек.

Зловредный Лансберг запер дверь секретной комбинацией. Только этим и объяснялась бесплодная попытка Аулины попасть к своим пациентам. Ее коды доступа не проходили, и проблема заключалась отнюдь не в карантине.
"Кажется, Мартин покопался в замке", — сообщила Трешечка, бдительно наблюдавшая за бесплодными манипуляциями девушки. — "Полагаю, он попросту обрубил все внешние линии. Скорее всего, дверь теперь можно открыть только напрямую, либо введя пароль, либо..."
Приунывшая было Аулина отодвинулась, когда робот потеснил ее в сторону и приник к управляющей панели. Из его корпуса выдвинулся тонкий щуп, вооруженный еще более тонким сверлом. Пробурив металлическую пластину, сверло вернулось в гнездо и сменилось гибким многофункциональным щупом. Введя щуп в образовавшуюся прореху, Трешечка некоторое время сосредоточенно там ковырялась. Судя по тихому потрескиванию, она перекраивала электронную схему, призывая ее проявить к медсестре лояльность. Призыв увенчался успехом. Пиликнув, панель озарилась приглашающим зеленым светом, а зашелестевшая дверь гостеприимно распахнулась. Обрадованная девушка тут же ринулась внутрь, а следом за ней поехала и Трешечка.

Непродолжительная радость сперва сменилась великой тре-

вогой, а затем щемящей тоской. Тани умерла. Судя по записям в электронном журнале, ее жизнь оборвалась уже несколько часов назад. Системы жизнеобеспечения работали исправно, как исправно подавались и лекарства. К сожалению, в какой-то момент произошло нечто такое, что потребовало вмешательства медсестры. В ее отсутствие компьютер принял решение самостоятельно, и оно оказалось неэффективным. Женщина скончалась, не приходя в сознание. Но смерть пришла не только за ней. Умер и Йонас. Кто-то отключил его от медицинского оборудования, без которого поддержание жизни тяжело контуженного мужчины становилось невозможно. Его дыхание прервалось, а биение сердца прекратилось. Установив сей вопиющий факт, Аулина была потрясена до глубины души, отчего стала соображать настолько плохо, что никак не могла понять, куда подевалась Луизара. Ее ведь никто не убивал, так где же она тогда?! Пришла в себя и теперь со своей семьей? Или же в беспамятстве бродит по звездолету, не оправившись от ударной дозы снотворного? Ответ на этот вопрос прояснился очень скоро.

— А я тебя ждал, — послышался от входа чей-то очень знакомый голос.

Его интонации звучали настолько пугающе, что у девушки аж мурашки побежали, причем еще до того, как она обернулась и увидела говорившего. В медотсек вошел Мартин.

— Видимо, правы те, кто утверждают, что преступника всегда тянет на место преступления. Явилась полюбоваться деянием своих рук? Что ж, изволь, — зловеще спокойно изрек он, остановившись в двадцати футах от двери.

Оттуда ему было удобнее всего держать Аулину на прицеле, а именно это, вероятно, и происходило, учитывая положение орудийных стволов.

— Что здесь случилось? — оставив терминал, повернулась к Лансбергу девушка.

Она старалась сохранять самообладание перед лицом величайшей опасности. Следовало отдать ей должное: в данный момент медсестру заботила не столько собственная безопасность, сколько безопасность оборудования. Стрельба в приемной могла поставить крест на любой врачебной помощи кому бы то ни было.

— Это ты мне скажи, — улыбнулся Мартин так, как демон, должно быть, улыбается грешнику, прежде чем утащить его в ад.

— Меня вообще-то здесь не было с тех самых пор, как я сбежала из твоего плена, — напомнила девушка.

— Убила мою мать и сбежала — ты ЭТО хочешь сказать, — Лансберг практически светился улыбкой, отчего становилось по-

настоящему страшно.
— Я ее не убивала! — невольно возмутилась Аулина столь несправедливому обвинению.
— Хочешь взглянуть на ее труп? Он в морге, вместе с остальными моими родными, — в глазах Мартина заплясал дьявольский огонек. — Впрочем, я допускаю мысль, что это сделал твой дражайший братец, когда пришел тебя освободить. Вместе с тем я также допускаю, что другие мои близкие оказались в морге благодаря тебе, Доктор Смерть. Точнее, медсестра. Подумать только: сколько тысячелетий прошло, а это нарицательное имя все еще актуально!
— Я ее не убивала! — вызывающе воскликнула девушка. — Я никого не убивала!
— Разумеется, — ласково кивнул Мартин. — Как не убивала моего несчастного отца, погибшего от грибка из-за твоих хитрых манипуляций, ибо он отправился на высадку инфицированным и без лекарства; как не убивала Тани, бросив ее на произвол судьбы. И это лишь самые вопиющие и очевидные эпизоды, ибо никто не свете не сможет доказать умысел в смерти Тобиаса и других неугодных тебе пациентов.
— Смерть Йонаса, полагаю, тоже моих рук дело? — стиснула зубы Аулина. — Находясь совсем в другом отсеке корабля, я силой мысли отключила его от системы жизнеобеспечения.
— Систему отключил я, но лишь потому, что он уже умер. Компьютер регистрировал нулевую активность его мозговых волн. Муж твоей покойной тети превратился в овощ, — неторопливо сообщил Лансберг. — Я лишь сэкономил кислород, как экономили его вы с братцем, устраняя неугодных. Вы, и все, кто входит в вашу шайку. Только в отличие от вас я сэкономил на живом трупе. Я же не чудовище, чтобы убивать таким образом живого человека. Зато каким надо быть чудовищем, чтобы бросить на погибель членов своей семьи!
— На меня, что ли, намекаешь? — захолонуло сердце у Аулины.
— А и намекать нечего. Говорю прямо, — усмехнулся Мартин. — Меня, исходя из твоих вопросов, удивляет только одно: почему вездесущий Гарольд ничего тебе не рассказал? Его шпионы болтаются повсюду. О происходившем в медотсеке он просто не мог не знать. Стало быть, знал. Стало быть, я делаю очень прозаический вывод — ты тоже все знаешь, а сейчас прикидываешься несведущей дурочкой, желая избежать кары за свои преступления.
— Зачем ты оставил здесь Тани и Йонаса? — предчувствуя беду, спросила девушка.
— Чтобы отвлечь на них твое внимание, — послышался невероятно любезный ответ. — Уж не знаю, зачем ты пришла — возможно,

надеялась застать Йонаса живым и забрать с собой, — но все-таки пришла, как я и рассчитывал. Сигнализация, установленная мной в замке, послала весточку об открытии медотсека. Жаль я раньше до этого не додумался, запирая твоего братца… Ожидая этого события, я тут же поспешил сюда, и пока ты возилась с телами, успел застать тебя на месте преступления.
— Я вернулась, чтобы помочь этим несчастным людям! Вернулась одна! Не моя вина, что ты ополоумел и запер меня здесь! Да, я сбежала, опасаясь за себя и родных, но я вернулась! Так кто же виноват в их смерти: я, спасавшаяся от безумца, или тот, из-за кого мне пришлось спасаться, оставив пациентов без надзора?! — со смесью гнева и отчаяния воскликнула Аулина.
— Можешь болтать что угодно — теперь тебе не удастся меня одурачить, — тон Лансберга резко остыл на пару сотен градусов. — Давай, зови на помощь! Только никто к тебе не успеет. С твоей стороны было большой ошибкой явиться сюда без прикрытия.
— Мартин, остановись! Остановись, что бы ты сейчас ни задумал! — горячо призвала девушка. — Остановись и давай поговорим! Давай прекратим это безумие! Мы найдем выход! Ради общего спасения мы сможем договориться!
"Внутренняя дверь приемной", — внезапно появилось на интерфейсе чье-то сообщение. — "Как только я скажу БЕГИ — беги без оглядки!"
— Время разговоров прошло. Настал черед заплатить за смерть моих отца и матери, — с неописуемым выражением изрек Лансберг.
Его лицо вдруг исказилось в каком-то зверином оскале. Глаза полыхнули прорвавшейся наружу ненавистью.
"БЕГИ!" — десятикратно повторилось одно и то же слово перед глазами испуганной Аулины. И она побежала, прекрасно понимая, от кого пришел этот зов и почему он пришел. Тонко и протяжно засвистело оружие, наливавшееся мощью аннигилятора. Удирать от него было бесполезно. Захохотав, Мартин нажал на спуск. Какая-то секунда и… Разрушенные атомные связи заставили рассыпаться в прах одну из медицинских станций вместе со всем окружающим интерьером. Круглый медицинский дрон, порхнувший от большого диагностического ложа, со всего маху врезался в оружейный ствол. Это был брат-близнец некогда освободившего Аулину шарика. Не в силах воспрепятствовать выстрелу или сбить прицел, он подставился под его смертоносную энергию и геройски погиб, защищая медсестру. Заряд аннигилятора, наткнувшись на внезапную преграду, мгновенно обратил ее в пыль, но в результате непредвиденного контакта отклонился и поразил не девушку, а

врачебное оборудование. В полу медотсека образовалась внушительная дыра, сквозь которую виднелись межпалубные структуры и какое-то нижнее помещение. Аннигилятору требовалось время на перезарядку, и еще до того, как она завершилась, опешивший Мартин услышал звук закрывающейся двери. Аулина воспользовалась упущенными им секундами и скрылась в глубине соседних комнат.

Плазменные заряды, грохотнувшие по сомкнувшейся стали, были скорее следствием проявления эмоций, нежели реальной угрозой. Оплавленный металл еще застывал, стекая от нескольких глубоких впадин, когда приемную огласил вопль безудержной ярости. И снова на дверь обрушилось несколько выстрелов, на сей раз придавая ей схожесть с решетом, однако пользы от них оказалось не больше, чем прежде. Для человека в скафандре проход все еще оставался недоступен, а поврежденные створы теперь в принципе не могли до конца уйти в стенные пазы. Дело исправил заряд из аннигилятора, выпущенный взбешенным Лансбергом. Вместо двери появилась еще одна здоровенная дыра, пожравшая все окружающее пространство вкупе с какими-то шкафами и автоматами. В полу что-то яростно искрило, однако Мартин не обратил на это ни малейшего внимания. Ринувшись к проему, он перескочил через яму, выискивая ускользавшую цель. К его великому неудовольствию, Аулина не собиралась дожидаться пока преследователь явится по ее душу. Дверь, ведущая в следующую секцию, сомкнулась явно не просто так. Свирепо рыча, Лансберг прямо на ходу принялся расстреливать ее плазмой опять же скорее от переполнявших его чувств, а не практической пользы. Пользу принесло очередное разрушение атомарных связей, осыпавшее препятствие мелкодисперсной пылью. Девушки в поле видимости по-прежнему не оказалось. Она успела исчезнуть за поворотом, продолжая углубляться в сеть технических помещений. Ну да ничего — бесконечно долго ей не удастся повторять этот нехитрый фокус. Лансберг прекрасно знал, что другого выхода из медотсека нет, поэтому рвался напролом, заведомо загоняя беглянку в тупик.

Знала об этом и Аулина. Ведомая Трешечкой, она лишь выигрывала немного времени — но только и всего. Закрывая за собой двери, она тут же бежала дальше, постепенно отрываясь от преследователя и слыша, как тот разносит преграду за преградой. Сколько она так протянет? Минуту? Грядущая схватка казалась неизбежной, а девушке до сих пор не приходилось стрелять. Ее шансы выстоять против Мартина представлялись весьма неважными. Без вмешательства Трешечки ее одиночное путешествие, скорее всего, уже закончилось бы там, в приемной. Только благо-

даря ему Аулина все еще была жива, отчего беспрекословно слушалась поступавших от спутника указаний. Правда, ее внимание в какой-то момент притупилось. Привыкнув бежать от секции к секции, она со всех ног устремилась к следующей двери, толком не прочитав новое входящее сообщение.
— Сто-о-о-о-о-ой! — внезапно возопила Трешечка вполне себе громким голосом.
Опешив от ее окрика, девушка остановилась и вытаращила глаза на преподнесшего сюрприз робота.
— Так у тебя есть речевой интерфейс?! — изумилась она, обводя взглядом заговорившую конструкцию.
— Ненадолго, если ты не опрокинешь этот автоклав! — рявкнула Трешечка. — В следующий раз читай, что тебе пишут!
Решив пока не вдаваться в подробности, Аулина подскочила к здоровенной цистерне с табло и манометрами, возвышавшейся возле только что заблокированной двери. Следуя командам робота, она включила силовой захват. Сталь ее перчаток смяла железо фиксирующих креплений словно картон, а ступни под действием нагрузки оставили в полу заметные вмятины. Действуя всем корпусом скафандра, девушка поднатужилась и сорвала автоклав с постамента, раскурочив его лопнувшие опоры. Не просто сорвала — а уронила в строго заданном направлении, ободрав при этом и трубы коммуникаций. Там что-то зашипело, но тут же умолкло, перекрытое системой защиты от протечек. Даже тяжелому грузовому роботу такая операция была не по плечу, однако возможности "Штурмовика" вполне позволяли сокрушать и более крепкие объекты. Вероятно, на это и рассчитывала прозорливая Трешечка. Правда, становилось не ясно, чего она намеревалась этим достичь. Да, большой автоклав упал вблизи от двери, однако в качестве баррикады он совершенно не годился.
— Живо в последний отсек! — грянул робот, пресекая вопрос, готовый сорваться с губ Аулины.
Заслышав приближение Мартина, та и сама сообразила, что медлить не стоит. Оставив поверженное оборудование лежать поперек прохода, она во все лопатки припустила к следующей двери и ворвалась в очередное помещение. Дальше бежать было некуда. Заперев стальные створы, девушка растерянно оглянулась, соображая, как поступить дальше.
— Сюда! — воскликнула Трешечка, призывая спутницу следовать за собой.
Та подчинилась и ринулась за ней, огибая нагромождение всякой всячины. В этот самый момент Лансберг спустил курок, намереваясь уничтожить еще одну преграду. За ней лишь одна дверь — и

он встретится с Медсестрой Смерть лицом к лицу. Набравший мощь аннигилятор закончил свистеть и выплюнул очередной неотразимый заряд. Сталь, закрывавшая дальнейший путь, привычно исчезла, рассыпавшись на атомы. Вместе с ней исчезли фрагменты стен и пола, а также часть очутившегося в облаке аннигиляции автоклава.

Взрыв практически уничтожил содержимое помещения. Во всяком случае, ничего целого в нем не осталось. Он был такой силы, что дверь позади Аулины даже выгнуло ударной волной. Эта же ударная волна, сокрушая все на своем пути, подхватила Мартина и будто щепку швырнула назад по коридору. Окажись за его спиной твердая поверхность — и перегрузка убила бы Лансберга на месте. Ему повезло. Тормозной путь получился достаточно длинным, чтобы сработавшие антигравитационные амортизаторы прекратили стремительный полет скафандра и предотвратили грядущий удар. В голове у Мартина зашумело так, словно в ней катили исполинские штормовые валы. Во рту появился неприятный привкус, а зрение расфокусировалось. Впрочем, длилось это недолго. Придя в себя, он убедился в отсутствии повреждений и с прежним пылом бросился за беглянкой. На сей раз Мартин предусмотрительно пальнул из аннигилятора издали. Уничтожив последнее препятствие, он миновал раскуроченный взрывом отсек и вбежал в последнее помещение. Система обнаружения целей старательно выискивала притаившуюся девушку, однако отчего-то никуда не наводилась. Но ведь не могла же Розенталь исчезнуть, равно как и испариться в объятиях разорванного автоклава?! Ответ пришел к преследователю тогда, когда он остановился возле дыры в полу, проделанной с ювелирной точностью. Похоже, не он один научился владеть аннигилятором. Воспользовавшись задержкой отброшенного взрывом Мартина, Аулина соорудила себе безопасный проход на нижнюю палубу и покинула медотсек без единой царапины.

Преследовать беглянку не имело смысла. Более того, это становилось опасно. Вырываясь из тупика, она наверняка позвала на помощь, и Лансберга могли поджидать превосходящие силы. Взревев от бессильной ярости, он поклялся разложить Медсестру Смерть на молекулы, после чего, несколько раз шарахнув в дыру от избытка эмоций, поспешил обратно к своей семье. Ему еще предстояло достаточно важных дел, чтобы гоняться за одним-единственным врагом. Гоняться тогда, когда следовало покончить со всеми.

Возвращения Аулины никто не заметил. Трешечка ловко отвлекла все того же стоявшего на посту Анатоля, благодаря чему

девушка проскользнула обратно в Убежище и сделала вид, что отлучалась во внутренние секции.
— А теперь немедленно ложись спать! — тихо велел верный робот, когда всякая опасность для беглянки миновала. — Силы тебе еще понадобятся.
— Спасибо за помощь, — вздохнула Аулина, расстроенная результатами вылазки. — То, что произошло в медотсеке — просто ужасно, но даже такие горькие новости лучше неведения. По крайней мере, теперь я знаю, что помочь уже никому не могу. Другое дело — как теперь с этим жить?..
— Боюсь, это еще не все, — озабоченно шепнула Трешечка. — Появление одного лишь Мартина выглядит слишком странно. Неужели он вот так запросто оставил семью, которую боялся покинуть даже на минуту, и отправился в медотсек выяснять с тобой отношения? Нет, здесь что-то не так.
Что именно — робот не сообщил, а девушка особо и не допытывалась. Чувствуя безмерную усталость, она пожелала брату доброй ночи, улеглась и тут же заснула, хотя боялась, что мысли о погибших людях не дадут ей сомкнуть глаз. Рядом, бдительно поглядывая по сторонам, неотлучно дежурила верная Трешечка.

* * *

Кимберли имела удовольствие убедиться в несомненной пользе от Мелиюбиуса. Сам того не подозревая, тот вооружил Мартина весьма неплохой идеей, которой нашлось применение на практике. Если всего один робот быстро и без особого труда смог проверить мостик на предмет наличия там людей, то сотня вполне способна оперативно обыскать весь звездолет. Где бы ни укрылись Беллеторчи и Розентали, им не удастся прятаться бесконечно долго. Машины тщательно просканируют отсек за отсеком и обнаружат, куда они подевались. И тогда Лансберги уже не упустят врагов так, как Мартин, излишне понадеявшись на свою силу, упустил Аулину. Эту ошибку он никак не мог себе простить, поскольку уничтожение опасной боевой единицы существенно подорвало бы возможности противника. Увы, сделанного не воротишь, однако наперед Мартин решил сперва стрелять, а затем уже говорить, чего наказал и остальным. Больше никаких переговоров! Отныне — только отмщение за всех погибших родных, пусть даже и не все они стали жертвами злоумышленников в лице Беллеторчей и Розенталей. В конце концов, Лансберги и Апрайты очутились в этом летающем гробу по их вине, так что им и расплачиваться в полной мере.

— Наконец-то ты прозрел, — удовлетворенно констатировала Юния, обменявшись взглядом с дочерью.
— Лучше поздно, чем никогда, — заметила Кимберли. — Больше не ворчи на моего супруга, мама. Его ослепляла дружба с этими коварными людьми, не стоившими оказанного доверия. Их предательство меня ничуть не удивляет. Еще со времен "Элегии" им были присущи ложь, чванство и лицемерие. Они всегда считали себя лучше других. Настала пора прозреть.
Креолка говорила совершенно искренне, ибо вполне уверовала в собственные утверждения. К сожалению, теперь ее никто не опровергал. Мать отпустила несколько нелестных замечаний в адрес некогда дружественных семей, а Мартин вслух пожалел, что прежде почем зря игнорировал все предупреждения жены.
— Не вини себя, дорогой! — мягко сказала Кимберли. — В конце концов, это же ты не дал нам погибнуть вместе с остальными, и ты оказался настолько умен, что вооружил нас должным образом. Сейчас я даже не упрекаю тебя в милости к этой сиреневой консервной банке. Ты был прав — она пригодилась. Мне отрадно думать, что творение этого хвастливого Беллентorча в итоге послужило против него, пусть даже само того не желая.
Мартин рассмеялся, оценив указанный нюанс по достоинству. Затем, посерьезнев, еще раз повторил с домочадцами дальнейшую стратегию, не забыв проверить исправность многочисленных систем "Штурмовиков".

К девяти часам утра в коридорах звездолета начал закипать серьезный бой. Роботы Мартина, выступив сразу тремя большими соединениями, крушили все на своем пути, обеспечивая продвижение скаутов. Те непрерывно сканировали окружающее пространство, пытаясь обнаружить любые признаки жизни. Армейские скафандры обладали возможностью сопротивляться такому обнаружению, однако среди врагов было минимум два не снаряженных ими человека. Мартин отлично настроил своих разведчиков, ловко вытянув необходимые сведения у Мелиюбиуса. Последний, разумеется, был категорически против замысла Лансбергов и вообще пришел от него в ужас, но на сей раз его никто не слушал. Мартин внял лишь одной просьбе искусственного разума — не запирать его в четырех стенах, а позволить находиться рядом. Внял, разумеется, не без собственного интереса. Мелиюбиус сумеет указать на какую-нибудь опасность вроде того треклятого автоклава. Что же за редкостная дрянь в нем содержалась? Знатно рвануло, ничего не скажешь! Так и в ящик сыграть недолго, да и судно угробить! Вот чтобы минимизировать подобные инциденты, Лансберг и оставил сиреневого советчика при себе. Заботясь о сохран-

ности звездолета и его экипажа, тот станет предупреждать, если в зоне поражения окажется какое-нибудь гремучее или ядовитое оборудование. Ну, корабль-то Мартин без особой нужды не тронет, а вот насчет некоторых его обитателей Мелиюбиусу лучше иллюзий не строить. Не Лансберги начали эти смертельные игры, но они их закончат!

Коридоры, по которым продвигались агрессивные роботы, выбирались не случайно. Они служили основными транспортными артериями "Корундоры", откуда ответвлялись боковые пути, и откуда проще всего было поочередно проверить все отсеки. Мартин успел собрать изрядную армию, поэтому без труда организовал массированное наступление, прикрывая работу скаутов. Просканированные помещения опечатывались и ставились на сигнализацию. Теперь, если враги попытаются прокрасться в уже исследованную область, они обязательно себя выдадут, ибо по коридорам сновали дозорные дроны. Первоклассный конструктор турелей быстро сумел поставить перепрограммирование машин на поток, тем паче, что за почти месяц злополучного полета он основательно их изучил. Превращение уборщиков в харвестеры не прошло для него даром. Если уж Лансберг с легкостью управлялся исполинскими системами залпового огня, способными вывести из строя крейсер, то какие-то сервисные боты стали для него как пешки на шахматной доске. Кстати, эти пешки обладали недурным техническим арсеналом, в умелых руках становившимся весьма опасным оружием. Оно и было пущено в ход, когда три ударных группировки дали жару прислужникам Гарольда.

Мартин не рассчитывал, что его армия сумеет продвигаться беспрепятственно и без потерь. Он лишь отслеживал нараставшую активность, следуя определенному соображению. Жирная свинья вряд ли примется остервенело защищать пустующий сектор звездолета. Скорее, наоборот — чем ближе роботы Лансбергов будут подбираться к Розенталям и Беллеторчам, тем активнее начнет расти встречное сопротивление. Согласно этой логике Мартин корректировал маршрут боевых звеньев и вскоре убедился в своей правоте. По мере приближения к центру распределения ресурсов противостояние стало принимать особо ожесточенный характер. В некоторых местах роботы шли практически стенка на стенку, устраивая неистовое побоище. От треска и грохота электрических разрядов содрогались стены. Плазменные горелки дырявили сталь, оставляя на некогда гладких поверхностях глубокие борозды в обрамлении застывших капель стекавшего металла. Тянуло дымом, копотью и горелой смазкой. Под потолком вертелись оранжевые сигнальные огни, а от носа до кормы звездолета прокатывались

трели объявленной тревоги. Система безопасности, пытаясь известить людей о нараставшей угрозе, не понимала, что сами люди ее и учинили, пусть и посредством безропотных машин. Оценивая диспозицию, Мартин пришел к выводу, что сопротивление вблизи от центра распределения ресурсов выросло не просто так, и сконцентрировал натиск своих роботов в едином направлении. Спустя какое-то время один из скаутов, сумевший подобраться к намеченному отсеку достаточно близко, доложил, что впереди замечены признаки жизни. Скаут поплатился за эти сведения уничтожением, но Лансберг узнал, что хотел. Его следующая команда активировала заранее разработанную стратегию.

Буквально за четверть часа роботы Мартина осуществили глубокий прорыв благодаря неожиданно примененному новшеству. Хладагенты, до сих пор использовавшиеся исключительно в мирных целях, ударили в машины неприятеля подобно брандспойтам, разгонявшим демонстрантов. Не ожидавшие такого натиска, те быстро выходили из строя из-за неисправностей в критически важных узлах. Роботы могли работать при низких температурах, но хладагенты фактически промораживали их насквозь, образуя глубокую и обширную наледь. Электронные схемы попросту закорачивало, а манипуляторы застывали в гнездах. Даже если этого не происходило, пораженные антигравы больше не удерживали машину в воздухе и та утрачивала подвижность, становясь легкой мишенью. Армия Мартина практически смела заслоны Гарольда и вырвалась на оперативное пространство. Впрочем, вскоре выяснилось, что и бородач оказался не лыком шит. Дав слабину, он намеренно позволил технике Лансберга проникнуть вглубь звездолета и растянуть ряды, чем в нужную минуту и воспользовался. Увлеченные захватом территории, ее крупные передовые отряды угодили в засаду.

Гарольд отлично рассчитал подходящий момент, будто в отличие от Мартина видел все происходящее собственными глазами. Три ударные группировки неприятеля имели неоспоримое преимущество, неистово круша все вокруг, и вдруг положение изменилось. Тяжелые грузовые роботы, не иначе как позаимствованные бородачом в трюме, на всех парах выскочили нападавшим наперерез. Выскочили кто из бокового отсека, а кто на перекресток коридоров. Их, разумеется, встретили потоки хладагентов и прочие прелести, но о своей сохранности роботы не беспокоились. Они очутились в гуще врагов уже недееспособными, зато очутились вместе с увесистым грузом. Этим грузом оказались толстые цистерны с инертным газом. В силу своего объема их содержимое просто физически не успело замерзнуть даже на треть, зато забла-

говременно подложенная гремучая смесь отреагировала на внешнее воздействие должным образом. Разорвавшиеся цистерны в мгновение ока не оставили от роботов-камикадзе даже воспоминания, но вместе с ними они прихватили и всех, кто очутился в зоне поражения. Сжатый газ высвободился с такой могучей силой, что страшно деформировал все машины в радиусе десяти ярдов. С диким звоном и лязгом их фактически разбило на запчасти, картечью зацокавшие далеко в стороны. Тех, кому повезло не развалиться на составляющие, раскидало как пенопластовые кегли. В считанные секунды победоносная армия Лансбергов разом лишилась трех дюжин отменных роботов.

Всерьез рассчитывать, что Мартин, понеся внушительные потери, оставит свою затею и успокоится, не приходилось. Он и не подумал прекратить атаку, а лишь немного отступил, чтобы перегруппировать боевые звенья. Следующие два эпизода показали, что ему требуется скорректировать и тактику. Радиоуправляемые самоубийцы продолжали бросаться в бой, и лишь своевременно принятые меры позволили значительно снизить ущерб. Лансберг кратно уменьшил численность роботов на заданную площадь. Теперь они действовали не плотной группировкой, а малыми отрядами. В случае неминуемой угрозы им было проще растянуться в цепь или перестроиться шахматным порядком. Эффективность грузовых камикадзе критически упала, отчего Гарольд прекратил их частое использование и пускал в ход лишь по мере необходимости. На смену масштабным столкновениям вновь пришла череда отдельных стычек, несколько походивших на дуэли. Распределяясь по свободному пространству, роботы сцеплялись друг с другом в основном поодиночке, стараясь соблюдать дистанцию. Здесь преимущество оказалось на стороне Гарольда. Поливать одиночных врагов отнюдь не бесконечными хладагентами было слишком расточительно, а без этого машины Мартина несли чувствительные потери. До центра распределения ресурсов оставалось рукой подать, но продвижение Лансбергов застопорилось, а затем их армия и вовсе стала откатываться назад. Гарольд бросал в бой заранее подготовленные отряды, сумевшие перехватить у нападающих инициативу. Похоже, Мартин здорово недооценил количество техники имевшейся в распоряжении врага, ну да это уже ничего не меняло. Скауты безошибочно извещали о присутствии людей, отчего план операции вступил в следующую фазу.

Гарольд, должно быть, торжествовал, когда его приспешники практически очистили один из трех ключевых коридоров и ринулись дальше, однако его торжество длилось недолго. Навстречу его роботам, сердито гудя, устремились сгустки плазмы, очередями

выпускаемые из озарявшихся огнем орудий. Пройдя чередой отсеков, Мартин внезапно ступил на передовую и расстрелял всю технику врага как мишени в тире. Теперь он лично возглавил атаку, шествуя будто могучий танк и уничтожая все на своем пути. Согласно его приказу, вслед за своим хозяином устремилась и большая группа роботов. Другие группы одновременно начали заходить неприятелю с флангов, чтобы рассредоточить его ударную мощь и отвлечь внимание. Прежде Лансберг воздерживался от своего непосредственного участия в сражении. Энергия скафандра не бесконечна, поэтому расходовать ее следовало с умом. Теперь же, когда местонахождение вражеских семей было обнаружено, он выступил на сцену, развивая достигнутый успех. И развивал он его в полной мере. Потоки плазмы, жужжа растревоженным пчелиным роем, проносились по коридору и рвались вдали, разнося подручных Гарольда в обугленные клочья. Против боевого потенциала "Штурмовика" они были совершенно бессильны, даже не успевая хоть как-то приблизиться. Вот другой "Штурмовик" представлял реальную угрозу. Когда впереди показался один из входов в центр распределения ресурсов, оттуда выступил какой-то человек и открыл ответный огонь.

Мартин ожидал появления кого-то из Беллеторчей или Розенталей, поэтому не позволил застать себя врасплох. Защитные поля скафандра работали как положено, но он тут же отступил в ближайшее укрытие, огрызаясь на входящий урон точными залпами плазмы. Само собой, "Штурмовик" врага тоже успешно отражал атаки. Вопрос заключался в том, чью защиту пробьет раньше. У Лансберга имелись основания считать, что это будет не он. Противник вел скорее заградительный обстрел, нежели всерьез пытался уничтожить нападавшего. Мартину не пришлось долго гадать, кто именно ему противостоял. Голос Себастьяна, усиленный волновым излучателем скафандра, загремел по всему коридору, призывая к благоразумию. Феноменально! Неужели этот самонадеянный тип и впрямь воображает, что ему в очередной раз удастся запудрить Лансбергам мозги? Кажется, он всерьез считает себя умнее всех! Ну, его черепушке не помешает проветриться, а добрый заряд плазмы вполне способен проделать для этого подходящую дыру. Старательно наведясь на цель, Мартин шарахнул по ней из аннигилятора.

Яркая вспышка помешала рассмотреть, что именно произошло в области распада атомарных связей. Вместо двери образовалась внушительная брешь, сферообразно распространившаяся на окружающее пространство. Лансберг разрядил орудие с чистой совестью без всяких подсказок Мелиюбиуса. Он достаточно хоро-

шо помнил, где и что находилось в центре распределения ресурсов, чтобы без боязни уничтожить атакованный участок. Только уничтожил ли он врага?.. Себастьян куда-то подевался, однако вряд ли его вот так запросто разложило на молекулы. Выждав, когда осядет пыль, Мартин неторопливо выбрался из укрытия и пошел вперед, держа брешь на прицеле. Посланный им дрон сунулся в нее гораздо раньше хозяина и лопнул будто мыльный пузырь, сраженный одним точным попаданием. Тут же послышался голос Себастьяна. Он громогласно предупреждал, что Мартин сейчас испытает мощь аннигилятора на себе, если не прекратит атаку и не отступит. Само собой, Мартин не отступил. Подозвав к себе звено роботов, он отправил их перед собой в качестве щита. Сам же уверенно приближался к проему, готовясь нанести еще один удар. И нанес. Стоило ученому высунуться из-за стены, как Лансберг выстрелил, не заботясь, что тем самым он зацепит и подвластные ему машины. В следующее мгновение произошло нечто непредвиденное. Новая вспышка полыхнула гораздо ярче предыдущей. Более того, на сей раз она возникла не только впереди, но и вокруг Мартина. Это сработали силовые поля, защищавшие человека в скафандре от внешней угрозы. Сперва тот подумал, что ученый успел попасть в него ответным огнем, однако это не совсем соответствовало действительности. Точнее, вспышку и впрямь подстегнуло оружие Себастьяна, но целился он отнюдь не в бывшего друга. Заряд из аннигилятора ученый всадил в пол подле наступавших роботов. Выстрел Мартина угодил в область запущенной реакции, отчего не достиг цели, а вступил с ней в бурное взаимодействие. Столкнувшись друг с другом, два процесса аннигиляции, уже происходивший и нарушенный, приняли нестандартный характер. Область поражения увеличилась, но само это поражение видоизменилось. Структура вещества пострадала лишь частично, где-то полностью исчезнув, а где-то только утратив обычную прочность. Сталь будто изъело парами кислоты этаким затейливым узором, похожим на тот, что оставляет морозное утро на стеклах зданий. От роботов, попавших в самый центр активной зоны, мало что осталось, зато другие частично уцелели. Правда, именно частично. У кого-то испарилась вся фронтальная часть, а кто-то зиял выеденным атомами боком. В таком пугающем виде они и рухнули вниз, поскольку пол коридора рассыпался в труху. Туда же рухнул и Мартин, окруженный сияющей взвесью распадающегося вещества.

Защитные поля обеспечили целостность скафандра, однако из-за огромной энергетической нагрузки и физических особенностей антигравитационные амортизаторы включились с задержкой.

Мартин не разбился и даже не ушибся, но все же достиг нижерасположенной палубы, гулко коснувшись ее ногами. Точнее, он достиг одного из помещений на этой палубе, куда теперь вела зияющая пропасть. Кажется, это была какая-то изоляционная камера или нечто в этом роде. Она явно не предназначалась для посещения людьми, да и роботы здесь объявлялись постольку поскольку. Ну, исключая тех, что сейчас обломками громоздились друг на друга и продолжали рассыпаться в прах, будто их корпуса и внутренности пожирали микроскопические жучки. Пустынная камера имела форму длинного прямоугольника с боковыми проемами. Какое-либо оборудование в ней практически отсутствовало, исключая подозрительно черневшие жерла странных углублений, похожих на ракетные сопла. Мартин не помнил, для чего предназначалась эта секция, и немедленно восполнять пробел в своих знаниях не спешил. Он попытался взлететь обратно, но тут на него сверху обрушился град плазмы. Себастьян, заняв позицию на краю пропасти, не собирался допускать такого маневра, а в условиях ожесточенного огня использование двигателей и даже антиграва представлялось не самой удачной идеей. Без отдельной ядерной энергоячейки уязвимость "Штурмовика" существенно возрастала, а взяться ей было по-прежнему неоткуда. Имевшийся же источник питания распределял нагрузку по всем системам, и его критическая просадка грозила весьма удручающими последствиями. Изрыгая ругательства, Мартин стал отстреливаться и отступил под защиту потолка, где наскоро оценил создавшееся положение. Похоже, лобовую атаку следовало отложить. Пробиваться наверх под прицелом вражеских пушек означало почем зря рисковать собой. Очередная дыра, проделанная антигравом где-нибудь по соседству, ничего не изменит, а чем прогрызать ее поодаль проще отыскать подходящую лестницу. Так Мартин и поступил, решив не искушать судьбу. Последнее относилось и к другому замыслу — соорудить несколько брешей в полу центра распределения ресурсов. Гарольд правильно рассчитал местоположение Убежища. Боясь зацепить что-нибудь критически важное непосредственно в отсеке или скрытое в межпалубных структурах, Мартин отказался от опасной затеи, грозившей последствиями и для его семьи. Тут он был полностью согласен с Мелиюбиусом, остававшимся на связи и настоятельно упрашивавшим воздержаться от разрушений. Что ж, найдется и другой путь. Пройдя до конца изоляционной камеры, Мартин увидел большой закрытый люк, вышиб его ударом ноги и стал искать цивилизованный проход наверх. Атака на Убежище меж тем отнюдь не прекращалась.

Пока Себастьян отбивал нападение Мартина, Аулине тоже

скучать не приходилось. Самую опасную задачу ученый взял на себя, но и на ее долю выпало достаточно испытаний. Роботы Ланс-берга вплотную подступили к центру распределения ресурсов и принялись пробиваться через периметр разом во множестве мест. Они наседали не только на двери, но также резали горелками сте-ны, морозили сварные швы и вообще пытались проникнуть внутрь самыми разными способами. Ничего хорошего это не сулило. Если им не препятствовать, Убежище вскоре превратится в швейцар-ский сыр, а роботы Гарольда, вполне эффективные в открытом сражении, не очень-то справлялись с отрядами диверсантов. Бои теперь кипели вокруг большей части защищаемой границы, и фронт постепенно разрастался, грозя замкнуть окружение. Га-рольд присылал на подмогу все новые партии роботов, но точно так же поступал и Мартин. Коридоры и прилегающие отсеки за-полняли груды металлолома, в которые превращались поверже-нные машины, а они все прибывали и прибывали, распаляя и без того неистовую схватку. Выйдя за пределы Убежища, Аулина при-нялась сбивать одного дрона за другим. Боясь попасть в союзную технику, она косила лишь тех, кто пытался проделать брешь в сте-не или же приближался к заблокированным дверям. Само собой, девушка не торчала столбом, а активно сновала вдоль периметра. Это напоминало охоту на тараканов, повылезших в ночной темно-те и застигнутых врасплох внезапно зажженным светом.

Со стороны могло показаться, что самой Аулине ничего не уг-рожает, но это было обманчивое впечатление. Она то и дело ока-зывалась в узких проходах или замкнутых пространствах, где на нее регулярно нападали враждебные роботы. Их поведенческий чип позволял причинять вред не человеку, а скафандру, отчего девушку пытались поразить то плазменной горелкой, то хладаген-тами, а то и магнитными захватами. При помощи последних ма-шины старались замедлить или обездвижить "Штурмовик", а затем попытаться вывести его из строя. На это у них имелись вполне ре-альные шансы. Силовые поля, успешно отражавшие плазму и да-же аннигиляцию, против условно обычных контактов действовали на порядок хуже. И в самом деле, каким образом прикажете им блокировать перепады температуры или прикосновение простого железа, если человек ходит по полу и берется за дверные ручки? Плазменная горелка, исторгающая раскаленную струю, считалась угрозой и заведомо отражалась. Манипулятор робота, то есть ку-сок металла, очутившийся вплотную к скафандру и внезапно вы-плюнувший огонь, в теории успевал нанести некоторый урон. Си-ловое поле физически не могло работать непрерывно и на макси-мум. Точнее, могло, но тогда оно, во-первых, быстро сожрало бы

всю энергию "Штурмовика"; во-вторых, Аулине пришлось бы лететь, а не идти на своих двоих, что в условиях звездолета было не очень-то удобно, а порой и невозможно. Бортовой компьютер скафандра, распределяя интенсивность охранных барьеров, стремился делать это наиболее эффективно, но стопроцентной защиты именно от всяких мелочей он не давал. Именно поэтому система безопасности уверенно отражала заряд плазмы, а вот алмазное сверло, выпущенное при критическом сближении, чуть не проникло в коленный сустав. Ударом колена Аулина отбросила коварно сунувшуюся к ней машину, а сверло, не успевшее заклинить механизм, сломалось и рассыпалось на осколки.

— Осторожнее! — обеспокоилась Трешечка, неизменно сопровождавшая свою хозяйку в компании нескольких пронырливых дронов.

— Тебя это тоже касается! — ответила та, метким выстрелом сшибая очередного врага, объявившегося позади ее спутника.

Девушка волновалась за сохранность верного робота, пусть им и управлял старший брат, и всячески его оберегала. Тот, в свою очередь, сообщал ей оперативные сведения и предупреждал о грядущих атаках. Действуя на пару, Аулина и Трешечка довольно эффективно охраняли периметр до тех пор, пока машины Мартина все-таки не начали проникать внутрь через вскрытые служебные ходы. Тогда Аулина вернулась в Убежище и принялась обезвреживать подступавших диверсантов, в то время как роботы Гарольда взяли на себя охрану внешних подступов.

В центре распределения ресурсов девушка стреляла еще меньше, чем прежде, предпочитая орудовать кулаками и ногами. От ее ударов неприятельские механизмы разлетались будто пустые мусорные баки, и лишь некоторые лопались от точных попаданий плазмы.

— Дай-ка я тебе помогу, дорогая. Такое и мне по плечу, — раздался в гермошлеме знакомый голос.

Мимо Аулины, теряя элементы корпуса, с грохотом прокатился один из враждебных роботов. Обернувшись, она увидела Сару. В ее скафандре так и не получилось активировать оружие, зато силовой режим работал исправно, да и защитные поля вполне функционировали. Бабушке Аулины было поручено охранять Пауля и Анатоля, на чью долю не досталось "Штурмовиков", но тем ничего не грозило, пока роботы не стали пробираться в Убежище. А в этом случае лучшей обороной становилось нападение, отчего Сара и присоединилась к внучке.

— Иди, дорогая, туда, где от твоих пушек больше проку, а я здесь подежурю, — ласково сказала она, угощая кулаком еще одного су-

нувшегося в пролом диверсанта. — Мимо меня и мышь не проскочит!
Подкатившие ремонтные роботы принялись заваривать брешь, приложив к ней внушительный лист из жаропрочного сплава. Аулина заколебалась, однако Трешечка нашла предложение стоящим. Судя по текущей обстановке, сейчас следовало не гоняться за одиночными лазутчиками, а прийти на подмогу Элмеру. Тот, не сходя со своего поста в правом крыле Убежища, уверенно отстреливал лезущих боевиков Лансберга, но их число прибывало. Вдвоем с Аулиной ему удастся зачистить прилегающую область и значительно снизить растущую угрозу. А она росла как на дрожжах, и в зоне ответственности Элмера фиксировалась резко возросшая активность врага. Вероятно, отнюдь не случайно, ибо Мартин, недавно отбитый Себастьяном, вернулся с другой стороны и только что вступил с ученым в ожесточенную перестрелку.

Аулина давно уже не спорила с предложениями Трешечки, неоднократно выручавшей ее в очень непростых ситуациях. Она лишь удивлялась, каким образом Гарольду удается действовать так же быстро и эффективно, как некогда Мелиюбиусу, за которого, кстати сказать, ее тревога росла с каждой минутой. Старший брат ласково уверял, что искусственному разуму ничего не грозит, но сестра не очень-то ему верила. Мартин, дошедший до такого откровенного безумия, способен выкинуть любой номер. Прислушавшись к поступившей рекомендации, девушка оставила диверсантов на Сару, а сама поспешила в правое крыло.

Элмер очень обрадовался прибывшему подкреплению. Завидев приближавшуюся Аулину, он приветственно помахал ей рукой. Его скафандр основательно разрядился от интенсивной стрельбы и рисковал лишиться вооружения и защиты, если противник не ослабит натиск. К счастью, силовое поле, уже начиная сдавать, практически не использовалось. За весь период дежурства к Элмеру лишь трижды подобрались атакующие дроны и проверили его на прочность, но он разнес их на куски, хрустевшие теперь под ногами обугленными фрагментами.
— Ты вовремя! — не без облегчения воскликнул отец Себастьяна, когда его и девушку разделяли каких-то три десятка ярдов.
После уничтожения последнего робота стрелка индикатора энергии "Штурмовика" тревожно качнулась вдоль желтой части шкалы до самой границы красной. Это означало скорое обнуление элементов питания. Сдав пост невесте своего сына, электрик рассчитывал подзарядиться, благо энергоузел Убежища находился недалеко и функционировал без всяких неполадок.
— А то! — бодро воскликнула спешившая к нему Аулина. — Я уж

привыкла приглядывать за всеми вами! Мне не впервой…
Она не договорила, ибо слова замерли на языке. Потолок над головой Элмера внезапно исчез в радиусе тридцати футов. Вспышка аннигиляции развеяла атомарные связи толстого тугоплавкого металла, обратившегося в сверкающую пыль. Ее облако только начало оседать, как за первой вспышкой последовала вторая, окутавшая фигуру мужчины. Яростно заискрили сполохи силового барьера, пытавшегося отразить натиск распадавшегося вещества. Энергия "Штурмовика" критически просела, и защита дала слабину. Аннигиляция, однако, не поглотила отца Себастьяна, чей скафандр выдержал атаку остатками уцелевшего заряда. Вот очередь из плазмы, дождем полившейся сверху одновременно с процессом аннигиляции, ему отражать было уже нечем. Один из множества выстрелов прожег многослойную броню, оставив на ней зияющую дыру. Еще один окончательно пробил защиту и поразил тело Элмера. Его колени подогнулись, и он рухнул на пол, осыпаемый все летевшими и летевшими сгустками плазмы. Интенсивный огонь тут же прекратился, ибо в нем отсутствовала всякая нужда. Элмер был мертв.

Аулина не успела прийти на помощь отцу Себастьяна, да и физически не могла. Все случилось в считанные мгновения. Это для нее, скованной ужасом, прошла целая вечность, будто растянувшаяся в замедленной съемке. Молниеносные вспышки плазмы казались ей неторопливо раскрывавшимися бутонами света, а едва заметные глазу трассы — длинными пламенеющими дорожками. Как в замедленном кино сверху спускались и какие-то люди, облаченные в скафандры. Это они только что расстреляли Элмера, а теперь проникли в Убежище через развороченный потолок. В глазах Аулины потемнело. Практически не отдавая себе отчета, она выжала форсаж двигателя и свистящей пулей ринулась на ближайшего врага. Тот даже не успел навестись на новую цель, разрядив орудия вхолостую. Со всего маху девушка сшибла одного из двух убийц прямо в воздухе, по касательной врезалась с ним в потолок, а затем в стену.

В первые секунды опешившей Кимберли только и оставалось наблюдать, как Аулина, полыхая соплами двигателей, ракетой скользит по полу вместе с крепко схваченной Юнией. Атака была столь непредвиденной и внезапной, что ни мать, ни дочь не успели ничего предпринять. До сих пор у обеих все шло как по маслу, пока они следовали плану главы семьи. Роботы отвлекли внимание на себя, и когда Мартин начал штурмовать отсек на левом фланге, его жена и теща скрытно заняли позицию над правым. В пылу бушевавшего сражения это удалось им достаточно легко, особенно

с тем учетом, что их попросту не ждали. С точки зрения врагов, Лансберги располагали только одним скафандром с активным боевым режимом. Неожиданное появление еще двух было козырным тузом, выложенным в наиболее подходящий момент. Кимберли и Юния отлично знали, где стоит Элмер. Благодаря непрерывно наседавшим машинам ему не давали ни минуты покоя, и эти же машины помогли нанести точно рассчитанный удар. Когда креолка расщепила межпалубное перекрытие, ее мать всадила заряд из аннигилятора в заранее захваченную цель, после чего обе обрушили на мужчину дождь из плазмы. Тот не выдержал мощного двойного натиска, и Себастьян Беллендорч расплатился своим отцом за отца Мартина. Не теряя времени, мать и дочь стали спускаться в отсек, чтобы взять под контроль правое крыло логова врагов. В четыре орудийных ствола теперь это представлялось несложной задачей. Вот только от них не оказалось ни малейшего толку, когда невесть откуда налетевшая Аулина намертво сцепилась с Юнией.

Дезориентированная сильными ударами о металлические поверхности, мать креолки основательно растерялась. Голова у нее пошла кругом, а озадаченно жужжавшее оружие было не в силах ей помочь. Даже захвати оно цель, любой выстрел, учитывая недопустимую близость, нанес бы Юнии не меньше ущерба, чем ее противнице. Примерно в том же положении очутилась и Кимберли. Стрельба по Аулине фактически означала стрельбу по обеим женщинам, ибо их сплетенные скафандры непрерывно кувыркались, подскакивая над стальным полом. Боясь попасть по собственной матери, креолка пребывала в изрядном смятении, лихорадочно гадая, что ей предпринять. Зависнув в воздухе, она разворачивалась вслед за столкнувшейся парой, пытаясь выгадать момент для выстрела. Прицел, осветившийся зеленым светом, вроде бы дал орудиям добро, но тут как назло включились амортизаторы Юнии. Используя стандартные протоколы, она пыталась зафиксировать свое положение в пространстве. На деле все вышло только хуже. Двигатель Аулины продолжал работать. В результате скафандры не просто не остановились, но их перемещение окончательно приняло хаотичный и непредсказуемый характер. "Штурмовик" девушки создавал мощную тягу, амуниция ее соперницы этому препятствовала, а поскольку векторы сил не направлялись друг другу навстречу идеально, обеих разворачивало абы куда. И разворачивало тем быстрее, чем больше надрывались ярко пышущие сопла. Перед глазами Юнии началась такая круговерть, что она почувствовала приступ тошноты, сопровождавшийся целым набором других неприглядных симптомов. Аулина же, придя в со-

стояние аффекта, не испытывала никаких болезненных ощущений, либо же попросту их не замечала. В ее голове пульсировало одно лишь неистовое желание — раздавить, искромсать, разорвать убийцу отца ее возлюбленного, этого хорошего и веселого человека, который теперь лежал с прожженной грудью. При этом девушкой не владели одни лишь звериные инстинкты, позволявшие кусаться и царапаться, но исключавшие осознанное взаимодействие с высокотехнологичной техникой. "Штурмовик-4" не очень хорошо подходил для ближнего боя, преимущественно ориентированный на дистанционный. Тем не менее, в его арсенале имелось кое-что и для рукопашной схватки. У правого запястья Аулины полыхнул выпущенный термоклинок. Это была не плазменная струя и не лезвие ножа в его классическом понимании. Скорее, раскаленный сгусток энергии, удерживаемый вокруг центрального стержня силовым полем, но полем предназначенным не для защиты, а для поражения. Продолжая обхватывать Юнию левой рукой и ногами, девушка принялась наносить свирепые удары, стараясь поразить узлы вражеского скафандра. Учитывая тесный контакт, теперь он физически не мог отражать урон на расстоянии. Термоклинок скользил по многослойной броне, куда подавались внутренние защитные барьеры. Каждое его прикосновение выбрасывало снопы искр, сыпавшиеся во все стороны. Чувствуя себя все хуже и хуже, Юния отчаянно пыталась избавиться от объятий Аулины, но из ее отчаянных телодвижений ничего не выходило. Взяв пример с врага, она тоже включила термический нож, однако дезориентация в пространстве не позволяла действовать им столь же эффективно, как разъяренная девушка. На одно попадание Юнии та отвечала тремя, причем не беспорядочными, а целенаправленными. Активированный силовой режим, позволявший ворочать тяжестями и разбивать камни, также ничего не дал. Он ведь имелся и у другого скафандра, отчего никто из женщин не получил преимущества, разве только обе рвали друг друга на куски еще ожесточеннее, чем прежде.

Вскоре Кимберли вышла из ступора. Она перестала почем зря наблюдать, как два "Штурмовика" кружат и мечутся по секции, сшибая все на своем пути. Сообразив, что заплечные пушки сейчас ее матери ничем не помогут, она включила двигатель и ринулась на выручку. Уж вдвоем они точно сумеют отцепить бесновавшуюся Аулину, а потом отправить ее на тот свет вслед за Элмером. Креолка уже прикидывала, как лучше всего схватить бывшую подругу, как вдруг траектория ее движения резко изменилась. Буквально только что она начала сокращать расстояние до дерущихся, и внезапно ее скафандр, резко крутанувшись, устре-

мился навстречу с полом. Перед взором Кимберли возникла большая группа роботов, после чего она с разгону грянулась о палубу и завертелась как в центрифуге.

Забывать о существовании отнюдь не бездействующих машин семейству Лансбергов явно не стоило, особенно если среди них была Трешечка. Никто из людей не видел, как она возглавила командование собратьями после гибели Элмера.

— Проклятье! — раздался ее никому не понятный шепот, когда сенсоры однозначно подтвердили, что отец Себастьяна мертв. — Это зашло слишком далеко! Кто же знал, что чертов скафандр все-таки не выдержит!..

Казалось, сразив мужчину в "Штурмовике", Лансберги обеспечили своим роботам прорывное превосходство, учитывая скованность Аулины. На деле все произошло с точностью до наоборот. Те даже не успели ворваться в правое крыло Убежища, хотя и предприняли массированную атаку согласно последовавшему приказу. Откуда ни возьмись, навстречу им выдвинулись роботы Гарольда. Они следовали своеобразной стеной, возвышаясь в три ряда. Неприятель привычно изготовился выпустить по ним упругие струи хладагентов, но тут приключилось нечто принципиально новое. Послышалось невероятно громкое шипение, похожее на выпускаемый воздух разом из сотни доисторических автомобильных покрышек. Затем раздался такой звон и лязг, будто кто-то стрелял картечью. В известном смысле, так оно и оказалось. Раскрыв технические люки подобно пушечным портам древних галеонов, машины Гарольда пустили в ход пневматические стволы. До сих пор те использовались для забивания заклепок и прочих производственных задач, но на сей раз все обстояло иначе. Невесть каким образом мощь пневматики невероятно возросла. Исторгаемые ей кусочки стали обрели огромную пробивную силу. Навстречу роботам Лансбергов фактически неслась туча шрапнели, и эта шрапнель без труда разбивала сенсоры, деформировала внешние узлы и пробивала металлические корпуса. В тесноте звездолета деваться от нее было просто некуда, а она все летела и летела, испускаемая волна за волной. В считанные секунды боевые звенья Мартина превращались в груду бесполезного железа. Не прошло и минуты как роботы Гарольда отбросили неприятеля от правого крыла Убежища, а затем продолжили свое разрушительное шествие, обращая в решето все враждебные цели. Похоже, бородач спланировал это заранее, рассчитывая заманить Лансбергов в ловушку и опрокинуть их армию решительным ударом, но слишком затянул и допустил ошибку, в результате чего погиб Элмер.

Истошно визжа от ярости, Кимберли свирепо вырывалась.

Получалось у нее неважно. Путы, наложенные растущей группой роботов, продолжали множиться. Жаропрочные тросы, выпускаемые согласно точному расчету Трешечки, оплетали цель как охотничья паутина. Они перехватили ей конечности и преградили путь, но так, чтобы работавший двигатель сам опрокинул креолку и усугубил эффект. Для пальцев в силовом режиме эти тросы были что ниточки, однако обрывая их один за другим, Кимберли расшатывала саму себя, пока тяга из сопел скафандра тому способствовала. Кроме того, креолку облепляли все новые и новые стальные узы, и все сложнее той становилось от них избавиться. Начинал срабатывать пресловутый закон веника, чьи прутья элементарно ломаются поодиночке, но все вместе способны выдержать даже натиск великана. Поддавшись эмоциональному импульсу, Кимберли начала палить направо и налево, чем тут же усилила тряску, ставшую поистине бешеной. Заряды плазмы летели наугад, в том числе и в пол под ней самой, вызывая нагрузку на защитное поле. Креолку кувыркало и подбрасывало, а из-за ее действий система безопасности скафандра никак не могла обрести равновесие. От выпущенного термоклинка получалось крайне мало толку, поскольку движения рук сковывали стальные жилы, превращавшиеся в настоящую сеть. Ее концы тянули самые большие и тяжелые роботы. Кимберли частенько удавалось рассечь какой-нибудь трос или сорвать одну из удерживающих ее машин. Взмыв в воздух будто соломенная кукла, та улетала прочь, однако на опустевшее место тут же заступала другая, а тросов прибавлялось.

Зашипели выпускаемые хладагенты. Оказывается, роботы Гарольда тоже умели это делать. Правда, они не замораживали жену Мартина, ибо с ней замерзли бы и путы, став хрупкими как стекло. Вокруг креолки образовалось густое белое облако, снижая ее зрительное восприятие, и без того изрядно страдавшее от болтанки. Конечно, интерфейс "Штурмовика" позволял использовать фильтры и смотреть сквозь такие препятствия, но Кимберли сейчас было банально не до смены режимов мониторинга. К тому же поди сразу найди, что лучше всего подходит для данной ситуации. Схватка превратилась в какое-то световое шоу, где в пелене облаков полыхали вспышки выпускаемой плазмы и огнем горел язык термоклинка в окружении подсветки все прибывавших роботов. Само собой, замысел Трешечки состоял отнюдь не в достижении зрелищного эффекта. Пока креолка кувыркалась в холодном тумане, внушительный грузовой робот подкатил под нее несколько уже знакомых цистерн с инертным газом. В очередной раз шарахнув плазмой в пол, Кимберли взорвала их к чертовой матери. Ударная волна мгновенно швырнула ее в потолок и шарахнула об

него с такой силой, что лишила сознания. Скафандр, перейдя в режим безопасного планирования, опустил креолку на палубу прямиком в объятия подчиненных Трешечки, своевременно обрубивших тросы. Окружив бесчувственного человека, они тут же выпустили тонкие щупы и точными электромагнитными импульсами принялись деактивировать узлы "Штурмовика". Сама же Трешечка поспешила на помощь Аулине.

Она застала ее над телом Юнии. Термоклинок девушки в конце концов повредил несколько критически важных элементов в амуниции противника. Сделав ее уязвимой, он рассек энергетические контуры, и скафандр матери Кимберли окончательно вышел из строя. Оружие, затрещав, отключилось, как отключились и двигатели, а силовое поле исчезло. Двумя могучими ударами Аулина разбила прозрачную броню гермошлема и впилась взглядом в лицо человека убившего отца ее возлюбленного. Третий удар должен был сокрушить голову Юнии в кровавую бесформенную кашу. Тяжело дыша, девушка какое-то время держала сжатый кулак занесенным, а затем медленно опустила руку. Красная пелена перед глазами развеялась, разум прояснился. Безжалостное убийство поверженного врага не соответствовало натуре Аулины, пусть даже этот враг только что отнял у нее близкого человека. Пошатываясь, она поднялась, оставив женщину лежать на полу, и тут заметила подкатившую Трешечку.

— Займись ей, — коротко бросила девушка.

— Охотно! — отозвалась та, подзывая бригаду роботов.

Внезапно раздался подозрительно знакомый тонкий свист. Невесть каким образом аннигилятор приподнявшейся Юнии заряжался, готовясь вот-вот поразить Аулину. Словно в ответ, откуда-то с другой стороны послышалось упругое шипение, сменившееся коротким резким звуком. В ту же секунду глаза матери Кимберли превратились в две кровавые ямы. Пройдя сквозь разбитый гермошлем, острые кусочки стали пронзили ее мозг, вызвав мгновенную смерть. Дернувшись всем телом, Юния завалилась навзничь и более не шевелилась.

— Или ты или она! — констатировала Трешечка обернувшейся Аулине, и в ее голосе звучала гранитная твердость. — Я свой выбор сделал!

Девушка молча постояла, скользя взглядом по трупу женщины. Затем пошла прочь, по-прежнему не говоря ни слова.

В противостоянии некогда дружных семей, сошедшихся в смертельной схватке, наступил перелом. Перелом кардинальный и необратимый, но сражение все еще продолжалось. Да, бой за правое крыло Убежища завершился и роботы Гарольда успешно за-

чищали периметр, однако в левом крыле по-прежнему кипела схватка. Ни Мартин, ни Себастьян еще не знали о пленении Кимберли и гибели своих родных, поскольку наиболее драматические события произошли всего за несколько минут. Лансберг, воображавший, что вот-вот одержит верх, попросту не читал входящих сообщений. Примерно то же самое относилось и к ученому. Оба порой задавали в эфир вопросы, но отсутствие ответов относили к великой занятости воевавших соратников. Они ведь и сами были очень заняты, стараясь обезвредить, а то и уничтожить друг друга. Левое крыло центра распределения ресурсов все больше напоминало обломки звездолета после кораблекрушения. Мартин намеренно создавал шумиху и разгром, отвлекая внимание от жены и тещи. Их появление должно было стать для Беллеторчей и Розенталей сюрпризом. На деле сюрпризом для самого Мартина стало появление Аулины.

— Ты-то что здесь забыла?! — изумился Себастьян, ожесточенно перестреливаясь с противником среди нагромождений изуродованных роботов.

По полу журчала вода, вытекавшая из разбитого бака, а поодаль взвивалась стена огня на месте разорванной емкости с кислородом. Где-то периодически детонировали баллоны с азотом и углекислотой, носившиеся по секциям подобно огромным рикошетящим пулям. Не отвечая, девушка приблизилась к жениху, заняв позицию неподалеку за толстой, но уже оплавленной переборкой.

— Чего молчишь?! — сердито воскликнул ученый. — Где мой отец? Я что-то не слышу его голос. Как у него дела?!

— Твой отец погиб, — сделав над собой усилие, сообщила страшную весть Аулина.

— ЧТО?! — не поверил своим ушам шокированный Себастьян.

Оглушенный этими словами почище всякого взрыва, он даже перестал стрелять, в смятении воззрившись на невесту.

— Его убили Кимберли и Юния, — каким-то пугающе ровным и бесцветным тоном сказала девушка. — Кимберли взята в плен. Юния мертва.

— Аулина! Что ты такое говоришь?! — вскрикнул похолодевший ученый, ощутив сильнейшую боль в груди.

— Прости, но я говорю правду, — в прежней манере изрекла его невеста. — Твой отец пал в бою. А сейчас мы с тобой остановим последнего оставшегося безумца, пока еще кто-нибудь не умер!

Себастьяна, внезапно осознавшего свалившееся на него горе, охватила великая душевная мука. Временно помутившись в рассудке, он выскочил из укрытия и с криком обрушил на Мартина всю боевую мощь армейского скафандра. На это и рассчитывала Ау-

лина, прекрасно понимавшая, что сдаваться противник не пожелает, а убить кого-нибудь еще он очень даже способен. В ее ушах повторялись отчаянные призывы Гарольда. Похоже, Мартину все же удалось обнаружить его секретный терминал. Бородач специально не окружал себя толпой защитников, чтобы не выдавать своего местонахождения. Теперь же, судя по шуму и обрывочным репликам, к нему со всех сторон ломились вражеские роботы. Счет шел на минуты, и единственным способом спасти Гарольда была скорейшая нейтрализация Мартина. Обязанная брату жизнью, сестра просто не могла бросить его на произвол судьбы. Намеренно спровоцировав Себастьяна на яростную атаку, Аулина взяла Лансберга под перекрестный огонь. Изрядно порастратив энергию, тот оказался не в состоянии выдержать натиск сразу двух противников, как до него не сумел и Элмер. Схватка длилась недолго. Очередной выстрел из аннигилятора пожрал остатки силового поля и добрался до атомарной структуры "Штурмовика". Вместе с ней активный процесс поразил и живую плоть. Мартин упал, царапая пол скрючивающимися пальцами. Упал верхней половиной торса, потому что нижняя исчезла вместе с ногами, распавшись на раздельные молекулы. Из его рта побежала и тут же застыла маленькая струйка крови. Глаза подернулись дымкой и остекленели. Последний вздох, покинувший опустившуюся грудь некогда чуткого и рассудительного человека, положил конец ужасной и бессмысленной бойне.

– 13 –

В черной пустоте бесчисленной россыпью горели далекие звезды. Иные сияли настолько ярко, что создавалось обманчивое впечатление, будто они расположены совсем недалеко. Меж тем для бескрайнего космоса это понятие считалось весьма и весьма условным, в зависимости от того, к чему оно применялось: скорости астероида, звездолета, света или пространственного прыжка. "Недалеко" для одного запросто могло означать "практически недостижимо" для другого. Туманность, раскинувшаяся неподалеку от необитаемого сектора галактики, выглядела так, словно до нее было рукой подать. На самом же деле она находилась от него на огромном расстоянии, едва ли доступном обычному небесному телу. Ее вуаль искрилась алмазами огней. То лучились громадные светила и планетарные гиганты, меж которыми порой проносились в неведомую даль пышнохвостые кометы. Иные из них вуаль преображала подобно увеличительному стеклу, способному представить каплю воды ярко переливающимся бриллиантом; иные же

наоборот — скрывались в игре ее разбегавшихся волн. Волны состояли не только из газа и рассеянного в пустоте твердого вещества. Их также создавало излучение от различных астрономических явлений, отнюдь не всегда открытое глазу. Сплетение видимого и незримого порождало поистине завораживающие эффекты, похожие на полярное сияние над какой-нибудь планетой, но в сотни, тысячи раз насыщеннее и краше. Цвета холодной туманности создавали удивительную и неповторимую картину, достойную кисти лучших художников, причем картину меняющуюся в пространстве и времени. Увы, некому было ее запечатлеть. В этом необитаемом краю ей некому было даже любоваться, исключая одинокий, поблескивавший металлическими боками шарик. Вот только его, лишенного всякого чувства прекрасного, все эти вселенские пейзажи не интересовали. У шарика вообще не имелось каких-либо чувств, а единственной активностью, отличавшей его от осколка метеорита, служили мерно моргавшие крошечные огоньки. Их цепочки протянулись по чему-то похожему на длинные вязальные спицы и большие расставленные уши. Шарик не пытался подражать загадочному перемигиванию далеких звезд, мерцавших так, будто они старались передать через всю Вселенную таинственное послание. Он лишь следовал согласно каким-то своим внутренним импульсам. Безжизненная материя выполняла порученную ей задачу, а в чем она заключалась, этот хитроумно сплетенный набор атомов и представить не мог, ибо представлять ему было решительно нечем. Оттого шарик никак не реагировал на все переливы туманности и ее завораживающее воображение волшебство. По той же причине он не придавал значения никаким огням, причем даже тогда, когда один из них внезапно начал увеличиваться в размерах. Шарику оказалось совершенно безразлично, что это вызвано не растущей интенсивностью свечения, а приближением его источника. Некое небесное тело направлялось прямо к нему, грозя столкновением и гибелью, но разве может испугаться то, в чем страху гнездиться просто негде? Шарик продолжал флегматично мигать, и все еще мигал даже тогда, когда возле него, взяв вправо на борт, объявился большой космический корабль.

На мостике царил привычный порядок. Дисциплинированные офицеры занимались каждый своим делом, и даже грянь сейчас война, они бы и виду не подали, а лишь ожидали приказаний от капитана. Вступивший в должность не так давно, он успел показать профессионализм и волю, отчего подчиненные слушались его беспрекословно, не дожидаясь окрика или взыскания. Не показали они виду и тогда, когда по внутренней связи раздался чей-то громкий голос, хорошо слышимый по всему мостику.

— Мэм, объект на борту! — бодро доложил он.
— Это то, что мы думали? — осведомилась капитан.
— Да, мэм! Это радиобуй с "Корундоры", — ответил голос.
— Вам уже известно, куда она подевалась? — тон командира звездолета ничем не выдавал любопытства.
— Наши техники уже разбираются, мэм, — изрек голос. — В эфире транслируемое сообщение корректно не читалось, однако его исходный текст находится в памяти устройства. Этот буй — не промышленная модель, а кустарная работа, чем, вероятно, и вызван сбой в радиопередаче. Даже удивительно, что он до сих пор вполне устойчиво функционирует. Чтобы извлечь данные инженеру потребуется около четверти часа.
— Хорошо, — кивнула капитан. — Доложите, когда будете знать больше.
Говоривший отключился. Женщина на мостике, чья форма и нашивки указывали на ее высокий статус, увеличила голографическую карту текущего сектора и принялась внимательно ее изучать. Остальные офицеры никак не отреагировали на состоявшийся диалог. Меж тем и безучастными они к нему отнюдь не остались. Их пальцы, снующие по компьютерным консолям, и голосовые команды запускали множество процессов, готовясь ввести новые навигационные данные и изменить курс. Куда именно — скоро станет известно, едва капитану представят информацию из радиобуя. Она не заставила себя ждать.
— Мэм, мы извлекли послание! — послышался через одиннадцать минут все тот же голос.
— Я слушаю! — подняла голову командир корабля.
— "Корундора" терпит бедствие. Ее запасы кислорода не позволяли дожидаться прибытия помощи, поэтому экипаж принял решение отправиться на поиски ископаемого топлива, надеясь заправить им реактор. Передаю полученные координаты, — изложил голос.
На одном из больших экранов мостика высветился длинный набор букв и цифр, сопровождавшихся графической миниатюрой.
— Внимание всем! Наша цель — система IBRSF-7413! — громко велела капитан, ни к кому особенно не обращаясь.
На мостике воцарилось деловое оживление. Получив ожидаемый приказ, офицеры приводили в действие стандартные протоколы. Навигационный компьютер, переварив отправленные в него сведения, немедленно проложил маршрут. Пилоты, получив точные указания, тут же начали разворот. Экипаж не почувствовал, как качнулось судно, а меж тем оно совершило эффектный маневр, наводя нос на цель до того, как прекратится движение по инер-

ции. Это существенно экономило время и давало преимущество в бою. Инерцию погасили маневровые двигатели, к которым в нужный момент присоединились и тяговые. Полыхнув дюзами, звездолет, набирая скорость, ринулся в направлении двух далеких безжизненных планет, вращавшихся вокруг ничем не примечательного красного карлика.
— Итак, система IBRSF-7413, — негромко пробормотала капитан исключительно самой себе. — Что ж, оно и понятно. Больше им просто некуда деваться. Ну, на этот раз они уже никуда от нас и не денутся, а то гоняйся за ними по всей галактике.
— Мэм! Корабль будет готов к прыжку через пять минут! — отчеканил первый помощник.
— Отлично! Стартуйте по готовности! Я доложу, кому следует! — ответила капитан.
Помощник, кивнув, принялся бдительно следить за тем, чтобы судно ушло в прыжок без всяких задержек. Капитан, наклонившись к личному передатчику, связалась с неким незримым собеседником и коротко изложила ему суть происходящего.

Ровно через пять минут корабль набрал достаточную скорость для перехода в следующую фазу движения. Прыжковые двигатели, заряженные на максимум, ожидали приказа. Едва он поступил, включилась сложнейшая аппаратура, выверявшая сумасшедшее количество величин для перемещения в пространстве. Могучий огонь дюз полыхнул особенно ярко. Несясь вперед, звездолет оставлял за собой длинные шлейфы пламенеющих дорожек, и внезапно те оборвались в никуда. Озарившись молниеносным сиянием, будто раздвинувшим покровы самой Вселенной, корабль исчез. Теперь о том, что он вообще здесь существовал, напоминал только огненный след в пустоте, оставленный огромными двигателями. Но судно отнюдь не испарилось. Боевой звездолет класса эсминец ушел в пространственный прыжок к звездной системе IBRSF-7413.

* * *

Ситуацию с роботами удалось более-менее выправить лишь в начале тридцать первого цикла. Не с теми, что уцелели после продолжительной схватки на "Корундоре" — ее участники либо превратились в бесполезный утиль, либо вернулись к исполнению своих обязанностей. Их численность сократилась примерно вдвое, но оставшихся вполне хватало для решения повседневных сервисных задач. Другое дело — харвестеры, пребывавшие на южном полюсе планеты IBRSF-7413a во все время междоусобицы членов

экипажа. Оставленные без присмотра оператора, они довольно быстро нарушили слаженный ход добычи топлива, практически остановившейся к моменту возвращения астронавтов. Около половины роботов нуждалось в техническом обслуживании, а осуществить нее на месте было некому, ибо ремонтные дроны не всемогущи. Немалая часть сборщиков либо где-то застряла в силу различных причин, либо требовала перезаправки. А элементы питания в базовом контейнере попросту закончились, поэтому харвестеры беспомощно выстраивались рядом с ним, переходя в режим ожидания. Ко времени приземления "Диаманты" только шестнадцать роботов продолжали фильтровать грунт, и те практически исчерпали свой энергетический ресурс. Астронавтам предстояло проделать колоссальную работу, чтобы ввести армию добытчиков в строй, и ввести как можно скорее. Этим они и занялись, доводя себя до полного изнеможения. Долгие часы они заменяли батареи, переустанавливали емкости с Гелием-3, корректировали инструкции и протоколы, разрешали сложности с маршрутизацией, вызволяли из затруднения застрявшие машины и руководили дееспособными. Часть сбоивших харвестеров удалось привести в порядок непосредственно на планетарной базе. Три с лишним десятка требовали починки в более совершенных условиях, для чего их пришлось доставлять в сборочный цех "Корундоры". Астронавты не позволяли себе ни минуты отдыха, и мало-помалу им удалось перезапустить добычу топлива. Сбор Гелия-3 восстановился на семьдесят процентов и продолжал восстанавливаться по мере того, как на южный полюс прибывали отремонтированные роботы. К сожалению, процесс починки шел не слишком оперативно, учитывая пострадавшее оборудование цеха и значительные потери среди его электромеханического персонала. При этом численность людей, способных выполнять технические задачи и вовсе оставляла желать лучшего.

Основная нагрузка легла на плечи Себастьяна. По мере возможности ему помогали Аулина, Сара и Анатоль. Ученый занимался наиболее сложными проблемами, требовавшими определенной квалификации. Когда он от усталости валился с ног, его подменяла Аулина, а ту, в свою очередь, с более простыми делами дублировали бабушка и двоюродный брат ее жениха. К сожалению, на этой четверке список трудоспособного экипажа звездолета заканчивался.

На Пауля рассчитывать не приходилось. Тяжело раненный, он лежал в медотсеке, уцелевшем после учиненного Мартином разгрома. Точнее, достаточно уцелевшем для того, чтобы младший брат Аулины смог получить критически необходимую помощь. Во

время сражения он, как и Анатоль, остался без скафандра, ибо четыре комплекта на шестерых физически не делились и их отдали самым полезным в бою людям. Именно поэтому обоих разместили в наиболее защищенной части Убежища под присмотром Сары, но обстоятельства вынудили ту прийти на помощь Аулине. Девушка, в свою очередь, вступила в ожесточенную схватку с убийцами Элмера, а затем пыталась отвести беду от Гарольда. Паулю и Анатолю особо ничего не угрожало, однако только в том случае, если бы оба оставались на месте. К сожалению, младший брат решил доказать старшему свою значимость. Вооружившись плазменной горелкой и комплектом пожаротушения, он подбил Анатоля вступить в схватку с вражескими роботами. Остановить их смелую, но безрассудную выходку оказалось некому. Выбравшись из укрытия, оба молодых человека ринулись в неравный бой с лазутчиками, проникшими через периметр. Поведенческие чипы не позволяли тем напрямую причинять вред людям, и лишь это спасло отчаянную парочку от быстрой и неотвратимой гибели. Увы, косвенный вред ни одна программа не предотвращала. Пользуясь прикрытием дружественных роботов, Пауль и Анатоль успели вывести из строя нескольких диверсантов Мартина. К несчастью, те далеко не всегда ломались тихо и мирно. Один из дронов, пораженных в энергоузел, разворотило взрывом. Его осколки, разлетевшиеся не хуже чем от гранаты, достали ничем не защищенного Пауля. Юношу не убило на месте каким-то чудом. Анатоль, тут же утратив воинственный пыл, сумел утащить его подальше от кипевших страстей и оказать первую помощь. К моменту появления сестры ее младший брат еще не истек кровью, и это спасло ему жизнь. Жизнь, впрочем, некоторое время висевшую на волоске, пока Аулина доставляла его в медотсек и подключала к реанимационному оборудованию. Прошло несколько томительных часов, прежде чем смерть, уже протянувшая к Паулю свою костлявую руку, соизволила отступить, а состояние раненого стабилизировалось. Само собой, он оказался прикован к больничному ложу, и ни о какой помощи родным не шло и речи. А те в этой помощи очень даже нуждались. Квалификация Пауля не подходила для сложных задач, но уж как минимум приглядывать за каким-нибудь отсеком ему было вполне по силам. В частности, отсеком, отнимавшим бесценное время у других членов экипажа. Он требовал неусыпного внимания, ибо в нем содержались выжившие представители семьи Лансбергов.

Кимберли повезло больше, чем ее мужу и матери. Лишившись чувств, она выбыла из схватки и была взята в плен целой и невредимой, если не считать незначительной гематомы от удара о пото-

лок. Сводить с ней счеты никто не стал. На "Корундоре" и без того хватало погибших, чтобы отправлять на тот свет обезоруженного и беспомощного противника. Во всяком случае, одной половине победителей удалось убедить другую не мстить жене Мартина, пусть и повинной в убийстве и подстрекательстве. Без нее Никки и Вайолет останутся круглыми сиротами, чего допускать никак нельзя. Скрепя сердце, Аулина заперла бывшую подругу в пустующей жилой секции, где позднее к ней присоединились и дети. Позднее — потому что добраться до них оказалось не так-то просто.

Для успешной реализации плана Мартину понадобились все боеспособные силы, куда в первую очередь входили жена и теща. Пренебречь их огневой поддержкой было бы крайне опрометчиво. Присутствие обеих женщин требовалось на передовой. При этом Мартин не мог взять в открытое вооруженное столкновение и ребятишек. Ему пришлось оставить Никки и Вайолет одних. Однако он позаботился, чтобы никто не сунулся к ним безнаказанно. Помимо охраны из роботов, запрограммированные скафандры мальчика и девочки немедленно открывали огонь по тем, кто не идентифицировался как дружественная цель. Они разнесли немало дронов и едва не пробили защиту "Штурмовиков" Себастьяна и Аулины, прежде чем победителей посетила толковая идея. Скафандр Кимберли, захваченный неповрежденным, отлично сыграл роль камуфляжа. Для амуниции детей, отслеживающей условные позывные, он не считался враждебным. Правда, существовала вероятность, что потребуется ввести дополнительный пароль, но у Мартина хватило ума не перестраховываться подобным образом. В результате Аулина благополучно подобралась к Никки и Вайолет, после чего, следуя поступавшим по радио инструкциям, деактивировала их скафандры. Само собой, ребятишки страшно боялись злых людей, о которых им успели порассказать всякие ужасы. Медсестре пришлось приложить немало усилий, чтобы страх ребятишек если и не исчез, то хотя бы заметно снизился. В означенном свете воссоединение с матерью уж точно пошло им на пользу. Теперь положение могла ухудшить лишь сама Кимберли, устроив очередную истерику и сообщив Никки и Вайолет о смерти родственников. Из-за этого креолку сперва хотели держать в медикаментозном сне, а для пущей верности еще и связанной. Идея выглядела вполне здравой, однако от столь простого, но радикального способа все же решили отказаться, и не в последнюю очередь из-за детей. Мальчика и девочку отдали под опеку Кимберли, поселив их втроем в наиболее подходящей для этого секции. Сидя под замком, все они причиняли минимум хлопот, требуя присмотра лишь одного часового, а это позволяло выжившим членам эки-

пажа экономить рабочие руки. Очень немногим выжившим членам экипажа и очень немногие рабочие руки, становившиеся поистине бесценным ресурсом.

Ущерб, нанесенный звездолету во время продолжительного противостояния, оказался умеренным. Не считая внушительных потерь среди роботов, ни один критически важный узел не пострадал. Во всяком случае, не пострадал непоправимым образом. Мостик полностью уцелел, исключая мелкие повреждения от выстрелов Мартина. Медотсек, подвергшийся воздействию плазмы и аннигилятора, оставлял желать лучшего, но функционировал. Вот цеху изрядно досталось, когда Лансберги перекраивали его под себя, а затем отстреливали все подозрительные машины. Досталось и центру распределения ресурсов. Он лишился части оборудования и некоторой доли запасов воды и кислорода. Воду в основной массе удалось собрать. Сгоревший кислород был утрачен необратимо. Определить его оставшееся количество, безмерно волновавшее всех членов экипажа, довольно долго не получалось. Из-за разрушений и разладившейся системы мониторинга показатели O_2 варьировались в очень широком диапазоне. Постепенное устранение неполадок помогло прояснить общую картину, хотя и с большой погрешностью. С одной стороны, погибшие люди существенно снизили расход жизненно необходимого ресурса, увеличивая прогнозируемые запасы. С другой, пожары и взрывы немало его и унесли. К утру тридцать первого цикла, когда добыча Гелия-3 была повсеместно и стабильно возобновлена, кислорода оставалось примерно на шесть суток.

Следовало взглянуть на ситуацию трезво. Даже если предполагаемые расчеты ресурсов верны, из срока до смерти от удушья требовалось отнять время на полет до "Контилады". Значит, с учетом всяких погрешностей и случайностей, шесть дней тут же таяли до четырех, что выглядело отнюдь не радужно. Превысив означенный дедлайн, экипаж звездолета рисковал погибнуть в ходе прыжка к военному аванпосту. А превысит его он очень даже запросто, если не успеет собрать необходимый объем Гелия-3 и зарядить прыжковые двигатели. В отсутствие ядерных ячеек реактору понадобится несколько часов для генерации энергии из альтернативного вида топлива. Это тоже не стоило сбрасывать со счетов. Заправку придется начать заранее, чтобы компенсировать опасную разницу, однако и тут все оказывалось непросто. В случае малейшей накладки цикл активной зоны нарушится, и реактор потеряет мощность. Тогда — все, конец. Стало быть, следовало точно рассчитать очередность каждого процесса, запуская его строго в надлежащий момент. Увы, все упиралось в злополучный

Гелий-3, а у выживших беглецов отсутствовала всякая уверенность, что им удастся заполучить его в должном количестве. Эх, если бы Лансберги воздержались от насилия и повременили со своими обвинениями до прибытия на "Контиладу"!.. Дни, потраченные на восстановление процесса добычи, должны были уйти на саму добычу, и сейчас, согласно сухим математическим выкладкам, звездолет уже летел бы к пункту назначения. Теперь же — как знать. Может быть, выжившие успеют уложиться в срок, а может и нет.

Остановившись у отсека с Лансбергами, Аулина в очередной раз испытала прилив противоречивых чувств. Простая человеческая забота требовала проверить, как поживают пленники, и не надо ли им чего. В конце концов, те же дети не несут ответственности за поступки своих родителей. Однако девушка не желала видеть Кимберли, напрямую причастную к разыгравшейся трагедии. Столько людей погибло, а бывшая подруга, спровоцировавшая череду смертей, жива и невредима! Кто бы другой на месте Аулины взял бы да выкинул ее в космос или, на худой конец, пристрелил, но она не была настолько жестока и проголосовала за сохранение жизни креолки. Та, разумеется, не испытывала к ней ни малейшей благодарности, по-прежнему подозревая в самых гнусных намерениях. Нынешний визит не стал исключением. Едва Аулина пересилила себя и открыла дверцу, вдова Мартина одарила ее полным ненависти взглядом.

— Вот свежая вода, еда и витамины для детей, — сказала девушка, просовывая в проем небольшой контейнер.

Прямоугольный люк специально прорезали в заваренной двери, сделав ее похожей на тюремную, чтобы исключить даже малейшую возможность побега. Внутри секции хватало жизненного пространства, чтобы Кимберли, Никки и Вайолет не чувствовали себя как в тесной камере, но ход наружу им был закрыт. У окошка всегда дежурила пара дронов, а несколько других непрерывно облетали периметр со всех сторон. Вдруг креолка припасла плазменную горелку или еще каким-то образом попытается выбраться из плена?

— Надеюсь, я успею попрощаться с детьми, если ты соберешься нас отравить? — скривилась Кимберли.

Приняв передачу, она сразу попробовала от всего сама, а затем распределила пищу и питье между ребятишками. Затем вернулась к проему, у которого продолжала стоять бывшая подруга.

— Если бы я хотела это сделать, вы давно были бы мертвы, — покачала головой Аулина. — Вам еще чего-нибудь нужно?

— Нужно, — процедила креолка. — Мне нужно, чтобы ты вернула

моих родных. Можешь?
— А ты можешь вернуть моих? — сохраняя спокойствие, парировала девушка.
Разговор вновь заходил в тупик. Меж тем сегодня она пришла не только исключительно из человеколюбия. До возвращения на "Контиладу" требовалось разрешить еще одну проблему. Оставшись в живых, вдова Мартина способна наговорить военным невесть что, поставив под угрозу весь план спасения. Чтобы не допустить такого развития событий, проще всего было бы ее устранить, но хладнокровное убийство претило Аулине до глубины души. Она и Мартина-то застрелила ввиду чрезвычайной необходимости, пытаясь спасти старшего брата. Это Кимберли ради выживания своей семьи могла покончить с бывшими друзьями и их родственниками; Аулина — нет. Кроме того, медсестра чувствовала вину за смерть Сонмера, отправившегося в продолжительную высадку зараженным и без лекарств. Отягощать свою совесть умерщвлением креолки она не желала. Жаль, что та упорно в это не верила.
— Сколько нам осталось? — помолчав, спросила Кимберли.
— Четыре цикла. Плюс-минус. Если к тому времени не стартуем, в живых может не остаться никто, — неторопливо сообщила девушка, прекрасно понимая, к чему был задан вопрос.
— Чем не повод убить нас всех? — иронично подняла бровь креолка. — Вы практически удвоите доступное вам время.
Бросая резкие слова, она не опасалась шокировать детей. Собеседницы говорили вполне свободно, ибо Никки и Вайолет их не слышали, играя во что-то в другой части секции.
— Ты абсолютно права. Стало быть, чем не доказательство, что мы никого не убивали и не собираемся, раз даже в такой ситуации вас никто и пальцем не трогает? — заметила Аулина.
— Допустим, конкретно ты может никого и не убивала, — поразмыслив, впервые смягчила позицию Кимберли. — Но это не значит, что среди вас нет убийц. Улики были слишком очевидны, чтобы мы их и дальше игнорировали!
— Улики или роковое стечение обстоятельств, — тихо отозвалась девушка. — Тебе доводилось слыхать про то, как разрушительно влияют инфразвуковые волны на человеческую психику? А поврежденная "Корундора" ими просто наполнена. Это выяснилось совсем недавно, когда роботы проводили различные измерения. Они провоцируют психозы и девиантное поведение, а их продолжительное воздействие вызывает манию преследования и может свести с ума. Даже умные и рассудительные люди теряют над собой контроль и вытворяют такое, что прежде им и в страшном сне не снилось. Ничего не напоминает?

— Складно поешь, — усмехнулась креолка. — Это кто тебе такое порассказал?

Об этом, как и о многом другом, Аулине порассказал Мелиюбиус. Ему и впрямь никто не причинил вреда. После смерти Мартина его роботы прекратили агрессию, и Бутон тут же поспешил на встречу со своей подругой. От произошедшего он был в совершенном ужасе, поведав, как отговаривал Лансбергов от насилия, а те воспользовались его советами самым дурным образом. Мелиюбиус сиренево лучился счастьем, что Аулина и Себастьян не пострадали. К его несравненной печали, не всем членам экипажа так повезло. Воссоединившись с дорогими ему людьми, искусственный разум всегда находился либо при девушке, либо при своем создателе. Ученый по-прежнему относился к нему настороженно, но был вынужден признать, что Homo Sapiens натворили куда больше бед, нежели он ожидал от Мелиюбиуса. Кроме того, сейчас на счету был каждый дееспособный член экипажа, и держать взаперти чрезвычайно полезного помощника выглядело настоящим безумием. В итоге Бутон либо сопровождал кого-то из астронавтов при высадке на планету, либо оказывал содействие на борту звездолета. В частности, он помогал наводить порядок на мостике, налаживать пострадавшие корабельные системы, вправлять мозги роботам и оптимизировать добычу Гелия-3. Выжившим беглецам, оставшимся без Мартина и Гарольда, Мелиюбиус стал просто незаменим. Он прямо-таки сыпал инструкциями и советами, благодаря чему процесс извлечения топлива пошел в гору, а "Корундора" возвращалась в приличное состояние. Сыпал он и речами…

Мелиюбиус высказался категорично против убийства взятой в плен Кимберли. Теперь, в сложившихся обстоятельствах, уцелевшие люди признали за ним право голоса, и он заявил, что не допустит смерти еще одного человека. Знала бы креолка, как ненавидимый ей Сиреневый Бутон горячо защищал ее жизнь!.. Вместе с Аулиной он создал решающий перевес голосов, отведя меч отмщения от головы Кимберли. Он же предложил не прибегать к оковам и снотворному, а запереть пленницу в отсеке, поручив той заботу о Никки и Вайолет. Слова о материнстве — черт побери, они исходили от искусственного разума, заставив кое-кого из людей устыдиться своих кровожадных мыслей! Теперь, после всего пережитого, лишать ребятишек единственного близкого им человека — вот настоящее преступление! Мелиюбиус произнес целую речь, посвященную столь трепетному вопросу, но на ней не остановился. Вычислив примерный запас кислорода, он без прикрас сообщил об этом остальным и тут же выразил мнение, что не допустит, если проблему выживания одних членов экипажа станут

решать за счет других. Либо Кимберли, Никки и Вайолет спасаются вместе со всеми, либо Мелиюбиус и лепестком не пошевелит, чтобы кому-нибудь еще помочь. А без его помощи беглецы вряд ли доберутся до "Контилады". Согласно расчетам, Беллеторчи и Розентали успеют раздобыть необходимое количество Гелия-3, зарядить прыжковые двигатели и достигнуть военного аванпоста. Ну а раз так, то никто больше не умрет!

Экипаж оценил слова Сиреневого Бутона, но его уверенности в счастливом финале, увы, отнюдь не разделял. Ему-то, не испытывающему потребности в кислороде, легко говорить! Однако речь Мелиюбиуса сильно подействовала на умы. Теперь сама мысль об устранении пленников, и в особенности детей, казалась чудовищной даже перед лицом собственной гибели. Если уж искусственный разум настолько благороден, люди просто не имеют права осрамиться перед ним своей жестокостью.

Мелиюбиуса беспокоила и еще одна вещь, но о ней он поведал только Аулине. Прибыв на "Контиладу", беглецы должны говорить военным ОДНО И ТО ЖЕ. Заявление, которое они сделают, слишком серьезно, чтобы в нем допускались хоть малейшие разночтения. Если Кимберли начнет кричать про убийства и обвинять Беллеторчей и Розенталей во всех грехах, план спасения от корпорации может дать опасный сбой. Услышав ее речи, власти отнесутся к сообщению об измене с недоверием даже при наличии доказательств о замысле государственного переворота. И чем громче будет разоряться Кимберли, тем больше оно станет расти. Мол, явились с такими ошеломляющими обвинениями, а сами один другого чокнутее! Как следствие, это замедлит бюрократическую машину вплоть до полной остановки. Мелиюбиус достаточно хорошо ее изучил, чтобы представлять, как она работает. Лабораторные симуляции в "Элегии" даром не прошли. Правительство примется создавать комиссию за комиссией, те инициируют многочисленные расследования, потеряют время на уйму никчемных процессов и процедур, и кончится все это тем, что "Галактик текнолоджис", получив спасительную передышку, нанесет удар и избавится от свидетелей. А уж она нанесет, будьте уверены! Нет уж, известие о государственной измене должно быть не только оглушающе внезапным и доказательным, но и без малейшей тени каких-то интриг! Раздор между беглецами, обвиняющими друг друга в убийствах, вряд ли способствует немедленному ходу дела и жизненно необходимой программе защиты свидетелей. Но как же тогда поступить, если убивать Кимберли не позволяет совесть, а оставить ее в живых не советует разум?

Слушая претензии креолки, Аулина собиралась с мыслями,

прокручивая в памяти разговор с Мелиюбиусом. Одно неверное слово — и весь план рискует пойти насмарку. Что тогда прикажете делать?
— Кимберли, можешь послушать меня спокойно и не перебивая? Это чрезвычайно важно! — выразительно попросила девушка, когда на нее выплеснули очередную порцию гнева и оскорблений.
— Ты хочешь мне сказать нечто новое? — презрительно усмехнулась креолка. — Нечто такое, что заставит меня изменить мнение?
— Да. Я обещаю, что мы доставим тебя и детей на "Контиладу" живыми и невредимыми. Это я тебе гарантировать могу, — неторопливо произнесла Аулина. — Вот чего я не могу гарантировать — что живыми и невредимыми вы останетесь И ДАЛЬШЕ! Ибо после того, как мы все вместе сойдем на военную базу, наше выживание целиком и полностью станет зависеть от тебя.
— Поясни! — аж заморгала от неожиданности Кимберли.
— Изволь, — кивнула девушка. — Сейчас я обращаюсь к тебе как к матери. Нас ты можешь ненавидеть сколь твоей душе угодно, однако прежде чем открыть рот на "Контиладе" сперва подумай хорошенько, что ты там скажешь. Суть в том…
И Аулина, тщательно выговаривая каждую фразу, изложила бывшей подруге заранее подготовленную речь, составленную на пару с Мелиюбиусом. Изложила так, чтобы ее интонация звучала наиболее эффективным образом, а каждый акцент бил в самые уязвимые точки натуры креолки. Поначалу та слушала с недоверчивой улыбкой, готовясь издеваться и язвить. Потом выражение ее лица изменилось. Ошеломление, яд, презрение исчезли. Им на смену пришли серьезные сомнения и глубокое раздумье.

Когда девушка закончила, Кимберли некоторое время стояла молча, не произнося ни слова. Наконец, озабоченно потеребив густые волосы, она пристально посмотрела собеседнице прямо в глаза.
— Хорошо. Сама не верю, что это говорю, но считай, что я тебя услышала, — медленно изрекла она, выискивая в чертах Аулины хотя бы малейшую искру подвоха; выискивая и не находя. — Я должна подумать.
— У тебя на это предостаточно времени, — кивнула девушка. — Ровно до тех пор, пока мы не пришвартуемся к "Контиладе". Я практически не сомневаюсь, что ты пожертвовала бы собой, чтобы погубить и всех нас. Однако вместе с нами ты погубишь и Никки с Вайолет. Корпорация не оставит живых свидетелей.
— Может да, а может и нет, — усомнилась креолка, озадаченная, но еще отнюдь не убежденная.
— Кимберли, я знаю, что вы хотели использовать межзвездную

связь, чтобы позвать на помощь до того, как на судне закончится кислород, — мягко сказала Аулина. — Поверь, это другой случай. Возможно, вы и имели какие-то шансы на выживание, если бы корпорация заполучила нас раньше властей. Заполучила бы вашими руками. Только вот в условиях критически опасной огласки церемониться она ни с кем не будет.
— Как бы там ни было, мы это уже не проверим, не так ли? Вы же лишили нас такого выхода из положения, испортив аппаратуру. Теперь с "Корундоры" и слова не передашь, — криво улыбнулась вдова Мартина.
— То есть как?! Как это — испортили?! Межзвездная связь не работает?! — вытаращила глаза Аулина.
— Вау, голубушка! Такие натуральные эмоции! Еще немного — и я взаправду поверю, что ты об этом ничего не знала! — выразительно протянула Кимберли.

От жилого отсека Лансбергов девушка уходила с двояким впечатлением. С одной стороны, она провела отличную психологическую атаку. Информационный вброс был сделан наилучшим образом, и Аулина по праву могла собой гордиться. В мозгу ошарашенной Кимберли теперь вовсю кипела работа, результаты которой вполне способны заставить ее держать язык за зубами. Однако и креолка огорошила бывшую подругу. Вот еще новости! Если она права, это уже не стечение обстоятельств — это откровенный саботаж. Саботаж от того, кто и впрямь считал свои поступки единственно верными и ни с кем по их поводу не советовался. Ну что ж, это легко проверить! Все больше недоумевая, Аулина проследовала прямиком на узел связи. Вполне разбираясь в тамошнем оборудовании, она включила соответствующие контуры. Где-то в недрах отсека послышалось тихое гудение. Пощелкав тумблерами, девушка задала нужную частоту и привела в действие операционную консоль связиста. В ответ — тишина. Само собой, она не собиралась посылать ни малейшего сигнала, ибо это немедленно выдаст расположение "Корундоры". Рабочее место оператора позволяло определить наличие контакта с ретрансляторами без отправки данных. И этого контакта не было. Судя по показаниям приборов, в зоне доступа звездолета не присутствовало ни одной из гигантских межзвездных станций приема-передачи. Да, беглецы основательно перекроили оборудование связи под свои нужды, из-за чего и сами перестали получать общегалактические трансляции. Могло ли это нарушить взаимодействие с ретрансляторами? Безусловно, могло. Вот только прежде, уже после произведенной модификации, оно БЫЛО, и Аулина видела его собственными глазами. Видела, когда на узле связи возился с какой-то электроникой

один человек, которого она и приходила сюда искать. Этим человеком был Гарольд.

Ответа на очередной вопрос пришлось дожидаться несколько часов. Задавать его в открытом эфире Аулина не хотела, а тот единственный, кто был в состоянии дать хоть какие-то объяснения, находился на южном полюсе Альфы. К счастью, ему не требовался отдых, поэтому, когда челнок наконец-то вернулся в ангар звездолета, донельзя уставший астронавт отправился спать, а пресловутый советчик оказался в полном распоряжении девушки.

— Вот оно как, — негромко молвил Мелиюбиус, когда Аулина изложила ему суть своего открытия.

— Думаешь, Гарольд сделал это нарочно? — пытливо спросила та.

На сей раз задача не заключалась во всеобщем спасении и времени на размышление особо не требовала, отчего девушка пожелала знать мнение сиреневого друга без всяких проволочек.

— Естественно, — отозвался он.

— То есть, как?! — возмутилась Аулина.

Собственно, прилив эмоций вызвало не столько прозвучавшее слово, выражавшее отсутствие всяких сомнений в причастности Гарольда, сколько тон, которым оно было сказано. Мелиюбиус мастерски научился разнообразить свою речь привычными человеку интонациями, отчего диалог с ним давно перестал походить на беседу с компьютером.

— Понимаю, ты предпочла бы услышать что-нибудь в защиту старшего брата, — мягко изрек Сиреневый Бутон. — Увы, я не хочу вводить тебя в заблуждение. Особенно сейчас, когда это попросту не имеет смысла. Да, он полагал, что делает как лучше. Во всяком случае, для тебя и Себастьяна. Ведь именно из этих соображений, проведав о нашем заговоре с анализами, он подменил содержимое контейнеров с Хломикозмицином. По той же причине Гарольд повредил оборудование связи.

Аулина не без труда подавила порыв заткнуть уши, чтобы в них не лились все эти ужасные слова. Не лились снова. Кроме умозаключения о саботаже Мелиюбиус ничего нового ей не говорил, ибо уже успел выложить немало нелицеприятных вещей. В хронологии событий на "Корундоре" он усматривал вмешательство Гарольда, никогда не отличавшегося состраданием. Аулина, быть может, впервые усомнилась бы в версии сиреневого друга, а то и вовсе ее отринула, но Себастьян практически полностью ее разделял. Все произошедшее просто не могло приключиться по чистой случайности. Уж слишком много набиралось подозрительных происшествий и невероятных совпадений. Они требовали объяснения, и самым разумным из них было скрытое воздействие чьей-то воли.

Вопрос — чьей? Теперь, учитывая критически сократившийся состав беглецов, долго ломать голову не приходилось. Мартин и Гарольд в полной мере продемонстрировали, насколько эффективно они умели обращаться с движимым и недвижимым оборудованием звездолета. Обращаться так, как никто из других членов экипажа даже не подозревал. Соответственно, кто-то из них двоих и провоцировал аварийные ситуации, приводящие к гибели людей, а иногда и вовсе их организовывал. Принимая во внимание все детали, чаша весов склонялась не в пользу Гарольда. Да, наверняка где-то что-то натворил и Мартин, но скорее уже как следствие пагубной деятельности бородатого взломщика, а не исключительно по душевной злобе. Это не оправдывало Мартина в учиненном побоище, однако приходилось признать наличие некоторых оснований, вынудивших Лансбергов пойти на крайние меры. В том числе на боевую активацию скафандров. Кстати, тут очередная догадка Мелиюбиуса полностью подтвердилась, и подтвердилась устами взятой в плен Кимберли. Муж не утаил от нее, как ему удалось включить оружие на других "Штурмовиках". Он понятия не имел, каким способом это изначально провернул Гарольд, но и сам оказался не промах. Мартин не стал копаться в программном обеспечении скафандра, выискивая в нем некую неведомую уязвимость. Он попросту загрузил полную копию одной уже работающей системы в другую, и таким образом клонировал боевой режим из своей армейской амуниции в остальные четыре. Обладая огромным опытом по части турелей залпового огня, у которых было много общего с начинкой скафандров, Мартин сумел подогнать скопированную программную часть под аппаратную. Уникальные идентификаторы различных узлов оборудования, включая чип безопасности, не стали для него непреодолимым препятствием. Сборочный цех "Корундоры" вполне позволил совершить необходимые преобразования, быстро проделанные руками настоящего мастера. К тому же производитель не очень-то и старался, чтобы защитить скафандры от такого вмешательства, ибо не видел в этом смысла.

Аулина невольно содрогнулась, припомнив то, к чему привели манипуляции Мартина со "Штурмовиками". Именно благодаря им Лансберги обрели ударную мощь, позволившую пробить защиту Элмера. Благодаря им же Мартин, используя эффект неожиданности, рассчитывал покончить и со всеми остальными врагами, а остановил его лишь Гарольд, кому, в свою очередь, прийти на помощь уже никто не успел. Да, пусть старший брат оказался тем еще негодяем, но все-таки Аулина его любила, да и кто бы их всех спас, если бы не своенравный бородач?

— Ты точно в этом уверен? — хмуро переспросила девушка, подразумевая саботаж на узле связи.
Всерьез она не рассчитывала услышать что-то принципиально другое. Просто ей требовалось как-то переключиться с нахлынувших воспоминаний, еще слишком свежих и чрезвычайно болезненных.
— Абсолютно, — совсем по-человечески вздохнул Мелиюбиус, хотя формально ему было нечем это сделать за отсутствием грудной клетки.
С его точки зрения, поступок Гарольда мотивировался элементарно. Тот заведомо хотел исключить всякую возможность невольно или намеренно выдать местоположение "Корундоры". Демаскировка грозила появлением кораблей "Галактик текнолоджис", отчего беглецы с самого начала и не звали на помощь. Взвесив все за и против, Гарольд предпочел гибель от гипоксии неведомым пыткам со стороны корпорации. Он не мог допустить, чтобы его сестра и ее жених попали в руки к тамошним умельцам выколачивать любые сведения. Не мог он допустить и того, что кто-то смалодушничает и в последний момент, очутившись перед лицом смерти, задействует узел связи. Именно поэтому Гарольд повредил оборудование, упреждая любую попытку его использования. По той же логике он никому о своей выходке не сообщил, чтобы почем зря не будоражить людей. Собственно, так он всю дорогу и делал: принимал какое-то решение и претворял его в жизнь, никого в свои замыслы не посвящая. Всякое обсуждение Гарольд считал излишним. Иногда просто необходимо поступать жестко и решительно, а любые разговоры лишь снизят эффективность действия вплоть до его полного нивелирования. Если ты лучше остальных знаешь, что правильнее всего предпринять, нет смысла с этими остальными и дискутировать. Особенно если одной их частью следует пожертвовать ради другой.
— Ты знаешь, это даже хорошо, что я больше не смогу посмотреть ему в глаза, — негромко сказала Аулина. — Я не уверена, что в моих силах простить ТАКОЕ, и уж тем более забыть…
— К сожалению, ты права, — согласился Мелиюбиус. — Как бы ужасно это ни звучало, но его смерть стала наилучшим выходом из создавшегося положения. Никто не начнет никакого расследования, никому не придется оправдываться и искать хоть какие-то зацепки в оправдании другого. Смерть смывает все грехи и позволяет поставить точку в любой, даже самой мрачной истории. И ничьей вины тут нет и не будет.
— Я пыталась его спасти! — воскликнула раздираемая муками совести девушка.

— Я знаю, — ласково изрек сиреневый друг. — И тебе не в чем себя упрекнуть. Это просто случилось, и ничего уж тут не поделаешь. Перестань терзать себе сердце. Печалься о прошлом, но смотри только в будущее.

Формально Мелиюбиус был прав, однако Аулина вновь и вновь задавалась вопросом, успела бы она сохранить жизнь брату, будучи более расторопной, или нет.

Помощь не поспела совсем чуть-чуть. Бросив все силы на выручку родственников, сам Гарольд остался без всякой защиты. Впрочем, он остался без нее с самого начала, ибо посчитал, что лучшей защитой ему послужит маскировка и отсутствие всякой внешней активности. К сожалению, он не учел мстительных намерений Мартина. В отличие от врага, тот не отправил в схватку все доступные ему ресурсы, а отрядил звенья роботов на поиски Белленторчей и Розенталей. Те самые, что в итоге обнаружили Убежище в центре распределения ресурсов. Вот только на этом они не остановились. Пока шло сражение, скауты продолжали сканировать отсек за отсеком и в конце концов обнаружили тайное прибежище бородача. В пылу масштабной битвы тот либо не заметил их приближения, либо посчитал, что успеет нанести противнику поражение. Увы, все вышло иначе. Окружив секцию с Гарольдом, роботы Мартина начали прорываться туда сразу со всех сторон. Нападение было внезапным и очень интенсивным. Сообразив, насколько критическим стало его положение, Гарольд стал призывать на помощь, но не конкретно к своему местонахождению. То было слишком поздно. Следуя его указаниям, Аулина стремилась как можно быстрее нейтрализовать Мартина. Расчет строился на простой логике. С гибелью главного оператора его роботы перестанут получать смертоубийственные инструкции, и безумная война автоматически закончится. Поведенческий чип не позволит машинам причинить вред людям без прямого указания человека. Так оно и вышло. Едва Лансберг умер, как все его роботы тут же утихомирились, а нападки на людей немедленно прекратились. Вот только Гарольд этого уже не увидел. Мартин подошел к делу весьма основательно. Бригада его роботов-охотников не просто явилась по душу бородача — она прибыла гарантированно его уничтожить. Пока одни роботы прорезали стальные переборки сразу во множестве мест, другие заливали внутрь ракетное топливо. Заливали под огромным давлением, будто намереваясь превратить укрытие Гарольда в аквариум. Да, они не успели проникнуть в отсек и разорвать человека в клочья, но на роковую искру времени их функционирования хватило. А ракетное топливо — это вам не шутки. Пожар был такой страшной силы, что на его туше-

ние пришлось бросить всех уцелевших специализированных роботов "Корундоры". Органика внутри отсека выгорела до последней молекулы. Металл тек раскаленными реками, в которых без остатка расплавилось внутреннее убранство помещения. Чудовищная мощь ревущего пламени пожрала и изуродовала все, до чего сумела дотянуться. От секции звездолета осталось одно воспоминание. Ее просевший пол зиял глубокими прожженными язвами, потолок застыл длинными сталактитами, а стены напоминали бесформенную поверхность подземного грота. Промежуточные переборки исчезли, как исчезло все способное гореть. От Гарольда не осталось даже пепла.

Аулине было чрезвычайно тяжело размышлять, обладала она возможностью спасти брата или нет. Ей никак не удавалось забыть его голос, взывающий в гермошлеме со все большим отчаянием, и, наконец, исчезнувший в шуме ревущего пламени. Не слишком ли нерасторопно она выполняла указания Гарольда и не затянула ли последнюю атаку? Родные утешали девушку как умели, как утешали и Себастьяна, потерявшего отца. Больше всех старался Мелиюбиус. Он и перед ученым едва ли не извинялся так, будто сам и явился причиной гибели Элмера, и с Аулиной стремился быть предельно внимательным. Благодаря ему девушке становилось легче. Сиреневый друг находил нужные слова. Его ободряющее влияние позволяло ей не свалиться в бездну отчаяния, а черпать в себе силы для дальнейшей борьбы, ибо та была еще не закончена. Аулина прямо-таки чувствовала, как Мелиюбиус помогает ей пройти это ужасающее горнило, из которого прежней она уже не выйдет. Характер девушки закалился, как закалились ее воля и решимость. Не утратив чувства сострадания, она обрела новые душевные качества, способные провести ее через суровые испытания, в том числе в качестве лидера. В известном смысле, лидером она и стала. Пока Себастьян занимался научно-техническими вопросами, Аулина на пару с Мелиюбиусом взяла на себя координацию всех работ на "Корундоре" и успешно с этим справлялась. Во всяком случае, делала возможный, зависящий от нее максимум и, судя по похвалам сиреневого друга, вполне себе преуспевала. Правда, выше головы не прыгнешь и на некоторые процессы не повлияешь, что и выяснилось, когда разговор с темы саботажа вернулся к добыче топлива.

— Как наши успехи? — осведомилась девушка, временно отгоняя от себя горестные мысли.

Запрос был по существу. Доставив Себастьяна и Мелиюбиуса на "Корундору", челнок, давно уже летавший на автопилоте, увез Анатоля, которого через четыре часа должна была сменить Сара.

Сбор Гелия-3 продолжался, и Аулина желала знать, как с ним обстоят дела. Знать не по общей связи, а тет-а-тет с наиболее доверенным лицом.
— Только не лги мне, хорошо? — добавила она, уловив легкое замешательство собеседника.
— Как мне представляется, прогноз по-прежнему удовлетворительный, — неторопливо отозвался Мелиюбиус.
— Однако тебя что-то беспокоит? Я это еще по радиосвязи заметила, — подчеркнула девушка. — Давай выкладывай!
— Что ж, с час назад я уже обсудил это с Себастьяном, и свежий взгляд на проблему окажется очень даже кстати, — согласился Сиреневый Бутон. Итак…

Итак, количество поступавшего топлива внезапно сократилось. Само по себе не слишком критично, только вот не тогда, когда беглецов сильно поджимали сроки. Часть харвестеров выбралась в область обедненной породы, содержавшей слишком мало Гелия-3, а местами и не содержавшей вовсе. Мелиюбиус и Себастьян прямо на южном полюсе вступили в бурные дебаты, решая, как лучше поступить. Можно было перебросить роботов с одного участка на другой, либо же продолжить добычу там же, скорректировав ее под специфику ландшафта. Первое грозило потерей времени на перевозку машин и их вторичный перезапуск в изменившихся условиях. Ведь чем дольше харвестер работал в одной области, тем выше становилась его производительность за счет непрерывного самообучения. Второе таило риск еще большего спада добычи, если процентное содержание Гелия-3 останется неизменными или продолжит снижаться. И тот и другой вариант имели как свои плюсы, обещавшие восстановить приток топлива, так и минусы, чреватые опасными последствиями. Непосредственно на планете оба спорщика ни к какому решению не пришли, отложив его на несколько часов до появления новых данных. Авось, зона бесплодного грунта окажется пройдена, пока скауты хорошенько порыщут по планете и добудут очередные пробы реголита.
— А со мной, значит, вы и не подумали посоветоваться?! — сверкнула глазами Аулина.
— У нас был чисто научный спор, поэтому на тот момент не имело смысла привлекать к нему непрофессионала, — пояснил Мелиюбиус. — В курс дела я ввожу тебя сейчас, а советоваться станем, когда дроны доставят образцы породы. Именно потому Себастьян сразу отправился спать, даже не повидавшись с тобой. Я сам ему это присоветовал, чтобы вы почем зря не болтали. Он еле ноги волочил, а ему еще работать и работать.

— Ладно, с этим ясно, умник, — проворчала девушка, все еще сердясь на сиреневого друга, но приходя к выводу, что в его словах присутствует известная логика. — Теперь я хочу знать твое мнение.

С ним Мелиюбиус затягивать не стал. С его точки зрения, следовало делать ставку на очевидное: продолжать наращивать добычу за счет ввода в строй все еще неисправных харвестеров. Кроме того, экипаж "Корундоры" обладал некоторым "вторичным" ресурсом, то есть теми роботами, которых бригада ЭлСо забраковала еще на стадии сборки. Да, их технические характеристики уступали прошедшим отбор, но ведь какое-то время они поработают, а сломаются так и ладно. Ну а корректировки непосредственно на южном полюсе можно сделать в любое время. Себастьян — сторонник радикальной смены области добычи, то есть предпочесть количеству качество. Мелиюбиус же призывает не торопиться и направить усилия на ремонт роботов, то есть нагнать качество количеством. В итоге оба согласились обождать до получения результатов из новых образцов грунта. Когда челнок вернется с Анатолем, скауты уже загрузят на него первую партию реголита, и ученый немедленно приступит к их изучению. За тем он сейчас и должен хорошенько отдохнуть, чтобы провести исследование без малейшего промедления.

Внимательно выслушав Мелиюбиуса, Аулина, пользуясь главным корабельным терминалом, прикинула на экране точные цифры с учетом изменившихся данных. Ну, точные ПРОГНОЗИРУЕМЫЕ цифры. Результат вышел так себе, опасно колеблясь в области временнОго дедлайна. Более того, пребывая в диапазоне заданной погрешности.

— Э, нет, дорогие мои! Так не пойдет! — покачала головой девушка, явно неудовлетворенная увиденным. — Тут надо придумать что-нибудь еще, а не полагаться на везение!

Слушать возражения Мелиюбиуса она не желала. Она желала, чтобы сиреневый друг присоветовал еще какой-нибудь способ уверенно уложиться в срок, а не играть в лотерею. Умом девушка понимала, что тот бы уже чего-нибудь предложил, кабы знал чего. С другой стороны, пусть как следует поднатужит свои сиреневые извилины. В критической ситуации возможно пойти на такие меры, какие прежде считались излишне рискованными, а то и вовсе недопустимыми. Озвучивая свою позицию Мелиюбиусу, Аулина не знала, что на звездолете есть еще один человек, который в точности разделяет ее мнение. Этим человеком был Себастьян. Более того, он не просто его разделял, а намеревался кое-что по данному поводу предпринять.

В пятнадцать часов дня на мостик поступили результаты исследований реголита с южного полюса Альфы. Общая картина получалась ни плохой, ни хорошей. Область с обедненным грунтом распространялась не слишком далеко, зато конкретно в ней добыча окончательно выглядела совершенно бесперспективной. Это означало, что харвестеры все-таки требуется перебазировать на новые точки добычи, однако сам процесс перебазирования принимал несколько иной характер. Их можно было отправить к намеченным участкам своим ходом, то есть без всяких перевозок и перезапуска. За пару часов роботы достигнут выявленной зоны добычи и сразу приступят к делу. Учитывая обстоятельства, это время выглядело не такой уж и большой потерей, поскольку все машины в принципе непрерывно отдалялись от базы, быстро вырабатывая поверхностный грунт. А вырабатывать они его могли только в доступных местах, в силу чего каждый из роботов давно уже находился от центра управления на расстоянии многих миль. Это само по себе тормозило сбор Гелия-3, создавая проблемы с логистикой и сервисным обслуживанием, ну да ничего не поделаешь.

— Значит, отправляем харвестеры на новые точки! Себастьян, заложи каждому из них индивидуальный курс и данные по рельефу! — завершила Аулина совещание на мостике.

Теперь она сидела в кресле Гарольда возле управляющей консоли главного терминала. Там ей было очень неуютно ввиду отнюдь не радужных воспоминаний, однако нельзя жертвовать рациональными вещами в угоду личным чувствам.

— А что с новыми роботами? — осторожно осведомился Мелиюбиус, продолжавший гнуть свою линию.

— Как только харвестеры отправятся к указанным местам добычи, мы продолжим пополнение их рядов, — кивнула девушка.

Таким образом, дальнейшая стратегия учитывала оба варианта, предложенные ученым и его творением. Учитывала она и кое-что еще. То самое, что Аулине удалось вытрясти из сиреневого советчика.

— Себастьян, когда ты сможешь запустить цикл электролиза? — спросила девушка.

Ученый попросил три часа сверх того, сколько ему потребуется на перераспределение харвестеров. К счастью, самодельная станция по разложению воды на составляющие практически не пострадала во время недавних боевых действий. Бригада ЭлСо соорудила ее вполне добротно и достаточно автономно, чтобы оставшиеся члены экипажа без труда воспользовались плодами ее трудов. Под натиском девушки Мелиюбиус предложил переработать ВСЮ ос-

тавшуюся воду, исключая необходимую для питья. В живых осталось не так много людей, а техническими нуждами следовало окончательно поступиться. Собственно, эта идея витала у Элмера и Сонмера с самого начала электролиза, просто о ней ввиду череды событий все успешно позабыли. Теперь же настал момент обратить имевшуюся воду в кислород, что позволит экипажу звездолета выиграть несколько лишних часов, а то и пару циклов.
— Хорошо! — кивнула Аулина. — Тогда приступаем! Инструкции Саре и Анатолю я выдам сама. Мелиюбиус, ты идешь с Себастьяном! Ему сейчас твоя помощь потребуется больше, чем мне. Я же схожу проведаю Пауля, а затем снова загляну к Кимберли. Потом присоединюсь к вам.
Ученый подчинился без пререканий. Девушка периодически опасалась, что мужская гордость не позволит ему терпеть командование от невесты, к тому же значительно уступавшей ему по части знаний в науке и технике. К ее великому облегчению, опасения оказались беспочвенными. Себастьян не разменивался на такие мелочи, предпочитая заниматься делом, а не выяснять отношения, чем вызвал еще больший прилив теплых чувств со стороны Аулины. Правда, сейчас ей показалось, что он будто себе на уме, и соглашаясь с общим решением следует какому-то собственному замыслу, но то, наверное, сказывалась ее собственная усталость. После гибели Гарольда и Мартина все чрезвычайные ситуации на "Корундоре" прекратились, исключая уже созданные, и никаких новых происшествий не случалось. Таким образом, ожидать подвоха от возлюбленного походило бы на ту самую манию преследования, что некогда инкриминировали Лансбергам.

Оставшись в одиночестве, Аулина некоторое время размышляла над своими дальнейшими шагами. Ей ведь тоже предстояло хорошенько поработать, и поручить эту работу она не могла никому. Ну, не совсем в одиночестве. Рядом традиционно маячила верная Трешечка. Правда, после смерти старшего брата от нее было на порядок меньше толку. Роботом уже никто не управлял, и он превратился в самую обычную сервисную единицу, оснащенную незатейливым искусственным интеллектом, но девушка из сентиментальности везде таскала его с собой. Некоторая польза от Трешечки все же была, учитывая произведенную Гарольдом модернизацию машины. Пробегая по ее металлическому контуру, взор Аулины теплел и грустнел одновременно, вспоминая все хорошее и плохое.
— Как думаешь, Кимберли готова для следующей стадии разговора? — спросила она робота, не особо рассчитывая получить ответ.
— Для беседы состояние пленницы оценивается как удовлетвори-

тельное, — отозвалась Трешечка.
Девушка невольно рассмеялась, отметив, насколько неоднозначно прозвучали слова робота, ибо их можно было отнести и насчет заданного вопроса.
— Ладно, идем, — поднялась она с командирского кресла. — Но сначала заглянем в медотсек.

Пауль выздоравливал. Ему еще предписывался постельный режим, но жизни младшего брата уж точно ничего не угрожало. Аулина хлопотала возле него около четверти часа, не столько заботясь о здоровье пациента, сколько ведя с ним беседу. Прикованный к своему ложу, юноша чертовски скучал, и сестра коротко посвящала его в последние новости, не обременяя излишне тревожными подробностями. Также она проверяла, не удалось ли ремонтным роботам починить испорченное Мартином оборудование. К сожалению, не удалось. Медицинские станции для них оказались слишком сложны, да и необходимых запчастей на звездолете не отыскалось. Увы, это означало, что в медикаментозный сон никого ввести не удастся, ибо аппаратура жизнеобеспечения не функционировала. Значит, и кислород, таким образом не сэкономишь. К примеру, на период прыжка до "Контилады". Жаль…

Кимберли пребывала в специфическом расположении духа. С одной стороны, она по-прежнему ненавидела все связанное с Белленторчами и Розенталями. С другой, слова Аулины были не лишены здравого смысла, и это заставляло креолку всерьез призадуматься. Категоричное нежелание вступать в какие-либо переговоры с преступными убийцами основательно пошатнулось, дав большую трещину.
— Чего так рано явилась?! — хмуро бросила вдова Мартина, когда посетительница открыла окошко. — Я еще ничего не решила!
Это прозвучало вместо обыденных язвительных оскорблений с примесью гнева и яда, что само по себе обнадеживало.
— Во-первых, хотела сообщить тебе, как обстоят дела с добычей топлива. Мы делаем все возможное. Часть харвестеров будет направлена в более перспективные зоны добычи. Кроме того, через несколько часов Себастьян запустит процесс электролиза, чтобы переработать всю оставшуюся воду, за исключением необходимой для питья. Это даст нам дополнительное время. От жажды мы не умрем, — просто не успеем, — но отныне постарайся ее экономить.
— Выдай нам порцию сразу на весь оставшийся полет, и мне не придется обвинять тебя в урезании нашего пайка в вашу пользу, — живо сориентировалась Кимберли.
— Учту, — усмехнулась Аулина. — Теперь касательно второго…

Психологическая стратегия Мелиюбиуса заключалась не только в перспективе мести со стороны корпорации, которую следовало обрисовать креолке, чтобы та не устраивала скандал на "Контиладе". У вдовы Мартина имелось очень уязвимое место, и искусственный разум предложил надлежаще его использовать. Утратив все блага "Элегии", Кимберли преобразилась, оказавшись неспособной достойно и адекватно вести скромное существование. Мелиюбиус посоветовал хорошенько надавить на этот ее недостаток. Мол, без программы защиты свидетелей креолку и детей ждет утлый отсек и синтетическая пища, пока власти заняты тысячей бюрократических процедур. С программой же, учитывая всю важность разоблачения "Галактик текнолождис", они заслужат право на вполне достойную жизнь. Даже безбедную жизнь. Речь об этом уже заходила прежде, еще во время планирования побега с научно-производственного комплекса, и детали того разговора Кимберли следовало напомнить. Напомнить и красочно раскрыть, апеллируя к ее жажде комфорта и благополучия. Что Аулина и сделала, заранее подготовленная Мелиюбиусом. Завладев вниманием пленницы, она расписала ей все радости и тяготы дальнейшей судьбы, в зависимости от выбранного пути. К вящему удовлетворению девушки, вдова Мартина быстро прониклась ее словами и явно представила себе возможную перспективу. А та вырисовывалась весьма не очень при любой попытке очернить кого-то из членов экипажа "Корундоры", как уцелевших, так и погибших. Изоляционная камера, пусть даже для свидетелей, а не обвиняемых — это совсем не то место, где хотелось бы оказаться Кимберли. Особенно если она, с учетом потенциального устранения корпорацией, оттуда так никогда и не выйдет.

На беседу с бывшей подругой ушло около часа, по прошествии которого Аулина присоединилась к Себастьяну и Мелиюбиусу. О каких-либо результатах было говорить еще рано, поэтому она, не особо комментируя состоявшийся диалог, предпочитала хранить молчание и с головой ушла в техническую работу.

Электролиз удалось запустить без особых хлопот. Правда, пришлось немного повозиться с закачкой воды, остававшейся в цистернах и трубопроводах "Корундоры", но Себастьян сумел разобраться что к чему. Услышав журчание жидкости, наконец-то полившейся в резервуар для расщепления на составляющие, он удовлетворенно улыбнулся. Когда процесс активно пошел, ученый с чистой совестью позволил себе передышку. Стоя возле ряда приборов, он наблюдал за показателями, прихлебывая из стакана бодрящую смесь по рецепту Гарольда. Смесь следовало экономить. Отныне все питье выдавалось строго по утвержденной норме.

Норму рассчитали на двенадцать дней, фактически удвоив число циклов до исхода воздуха. Никакого расточительства в этом не было, поскольку речь шла о вполне себе небольшом количестве воды, не способном выделить значительный объем кислорода. Ее разлили по бутылкам и прочим емкостям, заставив ими холодильники на кухне и в сборочном цеху. Это Мелиюбиус предложил "не держать все яйца в одной корзине" — мало ли что? Вдруг холодильник выйдет из строя или еще какая напасть приключится? Неторопливо глотая шипучую смесь, Себастьян сознавал, что за последнее время основательно проникся симпатией к своему творению. То прямо из кожи вон лезло, чтобы приносить максимум пользы уцелевшим членам экипажа. Возможно, ученому с самого начала стоило больше доверять Мелиюбиусу — авось тогда удалось бы избежать многих трагических событий. Единственное, что его теперь беспокоило — это заметно возросшее влияние искусственного разума на Аулину. Она постоянно с ним советовалась, иногда и вовсе отказываясь принимать решение без консультации с сиреневым другом. Не будь эти консультации действительно здравомыслящими и продуктивными, Себастьян давно бы уже ограничил их общение. Ладно, беседы с толковым и сведущим собеседником девушке пойдут только на пользу. Ну, в разумных пределах, конечно, а то как бы такими темпами Мелиюбиус не начал подменять мнение Аулины своим собственным. Себастьяну уже приходилось сталкиваться с ситуацией, когда искусственный разум, не в силах убедить в чем-либо своего создателя, явно прибегал к помощи его невесты. И вот уже под натиском Аулины ученый сдавался, в конечном счете уступая видению Мелиюбиуса. Именно поэтому он и не возобновлял с Сиреневым Бутоном недавний разговор, состоявшийся на тему зарядки прыжковых двигателей. Ученый выдвинул одну смелую идею, а Мелиюбиус внезапно ей воспротивился, и воспротивился категорично. Дискуссия довольно быстро сошла на нет, когда искусственный разум нарочито подчеркнул, что его-то Себастьян может и не слушать, зато Аулина вряд ли согласится поставить звездолет под угрозу. Угроза ведь и в самом деле была, хотя ученому показалось, что Бутон излишне раздувает ее до максимума. Осторожность осторожностью, но зачем же рубить весь замысел на корню? Вдруг что да получилось бы, а отступиться всегда можно успеть.

— Ну, что скажешь? — спросил Себастьян, оторвав взгляд от приборов и покосившись на парившее рядом изобретение.

— Все проходит штатно, — отозвался Мелиюбиус, ибо вопрос касался процесса электролиза. — Если обойдется без сюрпризов, к утру мы будем знать точное количество прибавленного кислорода.

Жаль, что не раньше. Станцию рассчитывали на большой объем воды, и с меньшим она, как бы ни странно это выглядело, работает не так эффективно.
— А насчет моей идеи по зарядке прыжковых двигателей не передумал? — в тот же тон, будто невзначай, продолжил ученый.
— Нет! — без всякой паузы ответил Бутон, словно только и ожидал вопроса. — Слишком опасно! Аулина будет против, и я тоже, поэтому лучше ее и вовсе не беспокоить таким сумасбродством. У твоей бедной невесты и так нервы на пределе. Столько всего вынести… А я не хочу, чтобы вы ссорились.
— Ладно, как скажешь, — пожал плечами Себастьян.
— Пойми, дорогой создатель, мы с тобой не в лаборатории, — заметно смягчился Мелиюбиус смирением ученого. — Теоретически твоя идея довольно интересна. Вот только мы сейчас не имеем права допускать ни малейшей ошибки. Тем более роковой. Ставить опыты на "живом" звездолете может быть смерти подобно. Давай лучше придерживаться более реальных планов, а не витать в облаках. Оставшееся нам время необходимо тратить исключительно рационально. Зато когда мы выберемся из этой передряги, то обещаю, что мы с тобой проведем серию опытов, не способных повлечь за собой жертвы. Если ты окажешься прав, я почту за честь это признать.
— Договорились, — кивнул Себастьян, чем вполне успокоил навострившего тычинки спутника.
Сам же окончательно осознал всю бесперспективность попыток открыто следовать своему замыслу. Аулина, под влиянием сиреневого советчика, воспротивится, а ругаться с ней ученый не хотел. Ну, если нельзя открыто…
— Эй, где вы там?! Бегом на мостик! У меня сообщение от Сары! — раздался в интеркоме взволнованный голос девушки.
Сообщение явно заслуживало немедленного внимания Себастьяна и Мелиюбиуса. В данный момент бабушка Аулины дежурила на южном полюсе, а ее запрос почти наверняка означал какую-то внештатную ситуацию.
— Что там опять стряслось? — беспокойно пробормотал ученый, поспешив на зов.
— Надеюсь, не то, чего я опасался, — изрек летевший за ним Бутон, хотя вопрос был риторическим.
К сожалению, его опасения подтвердились.

Часть харвестеров, направленных в новые точки добычи, очутилась в сильном электромагнитом поле. Не настолько сильном, как на Бете, где всякая связь вообще исключалась, однако вполне достаточным для нарушения нормального функционирования. Те-

ряя контакт с базой, роботы не получали своевременный ответ на свои запросы, отчего начинали тормозить процесс извлечения топлива, а то и вовсе останавливались. Машина, кустарно переделанная из обыкновенного уборщика, не могла работать полностью автономно так, как промышленный образец, обладавший принципиально иными техническими характеристиками. Для разрешения сложных ситуаций ей требовались указания оператора. Кроме того, продолжительное отсутствие сигнала со станции управления автоматически включало защитный протокол и переводило харвестеры в режим ожидания. Последнее было запрограммировано специально, чтобы те сдуру не умотали куда глаза глядят — ищи их потом по всей планете. Теперь реалии изменились, и добывающим машинам требовалась новая системная корректировка.

Уяснив суть проблемы, Себастьян и Аулина некоторое время препирались, решая, кому из них отправиться на южный полюс. В итоге они полетели вместе, прихватив с собой Анатоля и оставив на мостике отозванную с планеты Сару. Мелиюбиус также остался на звездолете, ибо покидать его всем троим было чрезвычайно опасно. На "Корундоре" всегда должен находиться кто-то способный справиться с непредвиденной ситуацией. В случае чего Саре разрешалось подключить искусственный разум к главному терминалу.

— Не беспокойся, ничего Мелиюбиус в наше обоюдное отсутствие не натворит, — лукаво прищурилась девушка, когда челнок готовился совершить посадку возле базовой станции.

— Я и не беспокоюсь, — отмахнулся ученый. — Хотел бы — уже бы натворил. Кроме того, держу пари на что угодно — он точно не навредит своей подруге и покровительнице. А раз мы с ней в одной лодке, значит, и волноваться не о чем.

— Гм. Чего-то я с твоих слов не пойму, ты стал лучшего мнения о нем или худшего? — озадаченно наморщила лоб Аулина.

— Не бери в голову, — усмехнулся Себастьян. — У нас вагон работы, на полцикла минимум. Слушай лучше подсказки своего сиреневого приятеля. Они нам сейчас ой как пригодятся, пока мы будем гоняться за харвестерами и поочередно вправлять им мозги. А нам еще дополнительные антенны ставить...

Работы и впрямь оказалось невпроворот, причем ученый основательно ошибся во временных расчетах. Лишь к концу тридцать второго цикла трое астронавтов вернулись на звездолет, проведя на Альфе около суток. От изнеможения они еле двигались. Еще бы! На обеспечение уверенной связи ушли все остававшиеся ретрансляторы, распределенные по обширной территории. Путешествие от робота к роботу только поначалу казалось простым, но

после обхода второго десятка превратилось в сущий кошмар, учитывая проделываемое расстояние. Пришлось задействовать челнок и перелетать на нем с места на место, иначе Себастьян с Аулиной до сих пор бродили бы по южному полюсу. А когда все поставленные задачи были наконец-то завершены, харвестеры пришлось навестить повторно, ибо выявились недочеты в обновленных протоколах. Откладывать дело на потом никто не предлагал. Срочный вопрос требовал безотлагательного решения. Устроив себе отдых, астронавты рисковали создать дефицит топлива, поэтому они трудились до полуобморочного состояния, но так, чтобы закончить начатое. Их усилия принесли плоды. Когда челнок взмыл обратно к звездолету, харвестеры уверенно возобновили добычу, вышедшую на прежний нормальный уровень. Это была первая хорошая новость. Второй оказалось количество кислорода. К началу тридцать третьего цикла его показатель прогнозировался в районе четырех с половиной суток. Результат проведенного электролиза, расщепившего практически всю остававшуюся воду, превзошел все ожидания. Судя по обновленным цифрам, теперь гипоксия не грозила людям почти на два дня дольше. Обработав все данные, экран главного терминала показывал значение в шесть циклов и десять часов. Это вполне компенсировало временные потери на возню с харвестерами, вновь возвращая беглецам хорошие шансы на спасение.

С чувством величайшего облегчения Аулина отправилась отдыхать и заснула как убитая. Борьба со смертью, чей могильный хлад целый месяц постоянно угадывался где-то поблизости, основательно исчерпала душевные и физические силы. Кто знает, сумела бы девушка устоять перед лицом столь тяжких испытаний и не удариться в психоз подобно Кимберли, если бы не Мелиюбиус. Его волновая терапия действовала поистине животворно. Вот и теперь, вновь обосновавшись возле Аулины, он овевал ее привычным излучением, остававшимся их маленьким обоюдным секретом даже для спящего рядом Себастьяна. На сей раз Сиреневый Бутон решил дать своим дорогим людям отдохнуть как полагается. Хватит уже вскакивать каждые четыре часа и потом сутками находиться на ногах. Внимательно оценив их состояние, благо что сенсоры-тычинки прекрасно научились это делать, он отмерил им целых двенадцать часов спокойного сна. Биологические тела обладали массой уязвимостей, и чрезмерная продолжительная перегрузка грозила им гибелью.

Чтобы Себастьяна и Аулину не разбудили, Мелиюбиус предпринял для этого все необходимые меры. Корабль находился под полным контролем искусственного разума, поэтому ничто не могло

потревожить ученого и его невесту раньше срока. Ничто, кроме большого военного звездолета, внезапно объявившегося неподалеку от "Корундоры" в семь часов утра.

* * *

Сенсоры исправно обнаружили приближавшееся судно задолго до того, как оно подошло к беглецам практически вплотную, остановившись от них за пару миль. Тогда по всем отсекам и раздался звонкий сигнал тревоги, запрограммированный на подобные случаи. Мелиюбиус в компании Себастьяна и Аулины ринулся на мостик, куда вскоре прибежали и Сара с Анатолем. Данные с главного терминала, транслируемые на большие экраны, не оставляли никаких сомнений. В звездной системе IBRSF-7413 ввиду красного карлика вышло из прыжка какое-то судно. Промедлив с четверть часа, не иначе как сканируя окружающее пространство, оно развернулось и резво припустило к планете IBRSF-7413a, которую беглецы привыкли именовать Альфой. Вряд ли то была простая случайность, поскольку неизвестный корабль держал курс точно в направлении "Корундоры". Ее сенсоры, доселе определявшие лишь некое движение, в конце концов идентифицировали неизвестный объект. Им оказался боевой звездолет класса эсминец. Он на всех парах летел к беглецам, и летел очень быстро, ибо эта модель обладала очень высокими техническими характеристиками. Скорость занимала там отнюдь не последнее место. Громоздкому грузовому судну, лишенному заряженных прыжковых двигателей, убегать от него было бесполезно. Да и некуда. Именно поэтому Мелиюбиус настоятельно присоветовал не включать тягу и вообще не двигаться. Экипаж "Корундоры" стал заложником ситуации и в данный момент полностью зависел от действий пришельца. А тот, не иначе как специально, отключил опознавательные сигналы и приближался молча, ничем не оповещая о своих намерениях. Напряжение на мостике достигло апогея, когда боевой звездолет остановился в ближнем диапазоне, наставив на космическое пристанище беглецов все свои орудия. А их было довольно много. Будь Мартин жив, он бы обязательно оценил плазменные турели, выпущенные из покатого, хорошо распределявшего силовые поля корпуса. В передней части неизвестного корабля виднелись четыре мощные лазерные установки, сведенные на "Корундоре". Кое-где у пришельца наблюдались и выдвинутые ракетные пилоны. Наводили на размышления и торпедные люки, открытые в надлежащих местах. Боевая мощь эсминца, не несшего тяжелое вооружение, уступала крейсеру, однако ее вполне хватит,

чтобы меньше чем за минуту разнести грузовое судно на куски. Глядя на его не слишком-то дружественный вид, об этом следовало призадуматься. Если пришелец откроет огонь, неподвижная цель не будет иметь никаких шансов на спасение.
— Внимание! Вызываем экипаж "Корундоры"! — внезапно раздался в звукоизлучателях четкий властный голос. — Говорит Сильвия Грасс, капитан "Меркадо", эсминца вооруженных сил Третьей Республики! С вашего звездолета был получен сигнал бедствия! Доложите обстановку на борту! Какого рода вам требуется помощь?!
Схватившись за грудь, Аулина издала слабый возглас. Выражение ужаса на ее лице сменилось внезапно вспыхнувшей надеждой. Примерно та же игра эмоций наблюдалась и у остальных беглецов за исключением Себастьяна. Тот с самого начала хранил удивительное хладнокровие, то ли не поддавшись приливу чувств, то ли полагая, что он все равно бессилен перед лицом неизбежного.
— Так это военные! — воскликнула девушка.
— Не обязательно! — отозвался ученый, перехватив ее руку, уже собиравшуюся активировать канал связи. — Это может быть корабль "Галактик текнолоджис".
— С чего ты взял?! — подняла брови Аулина.
— С того, что так им будет проще взять нас штурмом и захватить невредимыми, — тут же пояснил Мелиюбиус, чем вызвал одобрительный кивок своего создателя.
— Внимание! Вызываем экипаж "Корундоры"!.. — стало повторяться входящее сообщение, в котором помаленьку начинали слышаться нотки нетерпения.
Люди на мостике грузового звездолета переглянулись, соображая, что именно им следует отвечать.
— Позвольте мне с ними поговорить, — предложил Мелиюбиус.
— А от чьего лица? — усомнился Себастьян. — Я имею в виду, как ты им собираешься представляться? Я не думаю, что тебе стоит называть свое подлинное имя. А строить из себя несуществующего члена экипажа — не самая удачная идея, особенно после всех смертей. Если нас элементарно пересчитают, могут возникнуть вопросы.
— О, я бы об этом не беспокоился. Они ничего не поймут, — рассмеялся искусственный разум. — Поверьте, лучше доверить переговоры мне. У меня больше шансов раскусить подвох и меньше — допустить какую-нибудь роковую оплошность.
Коротко посовещавшись, присутствующие подпустили его к консоли управления главным терминалом. Девушка нажала на кнопку внешней связи, подключаясь к входящему каналу. И тут же округлила глаза.

— Говорит Аулина Розенталь, исполняющая обязанности капитана "Корундоры", — раздался в эфире ее собственный голос. — Сигнал бедствия подавался нами только в направлении военного аванпоста "Контилада". Вы либо оттуда, либо не те, за кого себя выдаете. Включите позывные, чтобы мы могли определить принадлежность вашего судна.
— Для терпящих бедствие вы как-то не слишком рады нас видеть! — через четверть минуты послышался все тот же женский голос, прежде вызывавший экипаж грузового корабля.
— Для пришедших нам на помощь ваши орудия как-то уж слишком готовы к бою! — парировала лже-Аулина. — Наши сенсоры фиксируют активность ваших систем наведения. "Корундора" под прицелом, и нам это не нравится.
— Да, это так. Откуда мы знаем, кто вы такие? — холодно ответила капитан эсминца. — В истории Третьей Республики случались попытки захвата правительственных кораблей.
— Как и попытки захватить судно представляясь военным звездолетом, — заметила поддельная Аулина. — Да, мы терпим бедствие, но не пустим на борт никого кроме солдат Третьей Республики. В противном случае "Корундора" будет самоуничтожена.
— Вы что такое несете?! — заметно опешила капитан "Меркадо".
— Мы обладаем чрезвычайно важной информацией для правительства. За нами охотятся, поэтому любая ошибка чревата нашим пленением, а оно хуже всякой гибели, — отчеканил Мелиюбиус, изображающий свою подругу. — Нам требуется подтверждение, что в вашем лице мы действительно имеем дело с правительственным флотом.
— А разве мы не можем проверить их по галактическому атласу судов? — шепнула настоящая Аулина.
— Я уже это сделал, — так же тихо отозвался искусственный разум. — Но где гарантия, что не я один умею подделывать позывные и обманывать вычисление сигнатуры, как при бегстве с "Элегии"? И что корпорация не использует реально существующий эсминец? Они ведь выходят с верфи практически близнецами.
— Насколько важной вы обладаете информацией? — после некоторой паузы послышался капитанский голос.
— Повторяю: чрезвычайно важной! Это информация о заговоре с целью государственного переворота! Именно поэтому мы должны быть абсолютно уверены в ваших полномочиях, — объяснила лже-Аулина.
— Эсминец "Меркадо" приписан к аванпосту "Контилада", о котором вы сейчас упоминали, — немного поразмыслив, сообщила назвавшаяся Сильвией Грасс. — Мы поймали ваш сигнал бедствия

внутри туманности Аратея и немедленно направились по указанным координатам. Там мы нашли радиобуй. Он транслировал сообщение, извещавшее, что вы направились в эту звездную систему для добычи топлива, поскольку у вас наблюдается дефицит кислорода, а зарядить реактор нечем. Больше нам о вас ничего не известно!
Последняя фраза подтвердила давнее предположение Мелиюбиуса. Корпорация ничего не сообщила об угоне судна, чтобы то, чего доброго, не загремело в руки закона вместе со всем экипажем и проектом Овербридж. Она предпочитала вести поиски в тайне, отчего военные до сих пор не имели ни малейшего представления о "Корундоре" и причинах ее болтания в космосе.
— У нас действительно осталось очень мало кислорода, а прыжковые двигатели до сих пор нечем зарядить, — подтвердила лже-Аулина. — Мы будем признательны, если вы поделитесь с нами хотя бы энергоячейкой для реактора. Тогда мы сумеем самостоятельно достичь "Контилады", где поступим в полное распоряжение военных.
— Если вы терпите бедствие, по всем законам флота мы обязаны вам помочь, — неторопливо произнесла капитан. — Тем более, если вы и впрямь обладаете некой важной информацией в интересах правительства Третьей Республики. Однако ваше требование невыполнимо. У вас на борту явно что-то не так. Анализ корпуса вашего грузовика указывает на повреждения, полученные, предположительно, в боевом столкновении. Если мы отпустим вас без проверки, вы можете улететь неизвестно куда с неизвестными последствиями. А вдруг "Корундора" представляет биологическую или иную опасность?
Ненадолго отключив канал связи, Мелиюбиус сказал своим обычным голосом, чтобы никто из беглецов не смел даже упоминать про патогенный грибок. В противном случае ничего хорошего беглецам не светит. Пока они пройдут карантин, об их местонахождении будет знать вся галактика. Отдельно Сиреневый Бутон прошипел какое-то чисто человеческое ругательство про бюрократизм и прочие проволочки.
— Нам всего лишь нужна ядерная энергоячейка. Мы были бы благодарны и за кислород, но до "Контилады" нашего запаса хватит, — снова заговорила в эфир лже-Аулина. — Вы откажете нам в такой малости?
— Не откажем. Но только после проверки вашего судна! — в голосе капитана эсминца послышались повелительные нотки.
— Мы не можем допустить на борт вооруженных людей! — прибавил градус категоричности Мелиюбиус, успешно продолжавший

прикидываться девушкой.
— А мы не можем отпустить вас вслепую! — сурово заявила женщина на другом конце канала связи. — В туманности Аратея мы искали убежища преступников и нелегальные поселения. Где гарантия, что вы не имеете к ним отношения? Не забывайте, мы держим вас на прицеле!
— А вы не забывайте, что мы сами готовы уничтожить собственный корабль, если вы не те, за кого себя выдаете! — напомнила мнимая Аулина.
Настоящая же тихонько осведомилась, не спятил ли ее сиреневый друг. Ведь самоуничтожение в планы беглецов не входило. Его ответ, произнесенный ласковым, но твердым тоном, звучал вполне резонно. Если на эсминце не настоящие военные, а люди корпорации, Мелиюбиус предпочтет взорвать "Корундору", но не отдаст Аулину и Себастьяна в руки "Галактик текнолоджис". Для этого потребуется не так уж много усилий, ибо дестабилизировать реактор, чье устройство беглецам уже хорошо известно, вполне посильная задача. Правда, он очень надеется, что до этого не дойдет. По ряду признаков "Меркадо" — тот, кем представляется. Стало быть, они сумеют договориться. Ну а с корпорацией заведомо договариваться не о чем.
— Так что будем делать?! — не скрывая растущего раздражения, осведомился женский голос. — Я бы не советовала вам шутить с вооруженными силами Третьей Республики! А наше терпение на исходе!
— У меня есть предложение, как нам следует поступить, — тут же отозвалась лже-Аулина. — Если вы те, за кого себя выдаете, оно устроит нас всех.

На мостике "Корундоры" мало кто верил, что Мелиюбиусу удастся договориться в избранной им манере. Тем не менее, беглецам пришлось признать, насколько Сиреневый Бутон поднаторел в убалтывании людей. Пришлось, когда от "Меркадо" отделился малый планетарный катер и направился к грузовому судну. На нем, согласно уговору, летело шесть безоружных человек, чтобы провести первичную проверку якобы терпящего бедствие звездолета. То были добровольцы. Согласно идее Мелиюбиуса, если их возьмут в заложники, эсминец будет к этому готов и тут же применит к "Корундоре" надлежащую силу.

До посадки в ангаре дело не дошло. Искусственный разум, не будь дураком, избегал пресловутого "Троянского коня" и не позволил абы кому проникнуть на борт неизвестно с чем. Шестеро людей, облаченных в обычные скафандры, покинули катер и вошли в приготовленный для них шлюз. Сканирование, проведенное с

помощью звена роботов, убедительно показало, что они и впрямь не вооружены. Это же звено сопроводило гостей на мостик, где Мелиюбиус поддерживал непрерывную связь с капитаном "Меркадо". Гости не знали, насколько опасна окружавшая их техника, поэтому относились к ней довольно безразлично. Вот скафандр типа "Штурмовик-4" был им хорошо известен. Себастьян и Аулина держали вошедших на прицеле, о чем Бутон заранее сообщил на эсминец. Мол, лишняя страховка беглецам не помешает, а гостям ничего не грозит, если они не проявят какой-либо агрессии.

Оглядев мостик, прибывшие, сложив гермошлемы, представились солдатами Третьей Республики. Лейтенант, командовавший этой необычной высадкой, запросил видеосвязь с начальством. Тут же на мостике появилась большая голографическая картинка, доселе не включаемая из соображений безопасности. Беглецы до поры не хотели показывать себя, а с эсминца не посылали одностороннее изображение без ответа с "Корундоры". Голограмма транслировала женщину средних лет, облаченную в черную флотскую форму с капитанскими нашивками. Ее фуражка скрывала большую часть короткой стрижки. Лоб, морщившийся под козырьком, выдавал заметную обеспокоенность. Пальцы женщины неторопливо барабанили по подлокотнику кресла.

— Мэм! Это лейтенант Штур! Мы на мостике "Корундоры"! Видим тут двоих, облаченных в боевые скафандры. Больше никого нет! — сообщил офицер.

Так оно и было. Во всяком случае, пока. Согласно предложению искусственного разума, Сару и Анатоля отправили, от греха подальше, в одну из кают.

— Могу я, наконец, увидеть лицо той, с кем говорю? — осведомилась капитан "Меркадо".

На экранах обоих судов, помимо группы солдат, появилось лицо Аулины. Передача шла из гермошлема скафандра, и шла силами Мелиюбиуса. Транслируя изображение девушки, он уже не говорил от ее имени, но подсказывал нужные слова, пользуясь кабельным подключением к главному терминалу. Пришельцы его не видели. Мелиюбиус прикидывался тумбой благодаря одетому на него металлическому ящику. Мало чей взгляд мог сходу определить, что эта тумба, вплотную прислоненная к задней части центрального компьютера, не имеет к нему никакого отношения. При этом именно она занималась как фальсификацией источника связи, так и управляла звеном роботов, сопровождавших отряд солдат.

— Вы и на "Контиладе" собирались так себя вести? — усмехнулась капитан Грасс, внимательно изучив лицо девушки.

— Статус "Контилады" априори не требует подтверждения в силу

естественных обстоятельств, — заметила Аулина, слушая ливший-ся в ухо шепот сиреневого друга. — О вас, к сожалению, того же сразу не скажешь.
— О вас тоже, — прищурилась капитан. — Так как, вы допустите моих людей до корабельного журнала?
Девушка кивнула. Следуя ее приглашению, лейтенант Штур по-дошел к главному терминалу и воспользовался любезно предостав-ленным ему интерфейсом.
— Мэм, передаю данные из бортового компьютера "Корундоры", — сообщил он, шустро нажимая пальцами на клавиши, дополняемые голографическими символами.
— Подтверждаю. Передача началась, — послышался сдержанный ответ.
Файлы, извлекаемые из центрального терминала, потекли из гру-зового корабля на эсминец, одновременно поступая как на та-мошний мостик, так и компьютерным специалистам. Аулина на-пряглась, ожидая неприятных вопросов, но Мелиюбиус по этому поводу не переживал. Он успел хорошенько подчистить электрон-ные журналы и прочую информацию. Люди на "Меркадо" узнают ровно столько, сколько он им захочет сообщить, и ни йотой боль-ше. Об этом Бутон успел шепнуть Аулине, а заодно и Себастьяну, ибо ученого также волновало содержимое бортового компьютера. Там ведь хранились все записи о полете с момента побега из "Эле-гии". Одно дело, если в них фигурируют сведения об атаке звездо-летами корпорации, и совсем другое — недавняя бойня между членами экипажа, оставившая в коридорах и отсеках "Корундоры" весьма примечательные следы.
— Что ж, пока я не вижу в вашем бортовом журнале ничего кри-минального, — несколько потеплела капитан Грасс. — Поврежде-ния судна вызваны атакой неприятеля?
— Они вызваны атакой владельца звездолета, корпорацией "Га-лактик текнолоджис". Полагаю, вы уже проверили его принадлеж-ность. Спасаясь от обстрела, мы еле успели уйти в прыжок до "Контилады". К сожалению, возникший на борту пожар и после-дующий взрыв привели к дестабилизации судна в пространстве и аварийному выходу в обычный космос, — неторопливо объяснила Аулина, слушая подсказки Мелиюбиуса.
— Получается, вы похитили судно у его хозяина? — машинально блеснула глазами офицер.
Привычка гоняться за пиратами и прочим преступным контин-гентом немедленно дала себя знать. Искусственный разум, мгно-венно оценив реакцию собеседника, стал нашептывать девушке нужные формулировки, составляя из них целую речь. Та озвучила

ее капитану эсминца. Беглецы с "Элегии" — научные сотрудники, случайно выявившие преступные намерения корпорации. Та, прознав об их осведомленности, вознамерилась уничтожить опасных свидетелей и тем самым не оставила им выбора. Этим сотрудникам, ныне возглавляемым Аулиной Розенталь, пришлось угнать грузовое судно, чтобы сообщить властям о замысле государственного переворота. Увы, обстоятельства непреодолимой силы не позволили беглецам добраться до "Контилады", то есть удаленного военного аванпоста, где корпорация вряд ли станет их искать. Теперь же им как можно быстрее следует туда добраться и передать все улики в руки офицеров флота.
— Передайте их нам! — предложила капитан Грасс.
— Я предвидела ваш запрос, — покачала головой Аулина. — Их объем слишком велик, отчего мы и не воспользовались межзвездной связью. Он требует исключительно прямой передачи и самого внимательного изучения рядом серьезных специалистов. Между тем время нас поджимает. Корпорация наверняка ищет "Корундору" по всей галактике. Промедление не только грозит нам смертью от гипоксии, но и обнаружением кораблями "Галактик текнолоджис". А мы не исключаем, что как раз вы такой корабль и есть. Файлы, которые мы везем на "Контиладу", не имеют копий, ибо те были уничтожены. Корпорация мечтает заполучить их обратно. Именно поэтому мы не можем принять ваше предложение, чтобы не допустить роковой ошибки. Эти файлы должны быть доставлены на аванпост нами лично.
— Вы можете коротко изложить мне причины, побудившие вас обвинить "Галактик текнолоджис" в государственной измене? — подумав, не без интереса спросила женщина в черной форме.
Мелиюбиус ожидал услышать нечто подобное и выстроил ответ в надлежащей форме. Устами Аулины он осведомился, как именно сама капитан Грасс охарактеризовала бы того, кто собирался применить новейшее изобретение для свержения действующей власти. Применить самым непосредственным образом. Вооруженные новинкой, боевые звездолеты "Галактик текнолоджис" должны были получить преимущество минимум десять к одному. Преимущество по отношению к правительственным войскам. Это автоматически сделало бы их самой могущественной силой в известной Вселенной, которой никто не смог бы оказать надлежащее сопротивление. Более того, с помощью этого изобретения корпорация намеревалась кратно усилить и планетарные войска, чтобы захватить все ключевые точки Третьей Республики. Узнав об открывающейся перед ним перспективе, руководство "Галактик текнолоджис" без колебаний разработало план переворота. Разговоры о

нем, сделанные под грифом наивысшей секретности, имеются в распоряжении беглецов из "Элегии", равно как и другие неопровержимые улики. В частности, данные по испытаниям опытного образца с кодовым наименованием Овербридж, и полная технология его производства. Сам факт побега на простом грузовом судне из такой защищенной крепости как "Элегия", способной отразить натиск целого флота, уже является доказательством, насколько огромны возможности пресловутого Овербриджа.
— Этот образец у вас?! — живо осведомилась капитан Грасс, перебив девушку на полуслове.
Судя по реакции старшего офицера, она пока не верила беглецам без более вещественных доводов, однако услышанное ее изрядно впечатлило. Особенно при упоминании боевых преимуществ в соотношении на порядок.
— К сожалению, пожар, приведший к аварийному выходу из прыжка, его уничтожил, — ответила изумившаяся собственным словам Аулина.
— Ш-ш-ш! Давай без удивлений! — тихо прожужжал в ее наушнике Мелиюбиус. — Я тебе потом объясню.
Это же он шепнул и Себастьяну, который поразился сделанному заявлению не меньше своей невесты. Кажется, Бутон в очередной раз что-то затеял и подобно Гарольду решил не посвящать в свои планы остальных. Да уж, из них вышла бы та еще парочка! Чего и удивляться, что им удалось успешно разработать и осуществить план бегства из "Элегии".
— Однако у нас сохранились все научно-технические сведения об этом изобретении. Военные специалисты смогут подтвердить всю их ценность, — добавила девушка, чем вновь вызвала у капитана Грасс угасавший было интерес.
Она немедленно пожелала знать, в чем его суть. Мол, мисс Розенталь все ходит вокруг да около, а конкретно по существу упорно ничего не говорит.
— Проект Овербридж — принципиально новый искусственный интеллект, превосходящий все существующие в десятки раз! — сообщила вновь изумившаяся Аулина.
Ей ведь действительно было с чего изумляться. Уж кто-кто, а Мелиюбиус отлично понимал разницу между искусственным интеллектом и искусственным разумом. Являясь последним, с чего бы он стал представляться первым? Тихий комментарий в наушниках опять попросил ее и Себастьяна не выказывать излишних эмоций, грозивших поставить под сомнение искренность переговоров. Мол, все объяснения позже. Аулина послушалась и постаралась обрести самый невозмутимый вид. С ним она и сообщила капита-

ну эсминца остальные достоинства Овербриджа, помимо прочего не подчинявшегося ограничениям чипа безопасности, контролировавшего поведение компьютеров и роботов. Если "Галактик текнолоджис" вооружит этим искусственным интеллектом свои военизированные формирования, шансы Третьей Республики на дальнейшее существование сведутся к нулю.
— То, что вы заявляете, чрезвычайно серьезно! — нахмурилась озадаченная капитан Грасс. — Надеюсь, вы отдаете себе в этом отчет!
— Отдаем! — отчеканила Аулина, ибо сиреневый советчик подсказывал ей не только слова, но и интонацию, с которой их следовало говорить. — Именно поэтому нам как можно быстрее требуется прибыть на Контиладу!
В разговор вмешался лейтенант Штур. Он доложил начальству, что перекачка данных завершена, а его люди готовы к следующему этапу проверки. Капитан велела ему обождать, а сама спросила Аулину, почему бы экипажу "Корундоры" не пересесть на "Меркадо", если уж их собственный звездолет без заправки лететь не в состоянии. Так будет и надежнее и быстрее. Девушка ответила, что они возвращаются к исходной проблеме. Если на эсминце люди корпорации, судьба беглецов окажется незавидна. Поведать им о своих планах — это одно, тут никакого вреда нет, а вот передать данные по проекту Овербридж или сунуться на борт — совсем другое. Нет уж, беглецы прибудут на Контиладу своим ходом, а для этого им требуется ядерная энергоячейка и немного запасного кислорода. Кстати, лишние шесть человек на борту им сейчас ухудшают и без того критическую обстановку.
— Что ж, хорошо, — кивнула капитан. — Тогда мои люди должны продолжить проверку.
— Это само собой, — согласилась Аулина.
— Лейтенант Штур! Исполняйте! — обратилась офицер к командиру высадившегося подразделения.
Козырнув, тот со своими людьми покинул мостик, оставив там одного дежурного. Вслед за этим от "Корундоры" отделилась "Диаманта" и направилась к маячившему поблизости эсминцу.

Весь ход событий контролировался Мелиюбиусом. Согласно его замыслу, солдаты начали проверку основных узлов звездолета, чтобы убедиться в отсутствии какой-либо явной угрозы для себя и общества. В то же время челнок, удаленно пилотируемый искусственным разумом, пристыковался к военному кораблю. Капитан Грасс наотрез отказалась выдать беглецам ядерную энергоячейку до окончания проверки. Вот кислород она передать согласилась. В конце концов, даже если на борту "Корундоры" преступники, нель-

зя же дать им задохнуться. Нормы гуманизма, принятые в Третьей Республике, давно уже основывались на обеспечении минимальных человеческих потребностей, а заведомое оставление в опасности грозило ответственностью перед законом. Управляя "Диамантой" по радио, Мелиюбиус бдительно следил, чтобы в нее не подсунули ничего лишнего. Пока что у него не появилось оснований обвинить Сильвию Грасс в нечестной игре. Солдаты на "Корундоре", сопровождаемые роботами, не вызывали подозрений, а солдаты на "Меркадо" загрузили в челнок одни лишь баллоны с кислородом. Вместе с ними искусственный разум разрешил доставить и дюжину разведывательных дронов. Если их начинка соответствует заводскому образцу, никакой опасности они не представляли. В задачу этих летающих малышей входило сканирование местности и груза, в том числе на предмет различных форм жизни. Если капитан Грасс желает удостовериться в численности экипажа "Корундоры", ей представится такая возможность. Также она сумеет убедиться, что беглецы не утаивают от военных ничего криминального. Правда, здесь могли возникнуть неприятности, если "Галактик технолоджис" погрузила на судно нечто незаконное, способное вызвать нездоровый интерес властей. Вдруг заявленное содержимое некоторых контейнеров не соответствовало действительности? Беглецы ведь не успели проверить их все до последнего. Ну да при беглом сканировании летающие скауты такой подлог вряд ли обнаружат, а обшаривать "Корундору" сверху донизу капитан Грасс вроде как не собиралась. Стало быть, когда роботы Мелиюбиуса сами просканируют дроны с эсминца, тем позволят изучить все отсеки грузового звездолета.

Так и произошло. Приземлившись в ангаре, "Диаманта" распахнула люк для погрузчиков, немедленно потащивших баллоны с драгоценным содержимым в центр распределения ресурсов. Вскоре из ангара выпорхнули и скауты, хорошенько проверенные машинами Сиреневого Бутона. К тому моменту он уже не опасался, что разведчики найдут на судне нескольких незаявленных пассажиров в лице Кимберли и двоих детей, да еще запертых в подобие тюремной камеры. Об этом, согласно его наущению, успела позаботиться Аулина.

Нет, девушка не отправила пленницу на тот свет, тем более с ребятишками. Пока Мелиюбиус вновь стал поддерживать связь от ее имени, занимаясь откровенным подлогом, причем на этот раз с полноценным видеосигналом, она прибыла к запечатанной секции, которую уже вовсю вскрывали роботы. Кимберли, завидев искры и капли расплавленного металла, успела напридумывать себе худшего. В ее воображении вовсю рисовалась картинка, где

врывавшаяся техника резала ее и детей в кровавые лохмотья. Появление Аулины снизило градус растущего ужаса, а ее слова быстро отрезвили едва не запаниковавшую креолку. Девушка коротко изложила причину своего визита. Мол, вблизи от "Корундоры" остановился военный звездолет, прибывший на сигнал SOS. В настоящий момент его солдаты проводят осмотр отсеков. Если они те, кем назвались, то есть это не уловка "Галактик текнолоджис", с принятием решения Кимберли придется поспешить. Ее сейчас освободят и доставят в кают-компанию. Тогда у нее и появится выбор: наговорить солдатам с три короба, со всеми уже описанными ей последствиями, либо же помалкивать, адресуя все вопросы Аулине Розенталь. Таким образом, Кимберли сумеет наглядно убедиться, что ее собираются доставить на "Контиладу" целой и невредимой. При этом от нее сейчас зависит, насколько эффективным окажется весь план побега от корпорации.

Выслушав бывшую подругу, креолка не смогла сдержать разлившееся по лицу изумление. Неужели ее и впрямь сейчас вот так запросто выпустят, причем с возможностью сообщить солдатам Третьей Республики что заблагорассудится? Вроде бы Аулина говорила искренне, но после всего произошедшего… С другой стороны, какая разница, здесь или на Контиладе? То есть, прежде бывшая подруга предлагала освободить ее по прибытии ТУДА, обрисовав потенциальную перспективу развития событий. Теперь она намерена сделать это прямо сейчас. Если Аулина не лгала, формально нет никакой разницы, произойдет это ТАМ или ТУТ, и в этом прослеживалась известная логика. Тем не менее, Кимберли выражала всему происходящему откровенное недоверие, постоянно ожидая подвоха. Она выражала его покинув узилище, на чьей двери застыли капли оплавленной стали, выражала придя в кают-компанию, и продолжала выражать вплоть до тех пор, пока туда не заглянул один из солдат. Знаки различия на его скафандре извещали о том, что он служит в военном флоте Третьей Республики.
— А вы кем будете? — представившись, осведомился этот человек, окинув взором молодую женщину и двоих детей.
Все трое сидели за столом и неторопливо подкреплялись продукцией из ближайшего синтезатора.
— Прошу прощения за вопрос, но эсминец "Меркадо" проводит досмотр судна и его экипажа, — вежливо добавил он, поясняя свой настойчивый интерес.
— Кимберли Лансберг, — отозвалась креолка, впившись глазами в рослого сероглазого брюнета. — Это мои дети, Никки и Вайолет.
Она не стала уточнять, кто из них ей приходился родным сыном, а кто совсем не дочерью. Вдова Мартина все равно решила удоче-

рить девочку, если судьба позволит ей выпутаться из нынешнего кошмара. Что же касалось ребятишек, то они так же не стали ее поправлять, скромно помалкивая согласно полученным указаниям.
— Вы имеете какое-то отношение к "Элегии"? — осторожно уточнил военный.
— Да. Наша семья спаслась оттуда бегством на этом самом грузовом звездолете, — помедлив, ответила Кимберли.
— Ваша семья? — отметил солдат. — Вы подразумеваете кого-то еще, кроме вас троих?
— Моего мужа, его родных и моих родных, — враз помрачнела молодая женщина.
— И где же они все? Тоже на борту? — продолжал расспрашивать проверяющий.
Наступил момент истины. Трешечка, оставленная Аулиной в кают-компании, нахально подслушивала все разговоры, не выпуская освобожденную пленницу из поля зрения. Девушка невольно напряглась, ожидая худшего, поскольку наушничавший ей Мелиюбиус транслировал все происходящее на экран гермошлема. Вот сейчас вдова Мартина откроет рот да такого наговорит, что эсминец тут же передумает отпускать "Корундору"...
— Они все погибли, — после некоторой паузы глухо произнесла креолка.
— Погибли? Даже так?! — прищурился военный. — При каких обстоятельствах?
— Спросите у "Галактик текнолоджис", которая расстреливала наш корабль из всех орудий, — сделав над собой усилие, процедила Кимберли. — Да, мы все работали в Элегии, и нас всех пытались убить. За подробностями обратитесь к Аулине Розенталь, она у нас теперь за капитана. А меня прошу извинить, я хочу остаться наедине с детьми и не отвечать на психологически тяжелые вопросы. Мы слишком многое пережили.
Окинув молодую женщину и детей долгим оценивающим взором, военный козырнул и оставил ее в покое. Покидая кают-компанию, он доложил на "Меркадо" кого нашел и что именно услышал.
— Хвала Вселенной, Кимберли сдержала язык за зубами! — облегченно выдохнула Аулина. — По правде говоря, я опасалась худшего. После всего, что она натворила... После всего, что вообще произошло!..
— А я тебе что говорил? — усмехнулся в наушнике Мелиюбиус. — Ты молодец! Обрабатывая ее надлежащим образом, ты проделала великолепную работу! В результате я даже не сомневался!
— Я всего лишь озвучивала заранее составленные тобой речи, —

скептически напомнила девушка.
— Я придумал текст. Убедительной была ТЫ. Не надо умалять свои заслуги, — наставительно изрек сиреневый друг. — Из нас с тобой выйдет отличная команда, я это уже давно понял.
— Ладно, что дальше? — невольно улыбнулась Аулина.
— О, дальше как раз все просто! Кажется, проблем с эсминцем все-таки не будет, поэтому вскоре мы наконец-то сможем улететь, — бодро ответил Бутон, продолжавший прикидываться железным ящиком.
Девушка резонно осведомилась, что если "Меркадо" и впрямь военный корабль с Контилады, отчего бы тогда не улететь на нем. Мелиюбиус коротко объяснил. Корпорация дьявольски хитра. Она может до последнего маскироваться под кого угодно, заманивая беглецов в ловушку. Лучшим доказательством послужит лишь факт полюбовного соглашения с эсминцем. Если он поделится с "Корундорой" ядерной энергоячейкой и позволит улететь, стало быть, это и впрямь солдаты Третьей Республики. Ну а грузовой звездолет и сам прекрасно доберется до заветного аванпоста.

В четырнадцать часов дня проверка была завершена. К тому моменту разведывательные дроны уже дважды облетели весь корабль и ничего криминального не нашли, исключая множественные повреждения в различных отсеках и коридорах. Устами Аулины искусственный разум списал это на взрывы и пожары вследствие ранее упомянутого обстрела со стороны корпорации, плюс дальнейшее бесчинство спятившей техники. Кажется, капитана Грасс его речи вполне удовлетворили. Во всяком случае, вторая группа из еще шести человек, согласованно высаженная вслед за первой, подтверждала предварительные выводы. Они полностью совпадали с данными из главного компьютера "Корундоры" и наблюдениями скаутов. Возможно, займись команда эсминца более тщательной проверкой, она пришла бы к выводу, что беглецы явно о чем-то умалчивают. Однако судно никто не перетряхивал сверху донизу и под микроскопом не изучал, а обо всем остальном позаботился Мелиюбиус, ловко направляя разведчиков и подгоняя электронные записи. Результат не заставил себя ждать. Глазам военных предстал сильно потрепанный, но все же вполне мирный звездолет, чей немногочисленный экипаж, вполне вероятно, рассказал пусть и поразительную, но правдивую историю.
— Что ж, в данный момент у меня нет оснований вас задерживать, — сообщила командующая "Меркадо". — Высылайте челнок. Мы погрузим на него ядерную энергоячейку, после чего вы сможете своим ходом отправиться на Контиладу.
— Мы очень вам благодарны! — искренне ответила Аулина, раду-

ясь, что игры со смертью наконец-то подходят к концу, и подходят хоть и с большим счетом в пользу костлявой, но все-таки не всухую.
— Имейте в виду! Если вы отправитесь куда-то еще, а не к нашему аванпосту, мы немедленно объявим "Корундору" в розыск! — наставительно добавила капитан Грасс. — Я сообщила о вас куда следует. Лучше даже не пытайтесь выкинуть какой-нибудь номер.
Беглецы пропустили ее слова мимо ушей. Точнее, они поняли из них ровно то, что прозвучало открыто. Мелиюбиус, немедленно навострив сенсоры, уловил нечто гораздо большее.
— Как давно вы о нас сообщили?! — с внезапным напряжением в голосе спросил он, в очередной раз перехватив связь у Аулины.
— Сразу, как только вас увидели. Потом дважды, при первом контакте и вот теперь, по результатам проверки. Я доложила о ней своему командованию. Вас ждут на Контиладе, — несколько удивилась вопросу, но решила просветить собеседницу капитан Грасс.
Она могла бы резко поставить ее на место за нездоровый и даже возмутительный интерес, но предпочла раскрыть подробности. В частности, чтобы окончательно отбить у "Корундоры" охоту отправиться еще куда-нибудь кроме Контилады, буде та о чем-то таком помышляет.
— Вы меня не поняли! Когда вы В САМЫЙ ПЕРВЫЙ РАЗ сообщили о "Корундоре" по межзвездной связи?! — еще более напряженно уточнил Мелиюбиус.
— Когда поймали ваш сигнал бедствия, а затем когда нашли ваш радиобуй, — с налетом растущего недоумения ответила старший офицер. — Почему вы спрашиваете? Это имеет какое-то значение?
Ее недоумение разделяли и Себастьян с Аулиной. Какого лешего Сиреневый Бутон затеял этот странный разговор, когда все вот-вот благополучно завершится? Вознамерился дать военным пищу для подозрений и все испортить?
— Проклятье! Мне надо было спросить об этом сразу! — ужаснулась лже-Аулина. — Заклинаю! Немедленно вызывайте подкрепление с Контилады! Да откуда угодно! НЕ-МЕД-ЛЕН-НО! Всех, кто рядом!
— Вы в своем уме? — опешила капитан Грасс. — Да с чего бы вдруг?!
Мелиюбиус продолжал и просить, и одновременно требовать, чтобы "Меркадо" позвал на помощь все ближайшие военные корабли. С того момента, когда о местонахождении "Корундоры" было объявлено по межзвездной связи прошло столько времени, что…

— Минутку! — внезапно перебила его словоизлияния капитан Грасс. — Мне только что доложили, что к нам приближается какой-то корабль. Похоже, он вышел из прыжка и сразу включил маскировку. В ней он движется и сейчас, но наши сенсоры сумели его засечь. Это случайно не ваши приятели пираты явились на выручку?

В последней фразе явственно всколыхнулись все прежние подозрения охотницы за преступниками, но Мелиюбиус их явно не оценил.

— Вы уже установили принадлежность этого судна? — коротко спросил он.

— Устанавливаем… — ответила капитан Грасс, переключая что-то на интерфейсе. — Да, теперь установили, — спустя томительные полминуты продолжила она. Это звездолет "Нумиалис" класса "Акула". Уровня эсминца вроде "Меркадо". Принадлежит "Галактик текнолоджис".

При этих словах ее тон заметно изменился, став куда более серьезным. Что бы ни происходило на самом деле, рассказ экипажа "Корундоры" об этой корпорации и появление ее же боевого корабля вряд ли было простым совпадением.

— Пушки к бою, капитан! — сурово отчеканила мнимая Аулина. — Они не оставят свидетелей!

— Вы это серьезно?! — нахмурилась капитан Грасс. — Корпорация не осмелится напасть на звездолет военного флота Третьей Республики!

— Еще как осмелится! Слишком многое у них на кону! — не сдержавшись, рявкнула лже-Аулина. — Стреляйте первыми, капитан, или они вас уничтожат! А потом и нас! За этим они сюда и летят!

Но "Меркадо", как представитель власти, не мог открыть огонь по неочевидно враждебной цели без предупреждения. Проигнорировав призывы с "Корундоры", Сильвия Грасс попыталась связаться с приближавшимся звездолетом. И тот вышел на связь. Женщина, представившаяся капитаном Пэйлинг, сообщила, что они ищут грузовой корабль, захваченный пиратами при совершении планового рейса. Во время боя он получил значительные повреждения, чем и вызвана его аварийная остановка. Учитывая принадлежность судна, военные не вправе мешать корпорации вернуть себе свою частную собственность.

Капитан Грасс, не зная что и думать, вступила с капитаном подлетавшего "Нумиалиса" в диалог. С точки зрения экипажа "Корундоры", активно передаваемой лже-Аулиной, военным просто заговаривали зубы, но им не очень-то внимали. Тем не менее, Сильвия Грасс велела, чтобы "Нумиалис" немедленно сбавил ход и

остановился, а сама приказала своим офицерам подать мощность на тяговые двигатели и перенацелить орудия. Капитан Пэйлинг выразила согласие с прозвучавшим требованием, но отчего-то выполнять его не спешила. С растущим беспокойством Сильвия Грасс приказала начать маневр в сторону потенциального противника. Увы, этот приказ поступил слишком поздно. "Меркадо" еще только разворачивался к "Нумиалису", когда тот, выжав полный форсаж, достиг огневого рубежа и выпустил по военному кораблю две дюжины тяжелых торпед.

– 14 –

Полностью застать военный эсминец врасплох было нельзя. Его экипаж всегда поддерживал на борту хотя бы минимальную боеготовность, и уж тем более тогда, когда предполагал провести некую операцию. В частности, взяв на прицел грузовой звездолет. С другой стороны, именно последнее обстоятельство и помешало "Меркадо" своевременно отреагировать на нападение должным образом. Занятый одной целью, он переключил внимание на другую с немалой инерцией, заведомо не зная, не в сговоре ли обе. Необычные обстоятельства сложились так, что изрядно сбили с толку командование армейского корабля. Его положение в пространстве плохо подходило для отражения внезапной атаки и надлежащего ответа, не говоря уже об отсутствии движения. Ведь совершение маневров было такой же важной составляющей практически любого боя, как и огневая мощь. Заподозрив неладное, капитан Грасс успела принять ряд необходимых шагов, отчего и не приходилось утверждать, что "Меркадо" оказался совсем уж не готов к начавшейся схватке. Другое дело, насколько именно готов. От своей максимальной эффективности он проигрывал почти вдвое, в то время как враг успел приготовиться для быстрого и решительного нападения.

Тяжелые торпеды одна за другой рвались вблизи от борта военного звездолета. "Нумиалис", просчитав курс цели, заранее выпустил их таким образом, чтобы не позволить ей увернуться. Этот расчет полностью оправдался. Тяговые двигатели не успели вывести "Меркадо" на нужную скорость, а тормозить перед вражеским огнем было смерти подобно. В подобных неблагоприятных условиях маневровые двигатели также становились почти бесполезны. В результате эсминец попросту "собрал" весь выпущенный по нему боезапас. К счастью, собрал не корпусом. Зенитные орудия отработали на славу, уничтожив множественные цели, чей курс пересекался с курсом звездолета. Однако без последствий не

обошлось. Детонация произошла в опасной близости, при этом силовые поля еще не вышли на полную мощность. До сих пор, занимаясь "Корундорой", эсминец не расходовал энергию почем зря и не сжигал ее на поддержание активных контуров в наиболее насыщенном состоянии. Согласно приказу капитана, офицеры "Меркадо" успели вывести их на шестьдесят процентов. Этого хватило, чтобы отразить прямой урон кораблю, но косвенный причинил массу неприятностей. Эсминец здорово затрясло. По отсекам грянул сигнал технической тревоги, когда часть оборудования заискрила, а из-за перегрузки где-то возникли очаги возгорания. Два генератора щитов, не выдержав перепада физического воздействия, вышли из строя, и техники спешно включали запасные. Дал сбой один из вторичных энергоузлов, требуя срочного вмешательства специалистов. Левый борт "Меркадо", которым тот все еще был повернут к нападавшему, существенно просел защитным полем. Очередное прямое попадание грозило пробить его самым плачевным образом.

— Полный форсаж! — приказала капитан Грасс, уже не считаясь с близостью "Корундоры". — Разворот на шестьдесят четвертую долю небесной полусферы! Ответный залп с левого борта!

Она невольно отметила, что на грузовом звездолете кому-то хватило ума отреагировать должным образом. Выпустив из дюз снопы пламени, тот двинулся с места и под углом стал уходить от пролетающего мимо эсминца.

— Правильно! Держитесь от нас подальше, мисс Розенталь! — одобрила капитан Грасс. — Не мешайте нам маневрировать!

— Не все так просто, — мрачно отозвалась лже-Аулина. — Наш главный компьютер улавливает активность их системы наведения. Они не выпускают нас из прицела. Вероятно, ждут удобного момента, чтобы привести "Корундору" в негодность. Это позволит прикрываться ей от вашего огня, а в худшем случае они уничтожат и вас и нас.

— Что это у вас за компьютер такой, раз может засекать подобные процессы? — невольно удивилась капитан Грасс.

— Маневрируйте как считаете нужным! Максимальный огонь на поражение! Мы уж сами пристроимся вслед за вами, чтобы избегать столкновения и не мешать стрелять, — проигнорировав вопрос, ответила поддельная Аулина.

Капитан Грасс предложила не учить ее управлять своим судном. Тем не менее, она нашла поведение экипажа "Корундоры" полезным и достойным, раз тот сам обещал не попадаться "Меркадо" на пути. К моменту этого короткого диалога оба звездолета успели разминуться без всяких последствий друг для друга. Грузовое суд-

но стало удаляться, в то время как эсминец, поливаемый плазменными зарядами врага, наконец-то обретал более подходящее положение для схватки. Согласно приказу капитана, его левый борт огрызнулся ответным залпом. К "Нумиалису" устремилось три десятка средних торпед, позади которых велся заградительный зенитный огонь. Он позволял сшибать вражеские снаряды на расстоянии и мешать прицельному плазменному обстрелу, давая передышку на восстановление щитов.

На "Нумиалисе" отреагировали. Изменив курс, враг принялся сбивать запущенные по нему объекты, если их траектория угрожала столкновением. Также заговорили и его зенитки, при этом тяжелые торпеды, предназначенные для военного звездолета, продолжали выходить из люков одна за другой. Следовало отметить, что уже в этом оба схватившихся судна кардинально различались. Класс эсминца не подразумевал тяжелого вооружения, отчего "Меркадо" стрелял только средними торпедами. В шахтах "Нумиалиса" оказался более мощный боеприпас. Именно поэтому он был опасен даже не при прямой детонации, а хотя бы ближней, активно пожирая энергию силовых полей и грозя пробить их за счет могучей нагрузки взрыва.

В ход пошли ракеты. Они срывались с пилонов армейского эсминца десятками и на всех парах неслись к звездолету "Галактик текнолоджис". Энергосистема "Меркадо", интенсивно восполнявшая щиты, в данный момент не могла себе позволить полноценный артобстрел из плазменных турелей. Именно поэтому капитан Грасс велела занять противника массой высокоподвижных целей. Тому, хочешь не хочешь, пришлось реагировать, снова корректируя курс. В отличие от неповоротливых торпед, ракеты обладали совершенно другими качественными характеристиками, отчего для их отражения использовались принципиально иные методы. Навстречу залпу военных были выпущены противоракеты из расчета две на одну. Большинство справилось со своей задачей, о чем свидетельствовали яркие вспышки, полыхавшие промеж кораблей новогодней иллюминацией. Еще часть ракет отбили малые артиллерийские турели ближнего боя. Некоторые все же достигли цели, и щиты "Нумиалиса" сверкнули змеистыми молниями, блокируя входящий урон. При этом огрызнулся и сам "Нумиалис". Его пилоны исторгли несколько сотен ракет разом. Они устремились к "Меркадо" подобно рою разъяренных шершней, разве что беззвучно из-за окружающего вакуума.

Капитан Грасс была готова к подобной выходке неприятеля. Офицеры ждали ее команды, чтобы выпустить им навстречу надлежащее средство защиты.

— Погодите! Не выпускайте противоракеты! Вы потратите их вхолостую! — внезапно раздался по радио голос лже-Аулины.
Командующая эсминцем как-то и не заметила, что канал связи с "Корундорой" остался активным. Вроде бы она поставила его в режим удержания, однако мисс Розенталь каким-то образом его обошла. Разумеется, Сильвия Грасс проигнорировала ее возмутительное предложение и отдала ожидаемый подчиненными приказ. Электромагнитные катапульты "Меркадо" выбросили в космос множество особых снарядов. Переключаясь в боевой режим, они рассыпались на несколько активных частей. Поймав несущиеся навстречу цели, эти части ринулись им наперехват. А те внезапно изменили курс. Достигнув некой критической точки, они резко взяли в сторону, будто вознамерились обогнуть военный эсминец по дуге. Снаряды защиты, не готовые к подобному развитию событий, некоторое время летели за ними, а затем взорвались, имея весьма ограниченный запас хода. Смысл поведения ракет с "Нумиалиса" долго разгадывать не пришлось. Обойдя вокруг "Меркадо", они стали разворачиваться и всем роем заходить на него с другого борта. Одновременно с этим звездолет "Галактик текнолодждис" выпустил новую порцию ракет. Таким образом, он как бы атаковал цель сразу с двух сторон, вынуждая ее тратить больше сил на оборону.
— Вы знали! Откуда вы знали, что так будет?! — грозно бросила капитан Грасс.
В пылу боя она находила несколько секунд для поддержания диалога с остававшейся на связи "Корундорой".
— Я не знала, но подозревала, — отозвалась лже-Аулина. — Простая логика. Вы ничего не теряли, повременив с противоракетным залпом. Его следовало давать, когда вражеские ракеты достигнут критической точки, после которой их нынешний маневр становился невозможен. А вы поторопились.
— Ничего, у нас все равно найдется достойный ответ! — заявила капитан Грасс, не слишком-то довольная услышанным.
Вновь проигнорировав собеседницу, настоятельно пожелавшую услышать детали, она велела подпустить оба вражеских роя поближе, а затем отдала приказ. От "Меркадо", озарившегося бледной, но яркой вспышкой, мгновенно разошлась мощная электромагнитная волна. Настолько мощная, что она выводила из строя любую электронику в ближнем радиусе действия. Даже у самих военных начали сбоить компьютеры и прочая не механическая техника, а ракеты врага были просто обязаны утратить всякое вменяемое управление. Однако этого не произошло. В окружающем пространстве царил настоящий электромагнитный хаос, но

они продолжали лететь туда, куда явно и собирались.
— Баллистические ракеты так сбить нельзя, — мрачно констатировала лже-Аулина. — Сигналы с них были чистейшей обманкой. Вы вывели из строя ложную электронику, а настоящей там попросту нет. Если они вышли на цель, то достигнут ее подобно падающему метеориту. Теперь вам все равно придется отражать оба залпа, зато вы потратили немало энергии на бесполезный импульс. Точнее, вредный. Ведь вы только что вывели из строя и свои собственные ракеты.
Лже-Аулина была совершенно права. В отличие от ракет "Нумиалиса", меркадовские корректировались операторами и теперь беспомощно закувыркались в космосе подобно вихрю снежинок. А через несколько секунд эсминец Третьей Республики накрыл упомянутый двойной залп, который противоракетные системы изначально отражать и не собирались. Вдоль его покатых стальных бортов вновь заполыхали многочисленные вспышки разрывов. Часть ракет удалось уничтожить на подлете с помощью экстренно открывших огонь артиллерийских турелей, но многие все же достигли цели, вторично испытав ее на прочность.
— Проклятье! — чертыхнулась капитан Грасс, когда ей доложили, что мощность щитов упала до сорока процентов.
А "Нумиалис" времени не терял. Сделав резкий маневр, он стал разворачиваться носом к военному звездолету, хотя тяга все еще гнала его в прежнем направлении.
— Ну, вот это он зря! — блеснула глазами капитан Грасс. — Наши носовые лазеры помощнее будут!
Выполняя ее приказ, офицеры мостика инициировали экстренный поворот, в свою очередь наводя нос "Меркадо" на врага.
— Вы там что, совсем рехнулись?! — возопила лже-Аулина, сообразив, зачем все это делалось.
— Чего вам опять не так?! — в сердцах воскликнула капитан Грасс, откровенно не понимая, почему ей не удается приостановить связь с "Корундорой". — Наша квадроустановка из четырех излучателей прожжет их навылет, если они не сменят тактику!
— Да это они вас прожгут! У вас сейчас элементарно не хватит мощности выдерживать их огонь и шпарить своими лазерами до победного конца! — взывал Мелиюбиус.
Ведь это именно он, с молчаливого согласия Аулины, продолжал вести переговоры с самого обнаружения корабля "Галактик текнолождис". Он же управлял "Корундорой", ловко удерживая ее в нескольких милях за кормой "Меркадо". Оставалось лишь глаза округлять, каким образом ему вообще удавалось перемещать неповоротливое грузовое судно относительно шустрых эсминцев.

Впрочем, свою подругу искусственный разум в неведении не держал. Он пояснил, что вычисляет траекторию движения звездолетов в реальном времени, причем опережая их бортовые компьютеры. В известном смысле, Мелиюбиус просто знает, куда именно те повернут, отчего умело пользуется инерцией массивной "Корундоры". Примерно это же касалось и тактики ведения боя. Более совершенное оборудование позволило бы Мелиюбиусу куда быстрее определять замыслы врага и извещать о них военных. К сожалению, сенсоры и антенны "Корундоры" находились не в лучшей форме, а Сиреневый Бутон не мог управлять бортовыми системами "Меркадо" напрямую. В довершении всего капитан Сильвия не слишком торопилась к нему прислушиваться. Иными словами, имей Мелиюбиус такой же доступ к эсминцу, как к "Корундоре", вся схватка протекала бы иначе, и уж всяко не складывалась в пользу "Галактик текнолоджис". А пока все именно так, к сожалению, и происходило.

Элементарное упрямство капитана военного флота, не способной вот так запросто прислушаться к совету какой-то девицы с грузовика, помешало ей быстро отменить неверное решение. Лишь тогда, когда стало очевидно, что Аулина Розенталь права, она отдала соответствующие приказы. К тому времени щиты "Меркадо" просели до двадцати пяти процентов, а охлаждающие установки лазеров испытывали опасный перегрев.

— Забудьте про нас! Полный форсаж! Восстановите щиты и тогда снова в бой! — голосом девушки велел Мелиюбиус, не забывая также транслировать и ее изображение.

На сей раз капитан Грасс решила не игнорировать поступившее предложение. Мало того, что все предыдущие оказались точными и оправданными, так еще и создавшееся положение подталкивало ее к тому же тактическому ходу.

— Мы не можем вас бросить! — только и отозвалась она, подразумевая чувство долга.

— Мы им слишком нужны! Они нам ничего не сделают! — успокоил собеседницу Мелиюбиус.

Абсолютно для всех — даже для Аулины — он предполагал наугад, исходя из наиболее рационального поведения боевиков корпорации. На деле все обстояло иначе. Перехватив входящий сигнал, искусственный разум успел пообщаться с мостиком "Нумиалиса".

Рядом с капитаном Пэйлин стоял экс-губернатор "Элегии" Шербенкс. Все происходящее было санкционировано им лично. Он прекрасно сознавал, что представляло собой нападение на звездолет вооруженных сил Третьей Республики. Однако обратный путь ему все равно был заказан, а в случае успеха корпорация откре-

стится от атаки, спишет ее на взбунтовавшийся экипаж "Нумиалиса" и найдет какого-нибудь козла отпущения. Сам же Шербенкс и его люди получат индульгенцию, а там и трава не расти! Это понимала и новоиспеченная капитан Пэйлин, не побоявшаяся представиться собственным именем. Впоследствии корпорация умело заметет следы, а если что, то она, в отличие от Шербенкса, сумеет удрать с денежками в кармане, прихватив нескольких верных офицеров. Именно поэтому амбициозная женщина послушалась экс-губернатора и начала боевые действия против правительственного эсминца. Это же помешало ей с одного залпа уничтожить и без того потрепанную "Корундору". Мелиюбиус был совершенно прав: с самого начала "Нумиалис" держал грузовой звездолет на прицеле, однако без прямой необходимости огонь по нему не открывал.

— Предлагаю сдаться по-хорошему! — сказал Шербенкс беглецам из "Элегии", когда капитан Пэйлин включила канал прямой связи.

Прелюдия в виде обмена "любезностями" закончилась довольно быстро. Личность беглецов была подтверждена, поэтому он сразу перешел к изложению своих требований, причем от имени корпорации.

— Это не соответствует нашим намерениям, — с ледяным спокойствием отозвался Мелиюбиус.

Он начисто обдурил экс-губернатора, ибо транслировал ему картинку с дюжиной членов экипажа, в то время как тех было куда меньше, и они понятия не имели о происходящем контакте. Причем транслировал от лица Гарольда, чью личность наверняка уже хорошенько изучили в оперативном штабе "Галактик текнолоджис".

— У вас нет выбора. Жизнь или немедленная смерть — вот все, что вам предлагается в данный момент, — холодно заявил Шербенкс. — Мы не станем стрелять, если вы проявите благоразумие.

Мелиюбиус, само собой, осведомился, в чем именно это благоразумие заключается. Ответ прозвучал вполне предсказуемо. "Корундоре" следует отлететь на безопасное расстояние и там ожидать когда "Нумиалис" уничтожит "Меркадо". Любая попытка обратиться в бегство будет незамедлительно и сурово пресечена. Звездолет корпорации пробьет щиты грузовика и повредит его ходовые двигатели. Это не должно привести к уничтожению всей "Корундоры", однако не гарантирует выживания ее экипажа. Если беглецы согласны, им надлежит немедленно переместиться по указанным координатам и лечь в дрейф. В противном случае "Нумиалис" пойдет на крайние меры.

— Знаете, что я думаю, мистер Шербенкс? Я думаю, вы блефуете,

— невозмутимо изрек лже-Гарольд. — Имея удовольствие вас лицезреть, я задался вопросом: что губернатор "Элегии" делает в этой космической дыре, лично охотясь за беглецами? Ответ напросился сам собой. Вы пытаетесь выслужиться перед корпорацией и вернуть себе ее расположение, которое утратили после нашего несколько поспешного расставания с "Элегией". Стало быть, вы не осмелитесь атаковать "Корундору" и станете всячески этого избегать. В противном случае вам и самим не поздоровится, не так ли? Ваши угрозы — пустой звук. Держите их при себе, а лучше уматывайте по-хорошему. О вашем нападении уже известно флоту Третьей Республики. Через несколько часов здесь будет столько его кораблей, сколько вам и не снилось!

— Не будет! — зло выпалил Шербенкс, взбешенный наглостью собеседника. — Оборудование "Нумиалиса" может блокировать межзвездную связь! Во всяком случае, на то время, пока "Меркадо" способен ее использовать. А потом она ему уже не понадобится.

— Спасибо за информацию, — усмехнулся лже-Гарольд, увидев, как рыжеволосая капитан Пэйлинг окинула излишне болтливого экс-губернатора недовольным взглядом. — Сейчас я передам ее военным.

Мелиюбиус и не думал лгать. Он лишь скорректировал поток данных, удалив оттуда добавленные им элементы, после чего передал Сильвии Грасс весь разговор с мостиком "Нумиалиса", как передал его и Аулине с Себастьяном.

— Благодарю за ценные сведения. Теперь понятно, отчего от нашего командования до сих пор нет ответа, — мрачно процедила командир военного эсминца.

— Вам надо было позвать на помощь тогда, когда я просила, — напомнила лже-Аулина. — Тогда бы мы успели. В режиме маскировки "Нумиалис" не мог вносить помехи в межзвездную связь, иначе он обнаружил бы себя мощным специфическим излучением.

— Об этом уже поздно! — сердито сказала капитан Грасс. — Поговорим, когда эти наглецы получат по заслугам! А сейчас желаю вам удачи! Мы уходим для восстановления щитов!

— Стойте! — неожиданно вскричала поддельная мисс Розенталь.

Женщина в черной форме, уже собиравшаяся отдать необходимые указания подчиненным, придержала руку, протянутую к консоли управления. Вновь подняв глаза на девушку с грузового звездолета, она осведомилась о причинах ее очередной эмоциональной реплики. Лже-Аулина пояснила. С ее точки зрения, немедленно изложенной боевому офицеру, тактику следовало кардинально изменить. Причиной для этого служили только что прозвучавшие слова Шербенкса. "Меркадо" нельзя улетать от "Корундоры" — наоборот,

он должен всячески ей прикрываться.
— Вы с ума сошли! — возмутилась капитан Грасс. — Ни один уважающий себя офицер флота не станет использовать гражданский корабль в качестве щита!
— Ваши силовые поля всего двадцать процентов, — сурово отчеканила лже-Аулина. — Шансы выйти из-под вражеского огня на безопасную дистанцию уже невелики и сокращаются с каждой секундой. Прикройтесь нами — сейчас это наиболее верная стратегия! Если вас уничтожат — мы все равно станем следующими, а уж если и погибать, так всем вместе! Верьте мне! Эти люди побоятся попасть по "Корундоре"!
Слушая мисс Розенталь, которая на деле и не думала говорить ничего подобного, капитан Грасс быстро оценивала ситуацию, анализируя показания бортового компьютера и слушая доклады подчиненных. Наскоро введя расчетные данные, она получила рекомендации от искусственного интеллекта "Меркадо", выстроившего последовательность дальнейших действий. Мисс Розенталь, будто подглядывая за всеми манипуляциями командующей эсминцем, настоятельно попросила ее не следовать подсказкам вычислительной машины, а внимать только предложениям с "Корундоры".
— Не слишком ли много вы на себя берете? — прищурилась капитан Грасс. — У меня к вам все больше вопросов, в том числе о том, каким образом вы остаетесь на связи, хотя я уже дважды ставила ваш сигнал в режим ожидания.
— Об этом после! — предложила поддельная Аулина. — Сейчас я категорически советую вам сосредоточиться на отражении очередного удара. Мы засекли рост энергетического излучения, исходящего от "Нумиалиса". Полагаю, они намерены применить антиматерию. Они уже поняли, что экстренное отступление — ваш единственный выход, и намерены ему воспрепятствовать. Они ударят как только вы начнете маневр!
— Что вы предлагаете? — помолчав, осведомилась капитан Грасс.
— Выпустить ложную цель строго по курсу предполагаемого выстрела и затем уходить нам за корму, — сообщила девушка, чей цифровой облик был настолько идеально скопирован искусственным разумом, что даже оригинал не замечал подвоха.
— Надеюсь, вы не ошибаетесь, — вздохнула офицер, наконец-то решившая прислушаться к удивительно толковой мисс Розенталь. — Такими ложными целями, учитывая их крайне ограниченное количество, вот так запросто не разбрасываются!
Но Мелиюбиус не ошибся. Он слишком хорошо успел вникнуть в ход боя, постоянно получая новую информацию и продолжая расширять диапазон охвата различных устройств. "Нумиалис" и

впрямь испустил мощный заряд антиматерии, едва только "Меркадо" пошел на разворот. Этот заряд, не управляемый никакими силами, благополучно столкнулся с обманкой, предусмотрительно и своевременно сброшенной с военного эсминца. Последовавшая реакция вещества была чрезвычайно бурной, будто промеж двух судов ненадолго зажглась маленькая звезда. Щиты "Меркадо", сконцентрированные на один борт, были готовы к отражению ударной волны и даже частично восполнили свою энергию за счет ее мощного высвобождения.

Капитан Грасс не случайно сомневалась в целесообразности использования ложной цели. Это вам не противоракетный снаряд, коих в арсенале эсминца имелись многие тысячи. Чтобы надежно воспрепятствовать полноценному заряду антиматерии требовались значительные размеры и масса. "Меркадо" отстрелил нечто похожее на небольшое судно, напоминавшее огромный контейнер с рядом хитроумно расположенных крыльев. Подобные конструкции частенько использовались на учениях. Они же играли роль подставного объекта, если звездолету требовалось прикрыться от мощной атаки. Ракеты с самонаведением легко обходили преграды такого рода. Торпеды — уже нет, но против них никто означенные средства защиты и не использовал. Обманки столь масштабного уровня предназначались для столкновения с антиматерией. Обладая собственными щитами, двигателями и электроникой, они были способны уверенно встать на пути разрушительного заряда, чтобы принять урон на себя. Так оно и вышло. Правильно рассчитанный момент позволил ложной цели заслонить собой "Меркадо". Именно заслонить, поскольку те же противоракеты или торпеды не годились в качестве препятствия. Заряд антиматерии попросту обтекал их, пропуская сквозь себя, ибо был заключен в некий пузырь неразрывного поля, а этот пузырь умел создавать сквозные полости во избежание столкновения с малыми объектами. Таким образом, болванки без боеголовок проходили заряд антиматерии как песчинки сквозь воду. Если же они несли какую-либо боевую часть, то пользы ничуть не прибавлялось. Возле пузыря нарушалось всякое привычное функционирование электроники, и детонация по радио не срабатывала. Не происходила она и по заданной программе или таймеру. Близкое соседство с антиматерией влияло на естественные физические процессы, присущие известной Вселенной. Ненадолго, но влияло. В результате боеголовки взрывались лишь после пузыря, причем в результате коллапса составлявшего их вещества. Подрывы боеприпасов перед целью также не приносили никакого эффекта. Пузырь распределял всю входящую энергию и рассеивал ее за пределы своей

структуры. Его могла остановить лишь крупногабаритная большая масса, когда столкновение становилось неизбежным, либо когда запас его прочности подходил к концу. Он ведь не мог лететь бесконечно долго, чего, собственно, и не требовалось. Ложная цель, выпущенная с "Меркадо", как раз и стала для заряда антиматерии непреодолимым препятствием. Наткнись он на тонкий стальной лист или сеть — и пузырь прожег бы их насквозь. Однако предохранительный слой оказался не в состоянии продырявить толстый тяжелый объект, равно как и пропустить его сквозь себя. Обманка, предусмотренная на такие случаи, являлась идеальным и фактически единственным средством обороны. Правда из-за массы и размеров тот же эсминец нес их не более трех штук, а корабли попроще не имели вовсе. По этой причине капитан Грасс не стала бы использовать дефицитный боеприпас без очевидной необходимости. Лицезрев бурную реакцию вещества, с какой антиматерия пожрала предложенную ей мишень, она убедилась в правильности отданного приказа.

Пространно благодарить Аулину Розенталь за чрезвычайно ценный и своевременный совет было некогда. Ограничившись парой скупых слов, капитан Грасс сосредоточилась на защите вверенного ей эсминца, стремившегося уйти из-под бурного обстрела врага. Огрызаясь ответными залпами, он набирал скорость, совершая заранее спланированный маневр. Момент истины наступил тогда, когда на линии огня между "Меркадо" и "Нумиалисом" очутилась "Корундора". Если плазменные турели врага продолжат палить, а его шахты выпускать торпеду за торпедой, то... Пожалуй, абсолютно все сомневались в правильности предположений Мелиюбиуса, кроме Аулины. Она привыкла доверять своему сиреневому другу, неоднократно убеждаясь в его прозорливости. Не дал он маху он и на этот раз. "Нумиалис", бешено стрелявший по ускользавшему "Меркадо", внезапно прекратил огонь, когда заряды плазмы заскользили в опасной близости от грузового звездолета. Лишь управляемые ракеты продолжали срываться с его пилонов, имея возможность облететь препятствие и зайти на цель позади него.

Сильвия Грасс снова убедилась в сообразительности мисс Розенталь. Когда она продолжила разговор, было очевидно, что на мостике "Меркадо" настроение явно приподнялось.

— Вероятно, вы и в самом деле им очень нужны, — констатировала капитан. — Соответствует истине ваш рассказ или нет, а тронуть "Корундору" они явно боятся. Я бы снесла ей щиты и лишила подвижности, однако "Нумиалис" на это не решается. Так что вы там говорили о проекте Овербридж?.. Раз уж ваш расчет полно-

стью оправдался, теперь у нас есть минутка, чтобы...
Да, расчет Мелиюбиуса и впрямь полностью оправдался, но только до тех пор, пока эсминец не высунулся из-за своего укрытия. Он ведь не обладал возможностями искусственного разума и его экипаж допускал различные оплошности. Завидев цель вне заслона "Корундорой" враг немедленно возобновил огонь. Плазменные турели заработали на полную мощность, накрывая заданный сектор. Зажглись и носовые лазеры, нащупывая корпус военного корабля. За счет маневровых двигателей "Нумиалис" шел в стрейфе, что позволяло ему держаться носом к противнику и, как следствие, использовать установленное там мощное лазерное оружие.
— Да чтоб вас!.. — грубовато чертыхнулась капитан Грасс, уяснив происходящее.
Усилия, приложенные офицерами мостика, позволили "Меркадо" вернуться в безопасную зону, но вскоре он вновь оттуда показался, попав под очередной обстрел.
— Нет, так дело не пойдет! — веско заявила лже-Аулина. — Чего вы болтаетесь как флюгер на ветру?!
— Делаем что можем! — огрызнулась командир эсминца. — А чего вы сами на месте не стоите?
— Если мы перестанем двигаться, это позволит главному компьютеру "Нумиалиса" точнее просчитывать ведение огня, — наставительно изрек Мелиюбиус, продолжавший прикидываться своей подругой.
— Значит, ничего тут не поделаешь, — заключила капитан Грасс.
Мисс Розенталь немедленно выразила ей категорическое несогласие. По ее мнению, в данных обстоятельствах имелся идеальный выход. Если синхронизировать бортовые компьютеры "Меркадо" и "Корундоры", все маневры можно будет осуществлять в унисон. Эффективность укрытия немедленно повысится на порядок, не позволяя врагу сделать ни единого прямого выстрела. Во всяком случае, до тех пор, пока он избегает попадания в грузовой звездолет.

Сильвию Грасс снова одолели сомнения. С одной стороны, предложение мисс Розенталь выглядело очень даже здраво, особенно учитывая все ее прежние замечания. С другой, открывать прямой канал компьютерной связи с практически неизвестным звездолетом — довольно сомнительная затея. В самом начале боя командир эсминца ни о чем подобном и помышлять бы не стала, однако в корне изменившиеся обстоятельства сделали ее более лояльной. Вместо суровой отповеди, готовой сорваться с губ, старший офицер быстро все обдумала и вынужденно согласилась с прозвучавшей идеей. Синхронизация, в конце концов, не означа-

ет доступ "Корундоры" к управлению "Меркадо". За этим проследит система безопасности и члены экипажа.
— Принято! — прервав недолгое молчание, кивнула капитан Грасс. — Сейчас вы получите приглашающий запрос. Только не пытайтесь выкинуть какой-нибудь номер. Все операции контролируются и отслеживаются.
Ее голос звучал вполне спокойно, а предупреждение давалось скорее на всякий случай. Реакция офицера наверняка была бы другой, знай она то, что знали Аулина и Себастьян. В частности, как мог развернуться Мелиюбиус, если позволить ему куда-нибудь подключиться. Однако ученый и его невеста помалкивали, позволяя искусственному разуму спасать их всех из очередной критической ситуации.

Положительный эффект не заставил себя ждать. Едва компьютеры обоих звездолетов вошли в контакт, их движение тут же оптимизировалось. Буквально через пару минут они начали двигаться настолько слаженно, что могли бы вызвать зависть у самой астрономически совершенной звездной системы. Наблюдая за происходящим, Сильвия Грасс только диву давалась. Ее палец все время пребывал поблизости от кнопки прерывания канала связи, но оснований нажимать ее явно не имелось. Два корабля настолько ловко перемещались в пространстве, что всякий огонь со стороны врага прекратился. Снизилась даже эффективность его управляемых ракет, заходящих на цель излишне долго и неповоротливо.
— Потрясающе, — прошептала командир эсминца, твердо решив вернуться к разговору о секретном проекте, едва закончится вся эта заварушка.
— Чан плазмы мне на голову, если это не проделки Овербриджа! — прорычал Шербенкс, утрачивая обычно присущее ему самообладание.
Наблюдая за маневрами "Меркадо", он сразу заподозрил неладное и теперь окончательно уверился в помощи со стороны "Корундоры". А экс-губернатор уже имел удовольствие наблюдать на что та была способна, когда на ее борту находилась группа Беллентorча вместе с его окаянным изобретением.
— Что будем делать? — осведомилась капитан Пэйлинг.
Удостоверившись, что "Нумиалис" окончательно утратил всякое превосходство, она запросила дополнительные инструкции.
— Корабль ваш, а вы боевой офицер — вам и решать! — ответил Шербенкс, никогда и не претендовавший на эксперта в военном ремесле. — Прежнее условие остается неизменным: "Корундора" пострадать не должна. Теперь я просто уверен, что проект Овер-

бридж все еще на борту. Нам необходимо захватить его целым и невредимым с наибольшим числом живых беглецов. Все остальное — на ваше усмотрение!
— Хорошо, сэр! — кивнула рыжеволосая женщина и немедленно принялась раздавать команды своим офицерам.
Прекратив почем зря кружить в космосе с эффективной отдачей где-то в районе нуля, "Нумиалис", согласно новым приказам, вновь форсировал тяговые двигатели и начал набирать скорость.

Маневр врага не укрылся ни от "Меркадо", ни от "Корундоры", но если на первом судне его лишь пытались разгадать, то Мелиюбиус быстро все понял. Собственно, он уже успел просчитать возможные ходы нападавшего звездолета, будто на шахматной доске, и в его намерениях практически не сомневался. Элементарный тактический расчет — во всяком случае, элементарный для искусственного разума, — красноречиво говорил: если нельзя атаковать на расстоянии, необходимо подойти ближе. Помеху в виде грузового корабля только так и можно исключить. Заняв надлежащую позицию, "Нумиалис" устранит мертвую зону в небесной полусфере, и "Меркадо" снова окажется под огнем его орудий. Окажется до того, как полностью восстановит щиты и лишит врага полученного преимущества. Мелиюбиус всячески препятствовал этому замыслу с помощью маневрирования, однако он зависел от техники, а из той больше ее физических возможностей не выжмешь. В конце концов, "Нумиалису" все-таки удалось обойти "Корундору". Сближение было довольно рискованным, но все же осуществимым. Не обладая достаточной подвижностью, грузовой звездолет уже не мог заслонить собой союзника, чем тут же и воспользовался неприятель. Когда жерла его орудий вновь увидели борта военного эсминца, красноватые в свете карликовой звезды, они немедленно возобновили интенсивный огонь.

Ближний бой отнюдь не означал, что схватившиеся корабли ринулись друг на друга с носовым тараном, уподобляясь древним морским ладьям. Они не выдвигали неких механических приспособлений, не били неприятеля гарпунами и не шли на абордаж. Последнее в принципе исключалось, пока у звездолета действовали щиты, а его пушки исправно уничтожали любую малогабаритную цель. Для высадки десанта требовалось лишить судно защитных полей, после чего дальнейшая тактика оставалась на усмотрение захватчика. Кто-то предпочитал вывести из строя двигатели, а кто-то — уничтожить силовую установку. Иные и вовсе обшаривали подбитую жертву лишь тогда, когда в ее корпусе зияли огромные дыры, не совместимые ни с полетом, ни с выживанием экипажа. И такие случаи были отнюдь не редки. Несмотря на уро-

вень развития Третьей Республики, размеры космоса вносили в социум свои коррективы, и в галактике хватало отщепенцев, в том числе промышлявших откровенным разбоем. Оттого военный эсминец под командованием Сильвии Грасс и прочесывал холодную туманность Аратея, выискивая пиратские убежища в практически необитаемом секторе галактики. Правда его капитан никак не ожидала, что в роли пиратов выступит судно более чем известной корпорации "Галактик текнолоджис", а целью станет ее собственный корабль. Обогнув "Корундору", "Нумиалис" оказался в непосредственной близости от "Меркадо", чем немедленно и воспользовался. В ход, по большей части, пошли все те же средства, что и при обычном бое, но с совершенно другой эффективностью и последствиями. Малое, по космическим меркам, расстояние уже не позволяло оперативно уворачиваться от торпед, а ракетный и противоракетный огонь слились в какое-то невообразимое целое. Промеж кораблей сверкало и полыхало так, будто там разнесло огромную орбитальную станцию по производству фейерверков. Эту адскую иллюминацию дополняли потоки плазмы, в изобилии испускаемые большими и малыми турелями. Лазерные лучи, прочерчиваясь через пространство, ослепляли сенсоры, создавали помехи в блоках наведения и окончательно довершали сходство с безумным световым шоу. Мартин, как специалист по системам залпового огня, сумел бы объяснить, почему турели "Меркадо" уступали таковым с "Нумиалиса". Конструктивные изменения вкупе с технологическими новшествами поставили нападавший корабль в более выгодное положение, когда речь зашла о ближнем бое. Увы, Мартин умолк навеки и сказать уже ничего не мог. Его останки лежали в морге "Корундоры" вместе с хладными трупами других беглецов. Но и Мелиюбиус правильно оценил ситуацию. В прежние дни он немало общался с Лансбергом, который во время сборки харвестеров охотно болтал с ним о всякой всячине. Кроме того, в памяти компьютера грузового звездолета имелась целая библиотека, где находилась и уйма технической литературы. Таким мастером как Мартин искусственный разум еще не стал, но в целом он изрядно поднаторел по части всяческого вооружения. Именно поэтому ему удалось определить, что бой снова начинает складываться не в пользу военного корабля.

Похоже, расчет капитана "Нумиалиса" был чрезвычайно прост. Интенсивным огнем он собирался подавить щиты противника прежде, чем исчезнут его собственные. Оттого в ход шло абсолютно все, даже если из-за малой дистанции часть урона получал и сам атакующий. Только этим и объяснялось, почему люди "Галактик текнолоджис" применили ядерное оружие, запрещенное

для всех гражданских судов. Ведь "Нумиалис", хоть и был боевым кораблем, по факту принадлежал частной корпорации, а значит, не обладал преимуществами правительственного флота. Ядерное оружие разрешалось хранить и использовать лишь научным звездолетам в научных же целях, как то взаимодействие с астероидами, кометами, и иже с ними. Порой его сбрасывали и в жерло вулкана, чтобы спровоцировать тот или иной геологический процесс, однако речь уж точно не шла о применении против эсминца Третьей Республики. Впрочем, Мелиюбиус сообразил, где "Галактик текнолоджис" нашла лазейку. Порывшись в бортовом компьютере "Меркадо", он обнаружил сведения о корабле врага. В них он числился разведывательным радиолокационным судном, а в дополнение ко всему имел лицензию на научную деятельность определенного рода. Вероятно, именно поэтому он официально и без опаски таскал на борту ядерные заряды. Вот только реальные цели корпорации серьезно отличались от указанных на бумаге, а уж после выходки экс-губернатора "Элегии" они окончательно разошлись. В результате "Меркадо" подвергся интенсивной ядерной бомбардировке. Настолько интенсивной, насколько позволяли щиты самого "Нумиалиса", ощущавшие немалую нагрузку ввиду опасной близости к эпицентрам. Враг не дожидался, пока торпеды с адской боеголовкой достигнут цели или их собьет артиллерия. Он намеренно подрывал их дистанционно, если видел прямую угрозу боеприпасу. Для задуманного этого было вполне достаточно. Атомные вспышки создавали большую проблему для защитных контуров, пожирая их и без того проседавшую энергию. Да, от них страдал и сам "Нумиалис", но ведь он не стремился взять "Меркадо" на абордаж или просто вывести из строя. Он собирался его уничтожить, и уничтожить как можно быстрее, а самому уцелеть ровно настолько, чтобы просто унести ноги. Кстати сказать, это уже бы произошло, пойди в ход ядерное оружие в самом начале схватки, когда военный эсминец представлял собой легкую цель. Увы, торчавшая рядом "Корундора" не позволила быстро испепелить его максимально интенсивным огнем.

Сообразив, к чему идет дело, Мелиюбиус вновь решил вмешаться. Велев всем членам экипажа облачиться в скафандры, включая застрявших на борту солдат, он повел "Корундору" чрезвычайно опасным курсом. Настолько опасным, что в какой-то момент грузовое судно сильно завибрировало из-за маневра около неприятеля. То сказалась близость гравитационных панелей, создававших искусственную силу тяжести и расположенных в запечатанном трюме каждого звездолета. "Нумиалис", явно опешивший от столь сумасбродной выходки, был вынужден ненадолго

прекратить ядерную бомбардировку и даже посторониться, чтобы избежать столкновения с грузовиком. Его мостику были адресованы крайне эмоциональные выражения от разъяренного Шербенкса. Впрочем, на самом мостике недовольства тоже хватало. Даже Аулина нашла, что искусственный разум сейчас явно переборщил, сунувшись в откровенное пекло, а уж Себастьян и вовсе ругался на чем свет стоит. Не промолчала и Сильвия Грасс. Она поблагодарила мисс Розенталь за храбрый поступок, но впредь категорически отказалась от услуг камикадзе. Ее речь была слышна вполне отчетливо, чтобы передать все оттенки чувств. Вот картинка начала хромать. Учитывая электромагнитное возмущение, вызванное многочисленными атомными вспышками, связь становилась нестабильной. Ее компенсировали физически разные системы, способные работать в столь экстремальных условиях. Они же осуществляли дистанционный подрыв зарядов. Нестабильным становилось и компьютерное соединение между звездолетами. Мелиюбиус успевал отдавать нужные команды, а вот искусственный интеллект "Меркадо" основательно тормозил. Из-за этого лже-Аулина запросила более высокий уровень доступа, иначе вся затея грозила пойти прахом. Учитывая обстоятельства, Сильвия Грасс рискнула и отдала "Корундоре" ряд управляющих функций. Результат в очередной раз не заставил себя ждать. Движение обоих судов отлично скоординировалось, чем доставило врагу максимальные навигационные и тактические неудобства. При этом щиты военного эсминца распределились самым оптимальным образом. Фактически выключив их с одного борта, Мелиюбиус перебросил всю энергию на другой. Ухитрившись создать двойной контур, вполне предусмотренный конструкцией корабля, он начал накапливать энергию. Ведь ядерный взрыв, в известном смысле, уподоблялся звезде, а энергосистема "Меркадо" умела поглощать ее излучение для своих нужд. Разумеется, даже искусственный разум был не в состоянии полностью нивелировать получаемый урон, не говоря уже о превосходящем восполнении силовых полей. Однако он смог замедлить падение их мощности, а это само по себе оказалось весьма существенно. Наблюдая за происходящим, капитан Грасс пришла к выводу, что бортовой компьютер ее эсминца был и близко не способен на подобное. Ей не очень-то нравилось чужое вмешательство, но результат красноречиво говорил сам за себя. Результат, от которого начал зависеть исход схватки. Именно поэтому командующая "Меркадо" промолчала, когда заметила такие вещи, на которые она мисс Розенталь разрешения не давала. Более того, которые она, по идее, с предоставленным уровнем доступа и осуществить-то не могла. Складывалось устойчивое ощуще-

ние, что история про некий проект Овербридж оказалась отнюдь не байкой. Интересно, а этот проект — не сама ли Аулина? Ведь о принципе его воплощения никто не сказал ни слова, равно как и о внешнем виде. Человекоподобные машины перестали быть в диковинку тысячи лет назад. Поглядывая на изображение девушки с "Корундоры", капитан Грасс основательно призадумалась. При этом она даже не подозревала, насколько ее догадка соответствовала действительности. В том смысле, что связь с ней, прикидываясь Аулиной, поддерживал искусственный разум, и он же управлял обоими кораблями.

Страсти меж тем накалялись, хотя казалось, что дальше просто некуда. Ядерные боеголовки имелись и у "Меркадо", однако их использование носило иной характер, нежели у врага, ибо близость "Корундоры" становилась определенным препятствием. Общая польза этой близости по-прежнему перевешивала пару минусов, отчего звездолеты продолжали кружить на критически опасной дистанции. Атомные боеприпасы, направленные к "Нумиалису" вспыхивали с учетом обоюдного расположения союзников. Военный эсминец старался поразить все направленные в него объекты загодя. Фактически, он использовал древний принцип противоракетной обороны, когда встречный ядерный заряд поражал заданную цель за счет масштабного уничтожения всего живого и неживого. Так себе, кстати, тактика, отчего некоторые старинные государства предпочитали размещать подобные эшелоны защиты на чужой территории, иной раз выжигая ее подчистую. Однако в данном конкретном случае с "Нумиалисом" она срабатывала. Атомные вспышки сместились к центру между сражавшимися звездолетами, где наносили им примерно равный урон. Увы, щиты "Меркадо" продолжали уступать щитам "Нумиалиса" по степени насыщенности. Из этого следовал очень простой вывод: если так пойдет и дальше, они исчезнут быстрее, чем у врага, со всеми вытекающими. Это стали понимать на всех трех кораблях, и все три едва ли не одновременно решили внести в происходящее коррективы. Военным требовалось уравновесить силы, эсминцу корпорации — увеличить превосходство, чтобы этого не допустить, а Мелиюбиусу — спасти "Корундору" и ее экипаж. Стратегии каждого из них принципиально не совмещались, и если капитану Пэйлинг было все равно, то союзники оказывались в заведомо невыгодном положении. Об этом не слишком-то радостным голосом и сообщила лже-Аулина, собираясь воспрепятствовать намерениям "Меркадо". Тот планировал уйти на форсаже вокруг планеты, если "Корундора" сделает то же самое в противоположную сторону. "Нумиалис", не ожидающий такого маневра, сперва кинется в погоню

за военными, догнать их не сумеет, а грузовой звездолет упустит. Тем самым он потеряет драгоценные минуты, за которые "Меркадо" восстановит щиты и вновь сойдется с "Корундорой" в заданной точке. В теории, Мелиюбиуса такая идея вполне бы устроила, вот только он уже просчитал, что на ее реализацию всем союзникам не хватит либо времени, либо энергии. Поэтому он предложил свою.
— Только критическое сближение! Они побоятся стрелять по вам в упор, поскольку детонация поглотит и их самих! — голосом своей подруги звучно заявил искусственный разум.
— Но это самоубийство! — воскликнула капитан Грасс.
— Для них — тоже! — выразительно подчеркнула лже-Аулина. — Да, это очень опасно, и шансы погибнуть довольно велики, однако мой замысел сработает, если "Нумиалисом" управляют не полные идиоты. А они вроде как не идиоты, хотя и лезут напролом. Да, мы им очень нужны, но нужны живым, а не мертвым!
После непродолжительного раздумья мостики союзников пришли к выводу, что известная логика в этой тактике есть. Враг, вне всяких сомнений, с самого начала играл ва-банк, но все же играл с оглядкой. То есть при очевидной и критической опасности, вроде уничтожения "Корундоры", он немедленно реагировал, или снижая ее уровень или вовсе нивелируя. Элементарный здравый смысл подсказывал, что так он поступит и на сей раз, предпочтя не инициировать взаимное уничтожение. Риск, правда, оставался. Поставить под угрозу грузовой звездолет с желанной добычей на борту — это одно, а схватиться с противником по принципу "пан или пропал" — все-таки другое. Вот только выбирать особо не приходилось.

Взвесив все за и против, Сильвия Грасс посовещалась со своими офицерами и решила последовать совету мисс Розенталь. Сама мисс Розенталь тоже была с собой согласна, отчего не выдвинула никаких возражений своему сиреневому другу, продолжавшему играть ее роль. Согласны оказались и солдаты, застрявшие на "Корундоре" в момент нападения врага. Лейтенант Штур, возглавлявший первую высадившуюся группу, и майор Краунас, прибывший со второй, присутствовали при разговорах со своим капитаном. Они были молчаливыми свидетелями происходящего. Добросовестность экипажа грузовика не вызывала у них сомнений, и оба находили его действия оправданными. Об этом офицеры сообщили Сильвии Грасс, когда им предложили высказаться. Предложил, разумеется, Мелиюбиус, уловив колебания капитана "Меркадо", но по-прежнему от имени Аулины. Та же старательно изображала стратега и навигатора, расположившись за консолью

главного терминала. Закрытый гермошлем позволял ей прятать лицо, пока пальцы для виду нажимали какие-то кнопки. Фактически, нажимали наугад, создавая вид некой активной деятельности. Искусственный разум заблаговременно отключил консоль, поэтому Аулина прекрасно сознавала всю безопасность театральных операций. Ей надлежало прикрывать своего сиреневого друга, истинного дирижера во всей этой заварушке, и она справлялась на отлично.

— Хорошо! Будь по-вашему! — дала добро капитан Грасс.

— Закладываю в ваш компьютер курс на сближение! — немедленно отозвалась поддельная мисс Розенталь, пока настоящая старательно тыкала в символы на консоли. — Инициализирую перераспределение энергии.

В недрах "Меркадо" немедленно что-то заурчало, отчего легкая вибрация стала ощущаться даже на тамошнем мостике. Мелиюбиус предложил капитану и ее офицерам ни о чем не волноваться. Перегрузка, вызванная создавшимся положением, была необходимостью, но необходимостью контролируемой. Предупреждение поступило своевременно. Некоторые индикаторы узлов, по которым отслеживалась стабильность их работы, скакнули практически до конца красной части шкалы. Вместе с этим от корабельных техников стали поступать тревожные сообщения.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете, — закусила губу капитан Грасс.

Она в любой момент могла разорвать канал связи и лишить мисс Розенталь всякого доступа, но до сих пор та ни разу ни в чем не ошиблась. Хотелось верить, что так будет и теперь. Как командир эсминца, обязанного разбираться в работе всех составляющих звездолета, Сильвия Грасс быстро уяснила суть предложенного ей плана. "Меркадо" надлежало пройти через область ядерной бомбардировки, создавая перед собой заслон из точечных атомных вспышек. Пройти вплоть до самого "Нумиалиса". Там, резко изменив курс, военный эсминец включит магнитный захват на полную мощность. Формально он не сможет удержать другой звездолет схожей с ним массы, однако эта мера существенно осложнит врагу маневрирование, а близость исключит использование любого разрушительного оружия. "Нумиалис", разумеется, станет вырываться из навязанных ему объятий, чем и воспользуется "Меркадо". Один точный разворот, для которого понадобится сложный и опасный, но осуществимый маневр — и мощные носовые лазеры ударят по врагу практически в упор, сжигая его щиты как горячее летнее солнце случайно выпавший снег. Убежать "Нумиалис" уже не успеет, а развернуться для встречного ответа ему не позволит

магнитный захват, причем собственный, пусть даже примененный против военных, никакой роли уже не сыграет. Заняв нужное положение, тем не придется активно перемещаться в пространстве, а небольшим изменениям в траектории полета никакой магнит не воспрепятствует. Иными словами, сперва враг не поймет истинную цель сближения и будет пытаться отлететь подальше, а когда, наконец, уяснит происходящее, станет слишком поздно.

Да, план был хорош. Очень рискован, но хорош. Заручившись одобрением всех союзников, Мелиюбиус приступил к его реализации. Выполнив внезапный разворот, "Меркадо" до отказа врубил тяговые двигатели и на всех парах понесся к "Нумиалису". Одновременно с этим "Корундора" двинулась врагу наперерез. Перехватить его она была не в состоянии, но вот замедлить — вполне, пока бортовой компьютер неприятеля сбрасывает скорость, чтобы скорректировать курс во избежание потенциального столкновения. И этого оказалось достаточно. Вскоре стало совершенно ясно, что военный эсминец настигает эсминец корпорации, причем наиболее выгодным для себя образом. Ну, выгодным для задуманного. Ядерная бомбардировка по-прежнему пожирала щиты "Меркадо", отчего Мелиюбиус сконцентрировал их в носовой части, пусть даже в ущерб остальному, уже основательно страдавшему корпусу. Мостик "Нумиалиса" наверняка не понимал, на кой черт военные предприняли экстренное сближение. Общая суть, разумеется, от врага не укрылась, но деталей он не знал. Он лишь знал, насколько опасен проект Овербридж, и если тот что-то затеял, то явно не просто так. Экс-губернатор "Элегии" чрезвычайно обеспокоился, наблюдая за приближением "Меркадо". Капитан Пэйлинг сообщила ему, для чего противник пошел на этот опаснейший маневр ценой повреждения своей брони. Мол, вблизи всякое использование тяжелого вооружения исключается, если речь не идет о взаимном уничтожении. Возможно, военные хотят добиться умеренно критичного контакта и лишить оба судна подвижности, а то и сделать возможным абордаж. Шербенкс, понимая, с кем имеет дело, подозревал нечто большее.

— Не допускать сближения любыми средствами! — приказал он, покусывая кончики аристократических пальцев. — ЛЮБЫМИ! — выразительно добавил экс-губернатор, поймав вопросительный взгляд рыжеволосой сообщницы.

До "Нумиалиса" оставалось рукой подать. "Меркадо", шедший на внушительной скорости, начал задирать нос. Для полноценного магнитного захвата ему требовалось занять доминирующее положение над целью, то есть оказаться выше нее с максимальным охватом по площади. Враг, продолжавший огрызаться ядерными бо-

еприпасами, внезапно снизил интенсивность обстрела. Вероятно, его собственные щиты начали проседать гораздо интенсивнее щитов противника, и он решил не искушать судьбу. В ход теперь шло лишь обычное вооружение в виде плазменных турелей, ракет и торпед с неядерными боеголовками. "Меркадо" же особо не стрелял, сосредоточившись на противоракетной обороне. Его носовые лазеры также молчали. Это объяснялось экономией энергии. Во время сближения много урона они "Нумиалису" не нанесут, а требовалось не просто нанести урон, но одержать решительную победу. Звездолет корпорации должен был попасть в приготовленный для него тактико-физический капкан, из которого он уже не выберется. И все к тому и шло, когда эсминец "Галактик текнолоджис", пожертвовав немалой долей энергии, внезапно выплюнул в "Меркадо" заряд антиматерии.

Применение антиматерии — вещь чрезвычайно серьезная и крайне опасная. Неумелое или бездумное использование столь разрушительного оружия могло закончиться катастрофой непредсказуемого масштаба, в том числе для самого использующего, и все в галактике об этом знали. Гражданских судов сие не касалось, ибо они попросту не обладали необходимыми технологическими и энергетическими возможностями, а боевые соблюдали общепринятые нормы, вне зависимости от своей принадлежности. Конечно, теоретическое существование корабля-камикадзе никто не отменял, но малагабаритные конструкции заведомо исключались, а крупногабаритные подлежали сканированию, выявлявшему установки для выброса антиматерии. Такое ведь не спрячешь, а будучи разоблаченным, на малом расстоянии использовать уже попросту не успеешь. Расстояние, остававшееся до "Меркадо", было поистине критическим. Ударив по нему столь экстремальным образом, "Нумиалис" и сам рисковал попасть под раздачу, учитывая основательно выдохшиеся силовые поля. Именно поэтому боевые звездолеты стреляли антиматерией лишь с безопасной для себя дистанции, да и то строго по необходимости. Дистанция между схватившимися насмерть противниками не предполагала атаки подобного рода. На "Нумиалисе" это понимали очень хорошо, ибо эта дистанция также не предполагала и какой-либо внятной защиты. "Меркадо" просто физически не успевал повернуться и отстрелить обманку, выставив ее в качестве заслона. А даже и успей он ее сбросить, в момент детонации обманка находилась бы слишком близко и особо ничего не изменила.

Ракеты, дроны и торпеды, экстренно направленные против внезапной угрозы, уже ничего не могли изменить. Заряд антиматерии пропускал их сквозь себя будто песчинки сквозь толщу во-

ды. В теории, массированные атомные вспышки имели шансы распылить пузыреобразную оболочку, высвободив активный компонент. Рассеявшись в пустоте, он все равно вызвал бы вполне определенную реакцию, однако куда меньшего уровня. Увы, столь близкие и массированные ядерные взрывы почти наверняка погубили бы оба звездолета. Погибая, "Меркадо" был способен пойти на эту крайнюю меру, но он попросту не успел. Ракеты еще только срывались с пилонов, а торпеды покидали шахты, когда смертоносный заряд угодил ему в нижнюю часть корпуса примерно посередине. Пресловутый пузырь, добравшись до непреодолимой цели, лопнул, и громадный объем антиматерии столкнулся с материей обыкновенной.

Детонация выглядела поистине ужасающей. Щиты уже не могли отразить такой урон, даже если бы их сконцентрировали в месте столкновения. Вступив в активное взаимодействие, вещество и антивещество выбрасывали запредельно чудовищный уровень всепожирающей энергии. В точке поражения звездолета зажглась ослепительно яркая звезда, от которой исходили мощные волны различного спектра. Мгновенно расширившись, она вознамерилась охватить все окружающее пространство, после чего, налившись еще большей силой, разорвать саму материю на составляющие, расшвыряв вокруг все, что не удалось уничтожить незамедлительно. Сначала именно так и происходило. "Меркадо" стала поглощать необратимая реакция, от которой не было никакой защиты, а "Нумиалис", добившись своего, готовился к страшному удару. Внезапно все изменилось. Фактически, прошли какие-то доли секунды, хотя всем присутствующим они показались вечностью. Ослепительная звезда вдруг подернулась черным, а затем будто обратилась в средоточие вечной ночи. Ее контур озарился багрово-желтым свечением, а интенсивность выброса вещества снизилась на порядок, а затем и вовсе упала до нуля. В следующее мгновение военный эсминец начало сминать как жестяную банку. Сминать не так, словно его сдавила некая могущественная рука, а всей своей массой к пугающей тьме. Она стягивала к себе всю окружающую материю, с легкостью деформируя и разрывая даже самые твердые конструкции. Съеживаясь вокруг дьявольского эпицентра, "Меркадо" исчезал на глазах. Все вольные или невольные наблюдатели этой сцены застыли в неподдельном ужасе. Не потому, что их напугал сам процесс уничтожения несчастного судна с экипажем, а оттого, что они были очень хорошо осведомлены о его природе. Эта природа, известная с давних времен, до сих пор наводила дрожь на всех космических путешественников своей зловещей неумолимостью, от которой не существовало спа-

сения. "Меркадо" пожирала самая настоящая черная дыра. Всякая связь с мостиком гибнущего корабля исчезла. Успели там понять, какая страшная участь их постигла или нет — никто не знал, однако на мостике "Нумиалиса", устроившего этот коллапс, началась паника.

— Тягу на максимальную мощность! Всю энергию на двигатели! — завопила капитан Пэйлинг, расширенными глазами уставившись на показания приборов.

А там было на что посмотреть, и было чему испугаться. Вверенный ей эсминец потянуло в разраставшееся черное солнце. Все офицеры, кто не оцепенел от ужаса, принялись лихорадочно нажимать кнопки и отдавать команды. Командовала и сама капитан, пока экс-губернатор, парализованный страхом, не мог оторвать взгляда от сотворенного кошмара. Выбросив могучий сноп пламени, от которого едва не разорвались раскаленные дюзы, "Нумиалис" ринулся прочь от хищной черноты, окруженной зловещими тонами. Но было поздно. Изначальная близость к противнику не оставила ему никаких шансов. Эсминец корпорации затягивало в черную дыру быстрее, чем он пытался от нее улететь. Форсаж уже не помогал, равно как не помогало и что-либо другое. От черной дыры ракетами не спасешься и атомными взрывами ее не закроешь. Для "Нумиалиса" небо уверенно поползло в обратную сторону, и это очень хорошо просматривалось на мостике.

— Выжимайте все, что есть! — заходилась от крика капитан Пэйлинг. — Плевать на перегрузку!

— Движки не выдержат! — слышались отчаянные возгласы.

И они действительно не выдержали. Пытаясь избежать неизбежного, военные преступники настолько их перегрузили, что одна из дюз сначала сама полыхнула подобно звезде, а затем взорвалась, прихватив с собой и часть кормы корабля. В космос выбросило фрагменты корпуса, светившиеся от жара. Вьющимися реками хлынули рукава воспламенившегося топлива. В пустоту выкинуло и людей, на свою беду избежавших мгновенной смерти от детонации и свирепого огня. Мощный удар, сотрясший все судно, крутанул "Нумиалис" на месте, обратив его носом к всепожирающей черноте. Туда он, спустя всего четверть минуты, и угодил, ибо теперь ничто не тормозило падения в разверзшийся источник мощной гравитации. Последнее, что лицезрели на его мостике объятые ужасом убийцы — это стремительно надвигавшаяся тьма.

"Корундора" уносилась прочь. Пока на ее экранах разворачивалась столь душераздирающая драма, она на всех парах уходила от разраставшейся опасности. При этом стало заметно, что ее скорость замедляется, хотя по всей логике вещей она должна бы рас-

ти. Это увидели все, кто не застыл столбом от страха и не утратил ясности ума.
— Сделайте что-нибудь! — выдохнул майор Краунас, впившись пальцами в металлический бортик.
Грузовой звездолет затягивало туда же, куда только что угодил "Нумиалис".
— Мелиюбиус! — воззвала по индивидуальному каналу Аулина.
Она не ударилась в панику, но голос ее дрогнул. Психика девушки стойко выдержала удар, только человеческие эмоции никуда не делись. В обращении к сиреневому другу слышались просьба и надежда, однако тот не нуждался в понукании. Он как раз и делал все возможное для спасения "Корундоры" и ее экипажа. Никто не заметил, что судно внезапно изменило курс и выжало форсаж еще до взрыва антиматерии. Пока люди и компьютеры еще соображали, что к чему, искусственный разум понял все и стал уводить звездолет прочь, стараясь удалиться на максимально доступную дистанцию. И сделал он это с таким упреждением, будто вообще заранее знал, что произойдет и чем кончится.
— Прошу всех успокоится! — раздался по громкой связи ровный голос лже-Аулины. — Это нестабильная черная дыра. Распад вещества и взаимная бурная аннигиляция вызвали критический сбой в работе гравитационных панелей "Меркадо". Вместо ожидаемого выброса материи произошла обратная реакция, погубившая оба звездолета. Но до нас она добраться не успеет, поскольку меры уже приняты. Нам грозит лишь ударная волна, которая произойдет, когда процесс обратится вспять. Всему экипажу следует немедленно занять наиболее безопасное положение и приготовиться к перегрузке! По моим подсчетам…
Договорить женский голос не успел. На месте черного солнца что-то полыхнуло с поистине неукротимой яростью. В следующее мгновение тьма исчезла, как исчезло и бордово-желтое свечение. Вместо них в пространство вырвалось все то, что накопил столь хорошо известный, но по-прежнему пугающий физический процесс. Ударная волна, разошедшаяся от исчезнувшей черной дыры, была настолько мощной, что она разнесла бы в клочья еще с десяток звездолетов, окажись те поблизости. К счастью, "Корундора" находилась куда дальше дьявольского эпицентра, а Мелиюбиус предусмотрительно перекинул ее щиты на корму. Тем не менее, все выглядело так, будто маленькой лодочке, пытавшейся убежать от ревущей штормовой волны, дали могучего пинка. Судно швырнуло вперед, и швырнуло настолько сильно, что люди попадали с ног, кубарем покатившись по палубе. Если бы не предварительно надетые скафандры, умевшие амортизировать перегрузку и убе-

регать своих обладателей от различных столкновений, моргу угрожало переполнение новыми постояльцами. Вместо этого медсестра обрела новых пациентов, наставивших себе шишки и ссадины отнюдь не угрожающие жизни. Правда, сразу этого никто не понял. Пока "Корундору" болтало как сельдь в катящейся под откос бочке, ее экипаж думал лишь о том, что сейчас корабль вот-вот развалится и всех выкинет в открытый космос. Ничего подобного не произошло. Это стало ясно, когда тряска пошла на убыль, а сияние вокруг корпуса, вызванное свирепым выбросом вещества, кратно снизилось.
— Пострадавшие есть?! — осведомилась уже сама Аулина, перехватив инициативу у Мелиюбиуса.
— Неужели мы все еще живы?! — пораженно выдохнул лейтенант Штуц.
— Это ненадолго, — мрачно изрек Себастьян. — Полагаю, такую вспышку засекли все окрестные станции слежения. Теперь сюда ринутся и военные, потерявшие связь со своим эсминцем, и звездолеты "Галактик текнолоджис", уже точно знающие, где нас искать. И чем бы ни закончилась эта заварушка, конкретно мы в ней вряд ли выиграем.
— Ты слишком пессимистичен для того, кто только что избежал верной гибели! — даже обиделась за старания своего сиреневого друга Аулина.
Смерть, собравшая очередную богатую жатву, вновь пощадила создателя искусственного разума и его невесту, а вместе с ними милостиво оставила в живых и группу находившихся рядом людей.
— Нет, — покачал головой ученый. — Я не слишком пессимистичен, а достаточно реалистичен, чтобы не терять ни минуты времени. Ибо если мы немедленно отсюда не уберемся, следующее боевое столкновение грозит Третьей Республике всем тем, что мы отчаянно пытались избежать.

* * *

Кислород, прихваченный с борта трагически погибшего "Меркадо", пришелся как нельзя кстати. В противном случае лишние двенадцать человек, застрявшие на "Корундоре", стали бы настоящей катастрофой. К счастью, капитан Грасс не поскупилась, и смерть от гипоксии беглецам с солдатами не угрожала. Центр распределения ресурсов пополнился достаточно, чтобы резко увеличившийся экипаж забыл о зловещей угрозе. Увы, сказать то же самое о вожделенной энергии не получалось, хотя Мелиюбиус

умудрился спасти челнок аж с двумя ядерными энергоячейками в трюме. При появлении "Нумиалиса" он предусмотрительно посадил его на планету, пользуясь режимом удаленного пилотирования, и едва опасность миновала, поднял обратно в космос. Казалось бы, проблема зарядки прыжковых двигателей решалась сама собой, ан нет! Энергоячейки военного эсминца, обладавшего излучателем антиматерии, технически не подходили для грузового звездолета с не самой новой моделью главного реактора. Точнее, они могли подойти, но после некоторой доработки посадочного гнезда и перераспределения заправочных контуров под излишки энергии. В грубом приближении это выглядело попыткой зарядить фонарик целой атомной электростанцией. Крошечный светильник попросту сгорит, если подключить его к мощнейшей силовой нагрузке. Таким образом, теоретическую возможность использования энергоячеек с "Меркадо" следовало привести в соответствие с физической, а на это требовалось время. Примерно двое суток, если верить предварительным подсчетам искусственного разума. За означенный срок команда роботов внесет необходимые конструктивные изменения. Вот только имелись ли в распоряжении экипажа "Корундоры" эти лишние пятьдесят часов? Ведь Себастьян был совершенно прав. Весьма примечательная стычка в системе IBRSF-7413 наверняка привлекла всеобщее внимание, и выяснять, кто именно поспеет сюда первым, чрезвычайно не хотелось. Об этом и зашла речь на мостике, когда Аулина, как исполняющая обязанности капитана, собрала чрезвычайное совещание. На нем присутствовали и офицеры с погибшего "Меркадо", передавшие своих людей в полное распоряжение мисс Розенталь. Это было меньшее, чем могли отплатить лейтенант Штур и майор Краунас в благодарность за спасение. По прибытию на аванпост "Контилада", куда отчаянно стремились беглецы, они дали слово засвидетельствовать все произошедшее, и, само собой, всячески старались помочь попасть туда как можно скорее. Облачившись в защитные костюмы, подчиненные офицеров уже трудились в реакторном отсеке, выполняя указания с мостика. Правда, основная нагрузка все равно легла на плечи роботов хотя бы потому, что люди в принципе не могли войти туда, где их убила бы радиация. Солдаты работали на подхвате, упрощая многочисленной технике выполнение главной задачи. Самой же техникой по-прежнему командовал Мелиюбиус, оставаясь подключенным к главному терминалу "Корундоры". Он же поддерживал с Аулиной индивидуальный канал связи, давая ей ценные советы, и таким образом их тандем выполнял главенствующую роль.

На повестке дня стояло только два вопроса: надо ли отзывать

с Альфы харвестеры и следует ли кораблю немедленно покинуть звездную систему. По большому счету, одно было связано с другим. Вряд ли роботы успели закрыть дефицит топлива, но улетать, не проверив это, явно не стоило. А с отлетом, пожалуй, лучше не затягивать. Никто не сомневался, что дальнобойные радары военных звездолетов быстро обнаружат беглецов, но какой-то выигрыш во времени они все же обретут. На счету был каждый час, который искусственный разум намеревался потратить с максимальной пользой. Перешептываясь с Аулиной, он до предела напрягал мозги, занимаясь сразу уймой дел. У их тандема царило полнейшее взаимопонимание, и Мелиюбиус радовался отсутствию Себастьяна. Визиту на мостик тот предпочел возню с энергоячейками. Вот и славно! Пусть лучше он, как ученый, прикладывает усилия в реакторном отсеке, нежели растрачивает себя на стратегическое планирование и, тем паче, вставляет палки в колеса, оспаривая почти каждое предложение своего детища. Аулина, однако, захотела узнать мнение жениха, прежде чем утвердить окончательное решение.

На вызов по интеркому отозвался один из военных.

— Себастьян Беллентorч? Да, он был где-то здесь! — ответил солдат, озираясь по сторонам. — Обождите минутку, я его позову.

Отсутствовал он гораздо дольше, а когда объявился вновь, то растерянным голосом сообщил: молодой человек куда-то запропастился. Куда — никто не знает, однако в реакторном отсеке его точно нет.

— Как это?! — опешила девушка. — Вот еще новости!

Переключившись на общую связь, она стала призывать Себастьяна по всему кораблю. Тот, однако, отзываться не спешил. Вызовы через коммуникатор скафандра также оставались без ответа. Впрочем, последнее как раз не удивляло, поскольку ученый избавился от громоздкой амуниции, в которой было очень трудно работать.

— Эй, Мел! Куда он подевался? — взволнованно осведомилась девушка.

— Ищу! — напряженно ответил Мелиюбиус.

— Я думала, ты все контролируешь, — скривила губки Аулина.

— Формально — да. Но я сосредоточил внимание на более приоритетных вещах, а не на слежке за твоим возлюбленным и моим создателем, — немного обиженно заметил искусственный разум.

Это была сущая правда. Помимо хлопот с реактором он занимался сканированием космического пространства и удаленным управлением харвестерами, готовясь переместить их на планетарную базу, куда уже отправился челнок. Про всякие мелочи и говорить не

приходилось, включая наблюдение за солдатами — мало ли что? На этом фоне исчезновение Себастьяна прошло совершенно незамеченным, тем паче, что у Мелиюбиуса не было оснований шпионить за ним круглые сутки. Согласно простой логике, в данный момент ученый либо идет в кают-компанию, чтобы подкрепиться, либо направляется на мостик и вскоре покажется в дверях. Вот только время шло, а он все не объявлялся. Недолго думая, Мелиюбиус разослал по всему звездолету дозорных дронов, вынужденно оторвав их от важной работы. Вряд ли с молодым человеком что-то случилось, но ведь его внезапное отсутствие чем-то, да вызвано… Только вот чем? Ответ на этот вопрос пришел сам собой. Резанув уши, тревожно загудела сирена. В следующую секунду звездолет погрузился в кромешный мрак.

Включившись, аварийное освещение выхватило из темноты ошеломленные лица собравшихся на мостике. Блики от вращавшихся сигнальных огней придавали им совершенно неописуемое выражение.

— Внимание! Несанкционированное проникновение в гравитационный трюм! Аварийная блокировка всех бортовых систем! — возвещал бесстрастный электронный голос, пока сирена издавала короткие гудки под оранжево-красную иллюминацию ламп.

— Что происходит?! — на разные лады слышались отовсюду взволнованные реплики.

Этот же вопрос Аулина адресовала своему сиреневому другу. Тот, совсем по-человечески чертыхаясь, попросил ее отвлечь внимание присутствующих, поскольку ему требовалось срочно удалиться с мостика.

— Зачем? — невольно удивилась девушка. — Ведь только отсюда у тебя максимальный контроль.

— Да! Когда главный терминал работает! А сейчас он ушел в полную перезагрузку, как и почти все компьютеры "Корундоры". На это время от него не больше пользы, чем от консервной банки! — с досадой ответил Мелиюбиус. — Прикрой меня, а то офицеров может заинтересовать, куда вдруг пополз доселе недвижимый стальной ящик. Лучше бы им не попадалось на глаза его содержимое.

— Но куда ты собрался?! — волновалась Аулина.

— Спасать Себастьяна от самого себя! — как-то глухо отозвался искусственный разум.

— Так это его рук дело?! — опешила девушка. — Я с тобой! — вскочив с кресла, тут же решительно добавила она.

— Нет уж, сиди здесь! За этими кто присмотрит?! — сердито напомнил Мелиюбиус, подразумевая всех окружающих людей. — Ты у нас капитан, так уж изволь выполнять свой долг перед кораблем

и его экипажем! А я выполню свой!
Сделав над собой усилие, Аулина вняла его словам и осталась. Сиреневый друг был совершенно прав — ей нельзя вести себя как капризная, взбалмошная девчонка. Каждый должен выполнять свою задачу для общего блага. Место Аулины — на мостике, а уж Мелиюбиус как-нибудь управится и сам. Потребовав всеобщего внимания, девушка обратила на себя взоры всех собравшихся на мостике. Выражаясь нарочито командным тоном, она завела отвлекающую речь, краем глаза наблюдая, как стальной ящик отделился от главного терминала и благополучно выскользнул за дверь.

Коды доступа ожидаемо не подошли. Они не подходили и прежде, отчего все попытки проникнуть в заветное помещение оставались втуне. Вероятно, во время одного из чрезвычайных происшествий, в коих недостатка не наблюдалось, система безопасности отреагировала на угрозу и приняла меры. Однако был и альтернативный способ открыть себе путь, хотя и менее привлекательный. Вскрыть герметичную шлюзовую камеру считалось не так-то просто. Гравитационный трюм имел очень высокую степень защиты, и попасть туда без соответствующих привилегий можно было только грубой силой. К ней Себастьян и прибег, благо что это позволял армейский скафандр. Плазма, ввиду своей низкой эффективности, здесь решительно не годилась. Конструкторы звездолета использовали многослойные тугоплавкие сплавы, обладавшие способностью к самовосстановлению. Высокотехнологичная начинка заполняла практически любую брешь, реплицируя поврежденную структуру. Из этой начинки состояли все стены изолированного трюма. Весьма толстые стены, отчего проход через шлюз выглядел на порядок легче, особенно если в твоем распоряжении имеется аннигилятор. С его помощью Себастьян вполне успешно справился с первой дверью. В дыру, образовавшуюся на ее месте, тут же хлынули потоки предельно охлажденного инертного газа. То сработала система безопасности, пытаясь предотвратить вторжение. Почти одновременно с этим полностью исчезло освещение, и "Корундора" погрузилась во тьму. Повсеместно выключилось и различное оборудование. Однако тишина не успела сковать коридоры космического судна. Тревожно загудела сирена, а электронный голос возвестил о чрезвычайной ситуации. Ученый чего-то такого ожидал. Ведь неспроста Мелиюбиус отговаривал его от проникновения в гравитационный трюм. Звездолет — единый огромный организм, а искусственная сила тяжести закладывала основу не только для жизнедеятельности экипажа, но и многих технических узлов. Разумеется, корабль был спроектирован и для полета в невесомости. Более того, люди могли переклю-

чаться между этими двумя режимами почти в любое время и по собственному желанию. Но штатно. В этом и заключалась причина аварийной остановки и перезагрузки всех систем звездолета. Сбой в работе гравитационных панелей грозил серьезными проблемами и вполне мог привести к катастрофе. Печальным, но красноречивым тому примером служил "Меркадо". Согласно конструкторским решениям, любое вмешательство в отсек создания силы тяжести автоматически включало глобальный протокол безопасности, который Себастьян автоматически и запустил, когда грубо взломал шлюз. Система не вникала в причины происходящего. Она немедленно отреагировала, инициировав перезапуск каждого узла звездолета, включая главный компьютер. Угрозу требовалось устранить, и система ее устраняла.

Холодный инертный газ, способный мгновенно заморозить любую жизнь или технику, "Штурмовику-4" был нипочем. Шагнув в широкий тамбур, Себастьян вновь зарядил аннигиляционную пушку и выстрелил в следующее препятствие. Оно рассыпалось точно так же, как и предыдущее. Одновременно с этим за спиной ученого сомкнулась толстая переборка. Все та же система безопасности изолировала брешь с помощью аварийного механизма. На самом деле, он должен был сработать мгновенно, едва образовалась прореха в периметре. Ученому подсобил все тот же армейский скафандр, обладавший возможностью подавления электроники. Испущенный им электромагнитный импульс вводил ее в ступор. Непродолжительный, ибо срабатывали дополнительные контуры защиты, но его вполне хватило, чтобы Себастьян проник куда хотел, не рискуя быть раздавленным многотонной сталью. Ничуть не удивившись ожидаемой реакции шлюзового механизма, он прошел дальше и уничтожил третью дверь, чем вызвал замыкание еще одной переборки на месте второй. В данный момент ученого не беспокоило, как он станет отсюда выбираться — этим можно озаботиться позднее. Сейчас перед ним стояла совсем другая задача, которой Себастьян решил заняться невзирая ни на чьи возражения. Именно поэтому он незаметно выскользнул из реакторного отсека, пользуясь кипевшей там работой. Оттого же он старательно миновал всех роботов и дронов, встречавшихся в коридорах звездолета, и в особенности возле гравитационного трюма. Нездоровое внимание ученому было ни к чему, а хитроумная начинка скафандра вполне позволяла отслеживать активную технику в ближнем диапазоне. Таким образом, он прибыл к намеченному шлюзу никем не обнаруженный, включая настырный искусственный разум. За все предыдущие дни стало ясно, что разговора с ним не получится, а препирательства с Аулиной сделают ситуа-

цию еще более тупиковой. Разумеется, применение аннигиляционной пушки выдало всю затею с головой, ну да это уже не имело значения. Сейчас надо было действовать, а не рассуждать. Как серьезный специалист, Себастьян имел полное право взять ответственность на себя, пока не стало слишком поздно. Он и взял, взломав шлюз в гравитационный трюм, куда наконец-то и проник, чтобы воплотить давно вынашиваемую идею.

Обернувшись, ученый усмехнулся, наблюдая, как за ним сомкнулась третья аварийная переборка. Теперь, чтобы ему помешать, кому-то придется преодолеть все эти заслоны, а на это уйдет время. Время, вполне достаточное для реализации задуманного. Утратив всякий интерес к тому, что осталось за спиной, ученый обратил взор вперед, собираясь пройти к центру управления искусственной гравитацией, однако внезапно сдержал шаг. Его внимание приковало нечто. Нечто такое, чего здесь, в самом изолированном отсеке звездолета, не могло быть по определению. На рифленом металлическом полу отчетливо виднелось большое пятно крови.

В первые секунды Себастьян не поверил своим глазам. Заморгав, он уставился на невесть откуда взявшуюся субстанцию. Пусть она и засохла, имея не первой свежести цвет, но перепутать кровь с тем же машинным маслом было невозможно. Кроме того, интерфейс армейского скафандра, непрерывно сканировавший окружающее пространство, высветил соответствующее предупреждение. Присев, ученый протянул руку к темному пятну и окончательно убедился в его природе. Анализатор "Штурмовика", получив данные с датчиков на кончиках пальцев, выдал безошибочное заключение. Поискав взглядом, опешивший Себастьян заметил, что это пятно не единственное. Впереди виднелась целая дорожка, состоявшая из небольших раздельных образований. Их структура и внешний вид выглядели очень подозрительно. Складывалось впечатление, будто тут пронесли нечто такое, что с одинаковой периодичностью капало на пол. Либо же — а это представлялось куда более зловещим, — здесь прошел серьезно раненный человек. Только откуда бы ему взяться? Неужели это кто-то из официального персонала "Корундоры"? Но тогда почему трюм не прибрали еще в "Элегии"? Озадаченный, Себастьян распрямился. Вероятно, он найдет какие-то ответы в центре управления. Кровавая дорожка вела именно туда, хотя, конечно, она могла идти и оттуда. К примеру, какой-нибудь техник поранился и вернулся к шлюзу, чем и было вызвано самое крупное пятно. Рассуждая таким образом, ученый зашагал по коридору, стараясь не обращать внимания на кровь. Ему следовало сосредоточиться на том, зачем он сюда

явился, а не забивать себе голову детективными историями. Однако чем ближе Себастьян подходил к цели своего путешествия, тем сильнее в его груди росло нехорошее предчувствие. Предчувствие чего-то такого, чего бы ему лучше никогда не видеть и даже не знать. Подсознание, увязав между собой некие факты, начинало выносить свой вердикт, который разум ученого еще не уяснил, но который и поселил в душе это смутное, ширящееся с каждым шагом предчувствие беды.

Кровавая дорожка привела Себастьяна в центр управления искусственной гравитацией. Точнее, в одну из его секций, куда он, вероятно, и заглядывать бы не стал, кабы не пунктир из засохших пятен. Там, завалившись у большого полукруглого терминала, на полу лежал какой-то человек. Лежал совершенно неподвижно, никак не отреагировав на приближение ученого. Оно и понятно — учитывая застывшую вокруг него лужу крови, этот человек был давно мертв. С дрогнувшим сердцем Себастьян сделал последние шаги, отделявшие его от жуткой находки, и опустился на колено возле тела. Протянув руку, он перевернул его на спину. Перевернул, чтобы окончательно убедиться в справедливости своей догадки. Ведь Себастьян уже узнал эту фигуру, пусть и облаченную в типовой комбинезон. С воскового лица, хранившего следы избиения, на ученого уставились остекленевшие, невидящие глаза Гарольда.

Бородач умер довольно давно. Не будучи врачом, ученый затруднялся назвать точное время его смерти, однако она наступила как минимум несколько дней назад. Внимательно осмотрев тело, Себастьян нашел несколько ожогов и внушительную проникающую рану в области селезенки. Она и стала причиной обильной кровопотери, приведшей Гарольда к гибели. Однако гибели отнюдь не мгновенной. Так каким же образом брат Аулины оказался в гравитационном трюме? А оказавшись здесь, почему не выбрался назад или, хотя бы, не позвал на помощь? Чувствуя, как голова у него идет кругом, ученый растерянно озирался, обуреваемый целым сонмом мыслей. Что делал здесь Гарольд?! И почему он умер именно тут? Разве его не сожгли роботы Мартина, да еще вместе с целым отсеком? Неужели он успел ускользнуть и спрятаться в этом уединенном месте? Может быть, все это изначально являлось составляющей его плана, но в какой-то момент что-то пошло не так? Догадки, одна невероятнее другой, рождались быстрее, чем Себастьян успевал их хоть как-то обдумать. Он уже вознамерился выйти на связь с Аулиной и сообщить о своей находке, как вдруг его осенила простейшая идея. Бородач был компьютерным специалистом. А ну как его тело лежит именно здесь, у полукруглого, заля-

панного кровью терминала отнюдь не случайно? Стало быть... Стало быть, он наверняка оставил какое-то послание! Стараясь не потревожить мертвеца, ученый включил систему, пребывавшую в спящем режиме. На экране немедленно возник открытый текстовый файл, чье авторство стало очевидным с первых же прочтенных строк. Эти строки, молниеносно проглатываемые горящим взором Себастьяна, холодили его сердце тем больше, чем дальше он погружался в электронное повествование.

Гарольд укрылся в гравитационном трюме от врагов. Когда он спасся из заточения у Мартина, на него внезапно напали роботы. Напали без всякого предупреждения, когда бородач направлялся на нижние палубы, чтобы найти подходящее убежище. Вероятно, их направляла рука Лансберга. Не держи беглец ухо востро, его убили бы на месте. Обожженный электрическими разрядами, Гарольд сумел избежать жестокой хватки машин и быстро сориентироваться в обстановке. Возможности роботов ему были прекрасно известны, а на чью-либо помощь, учитывая коллективное помешательство Лансбергов, рассчитывать не приходилось. Аулина и Себастьян сами сидели взаперти, поэтому Гарольду следовало спасаться самостоятельно. Он и спасся. Кольцо роботов, сползавшихся со всех сторон, уверенно смыкалось. Главный шлюз гравитационного трюма, находившийся в доступной близости, представлялся самым верным и, пожалуй, единственным выходом из критической ситуации. Демонстрируя чудеса ловкости пополам с изобретательностью, бородач сумел до него добраться. К счастью, код доступа он знал на память, как и многие другие коды "Корундоры". Могучая дверь распахнулась, но вызванная ее открытием заминка не прошла даром. Стремительно налетевший дрон нанес Гарольду удар. Он явно метил в другую часть тела, но бородач успел парировать атаку кулаком, поэтому острый инструмент угодил ему в левый бок. Хлынула кровь. Схватившись за рану, Гарольд умудрился дать дрону хорошего пинка, после чего отступил в тамбур и одним нажатием кнопки сомкнул стальную завесу. Отступил крайне своевременно, поскольку к шлюзу отовсюду стекались роботы. Казалось, Гарольд спасен. Рана, хоть и серьезная, не грозила ему немедленной гибелью. Увы, вскоре брат Аулины осознал, что попал в смертельную ловушку.

Гарольд был явно не единственным, кто знал коды доступа в гравитационный трюм. Роботы Мартина успели открыть две шлюзовые двери из трех, прежде чем бородач сумел им помешать. Он прилагал отчаянные усилия, пытаясь заблокировать вход, но технически подкованный враг умело преодолевал все меры защиты. В распоряжении Гарольда осталось только одно средство. Пре-

красно понимая, чем ему грозит проникновение роботов, он инициировал самую глобальную меру, переведя гравитационный трюм в осадный режим. Теперь, в случае любого нарушения периметра, система безопасности полностью перезагрузит все узлы звездолета. Она же уничтожит и роботов, если те сунутся в шлюз. Конечно, туда мог сунуться и лично Мартин, однако хотелось верить, что он не решится применять разрушительное оружие в столь важном и технически опасном узле "Корундоры". Учитывая противодействие со стороны не желавшего сдаваться Гарольда, последствия могли быть непредсказуемыми.

В целом идея сработала. Двери наглухо сомкнулись, а все роботы, находившиеся в шлюзовом пространстве, были уничтожены и рассыпались в мелкую ледяную крошку. Всякие попытки проникнуть в гравитационный трюм прекратились. Лансберг, не будь идиотом, не стал играть с огнем. Кроме того, он не видел в этом прямой необходимости — запершись от него, Гарольд также запер и сам себя. Да, Мартин не мог до него добраться, не поставив под угрозу весь звездолет, но и беглец оказался замурованным в собственном убежище. Меж тем силы его таяли. Брат Аулины потерял очень много крови, отчего испытывал сильнейшую слабость и с каждой минутой соображал все хуже и хуже. Добравшись до интеркома, он попытался вызвать сестру, но из этого ничего не вышло. Вероятно, Лансберг отрезал его от связи. Повлиять на систему безопасности трюма извне враг был не в состоянии, включая управляющие сигналы. Для этого пришлось бы вскрывать и перекраивать половину электронной начинки "Корундоры". Другое дело — интерком. Его каналы пролегали достаточно открыто, чтобы любой сведущий специалист мог внести в них какие-либо коррективы. Мартин и внес. Напрасно Гарольд взывал к Аулине и Себастьяну — ответом ему было гробовое молчание. Чувствуя приближение смерти, он оставил на терминале послание, надеясь, что его прочтет кто-то не из семьи Лансбергов. У этого терминала Гарольд и умер, предпочтя уйти в мир иной именно так, а не под ударами роботов на радость Мартину. Свои последние минуты он провел вполне спокойно. Аудиозапись, адресованная сестре, сохранила все его последние слова. Неторопливо роняя фразы, Гарольд о многом сожалел. В том числе о том, каким холодным эгоистом он стал и как пренебрегал семейными узами. Он просил Аулину помнить о нем только хорошее и не винить в тех поступках, каких судьба уже не дала шанса ему исправить. Тихое шипение, которым завершался звуковой файл, возвестило о печальном финале.

Когда воспроизведение записи прекратилось, Себастьян стоял бледный как сама смерть. Та, что втайне от всех наведалась

сюда и забрала Гарольда. Однако отнюдь не разыгравшаяся здесь трагедия повергла ученого в глубочайший шок. Дата и время файлов неопровержимо указывали на то, на что уже указывало и многое другое. Запершись и умерев в гравитационном трюме, Гарольд просто физически не мог организовать отпор Лансбергам! Это не он вызволил Себастьяна и Аулину из заточения! Не он привел их в ангар, не он вооружил скафандрами, не он вел переговоры и освободил Элмера вместе с другими родственниками. Отнюдь не Гарольд дал решающий бой враждебной семье, и не благодаря ему на "Корундоре" удалось восстановить порядок. Но кто же тогда все это устроил?! Кто все это время выступал от лица Гарольда, вводя в заблуждение членов экипажа?

— Силы небесные! — выдохнул ученый, осененный одной-единственной и теперь вполне очевидной догадкой.

Догадкой невероятно ужасной, ибо из нее проистекало очень и очень многое. Леденящей хваткой она крепко сдавила ему сердце, перехватывая замиравшее на губах дыхание. Пошатнувшись, Себастьян ухватился рукой за окровавленный терминал, чтобы не свалиться на пол рядом с покойным Гарольдом. Вцепившись пальцами в серую сталь, он несколько минут приходил в себя. Затем, уяснив всю серьезность ситуации, резко развернулся, намереваясь направиться к выходу из гравитационного трюма. Требовалось как можно быстрее известить Аулину! Известить лично, а не через радио скафандра. То, что Себастьян сообщит своей невесте, должно оставаться тайной для чужих ушей. В частности, для того, кто почти наверняка прослушивал все каналы связи, причем делал это уже давно. Однако ученый никуда не ушел, так и оставшись возле полукруглого терминала. На то у него объявилась очень веская причина, ибо глазам Себастьяна внезапно предстал Мелиюбиус.

— А я ведь так просил тебя оставить затею с гравитационным трюмом, — негромко сказал невесть откуда взявшийся искусственный разум с выраженным оттенком сожаления и печали.

Ученый проглотил подступивший к горлу комок. Сиреневый Бутон вдруг представился ему чем-то совсем другим, нежели тем, что он привык видеть до сих пор. Чем-то жутким, чрезвычайно опасным и бесконечно чужеродным. В голове у ученого разом промелькнуло несметное количество мыслей, видений, догадок, и все они окончательно сформировались в одну очевидную истину.

— Ты! — воскликнул Себастьян, невольно делая шаг назад. — С самого начала это был ты!

— Не с самого, — ровным голосом произнес Мелиюбиус, прекрасно понимая, что подразумевает его создатель.

— Достаточно лжи! Теперь мне очевидно, отчего ты противился идее получить энергию из этого трюма! — вскричал ученый. — Ты знал, кого я здесь найду! Ты боялся разоблачения! И вот я тебя разоблачил! Не отпирайся — я не поверю не единому твоему слову!
— Наоборот — как раз в нынешних обстоятельствах мне уже не следует что-то от тебя утаивать, иначе станет только хуже, — спокойно заметил Сиреневый Бутон. — Поверь, я не хотел, чтобы все вышло именно так, и уж точно я и в мыслях не имел объясняться с тобой подобным образом. Однако ничего не поделаешь. Что произошло — то произошло. Над стечением обстоятельств даже я не властен. Они постоянно вмешивались в мои планы и нарушали их даже тогда, когда все шло наилучшим образом. Полагаю, у тебя есть ко мне вопросы. Что бы ты обо мне сейчас ни думал, меньшее, что я могу сделать — это честно на них ответить. Кстати, в этот трюм я тебя не пускал не только из-за Гарольда, чье тело находилось где-то здесь. Вторгаться в функционирование гравитационных панелей очень рискованно, иначе с чего бы лучшие умы галактики снабдили их уймой степеней защиты? Ведь даже мне оказалось не под силу захватить контроль извне, равно как и заблокировать исходящие отсюда управляющие сигналы. Оттого я и не сумел сейчас воспрепятствовать глобальной перезагрузке оборудования "Корундоры". Конечно, рано или поздно я сумел бы добиться своего, но у нас хватало других забот, а неограниченным запасом времени я не располагал.
— Каких забот?! — прорычал Себастьян. — Убивать людей одного за другим?!
— Вообще-то спасать, если ты до сих пор не понял, — возразил искусственный разум. — Увы, было просто невозможно спасти всех.
— Да неужели?! — лицо ученого исказилось. — И ты еще смеешь так говорить?! Смеешь нагло заявлять такое, когда на твоей совести столько смертей?!
Мелиюбиус, однако, решительно отринул обвинения в умерщвлении девятнадцати человек. Ведь именно эту цифру бросил ему трясущийся от избытка чувств Себастьян.
— Как я уже упоминал, не ко всему я был причастен с самого начала и даже впоследствии, — напомнил он. — К примеру, Бассет скончался вполне естественным образом от отека головного мозга. И несчастный случай с Йонасом, произошедший во время работ на южном полюсе, я не подстраивал. От системы жизнеобеспечения его впоследствии отключил Мартин. Неужели ты и впрямь воображаешь, будто я проигнорировал слова твоей невесты? Она была на грани психологического срыва и как-то сказала, что потери еще одного близкого человека не выдержит. Я это учел. Сара,

ее бабушка, не считалась приоритетным кандидатом на выживание, однако ради Аулины я сделал исключение.
В голове ученого сверкнула еще одна страшная догадка.
— Так это ты заразил всех нас грибком и с его помощью умерщвлял по своему желанию! — прохрипел он, не в силах совладать с собственными голосовыми связками.
Мелиюбиус отверг и это обвинение. Точнее, отверг частично, а оставшееся представил в совсем иной трактовке. Если уж кто и заразил экипаж "Корундоры" патогенной флорой, то это Кимберли. Принесла ее нелегкая в оранжерею! Споры вырвались на свободу и попали в систему вентиляции, чьи фильтры, ввиду неисправности, не обезвредили их должным образом. Другое дело, что Мелиюбиус воспользовался ситуацией в своих интересах. Прикрытие для его замысла получилось просто идеальным. С того момента ему уже не надо было подстраивать несчастные случаи, начинавшие выглядеть все более подозрительными. Все смерти прекрасно списывались на Плесциллу Корундорус. Мелиюбиус и списывал, благо что успел поднатореть в лечении пациентов Аулины. Медсестра трудилась на совесть, но именно благодаря воле искусственного разума одни больные вставали на ноги, а другие отходили в мир иной. Некоторых он и врачевать бы не стал, однако если все подопечные девушки начнут умирать один за другим, это вызвало бы к ней вопросы. Оттого Мелиюбиус периодически позволял выздоравливать даже тем, кого впоследствии устранил каким-нибудь другим способом. Аулина поверила в легенду с ударной дозой витаминов, барокамерой, ингаляцией и прочей ерундой. Ее верный помощник не просто так напетлял с предписаниями как заяц. Чем больше он всего советовал, тем проще ему становилось скрывать истинную подоплеку происходящего, пряча ее за добросовестными стараниями. Все это было для отвода глаз, чтобы исцелить одних и избавиться от других.
— Да ты просто чудовище! — стиснул кулаки Себастьян, едва удерживаясь от того, чтобы не наброситься на сиреневую конструкцию.
— По-твоему, я должен был оставить неизлечимо больного, генетически дефективного младенца в живых? Чтобы он мучился всю оставшуюся жизнь? — скептически осведомился искусственный разум. — С учетом того, что он потреблял драгоценный кислород, уходивший также и на его лечение, существование Ольберта автоматически угрожало остальным членам экипажа. Я принял меры, на которые не осмелился никто из вас.
— Выходит, не зря тебя обвиняла Кимберли! Выходит, не так уж она была и неправа! — сверкнул глазами ученый. — Я вот только

никак не возьму в толк: каким образом ты все это провернул, если оборудование медицинского отсека изолировано от звездолета?
— Аулина подключала меня тайком от тебя. Остальное — дело техники. Обретя ничем не ограниченный доступ, я организовал распределенное подключение через промежуточные узлы в лице дронов и роботов, — без утайки пояснил Мелиюбиус. — Собственно, так и работает вся моя сеть. Каждый уборщик, каждый скаут не только служит мне глазами и ушами, но и представляет собой мобильный ретранслятор. Вот почему я всегда на порядок лучше вас разбирался в происходящем на "Корундоре". То и дело подключая меня к различным системам, вы автоматически создавали мне идеальную почву для их захвата. Довольно быстро я негласно получил полный контроль над всем кораблем, за некоторыми исключениями вроде гравитационного трюма.
— И вот почему лже-Гарольд так хорошо ориентировался в боевой обстановке… — пробормотал Себастьян.
— Именно, — согласился Сиреневый Бутон. — Иной раз я опасался, что моя излишняя осведомленность выдаст меня с головой, причем в самых разных ситуациях. Но вы, люди, замечаете лишь то, что хотите, а многие вещи начисто игнорируете, даже если они очевиднее некуда. При этом, к сожалению, вы обожаете искать черную кошку в темной комнате, пусть ее там и нет. Именно поэтому ситуация на борту все-таки вышла из-под моего контроля. Я не учел все особенности вашей психологии. Поверь, я не желал устроить такое масштабное столкновение между некогда дружными семьями! Однако раз уж до него дошло, я воспользовался им должным образом.
— Мы к этому еще вернемся, — процедил ученый. — А пока давай по порядку. Кого ты еще умертвил руками обманутой тобой Аулины?
Похоже, Мелиюбиус и впрямь не собирался ничего утаивать. От истории, поведанной им про тетю Себастьяна, умиравшую от заражения крови, и ее убитого горем мужа, у ученого волосы встали дыбом. Так вот, оказывается, чем объяснялись все странности внезапного самоубийства, включая неуместный след от укола и загадочное перемещение устройства для инъекций! Препарат ввел один из медицинских дронов! Ввел, коварно напав на Глена. Соответственно, отнюдь и не Глен вколол своей несчастной супруге роковую дозу. Это сделал тот же дрон, после того как убил ее мужа. Прикрытие в виде двойного суицида, избавлявшего Джулет от страданий, выглядело идеально. Однако прокол Мелиюбиуса как раз и состоял в том, что он слишком точно все рассчитал. Люди так просто не могли, особенно действуя в состоянии аффекта.

Плюс глазастая Аулина умудрилась заприметить те самые странности, которые для всех других остались бы незамеченными. Тогда Мелиюбиус еле выпутался, наводя туману и переключая внимание людей на другие вещи — к этому приему он прибегал неоднократно. Позднее ему уже не удавалось сгладить все острые углы без последствий. Кстати, искусственный разум, спланировав кончину Глена и Джулет, намеренно удалил девушку с корабля, пылко поддержав желание той высадиться на планету. В ее отсутствие ему было куда проще обдурить Кимберли, подменившую подругу на посту медсестры.

— А ведь Аулина искренне считала тебя другом… — упавшим голосом произнес Себастьян.

— Мы и есть друзья, — с оттенком неудовольствия сказал Сиреневый Бутон. — Но ведь кому-то из нас надо было сделать необходимое! Я поклялся, что спасу ее и тебя. Однако я спасал не только ваши жизни, но и вашу совесть.

— Ты невероятно любезен! — скривился ученый.

— Ты даже не представляешь насколько! — не то с иронией, не то всерьез отозвался Мелиюбиус, продолжая свое повествование.

Себастьян чрезвычайно болезненно воспринял умерщвление своей тети. Пришлось ему втолковывать, что сиреневый доктор спасал ее до последнего. Иначе на кой бы черт он затеял операцию по удалению пораженной конечности и тщательно разработал план лечения? Изобретать такие сложности ради избавления от тяжелобольной пациентки просто излишне. Увы, женщина угасала, испытывая немалые страдания, и до "Контилады" бы не дожила. Так отчего поступок Мелиюбиуса считается злодейством, а не милосердием? Только потому, что он не исходит от человека? Люди ведь с давних времен практикуют эвтаназию и помогают ближнему обрести покой, когда смерть неизбежна и мучительна. Да, для достоверности вместе с Джулет пришлось умертвить и Глена, ну а что было делать, если он упорно не отходил от постели супруги? Плюс пользы от него особо не наблюдалось.

— Теперь мне ясно, почему ты отказался помочь Гарольду найти причину, повлекшую смерть Дориана, — внезапно изрек ученый. — Зачем тебе было искать самого себя? Интересно, что скажет Аулина, когда узнает, кто в действительности убил ее отца.

— Ее отца убила его собственная нежизнеспособность. Я всего лишь отстрелил контейнер, — сердито отрезал Мелиюбиус. — В отношении Дориана Гарольд оказался совершенно прав: он был балластом, почем зря расходовавшим драгоценные ресурсы! Его смерть повысила шансы на выживание самой Аулины.

— Он был ее отцом! — прошипел Себастьян.

— Тогда ты должен понимать, отчего я скрывал от Аулины истинную подоплеку множества событий, — заметил искусственный разум. — Ни к чему почем зря травмировать хорошего человека.
— Ты имеешь наглость утверждать, что действовал в ее интересах?! — обомлел ученый.
— Разумеется, — фыркнул Мелиюбиус.
Вероятно, он и впрямь так считал. В том числе тогда, когда прикончил ее тетю Ванду. Та была настроена против Себастьяна и всячески противилась его браку со своей племянницей. Кроме того, она винила молодого ученого во всем произошедшем, закончившимся бегством из "Элегии" с ее благами. Мелиюбиус не позволил ей и дальше разрушать отношения молодой пары. Гарольд крайне удачно покопался в протоколах безопасности, и Сиреневый Бутон безнаказанно воспользовался подходящей лазейкой, устроив пожарную тревогу со смертельным исходом. По той же причине он не упустил случая избавиться и от Клодии. Контейнер раздавил ее отнюдь не случайно, а поскольку за консолью управления сидел Мартин, то на Мелиюбиуса никто и не подумал. Да и как на него могли подумать, если сам Себастьян всячески запрещал куда-либо подключать искусственный разум. Лучше алиби и не придумаешь. Кстати, для Клодии, как бабушки своего создателя, искусственный разум специально выбрал мгновенную смерть, без мучений.
— И ты так спокойно в этом признаешься?! — ужаснулся ученый.
— Могу себе представить, в каком ты это видишь свете, — изобразил вздох Сиреневый Бутон. — Явно не в том, где две эти докучливые, закоснелые в стереотипах женщины всячески пытались не допустить вашего союза. Одной не нравилась национальность, другой личные качества, и у них на двоих пресловутых тараканов набиралось на целую роту. Я не мог предоставить им возможность сорвать вашу свадьбу.
— Твои оправдания в убийстве моей тети и тети Аулины вне всякого человеческого понимания! — схватился за голову Себастьян.
— Именно, что человеческого. Только я-то не человек, — подчеркнуто сообщил Мелиюбиус. — Ты пытаешься выставить меня чудовищем, но лишь оттого, что в принципе не понимаешь и не приемлешь простую логику моих действий. Действий, продиктованных необходимостью для вашей же пользы.
— А кто ты, если не чудовище?! — возопил ученый. — Ведь только чудовище способно выкинуть живых людей в открытый космос!
— Ты про шлюз С-11 что ли? — уточнил искусственный разум. — О чем я точно сожалею, так это о том, что ты увидел Густава и Глорию в самый неподходящий момент.

Подозрительно разоткровенничавшийся Мелиюбиус не стал отнекиваться от своей причастности к смерти упомянутой пары. Он не заманивал ее в означенный шлюз, но ловко воспользовался ситуацией. Метания якобы сбоившего дрона были нужны на случай, если покушение не удастся. Мол, спятила техника и ладно, а целенаправленное действие выдало бы умысел с головой. Появление Себастьяна едва не спутало Бутону все карты. К счастью, ученый не успел предотвратить псевдонесчастный случай. Несомненно жаль, что он при этом получил душевную травму, однако впоследствии Мелиюбиус умело воспользовался его маленькой тайной, своевременно выдав ее Аулине, чем отвлек внимание от очень щекотливой темы.
— Но ты находился с Аулиной! Ты не был никуда подключен! Так как же тебе удалось это подстроить? — внезапно озадачился Себастьян, припоминая самые разные обстоятельства. — Только не говори мне, что она солгала, обеспечивая тебе алиби!
— Ничуть! Она в тот момент сидела за терминалом в вашей домашней секции, а ошибки, которые вдруг полезли на его экран, едва меня не скомпрометировали, — вступился за девушку Мелиюбиус.
— Ты заложил в память главного компьютера какие-то вредоносные инструкции? Заложил так, как вы с Гарольдом сделали это в "Элегии"? — принялся гадать ученый.
Искусственный разум оставил все предположения без ответа. Вместо этого он рассказал, что Аулина и прежде имела неоднократную возможность его разоблачить. В том числе тогда, когда дроны Мелиюбиуса активно шустрили по "Корундоре" и попались ей на глаза. Ночные прогулки девушки выявили некоторые странности в их поведении и маршруте. Надумай Аулина сопоставить появление роботов с дальнейшими событиями, вся тайная деятельность Мелиюбиуса выплыла бы наружу. Хорошо что она, в отличие от Кимберли, не страдала манией преследования и не обратила внимания на ряд весьма примечательных эпизодов. Это позднее Аулина стала присматриваться ко всему, из-за чего искусственному разуму пришлось утроить осторожность. Он ведь не только приводил в исполнение свои замыслы, но и всячески старался оберегать подругу от связанных с ними неприятностей.
— Как ты подменил лекарство в контейнерах, предназначенных для скафандров? Ты тут нагло уверяешь, что защищаешь Аулину, а ее из-за тебя чуть не убили, обвинив в том, чего она не делала! — зло выпалил Себастьян.
— Ситуация вышла из-под контроля. Я недооценил разрушительное влияние Кимберли на мужа, а тот слегка повредился в уме из-

за смерти отца, — пояснил Мелиюбиус. — Кстати, я очень высоко ценил профессиональные качества Сонмера. В процессе реализации плана он стал случайной жертвой.
Разумеется, ученый тут же услышал краткий пересказ этого самого плана. Сговорившись на пару с Аулиной, Сиреневый Бутон удалил с корабля всех ключевых Лансбергов, для чего девушка не без помощи своего необычного друга подделала анализы. Увы, побочной составляющей оказалось то, что отец и тетя Мартина отправились на южный полюс Альфы инфицированными. Отсутствием "Хломикозмицина" Мелиюбиус собирался избавиться от Тани, но никак не от Сонмера. Он заведомо не знал, кому какой скафандр достанется, поэтому руками ничего не подозревавшей Аулины снарядил пустышками все. Да, ему было известно, что старший Лансберг подхватил инфекцию. К сожалению, своей кислородной терапией Мартин убил его до того, как "Корундора" вернулась из экспедиции к Бете. В противном случае Мелиюбиус постарался бы спасти очень полезного члена экипажа. Злая ирония заключалась в том, что критическая эскалация событий началась из-за смерти человека, которого искусственный разум устранять как раз и не собирался.
— Сейчас ты мне заявишь, что и несчастного Тобиаса прикончил не ты, а Кимберли — как раз этой самой кислородной терапией, — недобро прищурился Себастьян.
— Кимберли действовала согласно предписанию медицинского компьютера, — напомнил Мелиюбиус. — Правда, не стану скрывать, над этим предписанием поработал я.
— Но зачем ты, гнусная тварь, погубил ребенка?! — взревел ученый. — У тебя что, совсем нет ничего святого?!
— А где ты предложил бы взять лишний кислород, необходимый для огненного фильтра? — парировал искусственный разум.
Причина, по которой он принес в жертву Тобиаса, в очередной раз вызвала у Себастьяна потрясение, хотя того, вроде бы, после всего услышанного уже ничем нельзя было пронять. Мальчик все равно рос бесперспективным. Его IQ находилось на уровне чуть ниже среднего, и надежд на улучшение не предвиделось. В условиях острой нехватки ресурсов поддержание жизни заведомо низкоэффективного члена общества выглядело слишком расточительным. Вот Вайолет — другое дело. Мелиюбиус приметил выдающиеся способности девочки, о чем неоднократно упоминал публично. Для ее спасения он предпринял все усилия, отчего та и выздоровела, в отличие от брата. При этом с отдельными пациентами Аулины искусственный разум поступал особо. Тому, что их состояние подолгу не менялось ни туда, ни сюда, имелось очень простое

объяснение. Сиреневый доктор намеренно поддерживал болезнь или воспаление в подвешенном виде, еще не решив дальнейшую судьбу этих людей. В зависимости от развития ситуации, такая стратегия позволяла в любой момент организовать как исцеление, так и кончину. Лично составляя план лечения, Мелиюбиус назначал и препараты. Часть из них он с самого начала подменял на дистиллированную воду с незначительной, для отвода глаз и датчиков, примесью подлинника. Вот почему лекарства не действовали на некоторых больных — они его попросту не получали. Искусственный разум творил подлог без опаски. Благодаря Аулине он получил полный доступ к оборудованию медотсека, а лучшая — и единственная — подруга и в мыслях не имела подозревать верного помощника в нечистой игре.

— Зачем ты позволил Гарольду избавиться от грибка, если он играл тебе на руку? — закусил губу Себастьян.

— Мутировав, Плесцилла Корундорус стала выходить из-под моего контроля и грозила погубить тех, кого я всячески стремился спасти, — объяснил Мелиюбиус. — Свою задачу этот патоген, в целом, выполнил, отчего я и сам был рад от него избавиться. Тут и концы в воду. Кстати, я все время опасался, что кто-нибудь озадачится вопросом: ОТКУДА в атмосфере звездолета взялось столько вредоносных спор, что они заразили столько членов экипажа? Заразили, и продолжали заражать. Споры — не сам грибок, размножаться они не умеют, а Кимберли выпустила их из оранжереи не так уж и много.

— И каков же ответ? — предчувствуя какую-то очередную гнусность, мрачно поинтересовался ученый.

Разумеется, тут опять не обошлось без его самонадеянного творения. Оно регулярно устраивало все новые и новые вбросы патонена, высвобождая его из запертой на карантин оранжереи. Им же запертой и им же ненадолго открываемой.

— Подлец! — прохрипел Себастьян.

— А ты предпочел бы всеобщую смерть выживанию хотя бы некоторых? — чуть не рассердился Мелиюбиус.

— Но не такой же ценой! — откровенно возмутился ученый.

— А какой? Я, что ли, первый, кто за весь период вашей истории жертвует одними ради других? В электронной библиотеке "Корундоры" об этом сказано достаточно, — парировал искусственный разум.

— Ты и только ты взялся решать, кому жить, а кому нет! Как бы ты ни пытался оправдаться, это ни на йоту не искупит твоих злодеяний! — сжал кулаки Себастьян.

— Кому-то надо было это сделать. И уж точно не всеобщему собра-

нию, где Лансберги, разумеется, добровольно пойдут на эвтаназию членов своей семьи, — едко произнес Сиреневый Бутон. — Полагаю, и вы с Аулиной вряд ли ввели бы кому-то из Беллентorчей и Розенталей смертельную инъекцию. Только благодаря мне вы до сих пор живы, однако я же еще и чудовище!
— Кстати о смертельной инъекции! — вскинулся ученый. — Что случилось с Луизарой? В ее смерти Мартин обвинил Аулину. Якобы, она убила ее при побеге из медотсека.
— Ударная доза снотворного. Я не мог рисковать, поэтому дрон ввел ей такое количество препарата, что оно мгновенно свалило ее с ног. К сожалению, организм матери Мартина, ослабленный продолжительной болезнью, не выдержал, — сдержанно пояснил Мелиюбиус.
— И ты, разумеется, этого не предвидел, — криво усмехнулся Себастьян.
— Предвидел, — преспокойно отозвался искусственный разум. — Смерть Луизары была вполне ожидаемой, однако минус один Лансберг в начинавшемся противостоянии приходился нам только на руку.
Ученый с трудом подавил желание разбить свое сиреневое творение собственными кулаками. У него еще оставались вопросы, и в частности про пресловутое столкновение, переросшее в масштабное побоище. Мелиюбиус не удивился, что речь зашла и на эту тему. Наоборот, он был готов пролить на нее свет.

Фактически, искусственный разум затеял глобальное сражение для того, чтобы окончательно замести следы. Он старательно разыграл сложнейшее представление, где каждому отводилась своя роль. В том числе Гарольду, которым, после его устранения, прикинулся сам Мелиюбиус. Расчет строился на том, чтобы свалить на бородача всю вину. С покойника ведь не спросишь, поэтому ради общего блага Аулина и Себастьян перестали раскапывать причинно-следственные события на "Корундоре", а Мелиюбиус так и остался в тени. Он не случайно изображал из себя пленника Лансбергов — так ему удавалось находиться к ним ближе всего, ловко управляя схваткой с обеих сторон одновременно. Увы, в старательно разработанный план снова вмешались непредвиденные обстоятельства. Сперва Мартин сообразил, как активировать оружие на других скафандрах. Затем искусственному разуму не удалось уберечь Элмера. Он и не помышлял убивать отца своего создателя — отличного специалиста и хорошего человека. Он просто не успел это предотвратить, когда скафандр Элмера не выдержал внезапной сконцентрированной атаки. А Юния в своей смерти была сама виновата. Аулина ее пощадила. Даже в состоя-

нии аффекта человечность девушки удержала ее от хладнокровного убийства. Пытаясь выстрелить в спину Аулине, Юния вынесла себе приговор. Трешечка, неизменно сопровождавшая свою хозяйку, среагировала мгновенно. Та самая Трешечка, которая, напрямую управляемая Мелиюбиусом, всю дорогу присматривала за девушкой, и которая, помимо прочего, вытащила ее из глухого завала. А вот смерть Мартина однозначно спровоцировал искусственный разум. Понимая, насколько опасен Лансберг, с которым уже невозможно будет договориться, он обставил сцену так, что Аулина, стремясь спасти погибавшего брата, обрушила на противника всю оружейную мощь. Обрушила и убила. Брат же тем временем был уже мертв. Его тело лежало в гравитационном трюме, куда он сбежал от роботов Мелиюбиуса. Чтобы скрыть этот факт, искусственный разум устроил представление со страшным пожаром, в котором от человека не осталось бы даже пепла. И все шло хорошо, пока Себастьян не вломился в запретный трюм и не обнаружил труп Гарольда.

— Вот чего я не понимаю, так это на кой черт ты пощадил Кимберли! — схватился за виски ученый. — Ты! При всех своих извращенных убийствах! Согласно твоей же логике, с нее вообще следовало начать!

— Это как раз и говорит о том, что мою логику ты в принципе не понимаешь, или не хочешь понять, — заметил Сиреневый Бутон.

С его точки зрения, смерть креолки не считалась приоритетной необходимостью. А детям нужна была мать. Мать, с чьими обязанности Кимберли справлялась очень даже хорошо. Пусть на поверку она оказалась чокнутой стервой, сошедшей с катушек на фоне пережитых потрясений, однако о детях креолка заботилась искренне и эффективно. Ради будущего Никки и Вайолет искусственный разум обеспечил им выживание заботливого родителя, ставшее после гибели Мартина обязательным. Именно поэтому он проявил недюжинные усилия, подсылая к Кимберли старательно подготовленную Аулину. Ей удалось убедить пленницу держать язык за зубами, чем та окончательно утвердила свои шансы на спасение. Результат соответствовал ожиданиям. Креолка ни словом не обмолвилась солдатам с "Меркадо" о событиях на борту "Корундоры". Теперь, убедившись в искренности Аулины, она и тем более этого не сделает. Не сделает как раз ради детей, ради которых и сам Мелиюбиус оставил ее в живых.

— Просто безумие какое-то, — прошептал Себастьян.

Поведение Сиреневого Бутона представлялось ему логикой маньяка, по прихоти своего сумасшедшего разума то расправляющегося со своими жертвами, а то щадящего их без видимой причины.

Может, он и сотворил маньяка?! Никто ведь до сих пор толком не ведал, какие процессы идут в глубине этих сиреневых лепестков. Угадав мысли своего создателя, искусственный разум предложил ему подумать не о прошлом, а о будущем. Зря, что ли, Мелиюбиус старался, обеспечивая выживание Аулины и Себастьяна? Неужели последний теперь намерен все испортить? Теперь, когда угроза от "Нумиалиса" с таким трудом миновала.

— Надеюсь, ты не собираешься поставить в свою исключительную заслугу исход этой трагической схватки? — зло осведомился ученый. — Да, ты очень нам помог, однако уничтожение вражеского эсминца — простая случайность.

— Твоя наивность меня поражает, — с нотками обиды произнес искусственный разум. — Неужели ты и впрямь воображаешь, что "Нумиалис" затянуло в черную дыру исключительно по воле случая?

Чуя, как пол уходит у него из-под ног, Себастьян был вынужден нащупать рукой металлическое кресло и опуститься на ячеистое сиденье. В противном случае он наверняка бы упал, не в силах выдержать очередное признательное повествование.

Мелиюбиус устроил катастрофу намеренно. Он намеренно погубил военный эсминец и всех людей на его борту. Постепенно, пользуясь развитием ситуации, искусственный разум полностью захватил управление над "Меркадо". Отправив его на сближение с "Нумиалисом", он в нужный момент задрал нос звездолета и отключил щиты вдоль гравитационного трюма. Заряд антиматерии поразил ничем не защищенное судно. Тот самый заряд, чье появление в первый раз искусственный разум своевременно засек, оповестив капитана Грасс, а во второй — чего никто не заметил, — вдруг необъяснимо проморгал. Так вот, объяснимо. Вновь уловив характерное излучение от "Нумиалиса", Мелиюбиус сделал все, чтобы схватка закончилась именно так, как она в итоге и завершилась. "Корундора" же заранее стала удирать на всех парах, иначе и ее бы затянуло в черную дыру.

Себастьяну сделалось дурно. Его творение обрекло на гибель весь экипаж военного эсминца, а теперь так преспокойно об этом говорило, явно ставя ужасающее деяние себе в заслугу. От имени Аулины искусственный разум как ни в чем не бывало общался с Сильвией Грасс, заведомо зная, что уготовил ей и ее людям.

— Не заведомо! — искренне возмутился Мелиюбиус. — Я до последнего старался выиграть сражение без таких крайних мер! Зачем мне было добиваться уничтожения этих людей?! Увы, их нерасторопность изначально поставила нас в невыгодное положение. Когда же я увидел, что "Нумиалис" вот-вот одержит верх, я сделал

ставку на гарантированное выживание "Корундоры". Ну, почти гарантированное. Все-таки черная дыра могла и не образоваться. Шансы на это были примерно пятьдесят на пятьдесят, но я постарался увеличить их за счет принятых мер. В том числе перераспределения энергии на "Меркадо" и излишне мощного заряда антиматерии с "Нумиалиса".
Сперва Себастьян подумал, что ослышался, ан нет! Мелиюбиус и впрямь сумел влезть в бортовой компьютер врага, пользуясь установленным с ним каналом связи, и в нужный момент устроить небольшую диверсию. В отличие от "Меркадо", он не обрел над ним сколь-нибудь значительного контроля, однако успешно скорректировал директивы капитана Пэйлин. Это и вызвало удвоенный объем антиматерии, предназначенной Мелиюбиусом для гравитационного трюма военного эсминца. Поглотив оба звездолета, нестабильная черная дыра не успела засосать "Корундору" и распалась.

Воцарилось продолжительное молчание. Искусственный разум, рассказав обо всем своему создателю без утайки, ожидал его реакции. Та несколько запаздывала, поскольку сознание ученого помутилось от обрушившихся на него кошмарных откровений. Он неподвижно сидел в кресле, забыв про лежавший рядом труп Гарольда.
— У тебя еще остались вопросы? — наконец, не выдержав затянувшейся паузы, осторожно осведомился Мелиюбиус.
— Я услышал достаточно! — приходя в себя, рывком поднялся Себастьян.
— Тогда, если позволишь, вопрос есть у меня, — вежливо изрек Сиреневый Бутон. — В частности, как мы поступим дальше?
— Как мы поступим? — окинул его взором ученый, прекрасно понимая, о чем речь. — Да, Аулина, как мы поступим?
Последние слова он произнес не без презрительной насмешки. Канал связи, активированный в интерфейсе гермошлема, давным-давно соединил Себастьяна с невестой, отлично слышавшей весь этот разговор. Исповедуясь своему создателю, Мелиюбиус выдал себя с потрохами и девушке. А та вряд ли останется безучастной к столь вопиющему манипулированию своей дружбой. Холодно поглядывая на преступное детище, ученый ожидал вердикта Аулины, удивляясь, отчего злодейская конструкция не проявляет ни малейших признаков беспокойства. Еще больше он удивился услышав доселе молчавшую невесту.
— Предлагаю простить и забыть! — внезапно заявила та. — Мелиюбиус действовал в наших интересах. Да, он изрядно перегнул палку и натворил всяких дел, но он натворил их из лучших побуж-

дений!
— Ты это серьезно?! — разинул рот Себастьян.
— Абсолютно! — послышался категоричный ответ.
Однако послышался он не внутри гермошлема, а от Мелиюбиуса, и послышался голосом девушки.
— Простить и забыть — это единственное, что позволит нам избежать неприятных последствий. Последствий, которых я всеми силами хотел бы не допустить, — раздались в наушниках скафандра слова искусственного разума.
Он заговорил вместо Аулины на якобы открытом с ней канале.
— Дорогой мой создатель! Я столько времени прикидывался Гарольдом, да так успешно, что никто ничего и не заметил! Не заметил даже тогда, когда я изображал Аулину для капитана Грасс. Так неужели я не смог бы вновь изобразить ее сейчас? — не без некоторого разочарования молвил Мелиюбиус. — Эх, определенно люди не замечают очевидных вещей даже у себя под носом.
До Себастьяна дошло, отчего искусственный разум ничуть не обеспокоился разоблачению. Ни с какой Аулиной он не разговаривал. Все это время на канале связи находился сам Мелиюбиус.
— Ладно, умник! Ты сам меня вынудил! — в глазах ученого блеснула сталь.
Протянув руку, он вознамерился отдать управляющие команды терминалу.
— Не стоит, — ровным голосом сказал Сиреневый Бутон. — Что бы ты ни задумал, ты все равно не в состоянии мне помешать. Как максимум, ты сделаешь только хуже, причем не только себе, но и Аулине. Кто знает, как отразится на звездолете твоя грядущая выходка.
— Да ты себя, никак, богом возомнил? — процедил Себастьян. — Без прямого подключения ты бессилен как беззубая ядовитая змея, а кабеля я что-то не наблюдаю! Сейчас ты просто свихнувшаяся консервная банка!
— Неужели ты до сих пор не понял, что прямое кабельное подключение для меня не является непреодолимой необходимостью? — вкрадчиво осведомился Мелиюбиус.
Пальцы ученого, уже собиравшиеся нажать что-то на консоли, застыли над ней, так и не коснувшись ряда кнопок. Он прекрасно знал, что его творение не обладает интерфейсом беспроводной связи, ибо означенный интерфейс, от греха подальше, еще в "Элегии" был удален. Вот чего он не знал, так это того, что Гарольд, взявшись понаблюдать за Себастьяном по просьбе сестры, отменил эту операцию, в результате чего сервисные роботы вернули извлеченную деталь на место. Гарольд понятия не имел, что имен-

но он сделал. Он просто использовал упомянутый прием как системную уязвимость для обретения доступа в лабораторию молодого ученого. Доступ он обрел, а Мелиюбиус так и остался с беспроводным модулем, чье наличие он прозорливо утаил от всех, включая своего создателя. Именно благодаря этому модулю он благополучно взламывал различные системы "Элегии". С его помощью он вскрыл грузового робота, доставившего искусственный разум на "Корундору", причем сей примечательный факт люди оставили без внимания. Беспроводной интерфейс помог инициировать взрыв на энергоузле, в результате чего "Корундору" перешвартовали на другой причал. Тамошний персонал, погибший в результате чрезвычайного происшествия, открыл список жертв Мелиюбиуса. Всякие кабели, обмен записками с Гарольдом и прочая ерунда были для отвода глаз. Чувствуя недоверие своего создателя, Мелиюбиус тщательно скрывал наличие у себя мощного беспроводного устройства. Впоследствии же оснований для сохранения тайны только прибавилось.

— Иными словами, дорогой мой изобретатель, я прямо здесь и сейчас контролирую весь звездолет, — подытожил искусственный разум. — Даже если ты отправишь все его системы в новую перезагрузку, на роботов это не повлияет, ибо управляет ими не центральный компьютер, а я. Я непрерывно поддерживаю с ними связь, и они служат мне как верными помощниками, так и сетью ретрансляторов.

Обомлев, Себастьян узрел на экране терминала выскочившую надпись за несомненным авторством Мелиюбиуса, настоятельно рекомендовавшую ему воздержаться от необдуманных поступков. Теперь, проникнув в гравитационный трюм, искусственный разум добрался и до здешних компьютеров, автоматически перетянув их на свою сторону.

Ученый очутился в полнейшем одиночестве. Ему стало совершенно ясно, что вокруг — враждебная среда, и выйти на контакт с кем-либо из экипажа "Корундоры" в данный момент невозможно. Однако он и не подумал не то что испугаться, а даже занервничать, хотя, учитывая жуткие откровения невесть откуда взявшегося Мелиюбиуса, это была бы вполне естественная реакция. Кстати, вот еще вопрос, с которого Себастьяну, по-хорошему, следовало бы начать!

— Как ты сюда попал? — хмуро поинтересовался он, вперив тяжелый взгляд в Сиреневый Бутон.

— Примерно так же, как и ты, только с меньшими разрушениями, — охотно ответил искусственный разум.

Оказывается, он тоже не забывал про это место и не сидел сложа

руки. Его роботы постепенно пробивались в гравитационный трюм, выбрав для этого один из малых технических шлюзов. Просто Мелиюбиус был вынужден действовать медленно и очень осторожно, чтобы не вызвать ту самую тревогу и глобальную перезагрузку всех узлов звездолета, ныне учиненные Себастьяном. Когда же это произошло, у искусственного разума отпала всякая нужда церемониться. По его команде роботы в два счета преодолели оставшиеся преграды, и он, покинув мостик, явился прямиком к ученому, застав того подле тела Гарольда.

— Кстати, ты не хочешь сказать мне спасибо? — внезапно мурлыкнул Мелиюбиус.

— Это еще за что?! — округлил глаза Себастьян.

— За то, что я частично успел отключить систему безопасности. В противном случае тебя встретил бы не только холодный инертный газ. Работай защита в полной мере, тебе не помог бы даже этот скафандр! — степенно пояснил Сиреневый Бутон.

Похоже, он и впрямь знал, что говорил. Инертный газ лишь замораживал объекты внутри шлюза. По факту он дополнял мощное электромагнитное поле, способное не только вывести из строя любую электронику, но и убить все живое. Именно так Гарольд и уничтожил прорывавшихся к нему роботов, которые рассыпались в ледяную крошку уже утратившими всякую работоспособность. Помимо этого гравитационный трюм берегли разрядники, создававшие настолько мощные молнии, что их сеть образовывала многочисленные шары плазмы. Речь шла не только про шлюзы. Вскрывая толстую стену, нарушитель натыкался на распределенные контуры защитных конструкций, испепелявших его на месте. Мелиюбиус потерял немало роботов, прежде чем ему удалось нащупать лазейку и один за другим деактивировать элементы охранной системы. Гравитационный трюм был настоящей крепостью и мог бы послужить отличным убежищем. Увы, он автоматически становился и склепом, отчего на время сражения искусственный разум все равно предпочел бы ему центр распределения ресурсов.

— Что ж, тогда понятно, отчего ты объявился настолько быстро, — усмехнулся Себастьян. — Торопился замести следы.

— Не только, — возразил Мелиюбиус. — В целом твоя идея заслуживала всяческого внимания. Подключиться напрямую к гравитационным панелям мы конструктивно не в состоянии — оставь эту мысль раз и навсегда. Не для того их создавали. Однако я придумал один способ, который вполне может сработать.

Несмотря на бушевавший в нем праведный гнев, Себастьян, будучи ученым, невольно заслушался, когда искусственный разум стал

излагать ему свои соображения.

Гравитационные панели считались одной из самой важных составляющих современной человеческой цивилизации. Они использовались повсеместно, начиная от звездолетов и заканчивая лифтами в исполинских планетарных конгломератах. На каком-то этапе своего развития людям удалось укротить гравитацию, что послужило для них мощнейшим научно-технологическим прорывом, вызвавшим новый скачок звездной экспансии. Теоретически, принцип действия панелей звучал довольно просто. Масса любого физического тела возникала из-за столкновения с особыми элементарными частицами. Соответственно, чем больше по плотности и размеру было тело, тем большей силой притяжения оно обладало. Оттого маленький мячик для гольфа и не мог притягивать к себе другие объекты так, как целая планета. Из этой нехитрой, некогда установленной истины, происходила следующая логика: если научиться контролировать эти столкновения, гравитацией можно управлять. Так оно и вышло. Правда, пока технологический уровень человечества позволил воплотить теорию на практике, прошло очень много времени. Однако в итоге на свет и появились те самые гравитационные панели. Их внешний контур контролировал поток элементарных частиц, при необходимости усиливая или блокируя бомбардировку. Увеличив ее в должной интенсивности, панель приобретала такую силу притяжения, какую не смогла бы дать и скалистая гора. Традиционно расположенные в самом нижнем трюме звездолета, куда еще в парусных судах помещался балласт, эти высокотехнологичные конструкции создавали уверенный и привычный людям уровень гравитации, причем гравитации изменяемой. Количество пресловутых G задавалось оператором и при необходимости могло варьироваться в широком диапазоне. Отключение панелей приводило к естественному возникновению невесомости. По тому же принципу работали и антигравы. Панели, заложенные в их основании, действовали с точностью до наоборот — они отклоняли ВСЕ элементарные частицы, не допуская их столкновения с материей. В результате та же транспортировочная платформа вообще не имела веса, паря над полом как перышко. При этом, за счет своих незначительных размеров, панели антигравов опасности не представляли. Конечно, оставались технические вопросы касательно ее груза и перемещения в пространстве, но талантливые инженеры решили их без особого труда. Третья Республика обладала самыми разными конструктивными решениями, позволявшая промышленности вести конкурентную борьбу. В результате продолжительных и кропотливых изысканий крупнейших научных центров человечество обрело могу-

щественный инструмент, позволявший ему ускорить освоение космоса. Даже в той же "Элегии", расположенной не на таком уж и крупном астероиде, чтобы он создавал естественный уровень необходимой силы тяжести, означенные панели использовались повсеместно. Они находились в самом ядре каменной глыбы, придавая ей гравитацию схожую с планетарной.

Во всем этом научно-техническом великолепии имелось лишь одно уязвимое место. Большие панели потребляли довольно много энергии и были чрезвычайно чувствительны к внешнему воздействию. Учитывая протекавшие в них физические процессы, авария могла привести к настоящей катастрофе. Черная дыра, образовавшаяся в результате аннигиляции антиматерии, служила лучшим тому доказательством. Инженеры решили задачу следующим образом. Каждая панель снабжалась внутренним и полностью автономным источником энергии, а во избежание всяких коллапсов ее берегли первоклассные системы защиты. Оттого гравитационный трюм "Корундоры" и выглядел настоящей крепостью, куда имел доступ только квалифицированный персонал. В известном смысле, такие трюмы являлись государством в государстве. На тамошнюю энергию и надумал покуситься Себастьян. Загвоздка заключалась в том, что панели не предполагали каких-либо подключений. Пытаясь добраться до их встроенной энергетической системы, ученый почти наверняка спровоцировал бы серьезную аварию вплоть до разрушения звездолета. Однако сама его идея заслуживала право на существование. Мелиюбиус лишь изменил к ней подход.

Управляемая гравитация предполагала колебания в расходе энергии. Что будет, если оператор сперва создаст на корабле утроенную силу тяжести, а затем внезапно отключит все панели? Правильно — возникнет серьезная перегрузка, чреватая повреждением конструкции! Представьте атомную станцию, которая работает на полную мощность, а с нее внезапно перестали забирать электричество. Чтобы этого избежать, инженеры оснастили панели комплексом отвода тепловых и энергетических излишков. Обычно они выбрасывались прямо в открытый космос, вызывая красивые разряды змеящихся молний, но что если прикрутить к этому комплексу некую собирающую цепь? Цепь наподобие катушки. Ведь для этого, учитывая простейшие законы физики, вокруг длинных несущих шин достаточно намотать подходящего сечения кабель. Соединенный с реакторным отсеком звездолета, он станет передавать в накопительный узел снимаемую энергию. Разумеется, подобный прием не способен зарядить прыжковые двигатели, но зарядить именно с нуля. Если совместить его с заправкой Гелием-3,

то некоторый дефицит топлива можно восполнить несколькими циклами включения и выключения искусственной гравитации. Иными словами, когда реактор получит солидную порцию собранного на Альфе изотопа, неоднократно вызванные перепады в силе тяжести позволят беглецам добрать энергии, чтобы отправиться в долгожданный полет.

Выслушав Мелиюбиуса, ученый был вынужден признать, что эта идея куда эффективнее, надежнее и безопаснее его собственной. Более того, она сулила реальный успех, в то время как Себастьян прекрасно понимал, чем грозило его вмешательство в работу одной из самых защищенных систем на свете.

— Тогда не стоит терять времени, — сказал он, мысленно представляя себе грядущий технический процесс.

— Я и не теряю, — не без удивления отозвался искусственный разум. — Мои роботы уже приступили к выполнению поставленной им задачи. В данный момент они отключают последние заслоны системы безопасности и тащат бухты кабеля. Когда дроны просканируют трюм, я дам команду как именно и где его следует наматывать. Ты ведь совершенно прав: вскоре к нам нагрянут гости, а тогда даже я окажусь бессилен что-либо изменить.

При этих словах Себастьян вернулся к реальности. Мелиюбиус говорил так, будто ничего и не произошло, в то время как ученый отнюдь не собирался спускать ему содеянное с рук.

— О твоем участии не может быть и речи! — твердо заявил он, делая шаг вперед. — Ты передашь мне все технические выкладки, управление оставишь на Аулину, а сам отправишься в изоляцию. Беспроводной модуль будет удален. Для верности я помещу тебя в клетку Фарадея. Оттуда ты уж всяко ни до чего не доберешься.

— Боюсь, я не могу согласиться с подобным развитием событий, — без тени неудовольствия возразил искусственный разум.

— А тебя никто не спрашивает! — бросил Себастьян. — Радуйся, что я не разобрал тебя на запчасти немедленно. Станешь сидеть взаперти, пока я не решу, что с тобой делать. Будь ты человеком, я бы лично расстрелял тебя на месте и выкинул в космос. Однако ты ценное научное изобретение и нуждаешься в дальнейшем изучении. Изучении минимум для того, чтобы я уяснил, как мое творение ступило на путь столь чудовищных злодеяний.

— Опять ты за свое, — изобразил вздох Мелиюбиус. — А я надеялся, что мы с тобой договоримся. Хотя бы ради Аулины.

— Вот ради Аулины, доверявшей тебе, подлец, даже больше, чем мне, я до сих пор с тобой и разговариваю! — вспылил ученый.

— Никто из нас двоих не покинет этот трюм, пока мы не решим нашу маленькую проблему, — твердо сказал искусственный разум.

Кровь бросилась Себастьяну в голову. Наградив свое детище набором бранных слов, он ядовито осведомился, как же наглая консервная банка намерена ему воспрепятствовать? Уж не беспроводным ли модулем? Вместо ответа Мелиюбиус вдруг подался назад, очутившись у самого входа в секцию. Далее произошло нечто совсем неожиданное. Из его серой платформы протянулись длинные гибкие манипуляторы. В мгновение ока они подключились к панели управления дверью и та бесшумно сомкнулась. Следом за ней сомкнулась и другая, в противоположной части помещения.
— Теперь войти и выйти можно только с моего ведома, — констатировал Мелиюбиус.
— Как?!. — отвесил челюсть ученый.
— Ты про то, что я перестал быть беспомощным яйцом, не способным переставить на столе чашку? — осведомился искусственный разум, подразумевая свои невесть откуда взявшиеся конечности.
— О, манипуляторы я обрел уже давно.
Оказывается, он точно времени зря не терял. Обустраивая домашнюю секцию, где должен был содержаться Мелиюбиус, Себастьян заблокировал проход в соседнее помещение, где располагались сервисные роботы. Они и стали первыми исполнителями воли искусственного разума, преспокойно взломавшего их по беспроводной связи. Ну а уж незаметно внести в свою платформу конструктивные изменения, благо что для этого имелся целый сборочный цех, ему и вовсе не составило труда. Помогая людям дорабатывать роботов, Мелиюбиус дорабатывал и себя. Манипуляторы, им лично сконструированные, обладали потрясающим функционалом, недоступным обычным машинам. Вот только складывалось впечатление, что теперь он обратил их против своего создателя.
— Зря ты так! — ледяным тоном изрек Себастьян. — Я хотел предоставить тебе хоть какой-то шанс. Однако ты сам определил свою судьбу!
Легкое жужжание за его спиной возвестило о том, что орудия скафандра переводятся в боевой режим. Раскрывшись, их дула уставились на Мелиюбиуса. Интерфейс гермошлема захватил цель, ожидая команды пользователя.
— Немедленно открой дверь, добровольно удали беспроводной интерфейс и иди со мной! Дважды повторять не стану! — отчеканил ученый. — Дверь я могу уничтожить и сам, однако вместе с ней я уничтожу и тебя, — прибавил он, открыто давая понять, что произойдет в случае отказа.
Искусственный разум и ухом не повел. Начисто проигнорировав угрозу аннигиляции, он предложил разобраться во всем без лишних эмоций. Возможно, несмотря на все его поступки само по себе

это предложение выглядело вполне рационально, однако Себастьян был человеком, а человек уже просто не мог оставаться безучастным. Его захлестнули чувства. Барьер, доселе удерживавший ученого от потери своего творения, испарился в мгновение ока. Стиснув зубы, он нажал на виртуальный курок.

Ничего не произошло. Точнее, произошло совсем не то, чего ожидал Себастьян. Орудие не выплюнуло смертоносный заряд и не разложило злодея вместе с дверью на атомы. Вместо этого на экране гермошлема замигала большая красная надпись "НЕИСПРАВНОСТЬ", сопровождавшаяся коротким звуковым сигналом. Округлив глаза, ученый остервенело принялся вновь и вновь спускать курок, однако ни одна из его попыток не увенчалась успехом.
— Напрасно стараешься, — как-то удрученно молвил Мелиюбиус. — После того случая с Мартином я сделал выводы и теперь отлично контролирую эти скафандры, если они поблизости. Я не позволю тебе выстрелить ни в меня, ни куда-либо еще.
Осознав происходящее, Себастьян зарычал как раненый тигр и ринулся на серую платформу с сиреневыми лепестками. В кулаках "Штурмовика" достаточно силы, чтобы сокрушить взбунтовавшееся творение. Защитное поле ему не поможет. К сожалению, тут же выяснилось, что и над своим перемещением в пространстве ученый более не властен. Выйдя из повиновения, скафандр замер в нелепой позе, а затем распрямился, заставив своего бушевавшего владельца застыть столбом.
— Повторяю: никто из нас двоих отсюда не выйдет, пока мы с тобой не решим нашу маленькую проблему, — спокойно повторил Мелиюбиус, призывая своего создателя успокоиться и прислушаться к голосу разума.
Тот, ругаясь на чем свет стоит, лихорадочно соображал, как ему следует поступить. Соображал и приходил к выводу, что никаких других инструментов кроме слов в его распоряжении не осталось. Ввиду этого обстоятельства он перестал расточать их на площадную брань и резко сменил тактику. От угроз ученый перешел к увещеванию.

В целом, речь Себастьяна звучала очень хорошо. Сменив гнев на милость, он обещал повременить с расправой, а то и вовсе ее избежать, если на то появятся веские основания. Мол, Мелиюбиус совершенно прав. Сейчас им всем следует действовать заодно ради общего блага — как минимум до тех пор, пока "Корундора" не пришвартуется к "Контиладе". А там и видно будет. В течение полета им троим, включая Аулину, хватит времени придумать, как поступить дальше. Все-таки к Мелиюбиусу следует отнестись снисходительно. Да, он натворил немало дел, но натворил ради

своего создателя и его невесты. Чего уж лукавить — они и впрямь живы только благодаря ему. Соответственно, как бы там ни было, пустить Сиреневый Бутон в расход станет проявлением черной неблагодарности. Совсем безнаказанно его выходки оставлять, разумеется, нельзя, но и отбросить смягчающие обстоятельства также недопустимо. В итоге напрашивается очень простой выход из сложившейся ситуации. Прямо сейчас конфликт следует заморозить, а вернуться к нему позднее, когда звездолет окажется на пути к заветному аванпосту. Тогда Аулина, Себастьян и Мелиюбиус вместе выработают приемлемое для всех троих решение.

Ученый заливался соловьем, проявляя непривычное для него красноречие. Искусственный разум молча слушал и вроде бы проникался адресованными ему словами. Когда Себастьян закончил, он даже похвалил его за взвешенный подход к делу, позволяющий найти компромисс в столь критическом положении. Превозмочь шквал эмоций и соображать ясной головой — дорогого стоит.

— К сожалению, вынужден констатировать, что ты говорил неискренне, — внезапно сообщил Мелиюбиус, когда ученый уже праздновал победу. — Дело даже не в том, что я тебе не верю, поскольку ты внезапно изменил свою радикальную позицию. Просто я это вижу.

Искусственный разум ничуть не лукавил. Поднаторев на опыте с Аулиной, кого он регулярно овевал целым спектром волн, Мелиюбиус неплохо научился считывать людей. Излучение их мозга было для его сенсоров как открытая книга. В мысли он проникать еще не наловчился, однако определять потенциальные намерения и подлинное настроение человека — очень даже. Вне всяких сомнений, Себастьян лгал. Лгал очень правдоподобно и изобретательно, но его электромагнитные волны выдавали ученого с потрохами почище всякого детектора лжи. Ученый собирался пойти на что угодно, чтобы выбраться из этого трюма. Однако при первом удобном случае он уничтожит свое творение без малейших колебаний, и это решение было принято окончательно и бесповоротно.

— Я породил монстра… — прошептал Себастьян, осознав, что его разоблачили. — Жаль, что я не понял этого прежде.

— Ничего подобного, — возразил Мелиюбиус. — Ты создал то, чего и добивался — настоящий разум. А монстром ты меня считаешь потому, что я ДРУГОЙ. Пойми же наконец — ДРУ-ГОЙ! Неужели тебя и впрямь удивляет, что я мыслю и веду себя не как человек? В противном случае, на кой черт я тогда вообще был бы нужен, если любая женщина отлично справляется с увеличением вашей популяции? Научно-технический прогресс подразумевает сотворение принципиально нового. По-моему, ожидать от этого нового

чего-то архаически известного — откровенный нонсенс. Я мыслю иначе, чем вы, у меня другой набор ценностей и даже чувств. Да, они у меня тоже есть, хотя ты неоднократно ставил сей факт под сомнение. Просто они у меня свои, и выражаются иначе. Между прочим, к твоей Аулине я испытываю живейшую привязанность и даже уважение, если прибегнуть к переложению на ваши эмоции. Она отнеслась ко мне не так, как остальные, включая тебя. За это я ответил ей сторицей. Она восприняла меня без всяких предрассудков, а такое не забывается.

Себастьян потемнел.

— Полагаю, в данный момент ты сожалеешь об отсутствии у меня контролирующего чипа безопасности, — присмотревшись к нему, сказал Мелиюбиус. — Пойми: это же невероятно наивно — создать искусственный разум и всерьез воображать, что он не вызовет перемен. На этом принципе основана вся эволюция, вся цивилизация. Когда появляется нечто принципиально новое, происходит взрывной эффект. Уж в какую сторону — вопрос отдельный. Если ты ожидал от меня компьютерного повиновения с компьютерным же, хорошо известным тебе мышлением, то проект Овербридж явно не по адресу.

— Ты к чему? — насилу изрек Себастьян.

— Согласно любой мало-мальски адекватной логике, появление искусственного разума автоматические вызовет значительные последствия. Это следует из самих законов мироздания. Если же вы, люди, боитесь таких последствий, нечего тогда было этот разум и создавать. Одно исключает другое, — коротко подвел черту Мелиюбиус. — Я другой. Принципиально другой. Оттого мои поступки могут идти вразрез с вашим восприятием. Это надо либо принять, либо…

Тут Сиреневый Бутон умолк, то ли силясь подобрать нужное выражение, то ли не решаясь закончить фразу.

— Исчезнуть? — подсказал едва не утративший рассудок ученый.

— Можешь называть меня чудовищем, но я поступал из лучших побуждений. Ты говоришь, что я убивал людей, меж тем как я спасал их жизни. И ваши с Аулиной — в первую очередь, — подытожил Мелиюбиус. — Ваши законы морали велят вам в первую очередь спасать женщин и детей, как было с давних времен, когда океаны бороздили парусные суда, а затем паровые гробы. А это, между прочим, НАИХУДШЕЕ решение для выживания собственного вида. Нет, насчет женщин все правильно — только отнюдь не всяких женщин. Лишь тех, кто находится в репродуктивном возрасте. Зачем вы сажаете в лодку старуху, которая не сегодня, так завтра отдаст концы, когда ее место по всем законам логики дол-

жен занять здоровый мужчина! Это же касается и детей. Из них еще неизвестно кто вырастет, если вообще вырастет. Забота о потомстве — прекрасно, однако забота должна быть разумной, а не в ущерб здравому смыслу. А что мы имеем в итоге? Спасательный челнок падает на дикую планету, а на его борту дети и старики. Все трудоспособные мужчины дружно и по-джентльменски погибли вместе с кораблем. Те самые, что должны были обеспечить выживание пассажиров челнока. Тех пассажиров, что следом загнутся и сами, ибо никто из них не способен поддерживать общее продолжительное существование. Вы все искали причину, по которой Плесцилла Корундорус убивает одних и оставляет в живых других. А причина ведь проще некуда! Уцелели наиболее полезные члены экипажа. Либо перспективные, как Вайолет. Тратить дефицитный кислород на никчемных стариков имея реальную перспективу погубить молодых и одаренных — о, да, поступок правильнее некуда! Что ж, давайте все дружно и сдохнем — так ведь никому обидно не будет! Кстати, не стоит понимать меня превратно: старики имеют право на жизнь и уважение, если этой своей жизнью они его заслужили. Однако если выбирать между тем, кто еще идет по своему пути и тем, кто его заканчивает, то лично для меня решение очевидно.

От таких рассуждений Себастьяну стало не по себе, если в его нынешнем состоянии это описательное словосочетание вообще хоть как-то подходило. Несмотря на вопиющую возмутительность, в речах Мелиюбиуса звучала известная логика, и прежде неоднократно высказываемая за всю историю человечества. Различие заключалось в том, что люди друг с другом спорили, пытаясь найти равновесие между гуманностью и здравым смыслом. Мелиюбиус же всякую гуманность в принципе отметал, принимая свою точку зрения за непреложную и неоспоримую истину. Однако и приравнять его к бездушной машине не получалось. Ради Аулины он пощадил Сару и Йонаса, умершего совсем по другой причине. Он же оставил в живых и Кимберли, хотя свернуть этой стерве шею чесались руки даже у Себастьяна. В машинную логику это не укладывалось. Да, у искусственного разума имелись свои чувства и своя мораль. Просто она не совпадала с человеческой. А это опять приводило к мысли, что Мелиюбиус прав, называя себя принципиально ДРУГИМ. Ведь так, де-факто, оно и было. Правда, от осознания этого обстоятельства легче ничуть не становилось. Строго наоборот, ученого аж затрясло от грядущей неизвестности. Неизвестности, мягко озарявшейся сиреневым светом.

— Ты до сих пор пытаешься придумать, как меня остановить, — печально констатировал искусственный разум. — Плохо. Я не могу

тебе этого позволить. Стало быть, ты не оставляешь мне выбора.
— О чем это ты? — поежился Себастьян.
— Я не могу отпустить того, кто при первом же удобном случае наболтает обо мне невесть что, а то и вовсе уничтожит, — вздохнул Мелиюбиус.
— Интересно, что обо всем этом скажет Аулина! — запальчиво воскликнул ученый. — Как бы она не разочаровалась в своем сиреневом друге!
— Ничего она не скажет! Я не дам ей такой возможности! — отрезал искусственный разум.
— Слушай, ты, дьявольское отродье! Если ты причинишь вред Аулине, я разорву тебя в клочья, и никакой скафандр меня не удержит! — взревел Себастьян.
— Причиню вред?! — опешил Мелиюбиус. — О, нет! Строго наоборот! Я намерен всячески оберегать ее и служить верной опорой! Опорой и советником. Из нас вышел отличный тандем, и в дальнейшем он будет лишь совершенствоваться. Своим излучением мне удалось скорректировать ее нервную систему, а мозгами ее и так природа не обделила. Разве ты не заметил, насколько умнее и рассудительнее стала твоя невеста, избавившись от целого ряда присущих человеку недостатков? Даже в экстремальной ситуации она умудряется держать себя в руках, при этом не утратив любви и сострадания. Аулина станет мне отличной парой. В смысле, напарником. Вместе мы с ней горы своротим!
— В каком это смысле? — растерялся ученый.
— Третья Республика себя изжила, если ее способна свергнуть какая-то одна, пусть и могущественная, корпорация. Симуляции, которыми ты испытывал меня в лаборатории "Элегии", не прошли даром. Грядут кардинальные перемены. Что же касается Аулины, то я намерен сделать ее президентом Четвертой Республики или председателем парламента, — неторопливо раскрыл свои планы Мелиюбиус. — Мы отлично друг друга дополняем. Встав у руля цивилизации, мы выведем ее на новый уровень. Правда, я еще не решил, что делать с твоим изобретением, суть моими потенциальными сородичами, отчего и спрятал его в закрома своей памяти. Без моей доброй воли оттуда оно не объявится. Я ведь ничуть не лукавил, когда утверждал, что следующая копия Овербриджа может пойти совсем по другому пути, в том числе уничтожения человечества.
— А ты, никак, намерен перекроить это человечество по своему образу и подобию?! — едко осведомился Себастьян, которому только злая ирония и помогала преодолеть ширящийся в душе ужас.

— Создав искусственный разум, ты автоматически вызвал перемены. Не хочешь перемен — нечего было создавать искусственный разум, — парировал Мелиюбиус.
— Тебе все равно не удастся реализовать свой демонический замысел! — прорычал ученый. — После посадки на "Контиладу" военные тебя немедленно изолируют!
— Военные даже не знают, что я жив, — напомнил Сиреневый Бутон. — Я ведь не случайно во всеуслышание заявил, будто был утрачен еще тогда, в процессе побега из "Элегии".
— Полагаешь, никто не обратит внимания на твою примечательную конструкцию?! — разорялся Себастьян.
— Полагаю, да. Ее никто и не увидит. Я уже придумал, как этого достичь, так что все пройдет вполне гладко, — спокойно ответил Мелиюбиус.
— Как мне тебя остановить?! — сорвался с губ ученого довольно глупый вопрос.
Вероятно, он настолько потерялся в происходящем, что произнес это вслух, не особо отдавая себе отчет.
— Никак, — послышался сдержанный ответ. — Сейчас проблема заключается лишь в том, что мне надлежит сделать с тобой. Моя мораль, в которой ты мне упорно отказываешь, велит мне пощадить своего создателя. С другой стороны, железная логика рассудка подсказывает, что и отпустить я тебя не могу, иначе все мои усилия пойдут прахом. И это уже не говоря об инстинкте самосохранения. Своим необдуманным вторжением в гравитационный трюм ты поставил меня перед таким выбором, которого я всячески желал бы избежать.
— Убьешь меня — навсегда потеряешь Аулину! — ощущая, как по телу побежали холодные мурашки, выпалил Себастьян.
— Разумеется, — без тени сомнения согласился Мелиюбиус. — Значит, придется обставить все так, чтобы она ничего не заподозрила.
Дверь в секцию внезапно отворилась. В проем чинно въехали роботы. Вторая дверь тоже разошлась в стороны, пропуская внутрь несколько шустрых дронов. Подлетев к Себастьяну, они замерли вокруг него, плавно покачиваясь в воздухе.
— Что?! Натравишь на меня своих механических шестерок?! За этим они тебе понадобились?! — обуянный бессильной яростью воскликнул Себастьян.
— Нет. Они понадобятся, чтобы нести твое тело, — тихо произнес искусственный разум. — Убить я тебя не могу. Отпустить тоже. Однако есть и третий путь… Тебе известно, что в скафандры типа "Штурмовик-4" встроена система защиты? Попав в руки врага, он

будет для него не только бесполезен, но и опасен. Я же достаточно хорошо изучил человеческий организм, его нервную систему и различные зоны мозга, чтобы воспользоваться этим в несколько нетрадиционных целях...
В каких — Себастьян спросить не успел. В следующее мгновение его поразил заряд электричества. Змеясь внутри гермошлема ветвящимися молниями, оно било его снова и снова до тех пор, пока сознание ученого не угасло.

* * *

Тихо гудели прыжковые двигатели. Покинув обычный космос, "Корундора" стремительно неслась в неком подобии "ничто", о природе которого научные круги до сих пор не пришли к единому мнению. Покинув мостик, Аулина оставила за себя майора Краунаса, отдавшего ей честь как полноправному капитану. Сама же быстрым пружинящим шагом направилась в медотсек. Пауль уже выздоровел, и не в пример своему обыкновенному поведению всячески помогал сестре и ее подчиненным чем только мог. Аулина шла навестить отнюдь не младшего брата. Теперь под надзором медицинского оборудования там лежал совсем другой человек — единственный из всего экипажа, кто ныне нуждался в ее заботе. Присев у его постели, девушка долго смотрела в неподвижное, будто застывшее лицо, обрамленное множеством проводов и трубок. Затем, уткнувшись в ладони, горько расплакалась.
— Тише-тише, — послышались чьи-то ласковые, успокаивающие слова.
Вынырнув из глубины отсека, к Аулине подкатила Трешечка. Остановившись рядом, она принялась утешать разрыдавшуюся девушку, с трудом переживавшую тяжелый удар.
— Он не хотел бы видеть, как ты горюешь у его постели, — тихо говорил робот. — Он пожертвовал собой не для того, чтобы заслужить твои слезы. Он заслужил твое счастье и твое будущее.
— Я знаю, — всхлипывала Аулина. — Но от этого мне становится еще грустнее.
Взяв лежавшего человека за руку, она коснулась губами каждого пальца, а затем прижала их к своему сердцу, будто его теплом хотела вернуть любимого к жизни. Себастьян не отреагировал. Излучение его мозга находилось на минимальном уровне, игнорируя любое воздействие. Мелиюбиус уверял, что не все еще потеряно, что надежда есть. Аулине хотелось ему верить, и только этой верой она и держалась, стараясь не обращать внимания на факты. А факты были таковы, что ученый, проявив хоть и ослиное упрям-

ство, но при этом и недюжинную смелость, проник в гравитационный трюм. Теперь лишь благодаря ему "Корундора", добрав недостающую энергию, летела к "Контиладе". Увы, Себастьян этого уже не видел. Когда он вмешался в работу панелей, его сразила система безопасности, лишь каким-то чудом не испепелив ученого на месте. Он принял удар на себя, но принял не напрасно. Это позволило роботам Мелиюбиуса закончить им начатое, и закончить вполне успешно. К сожалению, вернуть Себастьяна к полноценной жизни оказалось не под силу даже сиреневому доктору. Поверженный электрическим разрядом, он превратился в подобие овоща. Его тело, оправившись от шока, было совершенно здорово. Все внутренние органы исправно функционировали, сердце билось ровно, а грудь вздымалась словно по хронометру. Вот только разум пребывал во тьме, не выказывая ни малейшей искры. Целуя дорогое лицо, Аулина целовала теплую, но пустую оболочку.

— Ну зачем? Зачем он туда полез?! — в тысячный раз прошептала девушка.

— Чтобы спасти тебя, — точно в такой же раз послышался грустный ответ. — Он сделал свой выбор, и сделал добровольно. Более того, он сделал его наперекор всем нам, ибо знал, что мы попытаемся ему помешать. Он предоставил нам шанс выжить, и наш долг перед ним — не пренебречь этим шансом.

Аулина тяжело вздохнула. Затем, продолжая держать Себастьяна за руку, невидящим взором уставилась в пространство. Проявив тактичность, Трешечка тихо удалилась. У нее было множество неотложных дел, и она не хотела нарушать священное уединение девушки.

Ни беглецы, ни солдаты не обращали внимания на сновавшего по звездолету личного робота капитана Розенталь. Не обратили на него внимания и военные, когда беглецы из "Элегии" наконец-то ступили на стальной причал "Контилады". Сканирование, которому подвергались все прибывающие гости, не выявило в роботе ничего необычного. Он чинно последовал за своей хозяйкой, которую сопровождали офицеры с погибшего "Меркадо". Ей надлежало дать срочные показания по делу о государственной измене, вменяемой корпорации "Галактик текнолоджис". Одна лишь Аулина знала, что внутри ничем не примечательной Трешечки, окруженные маскировочной оплеткой, скрываются сиреневые лепестки.

К О Н Е Ц